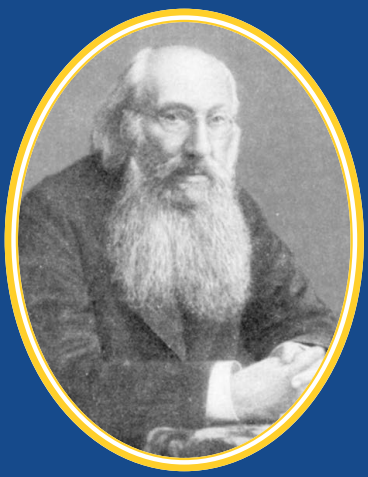
ВЛАДИМИР ЛАМАНСКИЙ



ГЕОПОЛИТИКА ПАНСЛАВИЗМА

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.

ВЛАДИМИР ЛАМАНСКИЙ

ГЕОПОЛИТИКА ПАНСЛАВИЗМА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 928 с.

В книге впервые после 1917 года публикуются главные произведения великого русского ученого — геополитика и идеолога панславизма, создателя исторической школы славистов Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914). Он первым в России высказал мысль о существовании единого славянского народа. Препятствием на пути общеславянского объединения считал Ламанский слабость интеллигенции славянских народов, а также неосознание Россией своего славянского призвания. По его мнению, русский язык может выполнить роль общеславянского языка. Говоря о необходимости объединения славян под эгидой России и о неизбежном противостоянии Западу, Ламанский выступал за мирное решение этих вопросов. «Миродержавная роль нашего славянского племени — не завоевание, а хозяйственно-культурный подъем страны».

ISBN 978-5-902725-65-7

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Иванович Ламанский родился 26 июня (здесь и в дальнейшем все даты приводятся по старому стилю) 1833 г. в Петербурге в семье директора Кредитной канцелярии Министерства финансов, впоследствии сенатора — Ивана Ивановича Ламанского. Мать — Вера Яковлевна, урожденная Малоземова, выпускница Смольного института, была очень умной и разносторонне образованной женщиной. В семье Ламанских было 9 детей: восемь сыновей и дочь. Владимир — пятый ребенок. Большинство его братьев стали видными учеными, общественными деятелями и крупными чиновниками: Яков Иванович — горным инженером, редактором «Горного журнала» и директором Технологического института; Евгений Иванович — известным финансистом и экономистом, директором Государственного банка; создавшим Общество Взаимного Кредита; Сергей Иванович — профессором Варшавского университета, а потом Медико-Хирургической академии в Петербурге, оставившим ряд ценных исследований по физике и физиологии; Константин Иванович — известным в свое время судебным следователем Петербурга.

Как и другие дети в семье, Владимир получил первоначальное образование под руководством своей матери, довольно рано выучившей его правильно читать, писать и говорить не только по-русски, но и по-французски. Начав затем учиться в частном пансионе, он был переведен в 3-й класс Первой Петербургской гимназии, которую закончил в 1850 г. с золотой медалью. Творческие задатки пробудились в нем очень рано. Семнадцати-

летним юношей Владимир Ламанский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где занимался в семинаре у профессора И. И. Срезневского.

Измаил Иванович Срезневский — знаменитый русский филолог-славист и историк, первый в России доктор славяно-русской филологии. Крупнейший знаток славянства, человек громадной научной энергии, завещавший всем «любить науку не в себе одном, а во всех ей преданных, везде и во всем, и теплить любовь эту в юношах». Очень рано познавший все тяготы жизни, много проживший среди простых людей, а затем изъездивший славянские земли вдоль и поперек, Измаил Иванович не был кабинетным ученым, рассматривавшим реалии жизни лишь умозрительно. Он «… был одним из центров, к которому сходились ученые силы России и славянских земель», — будет вспоминать об отце Всеволод Измайлович Срезневский[1]. Не по возрасту серьезный, чрезвычайно любознательный студент сразу же обратит внимание маститого профессора. Отныне Владимир Ламанский станет его любимым учеником. Срезневский убедит его заняться славяноведением.

Славяноведение, славистика — комплексная наука о славянстве, всесторонне изучающая славян в лингвистическом, этнологическом, археологическом и историческом, историко-литературном и фольклористическом, религиозном и других отношениях. В России начало серьезному научному изучению славянства было положено деятельностью В. М. Ломоносова, выступившего с критикой норманнской теории. В XVIII — начале XIX в. много сделали для становления отечественной славистики В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, А. Х. Востоков, К. Ф. Калайдович, А. С. Шишков, Н. П. Румянцев, М. Т. Каченовский и др. Значительное повышение общественного интереса к славянским вопросам в России и за рубежом в первой половине XIX в. и позднее стало последствием ее участия в войне с Наполеоном, когда многие мыслящие русские люди во время длительных военных походов непосредственно ознакомились с жизнью и бытом наших зарубежных соплеменников. Мощными факторами были и подъем

национально-освободительного движения южных и западных славян, вызвавший рост народного славянского самосознания, и стремление к сплочению славянских народов против общих врагов, а также буквально возраставший на глазах германский милитаризм в Европе с его исконной ненавистью к славянской культуре. Мировая журналистика все больше внимания в ту историческую эпоху начинает уделять различным славянским проблемам. В университетах Парижа, Вены, Лейпцига, Берлина, Бреславля, Будапешта и др. организуются кафедры славяноведения. В России славянские кафедры открываются в 30-е годы при Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском университетах по инициативе министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Тогда же было решено отправить в научные командировки в разные славянские земли целый ряд молодых русских ученых. Эта мера дала России таких крупных отечественных славистов, как О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович…

Уже спустя много лет, став известным ученым, Владимир Иванович Ламанский так будет вспоминать о своем научном выборе: «Если не считать четырех лет моего учения в университете, где с первого же, т. е. с 1850 г., я отдался изучению славянства под руководством незабвенного учителя Срезневского, то, смело могу сказать, с 1854 г. по настоящий день, в течение, значит, с лишком 32 лет, я не могу указать в моей жизни ни одного месяца, когда бы я не работал и не размышлял над славянщиной, не читал рукописей, документов, книг, журналов, газет славянских или иноязычных о славянах, не получал бы писем из того или другого края славянского, сам бы не писал туда или не виделся и не беседовал бы с кем-нибудь из славян… »[2]. Вместе с В. И. Ламанским у профессора И. И. Срезневского обучаются такие даровитые молодые люди, как А. Н. Пыпин, Д. Л. Мордовцев, П. А. Лавровский, В. Я. Стоюнин, Н. Г. Чернышевский. Позже будут охотно заниматься у И. И. Срезневского и любить с ним беседовать Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. Под руководством И. И. Срезневского В. И. Ламанский пишет выпускное сочинение «Рассуждение

о языке Русской Правды», удостоенное в 1854 г. серебряной медали, и получает кандидатский диплом. Позднее он даст такую характеристику своему первому учено-литературному труду: «Как ни слаба была моя работа, но для меня лично она была не бесполезна, заставив меня и сосредоточиться, и с тем вместе расширить круг моих прежних занятий. Она уяснила мне то великое значение, которое имеют для внутренней истории Древней Руси памятники славянской письменности и истории»[3]. В том же, 1854 г., появилась и первая опубликованная работа В. И. Ламанского — его критический отзыв о книге Амвросия Метлинского «Народные южнорусские песни»[4]. «Уже в этой небольшой статье автор выказал и большие свои познания, и широкий взгляд, и критическое чутье, являясь достойным учеником своего учителя, И. И. Срезневского», — будет писать один из биографов ученого К. Я. Грот[5].

После окончания Петербургского университета Владимир Иванович несколько месяцев служил в Петербургском губернском правлении, а в октябре 1855 г. перешел на службу в Императорскую Публичную библиотеку. Это не было случайным решением! Дело в том, что тогда уже наша знаменитая библиотека[6] являлась богатейшим хранилищем древнейших славянских рукописей, уникальных русских и зарубежных книг. «Служебные мои занятия в Публичной библиотеке, по отделению иностранных писателей о России, дали мне средства ближе ознакомиться с воззрениями западных европейцев на Россию, ее прошедшее, настоящее и будущее, — вспоминал Ламанский. — Я увидел, что в сознании романо-германского мира наша Русь неотделима от прочих народностей славянских, что славянский мир представляется ему как одно целое, имеющее свои особливые задачи, часто вовсе несогласные с его собственными видами. Проследив эти воззрения исторически, я заметил, что они порождены целой историей отношений народов романо-германских к нам, славянам»[7]. Именно тогда начинает складываться система взглядов русского мыслителя, так ярко потом проявившаяся в его ставших классикой научных трудах! Проработав в Императорской Публичной библиотеке

ровно два года, Владимир Ламанский, однако, был вынужден уволиться. Причина — случившийся неприятный инцидент, весьма характерный для понимания психологии и жизненной позиции этого человека. Дело в том, что директором библиотеки был в то время барон М. А. Корф. Остзейский характер барона, холодно-вежливый, брезгливый тон, которым Корф говорил со своими подчиненными, в частности, обращение к ним со словом «любезный…» возмущали молодого Ламанского — и в одну из суббот, когда Корф по заведенному порядку давал распоряжения подчиненным, молодой человек, не сдержавшись, сказал: «Барон Модест Андреевич, может быть, «main Bieber» и хорошо звучит по-немецки, но по-русски «любезный» если и говорят, то только лакеям»[8]. В этот же день Ламанский написал прошение об отставке, которую сразу же получил. В 1858 г. Владимир Иванович, по своему желанию, устраивается на службу в Государственный архив Министерства иностранных дел, на должность старшего архивариуса. Благодаря этому он получает доступ к массе почти неизученных исторических документов, особенно XVIII в. В 50-е и 60-е годы многие из этих документов, главным образом касающиеся истории России, были им научно откомментированы и опубликованы в различных специальных изданиях: «Чтениях в Императорском обществе Истории и Древностей Российских», сборнике «Восемнадцатый век», «Вестнике Императорского Русского Географического общества», «Русской беседе», «Журнале Министерства народного просвещения» и др. Уже с первых шагов своей научной и общественной деятельности Владимир Иванович проявил себя как убежденный сторонник национальных, народно-монархических устоев России и представитель славянофильского направления русской общественной мысли, впоследствии выдвинувший целую систему совершенно оригинальных и глубоких историко-философских построений…

В январе 1860 г. В. И. Ламанский публично защитил магистерскую диссертацию, замечательный по эрудиции, научной глубине и широте поставленных вопросов труд — «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». Не случайно эта работа

была удостоена престижной Демидовской премии Академии наук. До Ламанского вопрос о поселениях славян вне их родины, вне круга их естественного распространения, особенно в Малой Азии, Африке, Италии и Испании, был мало изучен. Важно и другое. В этом труде впервые достаточно четко прозвучали основные положения знаменитой историософской концепции В. И. Ламанского, развитые и детализированные им в последующих работах: «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864), «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1870), «Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI, XVII вв.» (1875), «Россия уже тем полезна славянам, что она существует» (1876) и других. Окончательно же в своем полном классическом виде концепция была изложена в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Как и замечательные произведения И. С. и К. С. Аксаковых, А. С. Хомякова, Н. П. Гилярова-Платонова, труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1871), этот трактат В. И. Ламанского — одно из крупнейших достижений русской славянофильской мысли. Его по праву считают «последним в XIX в.» крупным историософским трудом славянофильской направленности[9]. В основе теории Владимира Ивановича Ламанского — деление христианско-арийского человечества на сложившиеся исторически восточную и западную половины: мир романо-германский, латино-немецкий, католический и мир греко-славянский, восточнохристианский, своеобразие которых определяется совокупностью факторов (географических, этнографических, религиозных, общественных, культурных и др.). Это словно два океана, две стихии, неизбежное столкновение которых имеет всемирно-историческое значение. «История новой Европы должна различать две главные действующие группы народов — мир романо-германский и мир греко-славянский. Характеристические их особенности и несогласия впервые резко обозначились в IX в., в эпоху монархии Карла Великого и отпадения Рима от вселенского единства», — говорил он на защите своей магистерской диссертации[10]. Раз-

личие греко-славянского и романо-германского миров вытекает из многих сторон. Например, противоположность есть уже в географическом отношении: на греко-славянском востоке преобладает равнина и степь, материк господствует и преобладает над берегом, а вместе с тем и охранительно-консервативный характер жителей противоположен подвижному и беспокойному духу прибрежных жителей. В романо-германском мире, вследствие раздельности географических условий, гор и морей не могло сложиться одно великое государство, а развились системы шести стран и племен, по очереди стремившиеся к политическому господству. К числу особенностей греко-славянского мира по сравнению с романо-германским и к числу причин более медленного развития образования отнесено и преобладание села над городом, крестьян над буржуазией, общинного начала, старины и привязанности к обычаю над личным началом. Сельское население, земщина, крестьянство преобладают здесь и господствуют в политической, общественной и экономической жизни. С этим связан и государственный идеал верховной власти, строго отличающийся от государственных идеалов романо-германского мира. Самобытность греко-славянского мира во многом определяется нравственным идеалом восточно-христианской церкви, по большей части сохранившей чистоту христианских начал. И здесь большое значение имеют православное просветительство, принцип терпимости и свободы веры и мысли. Само православное учение глубоко несходно с учением латинян… История греко-славянского мира, по Ламанскому, отличается от истории мира романо-германского и тем, что с первых времен христианства у огромного большинства составляющих его племен языком культурным и дипломатическим был язык национальный. На Западе же долго вся семья романо-германского мира имела один общий, церковный, культурный и дипломатический язык — мертвый. Это хотя и содействовало успеху наук и более общему развитию образования у высших классов романо-германской Европы, но вредно отражалось на просвещении масс. В своей докторской диссертации «Об исто-

рическом изучении греко-славянского мира в Европе»[11] Владимир Иванович также подчеркивал следующее: «Столь же существенное и коренное отличие миров греко-славянского и романо-германского заключается в крайнем несходстве взаимных отношений между носителями начал общего и частного, единства и разнообразия, представителей сил центростремительной и центробежной. Романо-германские племена распадаются на пять больших исторических разновидностей: три романские (Франция, Италия, Испания) и две германские (Англия и Германия). Эти пять языков достигли более или менее значения всемирно-исторического. Довольно невидное положение современной литературы и образованности испанской выкупается ее славным прошедшим в XVI и XVII вв. и обширным современным распространением языка ее в Новом Свете. Голландский, шведский и датский языки, при всех похвальных усилиях и многих замечательных дарованиях их писателей, все-таки не могут иметь значения вне своих тесных родин… В греко-славянском мире рядом с русским народом находится несколько малых славянских народностей, из коих ни одна не восходит до 10 млн душ, а из иноплеменных самая многочисленная, румынская, не превышает 8 млн душ, и между этими малыми народностями есть народности старые, с богатыми некогда, более или менее самобытными культурами. В ряду их первое место, бесспорно, занимает народность греческая, затем армянская, грузинская… Но в настоящее время эти народности малочисленны, слабы политически и культурно… Народности чешская, польская, сербо-хорватская имеют обработанные литературные языки и в известной степени не бедные словесности, но вследствие разных неблагоприятных политических обстоятельств и также своей малочисленности эти народности поставлены в невыгоднейшее положение, чем мадьяры, румыны или греки. Языки польский, чешский, сербо-хорватский не могут с успехом бороться, первый против языков немецкого и русского, чешский против немецкого, сербо-хорватский против немецкого, итальянского и мадьярского. Несравненно еще невыгоднее положение языков болгарского, словинского, сло-

венского и сербо-лужицкого»[12]. И далее следует логический вывод автора: «Среди этого множества разных литературных и нелитературных, славянских и инородческих наречий, выступает в мире греко-славянском могущественный и богатый язык русский, господствующий, государственный язык мировой державы, прямой и единственный законный наследник древнеславянского письменного языка. В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский»[13]. Уже прошло много лет… Давно нет Российской империи. Перестал существовать и Советский Союз. Но как свежо, по-современному звучат и теперь эти слова русского мыслителя! Мысль об общелитературном, общеславянском значении русского языка как средстве сближения славянских народов Владимир Иванович будет настойчиво повторять во многих своих работах[14].

Опровергая германские шовинистические и другие зарубежные теории, а также высказывания наших доморощенных либералов о якобы свойственной славянским народам и России культурно-исторической и политической отсталости по сравнению с «цивилизованным Западом», В. И. Ламанский писал: «Великое различие между греко-славянским востоком и романо-германским западом заключается также в разности исторических возрастов славян, кельтов и германцев, этих главных действующих племен в средней и новой истории. Кельты и германцы целыми столетиями раньше славян выступили на историческое поприще или были увлечены в водоворот исторических событий, вошли в непосредственное соприкосновение с Грецией и Римом… Гораздо позже кельтов выступив на историческое поприще, германцы все-таки целыми веками предваряют славян. Еще ранее, чем с Цезаря, со II в. до Р. Х. начинаются постоянные непрерывные столкновения и

сообщения германцев с Римом… Историческая жизнь славянского племени начинается лишь с конца V и в начале VI в., и то только для значительного его меньшинства, для его южных и западных ветвей… Для огромного большинства славянских племен (Руси, Польши) истинная история настает уже со второй половины IX в. и даже позже. Таким образом, разность исторических возрастов есть один из важнейших признаков различия романо-германского и греко-славянского мира…»[15] Исходя из всего вышеизложенного, ученый формулирует следующий вывод: «Греко-славяне, по природе страны, своему этнографическому составу и религиозным началам составляют, по отношению к романо-германцам, совсем особый исторический организм или самобытный мир, от которого и без разности времени выступления их на историческом поприще нельзя бы было ожидать и требовать совершенно единовременного развития. Тем неуместнее такое требование при столь значительной, с лишком четырехвековой разности начальных годов их исторической деятельности. Понятно, что нередко всеми нами употребляемые выражения *медленное развитие России и прочих стран нашего мира сравнительно с миром романо-германским — Россия далеко отстала от Европы — Запад, далеко опередивший Россию,* если эти выражения лишены всякой научной строгости, отличаются крайней неточностью и свидетельствуют о неясности понятий»[16].

В трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) Владимир Иванович Ламанский подверг свою историософскую концепцию уже определенной корректировке. В теоретическую схему был включен третий мир — Азия: мир «дряхлой древности», не играющий особой роли на мировой арене. Россия, славянские и некоторые неславянские народы были объединены под названием «среднего мира»: «ненастоящей Европы и ненастоящей Азии». «Вступая в пределы этого среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается»[17].

Дальнейшее политическое и культурное развитие славянских народов Ламанский связывал с необходимостью осво-

бождения греко-славянского мира из-под влияния «чуждых стихий» и сближения всех славян с Россией, не утратившей в столкновениях с Западом своей самобытности. Говоря о России как о центре славянского сопротивления, сердцевине всего славянства, Владимир Иванович нисколько не унижал другие «малые» славянские народы, полагая и всегда подчеркивая, что Россия тоже во многом обязана им своим историческим существованием. Здесь он — достойный восприемник духовного наследия лучших представителей отечественного и зарубежного славяноведения, таких как Ян Коллар и Людовит Штур с их идеей духовной, культурной и политической взаимности всех славянских народов. Показательна в этом отношении его программная статья «Россия уже тем полезна славянам, что она существует» (1876)[18]. «Многим у нас, конечно, памятно изречение именитого русского дипломата: «Россия уже тем полезна славянам, что она существует»… Точно так же справедливо и другое обратное положение: «Южные и западные славяне уже тем полезны России, что они существуют». Действительно, русскому народу, обществу, государству турецкие, мадьярские, немецкие славяне полезны тем, что они не туречатся, не мадьярятся и не немечатся. И они тем полезнее России, чем они глубже проникнуты славянским самосознанием, чем крепче отстаивают свою свободу, чем с большей энергией борются с чужими, посягающими на их народную самобытность, стихиями. Без этих южных и западных славян Россия не была бы ныне тем, что она есть. И зачахни они в борьбе с турками, мадьярами и немцами, исчезни они с лица земли, Россия никогда не будет тем, чем она может и должна быть»[19]. Статью эту Владимир Иванович посвятил Ивану Сергеевичу Аксакову, творчество которого он очень любил… Считая, что основой гармоничного устройства общественной жизни всех славянских народов должно стать непременно православие, Ламанский, однако, всегда подчеркивал, что присоединение к православной вере может осуществляться только добровольно. Он терпимо, с должным уважением, относился к другим вероисповеданиям. Утверждение же русского языка как единого литературного

языка славян, по мнению ученого, не должно препятствовать свободному развитию других славянских языков.

С весны 1862 г. до осени 1864 г. Владимир Иванович предпринял свое первое ученое путешествие. Он пробыл главным образом в Австро-Венгрии и Сербии, посетил Италию, Сицилию, Мальту, Афины и Константинополь. Цель — изучение прошлого и настоящего славянских народов. Он долго и напряженно работает здесь в библиотеках и архивах, пытаясь найти фактические подтверждения своим теоретическим воззрениям на славянство, которое воспринимал как единый целостный организм. Здесь устанавливаются его тесные дружеские контакты со многими выдающимися учеными и общественными деятелями южного и западного славянства. И таких заграничных командировок будет в его жизни немало! Результатом этой длительной поездки был и выход первоклассных по научной важности публикаций: «Сербия и южнославянские провинции Австрии»[20], «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями»[21], «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях»[22]. По возвращении в Россию весной 1865 г. В. И. Ламанский избран доцентом Петербургского университета по кафедре славянской филологии. Начиналась его педагогическая деятельность, которая будет продолжаться тридцать пять лет…

В ходе второй заграничной научной командировки, в 1868 г., В. И. Ламанский изучает архивы Венеции. Удается отыскать много уникальных исторических документов. Позднее он опубликует их в книге «Государственные тайны Венеции» (СПб., 1884, на французском языке), представляющей собой сборник документов и исследований, служащих к объяснению тайных пружин внешнеполитической деятельности Венецианской Республики по отношению к грекам, славянам и Турции в XV—XVI столетиях. Характеризуя В. И. Ламанского как исследователя, русский славист К. Я. Грот писал: «Всегда и всюду, дома, на кафедре и во время своего многократного паломничества по городам и весям славянских и неславянских стран,

он не был только пытливым изыскателем, рывшимся в пыли архивов и собиравшим для своих изучений дробные факты и свидетельства старых актов и бытописаний: он был вместе с тем живым и тонким наблюдателем современной жизни народов, их племенных особенностей и политических отношений, с увлечением делившимся с окружающими его людьми науки и общества своими идеями, взглядами и выводами. Он не только до мелочей анализировал добытые им научные материалы и делал на основании их весьма важные специальные открытия, но он умел обнаружить в мертвых на вид памятниках голос минувшей жизни и ее духа, сближал отдаленное прошедшее с настоящим и своим замечательным творческим даром создавал смелые глубокомысленные построения»[23].

Увлеченность В. И. Ламанского проблемами славянства привела его в конце 50-х — 60-х годах к идейному сближению с видными представителями славянофильского лагеря: И. С. и К. С. Аксаковыми, Н. А. Поповым, Ю. Ф. Самариным, Ф. В. Чижовым, А. Ф. Гильфердингом, Ф. М. Достоевским, Ф. И. Тютчевым, Н. Н. Страховым и др. С ними у него установились теплые и дружеские контакты. Особенно же сблизился он с И. С. Аксаковым. И. С. Аксаков привлек Ламанского к сотрудничеству в «Русской беседе», в газетах «Парус», «День», «Москва», «Русь». Уже после смерти Ламанского его дочь О. В. Покровская опубликует в 1916—1917 гг. отрывки из их интересной обширной переписки[24]. Одновременно же с участием в славянофильской печати Владимир Иванович охотно и активно печатается в те годы в либеральных и даже радикально-демократических журналах и газетах. Дело в том, что в то время эти издания наиболее популярны и читаемы в России и так легче было донести до читателя проповедуемые идеи.

Ламанским много сделано для развития народного просвещения. В 1857 г. при содействии Н. Г. Чернышевского, с которым ученый тогда еще поддерживал довольно хорошие отношения, в журнале «Современник» появляется знаменитая статья В. И. Ламанского «О распространении знаний в России»[25]. Сразу же она становится заметным явлением в культурной жиз-

ни России тех далеких лет. Тогда и позднее ссылаться на эту статью и цитировать ее будут в нашей печати неоднократно… Проанализировав многие недостатки общественной жизни России, Владимир Иванович увидел корень этих «грустных явлений» в поверхностном усвоении нашим обществом западной образованности. И перед западниками, и перед славянофилами он выдвинул идею создания в Москве, по образцу славянских Матиц, Общества распространения знаний, с отделами: 1) физико-математических наук и 2) наук нравственных, причем второй отдел разделялся бы на разряды: 1) философский и 2) исторический, а этот последний — на классы: 1) о мире классическом, 2) о мире западном, 3) о мире восточноевропейском и 4) о мире восточноазиатском. В деле массового народного просвещения наиболее правильным он считал развитие двух разновидностей русской книжной литературы: общих научно-популярных обзоров-руководств (оригинальных и переводных) и переводов замечательных научных трудов Запада. Дополнительно к этому он предлагал начать широкое издание трудов выдающихся русских историков, текстов славяно-русских рукописей, книг иностранных путешественников и др. В 1859 г. в статье «Типографская библиотека в Москве»[26] Ламанский предложил организовать при библиотеке Московской синодальной типографии специальное общество, которое издавало бы для народа дешевые книги не только религиозно-нравственного, но и общеобразовательного характера (летописи, хрестоматии произведений писателей, учебники по русской истории, сельскому хозяйству, естествознанию). В 1867 г. в «Послесловии» к статье чешского ученого Иосифа Ербена «Заметка о славянских топографических названиях» В. И. Ламанский писал: «В настоящее время России, русской литературе открывается великое и блистательное поприще, сумей только она в пору понять свое призвание. Изданием, например, в свет подробного, обширного и роскошного творения, вроде полной Славянской энциклопедии, посвященной всему славянскому миру, совершенной с участием всех ученых славянских, или другими общеславянскими учеными предприятиями, Россия и может и

должна достойно занять принадлежащее ей по истории место в среде славянских народов. Такими только памятниками науки, посвященными славянскому делу и одушевленными идеей славянской, может и должен русский язык распространиться во всех отдаленных углах славянского мира»[27]. В «Послесловии» ученый настаивал на устройстве в России по возможности полных славянских библиотек и о создании в Императорской Публичной библиотеке, библиотеке Академии наук, библиотеках Петербургского университета и Генерального штаба специальных отделов славянских литератур. Как необходимое условие этому — предлагалось приступить к тщательной инвентаризации всей литературы о славянстве в крупных отечественных библиотеках. Только после подобного труда «можно и должно будет приступить к изданию в свет подробной и полной Славянской библиотеки, «Bibliotheca Slavica», которая бы обнимала весь мир Славянский вне России»[28].

1861 г. В июльском номере журнала «Современник» без подписи появляется статья «Национальная бестактность»[29], посвященная взаимоотношениям галицких русинов с украинцами и поляками. Ее автором был Н. Г. Чернышевский. В статье в самом развязном тоне галицким русинам было отказано в национальной самобытности, в праве иметь собственный язык и родную литературу. «Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяетесь от общей малорусской литературы? Одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния»[30]. Публикация эта до глубины души возмутила хорошо разбиравшегося в проблемах галицких русин В. И. Ламанского. Спустя несколько месяцев на страницах аксаковского «Дня» появляется его резкая отповедь[31]. Это означало полный разрыв с Н. Г. Чернышевским и его окружением.

Для В. И. Ламанского идеалом русского ученого-просветителя всегда был Михаил Васильевич Ломоносов. Он много сделал для изучения и популяризации жизни и наследия нашего гениального земляка. Был редактором академического

издания его сочинений, выступал за организацию всенародного Ломоносовского капитала в целях публикации русской оригинальной научной литературы, а в 1865 г. активно участвовал в подготовке и проведении торжеств по случаю юбилея М. В. Ломоносова. Ломоносову посвятит он целый ряд своих работ: «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк»[32], «Столетняя память М. В. Ломоносову»[33], «Ломоносов и Петербургская Академия наук»[34], «Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносове»[35] и др. В. И. Ламанский особо подчеркивал роль Ломоносова в борьбе с иностранным засильем в отечественной науке и утверждении русского литературного языка. В 1864 г. в статье «Столетняя память М. В. Ломоносову» он пишет: «Как помянули его следующие русские поколения, наши деды и отцы? Посмертные его бумаги, целые статьи и записки, небрежно растеряны. Русская литература поныне не имеет сколько-нибудь сносной его биографии и полной критической оценки всех его трудов, ни одного полного порядочного собрания его сочинений. И некоторые из сохранившихся почти вовсе неизвестны огромному большинству русских образованных людей, даже писателей. Сооружен ему памятник плохой и без всякой основательной причины — в Архангельске, где он иногда бывал, еще молодым парнем, по торговым и промышленным делам своего отца. Смело можно сказать, что не только ни одна большая, но и ни одна маленькая европейская словесность не представляет другого примера подобного равнодушия и невнимания, столь грешного пренебрежения к памяти своего родоначальника и образователя»[36]. В 1890 г. в статье «От редактора», посвященной памяти И. П. Минаева, Владимир Иванович, вновь обратившись к проблемам отечественного просвещения, будет горько сетовать о все еще слабом развитии истинного образования в русском обществе, где господствует «журнализм», о почти полном отсутствии литературы для народа, об отчужденности Академии наук от действительных просветительных нужд России[37].

После защиты в 1871 г. докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»

В. И. Ламанский становится экстраординарным, а с мая 1873 г. ординарным профессором кафедры славянской филологии Петербургского университета. Он читал большие курсы лекций по истории славянских народов и славянской филологии, этнографии и современному положению славянства. В 1872—1879 гг. Ламанский также возглавлял кафедры русского и церковнославянского языка и истории русской литературы в Петербургской Духовной академии, где преподавал и палеографию. В 1890—1900 гг. он читал курс лекций о современном положении славянских народов и в Военной академии Генштаба. Постепенно в университете вокруг В. И. Ламанского стал образовываться и расти кружок студентов, увлекшихся славянской темой. Безусловно, определенную роль во влечении молодежи к изучению славянского мира сыграли внешние события 1876—1878 гг. и общественный подъем в России, связанный с русско-турецкой войной. Но очень важно другое. Это личность самого профессора! Вот что пишет К. Я. Грот: «На университетской кафедре Владимир Иванович не был только авторитетным знатоком своего предмета и добросовестным лектором, читавшим своим слушателям все новые и основанные на новейших научных данных и выводах курсы: он был в лучшем и полном смысле профессор-учитель, всей душой отдававшийся делу руководства и всяческой поддержки своих молодых учеников и благотворно влиявший на них своим дружеским общением и обаянием всей своей личности… Владимир Иванович был не только в высшей степени доступен и прост в обращении с ними; он широко открывал перед ними не только двери своего дома, своего ученого арсенала и своих книжных богатств, но и все свое духовное существо, весь свой научный и умственный капитал, которым готов был щедро делиться с каждым своим учеником, охотно делился с ними и всеми своими заветными мыслями, думами, планами и мечтами»[38]. Для приема своих учеников и бесед с ними Владимир Иванович стал устраивать у себя дома вечерние собрания по субботам. На эти вечера стали приходить и авторитетные ученые, общественные деятели и писатели: Л. Н. Майков,

И. П. Минаев, барон В. Р. Розен, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский и др. Из этого кружка увлеченной студенческой молодежи и родится знаменитая «школа Ламанского» — одна из самых значительных в русском славяноведении XIX — начала XX в. школа славистов. Из них многие потом заняли славянские кафедры в русских университетах: Ф. И. Успенский — в Одессе, Т. Д. Флоринский — в Киве, Р. Ф. Брандт и М. И. Соколов — в Москве, А. С. Будилович, Ф. Ф. Зигель, К. Я. Грот — в Варшаве, И. С. Пальмов, П. А. Сырку и С. Л. Пташицкий — в Петербурге. Учениками В. И. Ламанского были и Н. В. Ястребов, Ф. М. Истомин, Ю. С. Анненков, Г. М. Князев, Г. А. Воскресенский, В. Э. Регель и др.

Как общественный деятель Владимир Иванович Ламанский был довольно яркой фигурой в славянском движении второй половины XIX в. Он — один из главных инициаторов и организаторов созыва Славянского съезда 1867 г. в Москве и Санкт-Петербурге, ставшего крупным политическим событием международной жизни того времени. Как вообще возникла идея организации такого съезда? В начале 60-х годов в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете утвердилась идея об организации Всероссийской Этнографической выставки, где были бы представлены все народы, населяющие Россию, и началась соответствующая подготовка… 23 октября 1865 г. В. И. Ламанский написал письмо профессору Московского университета Н. А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г.? Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве. Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд»[39]. Идея была сразу подхвачена Н. А. Поповым, сумевшим убедить членов выставочного комитета организовать славянский отдел выставки. Были разосланы соответствующие обращения выставочного комитета к зарубежным славянским научным и культурным обществам. Активное участие в устройстве выставки приняли В. И. Ламанский, Н. А. Попов, М. Ф. Раевский, М. П. Погодин, И. И. Срезневский, С. М. Соловьев, И. С. Акса-

ков, князь В. А. Черкасский и другие. Для подготовки же Славянского съезда в марте 1867 г. в Санкт-Петербурге создается специальный общественный Комитет по приему славянских гостей. По подсчетам М. Ю. Досталя[40], в Москву прибыло тогда свыше 80 славянских делегатов. Среди них такие известные деятели славянского движения, как Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, К. Я. Эрбен, А. Патера, Й. Коларж, Й. Суботич, Я. Шафарик, Л. Гай, Я. Смолар, Я. Ф. Головацкий, И. Н. Ливчак и др. Съезд начался в мае 1867 г. Главным же предсъездовским событием стала первая публикация трактата словацкого деятеля первой половины XIX в. Людевита Штура «Славянство и мир будущего», осуществленная В. И. Ламанским в собственном переводе[41]. Этому трактату суждено было сыграть большую роль в развитии славянского самосознания. Он оказал влияние на труды многих русских славянофилов. И по-пророчески звучат слова самого переводчика, сказанные в «Предисловии»: «Сочинение это с необычайной ясностью ставит и разбирает самые коренные и жгучие вопросы относительно всех славянских племен без изъятия. В истории так называемого панславизма оно займет по своему содержанию и изложению гораздо более почетное место, чем наделавшая в свое время столько шуму в средней Европе знаменитая брошюра родоначальника новейшего панславизма, словака же, Я. Коллара «О литературной взаимности славян» и пр.»[42].

В 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхивает национально-освободительное восстание. Ответом славянскому населению стала развязанная турками резня. По предложению Ламанского, в очень короткие сроки был составлен и издан сборник произведений русских писателей и ученых «Братская помочь…» (СПб., 1876), все средства от распространения которого пошли на помощь «пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Владимир Иванович активно участвовал в работе Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества с самого его основания. Здесь неоднократно раздавались эмоциональные выступления ученого в защиту интересов славянских народов, организовывался сбор помощи славянам.

В. И. Ламанский упорно боролся против иностранного засилья, и прежде всего немецкого, во всех областях нашей жизни — в русской науке, экономике, дипломатии, административном аппарате, системе образования. Он не уставал будить русское самосознание, раскрепощать русскую мысль. Большой резонанс в обществе, например, вызвали его выступления в защиту русского ученого Д. И. Менделеева, умело забаллотированного немецкой научной корпорацией при выборах в Академию наук в 1880 г.[43]. Еще с начала 60-х годов XIX в. предупреждал он русское общество о неизбежном глобальном военном столкновении германского милитаризма с Россией и другими славянскими народами.

С 80-х годов В. И. Ламанский сближается с русским журналистом и издателем А. С. Сувориным. И на страницах «Нового времени» стали регулярно появляться публицистические выступления ученого. Об особенностях его публицистического таланта позднее А. Коялович напишет: «Ламанский был прирожденный публицист, тип очень редкий у нас в России, где так много публицистов без серьезного научного багажа и так много ученых, не умеющих рассказывать о своих научных открытиях и изысканиях»[44].

Много сил отдавал ученый редакционно-издательской работе. С 1854 г. он участвует в редактировании «Вестника Русского Географического общества», в 1887—1888 гг. был редактором «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества». В 1890 г. Владимир Иванович основал и до 1910 г. редактировал журнал «Живая Старина», сумев объединить вокруг него как ученых-специалистов в области этнографии и фольклористики, так и местных краеведов-любителей. «Живая Старина» — один из лучших этнографических журналов Европы конца XIX — начала XX в. На страницах этого журнала Ламанский публикует составленную им «Программу для собирания сведений по этнографии»[45], до сих пор не утратившую своего научно-практического значения для всех занимающихся этнографией и краеведением. В 1890 г. ученым был разработан план организации Этнографического

музея императора Александра III. Под редакцией В. И. Ламанского вышло немало научных академических сборников по славяноведению, этнографии, вопросам русского языка и художественной литературы, а также изданий отдельных научных трудов. В. И. Ламанский участвовал и в подготовке к изданию многотомного справочника «Россия, полное географическое описание нашего Отечества» (СПб., 1899—1914).

В. И. Ламанский был почетным членом многих российских и иностранных научных обществ, университетов, академий. С 1854 г. он секретарь, а в 1865—1871, 1887—1910 гг. — председатель Этнографического отделения Русского Географического общества. В 1880 г. возглавил Историко-филологическое общество при Петербургском университете. С 1899 г. — академик Императорской Академии наук.

Последним крупным научным трудом В. И. Ламанского станет его трактат «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», впервые опубликованный в 1903—1904 гг. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения»[46], где он аргументированно доказывает, что «хазарская миссия» Кирилла и Мефодия была, в сущности, русской миссией и что славянские первоучители ехали с русскими посланцами (а не хазарскими), причем — с одним русином, хорошо знавшим по-славянски. Русские, по мнению Ламанского, первыми из славян начали пользоваться кириллицей.

Владимир Иванович Ламанский скончался 19 ноября 1914 г. в глубокой старости, на 82-м году жизни. Его последние годы были омрачены тяжелым недугом, из-за чего ученый был вынужден отойти от всех научных, педагогических и общественных дел[47]. В. И. Ламанский похоронен 22 ноября в Александро-Невской лавре. «Он был гуманистом и в своих идеях, и в своей жизни. Редкая доброта, гуманность, отзывчивость, готовность всегда поддержать всякое доброе начинание, всякий проблеск интереса к вопросам научным и политическим в духе его господствующих идей, заботы о материальном устройстве учеников делали из Владимира Ивановича

настоящего патриарха славяноведения и славянофильства, патриарха любвеобильного, добродушно-снисходительного, отечески наставительного, и я не знаю в настоящее время никого, кого бы сородичи славянофильства могли единогласием избрать на осиротевший стол старейшины русского славянофильства», — написал русский историк и филолог И. А. Линниченко[48]. Проститься с русским мыслителем пришли великий князь Константин Константинович Романов, общественные деятели, ученые, литераторы, многочисленные ученики и почитатели почившего. От лица зарубежных славян над могилой В. И. Ламанского чех иеромонах Маршельк сказал теплое прощальное слово…

Богатое духовное наследие академика В. И. Ламанского насчитывает около 500 научных работ, охватывающих широкий круг вопросов политической и культурной истории славянских народов, русского и славянских языков, литератур, истории культуры России XVIII—XIX вв., этнографии и др. К сожалению, многие работы В. И. Ламанского опубликованы в малочитаемых периодических изданиях и разбросаны по различным дореволюционным журналам и газетам. Не случайно, коснувшись 50-летнего юбилея научной деятельности В. И. Ламанского, «Славянские известия» еще в 1905 г. писали: «Замечательные статьи, гордость нашей литературы, тонут и затериваются в малоизвестных и малораспространенных периодических изданиях, в общественную массу не проникают вовсе и остаются ей совсем неизвестны, постепенно забываются и впоследствии, как библиографическая редкость, поступают в ведение и пользование одних специалистов или библиофилов. Такова судьба очень многих драгоценнейших произведений русской научной, национально-философской и общественной мысли минувшего века! Такова, к сожалению, в известной мере судьба и высокоинтересных работ и статей В. И. Ламанского, разбросанных по разным повременным изданиям 1850—1890 гг. Имя его пользуется почетной известностью не в одних ученых и литературных кругах нашего общества. Но многие ли из нашей интеллигенции ближе знакомы

с его трудами, с его прекрасными, некогда заставлявшими так много говорить о себе статьями исторического, критического, общественно-обличительного характера? Многие ли читают их? Ответ на это неутешителен»[49]. Некоторые крупные труды В. И. Ламанского выходили, правда, отдельными изданиями и даже переиздавались. Но, к сожалению, достаточно полного научного собрания сочинений выдающегося русского мыслителя до 1917 г. так и не успели издать. После революции труды В. И. Ламанского уже не переиздавались, хотя отдельные письма и документы, связанные с его жизнью и деятельностью все-таки в советское время иногда публиковались в научной печати.

В настоящий сборник включены произведения В. И. Ламанского, создававшиеся на протяжении всей его творческой жизни. Материал выявлялся путем изучения и просмотра газет «День», «Москва», «Русь», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», журналов «Русская беседа», «Современник», «Отечественные Записки», «Русский Вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» и других, с которыми сотрудничал ученый. Существенную помощь оказал указатель П. Д. Драганова «Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии»[50]. Использовались и дореволюционные отдельные издания трудов. При этом взятый за основу текст сверялся с источником первой публикации. В основу же распределения произведений в сборнике положен предметно-тематический принцип. В комментариях в конце сборника указываются первая публикация работы, источник текста, в необходимых случаях обстоятельства создания и другие сведения.

РАЗДЕЛ I.
ДВА МИРА: РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И ГРЕКО-СЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»

Милостивые государи! Позвольте мне попросить у вас несколько минут внимания. Вполне понимаю ваше любопытство и нетерпение услыхать моих ученых и даровитых оппонентов. Постараюсь в самом сжатом очерке изложить ход моих прежних занятий вообще, главнейшие выводы, к которым они привели меня, соображения, побудившие меня избрать этот предмет для моего сочинения, наконец те основания, руководствуясь которыми, я считаю мой труд не лишним и не бесполезным, почему и решился его представить в историко-филологический факультет для получения степени магистра славянской словесности.

Этим очерком, надеюсь, большинство здесь присутствующих и не читавших моей книги, так сказать, ввести в открывающийся диспут и доставить им возможность с большим интересом прослушать замечания моих ученых критиков, а быть может, и те возражения, которые сочту долгом сделать в случае моего несогласия с ними. Уже более года, как окончил я мое рассуждение.

Взгляды, которых держусь и не скрою в моем вступлении, должны иметь влияние на мою последующую деятельность.

Уверен, что мои оппоненты не откажутся и на них обратить свое внимание. Их опытность заставляет меня ожидать от них много для меня полезного и наставительного.

Славянский мир, его прошедшее и настоящее, с самого поступления моего в университет, с 1850 г. поныне, составляет постоянный и любимейший предмет моих занятий. Первоначально обратился я к изучению славянских наречий чисто в лингвистическом отношении. Язык, как живой организм, был для меня не средством, а целью. Советы и указания почтенного профессора, известного славяниста, обратили меня к отчетливому и внимательному обследованию древнейших памятников славянской письменности. Труды Гумбольдта, Я. Гримма, Востокова, Шафарика и их школы, были главнейшими моими пособиями и образцами. Историческое изучение языка вскоре раскрыло мне всю важность живых наречий и народной словесности как неистощимой руды для объяснения народного быта и живых народных особенностей.

Первый мой учено-литературный труд был посвящен разбору Русской Правды с двоякой точки зрения: как памятника древнего народного языка и русского обычного права. Как ни слаба была моя работа, но для меня лично она была не бесполезна, заставив меня и сосредоточиться, и с тем вместе расширить круг моих прежних занятий. Она уяснила мне то великое значение, которое имеют для внутренней истории Древней Руси памятники славянской письменности и истории. Труды Я. Гримма, Вильды, Лелевеля, Мацеевского, Палацкого, Эверса и их последователей были главнейшими моими пособиями при изучении древнейших памятников славянского законодательства. Обычное право славянское заняло меня чрезвычайно и по выходе моем из университета; по указанию же уважаемого профессора я решился заняться исследованием сербского Законника Степана Душана. В то же время я не покидал и моих филологических занятий, которые, по выходе моем из университета, посвящены были мелочному, но необходимому разбору древнейших славянских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке и в Румянцевском музее. При этих изысканиях я собрал материалы, которыми еще надеюсь воспользоваться в дальнейших моих трудах.

Занятия же сербским Законником шли своим чередом. Для ясного его уразумения мне нужно было ближе ознакомиться с церковной и гражданской историей Сербии. Я предался тогда чтению хронографов, византийцев, летописей пап, постоянно стремившихся привлечь к унии и сербов, и болгар. Желание обследовать предмет полнее, неимение под руками многих важных неизданных памятников сербской гражданской письменности, мое незнакомство с современным народным бытом сербов, полученное мною сведение о давно приготовляемом к печати превосходном труде молодого славяниста, г. Майкова, — все эти обстоятельства отклонили меня от первоначально задуманной мысли — написать особую монографию о Стефане Душане и его Законнике. Приуготовительные работы по этому предмету при помощи моих прежних занятий позволили мне подглядеть ту основную идею и те связующие начала, которые как бы сплачивают в одно целое историю болгар, сербов и хорватов и историю русского народа до такой степени, что многие явления нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны без знакомства с бытом наших южных соплеменников, и некоторые более или менее знаменательные события нашей истории имеют поразительную аналогию и сходство с таковыми же событиями их истории. Прямо явная связь южнославянской истории с историей Венгрии, а ее — с историей Чехии и Польши, этой же последней — с историей России, те особые отношения, в которых издавна находились эти страны к миру греческому, — все эти данные заставили меня, вслед за другими, признать в истории новой Европы особую действующую группу народов, отличающуюся, подобно другой европейской группе романо-германской, своим особливым характером, своим замечательным прошедшим, твердой, неколебимой верой в свое великое будущее, несмотря на все тягости настоящего.

Мне стало ясно, что история греко-славянского мира должна пополнить значительный пробел в истории нового человечества. Изучение трудов Шафарика, Палацкого, Лелевеля, Лукашевича, Красинского, Мацеевского, вообще ближайшее ознакомление с историей и литературой Чехии и Польши по памятникам и ис-

точникам в связи с моими прежними занятиями убедили меня в полной истине того положения, которое уже не раз высказывалось с большей или меньшей определительностью. Это положение я позволю себе выразить следующим образом: народы славянские, южные, западные, в силу единоплеменности и сходства своих языков, в течение всей своей исторической жизни не могли совершенно утратить памяти о своем общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства, — постоянно находились в более или менее близких сношениях. Характер же этих взаимных сношений определялся их внутренним бытом: чем более подпадал он чужеземному влиянию, чем менее оставался он верен своим коренным народным стихиям, тем скорее утрачивали они сознание своего единства, тем заметнее ослабевали их первоначальные связи, тем враждебнее становились их взаимные столкновения. Пока неприязненные стихии действовали врозь, славяне не сознавали потребности во взаимных союзах. Когда же им явно стала угрожать общая опасность, устроить союз было уже поздно: государства славянские до того проникли чужеземными элементами, что уже вовсе не годились на потребы славянские... и массы народные не спасли своих государств с их ложной образованностью, а более или менее равнодушно отдались в неволю азиатам и немцам. Славянский мир до того подчинился чуждым стихиям — азиатской и византийской и римско-немецкой, что в XVIII в. можно было думать, что начался процесс разложения славянских народностей... Из среды славянского мира заметно выделялся один русский народ. Девственная почва страны, лишенной всяких памятников высшей образованности, обширность занятых им под себя земель, крепкая его привязанность к старине и к отцовским преданиям с вечным, неудержимым стремлением «новых землиц отыскивать» и «пустую землю в живущую полнити» — рано развили в нем мужественное терпение и переносливость, сметливую находчивость, дерзкую решимость и отвагу, с хладнокровным благоразумием и умением прилаживать к себе все новое, усваивать, ассимилировать все чужое. На русском народе пришлось оборваться самым заветным стремлениям исконных противни-

ков славянского мира. Все чуждые стихии, влиявшие на южных и западных славян, проникли и к нам, и поныне влияют на нас, с той, впрочем, разницей, что каждая порознь и все вместе не только ослабляют друг друга, но и невольно подчиняются нашей основной народной стихии, славянской, — если не всегда служат русскому знамени, то зато всегда выдвигают его вперед для прикрытия своих частных и корыстных целей. Русский народ не только вынес все суровые испытания своих южных и западных соплеменников, но и совершил поворот в истории славянского мира. Как принцип и идею, он заставил признать славянскую личность. И теперь всем ясно становится, что без его содействия и участия невозможно освобождение остального славянства, что весь славянский вопрос сводится к вопросу освобождения русского крестьянства от крепостного права.

Такой вывод привел меня к исследованиям, которые, в свою очередь, все более его подтверждают. Я стал собирать материалы по истории отношений русского народа к его соплеменникам, и, несмотря на кратковременность моих занятий и на огромность материала, подлежащего рассмотрению, я и теперь уже пришел ко многим любопытным соображениям, убеждающим меня, что я стал трудиться не на бесплодной почве.

Служебные мои занятия в Публичной библиотеке, по отделению иностранных писателей о России, дали мне средства ближе ознакомиться с воззрениями западных европейцев на Россию, ее прошедшее, настоящее и будущее. Я увидел, что в сознании романо-германского мира наша Русь неотделима от прочих народностей славянских, что славянский мир представляется ему как одно целое, имеющее свои особливые задачи, часто вовсе несогласные с его собственными видами. Проследив эти воззрения исторически, я заметил, что они порождены целой историей отношений народов романо-германских к нам, славянам. Мне представился тогда длинный, бесконечный ряд вопросов, неодинаково общезанимательных, но чрезвычайно важных в своей совокупности, вопросов об отношениях греко-славянского мира к романо-германскому и к прочим племенам и народностям. Исполненный мысли о важности этих вопросов, я приступил к рассмотрению

доступного мне материала по истории отношений народов славянских к грекам, к арабам, к Германии, к Италии, Испании и Англии и вскоре заметил, что все эти многочисленные и разнообразные вопросы остаются вовсе неразработанными, тогда как мне казалось, что это наше родное, кровное дело, приняться за которое нас обязывает наше историческое призвание.

Такие соображений побудили меня посвятить особое сочинение истории отношений славян к Малой Азии, к арабам и к испанцам.

Спеша к заключению, я позволяю себе, милостивые государи, обратить ваше внимание на мой последний тезис. Строго логически вытекая из всех моих прежних трудов, мысль, в нем выраженная, одушевляет все мое рассуждение.

Современное поступательное движение России всего лучше определить высвобождением ее основной народной стихии, славянской, из-под влияния ей чуждых стихий. Какие бы грозные тучи ни собирались на нашем небосклоне, но окончательное ее торжество несомненно. Оно же неразлучно с примирением и сближением русского народа с другими народами славянскими. Эти же явления, немыслимые без умственного и литературного общения нашего с ними, обозначатся распространением в России знакомства с языками и литературами славянскими, вступлением русского искусства и русской литературы в новый, высший период своего развития, в период славянский, когда они станут общим достоянием народа, чистым выражением народного духа... Мы, русские, должны пройти эти фазы, если только справедливо, что земля наша переживет нынешнее переходное время. Верной же тому порукой служит замечательное умственное движение нашего общества, начинающего все сильнее выражать стремление к сочувственному сближению с народом, все выше ценить народную жизнь во всех ее разнообразных проявлениях. Но однажды утраченная органическая связь с народом не иначе может быть восстановлена, как путем живого изучения народа и его характеристических особенностей. Таким образом, русская этнография и история приобретают для нас величайшую важность, какой

прежде никогда не имели. Успехи наук неразрывны с успехами нашего самосознания, нашего общественного развития. А как при современных требованиях науки этнографическое и историческое изучение русской народности, строго говоря, невозможно без сравнительного изучения прочих народностей славянских; то и понятно, отчего умственное и литературное общение с южными и западными славянами есть одна из настоятельнейших потребностей нашей образованности.

Шафарик говорил одному немцу, желавшему выучиться по-славянски: изучите древний церковнославянский язык и одно из живых наречий, и вы будете иметь ключ ко всем славянским языкам. Это совершенно справедливо, и не только с точки зрения ученого, которому может казаться легким то, что другим тяжело. Не знаю, как ведется теперь, но в мое время, в гимназии, преподаватели русской словесности не старались ознакомить учеников своих с малороссийским наречием, между тем как оно необходимо для общего образования. Так, например, без знания малороссийских дум и песен нельзя понимать одного из крупных явлений нашей исторической жизни — южнорусского казачества, замечательных произведений нашей словесности — ни Слова о полку Игореве, ни лучших созданий Гоголя. Непременно, кажется, следует знакомить учеников наших средних учебных заведений и с лучшими малороссийскими произведениями Основьяненки, Гулака, Шевченки, М. Вовчка и др., ибо они будут содействовать и развитию эстетического чувства, и ближайшему ознакомлению с бытом и с характеристическими особенностями южной Руси. При современном же методе сравнительного изучения 14—15-летний юноша, знакомый с языком церковнославянским и русским, в его историческом развитии и в наречиях под руководством учителя, в самое короткое время и без особенных усилий может выучиться трем другим славянским языкам — сербскому, чешскому и польскому.

Не стану распространяться о высоких красотах сербской и древней чешской народной поэзии, гениальных созданий Мицкевича, умолчу даже и о том благотворном влиянии, какое могут и должны иметь народные славянские песни и про-

изведения славянских поэтов на эстетическое и на нравственное образование русского юношества; замечу только, что я сам лично знаю многих весьма образованных наших соотечественников, которые или незнакомы ни с теми, ни с другими, или же читали их только во французских переводах, тогда как русскому выучиться по-французски несравненно труднее, нежели по-сербски, чешски и польски.

Впрочем, такие явления не более странны, чем наши географические и исторические учебники с их чудным правописанием местных и собственных имен славянских, с их забавным, простодушным до глупости, незнанием греко-славянского мира. Впрочем, можно надеяться, что нам вскоре уяснятся все эти странности нашего воспитания и лет через тридцать на него все станут глядеть так, как глядят теперь на русское воспитание прошлого и начала нынешнего столетия, на господствовавшие в нашем *шляхетстве* убеждения относительно русского языка, русского народа, с его обыкновенными тогда эпитетами: *черный, подлый* и проч. В некоторых наших университетах уже не раз заявлялась необходимость образования особой кафедры по истории славянского права. Но для того, чтобы преподавание этого, действительно важного для русских юристов, предмета могло бы принести желаемую пользу, необходимо предварительно приготовить наших студентов к такого рода лекциям: надобно, чтобы наши юноши поступали в университеты с иными, нежели теперь, сведениями в славянской этнографии и истории*.

Вообще распространение в России знакомства с языками и литературами славянскими высоко подымет уровень нашей образованности, сообщит самостоятельность нашей литера-

* Против введения в наши гимназии и семинарии преподавания славянских языков можно говорить не иначе как утверждая, что это бесполезно, тяжело, обременительно — словом, излишняя трата сил и времени. Но так могут говорить только те, кто не имеет никакого понятия об обсуждаемом предмете. Для приобретения права быть судьей в известном деле, непременно надо прежде ознакомиться с ним. Во всяком случае крайне желательно, чтобы были печатно высказаны все возможные доводы против предложения о преподавании славянских языков и литератур. Особенно может быть важен в этом случае голос наших учителей и профессоров. Ни к каким вопросам этого рода они уже не могут относиться равнодушно и безразлично.

туре. Разъяснение вопроса о важности для нас умственного и литературного общения с южными и западными славянами составляет, по крайнему моему разумению, одну из существенных общих сторон моего рассуждения. Другой я осмеливаюсь считать жизненность поднятых мною вопросов, т. е. об отношениях славян к Малой Азии, к арабам, к испанцам и вообще к народам романским.

Отношения славян к германцам, в настоящее по крайности время, почти диаметрально противоположны их отношениям к народам романским. Вследствие исторического развития других европейских государств Германия для удержания своего первостепенного политического значения крайне нуждается теперь, кроме единства, в усилении своего флота, в увеличении своей морской береговой линии, на восток, на юг и на запад (Шлезвиг, Голштейн, Дунай, Триест и проч.), в устремлении своей колонизации не в Америку и в Австралию, где немецкие поселенцы скоро утрачивают свою народность и пропадают для Германии, а на юг и восток Европы, в смежные ей малонаселенные земли славянские. Эта потребность Германии и высказана с большей или меньшей определенностью во множестве книг, брошюр, журнальных и газетных статей, выражается в парламентских речах, в целом ряде административных мер, законодательных проектов. Известный немецкий экономист Рошер, написавший о немецкой колонизации особую книгу, считаемую в Германии классической, так, между прочим, выразил эту потребность Германии, развитую в ней ходом истории: «Наши поселенцы, отправляющиеся в Америку, Австралию, Алжир, совершенно пропадают для Германии: они становятся клиентами и производителями других стран, часто даже нашими соперниками и врагами. Дело пошло бы иначе, если бы направить поток немецкой колонизации к *немецким колониям,* которые, например, можно бы было завести в плодородных и малонаселенных равнинах Венгрии, в провинциях, принадлежащих Австрии и Пруссии, и наконец в турецких областях, которые волей Божией предопределены в наследие Германии. Таким образом, можно будет создать новую Германию, которая пре-

взойдет старую и в пространстве, и в богатстве, и в могуществе, и которая воздвигнет непреодолимый оплот против России и Польши». Ясно, кажется, что самые жизненные интересы влекут Германию к славянских народностей, к онемечению славян западных и южных. Если владения Габсбургов, называемые Австрией, дороги для Рима, ибо представляют широкое раздолье иезуитам и открывают полный простор влиянию папизма на народы православные не только Австрии, но и Турции, то столько же дорога Австрия, это Bruder land и северной протестантской Германии, как немецкая Украина и передовой полк немецкой колонизации. Распадение Австрии и образование на ее развалинах Славянской Федерации интересам папизма столь же противно, сколько и полное освобождение Италии; а Германии представляется такой опасностью, которую ей необходимо следует отвратить или в противном случае навсегда расстаться с заветными ее мечтами о Германском нижнем Дунае, о Триесте и о Германском флоте на Адриатике. Народы же романские существенными своими интересами поставлены совершенно в иное отношение к возрождению славян и ко всем благоприятным для них условиям. Для Италии, например, очень важно усиление Сербии, Черногории, перерождение Австрии из державы немецкой в союз славянский, ибо *Тедески* овладели Италией с помощью пап, с одной, и славян, т. е. чехов, хорватов, сербов, наконец русских, с другой стороны. Так называемый восточный вопрос соединяется с вопросом романским не только через Италию и Францию, но и через Испанию, которую Гибралтар связывает с островами Ионическими и которая в XVI—XVIII вв. не только состояла в самых тесных связях со славянами адриатическими, значительно усиливавшими ее флот, но и постоянно желала усиления Балтийского флота Польши, а потом России, которая, при нынешних путях сообщения, ближе к Испании, нежели за триста лет назад к Германии. Пробуждение греко-славянского мира и самобытное развитие его образованности встретит и уже встречает гораздо более сочувствия в народах российских, нежели германцев, и потому уже, что почти со времени реформации одни сильно поотстали

и решительно не могут думать, что иных, кроме их, путей не существует для развития разума и гражданских обществ; другие же, напротив того, с той поры действительно много сделали и легко могли впасть в гордость и самообольщение, мешающие им беспрестрастно смотреть на явления духовной и общественной жизни народов славянских. При современных отношениях славян к народам романским, имеющих еще более развиться и яснее обозначиться, для нас немаловажно изучение истории этих отношений. Рассмотрению части этой истории посвящен один отдел моего рассуждения.

Точно так же нельзя не признавать будущности и за вопросом об отношениях славян к арабам в Сирии. Одинаковость отношений православных славян и арабов к греческой иерархии и к Оттоманской Порте и может, и должно связывать их в один союз, от крепости которого зависит их окончательное освобождение от гнетущих их порядков. Развитие же южнославянских народов в Турции, русской образованности на Кавказе и русской торговли в Черном море составляет непременные условия будущего влияния и распространения славянской стихии в Малой Азии, которая открыта ее действию с трех сторон.

Вот, милостивые государи, в чем заключаются, по моему мнению, и жизненность поднятых мною вопросов, и существенные общие стороны моего труда. Специальное же его значение состоит в добросовестном и старательном пересмотре относящихся к делу данных, который привел меня к выводам, изложенным в моих положениях. Несмотря на все недостатки и промахи, объясняемые новостью предмета и неразлучные со всяким первым опытом, я все-таки осиливаюсь думать, что книга моя будет не бесполезна как в русской, так и в других славянских литературах.

ПОЛОЖЕНИЯ

1. История новой Европы должна различать две главные действующие группы народов — мир романо-германский и мир греко-славянский. Характеристические их особенности и

несогласия впервые резко обозначились в IX в., в эпоху монархии Карла В. и отпадения Рима от вселенского единства. Слабая обработка истории греко-славянского мира, оправдываемая, впрочем, многими обстоятельствами, составляет тем не менее важный недостаток современной исторической науки.

2. Задача истории, как науки, неисполнима без отчетливого изучения вопросов о значении каждого из племен и народов, самих по себе и во взаимном их влиянии друг на друга. Племенные и народные особенности выражаются и в жизни целых обществ, и в подвигах отдельных личностей. В силу физиологических законов, в исторической жизни немаловажное принимают участие взаимные народные симпатии и антипатии, племенные сочувствия и племенная вражда.

3. История славянского мира должна представить славян и в их внутренней народной жизни, и в их внешних отношениях к чужим племенам и народностям, так как историческая их деятельность проявляется и в их собственных, и в чужих землях, куда выселялись они вследствие различных причин как отдельными лицами, так и целыми массами.

4. По самому географическому положению Малая Азия издревле должна была принимать в себя стихию славянскую, которая в ней доселе не получила должного развития, сначала от преобладания греков, притеснявших славян и тем заставлявшие их переходить на сторону арабов во время их войн с Византией, а потом от господства турецкого, которое и поныне тяготеет над миллионами наших соплеменников и единоверцев.

5. Внимательное обследование исторических данных не позволяет — ни отрицать непрерывности в сношениях славян с М. Азией с VII в. по настоящую пору, ни назначать времени первого их ознакомления с этой страной, которое теряется в отдаленной древности. Если справедливо мнение о славянском происхождении венетов Пафлагонских, то в них следует видеть ту часть славян, которая при выселении всего племени в Европу осталась в Азии, своей прародине. Основательность же этого мнения опирается на критическом разборе достоверных данных.

6. Отношения славян к арабам и обратно вполне заслуживают внимательного изучения. Богатая арабская письменность должна содержать в себе значительный запас новых сведений и подробностей о внутренней и внешней жизни славянского племени, первые сношения которого с арабами завязались в М. Азии не позже половины VII в. Высокое мнение арабов о славянской воинственности и особенный склад их государственного быта побуждали их принимать и приглашать к себе на службу славян, которые в течение VII—XI вв. являются в их владениях в Азии, Африке и Испании в качестве беглых, охочих, вольных и гулящих земных людей (авантюристов и кондотьеров), а не только как рабы и военнопленные.

7. В исторические изыскания необходимо допускать метод аналогий и сравнений, почерпая их преимущественно из жизни народов соплеменных. При изучении истории отношений славян к арабам необходимо собирать и принимать во внимание все известия и данные касательно вольных и гулящих людей в землях славянских вообще и относительно значения славянской стихии в Средней Азии, в Порте Оттоманской, братских чешских рот в средней и восточной Европе XV в., морских дружин адриатических славян во флоте испанском в XVI—XVII вв. и проч. В стремлениях юго-восточных и юго-западных славян в М. Азию, в Африку и Испанию выразились их попытки к распространению своего влияния и к колонизации, которая, впрочем, удалась вполне только одним восточным славянам по тем же причинам, по которым из всех народов славянских один только русский смог и сумел сложиться в крепкое государственное тело.

8. История отношений адриатических и других славян к Испании, располагающая большим количеством богатых и наукой еще нетронутых материалов, составляет только часть истории отношений славян к народам романским, которые, подпавши исключительному влиянию Рима языческого и христианского, не могли совершенно обеспечить своей самостоятельности от германцев, возобладавших, с помощью Римской

иерархии, и над славянами, которых в то же время отвлекала беспрерывная борьба с завоевательными народами Азии. Эта же борьба славян весьма много содействовала свободному развитию западной образованности. Чехи (XV в.) первые выразили потребность славянского мира к устройству взаимных союзов и к сближению с народами романскими.

9. Падение славянских государств постоянно сопровождалось следующими внешними и внутренними явлениями: во-первых, утратой церковной самобытности, т. е. славянской иерархии и славянского богослужения, пробуждением вражды и распрей с соплеменниками, покорением чужеземцам — грекам, немцам и туркам; во-вторых, ослаблением общинного духа и быта, чужеземным образованием высшего сословия, его оторванностью от народа и его подчинением чуждым стихиям: византийской, немецкой и мусульманской, появлением особого среднего городского сословия с правами и привилегиями в ущерб селам и обеднением и разорением поселян, этих по преимуществу хранителей славянской народности.

10. Южные и западные славяне для успешного развития своих народностей имеют в настоящее время крайнюю необходимость в введении у себя в круг общего образования изучение русского языка и русской литературы, которая, в свою очередь, не прежде и не иначе достигнет значения всемирного, как по общем распространении в России знакомства с языками и литературами славянскими и по утверждении умственного и литературного общения с ее соплеменниками. Без основательного изучения их прошедшего и настоящего невозможны успехи нашего самосознания и столь для него необходимого критического разложения византийской и западной европейской образованности. Распространение русского языка вне проделов России, как одно из воздействий восточноевропейского мира на западный, последует, хотя и видоизмененными, согласно народному духу, и усовершенствованными современной наукой способами, теми же, однако, путями, какими проникало влияние романо-германского мира на греко-славянский.

Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе

I.

История (средняя и новая):

Also zwischen Ost und Westen
Sich bewegen sei's zum Besteu.
Göthe

Писатель замечательного критического дарования, занимающий в исторической науке весьма почтенное место, оказавший и славянской истории услуги незабвенные, хотя, быть может, и не заслуживает названия ни отца, ни вотчима русской истории, Август-Людвиг Шлецер* был едва ли не первый европейский ученый, который сознал неудовлетворительность так называемой новоевропейской, или средней и новой, истории. Он же обратил внимание на некоторую двойственность нашего материка в отношениях географическом, этнографическом и историческом. Взявши за граничную черту реки Эльбу и Дунай, Шлецер решился разделить европейски мир и его историю на южную, по ту, и на северную, по эту, стороны этих рек. «Такое деление, — говорит Шлецер, — имеет свою пользу и основание, во-первых, в хронологии, ибо тут именно кончался мир, известный древним, и, во-вторых, в этнографии, ибо на этом обширном пространстве, от устьев Травны почти непрерывно до устьев Дуная, жил народ одного племени — славя-

* Schlözer (Aug. Lud.). Oeffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. I. Fragment. Göttiagen. 1802. Его биография, написанная его сыном: Schlözer (Christ). Aug. Ludw. von Schlözer's Oeffentliches u. Privat-Leben... beschrieben von dessen älteslen Sohne. Leipzig. 1828. 2 Bde. 8. Статья А. Н. Попова «Шлецер. Рассуждение о русской историографии». (Моск. Сборник. 1847. С. 399—483) и статья С. М. Соловьева «Август Людвиг Шлецер» (Русск. Вестн. 1856. Февраль).

не, или венды, хотя с течением времени они переменили свои жилища, подвинулись далее на юг — за Дунай, и в Иллирии, Далмации, Хорватии, Боснии и пр. образовали государства, но на севере немцами были далеко оттеснены за Эльбу и даже истреблены. Эти славяне, бесспорно, народ северный. И как метода требовала рассматривать все ветви одного племени в совокупности, то поэтому не только Угрия, но и разные другие, более южные славянские земли, некогда независимые, а потом присоединенные к Угорскому, Турецкому и Венецианскому государствам, одинаково принадлежат к северной истории. Хотя в этих странах воздух и климат южные, но жители их северяне, и обстоятельства их жизни более связаны с северной, чем с южной европейской историей; из подобных же причин отчасти очень северная Британия остается в отделе южной истории. Вообще все распределение касается только *методы,* а не самой *истории.* Каждая метода имеет свои трудности; но какая-нибудь метода должна же быть, и в разных местах моего сочинения я привожу в ее пользу не столько причины внутренней необходимости, сколько удобства ее».

«Еще относительно определения объема северной истории решился я на одно нововведение, облегченное мне новейшими открытиями русских и французских ученых: я включил в нее Сибирь и азиатский север. Полнота системы требовала, по-моему, такого нововведения. Европейский север населен такими племенами, которые, как финны и самоеды, далеко простираются в Азии. В средние века он получил множество новых пришельцев из Азии, он испытал перевороты, ближайшие поводы или отдаленнейшие причины которых заключаются далеко вне границ его и отмечены в азиатских летописях. Иначе северная история оканчивалась бы Доном и Уралом, теперь же она простирается за Каспийское море до Монголии и пределов Китая. Еще много темного и неизвестного в этом соединении европейского и азиатского севера, но с благодарностью будем мы пользоваться сделанными уже открытиями, а дальнейшим их распространением подготовим наших современников к будущим, более глубоким изысканиям».

Такова основная мысль знаменитой Шлецеровской северной истории Nordische Gechichte. Halle. 1771*.

* Общий план, основная идея и 137 страниц из 618 всего сочинения принадлежат Шлецеру. Все прочее или перевод, или извлечения, сделанные Шлецером из сочинений датских и шведских ученых — Шенинга, Ире, Эрихсена, Сума, Штерпманна, Брокманна, Вармгольца, русских немцев — Байера, Стриттера и Фишера. Из этих 137 страниц собственно Шлецеровских только 30 посвящены славянам, именно 19 страниц — обзору историческому и 11 страниц — филологическо-этнографическому очерку. Шлецер говорит, что «славянская история огромного объема начинается в V в. и непрерывно продолжается до нашего времени, перекрещивает значительную часть прочей европейской и азиатской истории и по нынешней системе государств составляет самую занимательную часть северной истории. После арабов, господствовавших от Малакки до Лиссабона, я не знаю другого народа, который бы так далеко распространил свое могущество и свои колонии. От Дубровника (Рагузы) у Адриатического моря на север до моря Ледовитого, направо до Камчатки, в соседстве Японии, и налево до Балтики — везде находим славянские народы частью господствующими, частью служащими другим народам. Но их история мало известна. Еще недавно некоторые ученые не считали славян европейцами и выводили их из Понта и Кавказа. Эту обширную энциклопедию славянской истории можно объять одним взглядом, разделив ее на 7 классов: 1) русский, 2) польский, 3) чешский, 4) немецко-славянский, 5) иллирско-славянский, 6) угорско-славянский, 7) турецко-славянский. При этом весьма легко и поверхностно, даже для того времени, указывает Шлецер на главнейшие эпохи и особенности истории каждого из этих народов и затем перечисляет важнейшие источники и пособия. Это был труд очень полезный в свое время, обличающий в авторе человека умного, даровитого, образованного, критически требовательного. Но странно искать в этом труде какой-то гениальности, какого-то богатства новых мыслей и исследований. Автор обнаруживает знакомство, и то не совершенно полное, скорее с библиографией, чем с литературой предмета. По идее это труд не новый, так как давно уже и византийские, и арабские, и латинско-немецкие писатели неоднократно высказывали мысль и замечания, что славяне — самое распространенное племя в Европе, что они все очень близки по языку и обычаям. Германия издавна знала об этом, всегда этого опасалась и всячески старалась мешать объединению и даже взаимному общению славян. Еще в XVI в. *Крайнтц* в своей Вандалии и *Хитрей*, его продолжатель, представляли опыты славянской истории. В начале XVIII в. немецкий историк *Генрих граф фон Бюнау* очень толково и удачно воспользовался византийскими и немецкими летописями и изложил первоначальную историю славян до X в. Наконец огромный фолиант чеха *Иордана* De originibus Slavicis, 1745, великолепный труд Imperium Orientale, 1711, Дубровчанина *А. Бандури,* превосходные труды словака *Беля,* чеха *Добнера,* — не говоря уже о более старых трудах словинца *Герберштейна,* далматинца *Лучича,* словинца *Вальвасора,* хорватов *Врамича, Крижанича,* Поляка *Кромера* и мн. других славян, — слишком полновестно доказыва-

ют, что для славянского мира, для славянских ученых эти 19 страниц, из коих более чем на три придется одних выписок заглавий, эти собственно 16 страниц Шлецера, не лишенные ошибок хронологических и исторических (даже для того времени), недосмотров (Шлецер не упоминает Бандури, важнейших трудов М. Беля) и даже забавных промахов, например, он говорит *Slavonien-Slovenska zeme,* промах, обнаруживающий знатокам большое неведение. Из 11 страниц Шлецера о славянских наречиях только собственно 5 принадлежат Шлецеру, остальные словинцу *Поповичу,* этому гениальному самоучке, по меткому слову Шафарика. Правда, Шлецер сделал очень хорошие замечания на классификацию г. Поповича и затем предложил свой перечень наречий, не сопроводив его никакими филологическими признаками. Впрочем, он не мог этого сделать, ибо из всех славянских наречий знал только русский язык да учился по-польски, и то (особенно в 1771 г.) знал нехорошо, не понимал отличий древнерусского от древнеславянского языка. Надо заметить, что у славян некоторые ученые гораздо раньше Поповича предлагали классификацию славянских наречий, и некоторые из них, например, поляки *Гозиуш и Кромер* в XVI в., *Бандури* и *Ломоносов* в XVIII в., сделали несколько важных замечаний об их взаимных отношениях. Но Шлецер имел предшественников и между своими соотечественниками, особенно в *Колп и Фриш.* Сверх того, все славянские наречия, за исключением болгарского и словенского (словацкого), имели уже свои грамматики и словари. Правда, Шлецер перечисляет важнейшие из них, но этот библиографический указатель был только пополнен заглавиями нескольких сочинений, вышедших после Фриша и его предшественников. Так, у серболужичанина *Френцеля* есть также подобные указания. Этих замечаний, полагаем, достаточно для того, чтоб указать на национальное увлечение немцев, которые называли и называют Шлецерову северную историю сочинением, составляющим эпоху в славянской науке. Для немцев оно имеет очень важное значение, бесспорно, но не для скандинавов, ни тем более для славян. Точно так же, чтобы верно судить о значении шлецеровского Нестора в науке не русской, а славянской, надо помнить, что до выхода его славянская наука имела уже труды Бандури, Беля, Добнера, Антона, Дуриха и несколько превосходных исследований Пельцеля, Добровского, да и наша литература имела уже Болтина. Учиться критике могли славяне и без Шлецера. Вина русских, что они не знали ученых славянских, как часто и теперь не знают. В русской литературе поныне повторяется мнение о Шлецере, якобы он есть *отец славистики*. Наши писатели повторяли эту немецкую мысль отчасти и по неведению, отчасти из желания заслужить похвалы и одобрение Петербургской Академии наук, в которой кроме двух-трех специалистов никто Шлецера ни судить, ни понимать не мог, но все немецкое ее большинство твердо держалось канона, что *туземцы* (как называла обыкновенно Академия русских ученых), занимающиеся отечественной историей, должны непременно Шлецера считать отцом славистики, а *Русь* объяснять несуществующим шведским Rodsen. Два великана славянской науки, словак Шафарик и наш Карамзин, вот как судили о Несторе Шлецере, в котором, впрочем, есть много прекрасных, отрывочных, критических

Эта мысль Шлецера о двойственности европейской истории и его попытка представить деление ее имеют важное значение в истории науки и заслуживают глубокой признательности. Также очень удачна его мысль о невозможности отделить русскую Азию от европейской России; столь же верно и метко его замечание о необходимости рассматривать все славянские племена в совокупности, относя их всех вместе с Россией к одному отделу европейской истории. Но исполнение мысли Шлецера нельзя назвать особенно удачным. Предложенная им система северной и южной истории произвольная и искусственная, не свободна от ошибок и внутренних противоречий. Это, вероятно, и было причиной, что его основная мысль не достигла того признания в ученом мире, которого по истине заслуживала бы.

Совершенно несправедливо относит Шлецер южных и задунайских славян к народам северным, и крайне неверно его замечание о теснейшей связи их внешней и внутренней жизни с историей северной, чем с южной. Напротив, история Византии, Венеции, королевства Неаполитанского и потом Турции теснейшим образом связана с историей болгар, сербов, хорватов и словинцев. Соглашаемся с Шлецером, что понятия о севере и юге довольно условные и относительные и что для жителя Африки Средиземное море и все южные европейские полуострова представляются морем и странами северными. Но, однажды при-

замечаний. Карамзин писал А. И. Тургеневу в 1810 г. о Шлецере по поводу Нестора: «Для кого его труд? Для 7 или 8 любопытных. Да и пользы немного. Изъяснение и перевод также весьма плохи и часто смешны. Старик не знал хорошо ни языка летописей, ни их содержания далее Нестора, а выписки из иностранных летописей не новость для ученых». В другом письме к нему же: «Если бы я писал комментарии на ученые труды Шлецера, при всей моей почтительной к нему привязанности, я бы осмелился объяснить, почему Шлецер не всегда справедливо оценивает византийские источники. Шлецер пользовался только одними выписками из Стриттера и едва ли перебирал самих византийцев, подобно нашему неутомимому Кругу». Шафарик в одном месте своих Древностей выразился про Шлецера: «Ученый часто мелочный и недалекий во всем славянском». Дифирамбы Погодина и Шевырева… преувеличенные отзывы Соловьева о Шлецере происходили преимущественно из необращения ими должного внимания на ученые и критические труды скандинавских и славянских тружеников до Шлецера и даже его немецких предшественников.

знав, как делит Шлецер северную и южную Европу, нельзя уже без самых смешных натяжек причислять Британию и северную Германию к Европе южной, а Болгарию, Фракию, Македонию, Герцеговину и Далмацию к Европе северной. И неужели по своим темпераментам серб и хорват скорее северяне, чем англичанин и северный немец! И если такое деление оправдывается желанием не дробить историю славян как одного племени, то чем оправдать отделение скандинавов от северных немцев и англичан и причисление последних, вопреки очевидности, к народам южным. Ума по преимуществу аналитического, слабый даром обобщения, быть может, даже по природной наклонности немецкого ума к искусственным системам и построениям, Шлецер не сумел придумать для европейской истории деления более простого и естественного, чем на северную и южную историю. Но Шлецеру принадлежит заслуга выражения плодотворной мысли, всех последствий которой он сам мог не сознавать, она заключается в указании двойственности европейской истории, в определении одной из половин ее как преимущественно славянской и объяснение внутренней необходимости с одной стороны не отделять русской Азии от европейской России, а с другой — историю русского народа и государства рассматривать в связи с историей других славянских земель, южных и западных.

Удачнейшее и верное деление европейского христианского мира и его истории было впервые предложено, сколько мне известно, французами — Шарьером и С. Робером*. Все, что в произвольной и искусственной системе Шлецера было верного и меткого, все это сохранено в новом делении ее, а ошибка и внутренние противоречия правильно отстранены. Историческая наука получила систему простую и естественную, вполне соответствующую географическим, этнографическим и историче-

* У Шарьера встречаются замечательные по времени мысли о России и славянах (La politique de l'histoire par Ernest Charrière. Premiere partie. Histoire. Paris. MEDCCXLI)[1] …Замечательное по многим мыслям и заметкам, важным для политики и историка, сочинение Шарьера не свободно от множества ошибок и недостатков, забавных промахов и парадоксов. Тем не менее некоторые его мысли поражают своей тонкостью и меткостью. В разных местах он высказывает свои мнения о России, весьма любопытные.

ским признакам, действительно делящим европейский мир и его историю на две различный половины, но только не на северную и южную, а на восточную и западную. Эти две половины так важны и внутренне различны между собою, что справедливо называются двумя особыми, самостоятельными мирами. Мир западноевропейский называется миром романо-германским, или латино-немецким, иногда и католическо-протестантским. В противоположность ему мир восточноевропейский верно назван миром греко-славянским, восточнохристианским. Особенность исторических задач, раздельность, а иногда и совершенная противоположность их интересов еще яснее обличились с того времени, когда решительнее определился самобытный характер Северо-Американской республики и высказалась, при ее срединном положении между старой Европой и Россией, разность ее отношений к этим двум несхожим между собою мирам. Таким образом, Токквиль*, император Наполеон III, Лавалетт**, М. Шевалье во Франции***, Константин Франц**** и

---

* Токквиль (De la Dèmocratic en Amérique. Paris. 1864. T. II. P. 430—431)… Удивительно, что этому благородному и умному писателю не представлялась мысль, по-видимому, очень простая, именно, что крепостное состояние есть главное препятствие и задержка материального и духовного развития России.

** См.: известный циркуляр 4 (16) сент. 1866 г.

*** М. Шевалье (Rapports du Jury International publiés sous la direction de Michel Chevalier. Paris. 1868. T. I. P. DXV—XVI)… указывает… на необходимость для Европы образовать особую федерацию, о которой еще 25 лет назад уже говорил В. Кузен, и приводит знаменитые слова Наполеона I: «Dèsormais toute guerre européenne est une guerre civile». Впрочем, это dèsormais начинается не с Наполеона I, а с Аттилы или, по крайней мере, с папы Николая I или с Григория VII. С тех пор все вертикальные и горизонтальные столкновения внутри романо-германского мира всегда бывали войнами внутренними, междоусобными и, ослабляя Европу, были полезны России и вообще миру греко-славянскому.

**** Константин Франц (Untersuchungen über d. Europ. Gleichgewicht. Berlin, 1869. S. 78 и сл.): «Трудно себе представить два государства, более подходящие по природе друг другу, чем Россия и Америка. Оба имеют свое территориальное основание не в одной *стране,* по примеру западно-европейских государств, а в особых *частях света,* и эти части света отделены морем и так между собой расположены, что между ними нет никакого естественного соперничества. Россия преимущественно военная, Соединенные Штаты

Ю. Фребель* в Германии, рядом метких указаний, более или меркантильны, она обращена на Старый Свет, те — на Новый: так они могут прожить столетия, не ссорясь. Противоположность политического устройства их не разделяет, но, скорее, привлекает, так как чистая автократия есть только противоположность чистой демократии. Эти естественные симпатии уже, несомненно, выразились во время восточной войны. И что им помешает еще более усилиться? Но если они возрастут и приведут со временем к действительному союзу, то положение России относительно Европы совершенно переменится. Северная Америка быстро подвигается вперед. Скоро она станет державой, могущей представить противовес Англии, и по всей вероятности не в далеком будущем сделается первой морской державой, ибо военный флот скоро и легко развивается, когда есть большой торговый. Уже и теперь в мореплавании сев.-американцы почти превзошли англичан. Они ввели пароходство и клипперы, они плавают скорее, моряки они самые смелые. К чему им теперь содержать большой военный флот? Когда он им понадобится, то он явится у них, как по волшебному мановению, и море закипит их каперами, как рыбами. Если Россия, наученная восточной войной, отстранится на время от европейских дел и удовольствуется наблюдением за междоусобиями и взаимным ослаблением европейских государств; если она утвердится в том воззрении, что, природой предназначенная быть мировой державой, она должна обращать свое внимание более на вопросы мировые, чем европейские, и для решения этих вопросов станет искать себе союзника в Северной Америке, и если наконец подобный союз состоится, быть может, через десять или даже через двадцать лет, может ли тогда быть речь об европейском равновесии, даже если б в Европе ничего не изменилось? И Россия, соединившись с Америкой, не освободит ли себя от тех соображений, которые поныне ее сдерживают относительно Европы?»

* Ю. Фребель (Amerika, Europe u. die politische Gesichlspuukte d. Gegenwart Berlin. 1859. S. 1—2): «С самостоятельностью Америки и возрастающим могуществом и значением Соединенных Штатов в делах политического равновесия мира произошел такой переворот, к которому большинство даже умнейших европейцев относятся бессмысленно. К Западной Европе, к Европе культурно-исторической — за несколько, правда, времени до указанного исторического события — пристала постепенно растущая русская держава и совершенно стерла проведенную географами политическую границу между Европой и Азией. Но сама у себя дома в Восточной Европе и политически вмешиваясь в дела Европейского Запада, Россия, даже со своими азиатскими владениями, должна была представляться в виде нароста или придатка европейского мира, не выступала с значением особенного, противоположного ему, типа, — пока в Соединенных Американских Штатах не раскрылся противоположный полюс нового и более общего порядка вещей. Только с сопоставлением этой поддержки Нового Света культурно-географическое положение России в образованном человечестве нашло свой смысл, и восточная война, положившая предел вмешательству русской политики во внутренние дела остальной Европы и обратившая Россию на самое себя, вполне объяснила это значение. С той поры Западная Ев-

менее глубоких и тонких замечаний успели в новейшее время выяснить до очевидной ясности и осязательности то положение, что нынешнее европейское или арийско-христианское человечество, господствующее на обоих полушариях и, можно сказать, заправляющее судьбами мира, распадается на три самостоятельные разнородные группы: 1) Западную Европу, или Европейский Запад, или романо-германский мир Старого Све-

---

ропа, которой в течение долгого культурного периода ограничивалась государственная система европейских наций, стала лишь средним членом великой политической триады, в которую начал складываться образованный мир. С этим вместе каждое европейское государство отдельно изменило свое положение... Россия понимает Америку беспристрастнее и свободнее, чем западноевропейские нации, и если суждения англичан о делах Нового Света редко бывают совершенно объективны, то все-таки некоторая, понятная, впрочем, субъективность не так же их помрачает, чтобы они вовсе не признавали великого всемирно-исторического явления... Поглощение Соединенными Штатами слабейших республик Центральной и Южной Америки, — заметила недавно газета «Таймс», — не заставит себя долго ждать, а один британский министр (лорд Станлей) недавно выразил убеждение, что менее чем через сто лет Россия и Северная Америка будут самыми могущественными державами в мире. Что в политике признается делом близко предстоящим, то уже в известной степени действительно существует, ибо точно опознанное будущее помогает определению сил настоящего, и английский государственный человек, выражая свое убеждение в будущности России и Америки, делает указание настоящей политике и объясняет необходимость тесного союза западных европейских держав (§ 12). Между обеими политическими крайностями (самодержавием и республикой) существует симпатия, которая заключается в некоторых общих характеристических признаках, в некотором сходстве положения, в общих интересах и направлениях силы. Одинаковая юность — хотя и в неравной степени, сходное естественное положение в громадной, по большей части еще дикой стране, занятой сходным процессом постепенных открытий, колонизаций и покорением грубых племен, — такое же соседство слабейших и распадающихся государств, такое же соперничество с Европейским Западом, образовали в общих нациях сходный реалистический смысл, одинаково беспокойную страсть к переселениям, одинаковую наклонность к политическому распространению, ту же историческую положительность, тоже сознание на силе основанного права господства над другими и общей великой и блестящей будущности (с. 57—58)… *Внешне* понимаемое «несомненное призвание» англо-американцев и великое будущее славян обозначают дальнейшее распространение и господство над истощенными нациями, и образование с одной и с другой сторон новой культурно-исторической мировой державы. Для России так же, как и для Соединенных Штатов, сознание силы возвышается близким зрелищем слабости и упадка (с. 60—61)».

та; 2) Россию и вообще мир греко-славянский и 3) Северную Америку, или вообще романо-германский мир Нового Света. У нас в России о внутренних отличиях и особенностях мира романо-германского и мира греко-славянского высказано было несколько глубоких мыслей и важных замечаний Надеждиным, И. Киреевским, Хомяковым и некоторыми их продолжателями, в новейшее время особенно Н. Я. Данилевским в его мало у нас понятом и тем менее оцененном труде «Россия и Европа». В некоторых сочинениях высокодаровитого Искандера — вечная и за многое благодарная тебе память! — рассеяно также немало остроумных заметок и наблюдений, нервно, впрочем, искажаемых парадоксальностью его острого, но неглубокого и неспокойного ума. Важнее других в этом отношении его сочинение «La Russie et le vieux monde. Lettre à W. Linton» (Jersey, 1854). Есть также много верных мыслей и замечаний об этом предмете в сочинениях Шафарика, Палацкого, Колара (в его автобиографических записках, в Славы Дцере и в некоторых примечаниях к ней), в посмертном сочинении Штура («Славянство и мир будущего»), в чтениях Мицкевича, в сочинениях гр. Гуровского, Трентовского, гр. Цешковского, Либельта.

Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский основано на строгом различении их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность, и деление Шлецера или других на юг и север (без натяжек Шлецера, т. е. без причисления южных славян к северу, и северных германцев к югу) не выдерживает сравнения.

Нельзя, конечно, отрицать некоторых более или менее значительных различий между севером и югом Европы и между их частными историями, но они все-таки далеко не так всеобщи и глубоки, чтобы можно было без особенных натяжек и преувеличений раскалывать европейский мир на южную и северную половину. Правда, даже относительно Запада в общежитии и в печати нередко употребляются выражения: протe-

стантский, германский север, католический, романский юг. Но наука не может допускать таких выражений по явной их неточности. Католическая, не германская Ирландия, принадлежит к северной Европе, равно как и северная Франция — страна романская и католическая, а страны германские и католические Бавария и Тироль, во всяком случае, скорее, принадлежат к южной, чем к северной Европе.

Нельзя также отвергать, что в истории Европы, именно романо-германского мира, с древнейших пор (III—IV вв. по Р. Х.) до новейшего времени довольно ясно различается северо-южное и юго-северное направление народных движений и столкновений. К этому порядку относятся переселения и завоевания германцев в Италии, Испании, Африке, походы и набеги норманнов на Германию, Францию, Испанию и Южную Италию, знаменитые итальянские походы императоров с Карла В. или даже Оттона I вплоть до императоров Максимильяна I (1493—15I9) и Карла V (1519—1556), войны империи с Францией в Италии за испанское наследство; господство Австрийских Габсбургов в верхней Италии (с Раштатского мира в 1714 г.), их борьба и войны с Пьемонтом и потом королевством Итальянским до Кустоццы и Виса (Lissa). Сюда же принадлежат и войны, и усилия французов утвердиться в Италии (Неаполе, Милане, Генуе) при Карле Анжуйском, его преемниках, при Ренате Лотарингском, Карле VIII и его преемниках до императоров Наполеона I и III; войны Франции в Испании и с Испанией, в средние века и особенно — с Фердинанда Католика и Людовика XII, Карла V и Франциска I и их наследников до Наполеонов I и III; завоевание норманнами Англии и длинный ряд войн Англии с Францией и Испанией. Этот северо-южный и юго-северный поток исторических явлений так важен и многозначителен в истории романо-германской Европы, что в течение с лишком тысячи лет в главнейших странах Запада не было ни одного поколения, которое бы прямо или косвенно не участвовало в отмеченных событиях. Тем не менее вместе с этим вертикальным потоком проходит в романо-германской истории и другой поток — горизонталь-

ный, хотя, быть может, он и не имеет такой первостепенной важности. Разумею западно-восточное и восточно-западное направление народных движений и столкновений в границах романо-германского мира. К этому порядку исторических явлений принадлежат походы англосаксов, ютов, скандинавов на Англию и их завоевания в ней, взаимные сношения, соперничество и борьба англичан, голландцев и датчан с немецкими ганзеатическими городами (Любеком, Бременом), завоевание франками Галлии, войны Карла В. с саксами, борьба и войны Франции с Германией в средние века и в последние четыре столетия, войны и владычество испанцев в Италии, войны Англии с Нидерландами. Как бы ни преувеличивали важности и значения северо-южного и юго-северного направления народных движений и столкновений в истории романо-германской, все-таки внешняя борьба и внутренний антагонизм и соперничество, в них раскрывающиеся, ни по содержанию, ни в способах выражения, ни тем более в своих последствиях далеко не имеют того громадного исторического смысла и значения, которые скрываются в истории взаимных отношений Востока и Запада христианско-арийского человечества, в другом более обширном горизонтальном потоке исторических явлений, в том западно-восточном и восточно-западном направлении народных движений и столкновений, в котором выражается и совершается в продолжении с лишком тысячи лет борьба, антагонизм и соперничество двух миров: греко-славянского и романо-германского. Там борьба и антагонизм происходят от неравномерного и не единовременного распространения известных господствующих стихий и идей, в сущности общих и однородных (романцы и германцы, папы и императоры, города и рыцари, францискане и доминиканцы, и разные духовные ордена, католики и протестанты, конституционалисты и республиканцы). Здесь они коренятся на взаимной племенной вражде и при глубоких внутренних антипатиях греков и латинян, славян и немцев, исходят из самого существенного и коренного разногласия идеалов религиозных, общественных и политических.

Как маловажны и незначительны, как, можно сказать, частны и местны современные политические вопросы в Западной Европе сравнительно с вопросом восточным? Как, в сущности, бесцветны и бледны вопросы Римский, Испанский, Рейнский, Бельгийский, Шлезвиг-Голштинский, Майнский перед вопросом о западных окраинах греко-славянского мира! Эти домашние, частные вопросы Западной Европы, бесспорно, очень важные для итальянцев, французов, испанцев и немцев, строго говоря, мало касаются Англии, еще менее России и Америки, могут иметь только самое отдаленное влияние на судьбы других частей света и на дальнейший ход христианской образованности. Значение этих вопросов растет и умаляется по мере их близости и по соотношению с вопросом восточным, с вопросом о православии и латинстве (Рим), о союзе России с Пруссией или Францией (Рейн, Бельгия, Майн), с вопросом о том, что станется в случае распадения Австрии и Турции, с Чехией, Моравией и Австрийской Силезией, южной Стирией и Хорутанией, Истрией, Далмацией, Албанией, Боснией, Герцеговиной, Старой Сербией, Болгарией, Фракией, Македонией и Царьградом? Как в настоящее время так называемый вопрос восточный преобладает и господствует над всеми другими чисто западными вопросами, точно так же и в продолжение всей средней и новой истории христианско-арийского человечества взаимные отношения греко-славянской и романо-германской их половин запечатлены гораздо более всемирно-историческим характером, чем все народные движения и столкновения, совершавшиеся как в пределах романо-германского, так и в пределах греко-славянского мира, и в горизонтальном, и в вертикальном направлении.

К этому отделу всемирно-исторических событий относятся: освобождение славян в нынешней России от готов с помощью гуннов (375 г.) и Аттилы († 455), отбросившего германские племена с востока на запад, очистившего европейский восток от немцев, опрокинувшего их на южные и западные области западной Римской империи, а славян — на восточные земли Германии и западной Римской империи и на все европейские земли империи восточной; в V, VI, VII вв. по Р. Х. со-

вершается далекое распространение нескольких славянских племен из нынешней России на юг и запад. В VII в. при Саме (636—662) является первая попытка славянства к образованию государственного союза и отпора иноплеменникам для борьбы с аварами и немцами, с франками Дагоберта. В то же и в ближайшее за ним время Балканский полуостров переходит в руки славян. Пелопонес не славянится, как преувеличенно замечал Константин Порфиродный и как, противно истине, утверждал недавно Фальмерайер, но тем не менее принял в себя несколько славянских стихий, которые проникли (в VII, VIII вв.) и в М. Азию, где славяне завязали свое, важное впоследствии, знакомство с арабами и целыми военными отрядами, поступая к ним в службу, появляются с ними постепенно в Сирии, Африке, Сицилии, Испании. Между тем глубокий, внутренний, не исчезающий с принятием христианства, антагонизм эллинской и римской образованности и двух этих исторических народностей, приводит наконец, не без сильного участия и влияния германцев и славян, занявших западные и восточные римские провинции, уже более или менее впитавшие в себя, хотя и не в равной степени идеи и основы христианской и классической образованности из двух источников — Византии и Рима, приводит наконец к совершенному разрыву восточной и западной половины христианского человечества (IX—XI вв.). К началу этого периода уже совершилось на Западе восстановление Римской империи в монархии Карла Великого. Это восстановление или возобновление империи обозначает для Запада и германцев ту мысль, что Бог в наказание греков за их нечестие похитил у них imperium orbis — владычество мира и перенес его к германцам в награду за их мужество и благочестие.

Romani gloria regni
Nos penes est.

Так хвалятся позднейшие итальянцы, немцы, испанцы, французы и англичане, в течение веков враждующие между собою и перебивающие друг у друга эту славу. Задавшись этою

фикцией Римской империи, сильнейший из противников в данное время стремится к так называемой всемирной и универсальной монархии, а слабейшие в это время противники, сами некогда к тому же стремившиеся, заключают оборонительные союзы для поддержания так называемого политического равновесия. Еще эта фикция не истребилась в умах народов Европы (Наполеон I, в новейшее время — Англия), как ввиду образования и возрастания двух громадных держав, великой Греко-Славянской империи на Востоке и Англосаксонской республики на Западе, возникает и развивается в Европе новое учение об образовании Европейской Федерации, постоянного европейского союза для борьбы и противовеса России и Америке. Но с вопросом, кто будет в голове этого союза, — иначе где его прочность и единство действий? — это новое, повидимому, учение оказывается очень старым. Европе с Америкой спорить ново, так как последняя сама очень нового образования, но не ново спорить Европе с Россией и со всем греко-славянским миром, которого она главнейший уже более двух веков, а ныне и единственный самобытный представитель. Еще Карл В. начал войны со славянами западными для покорения их империи, следовательно, немцам, и для обращения их в христианство, становившееся уже исключительно латинством. Современно с борьбой Константинопольского и Римского патриархов (Фотий и Николай) совершаются: основание русского государства, изобретение славянской азбуки и начало славянской письменности, обращение в христианство болгарского народа, проповедь Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии, в Чехии, борьба моравских князей Ростислава и Святополка с Германией, борьба немецкого духовенства с арх. Мефодием и изгнание после его кончины его учеников из Моравии. В X—XI вв. происходит утверждение угров или мадьяр в Тисско-Дунайской равнине и образование на развалинах моравской державы Святополка, угорско-славянской державы Ариадовичей, которая надолго, правда, вбила инородческий клин в славянское тело, тем не менее создала сильный оплот славянам против Германии. Чехия при Болеславах I и II и Поль-

ша при Болеславе Храбром с успехом выдерживают борьбу с германскими императорами саксонской династии, которые с усиленной энергией продолжают начатое Карлом В. завоевание славян полабских и их насильственное обращение в христианство. Чехия и еще более Польша, утрачивающие в то время предания православные и основы Церкви славянской, нередко помогают своим единоверцам немцам против иноверных соплеменников полабских и тем значительно облегчают германизацию западных славянских земель. В это же время окончательно совершается отделение Римского патриархата от единства Вселенской церкви и создается та теория папской власти, которая долго будет исключительно руководить политикой романо-германского мира в отношении к миру греко-славянскому. Уже Григорий VII заключает союз с норманнами, отнимающими у Византийской империи Сицилию и Калабрию. Этот же папа благословляет уже Роберта Гвискара на разрушение и завоевание греческого, схизматического царства. Крестовые походы, вскоре за тем начавшиеся, имеют для Запада целью, вместе с отнятием у турок Гроба Господня, подчинение восточных христианских общин римскому престолу и разрушение Византийской империи. В это же время (с конца XI по конец XII в.) итальянские торговые республики — Пиза, Генуя, Венеция, — пользуясь победами крестоносцев, уже угрожающих империи, которую латины пришли спасать от неверных, вымогают себе у восточных императоров самые выгодные привилегии и постепенно завладевают торговлей в Константинополе, Солуне, островах Ионийского и Эгейского архипелага, морских городах М. Азии, везде там заводят свои конторы и колонии. Между тем в начале XII в. Венеция лишается Далмации, которая вновь соединяется с Хорватией, а через нее и с Угрией. Она тщетно потом пытается снова ею завладеть во время войны с императором Мануилом Комнином. Пользуясь политической слабостью Чехии и Польши, еще более господством в них Латинской церкви, Германия с помощью Дании успевает наконец сломить славян полабских. Соревнуя Франции, она снаряжает свой крестовый поход (1147 г.), по благо-

словении св. Бернарда Клервалийского, для совершенного истребления или, по крайней мере, обращения славян-язычников в христианство ad delenclas penitus aut certe convertenclas nationes illas. Папа и аббат в своих посланиях объявляют немецким крестоносцам, что их подвиг так же велик и свят, как и крестоносцев, идущих на Иерусалим. Те и другие получают одинаковое отпущение грехов. Во второй половине XII в. происходит, наконец, окончательное завоевание Мекленбурга, Бранденбурга и Померании и постепенно растет германизация Саксонии и Силезии, все сильнее втираясь в Польшу и Чехию. В 1150 г. августинский монах Мейнард, приехавший с бременскими купцами, начинает свою проповедническую деятельность на берегах Двины у ливов и тем подготовляет завоевание немцами Ливонии. Общая слабость и раздробленность греко-славянского мира от частых сношений становится близко известною романо-германцам. В лице итальянцев успевшие уже перенять и заимствовать много разнообразных знаний от несравненно более образованных греков, руководимые несколькими великими своими историческими деятелями (Иннокентий III, Генрих Дандоло, Фридрих II, Рудольф Габсбургский) романо-германцы в XIII в. приобретают самые блистательные успехи над миром греко-славянским, разрушают наконец империю Византийскую, основывают Латинскую империю на Босфоре, различные франко-итальянские владения в Морее, греческих островах и приморье, насильственно подчиняют Риму православные епархии и жестоко преследуют православие. Независимая Греция существует только в М. Азии, и в Никею переносится престол императорский; Далмация покоряется Венеции. Чешский король Оттокар II (1253—1278), монархия которого простиралась от Исполиновых гор до Адриатического моря, до Порденоне и включала сверх Чехии, Моравии, части Силезии, нижнюю Австрию, Стирию, Крайну, Хорутанию, часть Фриуля и Истрию, этот великий, *железный* король, не свободный, впрочем, от многих ошибок в славянской политике, пал в роковой борьбе с Рудольфом Габсбургом. После этого Чехия на несколько лет ввержена в бессилие безнарядья, во

время которого хозяйничали и усиливались в ней немцы. В Польше один из князей ее, Конрад Мазовецкий, не видя себе никакой помощи против язычников пруссов, вызывает немецких крестоносцев и отводит им земли (Kulmerland) (1225—26). Заискивая в Риме против императора, Оттокар II предпринимает походы против пруссов в помощь Немецкому ордену (1354—1355, 1264, 1267—1268 гг.) и основывает для него город Кенигсберг (1255 г.), знаменитую впоследствии прусскую крепость, обращенную против России. Пользуясь слабостью Руси и победами татар, датчане и немецкие крестоносцы утверждают господство Латинской церкви на Ливонском Балтийском поморье, завоевывают русский город Юрьев, отнимают множество подданных у Полоцка, Новгорода и Пскова (1200—1238). Впрочем, этому натиску Запада греко-славянский восток дает, где может и часто, энергический отпор. Болгарский царь Калоян в союзе с греками наносит жестокий удар новообразовавшейся Латинской империи (15 апр. 1205 г.). Греки, не вынося владычества латинян, успевают наконец, пользуясь их раздорами, с восстановителем Византийской империи Михаилом Палеологом (†1282) положить конец господству латинян на Босфоре (1201), но грекам в Морее и на островах только покорностью туркам удалось освободиться от латинян (в XV, XVI, XVII вв.). В борьбе с Карлом Анжуйским, государем Неаполя и Сицилии, замышляющим завоевание Византийской империи, Михаил Палеолог помогает недовольным французским владычеством итальянцам и подготовляет знаменитый заговор, разразившейся Сицилийской вечерней (1282 г.). На севере мужественный князь Польский Святополк Поморский (1240—1253) энергически борется с немецкими крестоносцами, а русские князья Александр Невский (1240, 1242 гг.), Довмонт (1268,1269 гг.) успевают своими победами, слабыми предвестницами Таненберга и Полтавы, задержать дальнейший напор и успехи шведов, датчан и немецких *Божьих дворян,* славных предков наших Остзейских баронов. В XIV в. в лице неманчей, особенно Стефана Душана (1336—1355), угорского короля Людовика Великого (1342—1382), чешского короля Карла I,

(1346—1378), польских Владислава Локотка (1305—1333) и особенно Казимира Великого (1335—1370), литовско-русских князей Гедимина (1315—1340), Олгерда (1340—1378), Ягайла, московских Ивана Калиты (1328—1340), Симеона Гордого (1340—1383) и Дмитрия Донского (1363—1389) греко-славянский мир имел несколько высоко-даровитых и сильных государей, и Западу, ослабленному Авиньонским пленением пап (1305—1378), упадком Германской империи, войнами Англии и Франции (1346—1453), Генуи и Венеции (1292—1299; 1350—1355; 1377—1381), было не до предпринятия наступательных движений на греко-славянский мир. Впрочем, генуэзцы и венецианцы вместе овладевают Смирной (1344 г.) и удерживают ее во власти Запада до 50 лет. Зато Крит несколько раз, но безуспешно, подымается против венецианцев. Новгородцы дают славный отпор королю Магнусу (1348 г.); беспутный же чешский король Иоанн Люксимбургский продолжает ошибки Конрада Мазовецкого, Оттокара II и совершает походы на пруссов в помощь Немецкому ордену, да выхлопатывает ему у Польши новые владения. Зато Людовик В. в союзе с Генуей наносит жестокие удары Венеции, отымает у нее Дубровник и всю Далмацию и наконец заключает тяжкий для республики, известный Туринский мир 1381 г. Сверх того он предпринимает два удачных похода (1347 и 1350 гг.) в Неаполитанское королевство, где еще с XII в., если не раньше, находились большие славянские поселения. В XV в. греко-славянский мир успевает одержать несколько блистательных успехов над романо-германцами и нередко переходит в наступление. Незабвенная битва при Таненборге, или Грюнвальде, (1410 г.) наносит жесточайший удар Прусскому ордену и навсегда отрезает Ливонию от Германии. Констанцский, Базельский и Флорентийский соборы всего лучше доказывают, как давно уже Запад озабочен восточным вопросом, который и тогда в форме гуситского чешского и схизматического греческого вопроса превышал своим значением все современные западные вопросы. Всемирно-историческим характером отмечены следующие события XV в.: проповедь Гуса и Иеронима, удаление немцев из

Праги, сожжение в Констанции великих славянских деятелей как еретиков — противников Рима и как народных агитаторов — противников германизма, народное движение чехов и незабвенные подвиги гуситов в войнах со всею почти римско-немецкой Европой (1419—1431), борьба короля чешского Юры Подебрада (1458—1471) с Римом и императором, эмиграция многих греков в Италию и Францию и распространение под их влиянием гуманизма в Европе, взятие Царьграда турками, которым покорялись греки и большинство православных славян в сознании собственного бессилия бороться с воинственной ордой и из верного, событиями оправданного, убеждения, что из двух зол господство чалмы предпочтительнее господства тиары, что турки для их веры и народности будут лучше, честнее и во всяком случае безвреднее европейцев. В это же время подымается на севере третий Рим, втихомолку собирающий русские земли, вдали от Запада, занятого междоусобием Англии и Франции, борьбою испанцев с маврами, еретическими и крестьянскими смутами, поднявшимися тут и там под влиянием гуситов, страхом грозных и победоносных турок. Называемые угнетенными греками и накликаемые друг на друга взаимно враждующими европейскими державами, турки удар за ударом уничтожают плоды и последствия крестовых походов, постепенно стягивая под власть Стамбула все греко-славянские православные земли, прежние области Восточной империи. Пожиная плоды Таненбергской битвы, по взятии Мариенбурга (1457 г.), Польша Торунским миром (1466 г.) приобретает у Немецкого ордена Западную Пруссию и оставляет за ним Пруссию Восточную как ленное владение Польской короны. Муж Софии Палеолог, великий собиратель земли русской, к которому, теснимая Магометом II, обращается за помощью владычица Адриатики, а некогда и самого Царьграда, как к единственному законному преемнику и наследнику Палеологов, Иван III наносит жестокий удар немецкой Ганзе запечатанием в Новгороде двора св. Петра и конфискацией товаров ганзейских купцов на сумму в 960 000 марок (1494 г.) в войне с орденом, несмотря на мужество Плетенбера, битвами Смоленской и

Гелмедской доказывает, что Орден не в силах бороться с Москвой, даже в союзе с Польшей и Литвой.

В XVI—XVII вв., когда романо-германский мир проявил такое неистощимое богатство духовных сил, произведя множество великих умов и гениальных деятелей: Лютера, Декарта, А. Дюрера, Кеплера, Лейбница, Рембрандта. Рафаэля, М. Анджело, Л. да-Винчи, Тициана, Галилея, Сервантеса, Шекспира, Бэкона, Ньютона, в это новое время греко-славянский мир, по-видимому, совершенно стирается, не принимает ни малейшего участия в успехах новой образованности. Вместе с тем, кажется, прекращается стародавний антагонизм и борьба двух половин христианско-арийского человечества: историческое колесо уже не обращается между Востоком и Западом. Так оно действительно представляется в большей части курсов новой истории, занятых исключительно передачей одних западных европейских событий. Но не совсем так оно было в действительности. В XVI—XVIII вв. Чехия, Польша, Далмация вносят не ничтожные вклады в новую образованность, представивши по художеству, естествознанию, новой протестантской, богословской и исторической науке нескольких замечательных деятелей: гениального миниатора Кловио, Вячеслава Голара, прозванного отцом английской граверной школы, — Коперника, Залужанского, Бальиви, Гетальдича, Градича, Бошковича, Матвея Флакка Иллирика, Андрея Дудича, Благослава, Павла Скалу, Амоса Коменского, многих других протестантских деятелей Чехии и Польши, имевших большее влияние не только дома, но и в Германии, Голландии и Англии, — Иордана, Беля, Бандури, Добнера, Антона, Добровского и др., немало способствовавших успехам новейшей филологии и истории. В XVIII в. начинает и Россия свою научную деятельность, и призывом знаменитых иностранцев, снаряжением обширных экспедиций и трудами русских ученых успела уже обогатить все отрасли человеческого ведения. Заслуги некоторых русских и вообще славянских ученых прошлого и нынешнего столетия в области наук математических, естествознания, землеведения, филологии и истории уже признаны в ученом мире.

Строго научный, критический анализ приводит к тому несомненному выводу, что так называемая новоевропейская образованность, рассматриваемая чисто этнографически, не есть исключительно продукт и создание романо-германского духа и для нашего греко-славянского мира нечто совершенно чуждое, постороннее и внешнее. Напротив, добросовестное и правдивое изучение дела доказывает, что и в средние века, и в новое время этот мир всегда принимал посильное участие в успехах этой образованности. Таким образом, и новая история, как и средняя, не есть исключительно романо-германская. Далее от внимательного взгляда не скрыто, что тот же антагонизм, то же взаимодействие этих двух миров продолжается и в новой истории с не меньшей силой. В истории XVI—XVII вв. обыкновенно отмечают следующие события как явления всемирно-исторической важности: открытие Америки, реформацию, тридцатилетнюю войну, возвышение Испании, борьбу с ней Франции, Англии, Нидерландов. Эти события все имели более или менее могущественное влияние на тысячелетние взаимные отношения греко-славянского и романо-германского мира, и сами, в свою очередь, более или менее от них зависели и ими определялись. Открытие Америки ослабляет натиск и напор романо-германцев на мир греко-славянский, отвлекая большой запас их наступательных сил от Востока на далекий Запад, который не имеет уже никаких причин и поводов к враждебным столкновениям с нашим миром и может еще со временем сделаться его союзником. Реформационное движение Лютера, Кальвина, Цвинглия раскалывает романо-германский мир на глубоко враждебные и непримиримые части, постепенно дробя и сокрушая ту искусственную, но крепкую организацию, которая в папском Риме объединила и сплотила на несколько веков все племенное и местное разнообразие Европы, руководя ее наступательными движениями на греко-славянский восток. Его главный, злейший враг, Римская курия унижается, топчется, позорится в тех самых странах и у тех народов, которые пролили столько потоков греко-славянской крови, за непослушание и неблаго-

говение к папам и Риму, так ненавидели и презирали греков и славян-*схизматиков* за их нежелание добровольно признать истиной то учение, которое они сами теперь признали ложью. Реформация нанесла сильный удар завоевательному движению Запада на Восток, особенно германизации. Нельзя искренно и успешно продолжать дело, в принципе осужденное. Изгнавши латинский язык из богослужения и признав народный язык кирки, лютеранство волей-неволей признало законность литературной заработки языков и наречий своих рабов и крепостных, славян, литовцев, латышей, эстов и таким образом вручило оружие против германизма тем побежденным народам, у которых он систематически истреблял национальность и родной язык. Картина внутреннего разложения западного церковного общества, его взаимные распри и препирательства незаметно убивают в греко-славянском мире тот страх и обаяние, которое производит на противников вид крепкого и грозного единства, в каком нередко выступал средневековый Запад перед нашим, лишенным организации и единства, Востоком. Возвышение Испании при Карле V и Филиппе II было тем полезно греко-славянскому миру, что перенесло руководящую силу и повелевающую власть из Италии и Германии дальше на запад; ибо нельзя же не сознаться, что сила германского императора Карла V была не в Германии, а в Испании. Это значительно ослабило наступательную и ассимилирующую силу немцев и итальянцев по отношению к грекам и славянам. Теснимые или обижаемые Венецией, греки Мореи и островов архипелага, албанцы, Дубровник, славяне Далмации и Истрии, даже черногорцы и ускоки, равно как и Польша против Швеции нередко ищут и находят помощь в Испании, которая часто, противно интересам Запада, оказывает им эту помощь и тем охотнее и решительнее, чем сильнее встречает себе сопротивление в итальянцах (венецианцах) и немцах. В своих кознях и беспокойных замыслах против Венеции вице-король неаполитанский Оссуна находит в дубровчанах, далматинцах, албанцах и ускоках самых верных союзников, помощников и исполнителей и сам, в свою очередь, увлекается и вдохновля-

ется их планами и предложениями. Тридцатилетняя война, в которую Чехия прожила такие страшные и печальные годины, имела, однако, и свою полезную сторону для мира греко-славянского: его старый, исконный враг — Германия, страшно изнуренная и истощенная продолжительной войной, между прочим, и славянскими отрядами Тилли и Валенштейна, после Вестфальского мира, лишившего ее Нидерландов, Альзаса, Лотарингии и проч., на целое почти столетие приведена была в совершенное политическое ничтожество и надолго потеряла способность много вредить славянству; а тем временем выросла и окрепла Россия, на опасность от которой для Германии так красноречиво указывал еще Лейбниц. Борьба Франции, Англии, Нидерландов, Швеции с Испанией и монархией Габсбургов была также чрезвычайно благодетельна для отношений греко-славянского мира к романо-германскому. Послы Густава Адольфа, занятого борьбой с Габсбургами и Польшей, заискивая в России, говорили в Москве речи, в которых было больше смысла, чем они сами могли предполагать и тем более желать. Шведские послы называли Швецию стеной Московского государства, передовым полком, бьющимся в Германии за Россию. Торжество Габсбургов и Испании в этой борьбе означало торжество католицизма и иезуитов, которые Брестскою унией и своими кознями в смутное время при самозванцах, в Польше и России успели одержать несколько побед и нанести жестокие удары русской церкви и русскому народу. Политическое возвышение Франции, Нидерландов и Англии, последовавшее за унижением и упадком Италии, Испании, Германии, было тем полезно для греко-славянского мира, что отныне вся тяга романо-германского мира отдалилась от него, перейдя на крайний запад. Отныне, если греко-славянский мир терпит от преобладания Франции и Англии, то часто терпит заодно с итальянцами и немцами, иногда даже меньше последних, ибо, как прежде Испания, так после Англия и особенно Франция ищут на греко-славянском востоке союза, поддержки и помощи для сохранения своего преобладания над Германией, Италией и Испанией. Так, Франция поддер-

живает против Австрии недовольных в Угрии, помогает Бетлем Габору, Зринию, Надажди Франкапану и Текели, обоим Рагоциям, Валенштейну в Чехии; неоднократно ищет союза с Россией против Германии и Англии. Преобладание Франции и Англии уже тем для нас лучше преобладания Испании, что она представляла и охраняла папизм и иезуитство, начала самые враждебные нашему миру. Хотя Франция поддерживает и защищает также католицизм на Востоке, однако его действие не может быть так злокачественно, как католицизма испанского, не потому, чтобы во Франции вовсе не было иезуитского и ультрамонтанского духа, а потому что в ней самой, под влиянием галликанизма, гугенотов, энциклопедистов, католицизм встречает сильное противодействие. Сверх того, католическое влияние Франции сдерживается и ослабляется в этом отношении влиянием протестантской Англии, в которой, притом всегда, бывали более или менее живы предания православные и сочувствие к греко-славянскому миру.

Таков смысл некоторых исторических явлений XVI—XVII вв., но они не исчерпывают всей истории этих столетий. В других событиях и явлениях того времени еще сильнее проявляется старое, вековое взаимодействие двух половин арийско-христианского человечества. Частная история Польши, Австрии, Турции и России в XVI и XVII вв. представляет несколько событий всемирно-исторической важности и глубокого влияния на частную историю романо-германских стран и народов. Польша Сигизмунда I, Сигизмунда Августа, Генриха Валуа и Стефана Батория и по своему пространству, и военным силам, и по своей образованности занимала в тогдашней системе европейских государств весьма видное место. Германское завоевание на Балтийском поморье, Ливония, будучи не в силах сопротивляться силам Ивана Васильевича Грозного, отдается Польше (1561 г.). В 1526 г., по смерти угорского и чешского короля Людовика при Мохаче, Чехия, Угрия, Хорватия избирают на свои престолы Габсбурга Фердинанда I.

Этим полагается основание Австрийской монархии, соединившей в себе несколько миллионов северо-западных и

южных славян, которые в средние века при Само, Болеславах Чешских, Оттокаре II, Вячеславе II не раз уже представляли попытки к подобному соединению. Правда, в этот раз они соединялись чужеродным государем, под чужим знаменем. Правда, объединение шло из юго-восточной немецкой марки, издавна имевшей своей целью немечить и католичить славян. Правда, что в течение трех с лишком веков славянские племена содержимы были в самом черном теле. Тем не менее судьба этих племен могла бы быть еще хуже, если бы они не соединились даже и в такой неудачной форме, слабые, малочисленные, разъедаемые разными внутренними болезнями, они бы легко, без Австрии, могли бы быть поглощены Германией, долгой слабости и разъединению которой весьма много способствовало существование Австрии, как Германской империи. Строго католическое и ретроградное направление Венского правительства если часто действовало вредно на славянские народности, зато, с другой стороны, охраняло их от немецкой ассимиляции. Вмешиваясь в дела Германии по праву ее императоров, эти короли чешские и угорские под влиянием своего не немецкого окружения зачастую поступали противно всем интересам германским и тем бессознательно оказывали большую услугу славянству. Турция в этом отношении имеет заслуг еще более, чем Австрия. Вообще, за немногими исключениями, мусульманство всегда отличалось гораздо большей терпимостью относительно православия, чем католичество, а большинство азиатов — гунны, хозары, старые мадьяры, монголы и турки — питали к славянам гораздо меньше племенной вражды и ненависти, чем немцы. В Турции Магомета II, Баязета и особенно мудрого Солимана греки и православные славяне нередко находили такое покровительство и защиту от латинян, которое им не в силах были доставить последние слабые византийские императоры, сербские и болгарские государи. Не в одной фанатической храбрости и энергии турок, а преимущественно в их религиозной терпимости и в их понимании религиозной нетерпимости латинского запада заключается тайна их удивительных успехов в войнах с Австрией и Венецией. Массы простонародья в Угрии,

и в греко-славянских владениях Венецианской республики положительно видели в турках XVI и XVII вв. своих освободителей от гнета дворян и латинской иерархии. Даже после Солимана завоевание Кипра (1571 г.) и Крита (1669 г.) турками было торжеством для массы туземного греческого православного населения, которое давно составляло заговоры и тайно призывало турок освободить их от венецианских нобилей, чиновников и латинской иерархии. Войны Угрии, Австрии, Венеции, Рима, Неаполя, Испании с турками в XV—XVII вв. представляют во многих отношениях продолжение борьбы романо-германского запада с греко-славянским востоком. Целью этих крестовых походов и союзов против турок было, с одной стороны, изгнание турок из Европы, а с другой — восстановление Латинской империи на Босфоре и обращение схизматиков в латинство. Не один папа лелеял в себе надежду, что Бог сподобит еще его отслужить обедню в Константинополе (celebrar messa in Constantinopoli), как говаривал Климент VIII, Карл VIII Французский, Карл V и Филипп II, быть может, и Генрих IV не раз мечтали о взятии Царьграда. Что этого не случилось, в этом состоит величайшее счастье греко-славянского мира. Поэтому все дурное и тяжелое, заключавшееся в господстве турок, было злом относительным и искупается той пользой и тем благом, которое доставила Турция миру греко-славянскому, оберегая и защищая его от романо-германцев, пока не образовалась в нем такая держава, которая бы лучше ее могла исполнить это назначение. Еще при Солимане (1520—1566) и турки, и христиане турецкие уже провидели такую державу греко-славянскую. Лучшие знатоки современной Турции, венецианские посланники и баили часто замечают, что турки, презирающие франков, сильно побаиваются царя московского, на которого их подданные глядят как на свою надежду, единоверного царя-защитника и будущего освободителя. Это значение России на Востоке усилилось особенно после падения царств Казанского и Астраханского, а также после развития русского казачества на Черном море. Подобно ускокам в Адриатике, казаки наводили страх и ужас на турок и радовали сердца христиан, предпо-

читавших чалму тиаре, но не хотевших мириться с агарянским игом. Завоевание Сибири и начало русских в ней поселений составляет также всемирно-историческое событие царствования Ивана Васильевича Грозного: романо-германцы в Новом Свете, а славянство в Азии полагали начатки будущих мировых держав, перед которыми бледнеют все эти более или менее фантастические средневековые попытки к возобновлению Римской империи. Борьба России с поляками, в начале XVII в. больше действовавшими как орудие Рима, была не столько борьбой племенной, сколько борьбой православия с латинством. Истощенная борьбой и смутами, Россия принуждена мириться с поляками и шведами на самых невыгодных условиях. Только с половины XVII в. Москва, справившись с силами, начинает свое наступление на запад, приобретает Малороссию, одерживает несколько блестящих успехов над Польшей, но со шведами, несмотря на некоторые удачи в Ливонии, заключает невыгодный Кардисский мир (1661 г.).

В последние с лишком полтораста лет этот антагонизм и взаимодействие двух половин христианского мира выступает с осязательной ясностью и определенностью: в Северной войне (1700—1721) прославленной Полтавой и заключенной Ништадтским миром, доставившим России господство на Балтийском поморье, в войнах со Швецией при Елизавете Петровне, Екатерине II и Александре I, в семилетней войне, когда русские некоторое время занимали Кенигсберг и Берлин, когда победой при Кунерсдорфе чуть не довели до самоубийства величайшего государя и полководца Германии, в войне русских с французами 1799 г., прославленной дивными подвигами Суворова в северной и быстрыми действиями адм. Ушакова и кап. Белле в южной Италии, в войнах России с Францией в Германии за Австрию и Пруссию, в походе Наполеона в Россию и народной войне 1812 г., в походе 1813 г., во вступлении русских в Париж. Если политическая система Наполеона I во многом напоминает монархию Карла Великого, зато история внешней политики России с 1799 по 1815 г. всего лучше доказывает, какая громадная перемена совершилась в это тысячелетие в отношени-

ях греко-славянского востока к романо-германскому западу. Сравните тогдашний наш отпор Карлу Великому с новейшими отпорами Наполеону I, англо-французам, в Крымскую войну. Государственный рост России и ее блестящие политические успехи с 1709 по 1815 г. вместе с ее войнами с Турцией при Анне Ивановне, Екатерине II, Александре I и Николае I, образование Сербского княжества и Греческого королевства имели громаднейшее влияние на пробуждение самосознания в славянских народностях Турции и Австрии, составили новую эпоху в истории греко-славянского мира, который, смело можно сказать, во всю свою слишком тысячелетнюю историю никогда еще не бывал в такой степени проникнут мыслью об общности своих интересов в отношении к миру романо-германскому, о высокой важности своего всемирно-исторического призвания. Из этого, впрочем, еще отнюдь не следует заключать о современной зрелости и готовности греко-славянского мира удовлетворительно разрешить так называемый восточный вопрос, т. е. вопрос о своих западных окраинах. Хотя сознание общности интересов в настоящее время развито глубже, чем когда-либо прежде, однако оно все еще не настолько сильно и повсеместно распространено, как это необходимо для более или менее общего и согласного действия. Вместе с тем греко-славянский мир еще недостаточно окреп для перемены своих внешних отношений. Она едва ли может совершиться без перемены внутренних отношений различных частей романо-германского мира прежде, чем Новый Свет достаточно созреет и окрепнет для приобретения того перевеса и преобладания, которое в романо-германском мире с возрастанием мира греко-славянского постепенно передвигается с Востока на Запад и в ближайшем будущем должно перейти от Франции и Англии к Америке, как никогда досталось им от Испании, а последней от Италии и Германии. Как бы то ни было, только новейшая культурная и политическая история христианско-арийского человечества уже совершается и все далее будет развиваться не на одном Азиатско-Европейском материке, но и в Америке, и вообще на всем земном шаре. С умножением романо-германского

народонаселения в Америке, Австралии и Африке путем естественного размножения и усилением эмиграции из Европы это желанное для греко-славянского мира перемещение центра тяжести романо-германского мира произойдет само собой в несколько десятков лет. Эти же годы в ожидании лучшего России и всему греко-славянскому миру гораздо плодотворнее употребить на подъем своего материального и нравственного быта, который бы значительно повлиял на заселение и обработку наших пустынных пространств, чем истощаться в бесполезных агитациях, непроизводительных тратах и усилиях для разрушения Турции и Австрии, преждевременное падение которых скорее могло бы быть вредно, чем полезно России и всему миру греко-славянскому.

Народные движения и столкновения в среде романо-германского мира, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении, не отличаются глубиной и силой той взаимной племенной вражды, таким ожесточением той тысячелетней с лишком борьбы, которая, по своему внутреннему историческому значению и по своим результатам, во столько же важнее всякой внутренней борьбы, происходившей в границах романо-германского запада, во сколько современный восточный вопрос превышает своим значением все другие, чисто западные политические вопросы.

Не таков также в идее и в результатах тот внутренний антагонизм, который раскрывается в народных движениях и столкновениях, вертикальных и горизонтальных, происходящих в то же время в пределах мира греко-славянского, т. е. в борьбе и войнах южных славян с греками, албанцами, Угрии с Болгарией и Сербией, Угрии с поляками и русскими, чехов и шляхов или болгар и сербов, сербов и хорватов, Угрии и Чехии, северо-восточной и юго-западной Руси и Литвы, Москвы, России и Польши.

Если борьбу славян с греками, албанцами и литовцами по идее, по силе ожесточения и по последствиям можно еще сравнивать с борьбой некоторых германских племен с романскими или германцев с кельтами, то зато взаимный антагонизм

болгар и сербов, сербов и хорватов, словаков и чехов, чехов и поляков, даже поляков и русских, и по силе своего выражения, и по степени распространенности, и по своим результатам, совершенно бледнеет перед взаимным антагонизмом Франции, Италии и Испании. Взаимная борьба этих славянских народностей наиболее запечатлена характером домашних усобиц и гражданских распрей, часто даже религиозных и социальных войн. Она более имеет аналогии с борьбой Генуи с Венецией, Пизы с Флоренцией, Венеции с Миланом и Неаполем, конституционалистов и мадзинистов в Италии, гвельфов и гибелинов, католиков и лютеран, пруссаков и австрийцев, австрийцев и баварцев, велико-немецкой и мало-немецкой партий (gross-deutsch и klein-dentsch), экономистов Шульца-Делича и М. Вирта с социалистами Ф. Лассаля в Германии или католиков и гугенотов, орлеанистов, бонапартистов, умеренных республиканцев и красных социалистов во Франции. Между тем как борьба Италии, Франции и Испании сама по себе носит характер не столько борьбы домашней и внутренней, сколько борьбы и войн национально-политических. Сознание общности происхождения и близости взаимного родства, сходство в народном быте, нравах, обычаях и наречиях в славянском племени всех отраслей живет также гораздо глубже и крепче, чем в племени германском, во взаимных отношениях немцев, скандинавов, голландцев и англичан.

Антагонизм греков и латинян, славян и немцев, можно даже сказать, значительно пересиливает антагонизм той или другой половины христианско-арийского человечества с племенами азиатскими, стародавними противниками и неприятелями арийцев. Наступая на нас из Азии, они встречались с раздвоением христианского мира и, таким образом, сознательно и бессознательно, волей и неволей являлись обыкновенно союзниками то латинян и немцев против греков и славян, то славян и греков против немцев и латинян. Этим пришлецам и насильникам в Европе, редко особенно многочисленным и, за исключением арабов, по большей части кочевникам и хищникам, степнякам и наездникам, редко удавалось долго выдер-

живать роль самостоятельных политических деятелей и всего чаще приходилось принимать или заменять служебную роль орудия и чужой политики. В рядах самих арабов и под их знаменами бьются славяне с греками и греки и славяне с романо-германцами и дают перевес арабам над своими неприятелями и противниками. В крестовые походы в XI, XII и XIII вв. и в войны Западной Европы с турками в XV, XVI, XVII вв. происходит борьба турок и латинян за господство и преобладание в греко-славянских землях, ни тем, ни другим собственно не принадлежащих. Дело тут идет не о победе туранцев или арийцев, Азии или Европы, мусульманства или христианства, а о господстве чалмы или тиары, турок или франков в землях арийских и христианских, для которых эта борьба была полезна, поскольку она ослабляла обе противные стороны, одинаково им неприязненные и враждебные. Истинный бич Божий для Запада, Аттила был избавителем и освободителем славян. Победоносный напор немцев и латинян на славян и греков в XII и XIII вв. прямо и косвенно облегчают завоевания монголам, которые, в свою очередь, разоряя и опустошая славянские земли с востока, помогают латинянам и немцам в их завоеваниях на греко-славянском юге и западе. Авары, пока нападали на Византию и притесняли одних славян, были очень полезны Западу. В течение всей своей без мала тысячелетней истории мадьяры никогда почти не имели своей решительной самостоятельной политики, то служат немцам против славян, то славянам против немцев*. Притеснение православия в ла-

* Русские деревни и города, нет сомнения, немало вытерпели насилия и притеснений от русских войск в 1708—1709 и в 1812 гг. перед изгнанием и истреблением шведов Карла XII и французов Наполеона. Так, разумеется, в большей степени и нынешнее мадьярское правительство Андраши и Этвеша наносит много вреда угорской Руси, словакам, румынам, сербам и хорватам, но зато и оказывает им громаднейшую услугу ослаблением и подавлением немецкого элемента в Угрии, с которым эти народности собственными силами не могли бы совладать. В этой службе мадьяр славизму, над которым они бессильны господствовать, содержится глубокая ирония истории и вместе тайна всех их успехов в борьбе с романо-германским западом, как при Людовике Великом (1342—1382) и Матвее Корвине (1458—1490), так и в новейшие времена с Веной и Габсбургами, начиная с Яна Заполи и Фердинанда I.

тинских колониях на христианском Востоке вызывают и облегчают успехи турок, которые в XV, XVI, XVII вв. своими блестящими победами над Германией, Генуей, Венецией, Римом и Испанией, правда, разносят власть мусульман над землями христианскими, но вместе и освобождают православных греков и славян от ига латинского, которое нередко во многих отношениях бывало тяжелее турецкого.

Таким образом, в средней и новой истории христианско-арийского человечества Старого Света преимущественное внимание и главный интерес историка должны сосредоточиваться на восточно-западном и западно-восточном направлении, на горизонтальном потоке событий и происшествий, народных движений и столкновений, происходящих между греко-славянской и романо-германской его половинами. История их взаимных отношений, натиска и отпора, взаимодействия и влияния есть главная ось, около которой обращается историческое колесо многовековой, богатой и разнообразной жизни христианско-арийских племен Европы и Азии. Второстепенное значение и более эпизодически и частный характер имеют все горизонтальные и вертикальные потоки событий в собственных пределах как романо-германского, так и греко-славянского мира. История современного им неарийского и нехристианского, конфуциевского, буддистского, шаманского и мусульманского Востока представляет свои особые, самостоятельные миры, частные истории которых могут обращать на себя внимание нашей средней и новой истории только по близости их отношений к греко-славянскому или романо-германскому миру и по степени их участия в судьбах этих двух миров. Как азиатским племенам в Европе по большей части выпадала роль не самостоятельных политических деятелей, а орудий греко-славянской или романо-германской политики, то их история в Европе получает истинный свой смысл и значение только при верном освещении картины взаимных отношений греко-славян и романо-германцев.

При равновесии сил главных представителей романо-германского мира, как в горизонтальных, так и вертикальных

народных в нем столкновениях, временное торжество и победа часто доставались тому из них, кто умел вовремя опереться на ту или другую часть греко-славянского мира и найти себе в нем помощников и союзников. Так, в борьбе пап и императоров, гвельфов и гибелинов, немцев и итальянцев, итальянцев и испанцев, французов, англичан, испанцев и немцев — греки, албанцы, славяне Далмации и Истрии, сербы, хорваты, вообще славяне угорские, Чехия, Польша и Россия своим вмешательством и участием в распрях романо-германцев нередко решают дело или склоняют победу в пользу той или другой стороны. Так, горизонтальные и вертикальные потоки событий романо-германской истории не могут быть ясно представляемы и верно излагаемы без точного познания внутренней и внешней истории греко-славянской.

Если для греков, албанцев и южных славян в борьбе их с итальянцами, особенно с венецианцами, Германия и Испания иногда бывали полезными в некоторой степени союзниками и защитниками, то для славян южных и северных в борьбе с немцами и англичанами иногда бывали и могут еще быть полезны Италия и Франция.

Западно-восточные и восточно-западные потоки народных движений и столкновений в среде греко-славянского мира всегда бывали тем злее и враждебнее, чем более одна из противных сторон опиралась на романо-германский запад, ибо тогда борьба усложнялась, переходя от домашних вопросов о племенной игемонии к вопросам о внешней самобытности и духовной свободе относительно романо-германцев. Так, в борьбе хорватов и сербов, поляков и русских шел спор не только за племенную игемонию, хорватскую или сербскую, польскую или русскую, но и за преобладание и господство православия или латинства, двух разных религиозных и социальных начал.

С совершенным ослаблением азиатских стихий на огромнейшей части восточных окраин греко-славянского мира и при существовании еще в нем следов и остатков некогда сильного антагонизма западно-восточного некоторый натиск романо-германцев на западные окраины нашего мира как, до извест-

ной степени, нередко уже имел, так и может еще иметь весьма благодетельные последствия для политического и духовного развития греко-славян.

Так, ясное представление и верное изложение горизонтальных и вертикальных потоков событий греко-славянской истории решительно невозможно без точного познания внутренней и внешней истории романо-германцев.

Правильность деления истории христианско-арийского человечества, или так называемой средней и новой истории, не на северную и южную, а на восточную и западную оправдывается и некоторыми другими основаниями и соображениями. Еще Шлецер верно заметил, что историю южных славян нельзя совершенно отделять от истории России. Нельзя эти обе истории рассматривать совершенно отдельно от истории Византии, от истории греков и албанцев. Наконец странно называть Россию державой северной, после того как она прочно утвердила свое господство на Азовском море, северном и восточном берегу Черного, в Крыму, Астрахани, в Закавказье и в глубине средней Азии. Россия столько же северная, сколько и южная держава. Между же югом и севером Западной Европы гораздо меньше различия, чем между ее востоком и западом. Один — исключительно католическо-протестантский, другой — преимущественно православный, с разнообразным населением, исповедующим католицизм, протестантство, мусульманство, буддизм и шаманство. Один — преимущественно кельто-латино-германский с более или менее незначительным количеством басков, евреев, цыган, другой — преимущественно славянский, при величайшем разнообразии других этнографических стихий: греки, албанцы, романцы (румуны, волохи), немцы, леты (литва и латыши), различные иранские (армяне, грузины, осетины, курды), финские, монгольские, турецкие и татарские племена. Тем же почти относительным однообразием и сходством, вследствие благотворного умеряющего влияния Гольфстрима на севере и Средиземного моря на юге, отличается Запад от Востока и в климатическом отношении. Италия и Испания избавлены от тропического зноя близ-

кой Африки, а Ирландия, Англия и другие северные части Европейского Запада пользуются умеренной зимой, которая, например, в южной и западной Англии не мешает расти и зеленеть лавру. Столь же резко отличаются Восток и Запад своим общим географическим характером. Относительно распределения гор и равнин, суши и воды, матерой земли и береговой линии романо-германский запад без своих не европейских владений наделен так равномерно, что почти правильно разделяется на шесть более или менее равных частей — Скандинавию, Великобританию, Германию с Голландией и Францию с Бельгией, Италию, и Испанию с Португалией*. Эти три германских, преимущественно протестантских, и три романских, почти исключительно католических, страны имеют характер почти равных полуостровов, с трех сторон окруженных морями. Невыгодность в этом отношении Германии вознаграждается в мире германском островным положением Великобритании и многими мелкими островами Скандинавскими, а невыгода Франции вознаграждается для нее островом Корсикой и для всего романского мира — большими итальянскими островами Сицилией и Сардинией. Хотя горные хребты Чехии, Угрии, Балканского полуострова, Кавказа, Восточной и Западной Сибири и русского Туркестана своим протяжением, высотой, внешним разнообразием и внутренним богатством значительно превосходят горные системы романо-германского запада, тем не менее на нашем греко-славянском востоке преобладает и господствует однообразие равнин и степей, которое вместе с развитием больших речных систем помогло и содействовало образованию одного многочисленнейшего народа и громаднейшего государства. Более или менее богато разветвленная, береговая линия Истрии, Далмации, Албании, Греции, греческих островов Ионийского и Эгейского морей, малоазиатских берегов архипелага, Черного моря, русских берегов Черного, Белого, Каспийского морей и Великого океана, эта береговая линия своим протяжением превзойдет береговую

* Швейцария разделяется при этом на три части, отходящие к Германии, Италии и Франции.

линию романо-германской Европы — тем не менее на нашем Востоке преобладает и господствует материк над берегом, охранительный, консервативный характер его обитателей над жадным к новому, подвижным, беспокойным и неугомонным духом прибрежных жителей. Расчлененный равномерно романо-германский запад (в Европе) состоит из трех германских, протестантских, и трех романских и католических стран, разграниченных морем и горами и представляющих преобладание полуостровного характера. Оттого, при всей общности этнографического состава и просветительного начала романо-германского мира, на этом сравнительно небольшом пространстве земли, в течение с лишком тысячи лет, несмотря на неоднократные попытки и стремления, тут и там возникавшие, никогда не могло образоваться и сложиться одного очень многочисленного народа и одного великого государства, а развилась политическая система шести стран и племен, которые поочередно стремятся к исключительному господству и преобладанию и всякий раз уступают стремлениям других частей, ищущих восстановить потерянное равновесие. Учения о так называемых универсальных, великих и малых державах, о системе политического равновесия и пр. имеют чисто местный, частный западноевропейский характер, основаны только на романо-германских исторических и географических условиях и вовсе ни с какой стороны не применимых ни к России, ни к Северной Америке, ни даже к Великобритании. Благодаря своему островному положению, некоторой разности и большему богатству своего этнографического состава, различиям источников и способов первоначального распространения христианства, сравнительно с другими романо-германскими странами, Великобритания занимает в романо-германском мире совершенно особенное, можно сказать, исключительное место. Эта страна всегда была наименее католическою, как и теперь она наименее протестантская. Географически наиболее удаленная от мира греко-славянского, она хранила и хранит наиболее сродные и сочувственные с ним стихии. Она совершенно выделяется из Европейского Запада своими колониями

и владениями в Америке, Вест-Индии, Австралии и юго-восточной Азии, так распространила в свете свой язык и народность, что она сама составляет теперь особый христианско-арийский мир, превышающий численностью, богатством, могуществом и образованностью всю остальную Западную Европу. Этот англосаксонский мир разделяется на две державы, империю Великобританскую и Северо-Американскую республику. Ни к той, ни к другой одинаково не приложимы чисто европейские понятия политического равновесия или великих держав. Республика заявляет гордые, оправдываемые, впрочем, ее возрастающим могуществом притязания на безраздельное господство на целом Американском материке. Неевропейские владения Англосаксонской империи с лишком в три раза превосходят всю площадь романо-германской Европы. Между тем как насчитывают людей, говорящих итальянским языком до 26, испанским от 35 до 40, французским от 40 до 42, немецким от 48 до 50 млн душ*, — на английском языке и теперь уже говорят от 76 до 80 млн людей. Романцы, и самые энергичные и просвещенные из них французы, мало обнаруживают способности к колонизации, а наиболее из них к ней способные итальянцы, не имеют собственных земель и колоний. В том же, если еще не в худшем положении, находятся немцы, которые ежегодно принуждены выделять из среды своей десятки тысяч эмигрантов в Америку, где они и их дети мало-помалу теряют свою народность, научаются языку английскому и пропадают или предназначены пропасть в стихии англосаксонской, которая одна в мире романо-германском обладает таким громадным простором, что целые века еще мо-

* Заимствуем это число у Кольба, но оно, без сомнения, преувеличено. До 13 млн немцев (в Новом Свете, Франции, Угрии, России и пр.), собственно говоря, не могут сюда идти в расчет, так как у всех этих немцев язык *государственный* не немецкий. Да еще более двух миллионов немцев в Австрии-Цислейтании должны бы быть изъяты из этого числа, так как живут в славянских землях, между чехами, моравanами и словинцами, составляя значительное меньшинство туземного населения. Так что вместо этой хвастливой цифры 50 за глаза довольно принять 40 млн немцев, которых можно сопоставлять рядом с англичанами, французами, русскими, как господствующими национальностями.

жет беспрепятственно расти и множиться. Несчастные в этом отношении для народности немецкой победы пруссаков при Кениггреце и Садовой принудили Австрию, довольно успешно до того времени проводившую немецкий язык и культуру у подданных своих мадьярских, славянских и румынских, прибегнуть к системе дуализма, благодаря которому в обширных землях короны св. Стефана господство немецкого языка уже совершенно и, можно надеяться, навсегда вытеснено, и два млн коренных немцев, обитателей этих земель, волей-неволей обречены теперь мадьяриться, а Бог даст со временем, с возобладанием в Угрии стихии славянской, и славяниться. Эти же победы, так вознесшие Пруссию, возымели огромное действие на пробуждение славянского самосознания как в России, так и в славянских землях Австро-Угрии: для мыслей, прежде ясных только немногим, открылось блестящее будущее. Обрусение немцев в России и распространение русского языка и грамотности в землях славянских на юге за Дунаем и на западе за Вислой и Карпатами уже отличены грозной судьбою, как события ближайших к нам времен, а они ведут за собой такое же вытеснение немецкой народности и языка на Востоке, какое уже давно началось и яснее обозначилось на англосаксонском западе. Но и независимо от этих завоеваний, предстоящих русскому языку, и в настоящее уже время, при всей великой скудости населения русской империи, при слабом развитии русской гражданственности, науки и литературы, наш язык все-таки вместе с англосаксонским есть один из самых распространенных языков земного шара и не менее англосаксонского может хвалиться богатым будущим. Указанные европейские понятия политического равновесия и величия держав еще даже менее приложимы к России, чем к Великобритании и Америке. Занимая собой шестую часть света, она и теперь уже обладает населением, равным всему романскому племени в Западной Европе (французам, итальянцам, испанцам с португальцами), и с лишком на 30 млн превышающим все германское население Старого Света, за исключением англичан. Ю. Фребель и К. Франц примерами России, Великобритании и

Северной Америки с убедительной ясностью доказали, что прежнее определение *великих* европейских держав и так называемая система европейского равновесия в настоящее время мало имеет смысла и все более обращается в устарелую, ничего не выражающую формулу. Хотя Россия и есть главный и даже единственный самобытный представитель греко-славянского мира, однако понятие о нем ею одной не исчерпывается и не в ней одной он заключается. Действительно, в отношениях этнографическом, географическом, историческом, культурном и политическом нынешняя Россия не есть сама по себе строго законченное и округленное целое. Три с лишком миллиона чисто русского народа в восточной Галичине, северо-восточной Угорщине и Буковине, вопреки всем началам справедливости, живут еще в подданстве немецкого католического государя. Из всех учений в мире о границах естественных и народных, конечно, учение о необходимой принадлежности русских Карпат к империи Всероссийской есть учение самое умеренное, правильное и благоразумное. Живущие за Карпатами исконные соседи и друзья Угорской Руси, Словакии в северо-западной Угрии и восточной Моравии составляют естественное этнографическое звено между русским народом и чехами, исконными неприятелями немцев и энергическими бойцами за свободу и независимость славянства. Ряд поселений чехо-моравских, словенских, русских (в Моравии, Угрии, Молдавии и Валахии) с севера и хорвато-сербских и болгарских с юга более или менее пронизали в разных направлениях немецкий, мадьярский и румынский клинья, отделяющие славян северных от южных: чехов, мораван, словаков, русских от словинцев, хорватов, сербов и болгар. Огромное большинство этих славян, подобно грекам, румынам и части албанцев, принадлежит к православной церкви, которая, как и славянство, в России имеет главного своего и, строго говоря, единственного самобытного представителя. Сами мадьяры, и по степному характеру своей равнинной области между Тиссой и Дунаем, и по своему этнографическому, финско-туркско-славянскому составу, и по своей социальной

жизни, по сильному преобладанию села и деревни над городом, не имеют себе ничего близкого и подходящего в Западной Европе, а в южных степях, в финских, туркских инородцах и социальном быте России находят себе близкое подобие и родство. Шестая часть света, Россия, получает почти полный вид особого самобытного материка только с приложением к ней остальной восточной, закарпатской и задунайской, греко-славянской Европы, которая ни судьбами своими, ни этнографическим составом, ни географическим характером, с одной стороны, не походит на западную, романо-германскую Европу, а с другой — без России, на которую опирается, не составляет одного самостоятельного целого. По мере приближения к югу и к юго-западу все более суживается или разветвляется эта нерусская, греко-славянская область, обособляясь и раздробляясь наконец во множестве славянских и греческих островов Адриатики, Ионийского и Эгейского морей. В соответствие географическому характеру края и в его населениях с приближением к югу и юго-западу возрастает и усиливается дух партикуляризма, крайней местной автономии и независимости, во многом благоприятный для развития личной бойкости и энергии, для образования небольших вольных торговых и морских республиканских общин с широким самоуправлением. Принадлежа к народностям слабым и малочисленным — греков менее 3, а сербо-хорватов не более 6 млн, — приморские города Истрии, Далмации и Албании, славянские острова Адриатического и греческие острова Ионийского и Эгейского морей в одних своих центральных правительствах, Сербии и Греции, никогда не могут находить достаточной охраны своим торговым интересам и всегда будут нуждаться в защите и покровительстве великого, единоверного и единокровного народа и государства, которое для своих арсеналов, морских крепостей и военного флота всегда будет нуждаться в опытных природных моряках и щедро может вознаграждать их труды и заслуги, как то доказывают примеры многих греков и далматинцев, с Петра Великого с честью служащих в русском флоте, и множество греческих и югославянских торговых судов, хо-

дящих под русским флагом. Население этого греко-славянского прибрежья и греко-славянских островов, как всякое приморское население, всегда отличалось и теперь отличается несколько космополитическим характером, никогда не ладившим и не могущим поладить с тем узким и тесным духом мелкой государственности и ограниченного провинциализма, который никогда не перестанет господствовать на изрезанном горами и долинами греческом и югославянском материке. В скреплении связей и сношений чисто греко-славянского морского населения с мировой державой, единоверной и единоплеменной, исчезают сами собой все невыгоды и опасности такого космополитического направления, особенно для таких слабых и незначительных народностей, каковы греческая и югославянская, окруженных притом сильными соперниками и врагами. Сами центральные их правительства, в свою очередь, всегда будут в известной степени зависеть от России и нуждаться в ее помощи и покровительстве.

Карпаты и Балканы в мире греко-славянском вовсе не имеют того значения, которое принадлежит Альпам и Пиренеям вместе с Ла-Маншем и Рейном, разделяющим Европу на шесть равных частей. Карпаты могли бы еще иметь для России относительно Угрии значение Пиренеев для Франции относительно Испании, если бы, во-первых, площадь Угрии так же равнялась площади России, как площадь Испании почти равняется площади Франции, и если бы, во-вторых, внутренность Угрии была занята не мадьярами, а тем же угорско-русским и словенским племенем, которое живет в Татрах и Карпатах. Тогда, подобно нынешней Испании, единоплеменная России северная Угорщина могла бы еще не искать своего центра на севере по ту сторону гор. Если бы арабы или мавры поныне занимали внутренность Испании, подобно мадьярам в Угрии, и стремились к поглощению романцев и басков северной Испании, то, нет сомнения, последние тяготели бы тогда к Франции, как угорская Русь и словаки принуждены теперь тяготеть к России. Говоря о населении Карпатов и Бескидов, не следует забывать, что и в западной Галичине, по ту сторону

Сяна, и даже в Силезии огромнейшее большинство сельского населения, мавуры, горали и проч., при сильной ненависти к немцам вовсе не питают вражды к России. Своевременным и честным введением у них необходимых социальных реформ, в смысле крестьянского Положения 19 февраля 1864 г., легко и навсегда они могут быть привлечены на нашу сторону. Усиление и подъем славянства в Карпатах должны восстановить нарушенный теперь исторический закон, по которому должны бы преобладать и господствовать не мадьяры над славянами, а наоборот, промышленный, торговый, густо населенный славянский север Угрии должен бы господствовать над исключительно земледельческим и скотоводческим, жидко населенным чудским и мадьярским югом. Окаймляющие Угрию Карпаты своими горными реками и потоками, на востоке и западе, словно распростертыми объятиями сжимают Чудскую, Тиссо-Дунайскую степь.

Отделяющие Болгарию от Фракии Балканы еще менее Карпат составляют преграду для севера. По своей почве и географическому типу, Болгария есть естественное продолжение Бессарабии и Валахии, населена тем же самым народом, который занимает проходы Балкан и в огромном большинстве обитает по ту сторону этих гор во Фракии и Македонии, упирая свои южные выселки в стены Царьграда и Солуни. Весь черноморский берег Болгарии и Фракии также близок и доступен северным Черноморским портам России, как турецкие и персидские берега Каспия открыты ей из Баку или Астрахани. Принужденные бороться и соперничать с ногайскими и турецкими поселениями в Болгарии, с греческими во Фракии и Македонии, болгары всегда будут стараться искать себе опоры и услона в России, развивать и укреплять свои славянские силы и дарования в русских училищах, в нашей литературе и образованности, в свое время столько обязанной болгарам.

Еще Ами Буэ заметил, что Балканский полуостров наиболее закрыт и недоступен с севера и юго-запада, в горах Боснии, Черной Горы и Албании, представляя наиболее преград для проникновения в нее стихиям романо-германским,

между тем как он наиболее открыт и доступен с северо-востока, со стороны России, что и заставило Турцию прибегнуть к целой системе искусственных укреплений на Дунае, в Шумле и Варне. Но эта открытость Турции еще усиливается этнографическими и религиозными условиями Балканского полуострова, который доступен России с Черного моря и из М. Азии, тогда как романо-германскому западу морской путь в Турцию лежит через ряд греко-славянских портов и стоянок в Адриатике, Ионийском и Эгейском морях. Ю. Фребель в отношениях Соединенных Американских Штатов к Мексике, средней и южной Америке находит некоторое сходство с отношениями России к греко-славянским землям Турции, но он не обратил при этом внимания на огромную этнографическую, историческую и культурную разницу. Россия связана с этими землями самыми крепкими узами церковными, племенными, всеми своими историческими преданиями и многовековым взаимодействием, обоюдными вещественными и нравственными интересами, которые не существуют между протестантским англосаксонским севером и католическим и испанским центром и югом Америки. Наконец, если не ограничиваться югом Северной Америки, а принимать в соображение и Америку Южную, то в этих обоюдных отношениях открывается громадное различие пространственных условий, ибо Южная Америка относительно Северной составляет особое самостоятельное целое и почти равную величину, тогда как весь задунайский и закарпатский славянский мир занимает относительно России положение только Мексики относительно Соединенных Штатов. Как Мексика составляет естественное дополнение североамериканского материка, так эта закарпатская и задунайская часть греко-славянского мира остроконечным очертанием своих юго-западных, южных и юго-восточных берегов, своими многочисленными островами образует для шестой части света, империи Всероссийской, то пирамидальное построение юга (pyramidaler Bau des Sudens), которое отметил Гумбольдт как признак всех больших материков, на что до него еще верно указывали Бэкон, Ломоносов

и Форстер. Последний к характеристике больших материков присоединил еще два признака, а именно: нахождение одного или многих островов на восток от южных остроконечностей материка и присутствие большего или меньшего залива на западе. В Негропонте и во множестве греческих островов на восток от Мореи, равно как в Финском, Ботническом и Венецианском заливах на западе, оба эти указанные Форстером признака имеются у нашего греко-славянского мира. Горные хребты северного Китая, Тибета и Гиндукуша в средней Азии с большим правом, чем хребет Уральский, могут служить гранью особого материка. С течением времени, с укреплением и распространением торговых и нравственных связей России с землями греко-славянскими, с распространением в них языка русского, с возрастанием народонаселения в России и в Северной Америке, и с постепенным увеличением европейской эмиграции в Новый Свет, при дальнейшем логическом развитии всех последствий экономического строя в старом романо-германском свете*, быть может, еще резче и определеннее выразится характер самостоятельного материка у мира греко-славянского. Далее обозначится, быть может, *что* материк этот имеет на западе два полуострова, *Скандинавский* и *Прусско-Романский,* в котором Испания и Италия представляют такие же два выступа, какие имеются на юге у полуострова Скандинавского. Этот Прусско-Романский полуостров, — предполагаем, что Германия будет наконец объединена Пруссией, — мог бы получить для России и всего греко-славянского мира совершенно такое же географическое и культурное значение, какое имеет для нее Скандинавский полуостров и какое особенно имела Швеция для России Петра Великого, славное значение ее наставницы

* Нельзя не согласиться с европейскими экономистами, что для рабочих классов Европы, как бы ни были полезны разные благотворительные учреждения, товарищества (trade-unions, sociétés coopératives) и некоторые законодательные меры (об ограничении рабочих часов и пр.), все-таки самое действительное средство от нищеты есть эмиграция. См., напр., Fawcett-Henry. The economic position of the British labourer. Cambridge and London. 1865. P. 224 и сл.

и учительницы. Для другой же части арийско-христианского человечества, для мира англосаксонского в Новом Свете эти два романо-германские полуострова греко-славянского материка, особенно прусско-романский, имели бы значение малоазиатского полуострова для Древней Греции, причем западным островам Англо-Шотландии, Ирландии и Исландии принадлежала бы роль Кипра, Родоса, Кандии и других греческих островов, которые служили и служат природными мостами, связывающими Азию с Грецией.

И тут опять проявляется большее сходство и ближайшее сродство греко-славянского юга с Россией, чем с романо-германским западом и даже с его югом. Собственная Европа, или два романо-германских полуострова греко-славянского материка обращены на запад и юг, к Америке и к Африке, а не к Азии, не к Востоку, так что самая юго-восточная их оконечность, Италия, на восточном берегу своем представляет весьма слабое развитие портов, пристаней и гаваней и до того невыгодна в морском отношении, что без своих подданных славянских и греческих Венеция никогда бы не приобрела славы большой торговой и морской державы… и так называемое владычество (dominio) Венеции в Адриатическом море имело смысл и значение, поскольку она владела Истрией и Далмацией, Тоническими и другими греческими островами. Между тем как греко-славянский юг весь обращен к Азии (и также к Африке, преимущественно сев.-восточной), от Мореи до Константинополя, представляя в нее самые легкие и удобные переходы как через ряд островов архипелага, так и через узкие проливы, собственно Константинопольский, Мраморное море и Дарданеллы. Эта смежность греко-славянского мира с Азией имела огромное влияние на его исторические судьбы, открывая его племена первым ударам воинственных орд азиатского Востока. Эти завоевания и опустошения в землях греко-славянских надолго задержали их умственное развитие, зато борьба с азиатами и их долгое владычество закалили нравственные силы греко-славян и приобрели им право на воздействие, преобладающее влияние и владычество в Азии.

К числу особенностей греко-славянского мира сравнительно с романо-германским и вместе к числу причин гораздо более тихого и медленного у нас развития образованности следует, кажется, отнести и решительное преобладание в нашем мире села над городом, крестьянства над горожанами, буржуазией или мещанством, сельчан и мужиков над дворянами, рыцарством, начала общинности, старины, привязанности к обычаю и пошлине над началом личности, стремлениями к новизне, переворотам и преобразованиям. Рыцарство и мещанство; феодальные собственники и владельцы рыцарских замков, города Италии и Германии, среднее сословие Франции и Англии служат яркими и блестящими представителями своих стран, во взаимной борьбе и соперничестве, общими совокупными усилиями возводят, можно сказать, все величественное здание романо-германской образованности. В мире же греко-славянском все попытки и стремления к привилегиям городов* и более или менее крупных землевладельцев приводили к разорению и ничтожеству богатые торговые посады и селения, к введению в страну многочисленных немецких поселенцев с великими для них преимуществами и с не меньшим ущербом для национальной политики государства (например, в Чехии, Польше); а дворянство, с правами баронов и рыцарей, обращалось в помещиков, мало чем отличавшихся от мужиков, или в простых рабовладельцев, польских панов и сербо-боснийских бояр, которые этими привилегиями наводили позор и погромы на свои земли, у нас — пугачевщину, у поляков и чехов — раздел Польши и Велогорскую битву, у сербов — завоевание турецкое. Все когда-либо возникавшие аристократии славянские отличались всегда крайней подражательностью и легкомысленной изменой народному знамени, тогда как аристократия

* В древней России с понятием о городе связывалось понятие огороженного, укрепленного селения, окруженного рядом деревень или во всяком случае с принадлежащим ему более или менее обширным простором земель. У нас *город и уезд,* у прочих славян *град и жупа* были понятия неразделимые. «И тому ся стати мочно ли, что городу быти без уезда? Ано и села или деревни без пол и без угодей не живут, а городу как быть без уезда?» (Рум. Собр. I. 1566. № 192. С. 647).

Италии, Испании, Франции, Германии, Англии, за исключением некоторых кратковременных периодов в своей истории, постоянно отличались и отличаются крайним национальным духом и горячим, хотя бы и узким, патриотизмом*. Ни у греков, ни у албанцев, ни у румын (их бояре не западные аристократы, а те же русские помещики) нет точно так же буржуазии и аристократии. Сельское население, земщина, крестьянство, *мужичье* преобладает и господствует в политической, общественной и экономической жизни греко-славянской. И культура страны, и умственное развитие совершались и совершаются при таких условиях гораздо медленнее, чем при благоприятном для развития личности господстве аристократии и буржу-

* Некоторые умные иностранцы ясно это сознавали. Так, Фальмерайер метко заметил: «Im Grunde ist Russland ein Bauerstaat, wie das alte welterobernde Rom». (Gesam. Werke. Leipzig, 1861. II. 75). В греко-славянском мире центр тяжести лежит в крестьянстве. В нем главные нравственные, общественные и политические силы страны, Блазиус, А. Гумбольдт не могли скрыть своего удивления к уму и даровитости русского мужика и положительно признавали нравственное превосходство крестьянства над дворянством. То же замечается и в других греко-славянских землях. В одном английском журнале (The quarterly Review. № 258. Iuly. 1869) автор, близко знакомый с восточными христианами, таким образом представляет это явление, которое бросается в глаза каждому наблюдательному путешественнику: «We may remark, in a general way, that in the moral classifications of the different stages of society the reverse generally obtains in the East to what holds good in Europe; for in the latter the larger proportion of vice and crime is decidedly among the lower classes, especially in cities; the richer and higher are comparatively free from social evils a fact of which the main solution lies not exclusively in better education and the like, but also in that riches, throughout the greater part of Europe, subject their possessors to that surest safeguard of morality, public opinion, while the poor range comparatively without its pale. But in the East, from opposite causes, the poor are subject to public opinion, the rich are emancipated from it, and have always been so; and hence the scriptural canon regarding the good effects of poverty, and the corresponding anathemas of the wealthy is a canon by no means of equal literal corectness in Europe as it is, even in the present day, in Asia» (p. 17—18). Эта разность происходит главнейше от того, что, с одной стороны, институт аристократический не свойствен славянским землям; насильственно в них введенный, он быстро вырождается, образуя одни уродливые явления, с другой же стороны, греко-славянский мир, говоря вообще, почти не знаком с западным типом безземельного крестьянина батрака и рабочего пролетария. Масса народа греко-славянского не только в России, но даже и в Австрии, наиболее в Турции, живет еще под благотворным влиянием крепкого семейного быта и общинного самоуправления.

азии, невыгодном зато для экономического положения массы народа, определенного на батрачество*. С этим преобладанием крестьянства тесно связан тот государственный идеал верховной власти, который господствует на громадном просторе греко-славянского мира не только у русских, но и у южных, и у огромного большинства западных славян, и даже у румын, албанцев, греков, грузин, армян, сирийцев. Этот идеал строго отличается от таких же государственных идеалов, в разные времена существовавших и ныне существующих в мире романо-германском. Этот идеал не сходен и с идеей императорской власти, господствовавшей в средние века в Германии и Италии, так как с ней была тесно связана другая, огромному большинству нашего мира совершенно чуждая и глубоко противная, идея папской власти. Преобладание земщины и крестьянства не может быть объясняемо одними этнографическими особенностями, хотя они и могли иметь некоторое влияние, но главнейше основано на особенностях просветительного начала мира греко-славянского, на православном учении о Церкви, столь глубоко несогласном с учением о нем латино-германским или католическо-протестантским. Вместе с торжеством латинства у западных славян падали земщина и крестьянство. В странах чисто православных не может долго держаться и тем более развиваться аристократия. Оттого в странах православных, вместе с притязаниями аристократиче-

* См. кн. А. Васильчикова. О самоуправлении. С.-Петербург. 1869. Т. 1. «Крестьянство, — верно замечает почтенный автор, — занимает в России первенствующее место в общественном и земском строе, первенствующее не только по своей многочисленности, пространству владений, общей доходности и ценности имуществ, но и потому, что оно организовано лучше, полнее, самостоятельнее, чем прочие сословия, теснее связано, и среди всяких внешних, свыше исходящих, притеснений и невзгод окрепло во внутреннем, униженном своем составе» (с. XLI). «Мы не видим возможностей расстраивать этот вековой ход нашего общественного построения и полагаем, что с ним надо помириться точно так, как мы миримся с суровостью нашего климата и с другими преградами, воздвигнутыми историческими и естественными явлениями, не зависящими от человеческой воли. Вместе с тем мы полагаем, что препятствия эти не непреодолимы и что неудобства, нами указанные, скорее могут быть исправлены, чем другие неизлечимые недуги, коими болеют другие общества» (CXLIII).

скими, служилые люди и крупные землевладельцы всегда выказывают сочувствие и поползновение к католицизму.

История греко-славянского мира отличается от истории романо-германского и тем также обстоятельством, что с первых времен принятия христианства и письменности у огромнейшего большинства наших племен языком культурным и дипломатическим был язык национальный, у греков греческий, у армян армянский, у грузин грузинский, у славян славянский. Между тем как на Западе, не только в первые века до XIII и XIV вв., но и долго после, вся семья романских и германских племен имела один общий церковный, культурный и дипломатический, хотя и мертвый язык. Это важное обстоятельство также много содействовало успехам наук и более быстрому и общему развитию образованности высших классов всей романо-германской Европы, хотя и не осталось без некоторых вредных последствий на просвещение масс народных, много препятствуя распространению и укоренению в них начал христианских и даже простому развитию грамотности.

Столь же существенное и коренное различие миров греко-славянского и романо-германского заключается в крайнем несходстве взаимных отношений между носителями начал общего и частного, единства и разнообразия, представителей сил центростремительной и центробежной. Романо-германские племена распадаются на пять больших исторических разновидностей: три романские (Франция, Италия, Испания) и две германские (Англия и Германия). Эти пять языков достигли более или менее значения всемирно-исторического. Довольно невидное положение современной литературы и образованности испанской выкупается ее славным прошедшим в XVI и XVII вв. и обширным современным распространением языка ее в Новом Свете. Голландский, шведский и датский языки, при всех похвальных усилиях и многих замечательных дарованиях их писателей, все-таки не могут иметь значения вне своих тесных родин. Даже в Швеции и Норвегии датский язык и датская книга далеко, кажется, не в общем употреблении. В греко-славянском мире рядом с русским народом находится

несколько малых славянских народностей, из коих ни одна не восходит до 10 млн душ, а из иноплеменных самая многочисленная, румынская, не превышает 8 млн душ, и между этими малыми народностями есть народности старые, с богатыми некогда, более или менее самобытными культурами. В ряду их первое место, бесспорно, занимает народность греческая, затем армянская, грузинская... Но в настоящее время эти народности малочисленны, слабы политически и культурно. Современное развитие их языков и литератур не возвышается даже до нынешнего положения языков голландского, датского или шведского. Народности чешская, польская, сербо-хорватская имеют обработанные литературные языки и в известной степени не бедные словесности, но вследствие равных неблагоприятных политических обстоятельств и также своей малочисленности эти народности поставлены в невыгоднейшее положение, чем мадьяры, румыны или греки. Языки польский, чешский, сербо-хорватский не могут с успехом бороться, первый против языков немецкого и русского, чешский против немецкого, сербо-хорватский против немецкого, итальянского и мадьярского. Несравненно еще невыгоднее положение языков болгарского, словинского, словенского и сербо-лужицкого. Литературная обработка всех этих наречий приносит большую пользу в смысле пробуждения славянского самосознания в массах народных, но не дает возможности сколько-нибудь образованным людям обходиться в ежедневной практической и умственной деятельности без языков итальянского и немецкого. Среди этого множества разных литературных и нелитературных, славянских и инородческих наречий, выступает в мире греко-славянском могущественный и богатый язык русский, господствующий, государственный язык мировой державы, прямой и единственный законный наследник древнеславянского письменного языка. В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных

инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский. Так, начала единства и разнообразия, силы центростремительная и центробежная, в мире греко-славянском находятся совершенно в ином сочетании, чем в мире романо-германском. Славянство в этом отношении не представляет ни малейшего сходства с племенами романским и германским. Романское племя походило бы тогда лишь на славянство, когда бы, например, при современной Франции вместо Италии и Испании было шесть, семь Португалий или Бельгий с особыми наречиями и словесностями, с такими же, как и у славян, иноплеменными клиньями и с такой же неравной борьбою против шести враждебных или соперничествующих племен. Точно так же и германское племя только тогда походило бы в этом отношении на славянское, когда бы, например, не было вовсе англосаксов, а были бы одни нынешние немцы, и притом уже объединенные в сильной Германской империи, которая была бы окружена шестью Даниями и Голландиями, развивающимися не при нынешних своих условиях, а при таких, которые походили бы на современные порядки западных и южных славян. Еще также можно было бы приравнивать положение германского племени к положению славянского, если бы существовало в нем одно сильное англосаксонское племя, а вместо 35 млн нынешних немцев было бы шесть различных племен в роде норвежцев, шведов и датчан, разделенных более или менее сильными и враждебными иноплеменниками.

В этом отношении Россия и малые племена славянские представляют всего более аналогии с Древним Римом и Элладой. Россия, как Рим, представляет сильно выработанное начало единства; южные и западные славяне, как эллины, — непомерно развитое начало местного и народного разнообразия. Но далее сходство опять исчезает. Южные и западные славяне не являются, как Эллада в отношении к Риму, одним цельным организмом, самостоятельным историческим типом, со своим особым языком, с богатейшей, самобытной образованностью,

во многих отношениях далеко превосходившей образованность Рима. При всем неравенстве и несходстве положения южные и западные славяне принадлежат к одному историческому типу с Русью. Их наречия и народная словесность, семейный и общественный быт сохраняют поразительные черты общего внутреннего родства, не того, что связывало, как близких друг к другу арийцев, эллинов с итальянцами, а родства отдельно взятых эллинов — ионян, дорян, эолийцев или италиков-латинян, умбров, марсов и самнитян. Большая часть нерусских или живущих вне России славян, т. е. из 25 млн более 13 (болгаре, сербы, отчасти хорваты, словаки), находятся в некоторых отношениях на низшей степени развития, чем народ русский. Разумеем тут не одну грамотность, но и народное самоуправление. У остальных же 10 млн славян (чехов, словенцев, сербов-лужичан и некоторых частей поляков, сербов, хорватов и пр.) культура слишком мало национальная. Если же относительно распространения грамотности и школ у южных и западных славян и есть иногда очень значительные преимущества перед Россией, то они с известными усилиями достижимы для нас и вознаграждаются многими иными благоприятными условиями национального развития, которые в мире славянском присущи одному русскому народу.

Но русский народ и его язык преобладает численно, пространственно и духовно не только в племени славянском, но и в целом греко-славянском мире, не только между родственными ему народами и языками, но и всеми единоверческими и иноверческими племенами, живущими на материке нашем и его окраинах. Разумеем греков, албанцев, румын, армян, грузин, различные кавказские племена, литовцев, латышей, мадьяр, турок, различные иранские, финские, татарские и турецкие племена, вошедшие в состав русской империи или живущие в пределах нынешней Австрии и европейской Турции. С развитием русской образованности, с умножением железных дорог и усилением внешней и внутренней торговли России знание русского языка все более и более должно распространяться у всех этих племен и, без сомнения, все глубже будет проникать на

запад — в Европу и на юг и восток — в нынешнюю азиатскую Турцию, Персию, Среднюю Азию, Китай и Японию. Но и в настоящее время, при всем этом пестром разнообразии племен, в мире греко-славянском все-таки преобладает общее над частным, начало единства над началом разнообразия. Славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями. Численно, пространственно и духовно преобладает и господствует славянство, а в нем и чрез него, народ и язык русский. В нашем мире нет и не может явиться той двойственности, которая была в Римской империи и выражалась в ней господством греческого языка и образованности на Востоке, латинского на Западе. В нашем мире нет такой национальности и образованности, нет такого языка, которые бы могли оспаривать первенство, преобладание и господство у русской национальности и образованности, у русского языка.

Великое различие между греко-славянским востоком и романо-германским западом заключается также в разности исторических возрастов славян, кельтов и германцев, этих главных действующих племен в средней и новой истории. Кельты и германцы целыми столетиями раньше славян выступили на историческое поприще или были увлечены в водоворот исторических событий, вошли в непосредственное соприкосновение с Грецией и Римом. В то время, которое для славян было в полном смысле доисторическим, еще в IV, III, II вв. до Р. Х., кельты громят римлян и греков в Италии, Фракии, Македонии, Греции, М. Азии. В первые полтора века нашего летоисчисления Испания, Галлия, даже часть Британии подчиняются римской образованности, покрываются римскими дорогами, каналами и водопроводами, амфитеатрами и цирками, великолепными дворцами и храмами, многочисленные остатки и следы которых поныне свидетельствуют о прочности римских предприятий и глубине римского влияния. Еще сильнее оно отразилось на совершенной почти романизации языков Испании и Галлии, просвещавших потом вместе с Италией и Британией завоевателей германцев и их первоначаль-

ную родину, Германию, и полуостров Скандинавский. Повсюду в Испании, Галлии, Британии заводятся училища римского языка и красноречия, прилежно изучается классическая литература. Романизованные страны кельтов и иберов дают Риму лучших авторов и знаменитых писателей: Испания — Лукана, Марциала, Силия Италика, Флора, Мелу, М. и Л. Сенек, Квинтилиана и пр., Галлия — П. Теренция Варрона, Корнеля Галла, Трога Помпея, Петрония, Воциэна Монтана, Домиция Афра и многих других грамматиков, правоведов, риторов. Во II в. христианство проникает уже в Испанию, Галлию, Британию (от греков из М. Азии), отчасти даже в Германию (cisrhenana). В IV—V вв. в Италии, Галлии и Британии христианская Церковь уже вполне утвердилась, является развитая, образованная иерархия, со множеством епископов, имеющих важное политическое значение и большое влияние на народ, со многочисленными мужскими и женскими монастырями, в которых занимаются письменностью. В Испании и Галлии часто происходят соборы по делам веры и церковного устройства, нередко с участием африканских, итальянских и британских епископов. Так, известны соборы в Испании: в Эльвире 305 г., Сарагоссе 380 г., Толеде 400 г.; в Галлии: в Арли 314 г., Риесе (в Провансе) 439 г., в Оранже 441 г., Везоне 442 г., Анжере 454 г., Арле 401 г., Туре 461 г. и проч.

Гораздо позже кельтов выступив на историческое поприще, германцы все-таки целыми веками предваряют славян. Еще ранее, чем с Цезаря, со II в. до Р. Х. начинаются постоянные непрерывные столкновения и сообщения германцев с Римом. Лет через 50 по утверждению римлян на Рейне, у некоторых знатных германцев, вероятно, не без римских внушений, вошло в обычай посылать детей своих на ученье в римские земли и в самый Рим. Еще в первые годы нашей эры находим в борьбе с Римом за независимость двух германских вождей Арминия и Маробуда, получивших римское образование, знакомых с государственным и военным искусством Рима и уже стремящихся сплотить и объединить раздробленные племена германцев. Во II в. по Р. Х. они решительно начинают свои

наступательные действия против Римской империи, как это ясно уже выразилось в двух войнах маркоманнов и квадов с Марком Аврелием (165—175 и 177—181 гг.). В войнах этих новейшие исследователи не без причины видят для Рима начало конца, прибавляя, что после борьбы с Карфагеном за всемирное господство Рим не имел ни одной войны, которую бы можно было сравнить с Маркоманской. Каракалла в 213 г. в бытность свою в Майнце принужден принимать посольства различных самых отдаленных германских племен, даже с берегов Северного моря и устьев Эльбы. Ища дружбы, они требуют золота или угрожают войной. В 206—258 и 261—268 гг. готы и другие немецкие племена из южной России предпринимают опустошительные набеги и походы во Фракию, Македонию, Грецию и М. Азию. В IV—V вв. оттесненные гуннами и славянами на восток, увлекаемые буйством сил и молодечеством, страстью к грабежам и легкостью завоеваний в дряхлой империи, германские племена вторгаются во все ее западные провинции, в самую Италию, утверждают в них свое господство, и по свержении Одоакром Ромула Августула (476 г.) кладут конец Западной Римской империи, основывают германские королевства в Италии, Испании, Галлии, Британии, принимают христианство, имеют (готы) переводы Священного Писания и писанные законы.

Историческая жизнь славянского племени начинается лишь с конца V и в начале VI в., и то только для значительного его меньшинства, для его южных и западных ветвей Римская цивилизация, воспринятая адриатическими венетами (если они были славяне), по оторванности их от главного ядра славянского, не могла иметь на него никакого почти влияния. Древние греческие поселения в Крыму, Босфоре и на северном Черноморье (Пантикапея, Фанагория, Ольвия и пр.) с их высокой образованностью, могли, конечно, иметь некоторое слабое влияние через скифов на предков наших русских славян, тем не менее собственные интересы греков, людей торговых но преимуществу, малочисленных и не воинственных, заставляли их не возбуждать к деятельности, а напротив, держать по

возможности в усыплении и в удалении от всего тогдашнего исторического мира и от всех его политических интересов. Для огромного большинства славянских племен (Руси, Польши) истинная история настает уже со второй половины IX в. и даже позже. В это время большая часть романо-германской Европы считала за собою не менее VIII—IX веков исторического существования — Испания, Галлия, Британия, не говорим уже об Италии, не имевшей перерыва в своей истории, — по праву начинают свою историю с Ю. Цезаря или с первых годов нашей эры. Германское племя, за исключением скандинавов, могло уже в это время считать за собою не менее четырех веков исторической жизни. История южных и западных славянских ветвей с V по половину IX в. имеет некоторую аналогию с историей германцев от выступления кимвров и тевтонов против Рима или с Арминия до Германариха († 375), Ульфилы († 381) и Алариха († 411), с той лишь разницей, что славянская история обнимает три с половиной века и принадлежит меньшей части племен, тогда как история германская этого периода тянется более четырех столетий и включает в свой круг большую часть племени. Сверх того, славяне в это время (с VI по IX в.) имеют дело только с незначительной частью образованного мира, собственно с Иллирским полуостровом, Грецией и отчасти с некоторыми островами архипелага, частью М. Азии и Италии, тогда как германцы в течение этих с лишком четырех столетий (с I по V в.) воюют, поселяются, проникаются римским христианским влиянием не только во всех этих землях Восточной империи, но и в большей части Западной — в Италии, Испании, Галлии, Британии, в Африке. Вторжения и переселения южных славян в М. Азию, Фракию, Македонию, Грецию, Иллирик, Далмацию, Истрию, Италию и М. Азию в VI—VIII вв. предварены аналогическими событиями германской истории, например, войнами кимвров и тевтонов с Римом во II в. до Р. Х., борьбой Арминия, войнами маркоманнов и квадов, первыми движениями готов на Восточную империю, аллеманов и др. племен на Италию, Испанию, Галлию (в I—III вв. по Р. Х.). Первая попытка славян к образованию политических союзов,

славянская держава Само (627—662), от нижней Эльбы до Стирикских Альп, имела себе предшественников в попытках германских союзов Арминия и Маробуда (I в. до Р. Х.), в Готской державе греутунгов и тервингов, вест- и остготов во второй половине III в. Морские походы южных славян-стримонцев, рунхинов и западных лютичей в VII—VIII вв. могут быть сравнимы с походами готов и других немцев в М. Азию в 256—258 гг. и 261—268 гг. В течение трех с половиной веков (с VI по половину IX в.), когда для огромного большинства славянского племени (поляков, русских и словаков) еще продолжается доисторическое время, значительная часть германского племени уже приняла христианство, управляется своими королями и живет в государствах, нередко сильно проникнутых римским духом, имеет свои сборники законов, составленные более или менее под сильным влиянием канонического и римского права и своих летописцев, более или менее подражавших своим предшественникам, римлянам-христианам. При относительной незначительности романо-германской территории, при сравнительном удобстве морских и сухопутных сообщений, давно открытых, проложенных и усовершенствованных финикиянами, карфагенцами, греками и римлянами, знания и понятия римско-христианские, всасываемые и вбираемые германскими племенами в землях романских, легко передавались и сообщались другим немецким племенам внутри Германии. Огромная часть романо-германского мира успела уже пережить век Карла Великого (768—814), Британия имела Алфреда Великого (871—901), юг и средина Испании завоеваны высокообразованными арабами (711—755 гг.), величественная монархия Карла В. распадается уже на отдельные государства и главные национальности, которые при своем несходстве сохраняли, однако, общий письменный и дипломатически язык, общие руководящие идеи, целые теории о восстановлении империи, о папской и императорской власти, господствовавшие потом на Западе в продолжение столетий и поныне еще не исчезнувшие. В начале этого периода (VI—X вв.) некоторые славянские ветви на южных и западных окраинах наше-

го мира входят в ту пору исторической деятельности, которая была прожита германцами еще во II—III вв.; в исходе же этого периода у большинства славян-мораван, болгар, сербов, хорватов, чехов, поляков и русских едва только полагались первые зачатки государственности и совершалось настоящее их обращение в христианство.

Таким образом, разность исторических возрастов есть один из важнейших признаков различия романо-германского и греко-славянского мира. По общему происхождению из одной арийской прародины, по сходству своего первоначального быта, поверий, нравов и обычаев, по внутреннему строю и составу своих господствующих языков, эти два мира — близкие между собой родственники, как родственники между собою индусы, персы, эллины, римляне и романо-германцы. Как те, так и другие — часто современники, но отнюдь не *ровесники*. Исторические возрасты, периоды детства, юности, мужества и старчества тех и других одинаково не совпадают, можно сказать без преувеличения, что нынешний XIX век для мира греко-славянского есть, собственно, то, чем были для романо-германского XIV—XV вв., если еще не более отдаленное время. Большая часть земель греко-славянских в настоящее время менее населена и обработана, менее культурна, чем была большая часть романо-германских земель, быть может, четыре, пять столетий тому назад. Славянские наречия, за исключением болгарского, имевшего особую судьбу, в нынешнем своем виде сохраняют больше старины и древности, чем германские наречия — о романских и говорить нечего — времен минезингеров, Швабского и Саксонского зеркала (Schwaven, s Sachsen-Spiegel. XIII в.).

Греко-славяне, по природе страны, своему этнографическому составу и религиозным началам составляют, по отношению к романо-германцам, совсем особый исторический организм или самобытный мир, от которого и без разности времени выступления их на историческом поприще нельзя бы было ожидать и требовать совершенно единовременного развития. Тем неуместнее такое требование при столь значительной, с

лишком четырехвековой разности начальных годов их исторической деятельности. Понятно, что нередко всеми нами употребляемые выражения *медленное развитие России и прочих стран нашего мира сравнительно с миром романо-германским — Россия далеко отстала от Европы — Запад, далеко опередивший Россию,* если эти выражения лишены всякой научной строгости, отличаются крайней неточностью и свидетельствуют о неясности понятий. Никто не может предугадать, а тем паче определить сколько-нибудь приблизительно время, необходимое для разных, еще не пройденных, периодов развития того или другого живущего народа, или целого исторического мира. Быстро или медленно развивалась образованность романо-германская, сказать в точности очень трудно, так как нам неизвестен конец романо-германских стран и национальностей, как приблизительно известен, например, конец индийской, древнеперсидской, древнеэллинской и древнеримской жизни и образованности. Сравнение же медленности и быстроты исторического развития разных миров и цивилизаций не может также отличаться большей точностью, ибо плоды разных организмов требуют разных сроков для своего развития. Все эти образованности арийского человечества отправлялись в своем развитии от разных точек, преследовали более или менее разные задачи, проявляли по преимуществу разные стороны человеческого духа, распускались, зрели, процветали и увядали далеко не в одно и тоже время, часто имели друг на друга очень сильное влияние, например, Эллада на Рим, Рим на романо-германцев. От богатства содержания и разнообразия внутреннего состава, от большей или меньшей сложности народных организмов и исторических миров зависили медленность и быстрота их развития. Быстро или медленно развивались романо-германцы, сравнительно на примере с Грецией и Римом, решить очень трудно, так как эти организмы слишком несходны между собой. Как решить, быстро или медленно развивается русский народ сравнительно с Европой в государственном и в культурном отношении? Одного ли времени, одних ли усилий требовалось для образования русского народа и

государства и нынешних европейских государств и народов? Если *отставать* и *опережать* — все одно что начать историческую жизнь несколькими веками позже или раньше, то значит, Англия Елизаветы, Шекспира, Бэкона на несколько веков отстала от Рима Августа, Виргилия и Овидия, а Греция Александра Македонского на два слишком тысячелетия опередила современную Европу. И какой может быть особенный прок от подобных сравнений? Правильно ли сравнивать Россию с Италией, Испанией, Францией, Британией, Германией, когда история этих стран и народов старше нашей целыми столетиями? Пушкина, Грибоедова, Гоголя и их время одинаково неверно и неточно сравнивать как с современными им Байроном, Шелли, Вальтером Скотом и Муром, Шиллером, Гете и Гейне, так и с близкими ровесниками их Вальтером Фогельвейде, Вольфрамом Эшенбахом, Чосером и их временем. Сравнивать Россию Крымской войны с современными ей странами Европы, с Англией Пальмерстона, Францией Наполеона III и Германией А. Гумбольдта, Мюллера, Гримма и Ранке также трудно и почти невозможно, как и сравнивать Россию Николая I с ровесницами ее: с Германией Люксембургов Карла и Сигизмунда, с Францией Бертрана дю Гесклена и девы Орлеанской, с Англией последних Плантагенетов и первых Ланкастеров. По историческому возрасту мы, русские, — ровесники романо-германцев XIV—XV вв., а по многим нашим интересам и задачам мы — современники их потомков в восьмом, девятом колене. В наших нравах, в быте и языке, во всем, что относится до непосредственных проявлений духа, содержится больше сходства и родства с европейцами XIV—XV вв., нежели с их потомками, нашими современниками. В России еще вся общественная и государственная жизнь запечатлена лесною дикостью и свежестью, деревенской простотой и грубостью, степною смелостью и разнузданностью. В Европе эти черты попадаются ныне только в некоторых захолустьях, забытых историей и служащих для европейцев предметом археологического удивления. Многие стороны нашей гражданственности глубоко проникнуты неуважением свободы личности, грубым произволом и насиль-

ственностью: мы, и общество и правительство, не имеем еще истинных понятий о свободе устного и печатного слова, о свободе сходок, о настоящей свободе совести, о полной независимости суда от администрации. Все эти начала, по крайней мере в идее, уже стали признаваться Европой, хотя и не всюду, еще в XVI в., а в настоящее время почти всеми европейскими правительствами торжественно признаны, как правила руководящие и безусловно необходимые для развития народов и государств, между тем как в России только очень недавно литература могла возбудить вопросы об этих началах, которые далеко еще не признаны в русском образованном обществе, составляющем весьма малую часть русского народа, несомненно любящего свободу и в ней нуждающегося не менее всех других народов, но еще не вышедшего из непосредственности и не достигшего самосознания. Можно указать на множество европейских книг и сочинений XVI в., за которые ни один здравомыслящий русский писатель лет 20 тому назад не задумал бы и приняться и которые в настоящее время подвергли бы русского писателя самым строгим преследованиям закона и в русском обществе встретили бы самое решительное осуждение, не за одно несогласие с его мнениями, а за искренность, смелость и свободу речи. К такой свободе приучаются общества веками, грозными бурями политической и религиозной жизни, упорными трудами и горячими спорами отдельных мыслителей и целых школ. Все это пережила Европа в века схоластики, Возрождения, Реформации, Английской и Французской революций, в те времена, когда Россия и большинство греко-славянских народов принуждены были выносить владычество монголов и турок или вести борьбу для защиты границ от вторжений и наездов диких степняков, от которых большая часть Европы избавилась еще в 955 г. победой Оттона I, при Лехе, над мадьярами. Отец русской поэзии и науки, образователь русского литературного языка Ломоносов, имевший своими предшественниками Симеона Полоцкого и Магницкого, умер почти в год рождения Карамзина и за сорок пять лет до рождения Пушкина; между тем Италия, Испания, Франция, Англия и Германия имели уже великих ху-

дожников, поэтов, мыслителей и ученых, умерших за триста, двести и сто лет до рождения Ломоносова. Но как бы мы не были близки к средневековому европейскому Западу, ко всему, что непосредственно мы не обязаны, да и не можем проходить по его пятам все пройденные им ступени развития, с XV в. до настоящего времени, и не обречены волочиться за Европой на четырех-, пятивековом расстоянии. Для нас уже никогда не возможны западноевропейские феодальные порядки и вытекающие из них составные и общественные, политические и социальные отношения, как невозможны уже инквизиция, Варфоломеевская ночь, угнетение крестьян Франции и Германии XVII и XVIII столетий и террор со всеми их сопровождавшими и следовавшими за ними явлениями. Точно так же у нас уже немыслимы алхимия, астрология, нелепые теории старых грамотеев о происхождении языков и народов, легковерие и легкомыслие прежней историографии. Наш народ, говорящий языком, напоминающим своей грамматикой немецкий литературный язык XIII в., — уже свободный землевладелец, пользуется самоуправлением в своих общинах и принимает участие наравне с другими сословиями государства в хозяйственном управлении уездов и губерний, судится гласным судом с выборными мировыми судьями и присяжными заседателями. Бедна Россия школами и литературой, скудна необходимыми условиями для процветания науки, ограничен круг русских ученых, но немногие имеющиеся уже стоят на высоте развития не своих европейских ровесников, а их далеких потомков, своих французских, шведских, английских современников. Мы изучаем небо на Пулковской, одной из лучших обсерваторий в мире, точнейшим образом измеряем огромнейшие пространства России, покрываем ее целою сетью физико-метеорологических обсерваторий, соединяем отдаленные края ее телеграфами и железными дорогами, математико-физическими, анатомическими, физиологическими и химическими трудами и исследованиями уже вносим богатые вклады в современную науку, нашими географическими экспедициями обогащаем землеведение, дополняем, изменяем и исправляем труды и ис-

следования Гумбольдта и Риттера о северо-восточной, средней и малой Азии, составляем богатые, роскошные и редчайшие собрания и музеи, вносим в историческую наук более точные и правильные сведения: о Китае, буддизме и мусульманстве, изучаем языки и нравы многочисленных наших инородцев и переводим на их наречия Священное Писание, правильными раскопками курганов в Крыму и южной России открываем и сохраняем для науки превосходные произведения эллинского художества и вообще памятники древней греческой образованности, наконец историко-филологическими исследованиями в области греко-славянской постепенно подготовляем совершенную переработку так называемой средней и новой истории.

Большая часть греко-славянских земель вне России в культурном отношении находится гораздо ближе к России, чем к Европе. Если чехи в Чехии и Моравии, поляки, словинцы, хорваты и западные сербы в прежние века, отчасти и в нынешнее время, были и суть образованнее русских, то за исключением чехов в XV и XVI вв. (гуситы и братья моравские), образованность этих славянских народностей была и есть очень мало самостоятельная и народная, вместе с тем развивалась неровно и не непрерывно, встречая задержки почти на одно и на два столетия, например, в XVII и XVIII вв. Даже старые исторические народы нашего мира имеют в этом отношении гораздо более сходства с Россией, нежели с более старым и образованным Западом. Сильное смешение славян и потом албанцев с греками обновило и подкрепило их дряхлую народность, но вместе с владычеством турок надолго задержало в них успехи образованности. Такое же огрубляющее действие имели турки и на армян, грузин и сирийцев. Все они, вместе с греками и западными славянами, не только по вере и многим историческим преданиям, но и по степени своей культуры имеют очень мало общего с Европой, которая в лице своих умнейших представителей, знакомых лично с этими народами, сама в них видит себе чужих, причисляя их заодно с русскими к несочувственному ей христианскому Востоку, или, по выражению одного английского дипломата (Лонгворта) к *Русскому космосу.*

Таковы, по крайнему нашему разумению, самые главные и существенные отличия мира греко-славянского от романо-германского. Они вполне оправдывают мысль Шлецера о необходимости разделять истории арийско-христианского человечества или среднюю и новую истории на две половины, но не на южную и северную, как предложил Шлецер, а на восточную и западную.

III.

Критический разбор господствующего европейского, преимущественно немецкого, воззрения на славян. Сравнение славян с неграми, женщинами, кельтами и туранцами. Новейшая теория о туранском происхождении Великой Руси

…Господствующее в Европе, преимущественно в Германии, воззрение на славян, к разбору которого мы теперь обращаемся, может быть приблизительно и сжато выражено следующим образом: «Славянское племя, хотя и родственное германскому, есть тем не менее раса несравненно низшая и отнюдь ему не равноправная. В средней и новой истории оно занимает весьма незначительное место, вовсе не соответствующее его численности и тому пространству земли, которое оно населяет. Сравнительное его положение, относительно германского племени, как низшей расы относительно высшей, может быть уподоблено отношениям негров, хамитов, туранцев к европейцам, кельтов к римлянам и германцам, женщины к мужчине. Славяне — раса пассивная, страдательная, германцы — раса активная, деятельная. Эти положения неопровержимо доказываются бедностью, пригнетенностью, забитостью, неразвитостью, страшной грубостью и невежеством славянского простонародья, преданного суевериям, лености, беспечности и пьянству, — постоянным господством безнарядья и всевозможных злоупотреблений в славянской общественной и государственной жизни, совершенной неспособно-

стью и неумением славян пользоваться умеренной свободой, крутыми переходами их государственного быта от дикой анархии необузданной вольности к жестокому произволу самого наглого деспотизма, подражательностью, испорченностью и легкомыслием высших классов, их невыдержанностью характера, дряблостью воли. Поэтому вся печальная и мрачная история славян так мало поучительна для мыслителя, так ничтожна в истории новой христианской образованности. Немногие исключения принадлежат тем светлым периодам их истории, когда немецкая цивилизующая и облагораживающая стихия управляла кормилом славянских государств. Неспособность славян к самобытной политической жизни доказывается также и кратковременным существованием их союзов и государств, подпадавших власти чужеземцев: греков, итальянцев, немцев, аваров, монголов, мадьяр и турок. Россия некоторым образом составляет исключение, потому что в оба лучшие, самые блестящие периоды ее истории ею управляли: в киевский — норманны, в петербургский период — немцы. Норманны заложили Русское государство и наметили мечом его пределы. Благодаря им русский народ не держится теперь огрубляющего духа мусульманства, а исповедует христианство, хотя, конечно, и в самой низшей форме православия. О заслугах немцев в петербургском периоде нечего и говорить. Своим европейским видом, своим влиянием в делах Европы, своим политическим могуществом и какою есть образованностью Россия обязана главнейше, если не исключительно, немцам. Врожденная низость и неблагородство славян всего ярче раскрываются в упорной вражде и непримиримой, слепой ненависти их к немцам, которые принесли славянам христианство, образованность, начала гуманности, справедливости и истинной свободы. Славяне в Пруссии, Саксонии, Австрии, даже в России обязаны немцам уничтожением разъедавшего их народную силу крепостного права. Отсутствие умственной оригинальности и творческой самобытности живо выступает в славянских словесностях и художествах, в недостатке сколько-нибудь видных трудов в области наук физико-математических

и историко-политических, неспособностью к философии; даже новейшие антиисторические воззрения и учения так называемого панславизма и славянофильства возникли у славян из неумелого подражания немцам, которые в конце прошлого и в начале нынешнего столетий восставали против французского влияния в Германии и подняли знамя немецкой народности в науке, искусстве и жизни. Историческая, политическая и культурная неспособность славянской расы красноречиво доказывается также и теми огромными утратами, которые в течение веков привелось ей понести на юге и западе — в Морее, сев. Греции, Хорутании, Стирии, Австрии, Тироле, Баварии, Турингии, Чехии, Силезии, Саксонии, в обоих Пруссиях, в Познани, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге, Голштинии. Немцы, таким образом, захватили у славян и сгерманизовали с лишком 8 тыс. кв. м славянской земли. Как римляне распространили свой язык и свою цивилизацию в Испании, Галлии, Британии, Иллирике, Дакии, так немцы доставили своему языку господство у тридцати с лишком миллионов славян и других племен греко-славянского мира — литовцев, латышей, эстов, мадьяр, румын, словом, всех племен так называемой *субгерманской, поднемецкой Европы.* Из этих этнологических и исторических истин естественно вытекают следующие практические выводы. Все попытки славян к освобождению от немецкого господства бесполезны, бессмысленны, тщетны и заранее осуждены историей. В случае временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись необходимого им руководства назначенных им Провидением повелителей, учителей и обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister), а история человечества сделала бы огромный шаг назад. Дальнейшее победоносное шествие и завоевательное движение германской стихии на славянский восток вызывается и требуется всей предыдущей историей европейско-христианской образованности, всеми высшими интересами и задачами современной цивилизации. Таким образом, Германия непременно должна увеличиться и раздвинуть свои границы далее на славянский северо- и юго-восток. К Пруссии следует присоединить Австрийскую Силе-

зию, Чехию, Моравию, Словинскую землю в южной Стирии, Хорутанию и Истрию, так как *Немецкий город Триест* ей необходим для предопределенного ей господства на Адриатическом море. Дунайские земли должны принять в себя поток немецкой колонизации. Немцам предназначено владеть устьями Дуная, заселять Болгарию*. Но всех этих земель, хотя они и

* О необходимости германизовать Угрию и другие Дунайские земли толкуют немцы еще с императора Иосифа II… Кениггрец и Садовая через 78 лет погубили все плоды прежних германизаторских усилий. До этой братской борьбы не только австрийские и южные немцы, но и пруссаки написали огромное количество сочинений о великой миссии Австрии… Австрийские немцы, по счастливому выражению одного пруссака, фон Тилау, суть семя, предназначенное оплодотворить юго-восточную Европу (Das Europäische Gleichgewicht der Zukunft. Ein historisch-politischer Versuch. Berlin, 1859. S. 35). Сама природа направляет такое распространение немецкого элемента: «Die Donau, *dieser grüsste Deutsche Strom,* zeigt die Richtung an, in welcher Oesterreich u. Deutschland dauernde Gemeinsamkeit ihrer Interessen, fruchtbare Vereinigung ihres Einflusses zu erhöhter politischer Macht zu suchen haben. Die Donau bezeichnet den Weg, welcher bei zweckmässiger Gestaltung der politischen Verhältnisse den Strom der deutschen Auswanderung einschlagen musste» (Ideen zur Einigung und Eimheit Deutschlands, Berlin, 1860. S. 11). Рошер говорит: «Англия до сих пор в полнейшей степени пользовалась выгодными хозяйственными связями со своими колонистами. Мы, немцы, к сожалению, почти вовсе ими не пользуемся. Наши эмигранты в России, Америке, Австралии или Алжире пропадают совершенно для отечества: они становятся работниками чужих народов, часто даже нашими соперниками и врагами. Совсем бы иное дело было, если бы поток немецких переселенцев направлялся в немецкие колонии, так, например, в плодородные, но редко населенные части Угреи, в польские провинции Австрии и Пруссии, наконец в те части Турции, которые в будущем, так Богу угодно, должны стать наследием Германии (welche künftig, so Gott es will, das Erbe Deutschlands bilden sollen). Здесь путем колонизации могла бы возникнуть новая Германия, которая величиною, количеством населения и богатством превзошла бы еще старую и образовала бы вернейший оплот против всякой опасности от русских или поляков. Эта страна в национально-экономическом отношении могла бы для нас быть тем же, чем есть далекий запад для Соединенных Штатов, особенно, что касается фактической исключительности пользования. (W. Roscher. System d. Volkswirthschaft. 3 Auflage, Stuttgard u. Augsburg, 1868. I. S. 534. См. его же: Kolonien, Kolonialpolitik u. Auswanderung. 2 Auflage, 1856). О необходимости для Австрии владеть устьями Дуная см.: Hasner-System d. politischen Oekonomie. Prag. 1860. S. 162, ff. О попытке Австрии утвердиться в дунайских, румынских княжествах см.: L'Autriche dans les Principautés Danubiennes. Paris, 1858. О заведении немецких колоний в Болгарии см.: Unsere Zeit, Vierzehntes Heft. Leipzig, 1858. S. 116—117. Из ежегодно поки-

больше настоящей Германии, всего этого ей еще мало, тем более, что ей, может, не удастся приобрести даже этого, пока будет сильна так глубоко ныне проникшая на запад Россия, в которой еще в последнее время под влиянием разных неблагоразумных реформ (Сиверс, Эккардт и пр.) так нагло

дающих Германию 100, 150 тыс. немецких переселенцев, 50 тыс. немцев, говорит автор, всего лучше могли бы обратиться на восток — в Молдавию, Валахию и в Болгарию. «Таким образом, к исходу нынешнего столетия Болгария могла бы иметь немецкое население в несколько сот тысяч душ, из которых бы почти половина была рождена в Германии и с нею тесно связана… Кто может сомневаться, что такое плотное население немцев, какое возможно в Болгарии, не было бы важным фактором в будущих судьбах Дунайских земель? Болгария, существенно немецкая колония, определила бы участь этих земель, и это бы не осталось без влияния на великое отечество. Но если Болгария и вообще земли нижнего Дуная достанутся западным народам, то должны достаться только немцам. Британцы и ирландцы имеют для колонизации обширные страны Америки и Австралии, только капиталы английские будут употреблены на постройку болгарских железных дорог и гаваней. Франция имеет сев. Африку и не может заселять Дунайских земель. Из романцев только итальянцы могли бы соперничать с немцами в колонизации земель между Дунаем и Балканами. Но все эти немецкие мечтания (Zukunftsgebilde), к которым приводят обстоятельства, могут лопнуть (zerrissen), если России удастся простереть свои руки на Дунай и к вратам Балканов (wenn es Russland gelänge, seine Hand besitzergreifend über die Donau auszustrecken und an die Felsenpforten des Hämus zu legen. Aus diesem Gesichtspunkte hat Deutschland ein unmitelbares Interesse an der orientalischen Frage). Вот цели и задачи новых крестовых походов Европы на греко-славянский восток. Так нередко и называют сами европейцы эти стремления свои на наш восток. Кинкель прямо говорит, что он проповедует крестовый поход на Россию (Kreuzzug gegen Russlaud). Kinkel, Polens Auferstehung die Stärke Deutshlands. Wien, 1868). О колонизации нашего востока итальянцами см.: Congrés international de bienfaisance. Bruxelles, 1856. II. Question de l'emigration. Colonisation en Orient et dans le midi de l'Europe. Докладчик Pinondel de la Bertoche (из Флоренции) объясняет необходимость... lever l'ètendard de la nouvelle croisade, en prenant l'initiative de cette regènèration de 1'Orient par 1'Occident (p. 319). Известный археолог Лудвиг Росс писал и о заселении немцами даже М. Азии; Ross. L. Kleinasien u. Deutschland. Reisebriefe und Aufsätze mit Bezugnahme auf die Möglichkeit Deutschen Niederlassungen in Kleinasien. Halle, 1850. См.: Vorwort u. S. 175—191; 208—226. Он говорит в одном месте: «М. Азия от Синона до Кипра предназначена немцам, и решение судеб исполнится! (S. 216)… Довольно немцам служить в Померании шведам, в Ганновере англичанам, в Голштинии датчанам, в Курляндии русским, пришла немцам очередь господствовать, an die Deutschen ist die Reihe gekommen zu herrschen!» (S. 217).

усиливается антинемецкое движение, быстро распространяются панславистические бредни и возникают славянские комитеты, строящие козни против германизма во всех южных и западных славянских землях. Поэтому прежде всего нужно, дабы Пруссия осадила и урезала Россию отнятием у нее привислинских губерний, по крайности по ту сторону Вислы, Ковенской и Виленской губерний и русского Балтийского прибрежья или, по выражению графа Бисмарка, так называемых «Остзейских, ныне принадлежащих России, провинций, которые до битвы под Таненбергом (1410 г.) вместе с восточной Пруссией составляли части Прусской земли (Preussisches Land), как вековое владение Немецкого ордена». Для скорейшего и удачнейшего достижения всех этих высоких целей нужно предварительно подымать, возвышать, растить и укреплять имеющиеся в славянских землях немецкие элементы и стараться об их усилении умножением немецких колоний, проведением некоторых линий железных дорог (например, Лыкской), обязательной продажей, для усиления русской стихии, польских имений в Виленской и Ковенской губерниях немецким землевладельцам, которые на сей случай не откажутся назвать себя русскими, образованием крепкой сильной немецкой партии в губерниях Прибалтийских через уравнение немецких горожан с дворянами, но через посредство местных ландтагов, а не центрального правительства, разрежением латышско-эстонского народонаселения через искусственные выселения латышей и эстов в Новгородскую, Самарскую губернии и замену их призванными из Пруссии немецкими батраками-рабочими. Наконец, крайне необходимо этим трем губерниям объединиться в одну Ливонию с одним ландтагом и нынешнее подданство России заменить до времени личной унией, по примеру великого княжества Финляндского, с тем, чтобы при первых замешательствах, с помощью какого-нибудь нового Паткуля можно было благополучно и без больших пожертвований отвалиться от России и воссоединиться с великим германским отечеством. Пока же, в ожидании лучшего, следует,

разыгрывая на преданности свою старую песню и пользуясь давно уже забранным влиянием, всячески заглушать и давить пробуждающееся народное самосознание в России, которое не дурно, ибо это весьма помогает представлять его в одно и то же время в одних сферах как демагогическое и революционное, а в других — как абсолютистское и татарское. Немецкой стихии на славянском востоке предстоит выбор между молотом и наковальней…

Немец на славянском востоке может только или служить, или господствовать. Но подчиненность немцев славянам есть, как замечает Трейчке, состояние противоестественное (widernatürlicher Zustand). Желать от немцев в России, чтобы они считали себя русскими сердцем и душей (Russes de coeur et d'âmes), как выразился император Николай I, все равно, что требовать, по выражению, кажется, Меркеля, чтобы человек, ночевавший в конюшне, считал себя лошадью или, по замечанию Бока, чтобы квадрат, не изменяясь в своей форме, сделался треугольником. С обрусением прибалтийских и других своих немцев Россия сама нанесла бы себе жестокий удар, погасила бы для себя свет, столь для нее благотворный. Они служат истинной солью не для одних Остзейских провинций, но и для всей колоссальной империи. Если она их выщелочит обрусением, то чем ей потом осоляться? Пунктуальность, честность и неподкупность немцев в России (die Pünktlichkeit, Redlichkeit und Unbestechlichkeit) есть необходимое условие русской администрации, и вообще истинную государственную силу русского народа составляет чужая, немецкая стихия… как это хорошо понимал, по словам Дитцеля[2], и сам император Николай, старавшийся поправить ошибки Петра Великого. При этом еще она имеет в России высокое, культурное, облагораживающее значение. По замечанию Бока, немцы в русской государственной службе на высших и средних должностях составляют 26%, но если бы можно было определить отношение весом, т. е. принять в соображение степень власти, значения и влияния, то, прибавляет он, оказалось бы более 74%. Насчет этих немцев в русской службе «Германия

по мере того, как она от космополитизма подвигается к политическому сознанию, не должна бы позволять себе слишком легкомысленных осуждений, когда она в могучем соседнем государстве усматривает одноплеменный ей элемент, всесторонне и в значительной степени проникающий в глубину весь громадный русский государственный организм, так как этот элемент (при постоянном и лихорадочном стремлении не умирающей русской стихии осадить все немецкое) все-таки, естественно, должен действовать не иначе, как сдерживая, нейтрализуя, так сказать, охлаждая и, хотя неприметно, но непрестанно, подливая немецкую воду в русское вино*». «Торжество и господство германизма на Востоке предопределено самим божественным Промыслом, уготовившим немецкому народу в место жительства и подвигов самые лучшие и центральные местности в самой лучшей и центральной части света, в Европе, и это с той конечной целью, дабы избранный Богом немецкий народ, мирно упражняясь, на славу и украшение человечества, в усовершенствовании своих высших, исключительно ему принадлежащих способностей и добродетелей, мог спокойно благоденствовать и, ничтоже сумняся, выполнять свое предопределение, т. е. беспрепятственно повелевать истощенным и отжившим романским юго-западом и господствовать и хозяйничать на славянском востоке с той честностью и прямотой, какая немцам благоприлична, но не слабо, не вяло, не доверчиво-снисходительно и добродушно, а с мудрой, справедливой, быстрой энергией» (Гефтер).

Такова эта господствующая в Европе, преимущественно в Германии, научная теория. Кто утверждает или признается, что с нею не знаком, тот обличает лишь свое искреннее или притворное неведение немецкой исторической литературы и не может верно и ясно разуметь ни так называемой средней и новой истории, ни взаимных отношений славян и германцев в прошедшем и настоящем.

Обращаясь к рассмотрению этой теории, прежде всего остановимся на сравнении славян, преимущественно русско-

* Самарин. Окраины России. Прага, 1868. I. 46.

го народа, с неграми. В пользу этого сравнения можно бы было привести и несколько замечаний из сочинений г. Бланка и разных сотрудников «Вести», указать на некоторых русских помещиков, которые бывало, при крепостном праве, своих мужиков и дворовых людей иначе не называли, как хамами, хамовым отродьем, татарвой или эскимосами, употребляя эти названия в том самом смысле, в каком Дитцель назвал их неграми, и избегая последнего имени вероятно для того, чтобы злым языкам не подать повода к сравнению помещиков с плантаторами. Голос этих благородных россиян ничего не говорит и не доказывает в пользу этого сравнения, так как если они русской и славянской крови, то сами, значит, не лучше негров. В сравнении Дитцеля надо отделять наблюдение и вывод. Первое указывает на сходство славян или русских с неграми. Второй заключаем из этого сходства о неспособности славян и русских к самобытной образованности.

Русский крестьянин, хотя и белый, работает, по замечанию Дитцеля, только по нужде, поневоле, из-под палки. Великорусу, говорит Гаген, врожден рабский смысл (Sklavensinn). Поэтому, прибавляют Дитцель и Гаген[3], русские не могут быть освобождены от крепостной зависимости, для которой они рождены и предназначены. Эти две существенные характеристические черты русского славянина роднят его с негром. Некоторые американские и европейские этнологи, мнения коих о неграх, очевидно, держался Дитцель, а вероятно, и Гаген, утверждают, что негр по своим физическим и духовным отличиям от европейца образует особый, самостоятельный вид (species) в роде человеческом. У негра гораздо более, чем у европейца, сходства с обезьяною. Негры не имеют истории. Они не умеют бегать, не способны к военной службе. Они отвратительные работники. Негр развивается только до отрочества и потом останавливается в своем развитии. И в этом отношении он очень близок к обезьяне, которая в ранние годы бывает развита и забавна, а потом с годами тупеет. Вообще в умственном и нравственном отношении негр неизмеримо ниже европейца, т. е. англичанина,

француза, немца*. «The Negro was drunken and idle, when not compelled to work by necessity». Если негра не заставлять работать, то он пьянствует или бездельничает. Как в этой черте и заключается настоящей рабский смысл, одинаково общий и негру и русскому, то, собственно говоря, сравнение русского славянина с негром сделано на основании сходства одного их психического, и притом еще сомнительного, признака, тогда как прочие их физические и психические признаки оставлены без внимания. Такой прием нельзя назвать строго научным и сравнение славян с неграми правильным и

* Это воззрение всего полнее и последовательнее выражено в замечательной статье президента Лондонского Антропологического общества г. Гунта: On the Negros place in Nature. By James Hunt — в Memoirs read before the Antropological Society of London. 1863—1864. Vol. 1. London, 1865. P. 1—64. Здесь сведены все почти главнейшие доказательства в пользу того, что негр и европеец суть два различных сына человека, что между обезьяной и негром гораздо больше сходства, чем между европейцем и обезьяной. Об эмансипации негров Гунт отзывается с полнейшим презрением, вполне соглашаясь с Ф. Карлейлем, который писал: «Вы, мои любезные черные друзья, теперь уже не рабы, и я не желаю вам снова ими сделаться; но вы решительно должны быть слугами тех, которые по рождению умнее вас, которые рождены вашими господами, — слугами белых, если они (а кто из смертных может в этом сомневаться?) рождены умнее вас. Это, вы можете на этом успокоиться, мои темные черные друзья, есть и всегда было законом мира, для вас и для всех людей...» Гунт протестует против обвинений в защите им рабства, тем не менее положительно высказывается против нелепых запрещений об увозе черных из Африки в Америку. В Африке, говорит он, продаются негры за преступления. Никто, надеемся, не станет утверждать, чтобы в Африке не было преступников! (Отчего же, между полуобезьянами-то?) Вопрос о том, что делать с преступниками, может занимать внимание и политико-экономиста в Африке, и его величество короля Дагомея, и Великобританское правительство. Или Африке непозволительно ссылать своих преступников, или они там негодны, что никто их иметь не захочет? Что делать с ослушными или преступными рабами? Как говорил старо-Канабарский князь: «Вы запрещаете мне их продавать и говорите, что несправедливо убивать их». Вообще в этой статье много таких мнений. Впрочем, подобный взгляд на служебность и господство очень обычны в Англии. Так, Фаусит представляет картину будущего благоденствия, когда бедные англичане переселятся в Австралию, Канаду и пр., а против дороговизны рабочих будет предпринят вывоз в Англию *кули* и каких-нибудь других инородцев для черной работы. Хорошая плата и деликатное обращение были бы для этих кули истинным счастьем. Они бы были, как выражается Карлейль эфимически, *servants hired for live.*

законченным. Но, положим, сходство наше с неграми вполне доказано и является поразительным. Что же оно доказывает? Что из него следует? Верно ли заключение Дитцеля и Гагена о неспособности славян и между прочим русских к самобытной образованности?

В течение последних пяти лет в Антропологическом обществе в Лондоне вопрос о неграх нередко возбуждал горячие споры и продолжительные прения. Противники негров упрекали их друзей в не научности, в отсутствии строгой объективности, в сентиментальности, в ложной манере Хижины дяди Тома. Не пугаясь подобных упреков, но ссылаясь на свидетельства таких знатоков африканских племен, как Левингстон и Бакер, и на собственный долголетний опыт, на свое давнее и близкое знакомство, английские защитники негров представили во время этих прений богатый запас самых красноречивых данных в опровержение мнений о том, что негры — раса низшая, чем европейцы. Так, приведено было много свидетельств о большом трудолюбии негров, об их умении работать не хуже белых, об их замечательных умственных способностях и нравственных качествах, по которым они ни в чем не уступают европейцам, только более их умелым, развитым и образованным. «Видимая отсталость негра, говорит Тидманн, есть результат развращающего рабства. Соображая бесчисленные и ужасные последствия рабства, которое, подобно Немезиде, не пощадило и рабовладельцев, притупив их нравственное чувство, развратив их характер, мы не можем не приветствовать нынешнего поколения с окончательным уничтожением рабства в Америке и островах. С прекращением вывоза рабов из Африки может наконец прекратиться рабство и для африканских племен. И для них может начаться новая жизнь. В самом деле, те племена, которые наименее терпели от рабства и пользуются хорошим климатом и почвой, как, например, в нагорье Центральной Африки, уже достигли той ступени развития, на которой, быть может, находились древние галлы и бритты. Это явление укрепляет надежду, что эти африканские племена, подобно древним галлам и бриттам, могут, при благоприятных

обстоятельствах, пройти тот же путь и достичь такой же высоты цивилизации или выработать свою своеобразную цивилизацию, которая бы отличалась большей гениальностью, более широким раскрытием природных наклонностей и отсутствием той крутой жесткости и железной строгости, которая наложила свою печать на характер большей части европейских наций во времена крайних испытаний, чему испанцы и французы с их религиозными войнами служат самыми поразительными примерами, равно как и наши соотечественники со включением шотландцев, этих perfervidi Scoti, во всех их войнах, особенно самых новейших». Эта гипотеза о более мягком типе цивилизации, которую могут начать негры, была недавно представлена известным писателем в Эдинбургском обозрении при разборе чтений доктора Арнольда о новой истории и высказанной им мысли о том, что новая история есть не только дальнейший шаг древней истории, но и последний шаг, как будто за этим не может быть будущей истории, что таким образом полнота времени совершилась. Достойно внимания мнение критика о том, что устойчивость новой истории еще не доказана, что может открыться новейшая история, ныне представляющаяся в виде возможности. Это, впрочем, не единственное мнение в пользу несущественности различия между человеческими племенами. В подтверждение этого домысла история цветных племен предлагает несколько примеров. Так, негр, который по справедливости может применять к себе слова Шейлока: «Разве я не такой же человек?» и проч., вовсе не мстителен, как Шейлок. Замечательно, что во время своего гнета черное племя мало выражало мщения. Даже в самые тяжелые времена рабства убийство белого в наших колониях было редким явлением, и, при великом деле эмансипации, освобожденные негры питали, казалось, одно искреннее чувство благодарности, соединенное с религиозным чувством благоговения к Промыслу за великую ниспосланную им милость. Торжественный день был отмечен многочисленными собратьями в церквах, и так он празднуется ежегодно и поныне. Какова бы, впрочем, ни была будущая история человечества, во всяком случае, нам следует

помнить, что нации, ныне отличающиеся своими успехами в науках и художествах, были некогда грубыми и, что называется, варварскими. Так же грубы были и первоначальные предки древних греков. Помня это, не будем обращаться с презрением, нередко переходящим в жестокость, с племенами, которые еще находятся в младенческом состоянии, а с кротостью, внушая им доверие к их способности улучшаться, показывая им, что они нуждаются лишь в просвещении и воспитании для дальнейшего своего развития и для вступления на поприще цивилизации. Из всех человеческих племен туземцы Тасмании и Австралии обыкновенно причисляются к самому низшему типу. Первым приписывали даже неумение разводить огонь — они бы представляли в этом единственный пример, — говорили, что они принуждены заботливо сберегать огонь, чисто по примеру весталок. Но это несправедливо, как меня уверял г. Робинсон, их официальный покровитель, который после старательного их изучения, составил себе высокое понятие об их способности, прилежании и известной врожденной доброте характера (of their capacity, teachability and of a certain innate goodness of character)*».

* The Anthropological Review. Iuly. 1869. P. CLVI и след. Большинству немецких ученых при их размышлениях о славянстве эти мысли, повидимому, никогда не приходят на ум. Они решительно, кажется, не признают возможным, чтоб внутри арийских племен произошли какие-нибудь перевороты и чтобы, например, современные отношения славян к немцам совершенно переменились, и не в пользу последних. Замечательно, что в Британии, бесспорно стоящей в голове Европы, есть такие писатели, которые предполагают даже возможными гибель и падение самих арийцев в пользу других племен, не считают невероятным, что и африканским племенам удастся некогда создать и выработать свою самостоятельную образованность, которая может быть лучше и выше нынешней европейской. Европействующим русским нельзя, не краснея по уши, вспоминать, что в России есть еще люди, считающие себя образованными, которые не стыдятся, например, называть русский язык мировым и толковать о какой-то будущей самобытной славянской образованности. Но у англичан есть писатели, которые не боятся говорить, что нынешние европейские нации не вечны. Так, еще недавно некто г. Гольден в своей записке (Archaic Antliropology), читанной в Обществе Естествоиспытателей в Ирландии, заметил: «The Caucasian is now dominant, — for how long? Past analogy may indicate the future; and nature seemingly

В этих прениях Антропологического Лондонского общества принимал большое участие и некто *Конвей*, сын одного рабовладельца в Америке, имевший полную возможность близко изучить негров в Америке. Он свидетельствовал, что «недавно, при последних выборах в южных штатах, негры были напуганы своими господами, что им не дадут работы, если они подадут голоса в пользу республиканских кандидатов. Возможность пугать отнятием работы доказывает, что, по сознанию самих господ, негры желают работать. Известно, что со времени открытия сберегательных касс в южных штатах негры поместили в них от четырех до пяти миллионов долларов. Это показывает, что освобожденное население работает прилежно. Что же касается до ухудшения их положения после эмансипации, то полагаю, что в большинстве случаев это вер-

---

So careful of the type; but no!
From scarped cliff and quarried stone,
She cries — a thousand types are gone,
I care for nothing, all shall go.

При такой неизменяемости природы где уж тут, в самом деле, вечность нынешних государств и национальностей? Но в нашем случае не требуется даже никаких особенных переворотов, хотя и они возможны в Европе, как доказал 1848 год. Утверждать, что романо-германский мир Старого Света, или нынешняя Европа, навсегда удержит свое преобладание и первенство в политике и образованности, возможно, собственно не прежде, чем доказать, что арийско-христианские народы греко-славянского и Нового Света не будут отныне располагаться, множиться, развиваться вещественно и духовно на всех своих громадных, безлюдных пустынях, способных пропитать еще новые десятки миллионов населения. С течением времени остановится ли, будет ли уменьшаться или увеличиваться европейская эмиграция в Америку и Австралию, в последние пятьдесят лет ежегодно принимающих десятки тысяч европейских эмигрантов? С дальнейшим ростом и развитием наших соседей по ту сторону Берингова пролива, она, естественно, должна усилиться и возобладать на счет Европы. Такое передвижение центра мира еще полезнее усиления Испании и Нидерландов на счет Италии и Германии или Франции и Англии на счет первых. В том, что Европа еще сильна и без сопротивления не уступит Америке своего первенства, в том заключается самое верное ручательство искренности и прочности русских симпатий у Америки, для которой, как мы увидим, в высшей степени важно, чтобы восточный вопрос благополучно разрешился не в пользу Европы, а в пользу греко-славянского мира.

но. Но это потому, что у них ходил слух, распущенный плантаторами, что рабство будет вновь восстановлено, и они, ненавидя настоящий порядок вещей, имели причины ухудшать его, отчего, конечно, сами потом терпели. Но когда они увидали, что рабство возвратиться не может, то положение их переменилось. Плантаторы были виной, что негр не улучшал своего положения, а отнюдь не виновата в том самая природа негра. Эта жалоба на негров, что они стали хуже, чем были прежде, напоминает мне одного француза, обвиненного в убийстве обоих родителей и просившего суд о помиловании, потому-де, что он сирота. Южане видели в эмансипации величайшую несправедливость. Настоящий порядок в Америке искусственный, и вина его не может падать на характер негра и на то положение, которое он займет при нормальном порядке. Относительно его способности к образованию я не нахожу таких различий между европейцем и негром, которые бы позволяли утверждать, что их ум ниже ума других развитых племен. Его физические черты правда представляют некоторые особенности, но подобные отличия были замечены и у разных других племен».

Доктор *Николяс* заметил между прочим: «Говорят, что негр работает только, когда ему выгодно. И как мы все в этом отношении делаем то же самое, то мы не станем осуждать черного человека за нахождение у него одного из главных свойств англичанина. То самое уже, что негра много употребляли в работе, служит доказательством его крепкой мускулярной силы. Я вижу в неграх, при всех их недостатках, надежную часть человечества (a hopeful part of humanity), способную, по свидетельству опыта, к образованию. Требовались века развития для обращения диких саксов в современных англичан, и еще теперь многое остается делать. Сравнивая с неграми крестьян Дорсетшира и Вильтшира и многих обитателей восточной части Лондона, я сомневаюсь, много ли преимуществ на стороне последних».

В записке своей о неграх, помещенной в ноябрьской книжке «Антропологического обозрения» 1864 г., г. Бувери Пюзей представил целый ряд самых красноречивых свидетельств в пользу способностей и трудолюбия негров. Он заим-

ствовал эти указания из отчетов разных лиц, представленных Английскому парламенту в 1832 г. о неграх на острове Ямайке и вообще в Вест-Индии: из труда Уилькса (Wilkes. Unites States Exploring Expedition Philadelphia. 1845), сочинений Уалласа (Wallace. Amazons and Rio Negro-Land. 1853), Сюэлля (Sewell. The Ordeal of free labour in the Ritisch West-Indies. 1861), Ондергилля (Underhill. The West-Indies, their social and religious condition), Ольмстеда (Olmsted Fr. L. Journeys and explorations in the Cotton kingdom. London 1861) и мн. др. Основываясь на этих показаниях, Пюзей имел право сделать заключение, что негр в рабском состоянии работал тем лучше, чем человечнее с ним обращались, что, работая на себя, он обнаруживает большой ум и прилежание (great intelligence and diligence). Замечательно, что то же самое иногда свидетельствовали и рабовладельцы, решительные противники эманципации негров. Так, некто Уильдман, владелец поместья на Ямайке с 640 неграми, заметил между прочим в своем показании парламенту, что негры-рабы никоим образом не ниже английских рабочих в умственном отношении — «by no means inferior to the labouring classes of this country in natural intellect».

Таковы показания о неграх множества людей, отлично по опыту знакомых с этим племенем, между тем как наши глубокомысленные ценители и судьи —Дитцель, Гаген и проч. никогда, вероятно, в глаза не видали ни русского мужика, ни негров, разве слуг-арапов при каком-нибудь немецком дворе или у какого-нибудь богатого англичанина или американца, заехавшего в тот или другой немецкий город, где Дитцель и Гаген размышляли и писали на любимые в Германии темы о неизмеримом превосходстве немцев перед славянами, о неспособности русских крестьян к свободе, об отсутствии у славян критического смысла и строгой научной объективности...

Сравнение славян с неграми не имеет никакого научного значения и не обличает особенной критической прыткости и умственной бойкости. Оно основано лишь на предполагаемом сходстве весьма сомнительного психического признака, якобы общего славянам и неграм. Оно неудачно, ибо вовсе того не

доказывает, что хотелось доказать этим сравнением. Сходство русского крестьянина с негром еще вовсе не свидетельствует в пользу великодушного положения либералов Дитцеля и Гагена о неспособности русского мужика к свободе и о необходимости оставлять его в рабстве. Наука не может считать решенным и доказанным то мнение о неграх, в которое, очевидно, слепо верят наши проницательные критики Дитцель и Гаген, мнение о неспособности негров к свободе и о необходимости держать их в рабстве. Есть много высокопросвещенных англичан и американцев, которые решительно восстают против якобы научно доказанного, существенного превосходства так называемой кавказской белой расы перед черной и даже не считают невозможным и невероятным, чтобы черные племена Африки могли иметь свою завидную истории, создать самобытную образованность, более человечную и высокую, чем современная образованность англичан, французов, испанцев. Гагену про нас, русских, угодно было изречь: «И такой народ, что не обладает ни энергией, ни творческой силой, ни способностью, ни твердостью, народ без всякого глубокомыслия, народ природных рабов, может начать новую эпоху образованности? Ничего не может быть смешнее этого. Es kann nichts lächerlicher sein! Если бы русские были некогда предназначены, продолжает Гаген, играть великую роль во всемирной истории, то бы они и на низшей ступени своего развития успели обнаружить свои деятельные силы и энергию. Так, Тацит в наших отцах, как ни незначительна была их культура, признал же те могущественные стихии, которые позже создали из германцев владык Европы. Но никаких зародышей будущего величия нельзя теперь еще заметить в русских». В. Мендель еще в 1868 г. писал: «Поставьте, где угодно, современных немцев и французов рядом с русскими, и каждое дитя верно решит, где настоящее превосходство. Man stelle, wo man wolle, die heutigen Deutschen und Franzosen den Russen gegenüber, so wird jedes Kind richtig entscheiden, wo die wahre Ueberlegenheit ist*». Многие англи-

* Menzel W. Unsero Grenzen. Stuttgart u. Leipzig, 1868. Все вообще суждения Менцеля, приводимые у нас во II главе, заимствованы из этого же сочинения.

чане, американцы, а также и французы, сопоставляя негров с англосаксами и французами, не находят решительно никакого существенного различия в их духовной природе, врожденных способностях и качествах ума и сердца. Зная теперь Дитцеля, Гагена, Менцеля и многих других немецких писателей, мы можем быть уверены, что в этом случае они бы нам возразили, что, во-первых, мысли каких-нибудь англичан, Тидманна и др., о невозможности признавать последним словом человечества и вечными современные европейские государства и национальности с их современной образованностью суть пустая фантазия, не имеющая никакого научного значения, и что, во-вторых, допуская даже вероятность такого предположения о будущности негров, нельзя не помнить, что там негры сравнивались и сопоставлялись с англосаксами, французами, а они — Дитцель, Гаген и пр. — сравнивали не негров, а славян, русских, и не с какими-нибудь французами и англичанами, а с чистокровными германцами, настоящими немцами; между тем уже доказано вполне объективно и строго научно, что обитатели срединной страны (das Land der Mitte), сердца Европы (das Herz von Europa), благороднейшей части земного шара, Германии, суть самая лучшая, благороднейшая часть человечества. Это уже давно выяснил Фихте в своих знаменитых Reden an die deutsche Nation, и это же непрестанно повторяют с новыми доказательствами разные современные немецкие писателя. Так еще недавно писал один немецкий публицист: «Из практического опыта, который едва ли может быть многостороннее, ибо он основан на собственных наблюдениях и знаниях *всех* частей света (чего уж, кажется, лучше?), извлек я одно убеждение, что немецкий народ в полноте своих сил есть решительно первый народ на свете — das deutsche Volk in dem Gesammtwerthe seiner Kräfte weitaus das erste Volk der Welt ist; только ложное применение и отчасти не пользование этими силами служит причиной, что мы не первый народ — dass wir nicht das erste Volk sind (однако!), но мы имеем все основания к тому, чтобы им сделаться. Я ни во что более на свете не верую, как только в это; это убеждение, вполне обратившееся в догмат. Отдельное

лицо может обманывать, но никогда не народ, как целое. Наше поступательное движение есть единственное, всестороннее, гармоническое, верное, истинное. Все другие народы слишком дорого платят за свое одностороннее преуспеяние. А Англия? Англия всегда будет только гражданski свободна, а не свободна духовно. Достичь того и другого, конечно лишь со временем, на этом свете может только немец. Развивая эту мысль далее, мы должны сказать про романцев, французов и итальянцев, которые только рабы своих собственных страстей и предрассудков, что они никогда не будут свободны духовно*».

Воззрения, Дитцеля, Гагена, Менцеля и многих других немецких писателей, ученых и публицистов на мировое предназначение немецкой национальности в сущности ничем не разнятся от только что приведенного любопытного размышления. Для значительного большинства этого рода писателей сомнение в этой истине может только свидетельствовать об отсутствии настоящей объективности и строгой научности в сомневающемся.

Как бы то ни было, но эти два возражения точно так же не выдержат критики. У нас есть средство добиться собственного признания множества немецких писателей, которое лучше всяких иных опровержений покажет, что славяне, русские непосредственному чувству немцев представляются совсем иначе, чем несчастные негры англичанам и другим европейцам. Довольно двух, трех примеров, чтобы совершенно убедиться в этом самим Гагенам, Дитцелям и Менцелям. В министерстве Шмерлинга чехи были несравненно слабее, чем в настоящее время, не говорим уже о средних веках или о временах гуситских. В политическом органе Националь-Ферейна, который, как известно, всегда преследовал задачи так называемой малонемецкой парии, наиболее умеренной, не желавшей никогда включать всей Австрии в будущую великую Германию, в журнале этого общества помещались, однако, о тогдашней Чехии статьи, которые бы никогда нельзя было писать никакому

* Vor und nach dem Frieden von Villafranca. Sludien zur Geschichte und Kritik der politischen Entwickelung des letzten Zeitdramas. Leipzig, 1860. S. 125.

плантатору о неграх. «Мы уже обращали внимание читателей на положение немцев в Чехии и на опасность, угрожающую вследствие пробуждения чехизма немецкому элементу на немецкой почве. В настоящую, по крайности, минуту, нет более грозной опасности для германизма, как исходящей от чехизма. Мы даже не можем назвать, исключая разве Шлезвиг-Голштинию, ни одного клочка немецкой земли, которая бы так нуждалась, как Чехия, в скорой и сильной защите... Немцы в Чехии со дня на день становятся беспомощнее и беззащитнее. Они рассматриваются чехами, как чуждые насельники, и если бы чехи получили нужную власть для управления страною, то первым последствием этого было бы ослабление германизма... К терроризму позволяет себе прибегать не только антинемецкая, но и антиобразованная партия, в той стране, которая всем своим настоящим высоким положением обязана немецкой стихии и уже так онемечена или, иначе, так *морализована,* что она через несколько лет каждому будет представляться чисто немецкою землею... В Чехии за словами быстро последовали действия. Там не рассуждают, а делают. Там не заботятся о правах, о древних правах немцев или о том, что подумают или напишут в Германии о нарушении этих прав. Чехи напирают вперед и относительно немцев выказывают полное презрение ко всем законам... Уже вошедшая в жизнь автономия общины и дурные плоды ее заставляют нас, немцев, с ужасом помышлять о политической автономии. Первое дело, совершенное в Чехии благодаря автономии на почве общинной свободы, было разбойническое (räube-rische) вторжение в права немцев, да, оно было злодейское (mörde-rische), ибо оно повлекло бы за собою, если б удалось, как было задумано, смерть немецкой стихии в Чехии. Пражский общинный совет положил чехизировать все народные школы столицы*». Можно бы составить многотомные сборники из немецких сочинений, брошюр и статей, написанных хоть в последние 30 лет сотнями разных авторов об одних чехах и словинцах. И все та же тревога, тот же страх и опасения, та же ненависть, те же смешные преувеличения

* Wochenschrift des Nalionalvereins. Coburg, 1861. № 79.

и непоследовательности. Нет и тени спокойного самосознания силы, которая в себе уверена, слабого не обижает, за себя стоять умеет и никого не боится, кроме Бога. Но чехи и словинцы — это только маленькая частица славянства. Какой же переполох подымается у патриотов немецких, когда заходит речь обо всем славянстве или о настоящей его представительнице, России! «Русские, русские, — писал Фальмерайер лет 20 тому назад, — кричат одни из страха, другие (т. е. славяне) в радостной надежде, все, однако, в смутном предчувствии, что разрешение великого общественного вопроса и управление европейским будущим вообще зависит уже более не от нас самих, но переходит в руки наших восточных, давящих нас соседей. Но кто эти русские? Чего хотят они? что несут с собой эти полуварвары, юношеская сила которых была так высоко восхваляема во время той борьбы, из которой они вышли победителями Наполеона?.. Теперь положение и взаимные наши отношения к русским существенно изменились; высокомерное игнорированье (немогузнайство) европейцам уже более не к лицу; продолжаемым нами презрением к русским мы уже выказываем не сознание духовного нашего превосходства, но комические замашки кастилянского гидальго в дырявом плаще и в сапогах без подошв… Народ, который носит в себе зародыши будущего возрождения и обновления падающего Запада, должен, конечно, быть предметом самой живейшей нашей любознательности». Так писал Фальмерайер по поводу известной брошюры Герцена «С того берега» еще в 1850 г., а с тех пор, скажут нам, какие совершились в мире великие перевороты: явился граф Бисмарк, генерал Мольтке и принц Прусский покрыли себя вечной славою на полях Кениггреца и Садовой, образовался наконец Северо-германский союз». Все это, конечно, любопытно, но не надлежит забывать, что и в России в эти двадцать лет произошли некоторые исторические явления не меньшего, быть может, смысла, чем подвиги графа Бисмарка и принца Прусского, что Кениггрец и Садовая принесли пользу не одной Германии, но и славянам, о которых и после этих побед немецкие патриоты не перестают себе сочинять разных

страхов и ужасов, как сочиняли и писали они много и так же скучно и двадцать, и пятьдесят и даже целые сотни лет тому назад, как никогда, конечно, не случалось писать европейцам ни о неграх, ни о каких других неисторических племенах или о так называемых Naturvolker. Дитцелям и Гагенам хочется себя уверить, что мы им совершенно напоминаем негров*. Еще в декабре 1869 г. в одном известном немецком журнале («Allgemeine Augsb. Zeitung»), где беспрерывно помещаются статьи о России и славянах совершенно в смысле Дитцеля, Менделя и Гагена, неизвестный рецензент глупой книжонки Ю. Эккарта заметил: «В смысле успехов практического понимания значения России для Европы вообще, Пруссии и Германии в особенности, ничто так не знаменательно, как мужественно патриотический голос графа Мюнстера в Прусской палате господ, непосредственно предшествовавший падению предложения графа Липпе. Граф Мюнстер в числе причин настоятельности, возможно, сильного политического и военного единства Германии (einer möglichst starken politisehen Widerstandsfähigkeit Deutschlands) указывал особенно на угрожающее развитие славянства (die drohende Entfaltung des Slawenthums)». Наивный рецензент забыл тут только, что граф Мюнстер не сказал при этом ничего нового: если не с Аттилы и Сама, то с IX в., с Карла Великого по настоящую минуту, в продолжении с лишком тысячи лет, можно привести чуть ли не из каждого пятидесятилетия по нескольку немецких голосов, которые, подобно этому Мюнстеру, то жалуются и плачутся, то сердятся и негодуют на это угрожающее развитие славянства. Уже бывали времена и положе-

* Гунт в указанной статье приводит следующее место из сочинения Фан Эври (Van Evrie, Negroes and Negro Slavery. New Iork, 1861. P. 29): «Южный плантатор с сознанием своего превосходства, не позволяющим ему прибегать к какой-нибудь хитрости или к обману, снимает с себя пальто и работает, на том же поле, как и его раб. Последнему никогда не приходит в голову мысль о том, чтобы оспаривать это превосходство. Один очень умный государственный и храбрый военный человек Юга сказал однажды: «Мы не больше думаем о возмущении негров, чем о восстании наших коров и лошадей» (We no more think of a Negro insurrection, than we do of a rebellion of our cows and horses). Плантатор так же естественно приказывает, как негр инстинктивно повинуется».

ния гораздо более угрожающие. Что же касается до развития славянской взаимности, то смело можно сказать, что в этом отношении прошедшее и настоящее дает весьма слабые намеки на то, чем она может и должна быть в будущем. В течение с лишком тысячи лет не прекращающиеся в Германии крики и вопли, испуг и негодование против этого угрожающего развития славянства служат также удовлетворительным ответом и на второе возражение, т. е. что негры, а следовательно, и похожие на них славяне, могут представляться как надежды внушающие части человечества разве англичанам и французам, которые сами рабы страстей и предрассудков, не имеющие настоящих понятий о духовной свободе, а не немцам, этому в сущности и по всей справедливости первому народу на свете, и в действительности не таковому только по какой-то несправедливой и глупой случайности. Такому, однако, мрачному, безнадежному отчаянию в славянском будущем, столь гнетущему умы некоторых немецких патриотов, могут еще помочь разориться свидетельства немногих впрочем, но весьма достойных и видных представителей немецкой национальности и науки, например, Фальмерайера, барона Гакстгаузеиа, Блазиуса, Окена, А. Гумбольдта, К. Фогта*, которые отзывались о славянах и особенно о русских с величайшим почтением к их природным дарованиям и с несомненною уверенностью в великом будущем, их ожидающем.

Таким образом, сравнение славян с неграми не имеет и тени научного значения, ни как наблюдение, ни как вывод. Быть может, нам скажут даже, что оно так глупо, что на нем не следовало и останавливаться. Но у науки нет лжи неважной, которую бы можно было терпеть, нет и таких простых положе-

* К. Фогт, мнение которого о неграх слишком известно, так судит о русском народе: «Der natürliche Zug Russlands geht nach Süden. Osten. Konstantinopel u. Peking werden die ewigen Zielpunkte russischer Politik sein. Russland besitzt noch einen anderen, für ihn unschätzbaren Vortheil. Es bietet den festen Punkt dar, um welchen sich die stawischen Nationalitäten mehr u. mehr zu gruppiren streben. In sienem naturwüchsigen, derben Volke ruht ohne Zweifel eine unverwüstliche Kraft». (Vogt C. Studien zur gegenwärtigen Lage Europas. Genf u. Bern, 1869. S. 9—10).

ний, кроме математических аксиом, которые можно бы было вносить в науку без соблюдения иногда скучных, но необходимых приемов, без методических доказательств их истинности. Обличение лжи и глупости, особенно если она рядится в мантию ученой объективности и научной строгости, имеет в науке свою полезную сторону, ибо помогает восстановлению и уяснению искажаемой истины. Совершенно ничтожное в объективном отношении сравнение славян с неграми имеет свою любопытную субъективную сторону. Оно указывает на легкую готовность современного образованного немца поверить всякой собственной или чужой нелепости, лишь бы только она относилась к славянам. Дитцель, Гаген, подобно большинству ученой и неученой немецкой братии, изрекающей свои приговоры о славянстве, по всей вероятности никогда не видали ни русских славян, ни негров и, во всяком случае, не имели о них сведений из личных наблюдений и опыта. Очень вероятно даже, что не Гаген, не Дитцель первые сделали такое сравнение, а просто они вычитали его из какой-нибудь книги. Они легко поверили этому сравнению, собственному или чужому, только потому, что оно отвечало их общему воззрению на славян, сходному с известным европейским воззрением на негров, и даже, можно сказать, не противоречило их сокровенному желанию той же участи славянам, которая, им казалось, заслужена неграми. Такое воззрение на славян и подобные им положения отнюдь не одноличные, не гагеновские, не дитцелевские. Оно весьма распространено и давным-давно уже укоренилось в различных общественных кругах Германии. В самом деле, в древней, старинной и новой немецкой литературе есть множество сочинений, в которых найдутся целые места и выражения о славянах, иногда буквально сходные с выражениями и мнениями плантаторов о неграх. Читая строго научные доводы английских и американских этнологов в защиту рабства негров, славянин беспрестанно вспоминает столь же научные доказательства своих добрых ученых соседей относительно исторической неспособности его племени. Знаменитый апостол Германия, немец Бонифаций в 745 г., случайно упоминая

о славянах в письме своем к англосаксонскому королю Этибальду, счел долгом прибавить мимоходом, что это народ самый отвратительный и дурной, Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum. Известный немецкий летописец Гельмольд писал во второй половине XII в., что славяне у немцев зовутся псами, а чешский летописец Козьма Пражский вполне подтверждает это своим замечанием о той врожденной немцам гордости и надменности, с которой они так презрительно относятся к славянам*. История завоевания и крещения немцами полабских славян, пруссов, латышей и эстов полна примеров того же свирепства и бесчеловечия, с которыми мы встречаемся в истории испанцев в Нового Света или голландских и английских колонистов в Африке. Мы готовы согласиться, что жестокости, чинимые европейцами в XIX в., заслуживают меньше пощады, извинения и оправдания, чем жестокости немцев со славянами, литовцами, латышами и эстами в темные средние века, хотя и в то время бывали же люди, нравственное чувство которых возмущалось при виде всей великой неправды и насилия, совершавшихся под предлогом обращения язычников в христианство. Но мы не можем современным немецким писателям, выводящим из торжества немцев над славянами западными известное свое заключение о неизмеримом природном превосходстве германской расы, не поставить на вид того обстоятельства, что между новейшими европейцами и туземными племенами Австралии, Америки и Африки существует гораздо более различия, чем между немцами X—XIV вв. и современными им славянами, литовцами, латышами и эстами; между тем есть целая школа антропологов и этнологов в Англии, Америке, Франции и Германии, где особенно видное в этом отношении место занимает покойный Вайтц с своим прекрасным трудом «Anthropologie des

* Helmold. Chron, Slav. I. 16. Et primo omnium transivit in civitatem Rethre, que est in terra Lutiliorum, convocatisque omnibus Sclavis, qui ad orientem habitant, intimavit eis illatam sibi contumeliam, et quia Saxonum voce Sclavi canes vocentur. Cosm. Prag. Chr. Maluit (Брячислав) viriliter agere, quam supplicando colla submittere. Perpendit enim innatam Teutonicis superbiam, et quod semper tumido fastu habeant despectui Slavos et eorum linguam.

Naturvölker», которая решительно восстает против учения о существенном, коренном превосходстве европейца перед так называемыми дикарями и громко протестует против практических выводов этой теории, оправдывающих всевозможные гнусности и бесчеловечия, совершавшиеся и совершающиеся разными африканскими, австралийскими и американскими культуртрегерами*. Многочисленные явления из истории рабства нашего племени такой же *белой кости,* как и европейцы, столько же, как и они — арийского, могут служить блестящими подтверждением для этой школы антропологов и полезным уроком для нашего современного общества, в котором являются учителя с проповедью ненависти и презрения к инородцам, ко всем этим низшим расам, предопределенным истреблению с добрыми советами следовать нам *Прусской национальной политике,* возводя в идеал ту политику, которую наследовали Гогенцоллерны от Тевтонских рыцарей, Альбрехтов Медведей, Генрихов Оттонов и маркграфов Геро, подвиги коих в наших землях совершенно напоминают подвиги Пизаров и Кортесов

* Того же воззрения держится и знаменитый лингвист Потт. См. его разбор труда гр. Гобино (Essai sur l'inegalite des races humaines. Paris, 1853—1855. Vol. 4.) в сочинении *Die Ungleichbeit menschliclier Raceu hauptsachlich vom sprachwissensbaflichen Standpunkte. Ein ethnologicher Versuch. Lemgo u. Detmold, 1856. S. 81 и сл., 121 и сл.*(курс. — *Ред.*). Так велик в Германии terror Slavicus и так значительна grosse Russennoth, что даже превосходнейший старец Потт счел своим долгом потолковать о славянах и панславизме и в том смысле, который совершенно противоречит общему, основному началу его труда. Изучающий все языки земного шара и страшно начитанный, наш великий лингвист не имеет, конечно, ни живых сведений о славянах, ни сколько-нибудь ясных, политических понятий, и этого недостатка никто Потту в вину не поставит, но немцы так много пишут и так любят рассуждать (klatschern) о России, что и великий лингвист не мог удержаться, чтоб немного не пополитиканить. «Russland spekulirt in seinem Interesse auf Alles. Nicht bloss auf die sog. *conservativen* oder auch, vorlommenden Falles auf die entgegengesetzten Interessen und Partheiugen. Es schob auch, wie jetzt die griechische Religion im besonderen, so fruper die christliche überhaupt, vor; zur Zeit, wo es gegen die Turken so uneigennützig den Griechen bestand, welche jedoch, wie angelegentlich das Fallmeraier und der Grieche Okonomos die Welt glauben machen wollten, nicht gerade der Schrei des Bluts «nach einem wachtigen» Hellver zog. Endlich hat Russland auch in sprachlicher und volklicher Vetterschaft lange genug, und zwar nicht erfolglos gebliebene Geschafte gemacht. (S. 176—177).

в Америке, голландских боеров и английских колонистов в Африке*. Правда и в истории наших сношений с инородцами

* В этом отношении очень любопытно сочинение одного прусского чиновника д-ра К. Ф. Коха. Ueber die Bidingungen für den Bestand und das Gedeiben des Preussischen Verfassungslebens aus dem Standpunkte der politischen Anthropologie von Dr. C. F. Koch, Regierungs-und Medicinalrath in Merseburg. Halle, 1859. Пруссия должна оставаться военной державой и быть ею более, чем теперь (1859), но не так, чтобы держать под знаменами большое количество войска и истощать на то свои финансовые силы, но так, чтобы все государственные учреждения имели целью усиливать и возращать воинственный дух и воинские способности нации (den kriegerischen Sim und die krigerischen Fähigkeiten **der Nation zu krafigen u. zu steigern). Для сего нужно развивать об-**щие у человека и животных инстинкты. У человека не только четыре зубаклыка, общие с хищными животными, но и все их побуждения, способности и страсти: хитрое подстерегание неприятеля, неподвижное выжидание, несмотря на кипучую страсть борьбы, пока не придет удобная минута, борьба с крайним напряжением всех сил, готовность пожертвовать жизнью и всем для победы, преследовать ее с высшим земным наслаждением, до уничтожения врага, при поражении скорее принять самую мучительную смерть, чтобы служить победителю рабом или домашним животным. Именно тем и отличается хищническая природа человека от животного, что она с усиленной страстью ищет и находит своих врагов не вне своего рода, а среди его. Эта хищническая природа человека первая побудила людей соединиться в общества и племена, она и теперь составляет их связь, ибо только общение спасает от внешнего нападения. Поэтому человек не должен совершенно уничтожать в себе хищнические инстинкты die Raubthiertriebe ganz zu erdrücken und zu ertödten... Многие народы оттого и погибли, что уничтожили в себе благородные хищнические инстинкты «die edeln Raubthiertriebe». Приведя в пример и образец англичан, их ненависть к ирландцам, их любовь к охоте и гимнастике, к мясной пище и т д., автор затем рассматривает жалкое положение Германской империи с реформации и указывает на великое значение Пруссии. Для исполнения ее великой мысли государство должно заботиться о казенном обучении всех подданных гимнастике по патриотической системе Яна, а никак не по шведской, о назначении особых провинциальных директоров гимнастики (Previnzial-Turn-Direktor), о распространении гимнастических и военных песен (Turn-und Kriegslieder). Тогда немецкие колонисты легко вытеснят поляков на восток, которые ненавидят немцев больше еще, чем русских (der National-Hass, welcher gegen Deutsche noch glühender ist, als gegen die stammverwandten Russen). В заключение автор представляет государственные и военные афоризмы из Макиавелли. Наши позднейшие продолжатели Аракчеева же недаром так любили Пруссию, в порыве восторга даже называли ее правильно устроенной казармой. Поборник служебности негров, Ф. Карлейль совершенно последовательно дошел до апофеозы Прусского Фридриха I. Назначающий немцам роль славянских цухтмейстеров, Трейчке замечает, что Орден начал свой христианско-немецкий крестовый поход, который был горячо проповедуем

найдется немало примеров такого же зверства и бесчеловечия. Следуя прусскому идеалу, мы должны гордиться этими подвигами, видеть в них доказательства превосходства нашей расы и приводить эти примеры в подражание, разумеется, соглашая меры насилия с духом времени. Повинуясь внушениям благоволения к людям и учения христианского, мы должны, собрав все подобные примеры насилия, твердо держать их в нашей памяти и глядеть на них, как на тяжкие, наследованные нами от предков долги, которые мы должны погасить разными лишениями и пожертвованиями для христианского просвещения наших инородцев, для улучшения и подъема их быта, для образования их способностей, для уничтожения в них того недоверия и нелюбви к нам, навлекшим их насильственным и грубым с ними обращением. Такое мягкое обращение с инородцами для нас, русских, гораздо легче и удобоисполнимее, чем, например, для англосаксов с неграми или для немцев со славянами, латышами и эстами. Перед нами нет той вереницы зверств и бесчеловечий, извинявшихся и оправдываемых научными теориями или благословениями Церкви. За весьма ничтожным исключением, наша Церковь мечом не проповедовала, наша молодая наука и литература рабства не воспевала и не оправдывала*. Такое обращение с инородцами никогда не

императором, не имевшим ни христианского, ни немецкого направления и в то время, когда рыцарство утратило свою наивную веру. «So stossen wir schon au seiner Schwelle auf die geheimste Unwabrheit des Ordensstaates: sein Werk kriegericher Heidenbekebrung ward begonnen in Tagen, die dem naiven Glauben der alten Zeit bereits entwuchsen... (Hist. u. polit. Aufsätze. Leipzig, 1865. S. 7). Это, впрочем, не мешает ему на других страницах говорить о grandiosem Siegeszuge deutscher Gesittung (s. 8), o milde Sitte d. Deutschen (s. 24 — в противоположность die zuchtlose Rohheit des Slaventhums) и опять замечать — so erschrecken wir geradezu vor der Herzenskälte u. Armuth dieses zweiten Ritterthums (s. 26). Фрейтаг в своем романе Soil u. Haben возводит, так сказать, в перл создания — den gänzlichen Mangel jener Gulmüthigkeit, die man fälschlich als eiue deutsche Tugend preist (Treitschke ib. S. 4).

* Тем не менее мы не думаем, что русский народ совершенно чужд насильственности и что она принадлежит только одним германо-романским народам, как одно из их коренных свойств. Насилие проистекает не из одного «чрезмерно развитого чувства личности». Насильственностью в этом смысле в значительной степени обладали и обладают и гунны и авары, и ма-

дьяры и половцы, и монголы и турки, и американские, и африканские, и австралийские племена, у которых вовсе не чрезмерно развита личность. Раб, спокойно выносящей все обиды и унижения от повелителя, бывает дерзок, нагл и насильствен с детьми, с женой, с посторонними людьми, когда может их притеснять. Насильственность есть одно из дурных общечеловеческих свойств. К. Аксаков, на которого ссылается г. Данилевский (Россия и Европа) , равно как и И. Киреевский, далеко не свободны от некоторой сентиментальности и преувеличений в своих характеристиках древней России и русского народа. В этом отношении Хомяков глубже понимал дело (Старое и Новое. Ответ Киреевскому). Наши отношения к инородцам представляют много фактов, далеких от всякой мягкости. Припомним несколько известнейших обстоятельств. Роман Мстиславич Галицкий (†1205), отличавшейся крайнею жестокостью в обращения с боярами Галицкими, чинил страшные насилия с Литвою: «...работы тяжкие им творяще, оковав в плуг, запрягаше пахати коренья на новых местах; по-русски так называют *чистити,* и от сего пословица, когда един литвин, научися языка русского, и в плуге тянув, рек: «Романе! лихим живеши, литвою ореши», или «зле, Романе, робишь, что литвином орешь». (Старинный перев. Стряковского. Карамзин. III, гл. III, примеч. 114). В прекрасном труде преосв. Иннокентия, митрополита Московского (Записки об островах Уналашкинского Отдела, составленные И. Вениаминовым. Спб., 1840. С. 189 и след.), приведено довольно примеров зверств и жестокостей русских с алеутами в XVIII стол. Ислявин (Самоеды в домашнем и общественном быту. Спб., 1840. С. 64 и сл.) говорит между прочим: «Повесть о прошедшем у всех одна: все они (самоеды) или сами, или отцы их имели оленей, которые перешли разными способами к русским и зырянам: все это еще свежо в их памяти, и они ясно указывают на лица, на время, на место, где лишились достояния своего, видят имущество в руках других и не представляют себе возможности когда-либо получить его.... Русские и зыряне до того презирают их, что не почитают их равными себе, а обидеть и обобрать бедного самоеда набожный и суеверный печорский житель никак не считает грехом. Одним словом, это истинные парии Севера». В путевых воспоминаниях Кастрена есть указания на такое же обращение русских с разными финскими инородцами, у которых много преданий и рассказов о русской насильственности. Такие же предания, конечно, имеются у киргизов, калмыков, бурят, тунгусов, коряков, юкагиров и проч., которые не из любви же и благодарности к нам за хорошее с ними обращение так часто против нас возмущались. (См. Дополнения в Акт. Истор. Арх. Ком. Спб., 1851. IV. № 2, 7, 8, 13, 17, 24, 35, 71, 97, 102, 124, 151. V. № 3, 4, 11, 29, 49, 68, 74 и пр.); также оба труда г. Фирсова об инородцах в России в Московский и Петербургский периоды. Точно так же история русской администрации, крепостного права, полиции явной и тайной, бунт Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, стрельцов и военных поселян и пр. и пр. слишком убедительно доказывают, что насильственность в общем смысле свойственна и русскому народу. Самообольщение вредит и научному изучению отечественной истории, и практической деятельности. Не вредно ли, в самом деле, утешать себя и других в гуманности нашей, в отсутствии у нас смертной казни, в де-

расшатает и не ослабит государственный организм России; напротив, скрепит его, связав их нравственными узами с русским народом. Христианское воззрение на это дело, постоянно расширяя требования свободы, поможет широко развернуть русскому народу его сокрытые силы. Оставаясь же на прусской точке зрения, мы невольно и бессознательно ставим себе в идеал остзейского барона или прусского юнкера, принуждены вербовать себе русификаторов между русскими немцами, у которых сами состоим в положении рабочей силы. Можно ли совладать даже с горстью людей, идеалу которых мы поклоняемся? И не ясно ли, что все наши меры к так называемому обрусению наших инородцев будут оказываться тщетными и бесплодными, пока существует привилегированное положение немцев в России, которое справедливо может внушать в других инородцах сомнение в силах русского народа, далее полное к нему неуважение. Указывая на отрицательное значение господствующего немецкого воззрения, мы не чувствуем себя вправе умолчать о тех, немногих впрочем, немецких писателях, которые в своей защите славян часто почти дословно сходятся с благородными англо-американскими защитниками негров. Так, Гердер говорит: «Многие народы, особенно же немцы, жестоко погрешили против славян». Тунман пошел еще дальше: «Пора наконец уметь больше уважать этот злопо-

---

мократичности строя нашего государства при существовании *податных* и *неподатных* сословий, при особенностях нашей военной повинности, при... при той остановке и реакции, которая у нас в значительной степени наступила с закрытия крестьянских комиссий. Что же касается до мнения о том, что Россия государство и народ не завоевательные, то оно противно понятиям исторического народа и государства. Впрочем, как буду иметь случай показать, самообольщение о мягкости и незавоевательности своего народа есть одно из общих свойств патриотического увлечения всех исторических народов мира. Такое самообольщение, впрочем, много говорит в пользу души человеческой, не желающей мириться с тем безумством, обманом и насилием, с теми зверствами, преступлениями и пороками, которыми кишит печальная история человечества. Впрочем, я не думаю отрицать степеней насильственности, которые зависят от многих разнообразных условий: большей или меньшей высоты просветительного начала того или другого народа, его общественного быта и государственного строя, его умственной образованности, духа времени и пр.

лучный народ (славян в Германии) и перестать причислять их, как это долго и безосновательно делали, к народам варварским». Почтенный немец Рорер в своем прекрасном по времени очерке славянского населения в Австрии (1804 г.) высказал мысль, которая еще поныне мало признается в Германии по отношению к славянам: «Не должно никогда упрекать какой-нибудь народ в его недостатках, не приводя при этом их объяснительных причин. Наши суждения были бы тогда, конечно, умереннее. Быть может, наши немецкие предки более виноваты в некоторой славянской нерадивости, чем собственная природа славян». Фальмерайер однажды решительно высказал, что «вместе с турско-татарскими племенами немцы наиболее виновны в притеснении славян». С глубоким уважением и благодарностью помянув этих и подобных им писателей за их честные и доброжелательные отзывы о нашем племени, заметим, что воззрение некоторых антропологов и этнологов на высшие и низшие *по существу* расы имеет видимую связь с воззрением, бывало господствовавшим в так называемых высших и богатых классах общества, относительно их существенного умственного и нравственного превосходства перед низшими классами, рыцарей, баронов перед виленями. Еще недавно в Германии говорили, а многие и поныне думают: только баронессы рожают, а прочие мечут, «nur die Baronen werden geboren, alle Auderen werden geworfen». Французские труверы выразили господствующее мнение всего европейского рыцарства, говоря, что «кто сотворил виленей, сотворил волков; все им не нравится, все им надоедает. Они жалуются на ведро и непогоду и ропщут на Бога, когда он не исполняет их желаний. За то Бог ненавидит мужиков и мужичек (vilains, vilaines) и насылает на них все казни». Труверы эти распевали также, что вилени никогда не попадут в рай, где Бог не отведет им места. Верные этому воззрению на существенное превосходство знатных и богатых, некоторые английские антропологи и этнологи готовы были видеть в более голодном, измученном и одичалом населении чернорабочих Англии остатки древнейшей, низшей расы, обитавшей в Британии до кельтов.

Незнакомые с такими учеными теориями, многие наши польские и русские помещики держались того же, однако, воззрения, признавая в хлопах и крепостных особое хамово отродье и приписывая себе и своим холопам разных родоначальников. Подобное же воззрение поныне господствует у нашего прибалтийского дворянства, которое, в качестве немцев и баронов, считает себя существенно выше и превосходнее латышей и эстов, а также и русских. Вообще в тех странах и обществах, где рабство было сильнее, и дольше, и крепче держится теория о существенном превосходстве одних рас перед другими. Очень может быть, что подобное совпадение есть явление случайное; тем не менее сравнение славян с неграми и делаемое из него заключение об исторической их неспособности не имеют никакого объективного и научного значения и любопытны лишь в смысле субъективном. Из неудачи одного сравнения еще, впрочем, не следует, чтобы вообще разбираемое воззрение на германцев и славян было необъективно и ненаучно.

На сравнении славян с женщинами,— так оно неудачно и странно — было бы смешно долго останавливаться. Так как славянам приписывается природа женственная, сравнительно с германцами, немцами, которым усвояется характер мужественный, то естественно заключить, что славяне ниже, неспособнее немцев-мужчин и похожи собственно на немок. Но на кого же тогда будут похожи славянки? В субъективном отношении это сравнение любопытно, обнаруживая не слишком высокие и лестные взгляды некоторых немецких ученых на прекрасные их половины, когда они не смутились уподобить им славян, эту низшую, по их мнению, расу, которую даже иные товарищи их сравнивали с неграми. Уподоблением славян женщинам ученые наши желали указать на служебную роль и необходимость подчинения славян немцам. Впрочем, с занесением в современную Германию так называемого женского вопроса и Сандовских и Миллевских идей о женской эмансипации можно надеяться, что этот научный прием уподобления славян немкам будет вскоре покинут нашими учеными. Забавно также, что есть очень ученые немцы, которые, как,

например, Ферстеманн, сравнивают самих немцев с женщинами, усматривая в них природу восприимчивую и женственную (receptive, weibliche Natur)…

Гораздо любопытнее сравнение славян с кельтами. Говорить: славяне — второе, не исправленное, но более удобное к употреблению издание кельтов, — к употреблению, вероятно, германской расы. Уподобление любопытное, обличающее несколько библиотекарский взгляд на мир и его историю, — взгляд, довольно распространенный у большинства, впрочем, весьма почтенных немецких историков, которые этим особенно отличаются от всех других европейских старых и новых историков. Уподоблять народы книгам — прием не необыкновенный, особенно у людей, не видавших мира далее своего кабинета и библиотеки, предпочитающих книгам и жизнь, и людей. Славяне — второе, более карманное издание кельтов! какой чисто филистерско-библиотекарский взгляд на историю! это образ, достойный гетевского Вагнера. Итак, «славянам принадлежит та же роль в истории, то же призвание в мире, что и кельтам. Тем-то они и отличаются от германцев, на которых они так же непохожи и от которых они так же далеки, как и сходные с ними кельты. Сходство славян с кельтами доказывает, что они не могут создать и выработать богатую, самобытную образованность».

Обращаясь к разбору объективности и строгой научности этого положения, рассмотрим, чем похожи славяне на кельтов и что из этого следует?

Когда в науке хотят указать какое-нибудь новое, незамеченное явление, то необходимо представить те соображения и доводы, которые заставляют признать и заметить его, и это тем необходимее, чем важнее отмечаемое явление, чем крупнее предмет наблюдения. Согласимся пока, что занимающие шестую часть света, считающие тысячу с лишком лет исторического существования и до ста миллионов душ, славяне не могут казаться явлением важным и крупным, особенно на чисто объективный и строго научный взгляд германского миросозерцания. Но нельзя же не сознаться, что кельты играли некогда в

истории Европы великую роль, да едва ли еще и отыграли ее. Девятнадцать, двадцать веков назад кельты занимали огромную часть Европы, почти весь запад, северные части Италии, разные части Германии, нынешнюю Чехию, части Угрии и европейской Турции, жили в Малой Азии, в Галатии, где еще в IV в. по Р. Х., во времена св. Иеронима, сохранялись остатки кельтов. За три, за два века до Р. Х. кельтские племена наводят ужас на греков и римлян своими походами и войнами в Италии и Греции. При Ю. Цезаре и в ближайшее за ним время совершается романизация Испании, Галлии, отчасти Британии, пока эти романизованные земли не были покорены в V в. германскими племенами, готами, вандалами, франками, англосаксами и др., которые с течением времени слились с побежденными и, кроме англосаксов, приняли их язык, уже романизованный. В настоящее время очень ограничена область чисто кельтского языка, разделяющегося на четыре наречия: 1) кимри в Валлисе или в Камбрии и на полуострове Корнвалийском, 2) бретонское во французской Бретани, 3) гаэльское в сев. Шотландии, 4) ирландское в Ирландии и на острове Мене. Всего чистых кельтов едва ли наберется 12 млн душ. Такова внешняя судьба кельтов. Из всех родственных арийских племен славяне по языку наименее близки и сродны кельтам. Почти целым тысячелетием позже кельтов выступают славяне на историческое поприще. Во многих странах кельтский язык совершенно исчез и с течением времени чисто кельтская область постоянно умалялась. Несмотря на некоторые, более или менее значительные утраты на дальнем юго- и северо-западе, славянское племя постоянно росло и множилось, пока наконец чисто славянская область достигла современных громадных размеров, так что из всех арийских языков только англо-американский, по своей распространенности, равняется языку славянскому. Очевидно, между славянами и кельтами нет такого внешнего сходства, которое бы прямо кидалось в глаза, и, буде сходство имеется, то оно есть преимущественно, если не исключительно, внутреннее, заключающееся в общих лексических признаках этих племен. Психические стороны различных народов всего ярче выража-

ются в их религиозных верованиях и общественно-политических учреждениях и формах быта. Между теми и другими всегда имеется глубочайшая внутренняя связь. Но и в этих отношениях опять-таки мало замечается сходства у славян с кельтами. У сильно наклонных к мистицизму кельтов каста жрецов, друидов пользовалась громадным общественным влиянием; так по крайности известно о Галлии, Британии и Ирландии. У славян, за исключением полабской ветви, едва ли и существовало сословие жрецов; во всяком случае ни языческие жрецы, ни впоследствии христианское духовенство, за исключением разве Польши, да и там не всегда, не пользовались в народе особым преобладающим значением. В кельтском политическом быте господствовало преимущественно начало аристократическое, которое никогда почти не бывало любимым национальным учреждением у славян. Кельты в древности не любили земледелия; славяне издревле известны, как народ преимущественно земледельческий. Итак, между славянами и кельтами, бесспорно, могут быть черты сходства внутреннего, но оно должно быть, если имеется, не настолько резко и поразительно, чтобы при речи о нем, можно было, без ущерба ясности и даже не вразрез с научными требованиями, не распространяться о нем подробнее и обстоятельнее. Это было тем необходимее, что кельты, их язык, поэзия, древности, история, их важнейшие этнические особенности отнюдь еще не составляют предмета окончательно разработанного и приведенного в совершенную ясность. В самой Германии между известнейшими учеными Цейссом, Дифенбахом, Контценом, Эбелем, Лео, Ферстеманном* по самым важным филологическим, этнографическим и исто-

* Ферстеманн в ст. своей у Куна… говорит о кельтах: «Ein lange angesessenes bildungsfahiges Culturvolk mit festen Wohnsitzen, mit staatlichen Einrichtungen u. religiosen Anschauungen u. den Grundlagen kunstlerischer Bildung konnte seinen Wohnsitz oder wenigstens seine hervorragende Stellung nicht an spatere u. wohl im Ganzen rohere Ankommtinge abtreten, ohne mit einem Theile seiner Cultur zugleich Elemente seiner Sprache den eingewanderten zu ubermachen. Проф. Гейдельб. у-та А. Гольцман в 1856 г. выступил с новой теорией о том, что кельты — германцы, а кимры и галлы не кельты! Kelten u. Germanen. Eine historische Untersuchung. Stuttgard, 1855. См. ред. Дифенбаха у Куна (IV в. С. 379—398).

рическим вопросам существует нередко большое разногласие. Эта разность мнений еще увеличится, если к кельтологам немецким присоединим кельтологов французских, швейцарских и английских. Догадаться, впрочем, не трудно, в чем и почему именно желали бы некоторые немецкие ученые найти сходство славян с кельтами. В самом деле Нибур свободу кельтов назвал бесправием (Rechtslosigkeit); главным отличием их, как варваров, от эллинов и италиков, он отметил существенную неспособность жить и управляться по законам (eine wesentliche Unfähigkeit durch Gesetze zu bestehen). По Контцену, кельт отличался легкомыслием, поверхностным взглядом на вещи, отсутствием глубины душевной (ohne Tiefe des Gemüthes), нерасположением к законному порядку, пьянством и развратом, сварливостью, отчаянной храбростью и ненавистью к иностранцам, между прочим и к германцам. По описаниям Геффтера, Лео и пр. все эти черты одинаково свойственны и славянам. Наконец, не было ли предопределено кельтам погибнуть и исчезнуть перед неодолимым натиском римлян и германцев? Не то же ли предназначено и славянам? Момзен в своей истории Римской заметил: «В сильном круговороте всемирной истории, который безжалостно сокрушает все народы, некрепкие и негибкие, подобно стали, кельты не могли долго держаться; достойно и праведно (billig) заслужили кельты ту же долю от римлян, которую их соплеменники в Ирландии испытывают от саксов. Судьба их — исчезнуть подобно дрожжам будущего развития в политически превосходящей их национальности»*. Вот в чем, собственно, и заключается тайна главнейшего сходства славян с кельтами; по мнению ученых немецких, славяне предопределены стать такими же дрожжами для Германии. При этом нельзя не вспомнить того поучительного и чувствительного возражения, которое сделал на эти слова Момзена один английский рецензент его истории. «Нет сомнения, что в ряду многих испытаний завоевание служило Промыслу для образования и воспитания народов. Но как оно вместе с тем слу-

* Niebuhr. Rom. Gesch. 2 Aufl. II. 590. Kontzen, Die Wanderungen der Kelten, Leipzig, 1861. 93. Mommsen. Rom. Gesch. 3 Auff. III. 284.

жит властолюбию и жадности победителей, то мы должны протестовать против употребления фигур об этом предмете и просить иерофантов исторической философии повременить несколько раздачей общих булл на завоевание всем тем *национальностям,* которые могут себя воображать *политически превосходными, высшими* и глядеть на своих слабейших соседей, как *избранные дрожжами будущего развития. Мы решительно не доверяем теории, которая назовет заслуженной долю ирландцев, испытанной ими от саксов.* (We schould decidedly demure to a theory of the matter which would stamp as just the fate which the Jrish have experienced at the hands of the Saxons). Мы совершенно не согласны вместо национальной нравственности возвести на престол «круговорота истории» (Wirbel der Weltgeschichte) как верховного решителя международных дел*. К этому замечанию рецензента я позволю себе прибавить замечания другого английского писателя об ирландцах. Приносящие англичанам великую честь, они служат весьма назидательным возражением всем тем писателям и ученым немецким, которые называли славян немецкими дрожжами и сравнивали их с кельтами, ободряясь примером англичан в Ирландии. «Как ни дурно было, — говорит английский экономист Фаусит, — положение рабочих классов Англии, оно было бесконечно хуже в Ирландии. Ни в какой образованной стране масса народа никогда не находилась в такой отвратительной нищете. Между тем Ирландия обладает природными средствами для производства большого богатства. *В самом деле, нелепо, даже просто нечестно объяснять несчастия Ирландии естественным превосходством саксонской расы перед кельтской.* It is idle, in fact, it is almost wicked to explain Ireland's misfortunes, by saying that the Celtic is naturally inferior to the Saxon race. Ирландия произвела воинов, ораторов, государственных людей и мыслителей, которые содействовали прославлению истории нашей империи. Наконец народ, гнездящийся в Типерарьевских хижинах, обладает такими промышленными дарованиями, что при благоприятных экономических условиях ирландцы стали пионе-

* The Edindurgh Review, 1862. April.

рами цивилизации в западном мире и главными основателями нации, которая соперничает с нами в богатстве и благосостоянии. В Ирландии все, казалось, сложилось для ухудшения народного быта. Землевладельцы не жили в своих поместьях и никогда не соблюдали обязанностей, соединенных с землевладением. Земля была предоставляема крестьянам-фермерам (cottiers); они не имели никакого капитала, за исключением нескольких грубых орудий и скудной утвари их жалких жилищ. Они не помышляли о том, какую ренту сами вызывались платить; единственная их цель была получить во владение известный клочок земли; ибо они знали, что, как бы ни много были они должны помещику, у них нет собственности, которую бы он мог у них отнять, и что он должен им оставить столько картофеля, сколько нужно для их существования. У них не было побуждений быть трудолюбивыми, потому что, если б они производили нечто свыше нужного для удовлетворения первых нужд, то оно было бы у них отнято для уплаты недоимок. Они женились с крайней необдуманностью, а земля, без капитала для обработки, постепенно все более и более истощалась. С тех пор население постоянно умножалось и в то же время все более и более истощалась почва, масса же народа все глубже погружалась в отвратительную бедность. В 1847 г. вся эта нищета привела к страшному кризису. Появилась болезнь картофеля, который был единственной пищей народа, и население уничтожалось ужаснейшим голодом, которое только видело новейшее время. В стране оказалось недостаточно пищи для пропитания населения, и народу представился неизбежный выбор между немедленной смертью и оставлением родины. Невозможно с точностью вычислить те десятки тысяч, которые умерли с голоду; из Ирландии в Америку началась эмиграция в таком громадном размере, что она только может быть сравниваема с исходом евреев, описанным в Священном Писании. Эта эмиграция вскоре еще более усилилась, ибо эти переселенцы утвердились в Соединенных Штатах, где земля дешева и труд высоко вознаграждается. Весь строй их жизни изменился. Люди, прежде отличавшиеся беспечностью вследствие безнадежной бед-

ности, стали теперь благоразумными, как только получили возможность копить состояние. Первый предмет, на который они посвятили свои сбережения, состоял в отсылке денег в Ирландию для предоставления средств своим родным и друзьям для эмиграции. С 1847 по 1864 г. они отправили таким образом не менее 10 000 000 ф. стерл. Нет статистического факта более удивительного или более поучительного. Этим путем эмиграция так была сильно поощрена, что в двадцать лет, с 1841 по 1861, население Ирландии спустилось с 8 100 000 на 5 800 000 душ. Эта эмиграция должна быть рассматриваема как самое счастливое обстоятельство, потому что без нее большая часть народа должна была бы пасть жертвой всех ужасов голодной смерти. Нельзя, однако, отрицать, что события этих немногих годов составляют печальную эпоху в истории нашей нации. Нередко утверждают, что политическая экономия есть наука бессердечная; но в Ирландии всем тем, казалось, пренебрегали, что могло бы, согласно политической экономии, пособить производству богатства, и в результате оказалось абсолютно необходимым или погибнуть народу от голодной смерти или оставить ему свою родину. Если праведное Провидение управляет судьбами народов, то мы должны почувствовать, что нам предстоит много потрудиться мыслью и делом для предупреждения отмщения и воздаяния за все претерпенные Ирландией неправды от дурных правителей, разорявших эту страну. Я вообще содрогаюсь от ужаса, когда слышу, что ирландцев позорно описывают низкими, невежественными и ленивыми. Это все равно, что, выбросив дочь на улицу, упрекать ее потом, что она стала отребьем общества. Наш государь сделает хорошо, если, пользуясь каждым случаем для оказания самого нежного внимания к ирландцам, постарается стереть память столь многих претерпенных ими жестокостей и насилий. Наше законодательство должно озаботиться исследованием и исправлением разных злоупотреблений в Ирландии, остатков религиозной нетерпимости, а ирландские землевладельцы благоразумной щедростью должны исправить обиды прежних времен, когда люди думали, что есть право, но нет

обязанностей в связи с землевладением»*. Печальные происшествия последних лет в Ирландии, заботы о ней министерства Гладстона и парламента всего лучше доказывают, что огромное большинство англичан принуждено сознать справедливость вышеуказанных мнений об ирландцах. Эти мнения служат, кажется, решительным и строгим осуждением тех немецких теоретиков, которые так легкомысленно строят свои приговоры о превосходстве германцев перед кельтами и перед сходными с ними, по их мнению, славянами.

Надлежит прибавить, что при описании древних кельтов и при определении их племенных особенностей большинство немецких ученых усердно обставляют свои доводы разными ссылками на древних греческих и римских писателей. Тем не менее вышеупомянутые их характеристики кельтов в большей части случаев не отличаются особенно строгой научностью и критичностью приемов. Они слишком легко в этом отношении доверяют древним, которые, особенно римляне, по справедливому замечанию отличного французского кельтолога Беллоге, в своих отзывах о кельтах поражают своей несправедливостью, односторонностью и пристрастием**. Беллоге же очень удачно раскрыл всю некритичность Контцена и некоторых других немецких ученых в их строгих суждениях о древних кельтах, упрекает их за insatiable vanité natiouale и справедливо однажды восклицает: «O chauvinisme, quand tu t'empares d'un savant, quo non pectora cogis»***. Латинский писатель Авзоний довольно верно выразил римское воззрение на кельтов в следующем двустишии:

Nemo bonus Brito est,
Aut Brito non est, ant malus est****.

---

* … position of the English labourer. 1865. P. 205—208.

** Belloguet Roger, B-on de... Ethnogénie Gauloise. III. Le génie gaulois. Paris, 1868… О противоречиях древних писателей см. там же, pag. 31—34.

*** Belloguet. III. 30, 106.

**** Не лучше глядели древние на германцев. Беллей Штеркул говорит про Вара: «Js cum eiercitui, qui erat in Germania, praeesset, concepit esse homines, qui nihil praeter vocem membraque haberent hominum, quique gladiis doimari poterant, posse jure mulceri» (II, c. CXVII).

Сходство многих средневековых и даже новейших немецких отзывов о славянах с мнением Авзония о кельтах могло действительно некоторых ученых привести к сравнению кельтов с славянами, а германцев с римлянами. Как бы то ни было, только готовность некоторых немецких ученых с доверием принимать все показания древних о кельтах представляется тем менее критичной и научной, что огромное большинство германистов описывают древних германцев с самыми невероятными добродетелями и небывалыми доблестями, на которые часто не встречается никаких указаний или намеков у древних, даже у самого Тацита, который в поучение и укор римскому обществу изображал их в идеальном виде, и между прочим совершенно обходят и умалчивают о свидетельствах Стравона, Велейя Патеркула, Иродиана, Секста Эмпирика, Прокопия, нередко представляющих германцев вовсе не лучше кельтов и прямо указывающих на глубокую порочность и противоестественность некоторых их обычаев и нравов*, на их коварство, недобросовестность и лживость, на их кровожадность, жестокость и алчность к деньгам**.

---

* Sext. Empir. Opera Graece et Latine... Lipsiae. MDCCVIII, Pyrrhon. hypotypos. I. III, C. 24. Apud nos quidem turpe, imo vero <...> nefarium habetur, mascula Venere uti: apud Germanos autem (ut fertur) turpe non est, sed unum ex iis quae usu recepta sunt. Фабриций наивно замечает: Nolim autem haec de Germanis nostris intelligere, quorum castilas et pudicitia, prae ipsis Romanis laudata Tacito aliisque... Он предлагает читать вм. *Germanois-Karmanois*. Новейшие германисты очевидно с Фабрицем соглашаются и продолжают восхищаться die Keuschheit de Germanen, ссылаясь по обыкновению на Тацита Germ., c. 18. Диффенбах даже замечает прямо: Aber selbst die blut- und beute-gierigsten Sehaaren der Deutschen frohnten nur dem einen jener zwei entadelnden Hauptlaster, welche beide den transalpinen Galliern nachgesagt wurden: nämlich dem Trunke, nicht den geschlechtlichen Ausschweifungen. (Origines Europaee, Frankfurt a M., 1861. S. 198). Прокопий говорит про герулов: «In vicinos grassantur adeo profecta cupiditate, ut nullum pudorem capiant ex facinore. Nefandos sectantur coitus, etiam virorum ae pocudum. Improbissimi sunt mortalium omnium et mali male perdendi. De b. Goth. II, C. XIV.

** M. Vell. Paterc. II, C. CXVIII. In summa feritate versutissimi natumque mendacio genus, simulantes fictas litium series et nunc provocantes alter alterum injuria, nunc agentes gritias, quod ea Romana justitiafiniret feritasque sua novitate incognitae disciplinae mitesceret et solita armis discerni jure terminarentur. Иродиан (ad an. 235 in Alex.) называет германцев жадными до денег (phylargyri). На то же ука-

Опровергая важнейшие ходячие доводы в пользу учета об естественном, врожденном и исконном превосходстве одних рас перед другими, один французский писатель, Сюдр представил однажды весьма дельные соображения. «Мы видели, — говорит он, — что кельты натыкали на колья черепа своих неприятелей. Я открываю Салическую правду и нахожу в ней следующее место: «Если свободный человек отрубит голову своему неприятелю и поместит ее на шест перед своим домом и если кто-нибудь, без его согласия, снимет эту голову, то наказывается пенею в 600 динариев». Германцы делали еще лучше: они скальпировали живых врагов и делали себе чаши из их черепов. В Эдде, в Нибелунгах только и идет дело у героев о питье из неприятельских черепов да о поднесении им на блюдах трепещущих сердец их врагов. Первая из этих поэм представляет нам героиню Гудруну, которая умерщвляет Аттилу после того, как она подала ему съесть двух его сыновей, кузнеца Виланда, убивающего детей Нидура для выделки из черепов кубков в подарок их отцу. В Нибелунгах Кримгильда мучит и убивает своих врагов собственноручно. В глубине души этих героев и этих женщин, или лучше этих германских и скандинавских фурий, всегда почти сокрыта самая подлая страсть, алчность, составляющая главный двигатель самых жестоких деяний, самых низких предательств. Отыскивание клада составляет завязку этих ужасных драм. Жажда золота, крови и

зывают и средневековые отечественные источники. Так, Гельмольд (I, 68): In variis expeditionibus (герц. Генриха? 1149), quas adhuc adolescens in Sclaviam profectus exercuit, nulla de christianitate fuit mentio, sed tantum do pecunia. Он же (I, 16): Dux Bernhardus gentem Winulorum per avaritiam crudeliter opprimens, ad necessitatem paganismi coëgit. На avaritia Saxonum жалуются и Гельмольд, и раньше его Адам Бременский…Audivi, cum veracissimus rex Danorum sermocinando replicaret, populos Slavorum jam dudum procul dubio facile converti posse ad christianitatem, nisi Saxonum obstitisset avaritia, quibus, inquit, mens pronior est ad pensiones voctigalium, quam ad conversionem gentilium. Nec attendunt miseri, quantum suae cupiditatis luant periculum, qui christianitatem in Slavonia primo per avaritiam turbaverunt, deinde per crudelitatem subjectos ad rebellandum coëgerunt, et nunc salutem eorum, qui credere vellent, pecuniam solum exigendo, contemnunt. Для славян полабских принятие христианства было однозначительно с платой податей саксам — christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus (Helm. I, 25).

бесстыдные страсти — вот, судя по этим слишком хваленым поэмам, основа германского характера. История слишком верно соответствует этим грязным вымыслам. Разрушение и разграбление Римской империи, домашние убийства, истребившие семью Феодорика и род Меровея, умерщвление Атаульфа и его детей, Лонгобард Албоин, заставляющий свою жену Роземунду выпить из черепа ее отца, свирепства Фредегонды, разгул Дагоберта и Клотаря свидетельствуют, как глубоко коренились в сердцах варваров жестокие, грабительские и развратные побуждения. Робертсон и еще недавнее знаменитый автор истории образованности во Франции (Гизо) подробно сравнивали нравы и обычаи древних германцев с нравами и обычаями нынешних диких народов. Эти любопытные сопоставления выясняют совершенное тождество обычаев, верований, чувств белых дикарей и варваров с варварами, принадлежащими к другим разновидностям человеческого рода. Мы достаточно, кажется, показали, что в отношении нравственности белые, как в состоянии варварства, так и при развитии цивилизации, не имеют никакого преимущества перед своими братьями темнокожими»*. К этим замечаниям не мешает прибавить, что в средневековой и даже новой истории Германии, особенно так называемой Восточной Германии, или правильнее в истории

* Sudre Alfr. D'une nouvelle philosophie de 1'histoire. La Doctrine des races. (Sèances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1859. t. XLIX. P. 137 et 347, t. L. P. 59 et 199) t. L. P. 208—209. Сюдр не авторитет и не великое имя в науке, но он говорит, как мне кажется, правду, и потому я в этом случае на него ссылаюсь. Прекрасно об этом же говорит Вирт в предисловии к истории немцев (1842. С. 42): «Wie würde die Urgeschichte der Deutschen bisher behandelt? Wenig anders als reine dichterische Idylle! Die älteste Verfassung der Deutschen war der Ausdruck wahrer Barbarei und Unmenschlichkeit, die späteren Gegensätze des Adels u. des Burgerthums waren dortmals noch ungleich schroffer u. greller ausgebildet, die Sitten aber roh u. wild; und dieser Zustand, der bei wahrer, quellenmassiger Auffassung abwechselnd nur Schauder, Abscheu u. Zorn erregt, wurde uns als das Bild reinster Freiheit und Sittlichkeit vorgefuhrt. Ich muss leider bekennen, dass ich, irregeleitet von den beliebtesten Geschichtsschreibern, früher selbst diesen grossen. Irrthum theilte und weiter verbreitete; doch eben darum mahnt die Pflicht um so dringender, das unwahre Phantasiebild ehdlich grundlich zu zerstören, und allen Täuschungen, welche daran sich knupfen, ein Ziel zu setzen». Заимствуем это указание на Вирта у Палацкого (Dejiny nar. Cesk, Praha, 1848. I, 180).

немцев — в западных окраинах греко-славянского мира, особенно в истории немецких рыцарей в Пруссии и наших *Божьих дворян* в Ливонии* содержится великое множество разнообразных данных, дополняющих наиболее обходимые и пропускаемые нашими германистами вышеупомянутые древние свидетельства о германцах, которые блистательно подтверждают мнения о них Робертсона, Гизо, Озанама, Сюдра, Галлама, Маколея и многих других французских и английских писателей и ученых, как историков, так и этнологов. Обыкновенно немецкая критика отвергает эти мнения, усматривая в них отсутствие глубокомыслия, французскую легкость и поверхностность, английскую неспособность подняться над грубым фактом, недостаток чистой объективности, строгой критики и научного беспристрастия. Любопытно также, что иногда те же немецкие критики или писатели, ими похваляемые за строгую научность и объективность, чистый критицизм и беспристрастие, встречая у византийских, арабских и средневековых латинско-немецких писателей свидетельства о славянах, более или менее сходные со свидетельствами древних о кельтах и германцах, поступают в этом случае совершенно так же со славянами, как с кельтами, и совершенно иначе, чем с германцами. Напрасно позабыв, что все эти темные дела и низкие свойства, дурные нравы и обычаи с изобилием, иногда даже в сильнейшей степени, попадаются в древней, средней и новой истории Германии, наши строгие немецкие ценители и судьи приходят часто в непонятный ужас и в совершенно излишнее удивление от славянской грубости и испорченности, как будто прямые потомки столь чтимых и прославляемых ими дедов и прадедов в первый раз, лишь по знакомстве со славянами, уведали о темных и слабых сторонах человечества. При той теплой вере, которая согревает столь многих немецких ученых в их непогрешимости, при том почитании, которое распространено в Германии к ее жрецам науки, при суеверии немецкого общества, постоянно поддерживаемом литературой, будто бы чистая объективная

* Для первоначального знакомства с ними советуем прочесть — Меркеля Латыши особливо в Ливонии (Чт. М. Общ. Ист. 1870. I).

критика и строго научное беспристрастие составляют исключительную принадлежность одной немецкой науки, при уродливом развитии, по сознанию самих умных немцев, книжного производства (Büchermacherei), при котором искусственно размножается бесплодное резонерство и схоластическое соплетение голых абстрактных понятий, к которым и без того наклонен германский ум, при политическом положении Германии, мешающем немцам принимать деятельное участие в мировых событиях, немецкое национальное чувство ударилось преимущественно в археологию и историю, так что сам немецкий патриотизм обратился собственно в патриотизм археологический, книжный и абстрактный, при всех этих условиях весьма естественно, что сходство приемов немецких ученых при определении племенных и исторических особенностей кельтов и славян и несходство с этими приемами приема, употребляемого при определении особенностей германцев, весьма много содействовало распространению и утверждению в немецком обществе и литературе мнения о сходстве славян с кельтами. Впрочем, мы не хотим этим сказать, что нельзя отыскивать и находить некоторые сходства этих племен, особенно в отличие их от германцев. Мы только хотели показать, что приведенные немецкие суждения (Нибура, Контцена, Момзена и др.) нельзя считать окончательными и вполне доказанными. Мы уже упомянули о значительном разногласии в этом отношении кельтологов французских, немецких и английских и указали на известного знатока — барона Роже де Беллоге. Укажем теперь на другого французского ученого, которого тонкая наблюдательность и блестящий дар изложения в соединении с познаниями и ученостью высоко поставили в ряду ученых не одной Франции. Знаменитая характеристика арийцев и семитов Ренана, я говорю о нем, — справедлива она или нет или в какой степени — это другой вопрос, — нашла себе больших поклонников в Англии и Германии. Поэтому нельзя, кажется, пренебрегать попыткою Ренана определить племенные особенности кельтов и трудно не признаться, что его замечания о них идут из живого знакомства с живым предметом — Ренан сам кельт родом; это не го-

лые абстрактные схемы, предварительно выдуманные ad majorem Germaniaæ gloriam, с коими мы уже ознакомились выше. Во всяком случае, статья Ренана «La poésie des races celtiques» не может быть оставляема без внимания, когда идет речь о племенных особенностях кельтов. По мнению этого писателя, одна из главных черт современных кельтов заключается в сосредоточенности их природы. «Бесконечная тонкость чувства, отличающая кельтскую расу, тесно связана с ее потребностью в сосредоточении. Натуры, мало раскрывающиеся, всегда чувствуют наиболее глубоко; ибо чем глубже чувство, тем оно меньше стремится к обнаружению. Отсюда эта прелестная скромность, какая-то прикрытость, сдержанность и изящество, так живо проявляющаяся в песнях сборника Вильмарке, в столь далекие и от сродной племенам латинским риторичности чувства, и от напускной наивности немцев. Наружная сдержанность кельтов, которую часто принимают за холодность, зависит от этой внутренней робости, заставляющей думать, что чувство высказанное теряет половину своей силы и что сердце не нуждается в посторонних зрителях. Если б было позволено назначать пол народам, как отдельным лицам, то следовало бы, не колеблясь, сказать, что кельтская раса, особенно в кимрической или бретонской отрасли, есть существенно женская. Полагаю, что ни одно племя человеческое не внесло в любовь столько таинственности. Ни одно не задумывало с большим изяществом женского идеала и не находилось под столь сильным его влиянием. Это род опьянения, сумасшествия, головокружения... Женщина в поэзии кельтской является, как род неясного видения, посредником между человеком и миром сверхъестественным... Сравните Женьевру и Изольду с этими скандинавскими фуриями Гудруною и Кримгильдою, и вы согласитесь, что рыцарский идеал женщины, этот идеал нежности и красоты, как высшая цель жизни, — не есть создание ни классическое, ни христианское, ни германское, а чисто кельтское...» Далее Ренан отмечает в кельтах «глубокое чувство будущности и вечных судеб» своей расы, вследствие чего они все еще кажутся юными в сравнении с их состарившимися за-

воевателями... «В идеальных созданиях кельтов сравнительно с германскими с первого раза поражает та чрезвычайная мягкость нравов, которая в них сказывается. Тут нет страшных мщений, наполняющих Эдду и Нибелунги. Сравните кельтского и германского богатыря, например, Передура и Беовульфа. Какое различие! Здесь весь ужас отвратительно кровожадного варварства, опьянение убийством, бескорыстный, если можно сказать, вкус к разрушению и смерти; там, напротив, глубокое чувство справедливости, сильное, правда, увлечение индивидуальной гордостью, но вместе большая потребность в самопожертвовании, строгая законность. Человек тиранический, *черный человек,* является там, как у Омира Лестригоны и Киклопы, только для внушения ужаса противоположностью нравам более мягким. Это почти то же, что *злой человек* в наивном воображении ребенка, воспитанного матерью в страхе Божьем. Первобытный германец возмущает нас своей беспредметной грубостью (brutalité), этой любовью ко злу, которая делает его умным и сильным только для ненависти и вреда. Богатырь кимрский, напротив, в своих странных уклонениях всегда руководится привычками благоволения и живого сочувствия к существам слабым. Это чувство одно из самых глубоких у народов кельтских. Они вмели даже жалость к самому Иуде. Св. Брандан встретила его на скале посреди полярных морей; он проводит там один день в неделю, прохлаждаясь от адского огня; сукно, поданное им в милостыню одному зараженному, висит перед ним и умеряет его страдания». — Говоря о рыцарской поэзии Европы XII в., Ренан указывает на влияние кельтское, как в представлении женских характеров, так и в изображении чистой, целомудренной любви*. Наконец знаменитый французский ученый отмечает, как любопытное явление, удивительно быстрое распространение христианства у кельтов. «Бретань и Ирландия вместе едва ли насчитают двух, трех му-

* Est-ce dans 1'Edda et dans les Niebelungen, … milieu de ces redoutables emportements de l'égoisme et de la brutalité, qu'on trouvera le germe de cet esprit de sacrifice, d'amour pur, de dévouement exalté, qui fait le fond de la chevalerie (Renan. Essais de morale et de critique. Paris, 1859. P. 414)?

чеников; они чтут, как мучеников, тех своих соотечественников, которые были убиты во время набегов англосаксонских и датских. Тут воочию проявляется глубокое различие между кельтами и германцами. Германцы приняли христианство так сказать вопреки себе, по расчету или по принуждению, после кровопролитного сопротивления и при страшных восстаниях. Действительно, многими своими сторонами христианство было антипатично их природе, и можно понять сожаления чистых германистов, которые еще теперь упрекают новую веру за то, что она испортила их предков. Не то было у кельтов; это небольшое племя было естественно христианское. Не искажая и не отымая у них каких-либо качеств, христианство только развило их и усовершенствовало. Сравните легенды тех и других о введении в их странах христианства, например Кристни-Сагу и прекрасные легенды Люция и св. Патрикия. Какое различие! В Исландии первые апостолы суть пираты, случайно обращенные, то служащие обедню, то убивающие своих врагов, то принимающиеся за свой морской промысл: все у них улаживается и творится без серьезной веры. В Ирландии и Бретани благодать действует через женщин, через какую-то прелесть чистоты и кротости. Возмущение германцев против христианства никогда не было вполне подавлено; никогда они не забывали насильственного крещения карловингских миссионеров с мечом в руке, пока наконец германизм не взял своего и пока Лютер через семь веков не откликнулся Витикинду. Кельты, напротив того, уже с третьего века отличные христиане. Для германцев христианство долгое время было извне им навязанным римским учреждением. Они вступили в Церковь как бы для ее возмущения и с большим трудом успели образовать себе национальное духовенство*. К кельтам, напротив, христианство пришло не из Рима; они имеют свое туземное духовенство,

* Совершенно противное говорит В. Гизебрехт (Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit. 2 Aufl. Braunshweig, 1860. 1. 51 и след.). Ренан, очевидно, впадает в противоположную крайность, идеализируя своих кельтов. Древнеязыческие кельты были так же грубы и жестки, как и древние германцы. О православии в Ирландии см. замечательную статью Д. Валуева «Христианство в Абиссинии» (Ист. и стат. сборн. Москва. 1845. I, 286 сл.).

свои собственные обычаи. Они принимают его из первого источника. В самом деле, несомненно, что еще во времена апостольские христианство было проповедуемо в Бретани, и многие историки полагали небезосновательно, что оно было принесено им иудействующими христианами или учениками св. Иоанна. Повсюду в других местах христианство встретило, как первый слой, греческую или римскую цивилизацию. Здесь оно нашло свежую почву, аналогический себе характер, естественно готовый к его воспринятою»*. Превосходно, хотя и неполно охарактеризовав заслуги кельтов, особенно ирландцев, в деле распространения христианства в Европе, предприимчивый дух ирландских иноков и их страсть к морским путеше-

* Вот еще несколько замечаний Ренана о первоначальной Церкви у кельтов. «Peu de chrétientés ont offert un idéal de perfection chrétienne aussi pure, que l'église celtique aux 6, 7, 8 siécles. Nulle part pout-être Dieu n'a été mieux adoré en esprit que dans ces grandes cités monastiques de Hy ou d'Iona, de Bangor, de Clenard, de Lindisfarne... L'Irlande surtout dut offrir dans ces siécles reculés une physionomie religieuse toul á fair á part, et qui paraitrait singuliérement originale, s'il était donné á l'histoire de la revéler tout entière. En voyant aux 6, 7 et 8 siécles, ces légions des saints Irlandais, qui inondent le continent et arrivent de… apportant avec eux leur opiniâtreté, leur attachement á leurs usages, leur tour d'esprit subtil et réaliste; en voyant jusqu'au 12 siecle les Scots (c'est le nom que l'on donnait aux Irlandais) servir de maîtres en grammaire et en littérature á tout 1'Occident, on ne peut douter que 1'Irlande, dans la première moitié du moyen âge, n'ait été lo théatre d'un singulier mouvemeut religieux, Philologues studieux et hardis philosophes, les moines hibernais furent surtout des copistes infatigables, et c'est en partie grâce á eux, que le travail de la plume devint une… sainte. Columba, averti secrétement que sa dernière heure est proche… une page de psautier qu'il a commencée, écrit au bas qu'il lègue la continuation á son successeur, puis s'en va á l'eglise pour mourir. — Le gout des moines hibernais pour les pérégrinations maritimes á travers l'archipel, tout peuplé de monastéres, des mers d'Ecosse et d'Irlande; le souvenir de navigations plus lointaines encore dans les mers polaires, fournirent le cadre de cette étrange composition (la légende de St. Brandan), si riches d'impressions locales. Pline nous apprend quo déjè de son temps les Bretons aimaient á se hasarder en pleine mer pour chercher des îles inconnues; M. Letronne a prouvé qu'en 795, soixante cinq ans par conséquent avant les Danois, des moines irlandais abondèrent en Irlande et s'établirent sur le littoral. Les Danois trouvèreat dans cette ile des livres irlandais, des cloches; les noms de plusieurs localités attestent encore le séjour de ces moines, désignes du nom de *papae* (pères). Aux iles Faeroë, dans les Orcades et les iles Shetland, dans tous les parages en un mot des mers du Nord, les Scandinaves rencontrèrent avant eux ces *papae,* dont les habitudes contrastaient si étrangement avec les leurs. (Ibid.)

ствиям, Ренан указывает на вероятный домысел о том, что они, 65 годами раньше датчан проникшие в Исландию, прежде скандинавов ознакомились с Америкой. Также удачно очертил Ренан характер ирландских церковных легенд и выяснил значение знаменитейшей из них — «Чистилище св. Патрикия», имевшей большое влияние на Божественную комедию Данте. В заключение Ренан выражает мысль, что кельты еще не сказали своего последнего слова. «Не многие племена, — говорит он, — подобно кельтам имели такую полную поэтическую юность; мифология, лирика, эпос, романическое воображение, религиозный энтузиазм — все было у них; почему бы оказался у них недостаток размышления (reflexion)? Германия, начавшая наукой и критикой, кончила поэзией; почему кельты, начавшие с поэзии, не кончили бы критикой? От одной до другой не так велико расстояние, как думают; племена поэтические суть племена философские, и философия есть, в сущности, такой же поэтический вид, как и другие. Когда подумаешь, что Германия менее столетия назад нашла откровение своего духа, что целые народности, казавшиеся стертыми, поднялась внезапно в наши дни более живучими, чем когда-либо, легко убедиться, что смело предписывать законы упадку и пробуждению племен и что новейшая цивилизация, созданная, казалось, для их поглощения, может только будет их общим расцветом».

Мы приводили эти замечания и мысли Ренана, дабы показать, что приведенные мнения немецких ученых о том племени, с которым, по мнению некоторых из них, славяне имеют наиболее сходства, еще нельзя считать последним словом науки. Контцен и другие упрекают кельтов в недостатке глубины. Ренан называет натуру кельта глубокой. Такое разногласие может, конечно, происходить и от разности взглядов на глубину духа вообще. Характеризуя древних и нынешних итальянцев, Момзен нашел тех и других племенем малопоэтическим и художественным, сравнительно с древними эллинами и новыми германцами. Итальянец, по его словам, не знает страстей сердца, стремления идеализировать все человеческое и олицетворить неодушевленное... Итальянцу не досталась в

удел область внутренняя в искусстве (das innerliche Gebiet)*. На эти слова знаменитого ученого его английский рецензент в Эдинбургском обозрении заметил удачно: «Дабы сказать, что произведения Рафаэля и Фра Анджелико не принадлежат к *области внутреннего в искусстве,* поистине надобно помещать эту *внутренность в искусстве* (inward in art) слишком глубоко в духе человеческом». Быть может, таким же образом и Ренану показалась глубокой природа кельта, которая, по мнению Контцена и др., совершенно не имеет глубины (ohne Tiefe des Gemüthes). Впрочем, тут возможно и другое предположено. Быть может, немецкие ученые ошибаются в своей характеристике кельтов. Как ни смела такая догадка, но она в высшей степени позволительна: у них встречаются же ошибки в характеристике самих германцев, о превосходстве коих над всеми другими племенами, кельтами, романцами, славянами и проч., они любят распространяться с такой завидной уверенностью и с полным, по-видимому, знанием дела, т. е. и своего племени, и всех других, с ним сравниваемых племен. Так, известные немецкие ученые и писатели, Лео, Клемм, Риль, Андрее и др., видят в германцах элемент мужественный, а в славянах — женственный. Но столь же известный германский ученый Ферстеманн и др. видят в германцах природу женственную. Очевидно, тут кто-нибудь да ошибается. Вот почему я и позволяю себе предполагать возможность некоторых ошибок в ученых немецких характеристиках кельтов, а также и славян, которых уподобляют кельтам.

Высокая образованность православных ирландских обителей и великие заслуги их иноков и просвещения Западной и Средней Европы, равно как влияние кельтской поэзии на средневековую словесность романо-германских народов, показывают также, что кельтская стихия была важным участником в средневековой европейской образованности, которую многие немецкие ученые и писатели так любят называть, и тоже ошибочно, исключительно христиански-германской или

* Mommsen Röm. Gosch. 3-te Auflage. I, 215—216. См. об этом мою статью: «Национальности итальянские и славянские в пол. и лит. отнош.». Спб., 1865.

немецкой — christlich-germanische Welt, christlich-germanische, christlich-deutsche Bildung. Нельзя в самом деле не видеть большой односторонности, преувеличения и пристрастия в желании присвоить одним германцам, своему лишь племени всю западную христианскую образованность и в умолчании о кельтах и романцах. Впрочем, могут сказать, что Франция тут, например, подразумевается, так как романизованная Галлия была завоевана германскими франками, бургундами и пр., также и Испания и Италия, об Англии же нечего и говорить, ибо известно, что англичане, потомки англосаксов, суть чистые германцы и что, следовательно, кельты — племя погибшее, послужившее дрожжами германцев, почему их и сравнивают со славянами.

Согласимся пока, что кельтская раса почти исчезла и сохраняется только в Ирландии, Шотландии, Валлисе, Бретани и пр., только там, где говорят еще по-кельтски, словом, положим, что область кельтская тождественна с областью кельтских наречий и говоров. Признаем таким образом, что язык и раса есть одно и то же и что, следовательно, негры в Вест-Индии или Америке, говорящие только по-английски, суть уже англичане, англосаксы, а не негры.

Возьмем таких кельтов. Очевидно, их имели в виду ученые немецкие, уподобляя им славян, это второе неисправленное, но более удобное к употреблению издание кельтов. Очевидно, наших ученых соблазнило желание провести лестную аналогию и параллель Германии с Древним Римом или нынешней Великобританией. В таком случае славян надо было уподобить кельто-иберам, галлам, бриттам или ирландцам. Нетрудно заметить, что и такое сравнение сделано в высшей степени невпопад, крайне неловко и неумело. Правда, площадь Испании и Франции гораздо больше Италии, как площадь славянская больше Германии, но все же, однако, не в такой степени; да и держава Римская, когда завоевала кельтские страны, уже не заключалась в одной Италии. Как ни разъединены и ни слабо еще вооружены современные славяне для примерной борьбы с Германией, однако они и не так уже беззащитны и слабы, как были кельты перед завоевательным Римом. Числен-

ные отношения кельтов к римлянам также иные, чем славян к Германии. Относительно характера борьбы Рима с кельтами, времени ее продолжения и ее результатов точно так же замечается огромная ее разница с борьбой Германии со славянами. В IV в. до Р. Х. (389, 369, 361, 360, 352 гг.) начались и велись войны кельтов с Римом. Они еще долго оставались опасными Риму, особенно, как союзники других его неприятелей. В следующем столетии они начали уже терпеть от Рима жестокие поражения (при Сентине 295 г., при Теламоне 225 г., при Кластидие 222 г.). В 58—51 гг. до Р. Х. Цезарь уже завоевывает Галлию, и в первое столетие до Р. Х. Испания, Галлия, часть Британии становятся покорными Римскими провинциями, и огромнейшее большинство кельтов является уже народом побежденным, во всяком случае Риму нестрашным и неопасным. В три с половиной, четыреста лет Рим совершенно покончил свою борьбу с кельтами, выйдя из нее решительным победителем. Что же, спрашивается, во всем этом похожего на борьбу Германии со славянами, которая продолжается вот уже слишком полторы тысячи лет, так как ее можно начинать с господства готов в южной России и с освобождения от них славян с помощью гуннов. Бесспорно, славяне много потерпели от немцев поражений, принуждены были им уступить несколько земель из отобранных ими некогда от немцев. Но как же незначительны, мелки, ничтожны все эти победы немцев над славянами в сравнении с победами римлян над кельтами. Что значат в военном и политическом отношениях некоторые поражения римлян, нанесенные кельтами, с многочисленными битвами и поражениями, понесенными и немцами, и шведами от славян, начиная хоть с Дагоберта II (в VII в.) вплоть до Фридриха II, величайшего полководца Германии, в течение с лишком тысячи лет. Где у кельтов в борьбе с римлянами ожесточение и упорство славян полабских, которых Германия успела сломить и победить только после страшных четырехсотлетних усилий и напряжений не без помощи скандинавов, романцев и Римской курии, которая своим влиянием на чехов и поляков доставляла сильное подспорье немцам? Таких союзников не имел

Рим в борьбе с кельтами. Где у кельтов Болеславы чешские и польские (Храбрый), Святополк Шморский, русские князья Вячко, Александр Невский и Довмонт, где Таненберг, гуситские войны, Полтава и Кунерсдорф? Правда, в своих иностранных войнах Рим впоследствии много пользовался храбростью и силами кельтов, набирая их в свои победоносные легионы. Да похоже ли это на участие славян в войнах Германии с турками и романцами? Еще можно это участие кельтов сравнивать с значением славян в прусской или в прежней саксонской армии (сербы-лужичане). Но оно уже нисколько не похоже на силу и значение славян в армии австрийской в войнах Австрии с турками, со шведами, французами. Весь комизм сравнения Германии с Римом и отношений к ней славянства с отношениями к Риму кельтов выступит ярче, если вспомнить, что область Германии с Арминия до Бисмарка в течение с лишком осьмнадцати с половиной веков скорее уменьшилась, чем увеличилась в своих пределах на западе, юге и востоке, что Чехия и Моравия во время Арминия были странами чисто немецкими, тогда как теперь германизм принужден вести самую жестокую борьбу за исключительное обладание этими землями; между тем как славянское племя с VI в. по Р. Х. по настоящее время только распространяло свои земли на юг и восток, мужественно борясь с Германией на западе, пока наконец не утвердилось на юге до Эпира, стен Солуня и Константинополя, до Арарата и Гиндукуша, а на восток до берегов Тихого океана, полуострова Камчатки и острова Сахалина, в соседстве с Японией, Кореей и Америкой. И неужели помощь кельтских легионов Риму напоминает ученым немецким ту помощь, которую оказывала Россия Австрии в ее войнах с турками, мадьярами и французами? Пусть итальянская компания 1799 г. аналогией Ганнибала с Суворовым напоминает им некоторым образом Пунические войны, в которых кельты действовали против Рима; но ведь тут у славян с кельтами, а у Австрии с Римом не больше сходства, чем потом у той же Австрии, Западной Германии (Рейнский союз) и Пруссии, особенно после Иены и Ауэрштедта. Не особенно была похожа Германия на Рим и в 1813 г., когда

понадобилась ей такая великая помощь от славян для ее освобождения от ига *легкомысленных* (leichtsinigen) *галлов.* И когда играли кельты такую роль относительно Рима, какую, например, играла Россия всю первую половину нынешнего столетия относительно Германии? Где в римской литературе намеки и следы жалоб и ропота на гнетущее влияние и давящее преобладание кельтов в римской политике? Где хотя тень этих жалоб, которыми преисполнена политическая литература немцев с 1813 г. или лучше с 1815 г. по нынешнее время, на преобладающее влияние русской политики?»* Да что Россия? Вопия-

* Следующие строки *отца* Арндта, писанные им в 1843 г., живо передают воззрения на Россию старых немецких патриотов — *наших братьев по оружию* — в деле освобождения Германии от Наполеона. «Должна ли Польша быть поглощена Россией?.. Может ли Германия, может ли Скандинавия смотреть покойно, как русский стоит у ворот Бреславля и Данцига (Гданска), как поляк будет московититься и станет со слепой волей и русской гордостью стремиться вперед и представлять себе, что люди на Одере и Эльбе должны так же учиться русской команде, как он ей выучился? Нет, к этому равнодушно относиться не может ни Западная Европа, ни тем более Германия». Нет, надо всячески стараться об образовании между Востоком и Западом особого Польского государства. По счастью, говорит он, поляк и русский, хотя славяне и братья, но, по исторической борьбе и главное по вере — враги. Also gottlob, dass eine solche weite Kluft der verschiedenen Art zwischen den Russen u, Polen gerissen ist! — Характеристично мнение Арндта о том, как смотрят русские на немцев: Wie der vornehme russische Barbar den Deutschen hoch über die Achsel ansieht, wie er ihn gern verachtet, auch weil zuweilen aus Neid hasst, obgleich der Deutsche, doch endlich seit dem letztverffossenen Meuschenalter den Russen gegenüber angefangen sich etwas zu besinnen und seine gefällige Deinstfertigkeit und blöde Bereitwilligkeit abzulegen. Er weiss andlich, was er an dem Russen hat, was er an ihm haben würde, wenn es einem solchen gelingen könnte sein Herr zu werden. Der russische Uebermuth und Hochmuth, die russische Unordnung und Unrechtlichkeit und eine hatbasiatische Ungeheuerlichkeit der moskowitischen Sitten macht ihm einen Eindruck, wie etwa dem Rosse der Geruch des Elefanten. Gegen diesen Feind falls er sich einmal des Angriffs erkuhnen sollte, braucht es nur güter Ordnung und <…>, damit der Deutche im vollsten Haufen auf Leben u. Tod für <…> Gränzen streite. — Нужно прогнать русского с Вислы, ибо если он вас и не может проглотить, то все-таки безопаснее знать, что его алчущая пасть закрыта… во всяком случае, иначе он все будет висеть над нами, как черная туча, которая бы омрачала солнце нашей жизни и нашего образования». Итак, поскорее восстановим Польшу и прогоним русских на восток, за Днепр. Это можно сделать со скандинавами в два похода. И если русские будут так горды, что не послушаются ни разума, ни права, то можно будет

ли ли когда так римляне на кельтов после Цезаря, как вопиют еще теперь немцы даже на чехов и словинцев?

Не будут походить славяне на кельтов и в том случае, если с Римом будем сравнивать не одних немцев и скандинавов, а все романо-германское племя Старого и Нового Света. Вот уже с лишком тысячу лет славянство борется с романо-германским миром Старого Света, или Европой, и все еще оно не падает, а растет, сильнеет и множится. Да ни Европа, ни весь романо-германский мир Старого и Нового Света вовсе не предстают ему в виде единого, цельного, сосредоточенного Рима. Мы видим и понимаем не только противоположность интересов Европы и Америки, но и все разнообразие и несогласимость вернейших целей и задач большей части европейских государств. Да и наш греко-славянский мир Европе после с лишком тысячелетней борьбы отнюдь не представляется в том беспомощном бессилии, в каком предстояли Риму Цезаря племена и роды кельтов. Сами же европейские писатели (например, Тьер и др.) не раз сравнивали Европу с Грецией, Россию с Римом или ее же с Македонией Филиппа, а Европу с греческими республиками. Нас, русских, много раз также сравнивали с монголами и османами. Немецкие писатели замечают иногда, что для Германии Türkennoth XV, XVI, XVII вв. сменился в XVIII, XIX вв. Russennoth'ом*. Но как монголов и османов окончательно сокрушила не Европа, то и тут все-таки не оказывается желаемого сходства у Германии и даже у Европы с Римом, а у славян с кельтами.

отнять у них Лифляндию, Эстляндию и Финляндию... Ну когда что-нибудь подобное говорили римляне о кельтах? И это через тысячу с лишком лет после первого столкновения со славянами, и это писать досталось Vater'у Арндту, которому в 1812 г. приходилось так напыщенно восхвалять доблести русских, так льстить России и умаливать ее о помощи, для того, чтоб потом, через 30 лет во всеуслышанье и под своим именем заявлять великодушное желание голодной смерти и гибели своей избавительнице. Какой печальный пример беззубой старческой злобы и политического бессилия! И это первый народный агитатор и пророк Германии в ее священную борьбу с *галлами!* Недаром Германия — Рим, а славяне — второе, карманное, но неисправленное издание кельтов.

* Еще в XVI в. магистры Ливонские жалуются императору: «Der erschrecklich grosse und mäclitige Moskowiter drohe der Ostsee mächtig zu werden».

Но выше мы согласились признать и допустить положение, собственно говоря, невозможное, наукой и критикой недопускаемое. Мы согласились признать Европу и ее образованность исключительно германской, а кельтов — вымершими. Мы согласились на такую странную натяжку только для того, чтобы придать хотя какое-нибудь вероятие находимому нашими учеными сходству славян с кельтами и хотя мало-мальски оправдать их же приговор об исторической неспособности славян, о невозможности им создать свою самобытную образованность. Впрочем, мы готовы и теперь не отрицать некоторых сходств между кельтами и славянами, в противоположность их германцам. Но мы должны напомнить, что наука никогда не признает Европы и ее образованности исключительно германской, а кельтов — расой вымершей.

В огромнейшем большинстве современных французов новейшая наука строго различает прямых потомков галлов (и кимров). Кельтов же видит она и в значительной части испанцев. Таким образом, оказывается, что перед германской расой кельтская вовсе не такая незначительная. Нельзя отрицать и великого участия валлисцев, шотландцев, ирландцев, более или менее чистых кельтов в истории английской жизни и образованности. Плохой же выбран способ доказательства несомненного будто бы превосходства германцев перед славянами! Да где же доказательства, что германцы выше кельтов? В этом случае обыкновенно ссылаются на англичан и ирландцев. Мы уже привели замечания об этом двух англичан, которые не считают своего племени чисто кельтским. Но надлежит заметить, что в Англии есть целая историко-этнологическая школа, которая решительно не соглашается в современных англичанах видеть родных братьев немцам. Она наносит нашим германистам удар чувствительный и неприятный, так как за доказательствами превосходства германского племени им часто приходится обращаться к своим *братьям* англичанам. Но вот является школа английских ученых, которая громко протестует против германизма, Великобритания всячески отбивается от этого навязываемого ей родства. В

Антропологическом обозрении, повременном месячном издании Антропологического общества в Лондоне, поборники этого мнения не раз высказывали свои мнения. В отзыве о сочинении Беллоге о кельтах во Франции неизвестный рецензент Обозрения заметил между прочим: «Беллоге негодует на Ам. Тьери за то, что он все еще различает галлов и кимров. Что же бы он сказал, если б жил в Англии и увидал изданный под усмотрением Оксфордского университета ученый труд, в первом томе которого вопреки исторической критике и физическим фактам приводится *странное положение, что англичане суть германцы* (that Englishmen are Dutchmen). Во Франции дело это понято лучше, так как французы отделены от немцев не более страшной заставой, чем Рейн. Французы всех сословий совершенно довольны тем, что они не тевтонского происхождения. Хотя Британия отделена от Германии морем, все еще есть много англичан, которые верят, что достаточно было нескольких мародеров из Шотландии и Голштинии, дабы заселить почти всю Великобританию. Что касается имен, то Франция и Англия находятся в одинаковом положении, ибо та и другая приняла названия германские. Впрочем, в Англии литераторы и историки пали ниц и поклонились слову, как Богу, и только научные исследователи убеждены в настоящее время, что имя никоим образом не есть указание факта. Во Франции, напротив того, здравый смысл, если не большее распространение науки, запечатлел в национальном уме то убеждение, что великие племена не истребляются завоеванием. Вопреки своему имени и вопреки своему языку, француз никогда не бредит тем, что он римлянин или франк. Он допускает, что и римляне, и франки имели влияние на его историю, но он гордится тем, что он есть, как это знает, родом галл (a Gaul by descent). «Мы работаем, не без успеха, это правда, дабы доказать, что если раса что-нибудь обозначает, то она означает коренное различие между германцам и англичанами — if race means any thing, it means radical distinction between Germans and Englishmen». Ту же мысль выражает в том же журнале и некто Джексон, пытаясь определить миро-

вое призвание Англии. «Рим, — говорит он, — будем ли мы его рассматривать в географическом отношении как державу средиземную, а не океаническую, или как языческую, а не христианскую империю, — не был, конечно, заключением империалистического движения, ни последней сценой европейской драмы, пятый акт которой только теперь начинается. Мы показали, что он должен разыграться не в Греции и в Италии, а во Франции или в Британии, и предпочтительно в последней. Отсюда непомерное возрастание Лондона, столь странно непропорциональное столичным требованиям Англии, но совершенно соответственное его нынешнему положению, как всемирному рынку и как столице образованности. Это же налагает на часть британского народа задачу мирового владычества, светлую надежду и смутное предзнаменование которого мы видим в нынешнем меркантильном влиянии и в колониальном могуществе британцев, а также, быть может, и в том действии, которым их национальный пример видоизменил многие, некогда деспотические, христианские правительства. Но истинное верховодство (imperial leadership) налагает еще более обязанностей, особенно, если оно утверждается на *Кельтской площади* (on the Celtic area) *и вручается народу, по-классически и по-тевтонски окрещенному, но тем не менее существенно кельтского происхождения* (by a classically and Teutonically baptised, but nevertheless radical Celtic population). В дополнение к меркантильной предприимчивости, мануфактурной промышленности и механической изобретательности, которыми Британия так решительно отличается, в дополнение к ее чувству законности и умению пользоваться благоустроенной свободой, исполнение такой миссии требует эстетического развития, уступающего разве, если уступит, развитию Греции, вместе с утонченностью мысли и чувства, нежной впечатлительностью и глубоким сочувствием природе, знакомыми литературам классических или семических народов и ожидающими своего полного и решительного выражения из рук тех, которые уже произвели Шекспира и Шелли в поэзии и которые, несмотря на филистимизм и всепроникающее слу-

жение мамоне, еще умеют говорить о литературе и искусстве устами Матвея Арнольда и Джона Рускина».

Один из главных представителей этой английской этнологической школы, нынешний вице-президент Лондонского Антропологического общества г. Пик издал недавно особое сочинение о происхождении англичан, где старается доказать, что англосаксы, юты и др. германские насельники не истребили и не могли истребить первоначального кельтского населения Британии, что поныне английский народ и физическими, и психическими своими особенностями — прямой потомок бриттов и резко отличается от германцев, голландцев и немцев. В главе о психических особенностях Пик проводит параллель между англичанами и германцами и высказывает как свои, так и других английских писателей мнения о немцах. Не скроем, что и в среде общества, и в журналистике (Westminster Review) Пик встретил много противников, тем не менее его мнения не одноличные и заслуживают нашего внимания по некоторым соображениям. Господствующее в Германии воззрение на славян тесно, нераздельно связано с господствующими там же убеждениями о неизмеримом превосходстве германской расы. Мнения Пика и других английских писателей и ученых, на которых он ссылается, показывают, что это выставляемое превосходство германцев не есть еще такая научная истина, которая бы достигла всеобщего признания. Так никогда не думали и не думают ни в Испании, ни в Италии, ни во Франции. Не признают ее и весьма многие английские ученые. Допустим, что мнения Пика и др. о немцах не заключают в себе ни одного верного замечания, ни одного меткого наблюдения, ни единого слова правды. Все же надобно согласиться, что известная распространенность в Англии таких ложных и неправильных мнений о племенных особенностях и дарованиях германцев есть уже обстоятельство само по себе важное и поучительное. Англичанам знать немцев и беспристрастно к ним относиться несравненно легче, чем немцам беспристрастно судить о славянах. Немцы англичанам не стоят так поперек дороги, как славяне немцам. Завидовать Англии тоже нечего, как нечего ей и за-

риться на немецкие земли. Если англичане так могут ошибаться в своих суждениях и мнениях о немцах, то не больше ли еще заблуждаются немцы в своих суждениях и отзывах о славянах? Нам, русским, знать эти мнения европейцев друг о друге также очень полезно. В нашем обществе и в литературе еще можно сказать господствует, по крайности количественно, Потугинское воззрение на Европу и Россию, обыкновенно выражающееся в такого рода восклицаниях: «Нам, русским, надо учиться, учиться и учиться, не рассуждать и умствовать о какой-то самобытности, не собственным умом доходить, а просто изучать Европу и европейскую, общечеловеческую цивилизацию». Настоящее и основательное изучение Европы приводит к признанию великого ее разнообразия. В европейской цивилизации существует величайшее разногласие воззрений и мнений о самых существенных и коренных вопросах человечества. Что же делать русскому в этом хаосе идей и убеждений? Где критерий истины? У нас у многих принято в этих случаях следовать мнениям самым новейшим и самым либеральнейшим. Но есть много воззрений новых, весьма разнообразных и одинаково либеральных или в смысле какого угодно либерализма совершенно безразличных. О значении составных этнических элементов европейской цивилизации существуют у итальянцев, французов, немцев и англичан самые разнообразные и нередко совершенно противоположные воззрения и понятия. Все же не могут быть правы и истинны. Тут уж как ни трудно, тяжело и неприятно, а без собственного ума нельзя обойтись. Знакомство с этим разногласием европейских воззрений может быть очень полезно русскому обществу, постепенно, таким образом, приводя его к сознанию необходимости толкового, осмысленного и критического изучения Европы и ее цивилизации. Познакомимся же с наблюдениями и выводами Пика об англичанах и германцах*. В основание своей психологической характеристики он принимает деление и классификацию умственных

* Memoirs read before the Anthropological Society of London. 1865—1866. Vol. II. London, 1866. On the Psychological Characteristics of the English People. By L. Owen Pike. P. 153—188.

явлений профессора Бена. Ум рассматривается у Бена в трех отношениях, как: 1) способность удерживать и воскрешать миновавшие впечатления, различные составные части которых собираются при их воскрешении, и собираются в том виде, как были получены; 2) способность отличать сходства — вызывать миновавшие впечатления с помощью настоящих, которые имеют одну или несколько точек сходства с прежними; 3) способность оригинального построения, способность зиждительная и творческая. Говоря словами Бена, мы получаем: 1) закон смежности или восстановления. Действия ощущения, волнения, происходящие единовременно или в постепенности, стремятся так сложиться, что если одно из них представится нашему уму, то все прочие готовы перейти в образ; 2) закон сходства *«настоящие* действия, ощущения, мысли или волнения стремятся воскресить им *сходные* между *прежними* впечатлениями и положениями; 3) закон зиждительной ассоциации». Этим способом ассоциации ум имеет силу создавать сочетания, отличные от тех, которые ему представлялись во время опыта. Великие наблюдатели и собиратели фактов сильны элементом смежности. Великие мыслители, обобщающие и открывающие законы, сильны элементом сходства. Великие изобретатели сильны элементом зиждительной ассоциации; таковы поэты, живописцы, композиторы, изобретатели в искусствах и науках. Благодаря такому делению, говорит Пик, теперь возможно сравнение умственных способностей различных народностей.

Впрочем, Пик начинает свою характеристику не с умственных способностей, а с самых простых проявлений народных характеров. Атлетические черты англичан, любовь к спорту, верховой езде, дракам на кулачки и пр. принадлежат, по мнению Пика, больше бриттам, кельтам, чем тевтонам, германцам. В этом отношении древние бритты и новейшие англичане имели и имеют себе равных только в древних греках. И поныне, как доказывают статистические данные, лучшие боксеры по преимуществу шотландцы, ирландцы и корнвалиены. «Вообще очень трудно, —продолжает Пик, — определить расположение народностей к тем или другим впечатлениям. Как в ду-

шевных волнениях, так и в уме очень много общего у всех народов. Но есть одно волнение, особенно отличающее большинство народов, известных под именем тевтонских. Это волнение есть удивление. Это чувство так у немцев развито, что в языке их есть множество прилагательных сложных с словом «wunder». Они даже имеют или имели наречие «wundershalber» чуда ради. И это у них неусловная манера выражаться, не выражение поговорочное, утратившее свой первоначальный смысл. Когда немец говорит вам, что известный предмет, чаще всего самый обыкновенный, есть wunderschön, он действительно так о нем и думает, как вы можете это заметить из движений его лица или глаз. Брови у него подымаются, глаза выпучиваются, и вообще под влиянием удивления он обыкновенно бывает всего сильнее взволнован. Упоминание большой суммы денег особенно возбуждает в нем это волнение; ему доставляет великое наслаждение повторять по нескольку раз «tausend» и «hundert» и всегда с самыми живыми физическими знаками удивления. Это любопытное обстоятельство дало повод многим авторам с восторгом отзываться о простоте немецкого характера; и, нет сомнения, очень забавно замечать удивление, производимое вещью, удивительной только по тому впечатлению, которое оно производит. Но едва ли удачно по этой причине приписывать немецкому характеру детскую простоту. Наклонность немцев к удивлению есть крупная черта их характера, только она не представляет ни всех их достоинств, ни всех их недостатков. Англичане, напротив того, не имеют никакого расположения к удивлению. Если ему попадается предмет совершенно новый, он весьма мало ему удивляется, но прежде всего взвешивает его полезность. Его энергия побуждает его поскорее воспользоваться этим предметом. Так, одно из главных отличий типического англичанина и типического немца состоит в разнице между деятельностью, связанной удивлением и деятельностью, подстрекаемой энергией и отвагой». Зато у англичан самое сильное волнение, чувство стыда. И в этом опять Пик видит кельтскую черту, общую англичанам с древними греками. В древних бриттах Пик находит великие

способности к поэзии и к механике. Древняя Греция передала Риму свои механические изобретения и познания, и через Рим большей части древней Европы. Новая Британия далеко превзошла весь мир, древний и новый, своими зиждительными дарованиями. Она открыла употребление пара как силы механической. Она применила пар к мореплаванию и к железным дорогам. Она открыла фотографию. Она изобрела счетные машины; ее школа морской архитектуры есть бесспорно первая в мире. Сверх того, Британия и ее колонии изобрели множество других значительных машин и ввели разные улучшения в механике, которые было бы скучно перечислять, но которые отличают британский, английский ум его особенным отпечатком. Главные наши соперники в этом деле, замечает Пик, не немцы и не голландцы, а французы. Другая форма английской изобретательности проявилась недавно в литературе, в повестях. Английские повести обходят весь мир, но особенно любимы в Германии. Напротив того, в Англии не идут ни голландские, ни немецкие повести, а идут французские, которые также распространяются в Германии. *Вообще,* заключает Пик, *из всех европейских народов англичане наиболее, а немцы наименее изобретательны*[*]. Точно так же и в драме, которой те-

* Такой же приблизительно взгляд на немецкую литературу и образованность выразил знаменитый английский критик *Джефри* в своей статье о Вильгельме Мейстере Гете. «Бесспорно богатые воображением и энтузиазмом немцы в течение двух столетий пренебрегали родной словесностью и были главнейше известны за свою ученость и трудолюбие. Они писали огромные латинские рассуждения о законах и богословии и выпускали в свет плотные издания классиков с обширными примечаниями. Наконец им надоело слыть за ученых чернорабочих (drudges) Европы, тоску наводящих своими комментариями. Около 50 лет тому назад они решились показать, из какого они металла, и раскрыть миру свои качества как людей гениальных и изобретательных. В этой попытке первым делом было всячески избежать упреков в схоластическом подражании классикам. *Это,* по их мнению, уже слишком бы отзывалось старой лавочкой; и с целью доказать свои права на оригинальность признано было необходимыми уклониться несколько в противоположную крайность, попробовать что-нибудь решительно новенькое и сразу показать свою независимость от древних учителей и свое превосходство над педагогическими правилами древности. С таким воззрением некоторые из них схватились за французские образцы, принялись серьезно изучать, как быть живыми — apprendre à âtre vif — и сочинили массу ма-

леньких вещей — petites pieces — и повестей галантерейного содержания, в стиле, о котором мы лучше умолчим. Эта манера была слишком противна общему характеру нации, — и бесспорно большая и лучшая часть немецких писателей обратилась к нам за намеками и уроками для руководства на их честолюбивом поприще. Было усмотрено более первоначального сродства в темпераменте и духе двух наций, — и сверх этого соображения наши великие писатели были бесспорно своеобразнее и менее классичны, чем писатели французские. Но Англия, к сожалению, изобиловала как хорошими, так и дурными образцами — и даже лучшие были небезопасны для торопливых подражателей. Как часто бывает, были предпочтены дурнейшие или слабейшие стороны лучших. Шекспиру много удивлялись, но больше за его фантастические скачки, неудачные смелости и нелепости, чем за его бесконечную проницательность и великий смысл, выкупавшие эти чрезмерности, или даже за его глубокую нежность и простой пафос с высотой полета и роскошью образцов. Во всяком, впрочем, случае Шекспир был выше их соперничества; и хотя Шиллер дерзнул, и не бесславно, соперничать с его чудесами, однако большинство его остроумных соотечественников стремилось к другим достоинствам. Придуманная нелепость, напускная странность, наглая халатность, уродливый слог и преувеличенная чувствительность Тристрама Шенди, приторная мораль, утомительные подробности и бесконечные замирания Ричардсона, грубые, хотя в то же время фантастические, умозрения Джона Бушеля и других забытых писателей в этом же роде — все это наиболее нравилось немцам. Это было оригинально, страшно, неклассично и головоломно. Эти писатели возбуждали любопытство, не будучи в то же время понятны, исключали однообразие быстротой и насильственностью своих переходов, возбуждали самую заматерелую чувствительность той силой и упорством, с которым они громили сердца. Короче сказать, они были именно тем, чего искали немецкие оригиналы, и они немедленно их приняли и стали по ним учиться. Дабы совершенно их усвоить, им только оставалось преувеличить эти особенности, примешать к ним известную порцию своей старой мечтательной философии, туманной метафизики и суеверных умствовавний, наконец ввести несколько старчески умствующих теоретиков для приправы всего этого смелыми рассуждениями о нравственности и об изящных искусствах. Слог также должен был быть уснащен странными сравнениями и неожиданными уподоблениями, заимствованными, по большей части, из круга низких и грязных предметов. Сказанное нами достаточно объясняет нелепость, несообразность и придуманность такого рода произведений. Но у них есть еще другое отличительное качество — это особого рода пошлость, господствующая у всех у них и составляющая, быть может, самую противную их особенность. Мы не знаем, как бы лучше описать эту несчастную особенность, разве сказав, что это пошлость мирных достаточных бюргеров, занятых своей говядиной и картофелем и помышляющих лишь об удовлетворении своих личных нужд. Конечно, не было писателей, которые бы, подобно нынешним немецким, снисходили до таких подробностей своих героев и героинь. Их произведения отзываются пряностями, синей бумагой с завернутыми в нее жирными ватрушками и разны-

перь Англия не ниже Германии, но ниже Франции. Зато драма в Англии — и трагедия, и комедия — имеет самую блестящую историю, и с ней может сравняться только драма греческая. «В лице Лессинга, Шиллера и Гете Германия сделала некогда великое усилие для основания у себя драматической школы; это усилие произвело несколько прекрасных поэтических произведений, но оно в то же время обнаружило, как слаб немецкий ум в практическом приложении средств к целям. Это прекрасные поэтические произведения, но для сцены неудобные, словом, это не драмы. В комедии Германия еще ниже, чем в трагедии; она почти лишена комических писателей. И это обстоятельство приводит к другому важному различию немецкого и английского ума. Немцы тяжелы, вялы, более склонны к удивлению,

ми принадлежностями кухни. Все дорогие воспоминания детства вертятся около разных сластей или похищений на кухне. Посреди самых страстных сцен всегда бывает серьезное и намеренное упоминание о существенных удовольствиях еды и питья. Восторги свидания (tête-à-tête) бывают неполны без бутылки хорошего вина и вкусного завтрака. Их истинные мудрецы изрекают свои оракулы над стаканом пунша; и очарованный любовник находит новые апологии для обожания своей возлюбленной в перечислении гребенки, мыла, утиральника со следами их употребления. Короче сказать, эти низкие потребности нашей природы, тщательно обходимые другими писателями, намеренно выводятся напоказ и подробно описываются у патетических писателей Германии. Мы затрудняемся объяснить такую странность вкуса, но подозреваем, что это происходит от той важности, которая придается этим домашним потребностям большинством читателей и писателей немецких. Хотя в Германии есть большая доля свободы, но она выражается не столько подъемом массы народа до равенства с высшими классами, сколько обеспечением за ними их низших и плебейских привилегий. Она, скорее, позволяет богатеть разным цеховым мастерам, чем сообщает участие в национальных правах, которое бы им позволяло стремиться к достоинству и изяществу, к достатку и комфорту. В Германии как писатели, так и читатели принадлежат большей частью к плебейским, средним классам. Их ученые люди по большей части очень бедны и зависимы; и достаточные бюргеры, покупающее тысячами книжки на ярмарках, ни в чем так не сочувствуют писателям, как в придании значения всем домашним потребностям, которыми в их состоянии и ограничивается вся амбиция тех и других (Leffrey Fr. Contributions to the Edinburgh Revew. 2 edit. London, 1846. I, 265—268). Такая же разность английских воззрений с немецкими выразилась и в известной статье Маколея о Фридрихе II, так возмутившей немецкую критику (см., напр., статью Хейссера *Sybels Zeitschrift*. I, 43) и в отзывах английской журналистики о Шлезвиг-Голштинском вопросе.

чем англичане, и имеют, быть может, именно вследствие того бесконечно меньше остроумия и юмора (infinitely less wit and humour). Любовь к удивительному, чудесному, таинственному проявляется также и в их школе музыки, в которой, несомненно, немцы проявили творческую силу. В немецкой школе живописи выразилась любовь немцев к чудесному и пристрастию их к подробностям. «Между новыми европейскими нациями едва ли есть народ, который бы превзошел англичан в поэзии; быть может, с ними сравнялись в этом отношении только древние греки. От Чосера через Шекспира, Спенсера, Мильтона, Попа, Шелли, Байрона и множество других идет ряд поэтов, какими никакая другая нация не может гордиться. Быть может, нет рода поэзии, по которому бы англичане не представили прекрасных образцов, и едва ли не везде они раскрыли свою оригинальность. Здесь особенно заметно сходство между англичанами, древними бриттами и древними греками; и едва ли не тут всего более проявляется контраст между англичанами и немцами (the contrast between the English and the Germans). Немецкие поэты, хотя и многочисленные, походят один на другого своей, общей им всем, привязанностью к чудесному, мистическому, сверхъестественному. Немцы всего легче приходят в волнение от чего-нибудь удивительного или чудесного, тогда как другие европейские нации имеют более широкие сочувствия (wider emotional sympathies). Поэтому, за исключением Гете и Шиллера, Германия едва ли произвела хоть одного поэта с европейскою известностью; и даже Гете и Шиллер, как они ни были, без сомнения, велики, немало были обязаны своему изучению Шекспира. Следует также заметить, что между тем, как немцы, всегда привязанные к чудесному и старательные в обработке подробностей, обыкновенно напыщенны и темны, наконец мало разнообразны в своих произведениях, англичане, напротив того, могут представить Шекспира как образец разнообразия, Попе как образец ясности и ритма и Байрона как образец описательной силы и красоты. В драматическом роде, как и в других родах поэзии, творческая, зиждительная сила есть необходимый элемент, но особенно в драматической поэ-

зии. Но одно из самых существенных свойств поэта есть способность признания сходства. Эта способность одинаково необходима и в опытных науках, и в искусствах, где гений может себя проявить. — Сравнивая поэзию немецкую с английской, нельзя за Англией не признать перевеса относительно способности зиждительной и познающей сходства; с другой стороны, великая обработка подробностей, отличающая все формы немецкого искусства, относительно смежности, склоняет весы в пользу Германии. К такому же заключению приводит сравнение немецкой философии и науки с философией и наукой английской. Индукция обязана своим открытием англичанам, но кажется, что и после своего открытия, она остается противной немецкому уму. Немецкий ум раскрывается в двух видах; иногда он принимает известные посылки и выводит из них систему философии, законченную в каждой подробности, иногда же он собирает громадное количество фактов, важных и неважных, часто вовсе не осмысленных или освещенных известной идеей прежде, чем они были переварены. В первом случае возникают бесконечные системы метафизики, из коих каждая резко отличается от своей предшественницы; в последнем случае являются словари, грамматики, издания классиков, монографии о различных предметах. В первом случае подробности всех вопросов, предлежащих объяснению в системе, тщательно нагромождаются на ум, прежде чем приняты посылки; в последнем накопляется факт за фактом с таким упорством, которое покажется мучительным для человеческого существа, неодаренного чрезвычайной способностью удерживать впечатления, или трудом, совершенно пропащим для человека, одаренного способностью классификации. В обоих случаях проявляется любовь к чудесному, мистическому. В одном случае она сказывается движением мысли от неизвестного к неизвестному, в другом — массой или количеством — wundergross. Но как удивление, волнение чудом, так и любовь к мелочам и подробностям сама по себе — противоположны и враждебны индуктивному методу, который отличает английский ум даже и в занятиях философией. Результаты английской школы фило-

софии добыты опытом. Совершенно иное было движение немецкого умозрения. Всегда субъективная и потому всегда догматическая школа немецких метафизиков со времени Канта прошла период догматического пантеизма и наконец пришла к столь же догматическому атеизму. Так как процессы мышления относятся к «закону сходства», то можно предполагать, что немцы, обнаруживая великую любовь к отвлеченному умозрению, необходимо должны обладать великой способностью замечать сходства. Выражаясь словами Милля, учение которого об умственных процессах мало отступает от учения профессора Бена, дедуктивный метод зависит от открытия признаков известных свойств или примет этих признаков; а для открытия этих примет и признаков требуется сильная способность уподобления. Но для верного получения того, что называется общим положением, прежде, чем выводить из него заключения, потребна еще сильнейшая способность уподобления. Есть общий закон, настоящая основа всякого истинного мышления — это открытие общего закона, по преимуществу требует ума сильного в нахождении сходств в равнообразии. Нужна известная сила для извлечения выводов из общего закона; но для открытия самого закона требуется, безусловно, великое природное дарование. Это положение ничего не терпит от того, что всякое истинное мышление идет, в сущности, от частностей к частностям, что общее положение есть лишь условный реестр замеченных явлений. Тщательным применением известных правил человек с любовью к подробностям может рассуждать правильно, отправляясь от известных данных, и его заключения могут быть правильны, как и самые данные; но только человек с гением для различения сходств может поставить эти данные на научную почву. Настоящий человек науки — человек, отправляющийся в своем рассуждении от замеченных фактов, — открывает, что известное явление во множестве случаев сопровождало одно или несколько других известных явлений; затем он производит известные опыты с целью объяснить все возможные условия, кроме тех, которые, по его предположению, неизбежно сопровождаются при данном явлении; и наконец он произносит свое

заключение, т. е., где бы известные явления ни встречались, другое известное явление будет также найдено, и из этого открытия согласно точным правилам могут быть выведены полезные результаты. Но хотя известный запас дарования, без сомнения, необходим для открытия таких новых результатов, есть, однако, огромная разница между открытием этих новых результатов и первым открытием закона. И эта разница есть именно разница между научным и чисто субъективным рассуждением, быть может, немного будет сказать, между типическим английским умом и типическим немецким умом. Германия, без сомнения, произвела несколько великих открытелей (discoverers) и обобщителей из опыта, таковы были Коперник (хотя он, вероятно, польского происхождения), Кеплер, Лейбниц, Гете и Окен. Быть может, нет ни одной европейской нации, которая бы не произвела великих открытелей. Италия, между прочим, произвела Убальди, Галилея, Торричелли, Бернульи, Гальвани, Франция — Декарта, Лагранжа, Лапласа, Англия — Ньютона, Галлея и других астрономов вместе со многими великими изобретателями. Но строгий научный метод англичан есть характеристическая особенность народа и существенно противоположен методу немцев. Англичане, этот par excellence audax Iapeti genus, освободились от величайшей из помех — чуда. «В деле истины и лжи, — как замечает профессор Бен, — волнение чудом, удивление есть одно из развращающих волнений. Рассказы об обстоятельствах фактических постоянно им искажаются, и в науке Бэкон мог поместить чудо между своими идолами». Англичане знают истинную цену фактов, они умеют их располагать, классифицировать, пользоваться ими. Они знают цену теорий; они умеют их проверять, применять и пользоваться ими. Немцы, в свою очередь, ценят, кажется, факты, скорее, по их количеству, чем по их качеству, а теории за их мистицизм, за то, скорее, удовольствие, которое они доставляют теоретику, чем за согласие их с фактами. И поэтому даже Окен, один из величайших умов по силе открытия сходства, так мало заботился о проверке своих данных, что из всех его предположений только одно об омологиях скелета прославило его

имя. Его способность уподобления была громадна; но ему недоставало той зиждительной силы, которая необходима для проверки. Если, таким образом, припомним, что обе силы, творческая, зиждительная, и познающая сходства необходимы для всех великих открытий, изобретений и поэтических созданий, то мы увидим, что в этих двух областях человеческого ума немцы несколько ограниченнее англичан. Это особенно выражается тем, что когда у немцев появляется какая-нибудь исключительная личность с высоким развитием одной из этих способностей, то обыкновенно она бывает слаба другой из них. Немцы могли произвести Окена, сильного способностью находить сходства, или Генделя, сильного творчеством, но не Уатта, не Шекспира, одинаково сильных в том и другом отношении. Если, в свою очередь, требуется весьма сильная намять (retentiveness) для всякого рода компиляций, которыми преимущественно отличаются немцы, то нетрудно заметить, что в этой области немцы, видимо, превосходят англичан. Сообразно этим умственным отличиям между германскими национальностями и английской существует совершенно аналогическое нравственное различие. Все европейцы любят копить деньги, немцы, быть может, не меньше англичан. Но германцы больше англичан копят деньги из любви к ним самим. Немцы собирают факты, не заботясь о результатах, которые они могут дать, как копят деньги без желания их тратить. Большой немецкий купец есть купец, большой английский купец есть купец-князь. Говорят, что немцы похожи на греков образованием многочисленных колоний. Нет положения, более далекого от истины. Немцы *эмигрируют* (выселяются), но не колонизуют, точно так же, как они гораздо чаще доводят новое чужое открытие до дальнейших результатов, нежели сами делают открытие. Англичане — великие колонизаторы, точно так же, как греки в древности. Но куда Англия высылает колонистов, Германия высылает эмигрантов. Есть огромная разница между этими двумя явлениями, столь же великая, как между *удивлением* и *отвагой.*

Таковы главнейшие замечания Пика о психических особенностях англичан и немцев. Признавая даже вполне неоснова-

тельной и от начала до конца ложной эту характеристику, мы не видим, однако, возможности избежать заключения, что между природными и образованными англичанами есть немало людей, которые не считают правильным называться родными братьями немцев и об этом, как видно, не особенно даже сожалеют, полагая, что английская природа гораздо богаче и полнее германской, что немцы вообще не отличаются великим творчеством ни в искусствах, ни в науке, лишены английской смелости и отваги, одинаково важных и для научной, и для общественной длительности, хотя зато преизобильно одарены чувствами удивления, любовью к таинственному и неизвестному, расположением к мелочам и подробностям, обширной памятью, сильной компилятивной способностью и большим искусством разъяснять не ими найденные законы приискиванием массы частностей и таким образом дополнять, развивать и совершенствовать общие открытия. Это английское воззрение на немцев, которое, если резко отличается от господствующего воззрения немцев на самих себя, зато довольно близко сходится с французским и итальянским воззрением на них же. Если даже предположим, что несходство воззрений, довольно распространенных у трех великих народов на немцев, с господствующим воззрением немцев на самих себя есть самое лучшее и решительное свидетельство необъективности, ненаучности и некритичности этих воззрений, то все же трудно не допустить, что в воззрениях немцев на славян могут быть некоторые ошибки, хотя, быть может, и не столь значительные, каковы, например, ошибки англичан, французов и итальянцев. Точно так же позволительно, кажется, предполагать, что нежелание славян немечиться и вытекшая из него тысячелетняя борьба с немцами за сохранение своей племенной самостоятельности не свидетельствуют еще об исторической неспособности славянского племени, иначе пришлось бы называть неисторическими и прочие арийские племена итальянцев, французов, даже англичан, которые без всякого раскаяния и сожаления к немцам себя не причисляют. Положим, Пик и другие еще не доказали, что англичане — чистые кельты, все же нельзя отрицать, что кельтская стихия в английской народности и об-

разованности значительно преобладает и что всячески англичане если не чистые кельты, то и не чистые германцы*. Таким образом, наши ученые, намекая и указывая на сходство славян с кельтами, но не раскрывая его ясно и не обозначая точно, ничего не успели, при всем своем горячем желании, доказать, что славяне — раса низшая, чем германцы. Если у славян действительно больше сходства с кельтами, чем с неграми, то все-таки сходство их совершенно не то, которое ученые наши желали найти, и, следовательно, сравнение славян с кельтами, так же как и с неграми и с женщинами, одинаково неудачно и даже столь же неостроумно. В самом деле, припоминанием негров и ирландцев, когда идет речь о славянах западных, немецкие ученые, видимо, желают приравнять свое отечество к Америке и Англии, но они забывают, что эти действительно великие державы, на которых вообще походить лестно, имеют, однако, в своей истории несколько мрачных и позорных

* См.: Latham. The Ethnology of the British Islands. London. MDCCCLII. P. 269—260. «Кельты, римляне, немцы и скандинавы составили главные элементы нашего населения, элементы, смешанные между собой в самых разнообразных степенях сочетания, особенно относительно трех последних нет и приблизительной частотности. Как легко найти типического и чистого кельта между гаэлами Коннота (Connaught) или камбро-бриттами северного Валиса, так между четырьмя морями нельзя найти столь же чистого и типического германца, которого иные писатели любят противопоставлять кельту. Самый ближайший к этому германскому типу есть Фриз Фрисландия. Надлежит помнить, что начавшееся смешение кровей еще продолжается; и как три чистых ручья кельтской, без всякого соответственного ключа готской, крови еще в полном цвете, то вследствие того происходит медленное, но верное прибавление кельтских элементов к англосаксонскому стволу, элементов, которые заметны в Британии и еще значительнее в Америке. The Gaël or Briton who maries an English wife, transmits, on his own parls, a pure Keltic strain, whereas no Englishman can effect a similar infusion of Germanism — his own breed being more or less hybrid» — Тюкетт замечает, что англосаксонской стихии в английской истории придают слишком преувеличенное значение и в опровержение этой мысли, между прочим, ссылается на Farmer's History of the Anglo-Saxons (Tuckett I. D. A History of the past and present state of the labouring populalion. London, 1846. I. 15: — To the Anglo-Saxons it has been usual to refer the most valued of our present institutions, though later and more accurate researches have lowered the previous estimate of our obligations to this people). Несмотря на все это, ученые Германии продолжают и англичан, и американцев величать германцами, представляя их, как прямую противоположность кельтам. (См., например, Дифенбаха Orig. Europ. S. 188).

страниц, которых лучшие люди их стыдятся, и эти страницы заняты именно историею негров и ирландцев. Так, немецкие патриотические писатели подобными сравнениями оказывают без всякого злого умысла, дурную, однако, услугу германской истории и родине, наводя славян, особенно западных, на неприятные аналогии и нелестные выводы*.

* Мы уже указали на новейшие английские мнения об Ирландии, но так судила свободная английская печать еще гораздо раньше. Сидней Смит писал в «Эдинб. обозр.» еще в 1820 г.: «Так велико и продолжительно было дурное управление этой страной, что мы истинно думаем — наша империя была бы гораздо сильнее, если бы между Англией и Атлантикой было открытое море и над прекрасной страной Ульстера плавали акулы. Такое грабительство и распутство, такая тирания и такое угнетение, такое злоупотребление Божьими дарами, такое поругание имени Божьего во имя ханжества и духа партии не могли быть ничем превзойдены в истории образованной Европы и надолго останутся памятником позора и стыда для Англии (monument of infamy and shame to England)». The works of the Rev, Sydney Smith. 4 edit. London, 1848. Vol. II, 144—145. Справедливость требует заметить, что весьма редко, но попадаются некоторые немецкие писатели и ученые, которые высказывались с такой же строгостью об успехах немецкого завоевания на славянском востоке. Так, Лютцов… «Если мы соберем, — говорит он, — в один образ отдельные черты полабских славян, то увидим, что они собственной силой, благодаря многим прекрасным дарованиям, верному сохранению национальных благ, языка, религии и быта, уничтожению у себя некоторых варварских обычаев и введению более мягких нравов так долго просуществовали свободными, зажиточными, честными и нередко очень сильными и всегда страшными своим врагам; если мы сравним этот образ с картиной современной немецкой империи, благороднейшие соки которой были пожираемы завистью князей, лично боровшихся с императором, жадностью и корыстолюбием духовенства, грабительством рыцарей, причем дворянство со своим правом кулака и меча отменяло правосудие, мужика уравнивало со своими волами, имущество купцов, попадавшееся ему на пути, объявляло своею добычей и уничтожало всякое равновесие между свободными членами государства, в котором народ невежеством духовенства был ввержен в грубейшее суеверие, — если мы сравним обе эти картины, то легко придем к вопросу: которая же из двух ступеней, на кои возвели славян и немцев бурные волны их судьбы, представляет менее печальный вид? Не та же ли пропасть грозила гибелью немцам, как и славянам? И не были разве спасены немцы только более благоприятной судьбой? Политическая кончина балтийских славян, приготовленная злым гением, представляется нам в истории, как славная смерть героя. Das politische Ende der Wenden aber, wetches ein böser Genius <…> bereitele, wird uns in der Geschichte gleichsam wie ruhmvolle Tod eines Helden erschienen». Там же (с. 323). Der politische <…> des wendischen Volkes muss anderswohin, als in das Buch eigener Verschuldungen eingetragen werden.

Впрочем, справедливость требует заметить, что от поборников и приверженцев учения о неизмеримом духовном превосходстве германской расы мы вправе услышать еще одно возражение, которое обходить молчанием не позволяют ни распространенность этого учения, ни авторитетность имен многих из его поборников, ни действительные научные заслуги некоторых из них, ни, наконец, громадное влияние этого учения на систематическую постройку так называемой средней и новой истории, на характеристику и представление многих ее явлений, целых эпох и периодов. Это возражение может примерно заключаться в следующем: «Германская раса есть благороднейшая в человечестве, die edelste (Race) der Menschheit. Строгая внимательность, беспристрастность суждения, научный критицизм, объективность представления принадлежат к исключительным или по крайности преимущественным свойствам этой расы. Если господствующие мнения итальянцев, французов, англичан представляют в некоторых отношениях значительную разницу с господствующим мнением германцев, особенно по вопросу о превосходстве германской расы, то не следует ли рассматривать эту разность как лучшее свидетельство и доказательство превосходства германцев перед романцами и кельтами, которые уже самой природой лишены того глубокомыслия (Tiefe des Gemüthes u. des Geistes), того критицизма и объективности, которыми обильно одарены германцы и благодаря которым — в этом-то и заключается тайна их превосходства — они могут глубже проникать во внутреннюю природу вещей, легче и яснее уразумевать высочайшая истины». Нельзя не признать строгой логичности и последовательности этого возражения, неизбежно вытекающего из упомянутого учения. Следует и согласиться, однако, что в таком случае германская раса значительно сократится, ибо от нее придется тогда отчислить если не всех, то огромное большинство англичан и англо-американцев, которые имеют слабость не разделять мнения большинства немецких ученых и писателей о неизмеримом духовном превосходстве обитателей срединной страны (das Land der Mitte), сердца Европы (das

Herz von Europa)... Раз сделавши такой вычет, уже конечно не следует, рассуждая, например, о неизмеримом превосходстве германцев перед славянами, прибегать к столь любимому и обыкновенному у германистов приему ссылаться на англо-саксов Старого и Нового Света и хвалиться их заслугами как своих родных братьев. Позволяем себе думать, что, хотя англичан и англо-американцев строгая наука отнюдь не может признавать не только исключительно, но и преимущественно германским племенем, однако непонимание ими предвечного решения Промысла, определившего благороднейшую часть земли в удел благороднейшему племени человечества (Витерегейм), может быть для этнолога далеко не самым сильным и решительным доказательством негерманскости британцев и американцев. Голландцы, скандинавы, несомненно, германского происхождения, служат лучшим тому подтверждением. И у них господствующее немецкое воззрение на место и значение Германии и немецкого народа вовсе не пользуется особым уважением. Датский ученый Гейнрихсен высказал о нем однажды весьма резкое суждение, которое в строгости не уступит подобным же суждениям итальянцев, французов, англичан и англо-американцев о том же предмете. В своем умном труде «Die Germanisten und die Wege der Geschichte, Kopenhagen. 1848» — Гейнрихсен замечает: «Как римский патриций обходился со своими рабами, так немцы хотели бы обращаться с чужими народами. Что для них справедливо, то для других должно быть неправдой. Чтобы видеть образчики немецкого высокомерия, довольно развернуть любой немецкий журнал и те его страницы, где идет речь о Дании. Если скажем немцу, что их литература вообще богата и прекрасна, но в некоторых отношениях стоит ниже датской, что Германия не произвела настоящей национальной комедии или хорошего исторического романа, например, в роде *Ингеманна,* что лучший цвет национальности, народный юмор нигде ярко не проявляется в немецкой литературе, ибо вместо естественности всюду выступают рассудочность и продуманность, немцы в ответ на это провозгласят все эти роды словесности ниже их достоинства.

Я слышал, как немцы осуждали Гольберга за то, что ему недостает *всемирно-исторической почвы*. Их страсти к идеальному распространению отвечает страсть к поземельному расширению. Ближайшие к ним народы, *поляки, чехи, датчане, голландцы* и т. д., считаются у них ступенями к немецкому храму, подножием их мирового царства (Weltreich) или, как говорил один немец во Франкфурте, его воротами, а самый Франкфурт есть новый пуп земли, откуда удивленному миру должна провозглашать оракулы немецкая пифия. Но всей этой наглости будет со временем положен конец. Правда, против немецкому движению в Европе, особенно с востока, еще недостает силы и согласия, но если немцы будут упорствовать в своем презрении к другим народам, то, когда время исполнится, нападет на них славянский колосс — и всей остальной Европе глаза откроются». Нам нечего входить в разбирательство датско-немецкой распри, которая, между прочим, доказывает, что усобицы — не исключительное свойство славянского племени. Если отдельные ветви славянские, увлекаясь братской враждой, накликают на сильнейших своих братьев враждебные силы иноплеменников, как бодричи на лютичей, чехи на поляков, поляки на чехов, русские на Польшу и поляки на Россию и проч., то это же явление повторяется, мы видим, и в среде германского племени, где баварцы служили французам против Германии или датчане называют на нее славян, русских. Мы незнакомы с датским языком и литературой, но из чтения сочинений о Дании, из личных расспросов и разговоров с самими датчанами в России и за границей, наконец из новейших событий мы имели случай убедиться, что приведенное мнение Гейнрихсена довольно верно выражает господствующее датское воззрение на Германию и немцев. Что же касается голландского и шведского воззрений, то они, скорее, в этом отношении сближаются с датским, чем с немецким. На это замечание нам могут возразить, что эти три германские народа представляют значительные помеси с другими негерманскими племенами, с кельтами, финнами, лопарями и даже славянами. Но точно так же и немцы в Германии нигде, можно сказать, не представляют чистого,

беспримесного населения: на востоке, юге, севере и западе и в самом центре Германии — везде в продолжение веков происходило скрещивание германцев со славянами, кельтами и даже туранцами, если к ним принадлежало то древнее племя, которое составляло первобытных, доарийских обитателей Европы. Таким образом, признавая неизмеримое духовное превосходство германцев во всех отношениях, нужно допустить, что смешение с ними других племен могло только и непременно должно было портить и искажать эту благороднейшую расу. Вероятно, сознавая законность такого вывода, некоторые немецкие писатели и ученые начинают относиться к этому учению с насмешкой и пренебрежением, которого оно, кажется, и заслуживает. Впрочем, многие из них соглашаются на уступку только в пользу других германских и романских народов, а относительно славян продолжают думать, как о расе низшей. Неудачность сравнения их с кельтами еще, однако, не говорит в пользу неверности господствующего о них воззрения.

Три мира Азийско-Европейского материка

Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляют одно целое, одну часть света, которая, по всей справедливости, может носить еще название Азийско-Европейского материка. По площади это самый обширный изо всех материков. Занимая приблизительно 62.872,519 кв. км, он значительно превосходит своей величиной обе Америки (38.334,100 кв. км), Африку (29.207,100 кв. км) и Австралию (7.695,726 кв. км). Еще несравненно важнее значение Азийско-Европейского материка по численности и культуре населения. Из приблизительно предполагаемого населения земного шара почти до полутора миллиарда на Азийско-Европейский материк приходится более миллиарда ста восьмидесяти трех миллионов душ, а на остальные части света менее 300 млн душ, причем Африка имеет до 163.953,000, обе Америки 121.713,000 и Австралия 3.230,000 душ.

За исключением самобытной цивилизации Древнего Египта, получившего, впрочем, свое население и начала образованности, несомненно, из Азии и не раз подолгу игравшего важную роль в Азии, и затем недоразвившейся образованности старой Мексики и Перу, — все, что поныне создано человечеством замечательного и великого в религии и философии, в искусствах, науках, промышленности, в общежитии, в государственном и международном праве, принадлежит всецело племенам и народам Азийско-Европейского материка. Они заселяли другие части света, переносили в них свои религии и образованности, свои языки и литературы. Даже многие древнейшие обитатели и так называемые туземные племена Австралии, Полинезии, обеих Америк и части Африки были, по всей вероятности, переселенцы из Азии. Выгодные отношения береговой линии к поперечнику внутренности стран, удобное направление и расположение горных хребтов и речных систем, благоприятные климатические условия и великое разнообразие природных богатств создали из земель Азийско-Европейского материка наиудобнейшее местопребывание и поприще деятельности самых древних, наиболее одаренных и развитых, поистине великих исторических племен. С одной стороны, многообразная расчлененность, от высоких горных хребтов до глубоких и обширных заливов и частных морей с прилежащими к материку многочисленными островами, с другой — крепкая сплоченность и громадная величина равнин Азийско-Европейского материка помогли развитию крайнего разнообразия, этнографического и культурного, содействовали образованию великих и сильных племен. Племена эти, при всем разнообразии, при всей отдельности своих языков и наречий, могли в среде своей развить и сохранить несколько общих языков и выработать из них могучие орудия богатых и сильных культур. Наибольшая величина площади и наибольшая плотность земель Азийско-Европейского материка, сравнительно с прочими частями света, и одинаковая почти близость его к Африке, Америке и Австралии с Полинезией сделали его естественным центром этих менее пространных

и объемистых тел, на кои, в силу закона тяготения, он должен был всегда оказывать сильнейшее давление и влияние. Меньший объем Африки, Америки, Австралии с Полинезией, разные неблагоприятные климатические и другие естественные их условия не дозволяли до новейшего почти времени сложиться в этих частях света (за указанным исключением Египта) великим историческим племенам и развиться в них богатым и самобытным цивилизациям.

Вглядываясь ближе во внешний вид, состав населения и историко-культурный характер Азийско-Европейского материка, мы приметим в нем три крупные части, три великих отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями.

Отправляемся ли мы с крайнего запада так называемой Европы на восток или с юга собственной Азии на север и запад, по мере удаления нашего от центров чисто европейской или чисто азиатской жизни и образованности мы приближаемся к тем странам Европы и Азии, которые, включая в себя много элементов чисто европейских и чисто азиатских, имеют, однако, в общем, свой особый тип, носят на себе особый характер. Этот тип или характер довольно резко отличает эти страны от собственной Европы и от собственной Азии.

Предполагаем на первый раз хорошо известным и достаточно определенным понятие историко-культурных характеров 1) собственной, или так называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской Европы и 2) собственной Азии, с древними и средневековыми цивилизациями ее исторических племен и народов и с варварством и полудикостью ее разнообразных племен и народов неисторических или полуисторических. Мы, таким образом, можем в обозначении указанных разновидностей или главных отделов Азийско-Европейского материка ограничиться пока следующими терминами: 1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия. Вступая в пределы этого среднего мира из Азии,

мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же, вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия. Ближайшее обозначение границ и внутренних признаков этого среднего мира между собственной Европой и собственною Азией, этого Востока для Европы и Севера и Запада для Азии, может помочь нам найти более подходящее и меткое для него название, точнее определить давно отыскиваемые и вообще трудно находимые границы между настоящими Европой и Азией и вместе с тем привести нас к более ясному пониманию и более верному разделению так называемой средней и новой истории человечества.

По направлению от северных пределов азиатских полуостровов Малой Азии, Аравии, обоих Индий далее к северу, по мере приближения к Закавказью, северным и восточным берегам Черного и Каспийского морей, к горным хребтам Тянь-Шаньскому, Алтайскому и Саянскому, к северному отрогу хребта Хинганского и к реке Амур, по мере удаления от северных пределов азиатской Турции, Персии, Афганистана, Китайской и Японской империй все более изменяется и природный характер страны, и этнический и культурный тип населения, и характер их социальных и правовых отношений. На север от этих стран, вплоть до берегов Ледовитого океана, Камчатского, Охотского и Японского морей, кончается de jure, а затем и de facto господство царящих в целой Азии на юг от этой границы религий, наречий, нравов, общественного и государственного строя. В землях этого среднего мира, в пределах русской Азии и даже Европейской России, находятся, правда, более или менее многозначительные представители господствующих в Азии на юг от русской государственной границы или в пределах собственной, нерусской Азии, религий, языков, нравов и обычаев. Но все они в пределах России занимают положение зависимое, подчиняются влиянию образованности и государственной власти, созданных народом, чужим им по происхождению, по внешнему типу, по языку, верованиям, быту и историческому развитию. Все соседние нам народы собственной Азии —

японцы, китайцы, монголы, персы, различных видов и наименований турки, как часто ни различны они между собой по наречиям, верам и культурам, относятся вообще одинаково к урусу, оросу, олосу, москову, равно видят в нем чуждого себе, если не всегда враждебного, то всегда сильного и грозного, во многих отношениях совершенно от них отличного, непохожего, несродного и неединоверного им соседа. С удалением от юга и востока собственной Азии и с приближением к пределам России или русской империи, чем далее на север и запад, тем более видоизменяется и природный характер страны. Климат и тесно от него зависящая жизнь растительная и животная становятся суровее, беднее, однообразнее. Только некоторые южные окраины русской Азии или Азиатской России представляют собою благодатные земли с довольно теплым климатом. Но как бы они ни были сами по себе значительны, в массе земель Азиатской России они являются сравнительно редкими и не особенно значительными оазисами. Это отношение нисколько не изменится в пользу России, если мы станем сравнивать, по климату и разнообразию растительной и животной жизни, собственную Азии не только с Азиатской, но и с Европейскою Россией, ибо последняя составляет прямое естественное продолжение первой. Благословеннейшие углы юго-западной России, южного берега Крыма, Закавказья, русского Туркестана, Семипалатинской и Амурской области являются на громадном просторе русской государственной области редкими исключениями. В нерусской же Азии находятся целые обширные страны, из коих чуть ли не каждая в отдельности богатствами роскошной своей природы далеко оставляет за собой все эти благословенные русские края, взятые вместе.

Но не одной относительной суровостью климата и сравнительной бедностью и однообразием природы, а также и чрезвычайной редкостью населения и крайней юностью культуры резко отличается Азия русская от значительнейшей части нерусской, собственной Азии. На своей площади, приблизительно в 17.303,217 кв. км русская Азия содержит около 19 млн жителей, а собственная нерусская Азия на пространстве приблизи-

тельно в 26.839,441 кв. км имеет с лишком 800 млн жителей. За исключением только некоторых южных окраин русской Азии, имевших древнюю богатую культуру и только сохраняющих ее следы и остатки, огромная часть земель русской Азии, до утверждения в ней русской власти, находилась в самом, так сказать, девственном состоянии, была в руках племен довольно первобытной грубости. Значительнейшая же часть нерусской Азии принадлежит к странам самой древней и нередко весьма высокой культуры. Тут возникли и развились древние образованности Ассирии, Вавилона, Индии, Ирана, Палестины, Финикии, Сирии, Аравии, Китая, Японии, островов Малайского архипелага, с их многочисленными памятниками разнообразнейшей, по содержанию и формам, письменности и архитектуры, с их своеобразными религиями, замечательными открытиями, изобретениями и опытами в философии, науках, промышленности. Таковы различные племена и народы Азии семитского, арийского, тюркского, монгольского и малайского племен, с их разнообразными верованиями и культами — Иеговы, Ваала, Астарты, Врамы, Вишны, Шивы, Будды, Агурамазды и пр., с их разнородными языками и бесчисленными наречиями различного внутреннего строя.

Ни в глубокой древности до Р. Х., ни в средние века, ни в новейшее время, с XVI в., с утверждения поселений и владычества христиан, европейцев и русских в южной и северной Азии, никогда не только вся Азия, но и нынешняя нерусская Азия не была приведена к единству политическому и религиозному, не собиралась в одно целое, с одним господствующим народом, языком и верой, несмотря ни на какой фанатизм и ни на какие боевые силы многих азиатских завоевателей, не раз стремившихся к всепоглощающему единству. Собственная, нерусская, Азия не могла достичь такого единства вследствие чрезвычайной расчлененности, образуемой высокими горными хребтами, пространными, глубокими заливами и ее западными, южными и восточными морями. Великие полуострова нерусской Азии: Малая Азия, Аравия, обе Индии, с многочисленными и часто очень значительными островами

Индийского и Великого океанов —занимают собой немного менее половины всей площади собственной Азии (11 с четвертью млн кв. км) и, по большей части, составляют в отношении друг к другу и к внутренним материковым странам собственной Азии, преимущественно Китаю с Тибетом, совершенно почти отдельные, самостоятельные страны. Их величина и обособленность позволяли развиваться и процветать в них в течение веков обширным государствам и самобытным образованностям в полном почти отчуждении друга от друга. Так сложились и развились в Азии огромные племена и народы с самыми разнообразными внешними типами, языками и наречиями, религиозными верованиями, общественными и политическими идеалами и стремлениями. Какое различие даже между близкими соседями и сродичами-индусами и персами, между китайцами и японцами, аравитянами, евреями и финикиянами и между турками различных видов и наименований и монголами, малайцами! Не говорим уже о глубоких различиях в языках, поличьях и народных характерах, например, арабов и китайцев, индусов и турок, персов и японцев, наконец, дравидов, малайцев и некоторых народов самой низкой ступени развития, каковы, например *орангкубу* (на юго-востоке Сумматры), *даяки* (на Борнео), *папуасы* (на Целебесе и на Филиппинских островах). О неоднократных и сильных попытках к государственному и религиозному объединению свидетельствуют, правда, частные истории политических успехов персов, аравитян, монголов и турок и современное распространение буддизма и мусульманства, возникших у индусов и у аравитян и ныне считающих миллионы исповедников между племенами самыми разнородными, нередко совершенно чужими друг другу по языку и внешнему типу; но попытки эти не достигали совсем или надолго своей цели. Довольно враждебное и отрицательное или совершенно индиферентное отношение господствующих в нерусской Азии древних исторических религий и цивилизаций к господствующему в Европе и в так названном нами Среднем мире христианству, полное отсутствие всяких надежд или опасений относительно возможности в будущем завоева-

ний буддизма, даосизма, конфуцианства, мусульманства в Европе и России, более или менее успешные стремления европейцев и русских к распространению христианства в разных углах Азии, к утверждению европейского и русского владычества в Азии за последние три столетия, наконец, самая разноплеменность азиатских почитателей Брамы, Будды, Даоцсе, Конфуция и Магомета — все это делает из нерусской, собственной Азии совершенно особенный, самостоятельный мир, не похожий ни на Европу, ни на упомянутый Средний мир.

Казалось, это должно бы было внушить коренным обитателям и главнейшим народам Азии сознание общего интереса по отношению к Европе и России. На деле этого не видим. Как изжилась Азия, как неспособна она была в последние столетия к защите своей целости, самобытности и независимости, всего лучше видно из следующих данных. В настоящее время из ее миллионов кв. километров поверхности Азии занято 17 с лишком млн Россией (17.303,217), более 7 с половиной млн (7.668,914) владениями Великобритании (4.856,780 кв. км) с 289.522,000 душ населения, причем англичан не более 150,000 душ, Голландией (2.003,391 кв. км) с 31.913,000 душ, причем голландцев — тысяча 50, Францией (490 000 кв. км) с 19.197,000 жителей, да еще Португалией (19,970 кв. км) с 1,5 млн жителей, и Испанией (298,772 кв. км) с 7 млн жителей.

Таким образом, значительная часть Азии покорна европейцам: 35 млн англичан имеют под своею властью и управлением около 289 млн с половиной азиатов, 4,5 млн голландцев владеют без малого 32 млн азиатов; 38 млн французов — 10 с лишком млн азиатов; 5 млн португальцев — почти миллионом азиатов и 18 млн испанцев владеют и управляют 7 млн азиатов.

Азиатские владения России резко отличаются от этих азиатских владений собственной Европы. Они непосредственно примыкают к так называемой Европейской России, составляя с ней одно непрерывное территориальное целое. Между восточными и южными окраинами Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии, собственно говоря, не существует никаких строгих и резких различий

и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении. Переход из одной в другую совершается постепенно и незаметно. Русские владения в Азии отличаются и тем еще, что, пространством будучи почти в полтрети раза более собственно-европейских владений в Азии (17.303,217 и 7.668,914 кв. км), обладают вообще крайне редким населением, тогда как европейские владения в Азии населены очень густо. Сверх того, русские владения в Азии совершенно не похожи на собственно европейские в ней владения и тем еще, что собственных азиатов, строго говоря, в них сравнительно очень мало, как относительно всей территории, так и относительно всего русского, христианского населения нашей Азии. Между тем как огромнейшее большинство европейцев только временно проживает в Азии и лишь в нее наезжает, русское население в Азии по преимуществу живет в ней постоянно и оседло, имеет свои деревни, села, города, постепенно размножается, как внутренним приростом, так и непрерывным приливом новых поселенцев из Европейской России. Она может дать и несомненно даст, а азиатская Россия может и принять, и поместить у себя еще много и много миллионов русского народа. В этом смысле и теперь можно говорить об азиатской России, но еще нельзя, и едва ли когда будет возможно, говорить об азиатской Англии, Франции, Голландии, Испании и Португалии. Для этих национальностей их Азия не может быть и никогда не будет родиной и отечеством, а навсегда останется лишь страной эксплуатации, выгодных рынков, практической школой административных и государственных талантов, более или менее благодарным поприщем и приманкой для их миссионеров и ученых.

Религиозная пропаганда в Азии успела побеждать самые сильные внешние преграды, как географические, так и племенные. Она нередко приводила к духовному единству самые разноплеменные и отдаленные друг от друга народы Азии. Но все-таки благодаря прежней вековой отчужденности и местной обособленности различных ее частей, глубокое внутреннее разнообразие так крепко в ней утвердилось, что в Азии

вряд ли уже возможно утверждение игемонии одной из преобладающих в ней вер, будут ли то даосизм, конфуцианизм, браманизм, буддизм или мусульманство. Как бы мы ни преувеличивали внутреннюю живучесть магометанства и успехи его пропаганды в Азии, однако ни вся прошлая его история, богатая примерами разных сект, расколов и ожесточенных усобиц, ни настоящее к нему отношение многих миллионов азиатов не мусульман, ни кровавые резни в Китае, ни косность и отсталость самых сильных современных мусульманских населений, — ничто не позволяет предполагать возможности объединения всей нерусской Азии под единым знаменем Магомета. А только при условии религиозного, культурного единства можно бы было предугадывать время, когда все разнородные части собственной Азии пришли бы, наконец, в сознание своих общих интересов и выступили бы в грозном единодушии против двух чужих и враждебных им миров. Для такого предварительного процесса культурного и политического объединения Азии, если оно вообразимо, потребовалось бы столь продолжительное время, что главные нынешние чужеродные распорядители судеб Азии, европейцы — преимущественно англичане — и русские, успели бы утвердить в ней свое могущество так, что навсегда бы могли помешать внешнему росту опасного им мусульманства. Наконец, как бы мусульманство ни стирало племенных, национальных особенностей, однако глубокие племенные различия в языках, характерах и быте будут всегда сильнейшими препятствиями к прочному слиянию и единодушному действию таких разнородных масс, каковы многочисленные племена и народы собственной Азии. Известное единство и господство общепонятного языка, необходимое для порядка администрации и военных действий, еще необходимее для успехов искусств, наук, промышленности и торговли. Без их развития одно религиозное объединение азиатов, если бы оно когда-нибудь и состоялось, не может быть особенно опасно ни Европе, ни России. Но из всех языков, исповедующих и прославляющих ныне Магомета или оглашаемых и употребляемых на громадных пространствах

собственной Азии, ни один не может иметь самых далеких притязаний на общую для всех азиатов обязательность и известность. Нельзя предполагать, чтобы в случае, невероятного впрочем, всеобщего торжества мусульманства в Азии, священный язык алкорана сделался для всех разноплеменных азиатов таким же общим языком, каким был и отчасти остается язык латинский для Европы и вообще католического мира или же самый арабский язык для нынешних турок, персов, татар и аравитян. Такая судьба могла бы еще ожидать арабский язык только в случае крайне проблематического омагометанения целых миллионов не мусульманских азиатов. Но на это потребовалось бы столь продолжительное время, что чужеродные языки Европы и нашего Среднего мира, преимущественно языки английский и русский, успели бы совершить в Азии громадные завоевания. Для изучения столь же несродного и не менее трудного, притом же мертвого, языка алкорана образованные китайцы, японцы, индусы или вовсе, наконец, не будут иметь времени, или принуждены будут пренебречь изучением, как своих собственных отечественных языков и их письменности, так и языков английского и русского. То и другое должно вредно подействовать на успехи их образованности и держать их в постоянной зависимости от англичан и русских. Вообще, как бы мы ни преувеличивали значение новейшего движения *юных* японцев, китайцев, турок, персиян, монголов и татар к сближению с Европой и к принятию ее цивилизации, однако, в самом благоприятном для них предположении тут ничего иного нельзя ожидать, как постепенного и более мягкого подчинения этих народов Европе и России.

Возьмем лишь японцев и китайцев, имеющих свои древние высокоразвитые образованности, и оставим в стороне турок и персиян, монголов и татар и другие азиатские племена, представляющие уже картину полного духовного истощения и упадка или самой неотесанной грубости. При всей древности своих культур, китайцы и японцы отстали от современной Европы и ее науки еще далее, чем отстала Россия Петра Великого от тогдашнего Запада. Мы знаем, каким крупным

переломом сопровождалась у нас петровская реформа, каким реакциям она подвергалась и в какой тяжелой зависимости от иностранцев находятся еще посейчас наша образованность, наша литература, искусство, наука, промышленность и торговля. В настоящее время, благодаря новейшим успехам науки, промышленности, колоссальному развитию железных дорог, телеграфов и пароходства, военной и морской артиллерии, кредитной системы и всемирной торговли, внешнее могущество европейской цивилизации, можно сказать, удесятерило свои силы против начала XVIII в. Поступая в ученье к Европе, Россия не только не поступалась в своих политических правах, но, напротив, Полтавской победой, Ништадтским миром и целым рядом блестящих войн в Европе, в царствования Елизаветы, Екатерины II, Павла I и Александра I, засвидетельствовала свое непременное желание и неотъемлемое право быть первоклассной державой в среде новых исторических наций. Сближение же японцев, китайцев, турок, персиян с современной Европой начинается прежде всего заключением часто самых постыдных и всегда крайне для них невыгодных трактатов с европейскими государствами. В Японии, Китае, Турции, Персии и пр. они прежде всего выговаривают своим подданным такие права и преимущества, какие бы они сами никогда не решились предоставить чужим подданным у себя дома. Алчное корыстолюбие и неправедное стяжательство европейских капиталистов, промышленников и всевозможных просветителей (культуртрегеров) и искателей приключений всегда находят себе верную охрану и крепкую поддержку в всесильных европейских посланниках и консулах, готовых подкрепить всякое свое требование у азиатских правительств быстрым вызовом военных кораблей из крейсирующих в ближайших морях европейских эскадр. Просвещая своих подданных светом европейской образованности, азиатское правительство или постоянно унижается перед всякой европейской державой, или при первом же столкновении с ней начинает раскаиваться в своих затеях сближения с европейской цивилизацией. В первом случае оно роняет себя в глазах своих подданных и

усиливает в своей стране число недовольных новыми порядками, во втором — оно делает уступку домашней оппозиции и раздражает против себя европейские государства. Они всякий раз строго возмещают на «вероломных» азиатах малейшее отступление от буквы трактатов, обыкновенно насильно же навязанных азиатским правительствам, как бы в награду за их желание сближения с Европой. В обоих случаях подкапывается политическая независимость азиатских стран. В культурном отношении все эти азиатские реформы точно так же мало сулят в будущем. Должно пройти еще несколько поколений, прежде чем наезжающие в Японию, Китай, Турцию, Персию для просвещения и эксплуатации этих стран европейцы и наезжающие в Европу японцы, китайцы, турки и персияне, дабы самим просветиться, успеют устроить достаточное количество училищ, приготовить нужных учителей, создать совершенно новую учебную и ученую литературу, согласную с современными требованиями науки и приспособленную к потребностям этих старых и даже очень древних обществ, но решительных новичков в деле современной науки и образованности. Ее требования и задачи нередко так глубоко противоречат самым заветным привычкам и крепко укоренившимся нравам всех этих миллионов японцев, китайцев, турок, персиян и пр., что понадобятся еще целые десятки лет для успешной устной и письменной пропаганды, для обширной реформационной и революционной литературы. Ей предстоит раскрыть, осмеять и ниспровергнуть старые предрассудки и предубеждения народных масс. Без их подготовки и без их сочувствия никогда не примется в этих странах европейская образованность, не устроятся необходимые европейские училища. И сколько еще новых десятков лет потребуется на то, дабы эти народы, с их своеобразной древней и старинной цивилизацией, прошли предварительную школу послушных учеников Европы и пересадили к себе все важнейшие отрасли ее научной литературы! Только после всех таких подготовительных работ, — а они потребуют многие и многие десятки лет и будут прерываемы, конечно, целыми периодами реакций, — возможно будет всем

этим азиатам явиться самостоятельными деятелями в той науке и образованности, которую мы теперь привыкли называть европейской. И какое же будущее ожидает после того их образованность, их науку и литературу? Верные и страстные почитатели Европы, они изучают ее литературы, овладевают в совершенстве ее главными языками и очень мало имеют основания рассчитывать на то, чтобы Европа заплатила им взаимностью. Их трудные для европейцев языки едва ли когда сделаются предметами сколько-нибудь общеизвестными. Они будут по-прежнему занимать внимание только немногих европейских ориенталистов.

Таковы самые блестящие надежды для начинающей по-европейски просвещаться собственной, нерусской, Азии. И эти надежды могли бы еще осуществиться только в отдаленном будущем, через какие-нибудь, например, 200—300 лет, и при единственном условии полного воздержания России и Европы от всякого вмешательства в дела Азии и от дальнейших в ней захватов. Судя же по стародавней косности огромнейшей части азиатского мира и по прогрессивной быстроте новейшего развития европейской цивилизации, политического к военного могущества главнейших ее представителей на так называемом азиатском материке — англосаксов и русских, можно с вероятностью заключить, что в эти грядущие 200—300 лет будет более или менее подорвана и расшатана политическая самостоятельность почти всех азиатских государств. Во все же времена и для всех племен национальная независимость была непременным условием органического и успешного развития народной образованности. Миллионы азиатов коснеют теперь в гордом довольстве своей дряхлой цивилизацией или прозябают на различных ступенях той одичалости и грубости, до которой способно только доходить человечество. Они не успеют еще дойти до сознания общности своих интересов в отношении к России и к европейскому человечеству Старого и Нового Света, до необходимости бороться с ними равным оружием и, заняв из европейской цивилизации все для того нужное, выработать себе такую же самостоятельную образованность, как

будут уже обхвачены с востока, севера, юга и запада таким могущественным и непроницаемым влиянием русских, англичан, англо-американцев и др., что в торговле, в промышленности, в науке, искусствах им может предстоять лишь покорная пассивность и зависимость, безо всяких надежд на полноправную взаимность и сознательное воздействие. Так мир собственно азиатский, частью вследствие своей непоправимой грубости и одичалости, частью в силу своей необновимой уже древности и дряхлости лишен почти всяких видов на самостоятельное, независимое будущее. Как вся будущность Турции с начала XIX в. заключалась, строго говоря, в освобождении ее разнородного христианского населения от власти мусульман и османов, так будущность всей нерусской Азии есть едва ли не будущая история европейского (преимущественно англосаксонского) и русского в ней владычества и влияния. В культурном отношении собственная нерусская Азия есть, по преимуществу, мир развалин, необновимого прошедшего и дряхлеющей старости, все более поступающей в опеку и волей-неволей сдающий свои богатства во власть и заведывание двух других миров азиатско-европейского материка, именно их двух главнейших представителей — Англии и России.

Азиатская и Европейская Россия составляет во многих отношениях резкую противоположность собственной Азии. Как в последней решительное отсутствие игемонического преобладания одной веры, одного языка, одной народности, так в первой, наоборот, при всем множестве разнообразных вер, в ней исповедуемых, языков и народностей, в ней живущих, значительно преобладает и вполне господствует одна вера — христианство, один язык и народность — русская, славянская. Многочисленные и различные иноверцы и инородцы русской империи, от римских католиков, евангеликов и реформатов до мусульман, буддистов и разнородных культов часто самой дикой грубости, от германцев до всякого рода финнов, татар, турок, монголов и тунгусов, чукчей и пр., как бы одни из них ни были численны, а другие развиты и образованы, все они, однако, порознь представляют собой более или менее слабую или

арифметическую или нравственную величину в отношении к господствующим в Европейской и Азиатской России восточному христианству и народности славянской. Как бы ни старались унижать дарования славянской расы и русского народа, в особенности, как бы ни превозносили способностей, значения и влияния некоторых русских инородцев, как бы ни преувеличивали естественных и культурных преград успешному в будущем росту русской образованности, однако самые грубые, по своей осязательности, факты и нашего прошлого и нашего настоящего неопровержимо доказывают, что, по крайней мере, со второй половины XV в. русский народ неудержимо растет и множится силой естественного нарождения и постепенного, мирного уподобления живущих посреди его чужих народностей, все далее раздвигает границы своей речи, Церкви и государства, постепенно расширяет круг своей материальной и умственной деятельности, открывая новые и совершенствуя разработку старых источников духовного развития и материального богатства. Как в нерусской Азии отсутствие одного преобладающего народа, языка и веры, с одной стороны, решительно мешает культурному и политическому ее объединению, а вместе и согласному и успешному ее противодействию своим противникам, так, наоборот, решительное преобладание в Европейской и Азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства, прежних и грядущих успехов в борьбе с ее противниками и соперниками, Западом — Европой и Югом — собственно Азией. Как невозможность объединения Азии тесно зависит от высоких горных хребтов и глубоких заливов и внутренних морей, разделяющих ее на столь большие и совершенно почти независимые друг от друга части, так точно единство русской империи обусловлено совершенным почти отсутствием в ней крупных внутренних расчленений. На этом огромном просторе сплошной массы равнин высокие горные хребты встречаются, за исключением сравнительно невысокого и, во всяком случае, не непрерывного горного хребта Уральского, только на окраинах, а видные полуострова имеются соб-

ственно лишь на крайнем севере и востоке (Чукотская земля и Камчатка) и юго-западе (Крым). Этим отсутствием богатых расчленений Россия резко отличается, как от европейского Запада, так и азиатского Юга. Русская Азия в этом отношении составляет почти такую же противоположность собственной, нерусской, Азии, какую Европейская Россия — собственной, нерусской Европе. От настоящей Европы и от настоящей Азии отличается Россия и крайне бедным развитием береговой линии, ибо, за выключением неудобных для мореплавания омывающих русские пределы Северного и Великого океанов, в России приходится 1 береговая миля на 175 кв. миль суши.

Мы видим, искомые границы так названного нами Среднего мира на азиатско-европейском материке обнимают всю русскую империю и в так называемой Азии совершенно почти совпадают с ее политическими границами. Но где границы этого Среднего мира на западе в так называемой Европе? Как ни обширна площадь русской Азии, как ни отличается она своим географическим и климатическим характером от лежащей на юг от нее собственной, нерусской, Азии, однако эти внешние особенности чисто физической природы еще не дают права на особое деление. Господство и преобладание в этой северной и частью средней Азии русского народа и языка, русской государственной власти и русского просветительного начала — вот что главнейше заставляет отделять русскую от собственной, нерусской, Азии. Но в ней русский элемент составляет ничтожную арифметическую величину, и как бы ни были блестящи способности русских поселенцев в Азии, однако они никак не могли бы ни оправдать принятого деления на русскую и нерусскую Азии, ни дать русскому имени значения, каким оно пользуется на всем азиатском материке, ни сулить в нем русской образованности того великого будущего, которого чают или опасаются все сколько-нибудь развитые люди всех стран и народностей. Если есть Азия *русская,* если она в отличие от собственной, нерусской, Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии, или Азиатской России, есть еще русская Ев-

ропа, или Россия Европейская. Здесь на пространных равнинах между Белым, Балтийским и Черным морями, между Уралом и Карпатами сильнейшая народность славянского племени образовала и развила свою государственность, свою речь и образованность и при всей своей относительной юности, сравнительно с Европой и Азией, имеет тысячелетнюю непрерывную историю. Отсюда, из древних и внутренних русских областей, главнейше черпает свои силы господствующий элемент русской Азии. Сам по себе он так еще слаб, что может собственно служить только передатчиком, толкователем и исполнителем идей произведений и задач, вырабатываемых в Европейской России. Русская литература, промышленность, торговля, гражданственность Кавказского и Оренбургского края, Туркестанской области, Западной и Восточной Сибири с Приморской областью еще может быть на десятки поколений принуждены будут силой вещей вдохновляться руководящими идеями и состоять в зависимости от творческой деятельности коренных, древних областей русского государства. Русская народность в Азии так еще малочисленна и слабо представлена, что она не имеет никаких средств поддерживать собственными силами тот авторитет, которым заслуженно пользуется русское имя в Азии, а в некоторых обширных краях, каковы Кавказский, Оренбургский, Туркестанский, она бы никогда и не могла утвердиться без тяжелых пожертвований и великих усилий коренного населения русской империи. Хотя успехи русского могущества в Азии бесспорно отражаются на усилении русского влияния в Европе, однако они сами находятся в прямой непосредственной зависимости от развития образованности и гражданственности главного основного народного ядра Европейской России. При такой зависимости Азиатской от Европейской России, сопоставляя русскую с нерусской, собственно, Азией, было бы необходимо не отделять России Азиатской от Европейской даже и в таком случай, если бы последняя отличалась от первой совершенно другим естественным характером, ибо в этнологическом и историко-культурном отношении эти обе России составляют, вследствие постоянных переселений из ев-

ропейской в азиатскую, одно неразрывное целое. Эта же точка зрения имеет очень важное значение при определении границ собственно азиатского, собственно европейского и так называемого нами Среднего мира. Если на востоке и юге, именно в Азии, и частью в Европе, на северо-западе, политическая граница России со Швецией и Норвегией почти совершенно совпадают с этнологическими и историко-культурными границами Среднего мира от собственно азиатского и собственно европейского, то на прочем западе и юге эти европейские границы Среднего мира заметно и значительно расходятся с государственными границами России. Западные и южные сухопутные границы европейской России с Пруссией, Австрией и Румынией суть границы чисто политические, искусственные, совсем не то, что границы России со Швецией и Норвегией или значительнейшая часть границы, за выключением Закавказья, с собственной, нерусской, Азией. По сю сторону этих границ России со Швецией и Норвегией и с собственной Азией преобладает и господствует восточное православие и славянский язык, славянская народность, а по ту сторону этих границ уже нет вовсе ни славянской речи и народности, ни исповедников восточного православия, а напротив, исключительно преобладают и господствуют, с одной стороны, — западное христианство, преимущественно в одном из своих учений — протестантстве и германская (собственно шведская и норвежская) речь и народность, а с другой — различные восточные, азиатские религии: даосизм, конфуцианство, буддизм, мусульманство и различные чисто азиатские народности: японцы, китайцы, манджуры, монголы, турки, персы. Не таковы границы России с Пруссией, Австрией, европейской и азиатской Турцией. За этими границами кончается, правда, политическое преобладание и господство восточного православия, а также славянской речи и народности, но вовсе не прекращается численное преобладание господствующей в России веры или славянской речи и расы, часто той и другой вместе. С этих сторон Россия окружена прусско- и австрийско-славянскими, а также румынскими и далее болгарскими, сербскими, турецкими и грече-

скими землями. В этих же землях, как и в России, господствует численно восточное христианство и славянская речь и народность или порознь, как в Румынии и Греции, или вместе, как в Болгарии, Сербии, Черной Горе или одна лишь славянская речь и народность, как в западнославянских землях Австро-Венгрии и Пруссии. Правда, в Турции, Австро-Венгрии, Пруссии эти, чуждые собственной Европе и собственной Азии, восточное христианство и славянская речь и народность зависят политически от той или другой чужой религии или речи, но все же численно решительно преобладают над теми религиями или народностями, которые исключительно господствуют, как западное христианство и германские и романские народности в собственной Европе или как мусульманство и турки — в собственной Азии. С наибольшим удалением в этом направлении от русских границ все более редеет славянское или православное население, пока мы, наконец, не вступим в земли, где оно решительно исчезает и где уже настает полное, исключительное господство немецкой и итальянской речи и народности на западе, а мусульманства и турецкой народности на юге (в Малой Азии). За этими пределами Россия не имеет уже близких родных братьев ни по вере, ни по крови, как не имеет их за своей шведско-норвежской и за большой частью своей азиатской границы. Эти земли — для России или единоверные и единоплеменные вместе, или только ей единоверные, или только ей единоплеменные — составляют, сами по себе, слишком незначительную, по величине площади, по количеству населения и политическому и культурному его положению, часть Азиатско-Европейского материка для того, чтоб образовать особый самостоятельный отдел или мир. Рассматриваемые с точки зрения этнологической и историко-культурной, эти земли естественно должны быть отнесены не к миру собственно азиатскому и не к миру собственно европейскому, а к миру, названному нами Средним. В этом смысле эти земли нельзя отрывать от России, как нельзя азиатскую Россию отделять от европейской. Существование в прилежащих к России землях нескольких миллионов ее единоплеменников и единоверцев

составляет источник ее силы и могущества, политического и культурного, как в настоящем, так еще более в будущем. Эти земли, напротив, для мира собственно азиатского или не представляют никакого непосредственного интереса или, даже как для него, так и для мира собственно европейского, являются источником многих замешательств и важных затруднений, особенно в их далеко недружественных отношениях к России. Политическая сила и влияние исторических национальностей не в одних их наличных силах, но и в той вере, и в тех опасениях, которые они возбуждают относительно своего будущего в своих близких и дальних соседях. Если бы пограничные нам области Пруссии, Австро-Венгрии и Турции имели совершенно однородное и вместе чуждое нам по вере и расе население, то Россия никогда бы, конечно, не могла играть в европейской и всемирной политике великой роли, выпавшей ей, как единственной сильной представительнице интересов славянщины и восточного христианства. Имей Россия гораздо более искусную дипломатию и армию несравненно храбрейшую и лучше устроенную, все-таки она бы не могла одержать тех блестящих успехов над турками и разными европейскими державами, коими она по справедливости гордится с начала XVIII в. Ей бы никогда не удалось ни помешать образованию общей европейской коалиции против нее, ни выйти из такой неравной борьбы победительницей. В патриотической гордости нашей, глядя свысока на родственные нам народности, слабые числом и зависимые политически, мы любим говорить, что Россия уже тем полезна славянам, что она существует, и напрасно при этом забываем, что славяне тем же самым, т. е. тем, что существуют, полезны России, что без них она бы никогда не была тем, чем она есть, что если они зачахнут в борьбе и, наконец, исчезнут, она никогда не будет тем, чем она может быть в случае, если все нерусские славяне сохранят и обеспечат, наконец, свою самостоятельность. В XV—XVI вв. в Европе было несколько держав, гораздо более цветущих и богатых, сильных и могущественных в отношении грозной тогда Турции, чем тогдашнее Московское государство. Однако, вследствие брака Софьи Па-

леолог с великим князем Иваном Васильевичем и других причин, возникает фикция о перенесении в Москву Восточной империи, о царях московских как наследниках Палеологов. По свидетельству венецианских посланников и баилов в Константинополе и других лучших европейских знатоков Турции, турки Солимана не боялись так ни Венеции, ни Англии, ни Германской империи, ни Франции, ни могущественной Испании, как боялись они России, потому что покоренные турками, но сохранившие свою веру и народность греки, албанцы, волохи, сербы, болгары глядели на царя московского и после на русского императора, как на своего законного стоятеля и сберегателя, которому суждено Промыслом освободить их, наконец, от тяжкого агарянского ига. Как измерить и оценить глубину и значение прибывавшей от того России силы в борьбе с турками и вообще с мусульманством и возраставшего от того нравственного авторитета России в умах европейских и азиатских! Не говорим уже, что во всяком случае неизбежная для нас борьба с Турцией затруднилась бы для нас вдесятеро, если бы нынешние наши единоверцы и единоплеменники были все истреблены или отуречены. Точно так же как бы слаба и бессильна была Россия по отношению к Германии, если бы все нынешние 13 млн юго-западных (болгары, сербы, хорваты, словенцы) и 19 млн северо-западных славян (поляки, лужичане, чехи, моравяне, словаки) были истреблены и онемечены, наподобие слабых ветвей славян полабских (бодричей, лютичей, поморян) в Мекленбурге, Бранденбурге, Померании! Как бы далеко на восток простиралась теперь немецкая колонизаторская и завоевательная деятельность! Как бы тогда спокойна и обозначена была Германия и на востоке, и на западе! Внутри Бироновщина, вне — политика Петра III, изменяясь и смягчаясь во внешних проявлениях, сообразно времени и обстоятельствам, были бы, в сущности, вечным уделом новой России, если бы столь вообще презираемые или свысока озираемые русскими дипломатами и разными интеллигентами различные *братья славяне,* с *Моравы, савы, дравы* и пр., не устояли в своей старовековой борьбе с германизмом, перед которым так легко пасовали

наши дипломаты, ученые, администраторы, купцы, промышленники и публицисты.

С детства привыкая видеть в германизме, как и во всем европейском и западном, одну чистую науку и цивилизацию, а в славизме — одну первобытную грубость и невежество, мы не умеем должным образом ценить ту громадную пользу, какую принесли России западные и южные славяне своей борьбой с германизмом и сохранением своей речи и народности. Мы любим жаловаться на медленный рост и слабую самобытность русской образованности, но мы не соображаем, что без презираемых нами малых литератур и письменностей славянских русская литература и наука сделали бы по сие время еще менее успехов. Не говоря уже о влиянии военной и политической славы на пробуждение и развитие русского национального гения (Ломоносов, Державин, Пушкин), — а эта слава была приобретена Россией благодаря сохранению речи и народности славянской нашими единоверцами и единоплеменниками в Турции, Австрии, Германии! — припомним только, какое глубокое и плодотворное влияние имели на древнюю русскую литературу древняя моравско-паннонская, болгарская и сербская письменности, а на новейшую русскую науку — филологию, этнографию, археологию, историю — новейшее литературное движение южных и западных славян и труды их корифеев: Добровского, Копитара, Шафарика, Юнгмана, Палацкого, Линде, Лелевеля, Караджича, Миклошича[1] и пр. Указывают часто на поляков, столько раз причинявших нам важные затруднения, как во внутренней, так и во внешней политике. Высказывают иногда сожаление, зачем-де русская Польша не принадлежит Пруссии: она, мол, давно бы онемечила поляков. Приводят, наконец, в пример прежнюю дружбу Пруссии с Россией, как бы в доказательство, что мы, русские, не имеем никакого интереса в сохранении славянской речи и народности. Но пример Пруссии доказывает совершенно противное. Если бы Польша не утратила так скоро славянских политических преданий Болеслава Храброго[2] и не отдалась так покорно западноевропейскому влиянию, если бы она не забывала

славянских задач, то никогда из славянского Бранденбурга и столь сродной славянам литовщины не выросла бы могущественная немецкая держава Гогенцоллернов, восстановителей славы Оттонов Саксонских и Фридрихов Гогенштауфенов. Следя в истории за ростом наших русских национальных сил и вспоминая поражения и потери, понесенные нами в разные времена от поляков, мы нередко забываем возблагодарить их за услуги, в разное время ими оказанные славянству, когда они боролись с германизмом, против ли империи, как при Болеславе Храбром, против ли немецкого ордена (в XV в.) или против Швеции (в XVII в.). Во всех этих случаях они делали одно дело с древним Новгородом и Псковом, подготовляя приобретения Петра Великого и его преемников на Балтийском поморье и их влияние на дела Швеции и Германии. Для нас вовсе не несчастие, а даже большое утешенье, когда поляки в Пруссии не поддаются так легко онемечению, как того желали бы и прусское правительство, и немецкое общество. Чем крепче сохраняют поляки в Пруссии свою славянскую народность, тем ценнее и значительнее могут быть их вклады в общеславянскую науку, искусство, вообще образованность, тем больше, наконец, наш чужеродный сосед будет иметь дела у себя дома, тем слабее он может быть в своей наступательной политике на Востоке, тем живее будет чувствовать Пруссия необходимость миролюбивого сожития с Россией.

Таким образом, не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого они отличаются, подобно России и собственной Европе, своей христианской культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству. Остальная же часть, обращенная в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, моравне, словенцы и хорваты, резко отделяется от своих западных со-

седей и единоверцев, немцев и итальянцев, глубокой взаимной антипатией, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, со своими восточными соседями, русскими, сербами, болгарами, они тесно связаны общностью исторических судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов. В течение средних веков, когда на религиозные различия и сходства обращалось такое большое внимание, западные иноплеменники, немцы, итальянцы, поражаемые этим сродством славян западных и восточных, давали им безразлично одно общее название, именуя их всех общим именем — *чужеродцами, варварами, сарматами, вендами, славянами,* а огромное пространство земли, занятое славянами, вместе с различными инородцами — албанцами, волохами, мадьярами, финнами, литовцами, прозывая одним словом — *Славией, Славенией* или *Славонией**. Можно признать также резкими и отличительными признаками славян юго- и северо-западных от собственной Европы общее им всем благоговейное почитание памяти двух мужей, к подвигам и именам которых собственная Европа относилась или совершенно равнодушно, или даже крайне враждебно, и столь же им всем общее глубоко враждебное отношение к подвигам и памяти великого германца, имя которого целые века пользовалось в собственной Европе самым благоговейным культом или величайшею популярностью. Говорим о славянских апостолах Константине и Мефодии, память которых свято чтилась и чтится даже у западных славян, утративших славянское богослужение, и о Карле Великом, восстановителе римской империи на Западе и учредителе идеального историко-культурного единства настоящей, собствен-

* Немецкий путешественник в Святую землю монах Феликс Фабер в своем драгоценном сочинении «Evagatorium in terrae sanctae, Arabiae et Aegipti peregrinationem» при описании Далмации говорит: «Dalmatia regio secundum antiquam terrae partitionem est pars et provincia Graeciae, et ad hanc computabatur, nunc autem computatur ad Slavoniam, cui adiacet ad Orientem. Sclavia sive Sclavonia est provincia grandis, continens regiones et regna multa, continet enim Moesiam, Ungariam, Boemiam, Poloniam, Rutheniam et Dalmatiam, et plures particulares regiones alias sub illis, quae omnes sunt quasi eiusdem linguae et se intelligunt. Bibl. d. liter. Vereins in Stuttgart. II, III, IV. Vol. III. P. 357.

ной Европы. Наконец, несмотря на все внутренние различия и усобицы славян западных и восточных, есть одно общее им всем крепко связующее их воззрение на западного их соседа — немца и глубокое к нему, веками оправданное, недоверие и нерасположение. Все эти данные и соображения заставляют все западные славянские земли, с точки зрения этнологической и историко-культурной, отделять от собственной Европы и относить, заодно с Россией и с землями ей единоверными, как единоплеменными, так и иноплеменными к так названному нами миру Среднему. Западная граница Среднего мира, отделяющая его от собственной Европы, есть сухопутная русско-норвежско-шведская граница, Ботнический и Финский заливы, далее — ломаная пограничная линия, проходящая по прусским и австрийским землям, между Балтийским и Адриатическим морями. Она углубляется то далеко на запад в Германию, то приближается на восток к русским пределам и упирается на севере, около Данцига, в море Балтийское, а на юге, около Триеста, в море Адриатическое. Затем западную границу Среднего мира составляют Адриатическое и Ионийское моря. Южная граница Среднего мира, подобно границе России, есть также море, только не Черное, а Средиземное, и также собственная Азия (т. е. азиатская Турция). При этом следует заметить, что в отношении этнологическом и историко-культурном некоторые части Малой Азии и Сирии скорее должны быть относимы к миру Среднему, чем к миру собственно азиатскому.

Дальнейшее раскрытие понятия собственной Европы позволит нам оправдать верность принятого нами деления Азиатско-Европейского материка и из сличения трех его частей или миров между собой точнее определить характеристические особенности каждого из них в географическом, этнологическом и историко-культурном отношениях.

Указанная западная граница Среднего мира совпадает частью с природными и частью с политическими границами. Ботнический и Финский заливы, Адриатическое и Ионическое моря суть вместе и природные и политические границы России с Норвегией, Швецией, и частью природные и этноло-

гические границы славянской Австрии, европейской Турции и Греции с Немечиной и с Италией. Сухопутная же граница, представляемая изломанною линией, приблизительно между Триестом и Данцигом, и изломанной же линией русско-норвежско-шведской границы, на первый взгляд, не имеет ничего общего с границами естественными, подобными водной границе Ботнического и Финского заливов, Адриатического и Ионийского морей. Но так кажется лишь на беглый взгляд. Рассматривая внимательно карту восточного полушария, мы заметим, что громадные пространства сплошных равнин и низменностей, тянущиеся с северо-востока, от берегов Охотского и Японского морей, на запад, по мере приближения своего на севере к 40 градусам, а на юге к 30 градусам восточной долготы меридиана Ферро, испытывают в своем внешнем очертании чрезвычайно резкое видоизменение. На севере Балтийское море — со своими заливами Ботническим и Финским, а на юге Средиземное — со своим заливом Венецианским или морем Адриатическим производят два значительные выреза, от которых у громадного туловища материка образуются как бы две шеи, две более или менее суженные полосы земли. Одна простирается от севера к югу по черте приблизительно между Торнео и Варяжским заливом, другая также приблизительно между Данцигом и Триестом. Эти две полосы земли, как бы два перешейка, соединяют с громадным восточным материком два западных его полуострова. Один известен под именем Скандинавского, другой не имеет общего названия, состоя из нескольких независимых стран и самобытных государств больших и малых, т. е. Германская империя, без ее восточных земель с преобладающим славянским и литовским населением, чисто немецкие земли и отчасти итальянская (южный Тироль) Австрия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Франция, Швейцария, Италия, Испания и Португалия. В общепринятом смысле только Италия и Испания с Португалией носят названия полуостровов Аппенинского и Иберийского или Пиринейского. Но, в сущности, Германия, без славянских земель Пруссии и Саксонии, части Австрии (т. е. Австро-Венгерской монархии,

без земель Венгерской или короны св. Стефана, или без Транслейтании), т. е. собственной Цислейтании, без ее славянских земель: Чехии, Моравии, Силезии, Галиции, Буковины, Истрии и Далмации, затем Швейцария, Франция, Бельгия, Голландия и Дания, вместе с Аппенинским и Пиринейским полуостровами, составляют, строго говоря, один полуостров, омываемый с трех сторон Балтийским и Немецким морями, Атлантическим океаном и Средиземным морем, с его заливами Лионским, Генуэзским и Венецианским. Четвертой своей стороной этот полуостров соединен с великим материком. Поперечник ее, который мы обозначаем линией между Данцигом и Триестом или, скорее, устьем Сочи (Isonzo) и устьем Вислы, бесспорно, гораздо длиннее поперечника перешейков Иберийского (приблизительно линия менаду Биаррицем и Перпиньяном) и Аппенинского полуостровов (приблизительно линия между Генуей и Венецией) и еще несравненно длиннее многих других известных перешейков, например, Панамского, Коринфского, Перекопского и пр. Но от этого так называемый, особенно на Британском острове, западноевропейский континент, в вышеобозначенных границах, не перестает быть полуостровом. Балканский или Иллирский полуостров (с Мореей), омываемый с трех сторон Черным и Средиземным морями, с его частными морями Адриатическим, Ионийским, Эгейским, Мраморным и двумя проливами — Дарданелльским и Константинопольским, непосредственно примыкает к великому восточному материку четвертой своей стороной, поперечник которой может быть приблизительно обозначен линией между Триестом и Данцигом. Эта же линия по длине своей почти равняется указанной ломаной линии между Триестом и Данцигом. Никто никогда не решался отнимать название полуострова ни от Балканского полуострова, ни от Индустана. У этого же последнего поперечник четвертой его стороны, которой он непосредственно соприкасается с материком, заключается приблизительно между устьями Инда и Ганга и представляет линию все же длиннее хотя бы и ломанной линии Триесто-Данцигской. Величина этой западноевропейской площади, обнимающей с лишком 3 млн кв. км, и

сожитие на ней различных национальностей и государств еще менее могут мешать обозначению ее именем полуострова. Если величина площади не мешает, внешний вид страны придает ей главнейше характер острова или полуострова. Из того, что есть сотни тысяч островов и островков, гораздо менее значительных по своей величине, чем, например, остров Мальта, еще никому не приходило в голову отрицать уместность причисления к островам Великобритании (Англии с Шотландией), Мадагаскара, Суматры, Борнео, Ниппона, Новой Гвинеи, Австралии. Точно так же и сопребывание в течение веков разнородных племен и государств в Испании, Италии, на Иллирском, Малоазийском, Аравийском полуостровах, в обеих Индиях, в Южной Америке никогда не мешали этим странам пользоваться именем полуостровов. Так и все западноевропейские страны, которые с трех сторон омываются Балтийским и Немецким морями, Атлантическим океаном, Средиземным и Адриатическим морями, а четвертой стороной, между Данцигом и Триестом, непосредственно соединены с великим восточным материком, составляют собственно один полуостров. При всей своей обширности он менее полуостровов Аравии, Вест-Индии и Южной Америки. По аналогии названий полуостровов Скандинавского, Пиринейского или Иберийского и Аппенинского он мог бы называться по народностям, на нем живущим, Немецко-Романским или, по главному своему горному хребту, Альпийским*. Как

* Dieses Hochgebirge (Alpengebirge) durchläuft zwar kaum em Drittheil des continentalen Stammes von Europa, aber in solcher Höhe und Breite, dass es fähig ist dem ganzen mittleren Europa seinen Charakter zu geben und den ganzen Erdtheil nach seinen grossen klimatischen, ethnographischen und culturgeschichtlichen Verhaltnissen zu scheiden, wemigleich auch hier diese Scheidung, der eigenthümlichen Natur dieses Gebirgsystems zulfolge, keine absolut isolirende genannt werden kann, indem überall auch durch das System der Alpen grosse Stromthäler und Pässe hindurchführen und die höchsten Höhen innerhalb derselben nicht so auf einen Punkt zusammengedrängt sind, dass sie schroffe Gegensätze nahe bei einander hervorrufen und unübersteigliche Naturgrenzen bilden könnten. (Wappaeus Handb. d. Geogr. u. Statist. Leipzig, 1858. Europa. S. 14).

Unser Welttheil verdankt seine günstige wag-und senkrechte Gliederung vornehmlich dem grossen Gebirgszug, welcher seinen südlichen und nördlichen Abhang scheidet, so dass man Europa als die Alpenhalbinsel des

полуострова Скандинавский, Балканский, Восточная Индия имеют слои частные полуострова, например, южная Норвегия и южная Швеция, Истрия, Морея, Малакка, так точно и Немецко-Романский, или Альпийский, полуостров имеет свои полуострова — Ютландию, Испанию, Италию и проч.

Два полуострова, Скандинавский и Немецко-Романский, или Альпийский, с прилежащими к ним большими и малыми островами на севере и юге, при всем своем разнообразии, представляют довольно однородное целое, как бы особый мир, существенно отличный от мира собственно азиатского и так нами названного — мира Среднего. Этот особый мир, по всей справедливости, может носить одно общее название — западной или, вернее, собственной Европы или, наконец, романо-германского мира Старого Света.

Географические, этнологические, историко-культурные и политические особенности каждого из этих трех миров Азиатско-Европейского материка так резки, определенны и существенны, что могут быть изложены довольно сжато и наглядно. Площадь собственной Европы приблизительно занимает 3 млн кв. км и имеет до 203 с половиною млн жителей. В ней решительно преобладает полуостровной характер. Она сама есть западный азиатский полуостров, разделенный на два больших полуострова: Скандинавский и Немецко-Романский, или Альпийский, разделенный, в свою очередь, еще на несколько других мелких полуостровов и имеющий при себе несколько больших и малых островов, прилегающих к обоим этим большим полуостровам: Исландию, Ирландию, Англию с Шотландиею, Корсику, Сардинию, Сицилию.

---

asiatischen Festlandes bezeichnen kann. (Peschel Osc. Neue Probleme d. vergleich. Erdkunde. Lpzg, 1870. S. 153).

Europa ist unter die Welttheile gekommen wie Pilatus in das Gredo zu einer Zeit, wo die alte Erdkunde nichts kannte als die Grenzländer des Mittelmeerbeckens. Lässt man aber Europa aus Courtoisie als Welttheil noch fortbestehen... (ibid. S. 167). Впервые, сколько известно, был указан полуостровной характер Европы Хр. Фр. Краузе в его сочинении «Die Erde als Wohnort der Menschen» в 1881 г. См.: Peschel Osc. Gesch. d. Erdk. S. 688. См. также: Dorr Rob. Ueber das Gestaltungsgesetz der Festlandsumrisse und die symmetrische Lage der grossen Landmassen. Liegnitz, 1873.

Благодаря океану и морям, омывающим эти два полуострова с их островами, и расположению горных хребтов, прорезающих их в нескольких направлениях, климат и почва представляют везде почти самые благоприятные условия для развития высшей культуры. В крайних частях своих, как самых северных и южных, так самых западных и восточных, собственная Европа с древнейших пор соединена удобнейшими путями сообщения. Вместе с тем Европа так равномерно разнообразна, что довольно правильно может быть разделена на шесть почти равных между собой и самостоятельных частей: Великобритания (Англия с Шотландией и Ирландией), Франция, Испания, Скандинавия (Швеция, Норвегия, Дания), Германия и Италия, Другие малые страны и государства, как Бельгия, Голландия, Швейцария, Португалия, лишены, собственно говоря, географической, этнологической и историко-культурной самобытности и, подобно большим и малым европейским островам — Сицилии, Корсике, Сардинии, — примыкают к какой-нибудь из этих больших шести частей: так Бельгия и Голландия с Люксембургом к Франции и Германии, Португалия к Испании, Швейцарии к Франции, Италии и Германии. В соответствие такому объединяющему общению и равномерному разнообразию частей Европы в отношении географическом образовались, сложились в ней и этнологические и историко-культурные особенности. За выключением остатков древнейших обитателей Европы, басков во Франции и Испании и лопарей в Скандинавии, нескольких тысяч цыган и нескольких сот тысяч евреев, рассеянных в разных краях Европы, нескольких десятков тысяч, вместе взятых, греков, албанцев, хорватов (в Сицилии и Южной Италии), славян и литовцев в восточных ее окраинах, в меньшинстве живущих в ее пределах, на границах Среднего мира, многочисленное население собственной Европы (203 млн жит.) заключается в 8 млн чистых кельтов и др., в 96 млн романцев, в части которых преобладает кельтская же кровь, в 100 млн германцев, на западе и юге значительно смешанных с кельтами, а на востоке, севере и юге — с финнами, литовцами и особенно славянами. Со славя-

нами немало смешалась и часть романцев, именно итальянцы западноадриатического прибрежья, вследствие довольно значительных и частых, в течение нескольких столетий, переселений славян из Истрии и Далмации на побережье восточной Италии, от Марки Анконской до королевства Неаполитанского и Сицилии (от Анконы до Бриндизи и Палермо). Вообще население нынешней Европы мало разнообразное, с решительнейшим господством двух племенных элементов — романского и германского. В Европе нет вовсе земель романских без всякого смешения с германским элементом (румыны, в своем королевстве, в Буковине, в Венгрии, Сербии и Болгарии, и валахи, в Македонии и Фессалии, относятся к так называемому Среднему миру), а чисто германские земли, без всякого смешения с элементом кельтским или романским, находятся только на полуострове Скандинавском и в некоторых северных и восточных, прежних славянских и литовских, частях полуострова Немецко-Романского. Но, с принятием христианства и с церковным подчинением Риму в средние века и позже с развитием романских культур, особенно французской литературы, эти чисто германские и северно-восточные немецкие земли неоднократно и подолгу подчинялись сильному влиянию элементов романских (в средние века и в XVII—XVIII вв.).

Эти два элемента, романский и германский, не настолько однако же смешались, чтобы совершенно слиться в однородное целое, и не настолько уже разобщены, чтобы не могли сходиться во множестве общих интересов и даже, по частям, стремиться к союзам и внешним соединениям. Попытки к объединению Европы и в средние века, и в новое время, то попеременно, то единовременно, возникали из среды романской и из среды германской (папы Николай I, Григорий VII, Александр III, Иннокентии III и IV, Бонифаций VIII или Карл В., Оттоны I, II и III, Фридрихи I и II, Филипп-Август, Франциск I, Карл V, Филиппы II и III, Густав-Адольф, Людовик XIV, Наполеон I, Питт). Каждый из этих объединителей германских много находил себе друзей и союзников в землях романских, а врагов и противников германских. Точно так же и каждый

романский поборник и проводник начала единства встречал много союзников и друзей между германцами, а врагов и противников между романцами.

Во все периоды европейской истории, от начала средних веков до новейшего времени, безостановочно развивается антагонизм двух главных элементов Европы — романского и германского и двух представляемых ими противных начал. От этого дуализма никогда почти совершенно не освобождается политическая и культурная жизнь Европы, но при этом постоянно замечается под знаменем романским множество германцев и под противным ему знаменем германским такое же множество романцев. Григорий VII, Александр III, Иннокентии III и IV, Бонифаций VIII и проч. находят себе множество друзей и союзников в Германии, а Генрих IV, Фридрихи I и II — в Италии; точно так же в новейшее время Ришелье, Мазарини, Людовик XIV, Наполеон I находят себе союзников, друзей и почитателей у немцев, шведов, англичан, как Англия Питта находит себе друзей в Испании и Италии, как находили их себе Пий IX в Германии, а кн. Бисмарк в Италии и Испании. Этот нескончаемый дуализм объясняет невозможность объединения Европы. С одной стороны, тесное, но неодинаковое, взаимное проникновение романских и германских стихий, с другой — приблизительная равномерность вполне независимых друг от друга частей.

От того, что почти нет страны чисто романской или германской, без всякой решительно взаимной примеси, не может в Европе не воздвигаться никакое знамя, ни возникать никакое начало, которое для части романцев или германцев не было бы довольно близким, более или менее родственным и сочувственным. Вместе с тем, как вообще ни различны между собой германцы и романцы, как ни ближе и ни родственнее друг к другу по языкам, поличьям, обычаям, нравам романские народности — французы, испанцы, итальянцы, или народности германские — англичане, скандинавы, немцы между собой, однако, вследствие особенностей географического очертания и положения занимаемых ими стран, исторические обстоятель-

ства сложились у каждой из этих германских или романских национальностей таким образом, что если и не все они в данное время одинаково равносильны, зато все стремятся гораздо более к обособлению, чем к слиянию, и в природных условиях своих стран находят больше поддержек для партикуляризма, чем для единства. Если к объединению трех романских национальностей или трех германских национальностей существуют непреодолимые препятствия, то еще труднее ожидать наклонности к объединению обеих половин Европы — романской и германской. Поэтому при всякой попытке к объединению, возникавшей у романцев, всегда являются их союзниками те из германцев и противниками те из романцев, которые недовольны уже достигнутой, известной игемонией внутри их племени. Точно так же и наоборот. Не желая игемонии французов, испанцы и итальянцы соединяются с Германией, Англией, и, не терпя игемонии англичан или немцев, шведы, датчане и голландцы ищут помощи у французов.

Эта несоединимость Европы в одну политическую национальность и под одним государственным знаменем раскрывается изо всей тысячелетней ее истории с Карла Великого до Наполеона I, одинаково богатой попытками к объединению и примерами коалиций для сохранения равновесия. Эта государственная несоединимость Европы не находит себе никакого объяснения в том учении, что отныне уже невозможны *универсальные* державы, будь то монархия или республика. Собственно говоря, универсальных, т. е. вселенских держав никогда и не бывало. Да и странно бы было объединенную Европу (буде то когда-нибудь состоится) отожествлять со вселенной: и весь романо-германский мир Старого и Нового Света, вместе взятый, составляет далеко не большую часть человечества. Эта несоединимость Европы необъяснима и тем афоризмом, что будто государственное единство невозможно на такой обширной территории и с таким многочисленным населением. Пример Римской империи Августа, просуществовавшей более 400 лет, с лишком 1000-летней жизни Китайской империи и с лишком столетнего процветания империи Великобританской

и Соединенных Штатов Северной Америки положительно устраняют подобное объяснение. Только в расчлененности Европы на шесть почти равномерных и самостоятельных друг от друга частей и в господствующем в ее населении дуализме заключается истинная разгадка этой политической несоединимости Европы. Долее держалось — и то отчасти, и более идеально, чем в действительности — культурное ее единство. Оно охранялось всеобщим господством римского католицизма и обязательным знакомством образованной части населения всех ее стран с языком латинским. Но, с развитием отечественных языков и литератур, с восстановлением наук, и особенно с реформацией, и этому культурному объединению Европы был нанесен смертельный удар. Пять языков Европы пользуются затем всеобщей известностью и мировым значением: языки испанский, итальянский, особенно же французский, немецкий и английский. Богатые своим старинным литературным развитием и прежним важным значением в европейской дипломатии и в светском общежитии, языки итальянский и испанский много утратили прежней своей культурной и политической ценности. Все-таки, впрочем, благодаря прежней своей славной истории, близкому сродству своему с двумя мировыми языками — латинским и французским и, наконец, современной распространенности испанского в Новом Свете, итальянского в Истрии, Далмации, Ионических островах и во всех важнейших приморских городах европейской и азиатской Турции, южной России, Египта, — оба эти романских языка должны быть признаваемы языками великой важности. Они скорее заслуживают занимать место наряду с европейскими, несомненно первостепенными, языками, как французский, немецкий и особенно английский, чем стоять рядом с такими незначительными европейскими языками, не пользующимися большой известностью вне своих родин, каковы языки датский, шведский, голландский, португальский, хотя последние два, особенно португальский, распространены в обширных колониях своих родин. Три названных мировых языка имеют бесспорно одинаковые виды на блестящее будущее, культур-

ное и политическое, что касается Европы, и нет ни малейшего основания предполагать, что когда-либо два из них будут в ней стеснены третьим. Но эти отношения совершенно изменяются, если примем во внимание европейские колонии в других частях света. Тут мы замечаем, что без какого-нибудь особенно сильного переворота политического, например, без новых завоеваний Германии на Востоке, или без каких-нибудь особенных внутренних перемен во Франции, имеющих возродить и усилить ее семейный быт, ни немецкий, ни французский язык не имеет почти никаких видов, или очень проблематические, на дальнейшее распространение в Европе, кроме Германии и Франции, или немецкий в Северной Америке и в Африке, или французский в Африке, и тем более на сколько-нибудь равносильное будущее с английским, и даже, пожалуй, с испанским, столь распространенным в Новом Свете. Из трех этих языков и в настоящее уже время английским языком говорит наибольшее число людей, более 100 млн человек, если не гораздо более. Он распространен на самых обширных пространствах и во всех углах мира. С развитием образования у туземцев Индии и других Британских колоний они все более будут преуспевать в изучении английского языка. По неимению у немцев настоящих, удобных для переселений, колоний или по новости и непрочности их колоний — еще одному Богу известно, не достанутся ли они рано или поздно англичанам, — по недостатку колонизаторских способностей у, — современных, по крайности, — французов, по неуспешности всех прежних долговременных их попыток в Алжире ни немцы, ни французы не могут рассчитывать на независимое господство и широкое самобытное развитие своих языков и народностей в других частях света, кроме собственной Европы. Есть немало французских, еще несравненно более немецких поселенцев в Азии, Африке, Америке и Австралии, но там, по большей части, французская и, почти везде, немецкая речь и народность занимают подчиненное или второстепенное место. Как подданный британской короны, как гражданин Северо-Американских Штатов, или Американо-Испанских республик

и проч., француз, немец употребляет свой отечественный язык у себя дома, в общине, в первоначальных школах; но он обязан учиться языку английскому, испанскому при занятиях крупной промышленностью или делами торговыми, для участия в политической жизни своей родины, для получения, наконец, высшего образования, которое сверх общих условий имеет в каждой стране и свои местные требования. Так, самый высокообразованный немец, проживший в России 15—20 лет и не выучившийся ни устной, ни письменной русской речи, само собой понижается умственно, отстает в своем развитии, ибо лишается возможности самостоятельно судить об окружающей его жизни и разумно на нее воздействовать.

Таким образом, за исключением испанцев и особенно англосаксов Великобританской империи и Северо-Американской республики, ни одна из собственно европейских речей и народностей не имеет видов на неопределенное, почти бесконечное будущее. Между всеми народностями романо-горманскими Старого и Нового Света одни англосаксы, будь или граждане королевства или республиканцы, и отчасти еще разве испанцы (пока Южная Америка по перешла во власть англосаксов, чего со временем нельзя не ожидать), могут спокойно взирать на будущее своей народности и не бояться, что со временем, с размножением населения, его внукам и правнукам придется забывать свою речь и менять свою национальность. Англосаксу незнакомо охватывающее французов и немцев чувство племенной тоски от верной мысли, что им скоро надо или остановиться в росте или излишки своего населения употреблять на усиление чужих национальностей. Англосакс, напротив, верно рассчитывает, что недалеко то время, когда английским языком будет говорить 200 млн и более людей, что на обширных территориях Африки, Америки и Австралии, занятых англосаксами и способных пропитать не одну сотню миллионов народа, грядущие поколения будут говорить и писать языком Шекспира, Байрона, Франклина и Купера. Не трудно понять, как должны измениться тогда отношения французской и немецкой литературы и образованности к англосаксонской. Ограничен-

ные своими европейскими и ныне уже довольно тесными территориями, французский и немецкий языки явятся тогда языками второстепенными, сравнительно с английским. Теперь уже возможно мысленно предвидеть время, когда колониальный мир, основанный одной из главных национальностей собственной Европы и уже начавший вбирать в себя лишние соки всех прочих ее национальностей, разрастется постепенно в такой громадный, могучий, политический и культурный организм, перед которым вся собственная Европа явится, наконец, такой же величиной, какой теперь представляется Швеция или Португалия относительно Германии или Франции или какими явились некогда греческие государства: Афины, Спарта, Коринф, Виотия перед выросшим о бок с ними Римом. Нынешняя Европа собственно не умалится, но англосаксонская национальность так вырастет, что центр романо-германского мира перенесется из Европы в другие части света, особенно в Америку и Австралию с Полинезией*. Нередко ссылаются на

* Карлейль превосходно заметил по поводу значения Шекспира в будущем англосаксов: «Англичане, населяющие ныне этот остров, собственно Англию, в непродолжительном времени будут представлять лишь незначительную часть всех англичан: скоро настанет время, когда во все стороны в Америке, и Новой Голландии, на восток и запад, до самых антиподов будет простираться владычество саксов: оно захватит громадные пространства земного шара» («Герои и героическое в истории». Спб., 1891 г. С. 159).

Prevost-Paradol. La France nouvelle. Paris, 1868 (2-me edit.): «Lorsque le chef actuel de notre pays a dit que le rang d'une nation se mesure au nombre d'hommes qu'elle peut mettre sous les armes, il a donné seulement une forme trop absolue à une idée juste; car il faut tenir compte de la qualité relative des hommes aussi bien que de leur nombre. Xerxés, par exemple, a mis sous les armes infiniment plus d'hommes que la Gréce, et pourtant la grande âme de la Grèce l'a vaincu. Mais, lorsqu'il s'agit de nations également civilisées et de citoyens courageux, également soutenus par le sentiment de l'honneur, cette maxime devient rigouresement vraie, et c'est à la nation la plus nombreuse qu'appartient inévitablement l'ascendant militaire et politique avec tous les avantages matériels et moraux qui en découlent. Il faut donc considérer comme absolument chimérique, tout projet et toute espérance de conserver à la France son rang relatif dans le mond, si ces espérances, ces projets, ne prennent pas pour point de départ cette maxime: le nombre des Français doit s'augmenter assez rapidement pour maintenir un certain équilibre entre notre puissance et celle des autres grandes nations de la terre.

Or, quarante millions de Français, concentrés sur notre territoire, ne sont

силу и могущество маленькой сравнительно Европы для доказательства, что величина площади и численность населения страны не имеют важного значения для успехов внешней политики и тем более образованности. Приводят для сего в пример и маленькую Элладу, и старую Венецию и Голландию. Но надо помнить, что внешняя сила и внешний рост любой национальности есть всегда верный указатель внутренних сил и здоровья ее, что в лучшие периоды процветания ни эллины, ни венецианцы, ни голландцы (отчасти даже теперь с их азиатскими колониями) не были в свое время слабыми и малочисленными национальностями и обладали относительно весьма обширными территориями. И современный романо-германский мир, самый развитой и образованный отдел человечества, обладает, в лице англосаксов по преимуществу, громаднейшей территорией. Притом же величина страны и количество жителей ее могут не идти в соображение, как важные элементы цивилизации, только в тех случаях, если к сравнению привлекаются национальности совершенно разнородных рас и культур. При сравнении же англосаксов с французами и немцами величина площади и количество наличного и идеального, т. е. будущего, населения имеют первостепенную важность, так как, не от-

guère suffisants pour faire équilibre aux cinquante et un millions d'Allemands que la Prusse réunira peut-être sur notre frontière, et à la population croissante de la Russie dans un avenir un peu plus éloigné; mais combien ce chiffre de quarante millions devient insigniffiant, si nous faisons le compte des individus de langue anglaise qui couvriront le globe, quand les Etats-Unis auront atteint leur complet développement, et quand les Etats Anglo-Saxons de l'Océanie seront en pleine prospérité» (p. 412—414).

Неизвестный мне автор (Varia. Paris, 1861. P. 111) в статье своей «L'avenir des nations européennes» говорит: «Dans quelques siécles des centaines de millions d'hommes, parlant les langues portugaise et espagnole, seront répandues dans des contrées trente fois grandes comme la France; deux ou trois cent millions de Russes peupleront la neuvieme partie du globe; trois ou quatre cent millions d'Anglo-Saxons rempliront de contrées trente cinq fois grandes comme la France; et nous Français, la race la plus nombreuse de 1'Europe au XVII siècle, qui possédions il y a un siècle à peine les immenses vallées du Saint-Laurent et du Mississippi, où grandissent des populations qui seront un jour plus nombreuses que toutes celles de 1'Europe actuelle, nous compterons peut-être cinquante à soixante millions d'hommes sur notre part de la petite Europe et du nord de 1'Afrique».

вергая некоторых нравственных и умственных преимуществ французов и немцев перед британцами и англо-американцами, нельзя же отрицать, что в общем итоге последние нисколько не уступят первым в способности к высшей цивилизации. Французская и немецкая речи и народности лишены у себя дома почти всяких источников обновления, за теснотой своей территории и относительною густотой населения. За неимением же настоящих колоний для сбыта излишка своего населения и для прочного его там размножения и процветания они не могут успешно распространяться и множиться. Между тем англосаксонская речь и национальность, располагая громадным пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность, разрабатываемая несравненно большим количеством умов, в самых разнообразных странах и на громаднейших пространствах, чем литература и образованность французская и немецкая, имеет превзойти их не только количеством, но и качеством произведений и будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтой и самобытностью воззрений, большей чуткостью к потребностям человечества, большей универсальностью идей и стремлений. Таким образом, есть полная вероятность заключить, что Европа не может навеки, — говоря относительно, даже едва ли надолго, — сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англосаксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до роли второстепенных деятелей в мире романо-германском. В Новом Свете он нашел себе обширнейшее поприще деятельности и успел уже вылиться в такие этнологические и историко-культурные

формы, что в нем резко выступают только две главные его национальности: англосаксонская и испанская с португальской. Но англосаксонская решительно преобладает и господствует. Она собственно одна и пользуется в высшей степени благоприятными, политическими и культурными, условиями. Рано или поздно она даст почувствовать свою силу и влияние и в Южной Америке и начнет в ней теснить и ограничивать элементы испанские и португальские. В англосаксонской расе преимущественно, если даже не единственно, заключается, таким образом, все главнейшее будущее романо-германской цивилизации. Если англосаксонский мир вне Европы есть, по всей справедливости, мир, полный безграничных надежд и чаяний, мир юности и громадного будущего, то романо-германский мир Старого Света есть мир по преимуществу настоящего, мир зрелого мужества, что с удовольствием созерцает свое славное прошлое и наслаждается наличным могуществом, но по временам уже оглядывается, не без страха и зависти, на подрастающих юных соперников, и на некоторых частях своего организма, некогда сильных и цветущих, сам, видимо, начинает замечать признаки подходящей старости, постоянную хворь, нередкое отупение и бессилие.

Мир по преимуществу увядшего и необновимого прошлого, мир дряхлого старчества, наследие которого уже переходит в посторонние руки, собственная Азия граничит на востоке, юге и отчасти западе с внутренними морями Тихого и Индийского океанов, Красным морем, в Суэцком перешейке с Африкой, а на Севере и также западе во всю длину материка с так называемым нами Средним миром, почти исключительно с его главной представительницей — Россией. Площадь собственной Азии вместе с прилежащими к ней островами занимает приблизительно 27 млн кв. км и имеет жителей около 800 млн душ. Полуостровной характер в ней не господствует, как в собственной Европе, но все же представлен очень сильно. При множестве больших и малых островов, принадлежащих Азии, и при длинных морских берегах отношение береговой линии к поперечнику внутренних стран получается в собствен-

ной Азии все же таки выгодное, хотя и не в такой степени, как в собственной Европе, ибо немалая часть морских берегов Азии отличается скудостью удобных портов и морских стоянок. Это замечается в собственной Европе едва ли не на одном восточном итальянском прибрежье; да и оно имеет на севере Анкону, на юге Бриндизи. Та несоединимость составных частей в одно общее целое, которую мы отметили в Европе, проявляется еще сильнее в Азии, где она, как мы уже видели, обусловлена всем ее географическим, этнологическим и историко-культурным разнообразием, решительно не подводимым к одному знаменателю. Как вообще ни умеренны по своему климату некоторые северные части собственной Азии, например, северные провинции Китая, однако и в них, как в степях средней Азии, лежащих под одной широтой с южными частями собственной Европы, при сильном зное бывают и сильные, хотя и непродолжительные, стужи, между тем как в южных и восточных краях собственной Азии господствуют жары, растительность и животные или совершенно тропические или к ним близкие. В собственной Европе южные края защищены Средиземным морем от тропического зноя, а северные благотворным влиянием Гольфстрима от полярного холода. Житель севера собственной Европы, переселяясь на юг ее, не принужден изменять весь свой образ жизни и как бы перерождаться. Еще меньше разнообразия в Европе в этнологическом и историко-культурном отношении.

В собственной же Азии, как вышеупомянуто, мы находим несколько совершенно особых рас: семитов, арийцев (индусов, персов и проч.), монголов, малайцев и несколько еще племен, которые, и по языкам, и по внешнему своему виду, должны быть причислены к нескольким особым расам, не сходным ни с предыдущими, ни между собой. Таковы папуасы (на островах Суматры, Борнео, Целебеса, Филиппинских), обитатели Декана (тамула, телинга, канарезы, малаяла и тулува, тода, коша, бадага, ку и проч., известные у индусов под общим именем дравида, которое они дали туземцам Индийского полуострова) и, кажется, сродные с ними вадда в

горах восточного Цейлона, наконец, айно (на Сахалине и Хеддо). Все эти собственно азиатские племена так же различны между собою, как, например, в собственной Европе отличны кельты, романцы, германцы и от басков и от лопарей. Но этих последних приходится несколько сотен или десятков семей на миллионы романцев и германцев, тогда как большинство представителей главнейших азиатских рас считается миллионами. Кельты, германцы, романцы более сродны и близки друг к другу, по внешнему типу и языкам, чем азиатские арийцы или семиты между собою. В многолюднейшей же расе монгольской, желтой, надо признать несколько разновидностей, которые в языках своих не сохраняют почти вовсе или лишь очень слабые следы взаимного сродства. Столь же различны их характеры и исторические судьбы. Таковы племена: тюрко-татарские различных наименований, тунгусы и манджуры, собственные монголы, племя японское и корейское и все племена с языками односложными, каковы: тибетцы и вообще жители Гималайских гор от Инда до Брахмапутры, барманы или бирманы, жители западной части Индо-Китайского полуострова и Аракана, прибрежья Бенгальского залива, различные туземцы Индо-Китайского полуострова, живущие в горах, отделяющих Аннам от Китая, в дельте Иравади, в Камбодже, сиамцы, аннамиты, жители Тунгкинга и Кохинхины, древнейшие туземцы Китая (сифои, миаотце и лоло), наконец, китайцы. Языки эти, отчасти мало исследованные, при всех аналогиях своей односложности, далеко не так наглядно раскрывают свою родственность, как, например, языки кельтский, германские и романские. Точно так же религиозное и вообще культурное различие разных европейских земель далеко не так резко и существенно, как различных земель азиатских, в которых находим по целым десяткам миллионов исповедников самого разнообразного, по местностям и племенам, населения и разнообразнейших религий — самого грубого шаманства и фетишизма, индийского браманизма и буддизма, китайских даосизма и конфуцианства, аравийского мусульманства. Все эти религии учения, с соответственными куль-

турами и цивилизациями, представляют неизмеримо более самых коренных и существенных противоречий и разногласий, чем все различные учения, секты и толки религиозные и философские, на которые распадается Европа. То общее, что имеется у всех этих азиатских племен в отношении историко-культурном, может быть выражено только отрицательным или индифферентным их всех почти отношением к христианству, которое издавна составляет общепросветительное начало и существенный историко-культурный признак европейского и так названного нами Среднего мира. Общее всем племенам и культурам собственной Азии равнодушие или нерасположение к христианству проявляется особенно в крайне ничтожном числе христианских исповедников в собственной Азии и во множестве последователей семитского мусульманства между азиатскими арийцами, различными племенами монгольской расы и даже между малайцами, арийских буддизма — между тибетцами, японцами, монголами и браманизма — между малайцами. Основываясь на этом важном, хотя и отрицательном признаке собственных азиатов, мы должны семитов, сирийских христиан и азиатских арийцев, армян, за их с лишком тысячелетнюю чисто христианскую историю и культуру относить не к миру азиатскому, но и не к европейскому, а к так названному нами Среднему вследствие их географического положения и особенной близости политических и культурных их отношений к двум великим историческим державам этого Среднего мира: Византийской, Восточной Римской, Греко-Христианской империи, а затем Московскому государству и Российской империи.

Площадь лежащего между собственной Европой и собственной Азией так названного нами Среднего мира занимает около 24 млн кв. км и включает в себе всю русскую империю (22.622,560), часть прежних польско-литовских земель Пруссии, где еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезии, значительнейшую часть Чехии, всю Моравию, южную Стирию, часть Каринтии (Хорутании), всю Крайну, Горицкое графство, Истрию, все Австро-Угорские земли ко-

роны Св. Стефана с Троединым королевством, т. е. Хорватию, Славонию и Далмацию, Румынское королевство, королевство Сербии, княжество Черногорское, Боснию, Герцеговину, княжество Болгарское (с Румынией), королевство Греческое с островами, всю европейскую Турцию со включением Константинополя, с остальными греческими островами, со всем приморьем Сирии и Малой Азии и с прилежащими к кавказскому наместничеству областями азиатской Турции с населением древнехристианским. Границы этого Среднего мира с собственной Европой суть более или менее границы двух полуостровов Скандинавского и Немецко-Романского, отделяющие их от туловища азиатского материка, который в этнологическом и историко-культурном отношениях распадается на два особых и большей частью враждебных или несходных между собой мира: мир собственно азиатский и мир так названный нами: Средний. Эти почти естественные границы собственной Европы совпадают где с политическими, а где с этнографическими границами, на восток от которых прекращается существующее на запад от них, если не всегда политическое, то всегда этнографическое господство и преобладание романо-германских элементов.

Средний мир имеет вполне естественные границы в водах Северного или Ледовитого моря, Берингова пролива, Берингова, Охотского и Японского морей на севере и востоке и Средиземного моря на юге. Всего труднее определима юго-западная граница Среднего мира с собственной Азией. Что касается азиатской Турции, то, по неимению верных этнографическо-статистических сведений, трудно провести в ней черту, которая бы верно обозначала действительное, а не юридическое преобладание и господство турецко-мусульманского элемента над инородцами, древними обитателями страны и прежними христианами, ныне же мусульманами часто только по нужде и по имени. Относительно же прочих сухопутных границ Среднего мира с собственной Азией следует заметить, что их правильнее всего отожествлять с политическими границами России, хотя часто они переходят и границы естественные

и этнографические. Таковы целые среднеазиатские области, недавно приобретенные русским оружием. На сухопутной границе Среднего мира между Триестом и Данцигом мы пренебрегли политическими границами и отделили от собственной Европы славянские земли, подчиненные немецким династиям и правительствам, а на пространной черте от острова Сахалина и Владивостока на Восточном океане до Самарканда, Мерва, Красноводска мы отделяем от собственной Азии целые чисто азиатские земли, подчиненные русской власти. Но дело в том, что между чистыми азиатами и русскими разница в просветительных началах, идеях, обычаях и нравах несравненно значительнее, чем между западными славянами и немцами и итальянцами в этих же отношениях. Оставаясь верными подданными немецкого государства, изучая немецкую речь и науку, подчиняясь во многом и итальянской образованности, западный славянин, как показывают столетние опыты и многочисленные ежедневные примеры, особенно в странах, полнее сохранявших предания славянской Церкви и борьбы с немецкой империей, может сохранять и проявлять, и чем он даровитее, тем сильнее и решительнее, свою народность в различных сферах деятельности. В чужой итальянской или немецкой образованности национально настроенный славянин находит даже оружие для борьбы с инородным, итальянским и немецким, влиянием, для подъема национального духа, местного или даже всеславянского. Напротив, у азиатов нет почти решительно никаких понятий о солидарности сродных национальностей, а крепко держится только, особенно у мусульман, чувство единоверия. Азиатские земли, с присоединением к России, сразу лишаются самых коренных и существенных своих особенностей, например, рабства, целой системы уголовных и полицейских наказаний, полной отмены значения Корана или других религиозных кодексов в их государственных и значительного ограничения в их гражданских отношениях. При всяком новом сближении этих присоединенных к России азиатов с русской жизнью и образованностью они все более и более отрываются от ко-

ренных основ своей прежней национальной истории и культуры. Чем даровитее и образованнее киргиз, калмык, бурят, татарин, тем дальше он от своих сродичей и тем ближе он к русскому. Чем даровитее и просвещеннее прусский поляк, австрийский чех, словенец или далматинец, тем он полезнее не только для своих ближайших земляков, но и для своих дальних соплеменников, и тем он сильнее, как антагонист, в борьбе с немцами или итальянцами. Это обстоятельство зависит от общности и внутреннего сходства просветительных начал как Среднего мира, так и собственной Европы, и от глубокой коренной разницы в этих началах между миром Средним и собственно азиатским.

У мира Среднего и у Европы историческая жизнь и образованность возникают и развиваются, если не из совершенно одинаковых, то более или менее общих и сходных источников: христианства и греко-римской цивилизации и культуры. Просветительное начало Церкви, политическое влияние преданий Империи или Царства, образовательное значение древних классических языков и литератур существенно отличают в прошлом, настоящем и будущем судьбы развития мира Среднего и Европы от мира Азиатского.

Как сравнительно ни бедна образованность, как ни слаба и ни скудна цивилизация и культура Среднего мира перед образованностью европейского или романо-германского, но, различные по своим возрастам и степеням, по национальным характерам, в главных своих основах и идеалах они составляют одну новую христианскую образованность. Безграничное стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней обязательности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоволения к людям, с неустанным призыванием общего благоденствия, наступления Царства Божия на земле, в виде общего братства и свободы всех людей и народов — таковы общие начала и стремления,

на которых зиждется новая христианская образованность. Они одинаково дороги уже в течение многих веков, хотя и медленно осуществляются обеими половинами нового, христианско-арийского, человечества, как собственной Европе, так и Среднему миру. Настоящие же азиаты, к какой бы расе или народности собственной Азии они ни принадлежали, прежде всего не христиане, а грубейшие и полудикие шаманисты или браманисты, буддисты, конфуцианцы, даосисты и мусульмане, для которых эти начала или совершенно чужды и неведомы, или отчасти несколько знакомы и обязательны, но только с такими ограничениями, что внутренней смысл этих основных идей часто совершенно извращается. Усваивая себе образованность, проникнутую этими началами, всякий азиатец прежде всего переживает в себе процесс полного обновления. Азиат совершенно перерождается или, так сказать, нравственно перекрещивается в европейца или в русского. Массы же азиатов, чуждающиеся русской образованности и коснеющие и прозябающие в своей грязной и тупой жизни или совершенно одряхлевшей образованности, положительно не заслуживают одинакового счета с русскими их завоевателями и попечителями. Раз отвоевана та или другая область собственной Азии, как бы ни слабо численно был представлен в ней русский элемент, пока он повелевает и господствует, он порождает в этой стране такие явления, — правда, к несчастью, нередко дурные и печальные, но всегда почти рядом с ними и добрые и положительные, — которые бы никогда не могли произойти в ней по собственному побуждению азиатских туземцев, если бы они оставались полновластными распорядителями своей родины. Таким образом, мы поступаем совершенно правильно, принимая политические границы России с собственной Азией за границы Среднего мира, хотя бы они и вовсе почти не совпадали с границами естественными и этнографическими.

Громадная территория Среднего мира, почти в 24 млн кв. км, со 170 млн с лишком жителей, занимающая более трети Азии и более половины Европы, резко отличается своим

географическим характером от собственной, нерусской, Азии и от собственной, неславянской и нерусской, а чисто романо-германской, Европы или романо-германского мира Старого Света. В одной исключительно, в другой значительно представлен полуостровной характер, отчего, при обоюдном изобилии больших и малых островов, та и другая благоприятно, хоть и не в одинаковой мере, наделены выгодно развитой береговой линией. Чрезмерная суровость климата отымает, за весьма малым исключением, почти всякое культурное значение у большей части морских берегов, полуостровов и островов, находящихся на севере и крайнем северо-востоке Среднего мира. Как ни протяженна, ни сильно разветвлена и ни выгодна для мореплавания богатая глубокими заливами и бухтами, большими и мелкими островами остальная часть берегов Среднего мира, частью на севере, в Белом море, Ботническом, Финском и Рижском заливах, особенно на Дальнем Востоке, в Тихом океане, на юге в Черном и Мраморном морях и его двух знаменитых проливах, в обоих греческих морях и в Адриатике, тем не менее при громадных пространствах внутренних материковых стран Среднего мира, в сравнении с собственной Европой и собственной Азией, он отличается крайнею скудостью берегового развития. Другое важное отличие Среднего мира от собственной Европы и собственной Азии состоит в преимущественном богатстве его огромными сплошными равнинами и в нахождении высоких горных хребтов преимущественно на окраинах и оконечностях его. Третье его различие заключается в том, что, сверх земель одинакового климата с южными или средними частями собственной Европы или с умеренными странами собственной Азии, Средний мир не имеет вовсе земель с климатом жарким и тропическим, которым обладает масса южных земель собственной Азии. Напротив, он заключает в себе огромное пространство земель с суровым северным климатом, которого почти не знают вовсе, разве в самых незначительных участках, собственная Европа или собственная Азия. В Среднем мире нет вовсе той равномерности деления, какая

оказывается в шести частях собственной Европы (Скандинавия, Германия, Италия, Великобритания, Франция, Испания) или в 7—8 частях собственной Азии (Восточная Индия, Иран, Аравия с Сирией и частью Малой Азии, Китай, Тибет, Туркестан, Западная Индия, Япония...). Тут, напротив, перед нами громадная масса равнин и земель чисто материковых, без всяких почти морских берегов, горных ущелий и долин, и затем ряд сравнительно небольших земель, каждая со своим самостоятельным характером, вследствие особенного разнообразия прорезающих их гор или окаймляющих их морских берегов, каковы, например, Чехия и Моравия, Верхняя и Нижняя Венгрия, Трансильвания и Румыния, Болгария, Сербия, Босния, Черная гора, Герцеговина, Хорватия, Славония и Далмация с островами, Албания, Македония и Фракия, ряд греческих земель с островами, наконец, разные горные края России. В соответствие такому естественному сочетанию противоположностей и неравномерному распределению на самостоятельные части, сложилось и этнологическое и историко-культурное разнообразие Среднего мира. Своими особенностями оно столь же резко отличается от собственной Европы и от собственной Азии. Между 170 млн с лишком его народонаселения мы находим и германцев, и романцев, и всякого рода азиатов, католиков и протестантов, мусульман, буддистов, шаманистов... Но во всем этом племенном и культурном разнообразии выдается резко и решительно один вид, который очень слабо представлен, вовсе не заметен или совершенно отсутствует в собственной Европе и в собственной Азии. Из этих 170 млн более 120 млн славян, до 4—5 млн греков и более 120 млн христиан Восточной церкви. Остальные 50 млн с лишком и в этнологическом, и в культурном отношениях распределяются между представителями кавказской и монгольской и других рас и между исповедниками западного христианства и собственно азиатских религий. Если представителей кавказской расы (к которой принадлежат евреи и различные кавказские народцы с языками положительно неарийскими или сомнительно арийского происхождения),

и особенно одних арийских, или индо-европейских инородцев, в тесном смысле, в Среднем мире оказывается менее, чем представителей расы монгольской и тюркской, то число христианских иноверцев значительно преобладает над числом евреев, мусульман, буддистов, язычников. Если же принять в соображение, что один из важнейших отделов инородцев Среднего мира — финны почти исключительно и безраздельно принадлежат одному Среднему миру, вовсе не встречаются в собственной Азии и находятся разве в самых ничтожных остатках в собственной Европе (лопари на Скандинавском полуострове), что несколько миллионов финнов уже целые века живут между германцами, литовцами и славянами и исповедуют христианство, что и самые турки в Европе сильно смешались с индо-европейцами и мало сохраняют в себе азиатской крови, то безошибочно можно положить, что не только элемент кавказский, но даже арийский или индо-европейский является преобладающим между инородцами Среднего мира подобно тому, как преобладают в нем христиане (католики 26 млн, протестанты 7 млн) между его иноверцами.

Таким образом, Средний мир и в этиологическом, и в историко-культурном отношении, при всех своих отличиях от собственной Европы и собственной Азии, находится в гораздо более близком внутреннем сродстве с первой, чем с последней. Это мир арийский, индо-европейский и христианский по преимуществу, — из 170 млн душ более 150 млн христиан и не менее 140 с лишком млн индо-европейцев. В отличие от мира романо-германского и в культурном, и этнологическом отношении трудно, почти невозможно придумать для Среднего мира более уместное и удачное название, какое ему стали давать уже лет 50—40 назад и французские, и немецкие, и славянские ученые, именно название мира греко-славянского или славяно-греческого. Как название индо-германского племени, индо-германских языков, хотя и обнимает много языков неиндийских и негерманских, крепко, однако, держалось в науке, так точно и название греко-славянский, хотя и не обозначает многих составных элемен-

тов Среднего мира, по всей справедливости, может держаться в науке. Как там два крайних пункта, Индия и германская Исландия, дали название индо-германцев всем народам, живущим между этими двумя оконечностями, так в Среднем мире греки живут на юго-западе, а славяне (русские) господствуют на крайнем севере и северо-востоке. Сверх того, это название имеет еще более глубокие и разумные причины. В древности и в средние века, в средние века и в новое время история отмечает, с одной стороны, между Западом и Востоком, между миром римским, латинским, италико-кельтским и потом романо-германским и между Ассирией и Вавилоном, персами, мидянами, парфянами, скифами, одним словом, между собственно Азией, с другой, — мир Средний, особый, самостоятельный, отличный от Запада и от Востока, в постоянном антагонизме с тем и другим. История древняя, средняя и новая встречает в этом мире только два сильных, политически и культурно господствующих элемента: в древности и в начале средних веков один собственно элемент эллинский, греческий, а в средние века и в новое время — элементы греческий и славянский. Пусть многие другие народности, мало или вовсе несродные ни с греками, ни со славянами, живут в очерченных пределах Среднего мира; но греки, несмотря на свою малочисленность, распространили семена просвещения и свое влияние на обширнейшие края этого мира и на самые различные его народности, а славяне, не взирая на относительную бедность своей цивилизации, заняли и заселили огромнейшие пространства этого мира и почти все его окраины. В этом Среднем мире не найти ни одного самого незначительного народа, ни одной отрасли, хотя бы самого сильного и образованного племени, которые бы не подчинялись более или менее сильно то культурному, то политическому влиянию, то обоим влияниям вместе или греков, или славян, или тех и других вместе. Название «греко-славянский» метко обозначает два существенных, характеристических признака Среднего мира: культурно это мир по преимуществу греческий (из 170 млн с лишком 120 млн православных, или как их

называла вся средневековая и позднейшая Европа, без различия национальностей, греков, т. е. по вере, этнологически это мир по преимуществу славянский. Иногда слышится против этого термина такого рода возражение: «Как можно-де греков и славян соединять в один отдел или класс? Ведь между ними существует вековая взаимная вражда и ненависть». Но нерациональности названия «романо-германский» еще никто не доказывал тем вековым антагонизмом и враждой, которые существуют между романцами и германцами всячески не менее, чем между греками и славянами. Напротив, признав однажды необходимость термина «романо-германский мир», мы должны уже допустить и понятие и название мира «греко-славянского». Как в первом термине слово *романо-* или *латино-* обозначает не только один из главных этнологических и культурных элементов западно-христианского мира, но и указывает на ближайшую связь его с Древним Римом, так во втором термине слово *греко-* не только верно отмечает один из главных культурных и народных элементов восточно-христианского мира, но и намекает на связь его с древней и средневековой Грецией. Известный в Европе в древности антагонизм греков и римлян пророс, так сказать, в позднейшую историю христианской Европы, усилился еще и несколько видоизменился другим, не менее сильным, антагонизмом новых, привзошедших в историю христианского человечества, племен славянского и германского. Германцы, подобно римлянам, утвердились на Западе, наидалее от Азии, а славяне, подобно грекам, на Востоке, в непосредственном соседстве с собственной Азией. Ослабляемый с запада, Средний, греко-славянский мир стеснялся в свободе и силе своих действий на Востоке, против собственной Азии. Благодаря своему срединному положению, непосредственному соседству с романо-германцами на западе и с собственными азиатами на востоке, греки и славяне, несмотря на все их внутренние разногласия, всегда имели множество общих интересов по отношению к собственной Европе и к собственной Азии. Есть еще иная, более глубокая и внутренняя, связь славян и греков. Согласно

их географическому положению, языки греческий и славянский (с литовским) в родственной цепи индоевропейских языков представляют ближайший переход от языков восточноарийских к западноарийским. Насколько язык древнегреческий ближе латинского и других италийских языков к языкам древнеиндийскому и иранскому, настолько же язык славяно-литовский ближе к ним, чем языки кельтский и германский. Как латиногерманская империя Карла В. (с 800 г.), так и римская (латино-германская) Церковь, особенно с Николая I и тем более с Григория VII, были постоянными противниками и врагами народной независимости и греков, и славян. Становясь чадами латинской Церкви, западные славяне признавали верховную власть главного военачальника и правителя германцев, а с тем и право последних поступать со славянами, как римляне поступали с варварами (velint, nolint, Francorum (вообще Germanorum) principibus colla submittent). С латинством западные славяне получали немецкую ж на юге романскую иерархию, немецкие монастыри, немецких и итальянских священников и монахов, гнавших и преследовавших славянское богослужение и славянскую письменность, куда они успели проникнуть трудами солунских братьев или их учеников. Греки, ни по внешним обстоятельствам, ни по внутренним основаниям, не могли никогда, даже в период самой ожесточенной международной своей борьбы с болгарами (о сербах, а тем более о Руси, нечего и говорить), так гибельно, как немцы, действовать на славянскую жизнь. В самые высшие эпохи своего национального развития западные славяне, чехи в XV в., а поляки в половине XVI в. стремятся первые порвать всякую связь с империей и с латинством и сблизиться с Царьградом, вторые основать славянскую Церковь с женатым духовенством (Фричь-Моджевский и др.). Через всю историю славянства проходит, часто в свое время несознаваемая, но ныне видимая, тесная внутренняя связь, солидарность славянизма с эллинизмом. Все восстания, все успехи и удачи борьбы западных славян против Карла В. и его преемников, их маркграфов и герцогов, равно как и все их протесты и про-

явления непокорности латинству были полезны Восточному царству и Восточной Церкви, точно так же, как разные необоснованные и фантастические притязания болгарских и сербских правителей на Царьград имели одинаково вредные последствия для греков и для славян и были выгодны враждебному тем и другим романо-германскому Западу. Надо помнить, что двоякое возрождение греков, одно в VII—IX вв., другое в конце XVIII — начале XIX в., было оба раза тесно связано с важнейшими явлениями в жизни славянских народов. В IV—V вв., отчасти даже в VI в., в Восточной империи господствовал еще латинский язык, а главные обитатели Балканского полуострова — фракийцы и иллиры уже к VI в. были почти все латинизованы. Заселение их земель славянами (с конца VI и в VII в.), частью оттеснившими в горы, частью поглотившими в течение времени немалое число олатиненных фракийцев и иллиров, в значительной степени помогло эллинизму вытеснить латинский элемент в Восточной империи. В тесных связях с Царьградом находились в продолжение нескольких веков не одни болгары, сербы и русские, но и хорваты и сербы далматинские, Далмация еще во второй половине XII в. признавала верховную власть императора Мануила и впоследствии вспоминала об этом, как о лучшем своем времени. Дубровник до падения Царьграда находился в тесных сношениях с империей. Минуя чехов и их попытки церковного единения с Царьградом в XV в., припомним, что Польша с половины XIV в., с присоединением Червонной Руси, стала страной отчасти православной, а со второй половины XV в., с утверждения личной унии с литовско-русским княжеством, и в особенности с Люблинского сейма 1669 г., с введения реальной унии, сделалась государством, страной, по числу жителей, более православной, чем католической. Да в XVI в. и поляки-протестанты относились к грекам с сочувствием и уважением.

Таковы разумные внутренние основания, по которым термин «греко-славянский», или «славяно-греческий», для мира Среднего, в отличие от миров романо-германского и

собственно Азиатского, не может быть не считаем вполне уместным, правильным, основательным.

При всей аналогии греко-славянского или славяно-греческого мира с романо-германским — она проявляется особенно в том, что в каждом из них один из важнейших этнологических и культурных элементов принадлежит к народам классической древности — нельзя забывать и о некоторых важных между ними различиях. Латины, римляне не только доставили игемонию своему языку между этрусками и ближайшими своими сродичами — италиками, но и так распространили его между туземцами Иберийского полуострова и Галлии, что огромнейшее их большинство совершенно забыло свой родной и приняло язык завоевателей. Последовавшие германские завоевания в Италии, Испании, Галлии ускорили несколько падение грамматического строя, внесли более или менее значительный запас слов в языки италиков и латинизованных кельтов, не только не отдалили их, но еще теснее сблизили их между собой, так что языки итальянский, испанский, португальский, французский являются и в средние века, и в наше время самыми схожими друг с другом родными братьями. До завоевания римлянами Галлии и полуострова Иберийского, как ни родственны между собой языки латинский и кельтский, эти страны так никогда еще не были связаны между собой. Греки, главнейше вследствие крайней расчлененности своей территории и тесно с ней связанной политической своей организации, несмотря на все богатство и великие преимущества своей образованности перед римской, не могли, подобно римлянам, доставить своему языку такое прочное и полное господство среди чужих народов, своим числом значительно превышавших количество греков, и в чужих странах, своей площадью значительно превосходивших родину греков. После 1400-летнего падения Западной империи латинский язык живет, развивается и процветает в своих детях, языках романских, у 95 с лишком миллионов романцев, занимающих лучшую половину собственной Европы и господствующих на огромных пространствах в Новом

Свете. Неизмеримо более развитой и богатый великими литературными памятниками, язык греческий, после 438-летнего падения греческой империи, живет лишь в одном сыне своем — языке новогреческом, распространенном только в тесных пределах маленькой территории 4—5-миллионной греческой народности. Греки не имеют у себя таких братьев, какие имеют потомки и ближайшие сродичи римлян — итальянцы во французах, испанцах, португальцах. От этого внутренние отношения двух главных культурных и этнологических элементов в мире греко-славянском и в мире романо-германском имеют совершенно иной характер. Отношения славян к грекам во многом не похожи на отношения германцев к романцам. На 120 млн славян приходится лишь 4—5 млн греков, а на 100 млн германцев (с англосаксами) приходится с лишком 95 млн романцев. Приблизительно то же отношение существовало и в продолжение средних веков. Если оно когда значительно изменялось, то не в пользу греков и не в ущерб славян, а, скорее, в ущерб германцев и в пользу романцев. Так было в средние века, в XI—XV вв., когда романцы имели свой колониальный мир на Леванте, а германцы далеко не довершили своих завоеваний на славянском Востоке. Эта малочисленность греков нисколько не отнимает у них права на очень видное, почетное место в истории Среднего мира, так как во все существование Восточной империи, особенно же до начала XIII в., до взятия Царьграда латинами, они имели громадное влияние, политическое и еще более культурное, на значительнейшую часть славянского племени и на иные ближайшие и дальние страны и народности — на албанцев, румын, на сирийцев, армян, грузин и на прочие народы Кавказа. Но эта малочисленность и, так сказать, сиротство греков от неимения у них, как у итальянцев, ближайших сродичей дали совершенно другое направление тому просветительному влиянию, какое имела древняя образованность на Западе на германцев — римская, через ее носителей — романцев, на Востоке — греческая, через греков, на славян и другие народности. Как ни далеки романские наречия от язы-

ка латинского, но он и в настоящее время для романцев не есть язык совершенно чужой и мертвый. Даже для нынешних французов, испанцев, итальянцев это язык весьма близкий, сродный и легко усваиваемый. Греческий же письменный язык до самого взятия Царьграда турками был языком совершенно чужим и мертвым для всех народов Среднего мира, за исключением разве одних лишь греков: для византийских и новых греков древний греческий язык (разных периодов) был почти настолько же не мертвым и не чужим, как был для средневековых и новых романцев древний латинский язык. В странах романских язык удобопонятный, латинский язык легко мог держаться в течение веков как язык государства и Церкви. В изучении его чувствовали практическую надобность целые сословия и массы людей и Италии, Испании, Галлии. Это важное практическое значение латинского языка, вызывая его усиленное изучение в школах, поддерживало и распространяло на всем Западе знакомство с древней римской литературой, по крайности со многими важнейшими ее писателями. Мертвенность и несродность греческого письменного языка для сирийцев, армян, грузин, славян и всех народов, частью входивших в состав Греческой империи, частью подчиненных ее государственному и церковному влиянию, помимо других высших соображений, заставляла греков признавать права народных языков и давать им большой простор в Церкви и в государстве. Таким образом, во всех странах негреческих в изучении греческого языка чувствовали практическую надобность только некоторые одинокие личности, и то по преимуществу из высших классов общества. С самого начала средних веков число школ греческих было неизмеримо меньше количества школ латинских, хотя по качеству греческое образование долгое время превосходило во многом современное ему латинское. Сначала германские племена, завоевавшие Италию, Испанию, Галлию, Британию и нашедшие там, повсюду или отчасти, латинский язык, римское право и вообще многочисленные следы римской образованности, а потом и их германские братья у себя

на родине, принявшие от романцев христианство и государственность, почувствовали такую же практическую надобность в изучении языка латинского, сделавшегося на долгое время и у них языком церкви, школы и государства. Во множестве училищ, временно увядавших, но никогда совершенно не исчезавших в землях романских, германцы находили себе легкий доступ к тогдашнему высшему образованию и к усвоению древне-римской и римско-христианской образованности, без особенных затруднений добывали себе целые полки более или менее опытных учителей, готовые руководства и стародавними преданиями и долголетними навыком выработанные приемы обучения и образования. Армяне, грузины, славяне Восточной церкви в ранней литературной обработке своих языков, приобретших, вскоре по принятии этими народами христианства, важное значение церковное и государственное, имели, конечно, видные преимущества перед германцами, но не столько романцами: для них язык латинский был языком близко родственным. Надлежит, впрочем, заметить, что важное значение, приобретенное латинским языком в жизни германцев, не исключало вовсе, как доказывают ранние примеры англосаксов, немцев и скандинавов, литературной обработки их родных наречий. Зато это значение латинского языка приобщало их прямо к высшей современной образованности романской, к древней римско-христианской и классической римской, тогда как у славян и других народов, подчиненных греческому влиянию, такое общение с высшей греческой образованностью совершалось через немногих переводчиков с греческого языка, знатоков коего у них было тем менее, чем далее их родины отстояли от центров греческого образования. Греческие школы, греческие учителя, греческие учебники, руководства и приемы преподавания могли приносить этим странам прямую пользу лишь в весьма ограниченных размерах: или когда некоторые одинокие личности приезжали учиться в этих школах, у этих учителей, или, что вообще бывало очень редко, когда эти учителя, учебники и приемы переносились в эти страны. Вообще же армян-

ское, грузинское и особенно славянское образование было предоставлено исключительно силам немногих образованных в Греции или по-гречески туземцев. Имея же перед собой великое богатство греческой письменности и совершенную девственность своей отечественной, они принуждены бывали довольствоваться удовлетворением самых первых потребностей своих народов, и прежде и более всего занимались переводами Священного Писания, богослужебных книг, писаний отеческих и разных сводов церковных правил и постановлений. Из массы переводов, до нас дошедших, некоторые обличают даже неумелость переводчиков и в греческом языке, и в выборе книг для перевода. Во всяком случае, истинных знатоков этого языка, даже между болгарами и сербами, а тем более между русскими, никогда не было особенно много, да и те были слишком завалены работами ближайшей практической важности и тяжелым трудом образования приемов и правил славянских переводов, для того, чтобы могли посвящать свое время непосредственному изучению, хотя важнейших, эллинских классиков, коих греки в своих школах не переставали там и сям изучать и после потери своей независимости. В X, XI, XII вв. и тем паче позднее мы находим между чистыми германцами не мало людей, что легко пишут по-латыни и свободно и удачно цитируют целые места из Овидия, Виргилия, Горация, обличают близкое свое знакомство с некоторыми сочинениями Т. Ливия, Саллюстия, Цезаря, Цицерона, Сенеки и проч. Вследствие такой разности значения, какое имели в средние века латинский язык на Западе у романцев и германцев и греческий язык на Востоке у славян Восточной церкви, развитие образованности должно было подвигаться гораздо медленнее у последних. Оно не могло не замедляться у них еще и по другой важной причине. Непосредственное их соседство с собственной Азией поставило их в продолжение веков в ежедневные, можно сказать, столкновения с ее хищниками — аварами, болгарами, хазарами, мадьярами, печенегами, половцами, монголами, татарами, турками, на борьбу с коими многим и многим поколе-

ниям славянства, особенно восточного, приходилось, часто без всякой надежды на успех, преимущественно посвящать все лучшие свои силы. После побед Карла Мартелла и Карла В. над арабами и Оттона В. над мадьярами (955 г.), за исключением некоторых набегов арабов в Италию и грабежей африканских пиратов в Средиземном море, романо-германский Запад не имел у себя дома никакого дела с азиатскими хищниками до конца XV в., когда османы, утвердившись в Константинополе, несколько раз более угрожали собственной Европе, чем действительно в нее вторгались: владычество арабов в Испании и Сицилии отличалось высокой образованностью. При наибольших своих удачах они доходили только до некоторых крайних пунктов восточных окраин романо-германских, и большую часть своих лучших побед, какими хвалится Европа над османами, одержала она преимущественно же с помощью славян и греков.

Не угрожаемые беспрестанно грабежами и вторжениями азиатских хищников, от которых отделяла их плотная стена греко-славянских населений, романо-германцы могли раньше славян, особенно восточных, развить свою самобытную образованность еще по следующим важным и от их воли почти независящим обстоятельствам. В то время, когда едва известные современному образованному миру под своим именем славяне занимали страны, о коих лучшие географы Греции и Рима имели самые неопределенные и ограниченные сведения, два главные племени Западного мира — кельты и германцы уже вошли в самые разнообразные и тесные непосредственные сношения с греками и римлянами, и целыми столетиями раньше славян, главного племени Среднего мира, выступили на историческое поприще и были волей-неволей увлечены в историческую жизнь главных представителей тогдашнего исторического просвещенного мира. Еще в IV —III вв. до Р. Х. кельты предпринимают далекие походы против римлян и греков и одерживают над ними победы в Италии, Фракии, Македонии, Греции и Малой Азии. В первые полтораста лет нашего летоисчис-

ления Испания, Галлия, даже часть Британии подчиняются римской образованности, покрываются римскими дорогами, каналами и водопроводами, амфитеатрами и цирками, великолепными дворцами и храмами, многочисленные остатки и следы коих поныне свидетельствуют о прочности римских предприятий и глубине римского влияния. Повсюду в этих странах, просвещавших потом германские племена и земли, заводятся училища римского языка и красноречия, прилежно изучается греческая и особенно римская литература. Наконец латинизованные иберы и кельты дают Риму лучших ораторов и писателей: испанцы — Лукана, Марциала, Силия Италика, Флора, Мелу, М. и Л. Сенек, Квинтилиана и пр., галлы — П. Теренция Варрона, Корнелия Галла, Трога Помпея, Петрония Воциана Монтана, Домиция Афра и многих других грамматиков, правоведов и риторов.

Во II в. христианство проникает уже в Испанию, Галлию, Британию (от греков из Малой Азии?), отчасти даже в Германии (cisrhenana). В IV—V вв. в Испании, Галлии и Британии христианская церковь уже вполне утвердилась, является развитая, образованная иерархия со множеством епископов, имеющих важное политическое значение и большое влияние на народ, с многочисленными мужскими и женскими монастырями, в коих занимаются письменностью. В Италии, Испании, Галлии происходят соборы по делам веры и церковного устройства, нередко с участием африканских и британских епископов.

Гораздо позже кельтов выступив на историческое поприще, германцы все-таки целыми веками предваряют славян. Еще ранее, чем с Цезаря, со II в. до Р. Х. начинаются непрерывные столкновения и сообщения германцев с Римом. При Августе на Рейне в нынешних городах Базеле (Augusta Rauracorum), Страсбурге (Argentoratum), Шпейере, Вормсе, Майнце, Бонне, Кельне сосредоточены более или менее сильные римские гарнизоны и военные отряды, всегда имевшие большое цивилизующее влияние на окрестных варваров. Знаменитые пасынки императора Друз и Тиверий привлека-

ют к союзу с римлянами батавов, фризов, а против других непокорных племен Германии предпринимают походы, разбивают каттов и херусков и проникают до устьев Эльбы. При Тиверии даровитый сын Друзов Германик смывает позор, нанесенный римскому оружию победой вождя херусков над легионами Вара в лесу Тевтобургском, между источниками Липпы и Эмса. Лет через пятьдесят по утверждению римлян на Рейне, у некоторых знатных германцев, не без римского влияния, вошло в обычай посылать детей своих на ученье в римские города или в самый Рим. И в первые годы нашей эры мы встречаем в борьбе с Римом за независимость двух германских вождей, Германа и Маробуда, получивших римское образование, знакомых с военным искусством и с политикой римлян, уже стремившихся объединить и сплотить раздробленные племена германские. Брат Германов Флавий является даже у них горячим приверженцем римлян. Император Август окружает себя стражей германских телохранителей, а при его преемниках мы находим целые легионы, набранные из германцев. Во II в. по Р. Х. они решительно начинают свои наступательные действия против Римской империи, как оно ясно уже выразилось в двух войнах маркоманнов и квадов с Марком Аврелием (166—176 и 177—181 гг.). В войнах этих новейшие исследователи не без причины видят для Рима начало конца, прибавляя, что после борьбы с Карфагеном за всемирное господство Рим не имел ни одной войны, равной по своему значению с маркоманскою. Каракалла в 213 г., в бытность свою в Майнце, принужден принимать посольства различных самых отдаленных германских племен, даже с берегов Балтийского моря и устьев Эльбы. В 256—268 и 201—268 гг. готы, впоследствии при Германарихе (350—374 гг.), повелевавшие славянами в нынешней Малой Руси и разными финнами в нынешней сродной России, предпринимают из северного Черноморья опустошительные набеги и походы во Фракию, Македонию, Грецию и Малую Азии. В IV—V вв. гонимые на запад гуннами, славянами и голодом, увлекаемые страстью к грабежам и легкостью завоеваний в дряхлой

империи, германские племена вторгаются во все ее западные провинции, в самую Италию, утверждают в них свое господство и, по свержения Одоакром Ромула Августула (476 г.), кладут конец Западной Римской империи, основывают германские королевства в Италии, Испании, Галлии, Британии, принимают христианство, имеют (готы) перевод Священного Писания. В VI—VIII вв., когда только некоторые славянские ветви, на южных и западных окраинах нашего мира, вступают в ту пору деятельности, которая началась для значительной части германцев еще в I—III вв., германцы управляются своими королями и живут в государствах, нередко сильно проникнутых римским духом и образованием, имеют свои сборники законов, составленных под влиянием канонического и римского права, и своих летописцев, более или менее подражавших своим предшественникам римлянам-христианам, признают империю и верховную власть императора в Константинополе. При относительной незначительности территории романо-германской, при сравнительном удобстве, еще в средние века, морских и сухопутных сообщений, открытых и усовершенствованных финикианами, карфагенцами, греками и римлянами, сведения и идеи высшей римской и христианской образованности, понемногу вбираемые германскими племенами в романизованных землях или проповедуемые им ирландцами, легко передавались немецким племенам внутри Германии. Первые сколько-нибудь подробные исторические известия о славянах относятся к половине и концу VI в. Иорданис, Прокопий, Маврикий, Менандр и Феофилакт представляют нам южные ветви славянские, без сомнения, наиболее ознакомившиеся с образованностью, совершенно почти на той же степени развития, на которой находились германцы Тацита. Вторжения и переселения славян, антов, хорватов, сербов в Мизию, Фракию, Македонию, Иллирик, Далмацию, Истрию и Италию в VI—VIII вв. имеют наибольшее сходство и аналогию с такими происшествиями германской истории, которые предварили их целыми веками, а именно с нападением кимвров и тевтонов на римлян во II в. до Р. Х., с движе-

ниями Ариовиста, Германа и Маробуда, также готов (в III в. по Р. Х.). Славянский политический союз под главенством Само (627—662 гг.) представляет первую попытку западных славян к образованию государственного союза из нескольких племен; аналогичное ему явление у германцев мы встречаем в херусском союзе Германа, в маркоманском Маробуда, в готской державе Германариха (в IV в. по Р. Х.). Первые исторически известные морские походы славян: походы и набеги стримонцев, рунхинов — в Архипелаге, неречан — на Адриатике и лютичей — в Балтийском и Немецком морях в VII—VIII вв. были значительно предварены первыми исторически известными морскими походами германцев, именно походами готов в Малую Азии в 256—268 и 261—268 гг.

Огромная часть романо-германского мира успела пережить век Карла Великого, сплотиться в величественную монархию, распасться на отдельные государства и главные национальности; при всем своем несходстве, они сохраняют, однако, общие руководящие идеи, начатки теорий папской и императорской власти, впоследствии развившиеся (в XI в.) и господствовавшие затем в Западной Европе в течение веков. В это время (в IX—XI вв.) у большинства славян: мораван, болгар, сербов, хорватов, чехов, поляков, русских полагались первые зачатки государственности и совершалось их обращение в христианство, правда, благодаря деятельности святых солунских братьев и основанной ими славянской письменности, более искреннее и прочное, чем более раннее обращение большинства германцев (в V—VI вв.).

Вследствие такой разности исторических возрастов кельтов и германцев в Европе и многочисленнейшего и сильнейшего элемента в греко-славянском мире, т. е. славян, у последних, естественно, должно было отставать перед романо-германцами развитие государственности и гражданственности, движение самобытной образованности. Не превосходству природных дарований, а гораздо более раннему перед славянами усвоению многих начал и результатов древней цивилизации и христианского просвещения романо-

германцы одолжены многими своими успехами в слишком тысячелетней борьбе и соперничестве со славянством*.

Успехи развития славянской гражданственности, политической независимости и самобытной образованности встретили еще две сильнейшие преграды, в течение столетий почти незнакомые романо-германцам. Это именно непрерывная, многовековая борьба с азиатскими хищниками и глубокая вероисповедная рознь, разделившая славянство на два значительно враждебные друг другу отдела. Сильная вероисповедная рознь явилась в романо-германском мире только с протестантством. До начала же XVI в. все главнейшие его национальности имели за собой более девяти веков общей церковной и культурной жизни.

* И кельты, и особенно германцы, по вступлении своем на историческое поприще, долго еще, в течение веков, ничего почти не производили самостоятельного, ничего особенного не давали для просвещения. Литтре вообще верно заметил: «Les Gaulois nous sont connus, par les écrivains grecs et latins, environ depuis l'an 600 avant l'ère chrétienne: durant ces six siecles qu'ils passent sous les yeux de l'histoire, jusqu'à leur incorporation dans l'empire romain, rien, à part des compositions druidiques qui, confiées à la mémoire seule, ne deviennent jamais la propriété de l'esprit humain, rien ne sortit de cette vaste multitude, si ce n'est un bruit d'armes et des essaims belliqueux, rien qui enrichit le trésor commun des choses belles et vraies; les aptitudes ne commencèrent à s'exercer que sous la discipline romaine; l'autonomie les stèrile. Un temps non moins long fut accordé aux Germains; l'histoire les connait positivement depuis 1'invasion des Cimbres et des Teutons, et surtout depuis que la borne de l'empire fut plantée sur le Rhin; eux aussi, à part des chants qui ne sont pas conserves, n'eurent d'autres occupations que vivre et guerroyer; aucune grande oeuvre n'apparut dans leur domaine, et il fallut que la conquête de Charlemagne fit pour eux ce que la conquête de César avait fait pour le Gaulois. Et pourtant, ni d'un côté, ni de l'autre on n'accusera la race; Gaulois et Germains étaient ariens comme les Grecs et les Latins; leur langues obéissaient au même système grammatical; et d'ailleus, l'avenir s'est chargé de prouver que les circonstances, non le fond, manquaient au développement. Dans la Gaule et la Germanie, les générations passèrent comme celle des chênes dans leurs forêts; c'était une vie de végétation, une vie de tribu, mais non une vie d'humanité. Tant que le but, si bien exprimé par le poëte romain: «toti genitum se credere mundo», ne suscite pas insciemment d'abord, consciemment ensuite, les nations, elles demeurent engourdies et inutiles, mais avides, si elles sont près de la civilisation, de porter les mains sur ses jouissances. Puis finalement, vaincues on vletorieuses, le résultat est le même, et elles sont subjuguées par 1'ascendant dont elles deviennent à leur tour un nouvel et puissant organe». Littré E. Etudes sur les barbares et le moyen âge. Trois. éd. Paris, 1874. P. 87—88.

И только в начале средних веков, до обращения одних германских племен из арианства, а других из язычества к римскому католицизму, между романцами и германцами и внутри их народностей не существовало религиозного общения и единства. Совершенно иное явление замечается в племени славянском. В период обращения его в христианство происходит отделение римского патриархата от единства Вселенской Церкви, и совершается церковный раскол, на тысячелетие разорвавший христианское человечество на две части, пропитавший их взаимным недоверием, внутренней враждой и часто глубокой ненавистью. Получив христианство из Византии и из Рима, кроме хорватской Далмации и Истрии, преимущественно через немцев, славянские народности, вопреки единству своего происхождения и общности интересов по отношению к своим западным и восточным соседям-иноплеменникам, разделяются почти при самом начале своей истории (с конца XI в.) на два враждебные стана. Перед западными славянами: далматинцами, хорватами, словенцами, чехами, поляками, чем более они или удаляются от своего первобытного язычества или, уже обращенные в христианство, чем более отступают от кирилло-мефодиевских преданий и чем сильнее подчиняются влиянию новопреобразованного, на основании подлогов (лжеисидоровых декреталий и пр.), латинства*, — восточные их соплеменники — болгары, сербы, русские все резче начинают выступать в том жалком и ненавистном виде *схизматиков,* в коем всегда старалась представлять римская курия непокорных ей христиан восточных. Эта церковная рознь оставила поныне глубочайшие следы в политической и культурной жизни славянских народов. Она главнейше мешала столь близким между собой народностям южнославянским по языку, быту, нравам и местам жительства, каковы сербы и хорваты, соединиться в одно политическое тело.

Религиозный фанатизм нередко обращал хорватов в преданнейшее орудие римско-немецкой, иезуитско-австрийской

* См. об этом: Döllinger J. v. Das Papstthum. Neubearbeit von J. Friedrich. München, 1892. S. 35—79. Необходимо бы перевести этот прекрасный труд на польский, чешский, хорватский языки.

политики против самых дорогих и священных интересов сербской народности. Оттого зачастую и в новейшее время сербское большинство относится с глубочайшим недоверием к самым примирительным и, по-видимому, вполне искренним предложениям услуг и взаимодействия со стороны тех или других лиц хорватского происхождения. Этот же фанатизм сквозит и во всех, по-видимому, чисто национальных и политических увлечениях, которые высказывались так часто после 1848 г. в литературе и в заседаниях загребского собора представителями крайних народных партий сербской и хорватской по вопросу, кого считать сербами и кого хорватами в Триедином королевстве и инде. Та же церковная рознь отравила на целые века совершенно естественную и законную борьбу двух северных славянских народностей — русской и польской. Народные названия: *москаль, Москва* и *лях, Ляхва, Ляшня* давно стали ненавистными именами для того и другого народа именно потому, что они издавна стали однозначительны названиям *схизма, схизматик* и *католик* (см. «Гайдамаки» Шевченко): в просторечии и даже на языке общества, одно на Руси (преимущественно западной), а другое в Польше, слова эти имеют обидный и позорный смысл. В то время как в литературе каждого славянского народа вошло в обычай как непременное условие называть все народы славянские их собственными именами, поляки стали систематически употреблять слова *Rossianin, rossyjski* для великорусов и слова *Rusin, ruski, Rus* для малорусов и белорусов. Такое употребление возобладало сравнительно недавно. Еще Мицкевич называл Петербург *русской* столицею, а не *российской: «ruskiej stolicy* jakież są początki»... В XVI в., когда Малая и Белая Русь были соединены с Польшей, поляки могли же называть Великую, северную и восточную, Русь ее настоящим именем, т. е. *Rus, Русью* и народ ее *ruskim*. Конечно, этим названием *rossijski* язык, народ, в отличие от *ruski,* поляки единства русского народа не расторгнуть и разве могут вызывать в нас лишь известную улыбку. Но это все же характерно и рисует отношения: люди отрицают за нами право называть себя нашим старым общенародным

именем. В силу этой церковной розни и связанного с ней религиозного фанатизма, в сущности, понятные и естественные стремления старой Речи Посполитой к слиянию Литвы, Белой и Малой Руси с Польшей и даже к государственному союзу с Москвой вырождались в самые тяжкие преследования русской веры и народности, окончившиеся отложением Малороссии и разделом Польши. Религиозные страсти и по сие время мешают главнейше полякам и русским признать общность взаимных их славянских интересов, например, по отношению к германизиму. Тем же фанатизмом окрашены, как и у сербов и хорватов, по-видимому, чисто национальные и политические увлечения крайних патриотов русских и польских, из коих одни высказывали иногда желание об онемечивании всей Польши по Вислу и доходили до отрицания славянизма ляхов, а другие, как Духинский и его последователи, не признают славянизма великорусов и требуют по этой причине полного разрушения русского государства. В культурном отношении эта церковная рознь отразилась на совершенно почти независимом друг от друга развитии славянских письменностей с латинской и кирилловской азбукой. Для восточных славян, даже в настоящее время, славянские книги латинской печати, как для западных — кирилловской, являются чем-то противным и неприятным, хотя, например, серб в хорватской книге, особенно нынешней, находит свой же родной язык, а русский не встречает никакого затруднения читать французские, английские и немецкие книги; точно так же и хорват, не читая сербских, а поляк — русских книг, отказываются от одного из важнейших пособий для близкого познания своей родины, как в прошлом, так и настоящем. Расколов все славянство на две половины, восточную и западную, эта церковная рознь сильно мешала быстрому и успешному распространению у славян восточных той высшей образованности, что принялась и развилась было у западных славян в XV, XVI, XVII вв., под влиянием гуситства, возрождения наук и реформации, пока не замерла под влиянием иезуитов и проведенных реформ Тридентского собора. По соседству народов и близости их языков эта образованность легко бы могла

быть усвоена их восточными братьями. Таких задерживающих и замедляющих развитие просвещения обстоятельств не знали почти вовсе романо-германцы в продолжение, по крайней мере, семи-восьми столетий, ибо сект и ересей, бывших за это время довольно много в Западной Европе, немало было и на востоке, в Среднем мире.

К важным же отличительным особенностям греко-славянского Востока от романо-германского Запада следует отнести и два характерных этнографических явления. Это, во-первых, множество и разнообразие инородческих элементов, входящих в состав греко-славянского мира, чего вовсе не замечается в историческое время в романо-германской Европе и что имеется лишь у романо-германцев Нового Света, а также в Азии и Африке, и, во-вторых, крайняя неравномерность естественных составных частей, на которые распадается, в совершенную противоположность Западу, господствующая племенная стихия на нашем Востоке. На Западе господствуют два племени: романское и германское, каждое приблизительно считает по 96—100 млн душ и распадается на три довольно равномерные группы: романцы на французов — 38 млн, итальянцев — 30 млн с лишком, испанцев — 17 с половиной млн с лишком, португальцев — около 5 млн, германцы на немцев — 60 млн, великобританцев — 35 с лишком млн и скандинавов — 9 млн. Видимая невыгода скандинавов значительно ослабляется обширностью занимаемой ими территории (803 989 кв. км), которая с лишком в два с половиной раза более территории Великобритании, значительно превосходит и территорию Германской империи (540 514 кв. км). Нидерланды и фламандская часть Бельгии составляют столь же независимые от Германии в политическом и культурном отношениях величины, как и скандинавские земли, и, скорее, могут быть относимы к одному порядку с последними. Таким образом получим на 50 млн немцев — 4 600,000 с лишком голландцев, свыше 3 000,000 бельгийских фламандцев и 9 с лишком млн скандинавов, всего до 17 млн скандинавов и нижних немцев. Приложив к 803 989 кв. км скандинавской территории с лиш-

ком 32,841 кв. км голландской территории и, приняв в расчет обширные, немалонадежные, непроблемитические голландские и небольшие датские колонии и всякое почти отсутствие настоящих, верных, прочных колоний у Германии, мы получим довольно равномерное распределение составных частей германского племени сравнительно с романским. Совершенно иные отношения замечаются внутри славянского племени, которое одно составляет решительно преобладающий и господствующий этнический элемент в мире греко-славянском. Тут мы имеем: до 12 млн поляков, до 6 млн чехо-мораван (с сербо-лужичанами), 7 млн с лишком сербов и хорватов, до 5 млн болгар, до 2 млн словаков, 1 600,000 словенцев и до 70 млн русских. За изъятием 3 млн своих галицких, угорских и буковинских братьев, находящихся в самом печальном, угнетенном положении (от поляков, мадьяр, немцев, евреев), русский народ образует собой господствующего движителя и распорядителя судеб великой мировой державы в 22 639,001 кв. км и с 116—120 млн жителей, а все прочие славяне, за исключением разве двух млн сербов в королевстве, 180 тыс. черногорцев и 2 с лишком млн болгар в своих княжествах, находятся в более или менее тяжелой зависимости политической и культурной от немцев, итальянцев, мадьяр и турок. Народности чешская, польская, сербо-хорватская имеют, правда, обработанные литературные языки и в известной степени далеко не бедные словесности, но, вследствие разных неблагоприятных политических обстоятельств, а также своей малочисленности, отчасти и более слабой культуры, они поставлены в невыгоднейшее положение, чем самые малые национальности романо-германские, например, голландская, шведская, датская и португальская или некоторые иноплеменные народности в мире греко-славянском, как мадьяры, румыны, греки. Языки польский, чешский, сербо-хорватский не могут с успехом бороться — первый против немецкого (в Пруссии и даже в Австрии), чешский против немецкого, сербо-хорватский против немецкого, итальянского (в Горицком графстве, Истрии, Далмации и в видемском округе северной Италии) и мадьярского. Еще несравненно невыгоднее

положение наречий болгарского, словенского и словинского (словацкого). Литературная обработка этих бедных словесностями наречий приносит, конечно, большую пользу в смысле пробуждения славянского самосознания в массах народных, но не дает возможности отдельным образованным людям из среды этих народностей обходиться в ежедневной практической и теоретической деятельности без языков итальянского и особенно немецкого. Все нерусские славяне без исключения, если сколько-нибудь примыкают к так называемой интеллигенции, принуждены быть, как говорилось у римлян, bilingues или trilingues. Не владея совершенно свободно, устно и письменно, одним или двумя иностранными языками, эти славяне не могут ни достичь сколько-нибудь высшего образования, ни употребить своих способностей на каком-нибудь поприще, мало-мальски возвышающемся над поприщем простого селянина или ремесленника, мелкого торговца, деревенского учителя и причетника. При общей воинской повинности и при необходимости искать заработков в немецких городах и провинциях Австрии, немецкая речь неудержимо распространяется и в славянском простонародье Австро-Венгрии.

И только у сербов, болгар и русских поляков, знающих в совершенстве по-русски, этот второй, усвоенный, как родной, язык есть язык славянский; для большинства же славян этот второй, а нередко и третий язык (немецкий и итальянский, немецкий и мадьярский, греческий, турецкий, румынский — для турецких и румынских болгар) обыкновенно принадлежит той национальности, которая теснит и давит его родную, славянскую народность. Такое усвоение немецкого языка прусскими и австрийскими поляками, чехами, словенцами, итальянского словенцами и сербо-хорватами в Истрии и Далмации, мадьярского — словаками, сербами и хорватами в Венгрии, также греческого и турецкого болгарами в Турции или румынского в Румынии есть чаще всего усвоение недобровольное, а принудительное, не свободное, а обязательное. Такое обязательное усвоение чужого языка, не будучи обоюдным, обличает прямую подчиненность и зависимость одной

народности от другой. Одни в целом славянстве мы, русские, в изучении иностранных языков пользуемся полной свободой избирать себе по вкусу и произволу усвоение того или другого, или третьего из богатых европейских языков (английского, французского или немецкого), или всех трех языков вместе. Кроме владычества капризной и вечно меняющейся моды или собственного нашего желания, ничто не обязывает нас гоняться за изящностью иностранного выговора, за чистотой и красотой выражений. Огромнейшее большинство истинно образованных русских людей, настоящей умственной аристократии России, что богатит русскую литературу и созидает русскую науку, выучивается новейшим языкам не у иностранных бонн, гувернанток и гувернеров, не в раннем детстве, а в поздние годы, часто во время ученых занятий своих в иностранных университетах, редко отличается чистотой произношения да еще реже усваивает себе иностранные языки настолько, чтоб уметь свободно говорить и писать на них. Словом, огромнейшее большинство русских образованных людей изучает новейшие иностранные языки главнейше, если не исключительно, как языки мертвые, для ознакомления с их богатыми литературами и для чтения в подлинниках замечательных произведений их словесностей и науки. В этой обязательности усвоения нами языков иностранных нет ничего внешне принудительного. Тут нет ничего сходного с изучением немецкого языка австрийским или прусским славянином. Тот должен, по законам страны, волей-неволей изучать язык немецкий, и прежде всего, как язык государственный, как язык правительственный и официальный, на котором говорят с его народом органы власти и все высшие государственные учреждения. Тут богатство литературы и культурное значение языка является уже на втором плане. Так, для славян венгерских и турецких становится все более обязательным изучение языков мадьярского и турецкого, что лишены большого культурного значения и сами по себе любопытны только для немногих ученых специалистов. Только для славянина русского его родной, славянский язык есть вместе и язык культурный, и язык госу-

дарственный. Язык верховной власти и двора, правительства и государственных учреждений, суда, армии, флота, русский язык сам обязателен для усвоения миллионами инородческих подданных русской империи, представителей самых разнообразных племен. Немец, литовец, румын, грек, финн, калмык, татарин, армянин, грузин, черкес, осетин, киргиз, бурят, тунгус — все эти разноплеменные подданные русского государства, пройдя через русскую школу, усвоив себе русский язык, приобретают себе общий орган взаимного понимания, получают средства, действовать на самых разнообразных поприщах громадной мировой державы, шестой части света. В это время родственные русскому языки славянские, за исключением Сербии, Черногории, Болгарии, отчасти Хорватии и Славонии, не пользуются даже на своих небольших территориях полными правами гражданства, какими обладают, например, на Западе народности самые малочисленные: португальцы, голландцы, датчане... Таково неравенство отношений между русскими и прочими славянами. В этом случае славянство не представляет ни малейшего сходства с племенами романским и германским. Романское племя походило бы тогда лишь на славянство, когда бы, например, при современной Франции, вместо Италии и Испании, было шесть-семь Португалий или Бельгий, с особыми партиями и словесностями, с такими же, как и у славян, иноплеменными клиньями и с такой же неровной борьбой против шести враждебных или сопернических племен (немцы, итальянцы, мадьяры, румыны, греки, турки). Точно так же и германское племя только бы тогда походило в этом отношении на славянство, когда бы, например, не было вовсе англосаксов, а были бы одни нынешние немцы сильной Германской империи, и она была бы окружена шестью Швециями, Даниями, Голландиями, и не в их настоящих условиях, а в похожих на современные порядки у западных и южных славян. Еще также можно бы было приравнивать положение германского племени к положению славянского, если бы существовало одно сильное англосаксонское племя, а вместо нынешней Германии было бы шесть различных племен, вро-

де норвежцев, шведов и датчан, разделенных более или менее сильными и враждебными иноплеменниками.

Нельзя не отметить еще следующей в высшей степени важной в культурном отношении разницы между составными, преобладающими и заправляющими, элементами на романо-германском Западе и на греко-славянском Востоке. Как новая итальянская народность и ее язык представляют собой прямого потомка древних латинян и римлян республики и первых веков империи, так новогреческая народность и ее язык — потомков древних эллинов. Если новые греки более или менее смешались со славянами и албанцами, то новые итальянцы еще более приняли в себя элементов германских (готы, лонгобарды и пр.). Но не все итальянцы происходят от древних италиков, ближайших сродников древним латинам и римлянам, а не немногие из них ведут свой род от кельтов и от иллиров (венетов?). Итальянцы, по своему языку, уже в течение с лишком тысячи лет такие же романцы, как испанцы, французы, и к ним они стали ближе, с ними даже сроднее, чем с древними римлянами, а эти испанцы, французы — олатиненные иберы, галлы, с сильными примесями германскими. Новые же греки исключительно, всецело, чище представляют собой сохранившуюся до наших дней эллинскую народность. Румыны и язык их, при всем средстве с итальянцами, французами, испанцами, резко отличаются от них своей сильной примесью славянской. Изо всех западных романцев только часть восточных итальянцев приняла в себя элементы славянские (в какой степени — имеют решить будущие, столь желательные исследования). Одни румыны изо всех романцев принадлежат к Восточной Церкви и с VI—VII вв. находятся в теснейшем историческом, политическом и культурном общении с греками и славянами и связаны с ними всеми своими судьбами. Наконец огромное большинство румын — прямые потомки фракийцев, олатиненных и с сильной примесью славянской, тогда как в западных романцах нет, говоря строго, ни капли фракийской крови. Славяне на греко-славянском Востоке представляют собой такой же главный, территориально и численно господствующий элемент, какой

на романо-германском Западе представлен двумя, почти равносильными, территориально и численно, племенами — романским и германским, причем романцы занимают часть средней и весь юг собственной Европы, а германцы — часть средней и весь европейский север, вообще гораздо более умеренный, более теплый и несравненно более культурный, чем север греко-славянский. Итак, романцы — преимущественно южане и частью среднеевропейцы, германцы же — преимущественно северяне и частью среднеевропейцы. Славяне же не только северяне, и притом в несравненно более строгом смысле слова, чем северные европейцы (германцы), но и так же, как средние германцы и отчасти романцы (французы), — жители средних умеренных стран и, как одни романцы (итальянцы, испанцы), так же чистые южане (в южной Далмации, Герцеговине, Черной Горе, в южной Болгарии, в турецкой Фракии и Македонии и в южных краях России, Европейской и Азиатской).

Русский народ и его язык преобладает численно, пространственно и духовно не только в племени славянском, но и в целом греко-славянском мире, не только между родственными ему народами и языками, но и всеми единоверческими и иноверческими инородцами, живущими в пределах нашего мира. Разумеем греков, албанцев, румын, армян, грузин, различные кавказские племена, немцев, литовцев, латышей, мадьяр, турок, различные иранские, финские, татарские и турецкие племена, вошедшие в состав русской империи или живущие рядом со славянами и греками в пределах нынешних Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, Греции. С развитием русской образованности, с увеличением железных дорог и усилением внешней и внутренней торговли России знание русского языка все более и более должно распространяться у всех этих племен и, без сомнения, все глубже будет проникать на запад, в Европу, и на юг и восток, в нынешнюю азиатскую Турцию, Персию, Афганистан, восточный Туркестан, Китай и Японию. Но и в настоящее время, при всем этом пестром разнообразии племен, в мире греко-славянском все-таки преобладает общее над частным, начало единства над

началом разнообразия. Носитель начала общего и единства, славянство, особенно в лице русского народа, представляет собой как бы громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена нашего мира являются как бы его ветвями. Численно, пространственно и духовно преобладает в мире греко-славянском одно племя славянское, а в нем и через него — один народ и язык русский. Напротив того, в мире романо-германском равно господствуют два племени: романское и германское, а в каждом из них, по крайней мере, по два народа и языка пользуются всемирно-историческим значением: французы и испанцы со своими колониями в Новом Свете, немцы и англичане с их языками и литературами. В нашем греко-славянском мире нет и на целые века не может явиться даже той двойственности, что была в римской империи и выражалась в ней господством греческого языка и образованности на Востоке, латинского на Западе. В нашем мире нет такой национальности и образованности, нет такого языка, что могли бы теперь и в более или менее далеком, сколько-нибудь предвидимом или вообразимом, будущем оспаривать первенство, преобладание и господство у русской национальности и образованности, у русского языка.

Таковы главнейшие отличительные особенности мира греко-славянского от мира романо-германского, или собственной Европы. Если последний справедливо может быть назван по преимуществу миром настоящего, миром наличного могущества и величия, миром зрелого мужества и отчасти, где наступающей, где, по-видимому, наступившей уже старости, в отличие от мира собственно азиатского, этого мира прошедшего, по преимуществу, мира дряхлой древности, политической и культурной зависимости, то мир греко-славянский, в отличие от этих обоих миров, часто называется, наравне с англосаксонским миром Нового Света, миром будущего по преимуществу или, быть может, правильнее назван миром более или менее горького и неприглядного настоящего, исполненным, однако, надежд, чаяний и упований, далеко не безосновательных, но всячески трудно осуществимых, при известных лишь, вну-

тренних и внешних, вообще не простых, а довольно сложных, и частью даже весьма тяжких, условиях.

В заключение попытаемся оправдать принятое нами деление Азиатско-Европейского материка сличением нашего с другими наличными делениями, не скроем, наконец, и тех внутренних и внешних условий, коими обставлена вся тягость перехода нашего мира из нынешнего полумрака в возможное светлое будущее.

Верность принятого нами деления Азиатско-Европейского материка, или истории древней, средней и отчасти новой (ибо в новую историю привходит уже колониальный мир Нового Света), подтверждается сравнением этого деления с другими обиходными и употребительными делениями, гораздо менее удовлетворительными. Тут заслуживают особенного внимания те три воззрения, что одинаково признают в ней не тройственность, а двойственность, согласно отрицая, хотя и с разных точек зрения, самостоятельность выдвигаемого нами третьего, Среднего мира, названного нами греко-славянским.

Первое воззрение, глубоко распространенное в Европе и легшее в основу целых исторических курсов, считает прямой противоположностью собственной Азии и настоящим ее антагонистом — один только мир романо-германский. Согласно с этим воззрением, новоевропейская образованность, основанная на началах христианских и древнеклассических, есть исключительное создание народностей романо-германских. Греки средних веков и славяне не принимали-де в ней деятельного участия. Они-де не представляют собой ничего самобытного и определенного и, по своей исторической жизни, принадлежат то к Востоку, то к Западу, подчиняясь политически и культурно то Азии, то Европе.

Если первое воззрение утвердилось наиболее в Германии, особенно протестантской, то второе распространено наиболее во Франции и вообще в странах романских. По этому второму воззрению необходимо выделять греков и славян восточных от славян западных, принявших римское католичество. Одни принадлежат к Востоку вследствие-де всецелого возобладания

в их искаженном, схизматическом христианстве начал и форм азиатского деспотизма. Другие же, т. е. западные славяне, — верные чада римской Церкви, принадлежат Западу и Европе. Приобщаясь ее благодати, они участвовали в развитии ее образованности. С этим воззрением тесно связаны успехи в Европе новейшего учения Духинского о туранстве великорусов.

Третье воззрение значительно разнится от предыдущих. Оно тоже принимает двойственное деление азиатско-европейского человечества на Восток и Запад, но, в отличие от двух первых, сильно распространяет понятие Запада, включая в него целые отделы мира собственно азиатского. Это воззрение высказано было знаменитым нашим синологом, высокодаровитым, глубоко ученым профессором В. П. Васильевым[3]. По его мнению, Азиатско-Европейский материк разделяется почти на две равные части, «жившие до новейшего времени своей особенной жизнью, редко между собой сталкивавшиеся, но зато в своих столкновениях проявлявшие истинно мировые события». Востоком-де следует называть собственно страны, лежащие за Уралом, Каспийским морем, Индом... Таким образом, не только древние египтяне, финикияне, вавилоняне и евреи, но и средневековые арабы и весь новейший мусульманский мир принадлежат не к Востоку, а к Западу. Отличительной культурной особенностью Запада от Востока является религиозный фанатизм. Он, «конечно, есть недостаток Запада, но он же поддерживает и дух на известной степени напряжения, и этому-то напряжению Запад обязан своим высоким положением». «Вооруженный фанатизм до сих пор был неизвестен религиям Востока»*.

Не отрицаем, что собственная Азия, в свою очередь, разделена быть может, и даже должна (до III—IV вв. до Р. Х., по крайности), на два отдела или мира: юго-западный и восточный и средний.

Если браманизм отличался фанатизмом, то едва ли можно в нем уличить буддизм, *западную* же религию. Да и настоя-

* Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. (Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CLXVI—CLXVII. 1873. С. 246 и сл.).

щему христианству, учению Христа, апостолов и их верных последователей, фанатизм религиозный глубоко противен; в этом отношении оно резко отличается от магометанства.

Есть еще четвертое воззрение, отличное от трех предыдущих. Оно принимает не двойственное, а тройственное деление азиатско-европейского материка. Оно принадлежит известному даровитому немецкому ученому Шлецеру[4], занимающему видное место в русской историографии. Отделяя Восток от Запада, Азию от Европы и взяв за граничную черту реки Эльбу и Дунай, Шлецер признает необходимым разделять собственно европейский мир на две части, на южную, по ту, и на северную, по эту сторону от этих рек. «Такое деление европейской истории, — по словам Шлецера, — имеет свою пользу и основание, во-первых, в хронологии, ибо тут именно кончался мир, известный древним, и, во-вторых, в этнографии, ибо на этом обширном пространстве, от устьев Травны почти непрерывно до устьев Дуная, жил народ одного племени, славяне, или венды; хотя с течением времени они переменили свои жилища, подвинулись далее на юг на Дунай, и в Иллирии, Далмации, Хорватии, Боснии и пр. образовали государства, но на севере немцами были далеко оттеснены за Эльбу и даже истреблены. Эти славяне бесспорно народ северный. И, как метода требовала рассмотрения всех ветвей одного племени в совокупности, то поэтому не только Венгрия, но и разные другие, более южные славянские земли, некогда независимые, а потом присоединенные к венгерскому, турецкому и венецианскому государствам, одинаково принадлежат к северной истории (?). Хотя в этих странах воздух и климат южнее, но жители их северяне (?) и обстоятельства их жизни более связаны с северной (с Византией?), чем с южной европейской историей; из подобных же причин отчасти очень северная Британия остается в отделе южной истории» (?). «Относительно объема северной истории я решился, — говорит Шлецер, — на одно нововведение, облегченное мне новейшими открытиями русских и французских ученых: я включил в нее Сибирь, азиатский север. Полнота системы требовала, по-моему, такого нововведения, европей-

ский север населен такими племенами, которые, как финны и самоеды, далеко простираются в Азии. В средние века он получал множество переселенцев из Азии, испытывал перевороты, ближайшие поводы или отдаленнейшие причины которых заключаются далеко вне его границ и отмечены в азиатских летописях. Иначе северная история оканчивалась бы Доном и Уралом, теперь же она простирается за Каспийское море до Монголии и пределов Китая». Шлецер отметил также, что главный народ этой северной части Европы —славяне. «Славянская история огромного объема, начинается в V в. по Р. Х. и непрерывно продолжается до нашего времени, перекрещивает значительную часть прочей европейской и азиатской истории и, по нынешней системе государств, составляет самую занимательную часть северной истории. После арабов, господствовавших от Малакки до Лиссабона, я не знаю другого народа, который бы так далеко распространял свое могущество и свои колонии. От Дубровника на Адриатическом море на север до моря Ледовитого, направо до Камчатки, в соседстве Японии, и налево до Балтики, везде находим славянские народы частью господствующими, частью служащими другим народам»*.

Отметим вкратце те существенные и строгие признаки, что не позволяют смешивать с собственно азиатским миром ни части, ни всего мира греко-славянского, как это ошибочно допускают два первых воззрения, ни простирать границы Запада так далеко на Восток, как это делает проф. Васильев. Он

* Не считаем нужным останавливаться на явно ложном мнении Реклю (Геогр. Евр., Греция) и некоторых других французов, соединяющих греков в один мир с латинской расой. И в древности, и тем более еще в средние века, и в новое время греки составляют во многом резкую противоположность с римлянами, а затем с латинами: итальянцами, французами и испанцами. Для сего довольно вспомнить отношение греков к папскому Риму, Латинскую империю в Константинополе, различные венецианские и другие латинские владения в землях греческих. Главнейшие успехи турок османов на так называемом у латинян Леванте объясняются именно народной и религиозной враждой греков к латинскому духовенству, дворянству и купечеству. См. нашу книгу: Secrets d'e□tat de la re□publique de Venise. S. Pe□tersbourg, 1883. Вообще греков нельзя отделять ни в средней, ни в новой истории от славян. Как романцы с германцами, так греки со славянами составляют особые миры, особые отделы арийско-христианского человечества.

впадает в противоположную крайность двум первым воззрениям, что слишком стесняют пределы и деятельность арийско-христианского человечества и простирают границы собственной Азии слишком далеко на Запад.

Соединяя или смешивая греко-славянский Восток с азиатским, смешивают двух стародавних противников не в частностях, а по существу, два разные культурно-исторические мира. Их упорная борьба является в истории с чертами, может быть, еще более крупными и величавыми, чем борьба романо-германцев с азиатами. Без Византии Юстиниана I или Велисария, Ираклия, императоров-иконоборцов, Никифора Фоки, Цимисхия, Василия Болгаробойцы и Комнинов, без древней и новой России как сузился бы театр борьбы Запада с Востоком, христианства с Азией, как бы проиграла и умалилась в своем значении действительно величавая и многознаменательная борьба христианско-арийского человечества с мусульманством и с азиатским хищничеством. Без истории Восточной Церкви, с ее учением, сектами, расколами, с ее нравственными идеалами и образцами подвижничества, с ее проповедью и влиянием на образованность и гражданственность целых стран и народов, история европейской образованности, существенно христианской, должна страшно оскудеть и представить ничем незаменимые пробелы. Отделяя славян западных от восточных, искажают всю историю славян и романо-германцев, опускают вовсе из виду или представляют совершенно в ложном свете, как истории отношений романо-германцев к славянству, так и истории взаимных отношений славян восточных и западных. Давно принято, и совершенно справедливо, отводить почетное место в истории европейской образованности борьбе Венецианской республики, Венгрии, Польши, Габсбургской монархии с турками-османами, а в этой длинной цепи беспрерывных войн с конца XIV по конец XVIII в., затрагивавших самые дорогие интересы христиан-арийцев, греко-славянские земли и народности несравненно более романо-германских приносили пожертвований жизнью и достоянием. И тут прославились на вечные времена не одни западные славяне-поляки,

со своими двумя Владиславами (при Варне 1444 г. и Хотине 1619 г.), Ходкевичем, Тарновским и Собесским, хорваты с своими Франкопанами, Бериславами и Зринскими, далматинцы со своим сильным участием во всех военных подвигах венецианского флота. Вместе с далматинцами, и еще более их, греки Мореи, Крита, Кипра, Ионийских островов и пр. составляли почти всецело главную силу во флоте республики св. Марка, бывшей в течение XIII, XIV и XV вв. первой морской державой в Европе и даже в последние три столетия своей жизни пользовавшейся доброй славой за свое искусство и опытность в морском деле. Венгрия Гунияда и Матвея Корвина, монархия Леопольда I, Карла VI, Марии-Терезии и Иосифа II обязаны значительной долей своих блестящих успехов над Портой геройской храбрости православных сербов. Точно так же на русские земли и на православное их население выпадали главнейшие тягости и главнейшая честь всех войн старой Польши с турками. Преимущественно же помощи своего литовско-русского населения обязана была Польша своими лучшими успехами в борьбе с прусско-немецким орденом. Да и вообще без приобретений Казимира Великого и Ягайловичей на русском юге и востоке Польша никогда бы не вышла из того состояния политической слабости и незначительности в Европе, в котором она большей частью маялась со смерти Болеслава Храброго почти до половины XIV в. Да и не на одной Польше многократно и значительно сказывалось влияние восточной части греко-славянского мира на политическую и культурную жизнь романо-германской Европы, прямым образом через греков по преимуществу и косвенным через славян восточных, посредством их прямого давления на западных их родичей. Самое существование целого христианского мира, не признававшего самовластия римского епископа и смело отвергавшего все его деспотические притязания, признававшего большое участие мирян и соборное начало в управлении церковном, брак белого духовенства и употребление народного языка в богослужении, бытие такого христианского общества рядом с римско-католическим миром, преобразованным папами Ни-

колаем I, Григорием VII и Иннокентием III, имело огромное влияние на внутреннюю жизнь романо-германского Запада. Все лучшие его люди, смело вооружавшиеся, с половины IX в. вплоть до Виклефа и Гуса, против искажений и злоупотреблений Рима, не переставали в подтверждение того или другого своего мнения указывать на греков и Восточную Церковь, как на хранительницу высших христианских идеалов и лучшего строя церковной жизни. Речи и подвиги Яна Гуса и Иеронима Пражского и начавшееся после сожжения их в Констанце народное движение чехов бесспорно имеют весьма важное значение в истории европейской образованности. Гуситство же имело характер не только религиозный, но и национально-политический. То было восстанием славян западных не только против папства, но и против феодализма и империи, против Германии и проводимого ею онемечения славянства. Гуситы продолжали с усиленной лишь энергией дело прежних поколений славянских, отстаивавших против Рима и немцев свою национальную, государственную и церковную независимость. Положим, устные и письменные предания о проповеди Константина и Мефодия сохраняли в Чехии конца XIV в. память о бывшей у них некогда Церкви славянской, но без живого примера славян восточных, продолжавших оберегать и развивать насаждения славянских апостолов, это воспоминание чехов во время Гуса и Иеронима не превышало бы значения археологического сведения, бессильного одушевлять народ. Данное папой Иннокентием IV в 1248 г. разрешение католикам хорватам употреблять в церкви славянский язык и глаголическое письмо представляет собой совершенно небывалое и, так сказать, аномальное явление в латинстве, обыкновенно строго преследовавшем, особенно в то время, народные языки в богослужении и переводы Священного Писания. Обыкновенно строго последовательный, малоуступчивый Рим был вынужден к такой уступке из страха перед стоявшими за спиной хорватов православными сербами. Государственный рост России с Алексея Михайловича и успехи русской политики и гражданственности при Петре Великом и его преемниках про-

извели поразительное действие на пробуждение раздавленных в XVII в. Римом, немцами и турками народностей славянских в Германии, Австрии и Турции. Известнейшие деятели западного славянства в нынешнем столетии Пухмир, Юнгман, Марек, Водник, Лингард, Колар, Челяковский, Штур и пр. сами засвидетельствовали о том громадном влиянии, какое имела Россия на всю их деятельность и вообще на развитие так называемых панславистических идей.

Так одинаково ошибочны оба воззрения, смешивающие все славянство или восточный отдел его с азиатством. Не вернее и воззрение проф. Васильева, смешивающего западных азиатов с романо-германским Западом и греко-славянским Востоком. Два последние мира имеют несколько таких общих и строго-определенных признаков, которые не имеются ни у западных, ни у восточных и средних азиатов. Эти признаки проводят весьма резкую границу между собственно-азиатским миром, и арийско-христианским человечеством, распадающимся, как верно замечал Шлецер, на две половины, в одной из коих преимущественно преобладает одна племенная стихия — славянская. Но Шлецер славян южных напрасно причислял к северу, а скандинавов отрывал от германцев и присоединял к славянам: несколько тысяч варягов и пять-шесть норманских князей, с их дружиной, в Ладоге, Новгороде, Полоцке, Киеве (в продолжение 100—150 лет), еще не оправдывают такого отделения скандинавов от остальных германцев или такого же неестественного их соединения со славянами. Во многих исторических обзорах и по сие время совершенно напрасно истории Северных государств (скандинавских) почти соединяют с историей русской.

В противоположность собственной Азии и всем другим отделам человечества, греко-славянский и романо-германский мир как Старого, так и Нового Света имеют следующие, исключительно ему принадлежащие, признаки: просветительное начало — христианство, великое образовательное влияние и *классическое* значение языков и литератур древнегреческой и древне-римской, принятие в письменное законодательство и

свою науку права многих начал, определений и целых постановлений римского права, наконец, усвоение преданий римской империи, как мировой державы, и постоянное, неудержимое стремление продлить и развивать ее существование, обновляя и расширяя ее содержание и задачи, видоизменяя ее формы, перемещая ее центры, но всегда охраняя непрерывность идеи империи, царства, мировой державы (например, Великобритания, Соединенные Штаты в Америке) и отстаивая ее права на несокрушимость и вечность.

Христианство проникало и распространялось в разные времена и в разных странах мира, но нигде оно так не принялось, не утвердилось и не сделалось той творческой и руководящей силой, какой оно было в *течение* веков и поныне остается у народов греко-славянского и романо-германского миров Старого и Нового Света. Напротив, у культурных народов собственной Азии господствуют целые столетия иные просветительные начала: буддизм, конфуцианизм, даосизм, исламизм; учения эти весьма мало принимаются и уже вовсе не развиваются у народов обоих наших миров, хотя и имели на них частные, более или менее глубокие, влияния. У народов, исповедующих упомянутые религии, есть *свои древние, классические* языки и памятники письменности. На воспитание и образованность народов Азии эти *классические* языки и их письменности имели такое же глубокое влияние, какое языки еврейский, греческий и латинский и их литературы имели и имеют на народы обоих наших миров. Как бы мы ни преувеличивали влияния древнегреческой образованности на собственно азиатские страны и племена, однако ни греческий, ни римский языки с их литературами никогда не имели на них того сильного, всепроникающего влияния, какому подвергались народы наших миров. Арабы в средние века наиболее изо всех собственных азиатов являются послушными учениками и подражателями греков; но и они восприняли в себя, и не так глубоко, и далеко не все существенные стороны древнегреческой и тем более римской образованности, как это должно сказать про народы романо-германские или греко-славянские. Так,

арабам остались совершенно чужды и греческая скульптура, и живопись, и греческая поэзия, и римское право. Ни обычное, ни письменное право народов собственной Азии вовсе не вступало в такие тесные, дружественные или враждебные, соприкосновения с римским правом, как это видим в продолжение веков у народов романо-германских или греко-славянских. С III в. нашей эры по настоящее время в собственной Азии, которая в те столетия и в средние века, даже в новой истории, простиралась гораздо далее на запад, чем в настоящее время, не в пределах двух наших миров, а иногда и внутри их, на их обломках, возникают, растут и надолго утверждаются великие монархии или державы Сассанидов, Омаядов, Аббассидов, Фатимидов, разных династий турко-сельджукской, монгольских, татарских и турко-османских.

Некоторые из их повелителей питают глубокое уважение к памяти и подвигам Александра Македонского и Юлия Цезаря, даже не раз, как, например, Магомет II и некоторые его преемники, выражают решительное желание следовать по стопам двух великих властителей греко-римского мира, овладеть Константинополем, как это не раз хотели персы, турки-сельджуки, гунны, авары, монголы, как это и удалось наконец туркам-османам, овладеть и Римом и восстановить империи Августа и Константина. Но все эти попытки ограничиваются чисто внешним подражанием или слабым подобием римской империи. Все эти обширные монархии Азии и Африки являются более или менее прямыми преемницами тех восточных царств, борьбу с которыми поставляли себе за величайшую честь и славу греки и римляне времен республик, македонской монархии и Римской империи, и в победах над которыми они видели торжество европейской свободы, анализа, трезвости и энергии над азиатским деспотизмом, синтезом, увлечением и застоем. Персы Сассанидов, арабы, турки (сельджуки и османы), не говоря уже о гуннах, аварах, печенегах, половцах, монголах, татарах, с своими державами, вторжениями и войнами, являются не продолжателями и преемниками Александра Македонского, Цезаря, Августа и Константина Великого, а, напро-

тив, разрушителями и исказителями их созданий, мстителями за поражения при Маравоне, Платее, Саламине, при Гранике, Иссе и Гаугамеле, за победы Августа, Траяна, М. Аврелия над парфянами. Точно так же и все средневековые и новые войны и битвы романо-германцев и греко-славянских народностей с этими азиатами, от Аэция и Велисария, императоров Ираклия и иконоборцев на Востоке, Карла Мартелла, Карла Великого и Оттона I на Западе до последних хивинской, геок-тепеской, бирманской экспедиции, — все они в прямом преемстве продолжают дело Мильтиада, Фемистокла, Александра Македонского, Августа, Траяна, Марка Аврелия и Константина Великого. Как римская культура не уничтожала, а воспринимала и усваивала по большей части хранила и оберегала, как умела, предупредившую ее греческую образованность, так точно и Римская республика и империя не разрушали, а защищали от потомков Дария III и других азиатов приобретения Александра Македонского в Азии и Африки, точно так же и новые племена европейской истории кельты, германцы, славяне, получив от греков и римлян христианство и письменность, уверившись в величие греческой и римской образованности, становятся горячими защитниками и распространителями Римской империи. Русская Церковь празднует, как собственное торжество, победу Царьграда над безбожной, т. е. языческой Русью. Карл Великий, считая себя законным преемником Цезаря, Августа, Траяна, берет в свои руки неоконченную задачу борьбы Рима с Германией и в ожесточенных войнах с саксами, продолжающими, собственно говоря, дело херусков Германа, мстить за поражение легионов Вара. Вера в необходимость Римской империи и мысль о непрерывности ее развития и о перенесении ее от упадших и истощенных греков и римлян к новым народам составляет такую же характерную историческую особенность жизни народов романо-германских и греко-славянских, в отличие от мира собственно азиатского, как и христианство, классическое значение греческого и римского языков и их литератур, более или менее важное теоретическое и практическое значение римского права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Budućnost će biti dobra mati
Našem puku — već je kocka pala
Nieg've sreće — sama ćeš spoznati,
Kad razriešim tebi tajne ove:
Vidiš svuda po tih poljih cvati,
Ko da zemljom neba zviezde plove,
Množtvo cvieća različne liepote,
Sa vrstima uviek vrsti nove,
A čim dalje, tim veće krasote
Pogled javlja udivljenom oku...
.....
Sve to cvieće to su sve radosti
Proniknule iz slavjanskog truda,
Al prie mnoge smrvit će se kosti,
Iztrunuti mnoga srca tuda,
Usahnuti mnogo krvi srodne,
Dok sadašnja Slavska zemlja huda
Pretvori se u te njive plodne!
P. Preradović.

Каковы же эти внутренние и внешние условия, необходимые для выхода греко-славянского или славяно-греческого мира из его во многих отношениях далеко неприглядного настоящего в лучшее, светлое будущее?

В самом деле, кто из нас, положа руку на сердце, может решиться сказать, что все в нашем мире обстоит благополучно и ничего особенного нам не требуется? Напротив, у греков, у румын, у всех славян на юге и западе, наконец в России, в духовном просвещении, в образованности, в общежитии, в сфере государственной замечается такое множество грехов, недостатков, прорех и изъянов, всяческих непорядков и недоразумений, что, вообще и строго говоря, наш мир далеко

еще не заслуживает названий просвещенного, образованного, благоустроенного. Более миллиона мусульман имеется в самом славянстве, среди сербов и болгар, несколько десятков тысяч среди греков, на острове Крите, не одна сотня тысяч среди албанцев. Как слабо еще утвердилось христианство среди множества крещеных инородцев наших и какой еще нередко вещественностью отличаются господствующие воззрения на христианство, на веру, на Церковь, как среди интеллигенции, от Церкви отвернувшейся и ей преданной, так и в миллионах простых православных людей, русских, сербов, болгар, румын, греков, грузин, албанцев, сирийцев! Как сильно еще ультрамонтанство, какой еще властью и влиянием обладают иезуиты в славянских католических землях! В Австро-Венгрии, особенно в Цислейтании, династия и центральное правительство видят в иезуитах главную себе опору и оказывают им свое покровительство. В этом отношении против конца прошлого и начала нынешнего столетия, когда у поляков видим Конарского, Сташица, Красинского, Воронича, у чехов — Добровского, Прохазку, Гая и Гурдалека (оба епископа), Дуриха, Пухмира, Марка, Фессля, Больцано, Камарита и пр. и пр., можно заметить не один, а несколько шагов назад. Как велика еще безграмотность среди большей части наших народов! Как вообще еще мало у нас школ, но и где их относительно много и где большей частью они лучше заведены, как, например, у чехов, как дурно обеспечено сословие учительское! Как вообще еще низко стоят наши школы, низшие, средние и высшие! Как бедны еще литературы — народная, общеобразовательная и научная у нас, русских, у всех славян (за некоторыми исключениями, — у иных славян отдел народной литературы возбуждает в нас справедливую зависть и должен бы для нас, русских, служить образцом), у румын, у греков! Как еще слабо у всех у нас развито народное самосознание! Как еще мало мы знаем свое прошлое, настоящее наших стран и народов и их взаимные отношения, наши природные богатства, и как вообще слабо, за весьма немногими исключениями, они у нас разрабатываются! Какая еще в огромнейшей части нашего мира господ-

ствует смертность детей, какая беспомощность против частых всякого рода повальных болезней на людей и на скота, какие ежегодно почти происходят потери народных сил и имуществ от пьянства, пожаров, саранчи, сусликов, филоксеры, от дикого истребления лесов, от засух и голодовок, разливов и обмеления рек, от бездорожья и всяческих беспорядков на наших земляных и водяных путях сообщений, столь дорого стоящих государствам и народам! Где такая дорогая администрация, с таким множеством неспособных, несведущих и недобросовестных исполнителей и всякого рода пустых формальностей, что задерживают ход всякого дела к не избавляют часто ни от каких злоупотреблений, где, как не в нашем же мире, будь то в конституционных (Венгрия, Румыния, Греция, Сербия) или неконституционных государствах?

К числу крупных исторических событий XIX в. в нашем греко-славянском мире принадлежит освобождение двух единоверных и двух единоверных и единоплеменных России народов и образование пяти государств, из коих одно не вполне независимое (Болгария): королевств Греческого, Румынского, Сербского, княжеств Черногорского и Болгарского. Влиятельное участие России в этих событиях слишком известно.

Менее заметно, но немалозначительно было ее влияние, хотя и несколько бессознательное, на выделение в 1867 г. Венгрии с Хорватией и Славонией почти в самостоятельное государство. Правительству австрийскому не осталось безызвестным, как различны были отношения в 1849 г. венгерской революционной армии и огромного большинства венгерского населения к русской и австрийской армий, к русским и австрийским властям. О тогдашних, добрых, сочувственных отношениях мадьяр к русским и о надеждах мадьярских на Россию мы имеем достоверные свидетельства как мадьярских (недавно изданные записки Гергея), так и русских участников кампании 1849 г. Этот факт одинаково выступает и в устных рассказах русских военных людей, и многих венгерцев, любящих об этом вспоминать в беседах с русскими туристами, посещающими Венгрию или встречающимися с венгерцами на

чужбине. В Австрии, особенно в Вене, хорошо известно, как тогда, и раньше и позже, относились к России и к русским румыны в Трансильвании и восточной Венгрии, русские и словаки в северной, сербы и хорваты в южной Венгрии. В Вене хорошо помнили и знают об отношениях к России большинства венгерского населения, не только румынского и славянского, но и мадьярского, в начале нынешнего столетия, когда в Венгрии супругу палатина Иосифа, Александру Павловну, громко величали королевой венгерской, что и возбудило к ней в Вене глубокую ненависть и было причиною страданий и преждевременной смерти этой несчастной молодой женщины. История русская, венгерская и австрийская хранит память и о тайных сношениях князя Ракоция с Петром Великим, когда князь посылал к Петру венгерско-русского мукачевского епископа для переговоров о поступлении под верховное покровительство русского царя*.

После Вилагоша Австрия стала серьезно опасаться русского влияния в Венгрии не на одних румын и сербов или русских, словаков и хорватов, но и на мадьяр. Вследствие поведения Австрии в Крымскую войну, отношения к ней русско-

* См.: Памятники новой русской истории (изд. Кашпирева. Спб., 1872. Т. II. С. 47—67) — наша статья «Пребывание великой княгини Александры Павловны в Угрии» (1799—1810). О сношениях Фр. Ракоци с Петром см.: Fiedler, Actenstucke zur Gesch. Fr. Rak. — в Font. rer. Austr. pag. IX—XVII, Соловьева — «Ист. России», XV, с. 210 и сл., «Воспоминания о Венгер. пох. 1849 г.» А. М. Фатеева — «Русск. беседа» 1858. г. Л. в «Москвитянине» 1856 г. По поводу выхода записок Гергея Pester Loyd высказал след.: «Русские во всем этом деле вели себя так благодушно, что они вызывали все, только не чувство мщения. Кошут так мало чувствовал страха перед русскими, что он думал даже предложить венгерскую корону Царю, а венгерские офицеры, совершенно не шутя, помышляли о поступлении на службу в русскую армию, и австрийское правительство делало серьезные представления Паскевичу по поводу братания русских и венгерских офицеров. Если в это время поднималась в Венгрии злоба, то исключительно против Гайнау, отдававшего под суд генералов, не только положивших оружие перед русскими, но и передававшихся ему самому. Если в Венгрии и эта злоба давно уже угасла, то мадьярская ненависть к русским из-за Вилагоша должна быть отнесена в область чистейших басен. Представление материала для опровержения этой басни составляет заслугу труда Стефана Гергия («Слав. Изв.» 1888 г. № 8. С. 101)».

го кабинета после Парижского мира, естественно, не могли быть дружелюбны. При всем нейтралитете России в франко-австрийскую и прусско-австрийскую войны, русское государство явно недвусмысленно благоприятствовало Франции, Пьемонту и Пруссии и тем немало содействовало поражениям Австрии при Сольферино, Садовой и Кенигсгреце. Значительно в то время освобожденная, русская печать, на которую уже начали обращать внимание и за границей, принимала живейшее участие в наступившей, после Виллафранкского мира, борьбе Венгрии с Веной за автономию и историческое право. Наша печать громко и решительно высказывала тогда свое сочувствие мадьярам и их вождям Деаку и Этвешу. Такое сочувственное отношение России, общества и правительства к Венгрии оказало в то время немалое влияние и давление на Вену. Она была принуждена 25 лет назад заключить наконец договор с Венгрией, приняв начала дуализма и разделив прежнюю Австрийскую империю на две части: — на Цислейтанию и Транслейтанию, в надежде наконец успокоить недовольных, враждебно настроенных венгерцев и хорватов, дабы, вновь привязав их к себе, сохранить за собой земли венгерской короны, на усмирение коих, в случае нового восстания, у Австрии, разбитой французами и пруссаками, своих сил не хватало, а на вторичную помощь русскую нельзя уже было рассчитывать.

Так, невозможно отрицать значительной доли влияния России на образование нынешней венгерской самостоятельности. В то время мадьяры, в лице Деака и Этвеша, вполне, кажется, искренно желали удовлетворить справедливые требования румын, сербов и других славянских народностей Венгрии. Мадьярам верило большинство венгерских славян, не могли не верить и мы, русские. К сожалению, мадьяры не оправдали этих надежд; закон о народностях остался мертвой буквой. Мадьяры не обнаружили нужной выдержки и самообладания, не выказали достаточного политического смысла. Вена, двор, армия, большинство Цислейтании никогда не могли искренно примириться с этим почти насильно вырванным у них дуализмом. Теперь она может быть довольна зарвавшимися мадьяра-

ми, возбудившими против себя всеобщее недовольство, вражду в румынском, славянском и немецком населении Венгрии. Раздраженные, сплачиваемые гнетом мадьярского шовинизма, ее народности уже начинают обращаться к королю-императору с ходатайствами о высочайшей защите их от мадьяр. Дурное финансовое состояние (с лишком полтора миллиарда гульденов долгу), экономическое разорение и положительно скверная администрация, которую сами мадьяры всех партии единодушно называют невозможной, азиатской, приготовят наконец Венгрию к тому психологическому моменту, когда ее король, он же австрийский, цислейтанский император, верховный вождь всей австро-венгерской армии, при сильной поддержке всей почти Цислейтании и всех немадьяр транслейтанских, объявится вынужденным выступить на защиту обижаемых народностей Венгрии. В мадьярах немало доброго и сочувственного; мы первые станем скорбеть о потере венгерской автономии, но, конечно мы, русские, не можем сочувствовать и радоваться замышляемому мадьярскими фанатиками полному омадьярению наших русских, прочих славянских братьев и наших единоверцев — румын. Нынешние отношения Транслейтании к Цислейтании имеют характер переходный. Они должны повести или к старому подчиненно венгерцев Вене, или к совершенному их отторжению от последней. Первое нужно австрийскому и католическому германизму, династии, которая никогда не покинет мысли о великой, назначаемой ей католицизмом, роли в Германии и для того нуждается в сильной армии и более централизованной администрации в своей монархии. Все, что теперь творится в Германии, только поддерживает и разжигает эти надежды древней гордой немецкой династии. Она не может примириться с постыдным ее изгнанием из Германии, где у нее столько единоверцев, друзей и союзников, непрестанно по ней вздыхающих: партия центра в Германии и все, что в ней не терпит Пруссия. Второе, кажется, не нежелательно и всем народностям Венгрии, разве за исключением немецкой; но саксы трансильванские живут слишком далеко, а прочие немцы слишком рассеянно, нескученно.

Понятно, зарываясь в своем шовинизме, мадьяры заставляют румын и славян венгерских, в видах собственной безопасности, желать теперь возможно большего сокращения венгерской автономии. Появление между мадьярами такого справедливого, благородного политического деятеля, как Мочари, внушает, впрочем, надежду, что мадьяры сознают свою вину и поймут наконец, кому они играют в руку своими смешными, невыполнимыми притязаниями и жестокими отношениями к своим инородным *согражданам,* а не рабам, не илотам. Мадьярская народность сама по себе своеобразна, даровита, имеет, относительно говоря, уже довольно богатую историю и литературу: нет никакого основания опасаться за ее будущее. Некоторые славянские народолюбцы, в минуты вызванного мадьярскими шовинистами негодования и отчаяния, выражались, правда, что мадьяры рано или поздно должны потонуть в славянском море. Это пророчество осуществимо, конечно, но лишь при известной катастрофе, накликанной и навлеченной самими же мадьярами. Но такое событие вовсе нежелательно, совершенно не в интересах всего греко-славянского мира. Для будущей его цивилизации, для ее полноты, богатства и наидольшего будущего желательны сочность и разнообразие. Внутри нашего мира уже явились в наш век, на юге и на севере от Дуная, отдельные национально-политические организмы; за ними, Бог даст, в ближайшие десятилетия последуют и возникнут еще новые из народов, некогда имевших, подобно Венгрии, свою самостоятельную историю. Государства эти пали от неуменья совладать с непосильными для их народов задачами, а никакого великого, сроднего и доброжелательного им государства, как бы их оплота и защиты — застои за ними в то время не стояло. Но народности эти сохранились, и могут уже найти себе более для них удобные политические организации. Пусть славянство в нашем мире преобладает, но оно само распадается на несколько разновидностей — исчезновение их отнюдь нежелательно; в нашем мире имеют свое определенное место, свое призвание и разные еще другие племена и народности, как греки, албанцы, румыны, мадьяры — их сохране-

ние и развитие в их собственных пределах, точно так же дело желанное, необходимое.

Влияние России сказалось и сказывается и на других внутренних делах Австро-Венгрии, хотя оно совершалось и совершается почти совершенно бессознательно, не только помимо, но и часто вопреки всем желаниям и намерениям русской политики и большинства русской интеллигенции. Можно даже сказать, огромное большинство русского общества и наших деятелей практической политики не признает этого влияния, вполне искренно его отрицает. Тем не менее признать его необходимо, не видеть его — было бы намеренным, жалким ослеплением, не пользоваться, когда понадобится, влиянием приобретенным и рост имеющим — просто безрассудно.

Нынешнее славянское движение в Австро-Венгрии, и особенно в Цислейтании (о Транслейтании мы уже говорили), имеет целью — достичь известной национально-политической автономии свержением с себя немецкой централизации и преобразованием или разложением австрийской монархии на отдельные группы возможно более самостоятельных земель и народностей. Так, чехи добиваются от Вены и династии признания исторических прав Чешского королевства (Чехия, Моравия, Силезия), — словенцы стремятся к образованию отдельной автономной области и к присоединению к Крайне и Истрии словенских частей Стирии, Хорутании (Каринтии), Горицкого графства. — Далмация северная, хорватская, хочет присоединиться к Хорватскому королевству, южная, сербская, кажется, больше мечтает о соединении с княжеством Черногорским, с освобожденной от Австрии Боснией и Герцеговиной, Галиция западная, в лице польского дворянства и духовенства, стремится ополячить Галицию русскую (восточную), мнит себя ядром будущего королевства Польского, чуть не от моря до моря, — русские в Галичине желают разделения Галиции на западную, польскую, с административным и национальным центром Краковом, и на восточную, русскую, со Львовом; далее они хотят административного соединения с русской половиной Буковины (другая ее половина, меньшая, — румынская). Все эти

стремления и планы славян цислейтанских еще очень далеки от своего осуществления; несмотря, однако, на постоянное им противодействие, — одни лишь польские планы Веной поддерживаются и подогреваются, — со стороны немецкого населения Цислейтании и династии, требования славян цислейтанских, их настроения по отношению к Вене становятся смелее и решительнее. Не таковы они были лет десять назад. Еще слабее, покорнее и мягче были славяне цислейтанские до введения дуализма, до автономии Венгрии, до изгнания Австрии из Германского Союза. Это изгнание помогло Бисмарку образовать Германскую империю с Пруссией во главе, страшно подняло национальное сознание и самомнение германских немцев. Но позорное изгнание Австрии из Германии подействовало ошеломляющим образом на австрийских немцев и на их старую гордую династию. Эти немцы вместе со своими Бабенбергами и Габсбургами были в течение веков важным, крупным фактором в общей немецкой жизни, образованности. Выброшенные вон из Германии, они испытали удар непоправимый. Расколовши себя на Цис- и Транслейтанию, Австрия выдала 2 млн своих немцев в полное распоряжение мадьяр. Часть австрийских немцев стала, пожалуй, не менее наших остзейцев, горячими поклонниками Пруссии, другая же их часть, строго католическая, крепко преданная династии, еще пуще прежнего возненавидела Пруссию за оскорбление, нанесенное их императору, бывшему главой Германского Союза, за борьбу, начатую вскоре Бисмарком с папой, за то, наконец, что этот же продолжатель прусской столь враждебной Австрии политики Фридриха II порвал разом все стародавние нити, связывавшие австрийских немцев в одно целое с милионами германских католиков. Словом, и австрийские немцы, и их национальная династия были совершенно выбиты из своей исторической колеи. Дабы отвлечь Австрию от католической Германии, дабы ее занять и затем вечно ссорить с Россией, выступая, когда понадобится, посредником и маклером той и другой, он направил взоры Австрии и ее династии на Балканский полуостров. Растерянная в поисках за новыми направлениями в своей политике, пугаясь

слишком сильно заявляемых частью своих немцев симпатий прусских, Вена стала заигрывать со славянами, сдала малопомалу всю Галицию в руки поляков и тем довела червонорусский народ до самосознания, вовсе для Австрии не выгодного, принуждена была сделать не великие, в сущности, но прежде немыслимые уступки словенцам и чехам и, казалось, уже совсем было поладила через старочехов с Чехией, как чешский народ лишил эту партию своего доверия и выслал в парламента младочехов, заговоривших с Веной языком, не слыханным от чехов никем из преемников Фердинанда II.

Это славянское движение в нынешней Австрии не слабеет, а разрастается. Оно ведет свое начало от возрождения совершенно было раздавленных Габсбургами и иезуитами в первой четверти XVII в. народностей. Они начали понемногу подыматься с появлением на северо-востоке колоссальной фигуры Петра Великого. Его неустанная деятельность, энергия, победа Полтавская, его поездки по Европе, приезды в Прагу, в Вену, сношения с волохами, греками, мадьярами, православными и католическими славянами Турции, венецианской республики и габсбургской монархии возбуждали сильное подозрение и опасения в венецианском правительстве и в Венском дворе*: среди сербов-лужичин (Бранцель), среди чехов (Голлар), дал-

* Граф Шенборн писал графу Волькре в Лондон 26 апр. 1717 г., что Веселовский (русск. резид. в Вене) требует у министров ответа неотступно (о пребывании укрытого императором Карлом VI царевича) и что «царь будет искать и требовать своего сына вооруженной рукой, — ожидая всего от его решительности (genio), цесарь приказывает спросить короля английского, «будет ли он защищать принца?» Тот же тому же Волькре писал в Лондон 28 апр. 1717 г.: «Не надо давать знать двору английскому, *что мы очень боимся царя* (Устрялов. Ист. Петра В., VI. Прил. С. 376—377). «Царь, не получив удовлетворительного ответа, может с многочисленными войсками, расположенными в Польше по Силезской границе, вступить и герцогство и там остаться до выдачи его сына; а *по своему характеру он может ворваться и в Богемию, где волнующаяся чернь легко к нему пристанет.* Необходимо как можно скорее найти средство к отпору, особенно заключением союза с королем английским. Наконец, не надо терять ни минуты в бездействии» (Устрялов. Ист. Петра В. VI. С. 392. — Протоколы Венск. конференции министров 18 (7) авг. 1717 г. по письму Петра от 10 июля списаны Устряловым в Венском Тайн. Архиве)...

матинцев, хорватов (Каваньин), сербов, среди румын, греков, мадьяр Петр имел уже восторженных почитателей. Они приветствовали в нем не просто великого человека или государя, а великого царя славянского, домина императора, Василевса христианского, главу новой Восточной империи, вождя греко-славянского мира, чаявшего свободы и новой политической, местной и общей, союзной организации. Исчезло отчаяние, явились надежды, униженные, забитые турками, латинами, немцами, греки, волохи, славяне, мадьяры почуяли и завидели прибывавшую им громадную силу «восставить вольность многих стран», по прекрасному, чисто пророческому выражению Ломоносова о России.

Неоднократные появления и стоянки русских войск в славянских землях Австрийской монархии в прошлом и в первой половине нынешнего столетия имели никем непредвиденное, но огромное возбуждающее влияние на совсем было заснувшие и примирившиеся с приготовленной им долей немецких плотов населения. Особенно важное значение имел проход через Австрию чудо-богатырей Суворова. Один из первых деятелей нового возрождения словенцев, Валентин Водник[5] горячо приветствовал русские войска, проходившие через его родину в Италии. В своем журнале *«Люблянске Новице»* (1797—1800 гг.) он писал в 1799 г. следующее: «Вот важная для нас, краинцев, новость! Русы, наши старые братья, посетили нас. Они идут защищать нас от неприятеля. Полторы тысячи лет назад первые словенцы пришли в наши края; они были из рода русов и других словенцев. Оттого мы так легко и понимаем русский язык. Они словенцы, по преимуществу, они корень, от которого пошли наши отцы. Они далеко поселились за Дунаем, пока самый крайний род не дошел до пределов Италии, тут поселились и назвали свою страну Крайнею. *Теперь мы видим своими глазами, каких могучих и великих братьев мы имеем на свете. Они сохранили наш язык в совершенной чистоте. К ним должны мы приближаться, если хотим очистить наш язык. И у них мы должны учиться, как надо защищать родину от врага».* Затем Водник перечисляет русские полки.

В другом месте Водник объяснил своим читателям, что крайнцы — одна ветвь великого славянского народа, который простирается от Адриатического до Ледовитого моря, от Чехии до Камчатки, — что для познания значения различных местных имен в Крайне нужно знать *московитарский язык.* «Краинский язык наиболее подобен *московитарскому,* более, чем всем другим славянским языкам. Московитари, то есть русские, много слов сохранили, которые нами позабыты или вышли у нас из употребления». Его земляк, Лингарт[6] (†1795), в предисловии ко второму тому своей «Истории Крайны» высказал между прочим следующее: «Славянское племя, занимая большую половину Европы, заслуживает глубокого внимания историков, мыслителей и государственных людей. Между народами Австрии славяне численно и материально преобладают. Если бы в государствоведении было принято именовать сумму соединенного населения, на котором почиет величие государства, по наибольшей однородной силе, то *Австрию следовало бы называть таким же славянским государством, какова Россия...* Дабы убедиться в этом, довольно пробежать взором земли от Адриатического моря до Венгрии, Галиции, Силезии, Моравии и Чехии, потом сосчитать славян и поразмыслить, что они составляют для Австрии и чем бы они могли быть»*.

Это сознание принадлежности каждой из малых славянских народностей Австрии к одному племени, к одному типу, к одному миру с русским народом, с Россией, великой и единственной тогда славянской державой, вносит отныне радость и утешение в душу немногих одиноких тружеников, взявшихся за тяжелый труд пробуждения и воспитания своих усыпленных и униженных долгим рабством народов. Сосчитывая число славян в Австрии и соображая географическое положение их земель, эти первые труженики высказывают: если верно, что сила и характер государств зависит от численности свойств преобладающих в них народов, то Австрия есть, или, собственно говоря, должна быть, должна стать та-

* Linhart Ant. Versuch ein. Geschichte v. Krain, Laibach, 1791. II, Vorrede.

ким же славянским государством, какова Россия; австрийский император был в то время еще германскими императором, а затем долго, до 1868 г., главою Германского Союза. Желание видеть Австрию государством славянским подразумевательно заключало в себе имевшее развиться в славянах австрийских стремление оторвать Австрию от Германии и возможно теснее сблизить ее или просто самим сблизиться с Россией.

Таким образом, с пробуждением славянских народностей Австрии, с развитием их местных словесностей должно было расти в них стремление ко взаимному познанию и сближению их внутри Австрии, а вместе и к наибольшему ознакомлению с русским языком, литературой, к сближению с русским народом, с Россией.

В 1830-х годах словак Ян Коллар[7] развивает учение свое о славянской взаимности и подробно излагает программу дальнейшей деятельности как для австрийских, так и для прочих славян в этом направлении. В своих сонетах «Slávy dcera» Коллар уже требует не только взаимности, но и единения всех славян.

Стократе сем млувил, тедь ужь кричим
К вам, о роскидани Славове,
Будье целек, а не дробтове,
Будье анеб вшецко, анеб ничим.

«Сто раз я говорил, теперь уже кричу вам, раскиданные славяне! Будем целое, а не куски, будем всем или ничем».

В другом месте Коллар представлял себе целое славянство в виде статуи: «Россию я бы вылил ей в голову, телом бы в ней были ляхи, плечами и руками Чехия, Сербию бы я разделил на две ноги. Меньшие ветви, виндов (словинцев), ужичан, хорватов, слезаков, словаков растопил бы я в одежду и оружье. Перед этим истуканом вся Европа могла бы пасть на колени, и сама выше облаков, одним шагом она поколебала бы землю».

Внешнее могущество России, представляемое в Европе каким-то пугалом и страшилищем, радовало славян: не имея

вовсе или лишенные своих государств, порабощенные Германией, объявляемые немцами за низшую, служебную расу, они не могли не дорожить внешней государственной силой единственного народа славянского. Даровитый чешский публицист Гавличек[8], живший в России, знавший ее хорошие и дурные стороны, говорил в начале 50-х годов: «Что вы нас, немцы, стращаете русским кнутом (russische Knute); для нас, славян, он предпочтительнее и лучше вашей немецкой свободы»; — «вы нас, немцы, называете певцами и флейтистами. Да, мы, славяне в Австрии, все еще пока бедные певцы и флейтисты, но у нас есть богатый дядюшка, он играет на контрабасе и такую творит музыку в Европе, что часто всех заглушает. Еще недавно бас его играл очень любезно (венгерская кампания 1849 г.), и без него, вероятно, прежнее Miserere не перешло бы в нынешнее Te deum laudamus. Из этого можно заключить, что дядюшка наш смыслит в политике, а так как он тоже славянин, то... quod erat demonstrandum». В другой раз, оставив свой шутливый тон, Гавличек замечал об Австрии, что ее целость и сохранение не нужны ни немцам, ни мадьярам, ни итальянцам, ни румынам. Для них было бы даже лучше, если бы Австрия распалась. Только славяне, — прибавил он, — не имеют такой перспективы. «Если бы Россия была державой свободной, то и славяне австрийские, подобно немцам и итальянцам, могли бы стремиться к соединению со своими соплеменниками, чтобы составить один великий народ и, образовав громадную славянскую державу, занимать первейшее место между всеми народами мира». Это писал Гавличек в 1849 г. Около же этого времени, более его глубокий, свыше вдохновенный, самоотверженный, гениальный словак Людевит Штур написал свое знаменитое послание: «Славянство и мир будущего», ставшее известным свету в русском лишь переводе в 1867 г. Здесь он прямо высказывается, как позже Данилевский («Европа и Россия»), против необходимости Австрии и вместе против непосредственного присоединения к России западных славян, но за образование союза с ней (федерации) всех малых славянских народностей, с сохранением их внутренней политической самостоятельности.

Известное мнение Палацкого, высказанное им в 1848 г. о необходимости для славян австрийских Австрии, как оплота, с одной стороны, против Германии, с другой — против России, было впоследствии времени значительно изменено самим же Палацким.

В 1864 г., по поводу слов Шмерлинга и Этвеша[9] о собрании во Франкфурте, в органе Палацкого, газете «Народ», было сказано: «Если немцам в Австрии позволительно толковать об общенемецком парламенте во Франкфурте, то никто нам не запретит повести речь о русском парламенте всех славянских народностей» («Narod». 1864. № 262). В своем «Doslov'e» (1872 г.) Палацкий писал: «Исторические события с 1848 по I860 г. очевидно доказали, что как вообще у славян австрийских, так у чехов в особенности, идея федеративного их соединения под наследственной властью укоренилась в мыслях всего народа так глубоко, что для осуществления и сохранения ее они охотно принесут всякого рода тяжелые жертвы. Не знаю, будут ли еще всегда к тому готовы и после падения системы Гогенвартовой (под чужим внушением); почти в этом сомневаюсь. По крайней мере, после стольких обманутых надежд, при ежедневно растущих преследованиях, было бы противоестественно, если бы все еще желали помогать исконным своим угнетателям вылезать из беды, в которую они скоро падут; в этом я достаточно убежден. *Я сказал, что не верю в великое (walné — общее, широкое) будущее Австрии, особенно с той поры, как немцы и мадьяры создали из нее грубую племенную деспотию: в таком случае вопрос, что вообще будет со славянами, до сего времени австрийскими, и особенно с чехами, не лишен в этом отношении важности. Не пускаясь во всякого рода возможности, коих никому из смертных нельзя предвидеть, с полным убеждением скажу только, что чехи, как народ, подпади они в совершенное подчинение или подданство русского или прусского государства, никогда бы не были довольны своей судьбой. Они бы никогда не забыли, что, по исконному праву, они имеют быть подданными лишь самим себе, то есть своему собственному*

правительству, своему собственному государю. Пруссаков, за их германизационную фурию, они могли бы считать лишь за главных неприятелей и врагов своей народности. Что же касается русских, то было бы совершенно наоборот. Им, как единокровным родичам, друзьям и пособникам своим, чехи стали бы наивернейшими, не подданными, но союзниками, а когда бы понадобилось, и передовым их полком (авангардом, předvoji) *в Европе».*

Кто же из русских людей может и станет когда-либо ожидать и желать от чехов чего-либо иного, чего-нибудь большего? Так теоретически чешский вопрос может считаться вполне разрешенным, лишь бы только чехи так всегда думали. К сожалению, и после 1870, и после 1879 гг., а не только после 1867 г., разные чехи там и сям повторяют еще фразу Палацкого (1848 г.) о необходимости Австрии как оплота против России, что заставляет русских считать чехов австрийскими патриотами. Австрийский же патриотизм не вяжется со славянством в головах и сердцах не только русских, но и славян транслейтанских, свободных болгар, сербов и несвободных сербов Боснии и Герцеговины.

Когда на торжественном приеме в Беловаре австрийский император и венгерский король дал резкий выговор епископу Штросмайеру[10] за его известную телеграмму в Киев (15 июля 1888 г.), то орган графа Таафе «Presse» писал следующее: «И не в одной Хорватии и Славонии, но и в Боснии и в Сербии, и в Черной Горе, *и в России* этот выговор будет иметь *действие отрезвляющее.* В этих землях уже не дерзнут более сомневаться, смеет ли католический епископ в Австро-Венгрии почитать панславизм, смеет ли он *со славянской литургиею и иными фантасмагориями* проводить политику на свою руку и выбирать себе союзников, где хочет». — В ответ на это орган партии Штросмайера, хорватская газета «Obzor» написала, между прочим, следующее: *«Славяне* (т. е. хорваты и австрийские славяне) *любят Россию и всегда будут ее любить, как баварцы и саксонцы любят Германию* (т. е. Германскую империи) ». Этот номер был затем конфискован.

Впрочем, справедливость требует заметить, что и поныне раздаются в Австрии голоса между славянами (старочехами, старословенцами, поляками, известною русско-галицкой партией Романчука), в сотый раз кстати и не кстати повторяющие старое, столь верно оцененное Штуром, положение о необходимости для славян Австрии. При этом они распинаются перед Веной в любви и преданности народов славянских к Австрии, о полнейшем их равнодушии, даже ненависти к России. Вена, довольная, выслушивает эти уверения, хотя сама же обыкновенно их вызывает и заказывает, благодарит за них и утверждает, что в них никогда, даже при Фердинанде II, не сомневалась. Тем не менее она хорошо знает, что славяне австрийские, пробужденные их массы, умнейшая и честнейшая часть их интеллигенции Австрию действительно ненавидят, а Россию любят, ею гордятся и от нее все чего-то ожидают... Они любят ее, кто как умеет, хвалятся и дорожат ею, не зная часто многих ее добрых сторон и ее настоящих внутренних сил, постоянно слыша и читая об ее действительных или даже вымышленных пороках и недостатках. Оно и понятно: только безумец славянин может не понимать, не предвидеть, что сталось бы со всем славянством, если бы Россия пропала, исчезла с лица земли или обратилась в нынешнюю незначительность всего остального славянства без России.

Такого политического, и более, чем политического, влияния самого бытия и роста России на Австрию, на славян австрийских, с начала их пробуждения до настоящей минуты, отрицать невозможно. Нельзя сомневаться, что такое влияние будет только расти, а не умаляться. Но одна политика в жизни народов далеко не первой важности дело. Ее значение в истории, скорее, второстепенное или третьестепенное. Самая сила и прочность политического влияния одной стороны на другую определяется другими условиями, и от них главнейше зависит. Сверх политического влияния России на политическое развитие и положение славян австрийских, и особенно цислейтанских, нужно отметить другое влияние России, негромкое и неяркое. Оно проникает тихо, незаметно,

действуя сначала на немногие единицы, затем через десятилетия на некоторые там и сям группы, в пять, десять человек, наконец, опять не за одно десятилетие, уже на сотни людей и более. Здесь мы разумеем заметное распространение знания русского языка и возрастающее влияние русской литературы, а также влияние чисто духовное — ознакомление с православием и развивающееся к нему между славянами иноверцами сочувствие, насколько оно подготовляется русским посредством, через изучение русских богословских трудов, русской церкви, истории, народной жизни.

Это последнее влияние для многих незаметное; где оно действительное и глубокое, само собой оно не выдается вперед и не лезет напоказ, избегает шума и демонстраций. Это влияние принимается и развивается сильнее в тех странах славянских и в тех классах их населения, где живее хранятся предания кирилло-мефодиевской проповеди, где простой народ крепче держится старославянских нравов и обычаев, чувств братства, общинных, где в близких к народу духовенстве и интеллигенции чтится память Гуса, Иеронима, братьев моравских, с их последним епископом, великим Коменским, с ужасом и отвращением вспоминается о подвигах возрожденного католичества и его милиции иезуитов, я вообще везде, где иезуиты не успели вытравить в душах обращенных поколений чувства правды, веры и любви, где не считаются материализм в теории и опортунизм в практике высшим руководящим началом.

Это влияние России прошлого и нынешнего столетий на различные страны Среднего мира обличает известную внутреннюю культурно-историческую связь и сродство этих стран и народов с Россией. Это влияние России было благотворно и глубоко преимущественно там, где Россия выступала массой, где русский народ так или иначе проявлял свою силу, когда нельзя было без него обойтись, — например, армией, флотом, языком, народной поэзией. Менее сильно, менее глубоко и, откровенно говоря, вообще менее благотворно было влияние русской школы, образованности и литературы. И это

влияние было двоякое. Есть тут и явления утешительные и отрадные — таково влияние наших великих писателей, поэтов, художников, наших лучших ученых, историков, археологов, филологов, и их трудов по русской, византийской, славянской истории, археологии, языкознанию, славяноведению. Но это влияние не было всеобщим, не одинаково простиралось на все страны и народы; оно почти миновало греков, румын, неравномерно и не единовременно разливалось по целому славянству, и в нем действовало на некоторые лишь общественные слои и кружки. Наша школа, наша образованность и литература производила также и довольно жалкое влияние. Иначе, впрочем, и быть не могло. Русская школа, как народная, так средняя и высшая, находится еще в положении далеко не блестящем. Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключением немногих добрых и светлых явлений, страдают еще великими пробелами, недостатками, даже крупными пороками. В нашей школе, в нашей образовательной и ученой литературе, в русской образованности вообще еще очень мало здорового, сочного, своего, русского, национального. Рядом с немногим сравнительно светлым и хорошим, что в них имеется, сколько еще в них близорукой, ограниченной подражательности! Еще сильна в нас, русских, непривычка думать своим умом и работать самостоятельно, еще в наших знаниях, в наших работах всякого рода, в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, на государственной и общественной службе, в литературе, науке в значительной доле участвуют невнимательность, не сосредоточенность, неряшество, разгильдяйство и, можно даже сказать, нередко настоящая недобросовестность. Мы доселе еще любим хватать знания на лету, запускаем или спешим свалить всякую работу, не любим и не умеем вынашивать наши мысли, обрабатывать наши труды, доводить их до возможно чистой отделки. Наша школа и общественная жизнь не дают юношеству и молодежи должной нравственной и умственной выправки и самообладания. Мы все любим обвинять русского крестьянина, ремесленника, мастерового, нашу прислугу в неисправности и в неаккуратности, обыкновенно

противопоставляя русскую работу немецкой, русского человека немцу. Но дело в том, что наши большие землевладельцы, наши администраторы, литераторы, художники, ученые, по большей части, страдают теми же и еще другими недостатками. Жизнь по средствам — по одежке протягивать ножки, не тянуться за соседом, не бросать денег даром направо и налево, не стыдиться бедности, не прибегать без нужды к помощи прислуги, не делать долгов, а, сделавши, исправно платить их: «и не плати своих долгов по праву русского дворянства» — все это в нашем дворянстве, в столичном и провинциальном чиновничестве, — большей частью, по остроумному замечанию Ю. Ф. Самарина, дворянин у нас — тот же чиновник в халате, а чиновник — тот же дворянин в виц-мундире, — считается у нас со времен Грибоедова умеренностью и аккуратностью — Молчалинскими добродетелями, едва ли не подлостью и чуть ли не всегда признаком бездарности. Все эти дрянные стороны русской жизни у иных, людей *национального* направления, признаются коренным свойством славянской широкой натуры, у других — направления *европейского* — порядочность и исполнительность, строгие отношения к обязанностям — считаются презренным филистерством, буржуазностью. Администрация наша, столичная и провинциальная, еще поныне славится своей неточностью, неисполнительностью и халатностью, по крайности в отношениях к мелкой публике и к народу. Главный расчет германских военных стратегов в будущей предполагаемой войне с Россией основан именно на неряшливости и неисправности как железнодорожных, так и прочих наших органов управления. Те же грехи отличают, по большей части, нашу печать, литературу, науку. Книга наша печатается еще большей частью неизящно, нечисто, со множеством опечаток. Русские переводы — литературные и научные — часто кишат неверностями, искажениями смысла подлинника, нередко даже намеренными, в видах консервативных или радикальных, а чаще всего вследствие поспешности или далее невежественности переводчика и небрежности редактора, с известным именем. Русские ученые труды еще нередко выдаются своими неточ-

ностями ссылок, приводимых текстов, таблиц и пр. Наша журнальная критика давно уже славится своей размашистостью и развязностью, бесстрашной резкостью приговоров и, отчасти уже бессознательной привычкой — такова сила традиций — неверно передавать содержание и смысл разбираемой статьи, книги или отдельных ее мест.

Словом, все это недостатки — общие всем сторонам русской жизни. Они, конечно, вытекают не из каких-либо коренных свойств русской или славянской природы, а составляют принадлежность нашей в значительной степени ложной образованности. Привитая исчужа, насильственно, по приказу, она вырастала на крепостном праве, долго была и отчасти поныне остается образованностью показной, искусственной. Образованность эта, которой подчас так хвалятся и наши консерваторы, и наши радикалы, причем те и другие часто указывают, с понятной им только гордостью, на совершенно разные имена и явления, все еще образованность не настоящая, мало оригинальная, скудная творчеством, как есть мало народная, так сказать, совсем не в версту такому великому, своеобразному народу, каков русский. Конечно, русская поэзия, музыка, живопись, — гораздо меньше скульптура, зодчество, — русская наука, — впрочем, далеко, далеко не по всем отделам и отраслям, — блещут уже несколькими великими и славными именами, представши уже несколько прекрасных созданий и памятников. Но огромное большинство русского общества едва ли вообще верно оценивает всю эту работу русского таланта и гения. Часто, не видя и не замечая настоящей русской силы, оно поклоняется разным понаделанным кумирам и дутым славам, восхищается созданиями русского пустоцвета, с легким сердцем и бойким полузнаньем живо переносившего к нам все болезни стареющих обществ.

При таком состоянии русской школы, литературы и образованности еще долго нельзя ожидать, — едва ли даже нужно об этом и жалеть, — признания русского языка общим языком всего славянства, не в потенции, а в действительности. Наша образованность мало еще отвечает потребностям и за-

дачам России, мало опознала духовные и насущные нужды славянства, всего нашего мира, где ей досталось первое место. Образованность наша изобилует всякого рода ложью, болезненными наростами и недугами, обычными приматами полуварварских обществ, наскоро, без разбору прививавших себе старые цивилизации.

Для стран и народов нашего мира, покоренных немцами, вся подражательная сторона нашей литературы и образованности имела мало значения, разве только безнародная часть их интеллигенции могла примером России себя утешать и оправдывать, как славяне латинизованные утешают и оправдывают себя примером славян-униатов, ибо между унией и внешней, подражательной образованностью России и прочих православных земель есть тесное внутреннее сродство. Уния — западничество — европеизм в нашем мире состояние переходное. Оно ведет или к полному отречению от родных основ, или к сознательному их возврату. Но на бывшее под властью турок славянство, еще более нас невежественное, гораздо меньше нас образованное и вследствие единоверия гораздо более к России привязанное, наша школа, литература и образованность имели влияние довольно сильное. И надо признаться, в этом влиянии нашем рядом с известным благом было много дурного и гибельного. Много сербов и болгар, проведших свою юность и первую молодость в России или у себя на родине воспитавшихся на разных русских книжках русской и заграничной печати, прививали себе разные болезни русской интеллигенции тем легче, чем больше их предрасполагала первоначальная невежественность и полудикость. Сильный организм могучего народа, уже заявившего себя великими созданиями и крупными явлениями в художествах и науке, конечно, легче справится и совладает с разными наносными болезнями, при известных условиях свободы и просвещения, скоро переварит, себе в пользу и во благо, самые иначе ядовитые вещества. Гораздо труднее перенести их малым и неокрепшим силам таких стран и народов, как Греция, Румыния, Сербия, Болгария. Относительно трех первых умными наблюдателями, английскими,

немецкими, французскими, давно замечено, а относительно Болгарии замечается теперь, что после освобождения этих земель от турок народные нравы, внешнее благосостояние и разные общественные и административные порядки в иных отношениях, сравнительно говоря, упали, ухудшились, испортились, что при турках в этих странах то, другое и третье было иногда лучше, порядочнее, применительнее к народным нравам и обычаям, дешевле и честнее, чем впоследствии, при их национальных прогрессивных, либеральных, консервативных правительствах*.

Будем справедливы и опознаем такие же печальные явления, только в более грандиозных размерах, и в русской исторической жизни за последние 200 лет. Укажем лишь в нашем просвещении и общественной жизни — нигилизм, с развитием его в конце шестидесятых и семидесятых годов в самый дикий анархизм, в народном хозяйстве — экономические бедствия, вроде нынешнего положения семнадцати губерний, с 30 млн жителей, в политической сфере — совершенно неожиданное и непредусмотренное нами заключение нашим «верным и добрым другом и союзником», Пруссией, Тройственного оборонительного и наступательного союза с Австро-Венгрией и Италией. Только людям очень легкомысленным и недальновидным может казаться, что эти пороки и прегрешения русской духовной, хозяйственной и государственной жизни ведут свое начало от реформ прошлого царствования и корнями своими восходят к концу 50-х и началу 60-х годов нашего сто-

* Прекрасный труд г. Карича «Србија, опис земље, народа и државе» (Београд, 1887) представляет превосходную диагнозу внутреннего развития Сербии за последние лет пятьдесят. Подобные же злосчастные ошибки и печальные явления в народной жизни совершались и в Греции, и в Румынии, в новейшее время совершаются в Болгарии, здесь не без значительной, впрочем, вины со стороны русских легкомысленных ее организаторов. Перенесение чужих форм жизни никогда не проходит народам безнаказанно. Все это многим у нас кажется выдумкой славянофилов. Они, по недавнему остроумному замечанию «Вестника Европы», никогда логикой не отличались. Относительно Греции за первые тридцать лет ее независимости см. замечательную многими подробностями книжку: «Le gouvernement et l'administration en Grèce depuis 1833 par un témoin oculaire. Gênes, 1863».

летия. Нет, корень зла вовсе не тут. Он лежит гораздо глубже. За последние двести лет жизнь наша развивалась крайне односторонне, шла почти постоянно ложными дорогами. Дух человеческий, мысль, совесть, свободу воли, идею Бога, веру, христианское учение, Церковь мы ценили, поскольку они казались полезными для временных, земных целей внешнего порядка и благочиния, для нужд государственных. Мы более всего помышляли об окружности, а не о центре, о коре и скорлупе вещей, а не об их ядре, о формах и наружности, а не о внутренности. У себя в домах мы более всего заботились об убранстве наших гостиных и парадных зал, а не о спальнях, детских, людских. Мы жили, что называлось, открыто, напоказ, для гостей «званных и не званных, особенно из иностранных», не задумываясь, хватит ли у русского народа, у России средств и сил на все эти наши и чужие забавы, потехи и развлечения. Безграмотная, невежественная, крепостная, полуголодная, спаиваемая кабаками — главным источником государственных доходов, — бездорожная, ежегодно опустошаемая пожарами Россия тратила миллионы на расходы часто самые непроизводительные и бесполезные. Нас тешило и радовало, что северная Пальмира беспрерывно украшается роскошными зданиями, с великолепными казенными квартирами для разных военных генералов и действительных и просто тайных, действительных и просто статских советников*, имеет лучшие в Европе итальянскую оперу и балет, обладает роскошной кавалерией, с дорогими мундирами и конями, содержит целую немецкую академию, с жалованьем, наградами и квартирами про немецких ученых для исследования России, с изданием их сочинений на немецком языке, и сокращая до возможного minimum'а (в 1849 г.) число студентов в наших университетах, мы тут же не без гордости указывали, как на свою заслугу перед наукой, на издание двух словарей санскрито-немецких, одного

* Один из наших государственных людей, гр. Т. в бытность свою в Вене в 80-х или 70-х годах посетил тамошнего министра народного просвещения и был страшно поражен незначительностью и неудобствами его квартиры, о чем потом и рассказывал с величайшим удивлением.

малого, впрочем, довольно большого, и другого великого, за дорогое издание которого не брались ни Англия, ни Германия, ни Франция. Страшной же, бесполезной для России роскошью были и все ее войны в Европе за спасение тронов савойско-сардинского, неаполитанско-бурбонского, Габсбургов, Гогенцоллернов и разных других немецких князей, герцогов, их же имена одному Богу да разве немногим немцам известны. Если бы Россия при Петре III, Павле I и в первые годы царствования Александра I вовсе не увлекалась европейскими симпатиями, то, очень вероятно, мы бы не имели и войны 1812 г. Еще бы легче могла бы Россия избежать войны 1813 г., если б совет Кутузова был выслушан. Всячески, без этих войн и походов, без всех этих хлопот и забот о счастье и безопасности совершенно чужих, ни на что России не нужных, савойской, бурбонской, габсбургской, гогенцоллернской и прочих немецких династий. Россия, при больших помыслах и стараниях о своих внутренних делах, была бы теперь населеннее, громаднее, просвещеннее, сильнее, богаче, более уверенной и готовой к отражению замышляемого и снаряжаемого вторжения двух, а может, и всех трех армий Тройственного союза 1879 г., дабы отнять у России целые ее области по Западную Двину и Днепр, отбросить ее в Азию, где, в свою очередь, решено возбуждать против России Китай, Турцию и Англию. Да, полон глубокой для нас иронии этот союз Гогенцоллерна, Габсбурга и Савойца, охранение и усиление коих мы так долго считали в нашей мудрости одной из важнейших задач России. За девять лет до него мы не знали меры нашим радостям и восторгам по победам пруссаков. Масса солдатских Георгиев украсила груди победителей. Россия сразу приобрела четырех новых фельдмаршалов и четырех кавалеров Георгия I степени. Этот союз 1879 г., эти прусские планы будущей войны в союзе с Австро-Венгрией и Италией для раздела России бросают яркий свет на всю ложность пути, которому она следовала в течение почти всех последних полутораста лет как в своей внешней относительно Европы, так и внутренней по отношению к Прибалтийскому краю, по расселению и всяческому покровительству немецких колони-

стов в Привислинском крае, в северо-западной, юго-западной и юго-восточной России, наконец, вокруг Петербурга, вокруг Царского Села, Павловска, Петергофа и Ораниенбаума по насаждению, разведению и возвеличению немецкого элемента в центре русской администрации.

Будем справедливы и не будем упрекать за это наших государей и их ближайших советников. Они увлекались не одними личными и родственными симпатиями. Они увлекались вместе со всем образованным русским обществом, с начала 60-х годов прошлого века в особенности, той фикцией, что Европа есть всечеловечество, что образованность европейская есть образованность общечеловеческая, что она ничего не заключает в себе местного, условного, преходящего, национального, что отныне до скончания веков она есть и будет единая возможная вселенская образованность. В XVIII в. сама Европа крепко в это верила. О покорной, послушной России не задумывались, а Северная Америка еще не объявилась. Наши образованные русские люди с того времени единодушно полагали, что ничто европейское, никакие европейские интересы и злобы не могут, не должны быть чужды русскому сердцу. Они за счастье почитали, когда проливалась русская кровь, тратились русские деньги на пользу и благо Европы. Им никогда в голову не приходило, что исконный, первый и главный интерес Европы Карла Великого и его преемников вплоть до Наполеона I и III, до Вильгельма I и Фридриха III с их Бисмарком состоял в ослаблении, унижении, территориальном сокращении греко-славянского мира. Главной его представительницей Европа давно и справедливо стала считать Россию, чего сама Россия, особенно в лице ее вождей и высших представителей, долго (с исхода XVIII в.) не сознавала; еще дольше она не понимала историко-культурных и этнологических отношений между своим миром греко-славянским и собственной Европой, или миром романо-германским.

Не будем односторонни, отдадим должное нашим многолетним увлечениям Европой, ее цивилизацией. В этом увлечении, при всех его крайностях, было много прекрас-

ного. В нашей дани восторгов было много справедливого, истинно-человеческого: средневековая и новая Европа, романская и германская ее половины, в духовно-религиозной области, общежитии, в государственности, в искусствах, в науках, промышленности, торговле раскрыли столько богатства и величия духа, столько отваги и любви, создали такое множество разнообразных, чудных, несокрушимых памятников энергии, талантов и гения, что грядущие людские поколения во всех углах земного шара вечно будут с благодарностью вспоминать о великих подвигах Европы. Мы, русские, не заслуживали бы почетного имени арийско-христианского, не имели бы прав на великое будущее, если бы, после долгого отчуждения нашего, сойдясь поближе с Европой, не увлеклись ею до полного даже самозабвения и самоотречения. Но такое увлечение не могло вечно продолжаться. За этим периодом восторгов, когда рядом с прекрасным было не мало смешного и нелепого до уродства, должен был наконец наступить период отрезвления, спокойного разбора и оценки пережитого и перечувствованного. Сама Европа сознательно и бессознательно раскрыла нам разные пробелы, коренные недостатки, пороки и язвы своей цивилизации. Она же отчасти научила нас ценить и полузабытые, долго нами пренебрегаемые стороны и особенности нашего мира, разъяснила нам, как важно самопознание, всестороннее и сочувственное изучение своего народа, своей страны, Церкви.

Туго подвигалось это самопознание, еще поныне не мало видим последов старой подражательности, утратившей непосредственную, наивную свежесть и прежние разумные оправдания. Видя в недавнем еще прошлом много лжи и недостатков, русское сознание не проклинает, однако, путей, нами пройденных, и может указывать на иной лучший, истинно царский путь дальнейшего нашего развития. Нам понятно теперь, что долгое наше отчуждение от всего родного и святорусского, наше увлечение Европой до самозабвения и самоотречения зародило и воспитало в нас прежде не являвшуюся в русском человеке способность переноситься в чужие миры, сочувство-

вать их радостям и скорбям, понимать самые своеобразные стороны европейской жизни, чувствовать и оценивать глубочайшие создания национальных гениев разных европейских стран и народностей. И многое, что в свое время казалось нам прискорбным, ошибочным и вредным, в смысле русских народных интересов, предстает теперь в ином свете.

Два раза германский элемент играл преобладающую, руководящую роль, в первые и последние полтораста лет нашей истории. Он внес много личной силы, энергического почина, предприимчивости, смелости, ума и таланта в управление кормилом нашего корабля. Но прошлое германизма в России, особенно последнего периода, когда русско-немецкий элемент гораздо сильнее зависел от Германии, чем русско-варяжский от Швеции, Норвегии, Дании, показывает, что в истории человечества много великого и прекрасного, почти чудесного, творится бессознательно, что личный произвол и сознательная деятельность отдельных лиц или целой их группы, когда они духовно не связаны с народом, приводят нередко к совершенно нечаемым и непредвидимым результатам.

Таковы были полные удальства и отваги, но, в сущности, нелепые и для русского славянства вовсе ненужные, походы, предприятия Олега, Игоря, Святослава. Царьграда они не завоевали, взять его не могли и, взявши, ничего путного поделать с ним, конечно, не сумели бы. Восточной империи не разрушили, даже не ослабили. Ничего собственно из того, что замышляли, варяги не достигли, и ничего изо всех их замыслов стране, их принявшей, не было нужно. Но эти грабежи и набеги впоследствии оказались полезными Руси: они значительно сократили в ней, много в них понесший потерь, элемент варяжский, сблизили нас с Царьградом, открыли ему влияние на нашу страну, подготовили ее обращение в христианство. Память о подвиге германца Олега и легенда об его щите на стене Царьграда вошла мотивом в позднейшую область мечтаний и надежд, в круг идей, всего менее приятных и желанных германскому миру. Точно так же и новейшие наши думы и попечения, с конца прошлого и в первую половину нашего

столетия, о сохранении спокойствия, доброго согласия, мира и тишины в Европе привели к западноевропейской коалиции против России и к Крымской войне, а с лишком столетний наш культ Пруссии, увенчанный нашими восторгами 1870 г., довел до Тройственного союза 1879 г.

Разные предприятия этого времени были вызваны не русскими, а германскими нуждами и интересами. В какой степени были в самом деле благотворны последствия этой русской помощи для германизма, разбирать здесь не место: всячески неочевидны и спорны. Но подвиги суворовской армии, проход и стоянки русских войск в славянских землях имели несомненно великие, благодетельные последствия для возрождения славянства, положили начало освобождению его из немецкой неволи. Не обожай мы так Пруссии, она бы не двинула всей своей армии во Францию и поспешила заключением мира без отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. Так, на многие лета было нарушено единодушие и сердечное согласие Европы. В какой степени и как надолго выиграла от того Германия, мы, конечно, определить не можем, но для России сильная Германия, даже в Тройственном союзе, все же слабее целой Европы, если бы она дружно, единодушно ополчилась против нас. В 1853—1854 гг. Пруссия и Австрия со всей Германией были близки ко вступлению в открытый, деятельный союз против России. Как ни ослаблена Франкфуртским миром Франция, все же она составляет предмет больших тревог и забот усилившейся Германии. Не говорим уже о воспитательном значении объединения Германии для славянства в Австро-Венгрии и в прежней Турции, об изменении с того времени петербургских воззрений на немцев остзейских и вообще на немецкий элемент в России. Утрата с лишком столетнего могучего влияния в России — «дням таким уже не возвращаться» — едва ли когда окупится для Германии приобретением двух небольших, весьма недружелюбно к ней расположенных, провинций, одной из них даже вовсе не немецкой, с придачей глубокой, непримиримой вражды жаждущей мщения, дружбы и союза с Россией Франции.

Недостаток определительного сознания в цельном народе и обществе бывает обыкновенно источником слабости, ведет к печальным заблуждениям по ложным путям. Это ясно сказалось в истории нашего духовного просвещения. Трудно вкратце выразить все бесконечно благотворное влияние православной веры, Церкви на жизнь русского народа. Если наша Русь чем крепка и сильна, чем живет и движется, почему предстоит ей великое будущее, то, конечно, благодаря ее высокому просветительному началу. Все прочее, что нужно людям, само прилагается и приложится, ибо для человечества нет и никогда не будет ничего выше искания Царства Божия, царства вечной истины и совершенной любви.

Суровая природа, пространные равнины, леса, болота, исключительное почти занятие землепашеством, разным домашним и лесным промыслом, продолжительное незнание моря, воспитателя духа предприимчивости и умственной отваги, долго не развивали в добрых и способных славянорусских племенах ни пытливости мысли, ни бессонности ума, так рано отличавшей древних греков. В доброй славянской природе, в сельском быте русского народа было много предрасположения к сердечному восприятию христианства, но нам долго, слишком долго не давалась та подвижность и возбужденность ума, что никогда не оставляет духа человеческого в покое, будит в нем любознательность, требует от него строгого отчетливого разбора, что в его нравственном законе, в его правилах жизни и в его быту самое высшее и существенное, что случайно и условно, что необходимо для спасения и что безразлично.

Эта пытливость ума не могла развиться в древней и старой Руси от неимения настоящей, хорошо устроенной школы, с научным характером, с изучением греческого языка. Получив с принятием христианства готовые славянские переводы Священного Писания, богослужебных книг, отеческих произведений и проч., наши предки, при слабой любознательности, чувствовали мало охоты, еще менее необходимости изучать греческий язык. Так, древняя и старая Русь

имела в разные времена, — и сравнительно с каждым столетием больше, — людей, начитанных в обширной славянской переводной литературе; но людей научно-образованных, хорошо знакомых с подлинниками средне- и древнегреческой литературы, хороших учителей и школ в ней почти не было. В XVI и XVII вв. уже чувствуется в них потребность, являются разные попытки, но прочного и широкого успеха они не имели. Этот недостаток и даже отсутствие настоящего образования в древней и старой Руси (в Московском государстве) имели, как верно указывали Киреевский, Хомяков и подробнее раскрыл Голубинский Евгений в своей «Истории русской церкви»*, огромное влияние на понижение у нас общего уровня христианской мысли, а затем и христианской нравственности. «Невежество, — по прекрасному замечанию Киреевского, — отлучает народы от живого общения умов, которым держится, движется и вырастает истина посреди людей и народов. *От невежества разума, при самых правильных убеждениях сердца, рождается ревность не по разуму, из которой в свою очередь происходит уклонение разума и сердца от истинных убеждений».* У нас нередко обвиняют исключительно Московский период (XVI в.) и русских раскольников (конец XVII в.) в стремлении к внешней формальности, в смешении учения с обрядностью, духа с буквой, внешнего и изменяемого с внутренним и существенным. Но это стремление и это смешение начинает выступать еще в Киевской Руси в XI в. Довольно вспомнить, как преподобный Феодосий представлял себе различия православия и латинства. Правда, он указал на прибавку в символе веры (Filioque), но ни слова не упомянул о папской власти и ее притязаниях. Зато он подробно распространяется о том, что латины едят вообще «и удавленину и мертвечину и медведину и бобровину и хвост бобров», «и в субботу постятся», «и по-

* Как жаль, что остановилось дальнейшее печатание этого прекрасного труда, доведенного до конца XVI в.; эта остановка просто несчастие для нашего духовного просвещения, ибо труд Голубинского составляет истинное украшение русской богословской и исторической науки.

бывшеся вечер, ядят молока и яйца». Подобно позднейшим нашим староверам, преп. Феодосий советует давать латинам, когда просят Христа ради, есть и пить, но «в их судех» (т. е. в их собственных сосудах). Если же *своего* сосуда у них не будет, то-де можно и в *своем дать,* но «потом измывше, дати молитву». Далее он уговаривает с латинином не брататься, «ни поклонитися, ни целовати его, ни с ним из единого судна ясти, ни пити, ни брашьна их приимати».

Предки наши были искренне преданы православию, решительно уклонялись от латинства, но от невежественного и слишком вещественного (материального) понимания веры они часто совсем не сознавали настоящих различий между православием и латинством. Они нередко увлекались и восхищались именно теми сторонами латинства, что наиболее противны православию, прямо вытекали из крайнего учения о папстве, о внешнем авторитете в Церкви, о необходимости в ней внешней, принудительной власти, следовательно, вызывали и освящали насилие в делах совести и веры.

Новгородский архиепископ Геннадий (конец XV и начало XVI вв.) был сравнительно одним из образованных иерархов своего времени: заботился о школах для духовенства, об изготовлении полного списка перевода Библии. Что же ему нравилось, что его умиляло на латинском Западе, что он пламенно желал видеть на Руси, в Москве? «Ано Фрязове по своей вере какову крепость держат! *Сказывал ми посол цесарев про испанского короля, как он свою очистил землю, и аз с тех речей и список тебе послал.* И ты бы, — писал он митрополиту Зосиме, — господин, великому князю о том пристойно говорил, не токмо спасения ради его, но и чести для государя великого князя». Единомышленник Геннадия, Иосиф Волоцкий не умел подметить чисто языческих римских государственных воззрений многих византийских императоров на христианство, на Церковь, как на религию и учреждение государственные. Еретики сами, императоры преследовали и гнали православных, и, сами православные, императоры нередко гнали и преследовали еретиков. Это вмешательство императоров в дела

веры и Церкви было строго осуждаемо лучшими людьми Византии, но приводило в восторг и умиление Иосифа Волоцкого, в своей ревности не по разуму так горячо настаивавшего на избиении еретиков. К величайшему сожалению, Геннадий и Иосиф Волоцкий находили себе многих приверженцев в старое время, а в новейшее даже защитников, и там, где всего печальнее их видеть. К чести старой Руси, надо, впрочем, сказать, что грубые воззрения Геннадия и Иосифа Волоцкого находили и сильное порицание в их современниках, в таких благородных, вечной памяти достойных, деятелях духовных и светских, каковы были: Нил Сорский, митрополит Зосима, несправедливо, как показал проф. А. С. Павлов[11], обвиняемый Иосифом Волоцким в ереси, иноки Вассиан (Патрикеев), Артемий, князь Курбский.

К несчастью, умственное невежество, какая-то тупость и грубость понимания всего духовного, с одной стороны, и значительная нравственная испорченность известных классов, с другой, развивали и поддерживали в русском обществе XVII в. и долго еще после эту низменность разумения Христова учения и призвания Церкви. Тем же темным, злым духом нетерпимости отличались мероприятия духовных и светских властей против раскольников и разных иноверцев в царствование благодушного Алексея Михайловича и многих его преемников — Петра, Екатерины I, Анны, особым благодушием не отличавшихся. Позже прекратились казни, остались разные административные прижимки и полицейские преследования, пагубные для нашего духовного просвещения и церковной жизни, вредные для государства, выгодные лишь для нечестных чиновников, находивших тут неиссякаемый источник наживы. Лучшие государственные люди наши еще в XVIII в., как, например, князь Потемкин, ясно это понимали.

Последствия таких мер бывали всюду одинаковы: у гонимых и преследуемых и их потомков развивались ожесточение, озлобление и все большее и большее отчуждение, у гонителей и преследователей росло огрубение духа, падало нравственное чувство, утрачивалась искренность веры, исчезало всякое

расположение к идеальным стремлениям*. Там и сям и теперь еще нередко слышатся у нас по вопросам об утверждении и распространении веры Христовой между неверующей интеллигенцией, между раскольниками, иноверцами и язычниками такого рода пожелания и предложения, что повергают в глубокую печаль всякую искренне верующую душу и только утешают и радуют людей, кои отрицательно относятся к христианству и объясняют Церковь, как учреждение чисто человеческое. Так, у нас часто можно слышать жалобы на суды, на полицию, на высшую администрацию, что они-де недостаточно оказывают содействия миссионерам при обращении язычников, раскольников, штундистов, многие ревнители не по разуму высказывают свое недовольство на то, что разные старые постановления о карах и взысканиях за перемену русскими людьми веры, за неисполнение требования духовного регламента об ежегодном бывании на исповеди и проч. и проч. пришли в совершенное забвение, обратились в мертвую букву или отличаются недостаточной определительностью и строгостью. По поводу слов г. Соловьева, кажется, между прочим, о том, что неверующий Вольтер (что, впрочем, уже давно печатно было высказано Хомяковым)** в деле Каласа поступил

* Напомним прекрасные слова Хомякова: «В числе законов, правящих умственным миром, есть один, которого божественная, строгая правда не допускает исключения, тот закон, что зло порождает зло. Всякое незаслуженное оскорбление, всякая несправедливость поражает виновного гораздо более, чем жертву; обиженный терпит, обидчик развращается. Обиженный может простить и часто прощает; обидчик не прощает никогда. Его преступление впускает в его сердце росток ненависти, который постоянно будет стремиться к развитию, если вовремя не очистится все нравственное существо виновного внутренним обновлением» (Сочинения. Т. II. Прага, 1867. С. 87).

** Хомяков говорил и следующее: «Мир (романо-германский) утратил веру и хочет иметь религию, какую-нибудь; он требует религию вообще; поэтому только в безверии и можно теперь встретить неподдельную искренность, и замечательно, что обыкновенно нападают на безверие не за то, что оно отвергает веру, но за то, что оно делает это откровенно, т. е. за его честность и благородство. Общественное негодование преследует пера Франции, с трибуны провозглашающего свое собственное безверие и безверие своих слушателей. Общественное негодование преследует поэта, слагающего гимны безбожию... Бедный, достойный удивления Шелли (Shelley)! Самые

истинно по-христиански, а епископы, требовавшие его казни, действовали совершенно противно Христову учению, что в православном мире (к несчастью, это справедливо, хотя и не по вине, разумеется, Церкви, ибо противно ее духу) бывали казни и гонения еретиков, «Московские Ведомости» еще недавно поспешили ополчиться за православие, доказывали, что инквизиции у нас никогда не было, и с жаром требовали немедленного закрытия Психологического общества, где люди позволяют себе высказывать такие мнения.

Каждый христианин, бесспорно, желает распространения и утверждения христианства на всем земном шаре и у себя в отечестве. Но он дорожит христианской истиной не для внешнего своего спокойствия и личного благополучия, ни даже для политических интересов и пользе своего отечества, ибо так Христово ученье ставится на второе место и приводится в служебное, подчиненное отношение к нашей личной или национальной особи. Апостол Павел говорил, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее не могут его оторвать от любви к Богу, от веры во Христа (Римл. VIII: 35, 38, 39), и, чтобы не подумал кто, будто он желает себе великой награды или чести или изобилия духовных даров, он прибавил: «молилбыхся отлучен быти от Христа» (Римл. IX: 3), я готов молиться об отлучении меня от Христа, лишь бы познали и уверовали в Него мои сродники по плоти. Но, так горячо любя свою народность, он евреям желал этой веры не из так называемого патриотизма, не из желания им политического могущества и внешнего благосостояния: «всех бо сих языцы ищут» (Мф. VI: 31, 32). Апостол желал народам не только «во Христа веровать, но и за Христа пострадать» (Флп. I: 29).

Один из возвышенных учителей церкви, преп. Макарий Египетский заметил: «Для христиан, доброй жизнью и по дару Духа пришедших в меру духовного возраста данной им благо-

выражения его неверия бывают часто проникнуты духом христианства, которого он никогда постигнуть не мог, и, прислушиваясь к ним, нельзя не почувствовать глубокого сострадания к этому честному уму, впавшему в столь роковое заблуждение; другого чувства они бы не должны были внушать». (Соч. Т. II. Прага. С. 125—126.)

дати, и слава и отрада и высшее наслаждение — ради Христа быть ненавидимыми, изгоняемыми, за веру в Бога терпеть всякое оскорбление и позор... Как мужественный юноша выдерживает борьбу и на удары, ему наносимые, отвечает ударами, так и христиане должны переносить скорби и внешнюю и внутреннюю борьбу, дабы, принимая на себя удары, побеждать терпением. *Таков путь христианства. Где Дух Святой, там, как тень, следует гонение и брань.* Видишь, как Пророки, хотя в них действовал Дух, всегда гонимы были единоплеменниками. Видишь, как Господь, который ость путь и истина, гоним был не иным народом, но своим. Свое племя — израильтяне и гнали, и распяли Его. А подобное было и с Апостолами; потому что со времени креста перешел Дух Утешитель и переселился в христиан; никто из иудеев не был уже гоним, но *одни христиане были мучениками.* Не должны они изумляться этому: *истине необходимо быть гонимой*... И как обнаружится истина, если не будет иметь противников, людей лживых, восстающих против истины?» — «Пусть тебя гонят, — говорит другой великий созерцатель и мыслитель христианский (VI в.), Исаак Сирин, — ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клевещут, ты не клевещи; будь скромен и не ревнуй во зле».

При таких возвышенных и чистых воззрениях на истину, может ли христианин, убеждая не христианина, эллина, иудея, иноверца, язычника, сулить ему земные выгоды или, в случае его несогласия, грозить ему стеснением гражданских прав, лишением имущества, ограничением свободы? Христианин хранит заповеди, — говорит Исаак Сирин, — «из любви к Давшему их, а не из страха или за воздаяние награды», и здесь разумеет воздаяние в будущей жизни, не допуская и мысли о каких-либо земных, человеческих наградах и страхах.

Афанасий Александрийский строго осуждал насилие и принуждение нежелающих. «Спаситель, — говорит он, — так кроток, что учил: «если кто хочет по мне идти», и «хотящий быть моим учеником». «Идя к каждому, он никого не насилует, но скорее стучится и говорит: «Отвори мне, сестра, моя

невеста». И когда отворят, Он входит, когда же ленятся и не желают, Он удаляется. Не мечами, не копьями и не воинством возвещается истина, но убеждением и увещанием. Какое же убеждение, где страх царев? Какое же увещание, где возражатель получает в удел ссылку или смерть?».

В похвальном слове Афанасию Великому Григорий Богослов говорит про него, что он учил, как жил, и слово у него не расходилось с делом, что, по возвращении в Александрию, он очищает святилище от корчемствующих святыней христопродавцев и совершает это не бичом, но убедительным словом... Всем предлагает он один закон — свободное произведение, ибо его одного почитал достаточным руководством к совершенству».

Рассуждая об обязанностях епископа, св. Григорий Богослов говорил: «Ему надо — превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, согласно, и не силой обуздывать, но доводить до него убеждением, ибо *все, что делается не добровольно, кроме того, что оно насильственно и не похвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растению, насильно согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее положение. Напротив, что делается по свободному произволению, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно и вместе надежно».*

«По закону нашему, — говорил тот же Григорий Богослов, — должно водить не насильно и *не нуждой, но волей.* И мирская власть не может утвердиться силой; управляемое насилием старается при всяком удобном случае освободиться, тем более наше, не столько начальство, сколько воспитание; всего более должно соблюдать свободу, ибо тайна спасения для желающих, а не для насильствуемых».

Григорий Богослов строго осуждал и насилие против дара слова. «Запрещение пользоваться даром слова показывает только, что запрещающие не полагаются на правоту свою и походят на человека, который считает себя сильнейшим из борцов и требует, чтобы все его считали таким же, а между

тем отдает приказ, дабы ни один сильный борец не смел бороться и не являлся на поприще. Но это доказательство робости, а не мужества».

«Христианам, — говорил Иоанн Златоуст, — не дозволено принуждением и силой ниспровергать заблуждение. Им следует приводить к спасению убеждением словом и благоволением».

Прекрасный пример уважения к чужим убеждениям и признания свободы мысли представлял Василий Великий, до конца сохранивший старые дружеские связи с языческим ритором Либанием и безбоязненно посылавший к нему на учение юношей-христиан. Макарий Египетский, приведя слова Спасителя: «от сердца бо исходят помышления злая» (Мф. XV: 19), прибавляет: «что внутри человека, то сквернит его. Внутри, в душе пресмыкается и ходит дух лукавства, этот разумный двигатель, покрывало тьмы, ветхий человек, которого должны совлечься все прибегающее к Богу, чтобы облечься им в небесного и нового человека, т. е. во Христа. *Поэтому человеку ничто внешнее не может вредить, вредит же только живой и действенный, в сердце обитающий дух тьмы, потому каждый должен вести борьбу в помыслах, чтобы в сердце его воссиял Христос».*

Как от всех этих мыслей, замечаний и примеров великих отцов и учителей Церкви, с их глубоким постижением христианства, далеко расходятся темные и грубые воззрения наших Геннадия и Иосифа Волоцкого и позднейших их последователей. Умственная дебелость и грубость многих наших духовных деятелей объясняется не одним недостатком образования. Современные противники их (Нил Сорский, Артемий, Вассиан, кн. Курбский) в конце концов едва ли превосходили их своей начитанностью. Главное отличие тех и других заключалось в том, что у первых все почти помыслы были устремлены на внешнюю практическую деятельность, посвящены текущим делам церковного и хозяйственного управления обширными церковными и монастырскими имуществами. Строгие исполнители уставов и всяких служб,

деятельные администраторы, строители и распорядители, отличные хозяева, имея всегда много сношений со всякого рода людом, по самым разнообразным чисто житейским и хозяйственным сделкам, они, как все практически деловые люди, глядели на мысль, на умозрение как на пустую, бесполезную трату времени, в людях они исключительно ценили строгую исполнительность и повиновение. Крутость и жестокость окружающих нравов довершали воспитание сухих, холодных деспотических натур*.

Таким образом, и в старорусском православном обществе слагались направления, довольно близкие к латинству, как являлись они не раз и в Византии, где, частью под влиянием вмешательства императоров в дела веры и частью чрезмерного развития нередко властолюбивого монашества, возникали умственные течения, близкие по существу к латинству и ему сочувственные. Такова была партия, враждебная патриарху Фотию. Ее отличительными чертами, по справедливому замечанию А. М. Иванцова-Платонова, были: церковный ригоризм и фанатизм, клерикальное вмешательство в государственные дела, ненависть к просвещению, неумеренные притязания и злоупотребления в монашестве, усиление внешней эффектности и формализма в развитии церковного обряда, усиление легендаризма в церковной литературе.

В какой степени последние два века русской исторической жизни, с развитием военно-полицейского строя нашего государства и с направлениями новой нашей образованности, могли благоприятствовать выяснению религиозного сознания в русском обществе, превосходно было раскрыто Ю. Самариным в его высоко замечательном предисловии к богословским сочинениям Хомякова.

---

* Духовный Регламент сделал несколько напоминаний из Писания: «Ведал бо всяк епископ меру чести своей и не высоко бы о ней мыслил... чтоб укротити оную вельми жестокую епископов славу, чтоб оных под руки (донележе здравы суть) не вожено, и в землю бы оным подручная братия не кланялись… честь оная умеренна есть: а лишняя, и почитай равно царская да не будет; и умеренной не самым пастырям искать и от подручных истязовать, но свободно подаваемой довольствоваться».

Все будущее русского просвещения прежде всего зависит не столько от частных, отдельных, — правда, полезных и нужных, — мероприятий по умножению и улучшению всякого рода училищ в их внешних и внутренних условиях, сколько от возвышения и очищения господствующих у нас воззрений на веру, на дух человеческий, на Дух Господень, от развития и усиления не внешней обрядности и формализма, а внутреннего христианского строя и созерцания. Тогда в огромном большинстве людей верующих исчезнет страх перед знанием и наукой, невозможной без свободы мнений и сомнений, без свободы мысли, пропадет всякое желание и поползновение прибегать ко внешней силе или помощи для успеха проповеди христианской. Можно представить себе, как сильно тогда изменятся отношения немалой части общества, отвернувшегося от православия, когда она послышит от вооруженных современным знанием и образованием учителей христианского созерцания развитые применительно к новейшим условиям и нуждам мысли, подобные, например, высказанной великим представителем этого направления Исааком Сириным на вопрос: «Что такое сердце милующее?» — «Возгорение сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости и от великого терпения умиляется сердце, и не может оно вынести какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А потому и о бессловесных и о врагах наших, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносите молитву, чтобы сохранились они и были помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце человека до уподобления его в этом Богу». И не станут ли тяготеть и привлекаться сердцем к обществу верующих массы язычников, иноверцев и давно или недавно отделившихся, когда увидят, что в нем вообще (а не в тех или других частях простого народа) живут и исполняются такие, распространенные и примененные к новейшим условиям, советы терпимости того же учителя: «Не отделяй богатого

от бедного и не старайся распознавать достойного от недостойного: пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела. Так можешь и недостойных привлечь к добру. И Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами и не отлучал от себя недостойных, чтобы так всех привлечь в страх Божий и чтобы посредством телесного приблизились к духовному. Благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца, тем паче, что и он тебе брат, одной с тобой природы и не с ведением заблудился от истины».

С уразумением важности признания свободы человеческого духа в области веры и знания тесно связано сознание великого значения начала разнообразия в просвещении и образованности. Одной из великих заслуг русского духовенства составляют совершенные им в разное время переводы Св. Писания и богослужебных книг на инородческие языки, так как православная Церковь всегда признавала необходимость Слова Божия и богослужения на родном языке. Было бы желательно появление подробного библиографического указателя всех имеющихся у нас таких переводов на инородческие языки. Оно необходимо не только для знания и признания заслуг потрудившихся, но и для верной оценки того, что сделано вполне и хорошо, что только начато и ждет довершения, что, может быть, сделано неудовлетворительно и потому должно быть исправлено или вновь переделано.

У нас много толкуют и пишут о распространении русского языка между инородцами. Всякий язык распространяется вне пределов природной своей территории разными способами и путями. Чем богаче народ своею образованностью, чем выше и разнообразнее его литература, тем охотнее иноплеменные народы изучают его язык. Пути сообщения, связи экономические, помимо даже школ, много помогают распространению языка господствующего в государстве народа. Далее школа, особенно средняя и высшая, окончательно утверждает знание этого языка между инородцами образованными. Но низшая, первоначальная школа там, где инородцы живут в глуши и захолустьях, далеких от больших дорог и от всяких русских

поселений, там, понятно, эта школа никогда не может распространить и утвердить знания русского языка между инородцами. Что узнают в два, три года, в течение шестимесячного хождения в школу, то скоро затем и забудут: научить говорить на чужом языке такая школа никогда не может. Воротясь домой, дети, конечно, будут говорить с отцом, с матерью, в семье, у себя на улице с ребятами, конечно, только на родном языке. Оно, понятно, иначе и быть не может, и жалеть о том нечего. Некоторые *специалисты* говорят, что для того надо назначать в инородческие школы *русских* учителей, ничего не знающих по-туземному. Это заблуждение и, прибавим, большое непонимание задачи школы, даже великий грех. Что священник, что народный учитель — одинаково должны прежде всего быть близки к своей пастве, к своим ученикам и их родителям, должны внушать им к себе доверие и любовь, должны быть связаны с ними и духовно, и единством речи. Первоначальная школа всегда и везде должна прежде всего дать начатки христианского, человеческого и гражданского просвещения. Если ей вменить в первейшую обязанность научение русскому языку, то все школьное время пройдет для ребенка совершенно бесплодно: чему учили его, он скоро позабудет, и не узнает ничего, что должна дать знать первоначальная школа. «Как же русские подданные не будут знать русского языка?» Не будут, как не знали и прежде, и узнают и научатся ему, когда новые дороги, новые промыслы или торговые связи, или появление в соседстве русских поселенцев, словом, — живые связи и отношения распространят русский язык в этой инородческой глуши. Уважать Россию и русского царя тысячи, десятки, сотни тысяч инородцев наших давно привыкли, и не зная русского языка. Любви и уважению еще скорее научит народная школа с языком родным. Как бы на наш взгляд этот язык ни был прост, груб, беден, он мил и дорог ребятам и их родителям. За такую милую школу они еще больше полюбят и больше прежнего будут почитать царя и Россию. Не надо никогда забывать, что инородец, презрительно отзывающийся о своей народности на ломаном русском языке, есть явление глубоко противное,

и всякий трезвый добропорядочный крестьянин-инородец, не знающий ни слова по-русски, во сто, в тысячу раз для России полезнее отбившегося от родного своего народа и дела любого разбитного, но малопорядочного инородца, даже хорошо знающего по-русски... В значительной части нашего образованного или полуобразованного общества слышны нередко самые дикие и грубые мнения и выражения об инородцах. Это совсем не по-христиански, да и большое заблуждение. Это решительно наше несчастье. Пора, давно пора понять, что начало разнообразия только дополняет и оплодотворяет начало единства. Каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замечанию Срезневского, можно сравнить с особенным музыкальным тоном, — каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается с другими. Не для одного просвещения инородцев (православных) нам нужны хорошие, с известным образованием сельские батюшки из туземцев или, по крайней мере, отлично знающие языки своих прихожан и такие же учителя народных школ. Они нужны и не для одного благосостояния русского государства, но и для русской науки и образованности. В языках, народных преданиях, песнях, обычаях наших инородцев содержится великое богатство данных, важных не для одной, а для нескольких наук. Собранные с любовью и знанием дела (тут преимущественно нужны развитые, любящие свою народность туземцы из священников и народных учителей), эти данные выяснят много теперь темного, раскроют много тайн, обогатят, раздвинут человеческое знание. В этих уцелевших остатках больших некогда племен имеется столько разнообразных тем, мотивов поэтических, художественных (орнаменты), музыкальных. Они могут, должны впоследствии придать много новых элементов свежести, сочности, разнообразия нашей поэзии, живописи, архитектуре, скульптуре, музыке. Вообще говоря, многие недостатки нашей образованности, нашей администрации, всей нашей полупраздной и сонной провинциальной жизни объясняются господствующим в провинциальном обществе равнодушием, пренебрежением и невежественным, часто весьма ненравственным, презрением к

инородцам, среди коих живут русские образованные люди часто целые десятки лет, не научась ни одному из этих языков, не ознакомившись с местным населением... Знание этих языков крайне необходимо и русским чиновникам, имеющим с инородцами непосредственные сношения. Пошлым важничанием, бессмысленными криками в Петербурге или Москве, при полном незнании местных условий, мы так называемого *русского дела* нигде не подвинем, *русского знамени* нигде не водрузим и высоко держать не будем. А между тем, в ущерб самым важным интересам государства, целые области и народности управляются через русских чиновников, находящихся в руках переводчиков и толмачей, или через чиновников из инородцев же, только ненавидимых народностями управляемыми. Так, весь почти Кавказ, а не армянская его часть, управляется у нас армянами, коих остальные многочисленные инородцы Кавказа вовсе не любят. Так, литовцы у нас оставлены под сильным влиянием польским.

Вообще относительно этой почтенной, важной, хотя и небольшой народности, у нас существует большое, печальное недоразумение. Покойный высокодаровитый А. Ф. Гильфердинг в 60-х годах был увлечен увлекавшей не немногих тогда западных, католических славян в Австрии мыслью о применении к их языкам кирилловской, славянской азбуки вместо употребляемой у них латинки. Он задумал применить и славянскую, русскую азбуку к языку литовскому. Природный литвин, отличный знаток языка и великий народолюбец, человек большой эрудиции (по языкам), но вовсе не писатель и еще тем более не писатель народный, Микуцкий сочувствовал этой мысли и поддерживал ее в Гильфердинге. Близкий к Н. А. Милютину, Гильфердинг представил ему свой проект, и Милютин выхлопотал запрещение печатать литовские книжки латиницей и приказание издавать их лишь славянскими, русскими буквами. При этом, конечно, имелось тогда в виду не прекращение литературной обработки литовского языка, а, напротив (как видно из прекрасной статьи Гильфердинга о литовцах), поощрение ее развитию в духе чисто народном,

не польском, и далее намеревались этим сблизить литовцев с Россией и отдалить от польского влияния. К сожалению, этот проект, слишком отвлеченный и кабинетный, имел мало успеха, но зато много дурных, вовсе для нас нежелательных, последствий. Писателей литовцев, которые бы стали писать и печататься русской гражданкой, не нашлось; таких литовских книжек было издано очень и очень мало. Поляки, литовцы с польскими симпатиями стали проповедовать в народе, крепко преданном католицизму, что его таким образом хотят обратить в православие. Литовских молитвенников, напечатанных русскими буквами, большинство не стало покупать; изданные латинскими буквами в России становились все больше и больше библиографической редкостью; печатаемые заграницею, в Пруссии, были запрещены. И вот, теперь за великие деньги, втридорога, через евреев, получают литовцы свои книжки, и самые необходимые и в смысле цензурном самые невинные, а вместе с ними и совершенно враждебные России: в последние десятилетия образовали наши литовцы довольно большие колонии в Северной Америке, где издаются литовские журналы и разные книжки часто чисто революционного характера. И поляки, и евреи, и наши добрые соседи немцы, так изучившие нашу западную окраину, всему этому очень рады и находят причины желать распространения всех подобных литовских изданий среди наших литовцев*.

Не желая об этом распространяться, мы считаем всего сказанного слишком достаточным для того, чтобы скромное наше мнение относительно запрета в России литовских книжек латинской печати обратило на себя внимание наших государственных людей. Ближайшие сродичи литовцев, латыши, слава Богу, пользуются же безвозбранно в своих изданиях латинской азбукой. У литовцев есть уже, хотя небольшая, но

* «В Пруссии, — как писал в 1887 г. один из литвинов американских, крайний фантазер, но в этом случае верно передающий факты, — в последнее время стали ухаживать за литовцами. «Tilsiter lit. lit. Verein» (в ст. г. Фридеберга «Bilder aus Ostpreussen») — прусская Литва выставляется центром литовского просвещения, и Литве обещается лестное будущее под жезлом прусским».

дорогая и любезная народу словесность, весьма ценная для понимающих важность литовского языка ученых всех национальностей. Зачем, к чему нам, скажите Бога ради, поселять в смирном, добром народе недовольство, нелюбовь к России? Напротив, все наши интересы, народные, общественные, государственные, требуют, чтобы литовцы любили, сохраняли свою народность и крепко ее держались: в знании русского языка, как языка среднего и высшего образования, языка русской армии и вообще государственного, они все более будут чувствовать и сознавать потребность. Что же нужно бы было, того, к сожалению, мы не делаем. В церковно-иерархическом отношении литовцы по-прежнему подчинены полякам. Их народолюбцы священники часто боятся своих епископов, когда они поляки или польского направления и, как таковые, смотрят очень косо на ксендзов, слишком преданных своей народности, не признающих великих благодеяний старой Речи Посполитой, ничего себе, народу, не ожидающих и от будущей. Нельзя не желать, чтобы литовская католическая иерархия, все литовское католическое духовенство были совершенно независимы от каких бы то ни было польских иерархов, чтобы употребление народного литовского языка в литовских приходах повсюду пользовалось исключительным преобладанием, чтобы знание польского языка литовскому духовенству никакими способами свыше (от польских духовных властей) не навязывалось. Точно так же нельзя не считать желательным и разделение евангелической Церкви по народностям: немецкой, латышской, эстонской. Отчего бы латышам и эстонцам не иметь своих епископов, суперинтендантов, и к чему нам удерживать их в иерархической зависимости от немцев? Вообще, дело инородческое в России требует внимательного, обстоятельного изучения.

Нельзя не отнестись с великим уважением к старому учреждению при наших духовных школах разных епархий преподавания в них местных инородческих языков. Можно только пожелать возможно наилучшей постановки этого дела и устройства такого же преподавания, но необязательного,

местных инородческих языков и в наших светских средних и высших заведениях всех наших учебных округов: везде между юношеством и молодежью найдутся желающие научиться или, вернее, сыщутся юноши из уездов, туземцы или русские, уже практически более или менее знающее тот или другой инородческий язык и желающие изучить его основательнее. Такие знатоки инородческих языков не только нужны для администраций, но и для успехов русской науки, вообще для русской образованности, для рассеяния сонливости мысли, для развития пытливости ума, для возбуждения здоровых умственных интересов в провинциальном нашем обществе, часто убийственно до тупости равнодушном к важным, по внутреннему смыслу, интересам и нуждам всего их окружающего населения.

Русская образованность подражательного направления, видимо, истощилась, чахнет; общеобразовательная месячная периодическая литература, исключительно представляемая Петербургом и Москвой, за последнее в особенности время, оскудела талантами, пробавляется по части идей повторением и перемыванием старого, заметно линяет, пошлеет. Петербург, по своему положению, никогда не может иметь большого общественного значения. Он благоприятен лишь для строго ученой деятельности. К сожалению, Москва, надеемся — временно, потеряла свое прежнее значение умственного русского центра: в ней есть почтенные ученые, писатели, но она перестала быть столицей русской мысли, какой была со времен Новикова и Карамзина. Москва, как верно заметил уже Стасов, теряет свой внешний оригинальный вид, она пошлеет не только наружно, эстетически, но и умственно. Вместо прежней большой скуки от недостатка развлечений и вместо довольно сильной умственной жизни и борьбы в разных ее общественных кружках, развилась страсть развлечений, какая-то гостинодворская юркость, внешняя, совсем почти петербургская, деятельность и суетливость, с застоем мысли и понижением духовных интересов. Подобно разным губернским городам, Москва теперь спит и видит, как бы в

чем-нибудь европейском не отстать от Петербурга и даже перещеголять его. Обновления, оживления умственной жизни надо теперь ожидать из провинций, не от Петербурга, не от Москвы. Дай Бог, чтобы пробужденное нынешним бедствием внимание и сердечное участие к внутренней, провинциальной нашей жизни не охладело, по миновании временной причины, чтобы большая часть лучших добровольцев-деятелей не спешила ворочаться в столицы и нашла себе постоянное, живое дело внутри России. Дай Бог, чтобы большая часть лучшей нашей молодежи, по окончании высшего или хорошего среднего образования в обеих столицах, подолгу в них не заживалась, до полного погружения в чисто московские или петербургские интересы, и спешила ехать на служение России в провинциальные города или уезды.

Русское государство отныне направит главные свои заботы на подъем экономической жизни страны и упорядочение ее бытовых условий. Общие пожелания всех лучших русских людей можно выразить в одном: да стесняется у нас все более и более свобода творить зло и неправду и да расширяется свобода отдельных лиц, земств и городов на совершение всякого доброго и полезного дела, да исчезают у нас всякие проволочки, задержки, разные формальности, напрасно часто только мешающие в самых незначащих делах всякому доброму почину в уезде или уездном городе, часто также слишком зависимом от губернского, как часто стеснены и слишком зависимы город губернский и губерния от столицы.

Но все лучшие наши намерения и старания о лучшем внутреннем развитии России могут быть неожиданно прерваны; все ее существование может подвергнуться страшным испытаниям и ударам. Нет никакого сомнения, сама Россия этого внешнего бедствия — войны, с ее ужасами, никогда не вызовет. Но при нынешнем напряженном положении Европы и ее страшных вооружениях, при известном плане наступательной войны Германии и Австро-Венгрии с Россией, государство наше не может не готовиться к отражению и отпору. Русское общество, разумеется, желает, чтобы этой войны вовсе не

было, и, если она должна уже быть, то пусть будет как можно позже. Коалиция, в данном случае, Тройственный союз, хотя сильнее и опаснее одного сильного соседа, но зато представляет больше поводов для всяких проволочек. Политика мирной, нападаемой державы легче может парализовать решимость и готовность к наступлению, имея противника не в одной державе, а в союзе трех государств. Как бы то ни было, но отрицать всякую возможность такой войны нет основания, хотя она и в высшей степени нежелательна.

Если же она когда-нибудь да будет, то, без сомнения, своими размерами и бедствиями она превзойдет войны 1812 и 1813 гг. Пусть прусско-австрийский план есть тот же Наполеоновский план похода на Москву, в сердце России, и, следовательно, план нам знакомый. Но при составлении этого плана германские стратеги тщательно старались избежать всех ошибок Наполеона I. Они говорят: наша армия не будет так далека от базиса, как была Наполеоновская, мы лучше знаем, мы гораздо точнее изучили Россию, в ней все нам известно, благодаря нашему соседству, великому множеству бывавших и живущих в России немцев: столько ли было до Наполеона и при Наполеоне французов в России, и такое ли они в ней занимали положение? У Наполеона не было железных дорог, интендантская часть была дурно устроена; Пинских болот более нет: «в двенадцатом году площадь болот р. Припети, доходящая до Бреста, представляла непроходимую преграду», теперь по осушенным болотам пролегают рельсовые пути, и вся эта площадь — «открыта для военных действий, что-де имеет особенное значение на случай вспомогательных действий австрийцев с линии Краков — Львов в северо-восточном направлении через Киев». Россия стала богаче, и «ведение народной войны, подобно тому, как это было в 1812 г., т. е. оставление жителями своих жилищ и их уничтожение, представляется-де теперь делом невозможным».

Подобно Наполеону, немцы заявляют, что они с австрийцами не преследуют в этой войне никаких своекорыстных целей и не ищут себе никаких приобретений. Они обещают вос-

становить Польшу; но ни Австрия, ни Пруссия не намерены отдавать полякам своих польских провинций; ни для одной из них не представляется выгоды в увеличении у себя славянской народности, особенно с столь резко выраженными национальными особенностями, как это имеет место у польской народности... «Если польская нация вообще способна к государственной жизни (немцы в это не верят: один из стратегов откровенно замечает: «чистоплотного немца, уже в силу привычки, коробит при одном воспоминании о Польше»), ей мог бы быть указан этим способом путь к спокойному, постепенному внутреннему развитию под покровительством обеих великих держав. Германия создала бы себе таким образом прочную границу против России и достигла бы уничтожения обременительной русской таможенной линии. (Свободной Польше предпишут уже, какую надо, таможенную линию). Прибрежья прусские могли бы вновь подняться, вследствие доступа в соседние с ними страны; восточные провинции тоже много выиграли бы относительно увеличения своего внутреннего благосостояния; сама Польша могла бы сделаться более доступной для цивилизации, с улучшением путей сообщений. Заключение торгового, таможенного и почтового союза между Германией, Австро-Венгрией и Польшей послужило бы не только ко взаимному обмену предметов сельского хозяйства и мануфактурной промышленности, но дало бы возможность этим государствам занять более влиятельное положение на всемирном рынке»*.

Немецкие стратеги говорят, что «катастрофа, постигшая великую французскую армию в 1812 г., до сих пор действует подавляюще на *слабые характеры».* Но, заняв Привислинский край, союзники легко-де могут занять вторую оборонительную линию Русского царства — линию среднего Буга с крепостью Брест-Литовским в центре. Удержаться на этой линии в течение долгого времени русской армии не представится возможным, так как правый ее фланг может быть обой-

* «Польский театр войны», соч. Сарматикуса. Русский перев. Спб., 1881. Его же: «От Вислы до Днепра». Спб., 1886.

ден с севера, а левый ничем не прикрыт против наступления австрийцев с юга. «Далее-де может служить железная дорога, представляющая от Минска двойную линию для подвоза с базы. Кроме того, для той же цели (наступления на Москву) может служить сеть юго-западных железных дорог. Через Киев пролегает еще этапная линия из Галиции, которая далее ведет через Курск и Орел к Москве».

Громадная разница между кампанией 1812 г. и предполагаемой состоит, по словам Сарматикуса, в том, что снаряжение современных армий и снабжение их всем для них необходимым может быть значительно совершеннее сравнительно с Наполеоновской армией 1812 г., и внутренняя их связь совершенно не та, какая была в составленной из разнообразных элементов *великой армии*. — «Точно так же, — говорит Сарматикус, — не повторятся ошибки, сделанные в то время: необеспеченные операционные линии и плохая дисциплина в войсках. Напротив, русские навряд ли оставят свои жилища и разрушат их, как это было в 1812 г., так как это средство, при обеспеченной базе и хорошо снабженной армии наступающего, окажется только во вред обороняющемуся, и даже настолько, что не неприятельская армия будет ощущать во всем недостаток и нужду, а, напротив, русская».

Результатом-де этой войны должно быть — «оттеснение великой славянской державы, столь чуждой интересам остальной Западной Европы, в ее прежние пределы и создание промежуточного государства, которое бы служило переходной ступенью и посредствующим звеном между германским центром и славянским Востоком Европейского материка».

Австрийские стратеги («Главная цель будущей австро-русской войны») тоже желают восстановления Польши и предполагают отобрать у России всю ее западную часть до Двины и Днепра, дабы создать новое государство, «которое бы находилось в политической связи с Австро-Венгрией». (О Германской империи или о Пруссии ни слова: как бы не поссориться старым друзьям, как оно случилось в войну с Данией, за Шлезвиг-Голштинию!).

Присоединение Польши к Австрии усложнило бы несколько государственный ее механизм, но известно, что для спокойного развития государства гораздо удобнее присоединение провинций, ищущих этого соединения, нежели тех, которые этого не желают». Отказаться от задач на Балканском полуострове Австрия-де не может, а между тем влияние там России сильнее австрийского, так как на Болгарию (писано до 1884 г.) и Черногорию Россия может рассчитывать вполне, а в Сербии и Румынии она имеет многих приверженцев. «С потерей Польши, до Днепра и Двины, Россия будет отделена окончательно от Балканского полуострова, и народы его подпадут, естественно, мирному влиянию Австрии без всякого ее ослабления».

Таковы планы и желания военных пруссаков и австрийцев, высказанные во множестве книг и статей, изданных в последние 10—12 лет. Но задолго до этого была уже целая *штатская* литература немецкая с такими же планами и пожеланиями. С лишком двадцать лет назад мы имели случай изложить главные ее положения о необходимости распространения немецкой национальности и цивилизации на славянский северо- и юго-восток*.

Все подобные положения и мнения высказывались в немецкой литературе, печати задолго до прусских побед Мольтке[12] и до появления Бисмарка. В таких воззрениях, на таких понятиях вырастали целые поколения. Они плод многовековой истории. Что стали о себе думать немцы, и пруссаки в особенности, — переменились ли их воззрения на призвание германизма на славянском Востоке с тех пор, как они устроили у себя военную империю, заключили союз с Австро-Венгрией и Италией, стараются всячески о теснейшем сближении с Англией и, постоянно увеличивая свои вооружения, настойчиво требуют того же от своих союзников?

Лет около тридцати назад Франция Наполеона III, имея на собой Англию, призывала Германию к такому же кресто-

* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. Спб., 1871. С. 128—129, 132...

вому походу на Россию. В южной, западной Германии, у немцев австрийских публицистика горячо защищала эту мысль. Но Пруссия в то время уже решилась выбросить Австрию из Союза и самой стать в его главе. За войной 1866 г. последовала война 1870 г. Предводительство континентальной Европой от Франции перешло к Германии, с Пруссией во главе. Такой же переход империи от франков к немцам совершился девятьсот лет назад.

Вот новейшие отношения романо-германского мира, или собственной Европы, к миру греко-славянскому, в особенности к его главнейшей представительнице — России.

РАЗДЕЛ II.
ГРЕКИ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Несколько слов об отношениях русских к грекам*

В литературе нашей уже сознательно и ясно понята важность задачи — определить влияние греческое на Россию и на славян; малость или незначительность трудов, подъятых поныне на ее решение, быть может, находят себе оправдание в некоторой неполноте, даже односторонности постановки вопроса и выражения задачи.

Я бы сказал: нас должна занимать история отношений греков к миру славянскому и обратно; тогда сами собой выступят на вид следующие два вопроса, важность которых предстанет каждому во всей своей очевидной ясности, лишь только будет понята их возможность.

Какое влияние имели греки на мир славянский?

Какое влияние имели славяне, в свою очередь, на мир греческий?

Иными словами, — так как сила влияния греческого на нас славян для всех очевидна, — славяне, столько получившие от греков, внесли ли в их быт и образованность что-нибудь и со своей стороны, какое поныне было и какое поэтому будет впоследствии воздействие славян на греков?

В настоящее даже время, при всей неразработанности предмета, уму беспристрастному понятно заблуждение всех,

* Считаю долгом заметить, что я нигде не разумею здесь этих жалких Фанариотов, которых, из уважения к грекам, надо всегда отделять от них.

резко толкующих о том, что стихия славянская в мире греческом была ничтожна и не заслуживает никакого внимания. Народность, давшая Византии нескольких императоров — Юстиниана I (527—565), Юстина II (565—578), Василия Македонянина (867—886), патриарха (Никита Царьградский, 766—780), нескольких полководцев, в том числе Велисария (из Дардании, родины Юстиниана, из местечка Σχαπλιτζω), многих сановников и самых близких к престолу людей с огромным влиянием (в VI, IX, X и XI вв.), народность эта не могла играть ничтожной роли в империи. О происхождении многих других лиц, не мало значивших, непременно умолчано. А сколько же славян занимало в империи менее видные места, если многие из их соплеменников достигали такого высокого положения в государстве? А народный состав военных сил Византии, начиная с VI в. до самого ее падения? А славянские поселения в Морее?

Теперь резко утверждают, что в Морее исчезли малейшие следы славянства.

Весьма желательно, чтобы люди, хорошо изучившие все местные наречия и говоры, которые в Морее быть должны и не быть не могут, вместе с тем познакомились поближе с языками славянскими. Весьма также желательно путешествие по Морее славяниста, хорошо знакомого и с греческим языком.

Грамматика Муллаха — почтенный вклад в науку, однако далеко не удовлетворяет всем требованиям современным, в чем, впрочем, не вина трудолюбивого автора.

Смею думать, что только по удовлетворении этих двух изъявленных здесь желания, возможно будет решительно отвечать так или иначе на вопрос: сохраняются ли какие-нибудь следы славянства в Морее?

Только по подробном исследовании славянскими путешественниками местных говоров, народных песен и напевов, местных обычаев и нравов, станет возможным тот или другой решительный ответ на настоящий вопрос.

Следует также обратить внимание на топографию островов архипелага. Достоверные известия о грабежах и набегах

славян в VI и VIII вв. на острова Кикладские, на Имбро, Тенедос и Самофракию; славянские названия в Морее, местные славянские названия в Фессалии, идя от востока на запад к берегам, омываемым Эгейским морем, как, например (см. карту Киперта европ. Турции): Bukovitza, Vrestinitza, Knisovo, Klinowo, Niklitzi, Voivoda, Poliana, Sieklitza, Vulgara, Dranilza, Selitziani, Golo и Goritza (у самого залива Вольского), Vysitza (там же), Zagora (на бер. Эгейского моря) — позволяют предполагать, что славяне македонские, вессалийские, морейские высылали из среды своей поселенцев даже и на острова греческие, а во всяком уже случае издревле находились с ними в тесных связях. В подтверждение этой догадки укажу на некоторые обстоятельства.

В XI в. славяне адриатические посещали о-в Корфу*. В 959, 960, 963 гг. фракийские, азиатские и даже русские славяне участвуют в войске греческого императора, в его походах на Крит. Русский князь Олег Святославич, живший в России, в 1079—1083 гг., два лета и две зимы провел на острове Родос.

Нам известны пока только отрывочные случаи, выхваченные из истории отношений славян к островам греческим в период VII—XI вв. Сильное участие славян в Венеции, большие морские силы славян адриатических, особенно дубровничан, частые странствования православных богомольцев убеждают нас в том, что сношения славян с островами греческими не прерывались и в позднейшие времена.

Известный, достойный нашего уважения Василий Григорович Барский[1] рассказывает в своем «Путешествии», что 10 мая прибыл в Кефалонию (с о-ва Корфу) для поклонения мощам св. Герасима. Во вторник 10 мая, оставшись на берегу

* См.: Lup. Protosp. 1081 г. «Robertus dux intravit Tricarim mense Octobri. Et in mense Aprilis Archirici perrexit ad Michalam regem Sclavorum, deditque ejus filio suam filiam uxorem, et Robertus dux cum praefato Michaele imperatore perrexit Idruntum; missisque antea navibus in insula Corfo (Corfu), <...> eam, ubi et ipse post paululum una cum imperatore transfretavit, posueruntque in mense Julii ante Durachium obsidionem per mare et per terram; quam stolus Ven<...>ticorum veniens dissipavit, apertumque est more Durachii. Hoc anno Botaniatim factus est Mona<...>us, et Alexius factus est imperator».

с вещами, «учитель мой отец Рувим посла мя к протопопу прошения ради места к престоянию; к нему же егда аз пришед, прият мя любезне, *понеже человек благ и добронравен есть, к тому же и знаяше мало разглагольствовати Российским наречием, иже егда уведа о нас, абие повеле принестися нам со всем в дом свой.»*

В Корфу Барский прибыл 9 апреля 1725 г. вместе со спутником своим Рувимом; пошедши в церковь св. Спиридона, они нашли ее затворенной и потому остались в притворе. «И се сидящим нам тамо в притворе сниидошася к нам нецыи от греков, и начаша нас вопрошати, откуда есмы, и како к ним придохом, и како грядем; мы же ответствовахом поистине вся; *таже един вопроси нас о сроднике своем, его же имьяше на Москве, и рекохом ему, како и в коем чину пребываеть, понеже знаяше ею добре сопутешественник мой отец Рувим;* за что оный грек бывши благодарен за таковое известие, зва нас в дом свой, недалече от церкви св. Спиридона стоящий...»

Путешественники наши весьма были огорчены, что не поспели к тому времени, когда открывают мощи св. Спиридона. «Молих же, — говорит Барский, — многих великородных ктиторей церкви и самого протопопа, да соберут ключи, а покажут нам, понеже суть ключей четыре, и всяк в разных держится руках, *аще сие зело и трудно есть, понеже никому же показуют кроме уреченного времени, по понеже любимы быхом, яко от стран Российских есмы, того ради, обещахуся все».* Путешественники наши достигли своего желания.

В сентябре 1731 г. Барский был на острове Патмосе. «Храм св. Евангелиста Иоанна Богослова, украшен есть и иконостасом леным, *в нем же суть все иконы московские* и стены храма иконописаны суть...»*.

Барский на Патмосе бывал очень часто и живал подолгу, трудился для него, и конечно будущий историк о-ва Патмоса

* «Подножие в его храмы, — продолжает Барский, — и притворы постланно есть лено мраморами, много сребренных кандилов имать, ими же украшают в праздники нарочитые мощи, и *сокровища книг многа имут, рукописные древние с кожаными листами, от иноков же многие обретаются искусны в учении, говейны и добродетельны»* (I, 373, 6-е изд.).

XVIII в. не преминет упомянуть о нем со всем должным уважением. Позволяю себе об этом предмете несколько распространиться. Барский сообщает весьма любопытные известия об одном иеродиаконе Макарии, жившем в то время на Патмосе, человеке, который без сомнения займет одно из видных мест в ряду людей, приготовивших возрождение греков.

В 1731 г. Барский уже застал на Патмосе этого Макария — «иже прежде двадесятью летами тамо начать жительствовати; сей убо родом от тогожде острова Патма, последи же отъиде в Константинополь, и не мало лет тамо поживе, диакон сущий архiерея Ираклийского; достигши же в совершенную мудрость Еллинского и Латинского языка, преуспе и в добродетелях не мало; таже оставя архиерея, честь, славу и корысти, и ниже чин священства возхоте прияти, но возвратився паки в Патм остров в свое отечество, и седе в оной обители при пещере, служа Господеви и нощь, монастырю великому брать сотворися, есть же муж добродетелен, смиреномудр, постник, целомудр, незлобив, страннолюбив, пользуя многих, мусикийскую хитрость добре ведый... сотвори училище, и собрашася к нему ученики многие, не токмо от Патма, но и от окрестных стран, и предает учение грамматическое, риторское, философское и богословское, Еллинским и Латинским диалектом, *и многие от землевладельцев философы и богословы сотвори. Прежде бо в Патме толь просты бяху люди, яко ни церковного правила не знаху добре чести, ныне же умножишася премудрые и искусные мужи, сице в мирстым, якоже и в духовном сане, нетокмо же тамо суть но от лета 1728 в иные окрест страны начаше расходитися и умножати Еллинское грамматическое учение; в лето же 1729, за тщанием и ходатайством... Макария, за иждивением же некоего купца богата Константинопольского создано новое училище пространное наподобие монастыря с несколькими келиями ради странных учеников, и многие тамо стекаются к учению, не токмо от убогих, но и от знаменитых мужей дети от Царяграда, Солуня, Коркири, Крита, от Кипра и от иных различных стран; прежде же и путь не сведом бяше в остров Патм, ныне же есть пресловут всюду ради храма Св. Еванге-*

листа Иоанна Богослова, и ради добродетели премудрого оного мужа Макария». Таким образом, Барский непреувеличенно выразился: «Сице бо за тщанием его и славою множися оное училище, яко грекам бедным, в пленении сущим под игом работы магометанской, место древних Афин есть».

Не знаю, сохранились ли у греков подробные известия об этом славном труженике просвещения и народности, во всяком случае для них должны быть чрезвычайно дороги слова о нем нашего Барского, так как он коротко знал Макария. Барский, живя в Триполи, учителем своим Иаковом послан был в 1733 г. на Патмос: «ради некоей потребы послан бых... в Патм к великому учителю Макарию, ради неких еже в вере истязаний бываемых тогда в престоле Антиохиистем от папистов и униатов». Замечу, кстати, что так послужил делу греков не один русский. Не мало русских богомольцев перебывало на островах греческих до Барского, и, конечно, большая их часть поступали также подобно Барскому. Кстати, напомним, что в XVII стол. один русский, именем Пароений Небоза, был Митрополитом Лаодикийским...

Макарий скончался 17 января 1737 г. «…аз же (плакахся) отца, наставника и благого; ибо сей же пред многими леты мне историку сущу и в Патм нарочно поклонения ради святого места пришедшу, советова мне, да оставлю все странствование, и *да приложуся к учению Еллинскому, в пользу себе же и отечеству»* (II, 73). Из этих слов видно, что Макарий помышлял и о нашей России, хорошо сознавал великую для нее пользу от *учения Еллинского.* Мы, русские, тем более привязываемся к этой высокой личности. Место его занял ученик его *Герасим,* который вскоре, однако, умер, оплакиваемый всеми; «…аз же, — говорит Барский, — до умертвия скорбех, не точно лишения ради *отеческой его ко мне любви и ревности крайней к Российскому роду,* но ради великого его искусства в Еллиногреческом поучении» (II, 74).

Барский дорог для греков, для острова Патмос не только этими и подобными о нем известиями, но и своими трудами. Так, задержанный на нем чумою, в продолжение шести меся-

цев, он занялся составлением латино-греческой грамматики. Пусть, говорит сам Барский, этот почтенный и слишком мало оцененный нами, простой русский человек — «и собравши от различных грамматик латинских, сочиних едину грамматику латино-греческую, с разноположением необычным и с удобопонятным сокращением, елико мощно, по желанию и прошению случающихся мне любомудрых греков, из нее же может всяк грек книжен, аще и несовершен грамматик, изучиться совершенно грамматике латинской: в ней бо латинского художества поучение Еллинское, примеры же латинские обретаются. Благодарю же всемудрого Бога за таковое просвещение, яко не допусти мя погубит всуе толикое время, *но сподоби мя потрудитися за душевное спасение, на пользу братии и ближних наших, и на честь отечеству моему; долженствую бо и аз греком творити благодеяние, понеже и аз многие благодати восприимах во всем моем странствовании, паипаче же в Патме от школы и от монастыря; ибо жители тамошние чрез 6 лет никаковой на меня турецкой дани не налагаху, но иноки от монастыря общим изволением по пяти хлебцев мне на седмицу, милостиву подаваху, еже аще бы не было, то не мог бы аз в Патме толикое время прежити, и поучатися Еллинскому учению, за которое благодеяние Господи их спаси»* (II, 75—6)*.

* Чтобы вполне оценить заслугу Барского, надо вспомнить, что уже будучи в Венеции в 1724 г., он стал только учиться по-гречески; «последи же омерзе мне, дозела праздность, яко не имех что делати, и не умех, едино точно учение латинское, русское и иное школьное знание, един бо от учащихся бых; есть же тамо семинариум, си есть школа греческая, в ней же дети греческие от иных стран греческих пришедшие учатся итальянскому и латинскому наречию, даже до риторики. Семинариум оное надлежит под протекцию больших неких бояр венецианских, иже не тако (мию) своея ради славы, яко паче Божия, дают кошт большой, платяще дидаскалу, еи есть, учителю, за оные чуждые дети, кормяще и одевающе их, даже чрез шесть лет». Барский выпросил позволение ходить туда учиться; «еще повел (дидаскаль) ученикам своим дагаще о чесом либо нибудь вопрошу, да показуют мя и научают, *аси бо мя греки любяху, яно едину с ними имам веру»* (I, 92—93). Над Барским посмеивались школьники, называли его в насмешку *Соломоном,* — «множицею бо книжицы моя и писание школьное вметаху в огонь, и прочая негодная твореху; аз же иногда сварохе, иногда же на Господа возвергая печаль мою, молящи, да той мя препитает и по печали даст радость». (I, 93).

Быть может, все эти приводимые здесь подробности не покажутся излишними по поводу относительной важности вопроса — имели ли славяне, в свою очередь, влияние на греков? Для сего позволю себе указать еще на следующие три обстоятельства.

Янина, давшая новой Греции нескольких замечательных людей, окружена со всех сторон местностями и селениями, носящими следующие названия: Zagoriani, Glizani, Tzerkovitza, Gribovo, Tzerkovista, Michalitzi, Laskovetzi, Greveniti, Prilepi, Veitrista (см. карту Кинерта). И сколько же из Янины вышло людей замечательнейших, одних из главнейших деятелей возрождения Греции! Братья Зосимы*, Каплани**, Феодози, эти греческие Новиковы, все уроженцы Янины и окрестностей.

Зосимы и Каплани прожили весьма долго в России, и, оказав ей большие услуги, сами, в свою очередь, испытали сильное ее влияние. На жизни же и трудах Феодозиев яснее обнаруживается их славянское происхождение. Так, Дмитрий Феодози написал даже на русском или лучше славяно-русском языке Историю Петра Великого и напечатал ее в Венеции***.

---

* О Зосимах см. ‹…› τού 'Αοιδίμου Νιχολάου Π. Ζωσιμα εύγένους Γραίχου χαί ίππότου τοϋ τάγματος τοϋ σωτήρος. 'Εν Μοσχδα. έχ τής τυπογραφίας Α. Σεμερα. 1843. Здесь помещено одно завещание Н. Зосимы (144 с. в 8-ку). В другой же брошюре с таким же заглавием... *Εν Μοσχαι,* 1844. 183 с., в 8-ку, — перед завещаньем помещено и известие о жизни братьев Зосим. Они родились около 1730—1760 г.

** О Каплани см. любопытную брошюру «Редкий и благодетельный подвиг Зоя Константиновича Каплани, в Греции 1736 г. родившегося, в Москве же 20 декабря 1806 г. скончавшегося». Москва, 1809, XXIII и 109 с., в 4-ку.

*** «Житие и славные дела Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского с предположением краткой географической и политической истории в Российском царстве, ныне первее на славянском языке списана и издана». Две части в больш. 4-ку. В Венеции в типографии Димитрия Феодозия. 1772. Con licenza de'superiori. Книга эта была перепечатана в Петербурге в 1774 г. иждивением купцов С.-Петербургского Копнина и Иркутского Байбородина. Одной из причин этой перепечатки, как объяснено в «предуведомлении от трудившихся в напечатании сей книги» — что «самых книг сея истории вывезено в России столь мало, что многие любители истории своего отечества, напоследок ни за какие деньги получить оные не могли». — «Поправления и замечания принял на себя труд сделать его сиятельство князь Михайло Михайлович Щербатов». Слог «исправлять тру-

дился коллежский секретарь Василий Алексеевич Троепольский». — Что Дм. Феодози был уроженец Янинский, видно из одного греческого его издания: Horologium (graece). Venetiis, 1778. 12. 1… — Привожу те места, которые лучше всего обнаруживают взгляд автора на Россию, его сочувствие к ней. Он хвалится успехами русских, гордится ими. В его словах отразились взгляды славян на наше отечество. В предисловии, кинув беглый взгляд на Русь допетровскую и сказав, что терпела она от татар, турок и пр., продолжает: «Швеция лежит спрятана за Балтийским морем и о России худого и помыслить не дерзает; а Польша принимает, законы от онаго престола, коего она некогда в презрении и в поругании имела. Сего пред тем никто не мог себе и вообразить, а еще менее оное предприятие, которое ныне всю вселенную в несказанном удивлении, а Малую Азию и всю Турецкую империю в крайнем трепете и ужасе содержит. — Коль много крат испытывались всепресветлейшие Римские цесары высвободить христианской род от ига оных христопротивников; но такое их предприятие не могло никогда удаться по желанию, от большой части затем, что французы держат всегда партию турецкую, и для того всегда ж таким цесарским благохвальным предприятием, своими на цесарские области в те самые времена нападениями мешали и диверсии чинили. Из публичных ведомостей известно, что нынешнему российскому предприятию хотели они таким же образом, по последней мере на западных и южных водах препятствовать; но когда удостоверены были, что хотя и женщина управляет Россией, но живет в ней дух Петра и сама она великан... то не отважились они сделать ни попытки в том, в чем делать были намерены, и что Римским цесарям, Петра Великого в себе не имевшим, чинить они могли». — Затем, заговорив о Петре, он останавливается на С.-Петербурге и хвастается им, как бы своим родным городом. «О сем нынешнем Императорском столичном граде имею я от некоего моего приятеля известие следующее: я не говорю иного, когда доказую, что сей российский столичный град превосходит все то, что только великим подумать можно». Затем описывает Неву, здания и т. д. Перечисляет заслуги Петра, прибавляет: «… и чрез все то возвел он Россию на высочайшую степень силы и славы, а имя свое учинил у самого отдаленного российского потомства бессмертным». — «Сего-то преславного Императора, несравненного героя, нынешнего царства российского основателя, просветителя и отца житие и славные дела описаны почти на всех европейских языках, един только словенской был по сие время такового утешения лишен, затем, что народы того языка на юго-западе обитающие, сами того учинить средства ее имели, а *от россиян того ожидать уже и утомились,* и так остались всегда в одном только напрасном желании, в котором и я с ними ж находился и которым единственно возбужден выдать настоящую о высокопомянутом Императоре историю на *нашем славянском языке*». Сначала он предпосылает географический очерк России и очерк русской истории до Петра, чтобы читатель увидел, «коль в глубокой тьме неучения и беспорядочного правления находилась Россия и что Петр Великий был первый, который собственным своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тьмы вывел на свет, на которого без блистания великого и

В посвящении своем Императрице Екатерине он говорит, между прочим, что о Петре Великом не мало уже книг написано, а что он по справедливости от всех наций зовется великим, — «то посему в сравнения сего следует, что весьма прилично было и житие сего Государя *на свойственном его Империи народа диалекте, в котором и другие толь многие нации сходны находятся, изъявить,* дабы и они о великолепных акциях и преславных великого и такового героя делах полезного не лишились известия».

удивления смотреть не можно». — Затем он говорит о пособиях: «мне в отдаленных не ученых странах живущему надобно было книги иностранных писателей промыслить из Германии, а российских из России, сколько могущество мое дозволило, для чего и провел я пять лет в сочинении сея истории без перерыву». Но иностранные писатели, говорит автор, не совсем справедливы, «писали они все то, что могло служить к мщению и к бесславию российского народа. Где же было им место писать о российской церкви, то употребляли все они не только сверху российского духовенства, но и сверху самого греко-российского исповедания такие хулы и бесчестия, что без мерзости и читать их нельзя». Ему помогали известьями и сведеньями барон Петр Шафиров, бывший тогда государственным вице-канцлером, и академик Миллер. — Любопытен взгляд его на французов. Сказав о недостаточности описания Петровской победы над шведами, находящегося в сочинениях Вольтера, Рабепера и Лакомбо, он прибавляет: «Французы от большой части в писании истории самовольны» (Венец. изд. I, 288). Это же самовольство, легкость и неосновательность ставят в упрек французам и русские, говоря, например: «Француз сыт крупицей, пьян водицей, шилом бреет, дымом греет».

В заключение этих длинных выписок, за которые, вероятно, не посетуют на меня читатели, коим книга Феодози недоступна, приложу еще следующее и последнее место, — весьма интересное замечание автора по случаю объявления Петром войны туркам в 1711 г. «Поистине все как единоплеменные славянские, тако и греческие, и других языков восточного Иерусалимского благочестия народы, которые через толь долгое время стонут под игом Отоманским, начали уже воображати себе Петра Великого, точно яко Израильского от Бога посланного ангела, который избавит их от плени Мухамедянской, точно яко Египетской. Пророчество по гробе греческого императора Константина найденное удостоверовало их, что турки имеют всеконечно изгнаны быть из Царьграда народом рыжим или русским (то есть червленикастым), коим россиянов быти разумеют. Да и ныне тоже, думают и все единоверные, хотя в неволе не явно, однакож в тайне, а паче сердечные свои молитвы к Богу о успехе оружия благочестивого государства над злочестивыми и человекопоклонниками, ради освобождения своего и своего утесненного благочестия, непрестанно воссылают». (II, 22).

Как смотрел Феодози на греков, можно видеть из следующих его слов, — «между греками и сербами со времени их еще бывших государств искорененная антипатия есть неразрушима. Гордость греческая не может разве поневоле терпеть славянского языка людей, а сербы имеют греков в таком презрении, какового достойны все не постоянные и гордые люди» (Венец., изд. I, 23).

Тот же самый Дмитрий Феодози издал и «Славяно-Сербский Магазин», то есть собрание сочинений и переводов. Том I. Часть 1. Венеция, 1768.

Пан Феодози, вероятно брат Дмитрия, также трудился для дела славянского. Он издал: 1) Стихи и прозы (sic!) Карамзина. Poesic e Prose di Karamsin. Tradotte dal Yusso per il Dr. Cetti. Млетки (т. е. Венеция). В типографии Пана Феодозия. 1812. Рядом с переводом напечатан и подлинник. 2) Этика или Философия Нравоучительна по системе Профессора Соави Досифеем Обрадовичем издата. В т. греко-славянской у Пана Феодозия. 1803*.

Таким образом, Феодози, будучи греками по воспитанию, вовсе, однако, не утратили славянской народности и в силу ее тяготели, так сказать, к миру славянскому.

Феодози были земляками братьев Зосим, Каплани, которые также немало потрудились для России, следовательно, для славянства, и имена которых неразрывно связаны с возрождением единоверных нам греков.

Второе же обстоятельство, которого также нельзя терять из виду при вопросе о славянской стихии в мире греческом, заключается, по-моему, в том, что самый Царьград и прилежащие к нему местности имели издавна поселения славянские. Имена *Белград* и *Поле* (Polja) ясные тому доказательства. Монастырь Студийский в Царьграде, где жили русские в XIV в., был, конечно, всегда гостеприимно открыт не только русским, посещав-

* Для всех, понимающих тесную связь истории России с историей прочих славян (а кто ее не понимает!), весьма живо и ясно должна предстать необходимость обращать в истории русского языка и литературы вниманье на историю славянских типографий (вообще, не только русских) в чужих краях. Им предстоит великое развитие в будущем. Венеция в этом отношении обращает на себя особенное внимание.

шим столицу, но и болгарам и сербам, сторону которых почти постоянно держали русские в их распрях с греками на Афоне.

Наконец значительные перемены в политической судьбе греков, произведенные болгарами при царе Симеоне († 927 г.) и его предшественниках — при обоих Асенях, сербами, начиная со Стефана Немани до Стефана Душана включительно (1147—1356 гг.), и единоплеменными и столько им обязанными русскими, начиная с 1453 г. (когда Москва, по выражению современников, стала *третьим Римом*) до 1830 г. включительно, такие перемены, говорю я, решительно, кажется, отнимают всякое право и малейшую возможность у кого бы то ни было обвинять в народном самохвальстве тех славянских писателей, которые настаивают на необходимости и важности изучения вопроса — о влиянии славян и на греков.

Представим вкратце несколько любопытных и немаловажных черт для характеристики современных отношений греков к народу русскому; постараемся несколько пояснить их исторически и наконец предложим на суд читателей несколько мыслей и соображений касательно будущих наших отношений к грекам, которые имеют тесную связь с вопросами об умственном общении России с миром славянским и о распространении русского языка вне пределов России.

Одно наше духовное лицо, в путевых заметках о Греции, которую оно посетило в 1850-х гг. , сообщает несколько весьма любопытных подробностей, живо рисующих понятия греков о русских и расположение их к России.

«Город (Калаврита), знаменитый исторически, — говорит почтенный автор, — как центр греческого восстания против турок, представляется, подобно Коринфу, кучей развалин... Русское имя вскоре огласилось по городу, и когда мы посещали церковь, нас уже окружала весьма значительная толпа народа, высказывавшего веселое и живое чувство при взгляде на нас»*.

Почтенный автор приезжает в *Патры* (или Патрас). «Было часов 5, когда мы отправились с квартиры, — пора, в которую

* Ж. М. Н. Пр. (Журнал Министерства народного просвещения. — *Примеч. сост.).* 1834. Март. Христианские древности Греции. С. 173 и сл.

весь город, в течение дня укрываясь, высыпает на улицу дохнуть прохладой. С нами шел наш вице-консул. Лишь только завидели нас на улице, друг за другом стали подходить к нам, сперва дети, потом и возрастные, и наконец все, кто ни встречал нас, приставали к нам. Движение сделалось общее. Со всех улиц и переулков бежали к нам шумели, толкались, забегали вперед посмотреть на нас, пытались много раз принять от меня благословение — *ρουσσιχήν άγίαν εύλογίαν* (т. е. Русское святое благословение), как говорили, и пр. Приближаясь к церкви, я оглянулся и ужаснулся: за нами шел, казалось, весь город. В церкви говор и волнение напомнили мне весьма живо то блаженное время, в которое мы, бывало, ожидали и встречали Государя Императора. Его славное имя двигало и теперь толпами иноплеменного, но единоверного нам народа. *Εύλογημένη ή Ῥωσσία! Εύλογημένος ό Νικολαος ό πατέρς μας! Ζήτω ό Αύτοκράτως! Ζήτω ή Ρωσσία* (Благословенная Россия! Благословенный Николай отец наш! Да здравствует Император! Да здравствует Россия!) Множество подобных ублажений разносилось по церкви»*.

«Во все время пребывания нашего в Фивах мы не переставали слышать по временам подземные удары, из коих три или четыре были весьма значительны. Несмотря, однако ж, на всю поразительность своего положения, бедные жители, при одном слухе о прибытии русских, пришли в движение и толпами ходили за нами между развалинами домов своих»**.

«И без того всем близкое и любезное имя русских в это время возбуждало всеобщий восторг в Греции, и преимущественно в клире греческом. Мегаспилеон (большой монастырь на западе от Коринфа) — центр и исходная точка религиозного воодушевления греков, естественно, более всех других мест сочувствовал России»***.

Эти чувства расположения греков к русским не ограничиваются нисколько одним духовенством. Так, известно, что с 1798 до 1807 г. русские принимали самое живое участие в

* Ж. М. Н. П. С. 188.

** Там же. С. 223.

*** Там же. С. 158.

делах островов Ионических. И что же, масса народонаселения поныне любит вспоминать о нашей эскадре, и преимущественно об адмирале Дмитрии Николаевиче Сенявине.

В 1811 г., будучи в Занте, один из почтенных наших моряков так, между прочим, выражается, говоря о привязанности жителей к русским: «Кто виновник радостным приветствиям, с какими нас окружали иностранцы? Кто внушил им это уважение к Русскому флагу?»

Всем этим преимущественно, говорит он, мы обязаны Сенявину. Его имя «повторялось теперь на шканцах, на палубах и в кают-компаниях». О нем «говорили с заметным оживлением и всех расспрашивали приезжавшие толпы». Его «благословляют здешние народы, рассказывая детям о его временах, о их благоденствии под управлением адмирала Сенявина. Здесь все знают, помнят и глубоко уважают Дмитрия Николаевича».

«Любимый разговор наших гостей был о нем; они не говорили о его воинской славе или морской известности; нет, они рассказывали о нем самом как о человеке без блеска и титла. Говорили, как он был строг и вместе с тем входил в малейшие нужды жителей, всякого сам утешал, каждому помогал, и его любили больше, нежели боялись. В какой дисциплине держал он и своих и чужих, но любил, чтобы все его окружающие были им довольны и всегда веселы; сам изобретал удовольствия, давал пиры, и все уважали его не на словах, а действительно. Наконец заговорили об его отъезде. Как это неожиданное известие всех поразило! не хотели ему верить; не могли видеть французского флага. Греки бунтовались, но адмирал Сенявин усмирил их, и весь народ со слезами провожал его. И теперь при этом рассказе, у некоторых навертывались слезы. Зантиоты желали знать все подробности об адмирале: когда он умер? где похоронен? какой сделан памятник? остались ли у него дети?» и пр.*

В XVIII стол. победы Румянцева, Суворова, бой Чесменский не могли не производить на греков весьма сильного впе-

* Ст. г. Арцымовича: Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Морск. сборн. 1853. № 12. С. 266 и сл.; См.: Маяк 1843. И. Сущов. Воспоминания русского моряка (в 1841 г.).

чатления. Самый приход русских в Морею в 1770 г. , хотя исход его был весьма неудачен, впрочем, не по нашей вине*, имел весьма сильное влияние: горсть русских несет им свободу, доставляет победы над их давнишними угнетателями.

В 1698 г. боярин Борис Петрович Шереметев, в бытность свою в Венеции, 16 февраля, принимал у себя греческого митрополита Венецианского: «и поздравлял боярина победами, которые боярин одержал под час бытности своей в Белгороде, над неприятелями креста святого, и говорил с боярином много, желая великому государю, его царскому величеству счастливых побед и одолениями над неприятелем креста святого, и освобождения греческого их царства от ига поганского, и говорил яко в прошедшее время, непрестанно Господа Бога молил со всеми христиа-

* Истинно драгоценный документ «Собственноручный журнал капитан-командора С. К. Грейга в Чесменский поход» (Морск. сб. 1849. № 10. С. 643 и сл. № 11. С. 713 и сл. № 12. С. 783 и сл. Сев. Арх. 1823. Ч. 8. № 22. Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедомона или Спарты, что ныне Мизятра, в 1770 г.) — не допускает теперь ни малейшего сомнения в том, что виной неудачи восстания Морейского были не русские. О действиях пехотного капитана Баркова см. с. 713 и сл. С небольшим отрядом майнотов и горстью русских барков скоро овладел Мазитрой и принудил турок к капитуляции, до 3,500 человек. «Но только что обезоружение их было окончено, как майноты, не знавшие законов войны... и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей». Барков с 12 русскими солдатами напрасно останавливал майнотов; они стали стрелять по нашим часовым. Город был предан разграблению. Турок погибло множество. Грейг при этом весьма основательно рассуждает: «Некоторого оправдания такого бесчеловечия со стороны греков можно искать в жестоком с ними обращении их утеснителей. Как бы то ни было, но это происшествие, гибельное для турок, было столь же неблагоприятно и пользе русских, и имело следствием все те неудачи, которые они впоследствии испытали в Морее. Если бы капитуляция была соблюдена со всей точностью, то очень вероятно, что ни одно из остальных укреплений, занятых турками, не было бы сильно защищаемо, так как турки начинали уже оставлять Морею и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Корон все еще держался; но нет сомнения, гарнизон его сопротивлялся русским не столько от желания удержать за собой эту крепость, как от страха пройти без оружия через край, наполненный сильными партиями неумолимых греков. Во всяком случае с этого времени начались неудачи русских в Морее, несмотря на то, что сила их возросла впоследствии от прибытия остальной части флота. (Морск. сб. 1840. С. 777 и сл.).

ны, которые суть под его паствой, о здравии вел. госуд. его царского величества и о совершенной победе над неприятелями»*.

Греки, со взятия Царьграда турками, преимущественно обратили свои взоры на единоверную Россию, сношения их с нами с тех пор стали еще теснее.

В XVII стол. стало общим убеждением не только греков, русских, но и турок, что Царьграду быть взяту русскими. Так, Петр Великий в письме своем к Андрею Виниусу от 5 октября 1697 г. из Амстердама, передавая слова Вейта, бывшего в сражении при Центе, говорит, между прочим, что узнал от него — «некоторый паша взят в полон, который перед генералиссимусом цесарским и перед всеми генералы расспрашиван, в котором расспросе меж иными словами сказал, что-де у них ныне есть такое пророчество, что в 1699 г. Царьгород взят будет от русских; о чем и преж сего слыхали, только не от таких знатных. В чем да будет воля Господня, от которого победы происходят, и волей Его высятся и ни во что применяются»**.

* Записка путешествия... Москва, 1773. С. 37.

** См. Устрялова — Петр Великий в Голландии и Англии. Прилож. 3. 10 же сент. 1697 г. Петр В. из Остенбурга (Голландской верфи) писал патриарху в Москву: «Мы в Нидерландах, в гор. Амстердаме, благодатию Божией и вашими молитвами, при добром состоянии живы и, последуя Божию слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся; что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан тамо будущих, освободителями, благодатию Его, быть Чего до последнего издыхания желать не перестану» (там же. С. 17). Весьма любопытны слова Нартова, в этом отношении, кажется, заслуживающие полного доверия. В своем сочинении «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» Нартов говорит: «Государь рассказывал графу Шереметьеву и генерал-адмиралу Апраксину, что он в самой молодости своей, читая Несторов Летописец, видел, что Олег посылал на судах войска под Царьград, от чего с тех пор поселилось в сердце его желание учинить то же против вероломных турок, врагов христиан, и отомстить обиды, которые они обще с татарами России делали, и для того учредил кораблестроение в месте, и такую мысль его утвердила бытность его в 1694 г. в Воронеже, где, обозревая он местоположение реки Дона, нашел способным и чтоб по взятии Азова пройти в Черное море». (Москвитянин. 1842. № XI. С. 141). В 1723 г. по случаю *ботика* был дан торжественный обед. «Во время стола, — говорит Нартов, — когда пили здоровье ботика, то Петр Великий говорил: «Здравствуй, дедушка! потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят! время покажет, явятся ли они и пред Стамбулом» (там же. С. 117).

Известные предсказания о взятии Царьграда русскими весьма любопытны для историка, дорожащего не одними внешними политическими событиями, но интересующегося в особенности понятиями и воззрениями, присущими той пли другой эпохе. Предсказания эти одинаково были распространены, как в греческой, так и в русской и славянской литературах*, но что еще важнее, не оставались достоянием книг, а переходили к массам и становились устными преданиями. Так как в истории отношений русских и вообще славян к грекам предмет этот занимает весьма важное место, то я решаюсь указать здесь на одно обстоятельство, которое может наглядно воссоздать процесс образования в массах разных преданий и басней о взятии Царьграда.

В 1674 г., по случаю дел Малороссийских, в Киеве стоял московский воевода Юрий Трубецкой. Его обязанностью между прочим было следить за всем, что делается и предпринимается в Турции; почему от всех, приходивших из Турции, он отбирал сказки и показания и отсылал их в Москву. Так, 17 мая 1674 г. прибыл из Турции в Киев киевский житель *Греченин* Ян Павлов. От него между прочим записали следующий рассказ, который, само собой, не замедлил распространиться в народе.

«Да он же Ян, будучи в Царьгороде, слышал от турков, что в султанских палатах, где в то время православия бывала церковь, а ныне палата, и в той палате, в то число, как в Софийской церкви звон был, объявился стар человек, сидит во святительских одеждах, в креслах, в руках держит посох, а перед ним горит в лампаде свеча; и турки-де видя то, писали к султану, и султан-де велел его из той палаты кинуть на море и туркиде, по его велению, того человека кинули в море, и после-де того тот человек объявился, опять в тех же палатах, сидит в креслах, в тех же святительских одеждах, свеча пред ним горит по-прежнему; и турки-де к султану и о том писали, и султан-де велел ту палату заделать, чтоб никто в нее не ходил»**.

* См.: Повесть о Царьграде. Чтение И. И. Срезиевского. СПб., 1835. С. 41 и сл.

** Симб. сборник (Дела Малор.). В известном объяснении Георгия Схолария (1421 г.) сказано: «Род русых (<...> *γένος*) вместе с прежними обладателями

Повторяю, сношения греков с Россией стали несравненно теснее с 1453 г., когда на наше отечество, отстоявшееся от татар и постепенно начинавшее переходить в наступление, народы православные устремили свои взоры, полные надежд и упования. Предки наши прекрасно понимали это, как то можно видеть, например, из заключительных слов Повести о Царьграде, одного из замечательнейших памятников старинной русской словесности.

Потеря Царьграда была наказанием Божьим для греков за ослабление их в вере христианской, говорит повесть. «А греки в том во всем ослабели и правду потеряли, и Бога разгневили неумолимым гневом, и веру христианскую неверным на поругание выдали, а нынче греки хвалятся государством царством благоверного царя русского от того взятья Мегметева и до сих лет, а иного христианского царства вольного и закону греческого нет; и надежу на Бога держать и во умножение веры христианской и благоверного царства русского, хвалятся и государем царем вольным и до сих лет. А коли на спор с латыняны латынские веры доктуры спираются с греки, на вас, на греков, Бог разгневался неумолимым своим гневом так, как на жидов, и выдал вас турскому царю в неволю и за вашу гордость, и за неправду: видите и сами, как Бог гордым противляется, за неправду гневается, а правда Богу сердечная радость, а вере красота. Они же о том хвалятся и сказывают, есть у нас царство вольное и царь вольный, благоверный государь, царь и великий князь всея Руси, и в том царстве велико Божие милосердие и знамя Божие, новые чудотворцы, и от них милость Божия, такова, как от первых».

победит всего Исмаила и овладеет Седьмихолмым. Тогда вожжется междоусобная война и длиться будет до пятаго часа. Трижды воскликнет глас: Стойте, стойте со страхом! Спешите бодро направо, найдете мужа великодушного, добродетельного и мощного. Он будет нашим владыкой; он друг мой, его приняв, исполните волю мою» (Повесть о Царьгр. И. П. Срезневского. С. 42). Так, в видениях Даниила по старинному русскому переводу: «Изъидете на десные страны Седьмохолмого и обрящете человека у двоюстолпу стояща, сединами праведна и молитва носяща, взором остра, разумом же кротка, среднего врестою, имеющего на десной позе посреди голепи белег, возьмете его, и венчайте царя: то есть ваш владыка» (там же. С. 43).

В начале XVII стол. знаменитый итальянский путешественник, Петр де ла Валле, предсказывал падение Турции, говоря о казацких подвигах на Черном море, о той грозе и том страхе, какие они наводили на турок, грабя и пустоша Трапезунт, Синон, окрестности Царьградские. Крепко ненавидевший турок, постоянно помышлявший об изгнании их из Европы, де ла Валле видел в казаках самое главное и необходимое для того орудие. Он говорил, что казакам суждено создать сильную державу — ни Спарта, ни Рим, ни Голландия, замечал он, не представляли таких блестящих начатков. По его же словам, казаки были твердо убеждены и имели на то полное право, что со временем возьмут Царьград. В малорусских песнях, мне известных, я не нахожу подобных надежд, но позволяю себе привести великорусскую песню, записанную почтенным любителем и знатоком нашим г. Гуляевым от одного Барнаульского мещанина. Речь в ней идет об Илье Муромце, этом высшем идеале нашей народной поэзии, русском крестьянине, не боящемся перечить Владимиру, — когда тому блажь пришла у живого мужа жену отнять, — бьющем татар на Куликовом поле, о том богатыре Илье, которому Ермак Тимофеевич только что племянничек.

Как издалеча, из чиста поля,
Из раздольица из широкова,
Выезжает тут старый казак,
Стар старый, Илья Муромец,
На своем он на добром коне.
На левой бедре сабля острая,
Во правой руке тупо копье
Он тупым копьем подпирается,
Своей храбростью похваляется;
Что велит ли Бог в Царьграде быть.
Я старых турков всех повырублю,
Молодых турчат во *полон возьму.*
Не откуль взялся богатырь турок;
С Ильей съехался, не здоровался;

Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью острым концом,
Илья Муромец бьет тупым копьем,
Он сшибает турка с добра коня.
Уж как пал турок на сыру землю;
Он поддел турка на тупо копье,
Он понес турка во чисто поле,
Во чисто поле ко синю морю;
Он бросал турка во сине море.
Как сине море всколебалося,
На пески вода разливалася.

Еще в XVI в. западные европейцы, близко знакомые с делами турецкими, говорили, что болгары, сербы, босняки, греки, по причине единоверия, в высшей степени преданы царю Московскому, всегда готовы взяться за оружье, свергнуть с себя турецкое иго и подчиниться Москве*.

Вот несколько крупных черт, живописующих отношения России к миру греческому, начиная с 1453 г. ; они доказывают окончательно важность и необходимость вопроса — о влиянии славян и на греков.

Как же славян, возразят мне, а говорите об одной России?

Но Россия, повторяю, своим постепенным возвышением и возрастанием весьма много была обязана своим соплеменникам болгарам, сербам и др.; сознание единства происхождения с ними и вследствие того непрестанные с ними сношения и связи доставили народу русскому возможность не только отстоять свою веру в народность, но и усилиться и окрепнуть, и затем уже перейти в движение наступательное, и, таким образом, в свою очередь, иметь сильное влияние на некогда грозных и

* Цинкейзен приводит следующие слова Дж. Соранцо о Москве (в 1576 г.) «Del Mosrovito dubita poi auche <...> gran Signore, perchè quel granduca è della chiesa gryca come i popoli della Bulgaria, Servia. Bosnia, .Morea o Grecia, divotissimi perciò al suo nome, come quelli che tengons il medesi<...> rito greco di religione, e sariau sempre prontissimi a prender l'armi <...> mano e sollevarsi per libérarsi dalla schiavitu turchesca e sottoporsi al dominio di quello» (Gesch. des. Bin. Reiohes III, 524).

страшных врагов своих. Не надо также забывать, что победы русских над турками значительно способствовали более и более возраставшему влиянию России на мир греческий и что в то же время они были приготовлены поляками, которым в отношении турок много обязана вся Европа. Ведь было время, когда от Польши ожидали спасения как славяне, так и греки, подвластные Турции; только разность вер, еще более действия иезуитов и религиозная нетерпимость Польши заставили их окончательно положиться на одну Россию*.

* …В 1587 г., когда речь шла о соединении Литвы с Россией, бояре московские говорили литовским послам Черниковскому и князю Огинскому: «То пригоже знать всякому христианину что за приязнь христианина с погаными. Если бы государства ваши с царством православного государя нашего соединились, то все поганские государи руки бы опустили: пришлось бы им тогда уже себя беречь, а не христианство пленить: Молдавия, Валахия, Босния, Сербия и Венгрия, которая за турками, достались бы Польше и Литве, а что поближе к нам, Крым, Азов, Кафа, Черкассы и другие орды достались бы Москве, потому что и теперь трое Крымских царевичей со многими людьми уже на стороне нашего государя, готовы в Астрахани» — (Избр. Сигизм. Вазы на Польский престол. Ст. г. Соловьева. Р. В. 1836. Сент. Кн. I. С. 23—26). — В 1674 г. Юрий Трубецкой, из Киева, доносил царю Алексею Михайловичу, что один киевский мещанин, торговый человек, воротясь из земли Цесарской, из города Шленска, рассказывал про Яна Собесского: «А с Глиняного поля королевское величество пойдет к Волосской земли вскоре на турков войной, потому: присылали к королевскому величеству из Полесской и из Мутьянской земли владетели, чтоб он, королевское величество, с войском своим шел к Волоской земли вскоре; а *как он к Волоской земли пришед, и они де волохи и мутьяне и сербы есть королевскому величеству поддадутся, и пойдут на турков войной, заодно с поляками; потому что им волохом и мутьяном и сербом от турков великая налога»* (Симб. сборник. 1845.: Малор. Дела. 1673—1674 гг. № 17. С. 17—18). В том же 1674 г. 30 сент. воротился из Волошской земли из города Ясс, один киевский мещанин и сказывал: *«А волохи-де, и мутяне, и греки, и сербы молят Бога беспрестанно, чтоб великого государя ратные люди или поляки пришли к Волоской земли на турков войной; а как придут, и они великого государя ратным и с Поляки учнут помочь чинить, и пойдут на турков войной за одно; потому что им от турков великая налога»* (ib № 23. С. 23). Вернувшийся из Царьграда грек, Ян Павлов, киевский житель, рассказывает (1674. Май): «А как-де он был в турской земли, и в то время был слух, что великий государь со всеми своими войски пришел в Киев и хочет идти войной в турскую землю, и в то-де время турки гораздо того боялись, а волохи, и сербы, и греки, и мутьяне, и арбанаши-булгаре молят Бога беспрестанно, чтобы вел. госуд. ратные люди пришли в Волоской земли; а как придут и они-де все будут у вел. госуд. в подданстве и пойдут войной с русскими людьми

заодно на турков» (ib. С. 1 57). Русский посол в Польше еще в 1673 г. не раз писал Московскому Двору о необходимости идти на турок. «Тяпкин уведомлял, — говорит А. Н. Попов, — что к нему постоянно приходят и «волошские, и мутьянские великие люди» и просят уговорить царя воевать с турками без опасения. Они боятся России, знаю, что мы сейчас же от них отложимся и соединимся с ней, как единоверцы. Самые польские области православного исповедания охотно соединятся с нами, продолжает Тяпкин, ибо поляки сильно преследуют их веру. Протестантов и кальвинистов не смеют трогать, потому что за них стоят брандербургский курфюрст и шведский король: если бы царь заступился за православных в договорах с Польшей! Нечего бояться турецких замыслов и ухищрений других государств: с помощью Божьей надо, не теряя времени, ударить на Крым; время таково, что, кажется, Бог споспешествует новому государю покорить под ноги его всех врагов и супостатов. Следует испытать государю первого счастья, об этом умоляют все православные народы, находящиеся под игом мусульманским и не менее тяжелым лятинским; вопиют к Господу, чтобы православного монарха послал им на избавление» (Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. Соч. Л. Попова. Спб., 1834. С. 197). Имея в виду читателей, которым большая часть русских книг и сочинений мало доступна, я решаюсь еще на следующую выписку, близко касающуюся этого же предмета. Во Временнике № 2 была напечатана любопытная «Скаска Самойла Пунверицкого Концеляриста Войскового» 1693 г. Его слова о турках служат новым подтверждением, что еще до Петра В. Россия была грозна для турок, сама сознавала это, и уже в то время имела великое влияние на православное население Турции. «Турская власть, — говорит Самойло, — зело дешева стала, что и хану против прежнего ни в каком деле не могут повелевать; а свидетельство тому то: писал ныне хан к Мултянскому государю, чтоб он сверх прежних дач дал многие тысячи левков, и господарь писал к везирю о такой большой даче, и везирь против того письма ничего не сказал, только плечьми сжал... Да и везиря нынешнего мало любят и на самого султана Ахмета наступают здоровее, для того и из Царьграда никуда не выходит. Разбои великие восстали, что не токмо великих людей побивают на дороге, но и на села наезжают, а смирить их некому, для того что власть турская издешевела». Далее говорит он: «Сами турки угадывают, что последнее время государству и что держало их по се время смотрение Божие, что православных царей рати не идут и надежду одну ищут на татарскую силу, которая кой бы час за наступлением войск царского величества была принуждена, то тот час разбегутся. А сами турки и татары говорят: самое время способное нашей погибели и паденью государства. Сам Бог сердце отвращает, что царских и казацких сил нет. Об которых если только услышат, тотчас все разбегутся… Турки всю надежду свою при последней беде своей на татар полагают, хотя и татары зело мешаются и многие христиане говорят, что им последняя кончина пришла бы, если бы войска их царского пресветлого величества московские и казацкие хотя только поднялись, и Днепр очистили, разорив турские городки, и Буджак только б разорили, что зело не трудно есть учинити; тотчас бы несколько десять тысяч, слыша о казацких

Точно так же пригодились нам победы над турками войск Цесарских, т. е. наших же соплеменников. Наконец во всех позднейших делах русских с турками всегда участвовали и соплеменники наши, славяне, например, в Морее (Морск. сб. 1849. С. 654), на островах Ионических (Моск. сб. 1855, № 5. С. 166) и пр.

Как бы ни были слабы и ничтожны предыдущие замечания наши, однако они весьма достаточны для того, чтоб обличить не только возможность, но и важность и необходимость вопроса — какое влияние славяне, столько получившие от мира греческого, имели на него в свою очередь?

Без предварительных подробных изысканий ум строгий и беспристрастный никогда не решится в настоящее время утверждать, что это влияние было слабо, ничтожно, хотя такое предположение, по-видимому, могло бы быть совершенно оправдано современным состоянием литературы одного из замечательнейших ныне представителей племени славянского. Литература народа есть выражение лучших его стремлений и сочувствий, высший представитель его подвигов.

Имеет ли русская литература какое-нибудь влияние на греков? Вопрос этот просто странен и дик, так как, с одной стороны, почти ни одна русская книга не проникает к грекам, столько нам сочувствующим, а, с другой стороны, современная литература наша (мы не разумеем здесь духовных наших писателей) представляет почти ничего или очень мало сочинений и даже статей, хотя, например, о современной Греции, ее материальном, политическом, умственном и нравственном состоянии, тогда как, например, о Бельгии мы имеем уже несколько дельных трактатов. Мудрому, либеральному направлению Бельгии нельзя не сочувствовать, и нам долго

войсках, мултяне, сербы и болгары, чающие с усердием подъему великих государей войск в те страны пришествия, приближилиб ся и соединились на турков, которым учинили б замечание, понеже тамошние христиане зело Господа Бога о том подать и свою надежду на них великих государей полагают, и за их царское просветлое величество все единомышленно и слезно Господа Бога молят, не имея по Господе Боге и Пречистой его Матери иного упования, надежды и заступления от насилия бусурманского».

еще придется учиться от нее, и даже, быть может, всегда, как учатся у нее поныне некоторым предметам народы, далеко и нас, и ее опередившие в цивилизации, например, Англия. Просвещение приводит народы в более и более дружное общение, не насилуя в то же время их самостоятельности. А общение народов предполагает постоянный обмен плодов производительности народной, от простых механических изделий до высочайших созданий искусства и до глубочайших открытий в науках. Пишущий эти строки всегда с искренней радостью встречает всякое дельное сочинение о Бельгии, о Пьемонте, и постоянно желает, чтобы таких трудов появлялось в нашей молодой литературе как можно больше и чаще; но с тем вместе он не может не изъявить самого глубокого и столь же искреннего сожаления, которое, он уверен, разделит с ним всякий просвещенный человек, — сожаления о том, что русская литература не может представить ничего, подобного предыдущим трактатам, о современном мире греческом. А между тем возьмите хоть одно королевство греческое: успехи, совершенные им в последнее время, как в отношении экономическом, так и умственном, поистине изумительные и заслуживают глубокого внимания всякого, имеющего притязание на прозвание европейца. Взгляните на карту, представьте себе географическое положение Греции, вникните в стремление островов, даже Ионических, обсудите внимательнее современное состояние Оттоманской Порты, и вы лучше нас поймете, что Греции предстоит будущее несравненно более блистательное, чем, например, Бельгии. Если уже пробудился в нас интерес к Бельгии и Пьемонту, то не пробудится ли в нас несравненно сильнейшая симпатия к Греции? Рано или поздно она проявиться должна, и тем скорее, чем быстрее станет распространяться у нас просвещение и чем более литература наша станет принимать характер дельности и оригинальности.

Но симпатия эта давно уже существует, симпатия крепкая, взаимная, что ведет себя очень издавна и что запечатлена кровью с обеих сторон.

Хотя отрицать ее нет возможности и ни один благомыслящий человек и не решится, однако все-таки могут сказать: «Если бы она существовала, то оставила бы по себе следы в литературе русской; так как всякая литература есть выражение лучших стремлений народа, и т. д., как вы сами же выразились».

Теперь я не стану говорить, что следы эти есть и весьма ясные, а спрошу только — отвечает ли когда идеал действительности? Наше же определение литературы есть ее представление идеальное, мысль о ней, какой она должна быть, а не какой она есть в действительности. Определение это вообще идет ко всякой литературе, но, в частности, к одной литературе оно применимо более, нежели к другой.

Сказать, что русская литература вполне выражает русский народ, значит подписать смертный приговор не только всему его прошедшему, но и всей ее будущности, так как она не проявила и не обнаружила еще многих сторон народа Русского.

В противном случае надо утверждать, что мы, русские, не нуждаемся в изучении своей истории, что мы достигли полного самосознания.

Наконец, русская литература развивалась, как известно, далеко не так свободно, легко и правильно, как развивается всякий бодрый, здоровый организм, в котором жизнь бьет и играет свободно, весело и беспрепятственно. Ее рост, как и всего русского государства, нередко принимал направление одностороннее. Налегая на одни стороны, мы часто пренебрегали другими, не менее почтенными и достойными развития. Недостаток или даже отсутствие в русской литературе более или менее замечательных сочинений, которые бы знакомили нас с современным состоянием мира греческого, никоим образом не свидетельствует о недостатке и тем менее отсутствии сочувствия России к своим единоверцам. Надо при этом вспомнить, что огромная масса русского народа, которая и поддерживает эту давнишнюю симпатию, еще, к сожалению, не имеет своей литературы; а тот небольшой класс, для которого единственно она по недавнее время существовала, по

большей части знаком с литературами иностранными. Большую бы услугу оказал науке тот, кто бы собрал и разобрал все, что было писано у нас о новых греках; не мало, например, вышло в свое время одних стихотворений, приветствовавших их восстание, учебников словарных, грамматических. Наконец не следует терять из виду и действий филеллипов в России: стоит только вспомнить Каподистрию, Александра Ипсиланти, братьев Зосим, служивших в России и имевших между русскими своих друзей, на которых, в свою очередь, они не могли не иметь некоторого влияния...

К изучению современного мира греческого нас приводит не одно чувство любознательности, оно вызывается необходимостью уяснить себе нашу собственную историю, так как она тесно связана и переплетается с историей мира греческого, с древнейшего до настоящего времени включительно.

Следовательно, мало сказать, что с большим распространением просвещения в России и русская литература обогатится замечательными произведениями о мире греческом. Нет, это обогащение тесно зависит от успехов наших в изучении нашей собственной истории.

Нет сомнения, что тогда и греки живо сознают необходимость изучения русского языка и знакомства с русской литературой, в которой они тогда много могут найти для себя важного. Распространение русского языка на Западе, кроме нашей собственной вины, нашей малой производительности, долго еще будут лишать старые предрассудки, от которых не легко отвыкать никому. «Как, в самом деле, стать изучать язык этих Русских, этих московитов и казаков, которых отцы наши так недавно еще величали варварами и полудикарями, которые еще на нашей памяти за великую честь себе поставляли услыхать от нас, что они много на нас и мало на себя похожи!»

Распространение русского языка в греках не может встретить такого препятствия, так как давнишнее их сочувствие к нам само идет навстречу умственному и литературному общению нашему с ними. А ведь потребность в нем уже становится для нас весьма ощутительной, возрастает с неу-

держимою силой, с каждым нашим шагом вперед в изучении и постижении нашего прошедшего, настоящего и будущего, в нашем самосознании.

Изучение мира греческого (нового с IV в.) важно для России в трояком отношении.

Греческое влияние на нас, славян, вообще было громадное. Изучение и определение в нашем быту и образованности стихии греческой уже вменяют нам в обязанность основательное и всестороннее изучение мира греческого.

Оно вызывается в то же время и другим требованием, законным и необходимым, особенно с тех пор, как совершилось тесное соприкосновение России с Западной образованностью, — требованием нашим ясно понять и уразуметь мир западноевропейский, что невозможно без самостоятельного изучения его истории, его прошедшего, а этот запад, этот мир романо-германский, весьма многое заимствовал от Византии, весьма многим ей обязан. При всей своей неприязни к ней, при всей своей нетерпимости, он сам сознавал ее превосходство пред собою во многих отношениях. Один из замечательнейших представителей своего времени (XV в.), строгий приверженец католицизма и далеко не беспристрастный к иноверцам, Эней Сильвий Пикколомини, бывший на престоле папском под именем Пия II, так говорил о Царьграде половины XV в.: «Manserat Constantinopolis ad nostrum usque tempus vetustæ sapientiæ monumentum, litterarum domicilium et arx philosophiae. Nemo Lalinorum satis doctus haberi poterat, nisi Constantinopoli aliquamdiu in litteris vixisset. Quod florente Roma doctrinarum nomen habuerunt Athenæ, id nostra tempestate Constantinopolis obtinebat» (Epist. 162), т. е.: «Константинополь до нашего времени оставался памятником древней мудрости, жилищем наук и словесности, твердыней философии. Никто из латинцев не мог быть достаточно образован, если некоторое время не прожил в Константинополе в занятиях словесностью. Что для наук в цветущее состояние Рима были Афины, то в наше *время* был Константинополь». Кажется, ясно, что без основательного знакомства с образованностью византийской нам не понять вполн-

не образованности романо-германского мира. После же Петра Великого, после же того тесного соприкосновения России с Европой Западной, основательное и многостороннее изучение ее истории стало одной из настоятельных потребностей наших.

Стремясь к самосознанию возможно полному, мы, русские, в изучении России и вообще мира славянского, не можем не обращать самого строгого внимания не только на то, что получили славяне от других народов, но и на то, что, в свою очередь, они принесли и дали другим народам. Важный, как мы видели, вопрос о том, какое влияние имели славяне на греков, вступая в ряды занимательнейших вопросов отечественной науки, в то же время для своего разрешения настойчиво требует основательного и много стороннего изучения мира греческого.

Чтобы выразиться, как можно сжатее, следует сказать, что *Россия вынуждена к необходимости основательного и многостороннего изучения мира греческого для возможно полного и удовлетворительного решения в высшей степени важных и необходимых для ее самосознания, вопросов:* 1) *о влиянии греков на Россию,* 2) *о влиянии России на греков,* 3) о *влиянии греков (Византии) на Западную Европу, историю которой Россия, многим ей обязанная, должна изучать основательно и многосторонне.*

Само собой разумеется, что эти три общие вопроса распадаются, в свою очередь, на бесчисленное множество частных вопросов, весьма важных и требующих для своего решения трудов самых разнообразных. Эта благодарная почва, вообще обработанная мало, манит к себе русских ученых едва ли не всех специальностей, богословов и философов, математиков и натуралистов, филологов и этнографов, историков и юристов, художников и археологов.

Предпринимая какой-нибудь труд, будет ли то отдельное лицо или целое общество, необходимо ему прежде всего ясно поставить вопрос, сознать те непременные условия, которые благоприятствуют добросовестному и основательному его решению, и наконец по возможности точнее вычислить те

выгоды, которые сами собой придут от подъятых усилий. Последнее нужно во многих отношениях: 1) для поверки важности вопроса, которая измеряется результатами подъятых для его решений усилий. Вопросами пустыми и праздными заниматься не следует; 2) для заинтересования отдельных лиц и целых обществ, прямо и непосредственно в труде нашем не участвующих. Весьма часто бывает, что люди своим равнодушием и даже прямым противодействием задерживают ход того или другого дела только потому, что по незнанию его они имеют самые темные понятия о его результатах; и если вы не облегчите их понимание, то они сами же станут всеми зависящими от себя средствами так или иначе помогать вам. Таким образом, увеличится сумма условий, благоприятных для успешного решения вопроса; 3) для сближения с теми лицами и обществами, которые совершенно независимым путем в трудах своих идут к тем же результатам, и пр.

Оговорившись таким образом, пишущий эти строки позволяет себе в заключение поставить на вид читателю несколько мыслей и предположений, осуществление которых могло бы, по его мнению, подвинуть вперед изучение в России мира греческого и не осталось бы без благих последствий на распространение русского языка вне пределов России.

Вникая в три вышеприведенных вопроса, мы приходим к тому заключению, что многостороннее изучение мира славянского есть непременное условие удовлетворительного их решения.

О влиянии греков на Россию. При сем нельзя забывать, что стихия Византийская проникала к нам отчасти через наших соплеменников, что людям, не имеющим понятия о мире славянском, многое может казаться и действительно кажется в России чужим, византийским, греческим, то, что между тем есть общеславянское, а также и наоборот.

О влиянии Византии на Западную Европу. Вопрос этот приводит к необходимости аналитического разложения — Византийской образованности, романо-германской образованности. Та и другая имели огромное влияние на Россию.

Западная же образованность проникала к нам отчасти через западных наших соплеменников, которые, будучи от нас оторваны разностью религиозных убеждений, были, однако, соединены с нами сознанием общего происхождения, сходства в языке, нравах и обычаях, насколько то позволяла разность закона.

Наконец, славянская стихия в Австрии, в Венгрии и Венеции, история Дубровника и вообще Далмации, история Чехии и Польши блистательно доказывают, что славяне немало потрудились и не скудную лепту внесли с своей стороны в образованность западноевропейскую.

Вспомните только имена Гуса, Иеронима Пражского, Жижки, Прокопа Великого, Юрия Подебрадского, Матвея Корвина, Яна Собесского, Яна Замойского, Господнетича, Дудича, Франковича, Радзивила, Ласского, Арцишевского, Кловио, Голара, Глука, Шопена, Листа, Коперника, Залужанского, Гетальди, Лейбница*, Бошковича, Снядецкого, Пуркини, Рокитанского, Шкоды, Чейки, Гаммерника, Бандури, Аниса Коменского, Менинского, Бальбина, Антона, Катанчича, Шафарика, Лелевеля, Палацкого, Скарбека, Воловского, Цешковского и мн. др.

Есть возможность не только предполагать, но и доказать, что стихия Византийская проникала в Западную Европу отчасти через славян.

О влиянии России на греков. Это влияние было подготовлено нашими соплеменниками, без них оно было бы невозможным. До народа русского другие народы славянские имели на греков весьма сильное влияние. Победы русских над турками, заставившие греков видеть в России свою избавительницу, были не только подготовлены победами других славян, но и одержаны отчасти с помощью последних.

Итак, успехи изучения мира греческого у нас в России находятся в самой тесной зависимости от успехов изучения мира славянского, т. е. от изучения славянских языков и ли-

* Лейбниц сам сознавал свое славянское происхождение, Kollar — Cesto pis, sir. 241—242.

тератур в России и от умственного литературного общения нашего со славянами.

Нетрудно усмотреть, что эти три вышеуказанных нами вопроса, заслуживая такого усиленного внимания со стороны русских, в то же время в высшей степени важны и для современных греков. Их литература и наука отечественной истории, движимые народным стремлением к самосознанию, не могут обходить вопросов об отношениях греков (новых — с IV в.) к Западу, к России и вообще к миру славянскому.

Отсюда понятна для русских и греков необходимость взаимного их литературного общения.

В высшей степени желательно и даже необходимо предпринять несколько мер, наиболее удобоисполнимых и своевременных для того, чтобы подвинуть в России изучение мира греческого. Смею думать, что меры, предлагаемые здесь ниже, способны облегчить достижение этой цели.

Прежде всего, как уже сказано, надобно распространить и облегчить в России изучение славянских языков и литератур и как можно теснее завязать умственное и литературное общение наше со славянами. О необходимых для того средствах скажу в ином месте, а теперь обращаюсь к мерам, необходимым для успешного в России изучения мира греческого, которое своим ближайшим последствием будет иметь для народа русского обогащение его самосознания и распространение его языка вне пределов его отечества.

1) *Надобно в средние учебные заведения наши снова ввести преподавание древнего греческого языка.*

Напрасно некоторые думают, что оно отнимает понапрасну много времени, лишает бодрого, практического взгляда на жизнь, не приносит никакой пользы для России.

У нас вообще пропадает много времени даром, мы еще не научились дорожить этим капиталом, мало понимаем весь глубокий смысл поговорки богатого практическим умом народа: время — деньги (time is money).

Вовсе не так трудно, как то некоторым кажется, совместить в гимназическом курсе — преподавание наук естествен-

ных с преподаванием древнего греческого языка. Напрасно полагают, что закрытие первых двух и даже трех классов снизу и прибавление одного или двух сверху не может принести великой пользы.

Не классическое образование виной тому, что современная Германия вообще мало обладает политическим смыслом, за что и служит частым предметом насмешек, нередко очень удачных, со стороны англичан, американцев, даже шведов. Нельзя, однако, не вспомнить, что одним из блестящих в этом отношении исключений был Нибур, обладавший необыкновенными политическими дарованиями. Практический смысл англичанина, банкирские занятия не мешали Гроту начать и исполнить его великий исторический труд. Глубокие и продолжительные занятия Омиром не мешали Гладстону занять почетное место в ряду замечательнейших государственных людей Англии и быть одним из превосходнейших знатоков финансового дела.

Пользу отечеству приносят не одни люди, занимающиеся промышленностью или торговлей. Полезность не всегда измеряется аршинами и фунтами, иначе любой лавочник стоял бы выше Пушкина, Иванова, Глинки. Занятия искусствами — труд в высшей степени производительный; высокие создания отечественного искусства — для всякого народа богатство нетленное, и Шекспир для Англии дороже многих ее фабрик и заводов. Слабое развитие в русском обществе истинного изящного вкуса, а в русской литературе здравой эстетической критики, не только что оправдывается нашим пренебрежением языком древнегреческим и его литературой, но едва ли не имеет в нем одну из главнейших причин. Забавно, право! толкуют о дальности, практичности взгляда и не знают, что непременным условием просвещенного человека поставляется знакомство с греческим языком и его литературой в стране, по преимуществу деловой и дельной, в Англии, никогда не затрудняющейся в выборе таких государственных умов и характеров, которые всегда готовы вести родной свой корабль путем чести и славы. Не знают, что последовательность непременный

спутник дальности, — а разве последовательно было оставлять преподавание латинского языка? Забыли слова дельного и богатого практическим умом Шлецера о том, что для русских греческий язык еще важнее латинского.

2) *Надобно открыть в университетах, в историко-филологическом факультете — кафедры новогреческого языка и истории греческой* (с IV в.).

Знание новогреческого — полезно для филолога, посвящающего свои труды изучению языка древнего греческого и его литературы. Избегая многословия, укажу на Коран; — полезно для филолога, занимающегося сравнительным языкознанием, которое бесплодно без знакомства с теорией языков; полезно для всех, имеющих нужду в византийцах (под языком новогреческим разумею здесь не один народный, современный, но и так называемый Средний). С непонимающими важности литературы византийской — говорить в этом отношении неудобно.

Изучение византийской истории никому так не важно и необходимо, как русским; то же самое должно сказать и об изучении судьбы греков в господство турецкое и до новейшего времени. Обилие предмета и содержания и малая разработанность, особенно византийской истории, отнимают у профессоров так называемой всеобщей истории всякую возможность, как знакомить своих слушателей с теорией византийской, так и самим основательно ознакомиться с нею.

Без предлагаемых мер нельзя ожидать особенных успехов в занятиях русских ученых — Византией и вообще миром греческим. Европейская наука, в лице лучших своих представителей, давно уже призывает Россию выслать преемников Бандури, Дюканжу и Тафелю. Нас, русских, давно, и, к сожалению, не несправедливо, бранят иностранцы, говоря, что мы все выезжаем на фразах, а дела не делаем. Долго ли этому продолжаться?

Предлагаемые меры — не новость. Что ж делать, что часто старое нам приводится вводить, как новое? Давно ли в России заведены кафедры славянских языков и литератур? Поныне большинство образованных людей наших мирится с этим

как бы нововведением старины (так как в старину русский образованный человек знаком был не только с польским, но и с чешским, сербским и болгарским языками) только потому, что эти кафедры открыты и на Западе, в Европе. Не очень далеко от нас то блаженное время, когда русские учились Закону Божию и русской истории по немецким учебникам.

Давно ли русское образованное общество убедилось (и то сколько еще колеблющихся), что по-русски можно говорить не с одними *людьми?*

Открытие этих двух кафедр в университетах наших далеко бы подвинуло вперед изучение русской и славянской филологии и истории, современное состояние которых, к стыду нашему, далеко не блестящее. В короткое время оно бы доставило России нескольких дельных специалистов, ученых, которые бы своими трудами принесли отечеству много чести и пользы. К сожалению, мы все еще не можем отвыкнуть от дилетантизма, питающегося фразами, этого бесплодного и непроизводительного дилетантизма, который толкует о необходимости *жизни, идеи* и ничего не разумеет под этими словами, кроме фраз, отсутствия критики и знаний. Не отстали еще мы и от того, отчасти, казарменного, фельдфебельного, отчасти бюрократического и фабричного воззрения на науку, видевшего в *ученых — идеологов* и признающего пользу только от инженеров, механиков, химиков. Мы нимало не убеждаемся в тесной, неразрывной связи всех наук, от которой происходит, что успехи их взаимно обусловливаются друг с другом. Настаиваем на необходимости образования русских техников для освобождения русской промышленности от тягостной и постыдной зависимости ее от иностранцев, а не хотим заметить, что русский труд вообще, а не только промышленность и торговля, давно забран в руки иностранцами. Странно в том и другом случае помышлять о какой-то внешней силе, которая ничего не может причинить, кроме вреда, и то едва ли обоюдного. Победу над иностранцами, от которых находится русский человек в слишком тягостной зависимости, он одержит только тогда, когда общество разумно сознает потребность

общего соревнования и соперничества, признает святость труда самостоятельного и необходимого разрабатывать богатства своей земли и своей истории своими собственными руками, своей собственной головой. Избави нас Бог отвергать общение народов, которое, впрочем, в истинном своем смысле для нас еще и не наступало, ибо подчиненность не общение, предполагающее равноправность общающихся.

3) *Надобно завязать нам умственное и литературное общение с греками.*

Истинно непростительно в настоящее время, особенно по открытии Русского Общества Торговли, совершенное отсутствие в России книг и изданий греческих, а в Греции — книг и изданий русских.

Отсюда вред для обеих сторон чрезвычайный. Желательно, чтобы общественные библиотеки наши постоянно имели в виду обогащение и пополнение отделения новогреческой литературы. Мне известно, что в Петербурге люди, специально занимающиеся предметом, не имеют возможности достать себе книг самых необходимых. Без сомнения, в таком же положении находятся в Королевстве Греческом и на Островах люди, знакомые с языком русским и интересующиеся единоверной Россией. Газета «le Nord» еще не великий посредник*. Напомню читателю, что в половине XVIII стол. наш Барский встречал на островах греческих людей, знакомых с языком русским; что в настоящее время в Греции переводят историю Карамзи-

* Г. Милюков в своей живой статье об учебных заведениях в Афинах говорит о тамошней университетской библиотеке, весьма богатой изданиями немецкими, итальянскими, английскими, французскими: «Зато отделение русских книг — более нежели скромное: кроме Журн. М-ва Народн. Просвещ. и старых разрозненных словарей, я не нашел в библиотеке никаких книг на русском языке. Не думайте, чтобы греки пренебрегали нашей литературой: нет нации, которая была бы к нам больше расположена и больше принимала участие во всем, что делается в России. Русский язык гораздо известнее в Афинах, чем в каком-нибудь европейском городе. Профессора говорили мне, что в Афинском университете всегда есть студенты, изучающие русский язык. Типальдос не раз обращался в Петербург с просьбой о присылке хотя важнейших русских классиков... Неужели Афинский университет будет тщетно ждать наших приношений?» (Журн. для Воспитания. 1838. № 3. С. 229—230).

на; что в 30-х или 40-х годах нынешнего столетия, на острове Халки, по указанию греческого иерарха Константина Типальдоса, были изданы *Славянская Грамматика* для греков, и славянская Христоматия «с дельным предисловием и словарем славяно-греческим» (Стурдза. Москвитянин).

Следовало бы ученым обществам и заведениям нашим осваивать свои труды и издания с греческими.

То же самое могли бы сделать и журналисты наши, которые изучению мира греческого в России могли бы содействовать и другими способами, например помещением переводных и оригинальных статей о народе греческом, приглашением, хоть через русских дипломатических чиновников, греческих литераторов — писать в их журналы письма, статьи, которые бы знакомили русских читателей с современным состоянием греков, в литературном, экономическом и политическом отношениях.

Осуществление этих предположений нисколько не умалит, напротив, возвысит внутреннее достоинство наших журналов, и не уменьшит, а увеличит число их подписчиков: читающая Россия плохо знает, но к чести своей, не гордится своим неведеньем единоверных своих братьев, столь к нам привязанных и оказавших нам услуги громадные, просветивших Русь христианством, давших ей и всему славянскому миру великих учителей, св. апостолов Кирилла и Мефодия, и, затем целый ряд достойных учителей, в числе которых всякому известны незабвенные имена Максима Грека, Лихуда, Паисия Лигарида, Булгара, Феотоки и пр.

Желательно также, чтобы и русские писатели и ученые, с своей стороны, посылали свои статьи в журналы греческие, знакомя греков с литературным и экономическим состоянием России.

Главнейшим следствием таких мер было бы распространение русского языка между греками.

Русская книжная торговля получит новый рынок, книжный товар увеличит свой сбыт, который с течением времени станет все более и более возрастать.

Но священная ли обязанность платить добром за добро? Не вправе ли будет потомство осыпать нас презрительными упреками и насмешками, если мы не потрудимся и подумать об исполнении задачи, завещанной нам предыдущими поколениями?

Не должно ли русских писателей томить стремление вносить и свою лепту в образованность греческую, подражать примеру тех великих греков, которым образованность русская столько обязана?

Посылкой в Грецию своих сочинений, помещением статей своих в греческих журналах для ознакомления их читателей с состоянием русской литературы, указанием русских книг, достойных перевода на греческий язык — они приготовили бы бывшим и *будущим* Державиным, Пушкиным, Гоголям читателей в отечестве Софокла, Фукидида, Платона.

Желательно, наконец, развитие в русском обществе истинной любознательности и проявление ее в жизни, например, в охоте и страсти к путешествиям. Нельзя не сознаться, что, — разумеется, не все, но по большей части, — изустные и письменные рассказы русских образованным людям об их путешествиях могут служить одним из ярких обличений того состояния неразвитости, в котором еще безмятежно почивает русская мысль. Вялость, бесцветность и пошлость наблюдений спорят о первенстве с слабостью истинных плодотворных знаний. Боязнь обмолвиться, рабское поклонение авторитету, безотчетные заказные восторги, которым не веришь, поклонение блеску и мишуре и совершенный индифферентизм не на словах, а на деле к тому, что достойно уважения, к жизни, к самостоятельной мысли и к самобытному труду — вот почти все отличительные признаки рассказов *большинства* наших путешественников о Европе.

Оттого-то мы так и боимся ездить по тем странам, где путеводители плохи, где нет великолепных гостиниц; к тем народам, о которых авторитеты наши отзываются, по некоторым предрассудкам, не совсем доброжелательно. А между тем эти земли для русского особенно занимательны.

Избави нас Бог отвергать пользу путешествий по Западной Европе; нам только кажется, что большая часть русских образованных людей поныне путешествуют, не томимые жаждой знания, не тревожимые дерзкой, отважной пытливостью вечно работающей и незнающей покоя мысли, а больше для рассеяния, бежа скуки, нагнанной в России праздностью или бестолковой суетливостью. Что слова эти не несправедливы, доказывается тем, например, что русские образованные люди почти никогда не отправляются, например, в славянские земли, которые, однако, заслуживают благосклонного внимания русских образованных людей уже по тому одному, что лежат в Европе и совершенно им неизвестны.

Если б в русском обществе жила любознательность, то явилась бы и потребность пополнить столь замечательный пробел в системе своих географических сведений. Можно вполне быть европейцем, и в то же время путешествовать по землям славянским. Так, немцы, французы, англичане, заметив в системе своих географических познаний большие пробелы касательно внутренней Африки, непрестанно высылают из среды своей неутомимых и отважных путешественников, которые не перестают обогащать науку своими открытиями и наблюдениями.

Нет сомнения, с пробуждением в русском обществе самодеятельности и истинной любознательности наши образованные люди в своих путешествиях чаще и чаще станут посещать земли греческие. Они, без сомнения, завяжут и скрепят то умственное и литературное общение наше с греками, которое в настоящее время становится одной из настоятельных потребностей русской литературы.

Путешествие по Греции, Островам, М. Азии людей сведущих и ученых обещает принести богатые плоды для русской и славянской науки, для русского искусства, так как памятники греческого христианского искусства исследованы вообще недостаточно, а между тем заслуживают внимательного изучения, особенно со стороны русских. Трудно отказаться от мысли, что в монастырях греческих могут еще найтись весьма

замечательные рукописные памятники, не только греческие, но и славянские*. О важности этнографического путешествия по Морее уже было сказано.

Такими мерами, кажется, своевременными и удобоисполнимыми, можно было бы, смею думать, подкинуть в России изучение нового мира греческого (с IV в.), которое ближайшим своим последствием будет иметь для народа русского обогащение его самосознания и распространения русского языка вне пределов отечества.

* Славный ученый хорватский Кукулевич-Сокдинский <…> нашел в Корфу не только несколько русских, но и одну небольшую славянскую рукопись сербского письма, где между прочим помещено «Житие князя Лазаря». Кукулевич справедливо при сем заметил, что весьма желательны поиски славянских ученых в монастырях и библиотеках греческих, где могут быть найдены памятники славянской письменности, так как славяне во все времена, по причине единоверия и торговли, находились с греками в самых тесных связях (Arkiv za Povcstn. Jugosi. IV. 347).

РАЗДЕЛ III.
МУСУЛЬМАНСТВО И ВОСТОЧНЫЕ ХРИСТИАНЕ

Могущество турок-османов в Европе*
(1396—1739)

Завоевания турок в Малой Азии и на Балканском полуострове были подготовлены внутренней слабостью греческой империи и облегчены завоеваниями в ней латинских крестоносцев. Империя Комнинов не сумела утвердить на добрых и прочных основаниях своих отношений к союзникам сербам и болгарам. Обеспеченная с их стороны, даже пользуясь их дружбой, она бы легко могла поднять благосостояние греческих провинций простой отменой фискальных стеснений, мешавших свободному развитию их флота и морской торговли. Но вместо этого, задавшись бесплодной мыслью о невозможном уже влиянии в Италии, императоры Комнины раздавали направо и налево самые широкие права и всевозможные льготы купцам и промышленникам итальянским. В XII в. они утвердились с своими факториями во всех почти главных приморских городах империи, прибрав к рукам всю торговлю. Разорив местное купечество, они стали вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику империи. Кажется, даровитый и энергичный Андроник Комнин верно понимал грозившую

* Речь, читанная на годичном акте С.-Петербургского университета. 8 февраля 1880 г.

царству опасность и стремился к его преобразованию: но преждевременная и насильственная его смерть бросила империю в руки испорченной византийской камарильи и бездарных императоров Ангелов. Восстание долго лишенных всякой автономии болгар, враждебное наступление мало удовольствованных сербов ослабили империю на севере, а возраставшие влияние и наглость венецианцев, генуэзцев, пизанцев на юге довершили ее разорение. IV крестовый поход французов и венецианцев привел в 1204 г. к основанию Латинской империи в Константинополе, королевства в Салониках, герцогства в Афинах, княжества в Морее и равных венецианских владений на Крите, Эвбее, Кикладских и Спорадских островах. Введение феодальных порядков, угнетение и оскорбление Греческой церкви и народности, духовенства и крестьян — таковы были для греков прямые последствия IV крестового похода и одна из главных причин не только первых, но и всех позднейших успехов турок-османов в Европе.

Энергической деятельности Ангелов Комнинов в Эпире, мужественных никейских императоров и патриотизму большинства народа и духовенства удалось наконец при союзе с болгарами вырвать Константинополь из рук латинян в 1261 г. Но еще многое оставалось сделать для восстановления целости империи. Глядя с чисто военной точки зрения, можно, кажется, с вероятностью полагать, что соединенным дружным усилиям греков, болгар и сербов было еще возможно положить конец латинскому владычеству на православном востоке. Латинские завоеватели, враждуя и завидуя, вели между собой ожесточенные войны, как, например, Генуя и Венеция. Подвластные греки нетерпеливо переносили чужое иго и не раз заводили восстания для политического и церковного воссоединения с Константинополем.

Но внешняя и внутренняя политика последних Палеологов, болгарских и сербских государей, не выключая и сербского царя Стефана Душана с его широкими, но непосильными планами, поражают своей непоследовательностью, полным непониманием как общих восточно-христианских, так и на-

родных интересов. Немудрено, что в этих народах пропадает наконец вера в их неспособные правительства. При латинских завоеваниях в Греции и на островах, при возраставших притязаниях и угрозах Генуи, Венеции, Неаполя, Римской курии, при вторжениях венгерцев и татар в Сербию и Болгарию политическая независимость греков, сербов и болгар представляется наконец здравому смыслу этих народов мечтой, дымом.

Такие государственные порядки, такое безнадежное настроение народов предсказывают и навлекают бури и катастрофы. Слабость и разорванность греко-славянского востока для романо-германского запада всегда соблазнительна и приманчива. Все, казалось, пророчило неизбежность и успехи новых латинских походов на Константинополь и другие части Балканского полуострова.

Но этим новым, на манер четвертого, крестовым походам не привелось скоро повториться. Осадить Европу и обратить ее для блага человечества на себя или на дальний запад, — в Новый Свет, — эта благая задача выпала тогда туркам-османам.

В 1357—1362 гг. они утверждаются во Фракии от Галиполи и Родосто до Адрианополя и Филиппополя. В знаменитой Косовской битве 1389 г. ослабленная уже Сербия потеряла свою независимость и обратилась в данника и вассала турецкого. В 1393 г. в битве при Марице Болгария лишена князей и независимости. В 1396 г. в битве при Никополе венгерское войско короля Сигизмунда с вспомогательным отрядом французов и немцев было разбито наголову Баязетом.

Византийский двор в союзе с Западом назвал на Баязета Тамерлана. В 1402 г. при Ангоре монголы сразились с турками. В войсках Баязета участвовали сербы. В войсках Тамерлана, надо полагать, были русские. В XIV в. мы встречаем уже русские полки у монголов на Кавказе и в самом Китае; где им даже отведены были земли. Что удивительного, если теперь в глубине Малой Азии сошлись южные и северные славяне, тогда данники, впоследствии решители судеб монголо-турецкой Азии.

Плен Баязета и десятилетние усобицы его сыновей доставили правителям греков и сербов временное облегчение, но турецкой власти в Европе конца не положили. В 1413 г. у турок снова утвердилось единовластие в руках способного, осторожного и умеренного Магомета I.

В то время, как правители, придворные, часть знати и духовенства у греков и сербов предавались еще надеждам на западную помощь против турок, огромное большинство всего православного населения и лучшая часть духовенства мало что не верило в успех этой помощи, но, по правде сказать, и не особенно его желало. Уже роптавшим на феодализм народам давно претило от назойливых навязываний церковной унии, от облыжных обещаний Западу и лукавых подмигиваний своим. Наконец, у всех этих народов жило одно общее им всем представление и желание относительно Константинополя и единства царства.

В течение шести с лишком веков не одни греки, но и болгары, сербы, волохи, русские, равно как и православные христиане Кавказа и Азии, привыкли видеть в столице Константина — град царствующей не одних греков, а всего православного мира. Между тем как за исключением Салоник все города Балканского полуострова считали в себе по нескольку тысяч и много-много десятка два тысяч жителей, один Константинополь считал их сотнями тысяч. Здесь жил император, царь не одних ромеев, а всех христиан. Здесь единственный по красоте и величию, любовь и гордость всего православного мира — храм св. Софии. Здесь множество дорогих религиозному народному чувству святынь, в течение веков постоянно привлекавших множество богомольцев и странников со всех концов восточно-христианского мира. Что Рим и Париж были и отчасти остаются для романо-германской Европы, то был века Царьград для всего греко-славянского мира. Здесь сходились иерархи, посланники, купцы и ученая молодежь этих стран. Она довершала здесь свое образование, приобретала, списывала, переводила и исправляла рукописи. Сюда шли искать счастья обездоленные

дома, все недовольные и предприимчивые люди из сербов, болгар, албанцев, волохов. Они поступали во флот, в военную службу, нередко достигали великих почестей, восходя, как, например, Василий Македонянин, из гвардейских офицеров на престол императорский.

По своему несравненному положению на берегах Европы и Азии, между Черным и Средиземным морями, благодаря старым искусственным дорогам, орографическому очертанию Балканского полуострова и своему единственному в мире порту Константинополь есть естественный центр северо-восточных, западных и южных частей этого полуострова. Для главных его народностей в Константинополе был узел всех высших духовных, политических и экономических интересов. Болгария и Сербия в борьбе своей с греками не стремились оторваться от необходимого им Константинополя. Не терпя в нем преобладания греков, болгары в X, XII—XIII вв., а сербы в XIV в. пытались овладеть Константинополем и утвердить в нем свою власть и господство. Тут дело шло не о разрушении целости царства и единства власти, а об отнятии ее из рук греков и передачи в руки славян. Точно так же в своих поместных церквах славяне не желали подчиняться личным или национальным видам греческой иерархии, но они не менее греков дорожили единством и свободой церкви.

С падением Константинополя в латинские руки произошло общее потрясение в целом строе жизни не одних греков, но и болгар, сербов, русских, албанцев. Ни Палеологи, ни Стефан Душан никакого порядка не восстановили, напротив, смута и беспорядье после них еще повсюду усилились. Пуще прежнего волновался теперь Константинополь то новыми опытами церковной унии, то страхом нового нашествия латинян, то угрозами новых захватов засевших в нем генуэзцев или вечных их соперников — венецианцев.

При горячем желании увидеть конец смутам и многоначалию сложилось и убеждение в необходимости водворения прочного порядка в Константинополе и восстановления прежнего единства царства.

Эти желания и представления составляли как бы общую программу всего православного населения Балканского полуострова без различия народностей.

С этой программой, которую сами христиане осуществить не могли, значительно сходилась программа турок-османов. Их двухсотлетняя борьба с греками и латинами, постоянные почти успехи в Малой Азии и Европе закалили их силы, развили в их правителях замечательные стратегические способности и большой политический смысл. Все современное говорило им о слабости и ничтожестве Восточной империи. Все немые остатки прошлого громко взывали об ее прежнем величии. Турки-вожди уразумели взаимные отношения разных народностей Балканского полуострова и причины их общей нелюбви к латинам. Христианки, жены и матери предшественников Магомета II, множество служивших у них христиан и ренегатов греков, славян, албанцев привили турецким властителям разные греко-славянские понятия и взгляды, научили ценить их способности и понимать их превосходство в иных отношениях над природными турками. В уме потомков Османа созрел наконец свой план восстановления империи.

Вот при каком порядке вещей на Балканском полуострове и при каком настроении умов его христианских народностей совершилось громадное по своим мировым последствиям событие — взятие Константинополя Магометом II в 1453 г. и основание Османской империи на развалинах восточного христианского царства.

Односторонний, нетерпимый, страстный ислам должен быть верховным законом и вдохновляющим началом этой империи. Способный воспламенять людей до экстаза, до самых необдуманных решений и чрезвычайных подвигов ислам так же легко повергает людей в умственный сон, праздную лень и чувственные наслаждения.

При всей своей искренней преданности мусульманству первые повелители османов уже по чисто военным и политическим соображениям чувствуют потребность в известном ограничении слишком страстных порывов ислама к обраще-

нию неверных. Магомет II подтверждает большие права за константинопольским патриархом и православной церковью, каких она никогда не могла получить от латинян. Но первый храм христианского царства Магомет силой отбирает у христиан и обращает в мечеть. Этот компромисс, необходимый для основателя новой империи, не удовлетворяет ни христиан, ни мусульман. Отнятие у них св. Софии христиане считают для себя великим позором и никогда этого не простят туркам. В признании больших прав за христианами огромное большинство мусульман видело только постыдную слабость и напрасную поблажку гяурам.

Верные исповедники мусульманства, соотчичи Османа и его преемников, настоящие виновники и творцы всех побед и совершенного на Балканском полуострове переворота, к ужасу своему замечают, что не они будут, как бы оно подобало, играть первую роль и исключительно господствовать в новой империи.

Турки-азиаты — наездники и хищники по преимуществу. У них мало любви и привычек к оседлой жизни. Дать им полную волю, они потопчут и выжгут нивы, сады и леса, разнесут и разграбят все города, обратят все жилое в пастбища и степи. Куда ступил конь османский, там трава не растет. Уже предшественники Магомета II, и он сам тем более, дорожат внешними удобствами цивилизации и предпочитают шатрам и кибиткам древних турок каменные палаты и дворцы греков. Турок своих надо обуздать и по возможности охранять от них трудолюбивое оседлое население греческое и славянское. Оно так необходимо для сохранения и увеличения империи.

Греки и славяне — элемент оседлый с крепким семейным бытом. Земледельцы, ремесленники, моряки и купцы, они отличаются своей упрямкой и отвагой. Они наблюдательны и распорядительны; пытливы и сведущи. Это хорошие дельцы и хозяева, дипломаты и администраторы. Это стойкая пехота и отличные моряки.

Но нерасположению турок к морю и по необходимости иметь постоянный военный флот следует предоставить в нем

службу христианам. Но в армию и в высшую администрацию нельзя же допускать христиан, а на одних добровольных ренегатов трудно рассчитывать. И вот еще у предшественников Магомета является институт аджемогланов.

На христианское население Румелии (т. е. всех европейских провинций) налагается особая натуральная повинность. Каждые четыре или пять лет посылаются особые лица из столицы по санджакам Румелии для набора христианских мальчиков от 8 до 12, от 10 до 14 лет. У христианских отцов и матерей навсегда отнимают самых красивых, бойких, здоровых и сильных детей. Их на месте же одевают в особую форму и затем отвозят всех в Стамбул. Здесь и в Адрианополе одни распределяются по сералям, а другие раздаются года на два на работы частным людям — туркам в Румелии и Натолии для обучения турецкому языку. Все они обрезались и обращались в мусульман. Состоя под надзором евнухов, одни немногие способнейшие обучались турецкому, арабскому и персидскому языкам, а главное — повиновению и дисциплине; но другие, и большинство, мели полы, служили на кухнях, работали в саду и огородах султана, упражнялись в стрельбе из лука. Битье батогами от 100 до 1000 — обыкновенное наказание, после которого они должны благодарить наказавшего их евнуха и целовать его полу кафтана. Из этой-то молодежи, равно как из христианских детей военнопленных, составлялась султанская гвардия — пехота янычары и кавалерия сипаги Порты. Затем некоторые из тех юношей брались к султану в пажи и камер-пажи. Они потом получали места аги янычар, санджаков (губернаторов), беглербеев; из них же выходили визири, т. е. министры. Таким образом, только духовное ведомство и юстиция (муфти и кади) были в руках природных турок. Первоначально, кажется, исключительно турки составляли народное кавалерийское ополчение. Они верстались от Порты разных окладов поместьями в пожизненное владение с обязательством нести военную службу. Но как раздача этих поместий, этих тимаров и зеяметов не мало зависела от санджаков, беглербеев и визирей, то вскоре,

по крайней мере в Румелии, явилось много греков, албанцев и особенно славян между сипагами-тимариотами.

Мусульманское население Натолии, т. е. в Азии и Африке, сверх османов по преимуществу состояло из презираемых турками шиитов и мавров. Оно всегда было более стеснено и унижено, чем христианское население Румелии. По свидетельству отличных знатоков и тонких наблюдателей Турции, венецианских послов XVI—XVII вв., Порта всегда более уважала население Румелийское, чем Натолийское. Она больше ценила его способности и храбрость. Из него, мы видели, главнейше состоял весь турецкий флот, вся султанская гвардия-пехота и кавалерия; из него было много и сипагов-тимариотов; из него же постоянно черпался и обновлялся весь личный состав высшей военной и политической администрации. Такое явное предпочтение румелиотов анатолийцам, вольных и подневольных ренегатов природным туркам османам служило источником вечного недовольства последних. Они роптали на свое унижение. Их возмущало, что ими управляют босняки, албанцы, греки. Истинные правоверные негодовали и на разные права и льготы, дарованные христианам. Пусть многие ренегаты бывали часто для христиан ненавистнее урожденных мусульман, все же правоверные замечали, что иные паши из босняков, албанцев и греков часто мусульмане только по виду и водят дружбу со своими христианскими земляками, имеют иногда в архиереях, игумнах, попах родных братьев, отцов и дядьев, в игуменьях матерей и оказывают им всякое почтение и помощь. Хитрые гяуры подкапывались уже под ислам и разводили в нем опасные ереси. При Могамете I явились два еретика-мятежника. От греческих монахов в Смирне и других христиан в Малой Азии набрались они завиральных идей. Махмут Бедреддин и Мустафа учили, что турок нечестив, когда утверждает, что христиане не почитают Бога, что, напротив, спасение заключается в единомыслии веры с христианами. Ученики этих еретиков, встречая христиан, обнимали их как братьев и почитали их как ангелов Господних. Они вступили в самые дружественные связи с хиосским духовенством в

Азии, с волохами и другими христианами в Европе. Усмирение их восстания и казни их в 1418 г. не уничтожили этой ереси. Венецианский посланник в Константинополе М. Антонио Барбаро в 1573 г. докладывал Сенату, что между мусульманами в Европе явились в его время еретики, учившие, что Христос был Бог и Спаситель. Схваченные, умирая в мучениях, обнаружили необыкновенную твердость. Говорили, что многие из сановников Порты держатся такого же учения.

При таком положении дел, при нелюбви и природном нерасположении турок ко всяким отвлеченностям, диалектическим тонкостям и богословским спорам, при умственной и физической их неподвижности в мирное время ж способности их проводить целые часы напролет в совершенной праздности, в молчаливом покое, за чашкой кофе, христиане в Турции пользовались тем равнодушием и терпимостью правительства и обывателей, которой, вообще говоря, могли завидовать иноверцы во всех христианских государствах XVI—XVII вв.

Греко-славянское и вообще христианское население старой Турции не испытывало тех преследований и страшных гонений, коим подвергались гугеноты во Франции в XVI в., чешско-моравские братья и вообще протестанты в Австрии в XVI, XVII—XVIII вв. или протестанты и православные русские в Польше с конца XVI до XVIII в. и православные сербы в Австрии в XVIII и отчасти даже к XIX в. Сравнивая положение своей церкви в Турции с ее положением в венецианских владениях, греки имели полное право быть довольны турками. То же самое надо сказать про славян турецких, которые крепостного права не знали и в XVI в. почти всегда, а в XVII в. очень часто, жили лучше и свободнее славян венецианских в Далмации и особенно австрийских в Венгрии и Хорватии. Если в Далмации население особенно терпело от недостатка земли и от безжалостных на него воззрений высшей и низшей администрации республики св. Марка, то в Венгрии и Хорватии, как и в других славянских и неславянских провинциях Австрии в XVI в. и позже суровая тягость крепостного права вызывала по временам страшные народные восстания, осо-

бенно в 1514 г. в Венгрии, в 1573 г. в Хорватии и Крайне, в 1579 г. в Нижней и Верхней Австрии.

Тем не менее и христианское население старой Турции не могло себя считать счастливыми, ибо много терпело всякого рода притеснений и прижимок, впрочем, опять-таки не более, а даже менее остального нехристианского населения Турецкой империи. Как страдали и что терпели восточные христиане разных народностей от турок, начиная с 1453 г. до Петра Великого и позже, об этом с большой подробностью и часто даже с немалыми преувеличениями сообщалось в единоверную Москву в разных посланиях к великому князю и потом царю восточных патриархов, митрополитов, епископов и различных монастырей европейской и азиатской Турции. Так называемые восточные и турецкие дела русских архивов содержат драгоценные материалы для истории внешнего и внутреннего состояния восточно-христианского населения Турции и для летописи его страданий от турецкого насилия и произвола.

Административные злоупотребления и взяточничество, знакомая, впрочем, всем старым, и даже новым европейским государствам, имели часто в Турции свой совершенно особый характер. Он определялся разными особенностями религиозного, государственного и общественного быта старой Турции, даже народных нравов и обычаев османов.

Без хищничества нельзя себе и представить Турции ни в один период ее истории с 1453 г. и даже раньше. Во всяком случае одинаково кажется неверно — приписывать ли главнейше упадок турецкого могущества в Европе этому хищничеству в администрации, или начинать его только с царствования Султана.

В учении ислама об обращении с неверными, о священной войне с ними турки могли уже находить оправдание и извинение насилию и грабежу. Проповедуя и освящая наступательные войны за веру, ислам прививал и укреплял в народах хищнические инстинкты. Не то же ли оправдание насилию и хищничеству лежит в основе мусульманского воззрения на неволю и унижение женщины и в разрешении при женах иметь еще и рабынь?

Государство, основанное завоеванием, жившее только войной и для войны, Турция воспитывала в своем служилом сословии и населении те же хищнические привычки. Личный состав ее администрации из добровольных и подневольных ренегатов, рабское их воспитание и рабское отношение самих высших сановников к главе государства могли в служилом сословии питать не дух патриотизма и бескорыстия, а только корыстолюбие и алчность.

Весь общественный быт турецкий был основан на рабстве. В Турции, особенно в Константинополе, даже все европейцы держали рабов. Вольной наемной прислуги не было, и всякий простой человек, нуждавшийся в слуге или служанке, шел на рынок и покупал себе раба или рабу. Это делалось так же просто, как мы покупаем себе шляпу или перчатки. Богатые люди имели у себя несколько сот рабов. На них был вечный спрос. Из потребности в рабах чинились часто в мирное время набеги на Далмацию или в Хорватию и Крайну, напускались крымские татары на Московское государство и Польшу, выводились целые эскадры в Средиземное море на грабеж и пиратство для захвата военнопленных.

Рабов и рабынь требовалось множество, прежде всего во флоте, где от 30 до 40 галер имели по 150 гребцов, вечно закованных в цепи, — эти галеры считались лучшими. Число гребцов-колодников в Турецком флоте в конце XVI в. доходило до 10 тыс. человек. Затем рабы были нужны особенно натолийским туркам-землевладельцам и крестьянам для полевых работ. Затем надо было иметь рабов и рабынь для домашней прислуги, в кормилицы, няньки. Наконец в рабах белых и черных, евнухах и рабынях-девицах нуждались многочисленные гаремы для постоянного своего обновления. Эти, впрочем, рабыни на рынках не продавались. Для них евреи, обыкновенно торговавшие человечьим мясом, устраивали особые женские пансионы и институты, где девочек обучали музыке, танцам. Рабыни с образованием стоили гораздо дороже.

Благодаря хищничеству турки не только сами удовлетворяли большую свою потребность в рабах, но и отпускали еще

рабов из Турции в Европу, где разные частные лица покупали их себе для прислуги в XV—XVI вв., а некоторые западные правительства даже до XVIII в. — для своих военных галер. Во Франции Людовик XIV и министр Кольбер особенно дорожили этими рабами.

Надежда раздобыть себе рабов составляла одну из приманок турецкой службы в армии и флоте. Венецианец Донини (1558 г.) рассказывает, что турки константинопольские, при всей нелюбви своей к морю, с величайшей охотой поступили в эскадру, отправлявшуюся в Алжир. Многие из них, идя на службу, не имели и пары рубах, а воротились с 15, 20, 25 рабами, с деньгами и вещами.

За неимением у старых турок личной поземельной собственности и родового владения все состояние самих богатых турок заключалось в доходах с пожизненных поместий, в конях, оружии, чепраках, шубах, кафтанах, рабах и рабынях, в их женских нарядах и бриллиантах. Все имущество сановников Порты, главных богачей Турции, за исключением некоторых евреев и христиан, принадлежало по их смерти султану. Дети отцам не наследовали. Богатые старались поэтому еще при жизни затратить большие капиталы на мечети. На вакуф, духовное имущество, власть султана не простиралась. При мечетях строились школы, фонтаны, водопроводы. На их поддержание и исправление оставлялись капиталы и наблюдение за всем этим завещалось детям, которые и жили на излишек процентов. Вообще же богатый турок скорее мог быть уверен, что его дети будут бедны. Такая уверенность, впрочем, не излечивала от корыстолюбия. Евнухи отличались обыкновенно своей алчностью и скупостью.

Даже представители оседлого элемента, греки, славяне, албанцы с принятием ислама, отрываясь от семьи и народа, подчинялись турецкой атмосфере и принимали привычки, отзывавшиеся кочевым бытом.

В XVI—XVII вв. турки все еще являлись в Европе какой-то пришлой ордой, всегда готовой в поход и потому не обзаводящейся постоянным хозяйством. После битвы при Лепанто

в 1571 г. многие турки в Константинополе складывали свои пожитки и обращались к покровительству христиан. Самый богатый и знатный турок спал дома, как в походной палатке, не раздеваясь, и часто там, где обедал или ужинал. Военные палатки турок, несравненно более удобные и прочные, чем в европейских войсках того времени, были обыкновенно убраны, так же как и их комнаты, где оружие и ковры составляли все убранство. Такая полупоходная жизнь поддерживала в турках привычку к захвату всего, что плохо лежит, что полюбится или может пригодиться.

Министры и другие сановники Порты бывали нередко люди большого ума, по обыкновению мало или совсем необразованные, часто даже безграмотные, — брадобреи и конюхи, любимцы султана, не раз выходили в первые визири. Эти ренегаты всегда почти были люди без религиозных и нравственных идеалов, без умственных интересов. Власть для таких людей понятна только как средство наживы.

Взяточничество и хищничество развивалось еще в турецкой администрации из одного невинного патриархального обычая азиатского — угощать и угощаться, дарить и отдаривать. Из этого слабого ростка расцвело потом роскошное дерево под влиянием европейской культуры.

После первой же несчастной войны с Магометом II Венецианская республика пришла к горькому убеждению, что на турок можно действовать или силой, или золотом, а как силы у синьории не оказалось, то она и начала subornar смазывать турок. Из отчетов венецианских баилов и особенно из секретных журналов Совета X конца XV, XVI и XVII вв. мы знаем, что даже в тихое и спокойное время, в самых простых сношениях с пограничными турецкими властями, с санджаками Черной Горы, Герцеговины, Боснии или с самой Портой в Стамбуле нельзя было обходиться без разных приношений и хотя бы не дорогих, но частых подарков. Когда же дела усложнялись, — часто потому, что какому-нибудь визирю, беглербею или санджаку вдруг покажется, что его венецианцы мало уважают, — когда возникали столкновения венецианских и турецких

подданных на море или в Далмации или когда по окончании войны и при заключении мира начинались дела по определению новых границ, тогда Совет X прибегал уже к крупным подаркам и настоящим взяткам в десятки тысяч дукатов. Тогда приходилось обдаривать не одного первого визиря, а и других пашей и разных евнухов сераля. Надо было приобретать и посылать разные редкие и дорогие вещи для самого султана, для влиятельной султанши-матери, для любимой его жены. Бывало, иная султанша просто от скуки пришлет к венецианскому баилу свою знакомую еврейку выразить ему свое удивление, что она так давно уже не видит никакого к себе внимания от республики. В трудные минуты венецианские посланники не могли забывать разных евреев, которые нередко играли большую роль в серале и у визирей в качестве ли банкиров, факторов и врачей или шпионов, передававших Порте получаемые ими европейские новости от евреев польских, германских, испанских и итальянских. Наконец надо было подкупать и разных евреек, которые таскались в султанские гаремы, продавали скучающим женам разные талисманы, секретные чары и тряпки и на них выманивали у этих рабынь самые дорогие бриллианты. Иногда, спохватясь, евнухи разыскивали их потом с великой горячкой у ювелиров Стамбула.

Задаривали и подкупали турок не одни венецианцы, но и все имевшие в них нужду европейцы: австрийцы, французы и англичане. Даже сам экономный Фридрих II послал Порте в 1761 г. такие богатые подарки, каких, по замечанию современника, и в сто лет не делали французы.

Вообще такие подарки и взятки у турок не считались вовсе делом зазорным.

Получал ли чиновник новое место или награду, ехал ли в провинцию или ворочался в Стамбул, он представлялся султану и всегда подносил ему в подарок или шубы, или орудие, или деньги. Все это складывалось в особые сундуки или развешивалось по стенам в особых комнатах сераля. Время от времени подлежавшие порче вещи вынимались из сундуков или выносились из казны султана и продавались на рынке. Вырученные

деньги шли в денежные сундуки султанской казны в серале. Часто бывало, что желавшие предстать падишаху, обращались к евнухам и покупали у них какие-нибудь старые подарки и с ними являлись к султану. Так, нередко он получал в десятый раз один и тот же подарок.

Как тут, так и при описи и распродаже имущества умиравших своей смертью или от удавления по приказу султана министров и других сановников Порты, многие дорогие вещи раскрадывались евнухами, пажами и разными чиновниками или продавались за бесценок пашам, которым надо было услужить.

Когда сам султан был скуп, как, например, Мурат III, то эти подарки от живых, наследства после умерших или конфискации разжалованных сановников Порты достигали очень крупных размеров. Сверх обыкновенных приемов в диване Мурат устраивал еще секретные аудиенции в киоске. Искатели хороших мест подносили султану авансом 20—30 тыс. скудов. Дабы дольше удержаться на полученном месте, посылались из провинции через доверенного человека новые подарки. Но султан все-таки часто менял личный состав администрации и судебного ведомства — при нем и на судейские места попадали ренегаты. Так спешили отбирать у прежних чиновников нажитое ими богатство и передавать их места новым любителям почестей и наживы.

Особым хищничеством отличалось в Стамбуле адмиралтейство. Один из венецианских баилов конца XVI в. утверждает: «Хотя обыкновенно говорят, что галера в черне стоит только 1 000 дукатов, однако я могу вас уверить, что один построенный в мое время султанский каик обошелся в 100 тыс. дукатов. В адмиралтействе грабят все — от адмирала до последнего служащего. Из султанского леса и железа все строят для себя корабли, торговые суда и целые дома. Из казенного парусного холста адмирал шьет рубахи для своих рабов, — а у него их не одна тысяча. До 500 рабов своих он определил рабочими в адмиралтейство и берет от 5 до 10 астров в день на человека, хотя половина из них совсем и дела не знает. День-

ги он берет себе, а каждому из них он выдает по два хлеба на день. Все остальное должны они промышлять себе сами. Они воруют, и адмирал глядит на это сквозь пальцы, зная, что иначе им жить нечем. «Судостроителями, капитанами судов, лоцманами и вольными матросами были преимущественно греки-христиане. Хорошее жалованье и большие доходы привлекали в турецкое адмиралтейство множество греков не только турецких, но и венецианских. Всегда держа греков в черном теле, систематически притесняя их веру и народность, республика св. Марка не допускала греков до такого обогащения в своих адмиралтействах в Венеции или в Кандии не потому, чтобы она трудом и способностями греков не пользовалась и не дорожила, и не потому, что венецианская администрация была безукоризненна. Нет, греки, а затем уже славяне Далмации всегда составляли главную силу Венецианского флота. Мы знаем, что в XVI в., особенно во второй его половине, беспорядки и злоупотребления в Венецианском флоте были часто вопиющие. Некоторые достойные сенаторы и адмиралы много раз жаловались на это в сенате, но флот Венецианский таял и пропадал от такого же, как и турецкое, казнокрадства, только более тонкого и умного. Греки же в Венецианском флоте мало или вовсе не разживались, ибо все высшие и теплые в нем места всегда были в руках итальянцев.

В старой Турции, за немногими исключениями, строго выдержанное единство центрального управления или кабинета было представлено первыми визирями. При султанах, не отличавшихся скупостью Мурата, первые визири, эти Ришелье и Мазарини, Бисмарки и Кавуры старой Турции, получали отовсюду громадные приношения и подарки. В одну из труднейших минут расчетливый Совет X преподнес визирю 25 тыс. дукатов зараз. Это была сумма огромная для того времени. Да малых подарков нельзя было и делать. Первый визирь Солимана и Селила II, Магмет Соколи, невольный ренегат из православных поповичей сербов, занимавший эту должность 12 лет, оставил состояние свыше 18 млн золотом, накопленных с доходов поместий, бань и разных строений, а

главное — от подарков и приношений. Другой визирь Солимана, Рустем-паша, тоже серб, из Боснии, оставил после себя 15 млн золотом. Он построил на свой счет один водопровод в пустыне на 40 дней пути по дороге, пролегавшей богомольцам в Мекку. Жена его, сестра Солимана, была еще богаче. Она имела 2,500 цекинов в день; у нее была одна головная шапочка (berretta), вся в бриллиантах, оцененных ювелирами в 600,000 цекинов. Оба эти визиря получали огромные подарки в 20, 30, 50 и более тыс. цекинов. Каирский паша посылал Магмету ежегодно до 100 тыс. цекинов, правитель алжирский немного менее.

При таких взятках сераля и Порты понятно, какие происходили грабежи и хищничества внутри империи. Всего более терпело население Африки, менее Азии и еще меньше Румелии. Впрочем, к продаже государственных должностей прибегали не раз и иные государства современной Европы. Она бывала одной из чрезвычайных доходных статей их бюджета. Большая часть этих огромных состояний турецких сановников шла по их смерти в казну султанскую, из которой и покрывались чрезвычайные расходы государства. Разорявшая население система взяточничества давала иногда возможность христианам делать общие складчины для подкупов турецкой администрации, часто очень выгодных для самоуправления общин. Наконец отсутствие хороших дорог и почти всякой полиции, известная распущенность турецкой администрации, малочисленность чиновников и законов были точно так же весьма важными гарантиями свободного развития христианских народностей и их обычного права. Когда же произвол и грабеж усиливались, то весной, когда лес одевается листом, в горах, прорезывающих весь Балканский полуостров, являлись клефты и гайдуки; гроза и страх турок, любимцы и мстители христиан.

Если ударяют на злоупотребления при Солимане, то еще более винят в упадке Турции султана Селима II, сына Солимана и его любимой жены, одной русской пленницы. Своим сластолюбием и произволом возмущавший даже турок, ког-

да был наследником, Селим, сделавшись султаном, отдался пьянству и обжорству. Утром, вставши, он обыкновенно выпивал графинчик водки. Днем он часто удалялся в выходивший на море киоск, где проводил целые часы, распивая вино и прислушиваясь к пушечным залпам, немедленно по его знаку раздававшимся после каждого выпитого их стакана. У любителя утонченной кухни Селима знаменитый в целой Европе португальский еврей Дон Микез или Иосиф Наси, в одно время Ротшильд и Кремье своего века, приобрел в серале огромную силу и влияние благодаря своей или повара своего неистощимой творческой фантазии в сочинении все новых и новых блюд для султана. За пиршеством Селим просиживал иногда два-три дня напролет с веселыми рассказчиками анекдотов, двумя любимыми сановниками, армянином и сербом, с шутами, карлами и немыми, — обыкновенными собеседниками большей части султанов.

При Селиме в 1571 г. произошла знаменитая морская битва при Лепанто. Соединенные эскадры испанская, венецианская и папская нанесли жестокое поражение турецкому флоту. Винить ли в этом Селима или приписывать это поражение появлению новых злоупотреблений в турецком адмиралтействе? Но в нем никогда без хищничества ничего не строилось. Корабли турецкие и прежде наскоро сколоченные из сырого леса, служили на море не более трех лет и от хорошего ядра легко шли ко дну. В 1416 г. венецианцы одни разбили наголову турецкий флот при Галлиполи. Правда, тогда турецкий флот был гораздо малочисленнее, чем в XVI в. В конце же XV в. в войнах с Магометом II и Баязетом Венеция одна без союзников избегала больших морских сражений с турками. Осторожная и расчетливая республика никогда не любила рискованных предприятий. Она не доверяла своим греческим экипажам; в продолжение этих войн она убеждалась на каждом шагу, что ее греческие подданные сочувствуют туркам и желают им победы. В войну же с Солиманом 1538—1539 гг. Венеция была в союзе с Испанией. Если тогда не произошло Лепанто, то вовсе не благодаря лучшему состоянию тогдашнего турецкого фло-

та. Начальник испанской эскадры, генуэзец Дориа, злейший враг венецианцев, все делал со своей стороны, дабы повредить республике. Испания и вступила, казалось, с ней в союз лишь для того, чтобы втянуть ее в войну с турками и руками турецкими ее унизить и наказать за недавний тайный ее союз с турками против Испании и Австрии (1527—1529). После битвы при Лепанто, когда беззащитный Константинополь был совершенно открыт союзникам, между венецианцами и испанцами начались тотчас же такие пререкания и ссоры, что, по замечаниям самих современников того и другого лагеря, они ненавидели друг друга гораздо более чем турок. Каждый из них, радуясь своей победе, казалось, жалел, что турки не разбили ненавистного союзника.

Через полгода после Лепанто турки уже имели новый флот столь же многочисленный. Так легко обновляла Турция свои морские силы благодаря службе у нее греков, неистощимому запасу превосходного леса и всякого корабельного материала. Новый флот, конечно, состоял из дурных галер и мало опытного и обученного экипажа, но тем не менее венецианская эскадра не осмелилась одна вступить с ними в бой даже после Лепанто. Еще года за три до той победы союзников, на острове Кипре греческие крестьяне, удрученные тягостью крепостного права, и духовенство, угнетаемое правительством и прелатами, составили заговор против Венеции и призывали турок освободить их из когтей венецианского льва. Известившись об этом заговоре еще до начала турецкой войны, прежде сам своими распоряжениями поддерживавшей на Кипре помещиков и стеснявший париков, т. е. крепостных, Совет X поспешил секретно предписать губернатору Кипра созвать помещиков острова и лаской и угрозами убедить их приступить немедленно к освобождению крестьян. Но было уже поздно. Турки пришли и высадились на берег.

Искусно защищенные отличными итальянскими инженерами, с хорошими генералами и артиллерией, с небольшим, но отборным войском из разных итальянцев и хорватов, обе крепости острова Никосия и Фамагоста, несмотря на храбрую

защиту, все-таки пали и достались в руки полуграмотного и пьяного Селима. Синьория поспешила, не без крупных взяток в Стамбуле, заключить мир с турками и после короткой войны и блистательной победы при Лепанто была рада, что отделалась одним Кипром. В следующую затем войну, с 1645 г., республики с Турцией, несмотря на всю энергию, пожертвования и искусство венецианцев, все безобразия тогдашней турецкой администрации, на великое развлечение ее сил единовременной войной с Австрией и восстанием в Азии, на целый ряд самых безалаберных действий и распоряжений турецких военачальников на острове Крите и в Венгрии, Венеция все-таки должна была расстаться с островом Критом в 1669 г. , ибо греческое его население, как киприоты в прошлом столетии, не терпело венецианцев, радовалось их неудачам и желало перейти к туркам.

Не прошло и 20 лет, Венеция вступила в священный союз с Австрией, затем Польшей и Россией, и в то время, когда турецкая армия, принужденная Собесским отступить от Вены, боролась в Венгрии, венецианский флот и венецианско-немецкое войско овладели Мореей, заняли Афины, окружили Негропонт. После блистательной победы Евгения Савойского при Центе 1697 г. Турция вынуждена была заключать первый постыдный для нее мир в Европе в 1699 г. По Карловицкому миру Венеции досталась вся Морея. Целым рядом органических мер, стройных и обдуманных, Венеция старалась укрепить свою власть и поднять благосостояние в Греции. Но при всем своем уме и государственных способностях венецианская аристократия не умела отказаться от своих старых воззрений на греческую церковь и греческих крестьян.

Петр Великий унаследовал с отцовским престолом и великий нравственный авторитет, коим издавна уже пользовались цари московские во всем восточном христианстве. До небывалых размеров он укрепил и распространил старые с ним связи России. Своим гениальным умом и колоссальной энергией он необычайно поднял обаяние русского царя и царства у славян, греков и всех восточных христиан. С Петра Велико-

го эти народы почуяли в себе прилив сил и приветствовали в его исполинском образе воплощение своих давних чаяний и надежд. Петр Великий имел много горячих друзей и приверженцев не только между христианами Турции, но и православными греками и даже католиками славянами, поданными Республики св. Марка. В конце 1710 г. Петр Великий написал письмо в сенат венецианский, жаловался на притеснение греческой церкви и просил дать ей свободу. Не теперь же было грекам мириться с латинским владычеством в Морее. Первый визирь, Дамад Али-паша, в 1714 г., говоря в диване за войну с Венецией, сказал между прочим, что «новые подданные Синьории ничего так не желают, как вновь возвратиться под старую власть султана».

Турки объявили войну Венеции в 1715 г. Несмотря на союз с Австрией, новые победы Евгения Савойского и выгодный Пожаревецкий мир 1718 г., Морея была навсегда потеряна для Венеции. Греки передавались туркам из оправданной веками нелюбви и наследованного от дедов недоверия к венецианцам, а вовсе не из любви к туркам. Что греки действительно были, по замечанию одного Петровского посланника в Турции, запазушные враги турок, это они доказали поспешным и преждевременным восстанием своим во время архипелажской экспедиции Орлова-Чесменского, славной своей борьбой за независимость, приведшей наконец после Наварина и Адрианопольского мира к образованию Греческого королевства.

Другим соседом Турции в Западной Европе, с кем после Венеции она наиболее воевала, была нынешняя Австро-Венгрия. Как в войнах с Венецией, Турция отбирала шаг за шагом у Венеции старые ее завоевания в греческих владениях, так здесь боролась Турция сначала за изгнание венгерского влияния из Болгарии, Сербии и Боснии, а потом за изгнание габсбургского, немецко-католического влияния из Трансильвании и части Венгрии.

Австрия была все-таки счастливее Венеции, хотя она и видела два раза турецкую армию под стенами столицы, отчего была избавлена Венеция, однако через полтораста лет

с небольшим, после великих усилий, она успела наконец вытеснить турок из Венгрии.

В этом отношении Австрии особенно помогла одна ее ловкая политическая мера: приглашение православных сербов в конце XVII и в начале XVIII в. в числе с лишком 1 млн. душ. Им были даны великолепные обещания относительно свободы церкви и прописаны самые широкие права в особых дипломах.

Пылкие, увлекающиеся сербы не имели терпения и выносливости греков и болгар. Им показалось, что они не могут более ждать. Они переселились из Старой Сербии в Австрию. Их храбрости и увлечению обязаны были австрийцы значительной долей своих успехов в двух войнах с турками, прославленных победами Евгения Савойского.

Тотчас почти после Пожаревецкого мира началось в Австрии насильственное обращение этих сербов в унию, что и повело затем к известному выселению из Австрии в Россию 100 тыс. сербов в царствование Елизаветы Петровны.

Но Пожаревецким миром Австрия еще не окончила своих войн с Турцией, вела с нею еще две войны, и хотя обе в союзе с Россией, но уже несчастливо. Вторая война ничего Австрии не дала. Первая же была особенно несчастна: ее войска не одержали над турками ни одной победы и даже понесли поражения. По миру, заключенному в Белграде 1739 г. , Австрия потеряла Белград и часть нынешней Сербии, доставшиеся ей по миру 1718 г. Тут есть большое сходство с потерей венецианцами Мореи.

Как в Морее, так и в Сербии, началось потом народное восстание против турок. Как из отнятой турками у Венеции Мореи, так из отнятой же ими у Австрии Сербии образовались наконец два независимые православные государства.

Австрийский посол в Константинополе барон Тугут писал в 1774 г., что Кучук-Кайнарджийский мир есть одно из величайших несчастий для Австрии, это-де печальнейшее событие, полное самых злополучных последствий.

Нетрудно заметить все легкомыслие такого суждения. Если Австрия в союзе с Россией в 1730-х и 1780-х годах не

могла успешно бороться с Турцией, то какой же ряд самых грозных ударов и бедствий неминуемо постиг бы Австрию, если бы Турция, не ослабленная Екатерининской войной и этим злополучным миром, совсем не тревожимая Россией, стала нападать из Боснии и Белграда на Австрию в исходе XVIII и в начале нынешнего столетия, если бы теснившая и поражавшая тогда Австрию Франция обратилась к старой своей союзнице Турции против Габсбургской монархии? Дух Бочкаев, Текели и Ракоциев жил еще долго в Венгрии и после несчастного Белградского мира.

Но, несомненно, спасшие Австрию от неминуемой иначе погибели две русско-турецкие войны и два мира, Кучук-Кайнарджинский и Ясский, имеют громадное всемирное значение, вовсе не по этой счастливой для Австрии случайности. Мы знаем, что против Франции и без союза ее с Турцией, тот же Тугут должен был призывать на помощь, умолял и умолил наконец Россию для спасения Австрии.

Эти екатерининские войны с Турцией для русского народа были еще неприятнее, чем даже для греков, славян и вообще христиан турецких.

Иногда сравнивают монгольское, татарское владычество над Русью с турецким владычеством над греками и славянами. Есть некоторые черты сходства, но было и великое различие.

Покорив Русь, монголы не уселись в ней, не заняли ее городов, а наложив дань, сохранили ей прежнюю политическую организацию, ее князей и княжества. С возвышением и усилением одного из них за счет других, с собранием Руси и утверждением в Москве единодержавия при Иване III совершилось ее освобождение от татарского ига. В следующее столетие при его внуке были покорены царства Казанское и Астраханское. Но еще оставалось в Крыму гнездо отчаянных хищников. Чуть не каждое пятилетие (средним числом), а часто и ежегодно ордынцы крымские чинили свои набеги на польскую и московскую Украину. Избегая сражений, они нападали на деревни и села и со скотом вместе угоняли за собой тысячи, десятки тысяч крестьян, их жен и детей. Небольшую часть оставив у себя,

всю остальную массу пленных продавали они генуэзским купцам и евреям, которые из Кафи отправляли эту массу рабов на рынок в Константинополь. В четыре столетия Великая и Малая Русь и часть Польши (татарские набеги простирались и в западную Галицию), можно смело полагать, лишилась таким путем не менее 3—5 млн душ своего населения.

Венецианские посланники XVI в. говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV в. в разных городах Италии. Не мало было русских рабов и у султанов мамелюков в Египте. С конца XVI в., в XVII и даже еще в XVIII в. русских рабов употребляли на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи, Венеция и Франция.

Кольбер[1] особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта, а благочестивый Людовик XIV только иногда прибавлял, чтобы эти Russiens не были Schismatiques.

В таких размерах совершалась в XV, XVI, XVII и XVIII вв. торговля русскими невольниками и невольницами в Европе.

Только покорением Крыма был положен конец этой позорной для Европы торговле рабами-христианами.

Можно сказать, что ни одна православная, ни одна славянская народность так не была унижена и несчастлива в Турции, как народность русская. Русские терпели от турок более греков, болгар и сербов.

Вот источник одушевления и восторга, с какими Россия и наша словесность XVIII в. приветствовала победы Екатерининских орлов.

Освобождение турецких христиан вследствие иного характера турецкого владычества произошло иначе, чем освобождение Руси от татар.

Там началось освобождение с восстаний клефтов и гайдуков, но оно не могло быть доведено до настоящего даже признанного Берлинским трактатом положения Болгарии, Сербии, Черногории и Греции без великих усилий и пожертвований со

стороны России, уложившей не один миллион людей и миллиарды рублей на восемь своих турецких войн.

Прекрасна, живительна идея народности и в словесности, и в общественной жизни народов и государств. Есть много прелести и задушевности в маленьких словесностях, как есть много удобств в маленьких государствах, живущих под охраной великих держав. Но есть и великое благо и предстоит крайняя нужда и в больших мировых цивилизациях, в мировых языках и в их хранительницах — великих мировых державах, представляющих интересы целых рас и особых культурных миров.

Единство и целость царства, мир и могущество России, процветание русской науки и просвещения да одушевляют же нас всегда на всех путях нашей жизни.

РАЗДЕЛ IV.
НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Г. Безбардис и немцы

В № 261 «Рижской немецкой газеты» помещена очень любопытная статья, по делу г. Безбардиса, столь справедливо обратившему на себя внимание русского общества.

При том живом его сочувствии и участии, которое достойно возбудили наконец к себе наши несчастные латыши и эсты, при нынешней готовности нашей открыть им широкие братские объятия, ничто так не может смутить и опечалить русское общество, как всякой слух или известие о неблагонамеренности или коварстве, о нерасположении к нам, русским, тех или других личностей из латышей и эстов. Очень хорошо понимая это, некоторые лица, мало заслуживающие доверия, но могущие внушать его, стали распространять в Петербурге слух о том, что будто бы г. Безбардис написал адрес вовсе не верноподданнический, а просил в нем ни много, ни мало о присоединении латышей к Польше. Такой слух успел в некоторых из нас поколебать доверие и сочувствие к г. Безбардису и вообще к положению латышей и эстов. Очень возможно и весьма вероятно, что «Рижская газета» ничего не знала об этом слухе и потому помещением вышеуказанной статьи вовсе не имела в виду опровергать его. И между тем она его опровергла, ибо при ее расположении к латышам (и эстам)

она, конечно, не преминула бы расписать и раздуть эту связь латышей с поляками, если б этот слух имел хотя какое-нибудь самое шаткое освование. Но «Рижская газета» поместила статью о деле г. Безбардиса и совершенно умалчивает об этих отношениях латышей к полякам. В этом случае все друзья латышей и г. Безбардиса не могут не выразить своей признательности той немецкой партии, которой служит эта газета с энергией, достойной лучшего дела. Это не первая и, надеемся, не последняя услуга, которую оказывает латышам и эстам слабое числом, но сильное влиянием, немецкое меньшинство в наших латышско-эстонских губерниях.

Нынешняя услуга гораздо важнее, чем с первого раза может показаться, и вполне раскроется читателю, когда он не поскучает прочесть нашу статью.

Но прежде, чем перейти к статье «Рижской газеты», считаем нужным предварительно сообщить несколько сведений о прежней деятельности г. Безбардиса и его друзей и об обвинениях русско-латышской партии в сношениях с поляками.

В № 1 «Латышской газеты» г. Вольдемара[1] 1862 г. была напечатана статья г. Безбардиса «Тысячелетие Русского государства». Она, кажется, преимущественно обратила не милостивое и не лестное внимание наших прибалтийских немцев на прекрасное издание г. Вольдемара. Вследствие различных затруднений и крайней строгости рижской цензуры, оно прекратилось летом нынешнего года. Имев случай видеть различные ее помарки и исправления, не можем не пожелать скорейшего их обнародования. Это любопытный материал для истории немецкой просветительной миссии в России. Как умно и дельно велась «Peterburges Awises», можно судить потому, что в течение первого полугодия она уже имела более 4 000 подписчиков. Редакция поставила себе целью — очищение и обработку латышского наречия, преимущественно необходимые ввиду приближающихся преобразований в судопроизводстве и земском управлении. Сообщение латышам всякого рода полезных сведений и особенно сближение их с массой господствующего в империи сродного им русского народа, с которым всячески

стараются разобщать латышей немецкие патриоты, пасторы, дворяне и бюргеры, после известной истории г. Вальтера, с неблагоразумной и торопливой энергией занимающиеся насильственной германизацией латышей и эстов. Одно место в статье г. Безбардиса возбудило особенное негодование в германском меньшинстве Прибалтийского края, всегда любящем напирать на его неправильное и историко-политически неточное название «Остзейских Немецких провинций»; в исторических сочинениях, с особенным чувством указывающем на связь Ливонского Ордена с Прусским, на сношения гроссмейстеров с германскими императорами, Риги с Любеком, Гамбургом, Бременом, — наконец глубоко уверенном в возможности и необходимости онемечить латышей и эстов, как прусские немцы онемечили литовских пруссов и немечат славян.

Г. Безбардис писал между прочим: «Приближается тысячелетие Русского государства; пробуждает и тебя, латыш, чтоб и ты приветствовал великий день, когда с радостным торжеством будет отпраздновано основание первого правительства в нашем пространном отечестве. Между многими другими народами упомянут и ты, латыш, в древней русской летописи, повествующей о начале Русского государства. И ты помянут на первых же ее листах, как послушное дитя страны, и твои предки принимали участие в устройстве государственного наряда в нашей великой обширной родине. *По своему языку ты один из древнейших и ближайших сродников семьи славянской, происходишь от одного с ней корня,* у древних греков и римлян в течение веков носил название Славянского племени».

«Рижская газета» не могла скрыть негодования своей партии на новое латышское издание. В № 187 1862 г. этой газеты появилась следующая любопытная заметка: «Касательно заявления программы г. Вольдемара об отстранении всяких международных ссор и о развитии мира и согласия, заметил, что оно нарушено следующим фактом. № 1 «Peterb. Awises» в одной критико-исторической статье говорит о тысячелетии Русского государства *и прямо в ней затрагивает, да еще в панславистическом смысле, вопрос о национально-*

стях. Латыши приглашаются к участию в этом празднестве не как русские подданные, а как славяне». При всей злости, замечание «Рижской газеты» крайне наивно: в самом деле Россия, по ее мнению, Австрия что ли, где панславизм преследуется немецким правительством Габсбургов? Совершенно напрасно и, впрочем, не впервые забывают наши немцы, что Россия государство славянское и что они сами русские, ergo-славянские подданные.

В № 211 того же года, «Рижская газета» снова воротилась к этому предмету и выразила, между прочим, ту наивную мысль, что латышская газета г. Вольдемара следует *ложному направлению* (falsche Richtung). Мы не отговариваем «Латышскую газету» действовать таким же образом на латышей, как действовали с *финнами, русскими и пруссами* (!), мы думаем только, что *панславистическими тенденциями, по крайней мере, в Лифляндии, дело не подвинется вперед*[*], *а только посевается раздор* (Unfriede).

Этими и подобными печатными угрозами наши немецкие патриоты не ограничились. Многие пасторы в церковных проповедях отговаривали латышей подписываться на газету г. Вольдемара и даже читать ее. Народные учителя стали получать строгие внушения, если было известно, что они распространяют в народе выходившую в столице Русской империи «Латышскую газету». Крестьяне-подписчики получали грозные барские выговоры, а известна полная зависимость прибалтийских крестьян от немцев, у которых, большей частью лишенные поземельной собственности, они нанимают на сроки свои крестьянские дворы и всегда легко могут быть с них прогнаны. «Латышская газета» служила предметом обсуждений на ландтаге и даже синода, где около 90 пасторов почти единогласно признали ее каким-то дьявольским наваждением (sic). Вероятно, в этом случае был не из последних даровитый переводчик с русского на латышский язык, известный пастор Шульц[2]. Как бы то ни было, но на третий месяц издания г. Вольдемар получил предписание посылать

* Кто знает, господа? Кто знает?

каждый номер своей газеты на цензуру из Петербурга в Ригу. Кроме понятных затруднений и неприятностей, явились замедления. Газета стала опаздывать выходом, что произвело уменьшение числа подписчиков. Но так как и в первое полугодие 1863 г. она насчитывала у себя до 4 000 подписчиков, то и было признано необходимым нанести ей новый, более решительный удар. Было представлено о необходимости запретить газету на 8 месяцев, на том основании, что польский мятеж пылает на границах Прибалтийских губерний, а газета г. Вольдемара, проходившая в то время через либеральную вообще и в особенности столь преданную России рижскую цензуру, производит сильное возбуждение умов, могущее сделаться опасным. Таким образом, был сделан тонкий намек на связь *юных латышей* (Jung-Letten) или русско-латышской партии с польскими повстанцами-шляхтичами. Газета была запрещена не на 8, а на 4 месяца. Вероятно, отсюда же возник недавно распространенный слух о том, что г. Безбардис просил о присоединении латышей к Польше. Таких же инсинуаций исполнен и популярный у прибалтийских немцев роман г-жи Конради[3] «Георг Штейн»*.

Латыши в эсты желают и ждут улучшения своего быта от Государя-Освободителя. Они слишком хорошо вышколены немецкими рыцарями и баронами, чтобы не оценить верности славянских списков с немецкими подлинниками и не подметить в польских панах и шляхтичах тех же баронов и рыцарей, только менее сдержанных и образованных, менее ловких обделывать свои дела.

Признавая в этих клеветах на русско-латышских патриотов значительную долю недоброжелательства и недобросовестности, нельзя, однако, заметить в них большей хитрости и тонкости в изобретении. В самом деле, он рассчитан на столь малое знакомство русского общества с Прибалтийскими губерниями, которое теперь уже не возможно, благодаря нескольким прекрасным статьям, недавно напечатанным в «Христианском Чтении», «Православном Обозрении», «Дне», «Мо-

* См. о нем в «Дне» (№ 23.1865).

сковских Ведомостях» и особенно благодаря в высшей степени любопытным материалам, напечатанным в Чтениях Московского общества 1865 г. (№ 2, 3)[4]. Впрочем, нам приятно засвидетельствовать, что не только в нашем обществе, но и в официальных сферах громко начинает высказываться верная мысль о сходстве и одинаковости положения латышей и эстов с недавним положением белорусов и литовцев в Северо-западном крае. Так еще недавно, в марте 1865 г., состоявший при графе Муравьеве в Вильне, свиты Его Величества генерал-майор А. Д. Столыпин, в письменном своем ответе графу Тышкевичу об исключительно польском характере Виленского музея выразил следующую, заслуживающую всякого уважения мысль: «Ежели в музеумах Лифляндском и Курляндском исключительно были бы собраны предметы времен владычества рыцарей, а удалены те, которые могут служить воспоминанием о древней зависимости этого края от русских князей полоцких, псковских, кокенгаузенских, Герсинских; если в Финляндском музеуме шведская часть оного подавляла бы местную финскую и могла ввести этим в заблуждение необразованного посетителя на счет финской народности Финляндии, я не затрудняюсь сказать, что было бы логично со стороны правительства принять меры к преобразованию этих музеумов, как это сделано в Вильне, и особенно *в настоящий момент политической жизни России, когда она одинаково принуждена бороться против тождественных притязаний польской шляхты, немецкого баронства и шведского рыцарства на достояние не польского, не немецкого и не шведского местного населения»* (Дневник заседаний комиссии. Вильно, 1865. С. 55—56).

Перейдем же теперь к статье «Рижской газеты» о г. Безбардисе. В опровержение статьи «Москов. Ведом.» о г. Безбардисе она сообщает следующие, по ее словам, *официальные данные:* «Написанный г. Безбардисом по-латышски и доцентом Рижской православной семинарии г. Крауклисом по-русски переведенный, всеподданнейший адрес от имени латышского народа, вообще был поводом к произведенному над г. Безбардисом следствию. *Совершенно независимо от того, что эта*

записка ненавистнейшим образом клеветала на всеподданнейший адрес Прибалтийских рыцарств в пользу «принятия латышей в семью славянскую» (zu Gunsten einer Aufnahme des Letlenvolkes in die Slavenfamilie), *желала уничтожить весь существующий в балтийских провинциях порядок вещей и говорила о рабском состоянии обремененных тяжелой работой латышей, между тем как составители этого адреса, независимые литераторы, в этом рабском состоянии никакого участия не принимали, независимо от всего этого, у г. Безбардиса найдены были бумаги, которые состоят в прямой связи с возбуждением латышских крестьян в Аахофте (в Лифляндии) и Грегнцгофе (в Курляндии) и должны быть отнесены к ст. 1205 Уложения о наказаниях. Сверх того, надлежит заметить, что закон не дозволяет никакому сословию сочинять просьбы под каким бы то ни было предлогом, о нарушении всего существующего порядка».*

Затем «Рижская газета» делает свои замечания «Московским Ведомостям» и с иронией заключает, что эти факты объяснены этой газетой как «выражение верности к Его Императорскому Величеству и отечеству».

Так как «Рижская газета» в адресе г. Безбардиса совершенно отрицает выражение верности Государю и отечеству, напротив, обвиняет его в каком-то революционном стремлении и подводит его к одной из статей Уложения о наказаниях, то мы и принуждены точно передать содержание записки г. Безбардиса и сопоставить ее со статьей Уложения. «Легкомысленный мятеж в Польше, — сказано в ней, — внушил Европе мысль о разрыве Русского царя с его подданными и дал ей предлог к угрожающему вмешательству в русские дела. Большая часть русских подданных успела уже пред лицом Монарха отвергнуть легкомысленные претензии и заявить искренность своего доверия к царю и преданность к престолу. *Дворянство нашей земли, заявляя пред престолом свое расположение и преданность, упомянуло о недавнем присоединении ее к империи, о различии наречия и убеждений в Остзейских провинциях и тем, может быть, привело кого-нибудь к мысли, что*

между нами и империей нет и не может быть тесного единства. А наше бесприютное обезземеленное положение, наш, можно сказать, невольнический труд, наши неоднократные попытки для выхода из него посредством переселения, наши стремления к своему национальному умственному развитию в литературе дают повод заподозрить нас в расположении к своеволию и в холодности верноподданнических чувств к престолу. Мы не случайно присоединены к империи, а Провидение вверило нас могущественной деснице русского царя; в нашем наречии мы находим родство с подданными России славянскими племенами, а различие учреждений, отделяющих нас от коренных русских подданных, удручает нас болезненным сожалением». Далее адрес просит *снять эти преграды и дать латышам слиться в одну семью с великим русским народом. Это мы считаем нашей судьбой и нашим призванием. Никакие обещания, приманки и угрозы праздных честолюбцев не обольстят нас.* Наши надежды почивают на помазанниках Божиих, и мы сумеем быть честными и твердыми в той клятве, которой клялись быть верными подданными. И если враги русского царя захотят что-либо оторвать от земли, им наследованной, то на защиту ее готов ополчиться целый миллион латышей, бедных имуществом, но богатых верноподданнической преданностью к престолу Царя-Освободителя».

Обратимся теперь к ст. 1205 Уложения, под которой подводит «Рижская газета» эти строки. Если виновный, сказано в ней, возбуждал какие-либо лица или же и целые общества к сочинению и подаче самому Государю Императору просьб, не только не дельных, но основанных на ложных, противных, существующим установлениям и порядку, разглашениях или же участвовал в сочинении, написании или подаче таких просьб...

По всей справедливости к записке г. Безбардиса еще менее могут быть отнесены предыдущие слова той же статьи: «…кто из корыстных или иных зловредных видов будет побуждать какие-либо лица или целые общества к началу или продолжению явно противозаконных исков, или же сочинять

ябеднические для сего просьбы или воспрещенные законом от крепостных людей на помещиков жалобы, или иные недозволенные бумаги, или принимать другим каким бы то ни было образом участие в делах сего рода...»

Нельзя не поблагодарить «Рижскую газету» за ее откровенную статью. Она вполне в ней раскрыла свое воззрение на отношения латышей к немцам и к нам русским. Она уравнивает латышей с крепостными людьми, и в этом случае мы спорить с ней не будем. Просьбу латышей о слиянии с русским народом она считает не только противной существующим установлениям и порядку, но и не дельной.

Один из сотрудников «Рижской газеты», *бойкое перо* Лифляндского рыцарства, Егор фон Сиверс[5] недавно написал и издал за границей уже не прошение, а воззвание к Европе о тех, чуть не Диоклетиановских гонениях, которые воздвигнуты русской печатью («Днем», «Моск. Вед.», «Православным Обозрением» и пр.) на наших бедных и несчастных прибалтийских немцев. В своей напыщенной, столько же бездарной, сколько и наглой брошюре (Appel an die europäische Offentlichkeit gegen die russischen Zeilungen. Von einem Deutschen, der als ein geborner Livländer russischer Staatsangehöriger ist. Leipzig, 1865) этот Егор фон Сиверс уже не просит, как г. Безбардис, а громко заявляет перед лицом Европы требование *полного, существующим более полутысячи лет самоуправления* (не самоуправства ли?) *посредством выборных чиновников, выборных судей, немецкого языка в школе и в управлении.* Не только германская, но и наша немецкая печать пришла в восторг и умиление от брошюры Сиверса, в которой, между прочим, читаем следующее о русском народе: «Эта юная русская журналистика, которая под вывеской «прогресса» и «свободы» считает себя освобожденной от учения (и между тем должна еще многому учиться!), не хочет понять, что самосознающему себя культурному народу (да разве в Прибалтийских губерниях немцы народ?) нельзя жертвовать своим политическим *я. При совершенно грубом, со всех частей света согнанном сбродном населении без истории, без исторических нравов и юридического*

наследия (Mischbevölkerung ohne Geschichte, ohne überkommene Sitten und Rechtserbschaft) *может удаться высшее пожалование какой-нибудь по любому образцу сочиненной конституции: подарок становится благодеянием, необходимостью».* Это, читатель, Россия, — но не то совсем в нашем, да и в нашем ли? дивном Прибалтийском крае: «В стране же, где жизнь выросла и созрела из бережливо ухоженного в течение веков корня, подобное дело может породить только путаницу и беду. Прибалтийским дворянским и гражданским сословиям, которые фактически в продолжение 700 лет пользуются правом *самоуправления* и *законодательства* со времени присоединения к другой державе *инициативы законов* (итак, Прибалтийский край есть тоже *держава*, Macht), провозглашают право на своем собственном языке, в своих школах учатся по собственным программам, в своих церквах проповедуют по собственному свободному убеждению — этим сословиям нельзя отказаться от своего фактического самоуправления: они ничего не имеют общего с русскими губернскими учреждениями и не могут их желать себе, ибо в противном случае непременно вступили бы не на путь *преуспеяния,* а глубокого *упадка* (или, по выражению г. Скарятина, *«регресса»).* Инициатива законов, по конституции (verfassungsmässig) нам принадлежащая, не дана русским губерниям и сохранилась у нас».

Удерживаясь от всяких, с своей стороны, комментариев, попросили читателя сличить адрес Прибалтийского рыцарства и вышеприведенные слова Егора фон Сиверса с адресом латышей, и ему понятна станет *преступность* г. Безбардиса и всех так называемых *юных латышей.*

Обращаемся снова к «Рижской газете», которая ему в преступление вменяет и найденные у него при обыске бумаги, состоящие в прямой связи с возбуждением мужиков в Аагофе и Гренцгофе. Мы не имеем никаких сведений о том, были ли найдены у г. Безбардиса какие-нибудь бумаги о деле аагофском; но о бумагах по гренцгофскому делу у нас существуют положительные данные, которые не только объясняют его степень участия в просьбе гренцгофских крестьян, но и позволя-

ют заключить, что «Рижская газета» в этом отношении поступила столь же добросовестно, как и по делу адреса.

Ссылаясь на официальные данные, «Рижская газета» никоим образом не должна была умолчать, что г. Безбардис не сочинял прошения гренцгофских крестьян, а только переписал составленное другим, православным, латышом, которого не тронули немцы благодаря защите его духовного начальства: что участие г. Безбардиса в прошении гренцгофских крестьян ни в коем случае не могло быть подведено под ст. 1205, так как, *по закону* de jure, а не de facto, ни курляндские, ни другие какие прибалтийские крестьяне не могут называться крепостными людьми; да и из строго-критического обсуждения прошения гренцгофских крестьян и сличения его с общими отношениями латышей и эстов к немцам всего менее можно заключить, что оно есть ничто иное, *как ябедническая просьба или начинает и продолжает явно противозаконный иск.* В подтверждение нашего заключения, передадим в возможной точности содержание этого прошения. На это мы имеем полное право, так как о деле гренцгофских крестьян уже было напечатано в № 176 «Рижской газеты», представившей его, разумеется, в том же смысле, в каком она объясняет теперь адрес г. Безбардиса. Audiatur et altera pars.

Ознакомимся же с прошением крестьянина Зандер Зидерманна, подписавшегося под ним по доверенности крестьян мызы Гренцгоф. Вначале оно упоминает об 11 прошениях, одно за другим доставленных в Петербург с 10 декабря 1861 г. по 25 июля 1863 г., и замечает, что из них должно быть известно положение общественных крестьянских интересов в имении князи Ливена Гренцгоф в Курляндии, что они (крестьяне) имеют очевидные доказательства, что милостивое правительство повелело рижскому генерал-губернатору исследовать их жалобы. Настоящее прошение передает только о том, во что обращено это милостивое повеление и как местные власти обращаются с ними, беззащитными.

13 июня 1863 г. в имении Гренцгоф прибыла комиссия из трех членов: барона Сакена, асессоров Мелена и Баха. Тог-

да же на мызу был собран весь народ целой волости и сперва около 30 человек поодиночке, потом по 10 и наконец по 20 вместе были допрашиваемы: писали ли они прошения Государю Императору и г. министру? Они отвечали, что писали. Потом: чего они просили в них? Хозяева, работники, без причины лишенные занимаемой ими земли и собственного их имущества, отвечали, что просили возвратить лишенное. А все вообще отвечали, что просили прислать комиссию из Петербурга, которая добросовестно исследовала бы дело о разграбленном мызным правлением общего достояния целой волости, приобретенном для блага с многолетним кровавым потом, а именно о хлебном магазине, рекрутской, сберегательной и сиротской кассах. Еще просили: по общему их выбору определять волостных чиновников из крестьян, а не по воле помещика, прибавив, что если эти их просьбы будут удовлетворены, то они будут вполне довольны.

На все эти справедливые их просьбы комиссия дала им во всеуслышание такое определение: много прошений писали вы, но можете еще тысячу написать; Государь Император и министр не придут к вам, да и не могут рядить здесь суд и правду, это дело здешних наших судебных мест, и что мы определим, то кончено; и потому мы объявляем: кто лишен земли и имущества, тому они возвращены не будут; разграбленное волостное имущество невозвратимо, так как волостной писарь лишил себя жизни (хотя владелец мызы ручался в добросовестности этого самоубийцы писаря и в возвращении им утраченного имущества), все должны быть послушны назначаемым помещиком волостным чиновникам и вообще во всем слушать своего помещика точно так же, как доселе.

15 июля, как и 13-го, весь народ в волости был собран на мызу, и члены коммиссии повторили прежние допросы; потом после допрашивания волостного председателя крестьянина Ивана Вейланда, чиновники приказали управляющему имением принести кандалы и без всякой вины и улики в чем бы то ни было, асессор Меден принялся собственноручно заключать Вейланда в оные. На крик о помощи явился брат его Самуил с

намерением освободить несправедливо заключаемого. Видя это, остальные два члена быстрым прыжком через перила оставили возвышенное достойное седалище и принялись отнимать Ивана Вейланда у Самуила. Но так как они успели скрыться в толпе, то члены без разбору нападали на всякого. Видя такое странное поведение своих судей и не имея возможности ожидать от них каких-нибудь юридических действий, крестьяне принуждены были оставить членов комиссии и разойтись по домам.

16 июля они были поражены великим ужасом. Все крестьяне были собраны на мызу и, сверх чаяния, их, мирных поселян, окружила целая рота Митавского гарнизона, и жандармский полковник Коцебу открыл экзекуцию: 7 человек были наказаны 100 ударами розог по нагому телу. Затем один член комиссии сказал крестьянам, что теперь случилось, это определение Государя Императора и министра; если вы теперь не будете довольны, то вместо 7, как теперь, 70 человек получат вдвое большее наказание.

Далее в своей просьбе в Петербург гренцгофские крестьяне слезно умоляют о покровительстве и защите. «Многолетним кровавым потом приобретали мы себе возможное материальное обеспечение, но все, при помощи Божией приобретенное, сделалось жертвой вероломства. Стали мы искать прав на свою собственность, — нас обвинили противниками Его Императорского Величества и, как на крамольников, вышли с оружием. Труды наши на службе помещикам едва вознаграждались насущным пропитанием; но владетели наши лишают нас и того. Лишь только осмеливаемся мы поднять свой голос против такого угнетения, — многих из нас лишили и последней возможности пропитания, — лишают оседлости, и мы принуждены скитаться без пищи и пристанища.

В заключение гренцгофские крестьяне просили о назначении особой комиссии из русских чиновников, чтобы добросовестно исследовать их жалобы на вероломную растрату мызными властями общего волостного достояния: хлебного магазина и кассы, рекрутской, сберегательной и сиротской; об исследовании справедливости взведенного на них непови-

новения властям, особенно 16 июля, и нужды усмирения их воинскими командами. Просители прибавляли, что это тем необходимее, что враги их, желая предупредить уличение себя в делах насилия народной молвой, в № 176 «Рижской газеты» 1 августа 1863 г. представили описанное в сем прошении дело в совершенно ложном, для себя выгодном, свете. Наконец они просили «остановить повсеместный, со дня на день возрастающий произвол помещиков во взимании с крестьян платы за право пользования клочками их земли и определить се законом сообразно с количеством и качеством занимаемой ими земли и безвинно лишенным земли и собственного своего имущества крестьянам возвратить оные».

Повторяем: следствие показало, что это прошение гренцгофских крестьян было не составлено, а только переписано г. Безбардисом: не знаем, какие у него были найдены бумаги касательно аагофского дела, но из толкований «Рижской газеты» известных нам адреса и гренцгофского прошения нельзя сомневаться, что и на этот раз показания немецкой газеты не заслуживают доверия и отличаются не меньшей злостью.

Замечательно, что и в адресе, и в прошении латыши просят о введении тех же, низких и скверных, по мнению Егора фон Сиверса с братией, русских порядков и уничтожения той превосходной и мудрой конституции, которая, по мнению тех же немцев, так заметно отличает наши прибалтийские от всех прочих русских губерний. Но в этом отношении желания латышей совершенно совпадают с желаниями их ближайших по жалкой судьбе братий эстов. Нам известно прошение, подписанное 231 эстом от имени 24 крестьянских обществ, с населением в 15 263 муж. душ. Оно было написано около 2 лет тому назад и совершенно независимо от латышского адреса и гренцгофского прошения. Представленная в этой просьбе картина эстонского быта не менее печальна. Эсты просят и умоляют в ней о том, чтобы им:

1) «предоставлена была возможность, наравне с крестьянами внутренних губерний, приобрести в собственность земли по установлении умеренной нормы для выкупной и аренд-

ной платы и чтобы эстонским крестьянам было предоставлено преимущественное право выкупа до тех пор, пока все эстонское крестьянское сословие не будет обеспечено поземельной собственностью наравне с русскими крестьянами, а лицам других сословий не дозволялось бы до того времени продавать или отдавать в аренду крестьянские земли или присоединять таковые к землям господским;

2) дабы до установления нормы для арендной платы не дозволялось возвышать таковую и отбирать у крестьян хозяев их усадеб;

3) дабы барщина, составляющая самый пагубный вред для крестьянского хозяйства, отменена была в возможно скором времени и во всех видах оной;

4) дабы по недостатку у крестьян леса и торфа были присоединены к крестьянским усадьбам леса и болота, соответственно размеру каждой усадьбы;

5) дабы нашим крестьянским обществам и волостным судам дана была необходимая самостоятельность в отношении к помещикам;

6) дабы при предстоящей общей судебной реформе, которая в нашем краю передана на предварительное обсуждение местным сословиям, крестьянское сословие не оставалось без защитников или представителей, независимых от местного дворянства и выбираемых или утверждаемых правительством, — с той целью, чтобы означенной реформой были дарованы крестьянам те же права, какие предполагаются русскому сельскому сословию;

7) дабы в наших присутственных местах, при письменном делопроизводстве и в протоколах употребляем был наш родной эстонский язык и все высочайшее указы, а равно губернские ведомости печатались бы также на эстонском языке;

8) дабы эстонским крестьянам, наравне с прочими сословиями, дозволено было при всех своих жалобах о судебных делах действовать через адвокатов (юристов);

9) дабы депутаты наши, переводчики, составители прошений и вообще все лица, оказывающие нам содействие при

справедливых жалобах наших, не были преследуемы, арестуемы и наказываемы;

10) дабы употребление телесного наказания было ограничено и по возможности вовсе отменено;

11) дабы пасторы не были определяемы в должность без нашего согласия, потому что мы обращаемся к ним с полным доверием, как к единственным ученым людям между нами и естественным нашим защитникам, по всем вообще делам нашим;

12) дабы для вящего преуспеяния и увеличения числа наших сельских школ заведения эти приняты были под непосредственное ведение министерства народного просвещения, причем желательно, чтобы в оных преподаваем был также русский язык, знакомство с которым облегчило бы торговые и другие сношения наши с внутренними губерниями, а рекрутам из эстов — изучение военной службы; кроме того, оно дало бы нам возможность искать себе работы или места вне родины;

13) не менее желательно, чтобы для ближайшего ознакомления нас со всем, совершающимся как вообще в империи, так и собственно в нашем Прибалтийском крае и для предупреждения ложных слухов и толков, тревожащих народ, дозволялось перепечатывать на эстонском языке все то, что цензурой допускается к печати на русском и немецком языках;

14) наконец ввиду затруднительного нашего положения в том отношении, что сильному и влиятельному дворянству не можем противопоставить законных защитников, — осмеливаемся просить, чтобы наши просьбы, для избежания при обсуждении их всякого пристрастия, вследствие сословных или национальных интересов, переданы были на рассмотрение комиссии из русских сановников и поручить ей вообще обсуждение мер к улучшению быта эстонцев.

Как основательно последнее желание в прошении эстонцев, совершенно сходное с желанием гренцгофских латышей иметь посредников между собой и немцами и ближайших себе начальников не немцев, а чисто русских людей, это всего лучше доказывает то любопытное обстоятельство в деле г. Без-

бардиса, что тогдашнее высшее рижское начальство (чисто немецкое) взглянуло на его адрес не с нашей, не с русской точки зрения, а совершенно с немецкой, с точки зрения Егора фон Сиверса и редакции «Рижской газеты»; между тем как русское духовное начальство дало о нем свое полновесное мнение, совершенно не сходное с немецким взглядом и вполне согласное с интересом православной славянской державы.

В самом деле, немецкое светское начальство в Риге строго осудило адрес латышей, указывая, что в нем *между прочими нелепостями несправедливо утверждается, что они находятся в бесприютном и безземельном положении и претерпевают невольнический труд.* Русское же духовное начальство в Риге с достоинством возразило на это, что оно само во время обозрений своей Рижской епархии не раз слышало *«от многих эстов и латышей горькие жалобы на то, что они не имеют для приюта — собственных домов, а для пропитания — земли, и едва снискивают себе хлеб тяжкими трудами! А некоторые православные христиане жаловались еще на то, что мызные управления насильно заставляют их, как рабов, выполнять разные повинности в пользу лютеранских церквей и пасторов, угрожая выгнать их из имений своих, если они не согласятся на это, и даже обязывают их к сему контрактами вопреки известным высочайшим повелениям, освободившим православных лифляндских крестьян от всех повинностей в пользу лютеранских церквей и пасторов. Такое положение, очевидно, должно быть очень неприятно для бедных лифляндских крестьян и может не только возбуждать их жалобы, но произвести и худшие последствия. Поэтому, кажется, справедливость и благоразумие требуют без отлагательства улучшить их быт по мере возможности».*

Таковы красноречивые данные, которые мы считали долгом привести в возражение статьи «Рижской газеты», заимствовавшей, по словам ее, свои сведения из официальных источников.

Мы не сомневаемся, что орган крепостного, рыцарско-шлягетского либерализма, газета «*Весть*» постарается из-

вратить эти данные, даст им совершенно ложное толкование. Недаром же наши немецкие юнкерские газеты, восторженно приветствуя восходящее светило «Вести», с великим сочувствием отзывались об ее *благородном, здоровом направлении.* Не может же и «Весть» не повторять мнений немецких прибалтийских газет о латышах и эстах! Ведь наши латышско-эстонские губернии — единственный обетованный край в России, куда еще не проникли, по фразеологии «Вести», *демократизация и пугачевщина, всюду господствующие в несчастной России в печальную годину ее современного регресса.*

Но мы твердо убеждены, что огромное большинство нашего дворянства, которое к своим крепостным людям, вообще говоря, всегда относилось гораздо благодушнее, чем надменные рыцари к свободным латышам и эстам, имевшим полное основание завидовать русским крепостным крестьянам; которое, по собственному желанию и по воле Государя, принесло большие пожертвования на благо России и в пользу своих меньших братий, которое, наконец, имеет притязание и выражало желание руководиться не исключительными, чисто сословными, а напротив, общеземскими побуждениями, чтобы до престола всегда доходила правда от лица подданного всех званий, — огромнейшее большинство русского дворянства, повторяем это с твердым убеждением, не питает да и не может питать ни малейшего сочувствия к узким, эгоистическим стремлениям егоров фон сиверсов и к их оскорбительному для России воззрению вообще на какое-то особенное значение и привилегированное место прибалтийских губерний в нашем государстве и, в частности, на отношения тамошних немцев к латышам и эстам.

Как бы ни было тяжело переживаемое нами нынешнее переходное время, но оно всегда может внушать русским людям твердую надежду и несомненную уверенность, что в России не только уже не возможны времена Бирона или князя Адама Чарторыжского; но и никогда более не повторятся столь же оскорбительные для русского православного чувства прежние и собственно еще недавние ошибки наши

в Польше, Литве и Малороссии, равно как и не менее важные вины в прибалтийских губерниях во времена Паленов и Бенкендорфов*.

После того как столь ясно высказались во всей их резкой, несогласимой противоположности русское и немецкое воззрения на наши Прибалтийские губернии, на взаимные в них отношения немцев, латышей и эстов, ввиду политики Пруссии, воскрешающей завоевательные предания Фридриха II**, в быстро усиливающейся насильственной, при помощи же русских средств, германизации латышей и ввиду пробужденного наконец народного нашего самосознания, мы с миллионами русских людей смело надеемся, что отныне, по предмету прибалтийских губерний, никакие сомнения, колебания и проволочки уже более не возможны, что в правительстве нашем преобладают в этом отношении не немецкие, а русские воззрения, и что поэтому самому вышеприведенные данные о г. Безбардисе послужат к облегчению печальной участи несчастных латышей и эстов и их благородных представителей, как самого же Безбардиса, так и некоторых других, о которых русская печать пока еще умалчивает.

---

* См.: Чтение М. Общ. Ист. и Др. 1865 кн. III.

** Вице-канцлер граф Воронцов в 1744 г. писал: «В таком усилении короля Прусского, и что он хитрый, скрытный и конкретный нрав имеет, *кто порукой по нем есть, что он против России ничего не предпримет?»* — «К сему ж прибавить можно, что шведы (и датчане — или французы, англичане) против нас спокойны останутся ли? И *тако ежели во всех сих предприятиях королю Прусскому помешательства не делать, то какие от того произойти могут несчастия и конечное потеряние Лифляндии и прочие опасности, о том и вздумать страшусь».* Мнение гр. Воронцова было одобрено гр. Бестужевым-Рюминым, князем Куракиным, гр. Румянцевым, гр. Ласси, гр. Ушаковым, бар. Черкасовым, Юрьевым, Веселовским, Неплюевым, всеми лучшими тогдашними государственными людьми и дипломатами, всеми, за исключением Ласси, природными русскими, которыми преимущественно окружали свой престол императрицы Елизавета и Екатерина II. (См. сообщенные нами в Чт. М. Общ. Ист. 1863. Кн. I. Мнения русских государ. людей об отношении России и Пруссии, при имп. Елизавете). — Один из наиболее еще скромных прусских публицистов, Конст. Франц недавно доказывал необходимость присоединения Курляндии к Германии. (Die Wiederherstelung Deutschlands. 1865). См. нашу статью о немцах в Польше. («День». 1865. № 23).

О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может

Одному из моих русских друзей я отправил в январе в Рим несколько оттисков предисловия к недавно выпущенной в свет моей книге «Secrets d'Etat de Venise»[1] с просьбой разослать их в разные редакции итальянских журналов. Один экземпляр моей «Préface», вышедшей по-русски еще в ноябре прошлого года («Русь». 15 ноября) попал, между прочим, к г. Де-Губернатису, известному итальянскому ученому и литератору. Должно быть, вторая половина этого предисловия показалась ему довольно интересной. Он взял и напечатал ее в мартовской книжке своего журнала «Revue Internationale», недавно им начатого во Флоренции. Он дал статье свое заглавие «Le Panslavisme» и поместил под нее мое имя, нигде не оговорив, что эта статья взята им из особой книги. Обо всем этом я узнал, получив из Флоренции от г. Де-Губернатиса мартовскую книжку его «Revue». Разумеется, я ничего не имею против этого и даже очень благодарен достопочтенному редактору: большой публике моя тяжеловесная и слишком специальная книга известна быть не может. С г. Де-Губернатисом мы никогда не встречались и не переписывались, но заочно, кажется, давно знаем друг друга: я по некоторым его трудам, он, должно быть, по имени и по слуху, в чем я, впрочем, убедился только в прошлом году, случайно узнав, что он занес мое имя в свой Словарь современников.

Кому-то из наших немцев-соотечественников, сотруднику или по крайности читателю «St.-Petersberger Zeitung», недавно попалась в руки мартовская книжка «Revue Internationale» с моей статьей «Панславянизм». Заинтересовало ли его заглавие или мое имя?.. Про последнее он снисходительно заметил, что оно *здесь* известно (...einen Artikel von dem *hier* bekannten Professor...). Что сие *здесь* означает? Место, где писал автор, где издается наша немецкая газета? Следовательно, Петербург? Но

профессор, читающий в Петербургском университете почти 20 лет, печатающийся без мала 30 лет, не может, конечно, не быть, что называется, известен здесь, в Петербурге. Какой массе сторожей, курьеров, чиновников, нынешних и бывших студентов, их родственников и приятелей должно быть известно имя пожилого университетского профессора. Вернее, что под словом *hier* автор наш подразумевал все углы и закоулки благословенного отечества нашего, где только, по благодати ли Господней или по Божьему попущению и по грехам нашим,

...deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt,

что значит: «где немецкая речь раздается и возносит хваления *Русскому Богу* за великие богатые милости, и следовательно, везде, где только читается «St.-Petersburger Zeitung». В самом деле, постоянным читателям этой газеты имя мое давно известно, ибо в продолжение 20 лет, если уже не больше, она не раз гремела на меня своими перунами. В этом прекрасном *здесь,* в главном районе действия «St.-Petersburger Zeitung», в Петербургской и в трех наших прибалтийских губерниях мое имя известно, впрочем, и не всегда с той дурной славой, которую она так старательно обо мне распространяла. *Здесь,* между латышами и эстами, у меня еще с 1864 г. завязались истинно-дружеские отношения. Итак, второе толкование слова hier самое вероятное. Но в таком случае, для соблюдения пресловутой немецкой акуратности, следовало бы это hier просто выпустить, ибо мое имя гораздо известнее там (dort), чем здесь, в упомянутом *hier,* т. е. известнее в тех кругах и в тех местностях, где «St.-Petersburger Zeitung» вовсе не читают или совсем даже не знают об ее существовании: положим, еще в России и в разных западно-славянских землях, где читаются русские газеты, о «St.-Petersburger Zeitung» многие слыхали, но кто же в литературных и ученых кругах Греции, Италии, Франции, Англии когда-либо говорил о ней или ее видел? Таким образом, слово hier поставлено здесь совсем неправильно и неуместно.

Отмечаю не без удовольствия, что сделал хотя маленькую, но удачную поправку в *стиль* «St.-Petersberger Zeitung»*.

Увидав статью о панславизме, не прочесть ее вовсе — наш немец не удержался и стал читать ее, но с предубеждением и с неудовольствием: чего в самом деле можно ожидать от столь дурно известного автора? Предчувствие и ожидание его не обмануло. Статья сильно ему не понравилась. Но он ее читать не бросил, как обыкновенно все делают со статьями, которые только, хотя бы и очень, не нравятся. Статья взволновала его. Он счел невозможным молчать о ней и написал особую заметку, дабы обратить на нее внимание русско-немецкой публики. «St.-Petersburger Zeitung» нашла полезным напечатать эту заметку и со своими читателями поделиться негодованием одного из своих сотрудников, которого я возмутил так негаданно и нечаянно, единственно по милости г. Де-Губернатиса. Впрочем, резкая и сердитая выходка немецкого критика нимало нас не огорчает, а только наводит на кое-какие общие соображения, не безынтересные, быть может, для читателей «Славянских Известий».

Заметка «St.-Petersburger Zeitung» носит заглавие: «Европеизм и Славизм». «Благосклонный читатель удивится, — так она начинается, — прочитав это заглавие: невольно спросит он в изумлении: неужели все еще держится старая сказка покойного Хомякова о пресловутом «гниении Запада», о том гние-

* Раз уж зашла речь об исправлении русско-немецких текстов, позволю себе прибавить другую еще поправку. Один из бывших наших немцев и один из авторов очень популярного между нашими и германскими немцами: Bilder aus der St. Petersberger Gesellschaft, сборника г. Эккардта, имевшего уже 5 изданий, прославляя графов И. Шувалова, Валуева и князя Суворова и черня и марая, comme de raison, графа М. Муравьева, Н. Милютина и др., счел нужным затронуть, а следовательно, запачкать и меня, и приписать мне какие-то pathetische Artikel в честь гр. Муравьева, появившиеся в «Голосе» 1865 г. Это чистейшая ложь. Никогда никаких статей ни о Муравьеве, ни в честь Муравьева и никаких других сильных и сановных людей я не писал. Впрочем, к графу Муравьеву, за его деятельность в Северо-западном крае я питаю глубокое уважение и совершенно противное тому чувство к памяти князя Суворова и к его жалкой деятельности в Риге. В «Голосе» же, за исключением одной, подписанной мною статьи (Еврейская коллекция и С.-Петербургская Академия наук), я никакой статьи никогда не помещал.

нии, миазмы которого антисептическая (противузаразная) славянская культура должна уничтожить своим очистительным карболом и разлить на мир полноту свежего живоносного озона? Неужели есть еще люди, которые стоят там, где они стояли сорок лет тому назад, ничему за это время не научились и ничего не забыли, все еще мечтая о *расовой культуре*; в них не проснулось еще даже предчувствия, что, несмотря на национальные различия, может быть только всеобщая человеческая культура, вроде того, как члены одного дома, трудясь по разным призваниям и профессиям, сходятся в высшем семейном общении, являясь со всеми своими нравственными и духовными идеалами. Но вот этот призрак всеспасительной славянской культуры будущего все еще продолжает жить. Стоит только взглянуть на мартовскую книжку «Revue Internationale» Анджело Де-Губернатиса, заслуженного итальянского писателя и ориенталиста, там мы найдем статью здесь известного проф. Л. Ламанского о панславизме». Вслед за сим автор приводит несколько моих слов. Остановимся пока на приведенных фразах. Под славизмом, под старой сказкой Хомякова о гниении Запада критик наш разумеет так называемое русское славянофильство, столь мало ему на самом деле знакомое, что он, например, приписывает Хомякову выражение, нигде, ни разу, ни в одном из его произведений не встречающееся. Говоря о падении того, что, по его убеждению, было высшим проявлением германского гения, т. е. германской философии, Хомяков высказался таким образом: «Самое падение германской школы есть ее величайшее торжество. Она пала не от истощения своих деятелей, могущих до конца, не от ослабления понимания в обществе, которое за нею следило с постоянным и почти суеверным вниманием, не от распадения на мелкие расколы, порожденные шаткостью и темнотой положения, выведенных главными учителями; она не была вытеснена новым учением, восставшим в силе: — нет. Она одна изо всех философских школ совершила свой путь вполне, строгая до последнего вывода. Она остановилась и пала только перед невозможным, перед восстановлением, или, лучше сказать, перед воссозданием су-

щего из отвлеченного закона. *Ей принадлежит неотъемлемая и бессмертная слава в истории науки.* Круг отвлеченного, чисто рассудочного мышления ею обойден и очерчен, законы его определены строго и отчетливо, и определены для всех времен. *Нет мыслителя, который мог бы говорить об ней иначе, как с благоговейной признательностью; и счастливыми назовем мы таких людей, которые закалили свои диалектические силы в холодных, но крепких, струях Кантовского учения»*[*].

Приведу еще следующие слова Хомякова, раскрывающие воззрение И. Киреевского и его собственное на отношения наши к европейской науке и образованности вообще: «Глубокое уважение, с которым И. В. Киреевский говорил о прежних великих деятелях науки, и разумность его критического взгляда на них доказывают, как высоко ценил он их труды и как глубоко он их изучал. Действительно, *снова отыскивать то, что уже давно уяснено, или томиться над системой, уже испытанной и уличенной в несостоятельности, — таковы две опасности, предстоящие тому, кто вздумал бы вести мысль человека по новому пути, но, ознакомившись вполне со старыми, ею пройденными путями. Только отчетливое знание прежних школ философских дает право признать их ошибочность или неполноту, и пытаться создать новое, более полное и стройное учение. Труд прошлых поколений* (следовательно, и западноевропейских, романо-германских) *не отвергается, но поглощается и пересозидается в новый труд поколения современного* (в данном случае — русского) *и в будущий труд поколений, имеющих за ним последовать* (русских, славянских)[**].

Так относился к Европе, так отзывался об ее образованности тот Хомяков, которому недалекий наш автор смело и самоуверенно приписывает нигде у него не встречаемое выражение о гниении Запада. В начале своей заметки автор риторически вопрошает, яко бы от имени читателя: неужели-де есть еще теперь славянофилы, а в конце, на другом столбце, сам же утверждает, что в настоящее время они (die betreffende Partei)

* Полн. собр. соч. А. С. Хомякова. I. С. 272—273.

** Там же. С. 263—264.

подымают свою голову выше, чем когда-либо в последние два десятилетия (jetzt höher ihr Haupt hebt, denn je in den beiden Jahrzehnten). Далее наш автор, прямо разумеет меня, вопрошая, все также фиктивно, за читателя: неужели-де есть еще люди, которые стоят там, где еще стояли сорок лет назад, которые за это время, т. е. в сорок лет, и ничему не научились и ничего не забыли. Автор наш может успокоиться: сорок годов тому назад я только что поступал в гимназию, а ровно тридцать тому лет как выходил из университета: с тех пор и сам я не мало чему научился и других кое-чему научил; много за это время перевидал глупцов, забывал их пошлости, но из наблюдений над ними пришел к заключению, что глупцы бывают разные: благодушные и скромные, смешные и забавные, самодовольные и нахальные; эти последние — всегда самые скучные и несносные. Если сравнение славянской культуры с карболкой дает достаточное понятие об остроумии, вкусе, тоне и степени образования нашего автора, то с глубиной его разумения и с богатством его знания знакомит читателя данное им, критиком, определение культуры или образованности.

Славянофилы, говорит он, одни только и бредили о *расовой* культуре. Он не знает, что, верно или неверно, только они никогда не выдвигали одну народность и племя, или расу, а придавали и громадное значение просветительному началу в новом человечестве — христианству. Не знаю, известно ли немецкому автору, что сами себе так называемые славянофилы никогда такого прозвища не давали. Эта кличка была дана арзамасцами адмиралу Шишкову и его друзьям, а в 40-х годах перенес ее на Хомякова и его друзей московско-петербургский литературный кружок Герцена, Белинского и Грановского, который далеко еще не обнимал всего русского образованного общества. Еще менее представлял он собой всю Россию или включал в себя все историческое наследие русского просвещения и литературы. Многое из того, что было для этого кружка в 1840—1849 гг. особенно противного в Хомякове, Киреевском, в Тютчеве, Языкове, Чижове, К. Аксакове, А. Попове, Д. Валуеве, Самарине, было более или менее сознательно

высказываемо или хранилось в зародыше и заключалось подразумевательно у всех лучших деятелей нашего просвещения Петровского периода: у Ломоносова, Державина, Новикова, Фонвизина, Болтина, Карамзина, Крылова, Грибоедова, Пушкина, Ден. Давыдова, Лермонтова. Жуковский, Баратынский, Веневитинов, Гоголь до конца своей жизни высоко ценили и горячо любили первых наших славянофилов и совершенно не сходились, например, с Белинским, в своих взглядах на них. Первые наши славянофилы: Хомяков, Киреевский, Тютчев, Чижов, Языков, Кошелев, К. Аксаков, Д. Валуев, Ю. Самарин, А. Попов, князь Черкасский — были люди прекрасных дарований и возвышенных характеров, большей частью принадлежали к сильным умам и замечательным деятелям. Они бы принесли честь любой европейской стране с богатой образованностью, были бы ее гордостью и славой. Все это были люди превосходно образованные, истинно просвещенные, с большими историческими заслугами. Языков, Тютчев, С. Аксаков, первые — в своих стихах, последний — в «Семейной Хронике» оставили нам неувядаемые образцы русского художественного слова. Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин были первоклассными писателями-прозаиками. В будущий полный словарь русского языка внесены будут сотни примеров различных выражений и оборотов, извлеченных из их сочинений. Отличные знатоки европейских литератур, некоторые из них, как, например, Тютчев, Хомяков, Самарин, в совершенстве владели одним или двумя иностранными языками. Самарин, например, говорил по-немецки с таким изяществом, о каком, конечно, никогда не снилось, да и не приснится этому сотруднику «St.-Petersb. Zeit.», так плохо владеющему литературным немецким, родным ему, языком. Он упрекает нас, между прочим, в Arroganz (за что — увидим ниже): если он хочет понять верный смысл этого слова, пусть постарается, если может, сравнить свои бедные силенки и свою литературную неумелость с могучими дарованиями и высоким просвещением тех крупных деятелей, о которых он так самодовольно, развязно несет свои пошлости.

Национальных образованностей, говорит этот петербургско-немецкий мыслитель, никогда не бывало и быть не может. И это-де потому, что есть одна всеобщая человеческая образованность. Оно все одно и также умно, как если бы сказать, что национальностей нет, ибо есть человечество, нет видов, ибо есть род, нет разновидностей, ибо есть вид. Далее великий наш мыслитель открывает в человечестве nationale Unterschiede — национальные различия, особенности. Для вящего доказательства, что национальных образованностей нет и быть не может, и в объяснение, что национальные особенности никогда, значит, не проявляются и проявляться не могут в языке, народной словесности, в праве, в общежитии, в политике, науке, искусстве, словом — в культуре или в образованности отдельных стран и народов, он прибегает к следующему положению. Национальности суть-де члены одного дома, семьи, человечества, с самыми разнообразными призваниями, каждый со своими нравственными и духовными импульсами и идеалами. Кому после этого неясно, что национальных культур нет, не бывало и быть не может? Есть-де одна общечеловеческая образованность, подобно тому, как есть высшее семейное единение всех членов семьи с их разнообразными призваниями и профессиями, когда они все вместе сходятся и собираются вокруг семейного очага, со всеми своими нравственными и духовными идеалами… Но встречаться и сходиться у семейного очага могут в данный момент только наличные члены, народы же давно умершие, т. е. древние, давно сошедшие со сцены, и новые, еще не появившиеся на исторической сцене, народы, в этом высшем семейном общении, вместе с живущими и ныне действующими народами участвовать не могут. Древние народы сохранившимися от них преданиями и памятниками еще могут поучать своих приемников, но сами пользоваться новейшими опытами и завоеваниями мысли не могут. Да и в древности были народы исторические, образованные, жившие вне всякого почти общения друг с другом. Таким образом, представляемая в воображении автора всеобщая человеческая культура возможна и мыслима разве толь-

ко по воскресении мертвых, в будущем преображенном мире, если и там будут национальные особенности. Следовательно, по крайней мере, до наступления Страшного Суда, не может быть и речи на земле о культуре общечеловеческой. До сих пор все мыслящие и образованные люди всех стран и народов, за исключением, быть может, некоторых европействующих россиян, всегда думали, что были, есть и будут культуры или образованности национальные. Так, все кое-что знают и говорят о культурах индейской, египетской, китайской, иранской, греческой, римской, новой христианской и западноевропейской, которая в своем дальнейшем развитии, при всей своей общности и первоначальном единстве, распалась, в свою очередь, на несколько национальных культур. Любому умному французу, немцу, итальянцу, англичанину ощутительно и понятно различие образованностей или культур французской, немецкой, итальянской, английской. Наш же автор торжественно провозглашает, что никаких таких национальных культур и быть не может; нет, следовательно, и немецкой, или германской, культуры. Да, устами этого сотрудника своего сама «St.-Petersb. Zeitung» решительно заявляет, что deutsche Cultur, за которую она всегда так горячо ратовала, охраняя ото всех нападок и семейный характер С.-Петербургской академии наук, и привилегированные остзейские порядки, напрасно в них видя оплот и твердыню немецкой культуры, вся эта, говорю, deutsche Cultur оказывается теперь пуфом и мифом, чуть ли не такой же старой сказкой Хомякова, как и приписанное ему выражение о гниющем Западе. Бедная «St.-Petersb. Zeitung»! В какое неприятное положение поверг тебя твой, должно быть, новый сотрудник. Никакой немецкой культуры, оказывается, нет, не было и быть не может. Так, добрая стоятельница и оберегательница академического непотизма и баронского самоуправства с латышами и эстами, тебе могут теперь сказать добрые люди, что ты, твердя вечно и на все лады о культуре немецкой, даром морочила почтеннейшую свою немецкую публику. Так действительно следовало бы заключить из речей твоего сотрудника, столь неосторожно тобой напечатанных.

Но успокойся и утешься. Из-за твоей неумелости и слабости твоих сотрудников усомниться в существовании немецкой культуры никому из умных людей не придет в голову. Она, эта культура, есть действительно. Она создала много великого и прекрасного. Но она, как и все национальные культуры, все же во многих отношениях односторонняя и исключительна, как нередко исключительны и сами национальные интересы, ею представляемые. Тем не менее это культура великая, сильная, богатая, хранящая в себе много сокровищ для всех народов, но далеко, далеко не вполне общечеловеческая. Потому уважать и изучать ее мы, русские, всегда будем, но прививать ее себе, подчиняться и следовать ей до утраты или ослабления народного нашего самосознания, до отрицания или искажения наших идеалов мы не желаем и желать не можем.

Обращаясь к шустрому критику «St.-Petersburger Zeit.», припомним его чисто нигилистические выводы: национальных культур нет и быть не может, а есть и может только быть общечеловеческая культура, эта последняя еще никогда не была и будет уже разве в мире преображенном, по воскресении мертвых; следовательно, слова: культура, образованность — не имеют смысла на языке человеческом. Так наш критик отрицательно, но бессознательно и невольно раскрыл истину того положения, которое именно он и старался опровергнуть: национальные культуры, обнимающие не одну научную, но и разнообразные стороны деятельности народной, существовали, существуют и одни только и возможны в истории; общечеловеческое же начало проявляется в них во всех, поколику в разновидностях выступают общие свойства вида, не более и не менее.

В статье моей, между прочим, указано на великую противоположность национально-политических и культурных интересов современных великих европейских держав, на глубокий антагонизм, существующий между Австрией и Германией, между Италией и Австрией, между Францией и Германией и т. д. Очень возможно, что указанные явления неверно мною поняты и неправильно оценены. Следовало бы это хоть

отметить, если не опровергнуть, буде критик с этим не был согласен.... В этом отсутствии внутреннего согласия и единства в Западной Европе я вижу наилучший залог мира для отечества нашего, в дружбе которого не могут, таким образом, не нуждаться разнообразные европейские государства, имеющие каждое у себя, и без нас, много врагов. Занятая своими делами, сторонясь от разных западных международных вопросов, Россия, по моему мнению, может и должна извлекать себе выгоды из такого положения Европы. Нам всего нужнее, чтобы никто из них с нами не враждовал и в особенности не угрожал нам. Но для нас, скорее, хорошо, чем дурно, если общие друзья наши имеют свои счеты и живут между собой не в ладах. Ввиду такого резкого разъединения и антагонизма (названного у меня борьбой гвельфов и гибелинов), я и позволил себе выразить убеждение, что желанное в смысле староевропейском (по традициям латинских завоеваний на Леванте, со времени IV крестового похода), но не желанное в нашем смысле разрешение так называемого в Европе вопроса восточного может быть нами значительно затруднено и даже решительно остановлено. «Как бы пессимистически ни смотреть на современное положение России и стран, ей единоверных и соплеменных, можно сказать с уверенностью, что настоящее положение греко-славянского мира не возбуждает особенно страшных опасений и не позволяет предвидеть неизбежного и особенно удачного повторения IV крестового похода, хотя бы на нынешний раз, он бы должен был повести к торжеству не латинян, а германцев. Положение нашего (православного) Востока относительно романо-германского Запада не раз, в прежние времена, бывало тяжелое и, по-видимому, отчаянное. Если бы этой значительной части христианского человечества не предстояла великая и независимая роль по всеобщей истории, то мы бы могли давным-давно погибнуть и сделаться чем-то вроде фракийцев и кельтов, т. е. мы были бы поглощены и ассимилированы другим народами, которые бы нам привили свою цивилизацию или образованность. Мы уповаем, что доля наша счастливее (т. е. чем фракийцев и кельтов) и что нас не погло-

тят (не ассимилируют), что, напротив, *мы призваны создать новую, разнообразную, богатую, самобытную* (originale) *образованность, распространить ее в различных странах,* (вместе со знанием русского языка, прибавлю здесь) *и привить ее другим народам земного шара».* Здесь я разумел по преимуществу Азию и части Европы, наиболее к ней примыкающие; другие же части света — Америка, Австралия и Африка уже заняты и постепенно занимаются романо-германцами, пока, впрочем, особенно успешно только англосаксами и испанцами.

Неизвестный наш критик изо всего этого места, даже из последнего периода, привел только слова, напечатанные здесь курсивом. К сожалению, он даже не показал, как обыкновенно делается, начальными точками и малой буквой первого слова, что не тут у нас начинается период. Он умолчал о дилемме, нами поставленной: славянство или, подобно кельтам и фракийцам, погибнет, поглощенное той народностью, которая привьет ему свою образованность, или сохранит свою самостоятельность и независимость, развивши, подобно грекам и римлянам или романцам и германцам, свою богатую и оригинальную образованность, приличную и соответственную духовным и умственным его качествам, многочисленности его и великому простору и разнообразию его территории. Сам славянин, да еще русский, и притом человек постоянно, уже третий десяток лет, занятый изучением истории славянской и русской, в связи с западноевропейской, мог ли я и сказать что-нибудь иное, а не то, что я сказал? Не всякий ли здравомыслящий русский так думает и в то же верит? И тем не менее эти самые, что ни на есть невинные, слова наши привели нашего немца-читателя в странное негодование, а почтенный орган остзейских баронов, пасторов и доброй, если и не прекрасной половины Петербургской Академии наук, «St.-Petersb. Zeitung» нашла необходимым уделить два столбца этому негодующему обличению нашей ужасной предерзости. «*Самоуверенно, выражаясь скромно,* — говорит наш немецкий критик, — *едва ли можно произносить столь важные слова; старые славянофилы говорили подобные речи у себя дома, где их никто, кроме*

их земляков, не слышал. Тут же (т. е. в «Revue Internationale») *вызывающим тоном»* (herausforderud) *заявляется всему образованному миру... В этом приговоре г. Ламанского содержится значительная доля кичливости и нетерпимости, которой вообще отличается школа славянофильская».*

Сердитый наш читатель и критик ставит мне даже в вину, что итальянский издатель-редактор во Флоренции напечатал мою статью в своем французском журнале. Неизвестно, простит ли он Де-Губернатису эту ошибку, если это только ошибка — быть может c'est plus qu'une faute... в глазах нашего критика? Не желает ли он, чтобы без позволения и спроса хотя бы кого-нибудь из покровителей «St.-Petersburger Zeitung» я вперед никогда ничего не печатал заграницей? Напрасно также этот сердитый ее сотрудник думает, что первые наши славянофилы ничего подобного перед Европой не говорили. Наш автор, с тоном знатока о них толкующий, очевидно, составил себе о них понятие главнейшее по статьям Пыпина, из коих можно ознакомиться с узкими и односторонними понятиями Пыпина о разных вещах и решительно нельзя почерпнуть верного и ясного представления о славянофилах. Мы не удивляемся и не ставим даже в вину нашему немецкому автору, ввиду степени его образования, такого неведения: он вообще многого не знает, о чем пишет, и не понимает, что читает. Так, он совсем не знал, что Тютчев, Хомяков, первый в 40-х, а второй в 50-х годах обращались непосредственно к Европе с откровенным заявлением своих воззрений на отношения к ней России. Из трех превосходных статей или брошюр Тютчева: «La Russie et l'Allemagne» 1843 г., «La Russie et la Révolution»* 1849 г. и «La question romaine et la papauté» (Revue des deux Mondes 1 янв. 1850 г.) первая в особенности может быть интересна для разных читателей «St.-Petersburger Zeitung». Она была обращена к Кольбу, тогдашнему редактору «Аугсбургской всеобщей газе-

* Два раза в больших извлечениях, в промежутке шести лет, была напечатана в «Revue des deux Mondes», в журнале, кажется, более известном «образованному миру», чем «Revue internationale» или чем какой-нибудь из немецких журналов, не исключая и «St.-Petersburger Zeitung».

ты», и написана по поводу разных новейших немецких нападок на Россию. Одно место этой статьи Тютчева в данном случае особенно любопытно. «Я знаю, — говорит он, — что в крайнем случае найду безумцев, которые самым серьезным образом скажут мне: «Мы должны вас ненавидеть; ваше основное начало, начало вашей цивилизации внушает нам, немцам, нам, западникам, отвращение; у вас не было ни феодализма, ни папской иерархии; вы не пережили борьбы между империей и папством, ни религиозных войн, ни даже инквизиции; вы не принимали участия в крестовых походах; вы не знали рыцарства; вы четыре столетия тому назад обрели то единство, к которому мы еще стремимся; ваше основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно мало допускает разъединение и раздробление». Все это так. Но, воспрепятствовало ли все это нам пособлять вам при случае, когда требовалось *отстоять,* восстановить вашу политическую самостоятельность, вашу национальность?.. Умейте же, — прибавил, Тютчев в своем обращении к немецким немцам, — уважать и нашу национальность, уважать ее в ее единстве и силе и при всех наших недостатках, которыми мы не богаче других. Враждебное к России расположение умов в Германии представляет опасность — не для России, конечно, а для самой Германии».

В своих французских брошюрах Хомяков выяснял западному христианству отношения православия к латинству и протестантству и вместе раскрывал внутренний характер, вселенский смысл православия. Один из почтенных немецких журналов («Leipziger Repertorium») высказал по поводу этих брошюр Хомякова следующую мысль, на которую я решаюсь обратить внимание некоторых из читателей «St.-Petersb. Zeitung», как на голос просвещенного немецкого протестанта: «…содержание и изложение доказывают, что *самосознание России покоится не на одних только политических основах и что она велика не только в военной защите:* dass Russlands Selbstbewusstsein nicht bloss auf politischen Grundlagen ruht u. dass es nicht in der militärischen Defensive allein gross ist». Эти слова были писаны вскоре после Крымской войны и на

свежей памяти защиты Севастополя. С некоторыми из славянофильских мыслей непосредственно ознакомил Европу и Герцен. Прожив на Западе пять лет, разочаровавшись во многих своих прежних мечтаниях и кумирах, человек живой и даровитый, Герцен не мало потом усвоил себе взглядов и мыслей Хомякова, Самарина и пр., над которыми прежде издевался. Наиболее он их повторил, правда, с некоторыми искажениями и с революционной, данной им окраской, в замечательной, впрочем, брошюре: «La Russie et le vieux monde. Lettre à W. Linton. Jersey. 1854».

Автор наш и «St.-Petersb. Zeitung», надеюсь, хоть в этом случае согласятся, что не правы они, а не я, именно в замечании о первых славянофилах, якобы никогда не выступавших перед Европой. Но эту ошибку, повторяю, в большую вину не вменяю. Несколько хуже поступил наш автор, выведя из моих слов, напечатанных курсивом, странное заключение, которое вовсе из них не следует. Сказав, что старые славянофилы раскрывали свои мысли только у себя дома, про пишущего эти строки критик заметил, что-де у него, напротив, открыто, вызывающим тоном, заявляется всему образованному миру, что «он может спокойно себе писать завещание и ложиться в могилу, ибо зачем мучиться и трудиться, бороться и хлопотать, если тебе предстоит уничтожение. Вот какой удивительный и неожиданный смысл обличается нашим упованием, что нам суждено не погибнуть в чужих народностях, а быть самобытным деятелем в человечестве и иметь свою образованность. Невероятная наивность! Неужели наш автор, а с ним и «St.-Petersb. Zeitung» взаправду думают, что Европе или всему образованному миру впервые от меня приходится слышать о таком дерзостном желании русских. Точно Европа когда-либо думала, что мы содержим громадную армию и пограничные крепости вовсе не для того, чтоб охранять Россию и ее независимость, а, в случае надобности, и защищать освобожденных наконец после целого ряда войн и громадных жертв, единоверцев и соплеменников наших греков, румын, болгар, сербов, черногорцев… что Россия завела школы, гимназии, университеты совсем не

затем, чтобы у нас была своя богатая, капитальная литература и образованность. Нам даже кажется, что самим европейцам приятнее будет видеть в образованных русских не попугаев и обезьян, а настоящих, им же подобных, мыслящих и самостоятельно трудящихся людей. Развитие русской образованности и славянской самостоятельности нимало также, кажется, не угрожает умалением роли и значения в мире какой бы то ни было из западноевропейских национальностей. Если что действительно может угрожать многим из них, так это рост одной из них надо всеми прочими. Но Россия и славянство тут ни при чем не повинны. Благодаря своей наибольшей между всеми европейцами духовной самобытности и энергии, англосаксы одни, за исключением разве испанцев и португальцев в Южной Америке, приобрели себе громадные владения в Азии, Америке, Австралии, наконец в Африке, где народность их может, в продолжение целых еще веков множиться и распространяться беспрепятственно, на огромных пространствах. Недалеко сравнительно время, когда перед британцем и янки, перед языком Шекспира и Байрона, все прочие западноевропейские языки и народности будут такими же малыми величинами, какими теперь кажутся языки и народы голландский, датский, шведский перед языками и народами итальянским, французским, немецким. Пройдет еще несколько десятков лет, и англосаксы превзойдут своим числом французов, немцев, итальянцев вместе взятых. Франция уже сознала эту опасность и старается теперь исправить старые ошибки и заботится о восстановлении своего прежнего колониального могущества, о приобретении новых колоний на далеком Востоке и в Африке. Но еще вопрос, разрешимый лишь в будущем, обладает ли современная Франция большими колонизаторскими способностями? Несомненно обладает ими национальность немецкая. Но, благодаря своему долгому разъединению и раздроблению, со времен вестфальского до венского (1648—1815 гг.) и даже до Пражского мира, Германия надолго утратила широкий государственный смысл, до того погрязла в провинциальных и уездных интересах, что совершенно опустила время для при-

обретения себе в других частях света пустопорожних, свободных земель и не обзавелась заморскими и заокеанскими колониями, когда оно было и легко, и удобно. Впрочем, как в других отношениях, так и тут здоровые народные силы нашли себе выход и исправили опущения правителей. Немецкие эмигранты стали уже с прошлого столетия массами переселяться в Северную Америку. Было время, но оно уже миновало, когда немецкие колонисты теряли в Америке свою народность и забывали свой язык. Немецкая национальность в Новом Свете достигла уже столь почтенной цифры, что туземный англосаксонский элемент не может ее ассимилировать, тем более, что поток немецких эмигрантов в Америку не прекращается и прекратиться не может. Если дело пойдет так же успешно, как оно шло в последние сорок лет, то можно утверждать, без всякого преувеличения, что к половине двадцатого столетия немцев в Америке будет не менее 20—25 млн душ. С образованием новой империи, с развитием военного и торгового флота, у немцев, достигших государственного, хотя еще и не полного единства, стали заметно проясняться политические понятия, явились трезвые и здоровые воззрения. Ныне немцы начинают понимать, что для немецкого будущего всего теперь нужнее и важнее — дать усилиться и укрепиться, елико возможно, немецкому элементу в Америке и постараться поскорее завести колонии в Африке. В новой Германии живо начинают сознавать, что так называемый Drang nach Osten, напор немцев на славянские земли, прежние мечты о немецкой колонизации Венгрии и Балканского полуострова могут лишь повести к ослаблению и к гибели немецкого элемента в Америке, к потере уже навсегда возможности иметь свои колонии в Африке. Все оно грозит еще худшими последствиями. Для этого Drang'a nach Osten нынешней Германской империи пришлось прежде всего усиливать и укреплять Австро-Венгрию. Следовательно, объединительница Германии — Пруссия должна бы была работать в пользу старого врага своего — Австрии. На Габсбургов панство и германское католичество и без того уже глядят, как на будущих мстителей и восстановителей попранных про-

тестантским победителем прав римско-католической церкви. И кто знает, что еще может лет через десять или двадцать произойти в германской Европе вследствие предполагаемого укрепления и усиления Австрии и из неизбежного затем столкновения двух Германских империй, католической и протестантской, Габсбургской и Гогенцоллернской? Нынешнее ухаживанье Вены и Рима за западными славянами что иное обозначает, как не заднюю мысль воспитать будущие полчища Валленштейна и Тилли? Ввиду возможного повторения старой борьбы Австрийской, Габсбургской, католической Германии с протестантской, Гогенцоллернской, прежние фантазии Drang'a nach Osten о немецких колониях в славянских землях и об онемечении западных славян — в трезвой и политически зреющей части немецкого народа — все более уступают теперь место здравым политическим воззрениям на Россию и на славянство и реальным практическим задачам немецкой колониальной политики в Америке, Африке. Кто знает, вековечно ли британское могущество в Индии, и в случае его падения отчего бы например, Франция или Германия не могла и там еще завести свои колонии? Немцам, мечтавшим только о единстве и не видавшим конца-края своим мечтам, естественно было, с одной стороны, рисовать себе страшилище панславянства, его пугаться и им пугать других, а с другой — фантазировать на досуге о будущей германизации миллионов славян. Ныне же, добившись единства, хотя и не вполне законченного, немцы германские высоко оценивают заслуги Гогенцоллернов и справедливо признают великую для Германии пользу Русского союза как в прошлом, так и в будущем. В пожеланиях и надеждах русских людей создать богатую и самобытную образованность ни одному разумному просвещенному немцу в Германии не придет теперь в голову видеть какую-нибудь обиду или оскорбление Германии. Plus catholique que le Pape, более немецкая, чем настоящая Германия, наша «St.-Petersburger Zeitung» торжественно провозглашает, что этим невинным пожеланием нашим поругана честь Германии. Правда, критик наш назвал *образованный мир,* но конечно имел в предмете преимущественно,

если не исключительно, Германию. Французских, английских пожеланий иметь нам свою самобытную образованность так недавно еще и так много было высказано, по случаю смерти Тургенева, что едва ли они остались неизвестными критику «St.-Petersburger Zeitung». Я ему напомню лишь один отзыв о русском народе, высказанный тридцать лет тому назад очень известным и талантливым немцем. Карл Фогт писал в 1859 г.: «Естественное движение России направляется к югу и востоку. Константинополь и Пекин будут вечными целями ее политики. Россия обладает еще другим неоцененным преимуществом. Она представляет собой твердую точку, около которой все больше и больше стремятся собраться славянские народности. В ее здоровом и крепком народе почиет несокрушимая сила». «Russland besitzt noch einen anderen für ihn unschätzbaren Vortheil. Es bietet den festen Punct dar, um welchen sich die slawischen Nationalitäten mehr u. mehr zu gruppiren streben. In seinem naturwüchsigen, derben Volke ruht ohne Zweifel eine unverwüstliche Kraft». (Studien zur gegenw. Lage Europas. Genf u. Bern, 1859. S. 9—10). Если в ту пору болезненного, приниженного и надломленного состояния Германии находились в ней люди, не боявшиеся вызывать свое уважение и сочувствие к русскому народу, то понятно, что в настоящую эпоху германского расцвета и могущества, услыхав о мудреном заключении, которое вывел хитрый наш немец из моего пожелания нам богатой и самобытной образованности, редкий немец германский не усомнится в добром здоровье сотрудника, сочинившего, и редактора газеты, напечатавшего эти умные речи.

Чего уж умнее: «Вы, русские, верите и надеетесь иметь свою богатую, самобытную образованность. Какое ужасное оскорбление, какой дерзкий вызов! Вы нас хороните живьем! Стоит ли после того нам жить и трудиться, хлопотать и работать? Прелестные, дорогие строки! Вот уж, что называется, с языка сорвалось! Дабы рассеять тяжелое впечатление, навеянное на автора и его читателей моими дерзкими надеждами, несколько успокоить публику «St.-Petersburger Zeitung» и поощрить скромных и благородных россиян, критик наш об-

ращает свой взор с «отрадой, многим незнакомой», на статьи г. Пыпина в «Вестнике Европы» о К. Аксакове, рекомендуя, кстати, и другое сочинение его: «Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов». Нашему критику в этой статье г. Пыпина особенно полюбилось показавшееся ему очень метким одно выражение г. Пыпина, причислившего некоторые мысли К. Аксакова к «области *идеалистической филантропии».* Сомневаюсь решительно, чтобы г. Пыпин был против филантропии. Очевидно, ему не нравится лишь филантропия *идеалистическая.* Он признает филантропию, только без идеализма. Нашему критику, можно думать, нравится идеализм, но противна филантропия. Он, в свою очередь, признает идеализм, только без филантропии. На беду свою К. Аксаков имел несчастье быть в одно время и филантропом и идеалистом!.. Типовое в нем сочетание одинаково не нравится ни русскому, ни немецкому критику. Последний с особенным сочувствием к своему русскому собрату останавливает вместе с ним внимание читателей на *печальных положениях* Аксакова: «…русский крестьянин есть лучший человек на русской земле», он один в настоящее время «может назваться русским человеком». Критик «St.-Petersburger Zeitung» в восторге от превосходных, по его мнению, замечаний критика «Вестника Европы» на подобные бредни славянофильства: простота-де и чистота нравов соединима с образованием, вносящим бесчисленное множество новых научных, социальных, *поэтических* (sic) понятий... Одинаково думая, что русское крестьянство не есть самая здоровая, крепкая и лучшая часть русского народа, оба согласны, что болезненное проявление *идеалистической филантропии,* мысль К. Аксакова о русском крестьянине происходит от необразования, мракобесия, коими, по мнению «Вестника Европы», так страдали наши славянофилы. Есть ли, по мнению наших критиков, какая-нибудь часть русского народа наиболее здоровая и, если есть, сойдутся ли они в своем указании? Мы не знаем; но отметим, что в Европе, между прочим и в Германии, было и не мало замечательных людей, которые имели и

имеют глупость думать, подобно К. Аксакову, что здоровое крестьянство есть лучший хранитель чистоты народной речи и нравов, крепости живых преданий и народного быта, истинная основа и опора государственного строя. За подобные мысли умная и просвещенная Германия высоко, например, чтит память Ю. Мезера. Таких же мыслей держался и знаменитый государственный человек Пруссии — Штейн. Прибавлю, но уже для одного критика «St.-Petersburger Zeitung», что так же думает о крестьянстве и князь Бисмарк, на счет которого наша немецкая газета не во всем, кажется, согласна с «Вестником Европы», по крайней мере не в такой степени, как относительно славянофилов и русской образованности. Далее заметим, что крестьянство во всех землях западнославянских было в продолжение веков единственным хранителем народности. Между тем как культура славянская не несправедливо представляется Европе мало сочной и самобытной, довольно жидкой и бедной, народные наречия славянские, народная поэзия, музыка, быт народный хранят в себе целые клады и сокровища, которыми дорожит европейская наука, восхищались такие люди, как Гете, Карлейль, Фриман[2]. Умные и просвещенные иностранцы, вроде геологов Л. Буха, Блазиуса, экономиста бар. Гакстгаузена[3], бывавшие в России или вообще ознакомившиеся с русским народом, высказывали о русском крестьянине мнение, совершенно сходное с мнением о нем К. Аксакова, так опечалившем г. Пыпина и его немецкого товарища! Знаменитый, гениальный русский немец, К. М. Бэр[4] печатно и устно (как я сам от него слыхал) выражал глубочайшее свое уважение и удивление к русскому крестьянину, особенно нашего севера, наилучше, кажется, Беру известного. Не бывавший в России, но слыхавший и читавший о ней, знакомый с общим ее историческим развитием, известный естествоиспытатель Карл Фогт выражался о русском крестьянине в таком же смысле, как и К. Аксаков.

В том-то и беда, что русские европейцы и некоторые инородцы наши (немцы, поляки, евреи, армяне), с таким часто единодушием нападая на так называемое ими славяно-

фильство или просто русское народное направление, обличая его в неуважении к науке и современному образованию, оказываются часто в довольно комическом положении. Они с великой важностью берутся поучать и наставлять своих противников и только смешат их, обличая свое непонимание и России, которую хотят починить и выправить, и Европы, которую всегда ставят в образец. Уж, конечно, тем, кого у нас принято было называть славянофилами, не приходилось и не приходится учиться познавать Европу у «Вестника Европы», «St-Petersburger Zeitung» или разных наших европейских литераторов немецкого, польского, еврейского и армянского происхождения. Мы очень довольны, когда эти инородцы наши пишут по-русски или интересуются вопросами о русской образованности, об отношениях России к Европе. Но мы смеем думать, что, сверх нашего западничества, разбитого в настоящее время на множество различных и часто враждебных толков, есть немало, среди русской интеллигенции, людей, изучающих Европу и Россию из прямых источников, без посредничества наших европеистов из русских и из инородцев. Многие из первых, в своем отвлеченном удалении от живой действительности, так выцвели и полиняли, до того отчуждились от России, что, к сожалению, в иных суждениях и отзывах настоящих европейцев о русских делах больше иногда встречаешь живого понимания, чем у этих русских европейцев. Русского чувства и чутья находишь в них зачастую не больше, чем в разных наших инородцах. Только в немцах и поляках, армянах и евреях наших, к коим такого внутреннего требования никто и не предъявляет, замечаешь почти всегда гораздо больше практического ума и энергии, более целесообразности и твердости в их эгоистических замыслах и предприятиях. Если в наших западнических кругах, начиная от иезуитов и кончая анархистами, когда-либо встречаются подобные качества, то они всегда почти к ним привносятся главными их заправилами инородческого происхождения.

У нас так часто твердили, что многие сами поверили и приучили других верить, будто главное различие нашего за-

падничества и русского народного направления, или так называемого славянофильства, заключается в том, что одно либерально, а другое не либерально. Подобное различение идейных направлений нам всегда напоминает слова Гете: «Когда я слышу разговоры о либеральных идеях, то всегда удивляюсь, как люди любят пробавляться пустыми звуками. Идее не след быть либеральной. Ей подобает быть сильной, содержательной, закопченной и производительной, дабы исполнять свое божественное назначение. Еще менее может быть либерально понятие; назначение его совсем другое». Впрочем, неуместность смешивать либеральное с западничеством и ретроградное со славянофильством, может быть, обнаружится яснее на следующем примере. В 1847 г. известный генерал Дубельт доставил себе возможность ознакомиться из устных и письменных ответов Ф. В. Чижова с новым тогда славянофильством. Дубельт пришел к убеждению, что все это завиральные идеи, скорее, вредные, чем невинные, и во всяком случае не полезные. О Чижове он составил следующее заключение: «Без сомнения, он есть только славянофил, вроде других московских славянофилов, даже патриот русский, не знающий никаких пределов и мечтатель бесполезный (теперь бы сказали: идеалистический филантроп); самыми занятиями и направлением своим он не только не обещает ничего существенно и истинно важного, но, напротив того, может сбивать с толку молодое поколение и сделаться источником вреда, а, по пылкости своей, принадлежит к тем людям, которые при случае легко вдаются во всякие преступления». При прощании с Чижовым генерал Дубельт сделал ему, между прочим, внушение, чтобы *впредь* он *не допускал* «ни рассуждений о всемирном вопросе (sic), *ни об ожиданиях ваших вступления на поприще истории нового племени* (что так рассердило «St.-Petersburger Zeitung»), *ни других полутемных выражений,* могущих сбивать и вводить в заблуждение юношество». Как, не правда ли, не только мысли, но и самый слог этой официальной бумаги 1847 г. напоминает нам некоторые статьи современных наших журналов о славянофилах? Оно и не удивительно. Генерал Дубельт

и многие другие сановники наши позднейших десятилетий были хотя и консерваторы, но такие же западники, как и либеральные наши журналы западнического лагеря. Появившиеся в «Отечественных Записках» первых месяцев 1847 г. статьи о Московских сборниках и о путешествии А. Н. Попова[5] в Черногорию чрезвычайно как понравились тогда генералу Дубельту. Он нашел, что в них прекрасно опровергались *бредни славянофилов.* Он решил тогда же пригласить к себе редактора «Отечественных Записок» г. Краевского и «поощрить» его писать в том же духе против славянофилов. Кажется, западничество наше, как консервативных, так и либеральных оттенков, справедливее бы было называть, по отношению к России, направлением отрицательным, а названное ими славянофильством направление русское — положительным.

РАЗДЕЛ V.
РОССИЯ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ

Россия уже тем полезна славянам, что она существует

Посвящается И. С. Аксакову

Многим у нас, конечно, памятно изречение именитого русского дипломата: «Россия уже тем полезна славянам, что она существует». Не прозябает, не пребывает во сне, не бездействует, а *существует,* то есть — мыслит, чувствует, действует, живет и развивается сознательно, существует как нация и держава славянская.

В самом деле, предположите, что мы все, наш народ, общество, правительство были бы по вере не христиане, а мусульмане, по крови же и языку не славяне, а турки. Или предположите, что мы все и христиане, но не православные, а, например, протестанты, и не азиаты, а европейцы, да не славяне, а немцы.

В том и другом случае от существования России для южных и западных славян не было бы особенной пользы. Если, сверх нынешней Оттоманской Порты, была бы еще могущественная с полутора миллионом штыков Русская Порта или

если б рядом с нынешней грозной Германской империей существовала еще немецкая 80-миллионная Руссляндия, то, разумеется, ни о юго-западных, ни о северо-западных славянах, ни о каком восточном вопросе не было бы теперь и речи. И, разумеется, на Балканском полуострове ничто бы теперь не угрожало желанному спокойствию и порядку в Европе.

Так, изречение достойного нашего дипломата имеет глубокий смысл. Как нация и держава славянская, сама себя такой сознавая и сознательно действуя в интересах славянства, Россия своим бытием бесспорно оказывает величайшую пользу и южному и западному славянству.

Точно так же справедливо и другое обратное положение: «Южные и западные славяне уже тем полезны России, что они существуют». Действительно, русскому народу, обществу, государству турецкие, мадьярские, немецкие славяне полезны тем, что они не туречатся, не мадьярятся и не немечатся. И они тем полезнее России, чем они глубже проникнуты славянским самосознанием, чем крепче отстаивают свою свободу, чем с большею энергией борются с чужими, посягающими на их народную самобытность, стихиями.

Без этих южных и западных славян Россия не была бы ныне тем, что она есть. И зачахни они в борьбе с турками, мадьярами и немцами, исчезни они с лица земли, Россия никогда не будет тем, чем она может и должна быть, когда эти нерусские славяне станут, наконец, на ноги, добьются независимости и обеспечат себе необходимые условия для самостоятельного развития.

С падением Восточной Римской империи, с завоеванием Константинополя турками, в умах народов восточно-христианских возникает, в XV—XVI вв., фикция о перенесении империи, подобная той, что возникла на романо-германском Западе в IX—X вв., о перенесении империи от греков к франкам, а потом к немцам. Эта восточнохристианская фикция утверждалась на глубоко укоренившемся и широко распространенном религиозно-политическом убеждении христианских народов, что Римская империя, со времен Константина Великого импе-

рия или царство христианское, будет стоять до скончания века, до явления антихриста, что разноплеменные и разноязычные народы христианского мира, члены воинствующей церкви, распадаясь на местные державы с особыми государями, все, однако, составляют один общий международный союз, единое царство христиан с верховным вождем — императором римским или просто — царем христианским*. Из покоренных турками восточных христиан только самая незначительная часть не предалась фикции о перенесении царства от греков к русскому народу, не стала глядеть на Москву, как на третий Рим, а царя московского представлять себе, по выражению одной грамоты цареградского патриарха 1562 г.: «Царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до океана, надеждой и упованием всех родов христианских, которых избавит от варварской тяготы и горькой работы, как имеющий пространное достояние и сильный, богоприятный скипетр». Александрийский патриарх вместе с архиепископом горы Синайской изъявляли Ивану Васильевичу свою радость о покорении Казанского и Астраханского царств и «о его громких победах над нечестивыми, ибо царь представляется им, как второе солнце, утешая их надеждой благих времен, дабы и им когда-нибудь избавиться его рукою от рук злочестивых». Цареградский патриарх Иеремия говорил на соборе в Москве в 1589 г.: «Понеже убо ветхий Рим падеся Аполинариевой ересью; второй же Рим, иже есть Константинополь, Агаренскими внуцы от безбожных турок обладаем; твое ясе, о благочестивый царь, великое Российское царствие, третей Рим, благоче-

* В Паннонском «Житии св. Константина», при описании беседы философа с хазарами: «…дал есть Бог власть над всеми языки царю христианскому и мудрость совершенну, тако и веру в них, и кроме ее никто же может живота вечного жити». Новые народы с принятием христианства вступали в международный, политический союз с царством христианским на земле, другое царство христиан — небесное. Одно без другого не мыслилось. Приняв христианство, каган в настоящем случае извещает царя письмом: «…есмы же вси мы приятели твоему царству, и готовя на службу твою аможе потребуеши». Об этих религиозно-политических воззрениях имеется много важных и неоцененных, как следует, среднегреческих источников. Подробно я полагаю это в особом, не изданном еще сочинении.

стием всех превзыде, и вся благочестивыя царствия в твое в единое собрашася, и ты един под небесем христианским царь именуешись в всей вселенной, во всех христианех».

Как в посланиях вселенских патриархов в Москву, так и в личных их переговорах с царскими посланниками постоянно высказывается упование и надежда, что «Господь Бог подаст царю московскому наследие царя Константина». Пусть те или другие лица повторяли эту мысль неискренне, из желания угодить Москве, в надежде богатых и великих милостей. Важно то, что эта мысль постоянно повторяется, становится как бы общим местом. Это обличает народность ее происхождения и обширное ее распространение. Действительно, только самая незначительная часть восточных христиан в XV—XVI вв. и позже не думала так о перенесении царства от греков к русским.

Так не глядели на русских и на их царя только те немногие из греков или православных славян, которые приняли или мусульманство, или флорентийскую унию, покорились папе и признали законным римским императором короля немецкого, потомка Оттона I и Карла Великого. Униаты ожидали спасения своей народности от Запада. Впрочем, близко знакомые с воззрениями своих народных масс на «многолюднейший народ русский», они считали необходимым привлечь Россию в замышляемый ими общеевропейский союз против турок. Эту мысль внушали униаты и папам, и республике Венецианской*, а те сулили царям московским за принятие унии — как выражался Поссевин — не только Киев, но и Константинополь, прибавляя, что и папа, и цесарь, и все государи великие будут о том стараться. Не смотрели так же на царя московского и с Петра Великого на русского императора, как на законного и прирожденного наследника Палеологов, и те греки и славяне турецкие, которые, отворачиваясь от Запада и не веря в силы своей народности, слабые духом, из-за внешних выгод отступили от веры отцов и перешли в мусульманство. Все же

* В 1473 г. Республика писала Ивану III: «Ottomani occupatoris imperii orientis, quod quum stirpe masculina deesset imperatoria, ad vestram illustrissimam dominationem jure vestri faustissimi coniugii pertineret».

остальное восточное христианство, с уничтожением греческого царства турками, переносит на русский народ и его царя ту миродержавную миссию, которая до того признавалась у всех восточных христиан, между прочим, и у русских, за греками и их государями, наследниками Константина Великого и Юстиниана I. Народная исключительность и нетерпимость, малочисленность и продолжительная военная слабость греков, особенно с XIII в., со времени возникновения латинской империи в Константинополе, сильно роняли авторитет греков и Ромейского правительства в умах восточнохристианских народов негреческого происхождения.

Под конец (особенно со второй половины XIV в.) и сами греки убедились в полном ничтожестве и бессилии своего царства, и от души, кажется, ненавидели и искренно презирали последних Палеологов. Самому численному и сильному инородческому элементу восточной империи — славянам всего труднее было мириться с игемонией греков. Из среды болгар и сербов не раз в течение веков возникали (в X, XIII и XIV вв.) попытки вырвать из рук греков эту игемонию, это imperium orbis. Но болгарские цари Симеон († 927), оба Асеня (в XIII в.) и сербский Стефан Душан († 1355 г.), нанося удары грекам, не думают вовсе об уничтожении христианского царства. Напротив, они хотят его утвердить и усилить заменой греческого господства славянским. Как бы то ни было, но попытки югославянских царей, как и русских варяжских князей, овладеть Константинополем не увенчались успехом. Как ни слабы были греки, как ни мешал самый народный характер греков достойному исполнению этой великой миссии, однако до самого завоевания Константинополя Магометом II они оставались носителями, хотя в последние десятилетия скорее только по имени, Римской империи, христианского царства. Фикция о перенесении царства с греков на русских тем легче явилась и привилась в восточном христианстве, что южные славяне обретали в задаче московских царей и русских императоров как бы продолжение неосуществленных предприятий своих прежних, лучших государей, в новом носителе идеи христианского царства, вме-

сто несочувственных им греков радостно приветствовали своих близких соплеменников. Почин образования этого учения о перенесении миродержавства от греков к русским, от Царьграда на Москву принадлежит, главнейше южным славянам. Сильнейшие числом между восточными христианами, самые молодые, бодрые и сильные между ними, они увлекли своим примером иноплеменных единоверцев: албанцев, волохом, греков, грузин, сирийцев.

Справедливо, что Москва понимала выпавшую ей роль, не отрекалась и не чуралась своего исторического призвания, смело и открыто заявляла, ни перед кем не извиняясь и не расшаркиваясь, о своих сочувствиях к порабощенным единоверцам и соплеменникам, по мере своих сил, не оглядываясь по сторонам и не испрашивая ничьего на то разрешения, братски и мужественно содействовала облегчению участи турецких христиан. Но несправедливо, будто Москва с тупым самодовольством, самовластно и самозваннически присвоила себе прозвание третьего Рима, дабы тем спокойнее коснеть в своем якобы азиатском невежестве и неразумной ненависти к Западу. Замечательно, что не в Москве, а в Новгороде и Пскове возникают литературные памятники, где развивается впервые учение о перенесении царства от греков в Русь и на Москву. Областная гордость новгородцев и псковичей легче мирилась с необходимостью подчинения Москве, когда признавала в великом ее князе царя православных христиан вообще, а в Москве видела не столько старого соперника, сколько сменивший Византию третий Рим или новый царствующей град всего восточно-христианского мира. Так и Малороссия, отдаваясь Москве, заявляла на переяславской раде 1654 г., что она избирает себе в государи «православного христианского великого царя восточного».

Так смотрели на Москву и на ее царя и южные турецкие славяне. И это воззрение свое они привили не только своим иноплеменным единоверцам в Турции, но и своим иноверным соплеменникам западным — сербам, хорватам, словинцам. Самим своим повелителям они внушили особое уважение к Мо-

скве. Передать туркам подобный взгляд на Москву было для них тем легче, что в XV—XVI вв. все султаны, сам Магомет II и его замечательные преемники до великого Солимана включительно были, по матерям своим, сербы. Их жены и главные паши и визири были, по большей части, в XV—XVI вв. славянского же происхождения. Родной язык султанш, визирей, знакомый часто с детства самим султанам, сербский язык был домашним языком в Оттоманской Порте XV—XVI вв. По-сербски писались грамоты султанов к царям московским. До самой смерти Солимана (1560 г.) православным славянам в Турции жилось вообще довольно хорошо. Нередко, бывало, мусульманин славянин-паша имел брата православного архиерея или мать игуменью. С ними он продолжал родственные связи, посылал им богатые подарки, оказывал им и через них христианским землякам часто очень существенные услуги. Немудрено после этого, что, при нескрываемом презрении Порты и ее визирей к представителям самых сильных европейских держав XVI в., московские посланники в Стамбуле встречали, сравнительно, большой почет и уважение. Славянам-пашам любо было без толмачей сходиться с московскими окольничими и боярами. В беседах на родном языке умерялась вражда иноверия. Да и славяне-паши лучше могли понимать значение царей московских для турецких христиан, особенно славянского языка. То была не простая фраза, а речи, полные смысла и значения, когда иноки Афона или Синая или вселенские патриархи, в письменных или личных сношениях своих с московскими царями и их представителями, просят их послать «некую речь турскому царю» об испытываемых притеснениях. Так, иноки сербского афонского монастыря Хиландаря писали однажды, в XVI в., в Москву: «Мощно тебе, царю и государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом, ибо слышали мы от наместников турецких, если бы царь московский до нашего султана Сулеймана послал посла и грамоту, чтобы с вас дани не брались и вернули вам пашни, какие поотнимали греки, и отдали бы вам записи крепкие, то бы вас никто ничем не трогал».

И в самом деле, московские цари, в посланиях к ним турецких султанов, могли читать себе такие любезности и величания, к каким не были приучены ни римско-немецкий император, ни короли испанский и французский. Так, Солиман величал Ивана Васильевича «Христову веру держащим и в князьях великих превеличайшим, мессийских величайших превосходящим чести, также всех родов христианских правителем неподвижным, счастливым вождем многого войска, крепким и разумным государем многих земель»*.

В XVI в. было в Европе несколько держав гораздо образованнее, богаче, сильнее государства Московского. Но, по уверению венецианских дипломатов и других лучших знатоков Турции, могущественные и грозные в то время османы нимало не боялись венецианской республики, довольно большой тогда морской державы, ни Франции, ни Англии, не питали уважения и к немецкой империи, не так робели перед могущественною Испанией, как истинно страшились Москова. И это потому, прибавляет венецианский посланник Соранцо (1576 г.), что «он принадлежит к одной церкви с народами Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции, почему они так и преданы его

* Приняли турки и известные пророчества, распространенные у восточных христиан в XV, XVI и XVII вв., что Царьграду быть взяту русскими. Об этом знали и в Москве. Так, в 1645 г. приезжал в Москву грек Иван Матвеев с письмом от грека Ивана Петрова и Халкидонского митрополита с извещением турецких новостей. Петров уговаривал царя отпустить донских казаков выехать в поход, «вашей царской украйне будет великая помощь, а турскому посрамление, и он смирится, потому и в книгах своих обретают, что царство их будет взято от русского рода». В современном переводе с греческого письма, что подал антиохийского патриарха Макария сын архидьякон Павел в 1659 г. между прочим сказано: «Во всех турских книгах пишется еще, что говорил ложный пророк Мегмет, якоже турки восточное будут взяти царство Греческое, потом придет время и будет Русские роды с Калмыки возьмут царство их». 5 октября 1697 г. Петр I писал между прочим из Амстердама в Москву Андр. Виниусу, что будто один участник сражения при Центе сказывал: «…некоторый паша взят в полон, который пред генералиссимусом цесарским и перед всеми генералы расспрашиван, в котором расспросе меж иными словами сказал, что-де у них есть такое пророчество, что в 1699 г. Царьгород будет взят от русских, о чем и преж сего слыхали, только не от таких знатных. В чем да будет воля Господня, от которого победы происходят и волей Его высятся и ни во что применяются».

имени (divotissimi al suo nome) и всегда будут готовы взяться за оружие, восстать для освобождения от турецкого рабства и подчиниться его власти (et sarian sempre prontissimi a prender l'armi in mano e sollevarsi per liberarsi della schiavitù turchesca et sottoporsi al dominio di quello)».

Один далматинский епископ, П. Чедолини, в записке своей о восточном вопросе, предложенной папе Клименту VIII в 1594 г., указывал между прочим на необходимость привлечения России в союз против турок. «Благодаря сходству иллирского или славянского языка и христианской веры греческого обряда московит обладает преданностью к нему большей части народов Европы и некоторых азиатских, подчиненных туркам. Он имеет притязание на владычество в Константинополе, как вследствие свойства русских князей с восточными императорами, так и потому, что русские или московиты несколько раз владели Болгарией и Сербией и получали дань от императоров».

Еще в конце XVI и особенно в XVII в., когда весы истории борьбу Польши и России за игемонию в славянстве явно уже склонили в пользу последней, и южные славяне-католики, не утратившие чувства народности, как в венецианских, так и в австрийских владениях начинают все больше приставать к воззрениям южных православных славян на русского царя и все громче заявляют о великом подвиге освобождения, который они ожидают от него не для одних его единоверцев, но и для всего славянского племени, всюду удрученного в ту пору турками, мадьярами, итальянцами и немцами.

Увлекаемый любовью к своему племени, хорват-католик Юрий Крижанич[1] едет в Москву, носится в ней с своими предприятиями филологическими, историческими, религиозными и политическими, проникнутыми одной мыслью освобождения всего славянства от иноземцев и объединения его посредством царства Московского. Все славяне, и южные и западные, утратили независимость, говорит Крижанич. Один русский народ имеет свое государство: «Тебе одному, — обращается он к царю Алексею Михайловичу, — о пречестивый царь, доста-

лось смотрение всего народа славянского. Ты, яко отец, изволи носить скорбь и чинить промысел на рассыпанных детей, да их соберешь... Ты один, о царь, нам еси от Бога дан, да и задунайцом и ляхом и чехом пособишь, да учнут познавать притеснения и позор свой, и о просвещении народа промышлять, и немецкое отряхать иго».

Мы знаем теперь уже несколько независимых друг от друга западных славянских голосов, которые взывают к Петру Великому, как царю всеславянскому, и много голосов восточно-христианских, кои приветствуют его, как царя восточного. Нет, фикция о перенесении христианского царства с греков на русских, мысль о Москве, как о третьем Риме, отнюдь не была пустым горделивым вымыслом так называемой у нас московской кичливости и исключительности. Это была гигантская, культурная и политическая, задача, всемирно-исторический подвиг, мысленно возложенный миллионами единоверцев и соплеменников на великий русский народ и его державных вождей. То, что Москва умела понять величие этой идеи, всего лучше говорит против ее косности и национальной исключительности. Только великие, всемирно-исторические народы способны откликаться на мировые задачи, воспринимать вселенские идеи и отдаваться их осуществлению. Эта великая идея завещана была Москвой и новому периоду русской истории. Она всецело была принята Петром Великим. И в начале, и в середине, и в конце царствования Петр энергически поддерживал и укреплял, завязывал и распространял связи России как со всеми единоверными, так и западнославянскими народностями и землями. Со времени императора Мануила Комнина не было на Востоке царя более энергического и смелого в этом отношении, как и в национальных движениях славянства после гуситов никто еще, кроме Петра, не выступал так открыто в смысле самого решительного панславизма. К мысли о Царьграде в русских руках часто обращался деятельный ум Петра. С этою мыслью были связаны его общие преобразовательные планы, его коренное убеждение, что образованность человеческая, подобно кровообращению в человеческом теле, совершает свои обороты и,

временно променяв Восток на Запад, снова туда возвратится. Противники восточнохристианской и всеславянской миссии России напрасно корят Москву за национальную исключительность и отсутствие всяких общих идей. Еще менее они имеют права прикрываться в этом случае могучим образом Петра. Как в этом, так и в других отношениях он был истым сыном своего народа, московской России, от которой наследовал веру в мирodержавную миссию, всемирно-историческую задачу русского народа. Восточнохристианский мир в умах народных масс, а западное славянство в лице нескольких лучших своих представителей еще до Петра I совершили, так сказать, помазание русского народа на высокий подвиг их освобождения материального и нравственного и на почетное предводительство ими на всех путях исторической жизни.

Почин этого помазания, повторяю, принадлежит главнейше южным славянам, этим единственным соплеменникам между нашими единоверцами и единственным единоверцам между нашими соплеменниками. Самые многочисленные и сильные, самые молодые и энергичные из всех восточных христиан Турции, южные славяне были главным зачинщиком и носителем этой, возникшей еще в XV в., уверенности восточных христиан, что единственно вольному в православном мире народу — русскому — и его царю суждено промыслом освободить их от тяжкого агарянского ига, которое они, однако ж, по изведанному опыту, вместе с другими единоверцами, сознательно предпочитали владычеству над ними Запада, романцев и немцев, выражаясь на своем образном языке, что лучше чалма, чем тиара, лучше небесное, чем земное царство, лучше потерять жизнь, чем погубить свою душу*. Эта наивная

* Это воззрение на царство христианское и на перенесение его с XV в. к русским выражено и в прибавлении к повести о взятии Царьграда турками. За грехи и беззакония греки лишились царства. Но воинствующая церковь, благочестивый народ, православное христианство без царства и царя жить не может. Или народился, значит, Антихрист и, след., приходит конец миру. Или же правы латины, говоря, что греки и все восточные христиане не держатся истинного благочестия. Но нет светопреставления, нет Антихриста. Не правы и латины, когда говорят турецким христианам: «…на вас, на греков, Бог разгневался неумолимым своим гневом так, как на жидов, и выдал

вера миллионов наших соплеменников и единоверцев, эти чаяния и упования, эти сочувствия народных масс — величины, конечно, невесомые и неосязаемые. Но для России они стоили целых армий и кредиторовской услужливости европейских банкиров. Такими весомыми и ощутительными величинами политическая близорукость часто исключительно любит определять могущество государств. Эти простодушные мечты и помыслы людей, про которых истые дипломаты говаривали, что даже лучшим из них совестно подать руку без перчатки, больше разных дипломатических и стратегических подвигов придавали нам сил в многократных войнах с Турцией, вообще со всем азиатским мусульманским миром. В умах европейских и азиатских народов они возвышали нравственный образ России, придавая ей особый авторитет, облекая ее каким-то таинственным, религиозно-политическим обаянием. Политическая сила и влияние исторических национальностей измеряется не одними их наличными внешними силами, но и той верой и теми опасениями, которые они возбуждают относительно своего будущего в своих близких и дальних соседях. Не говорим уже о том, что неизбежная, во всяком случае, для нас борьба с Турцией в XVIII и в половине XIX в. была бы нам несравненно затруднительнее, если б наши нынешние единоверцы и соплеменники были все истреблены или отуречены.

Слаба и бессильна была бы современная Россия и по отношению к Германии, если б все 20 с лишком млн славян Австрии и Пруссии были теперь онемечены или истреблены, наподобие слабых ветвей славян полабских в Мекленбурге, Бранденбурге, Померании. Как бы в опровержение этого у нас часто указывают на поляков, столько раз причинявших нам важные затруднения как во внутренней, так и внешней политике. Иногда даже высказывается у нас сожаление, зачем-де русская Польша, по

вас турскому царю в неволю». Нет-де у вас царства, ибо нет настоящего благочестия истинной церкви. «И нынче греки (то есть восточные христиане) хвалятся государством, царством благоверного царя Русского от того взятья Мегметева и до сих лет; надежу на Бога держат и во умножение веры христианской и благоверного царства русского, и хвалятся государем царем вольным и до сих лет».

крайней мере, по Вислу не принадлежит Пруссии: она бы-де давно покончила с поляками, успешно их онемечив. Наконец, приводят в пример дружбу Пруссии с Россией, как бы в доказательство, что мы, русские, не имеем ни малейшего интереса в сохранении западными славянами их речи и народности. Но пример Пруссии доказывает совершенно противное. Если б Польша не расставалась так легко с славянскими политическими преданиями Болеслава Храброго и не отдалась так покорно западноевропейскому влиянию, то никогда из прежнего славянского Бранденбурга и столь близко сродной с славянами литовской Пруссии не выросла бы могущественная немецкая держава Гогенцоллернов, восстановителей германской мощи и славы времен Оттонов Саксонских и Фридрихов Гогенштауфенов. Следя в истории за ростом нашей национальной и государственной силы и вспоминая поражения и потери, понесенные нами в разные времена от поляков, мы нередко забываем о нашем долге признательности полякам за оказанные ими услуги славянству. В борьбе своей с германизмом против ли империи, как при Болеславе Храбром, против ли Немецкого ордена или против Швеции, поляки делали одно дело с древним Новгородом и Псковом, подготовляли и облегчали грядущие приобретения Петра Великого и его преемников на Балтийском Поморье и влияние их на дела Швеции и Германии. Для нас вовсе не несчастие, но даже выгодно, что поляки в Пруссии не поддаются так легко онемечению, как того желали бы, например, и прусское правительство, и немецкое общество. Чем крепче сохраняют поляки в Пруссии свою славянскую народность, тем ценнее и значительнее могут быть их вклады в общеславянскую науку и образованность, тем больше, наконец, наш чужеродный сосед будет иметь забот и дела у себя дома, тем слабее он может быть в своей наступательной политике на Восток (Drang nach Osten), тем глубже и живее будет чувствовать Пруссия пользу и необходимость дружелюбного сожительства с Россией. Замечательно, что мнение о неопасности для России от онемечения западных земель славянских всего более господствует у нас в тех общественных кругах, которые не обладают ни малейшей

национальной стойкостью и легко пасуют перед малейшим давлением слабой числом и не Бог же весть как нравственно сильной наличной немецкой стихии в России.

С детства приучаемые глядеть на германизм как на общечеловеческую цивилизацию, а в славянстве видеть одну первобытную грубость и невежество, мы редко умеем должным образом оценить ту великую пользу, которую принесли нам южные и западные славяне своею борьбой с германизмом. Мы любим жаловаться на медленный рост и слабую самобытность русской образованности. Но мы редко соображаем, что без так презираемых у нас — и несправедливо и напрасно — западных славянских словесностей русская литература и наука еще бы менее, чем теперь, успели развиться и подвинуться вперед. Не говорим уже о влиянии блестящего государственного роста, военной и политической славы России на пробуждение и развитие русского национального гения в Ломоносове, Державине, Карамзине, Пушкине и в их школах. Но и эта «слава, купленная кровью», и этот «полный гордого доверия покой» достались России никак не помимо и не независимо от сохранения веры и народности миллионов наших единоверцев и соплеменников в Турции и Австрии. Простой факт существования миллионов родных братьев за пределами России возвышал, окрылял русские помыслы, раздвигал границы русской мысли, не дозволял русской душе очерстветь в тесном национальном эгоизме, питал и поддерживал в ней чуткую отзывчивость и благоволение к людям. Эти способности души естественно развиваются в людях, испытавших радости и счастье, невзгоды и печали большой семьи, и также легко глохнут и исчезают у людей, обреченных на сиротливое одиночество. Великая лежит сила в братстве и для одиноких лиц, и для целых народов.

…Ведь это слово — братья
Всех слов земных дороже и святей!

Русская наука уже успела отчасти раскрыть то глубокое просветительное влияние, которое имели на древнюю рус-

скую словесность и образованность древнеславянские церкви и письменности Македонии, Моравии, Паннонии, Болгарии и Сербии. Нельзя нам, русским, без уважения и признательности вспоминать и о новейшем национальном и литературном движении южных и западных славян. Трудам Добровского, Суровецкого, графа Потоцкого, Копитара, Шафарика, Юнгмана, Линде, Палацкого, Мацеевского, Вишневского, Кухарского, Лелевеля, Караджича, Миклошича, их учеников и продолжателей, вместе с работами современных им русских ученых, обязана славистика и своим происхождением, и своим блестящим развитием, со множеством важных достигнутых ею результатов. Эта новая и прекрасная отрасль знания оказала уже и продолжает непрерывно оказывать самое благотворное влияние на все развитие новейшей русской науки со времен Карамзина, на успехи русской филологии, этнографии, археологии, истории церкви и права, литературы и государства.

На пользу России для славян и пользе славян для России и утверждается учение о солидарности и общности их национальных интересов. Сознание ее в умах русских и славянских и составляет так называемую идею славянскую. Она лежит в основе различных учений панславизма, который имеет свою историю, своих более или менее замечательных представителей, свои школы, с особыми отличительными воззрениями и приемами, смотря по народностям, религиозным и политическим условиям их жизни.

В истории этой славянской идеи любопытно следить за возникавшими повременно стремлениями и попытками доставить взаимным отношениям народов славянских известную устойчивость и законную правильность. Я позволю себе здесь припомнить несколько таких предположений и попыток, сделанных почти в одно время, приблизительно лет 70 назад. Тогда поднимались против турок сербы нынешнего княжества со своим знаменитым, преступным и героическим вождем Георгием Черным. И тогда только что нежданно родилась в Европе в полном всеоружии с громом побед новая грозная западная империя.

Русский священник в Венгрии, отец Самборский[2], в 1804 г. получил от митрополита австрийских сербов, Стефана Стратимировича, политический мемуар для сообщения императору Александру. Митрополит просил извинить его, что он не подписал своей записки: не дерзнул сего сделать, чтоб не потерять головы.

Сербский митрополит старается разъяснить те выгоды, которые вправе ожидать Россия от освобождения и объединения австрийских и турецких сербов.

Россия, говорил он, есть единственное государство в Европе православное и славянское. Всякое европейское государство и всякий народ в Европе имеют у себя друзей и союзников в своих единоверцах и соплеменниках. Политические союзы, основанные на интересах минуты и случайных выгодах, не отличаются внутренней крепостью. Иное дело союзы, основанные на взаимном согласии и дружбе народов, связанных единоверием и единоплеменностью. Это уже отчасти сознавала Россия Петра Великого и Екатерины II. Отсюда предположения их о возобновлении новой христианской империи в Константинополе и попытки их доставить грекам политическую независимость и самостоятельность. Но при единстве веры у русских с греками нет единства языка.

«Где же найти иной народ с русскими единоплеменный и единоверный? Нет, — отвечает Стратимирович, — народа в поднебесной, который бы толикую любовь и наклонение к русским и российским государям имел, яко же сербский восточного православия народ». Сербы живут в австрийских землях, в Венгрии, Славонии, Хорватии, Приморье и Далмации и в пределах Турции от Дуная на юг и запад до Скадра в Албании и до Адриатического моря.

Но можно ли бедный сей, под игом и угнетением турецким стенащий народ в самобытное политическое состояние привести? Если б Россия гарантировала турецкому султану владения в Азии, которые стремятся отложиться от Порты, то своим могучим влиянием русский государь мог бы склонить султана на согласие учредить из сербских земель одно вассаль-

ное данническое владение по примеру новоустроенной республики Ионийских островов. Труднее, конечно, будет склонить на это других европейских государей, которые в этом ослаблении Порты увидали бы нарушение европейского равновесия. Но, по мере успехов просвещения и внешнего благосостояния, это новое христианское государство могло бы исправить те невыгоды, которые бы произошли для европейского равновесия от ослабления Турции. Россия, конечно, встретила бы при этом наиболее сопротивления в Австрии, но зато она бы предупредила те опасности, которые должны угрожать славянскому православию в случае, если Сербия, Босния будут присоединены к Австрии или получат себе в государи какого-нибудь католического принца. Австрия, полагает Стратимирович, взамен уступленных ею сербских земель могла бы получить какие-нибудь территориальные, на счет Турции, уступки по соседству с Трансильванией... т. е. в Валахии. Впрочем, Стратимирович сам, кажется, чувствовал неудобства последнего предложения и обращается к другим соображениям. «Таковое о воздвижении нового славяно-сербского государства понятие столь живо представляется моему уму и сердцу, столь полезно за российский императорский дом, столь славно на весь славянский род, что никакой, хоть и величайший труд, никакое, хотя величайшее иждивение не может быть о приобретении того превелико». Современное положение Европы особенно благоприятно, по мнению Стратимировича, осуществлению этой мысли. Если Бонапарт один против интересов всей Европы, иногда даже самой Франции, мог наделать таких перемен в Европе, часто без всякой надобности и вопреки справедливости, если мог все это сделать вчерашний итальянец Бонапарт, то неужели добродетельный, мудрый и во всей Европе возлюбленный император всероссийский не может перед лицом всей Европы прямо и открыто выступить за народ своего благочестия, столько веков стенающий под тиранским игом, за народ своего языка, славянского рода и крови, народ, невинно угнетаемый и забитый, к нему единому возвышающий руки и взывающий об освобождении. Неужели нельзя и не должно

мужественно пред лицом неба и земли защищать дело явной справедливости, дела народа многочисленного, связанного такими узами с русским народом. «Еда ли уж забвена есть любовь славянского народа и языка в России и бедный серби даже отчаяти и под турецким тиранством вечно остатися имут?».

В это время только горсть сербов в Черной Горе пользовалась известной независимостью. Свои давние дружеские отношения к этому геройскому народцу Россия тогда скрепляла братством по оружию. Русские войска и русская эскадра под начальством вице-адмирала Сенявина молодецки тогда действовали в Адриатическом море против французов в Далмации (1805—18807 гг.). Тогдашние действия русских воскресили в большей части православного и католического населения Далмации те сочувствия и ожидания, которые пробудил в ней Петр Великий, завязав с ней живые сношения, выписывая на службу в русский флот множество далматинцев. Этот образ действий Петра возбуждал в свое время сильный страх в республике Венецианской. Генерал-проведитор Далмации извещал (1718 г.), что православное население сильно расположено к Петру и что царь поддерживает с ними связи, дабы иметь в них помощь на случай войны с турками*. Энергичный, умный и благородный образ действий Сенявина и его эскадры возбудил в сербах Далмации, Черногории и соседних турецких землях самые восторженные надежды и упования. В начале 1807 г. отправлен был в Петербург черногорский архимандрит Симеон Ивкович, «дабы повергнуть пред императором Александром I единодушное желание митрополита Черногорского и всех народов того края, православную веру исповедующих: 1) чтоб по низложении всемирного врага (Наполеона) соединить воедино провинции: I) Черногорскую, с присовокуплением к ней трех городов

* Генерал-проведитор Далмации Альвизе Мочениго писал инквизиторам из Сплита 7 октября 1718 г.: «Per quello spetta a Moscoviti niente ho patuto penetrar toccante il commercio, bensi m'e sortito di ritrahere, che faccia que1 Czar coltivare quei popoli Greci coll'oggetto di nutrirli nella dispositione di movere le armi contro il Turco, quando si trovasse in impegno di una aperta guerra, nè può dubitarsi che li Greci stessi non siino port ti da una forte inclinatione verso il Czar medesimo».

албанских: Подгорицы, Служа и Жабляка, II) Бокко де Каттаро, III) Герцеговину, IV) Рагузу и V) Далмацию; 2) соединение сие утвердить на вечные времена одним общим наименованием сих областей: славяно-сербского царства; 3) присоединить титул славяно-сербского царя к августейшему титулу императора всероссийского; 4) для управления сим царством назначить президента из природных россиян; 5) общее желание народа, чтоб вице-президентом и товарищем управляющего наименовать Черногорского митрополита и, по примеру митрополита Карловецкого, что в Венгрии, украсить его титулом князя российского и чином действительного тайного советника; 6) столицей сего царства и местопребывания президента и вице-президента назначить Рагузу, яко средоточие пяти областей; 7) в митрополии славяно-сербского царства под нынешним митрополитом постановить трех архиереев в Далмации, в городе Заре, в Герцеговине, в городе Требинье, и в Катаро, который и будет наместником митрополита; 8) в сих же трех городах учредить по одной семинарии или школе. В заключение же народы си желают сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством российского престола».

Один из сподвижников Сенявина в Далмации, прошедший потом пешком с экипажем своего фрегата из Триеста в Россию по нескольким славянским провинциям Австрии, Броневский[3], образованный офицер русского флота, живо впоследствии описал в двух любопытных сочинениях Сенявинскую экспедицию в Адриатике и свое путешествие с отрядом матросов из Триеста до Галиции. В свое время это был один из самых лучших живых знатоков славянских земель. Недавно стал известен его любопытный политический мемуар, представленный им на французском языке в министерство иностранных дел в 1807 г., по поводу одного прошения сербов нынешнего княжества, доставленного императору генералом Михельсоном.

«Его Величество, — говорит Броневский, — без сомнения, с чувством удовольствия прочел прошение сербов к генералу Михельсону. История не представляет более благородных примеров такого полного доверия, с коим они повергают

себя воле Императора, решившись связать свою судьбу с судьбой России. На нее они глядят, как на родину мать, прося ее помощи в замышляемом ими вместе с сербами Баната и Срема предприятии освободиться от ига турецкого и немецкого.

Смелость этого проекта, хотя с первого раза он и кажется внушением одной лишь страсти, не так поразительна, если внимательно разобрать его вообще и в частностях. Для России он представляется выгодным. Европейский материк, как уже было не раз замечено, разделяется, в настоящее время, на две, резко между собой отличные расы — славян и франков, ибо все прочие, за исключением шведов, или подчинены, или готовы уже им подчиниться. Франция есть великий центр, объединявший итальянцев, испанцев, батавов и германцев. Россия есть нравственный центр славян, которые, всюду томясь под чужим игом, испускают стоны, сдерживаемые только страхом, и ждут себе гения освободителя. Вместе с тем Россия является слишком слабой по отношению к грозной конфедерации, управляемой Францией. России нужно обеспечить свое существование упрочением новых международных отношений, новой политикой и новыми союзами. Ввиду таких естественно сближающихся потребностей само собой представляется наш интерес от присоединения к нашим силам сил славянских.

Воспользуются ли этим или нет, тем не менее справедливо, что природа положила строгую раздельную границу между славянами и другими европейцами. Характер славян носит свой особый отпечаток, резко отличающий их от других народов. Они никогда не сольются ни с французами, ни с немцами, еще менее с турками. По обстоятельствам они могут на время подчиниться иноплеменникам, но они никогда не перестанут мечтать о независимости, как это было в продолжение столетий. Свидетели этому чехи и моравцы, которые после трехсотлетнего присоединения к австрийскому дому употребляют поныне слово *немец* в смысле бранном и насмешливом. Эта упругость характера — лучшее ручательство будущей свободы всех славян. Так и наши мужественные предки освободились от татарского ига после 250-летнего рабства.

«Но, с другой стороны, не следует себя обманывать. Славяне, самим себе предоставленные, лишенные денежных средств, офицеров, артиллерии, непременно будут побеждены и только умножат свои несчастия. Такой исход был бы несчастлив для России. Ее потери от этого были бы непоправимы, ибо приверженность к ней этих народов и даже самый их нейтралитет во время войны стоят большой армии, ибо иначе надо было бы иметь таковую наготове. Таким образом, интересы России требуют охранения интересов славян, как для настоящего, так и для будущего. Доверие этих благородных народов к нам есть священное достояние. Ключ к нему должен быть передан потомству, если обстоятельства мешают сделать из него теперь означенное употребление.

Если сущность современных событий требует образования федеративного союза, основанного на лучшем сознании и более прочном, чем это было доселе, охранении интересов, то федерация славянская представляется единственно естественным союзом, который один может создать хорошую границу для России и представить лучший противовес усилению Франции». Далее Броневский представляет соображения и комбинации, при которых можно было бы склонить самого Наполеона к согласию на такую федерацию, ибо, в сущности, она была бы усилением нашего влияния, а не увеличением наших границ. «Впрочем, граница, составленная из маленьких соединенных государств под обоюдным влиянием двух империй, вовсе не противна интересам Франции. Такой план входит в систему ее политики, наполняющей второстепенными государствами весь промежуток между севером и югом составных частей современной Франции. Останется только разрешить, на основании физических и нравственных данных, какие земли должны составлять существенную часть рейнского союза и какие будут принадлежать к союзу славянскому. Впрочем, природа вполне разрешила этот вопрос, и совершенно неуместно сомневаться, должны ли рассеянные в Европе славяне принадлежать к какому-нибудь иному союзу, кроме славянского, подобно тому, как нечего доказывать, что прилежащие к Рейну

земли должны быть под влиянием не России, а Франции. Эти основания непоколебимы. Дело это может быть откладываемо, но несокрушимая сила событий когда-нибудь да приведет к его осуществлению».

«Во всяком случае — говорит Броневский, — сохранение славян для России столь же важно, как сбережение каменоломных копей, доставляющих материал для поддержания и подновления ее государственного здания». В заключение Броневский предлагал правительству свои личные услуги, вызывался сам ехать к сербам руководить и умерять их преждевременный пыл, и явиться к ним в качестве частного человека с предоставлением министерству права отступиться от него, если обстоятельства того потребуют. «Я почту себя счастливым, если удастся послужить на пользу нескольких миллионов людей и во славу родины. Я не дорожу жизнью, когда дело идет о таких великих интересах».

Можно говорить против плана Броневского, легко указать его слабые стороны, но чистота его намерений и искренняя преданность делу освобождения славян не подлежат сомнению. В этом отношении, так же, как за некоторые весьма меткие замечания о славянах и о малых государствах между великими, записка Броневского дает ему право на почетное место в ряду новейших деятелей в истории сношений России с южными и западными славянами. И после 1807 г. у нас являлись предложения и проделывались опыты, отчасти похожие на проект Броневского и, кажется, даже как бы им внушенные. Таковы были, например, план адмирала Чичагова 1812 г. и инструкции, ему данные при отправлении его главнокомандующим армии в Молдавии. Ввиду наполеоновского нашествия и союза Австрии с Францией тогда тоже предполагалось образование славянской федерации, а прежде всего имелось собственно в виду «воспользоваться, как говорилось, военным духом народов славянского происхождения, сербов, босняков, далматинцев, черногорцев, хорватов, иллиров. Однажды вооруженные и организованные, они могли бы много содействовать нашим военным операциям. Венгерцы, не-

довольные настоящим правительством, представляют тоже отличное средство беспокоить Австрию и, следовательно, ослабить ее силы». Составленное из этих славян и венгерцев ополчение вместе с нашими регулярными войсками имело бы своим назначением, с одной стороны, предупредить враждебные замыслы Австрии, а с другой — произвести диверсии на правом крыле французских владений. Целью этой диверсии против Франции должно было быть занятие Боснии, Далмации и Хорватии и обращение их милиций на важнейшие пункты Адриатического побережья, особенно же на Триест, Фиуме, Бокке ди-Катаро и прочие, «дабы завязать, в случае надобности, сношения с английским флотом, подстрекать недовольство Тироля и Швейцарии и втянуть их мужественное население в общие действия против Наполеона». Для успешнейшего достижения цели адмиралу Чичагову предписывалось «употреблять все возможные средства для возбуждения и привлечения на нашу сторону славянских населений». Так, например, «дозволялось ему обещать независимость, образование славянского королевства (какого?), раздавать денежные пособия и ордена главным их начальникам и войскам».

В этих проектах, которые, по счастью, славянам не пришлось испытать, а русским вводить в исполнение, прежде всего нас поражают две отличительные их особенности: с одной стороны, одностороннее воззрение на вопрос о независимости славянства, а с другой — крайне небрежное и легкомысленное отношение к предмету, полное незнакомство с внутренним положением стран и народов, которые у нас хотели освобождать. Односторонность и узость воззрения значительно помогала легкомыслию приемов, с которыми приступали к решению вопроса. Казалось, стоит только овладеть известной внешней силой — и вопрос легко разрешится. Независимость, свобода славян понималась единственно и исключительно в смысле политическом, и притом в духе господствовавшей в то время в России государственной теории, т. е. чисто военно-полицейской. С точки зрения этой теории, народ представляется толпой плательщиков и готовых или способных поступить

в солдаты. Славяне в этих планах рассматривались исключительно как внешний материал, который, отняв у противника — и тем ослабив его, можно употребить на свои надобности. Так как при этом имеются в виду обстоятельства минуты, известные внешне политические моменты, то, лишь только они прекращаются или изменяются, материал становится ненужным и, как лишний груз, спокойно выбрасывается за борт. Образование народа, его духовные идеалы, его потребности, его сочувствия и антипатии подчиняются в этой государственной теории задачам государственным, понимаемым-таки опять только в полицейско-военном смысле. Мудрено ли, что при таких воззрениях у нас, в России, в первую половину нынешнего столетия, освобождение славянства могло почитаться делом очень легким. Совершенное незнакомство составителей этих проектов с необходимыми частностями и подробностями внешнего положенья и внутреннего быта южных и западных славян, полный недостаток сведений государственных и политико-экономических в тогдашнем русском образованном обществе были также немаловажной причиной легкомысленного понимания славянского вопроса.

С другого рода теорией, хотя также узкой и ограниченной и также исключительно политической, только едва ли еще не с большим легкомыслием подошли несколько позже к вопросу славянскому Борисов с членами основанного им в 1823 г. общества соединенных славян, которые, по свидетельству донесения следственной комиссии 1826 г., имели целью «соединить общим союзом и единообразным республиканским правлением, но без нарушения независимости каждого, восемь славянских колен, означенных на восьмиугольной печати их: Россию, Польшу, Богемию, Моравию, Далмацию, Кроацию, Венгрию с Трансильванией, Сербию с Молдавией и Валахией».

И Броневский, и так называвшиеся соединенные славяне, и адмирал Чичагов, при составлении своих проектов об устройстве быта южных и западных славян, по-видимому, и не подозревали необходимости предварительного опроса населения, коих хотели облагодетельствовать, относительно их глав-

ных нужд, желаний. Этим попечителям славян не приводилось вовсе задумываться над внутренним значением исторических явлений и учреждений, которые привели и держали славян в печальном состоянии внешнего и духовного рабства. Уму этих русских друзей-славян и не представлялось даже вопроса: новые, вызываемые ими для славян формы жизни и учреждения какого духа и характера? В какой степени сама Россия и ее образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, славянскими? Все эти легко задуманные планы освобождения южных и западных славян не могли и по другим причинам иметь какой-либо практический успех. Без помощников и сотрудников из среды самих славян русские образованные люди, если б даже в то время их было много, ничего не могли бы поделать. В первую четверть нынешнего столетия национальная славянская интеллигенция едва лишь начинала возникать. Самая многочисленная и развитая теперь в западном славянстве чешская так была слаба и ничтожна в то время, что, по свидетельству современных престарелых национальных вождей, они в юности, разговаривая в Праге на улицах и в публичных местах по-чешски, совершали как бы некий подвиг самоотвержения, ибо этим добывали себе у всесильной австрийской полиции славу людей подозрительных и опасных.

С 1815 г. приобретают у нас решительное преобладание два направления, или, в сущности, одно направление с двумя разветвлениями: консервативным и либеральным. По воззрению их обоих, высшее призвание и главная задача России заключалась в усвоении и охранении европейской цивилизации, как единственно вселенской и вполне общечеловеческой. Россия должна быть державой и страной настоящей, истинно европейской. Все русское, непохожее на европейское, должно быть устранено и даже уничтожено, как не европейское, а азиатское или, по меньшей мере, византийское.

Консервативная сторона этого направления, за которой стояла сила материальная и в которой главную интеллигентную силу составляли наши остзейцы, возлагала на Россию задачу охранять законный, существующий порядок в Европе, ее тиши-

ну и спокойствие. Высший оракул этого направления был Меттерних и прусские консерваторы крайне правой Гегелианства. Главным врагом этого направления был либерализм Франции, так называвшиеся *тлетворные ее начала и завиральные идеи.*

Либеральной стороне этого направления сочувствовало все лучшее образованное русское общество. К ее деятелям принадлежали все лучшие русские умы и таланты, все блестящие представители русской литературы 20, 30-х и 40-х годов. Враждебные нашим консерваторам, эти русские либералы-европейцы относились к либеральной Европе с такой же верой в ее умственную непогрешимость и нравственную высоту, с какой их консервативные противники поклонялись Европе консервативной.

Были у нас еще особого рода консерваторы, подобные Фотиям и Аракчеевым. Но то были не люди партии, а всплывавшие вверх осадки всей той дикости, грубости и порочности, которая имелась в тогдашней России. Их также, строго говоря, нельзя причислять ни к одному из умственных направлений, как и известных исполнителей правосудия или некоторых полицейских агентов. Если последние суть явления печальной необходимости, то первые суть неизбежные случайности некоторых печальных моментов общественного развития. И консерваторы, считающие нужным прибегать к такого рода случайным помощникам, наносят всегда смертельные удары своим же консервативным началам.

При господстве в русском обществе такого европейского направления с его двумя разветвлениями, восточнохристианская миссия и славянские задачи России естественно должны были отойти на самый задний план и даже были совершенно отвергаемы. Вся Европа, и консервативная, и либеральная, была согласна в том, что восточные христиане и славяне, как низшие грубые расы и как исповедники искаженного Византией и схизмой христианства, должны быть содержимы в черном теле и в ежовых рукавицах. Таково было требование огромнейшего большинства представителей европейской, общечеловеческой цивилизации.

Русские европейцы с одинаковым неудовольствием выслушивали жалобы славян и их выражения сочувствия к России, их воззвания к ее помощи. Консерваторы и либералы одинаково видели тут недостойный бунт и мятеж против цивилизации. Одни отсылали славян к их законному начальству, другие к его европейским либеральным противникам. «Поймите, — говорили наши либералы славянам, — что вас угнетает не Европа, а Меттерних, который также угнетает и немцев. Обратитесь к либеральной Германии, Европе, и она признает все ваши либеральные требования. Она дарует вам все нужное для свободы. Поймите же величие и вселенскую правду европейской цивилизации: ведь любой австрийский жандарм в Штирии представляет высшие начала просвещения, чем ее славянские крестьяне».

Впрочем, от этого европейского направления в России и его двояких представителей, консервативных и либеральных, нельзя было, по счастью, ожидать строгой выдержанности и последовательности, ибо это воззрение на подчиненную, служебную роль России было умственно несостоятельно, внутренне бессильно. Только самобытные, оригинальные идеи всецело могут покорять себе людей. Это же направление решительно противоречило всем лучшим преданиям русской истории, всем духовным идеалам русского народа. Бессознательно, но неудержимо и своим языком, и своим крепким бытом, своей верой, преданиями и многолюдством он постоянно то связывал слишком стремительные порывы наших консерваторов и либералов, то обращал и направлял их в другую сторону. Таким образом, наши европейцы, как консерваторы, так и либералы, по счастью для России, никогда до конца не могли выдержать своей верноподданности Европе.

А тут еще в 30-х, в начале 40-х годов начала понемногу выделяться из среды русского образованного общества небольшая группа людей с такими высокообразованными и даровитыми представителями, как Хомяков, братья Киреевские и Аксаков. Они начинают обличать недостатки и пороки русской новейшей образованности, ее внутреннюю несамо-

стоятельность, ее бессилие. Признавая все величие новейшей европейской цивилизации и все громадные заслуги романо-германской Европы в науке, искусствах и в общежитии, наши, так названные славянофилы, утверждали, однако, что эта цивилизация не есть всецело общечеловеческая и единственно возможная, что, напротив, новейшее ее развитие не отстраняет, а даже вызывает необходимость появления иной, новой, высшей культуры и цивилизации. Они говорили, что эта европейская цивилизация на многие высшие запросы и требования человеческого духа, на важные нужды целых народных масс не дает и не в силах дать удовлетворительных ответов. «Вы напрасно пугаетесь, — говорили славянофилы нашим европейцам, — что мы упрекаем европейскую цивилизацию в известной односторонности и исключительности. Все мировые когда-либо бывавшие цивилизации всегда страдали некоторой исключительностью и односторонностью. Эта односторонность — неизбежный спутник всякого человеческого развития. С этою односторонностью связана их сила. Мы не скрываем, и новая будущая цивилизация, русская, славянская точно так же не будет от нее свободна. Но она выдвинет иные, высшие начала, которые слабо или совсем не развились в цивилизации романо-германской. Нужды нет, что все то, что пророчит нам появление этой новой цивилизации, является пока в простоте, грубости, так сказать неотесанно. Вы не презирайте этой грубости и не увлекайтесь изящностью внешних форм. В русской сельской общине и в крестьянской сходке, хоть иногда не без пьяных горланов, может быть больше разума и внутренней правды, больше будущности, чем в иных красивых европейских конституциях и парламентах. Из того, что в средневековой Европе немало было сходного с допетровской и нынешней народной Русью, еще вовсе не следует, что наша цивилизация должна быть повторением или сколком европейской. Древний Рим точно так же во многом походил на Грецию, однако его цивилизация была иная, чем греческая. У древних и средневековых кельтов, романцев и германцев много было сходства с древними греками и римлянами. Однако романо-германская

цивилизация очень разнится и от древнегреческой, и древнеримской. Точно так же должна разниться от европейской и наша грядущая цивилизация. Христианство, так узко и ограниченно понимаемое в католицизме и протестантстве, уже умирает и хоронится в Европе. Но внутреннее содержание христианства далеко еще не исчерпано и не осуществлено на земле. Восточный отдел христианского мира еще не сказал, подобно западному, своего последнего слова в постижении и осуществлении христианских идеалов любви, братства и свободы. Да и внешняя целость даровитейшего на земле племени — арийского — в одних романо-германцах не заключается. Господствующие на земном шаре исповедники христианства и

audax Japeti genus

были бы очень неполно представлены без даровитого и многочисленного славянского племени со всеми, культурно и географически к нему примыкающими, равными малыми христианскими народами и племенами как в Европе, так и в Азии».

Таковы были существенные и главные положения, которые развивали в нашей литературе первые славянофилы и их позднейшие товарищи и продолжатели.

Долгое время, частью и поныне, в наших образованных кружках, и консервативных и либеральных, они считались и считаются людьми вредными, дающими ложное направление русской жизни. Тем не менее с самого появления своего до настоящей минуты они имели и имеют как видимое и признаваемое, так и скрытое, но одинаково сильное влияние и на все новейшие многочисленные разветвления старого консервативного и либерального нашего европейского направления, еще менее ныне выдержанного и последовательного, чем в 40-х годах. Они были дружески связаны, с одной стороны, с Жуковским, графом Блудовым, с другой — с Герценом. Теперь нет, строго говоря, ни одной сколько-нибудь европейски образованной русской парии, которая, часто сама того не зная и даже искренно уверенная, что она открывает Америку, вно-

сит, как нечто новое, в свой символ веры какие-нибудь урывки из учения людей, которых ее представители обзывают и отсталыми, и вредными.

Как бы то ни было, но новейшая вера в служебную и подчиненную европейским целям миссию России была совершенно расшатана и потрясена в сознании русского образованного общества. Частные исторические изыскания в области русской и славянской истории, все более распространяющееся знакомство во всех кругах русского общества с современным положением восточнохристианских и западнославянских земель и их отношениями к России и Западной Европе значительно уже прояснили и облегчили понимание восточнохристианской миссии и славянского призвания России. Русское общество теперь одинаково далеко и от легкомысленного отношения к так называемому восточному вопросу, и от тупого равнодушия к положению и судьбе русских единоверцев и соплеменников.

Восточный вопрос отнюдь не есть только вопрос политический. Это не только вопрос экономико-финансовый или судебно-административный. Это не только вопрос социальный, аграрный или церковный. Это и не один герцеговинский или боснийский, и не только сербско-турецкий или сербско-мадьярский и сербско-немецкий вопросы. Это есть вместе и вопрос болгарский, болгарско-турецкий и болгарско-греческий. С ними также связаны вопросы и греческо-турецкий, и албанский, и далматинско-хорватский, и все разнообразные и запутанные вопросы национальностей в Австро-Угрии по отношению к мадьярам и немцам. Только апатия и слепота может убаюкивать себя надеждой, что все это легко и скоро может быть улажено или разрешено к общему удовольствию, так что будут и волки сыты, и овцы целы. Все эти разнообразнейшие вопросы, внутренне и внешне тесно между собой связанные, и составляют вместе взятые один громадный, запутаннейший и трудно разрешимый восточный вопрос. Он близко касается и затрагивает интересы всех европейских национальностей и государств. Но всего ближе он касается интересов русского народа и его образованности, ибо это вопрос жизни или смер-

ти миллионов наших единоверцев и соплеменников. Герцеговинская смута — это первое явление новой, начинающей разыгрываться исторической драмы, эпилог которой суждено увидеть разве нашим детям. Эти отчаянные схватки с турками, эти вопли и рыдания, эти стоны и крики бедных женщин, стариков и детей, покинувших родные пепелища: это первые раскаты приближающейся грозы и бури. Это первые стуки славян в заколоченные доныне для них ворота всемирно-исторической жизни. То крик нетерпения миллионов даровитого, благородного племени, усталого служить и работать на чужих, желающего и сознающего в себе силы пожить, наконец, на воле и потрудиться на себя.

СЛАВЯНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта

«Преосвещеннейшие архипастыри, милостивые государи и государыни.

Получив приглашение от нашего достоуважаемого председателя сказать слово в нынешнем торжественном собрании Славянского общества, я ни на минуту не колебался насчет темы моей речи. Тема дана захватывающими вниманием всей России событиями. У всех у вас еще на памяти полные яда и вражды к России речи главных заправил европейской политики. Для борьбы с ними русский должен стоять на почве же дипломатической. Они сговорились, как поступать далее, и высказываются ввиду ближайшего будущего.

Моя точка зрения и моя почва совершенно иная. Я не дипломат, не политик, не облечен никакой властью и далек от правительственных сфер. О том, что русская политика намерена и будет делать, я знаю не более, чем кто-либо из вас, ничего не знающих об этих намерениях. Меня, как и всех вас и как миллионы русских людей, одушевляет и ободряет лишь вера в твердый характер нашего Царя и Его горячая любовь к России (*восторженные рукоплескания*).

Я решился говорить о новейших болгарских делах и по их поводу, хотя моя речь лишена всякого официального характера и не может иметь никакого практического значения в отношении политическом. Пусть дипломаты занимаются решением текущих политических вопросов. Я же принадлежу к

скромным безызвестным политическому ареопагу труженикам. Мы заняты изучением и разъяснением прошлого народов славянских, их старых и живых языков, их письменности, их современного быта и положения. Если не считать четырех лет моего учения в университете, где с первого же, т. е. с 1850 г., я отдался изучению славянства под руководством незабвенного учителя Срезневского, то, смело могу сказать, с 1854 г. по настоящий день, в течение, значит, с лишком 32 лет, я не могу указать в моей жизни ни одного месяца, когда бы я не работал и не размышлял над славянщиной, не читал рукописей, документов, книг, журналов, газет славянских или иноязычных о славянах, не получал бы писем из того или другого края славянского, сам бы не писал туда или не виделся и не беседовал бы с кем-нибудь из славян западных. В 1862—1864 гг. два года непрерывно я прожил в различных славянских землях Австро-Венгрии и в Сербии. В исходе 60-х годов, 70-х и в 1884 г. я предпринимал различные поездки в разные славянские земли. В эти же годы я посетил Грецию и Румынию.

Итак, хотя менее любого столоначальника дипломатических канцелярий и департаментов посвящен я в текущий ход переговоров, я считаю себя, однако, призванным иметь свое суждение и публично высказывать свои мнения о болгарских и прочих славянских делах отнюдь не менее графов Салисбюри, Кальноки, Андраши и прочих их товарищей (*рукоплескания*).

Если дипломатам и политикам позволительно верить, что они управляют судьбами народов и располагают их будущим, то и нашему брату, кабинетным труженикам, служителям науки, слова, идеи, позволительно, кажется, призывать и чаять *времена грядущие*.

«Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», или будут размышлять о верности или неверности поставленного Пушкиным вопроса, или предугадывать и подготовлять его будущее разрешение:

> «Славянские ль ручьи сольются в русском море?
> Оно ль иссякнет, — вот вопрос».

Если англичанам, немцам, итальянцам, мадьярам — публицистам и политикам — уместно и своевременно толковать о смысле, задачах и пределах панславизма, то, кажется, можно и мне заявить об этом свое мнение. Есть два, капитальнейших сочинения, посвященные уяснению задач панславизма. Кто их не знает, тот не вправе судить и толковать о панславизме. Разумею сочинение Людевита Штура «Славянство и мир будущего» и книгу Данилевского «Европа и Россия». Мне выпало счастье впервые познакомить русскую и славянскую публику с прекрасным трудом возвышенного, даровитого Штура. Покойный же Данилевский, дружелюбным вниманием которого я стал пользоваться со времени нашего знакомства, с половины 60-х годов, знакомил меня с своим великолепным произведением еще в рукописи, когда оно у него обдумывалось и писалось. С покойными Гильфердингом, Данилевским, генералом Фадеевым, Тютчевым, Аксаковым, которых всех, и не без основания, называли на Западе панславистами, я проводил бывало много часов в беседах о различных вопросах славянских и о разных фазисах восточного вопроса. Во многих брошюрах и статьях различных славянских, мадьярских и немецких авторов с начала 60-х годов по настоящее время мне случалось встречать сочувственные или бранные упоминания моего имени как одного из приверженцев и сеятелей панславизма.

Итак, если на Западе хотят кричать и разглагольствовать о панславизме, то вместо того, чтобы судить о нем, вкривь и вкось, из третьих и четвертых рук, пусть узнают его из прямых источников. Люди германской расы любят обыкновенно хвалиться, что они изображают собой в истории элемент мужественный, славяне же женственный. Но неужели англичане, немцы поступают мужественно, а не совершенно, извините за выражение, — по-бабьему, когда громко требуют на словах и в печати обуздания и намордников на русское и славянское устное и печатное слово, потому-де, что оно панславистическое. Если вы считаете панславизм противным и враждебным вам явлением, то поступайте, как мужи: глядите ему прямо в глаза, изучайте его со всех сторон, спокойно прислушивайтесь к его

голосу, а не закрывайте себе ушей, не кричите в нетерпении, как истерическая женщина: ой, не могу, не могу слышать этого. Вы не знаете многого из того, что уже было сказано панславизмом, и всего того, что еще можете от него услышать.

Прося извинения за длинное, но, мне казалось, необходимое предисловие, я прошу и снисходительного внимания не столько к моим соображениям — они могут быть очень слабы, — а к вопросам, мной возбуждаемым. Я прошу этого не ради себя, а ради дела. Надвигаемый событиями вопрос славянский имеет для России величайшую важность, требует всестороннего и спокойного обсуждения. Он требует разнообразных освещений и может быть решаем только постепенно, по известным стадиям, не одиночными усилиями отдельных лиц, а общим, совокупным и непрерывным трудом многих воль и умов, и не только государственно, но и общественно. Говоря это, я предполагаю у себя не только слушателей, но и читателей: моя речь будет на днях же напечатана. И читателей я разумею не только в публике русской, но и западнославянской. Славянская печать меня несколько избаловала своим вниманием: последние мои речи в Славянском обществе переводились или сообщались в извлечениях в славянских журналах, вызывали сочувственные или оживленные толки. Льщу себя надеждой, что хотя некоторые мои заметки найдут себе отклик в сердцах наших братий в Австро-Венгрии и на Балканском полуострове. Подходит время важное и чреватое событиями, для западного славянства еще, быть может, более важное, чем для самой России. Вопрос о будущей организации славянства имеет для него еще более важное значение, чем для самой России. Вопрос о будущей организации славянства, вопрос славянский вообще достиг нынешнего своего фазиса благодаря лишь тому, что существует Россия: не будь ее, не было бы в Европе никаких серьезных разговоров, помышлений и опасений относительно славянства. Этот славянский вопрос подлежит обсуждению и разрешению, хотя бы только в сознании, не иначе как совокупными усилиями России и всех западных славянских народностей. Почту себя счастливым, если по при-

меру прежних лет, западнославянская печать обратит свое внимание и на сегодняшнее мое слово, укажет, что в нем, быть может, напрасно упущено из виду или развито слабо, и с своей стороны сообщат новые соображения о взаимных отношениях славянских народностей между собой и об отношениях каждой из них к нашему отечеству. Наше время особенно нуждается в разъяснении именно этих отношений.

Современный печальный болгарский кризис[1] обличил еще раз, воочию нынешних поколений, глубокую рознь воззрений, сочувствий и интересов, которая издавна разделяет романо-германскую Европу и Россию. Что с 10 августа по настоящий день нас радовало и утешало, то печалило и возмущало Европу. Что нас огорчало и оскорбляло, то ее веселило и восторгало. Одна Франция держалась в стороне. Она даже часто во всеуслышание подавала свой голос за нас. Из Франции генерал Каульбарс получал в Болгарии письма, с выражением сочувствия. Выскажем же Франции наше большое русское спасибо, вместе со всеми славянами провозгласим ей славу (*продолжительные рукоплескания*).

Европа заявляет, сверх всякого ожидания, что она стоит за свободу, независимость и самобытность славянских и других восточных народов единоверцев России, впрочем, прибавляет под единственным лишь условием, чтоб они были заодно с ней против России. Спесивые, надменные, гордые своей породой и белою костью князья, графы, бароны и лорды, забыв свою чопорность и светские свои приличия, скрепя сердце и для блага государства, умильно подмигивают, посылают безешки, жмут нежно руки и расточают любезности нечесаным, грубым и невежественным болгарским нигилистам, птенцам и выводкам наших семинарий и нашей же бесшабашной, разудалой, красной литературы, приказчикам прогоревших в Вене лавок, недавним бессарабским маркерам, филиппопольским ростовщикам и рущукским содержателям дурных заведений. Таким людям, по словам органа Каравелова, хорошо знающего своих болгар, досталось теперь в руки управление несчастной страной. Все это с помощью шайкаджиев и сопаджиев и так

называемой в Болгарии сухопутной эскадры с ее адмиралами — майорами Паницей, Поповым и начальником отделения министерства юстиции Пешевым обратилось теперь, как выражается иронически тот же Каравелов, в «бранителите на честьта и независимостьта на Болгария», в поборников чести и независимости Болгарии. Эти люди поддерживают ту «решительната и не отстепчевата политика», которая приобрела этим болгарам столько симпатий в Европе. Подобного, впрочем, сочувствия Европы к славянам, к этой презираемой ею расе, к этим белым ее неграм, не оберешься, начиная с Карла Великого, когда романо-германцы стали систематически покорять римскому папе и немецкому императору разбитые и разрозненные племена славянские. Бодричам, изменявшим союзу полабских славян против франков, чехам, изменившим Моравии, лютичам, ненавидевшим поляков, полякам, подымавшимся на Россию с XVI в. до новейшего времени, сербам, недавно напавшим на Болгарию, и болгарам, идущим теперь против России, всегда было обеспечено сочувствие Европы.

Но неужели собственные тяжкие опыты, изучение родной истории, начавшееся с конца прошлого столетия, развитие общеславянского самосознания у всех этих славянских народов так-таки и не оставили никаких следов и не имели на них никакого влияния? Как же относится теперь к болгарским делам огромное большинство западного, нерусского славянского мира? Поляки, правда, как и можно было ожидать, — говорю об интеллигенции — стоят вообще на стороне врагов России. Впрочем, смешные галицкие овации Баттенбергу вызывали строгое осуждение у многих поляков. Вообще, сочувствуя нынешнему регентству, особенно вначале, многие поляки стали потом относиться к этому делу трезвее, после того, кажется, как убедились в великом сочувствии немцев к болгарам и решительной их поддержке немцами. Мы, русские, напрасно, кажется, не замечаем медленного, правда, но тем не менее действительного и отрадного развития в части польского общества чувства и сознания славянского. Многим полякам уже не льстит честь в деле славянском быть одного лагеря с немцами

и мадьярами. Известная часть галицко-русской интеллигенции глядит на нас, русских, на *москалей,* глазами чисто польскими. На наш взгляд, она не может и не должна быть нами отделяема от поляков. Для нас это действительно gente Rutheni, natione Poloni. Это поляки же, только русского происхождения и восточного обряда. Есть же у нас поляки, сами себя называющие поляками православного исповедания. Вражда настоящих поляков к России объясняется неудачами и печальными результатами борьбы Польши с Россией за политическое преобладание на равнине между Балтийским и Черным морем. Мы победили и можем, без вражды и злобы, находить в старой и новой Польше все, что было и есть в ней хорошего. Вражда известной галицко-русской партии к России, от полного ее непонимания, объясняется пятисотлетним почти господством поляков в этой захудалой, оторванной еще в XIV в. от народного ядра, русской земле, продолжительным в ней хозяйничаньем евреев, иезуитов, австрийцев. Эта жалкая и приносящая вред только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенции вражда вызывает в нас не столько негодование, сколько требует снисхождения и извинения. Надо еще удивляться и остается только радоваться и благодарить Бога, что в русской Галичине далеко не такова вся русская интеллигенция. Понятно, что эта полупольская галицкая интеллигенция о делах болгарских в отзывах и отчетах своих органов («Дело» и пр.) мало чем отличается от настоящих галицко-польских органов.

В Чехии, как известно, давно существуют две национальные партии, старочешская и младочешская. Вторая упрекает первую за то, что она слишком уже далеко заходит в своем ухаживании за чешской аристократией и высшим духовенством, в своих уступках и услугах кабинету Таафе, слишком уже дешево их продавая ему. По смерти Палацкого и Браунера вождем этой партии, но только по имени, стал Ригер. Слабея от старости и разных неприятностей по хозяйству, Ригер в последние годы подпадал все больше и больше влиянию своей жены, очень умной, образованной и энергичной женщины, но отчаянной католички, и наконец совершенно очутился в руках

одного из богатейших чешских аристократов, сильного ультрамонтана и настоящего черно-желтого австрийца, графа Клама Мартиница. Под таким руководством старочешская партия все более утрачивала характер народный и славянский, становясь все более строгоавстрийской и католической. Понятно, по болгарскому вопросу органы старочешской партии стараются высказывать мнения, угодные Вене, приятные Ватикану, но сообразуясь, по возможности, с народным настроением чехов. Этим они оказывают даже услугу Вене. В случае, если кривая мадьярская не вывезет и понадобится ударить отбой, можно будет сослаться на чехов, и тогда граф Кальноки снова станет горячим русофилом, каковым он и слыл у добрых людей до недавней своей речи в делегации о миссии генерала Каульбарса. Значительное большинство чехов, которые по преданиям, по старой привычке, по личным соображениям продолжают числиться старочехами, давно уже чует, что дело у них стоит неладно и что Ригер в вожди не годится, а Клам Мартиниц уже слишком антиапатичен всякому доброму патриоту (властенцу) чеху. Особенно недовольны эти старочехи своими органами по вопросам славянским. Все же органы младочешской и чисто народной партии как в Чехии, так и в Моравии, все газеты сербские в Сербии, Черной Горе, в Славонии, Хорватии и Далмации, за исключением официальных и официозных органов правительства Милана в Сербии и Каллая в Боснии и Герцеговине, все народные издания хорватские, славонские, словенские и русские с величайшим вниманием следят за болгарскими делами и единодушно высказываются самыми решительным образом в пользу России, против нынешних болгарских правителей и против поддерживающей их европейской политики. Они единогласно обвиняют их в низкой неблагодарности к освободительнице Болгарии, объясняют их невежеством и продажностью то, что они сдаются на подстрекательства и обнадеживания немцев и мадьяр. Печать в Австро-Венгрии, тем более славянская, далеко не пользуется полной свободой. Судя по этим дружным и энергичным заявлениям славянской печати в Австро-Венгрии и судя по письменным известиям отту-

да и по личным наблюдениям приезжих, можно засвидетельствовать, что такого возбуждения умов и русских симпатий у славян в Австро-Венгрии еще, быть может, никогда не бывало. Нечто подобное, хотя не в такой степени и не в таких размерах, было пережито австро-венгерскими и южными славянами два раза: в 1867 г. во время славянского съезда в Москве и в 1876—1879 гг. во время сербско-черногорской и последней восточной войны. Этим оживлением, этим подъемом духа и общим взрывом горячих сочувствий к нам мы преимущественно обязаны озлобленным крикам мадьяр, немцев, англичан против России. Читая отчеты австро-венгерской делегации, где так нам грозили и нас стращали, дерзко над нами глумились и нагло извращали прямой смысл несомненных фактов, и в то же время прислушиваясь к доходящим до нас голосам из различных славянских краев Австро-Венгрии, от огромного большинства ее плательщиков, кормильцев, работников и солдат, вы придете неизбежно к спокойному, ясному выводу, что в случае, если бы угрожающая нам война Австро-Венгрии с Россией состоялась, миллионы славянских населений Цис- и Транслейтании будут желать и призывать победу русскому и поражение австро-венгерскому оружию. Оно, впрочем, понятно и иначе быть не может. Одно предположение, одна мысль, что Россия будет ослаблена, сокращена, унижена, не могут не повергнуть каждого доброго славянина в трепет и отчаяние. Одни славяне в течение двухсот, другие в течение четырехсот лет с лишком смотрели на Россию как на надежду лучших дней, как на грозу своих врагов и угнетателей, как на будущую свою избавительницу. В тяжелые минуты рабства и иноземного ига старики утешали юношей словами: «Погодите, придет дядо Иван, придет чича, северный стриц, сильный брат рус (дядя, так называют южные славяне нашего царя) и разорвет оковы наши». Гром побед Петра Великого, Елизаветы и Екатерины II, подвиги Суворовских богатырей, пожар Москвы и бегство Наполеона с его армией разбудили заснувшие силы славян, подняли их на ноги, убедили их, что они принадлежат великому племени, а не рождены для рабства азиатам и немцам. Освобождение

Молдавии, Валахии, Греции, Сербии, развитие и усиление Черногории, наконец освобождение Болгарии, аграрная реформа в русской Польше красноречиво засвидетельствовали, что Россия ясно сознает свои исторические задачи. Развитие и успехи русской литературы и науки согревали чувство, будили славянскую мысль. С возрастанием могущества России, с раскрытием ее духа поднимались и распускались славянские народности. В спокойные времена они нередко забывают о России или даже побранивают ее, говоря, что она-де ничего для славян не делает, что все-де, что имеем, добыли мы сами. Но как только России или им самим грозит напасть, они мгновенно уразумевают, что такое для них была и есть Россия и во что они без нее опять обратятся. Им приходят тогда на память обидные слова одного из их врагов, сказавшего не особенно давно (в 1867 г.): славяне — нули, но приставленные к единице (России), они составляют миллионы. Могут ли, таким образом, австро-венгерские славяне желать побед немцам и мадьярам над Россией? Надо прибавить, что простой польский народ в Галиции и Силезии никакой вражды и ненависти к москалю не питает. Он знает, что там, за кордоном, польскому холопу живется хорошо. Православное и униатское румынское население Буковины, Трансильвании и восточной Венгрии не меньше венгерских славян ненавидит мадьярское насилие и также искренно пожелает всяких успехов русским, а не мадьярам. Да и сам мадьярский крестьянин, по своим экономическим и социальным понятиям и желаниям, конечно, гораздо ближе к крестьянину румыну и славянину, чем к своим, так называемым представителям и патриотам, вроде графа Андраши, Тиссы, Вамбери и Фалька. Я слыхал от людей, близко знающих положение крестьянства в Венгрии, что в последние годы, особенно вследствие тяжелого гнета и экономического разорения, крестьяне мадьяры в минуты ожесточения привыкли говорить: «Погодите, придет Моска, задаст вам».

Проживая в Австрии в 60-х годах, я не раз слыхал от людей самых верных, что во время Крымской войны, когда пошли слухи, что Австрия открыто станет против России, один из

генералов ее армии, и не православный серб, а католик чех, великий почитатель императора Николая, говорил прямо, что он переломит свою шпагу и ни за что не пойдет против русских; сербские же граничарские полки открыто заявляли, что они никогда не поднимут рук против Бога и святого Николе, т. е. против православной веры. Очень возможно, что в последние новые эры, после Садовой и Кенигсгреца, введения дуализма, общеобязательной воинской повинности и новейших важных военных реформ, современный дух австро-венгерской армии, офицеров и солдат отличается гораздо большим против прежнего австрийским патриотизмом, что нынешние славянские и румынские офицеры и солдаты уже совсем не воодушевлены народным и религиозным (православным) чувством и пламенеют любовью к немцам и мадьярам, своим повелителям. Я человек не военный и судить об этом не берусь. Говорю не про войско, а про миллионы не военных славян и румын Австро-Венгрии. Но какая же нам от них польза? На схожий с этим вопрос, сделанный мной однажды больше в виде замечания, что славяне-де, положим, нам сочувствуют, но ведь, в случае надобности, не помогут, один высокозаслуженный в своем народе деятель из славян венгерских, даровитый писатель и поэт, ответил мне кротким, но твердым голосом: «Мы слабы и помогать материально вам, сильным русам, не можем, но мы будем за вас молиться и молитвы ваших слабых братьев, верьте, дойдут до Бога». Не нужно быть особенным мистиком, требуется лишь немного простого здравого смысла, известного житейского опыта и исторического понимания, дабы догадаться, что миллионы согласно настроенных и к одной цели направленных воль, миллионы несущихся от чистого сердца пожеланий составляют весьма почтенную реальную силу духа. Ранее или позже не преминет она проявиться в целом ряде поступков и деяний в одном смысле и направлении. Нынешнее настроение австро-венгерских славян, возбужденное болгарским кризисом и немецко-мадьярской агитацией против России, имело благотворное на них влияние. В обыкновенное время слишком легко забывая свои общеславянские интересы и задачи, часто

впадая во взаимную вражду и пререкания, они только роняют всякое к себе уважение своих противников. Теперь же, выступая согласно и дружно, они доказывают своим врагам, что славянство в Австро-Венгрии представляет собой внушительную силу, с которой надобно считаться.

Мы видели, как относится славянская, австро-венгерская печать к делам болгарским. Но отзывами австро-венгерских славян, скажут мне, вы не скроете того факта, которому так радуется Европа, что Болгария, освобожденная Россией, решительно ныне восстает против нее. В Европе говорят, потирая руки и указывая на Болгарию: теперь-де панславизму нанесен смертельный удар. Но правда ли это?

Вы видели, что у славян Австро-Венгрии те сочувствия и упования славянские, которые у немцев и мадьяр принято считать панславизмом, достигли в настоящее время сильной степени напряжения. Настроение славянских умов в бывшей римско-немецкой империи, в нынешних Цислейтании и Транслейтании, никогда еще не приобретало такого панславистического характера с тех пор, по крайности, как существует слово панславизм. Хотели ли Кальноки, Тисса, Андраши, Смолка и Фальк громом своих воинственных речей в делегациях заглушить сочувственные России голоса австро-венгерских славян? Или за общими соглашениями и приготовлениями к своим речам о самобытности славян балканских они в самом деле могли не заметить, что творится у них под носом, среди окружающих их славянских населений? Большего разногласия, меньшего сочувствия между правящими классами и управляемыми населениями не существует нигде в такой степени, как в Венгрии и в нынешней Австрии.

Политические деятели Германии, Англии и Италии, можно сказать смело, посвящены очень мало в крайне запутанные и сложные отношения народностей Австро-Венгрии. Об ее внутренних делах судит Европа только по немецким газетам и речам делегационных и рейхсратских ораторов, по разговорам корреспондентов с министрами и разными парламентскими именитостям, но целые иногда народности, например, в

Венгрии, не имеют ни одного так называемого представителя. Можно сказать, что ни одному европейцу, о немцах я уже не говорю, ни одному англичанину, итальянцу, французу славяне и румыны австро-венгерские никогда не откроют всех своих задушевных мечтаний и затаенных надежд. Изо всех иностранцев только русскому, и то заслуживающему доверия, принадлежит ключ к этим тайникам души порабощенных и покоренных чужеродцами славян, румын. В этом-то и заключается величайшая сила и преимущество наше перед Европой. Все усилия и старания ее поднять и направить славян против России никогда не могли увенчаться полным успехом и осуждены заранее неудачам. Европе удавалось и удается создавать в интеллигенции той или другой славянской земли различные антирусские партии, которые и имеют временный успех. Но ядро народов остается недосягаемым европейской интриге. При этом еще всегда замечается следующее явление. Как только какая-нибудь антирусская пария успеет утвердиться в той или другой славянской народности и начинает в ней господствовать, тотчас вся прочая оставшаяся не у дел или обиженная интеллигенция, частью под влиянием личных расчетов, частью под давлением общенародного чувства, возмущенного господством в стране иноплеменного антирусского и, следовательно, антиславянского направления, начинает мало-помалу переходить на народную почву и искать сближения с Россией, усиления ее влияния в своей стране. Так бывало уже много раз и так всегда будет во всех славянских и единоверных нам землях, пока есть в них народ и пока Европа не перестанет пытаться заводить у них свои партии. Так бывало не раз с чехами, хорватами, сербами в Австро-Венгрии и за Савою. Нынешнее господство австро-венгерской партии Милана и Гарашанина воспитало и укрепило в последнее время такие русские сочувствия в Сербии, какие в ней давно уже не бывали. То же совершается теперь и в Румынии, где немецко-мадьярская и католическая симпатии Карла Гогенцоллерна, Братиано и Стурдзы развивают заглохшее было румынское национальное самосознание, доказывая наглядно его интеллигенции, к чему

приведет Румынию ее оторванность от стародавних народных симпатий, от родной церкви, ее отчуждение от России.

Тот же смысл имеют и нынешние события в Болгарии. Утверждение англо-немецко-австрийских влияний в Болгарии при Баттенберге последних годов и при его последе — нынешнем регентстве стало наконец понемногу раскрывать глаза лучшей болгарской интеллигенции. Не велика была кучка людей, горячих болгарских патриотов и крепких друзей России, лучших болгарских офицеров, решившихся разом прекратить это отчуждение Болгарии от России. Большинство болгарской интеллигенции вначале не поддержало людей переворота. Оно просто еще не понимало, что на Болгарию уже закинута петля, связавшая по рукам и ногам соседнюю Сербию. Но не прошло и двух месяцев господства антирусской англо-немецкой парии нынешнего регентства, как умнейшие представители болгарской интеллигенции поняли свое отчаянное положение и стали прямее и решительнее высказываться за Россию. Несмотря на нынешний террор в Болгарии, как только явилась возможность издавать неправительственные газеты, начали выходить в Софии три оппозиционные органа — Славейкова «Истина», Цанкова «Светлина» и Каравелова «Тырновска Конституция».

Цанков стал действовать и писать в нынешнем своем направлении раньше всех. Его нынешний образ мыслей известен. Прежде он сближался иногда с так называемыми консерваторами, но вообще действовал больше против них, заодно с либералами. Потом он разошелся с Каравеловым. Дабы сохранить европейские клички, можно сказать, что Цанков либерал умеренный, а Каравелов больше прогрессист или радикал. В настоящее время с Цанковым идут заодно не только бывшие либералы, разошедшиеся с Каравеловым, так, например, Суknаров, но и разные прежние консерваторы, давно или недавно разошедшиеся со Стоиловым, Грековым и Начевичем, например, митрополит Климент, Бурмов, Балабанов и пр.

«Тырновская Конституция» уже выходит давно. Прошлой зимой она не раз очень резко выступала против России, пока, наконец, из каравеловской партии не выделились люди

совершенно анархического и революционного направления, воспитанники наших швейцарских выходцев нигилистов — Радославов, Стоянов и пр. Славейков обыкновенно шел всегда с Каравеловым. Он его гораздо старше, менее образован, он просто самоучка; как чиновник, администратор, едва ли он мог оказать стране какие-нибудь услуги. Но Славейков — лучший и действительно прекрасный болгарский писатель. У него несомненное литературное дарование; он превосходно знает народ, его быт, предания, народную словесность, говоры и мастерски владеет болгарским языком. Имена Цанкова, Каравелова могут быть потом забыты болгарами, но имя Славейкова, как даровитого болгарского писателя, как замечательного стилиста и мастера еще слабо развитого литературного болгарского языка, перейдет в далекое потомство и будет с благодарностью поминаемо у всех славянских деятелей, которые не могут не дорожить литературным развитием всех самых даже малых наречий славянских. В отдельных брошюрах и на столбцах своего органа «Истина» Славейков с замечательной силой и жаром нападал в последнее время на регентство и его министров. Он прямо — извините за выражение — клеймил словом *мерзавцы* тех болгар, которые на счет Болгарии работают над поддержанием английского влияния в Афганистане и немецко-мадьярского в Боснии, Герцеговине и Сербии. Он перепечатывал самые резкие отзывы славянских газет *о низости* и черной *неблагодарности* тех болгар, которые так постыдно выступают против России.

Славейков принадлежит бесспорно к самым популярным и уважаемым в народе представителям болгарской интеллигенции. Никто лучше его не умеет говорить с народом так понятно и так действовать на его душу, как дядо Славейков. Во время турецкой войны Славейков был одним из самых деятельных и полезных болгарских проводников и помощников русской армии при зимнем переходе через Балканы.

С сентября месяца «Тырновская Конституция» все сильнее и решительнее стала говорить против регентства, за необходимость принятия советов генерала Каульбарса и устра-

нение тех безобразий и бесчинств, которые творятся теперь в Болгарии. Вот что в последнем, полученном мною в пятницу вечером, номере пишет «Тырновская Конституция» по поводу выезда из Болгарии генерала Каульбарса со всеми русскими представителями: «Радуются и торжествуют правительственные люди этому отъезду генерала, как будто они получат за это Бог весть какие блага, как будто они одержали вторую Сливницкую победу, чуть ли не славнее и не почетнее первой. Лицемерная, фарисейская радость. Посмотрим, как отзовется народ на это, как за то он поблагодарит? Пусть не обманывается правительство. Со скорбью и с негодованием встретит народ это известие. Это обстоятельство возмутит и опечалит его. Может, это неприятно некоторым самозваным патриотам, которые кичатся своим политическим шарлатанством. Но это факт, хорош ли или дурень, но факт. Народ любит Россию, привязан к ней и хранит твердую и непоколебимую веру в державу, которая воскресила его из тяжкого и позорного пятивекового турецкого рабства. Это так явно и очевидно, как явно и очевидно ненавидит он непрошенных и немилых своих доброжелателей, которые от его имени и на его счет бросают грязью в его Освободительницу и разрывают последнюю его связь с ней. Повторяем — с негодованием и с глубокой скорбью взглянет народ на его виновников. Да и могло ли оно и может ли быть иначе? Было бы нечто чудовищное и неестественное, если б народ, который молится и крестится на Россию, который из поколения в поколение передавал в наследство любовь и уважение к *дяду Ивану,* народ, получивший несколько лет тому назад свободу и независимость из рук своих братушек, если бы этот народ вдруг как по какой-то магии совершенно преобразился и вместо любви, веры и преданности стал бы дышать злой ненавистью и враждой к своей Освободительнице. Нет, этому никогда не бывать, вы обманываетесь. Любовь, вера и преданность, насажденные в течение стольких веков, не могут так легко и скоро быть искоренены и вытравлены. Россия есть у нас могущественная и почти непреодолимая нравственная сила. Горько, тяжело в этом признаться, но признаться должны эти люди,

которые в своей куриной слепоте и своими донкихотскими похождениями думали сотворить чудо, заставить народ мыслить и чувствовать по-ихнему. Насколько знаем народ, говорим это открыто и явно, мы не предвидим от этого никаких добрых последствий «в будущем».

Эти строки, верно передавая воззрения болгарского народа на Россию и его чувства к ней, служат вместе с тем новым и живым свидетельством, что стоят за Россию и не хотят слышать подстрекательств европейской дипломатии не только весь болгарский народ, но и лучшие, способнейшие, заслуженнейшие представители его интеллигенции, как Бендерев, Груев, Дмитриев и пр. (около 80—100) офицеры, митроп. Климент, Цанков и их друзья, замечательнейший болгарский писатель Славейков, способнейший и наиболее из всех бывших в Болгарии за 7 лет министров, владевший министерским постом и имеющий наибольшую партию П. Каравелов.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Речь в Славянском обществе

На сделанное мне предложение многоуважаемым председателем сказать сегодня несколько слов я не считал возможным отвечать отказом. Напротив, я горячо благодарю его за оказанную мне честь говорить в первом, в новое царствование, чрезвычайном собрании Славянского общества.

Присягнув недавно четвертому Государю, я живо помню семь, восемь лет царствования императора Николая I. Далекий от престола и правительства, не участвуя ни в законодательных, ни в административных делах и предприятиях двух последующих царствований Александра II и Александра III, я всегда с живейшим вниманием следил за внутренними в внешними событиями нашей истории за последние без малого полвека. Не немногих крупных и видных деятелей этого времени, крупных и видных по дарованиям и заслугам или по одному положению, я имел случай встречать, наблюдать и опознавать, обо всех других, как постоянный житель Петербурга и всегда имевший много знакомых из разных общественных слоев, имел довольно верные сведения и понятия. Одних из них я любил и уважал, других уважал, но не любил, третьих не любил и не уважал, но никому из них никогда не завидовал. С юности отказавшись от всякого искания служебной карьеры, внешних отличий и почестей и избрав себе безобидную долю тихого служения науке и русской ли-

тературе, я примкнул к разряду людей, благодаря Бога, все возрастающему у нас. Это — смирные люди всех сословий и состояний. Воспитав свой ум научными наблюдениями и изысканиями, довершив свое образование путешествиями, в столице ли или провинции, занимаясь каждый своим излюбленным делом, они зорко наблюдают и критически оценивают все, что творится в нашем отечестве; Царю они преданы, к властям и начальствам почтительны, но у них не взыскивают. Они стараются лишь честно и на пользу России прожить свой век, оставить по себе доброе имя и не меньше князя Бисмарка до отставки никого не боятся, кроме Бога. В этом отношении они сливаются с массой миллионов русских людей, а по умственному развитию и образованию составляют истинные верхи общества, здоровую и нормальную интеллигенцию русской земли. Отзывы таких современников о настоящем образуют голос страны или общественное мнение, а отзывы их о более или менее недавнем прошлом, скорее, подходят, как бы его предугадывая, к суду потомства.

Да позволено же мне будет сказать несколько искренних слов в память недавно почившего и погребенного Государя и приветствовать Его Сына, Молодого Царя Нашего, словами любви, надежд и упования.

Уже не раз указывали на сходство царствования покойного Государя Александра III с царствованием Николая I; находили известное сходство воззрений этих государей на значение и объем самодержавной власти, на различные виды общественного самоуправления, на гласное выражение общественного мнения, на цели и задачи русского просвещения, искали известного сходства в некоторых мероприятиях деда и внука. Тут мы должны прибавить, что вступление того и другого государя на престол произошло при смутных обстоятельствах, всегда имеющих влияние на тот или другой характер царствования — поступательный или строго консервативный. Но нельзя забывать, что 14 декабря, как оно не было печально, далеко не походило на страшную катастрофу 1 марта, поразившую Царя-Освободителя и повергшую в ужас не одну Россию,

но и весь образованный мир. Эта катастрофа была лишь последним звеном целой цепи предыдущих злобных покушений и безумных злодеяний. Да и личный характер Александра III отличался от характера Николая I. Царствование последнего продолжалось с лишком 29, а царствование Александра III немного более 13 лет с половиной.

Но есть и другие, более крупные отличия последнего царствования от царствования Николая I. Последние его семь лет я живо помню, пережил и выстрадал их со всею тогдашней Россией. Главные события того времени всем известны. В 1849 г. происходила Венгерская кампания. В 1853 г. началась война с Турцией, перешедшая потом в войну ее союзников, Англии, Франции, Сардинии, при самом враждебном к нам нейтралитете недавно спасенной нами Австрии. Война окончилась уже в царствование Александра II падением Севастополя и Парижским миром, отнявшим у нас придунайский кусок Бессарабии и лишившим нас права иметь крепости и военный флот на Черном море. Императору Александру II удалось впоследствии восстановить эти нарушенные права России, но только отчасти — кусок Бессарабии был нам возвращен, но правом возобновить Севастополь и Черноморский флот воспользовался уже Александр III. И в этом заключается первая историческая заслуга покойного Государя.

Со времени императора Павла I до вступления на престол Александра III, как в XVIII столетии со смерти Петра II до вступления на престол Елизаветы Петровны возвышался у нас один из немногочисленных инородческих элементов, сильный своим образованием и веками воспитанный во вражде к славянству, над частью которого он привык властвовать. При русском дворе, в нашей дипломатии, в русской армии, в высших центральных учреждениях немецкий элемент занимал, относительно говоря, преобладающее, господствующее положение. Известны слова Ермолова, популярные в целой России о пожаловании ему высшей награды — *немецкой фамилии* хорошо рисуют положение немцев в России при Александре I и Николае II. Припомним, какое сильное и важное положение

занимали иногда на западной окраине некоторые немцы, известные своими немецкими пристрастиями. Припомним несколько русских по происхождению, хотя, строго говоря, не государственных, но истинно придворных и влиятельных в свое время людей, кои поражали своим поклонением и прислуживанием остзейским баронам, защитой всяких привилегий и порядков Прибалтийского края, немецких колоний на юге и немецкого земледелия в Ковенской губернии. За печатание в Праге своих «Окраин» (а в России он не мог их напечатать) Самарин получил строгий выговор. Довольно свободная в то время печать получала предостережения за всякое правдивое слово о ненормальном положении русского, латышского и эстонского населения в Прибалтийских губерниях.

Все это обличает 80-летнее почти господство пристрастных и ложных у нас воззрений на немецкий элемент в России. Мудрено ли, что он не смущался громко и решительно выдавать себя за единственно верную охрану и надежнейший оплот Русского Престола?

После Елизаветы Петровны и Екатерины II, окруженной особенно в начале ее царствования блестящей плеядой даровитых русских государственных людей, Александр III первый взглянул прямо и просто, согласно со всем русским народом, на это привилегированное положение немецкого элемента в России. Не питая к нему ни малейшей вражды, ценя и уважая каждого почтенного человека немецкой народности, Александр III сознал ненормальность и неловкость прежнего явного предпочтения и особенно любовного покровительства немецкому элементу в России и счел необходимым даровать равноправность латышам, эстам и русским в Прибалтийском крае и отменить всюду прежнее привилегированное положение немецкого элемента в России: в немецких колониях на юге и западе, в университете Дерптском, в петербургской Академии наук. «Окраины» Самарина, запрещенные в прежнее царствование, были разрешены даже для продажи в России; идеи Самарина нашли сочувствие в Александре III, а по указаниям Государя были начаты и проводимы преобразования в

Прибалтийских губерниях. Высокоразвитая, даровитая женщина, горячо любившая свою родину, строгая протестантка, баронесса Раден[1], тогда еще только светская знакомая Самарина, пришла в ужас и негодование по беглом ознакомлении с первой книгой его «Окраин», но после того, как Самарин в ряде писем и личных бесед разъяснил ей свои воззрения и желания относительно остзейских порядков, баронесса Раден прониклась к Самарину глубоким уважением и чувством искренней привязанности.

Умно, последовательно, гуманно и твердо проведенные в этом направлении преобразования доставят русскому народу и Русскому Царю глубокую признательность латышей и эстов, а между немцами и русскими создадут, можно надеяться, такие же дружелюбные, исполненные взаимного уважения, отношения, какие образовались после первой размолвки у баронессы Раден к Юрию Федоровичу Самарину.

Третья великая историческая заслуга царствования покойного Государя заключается в обеспечении мира для России и для всей Европы. Оно достигнуто было не проповедями баронессы Зутнер[2] в романе «Долой оружие» и учением графа Толстого «о непротивлении злу» и о вреде государств и армий, а, напротив, усилением, усовершенствованием мобилизации, перевооружением русской армии и укреплением западных наших границ. Не будь сделано всего этого, несмотря на энергичные протесты немецкой баронессы и русского графа, Россия непременно бы изведала в один из годов последнего десятилетия вторжение в свои пределы двух неприятельских армий.

К таким военным приготовлениям Россия была вынуждена берлинским конгрессом и вскоре затем состоявшимся заключением Тройственного союза, обращенного против Франции с одной и против России с другой стороны. После этого должно было явиться обоюдное стремление России и Франции ко взаимному сближению. Необходимость его была единодушно понята огромным большинством людей в России и во Франции. По своей доброй, простой душе, чуткий к нуждам и потребностям русской земли, Государь давно, ка-

жется, волновался этим общерусским желанием, но Его ум, не скорый на заключения, долго колебался, пока, наконец, Его верный, здравый смысл не опознал наилучшей минуты для скрепления Своим Царским словом и делом этого сближения двух великих стран. Со стороны русского Государя это был шаг чрезвычайный. Надо помнить, что, за исключением нескольких коротких перерывов во время консульства и империи, второй империи после Парижского мира, при нашем дворе и у нашей дипломатии, под влиянием множества приближенных остзейцев, всегда больших немецких патриотов, Франция, а тем паче республика французская, систематически была представлена своего рода апокалипсическим зверем. Когда требовалось отстранение опасного, даровитого человека, всегда наилучшим средством считалось выражение сожаления, что этот хороший человек слишком-де увлекается французскими идеями. С развитием у нас просвещения эти средства умножались двумя столь же действительными словечками: славянофильство и нигилизм. Всех поклонявшихся князю Бисмарку и одобрявших остзейские порядки принято обвинять еще в славянофильстве и нигилизме.

Полтора года тому назад мне случилось встретиться за границей и провести несколько дней с одним очень почтенным человеком и известным русским дипломатом[3]. Знакомы мы были с молодости, и беседа наша была откровенная. Это было до Тулонской встречи. Дипломат наш прямо и резко выразил свое полное неодобрение начавшемуся в Кронштадте сближению нашему с Францией. «Это политика улицы. Это не настоящая, не кабинетная политика. Политика так не ведется. Мы не должны были выходить из союза трех Императоров».

Наш дипломат предвидел одни только бедствия и военные грозы от этой *политики улицы*. Последовавшие затем торговые договоры с Германией и Австро-Венгрией, усиленные работы по построению гигантского Сибирского пути и новые проекты железных дорог для соединения Архангельска с Пермью, Москвой и Петербургом, Москвы с Псковом, наконец, единодушные отзывы лучших государственных людей всех европейских

государств, заинтересованных в мировых великих заслугах, оказанных покойным Государем именно по части умиротворения Европы, вероятно, теперь убедили нашего дипломата, что эта политика была гораздо реальнее и разумнее прежней *настоящей, кабинетной политики*.

Эта прежняя, так называемая *настоящая* политика иногда ставила Россию в служебные отношения к иностранным державам, особенно к Австрии, Пруссии и потом к Германской империи. Этой политике мы обязаны рядом разорительных войн императора Павла, пославшего Суворова в Италию спасать чужие и неизвестные России алтари и престолы, войска на Аустерлиц на защиту Австрии, отправившего их потом к Прейсиш-Эйлау и Фридланду на защиту Пруссии, двинувшего, наконец, за границу русскую армию в 1813 г. для освобождения Германии: об этом братстве по оружию наши соседи так любят при всяком удобном случае внушительно напоминать нам, вероятно, сознавая, что мы не жалеем, что в 1812 г. об этом *братстве* не было и помину. Вся эта политика носила тот же характер мечтательности и сентиментальности, как и вслед затем появившийся странный, полумистический священный союз. В исполнение наложенных им обязательств, Россия, словно верный вассал Австрии, ходила усмирять мадьяр и спасать едва ли нам особенно нужную целость этой империи. Политика священного союза дорого стоила России и окончилась падением Севастополя и Парижским миром. Наступившая затем политика Dreikaiserbund'a привела нас к берлинскому трактату и закончилась Тройственным союзом.

Сближение России с Францией составляет эпоху в русской политике. Оно знаменует решимость России навсегда покинуть политику донкихотских рыцарских авантюр или похождений на защиту иностранных дворов и династий. Берлинский трактат и разные последующие события за Дунаем и Савою до настоящей минуты доказывают нам, — как прекрасны и благородны были наши порывы 1875–1877 гг., — что тогдашние наши увлечения, quorum pars parva fui, страдали значительной долей мечтательности и сентиментализма.

Как сентиментализм есть ложное направление или своего рода извращение чувства, равнодушного к горю близкому и направленного к горю далекому и малознакомому, так мечтательность есть извращение внимания к мысли, когда они от объектов, доступных представлению и пониманию, обращаются к предметам неясным и неопознаваемым.

Наши деды и отцы вслед за нашим двором приходили в ужас и проливали слезы о бедной королеве Луизе, о бедных императоре австрийском и короле прусском и разных других коронованных владетелях, терпевших обиды в поражении от надменного корсиканца и ходили проливать свою кровь в 1805, 1806, 1813 гг. для освобождения народов от ига Наполеона.

В этом, конечно, было много благородного увлечения, но оно было мечтательно и сентиментально, ибо наши старики забывали, что положение миллионов русских крепостных крестьян и их жен, невест и дочерей было в то время гораздо тягостнее и достойнее слез, чем положение иностранных государей и их подданных после Аустерлица, Иены и Ауэрштедта. И не в сто ли раз лучше бы было, если бы мы все эти заботы и филантропические попечения и хотя бы часть громадных денег, употребленных на эти войны, положили в первых годах нашего столетия на освобождение крестьян, на народное образование и на улучшение наших путей сообщения.

То же самое надо сказать и про наши увлечения славянские конца 70-х годов.

Мы близко и непосредственно не знали ни положения болгар, ни их нравов и стремлений, ни прежней их истории, ни географических условий их страны. Мы начали войну за освобождение болгар, не подумав, в какое разорение приведет она миллионы недавно освобожденного русского народа. Наконец, мы забывали, что кроме четырех миллионов болгар есть еще с лишком три миллиона не свободных русских, гораздо более нам близких.

Не стыжусь публично покаяться — в то время я не так думал — война за освобождение Болгарии была с нашей стороны таким же благородным, донкихотским подвигом мечтатель-

ности и сентиментализма, как и все прежние наши войны за спасение алтарей и тронов, за спокойствие и усиление власти Габсбургов и Гогенцоллернов.

Чем больше и ближе я знакомлюсь со всей прежней историей болгар и с географией их территорий, тем яснее становится, что страна эта, как и многие другие, не имеет в себе нужных условий на совершенно самостоятельное и независимое политическое бытие. Болгария может быть только автономна и свободна во внутренних своих делах. Вполне самостоятельным, так сказать политически самодержавным государством, никогда ее не сделают ни наши и никакие другие силы в мире*.

Поэтому я позволил бы себе подать благой совет прекратить раз навсегда все толки о каком-то примирении и предоставить Австро-Венгрии продолжать хозяйничать, благо ей и болгарам это нравится в этом княжестве.

Это могло быть только полезно и России, и болгарам для отрезвления.

Обращаясь к сближению России с Францией, заметим в заключение, что оно отнюдь не означает желания России встать в дурные отношения с соседними Германией и Австро-Венгрией. Сближение Русского царства с Французской республикой означает лишь, что Россия перестала, как это было во время *известного братства по оружию* и священного союза, отождествлять свои интересы с интересами домов Гогенцоллернов и Габсбургов. Как Гогенцоллерны прежде всего дорожат благом и интересами Германии, так точно и Государи дома Романовых на первом месте ставят интересы и выгоды России.

Это вовсе не устраняет множества разных вопросов, где Россия может идти рука об руку с Германией и Австро-Венгрией. Не нужно только забывать, что имеются и такие вопросы, где мы можем вполне сходиться с этими двумя империями только

* Из сделанных мне после чтения замечаний некоторыми болгарами я заключил, что роль Виртемберга, Бавария и пр. представляется им слишком унизительной для их княжества. Им нужно, очевидно, царство Симеона в Асиней, но его получить так же легко и удобно, как восстановление царства Душнии, королевства корон Звонимира, Св. Вячеслава и державы Ягеллонов от моря до моря.

отчасти, так сказать, на полпути, и где далее интересы и желания являются диаметрально противоположными.

Так, например, мы, русские, вполне согласны с немцами, что нерусские славяне, пока не возымеют общего органа взаимного понимания, единого международного языка, никогда не получат действительной, а не бумажной, в параграфе закона, равноправности с немцами. Но далее мы уже расходимся с немцами. Они думают и говорят, что таким необходимым органом должен быть язык немецкий и указывают на то, что огромное большинство нерусских славян давно включено в немецкую католическую империю и, отчасти по принуждению, отчасти добровольно, по силе обстоятельств, уже научились языку немецкому. Далее, говорят немцы, теперь остается им обучить еще несколько миллионов славян за Савою и Дунаем, и тогда немецкий язык в том же, вероятно, роде, как язык урду — индусов, объединит всех нерусских славян и окончательно отдалит их от русского народа, что-де и требовалось.

Мы же, русские, напротив того, думаем иначе и желаем совершенно противного. Мы желаем настолько распространить язык русский между славянами, чтобы у одних вытеснить язык немецкий, как орган взаимного понимания, а у других и не допускать его до такой роли. И мы надеемся, что сами славяне в конце концов скорее пристанут к нашему, чем к немецкому предложению, тем более, что мы лишены — и об этом не жалеем — тех принудительных способов к распространению своего языка, которыми располагают немцы среди большинства нерусских славян.

С этим общим вопросом связано не мало других частных вопросов в отношениях славяно-германских.

Но ни эти частные, ни этот общий славянский вопрос вовсе не составляют гордиева узла, чтобы нуждался в мече Александровом. Напротив, этот вопрос может быть решен в нашу пользу не на полях брани, не восстаниями, а мирным, упорным и дружным трудом целых поколений.

А теперь, благодаря заслугам покойного Государя по обеспечению мира, нам и открывается эра таких мирных трудов.

Да поможет Бог молодому Царю нашему окончить с успехом начатые или задуманные Его Отцом гигантские работы по соединению русских столиц с Великим океаном и с Белым морем. Да поднимется в Его царствование материальное благосостояние миллионов крестьянского сословия — главной основы могущества и богатства русского государства, как введением наибольшей равномерности в нашей податной системе, так и облегчениями посредством крестьянских банков приобретать сельским общинам предназначаемые к продаже за неуплату долга заложенные в Дворянском банке имения. Да примет, наконец, государство на свой счет содержание старых и заведение новых народных школ, дабы ныне расходуемые на народные школы суммы земство могло употребить на дороги и прочие нужды. Пожелаем, чтобы всякий благой личный почин частных людей или целых обществ встречал все менее преград, воздвигаемых канцелярским порядком, нередко убивающим частную энергию и только поселяющим гибельное взаимное недоверие между государством и обществом, чтобы русская печать становилась все более и более искренним выразителем чувств и мыслей русского общества, дабы лесть не смешивалась с преданностью, а честное, искреннее указание недостатков не принималось за злонамеренность. Да широко развиваются в нашем отечестве земледелие, промышленность и торговля, да процветают искусства и науки, да распространяется в нем просвещение в духе христианской свободы и терпимости ко всем иноучениям, так как свет Христов не боится лжи и вера христианская, основанная на личной человеческой свободе и Божественной благодати, не терпит и не допускает принуждения.

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского*

Милостивые государи! Со страхом и сомнениями, с радостью и надеждами начинаю мою новую деятельность.

Чувствую великую честь, которая мне выпала, говорить с той самой кафедры, с которой учил высокодаровитый ученый, проф. Прейс[1], к несчастью, так рано похищенный смертью с кафедры, с которой ныне учит нам знаменитый славист. Их имена навсегда записаны в летописях славянской науки, наряду со славными именами Добровского и Суровецкого, Востокова и Калайдовича, Шафарика, Палацкого и Мацеевского, Копитара и Миклошича, Бодянского, Григоровича, Горского[2]... Наши русские слависты в некоторых учениках своих, Новикове, Майкове, Гильфердинге, Лавровском[3], имеют уже деятельных сотрудников.

Редкая отрасль знаний в России может похвалиться такими успехами в такое короткое время: они всего лучше изобличают всю неверность и отсталость недавних криков и возгласов против *Русской науки,* против самостоятельности Русской мысли. Она, эта Русская наука, не только возможна, как возможна и существует же Deutsche Wissenschaft, но уже возникла и благодаря Богу успешно развивается постоянно прибывающими новыми силами.

---

* Во второй части для печати значительно распространено против устной беседы, ограниченной часом времени.

Говоря об успехах славистики в России, не могу умолчать о деятельности М. П. Погодина и той Московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов. Хомяков, Киреевские, К. Аксаков и др. сами не оставили никаких строго ученых трудов в области славистики, но они имели огромное влияние на ее успехи своими изданиями (Валуевский, Московские сборники, «Русская беседа» и пр.), своим смелым обличием жалкого умственного бессилия, на которое добровольно обрекло себя русское общество, вследствие своего подражательного направления и молчалинского отношения к Западу, «как нам сметь свое суждение иметь». Хомяков занимает сверх того очень важное место в истории панславистических идей. У славян южных и западных его имя пользуется общей сочувственной известностью: словаки справедливо его назвали пророком славянства.

Каждая наука предполагает двоякого рода деятельность или направление, аналитическое и синтетическое: одно собирает были и данные, исследует частности, другое открывает в них общие законы и начала. В курсе моем я буду держаться направления аналитического по преимуществу, и с именами и трудами ученых этого направления мы часто будем встречаться. С направлением же синтетическим в славянской науке я ознакомлю вас нынче же, стараясь быть как можно более объективным в сжатом изложении этих философско-исторических воззрений.

Сверх знаний научного и диалектического человечество обладает еще другим знанием — внутренним или верою, в разных степенях развития. Одно без другого не полно, односторонне. Одно постигает вещи и явления, проникает в их сущность, другое познает только законы явлений и их взаимные отношения. Слепой физик знает законы света, но не знает, как его зрячий дворник, самого явления, не чувствует его присутствия и благодеяния.

Научное знание верой начинается и к вере приводит. Учась грамоте, ребенок начинает с того, что *верит* матери, что тот или другой знак, та или другая буква обозначает тот

или другой звук. Оно к вере приводит потому, что познает одни законы явлений и их отношения, а не сами явления. Человеку же врождено стремление к возможной полноте знания. Таким образом он сознательно приходит к необходимости внутреннего знания, *чаяния невидимого как бы видимо,* или Веры в ее высшем смысле.

При таком значение Веры для духа человеческого понятно, что все когда-либо известные цивилизации всегда были и будут находиться в теснейшей связи с системами народных верований, всегда бывают ими проникнуты и одушевлены. Вера человека — это он сам; Вера народа — сам народ.

Вся новая европейская цивилизация есть цивилизация по преимуществу христианская. Христианские начала не только отрицательно, но и положительно имели огромное влияние даже на те новейшие рационалистические школы, которые заявили прямое отрицание христианства. Различные требования немецких материалистов и французских социалистов, поскольку они истинны и разумны, нисколько не противны, даже согласны началам христианским. Тем не менее нельзя отвергать, что романо-германский запад от христианства значительно уклонялся и все более уклоняется, но не потому, чтобы он превзошел христианскую идею и заменил ее другой идеей высшего порядка, а потому, что романо-германский запад в течение своей девятисотлетней истории понимал христианство крайне односторонне. В истории христианства новейший рационализм составляет такой же успех в отношении к протестантству, какой оно некогда составляло в отношении к католицизму. Запад в последних своих выводах во многом совершенно прав и только ошибается, полагая, что романо-германское или латино-протестантское христианство и есть единственное и настоящее, чистое христианство.

Известные верования и идеи падают и должны падать, когда возникают новые, высшие и разумнейшие, обличающие недостаточность и внутренние противоречия прежних. Но выше христианской идеи, глубже и полнее начала любви к ис-

тине живой и к братьям-людям, высшего начала ни одна философия, никакая религия еще не выставила.

Если есть *Истина,* то она может и должна быть только *едина.* Но *Истина* должна и может быть постигаема людьми только *свободно.* Итак, *единство* и *свобода* — два необходимых условия постижения истины, оба эти требования исполнимы только в начале *Любви,* в основном законе христианства.

Романо-германский запад, как мы сказали, понимал и понимает христианство совершенно односторонне. Латинство постигает и осуществляет его только в *единстве,* в повиновении внешнему авторитету, самозванному главе Римской церкви; протестантство — только в *свободе,* в личном разумении текста Библии, в авторитете личной учености. Но единство без свободы ведет к насилию и деспотизму, отсюда папство, инквизиция, иезуиты в пр. Свобода же без единства приводит к вражде, разъединению и разобщению.

Носитель православного начала, мир греко-славянский признавал и признает христианство не иначе как с обоими требованиями *единства* и *свободы.* Это воззрение превосходно выражено в известном возглашении: «Возлюбим друг друга, да единомысленно исповемы Отца и Сына и Святаго Духа». Единомыслие в постижении истины достижимо только в любви, вполне свободной, отвергающей всяческое принуждение и насилие.

Но из того, что наше просветительное начало полнее и выше просветительных начал романо-германского запада, еще вовсе не следует, что мы, его слабые, недостойные исповедники, сами по себе лучше романо-германцев. До конца XVII в. Россия во всех слоях общества, в высших и низших, крепко держится своего начала, но часто совершенно бессознательно, по одному лишь преданию и обычаю, нередко понимая его очень грубо и вещественно. С наступлением Петербургского периода возникает иное явление: ознакомившись с блестящим, образованным Западом, общество принимает от него не одну науку, но с ней и горделивое презрение Запада к нашему родному Востоку; народ же, покинутый и

заброшенный, без образованных вождей, заключается в самого себя, впадает в расколы, дробится на разные секты, которые, правда, свидетельствуют о живучести русского духа, о глубоких его требованиях, но вместе и нередко изобличают его умственное невежество. Между тем в Русской церкви внутренняя жизнь все более оскудевает, все сильнее утверждается казенное, официальное направление. Государство растет территориально, но с расширением государственных пределов русская народность — мало что не выигрывает, но даже в иных случаях очень много теряет, как то, например, доказывает ее новейшая история в Малой и Белой Руси, Литве, Польше и Прибалтийских губерниях.

В этот период видимого упадка внутренних народных сил, в период, заключенный Крымской войной и Парижским миром, возникла у нас так называемая школа славянофилов, имевшая, впрочем, высокодаровитых и замечательных предшественников в Ломоносове и Болтине[4], Карамзине (последнего периода) и Грибоедове, митр. Платоне и Голубинском, и в других наших духовных писателях. Эти русские деятели никогда не проповедовали вражды к Западу, всегда относились с глубоким уважением к великим его подвигам в области науки, искусства в практической деятельности. Они даже утверждали, что наше сближение с Западом принесло нам не один вред, но и огромную пользу, позволив нам овладеть современными приемами диалектического познания и обогатиться громадной опытностью Запада. Только благодаря этому сближению стало, наконец, возможно у нас строго научное определение взаимных отношений романо-германского запада и греко-славянского востока, высоты и превосходства нашего просветительного начала.

Таким образом, наша школа совершенно согласна с заключением новейших западных мыслителей относительно того, что должна наконец наступить новая эпоха в истории человечества. Но она не согласна с ними относительно характера и значения этой эпохи. Эта Русская школа утверждает, что новая эпоха обозначится не падением и искоренением

христианства и повсюдным торжеством материализма и атеизма, а собственно тем, что передовая роль в истории человечества от народов романо-германских достанется России и вообще миру греко-славянскому, носителю высшего просветительного начала.

Торжество его несомненно. В различных углах католической Италии и Германии, протестантской Англии, Германии и Америки начинает уже высказываться живое к нему сочувствие. У славян южных и западных, католиков и протестантов, у чехов, словаков и хорватов уже не раз было заявлено лучшими их людьми о необходимости отречься от латино-германских начал и возвратиться к учению, преподанному всем славянам великими Солунскими братьями.

В самой России знамения новой, наступающей исторической эпохи выражаются еще очевиднее. Освобождение с землей 20 с лишком млн крестьян, различные внутренние преобразования, открывающие простор народной, земской деятельности, убедительно нам предсказывают, что русская литература, наука, искусство, вообще русское просвещение не замедлит вступить в новый, высший и, разумеется, уже вполне самобытный период развития. Русская литература не только станет чисто национальной, славянской, но и приобретет всемирно-историческое значение. Русский язык начнет распространяться вне пределов Русского государства, подобно древним языкам — эллинскому и римскому и новейшим — немецкому, французскому и английскому. По всей вероятности, он сделается дипломатическим языком и органом высшей образованности у всех славянских племен. Только русский язык может вытеснить нынешнее господство немецкого и других иностранных языков в южных и западных землях славянских.

Таковы, милостивые государи, главнейшие из идей, развитых Хомяковым, Киреевскими и их последователями. Я останавливался на них потому, что они имели и имеют большое влияние на развитие славянских литератур, на успехи славянской науки.

Замечательно, что в разных землях славянских, не исключая даже Польши, почти в одно и то же время, но при других условиях, возникли и начали развиваться различные панславистические и славянские теории.

Драгоценнейший памятник нашего народного самосознания, *Сказание откуда есть пошла Русская земля,* сохранил нам живые предания Руси XI в. о нашем племенном родстве с южными и западными славянами. В нашем незабвенном летописце живо сказалось тогдашнее русское сознание общеславянского братства: «Бе един язык Словеneск: Словени иже седяху по Дунаеви, ихже прияша Угря и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже ныне завомая Русь. Сим бо первое преложены книги Мараве, яже прозвася грамота Славяньская, яже грамота есть в Руси и в Болгарах Дунайских... Хровате белии и Сереб и Хорутане... Ляхов, друзии Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне... Словеньский язык и Русский один есть».

Ни у какого другого народа славянского не сохранилось столь древних, подробных и верных свидетельств о целом славянстве. И это неудивительно. Славянские племена, образующие ныне русский народ, занимают в славянстве совершенно особенное место. Русские славяне (разумеем и три с лишком миллиона русских, не вошедших в состав русской державы) непосредственно соседят с болгарами и сербами, словаками и поляками. Русские наречия, поднаречия и говоры составляют середину между южными и западными славянскими партиями. И южные и западные племена славян могут быть рассматриваемы, как отпрыски русского дерева: южные и западные славянские земли в отношении к русской земле суть как бы колонии относительно своей метрополии. Русское племя и русская земля всегда составляли главное ядро славянского мира. Еще в XII в. про Русь говорили: Rulhenia... quasi alter orbis, gens iunumerabilis — sideribus adaequata.

Понятно, что во всех теориях славянских Россия должна была занять, занимает и всегда будет занимать очень видное место. Еще более этому способствуют разные исторические обстоятельства.

Почти единовременно с Русским государством возникли и другие славянские державы на юге и западе. Но от неутверждения Славянской церкви и от введения латинства одни славянские ветви на Западе были покорены немцами, совершенно истреблены или онемечены, другие же вступили в подчиненную связь с Немецкой империей и принимали от нее много чуждых стихий, бессильные на нее воздействовать. В то время, когда монголы распоряжались Русью, удержавшие у себя Славянскую церковь болгары и сербы имели свои самобытные державы, не лишенные блеска и могущества. Единство веры освящало и скрепляло племенное единство славян православных: Русь, болгары и сербы находятся в дружеских, непрерывных сношениях. Сильные болгарские и сербские государи не раз помогали русским церквам и монастырям во время монгольского владычества. Но едва только Русь начала стряхивать с себя это иго, как новая азиатская орда сокрушила южные славянские государства, а наконец утвердилась и в самом Царьграде. Между тем как южное православное славянство томилось в рабстве у турок, а русское племя должно было исключительно посвятить все свои силы и энергию на тяжелую борьбу с поляками, немцами и татарами и на собирание своих земель в одно плотное государство, — западные славяне, чехи, поляки, хорваты и сербы в Далмации в XV, XVI вв. и в первой половине XVII в., пробужденные гуситством и Реформацией, в попытках своих освободиться от оков латинства и в соприкосновении с Италией в эпоху Возрождения развернули замечательные умственные силы, явили миру несколько высокодаровитых и великих людей: чехи — Гуса, иеронима Пражского, Жижку, Прокопа, Подебрада, Хельчицкого, Благослава, Жеротина, Коменского; поляки — Григория из Санока, Моджевского, Коперника, Я. Замойского; сербы и хорваты — Четальди, Гради, Дудича, Н. Зриния, Господнетича (De Dominis), Гундулича и пр.

Но эти попытки создать свою самостоятельную образованность, независимую славянскую церковь, не увенчались у славян успехом. Прежние дурные семена запали в них слиш-

ком глубоко. В конце XVI и в начале XVII в. в Польше и Дубровнике утверждаются иезуиты и забирают в свои руки народное воспитание, общество и правительство. Не так легко утвердились римско-немецкие порядки в родине Гуса и Жижки. Вся позднейшая история Чехии от Белогорской битвы по сие время служит лучшим свидетельством глубокой непримиримой ненависти Римской курии и всей Германии к миру славянскому и вместе их жалкого бессилия совладать даже с таким небольшим народом славянским, лишь только он проникся народным самосознанием.

Но этого еще нельзя было видеть в конце XVII в. В то время на юге и западе славяне лежали, казалось, при последнем издыхании. Романо-германский мир уже торжествовал, радуясь счастливому окончанию вековечной борьбы, начатой Карлом Великим и еще раньше. Казалось, осуществлена давнишняя немецкая мечта, высказанная немецким духовенством про западных славян (собственно мораван) еще в X в. «velint, nolint, Francorum principibus colla submittent» — *волей, не волей, будут славяне покорны немцам.*

Но могучий образ Петра, Полтава и Ништадтский мир, Семилетняя война, гениальная деятельность Ломоносова, победы Екатерининских орлов, поход Суворова в Италию и вообще стоянки русских войск в западных славянских землях во время Наполеоновских войн, наконец 1812 г. и новая слава России показали романо-германскому западу, что славянский мир умирать не собирается, а в немецких париях, славянах западных пробудили заснувшее самосознание.

Славяне начинают изучать свои совсем было забытые наречия, литературы, древности. Являются: Добровский, Пельцель, Катанчич, Шафарик, Палацкий, Ганка, Юнгманн, Караджич. Наконец Колар издает свою поэму «Slavy Dcera»[5] и статью «О литературной взаимности славян». В поэме Колар напоминает славянам их прежнюю славу, громит проклятиями внешних и внутренних врагов славянства и пророчит ему великое будущее. В статье «О литературной взаимности славян» Колар пытается ближе подойти к основной причине

современного бессилия славян и находит ее в том, что каждый славянский народ на себя лишь работает, о себе только заботится, ни мало не помышляя о своих соплеменниках. Мало быть, прибавляет Колар, хорошим русским, поляком, чехом и иллиром, надо быть в хорошим славянином. Каждый из них должен руководиться правилом: «Я славянин, и ничто славянское мне не чуждо». Поэтому нужна славянам литературная взаимность. Для ее осуществления Колар предлагает несколько мер, из коих некоторые и поныне не исполнены, как они ни необходимы. «Пособиями для осуществления этой взаимности должны быть, по мнению Колара: 1. *Заведение славянских книготорговен* во всех главных славянских городах, в Петербурге, Варшаве, Кракове, Львове, Праге, Вене, Пещи, Брне, Белграде, Загребе и пр. для удобнейшего и скорейшего получения всех вновь выходящих славянских книг. Теперь же приходится ждать выписанную русскую или польскую книгу полгода, а часто и целый год, и платить за нее вдвое или втрое дороже ее настоящей стоимости. 2. *Обмен книг и повременных изданий между писателями и издателями различных племен.* 3. В учебниках для юношества следует приводить примеры и рассказы о знаменитых славянских людях. Очень бы желательно было составление и издание *славянского Плутарха.* Жизнеописания славнейших славян могли бы иметь благотворное влияние на юношество. 4. *Общеславянское обозрение, издаваемое на всех славянских наречиях* (т. е., по Колару, на четырех: по-русски, сербски, чешски и польски), в котором бы помещались разборы всех вновь выходящих славянских сочинений и изданий. 5. *Учреждение общественных славянских библиотек.* 6. Издание *Славянских грамматик и словарей,* не только чисто ученых, но и практических. 7. *Издание сборников славянских народных песен* и *сказок, пословиц* и пр. 8. *Всеобщее устранение излишних чужестранных* слоев и *оборотов,* введение коренных народных и чисто славянских, а через то *условное приближение к идеалу всеславянского языка,* т. е. такого языка, который бы был понятен каждому славянину, к какому бы племени он ни принадлежал. Славянские

языки должны себя обогащать из общего запаса славянского. Чужие слова и обороты искажают и унижают национальный характер, подтачивают и убивают любовь к своей народности и языку. Иностранные слова и обороты отчуждают славянина от славянина, отдаляют одно наречие от другого. Чешский и польский языки преимущественно искажены и испорчены иностранным влиянием. 9. *Введение общего единообразного правописания для всех славянских наречий».*

Несмотря на главнейший недостаток теории Колара, на отсутствие высшего, объединяющего начала и некоторую внешность понимания общеславянской задачи, его произведения, писанные с несомненным дарованием и с жаром истинного убеждения, читались у его земляков-словаков, чехов и других славян австрийских с величайшим увлечением, произвели в умах славянских решительный переворот. Немцы и мадьяры с полицейской подозрительностью сами стали читать Колара и с ужасом указывали на некоторые сонеты его «Дочери Славы», где он отзывается о России с особенным чувством или уважением. Особенно негодовали мадьяры и немцы на сонеты вроде следующих:

Стократ сем млувил, тед уж кричим
К вам, о рождении Славоне,
Будем целек, а не дробшове,
Будем анеб вшецко, анеб ничим.

«Сто раз я говорил, теперь уже кричу к вам, разделенные славяне! Будем целое, а не части, будем всем или ничем» и пр.

Или тот особенно сонет, в котором Колар представляет славянство в виде статуи:

Руско бы сем в ен главу скулил,
Дрик пак были бы в ни Лехове,
Рамина в руки Чехове,
Сербско бы сем в дне ноги пулил.
Менши ветве, Винды, Лужиц двое,

Хорвату кмен, Слезу, Словаку
Ростопил бых в оден а зброе:
Пред теу модлоу клекати бы могла
Цела Европа сить облику
Высили, крокем сным бы земи погла.

«Россию бы я вылил ей в голову, телом бы в ней были ляхи, плечами и руками чехи, Сербию бы разделил на две ноги. Меньшие ветви, виндов, тех и других лужичан, племя хорватов, слезаков, словаков растопил бы я в одежду и оружие. Перед этим истуканом вся Европа могла бы пасть на колена, и сама выше облаков, одним шагом своим она поколебала землю».

Слово «панславизм» было произнесено. Посылка молодых русских ученых Прейса, Срезневского, Бодянского, Григоровича в славянские земли и открытие славянских кафедр в русских университетах дали новые поводы немцам рассуждать об опасности, грозящей Европе от панславизма. Перевели статью Надеждина о русских в Угорщине[6] и с ужасом указывали на то, что мы, русские, считаем своими братьями русских в Австрии. С тех пор страшилище панславизма не перестает пугать воображение немецких публицистов и дипломатов. Образовалась целая литература панславизма. Нет ни одной немецкой книги и брошюры о немецком вопросе, об единстве Германии, — а известно, сколько написано немцами о Deutsche Frage, о Deutsche Einheit, — нет, говорю, ни одной такой книги, в которой бы не говорилось подробно или намеками об этом ненавистном панславизме.

Вслед за теорией Колара о литературной взаимности и о 4 славянских литературах, возникли другие славянские теории.

Из польских теорий самые замечательные две, во многом очень сходные: теория мессианизма Товиянского и Мицкевича и историко-политическая теория Духинского. В догматическом отношении мессианизм совершенно напоминает нашу хлыстовщину. В нравственном отношении валленродизм есть

тоже грязное иезуитское учение: добрая цель освящает всякое средство. Так как историко-политические взгляды Мицкевича почти целиком вошли в теорию Духинского, довольно полно обнимающую все последние польские теории, то мы и постараемся передать ее как можно точнее и подробнее.

В брошюре Духинского «Polacy и Turcii» Londyn. 1856 г. развита эта теория очень ясно и отчетливо. Придерживаюсь как можно ближе слов автора. В начале он указывает на великую роль польского легиона и вообще поляков в Турции и затем переходит к опровержению *ложных* мнений о варварстве турок. «Немцы, мадьяры, волохи или онемеченные славяне (чехи, мараване) окружают нас с севера, запада и юга. Но важнейший наш враг есть и всегда будет на востоке. Москва, считающая 36 млн жителей, говорящих одним языком славянским, и сверх того массу племен финских, турецких и татарских на Урале, в Сибири и Средней Азии, которым суждено ославяниться в язык».

Как в средние века и до XVII в. назначением Польши была борьба с мусульманством, так нынче ее призвание — бороться с Москвой в защиту христианского духа. Нынешняя задача Польши важнее прежней, ибо Москва сильнее мусульманства. Москва знакома только с внешней формою христианства. «Европе и Польше предстоит осуществление догматов и духа христианского, которого Москва не понимает и понять не может; ибо москали едва могут называться христианами».

Далее, на основании сочинений Карамзина, Соловьева, еп. Филарета и пр., Духинский доказывает, что жители средней России — не славяне, а азиаты, говорящие по-славянски, — что славяне в нынешней России — собственно поляки и Русь, ветвь польская, к которой он причисляет и новгородцев, — что великорусы христианство приняли очень поздно, и то только наружно. Политический и социальный быт великорусов, самодержавие, общинное землевладение точно также свидетельствуют о нашем азиатстве.

«Призвание Польши в том и состоит, чтобы защищать Европу от этих Уральских начал… Борьба наша с Москвой —

дело святое, ибо опирается на задачах, указываемых христианством и народностью... Преобразования московские не могут разорвать связи с прошедшим, могут только улучшать существующее, тем более, что назначение Москвы — присоединять к себе и славянить все народы Средней Азии до океана, до стены китайской…

Самый природный союзник Польши есть Турция, отнюдь же не Франция и не Англия. Дай Бог, чтобы Турция была могущественна, ибо только с могуществом Турции может расти и наша сила. Того требует географическое положение обоих краев, того требуют исторические наши отношения к немцам и москалям, главным нашим соседям на востоке и западе, союзы против которых с волохами или другими, одинаково слабыми соседями, не имеют никакого значения».

Все эти и подобные польские теории с особенной силой проявились в последнее польское восстание, которое вполне раскрыло их нравственную несостоятельность и практическую неисполнимость. Учение поляков о необходимости борьбы с нами, на том основании, что мы, русские, будто не славяне, разрушается самими же поляками, верными своей теории о пользе и необходимости для них союза с мадьярами и турками. Отличительная и существенная особенность этих польских учений заключается в строгой верности римско-католической церкви: эти польские воззрения на Россию естественно вытекают из всей прежней истории отношений римско-католического запада к православному востоку.

В сущности, очень близки к этим воззрениям все русские западнические или униатские теории, которые до недавнего времени господствовали в нашем образованном обществе, вследствие его отпадения от русского просветительного начала и более или менее полного, сознательного и бессознательного подчинения просветительным началам латино-протестантского запада. Это русское униатство включает в себя множество самых разнообразных, часто совершенно враждебных партий и направлений, от русских католиков и иезуитов, явных и тайных, до русских нигилистов. Общая их

связь: индифферентизм или презрение и ненависть к нашему просветительному началу и одинаково враждебное отношение к русскому направлению или так называемому ими славянофильству. Таким образом, в обыкновенных нападках на русскую школу русских католиков и рационалистов всех оттенков всегда есть очень много общего, например, в вопросах об отношениях православного востока к романо-германскому западу, о самобытности русского просвещения, о русских государственных и социальных идеалах, относительно формы правления, дворянства, общинного землевладения и пр. За исключением тайных и явных католиков русских (в России и за границей), большинство русских образованных людей различных западнических направлений, равнодушно или неуважительно относятся к нашему просветительному началу не из злой, сознательной к нему ненависти, а по его неведению. Сверх того, детские и юношеские воспоминания, влияние народных и исторических преданий и начал, честность личных стремлений не допускали и не доводят большинство наших западников различных оттенков (рационалистов всех направлений) до последних, строго логически необходимых выводов. Таким образом, в настоящее время особенно нет ни одной русской западнической партии или школы, которая бы той или другой стороной не примыкала к так называемой славянофильской школе. Так, например, вопросы о единстве русской земли, об отношениях русских к немцам, об общинном землевладении и пр. разделяют русских западников-рационалистов на различные враждебные партии. Чем менее враждебно и отрицательно в том или ином случае относится каждая из них к русской истории, к русскому народному быту, тем более она приближается к этому русскому самобытному направлению.

Наидалее от самобытного русского направления и наближе к католическим польским теориям есть та униатская русская школа в Южной Руси, верным представителем и защитником которой есть галицко-русский журнал «Мета». Она проповедует коренное отличие малорусов от великорусов, называя одних *руськими,* а других *москалями,* отрицает пользу и необходи-

мость общерусского литературного языка, который величает московским, наконец в новейшее время стала развивать новую нелепость — о присоединении к Австрии всей нашей Малороссии. Приводимое место из «*Меты*» всего лучше ознакомит нас с сущностью учения галицко-русских Духинских и послужит живым доказательством тому, что отщепенство, измена народной Церкви не прошли даром для наших галицких братьев. Уния принесла свои плоды. «Да не думают москали, — говорит «*Мета*», — что *руськая* народность так будто уж обессилена, что никогда не приобретет значения в мире политическом и что незабвенные слова чешского патриота Гавличка о необходимости для славян такой державы, как Австрия, — пустая фраза. Австрия существует, и нужно ей только проницательного политика, который, уразумев ее славянское назначение, сумел бы воспользоваться национальным принципом, так высоко ныне поднятым славянами и, ухватившись за федеративно-автономные начала славян, отказался бы от централистической немецкой системы, столь им противной, для того, чтобы в удобную пору образовать в Австрии, на Западе, такой центр для славянства, какого не умеет создать у себя в России правительство московское. Эта пора может быть наступила бы при первом движении *руського* народа и могла бы поднять и других славян против России. А тогда лишь нужно положить на весы славянщины 15 млн *руських* для того, чтобы Австрия с полной уверенностью в успехе могла вступать в борьбу против северного игемона и, отнявши у него славянское призвание, отправить его побежденного, с его *московским* призванием на восток, да уже не в Царьград, а в Пекин». «*Мета*» считает особенным счастьем *руського* народа, что есть часть *руських,* не попавшая в *рабство* (поробу) москалям, «що под людским берлом Австрийского царя есть часть *руського* края, где *руському* народу своей правды домогаться и за правду братней земли свой голос подвести вольно», как ближайшую практическую цель этой политики выставляет «*Мета*», ни много, ни мало, — присоединение к Австрии целой Малороссии по самый Курск! Далее эти *руськие австрийцы* проповедуют, что *руськая* народность только в *унии*

находит себе верный оплот и защиту, так как православие *вера московская,* а католицизм — польская.

Сверх этой новейшей теории австрийского панславизма есть еще две другие в этом роде, особенно заслуживающие внимания, именно у хорватов теория *иллирская* Гая, ныне несколько видоизмененная в так называемую *югославянскую* теорию Дяковачского епископа *Штроссмайера,* каноника *Рачкого, Кватерника*[7] и пр., и у чехов теория *Палацкого, Гавличка и Ригра.*

Возникшая в Загребе в начале 30-х годов, иллирская школа Гая в течение почти 20 лет включала в себя людей с несомненным дарованием и смело можно сказать все лучшие силы хорватов и словенцев (Станко Враз). Подъемом народности в Хорватии, Славонии и Далмации и успешной борьбой с мадьяризмом, пробужденным в 30-х годах графом Стеф. Сечени и с Л. Кошутом, достигшим безумных крайностей, в смысле реакции, впрочем, весьма благодетельных для славян угорских, особенно словаков и русских. Но главнейшая заслуга Гая состояла в том, что он за письменный хорватский язык принял язык сербский. Учению же его об иллирстве славян южных, о необходимости для хорватов, сербов, славонцев, далматинцев, словенцев, даже болгар принять одно общее имя иллиров нельзя не приписывать скрытой мысли, которой недаром покровительствовало правительство Меттерниха и которую развивают теперь с особенной энергией австрийский прелат Штроссмайер и каноник Рачкий, известный у нас в России своим сочинением о Кирилле и Мефодие как о послушных Риму униатах. Римская курия и Венский кабинет с большим или меньшим успехом употребляют этих югославянских патриотов для упрочения своих замыслов на христиан турецких, для усилия католицизма в Боснии и Герцеговине, для утверждения унии между болгарами и для воспрепятствования юному княжеству Сербскому, при первом возбуждении восточного вопроса, на развалинах европейской Турции образовать независимую славянскую державу, могущую стать весьма опасной для сбродной империи Габсбургов, которая в своих южных провинциях насчитывает около 2 млн сербов, к России при-

мыкает — Русским Галичем, с частью Буковины и с верхней славянской Венгрией, плотно связанной с Моравией и Чехией, к Италии — Венецией и Итальянским Тиролем, наконец к Дунайскому княжеству — румынскими частями своих владений, частью Буковины, с Седмиградьем и с восточными, румынскими же, столицами Угрии.

Эта хорватская, так называемая югославянская теория австрийского панславизма проповедует необходимость одного общего дипломатического и литературного языка (и это не без основания) для хорватов, сербов, словенцев и болгар, предлагая для того язык сербо-хорватский, что уже неосновательно, так как одних болгар без словенцев числом больше, чем сербов и хорватов вместе; наречия болгарское и словенское вообще незначительно дальше от богатого громадным будущим письменного языка 80-миллионной державы славянской, чем от бедного литературой и наукой сербо-хорватского языка, не могущего отстоять себя и тем более выйти победителем в борьбе с итальянским, немецким, даже азиатским мадьярским языком. Еще менее может быть для славянства убедительно учение этой школы о великой миссии Габсбуров на славянском юге: владельцы Триединого королевства, преемники короля Звонимира (1087 г.), Габсбурги должны присоединить к нему Боснию, Герцеговину и чуть ли не все *югославянские* провинции Турции, так что кажется, по мнению Кватерника, будущее великое королевство Звонимировичей имеет простираться до самого Босфора! По мнению хорватских патриотов этого рода, весьма напоминающих австрийских *руських,* княжество Сербское не имеет будущего.

Прежде чем перейти к чешской теории австрийского панславизма, укажем на господствующие школы у сербов и болгар, у которых эти хорватские идеи вообще не нашли себе поклонников: у сербов к хорватам-католикам существует нескрываемая антипатия, в иных отношениях живо напоминающая антипатию малорусов к полякам; большинство же образованных болгар (народ едва ли подозревает о существовании хорватов, так как с ними нигде не соседит и связей никаких

не имеет) почти вовсе незнакомо с новейшей деятельностью хорватов и не имеет ни способов, ни времени следить даже за движением их маленькой словесности.

По господствующему и совершенно народному воззрению сербов, будущее их не в Австрии, где земляки их, пролившие столько благородной крови за интересы чисто католические и немецкие, не раз становились жертвой немецкого и иезуитского коварства при Леопольде I, Марии Терезе и Франце I*. Нет ни одного селянина Турции или Австрии, который бы не знал о подвигах Марка Кралевича, не помышлял о мщении туркам за Косово и падение Сербского царства, за все вековые обиды и унижения, не мечтал бы о сильном царе Степане Душане и, гордясь делами Кара Георгия и Милоша, не верил бы в новую помощь *сильной,* единоверной и братской *Руси;* огромное и все лучшее большинство образованных сербов крепко держится мыслью о необходимости соединения с Сербским княжеством Боснии, Герцеговины, Черной горы и пр. и рассчитывает на помощь России, справедливо полагая, что собственные интересы ее, как державы славянской и православной, требуют, в случае перемен в Турции, недопущения Австрии в Боснию и Герцеговину и, следовательно, образования независимого Сербского государства.

Подобно славянам австрийским, и турецкие славяне должны бороться против *дуализма:* сербы с турками и албанцами, болгары с турками и греками. Если лучшие народные деятели у болгар и сербов одинаково себе желают совершенного освобождения от турок и политической независимости, то вследствие разных особенностей географического положения и исторического развития Сербии и Болгарии есть между ними и довольно важное разногласие, на которое, к сожалению, слишком мало обращают у нас внимания при рассуждениях о так называемом восточном вопросе. Значительное большинство сербских патриотов не признает надобности иметь болга-

* См. о попытке Венского правительства в 1818—1819 гг. завести унию в Далмации — важную книжку: «Приписка об унии Далматинского епископа В. Кралевича за австрийским правительством». У Београду, 1863.

рам своего особенного государя, находя для них достаточным особое самоуправление под верховной властью сербского государя в виде государственного союза и даже скорее в виде союзного государства (т. е. не личной, а реальной унии). Между тем как большинство болгарских патриотов желало бы иметь совершенно самостоятельного государя, соединенного, конечно, дружеским, тесным союзом с государем сербским. Еще менее они согласны между собой относительно времени и некоторых способов осуществления их *великой идеи.* Не одобряя желанного для сербов взаимного, оборонительного и наступательного союза Греции и Сербии против Турции, болгары хотят, совершенно вопреки Сербии, по возможности продлить слабое бытие Турции, ибо в случае скорого ее распада опасаются больших утрат для своей народности, так как при слабом пока пробуждении ее в Македонии, вся болгарская ее половина легко может отойти к Греции. Наконец сербы и болгары еще не сговорились относительно общего дипломатического и научного языка. Так как болгары не предлагают своего языка Сербии, то по этому предмету и существуют три мнения. Одно, поддерживаемое большинством сербов и почти вовсе не принимаемое болгарами, признает необходимость одного литературного языка для сербов и болгар и выбирает для того язык сербский, имеющий связать эти две славянские народности в будущем Сербо-болгарском государстве (едином или федеративном) подобно тому, как русский литературный язык объединяет Малую и Великую Русь. Другое мнение, поддерживаемое многими болгарами и почти вовсе не принимаемое сербами, соглашается с первым мнением, но требует от сербов уничтожения в их письменном языке разных, непонятных болгарину сербизмов, и введения в него некоторых болгаризмов. Третье мнение у болгар и сербов отвергает необходимость одного общего дипломатического и научного языка для этих двух народностей и настаивает на том, чтобы каждая из них развивала свое собственное наречие, свою самостоятельную литературу. Нам кажется, что в ближайшем будущем утвердится и восторжествует у болгар и сербов четвертое мнение,

успешно соединяющее в себе все добрые стороны первых трех мнений. Зачатки этого мнения были уже высказаны лучшими, превосходнейшими деятелями сербов и болгар В. С. Караджичем и С. Филаретовым. Это мнение особенно поддерживается многими русскими и всеми славянами (без различия племени) так называемого *словено-русского* направления, которые признают необходимым избрание русского языка общедипломатическим языком и органом высшей образованности для всех славян. Пусть, утверждают они, болгары и сербы возделывают и обрабатывают свои собственные наречия и словесности, но пусть, сверх того, имеют один общий письменный язык*,

* Люди; не умеющие оценить подвига Караджича, положившего конец *славяно-* или правильнее *русско-сербскому* языку Раича и его последователей, жестоко ошибаются, полагая, что он таким образом навсегда остановил распространение русского языка у сербов и уничтожил на корню возможность сделаться ему их языком дипломатическим. Настоящее распространение русского языка у южных и западных славян стало возможно только после пробуждения их народностей и, следовательно, после образования или возрождения всех славянских наречий и словесностей. Его утверждение, как языка дипломатического и органа высшей образованности у всех племен славянских, не только не угрожает дальнейшему развитию их особливых наречий, но даже обеспечивает их будущее, ибо есть единственное средство, которым эти племена могут освободиться от преобладания и господства у них языков иноплеменных. Таким образом, ни наше дело не мешает подвигу Вука, ни он нашему. Сам Вук прекрасно говорил по-русски, — и я лично от него слышал мнение о необходимости славянам западным и южным учиться русскому языку для того, чтобы сделать его общеразговорным (или дипломатическим) славянским языком. У меня есть копия с собственноручного письма Вука к известному чешскому ученому Юнгманну. Подлинник, кажется, хранится в Петербургской публичной б-ке. Оно писано по-русски. «Ваше высокоблагородие, милостивый государь! Надеюсь, что вы уж давно получили прежде половины года посланные вам II и III ч. народных сербских песней; теперь имею честь послать вам и I часть. Извините, милостивый государь! что я вам сей части прежде не мог послать. Честь имею также послать вам одну книжку *«народне Среска приновлиетке»* и две книжки *«додатак к Санкт-петербургским сравнительным риечинцима»,* одну сих последних (sic) прошу отдать г-ну Челаковскому. С моим почтением. С истинным высокопочтением честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Вук Стеф. Караджич. «В Вене 4 ноября». К сожалению, без года? Итак, в 40-х (?) годах серб из Вены пишет чеху в Прагу по-русски. В 60-х годах поляки-повстанцы, бежавшие из России, разговаривали с сербами в Вене и Белграде, с болгарами в Константинополе по-русски, ибо не нашли другого общего языка.

обработанный и богатый, с которым могли бы вытеснить господствующие у них языки иноплеменные: греческий, итальянский, румынский, немецкий и мадьярский. Этим общим языком для сербов и болгар должен быть язык русский, образованный на основе церковнославянского языка (следовательно, древнеболгарского, сербского и отчасти моравского и хорутанского словенского наречия) и всех живых русских наречий, поднаречий и говоров, в которых чудно обретаются различные особенности нынешних южных и западных наречий славянских. Вследствие единоверия, старых исторических связей русский язык и без того так необходим болгарам и сербам, что его незнание не позволяет болгарину и сербу называться и быть истинно образованным человеком*.

* Нам было сообщено письмо покойного Филаретова из Софии 1859 г. в Россию к одному из его русских друзей. Зная, как всем болгарам дорога и священна память этого благородного подвижника болгарской народности, мы надеемся доставить вам удовольствие приведением следующего отрывка, столь же любопытного и для русских. «Вы помните, что я когда-то писал вам... о выборе одного из всех славянских наречий для болгар. Выбор мой пал на русский язык. Мне приятно похвастаться теперь пред вами, что я не ошибся. В течение 2-х лет ученики мои, которые учились русскому живому языку по *одному* разу только в неделю, теперь беспрепятственно читают всякую русскую квоту и переводят с русского на болгарский язык и обратно, познакомившись и с русской грамматикой. Это им помогло и для новоболгарского языка, письменность коего только что зарождается и нуждается в заимствовании, разумеется, разумном заимствовании из прочих родственных с ним славянских живых наречий. Изучение русского языка благотворно подействовало на образование новоболг. литературного языка, как живое начало и освежающее, не говоря уже о тех бесчисленных выгодах, которые представляются знающему русский язык и в практическом отношении и о прочих понятных всякому благих последствиях. Тогда как в других училищах у нас учились ученики по 7–8 лет классическому старославянскому языку не по одному разу, а ежедневно, и все-таки ученики мои, понимая русский язык и вовсе не учившись старославянскому, как теперь оказывается, лучше понимают и старославянский, чем те, кои учились последнему *исключительно* по 7–8 лет сряду, но учились схоластически. Замечания мои по этому предмету состоят в том, что старославянский язык нужен только для высшей филологии, а преподавание его в болгарских училищах в настоящее время есть чистая потеря времени и решительно не имеет никакой цели, тогда как живой русский язык находит полное применение во всех отношениях. Замечания эти делаю я всем учителям в Болгарии. Главнейшие из них воспользовались ими, и опыт доказал, что так гораздо

Сверх этих чисто народных и православных болгарской и сербской школ, совершенно сходных по направлению с русской или так называемой у нас славянофильской школой, есть у болгар и сербов различные западнические или униатские партии, соответствующие различным нашим западническим теориям и в известных отношениях близко соприкасающиеся с польскими воззрениями на Россию и ее значение в мире славянском.

Югославянское западничество возникло, впрочем, гораздо прежде нашего, ибо ведет свое начало от соблазнительных и далеко не честных сношений болгарских и сербских государей с римскими первосвященниками с целью приобретения мнимой или действительной унией каких-нибудь внешних выгод. В настоящее время, пользуясь болгарогреческой тяжбой и особливо недальновидным и нехристианским упорством греков, враждебный России Запад, слепые поклонники Рима и враги России — поляки усиленно стараются убедить болгар в необходимости измены православию, перехода в католичество или унию, как единственно действительного средства против поглощения болгарской народности единоверной ей ныне Россией. Религиозный индифферентизм, неразумная, негуманная вражда к грекам, отчасти, впрочем, извиняемая их несправедливостью, внешнее, узкое понимание начала народности в связи с этими внушениями произвели в части болгарской интеллигенции различные униатские партии, из коих одни прямо наклонны к унии, другие, сами ее не проповедуя, часто преступно равнодушно относятся ко всем попыткам ее, подрывающим будущее их народности.

лучше. Вследствие этого, многие обращаются ко мне за русскими учебниками. Что было моих, что имелось в запасе в Делкогловской библиотеке при Софийском болгарском училище, я разослал то по одному, то по 2 экз., с которых ученики списывали и учились кое-как в виде опыта. Теперь, совершенно убедившись в пользе, меня решительно со всех сторон обстреливают мои собратья-учителя, требуя русских учебников. Мне известно, что то же было и в Филиппополе в течение нескольких лет, и я сам знаю нескольких молодых болгар, вышедших из тамошнего училища, которые, никогда не бывши в России, прекрасно знают по-русски, читали Пушкина, Гоголя.

У сербов, кроме Парижлиев княжества и немногих Швабов, поклонников Австрии, любопытна возникшая в недавнее время сербско-мадьяровская партия Игнатовича, Георгиевича, Милятича, Вукичевича и пр. По ее теории, сербы имеют общие интересы не с другими славянами, с австрийскими или с Россией, а главнейше и даже исключительно с мадьярами. Вопреки всем другим славянским партиям в Австрии, она стоит за дуализм, за совершенное отделение королевства Угорского от немецко-славянских земель по сю сторону Лейты: со свободными мадьярами освобожденные сербы от Австрии и Турции составят один дружественный союз. Отличаясь странной хвастливостью и ничем не оправдываемым презрением к прочим славянам, эти сербы мадьяроны твердят, в противность недавней истории и современной действительности, что мадьяры им не опасны и к ним справедливы, что чехи уже совсем онемечены и будущего не имеют, что омадьяривание словаков и русских в верхней Угрии было бы даже полезно для сербов, укрепив мадьярскую народность, имеющую служить им оплотом против единоверной и единоплеменной России.

Но если у восточных славян есть западничество, то и у западных развивается, если позволено сказать, *восточничество.* Оно есть у хорватов и даже поляков, еще сильнее у чехов и мораван, у словенцев (в Крайне, Стирии, Хорутании и Исприи) и сербо-лужичан (в Саксонии и Пруссии), почти совершенно торжествует в пробужденной, не мадьяровской касты словаков-протестантов и католиков (в верхней Угрии и у значительного большинства русских, угорских и галицких).

Необыкновенно быстрое и общее распространение протестантства у хорватов и словинцев в XVI в. доказывает, что в течение веков заглушаемые Римом древние православные кирилловские предания не совершенно были истреблены у них, по крайности уцелели еще в столь живучих остатках, что препятствовали глубокому утверждению латинства. Один из замечательнейших людей богатого великими дарованиями века, римско-католический епископ Угорского

королевства, природный хорват Андрей Дудич, прозванный современниками «Dictator Patrum in Concilio Tridentino», в своих превосходных речах настаивал на необходимости причащения под обоими видами и уничтожения безбрачия духовенства, чем, впрочем, возбудил против себя страшное неудовольствие собора, который и хлопотал у императора Фердинанда об отозвании его назад (1563 г.). Иезуитские царствования Фердинанда II, Леопольда I и Марии Терезы не успели истребить в хорватах (и словенцах) нерасположения к латинству, коренившегося в светлых воспоминаниях чистого христианства. С пробуждением народности, с подъемом нравственности в сельском духовенстве эти воспоминания воскресили в хорватах с новой силой живое сочувствие к православию. В иллирской молодежи, между духовными и мирянами незаметно слагались религиозные убеждения, близкие к галликанизму и янсенизму[8].

Приезд славян в Россию

Когда приедут славяне? Кто к нам собирается? Будут ли Палацкий и Ригер? Где продаются билеты на славянский обед? Нельзя ли меня записать в члены славянского комитета? Такие вопросы, немыслимые, невообразимые лет 20, 10 тому назад, беспрерывно слышатся в самых разнообразных кружках нашего общества. В них чувствуются успехи нашего народного самосознания, живо сказывается возбужденное участие русского общества к братской встрече славянских гостей.

На днях мы получили приятные вести из Праги. Чехи глубоко тронуты приготовлениями русского общества в Петербурге и Москве. Со своим замечательным тактом они верно оценили высокое нравственное значение первого славянского съезда в Москве и этих братских заявлений русского гостеприимства, чуждого всяких политических намеков, вызовов и демонстраций. Передовые бойцы славянства, наши чешские братья лучше и прежде других славян уразумели,

что русское общество, непосредственно малознакомое со своими соплеменниками, должно по возможности увидать в ряду своих славянских гостей самых первых и лучших их людей. Честь и слава нашим братьям-чехам! Они и теперь, как бывало в XV в., высоко, честно и грозно держат славянское знамя. Спешим поделиться с нашими читателями в высшей степени радостной новостью. Из Чехии к нам собираются в гости знаменитейшие ее представители, ее нынешняя слава, честь и гордость всего славянского мира, люди, известные всей Европе своими заслугами и дарованиями. Довольно сказать, к нам идут: *Палацкий, Ригер, Браунер, граф Гаррах, Гаммерник* и *Эрбен,* эти крепкие стоятели и оберегатели чешской народности. Сверх того, собираются в Россию и другие чешские представители младших поколений, например, известные знатоки русского языка и литературы — *Коларж, Патера, Ранк,* также *д-р Зеленый, д-р Скрживан, д-р Черный, д-р Бружек,* купец *Кубишта* и нек. др. Все эти лица имеют в России многих друзей, а некоторые и многочисленных почитателей. Палацкий, Эрбен, Ригер состоят почетными членами некоторых русских ученых обществ и университетов. Маститого чешского историографа, одного из замечательнейших историков XIX столетия, еще недавно, в память столетнего юбилея Карамзина, петербургский университет единогласно избрал почетным доктором русской истории. Не сомневаемся, что наши ученые, писатели, все русские образованные люди сделают со своей стороны все возможное, чтобы пребывание наших дорогих почетных гостей в России оставило в них самые приятные и светлые воспоминания.

Далеко на так радостны известия из Венгрии, или правильнее — Угорщины. Наши друзья нам пишут, что многие желали бы к нам приехать, но не надеются получить паспортов в Россию. Да, не на радость угорских славян восстановлена конституция 1849 г. У них свирепствует теперь самый иступленный мадьярский терроризм, причем не уступающий польскому в Галиции под правлением графа Голуховского[1]. Опьяненные своим минутным торжеством (никто не сомнева-

ется, что немцы все-таки их проведут), неровные, страстные мадьяры не знают меры и удержу своему фанатическому патриотизму, и в своих грубых преследованиях славян, особенно русских и словаков, не брезгают никакими клеветами и денунциациями, то и дело публично обвиняют славян в тайных, незаконных сношениях с Россией, в измене отечеству и т. д. Пылкому, восточному воображению мадьяр то представится таинственный русский эмиссар, снимающий план с Кориа, то почудится обширный славянский заговор по поводу перехваченных писем двух гимназистов-словаков или чего-нибудь в этом роде. И все это творится в стране, щеголяющей своим либерализмом, конституционной, аристократической и всякой иной легальностью.

Судя по этим примерам, не сомневаемся, что по поводу наших славянских празднеств многие мадьяры и даже, быть может, некоторые немцы напишут пропасть нелепейших статей, одну другой смешнее, нашумят вдоволь и наговорят всяких глупостей о дикости и кровожадности старорусской партии, непременно при этом сошлются на знаменитое завещание Петра Великого, испустят несколько достойных «Вести» вздохов о коммунизме и неуважении священных начал собственности, утвердившемся в России после злополучного 19 февраля и разрушающего в Польше и в западных губерниях величественное здание западной цивилизации, столь мужественно у нас охраняемое нашей охранительной «Вестью». Всего этого мы ожидаем спокойно и терпеливо. Но мы также уверены, что огромнейшее большинство немцев в Германии и Австрии и даже, быть может, некоторые из мадьяр взглянут на это дело просто, не мудрствуя лукаво, и, не прибегая ни к каким глупым выдумкам, увидят в нем то, что есть, а не то, чего в нем и вообразить нельзя.

В самом деле, огромному большинству немцев и даже некоторым из мадьяр без особенного труда можно, кажется, сообразить, что своими смешными подозрениями и нелепыми преувеличениями, этим небезопасным деланием из мухи слона, они вредят лишь себе и лучше всяких воображаемых

эмиссаров и не менее редкого, даже у нас незримого, русского золота искусственно поднимают русское влияние в славянских землях. Всем этим недоброхоты славянские только возбуждают в одних и усиливают в других сочувствие к России, обличают свое бессилие справиться со славянами, обнаруживают свой страх перед русскими и раскрывают нам и славянам свои больные, легко уязвимые места, которые бы им для собственного их интереса непременно следовало утаивать. Впрочем, неблагоразумие врагов — одно из лучших условий успеха борьбы. Мы никого не беремся учить благоразумию, мы только отмечаем ряд возможных и вероятных явлений, основываясь на внутренней связи событий и историческом опыте. Мы думаем, что большинство немцев и даже некоторые из мадьяр должны, кажется, понять, что в наших славянских празднествах нет ничего нелепого и странного, особенного и удивительного, ничего такого, что заслуживало бы чужих, посторонних толков и тем паче резких осуждений. Нельзя же ведь отрицать бытие славянской России или отвергать возможность и необходимость естественного расположения русского народа к его славянским братьям. Нельзя же, например, и угорским русским, и словакам позабыть — они этого никогда не забывали в течение 1 000 лет, что у них есть миллионы родных братьев и соплеменников. Впрочем, понять живое участие славян к нашей этнографической выставке мадьярам гораздо труднее и потому еще, что ближайшие их сродники — вогуличи, башкиры и пр. — никогда, конечно, не откроют у себя подобной выставки, но призовут своих мадьярских братьев к себе в гости — к нам, в Россию, не поедут и сами к мадьярам, которым, впрочем, и в голову не придет открыть у себя этнографическую угорскую выставку, ибо она только наглядно доказала бы им, как слаба и малочисленна мадьярская стихия сравнительно с прочими народностями Угрии. Как ни велико настоящее торжество мадьяр, но оно не в силах истребить в них печальных воспоминаний об их темном прошлом, их прежней тяжелой зависимости от славян, немцев, турок, даже так низко ими ценимых румын: знаме-

нитые Гуниад и Матвей Корвин были природные румыны, — ни разогнать их мрачных предчувствий грозной дилеммы: потонут или в немецком, или славянском море. Мы сознаем весь трагизм мадьярского положения и по человечеству сострадаем той сильной тоске в безысходной грусти, которой глубоко проникнута мадьярская народная художественная поэзия. Какой фанатизм, какая глубокая печаль слышится, например, хоть в следующих стихах одного из лучших мадьярских поэтов:

Multadban nincs ōrŏm,
Jòvödben nincs remény,
Hanyatló szép hazám,
Miattad vérzem en и пр.

«В прошедшем нет радости, в будущем нет надежды... О, моя прекрасная гибнущая родина, над тобой сердце обливается кровью» и пр.

Постоянно замечаемый, наперекор всем искусственным мадьярским усилиям, постепенный духовный и материальный подъем славян угорских и заметные следы постоянного вымирания мадьярской народности, увы! как нельзя более оправдывают мрачные предчувствия вещих мадьярских людей. При таких стесненных обстоятельствах и европейское даже племя, например, поляки, не умеет иногда сохранять должной трезвости, ясности воззрения и спокойного достоинства в действиях. Неумеренность же, неблагоразумие, невыдержанность, все возможные смешные выходки тем приличнее и извинительнее мадьярам, небольшому чудскому народу в 4 млн, соседнему с сорокамиллионным немецким и 80-миллионным славянским, всеевропейскими племенами. Хорошо знавший своих земляков, человек весьма замечательный, граф Стеф. Сечени[2] назвал однажды мадьяр настоящим народом гусаров или *гусарской национальностью.* Сам величайший мадьяроман, осторожный Сечени рано понял всю опасность пути, на который вступили мадьяры,

спеша омадьярить все немадьярские народности Угрии и тем возбуждая в них непримиримую к себе ненависть. «В бешенстве своем, — прибавлял граф Сечени, — мы, мадьяры, доходим относительно славян до таких заподозреваний, что все, что они ни делают для своей народности, выставляется у нас как стремление к отложению от монархии, и мы с восточной серьезностью и, можно сказать, с азиатской справедливостью готовы усмирять славянский энтузиазм самым крутым образом. Благородно и рыцарски ли это? Может ли это принести нам благословение?» Так усовещевал своих мадьяр гр. Сечени еще в 1842 г. Позднейшая история показала, что он был прав. Но с того времени он утратил в Угорщине свой прежний авторитет, и нередко за свою знаменитую академическую речь получал жестокие упреки в недостатке патриотизма. И современные мадьярские деятели нимало не убеждены в указанной графом Сечени опасности для мадьяр от уменьшения славянских народностей и продолжают воображать, что недовольство, ропот и оппозиция славян медленно, но постепенно усиливаются благодаря лишь фантастическим эмиссарам и русскому золоту. Грубые выходки мадьяр против их славянских сограждан, собирающихся к нам на выставку, собственно говоря, совершенно понятны. Однако ведь это конституционная страна, мадьяры так любят свободу, так сильно ее защищают. Это что-то странно и удивительно — скажет недоверчивый читатель. Но для людей, живавших в Угрии и наблюдавших мадьяр — не по картинкам иллюстраций и даже не в Париже и не в Баден-Бадене, ничего в этом удивительного не будет. Что от польской, что от мадьярской шляхты, заправляющей добрым, простым, но умственно не бойким народом, ни свободомыслия, ни благоразумия требовать не приходится.

Но мерки, пригодной мадьярам, мы не решаемся прилагать к немцам, и уверены, что огромное их большинство, и в Германии и в Австрии, взглянет на наши славянские празднества и толково, и беспристрастно. Для Германии, как и для Италии, уже прошло то время, когда они были толь-

ко географическими понятиями. Немцам смешно теперь сомневаться в своей политической будущности. Великое, почти 40-миллионное племя, сильное народным сознанием и своей блестящей образованностью, должно же наконец перестать унижать себя до смешных страхов, нелепых преувеличений и недобрых подозрений. Пусть еще прежняя слабая, разорванная Германия при каждом шорохе пугалась созданного ее же робким воображением призрака панславизма. Но это уже совсем не пристало могущественной и единой, торжествующей свои недавние победы над австрийскими славянами под немецкими начальниками и готовой стяжать новые лавры в ожидаемой борьбе с Францией. Мы доверяем благоразумию немцев в полном убеждении, что они воздержатся теперь от всяких заявлений своего неудовольствия по поводу невинных сношений нескольких славян с русскими учеными обществами и от всяких страхов перед славянством, позже других племен вступающим в период самосознания. Выгода Германии, при ее антагонизме с Францией, главнейше заключается в том, что Франция хуже Германии понимает свои отношения к другим национальностям. Так, из лучших органов французской журналистики и недавних речей Тьера и других ораторов Законодательного корпуса мы заметили, что французам очень мало известны истинные отношения славянской и немецкой национальности. Франция как будто в самом деле поверила Духинскому[3], и глядит на славянский мир с исключительно польской точки зрения, и поэтому не понимает, что в нем теперь совершается. В этом состоит величайшая ошибка французов, которой немцы искусно ныне пользуются. Всякие же теперь разговоры о панславизме и прочих страхах и ужасах, грядущих от славян на Германию, были бы со стороны немцев громаднейшим промахом, способным только вразумить Францию. Таким образом, она может, наконец, догадаться, что и помимо поляков она найдет себе величайшие симпатии в славянах, если только обратится к ним с должной искренностью и прямотой. Мы слегка коснулись этого вопроса только по поводу взаимных отношений славянской и немецкой наци-

ональности и естественного антагонизма между Германией и Францией, которая в случае дальнейшего усиления своей природной противницы легко может спуститься в ряд второстепенных государств. Мы, русские, сделали свое дело, разослали к славянам приглашение в Москву на этнографическую выставку, на которой будут представлены, сверх племен, обитающих в России, и все славянские западные и южные племена. В ожидании дорогих гостей мы приготовляемся к достойному и совершенно братскому приему. Славяне об этом извещены и глубоко этим тронуты. Многие хотят быть в России, но не знают — дозволят ли им приехать, пустят ли их? Если нет, то вина не наша. Спрашивается только, кто от того проиграет — мы или недоброжелатели наши? Право, у славян австрийских и без того так много поводов к неудовольствиям, они так в последнее время оскорблены и унижены дуализмом, что всякое препятствие и затруднение приезду славян в Россию только усилит их ропот и раздражение против мадьяр и немцев. Судите сами — кому это полезно, кому вредно? Позванные, собравшиеся и непущенные, славяне были бы страшно оскорблены. Нет, мы не решаемся ни на минуту усомниться в свободном пропуске славян в Россию. Не пропуск их был бы со стороны Австрии актом крайнего недоверия к нам, русским, ничем не заслуженного и для России во всяком случае обидного, относительно же тамошних славян действием незаконным, конституционного правительства недостойным и, что еще важнее, мерой в высшей степени неполитической. Наконец, непропуск славян в Россию был бы действием самого темного обскурантизма. Съезд славянских ученых в Москве может и должен оказать большую помощь дальнейшим успехам и развитию славянской науки. Жатва велика, делателей мало. От слабой ученой разработки славянского мира страдают все науки и особенно сравнительная филология, этнография, археология и история новой Европы. Недостатки и пробелы нашей науки главнейше происходят от слабого развития взаимного общения между учеными и писателями различных земель славянских, от неустройства правильной

книжной славянской торговли, от дурного преподавания в наших училищах всеобщей географии и истории и от слабого распространения в нашем обществе правильных сведений о прошедшем и нестоящем народов славянских. Недостатки эти и многие другие всеми уже сознаны, но у нас, славян, еще ничего не сделано для их устранения. Всей этой беде могут помочь только периодические свидания различных ученых славянских, постоянные ученые съезды, которые в Англии, Франции, Италии и Германии уже оказали огромную пользу науке, будут, без сомнения, столько же плодотворны и у нас. По всем этим причинам мы не станем предполагать и ожидать со стороны австрийского правительства каких-нибудь препятствий приезду славян в Россию. Мы уверены, что оно, напротив, в братском общении своих подданных с русскими с радостью увидит лишь новый случай к укреплению тех дружественных отношений, которые связывают две великие соседние империи. Теснейший союз Австрии с Россией есть одно из пламеннейших желаний представителей огромнейшего большинства славянских подданных Австрии. Один из даровитых чешских деятелей писал в 1865 г.: «До 1848 г. славяне в Австрии были презираемы и унижаемы систематически, и, несмотря на это, они для спасения Австрии жертвовали в 1848 г. своею жизнью. Государство было спасено только этими сильными и верными народами и с помощью *России, этого естественного нашего союзника.* Только благодаря их усилиям из развалин старой возникла новая Австрия... В славянах имеет Австрия центростремительную, а не центробежную силу. Поэтому она должна быть в дружественных отношениях со славянами турецкими и с Россией (Spása Rakouska. Praha, 1865. С. 5). Неизвестный, весьма, впрочем, талантливый, публицист-чех в замечательной брошюре своей, вышедшей уже после Кениггреца, писал следующее. *«Первейшая обязанность внешней политики Австрии должна состоять в отложении всякого враждебного отношения к России и в теснейшем с нею союзе, скрепляемом началами единоплеменности. Только идя рука об руку* с Россией, не только можем

мы отклонить неминуемое распадение Австрии (Nur Hand in Hand mit Russland, wenden wir nicht nur den unausbleiblichen Zerfall Oesterreichs ab), но и откроем ей новую эру славы и могущества. (Was nun. Prag., 1866. S. 20–21). Таково искреннейшее желание славянских народов Австрии, известных своей храбростью, преданностью верховной власти и не раз спасавших Австрию от совершенного распадения и конечной гибели. Не их ли доброжелательным внушениям может спокойно довериться Австрия? И к чему ей, отвергая эти спасительные советы огромнейшего большинства и самых верных ее подданных, неприязненно относиться к русскому народу, к ней не враждебному, прежде всего желающему мира с соседями и на деле доказавшему Австрии, как ей может быть спасительно его дружеское расположение!

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Восточный славянский вопрос

Вот самая частая и больная тема наших журнальных и общественных толков за последние два года со времени болгарского кризиса[1]. Не одинаково всех вас интересуя, она одинаково всех волнует, раздражает, сердит... В этом отношении все русское общество разделилось на два противных стана. Одни стоят за полное воздержание и решительное бездействие как в болгарской, так и в других частях восточного вопроса. К приверженцам этого мнения примкнули недавно и те, что заслуживали бы скорее упреков за свою недавнюю проповедь о слишком ретивой и несдержанной деятельности в Болгарии. Другие, противники этого мнения, или просто в принципе не одобряют совершенно безучастного отношения России к происходящему на наших глазах направлению и развитию восточного вопроса, или горячо, лихорадочно требуют, при всяком удобном и неудобном случае, самого энергичного выступления России. Громадность понесенных Россией жертв людьми и деньгами, ряд печальных разочарований как по поводу мира, доставившего католической немецко-мадьярской монархии Боснию и Герцеговину в полное пользование и независимую Сербию в семилетнее безусловное хозяйничанье, так и по случаю обид и оскорблений, испытанных в последнее время Россией в освобожденной ею от постыднейшего рабства стране, истомившая всех в эти два года тревога постоянных опасений за прочность мира, беспокойных ожиданий новых жертв и за-

трат, — все это вместе достаточно извиняет и объясняет живость, страстность и раздражительность общественных суждений и толков о восточном вопросе и об отношениях к нему нашего отечества. Многое множество русских людей готово откровенно проклинать и этот восточный и все эти славянские вопросы и всех, кто прежде брались выяснять их значение для России. Оно нередко выражает самое искреннее пожелание, чтобы этих вопросов впредь у нас вовсе не существовало, чтобы раз навсегда мы махнули на них рукой и занялись своими внутренними делами. На этом мнении сходятся множество людей разнообразных направлений: тут есть и наши, как говорят сербы, напредняки и наши назадняки с блистательным своим публицистом князем Мещерским[2] во главе. Другое множество русских людей, понимая, что эти проклятые вопросы не нашими поколениями поставлены, не с ними и кончатся, оскорбленное и убитое рядом последних наших мирных неудач и поражений, удовлетворяет чувству раздражения, срываете свой гнев горячими нападками на русскую дипломатию. Не наше дело ломать за нее копья, но не скроем и крайней односторонности в суждениях, как разных ее противников, так и немногих ее защитников. Корень ошибки в ложном мнении тех и других, будто бы вопрос восточный, славянский, есть вопрос по преимуществу, если не исключительно, дипломатический. Правда, ответственность за ложность этой посылки падает на самих же дипломатов; они слишком уже долго и много твердили, что восточный вопрос есть предмет исключительного их видения и разумения. Вслед за дипломатами военные люди любят также себе присваивать самый решающий голос в восточном вопросе. Сами дипломаты в минуты неудач охотно уступают военным чуть не первое место, приводя в свое оправдание военную неготовность страны, не будем отрицать важного значения дипломатии и войн сухопутных и морских в развитии восточного славянского вопроса; но пора же знать, что этот вопрос существует века, даже целое тысячелетие.

Он явился раньше взятия Константинополя турками. Свое название восточного он получил на романо-германском западе

и зародился там со времени образования империи Карла Великого и возникновения учения о правах Римского епископа, как видимой главы церкви. С тех пор наступает резкое разделение христианского мира на Запад и Восток; тогда же начиняется наступление романо-германского запада на восток греческий, православный, по-ихнему схизматический, и на восток славянский, по-ихнему варварский. Тогда же возникает борьба оборонительная для греков и славян и наступательная для романцев и германцев, для папства и империи Римско-немецкой. Борьба эта и есть развитие восточного вопроса. Немцы всего больше в ней выиграли и одержали побед. Целые славянские земли и народности уже стали совершенно немецкими; другие покорены и присоединены немцами, входят в состав двух нынешних немецких империй, новой протестантской и старой католической, управляются немецкими законами и властями, служат в немецкой армии и в немецком флоте, обязательно должны учиться говорить и писать по-немецки, если хотят выйти в люди и занимать какое-нибудь положение в обществе, должны быть добрыми пруссаками и австрийцами, если не настоящими, чистокровными, то на добрую половину немцами. В той же части старой немецкой, Габсбургской монархии, где немцев очень мало, а славяне и румыны (восточной церкви и восточного обряда) решительно преобладают, немецкая власть отдала их в полное распоряжение кичливым и ленивым мадьярам. Она всячески их усиливает и искусственно поддерживает против народностей славянских и румынской. В то же время она благоразумно забирает мадьяр в общую немецкую армию, а в утешение оставляет им ополчение с мадьярской командой, но без пушек. Обеспеченный насчет славян, давимых мадьярами, германизм обеспечил себя и насчет мадьяр. Ненавидимые славянами и румынами, не имея своей армии, они всегда легко могут быть обузданы Веной в случае каких-нибудь попыток совершенного от нее отложения. Да и в экономическом отношении они совершенно порабощены немцами. Крупная промышленность и торговля, громадные долги Венгрии — все в руках немецких. Несмотря на самые широ-

кие права, предоставленные мадьярскому языку, несмотря на огромные казенные траты в пользу мадьярской литературы, этот финский язык добровольно никем, кроме мадьяр, и нигде, кроме Венгрии, не изучается, за исключением, разумеется, изучающих всевозможные языки мира лингвистов, и ни один сколько-нибудь образованный мадьяр не может обойтись без отличного знания немецкого языка. Таким образом, и господствующие мадьяры, и подначальные им и немцам славяне Габсбургской монархии этой старой немецкой империи или нынешней Австро-Венгрии одинаково принадлежат к народам bilingues, причем их второй, после родного, их благоприобретенный язык есть обязательно и необходимо язык немецкий. Только славяне и румыны Венгрии и Русь Галицкая правильнее могут быть названы trilingues, так как у них два, вместо одного, благоприобретенные языка. Такие народы bilirigues и trilingues могут пользоваться равноправностью с немецкой национальностью разве лишь на бумаге. Немцы с гордостью указывают на эти победы и завоевания свои на славянском Востоке. Все эти *шляфен* (Slaven) разных наименований: так называемые *румыны* (русские), *винды* (словинцы), чехи, поляки, хорваты, словаки, сербы могут-де свободно, в известных пределах, развивать свои наречия и народности, поскольку это не противоречит австрийским интересам и австрийской политике, а эти интересы и эта политика только и могут быть, как и всегда были, католическо-германскими. Полякам галицким дается и разрешается больше всех прочих славян, но доколе и поскольку Вена может быть уверена в непреклонной вражде их духовенства, крупного и мелкого дворянства к России. Полякам в восточной Галиции предоставлена еще та же роль, что мадьярам в Венгрии, Трансильвании и Хорватии. Они обязаны наблюдать за развитием народного самосознания червоной Руси, по возможности его осаживать и убивать да заботиться о дальнейшем облатывании унии, которая с очищением обряда стала было стремиться к воссоединению с православием. Следовательно, и полякам дано и разрешено больше других славян только потому, что они лучше их всех служат интересам

Габсбургов, верных хранителей традиций римско-немецкой империи. Когда же чехи, словинцы, хорваты, словаки, сербы начинают выходить из ограниченных пределов своего партикуляризма и заговаривают о своих славянских сочувствиях, своей солидарности с Россией, с Сербией, Черногорией о необходимости иметь общеславянский дипломатический язык и образовать славянскую церковь с восточным обрядом, тогда им немедленно дают знать из Вены и Пешта, что это все измена общему отечеству, что пожалованная им *равноправность* будет ограничена и что у раба строптивого и лукавого отыметься и то, что имеет. Со времен Белогорской битвы чехи, например, никогда еще не пользовались такими правами и свободой, какие они получили в нынешнюю *славянскую* эру кабинета Таафе, в эти последние восемь лет. Недавно в Чехии произвели большое негодование сказанные Ригром в чешском депутатском клубе слова по поводу нерасположения правительства к чехам: «Что делать! Если нам не удалось разом добыть себе прав, то мы должны собирать их по крохам, хотя бы эти крохи пришлось подбирать нам под столом».

Младочехи напали на Ригра за такое приниженное отношение к кабинету Таафе. Но его слова верно рисуют современное положение чехов, которое и без того многим и многим австрийским немцам представляется уже слишком возвеличенным и оскорбительным для немецкого достоинства. Кто знает, Милан, если потребуют от него в Вене, смутится ли пригласить Христича, а коли понадобится, и австрийскую бригаду или дивизию из Землина для сочинения и укрощения нового Зайчарского бунта и для призвания затем ко власти Гарашанина? Припомним, что принц Кобургский, являясь в Болгарии с благословением от Папы, с субсидией Лендербанка и с 200 тыс. австрийских ружей, получил призвание устроить в Болгарии и Румелии, на Дунае и Балканском полуострове, новое вассальное владение Австро-Венгрии. Таким образом, мы имеем немца-католика Гогенцоллерна Карла короля Румынии, более покорного всякого немца-католика Милана короля Сербии, наконец немца-католика Фердинанда, князя, а вскоре,

вероятно, и короля Болгарии. Вот к каким результатам к концу XIX в. пришел германизм в своем наступательном движении на славянский Восток.

Этим успехам германизм обязан далеко не одним своим силам, а прежде всего и преимущественно латинству, римско-католической церкви, которая, вытесняя у западных славян основанную Кириллом и Мефодием Славянскую церковь и греко-славянский обряд, помогала германизации славянских земель и приведению их под власть немецкой империи. Такому счастливому по сие время для Запада решению восточного вопроса, сверх папства и германцев, весьма много содействовали в течение веков и романские страны — Италия, Франция, даже Испания, которым в XIII в. удалось было разрушить Восточную империю в Константинополе и основать латинскую с различными королевствами, герцогствами и всякого рода итальянскими, французскими и испанскими владениями на греческом материке и островах. Только турки своими завоеваниями и своим могуществом спасли греков, албанцев и часть славян от окончательного их завоевания романцами и германцами и от дальнейшего распространения на православном востоке латинства. Дольше всех продержались в Греции венецианцы: на Крите до конца XVII, на Ионийских островах до конца XVIII в. От всех этих латинских завоеваний и колоний остались на греческом востоке большие последы: более или менее густые и обширные католические общины между албанцами и греками на материке и островах. Эти греки-латины привлекают и теперь самое усердное внимание частых католических обществ Франции, Италии, Испании. Они внимательно изучают прошлые судьбы этого латинского востока (Orient latin), возбуждая в своих странах сознание великих интересов религиозных, финансовых, торговых, промышленных, сельскохозяйственных, имеющих открыться там, на греческом востоке, с окончательным падением Турции. Туда постоянно посылаются и там содержатся религиозные и ученые миссии и школы, там всюду шныряют и изучают почву люди промышленные и торговые. Там Италия, Франция собираются заводить новые свои коло-

нии. Эти стремления не ограничиваются, впрочем, одними романскими странами: сверх Англии, овладевшей уже островом Кипром, Америка и Германия устраивают свои протестантские миссии и школы как в Болгарии, Македонии, Константинополе, так и в чисто греческих землях и в М. Азии, Сирии, Палестине. Вот содержание и границы восточного славянского вопроса для романо-германского запада; таковы для народов греко-славянского востока с лишком тысячелетние результаты западноевропейской истории.

Не наивно ли до ребячества воображать, что в развитии восточного славянского вопроса дипломаты и военные люди призваны играть главную, исключительно решающую роль? Не все ли это равно, что думать, будто вся тысячелетняя история Европы прошла в одних войнах и в дипломатических переписках и переговорах? Не совсем ли уж пошло и глупо все наши столь обидные и тяжелые для нашего народного чувства неудачи объяснять промахами и ошибками нашей дипломатии, великими хитростями князя Бисмарка и пресловутой внешней и внутренней *интригой?* Немцы, англичане, романцы своими изумительными успехами и удачами обязаны не Бисмарку, Кальноки, Дизраэли, Льву ХШ; все эти люди являются ничтожными песчинками в этом действительно величавом здании европейской цивилизации. Этими победами они обязаны своей энергии, своему гению, трудолюбию, создавшему европейское знание, громадные, веками накопленные богатства, свободе личной, общественной и политической, породившей самые разнообразные формы общежития. Имей Россия самых распрогениальных и совершенно независимых от так называемой интриги дипломатов, удивляй она мир еще высшими подвигами своей славной армии, чем был зимний переход через Балканы, но если в ней, в русском обществе и народе, будут водворяемы полнейшая апатия, сон непробудный и тоска беспросветная, просвещение и наука вновь объявлены неизбежным злом, которое нужно не только довести до возможного minimum'а, а искренняя, откровенная речь честных писателей будет считаться недозволительной дерзостью и чуть не пре-

ступлением, то без всякого дара прозорливости и пророчества легко можно предвидеть и предсказывать одно старое горе с новыми поражениями и неудачами. Провидение вызывает Россию, весь православный восток, все славянство на колоссальную борьбу с латинством и германством на защиту всего своего будущего, своей духовной и внешней самостоятельности. Эта борьба требует самого глубокого сосредоточения, самого высшего напряжения сил, разнообразного раскрытия наших дарований, усерднейшей разработки наших природных богатств, елико возможного усиления и умножения средств к просвещению и образованию, к развитию личной и общественной энергии. Нет ничего опаснее легкомыслия выращенных на одних газетах воззрений и непросвещенного историческим знанием, погруженного в одни текущие экономические или дипломатические дела эмпиризма при обсуждении международных вопросов такого крупного, такого мирового значения и с таким громадным, историческим прошлым, каков восточный, славянский, вопрос. Объяснять ли еще читателю, почему, не защищая нашей дипломатии, не умаляя достоинств нашей превосходной армии и постоянно растущего флота, мы мало сочувствуем и еще менее придаем значения разным новейшим раздражительным нападкам на дипломатию, не увлекаемся и разными предположениями иных военных людей, особенно штабных, набивших руку в писании инструкций и проектов. Послушать иных, стоит только решиться и привести в исполнение один из строго-обдуманных ими проектов о занятии того или другого стратегического пункта, и восточный-де вопрос будет решен на веки вечные к славе остроумных генералов и чуть ли не к общему удовольствию. Как дипломаты не прочь зачастую объяснять свои неудачи слабостью или неготовностью военных, так последние с не меньшей охотой оправдываются указаниями на состояние финансов, путей сообщения. В этих взаимных обвинениях и самооправданиях по поводу неудач наших в восточном вопросе уже заключается гораздо большая доля правды. Настоящая же правда в том, что благоприятное для России течение и развитие восточного

славянского вопроса зависит от благосостояния и успехов не одной дипломатии, не одних военных сил, не одних финансов, но всех сторон и частей русского государственного строя и хозяйства. Всякой же великой важности государственный или общегосударственный вопрос есть и общественный и народный. Без помощи и поддержки народа, без участия и содействия общества ни одно государство не может стоять, не только что развиваться. Иногда указывают на многовековое существование римских государственных учреждений и продолжительный, веками ими удержанный порядок в Восточной империи, несмотря-де на совершенный упадок общества и народа. Но тут забывают о влиянии христианской веры и церкви, возродившей и обновившей старое, изжившее общество, опускают из виду историческую важность поселения и утверждения славянских народностей на Балканском полуострове в VI—VII вв. Сохранившись в нем до настоящего времени, они доставили славянскому племени весьма знаменательное отличие от двух великих исторических племен, создателей и орудователей новой, западноевропейской, образованности. Между тем как романцы только южное племя и частью центральное, а германцы только северное и центральное — племя славянское и северное, и центральное, и южное, следовательно, по естественным условиям и свойствам богаче и разнообразнее тех и других. Влив новые соки в одряхлевшую греческую народность, поглотив, в свою очередь, немало древних обитателей полуострова, фракийского и иллирского происхождения, эти славяне надолго укрепили империю, обновив и укрепив ее население, ее армию, подняв благосостояние края. Законодательство и управление многих императоров VII—XI вв. уже носят на себе следы более или менее сильного влияния нового христианского просвещения и славянского населения. Как Византия, так и Китай ничего не говорит в пользу положения о независимости государства от общества и народа, ибо прочность и порядок китайской государственности покоится на крепком быте, на вековых обычаях этого одностороннего, но умного, энергического и чрезвычайно трудолюбивого народа.

Призвание государства в жизни народов — роль рассудка в области человеческого духа; сам он ничего не творит, а только разбирает, выводит, определяет и устанавливает. Так, государство творческих сил не имеет; оно не родит ни гениев, ни талантов; оно ни жизни, ни быта не создает, а только упорядочивает, дает простор и рушит преграды духовным и экономическим силам страны, дает законы, но не сочиняет ни нравов, ни обычаев, не творит веры, литературы, искусства, науки, а только не мешает или помогает их пробуждению и развитию. Следовательно, и в смысле благоприятного течения и развития восточного славянского вопроса, как не много оно может сделать, всего призвания России русское государство выполнить не в состоянии. В самом деле, в восточном, славянском вопросе уже многими сознается великое призвание русской Церкви, т. е. народного духа и быта России, как страны христианской, православной, чувствуется и признается и важное значение русской литературы и русского языка: уже в дали обозначается широкое его распространение в землях западнославянских да и всего христианского востока, не говоря уже о русской Азии и пограничных краях. Много благодарного дела в этом же отношении предстоит и нашей промышленности и торговле, как за Дунаем и Босфором, так и за Карпатами. Благоприятное для России развитие и решение восточного славянского вопроса в том и состоит, что все ее высшие и здоровые, общественные и народные силы, стремления, потребности и задачи найдут себе естественный выход и законное удовлетворение, примут свободное и разумное направление, проложат новые пути народному труду, создадут новые умственные и вещественные богатства, новые разнообразные формы общежития, разольют просвещение и выработают новую образованность в России, в целом западном славянстве и на всем христианском востоке. Посвящая свое внимание восточному славянскому вопросу, государство не может глядеть на него как на один из возникающих время от времени политических вопросов в Европе, вроде, например, люксембургского, датского и пр., или рассматривать его лишь со стороны дипломатической и военной.

В требованиях разных лиц и общественных групп, чтобы Россия отвернулась от восточного славянского вопроса, совсем забыла его, относилась к нему, как будто его никогда и на свете не было, и занималась лишь своими внутренними делами, — в этих требованиях лежит глубокое недоразумение. Внутреннее состояние России, внутренние ее дела — ведь это же и есть самая важная, самая существенная часть восточного славянского вопроса. Пропади сегодня Россия, и завтра же все эти — польский, чешский, словинский, хорватский, сербский, болгарский и румынский — вопросы обратятся во внутренние, домашние дела Германии и Австро-Венгрии; а по греческому им пришлось бы разве пригласить, для мирного дележа, Англию, Францию и, может быть, еще Италию. Мировой характер восточного вопроса и есть самое внутреннее дело, самый, так сказать, наивнутреннейший вопрос России, каждого русского человека, каждой души православной, каждого славянина во всем Божьем мире. Нужны ли земному шару и проявляющему на нем свою деятельность человеческому духу и общежитию, нужны ли будущим векам — восточное христианство, православие как вера и просветительное начало, и славянское племя как особый вид человечества? Западное христианство, латинство и протестантство утверждают, что восточное не нужно и бесполезно и обречено к переходу, к исчезновению в них или к самоуничтожению. Германцы, даже мадьяры, а с ними и многие из романцев уверены, что славянство, как племя низшее, должно быть ассимилировано и поглощено ими, служить питанию и дальнейшему произращению благороднейшей германской расы, творца нынешней европейской и, следовательно, общечеловеческой, единственно истинной и возможной в будущем, образованности. К этому вопросу не может относиться равнодушно ни одна мыслящая русская голова, ни одна любящая русская душа. До утвердительного или отрицательного решения этого вопроса в себе самом, в своем сознании — ни один русский человек, а следовательно, и вся Русь не может надеяться на счастливое или должное решение восточного вопроса. Что не решено в

сознании, то не найдет себе решения и в жизни. Печальное неустройство наших восточных и славянских дел объясняется прежде всего и преимущественно, если даже не исключительно, сильным, ясным сознанием нашего могущественного соседа и противника, романо-германского запада, знающего, чего он желает и во всеоружии своей блестящей цивилизации идущего напролом к намеченным уже в течение веков целям, тогда как восточно-христианский, греко-славянский восток и в целом, и в своих отделах — русском, греческом, румынском и разных славянских — страдает прежде всего недостатком ясного разумения своего внутреннего и своего внешнего по отношению к Западу положения, своих взаимных отношений. Сверх того, каждый из этих отделов и подотделов восточнохристианского мира страдает еще особыми, преимущественно каждому из них в частности свойственными, недостатками сознания. Но едва ли не в недостатках русского сознания содержатся все почти недостатки других частных сознаний: греческого, румынского и любого из западнославянских. Трудясь над исправлением и просвещением нашего народного сознания, мы будем содействовать, заметно и незаметно для себя, уяснению и развитию сознания всех других народов, связанных с нами общением веры или общностью происхождения и племенных свойств, сочувствий и стремлений. Все замешательство русского общественного сознания, относительно восточного вопроса, главнейше происходит от того, что у нас господствуют два умственных течения, одинаково односторонних и вредно влияющих на успехи русского просвещения и гражданственности. Одно из них высоко ценит западную образованность, дорожит успехами знати и интересами личной, общественной и политической свободы, но не умеет или не хочет понять самобытности и высоты русского просветительного начала и относится к нему отрицательно и враждебно, с совершенно западноевропейской точки зрения. Другое, чувствуя значительную неправду этой точки зрения, сознавая эгоизм и национальную исключительность западноевропейских воззрений и действий относительно России и нашего

Востока, выдвигает русскую самобытность и вооружается нередко не только против западноевропейской политики, но и против цивилизации и некоторых только ее сторон, а и против принципа свободы и против науки. Это направление часто очень узко; оно совершенно неверно ищет и находит русскую самобытность в каких-нибудь условных и весьма несовершенных формах общежития, и приписывает им безусловную и вековечную принадлежность русскому народному духу, тогда как они сложились лишь в известный период развития русского государства, были у других народов, прежде на Руси и бывали, и впоследствии могут без всякого для нее ущерба не быть. Это направление любит себя называть исключительно национальным и русским, щеголяет своим патриотизмом, часто не меньше крайних западников, презирает и знать не знает древнюю и старую Россию, беспрестанно ссылается на славные предания Петра В. и Екатерины II, забывая или не умея понять, что в этом XVIII в. и русский народный быт, и русская духовная свобода (Церковь), две самобытные стихии России, были наиболее подавлены и принижены. Понимая так ограниченно и ложно русскую духовную самобытность, особенности русского просветительного начала, то и другое из этих господствующих у нас направлений, не в силах сознать значения и других важных сторон восточного славянского вопроса и тем менее их уладить и устроить. Разумеем вопросы о соглашении живого начала единства вселенской церкви с автономией поместных, национальных церквей. Этот же вопрос имеет громадную важность для всего православного мира, для церквей, а следовательно, и народностей: греческой, русской, румынской, сербской, болгарской, грузинской... как для их внутренней жизни, так и для их взаимных отношений. Восстановление их внутренней свободы и устроение и развитие их взаимных отношений должны помочь и без того подготовляемому современным возрождением Кирилло-Мефодиевской идеи у западных славян образование новых поместных церквей славянских и наиболее могут содействовать духовному воссоединению восточного христианства с западным, ибо это

воссоединение имеет совершаться не через папство, а помимо его и вопреки ему, через возрождение на латинском западе старых национальных церквей... Точно так же эти два господствующих у нас направления мало способны к уразумению и к удачному улаживанию третьей важной стороны восточного славянского вопроса. Между тем трудность польского, болгарского, да и всех других вопросов славянских в том, собственно, и состоит, что в России и в этих западных славянских землях недостаточно задумываются и не трудятся над уяснением вопросов об объеме и содержании общеславянских задач и частных интересов отдельных славянских народностей. Без попыток же решения в нашем сознании вопросов о том, где кончаются законные интересы партикуляризма и автономии той или другой славянской народности и где начинаются задачи общеславянские, невозможно нам ожидать сколько-нибудь успешных попыток и в деле практического решения отдельных частей вопроса славянского.

ЗАПАДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС

Западнославянские вопросы занимательны для нас и в мирное время

I.

Мм. гг. Давно уже не имел я чести говорить с кафедры в Славянском благотворительном обществе. Невольно припоминаю себе два последних моих чтения: первое происходило весной, тотчас после объявления войны Турции, а второе вскоре по ее окончании, перед заключением сан-стефанского прелиминарного мира. В то время славянские дела и вопросы предприняли, что называется, интерес животрепещущий. В наши дни, слава Богу, мира тишины и покоя, общественное внимание естественно обращено к задачам внутреннего строения и развития, и славянские земли и народности, понятно, не могут к себе привлекать прежнего возбужденного и горячего участия русского общества. Приглашенный нашим почтенным председателем прочесть что-нибудь сегодня, я решился, милостивые государи милостивые государыни, представить Вашему вниманию несколько соображений и заметок о том, что нам, русским, нельзя относиться и в нынешнее, мирное, время уже совсем невнимательно или равнодушно к современной жизни западного славянства. Мне сдается, что некоторые западнославянские вопросы и в настоящую пору довольно занимательны и даже без нашего живого участия просто неразрешимы в благоприятном для всего славянства смысле.

Как ни дорог и ни желателен продолжительный мир, как ни представляется он всем надолго обеспеченным, ни одна большая страна не может совершенно устранить всякие попечения о своих военных силах и всякие заботы о внешних делах. Царствуют мир и тишина в Европе, повсюду, вблизи и вдалеке от нас, армии обучаются и совершенствуются, являются новые изобретения в деле обороны и нападения, воздвигаются и усиливаются крепости, сооружаются новые стратегические пути. Среди мира и тишины возникают разнородные учения, зреют противоположные интересы, которые ранее или позже приходят в столкновение. Эти коллизии часто устраняются путем дипломатическим, иногда же приводят целые государства и народы к разорительным и кровопролитным войнам. Можно скорбеть о таком порядке вещей, можно мечтать вместе с Бернарденом де-С.-Пьером, с Шиллером и Мицкевичем, В. Гюго, Достоевским и Львом Толстым о том, более или менее близком, будущем, когда

...народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Можно припомнить и то, что еще римлянин Виргилий и гораздо раньше его разные вдохновленные люди предвидели и предвещали скорое наступление вечного мира; можно не забыть, что более глубокие знатоки души человеческой, великие, истинно гениальные поэты Эллады, от Омира до Аристофана, или новейшие — Шекспир и Сервантес, Гете и Пушкин такого мира не предвидели и не прорицали. Как бы то ни было, но настоящее человечество не дает права надеяться на скорое появление этого вечного мира и на близкое водворение на земле всеобщего счастья и благополучия. Можно с уверенностью полагать, что нашим внукам и правнукам еще придется поступать в солдаты и платить налоги для покрытия военных бюджетов.

Пока не наступило перерождение человечества, искони и поныне полного удивительной зрячести и тупейшей огра-

ниченности, высочайших помыслов, грубейших инстинктов и самых низких вожделений, нежнейшей доброты и зверской жестокости, пока такое преображение человечества только еще прорицается и ожидается, естественная любовь к детям и внукам и забота об их благосостоянии заставляет ныне действующие поколения всех образованных стран и народов ни на минуту не забывать, что войны в будущем еще весьма возможны и даже вероятны. Ныне предстоит помышлять не о том главнейше, чтоб они совсем не были, ибо они будут конечно, но чтоб они бывали, когда, к сожалению и по несчастью, будут, как можно реже и как можно непродолжительнее. Наш знаменитый писатель, могучий художник и глубоко искренний человек, но слабый критик-мыслитель недавно с ревностью, напоминающей многих старых сектаторов, между прочим и славянина Хельчицкого[1], в помыслах отдельных людей и народов о самозащите и самообороне обличал одно содержание, глубоко безнравственное и антихристианское. Но неужели графу Толстому не представлялся никогда возможным хотя бы такой случай: в дом семьянина, человека добросердечного, кроткого, чистого праведника, врывается злодей, грабит и смертельно ранит его. Умирая, прощая злодея, желая ему спасения и, следовательно, раскаяния, не может разве наш праведник, не изменяя себе, искренно пожелать поимки этого злодея вовсе не из чувства мщения, а из страха, чтобы злодей на воле не погубил других невинных людей, не принял на свою душу новых преступлений. Толстой признает необходимость покаянья, но возможно ли оно злодею, не принявшему и избегающему наказания? А ведь поимка злодеев, суд и наказание над ними — все это средства общественной самозащиты.

Нет ничего безнравственного и антихристианского и в самозащите и самообороне народов и государств от внешних на них нападений. Для славянства и для народов, тесно с ним исторически и географически связанных, для греков, румын, самозащита является всего более предметом первой необходимости: их права на независимое существование и

самостоятельное будущее энергично оспариваются, подвергаются сомнению и даже совершенному отрицанию. Настоящее и ближайшее будущее этого христианского востока так и прозваны Европой вопросом восточным. Для нашего мира это вопрос западный, ибо тут идет речь собственно о том, где именно начинаются западные границы или окраины славянства и восточного христианства и где кончаются восточные пределы романо-германского запада или Европы Карла В. и Григория VII?

При подобном значении для Европы восточного, а для нас западного вопроса, и в мирное время изучение и исследование положения западнославянских земель и народностей представляет для русских немалую занимательность. В пределах русского государства живет несколько миллионов поляков, несколько десятков тысяч чехов и болгар, народностей западнославянских. И Россия недосчитывает 3 с лишком млн русского народа, живущих смежно и плотно в восточной Галиции, северо-восточной Венгрии и в Буковине. Благодаря тому, что в России имеется несколько миллионов поляков, сограждан русского народа и подданных русской империи, а в соседней с ней же Австро-Венгрии находится с лишком 3 млн русских сограждан поляков, чехов, словаков, словенцев, хорватов и сербов и подданных Габсбургской монархии, благодаря этому обстоятельству, нам, русским, иные вопроси западнославянские представляются не только вопросами внешними, но и внутренними. Наконец, другие славяне, как независимые, так и подданные Турции и Австро-Венгрии — болгары княжества Румелии и Македонии, сербы — Сербии, Черной горы, Боснии, Герцеговины, Далмации, Хорватии, Славонии и собственной Венгрии связаны с нами узами единоверия и принадлежат к одной с нами Церкви. Опять-таки связи внутренние.

Судьбы, упадок или успехи народной жизни Руси Галицкой, Угорской и Буковинской, как доброй и прекрасной части русской земли и русского народа, положение русский Польши, как важной окраины и области нашего государства, состояние

болгар и сербов, как единоверных братий и членов одной с нами церкви, не могут не возбуждать в нашем обществе живого участия даже в самое мирное время, когда оно наименее расположено интересоваться вопросами внешней политики или внутренними делами иностранных государств.

Но народность сербская так соединена на северо-западе с хорватской, что, говоря о сербах и культурном или политическом отношении, нельзя не говорить и о хорватах. Они же, в свою очередь, непосредственно связаны со словенцами и в иных местностях совсем с ними перемешались: хорваты, живущие в собственной Хорватии, в городах Загребе, Вараждине, Крижевце и их жупаниях не настоящие хорваты, а охорваченные словенцы. При тесных постоянных связях русских поляков с прусскими и австрийскими, при общности их литературных преданий и национальных стремлений, мы, русские, никогда не будем ясно и верно понимать ни современного положения, ни разных направлений русско-польского общества, если не будем следить за тем, что происходит единовременно у поляков австрийских и прусских. Положение Угорской Руси, отданной щедрой Веной на съедение мадьярам, как Русь Галицкая отдана на то же полякам, совершенно одинаково с положением словаков, этих непосредственных соседей и исконных друзей Угорской Руси, связанных с ней единством общих интересов. Словаки, в числе двух с лишком миллионов, почти вплотную занимают всю северо-западную Венгрию до самого Пресбурга на Дунае, отдельными поселками подходя под самую Вену, а севернее выступают из Венгрии и занимают восточную часть Моравии. Там, на западе, они непосредственно слипаются с чехами, как здесь, на востоке, с Русью. Здесь в некоторых комитатах есть немало словаков, принадлежащих к Восточной церкви и потому называющих себя русскими, хотя по языку они не малорусы, а словаки.

Этих частных эмпирических указаний, кажется, довольно, чтобы разглядеть тесную связь и более от нас дальних славянских земель и народностей с близкими и непосред-

ственно нас касающимися. Изо всего западного, нерусского славянства, таким образом, только словенцы на крайнем юго-западе да чехи на крайнем северо-западе не имеют, повидимому, непосредственного и живого близкого отношения к особенно занимательным для русского общества вопросам в мирное время.

II.

Никакой мир и тишина не освобождают образованные общества и страны ни от академических занятий военными науками, ни от изучения и обработки вопросов и задач теоретической политики. Да и не странно ли вообще думать, что в мирное время общественное сознание должно ограничиваться известного лишь рода вопросами, например, экономического свойства. Не в мирное ли время ожидать русскому обществу необходимого простора для свободы мнений и сомнений, для откровенных споров и оживленной полемики самых разнообразных литературных и научных направлений — всех этих необходимых условий для мирных завоеваний русской мысли, для подъема русского искусства и русской науки на высоту, подобающую великому народу и имеющую прославить новое царствование Государя, уже доказавшего свою искреннюю любовь к русскому искусству и свое уважение к русской науке? В прошлое царствование, посвященное великим реформам, обновившим Россию, неизбежно произошла некоторая остановка в развитии государственной помощи на пользу искусств и наук. Не в нынешнее ли царствование ожидать русской науке возобновления многих монументальных предприятий 30-х и 40-х годах, приносящих великую честь императору Николаю за его энергичный почин и высокое покровительство? Обращаясь к наукам историко-нравственным, не в сферах ли изучения собственно азиатского востока, с одной стороны, и востока христианского, или мира греко-славянского, — с другой, всего естественнее ожидать новых самостоятельных изысканий и наблюдений, крупных предприятий и научных подвигов?

Если тут русский ум, где он у себя дома, не сумеет проявить своей оригинальности, то можно ли ожидать, чтоб он поведал миру что-нибудь новое и важное человечеству о мире древнеклассическом или о странах культурно нам несродных и от нас далеких, о тех или других краях европейского Запада или Африки, Америки и Австралии?

Правда, новые идеи и большие произведения художников, мыслителей и ученых созревают и создаются в тиши мастерских и кабинетов, вдали от светского шума и криков толпы, но они всегда нуждаются в сочувственном внимании общества. Ссылкой на внешние причины и независящие обстоятельства люди неудачно оправдывают свою умственную сонливость, свое равнодушное безучастие к духовным интересам, к сомнению и знанию, а следовательно, и к вечно-живым вопросам веры и нравственности. Общества, погруженные в материализм и преданные одной злобе дня, не веря в силы свободного духа, проникаются каким-то суеверным страхом перед чудотворным действием всякого насилия, даже в области духа и в деле умственного развития.

Современное русское общество далеко, впрочем, от такого состояния. Разнообразие направлений, в нем бродящих, известные разорванность на кружки, некоторая вялость и скука, всех одолевающая, не представляют еще неодолимых препятствий к энергической работе одних для постановки и посильного решения новых вопросов теоретической и практической важности, а других для обобщения и распространения результатов таких изысканий.

Всего менее можно отрицать в русском обществе известное сознание внутренней связи вопросов практических с теоретическими и искреннее его желание нашему отечеству долголетнего мира и внутреннего благоденствия.

Полагаю, что у нас все одинаково желают установления правильных, постоянных и благодушных отношений всех западнославянских народностей к России, устранения между ними и нами всех возможных неприятностей, взаимных пререканий и столкновений, развития дружественных торговых,

промышленных, художественных, научных, литературных сношений, словом, постепенного образования между ними и нами известного мирного сожития и союза для взаимной самообороны и самопомощи, для общего нашего внешнего и внутреннего преуспеяния.

Против такой формулы едва ли может быть много возражений со стороны какой-либо из западнославянских народностей или их многочисленных партий. Возражения посыплются при первой же попытке решения вопросов: как же это все устроить и как это провести в подробностях? Но опять-таки никто из русских и даже западных славян не станет отвергать, что для успешного осуществления этой программы или известной ее части необходимо нам возможно полное уяснение себе главных явлений славянского прошлого, настоящих причин упадка западнославянских народностей и их новейшего возрождения, точнейшее определение наличных, духовных и материальных, сил и средств каждой славянской земли и народности отдельно, с обозначением, что бы они могли дать и внести и чего они могут ожидать или на что рассчитывать с поступлением в такое славянское согласие.

Не надо думать, что для подготовки ко всем этим вопросам потребуется начинать дело все сызнова. С конца прошлого столетия началось всестороннее изучение славянства на прочных научных основаниях и с постепенного возрождения всех самых малых сохранившихся разновидностей западного славянства, до настоящего времени включительно собрана громадная масса материала. Он с пользой может быть употреблен для достаточного разъяснения многих из этих вопросов. Конечно, далеко не все нужное количество данных уже собрано или в одинаковой степени обработано. Многое еще остается переделать или дополнить новыми изучениями и наблюдениями. Прежде всего по предмету отношений России к каждой из западнославянских народностей желательно выработать целую программу вопросов. Полагаю, что на многие из них можно было бы и теперь представить более или менее точные и удовлетворительные

ответы. Само собой, что для этой программы потребуются новые пути и приемы изысканий и самостоятельные исследования, не по части археологии, филологии, этнографии, истории, а по делу изучения недавнего прошлого и близкого настоящего, политических, социальных, экономических и религиозных отношений, литературных стремлений и т. д. Особенную важность имеют тут вопросы о крестьянском землевладении, о сельском духовенстве и пр.

Но не могу скрыть и умолчать о тех внутренних и внешних причинах, которые главнейше могут мешать успехам в России такой теоретической и практической обработки подобной программы вопросов об отношениях каждой из западнославянских народностей к России.

Прежде всего мешают тут некоторые дурные привычки нашего воспитания, всего более известное самомнение и самодовольство, очень нередкое у людей известного возраста и положения. Так, многие у нас любят говорить, что им-де учиться уже поздно и не у кого, что они сами все давно и лучше других знают. Затем, смотря по темпераменту, оптимисты из них прибавляют: все это славянское дело, и разные славянские вопросы в частности, в сущности, очень просты и ясны; стоит только сделать то и се, третье, десятое, и все дело будет в шляпе; другие же, пессимисты, утверждают, что все это славянское дело вообще и любой из славянских вопросов в частности до такой степени дурно теперь поставлены и так испорчены нашими предшественниками, что чем больше предмет изучаешь и чем больше в эти дела углубляешься, тем яснее становится, что тут ничего нельзя придумать, разве только одно Провидение...

Другой порок и предрассудок, очень у нас распространенный и не менее первого мешающий у нас успехам теоретического и практического изучения славянских вопросов, состоит в нашем общем неумении разговаривать с людьми, хотя бы и вполне заслуживающими нашего уважения, но несогласными с нами в некоторых убеждениях и даже мнениях. Все мы почти, и большие и малые, старики и юноши, вообще не выносим

противоречий. Какая мысль может созреть и какое дело спориться, если человек во время работы не выслушивает иногда некоторых замечаний и возражений, мысленно иногда не становится в ряды своих зрителей, критиков и противников. Человек обрекает сам себя на безысходное невежество, если только будет считать одни свои предположения и мнения за истинные и полезные, а чужие — за ложные и вредные. Людей, вообще, имеющих свои собственные мнения о разных предметах, всегда и везде гораздо меньше числа людей, пробавляющихся чужими мнениями, подслушанными или вычитанными. Следовательно, слепое упорство в своих мнениях и решительное невнимание к чужим просто даже смешно. Наконец, не надо забывать, что всякая истина, от возражений и выпадов на нее делаемых, только яснеет и все более и более оправдывается. Да и никакая ложь не существенна. Существенна только истина. Ложь есть тоже истина, только односторонне понятая или не на свое место поставленная. Не давая парадоксам и ложным мнениям высказываться против учения истинного, люди ревностные не по разуму обличают только свое маловерие в силу истины, помогают лишь утверждению и распространению лжи, делая ее запретной, либеральной, популярной, и таким образом задерживают неминуемое иначе самообличение лжи и самооправдание истины.

Третий недуг заключается в страсти нашей к поспешным выводам и заключениям; по немногим, часто не взвешенным и не проверенным, данным, беглым наблюдениям и даже просто по одним слухам, мы зачастую составляем огульные приговоры и выводим из них новые соображения и заключения. В согласии с таким направлением ума строится и наша деятельность, мы также торопливы в ожидании результатов всякой практической, единичной или совокупной, деятельности, мы требуем немедленно, и самых что ни на есть прекрасных плодов от всех наших насаждений. Неудачи, ошибки нас приводят в ужас и мы безоглядочно готовы рушить старое учреждение и также легкомысленно строить новое. Мы не умеем подражать умным педагогам, земледель-

цам и садовникам, которые, терпеливо трудясь, не погоняют и не насилуют природы, умеют ждать и не опускают рук от первой неудачи и даже беды.

Славянское дело вообще и все западнославянские вопросы в частности принадлежат не к области только прошедшего, не одного настоящего, но и дальнего будущего. Все эти вопросы далеко не так просты и ясны, как оно представляется многим оптимистам: но не во гневе будь сказано и пессимистам, при всей своей трудности и запутанности, эти вопросы всячески принадлежат к разряду вопросов, доступных человеческому разумению и поддающихся энергическим усилиям и совокупной деятельности нескольких поколений. Это, во всяком случае, вопросы чисто человеческие и исторические, и потому, так или иначе, разрешимые в сем мире, а не в будущем. Божья помощь в этом деле необходима, как и во всяком другом, не менее и не более, ибо никакое дело человеку не удается, если он надеется только на Бога, а сам плошает и, раб ленивый и лукавый, предаваясь бесплодным и праздным размышлениям, ищет только знамений у Бога.

Есть и внешние причины, отчасти мешающие у нас успехам теоретического и практического разрешения славянских вопросов. Эти причины заключаются в громадном историческом факте; есть чужая внешняя сила, которая работает над собранием и соединением разрозненных и разбитых славянских сил, на гибель же ему, славянству, и во вред России. Эта сила ведет свое дело сознательно и систематически уже тысячу лет. Она себя знает и в себя верит. Она западных славян не боится, называя их нулями, но не скрывает, как заметил один австрийский министр, что из нулей, поставленных рядом, за единицей, получаются сотни и тысячи.

Помня, что Русь наша росла и создавалась тысячу лет, и веря в нее и в ее будущее, мы не можем и не должны отступать перед этой силой или опускать руки и падать духом. Всего ужаснее, ибо что ужаснее глупости во всяком большом деле, всего глупее думать, что славянское дело подлежит известному установленному на то ведомству и никого, в нем не служа-

щих, не касается, что оно есть просто-напросто бесчисленный ряд бывших и будущих входящих и исходящих бумаг, занумерованных, подшитых и записываемых в журнал, ряд дел, подлежащих известному департаменту и его столоначальникам. Представляя, само собой, предмет постоянной и обширной официальной переписки, славянские вопросы так разносторонни, что, касаясь всевозможных явлений жизни, требуют самых разнообразных дарований, знаний и трудов, которые могут и должны проявляться не в одной официальной сфере, но и в сфере общественной, где нужны личное творчество, частная и общественная инициатива и значительный простор для их проявления. На стороне нам противной все эти силы давно уже пущены в ход.

Привести западное славянство к известным соглашениям — дело в высшей степени трудное и, при многих нынешних условиях его жизни и образованности, почти невозможное. Западные славяне разбиты и раздроблены, преследуют нередко наравне с ясными и более или менее осуществимыми целями самые иногда туманные и недостижимые. Почти все эти народности имеют свою великую идею, как говорят греки, или свое manifest destiny, как ее называют американцы. Все они одинаково искренно толкуют о всеславянстве и носятся с так называемой идеей славянской взаимности. И с тем вместе большая часть этих великих идей совершенно друг другу враждебны. Так, великая идея польская и великая идея чешская предъявляют равно свои права на Силезию (не только австрийскую, но и прусскую) и даже чуть ли не на сербские Лужицы. Недаром некогда Польша и Чехия так долго и постоянно враждовали между собой за Силезию. Великая идея чешская, для блага и целости чешского королевства, требует прежде всего — целости Австрии и от всех австро-венгерских народов — такого австрийского патриотизма, который должен заглушить не только разные великие идеи, но и очень скромные чаяния и весьма практические национальные стремления многих других народностей. Габсбургской монархии, именно: румын, сербов, русских, немцев... Великая идея чешская идет

таким образом наперекор самым заветным желаниям и самым справедливым национальным интересам не только Румынии и Германии, но и Черногории, Сербии и России. Великая идея хорватская совершенно исключает великую идею сербскую, а она в свою очередь таковую же хорватскую и болгарскую. Великая идея болгарская совершенно противоположна и хорватской, и сербской, и греческой.

III.

Западное славянство распадается на два отдела: южный и северный, оторванные друг от друга двумя инородческими клиньями: немецким и мадьярским. К первому отделу, как известно, принадлежат болгары, сербы, хорваты, словенцы — всего около 13 млн, ко второму — поляки, чехи, словаки, сербы-лужичане, кашебы — всего 17 млн с небольшим. Австро-Венгрии принадлежит из южных славян около 7 млн, из северных — около 10 млн с небольшим. Трех с лишком миллионной Руси мы сюда не включаем, ибо она относится к славянству восточному, а мы говорим только о западном. Таким образом, из 30 с лишком млн западного славянства более половины, но менее $^{2}/_{3}$ принадлежит Австро-Венгрии, причем южного почти настоящая половина, а северного большая половина. Остальная половина северо-западного славянства распределена между Германией и Россией, но русская часть почти вдвое превышает германскую. Остальная половина юго-западного славянства пользуется независимостью или еще находится под властью турок. В последнее время произошло для западного славянства событие великой важности и неизмеримых последствий. Под влиянием внешнего и внутреннего кризиса Габсбургская монархия вынуждена была совершить над собою опасную операцию, впрочем, издавна подготовленную политикой Меттерниха, который искусственно подымал мадьярскую народность, видя в ней главный оплот против России, столь к нему, в свое время, почтительной и исполненной высокого благоговения к его спасительным идеям. Это *цесар-*

ское сечение разрезало Австрию на Цис- и Транслейтании, с игемонией немцев в первой и мадьяр во второй. В настоящее время Цислейтании принадлежат поляки, чехи, словенцы, сербы и хорваты Истрии и Далмации, Боснии и Герцеговины, а Транслейтании — словаки, хорваты, сербы и частью словенцы. Это разделение монархии на две Австрии — немецкую и мадьярскую — представляет величайшее зло для империи. Но едва ли оно исправимо без страшного внутреннего кризиса, а к нему легко может присоединиться и внешний. Трудности положения и опасности разделения ясно сознаются государственным традиционным смыслом Вены. В помышлениях об исправлении последствий ложного шага придумали наконец австрийский панславизм. На этом основании решено ни Боснии с Герцеговиной, ни Далмации не причислять, как бы того хотели хорваты, к Транслейтании. Немецкого языка и немецкой администрации в мадьярской Австрии вводить нельзя, а мадьярский язык в Далмации, Боснии и Герцеговине, где нет ни души мадьярской, мог бы иметь смысл разве только на вывесках казенных зданий. В этих трех провинциях славянских существует сильное недовольство и брожение, хотя и не из-за того, как полагают хорваты, что этих провинций долго не присоединяют к землям короны Звонимира. Огромнейшее большинство населения Боснии и Герцеговины, искренно ненавидящее австрийцев, и немалая часть населения Далмации, только в начале столетия присоединенной к Австрии и слишком мало проникнутой общеавстрийским чувством, правда, не желают очень принадлежать Цислейтании, но не особенно рвутся и в Транслейтанию.

В немецком населении Австрии распадение ее на две половины, немецкую и мадьярскую, образование новой Германской империи с ее военной силой и могуществом, равно как и открывшийся в ней культур-кампф, произвели страшное потрясение. У австрийских немцев образовался раскол: слабые, неревностные католики-немцы стали тяготеть к Пруссии. Горячие католики-немцы сомкнулись около престола Габсбургов, подняли во всей Австрии католическую агитацию в за-

щиту ватиканского узника и против врага христианской веры, князя Бисмарка, ловко пользуясь некоторыми его ошибками в этой культурной борьбе. Все, что было ультрамонтанского в католическом славянстве Австрии, особенно в его аристократии и в высшем духовенстве, примкнуло к немцам-католикам. В соглашении с Римом австрийские ультрамонтаны вступили в крепкий союз с отлично организованной партией центра Германской империи. Так немецкое население Австро-Венгрии распалось на два лагеря. Один желает просто-напросто присоединения немецких частей Австро-Венгрии к Германии прусской. Другого же лагеря австрийские немцы утверждают, что не надо отчаиваться и счастливой звезде Габсбургов, припоминают счастье и Божье покровительство, так блистательно и неотступно сопровождавшее великого и святого Фердинанда II, вспоминают победу папства над Гогенштауфенами, указывают на сильную оппозицию Бисмарку со стороны католиков, прогрессистов и социальных демократов в Германии. Эта партия, понятно, победила, и вот началось новое, уже четвертое с 1849 г. (если не считать министерства Голуховского и Гогенварта) преображение Австрии, открылась еще новая, уже четвертая эра ее возрождения (Neugestaltun'g). Явился австрийский панславизм. Поляки, чехи, хорваты, даже словенцы, все эти Slaven, *Шляфен,* из недавних золушек превратились вдруг, к немалому своему изумлению, в нежно любимых Вениаминов. В Чехии, в Праге, понадобилось открыть еще новый университет, чешский рядом с немецким. Для 2 ½ млн поляков оказалось мало одного польского университета в Кракове, и обратили в польский другой университет, во Львове. Австрийские эрцгерцоги внезапно заразились славянофильством, возлюбили чешскую Мельпомену, восхищаются романами Крашевского[2] и поклоняются памяти Мицкевича. Наконец, из любви к Габсбургам, сам непогрешимый папа вдруг объявился славянофилом, возгорел любовью к славянской церкви и даже нашел не лишним в 1880 г. очень мило польстить русскому, даже московскому самолюбию. Есть-де, говорит, предание, что римские миссионеры св. Кирилл и Мефодий посетили не толь-

ко Киев, но даже и Москву. Добрый отец иезуит Мартынов[3], увлекшись своим русским чувством, вероятно, не преминул шепнуть, что упоминание Москвы в IX в. понравится очень московским славянофилам и что такая невинная передержка может иметь очень хорошее действие на балканских славян православных: пусть-де себе думают, что и Киев, и Москва обращены в христианство Римом. В австрийском панславизме приискано наилучшее пока средство парализовать как дурных католиков-немцев, тяготеющих к Германии, так и мадьяр. Австрийский панславизм вместе с буллой Grande munus открывает новые блестящие виды на Балканском полуострове.

Ознакомимся поближе с этим любопытным учением, которое то по частям, то в целости проповедуется и принимается с немалым успехом в различных землях и у разных интеллигенций западнославянских.

Главные положения этого австрийского панславизма заключаются в следующем: трехнедельная война и Пражский трактат, вытеснивший Австрийскую монархию из Германского союза, принесли-де ей величайшую пользу. Отныне империя Габсбургов навсегда-де порывает с Германией и исключительно принимает на себя традиции и задачи Ягеллонов. С этой новой эрой открываются перед ней новые бесконечные горизонты. Ее ждет блестящее будущее. Она не даром называется Ostreich. Это, действительно, будущая Восточная империя, только с западной цивилизацией. Она сумеет собрать и объединить все западное славянство, южное и северное. Большая половина сербского народа, большая половина сербских земель вошли уже в состав подданных и в число австро-венгерских провинций. Дарованные Боснии и Герцеговине права должны быть при первом удобном случае распространены на Албанию и Македонию. Солунь должен сделаться австрийским портом. Но Сербия и Болгария войдут в австрийско-славянскую федерацию на других основаниях. Болгарский князь станет королем и его министры австрийскими баронами по примеру сербских. Приняв на себя исполнение завета сербского царя Стефана Душана и болгарского

царя Симеона, Австрия займет Константинополь. Только обладание Константинополем обеспечивает владение Солунем. Но недаром Габсбурги были в свойстве с Ягеллонами, недаром Собесский был спасителем Вены. Из нее должен выйти мститель и восстановитель старой Речи Посполитой. Восстанет из мертвых, воскреснет, наконец, Польско-Литовское королевство. Не добровольно ли соединились в люблинской унии два братственных народа: Польша и Русь, связанные-де общей солидарностью и единством чувств? Не пробил ли час для устройства жизни на свободных и разумных началах, для широкой автономии личной и местной? Не приглашают ли к тому же сам *батька Кулиш и гениальный,* как говорят славяне, *Драгоманов*? Таким образом, Варшава, Вильна и Киев, с разными городами и пригородами, с Полтавой, Харьковым, Одессой возымеют право и обязанность войти в эту будущую австрийско-славянскую федерацию. Так соединится, наконец, все настоящее славянство. Все славянские народности и наречия будут пользоваться полной равноправностью. Везде будут гимназии, университеты и академии на местных наречиях. Немецкий, панславистический язык останется только для ораторского красноречия славянских патриотов в общем австрийском парламенте, в венском рейхстаге, да в трехчетырех немецких университетах: в Вене, в Праге, в Граце и в Черневцах, на случай, если славянская молодежь когда пожелает серьезно чему-нибудь научиться.

Но что же тут, спрашивается, нового и славянского, когда Габсбурги в XVI, в XVII и в XVIII вв. постоянно, сколько могли и умели мутили славян турецких, подымали у них народные восстания и многократно пытались завладеть разными славянскими землями Балканского полуострова? В эти же былые годы Габсбурги не раз протягивали свои руки и к короне польской, тут и там следуя не слабым и бесхарактерным Ягеллонам, а своим фамильным традициям и преданиям средневековых германских императоров, которые, с Карла Великого и потом с Отгона I, так последовательно стремились к порабощению и покорению различных западнославянских народностей.

Еще в IX в. и у франков были *свои* славяне и *союзники: Sclavi nostri, foederati.* Тем паче и тем больше их стало, таких *наших* славян у позднейшей империи немецкой.

Каким же образом стало возможным после всех этих славянских национальных движений и увлечений последних десятилетий столь быстрое распространение и Австрии этого римско-немецкого направления, которое так всецело выражается в австрийском панславизме? Люди указывают на успехи, сделанные в последнее время славянами Австрии. Взгляните, говорят, какое количество книг и книжек, какая масса журналов и газет печатается теперь ежегодно на всех почти славянских наречиях, заводятся школы, печатаются учебники, преподаются высшие курсы, издаются академические труды. Везде-де поются национальные славянские гимны: Hej Slovane и пр., — равноправность-де с немцами чуть не полная. По крайней мере, что заведут у себя немцы, то сейчас же заводят или спешат у себя завести и славяне. У немцев турнферейны, у славян — чехи всегда тут впереди всех — свои *теловичные сполки.* Немцы поют: «Wo ist des Deutschen Vaterlaud?» Славяне переделывают и поют: «Hde domuvmuj».

Но это множество книг, книжек и листов печатной бумаги на языках славянских еще не свидетельствует о богатстве и самобытности славянской поэзии, славянской науки и образованности. Народность не в сарафане, говорил Гоголь; то же часто можно сказать и про язык. Народность в содержании и в мысли. Во французских брошюрах Хомякова проявились русская оригинальная мысль и творчество гораздо ярче и сильнее, чем в сотнях томов разных русских книг. Громадная масса печатного русского хлама XVIII и нынешнего столетия вплоть до нынешних дней, всего этого великого множества од, трагедий, романов, повестей, элегий, идиллий, водевилей и опереток нередко ничего русского и оригинального в себе не заключает. Славяне по форме, по языку, по костюмам, становились, правда, более и более как бы на славянскую почву, но вместе с тем незаметно для себя все более и более подчинялись немецко-австрийской культуре. Оправдались

и беспрестанно оправдываются слова барона Брука, одного из высокодаровитейших общественных и государственных деятелей Германии. Ему принадлежит, по дарованиям, а не по стремлениям, едва ли не первое почетное место в ряду немецких государственных людей между Штейном и Бисмарком. В своей написанной для императора и напечатанной по смерти записке (Die Aufgaben Oesterreichs) он говорит: чем более вы дадите свободы мелким славянским наречиям и народностям, чем менее будете их стеснять, тем скорее и решительнее подчинятся они германской образованности. Скажут, что австрийские славяне теперь еще более, чем, быть может, прежде, не любят немцев. Пусть так, но это не мешает им все более и более подчиняться их влиянию и проникаться их воззрениями на других славян, и бессознательно работать на пользу римско-немецких интересов на свою погибель и во вред другим славянам, не имеющим счастья принадлежать Австро-Венгрии. Внешнее возрастание этих словесностей, проникнутых австрийским духом, все более разносит и утверждает в массах славянских римско-немецкие или австрийские воззрения, заглушая непосредственное народное чувство и забивая славянские инстинкты.

Любовь к России не мешает видеть и указывать нам русские грехи и недостатки. Точно так же и любовь к славянству не должна закрывать нам глаза на то, что есть в нем печального. Знать об отрадных явлениях и движениях в западном славянстве мы должны: они есть, и мы можем, глядя на них, не приходить ни в сомнение, ни в отчаяние. Но говорить о многих из этих явлений публично или распространяться печатно иногда совсем неудобно и неуместно. Этим мы часто бессознательно вредим лишь делу и нашим друзьям.

Не думаю утверждать, что изо всей этой комедии с переодеваньем волков в овчины, прямых потомков Белогорских победителей и средневековых кайзеров в чешские чамары и в польские кунтуши, никакого проку для славян не выйдет. Напротив, из нынешнего движения в пользу федерации, на основании исторического права, непременно рано или поздно разо-

вьется другое, более серьезное и разумное движение в пользу австрийской федерации на началах народности. Как немцы-ультрамонтаны стоят за первую, заодно с чехами и поляками, так немцы не паписты станут заодно с другими славянами и с румынами, за вторую. Таков неудержимый процесс *расклубления* Австрии, обусловленный внутренним ростом России, объединением Италии и Германии, распадением Турции. Точно так же из нынешнего заигрывания Рима со славянской церковью и с привязанностью западных славян к именам и к делу св. Кирилла и Мефодия неизбежно, ибо столь же логически, возникнет со временем у разных славян-католиков искреннее и живое желание покинуть латинский и возвратиться к славянскому обряду, а затем, Бог даст, возродится и созреет в них энергичное стремление к восстановлению, как некогда мечтал великий чех, аббат Добровский, *церкви догильдебрандовской,* к отмене обязательного целибата для белого духовенства, к развитию соборного начала и пр., и пр. Так сама осудится и сама накажется эта ложь.... ein Theil von jener Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Борьба и соперничество славян с романизмом и германизмом, с великими западными национальностями не требует вовсе горячечной переимчивости и ревнивой подражательности. Ни переводы и копии, близкие и более или менее вольные, с переноской сюжетов на славянскую почву или с переодеванием чужих типов в славянские костюмы, ни кропотливое трудолюбие в изысканиях по указанным путям и под удручающим влиянием чужих идей не создадут еще ни славянского искусства, ни славянской науки, ни славянской образованности.

Для того потребны другие, именно творческие силы; нужен крепкий и своеобразный быт народа со смелым и самодеятельным умом, нужен величественный простор, открывающий мысли новые, далекие кругозоры; но для того же совершенно бесполезны и даже вредны чувства международной зависти и вражды, пошлого провинциального самохвальства и сентиментального обожания всех внешних и случайных даже примет своей народности или своей местности.

Настоящее положение западного славянства содержит, таким образом, в себе не мало для нас занимательного. Нынешнее мирное время особенно может быть благоприятно для необходимых взаимных разъяснений между нами и каждой из западнославянских народностей, для прямого и откровенного изложения наших недоразумений и несогласий. Они бесспорно существуют и мешают взаимному нашему пониманию и соглашению. Намеренное о них умалчивание или притворное поддакивание само по себе нечестно да и никогда противников наших не обманет. Искренность же в спорах и благонамеренность полемики необходимо приводит рано или поздно к желанному примирению и объединению разных противоположных и, по-видимому, несогласимых стремлений и интересов. Едва ли и теперь, в разгар австрийского панславизма, каждый рассудительный человек любой западной славянской народности, отозванный в сторону, положа руку на сердце не ответит отрицательно на вопрос: может ли хоть один значительный западнославянский вопрос быть решен удовлетворительно для славянства, без живого участия русского общества и наперекор интересам России?

Для нас, русских, не подлежит спору, как давно уже несомненно для европейского Запада, что если славянству должно принадлежать великое будущее и всемирно-историческое значение, то главнейше потому, что сверх западных славян, южных и северных есть еще Россия и что она представляет собой наше племя с иной ролью в человечестве, чем какая досталась, после тысячи с лишком лет исторической жизни, западнославянским землям и народностям.

Живя среди западных славян, я полюбил их за многие прекрасные их качества, за то, что, находясь на чужбине, я находил в них много близкого и родного, что у них же я научился дорожить громадностью и внешней силой нашей России. Вспоминая о наших войнах и наших победах над врагами, я благословлял судьбу за то, что не принадлежу к народам побежденным, утратившим свою политическую независимость или никогда ее не знававшим, радовался тому, что, не находя

в себе ни к кому чувства ненависти и злобы, я обещал себе, возвратясь на родину, никогда не позволять себе презирать или обижать народности малые и слабые. Я горжусь и дорожу необъятным простором России, радуюсь единству и цельности русского народа, потому что убедился живым опытом и постоянно моими историческими занятиями укрепляюсь в той мысли, что малые общества и маленькие народности гораздо менее располагают людей к смелым полетам фантазии, к великим завоеваниям мысли и к высоким нравственным подвигам. И если когда славянскому миру удастся создать великую самобытную образованность, то оно будет потому, что в нем наконец явился народ, сумевший и успевший создать великую мировую державу.

РОССИЯ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Евреи и немцы в Привислянском крае

I.

Мы все часто слышим, а иногда и читаем, особенно в последнее время, различные рассуждения и пожелания о необходимости нашего примирения с поляками. Надо же их, говорят, привязать к себе, успокоить, удовлетворить все их законные интересы. Против такого общего положения нельзя не только что-нибудь делать, но даже говорить и думать. Кому же не желательны мир, согласие и общее довольство? Но, к сожалению, мы любим скользить по поверхности предмета, выезжать на общих местах, расплываться в общих фразах. Мы не любим и не умеем вдумываться в возбуждаемые нами с удивительной легкостью разные общие вопросы и останавливаться на их частностях и подробностях. Так, дела трудные и сложные кажутся нам очень легкими и прочными. Так, и в вопросе о примирении с поляками важно знать, с какими именно поляками нам следует мириться, нужно приблизительно предвидеть тот предел, где придется остановиться и когда поляки нам скажут: «Довольно, вам больше ничего не надо, мы вам благодарны, мы вполне теперь удовлетворены». Далее нужно знать, кто же будет представлять этих поляков, имеющих засвидетельствовать нам свою благодарность и погладить нас по головке? Где тот ареопаг, на голос которого надо будет положиться? Нам скажут конечно: «А общественное мнение поль-

ское? Поляки — историческая национальность, это не мордва, не чуваши какие-нибудь. Они имеют свою историческую образованность и литературу, свои политические и национальные предания. У поляков есть выразительница этих преданий и польского общественного мнения, своя печать не в одном Привислянском крае, но и за границей, в Пруссии, Австрии, в остальной Европе. За границей вполне свободно, ничем не стесняясь, поляки могут высказывать свои требования, нужды, желания». Положим, еще познанские поляки могут в своих отзывах отличаться беспристрастием и справедливостью. Ни австрийские, ни русские поляки, вообще говоря, им нисколько не завидуют и своего на их положение променять не желают. Да и они сами настолько благоразумны, что никогда не препоручают ни Австрии, ни России того образа действий, которому следуют в отношении к ним прусские немцы. Что же касается польской эмиграции в Швейцарии, Франции и Англии, то их требованиям, заключающимся по обыкновению в восстановлении давних границ от моря до моря, Россия, конечно, никогда удовлетворить не может. Столь же трудно удовольствовать нам поляков галицких. Они не перестанут вопить и кричать против России, пока Россия не отречется совершенно от сознания своего родства и от сочувствия с Русью галицкой, которую поляки австрийские давят и притесняют в напрасной надежде хотя тут наверстать постоянный упадок и видимую убыль полонизма в России и Пруссии, пока существует Австро-Венгрия, часть которой они составляют. Справедливо видя себе распадение и смерть от торжества сочувствующих России славянских народностей над немцами и мадьярами, Австро-Венгрия принуждена в видах самосохранения искусственно поддерживать и всячески возбуждать вражду и ненависть поляков галицких к России. Не столько немцы, сколько мадьяры и поляки являются главными хранителями и защитниками целости и единства Австро-Венгрии по отношению к России. Итак, из галицко-польской печати мы никогда не знаем, довольны ли нами поляки Привислянского края. Остается, следовательно, периодическая печать и лите-

ратура этого края. В ней, следовательно, должны мы главнейше искать и почерпать наши сведения об общественном мнении польском, об отношениях польской народности к России. Польской печати мы действительно можем и должны желать всевозможного простора, не менее, чем нашей собственной. От искренности, прямоты и независимости польской печати в России можно ожидать только пользы и выгоды как для поляков, так и для России. Но и тут надо помнить, что польское общество, как оно сложилось исторически, не есть общество дельное и однородное, а польская печать и вообще литература почти целые три столетия представляет собственно интересы не польской народности, а двух собственно классов: 1) дворянства и 2) римско-католического духовенства. В последнее время явились польские органы, посвященные защите интересов еврейских. Польское дворянство в силу своего исторического прошлого так было всегда исключительно и односторонне в своих экономическо-социальных и политических стремлениях и требованиях, так всегда ограниченно и узко-эгоистично понимало так называемые народные интересы, так несправедливо и не мягко относилось к простому сельскому населению или хлопам, что польские органы шляхты, будь то крупной или мелкой, никогда в наших глазах не могут выражать общенародных польских требований. Напротив, весьма часто самые дорогие и священные интересы польского крестьянства совершенно умалчиваются или намеренно искажаются в польской литературе, как почти исключительной представительнице политических и экономических интересов шляхты. Строго говоря, значительное большинство польского дворянства крупного и среднего только тогда примирилось бы с нами и почло бы себя достаточно удовлетворенным, когда бы задуманные и проведенные при Милютине и князе Черкасском реформы были совершенно изменены и переделаны. Римско-католическое духовенство в Привислянском крае, как и во всех странах мира, национально только отчасти, и то особенно в низших своих рядах. Начиная же с каноников и выше, оно преимущественно, во всех своих стремлениях и действиях,

беспрекословно повинуется тайным внушениям римской курии и преобладающему в ней в последние времена ордену иезуитов. В Польше, как и во всех странах католических, в среде духовенства, особенно низшего, есть много людей, которые тяготятся безбрачием и другими предписаниями. Желали бы разных преобразований, освобождения от гнета высшего духовенства и пр., но ничего не могут поделать, и в Польше менее, чем где-либо, ибо в польском обществе огромнейшее большинство интеллигенции не только не поддерживает порываний и стремлений этой части низшего духовенства, но, напротив, даже враждебно к ним относится, видя в них сближение или со схизмой, или с ересью, то есть или с Москвой, или с немцами. Хлопы же, как и везде почти сельское население в католических землях, целибатом белого духовенства весьма недовольные, были бы рады его уничтожению, но хлопы в польской литературе и печати своего голоса не имеют и, вероятно, еще долго иметь не будут. Что же касается социально-политических воззрений на прошлое Польши и на отношения к простому народу, то в польско-католическом духовенстве, можно сказать, господствуют те же шляхетские воззрения. В то же время в польских шляхетских семьях и во всем польском образованном обществе духовные лица играют весьма важную и влиятельную роль, часто безгранично властвуя над умами и сердцами молодых и старых полек, а полька вообще обладает большей инициативой и энергией, чем поляк. Таким образом, литературные органы польского дворянства клерикальные, а органы польского духовенства шляхетские. Искать России полного примирения с польским дворянством, равно как и с польским католическим духовенством, таким образом, бесполезно, ибо его достигнуть невозможно, с одной стороны, без принесения в жертву дорогих и в высшей степени важных интересов простого сельского населения, или хлопов, а с другой — без удовлетворения ненасытных требований римской курии, желающей самовластно и безраздельно господствовать в каждом государстве, а тем более заявляющей притязаний к государству схизматическому.

Итак, даже в освобожденной от цензуры польской печати и литературе вообще мы еще долго не можем ожидать полного выражения желаний, потребностей и нужд всего польского народа, ибо под ним мы должны разуметь не некоторые только его классы, не одни верхние его слои, а всю совокупность польского населения Привислянского края, а следовательно, и многочисленнейший и наиболее здоровый его класс, крестьянство. Искать себе привязанности, ожидать благодарности, желать тесного общения мы можем и должны от польского народа как одной из многочисленнейших и даровитых отраслей славянского племени. Но, скажут, разве нельзя нам самим знать и понимать, что есть же некоторые потребности и нужды, одинаково общие всем классам польского населения и удовлетворение коих могло бы быть дорого и приятно всем полякам без различия их сословных интересов как носителям одной общей народности? Устранение русского языка и введение на место его польского в образование, в администрации и в судопроизводстве было бы, кажется, вполне своевременно и весьма много бы способствовало примирению с нами поляков, не только Привислянского края, но и прусских и даже галицких.

Такое решение оказывается гораздо проще и легче на первый взгляд, чем оно есть на самом деле. Не отвергая, что польскому языку будут даны разные льготы, полагаем, однако, что устранение русского и введение польского языка в высшем образовании, администрации и судах было бы однозначительно с восстановлением прежнего царства Польского, которым ни наши поляки, ни прусские, ни галицкие удовлетворены еще не будут. Получив полную почти автономию, они пожелают тогда иметь свою армию, свои таможни, свою монету и при первом удобном и неудобном случае, при каком-нибудь европейском замешательстве, попытаются, чего доброго, повторить старую историю. Можно легко предвидеть новые неудачи и новые несчастия поляков, которые, несомненно, постигли бы их в таком случае. Следовательно, неблагоразумно ни нам обещать, ни самим полякам желать таких мероприятий, которые могут смутить умы и распалить воображение, поведут не к

логически ожидаемым последствиям, а к карам и репрессиям действительно сильного народа и могущественного государства над обломком слабой, исторически прожившейся национальности, искусственно возбужденной, ложно настроенной и, можно сказать, насильственно, ибо не органически облеченной в государственность. Нельзя забывать, что не только по причине глубокого исторического разобщения польской шляхты с хлопами, дворянства и интеллигенции с народом Польша представляется весьма не цельным, неплотным и нездоровым организмом, но и по этнографическому своему составу она далеко не прочное и не однородное тело. Русская Польша, или Привислянский край, не есть земля чисто польская. В ней есть несколько инородческих стихий, далеко не побежденных польской ассимиляцией, далеко не слившихся и не сросшихся воедино с польской народностью. Россия не имеет никаких причин и оснований помышлять и стараться о том, чего не могли и не умели поляки во время своей государственной самостоятельности. Бессмысленно просто было бы со стороны русских не только думать об ополячении, но, напротив, не делать всего от нас зависящего, дабы окончательно помешать ополячению считающих по несколько сот тысяч инородцев Привислянского края: русских, литовцев, евреев и немцев. Все вместе они составляют около двух миллионов душ, приблизительно одну треть общего населения края. Введением вновь польского языка, как языка образовательного, административного и судебного, словом — устранением русского языка и возведением польского на степень языка государственного, Россия признала бы свою немощь и бессилие защитить и охранить далее русскую народность Привислянского края от ополячения. Довольно уже и того, что, владея десять лет Польшей, Россия ни разу не подумала о нескольких стах тысяч Холмской Руси и преспокойно давала и даже помогала ей полячиться. Но раз сознав такую ошибку, было бы преступлением с вашей стороны сознательно подчинить полякам русскую народность. Хлопотать об ополячении этой Руси, можно надеяться, не предложат нам теперь и поляки. Разве станут они нам доказывать, что эта Русь не име-

ет общего с нами, что то-де русины, а мы-де москали, что их *русское* наречие есть диалект польский, а ваш *московский* или *российский язык* есть язык искусственный, искаженный, церковный, навязанный туранцам и т. д., и т. д. Но ведь над этаким учением начинают уже смеяться и сами поляки. Могут ли они представить нам и сколько-нибудь разумные доводы в защиту необходимости принятия с нашей стороны мер к ополячению литовцев? Самый горячий народолюбец литовец не решится, конечно, отрицать, что литовцы бесспорно принадлежат разряду народов, коих римляне называли bilibgues. Такие народы одним своим родным наречием довольствоваться не могут, а по причинам культурным и государственным должны в совершенстве владеть еще другим чужим языком. Этот второй их национальный и отечественный язык (в противоположность их домашнему, семейному и родному) есть их язык государственный и язык высшей образованности. Благодаря усвоению себе этого второго языка малые народы, неспособные к созданию самостоятельного государства и самобытной образованности, становятся равноправными гражданами великих государств и деятельными вкладчиками всемирно-исторических литератур и культур. Значительнейшая часть литовского племени живет в северо-западном крае (в губерниях Виленской и Ковенской) и для нее не польский, а русский язык есть язык государственный и язык высшей образованности. Если для литовцев Польши мы сделаем обязательным язык польский, то причиним большой вред литовской народности, разрывая ее интеллигенцию на две части: 1) польскую и 2) русскую. С какой же стати и за что про что в угоду полякам будем мы сознательно наносить ущерб целой даровитой и многообещающей народности? Не потому ли уж, что она представлена преимущественно хлопами и в рядах своих уже не имеет дворян?

Евреи и немцы Привислянского края имеют совершенно иную организацию, чем Русь и Литва. Имея сильных и богатых представителей, те и другие давно уже не занимают в нем приниженного положения, которое так долго было уделом Литвы и Руси. Да и в русской администрации края, так долго оставав-

шейся глухой к жалобам Литвы и Руси, евреи и немцы всегда легко могли находить охрану и защиту своих нарушенных и ненарушенных интересов. Наиболее серьезные столкновения у немцев и евреев возникали не с польским дворянством, а с польскими хлопами. Очень же распинаться за хлопов и крестьян считалось в то время за направление революционное, как теперь со счастливым окончанием Берлинского конгресса вступлением наших на путь так называемого внутреннего развития будет, пожалуй, считаться за признак социально-демократического направления.

С более точным административным сближением бывшего царства со внутренней Россией, с развитием железных дорог и торговых сношений, с введением всеобщей воинской повинности знание русского языка обывателями Привислянского края стало решительной необходимостью; польские евреи и немцы от нее, конечно, не захотят уклоняться. Пусть поляки чувствуют горечь и сожаление по низведению и польского языка со степени языка государственного. В них это чувство понятно и естественно. Но для не имеющих вообще никакого польского патриотизма евреев и немцев привислянских обязательность русского языка не может представлять ничего неприятного. Давнее и всеобщее знакомство польских евреев с польским языком только облегчает им быстрое усвоение языка русского. Для гордости же немецкой обязательность изучения русского языка всегда будет безобиднее, чем языка польского, так как и в самой Германии все громче раздаются голоса о необходимости вообще изучения русского языка и литературы.

Наконец, пора уже говорить прямо и откровенно. Русский литературный язык в разных концах славянского мира все более и более признается за единственный возможный и необходимый орган высшей образованности и взаимного общения всех народностей славянских. Нельзя же все судить по-старому о польской и русской литературах и их взаимных отношениях. Если еще в начале и в первой четверти нынешнего столетия, во времена польских гимназий в Западной России и польского университета в Вильне, до Пушкина и Карамзина, до основа-

ния Петербургского и Киевского университетов, до открытия Археографической комиссии и издания памятников русской истории, если, словом, до царствования императора Николая польская литература представлялась нам чем-то крупным, то в настоящее время это отношению уже совершенно изменилось. Ни изящная словесность поляков, ни их ученая литература не имеют и иметь не могут ничего для нас, русских, особенно внушительного. Напротив, для поляков, как и для всех прочих славян, русская литература приобретает все более и более внутреннее значение и важность. Скажем прямо: в интересах самосохранения, в борьбе за существование с инородческими враждебными элементами, поляки привислянские имеют внутреннюю, а не внешнюю (только официальную) необходимость в основательном изучении русского языка и в ближайшем знакомстве с русской литературой.

Для большинства русского общества, любящего говорить о примирении с поляками, совершенная новость слышать о каких-то враждебных инородческих элементах Привислянского края. У нас многие искренне верят, что единственный инородческий в нем элемент, неприятный и противный полякам, — это мы сами, русские, или как называют нас поляки, *москали*, *россияне*. В этом убеждении нас давно утвердили наши знатные товарищи, приятели из поляков. От них же мы же наслышались, что евреи в Польше — горячие патриоты польские, что это те же Polacy, только Moyzeszowego wyznania. Да и кто из нас в самом деле не помнит или не слыхал, какое живое участие принимали евреи в последнем мятеже польском, как орудовал один еврей в народовом ржонде в качестве министра финансов, как разгуливали под ручку раввины с ксендзами в уличных варшавских демонстрациях 1861–1863 гг.? И кому неизвестно, как разные польские евреи и поныне, в известных салонах Петербурга, где имена покойных Н. А. Милютина и князя Черкасского и теперь не дают покоя, любят выдавать себя за патриотов польских и делать легкие намеки на то, что они горячо преданы известным идеям и глубоко скорбят о потоптанных правах угнетенной

национальности, возбуждающей к себе такое сочувствие в целой Европе. Во всяком случае, в известных петербургских салонах разные финансовые евреи умеют в защиту поляков нападать на князя Черкасского с не меньшей горячностью, чем недавно, вступясь за угнетенных им болгар, отделал его известный у нас публицист г. Е. Утин[1].

При большем знакомстве с делом мы увидим, что жалобы привислянских поляков на евреев не есть неслыханная новость, что польский патриотизм привислянских евреев и горячая преданность их «народовой справе» есть одна из тех несчастных польских лжей, которыми долго и усиленно отуманивали поляки известную часть русского общества и администрацию. В конце концов, во лжи этой полякам приходится же сознаваться. В этом отношении заслуживает большего внимания брошюра г. Я. Еленского, вышедшая в минувшем году в Варшаве уже третьим изданием под заглавием «*Zydzi, Niemcy i my*» («Жиды, немцы и мы»). Для нас она имеет особенный интерес. Она изобличает всю ошибочность мнения известной части русского общества, мнения, привитого нам поляками и распространяемого польской вольной печатью, начиная хоть с г. Мицкевича, о том, что в Привислянском крае только москали дают поводы к законным жалобам поляков, что *московское ярмо* есть единственное их несчастье, что, стоит только удалить из Польши москалей, и она процветет как рай. Но прежде чем ознакомиться с книжкой г. Еленского, я позволю себе привести слова Станислава Сташица[2]. Этот замечательнейший и благороднейший деятель польский новейших времен в записке своей 1817 г.: «*O przyczynach szkodhwości Zydow, i środkach usposoqienia ich*, *aby sie spoleeczeństwu uzytecznemi stali*» («О причинах вредного действия жидов и о способах сделать их полезными обществу») останавливался с большим вниманием на так называемом теперь у поляков еврейском вопросе (Zydowska kwestya).

«К причинам великим несчастий народа польского принадлежат жиды, — так начинает Сташиц свое рассуждение. — Неблагоразумные предки наши по прекращении дома Пястов

нимало не обращали внимания на развитие европейской цивилизации и не пользовались опытом других народов.

Когда европейские страны, по выходе из феодализма, всюду утверждали у себя наследственность престолов, тогда они расшатали и ослабили установленную с незапамятных времен в Польше наследственную государственную власть и потом не переставали колебать и разрушать эту истинную опору народного единства.

Когда в Европе постоянные армии становились уже единственной охраной прочности государства, когда в века Лудовика XIV и Фридриха II уже началось чрезмерное усиление армий, в Польше при Августе одно из наибольших в то время, опытное и прославленное победами войско было распущено.

Когда жидов, как заразу, уничтожающую развитие народной образованности, выгоняли из Испании, Франции, Германии и иных европейских стран и под страхом смертной казни не впускали в Россию, в то самое время поляки открыли им настежь двери, дали им приют и больше свободы, чем природным своим мещанам и земледельцам.

Две первые ошибки привели Польшу к упадку и к разделу. Из этой беды мы бы еще могли надеяться выйти с помощью просвещения; но третья ошибка, жиды, была внутренней заразой, постоянно ослабляющей и удручающей политическое тело. Хотя бы даже это тело не было разделено, хотя бы по разделе оно воссоединилось, все же оное благодаря этой внутренней заразе всегда не может собраться с собственными силами, ни приобресть свежести, оно навсегда должно оставаться слабым, больным, ничтожным. Рассеянные по всей Польше, всюду со своим духом исключительности, перемешанные с нашим народом, только грязнят весь народ, марают целый край и, обращая его в край жидовский, выставляют его в Европе на всеобщее посмеяние и презрение».

Сташиц далее замечает, что евреев выгоняли из разных стран Европы по двум, собственно, причинам: евреи разоряли крестьян и тормозили везде развитие промыслов, ремесел, фабрик и заводов.

«В достопамятный период конституционного сейма, когда народ, как чудом пробужденный из долгого сна, прозрел главные причины своего бедствия и упадка, была единогласно признана потребность неотложной реформы жидов. В прошлом, 1814 г., едва только народ заслышал о благодетельных намерениях его величества, тотчас же послышались как один голос просьбы всех классов народа об освобождении деревень и городов от вредного влияния жидов.

Вред от жидов должен быть действительно велик, если после столь необычайных несчастий, после ужасных военных бедствий жалобы на несчастное обложение края по милости жидов всего громче раздаются в общем голосе и тем свидетельствуют, что даже во времена таких страданий ощущение причиняемого жидами вреда полякам есть наиболее глубокое и всеобщее. Все классы народа, все ломщики, вопреки собственным выгодам, кричат и просят об устранении жидов от продажи вина».

Указав на вредное действие горилки, развившей в крестьянстве страшное пьянство, Сташиц говорит: «Несчастный крестьянин тащит в жидовскую корчму последний сноп с гумна, последнего своего теленка, а крестьянка последнюю курицу, последнюю горсть муки. Каким же образом правительство в стране земледельческой, правительство, главной заботой которого должно быть улучшение крестьянского быта, может поручать и отдавать жидам столь опасный напиток, продажа которого бессовестными руками обличает столько плутней и порождает столько бедствий?

«Тот ошибся бы, кто сказал бы, что и в руках других шинкарей этот опасный напиток был бы столь же вреден для крестьян. Убеждение целой Польши перечит такому мнению. Всюду оказывается, что в корчмах, как только они отняты у жидов, доход значительно уменьшается и горилки выходит наполовину меньше.

Все мы, поляки, из опыта знаем, что злоупотребления жидов в торговле водкой достигли в Польше наивысшей степени. Они составляют единственную науку и промысел наших

жидов, которые для достижения своей цели не пренебрегают никакими средствами: уговоры, подходы, просьбы, угрозы, всякие искушения и соблазны расточаются не только отцам и матерям, но и самым маленьким крестьянским детям.

В обвинении их в таком преступлении против края гласно участвует все общество. Против жидов свидетельствуют записки, доставленные в 1814 г. изо всех уездов (ловетов), как только дошло до поляков известие о благодетельных намерениях его величества императора и короля; свидетелями в этом протесте против жидов все землевладельцы королевства Польского в поданных через депутацию прошениях.

Было ли какое злоупотребление или преступление более основательно доказано? Тут являются тысячи свидетелей, свидетелей неподозрительных, ибо, говоря правду, они подают показание в ущерб себе; все они знают, что с отнятием шинки у жидов они будут иметь менее половины *пропинационного* дохода.

Другие обвинения во вредном действие жидов, присланные из воеводств от городов, купцов, фабрикантов, доказывают, что жиды суть виновники бедности городов в Польше. Они причиной, что не могут подняться купечество, фабрики и ремесла».

Прибавив, что от евреев промышленность и торговля в Польше ничего не выигрывают, а только теряют, Сташиц примечает: «Из жидов ничего не выходит кроме шинкарей, перекупщиков, контрабандистов, менял, банкиров, ростовщиков, подрядчиков, факторов, сбывающих в стране запрещенные или оставленные в таможне товары. Они уничтожают все возникающие в стране фабрики и ремесла и мешают возникновению новых.

Этот жалкий род жидовского паразитства кончается, собственно, или перекрестами, или банкротами, которые собранное обманом состояние своих доверителей раздают рассеянным по свету, под подложными именами, сыновьям и дочерям своим и разносят отчаяние, нищету и преступления в гостеприимной стране.

Уже несколько веков гнездятся эти пришлецы среди нашего народа и держат в своих руках все зачатки промышленности и источники обогащения. Где же в целом нашем крае хотя малейшие следы благотворной их деятельности, разных зданий, заведений, учреждений, изобретений? Всюду на земле вашей распространяется за ними только нечистота, бедность, нищета, гниль и зараза, все глубже разъедающая наш несчастный край за то, что он один к этим изгнанникам мира был человечен и добр. Из последней переписи жидов оказывается, что едва $^{1}/_{5}$ их часть занимается производительной торговлей и каким-нибудь ремеслом; $^{4}/_{5}$ состоят из корчмарей, шинкарей, факторов и бродяг, рассеянных по всему краю и лезущих со всех сторон в прежнее княжество, а теперь королевство.

Последние двадцать лет эта зараза размножается в наших деревнях и городах все более быстрым и устрашающим мыслителя способом.

При первом разделе в 1772 г. польского народа было около 15 млн. Тут, между прочим, считалось 500 тыс. жидов. Таким образом, они составляли $^{1}/_{30}$ всего населения.

В 1790 г., во время конституционного сейма, по таблицам Моглиньского, население Польши превышало несколько 8 млн и между ними было 300 тыс. жидов. Была уже то $^{1}/_{24}$ населения.

Перепись населения в княжестве Варшавском 1810 г. показывает 4 млн, и жидов свыше 300 тыс., так что евреи составляют уже $^{1}/_{12}$ всего населения.

С 1810 по 1816 г., хотя площадь страны уменьшилась, но число жидов еще быстрее умножилось, так что они доходят до $^{1}/_{8}$ общего населения.

Сколько можно было собрать сведений о городах привилегированных, избавленных от жидовского населения, в 1768 г. пятая часть Польши была совершенно свободна от жидов. Нынче уже нет во всех краях старой Польши ни одного города, вполне свободного от жидов. Если еще в каком-нибудь местечке, издавна от них свободном, они не живут внутри его, то уже всюду засели по предместьям, в постоялых дворах и

корчмах, ибо это их излюбленные дороги, которыми незаметно, но верно пробираются они внутрь городов.

В Ченстохове, в этом священном месте королевства Польского, всеми нашими королями избавленном от местопребывания жидов, уже лет пятнадцать как поселились шестьдесят жидовских семейств.

Столица королей польских от своего основания никогда не имела жидов. Еще во время конституционного сейма им не было здесь разрешено постоянное местопребывание; едва проходят двадцать лет, и жиды составляют в этой польской столице свыше четвертой части ее населения.

Против столь необычайного возрастающего жидовского сравнительно с польским населением потребны меры решительные, строгие и постоянные»*. Как в этом, так во всех других отношениях Ст. Сташиц, этот лучший и бесспорно величайший польский деятель последних времен, считал необходимым для Польши самый тесный союз с Россией, в нем одном видя спасение Польши и пророча ей одни несчастия от разрыва и вражды с русскими.

Голос Сташица раздавался в пустыне, его совет полякам соединиться с москалями (ztaczcie się z Moskalami) был отвергнут. Они восстали против России в 1830 г. Конец известен. Последовавшие поколения еще более отворачивались от идей и примера Сташица, так много и энергично потрудившегося для польского крестьянства. Не только прелестью стихов и художественными образами Мицкевича, но и его идеями и представлениями о прошлом и будущем Польши восторгалась или тешилась польская молодежь 30-х и 40-х годов**. Вся изящная словесность и политическая литература Польши, с Мицкевича и после, носила на себе печать какой-то болезненности и умственного расстройства, преднамеренной лжи, сумасбродства и фальшивого энтузиазма. Туранцы-москали выставлялись извергами человечества, московское

* Staszic Stan. Dzieła. T. IV. C. 217–247.

** Он был, по словам З. Красинского, для людей моего поколения медом и молоком, духовной желчью и кровью; мы все из него.

иго, так называемый *царат,* позорнейшими деяниями когда-либо бывшей на земли тирании. С легкой руки сильного поэтической фантазией, но не сильного умом и болезненно настроенного Мицкевича, так идеализовавшего в *Пане Тадеуше* жида-шинкаря Янкеля, еврейский элемент в Польше был объявлен и признан важной деятельною силой в борьбе поляков с москалями. Евреев было решено признать и признали чистыми поляками, только Moyzeszowego wyznania. Каких ни проделывали поляки комедий с евреями пред последним мятежом в начале 60-х годов и за все его время, Сташиц, великий и бедный Сташиц, как горько и иронически улыбалась тогда твоя тень! Мы привели его отзывы о евреях как историческое свидетельство, как доказательство, что лет шестьдесят назад умнейшие и лучшие поляки глядели на еврейскую стихию совсем иначе, чем польские энтузиасты, патриоты и авантюристы, заключавшие с евреями личный союз на гибель туранцам-москалям. Предоставляем польским писателям этого направления, равно как и евреям — патриотам польским, раскрывать и доказывать, как ошибался и искажал историческую истину Сташиц, как мало он знал евреев и как дурно он понимал Польшу, ее быт и историю. Мы прочтем эти опровержения с удовольствием и примем к сведению. Нас занимает не история евреев в Польше, а польские воззрения на евреев и отношения поляков к этому инородческому элементу в Привислянском крае.

В этом отношении вышеупомянутая книжка г. Еленского чрезвычайно любопытна. Из предисловия к третьему ее изданию и из особой брошюры того же автора *(Dworacy Zydòw. Przypisek do kwestyi zydowskiéj)* видно, что он вызвал в польском обществе и журналистике и много сочувствия, и множество нареканий. Журналы: «*Bluszcz*», «*Izrailita*», «*Tygodnik Poweści i Romansów*», «*Gazeta häandlowa*», издаваемые евреями, с особенным ожесточением нападали на автора. Были, кажется, неприязненные отзывы и в других польских современных изданиях. Судя по некоторым замечяниям автора, можно полагать, что евреи имеют немалое влияние на польскую печать.

«Можно, — говорит он, — обличать недостатки всех классов общества, можно громить землевладельцев, можно нападать на мещан, можно жаловаться на поселян, но нельзя писать против торговых классов польского происхождения (мы бы прибавили: «и против католического духовенства»).

Если бы кто-нибудь осмелился сказать, что, например, торговля, какова она в руках жидов, есть аномалия, а толпы факторов — бедствие, если бы кто прибавил, что жиды еще поныне в своей огромной массе составляют народ в народе, то жидофилы не пощадят никаких средств, дабы заглушить голос подобного смельчака».

Такой смельчак будет, по словам автора, немедленно провозглашен консерватором, распространяющим средневековые идеи. «Он уже не может называться добрым обывателем, ибо подстрекает одни классы против других».

Как усиливались евреи в Польше со времен Сташица, видно из тона возражений и оправданий г. Еленского: «Я не принадлежу к идеологам, которые мало ценят материальные средства отдельных лиц уже потому, что при больших средствах можно больше развить публичную деятельность. Но чтобы бить кому-нибудь челом оттого только, что он умел составить себе хорошее состояние и широко раскинуть свои спекуляции, для того прежде всего надо отказаться от всего, что должно быть святыней для каждого мыслящего человека, сознания самостоятельности, уважения к самому себе. Внимательный наблюдатель согласится со мной, что многочисленные круги лиц, которые лет десять, двенадцать тому назад ничего не выражали к жидам, кроме безрассудного презрения или пренебрежения, теперь низкопоклонничают пред вами под разными видами. Этот род сервилизма ясно обнаруживается в так называемых высших сферах и в классах средних. Нельзя упрекать жидов за то, что они успели сколотить себе капиталы и завладеть самыми выгодными источниками народного богатства; но восхвалять особенно эту сторону их значения, как элемента общественного, значило бы поклоняться *золотому тельцу*».

Автор доказывает, что евреи имеют у себя как бы целый штат придворных или льстецов и что число их в Польше умножается.

«В последнее время, — говорит он, — оказалось очень много людей без куска хлеба, и вместе с тем явилось много разных финансовых учреждений и крупных промышленных предприятий, управление коими досталось в руки капиталистов, обывателей израильского происхождения».

Понятно, что последние между первыми находят себе мало сторонников и прислужников. В периодической печати автор находит три разряда таких защитников еврейства. Первые прямо подкуплены «старозаконными обывателями», вторые пишут под влиянием племенной солидарности, третьи льстят евреям из-за их финансовой силы в надежде увеличить число подписчиков своему изданию и т. д.

Немудрено, что со времен Сташица отношения поляков к евреям значительно изменились, и не в пользу поляков. «По последним данным, — говорит г. Еленский, — в Варшаве живет 98 698 жителей Моисеевского исповедания, что составит 32% в общем населении. Сравнительно: в одной Варшаве больше евреев, чем в целой Франции, в целой Великобритании и в Швейцарии вместе, более, чем в каждой из отдельно взятых европейских стран, за исключением Пруссии и Австрии. И на вопрос, какой наибольший жидовский город в Европе, нельзя не указать нашей Варшавы. Спрашивается теперь, при такой огромной численности еврейского населения, при сосредоточении в их руках капиталов и при солидарности этого племени, может ли не развиваться тут жидофильство? Влияние этой могущественной, богатой средствами и сплоченной массы, проявляясь во всех сферах общественной деятельности, по самой природе вещей может ли не проникать и в печать? Смело можно сказать, что если значительная часть нашей публицистики в последнее время обходится крайне осторожно с вопросом еврейским, если вообще касается его, то умалчивает о самых его жизненных для края сторонах или ограничивается общими местами, и если даже иногда упо-

минает о «вопросе жидовском», то лишь для того, дабы доказать, что его нет и все это происходит по большей части потому, во-первых, что с такой сильной массой, какую имеем в Варшаве, любой издатель рад не рад, но должен считаться; во-вторых, все увеличивается число органов печати, принадлежащих в собственность евреям; а в-третьих, при сотрудничестве евреев-публицистов безразборчивое жидофильство все более приобретает силы в журналистике».

Обращаясь к вопросу еврейскому, автор не соглашается с распространенным в Польше мнением, что евреи составляют в ней собственно средний класс или буржуазию. Он не находит в ней тех достоинств и добродетелей, того патриотического чувства, которыми отличается настоящая европейская буржуазия. Он, скорее, склонен думать, что евреи составляют особый народ в народе, и для лучшего уяснения его места и значения г. Еленский разделяет евреев польских на три класса: 1) денежную аристократию, 2) интеллигенцию среднего состояния, 3) темную, невежественную массу.

Денежная аристократия приобретает ныне все больше и больше значения, и это потому, говорит автор, что прежде страна наша была по преимуществу земледельческая. Теперь же, с развитием промышленности, явилась потребность в новых экономических учреждениях, например, в банках, обществах страхования, в железных дорогах, в торговых домах и т. д. Удовлетворить этим потребностям явились богатые жиды как единственные почти в Польше капиталисты. По мере развития экономической жизни и усиления потребности в новых предприятиях возрастает в числе и силе и денежная аристократия, у которой тысячам обыкновенных смертных только и можно теперь искать себе насущного хлеба. Огромнейшее большинство этих капиталистов, за весьма редкими исключениями, отличается полнейшим индифферентизмом ко всем общим интересам края и даже к положению бедной и невежественной еврейской массы. Автор, впрочем, не отрицает, что и польские богачи-магнаты не лучше. Он прибавляет, что эта денежная еврейская аристократия

старается всячески оттереть меньших капиталистов, отымая у них всякую возможность принимать участие в подобных же ихним предприятиях.

Что касается еврейской интеллигенции, то автор соглашается, что в последнее время прежняя главная школа и нынешний Варшавский университет выпустили довольно много образованных и дельных евреев, что не мало евреев с успехом занимаются наукой, литературой, медициной, но прибавляет, что число это все же ничтожно сравнительно с массой еврейского населения и что не немногие из этих образованных евреев совершенно сторонятся от своих единоверцев и не заботятся об их просвещении. В заключение он все же признает, что эта часть евреев — самая полезная для общества и действительно обещает впоследствии создать из себя Польше здоровый средний класс.

Масса же еврейского населения по всей справедливости заслуживает, по мнению автора, названия класса непроизводительного. Торговля или Handel, которой она занимается, нисколько не обогащает городов и не просвещает нимало крестьянского населения. Напротив, она только выжимает и разоряет производительные классы. Автор доказывает, что масса еврейская строго руководится в своих действиях суровыми и неправедными исключительными началами Талмуда, что право так называемого хазака еще существует у них во всей силе. Ссылаясь на статью журналов: «*Gazeta Sadowa*» и «*Niwa*», на брошюру: «*Zydzi i Kahły*», автор объясняете таким образом это право хазака: «На основании своих прав, считая местность, населенную не жидами, за *вольное озеро,* кагал продает известному жиду, например, дом, составляющий собственность известного христианина, который о такой продаже ничего, конечно, не знает. По уплате кагалу суммы за такую продажу жид приобретает хазак или право владения собственностью христианина и в силу этого имеет исключительно право, то есть без соучастия иных жидов, стараться владеть этой собственностью, по словам кагального акта, «какими бы то ни было способами. С тех пор он один имеет право торговать,

ссужать в долг, служить фактором хозяину этого дома и его жильцам. Словом, он один только имеет право эксплуатации всех христиан, ставших вместе с домовладельцем его жертвами, назначенными для его наживы. Когда же кагал продает право эксплуатации христиан, не имеющих ни движимого, ни недвижимого имущества, то это называется «Meponie», или затемнение *христианина*. Буквальный же смысл этого закона следующий: ежели жид имеет право эксплуатировать не жида, то тогда воспрещается всем другим жидам вступать в какие бы то ни было сношения с предназначенным к эксплуатации христианином. Только купивший у кагала это право жид может ему давать деньги в рост, подсылать к нему других жидов для обманывания его разными способами, словом — ободрать его и повернуть его в нищету, ибо каждая личность *не жидовская* есть *хефкир* (вольная) и, кто раньше ей овладеет, тому она и должна принадлежать».

Автор брошюры: «*Zydzi i Kahały*» напечатал 37 документов в подтверждение действительности этого права кагала. Автор наш приводит в пример пару таких актов. Вот один из них:

«Согласно определению представителей города продано право владения двумя каменными лавками Байкова известному богачу Якелю Микелю сыну Аарона. Сверх этих двух лавок право это простирается и на прилежащие ворота, на находящийся под лавками погреб и на верхний этаж, словом, на все пространство, занимаемое этими строениями *от земли до высоты небесной*. На такое право владения имеет быть выдан Якелю... документ со всеми возможными обеспечениями, он будет подтвержден святым и справедливым Бет-Дином (Талмудовый суд). Все это должно быть сделано без предварительной публикации, а за это право Якель имеет внести в кагальную кассу 200 рублей в бумагах».

На замечание, что кагалы еще в 1821 г. были закрыты, автор замечает, что это закрытие было только наружное, что вся власть и деспотическое влияние кагала перешли в руки раввинов. И теперь зачастую бывают такие случаи, что яв-

ляется, например, еврей к пивовару и объявляет ему, что он у него брать дрожжей по прежней цене не будет. Ну, так я продам другим, отвечает пивовар. — Этого нельзя, говорит еврей. — А почему? — А потому, что купцом у вас может быть только еврей, а ни один еврей у пана дрожжей не купит. — Как так? — Да так постановлено у раввина.

Все сельское хозяйство, в силу прав хазака, опутано сетью *пахярев,* арендаторов и им подобных дельцов, которым Талмуд препоручает набиваться на счет гойев (неверных) и которые покупают это право эксплуатации у раввинов.

«Нажива на счет не жидов во имя основ Талмуда составляет для этих фанатических масс часть их верования, чувств и убеждений, в которых вырастают целые поколения. Общее бедствие, катастрофы и удары, поражающие край, — вот наиудобнейшая почва, легчайшие способы для наживы».

Не потому ли и выказывали евреи такое живое сочувствие к справе народовой в начале 60-х годов.

Г. Еленский указывает на Волынь как на страну наиболее в последнее время истощенную и разоренную евреями.

Евреям же приписывает автор деморализацию польского народа. Они, говорит он, развивают в нем два главнейшие его порока: неуважение к чужой собственности и пьянство.

«Могли ли бы крестьяне наши совершать столько краж, если бы не знали, что на краденые вещи они всегда найдут в местечке охотников-покупателей, особенно падких до всего краденого. Искушение к воровству так сильно в сельском люде, потому что разные евреи всячески его соблазняют к тому. Целая фаланга шинкарей, с другой стороны, систематически спаивает не только взрослых, но и малых детей. Есть целые местечки, например Подлясье, где массы находятся под постоянным влиянием шинкарей». На замечание, что злых и безнравственных людей много и у христиан, автор отвечает следующими данными уголовной статистики.

С 13 июля 1876 г. по 13 января 1877 г. в десяти окружных судах и в Варшавской судебной палате было приговорено за следующие преступления:

	Евреев	Пр. исповед.
Лжеприсяга, лжесвидетельство и ложный донос	2	2
Преступл. против админ. порядка	8	10
Подделка монеты и кредитн. билет	2	1
Прочие наруш. финанс. постановл.	5	6
Бродяжничество	2	5
Оскорбление нравов (игры, бесстыдн. поступки)	1	1
Прочие преступл. прот. обществ. нравств.	2	3
Преступл. прот. торг. и кредитн. уставов	4	3
Ненамеренное убийство в ссоре, злоупотребление самообороной	4	19
Прочие телесные оскорбления	5	34
Разбой и грабеж 1-го разряда	1	8
Кража со взломом	16	101
Кража с облегчающ. обстоят	2	3
Прочие случаи кражи	14	62
Утаивание и покупка краден. вещей	3	1
Присвоение чужой собственности	6	2
Подделка актов и обязательств	6	6

Вообще на общую сумму наказанных в последнее полугодие 468 мужчин и 117 женщин приходилось евреев: 94 мужчин и 26 женщин, то есть 20,5%. Принимая эти цифры в соображение с общим числом населения, придется на каждые сто тысяч христиан наказанных 9,3, на каждую сотню тысяч евреев — 14,17.

Точно так же любопытные цифры за тот же период времени осужденных в мировых судах.

	Евреев	Иных исповед.
За кражу	123	1 079
Соучастие в краже	3	6
Укрывательство кражи	4	3
Мошенничество в торговле	18	16
Мошенничество	10	9
Мошеннич. с отягчающ. обстоят.	3	3
с облегчающ. обстоят.	4	8
Покупка краден. вещей	3	2

«Итак, — говорит г. Еленский, — защитники евреев правы, говоря, что у христиан есть также люди дурные и безнравственные, как и у евреев; но они при этом не упоминают об их отношении к общей цифре еврейского и христианского населения. Цифры убеждают и в том еще, что где только идет дело о подлоге, наживе, плутовстве, облегчении кражи, подделке документов, присвоении исподтишка чужой собственности, словом — о преступлениях, в которых играет роль безнравственность утонченная, там старозаконные преступники превышают числом преступлений всех прочих исповеданий».

Таким образом, помимо всех тенденциозных и якобы новых доказательств, все же остается верным в сущности старый факт, а именно то, что огромное большинство необразованного еврейства, живущее на счет трудящегося населения, лежит на стране все тем же тяжким бременем.

«Не доходит ли или превышает это большинство 400 000 душ, о том не будем спорить, ибо никто его не считал. Не станем и входить в разбирательство, по чьей все это вине. Люди, старающиеся доказать, что масса евреев, скученная в городах и занимающаяся торговлей, есть поэтому самому класс производительный, забывают или не хотят помнить, говорит г. Еленский, что:

1) эта масса евреев нисколько не представляет собой настоящей торговли, а одно лишь подпольное или на плутнях основанное торгашество;

2) составляя излишек торгового сословия, это население выводит из себя массу пролетариев;

3) все сильнее и сильнее угнетая наши города и местечки, этот пролетариат не только не дозволяет им экономически развиваться, но, напротив, удерживает их в нравственной и вещественной немощи;

4) главное стремление этих еврейских классов есть нажива в широком значении этого слова и деморализация трудящегося населения и в особенности крестьян».

Мы видим, что выводы г. Еленского не далеко расходятся с заключениями Сташица. Он также обращает внимание

на быстрое возрастание еврейского населения сравнительно с христианским населением. Около двадцати лет тому назад Вольский, помещавший свои статистические исследования в календаре Варшавской астрономической обсерватории, оказал услугу и по вопросу еврейскому. О размещении евреев в Польше он представил следующие данные: в 1816 г. евреев в королевстве Польском считалось 212 944 души, а жителей других исповеданий 2 519 380 душ, то есть на каждую тысячу общего населения приходилось 78 евреев, а лиц других исповеданий 922; в 1856 г., или на сорок лет позже, еврейское население доходило до 571 678 душ, население же других исповеданий до 4 125 241 душ, так что на каждую тысячу общего населения приходилось евреев 122, а лиц других исповеданий 878.

Вольский заключал, что в сорокалетний период евреи приобрели на каждую сотню людей 169 душ, а население других исповеданий только 72 души. Таким образом, рост еврейского населения в 2 $^{1}/_{2}$ раза сильнее роста населения других исповеданий и что по расчету данных 1816–1856 гг. еврейское население может удваиваться в Польше в 28, а прочее население только в 50 лет.

С 1856 по 1872 г. еврейское население увеличилось в Польше против остального ее населения с лишком в два раза: еврейское население в 1872 г. считалось в 814 903 души, а прочее в 4 965 446.

При таких отношениях во 120 лет еврейское население в Польше сравняется в численности с римско-католическим населением, а так как оно состоит не из одних поляков, но и литовцев и частью русских и немцев, то через сто лет и даже, может быть, раньше количество евреев сравняется с количеством поляков в Польше.

Во всяком случае, и в настоящее время евреи составляют в ней $^{1}/_{6}$ всего населения. Россия никогда, можно надеяться, не решится отказаться от ясно уже ею сознаваемого права и долга своего заботиться о том, чтоб евреи Привислянского края в низших, средних и высших училищах получали свое образование исключительном на одном русском языке: оставаясь

при своей вере, они должны быть гражданами и подданными Русской империи, а не поляками Moyzeszowego wyznania. В сущности, последними (говорим не об одиноких личностях) они никогда и не были, и сами поляки, придумавшие это ложное название, вполне сознавали его условную ложь, употребляя его, с одной стороны, как captatio benevolentine, для заискивания у евреев, а с другой — дабы бросать пыль и напускать туману в глаза москалям и немцам, для застращивания тех и других, что долго и удавалось с русским обществом и русской администрацией. Внутреннее состояние Польши, взаимные в ней отношения как различных классов общества и народа, так и ее римского католицизма к прочим исповеданиям, и польской народности к прочим ее инородческим населениям, то есть к русским, литовцам, евреям и немцам, долгое время нам, русским, было совершенно почти неизвестно, и все наши представления и суждения о Привислянском крае отличались общностью и неясностью. Мы долгое время думали о Польше и поляках не так даже, как они сами о себе думали, а так, как они желали, чтобы мы думали о них. Время разочарования, если это только разочарование, наступило. Кажется, и поляки, особенно из тех, что лучше ознакомились с Россией и менее вращались в тех русских кругах, которые как бы сами напрашивались, чтобы их продолжали дурачить, начинают все больше сознавать, что кичиться пред нами своей силой, образованностью, стращать нас своими европейскими симпатиями и покровителями, угрожать нам своею великой будущностью и своей опасностью для России, что все эти подходы и приемы в обращении с москалями решительно приходится сдавать в архив, как негодную ветошь. Мы стали непосредственно изучать Польшу и, ближе с ней ознакомившись, смело можем теперь требовать прямоты и искренности в сношениях поляков с нами. Напрасно стали бы они скрывать и замазывать от нас свою слабость и бессилие, свое печальное положение, как народности больной, не столько давимой внешней силой, сколько разъедаемой внутренними недугами. Не злорадство и насмешку, а истинную скорбь и сожаление чувствует рус-

ский при ближайшем ознакомлении с Польшей. В теснейшем ее соединении и сближении с Россией видит он возможность исцеления этих недугов, замечая еще вражду и ненависть поляков к России, пугается и страшится ее, не из-за опасения какого о нашей Руси, а из-за будущности польской.

Мы приветствуем книжку Еленского, он смотрит на дело трезво и, отказавшись от всякого столь привычного в польской литературе самохвальства и восхваления до небес разных бывалых и небывалых доблестей польских, прямо и смело высказывает горькие истины.

«Надежда на слияние евреев с массой нашего народа, вообще говоря, очень слабая. *Поддаваться ей — значит поддаваться одному из тех самообманов, которые уже не раз нам обходились так дорого.* Сами евреи, по собственной воле, не хотят ассимилироваться не только у нас, но и в целом мире, за исключением тех стран, где их положительно мало». Наш автор с особенным сочувствием приводит известное место о евреях из предисловия г. Иловайского к его сочинению о Гродненском сейме, вышедшему в польском переводе в Познани в 1872 г. Вопрос о положении и быстром размножении евреев возбуждает, по словам автора, тревожные мысли не в одной Польше. Так, еще в 1876 г. берлинская газета «*Eisenbahn Zeitung*» поднимала вопрос ни больше ни меньше, как об изгнании евреев из Немецкой империи. Изгнание иезуитов уже совершилось. Но евреи, говорит газета, так многочисленны, так нахальны и сильны, что удаление их становится необходимостью для спасения немцев от разорения. Их деятельность чрезвычайная, и чем они деятельнее, тем больше зла причиняют стране. Вся их деятельность направлена к наживе во что бы то ни стало. На Берлинской бирже евреи по отношению к христианам как двадцать к одному. Между тем официальная статистика показывает, что имущество христианское относится к еврейскому как десять к одному, из чего следует, что еврейская предприимчивость превышает христианскую по крайней мере в десять раз. Акционерные общества, оказавшиеся в последнее время особым видом мошенничества (Schwindel)

и публичного грабежа, находились главнейше в руках евреев; в управлениях этих обществ отношение евреев к христианам как девяносто к одному. В заключение радикальный журнал, заметив, что в Германии издаются всеобщие жалобы на евреев и что «вопрос еврейский стал вопросом жизни и смерти», говорит: «Мы изгнали иезуитов, дабы остаться немцами, должны же мы принять какие-нибудь меры и против евреев, дабы не стать нищими».

Автор приводит это немецкое мнение вовсе не из сочувствия к нему, а в доказательство, что и в странах высокообразованных и развитых экономически, где притом численное отношение евреев к общему населению не представляет ничего грозного, и там обращают уже внимание на быстрое размножение евреев. В целой Германии евреев 512 000, а в одной Польше 815 000 душ. Никто из нас (то есть поляков), говорит автор, не может равнодушно относиться к естественно представляющемуся вопросу: «Что же будет, если еврейская масса, имеющая чрез столетие сравняться в численности с прочим населением края, не сроднится с другой половиной общества, не выйдет из своего фанатического невежества, не отречется от своей торгашеской исключительности, не перестанет быть излишком посредничества, не примется за занятия более производительные и не перестанет быть тяжким бременем для страны?»

В страшной зависимости поляков от евреев автор винит самих же поляков. И тут речь его дышит глубоким убеждением, горячей любовью к родине и истинным пониманием дела. Он прямо винит самих же поляков в недостатке энергии, в вялости и апатичности.

«Мы плачемся, — говорит он, — на эксплуатацию евреев, что они все у нас забирают в свои руки, но сами без них не делаем ни шагу в наших кредитных и торговых операциях. Мы жалуемся, — продолжает автор, — на факторов и ростовщиков, но без первых не совершаем ни одной купли и продажи, а для освобождения от вторых не устраиваем обществ взаимного кредита. Евреи берут, ибо мы им даем, евреи часто подымаются и богатеют с того, что мы без оглядки бросаем.

Евреи тратят десять, когда имеют пятнадцать доходу; мы тратим двадцать, когда имеем в кармане только десять. Евреи, если один не может взяться за предприятие, вступают в него целым товариществом человек в двадцать, занимаются делом целые годы и все наживают себе состояние. У нас, если в предприятие вступят только четверо, чрез месяц являются уже мелкие недоразумения, чрез полгода участники не хотят встречаться между собой, а чрез год все они обвиняют друг друга в недобросовестности и злонамеренности, и наконец передают свое предприятие евреям и немцам». Евреи, по словам автора, отличаются крепкой выдержкой и настойчивостью, прямо идут к цели (часто, правда, не разбирая средств); поляки же при многих благородных порывах, при горячем энтузиазме, остаются в экономическом отношении бессильными калеками или недоносками.

Мы позволим себе заметить, что польская деятельность, хотя бы за последние два столетия, воочию представляет бессилие и немощь поляков не в одном экономическом отношении и сверх благородных порывов и горячего энтузиазма обнаруживает нередко и большую неразборчивость в средствах к достижению плохо еще по обыкновению обдуманных целей. Процветание и сила иезуитов в Польше за последние почти триста лет, история диссидентов в Польше за то же время, возможность идеализации первым поэтом Польши подвига коварства и измены для блага *ойчизны* (Конрад Валленрод Мицкевича), известный польский катехизис и масса найденных последними жондом жандармов-вешателей и кинжальщиков, не говоря уже о многом другом, не позволяют обвинять одних только польских евреев в неразборчивости средств и находить в поляках только добродетели, благородные порывы и горячий энтузиазм и один разве недостаток благоразумия и расчетливости.

Не желая нисколько унижать высокозаслуженного Сташица и подымать выше меры г. Еленского, мы не можем, однако, не признаться, что в предлагаемых последним мерах для избавления поляков от еврейской любостяжательности и

гнета, вообще говоря, нет ни той фантастической непрактичности, ни той веры в силу чисто внешних и административных ограничений, которые так достаточно сказываются в записке Сташица. Так, например, Сташиц предлагал русскому правительству выселить евреев из Польши в Бессарабию и Крым, в края доселе безлюдные, как наиболее удобные для деятельности евреев. Таким же фантастичным характером отзывается теперь и предложение Сташица, в его время еще вовсе не фантастичное! Сказав о том, что образование для евреев должно быть общественное, публичное, что не следует разрушать никаких особенных частных еврейских школ, что, кроме особого класса Закона Божия с особым учителем евреем для еврейских детей, не нужно делать никаких исключений, Сташиц прибавляет: «Так как евреи не имеют своего народного языка, а употребляют испорченный, никому не понятный язык немецкий и так как они живут не в Германии, а в Польше и эту страну избрали себе отечеством, *то вместо немецкого языка они должны принять язык польский.* Их сочинения и переводы, их книги нравственного, религиозного содержания, дабы одинаково могли подлежать цензуре, как все прочие в Польше издания и книги, имеют отныне быть писаны только на языке польском».

Это предложение Сташица теперь уже отзывается фантазией, так как русское правительство никогда не решится вводить для евреев обязательность польского языка, так как теперь ни немецкий, ни польский, а только русский язык может быть языком обучения и преподавания для евреев польских, ибо ополячивание евреев не может представлять никаких выгод ни для России, ни для евреев, ни даже для самих поляков, ибо исключительно польское образование евреев может и должно значительно мешать желанному для поляков разорению еврейского населения в Польше и добровольному из нее выселению масс еврейских в восточные края России. Что же касается книг, издаваемых евреями, то России, конечно, нет никаких причин и оснований запрещать евреям писать и печатать книги, на каком языке они сами пожелают.

В мерах, предлагаемых г. Еленским, высказывается более строгое воззрение на предстоящие полякам задачи в соперничестве и борьбе их с евреями. Он не видит иного спасения, как в изменении характера польского воспитания и образования. Он требует от поляков благоразумия, твердости, выдержки, настойчивости, с одной стороны, единодушия, решимости и уменья действовать дружно, сообща не для каких-нибудь туманных и мечтательных целей, а в видах реальных, экономических и торговых. Нельзя, впрочем, не оговорить что г. Еленский совершенно прав, когда ждет успеха в борьбе поляков с евреями не в тысячах разных новых и старых проектов, а в выступлении массы против массы на поприще экономическом; но он вместе с тем сильно ошибается, если полагает, что поляки могут вскоре овладеть всеми этими необходимыми, по его мнению, условиями для борьбы с евреями. Характер общества и народов не так скоро меняется. Только с коренным изменением условий воспитания и образования и едва ли раньше, как чрез два, три поколения, можно надеяться и рассчитывать с каким-нибудь успехом на коренные перемены в характере польского общества. Тут-то и представляется великая важность и польза для польского народа от обязательности русской школы и русского учебного языка. Польская история, польская образованность — это надо помнить, этого не извратят и не поколеблют никакие quasi-ученые похвальбы и доказательства, никакие выдумки большего патриотического воображения — рисуют нам страну, со второй половины XVI в., не прогрессирующую, не поступающую вперед, а идущую назад и гибнущую, летящую стремглав в пропасть материальную и нравственную. Разве в новейшем польском обществе встречаются характеры и умы Польши половины XVI в.? Разве лучшие польские писатели XVI в., по свободе воззрений и широте понимания, не выше целой головой лучших, даровитейших польских писателей XIX в.? Разве высшие эманации польского гения, Мицкевич, Шопен, Красинский, при всех своих замечательных дарованиях не представляют собой чего-то болезненного, страшно надломленного, не носят на себе печати не

то детской, не то старческой ограниченности и исключительности, частью искренней, частью напускной наивности в понимании современного и окружающего чужого, и в радужной идеализации своего прошлого и будущего? Разве в нынешней польской литературе возможен или нашел бы себе почетное место какой-нибудь Фрич Моджевский[3] с его воззрениями на Римскую курию, на протестантство и православие? Может ли современное польское общество представить хоть одного епископа, сколько-нибудь напоминающего, например, бывшего примаса Польши, гнезненского архиепископа Уханского, друга и покровителя этого же Фрича?

Таким образом, надежды и ожидания г. Еленского, если они исключительно вращаются в сфере польской образованности, страдают такой же бесплодной фантастичностью и мечтательностью, как и разные другие планы польского патриотизма. Г. Еленский говорит, что поляки вечно будут уступать евреям, пока не разовьют в себе такого же духа почина и самодеятельности, какие, например, проявили чехи в последние тридцать, сорок лет, легко сказать — чехи. Но разве можно забывать, что чехов в этом возрождении вдохновляли, подымали и руководили две идеи, два чувства? С одной стороны, память о Гусе и целом духовном движении, произведенном им в Чехии, о славных ее боях с папством и католической феодальной Европой, с другой стороны — идея славянства и преимущественно надежда и упование на Россию, желание общения и единения с русским народом. Вот что наиболее воодушевляло возродителей и лучших деятелей чешских: Юнгмана, Колара, Шафарика, Челяковского, Пухмира, Ганку и многих других. Единение в просвещении, единство просветительного начала и высшего образовательного орудия — вот последнее слово лучших и высших новейших деятелей чешских. А насколько чехи обогнали поляков в своем экономическом и политическом развитии? Насколько выше поляков по образованию чисто ученому и техническому? Такие ли идеи воодушевляли и согревали новейшую польскую литературу и образованность? Вместо Гуса тут чтятся имена злополучной памяти Скарги и Иосафа-

та, вместо идеи славянской здесь воодушевляла умы сильная ненависть и вражда к единственной силе и опоре славянства — России, а согревала надежды и упование на Рим и Францию, особенно клерикальную и наполеоновскую, даже наконец на Турцию. Вместо распространяемых чешской литературой верных сведений о прошлом и настоящем славянства и здравых понятий об отношении к русскому языку прочих наречий славянских (Юнгман, Пухмир, Клацель) польское общество преимущественно питалось сумасбродными учениями Духинского о туранстве москалей и других ему подобных больных голов, о принадлежности языка и народности малой, белой, даже Новгородской Руси к языку и народности польской.

Сравнивая новейшую польскую образованность с чешской, мы заметим, что последняя, к своей выгоде, отличается от первой особенно в двух отношениях. В то время как в Польше (не только нашей, во и прусской и австрийской) высшее и даже низшее духовенство отличается, с одной стороны, крайним ультрамонтанством, а с другой — имеет чрезвычайно сильное влияние на все общественное образование и литературу, у поляков и теперь, не по вине казенной цензуры, а страха ради иудейского, из опасения навлечь гнев своего духовенства, не принято издавать тексты старых польских писателей иначе, как с выпусками всех мест и отдельных фраз с мало-мальски неуважительными отзывами о папстве и духовенстве. У чехов же высшее духовенство по большей части столь же ультрамонтанское, как и польское, вместе со светской аристократией долго было совершенно в стороне от народного чешского движения и не имело, по счастью, никакого на него влияния. Низшее же духовенство, особенно старого поколения, так как по свидетельству лучших чехов молодое поколение гораздо хуже, было довольно сильно проникнуто славянским духом и антиримскими воззрениями. Другое же отличие чехов от поляков заключается в сильном участии крестьянского сословия в новейшей образованности. Многие писатели и ученые чешские последнего времени вышли именно из среды этой здоровой и благороднейшей части населения, тогда как у поляков крестьянство, хлопство,

совсем почти в литературе польской не представлено, и образованное польское общество страдало именно от исключительности господствовавших в нем шляхетских воззрений и нравов. Польская литература очень мало или ничего почти, сравнительно с чешской, не сделала до сих пор для образования собственно народа, крестьян. Польская образованность, польская историческая национальность до такой степени мало связана с польским народом, то есть сельским простым людом, так отделена от него, что величайший ее поэт и высший ее выразитель в слове, Мицкевич, был уроженцем и воспитанником того края, где поляки только шляхта, а масса народа вовсе не польская и поляков никогда не любила, как чужих пришельцев и притеснявших ее помещиков. Даже в чисто польских местностях поныне крестьянин Мазур, слыша, что его называют поляком, иногда отвечает: «Я Мазур, а пан поляк». Так, во всех новейших попытках поляков к восстановлению Польши, начиная с Костюшки до последнего времени, польский народ держался в стороне и даже иногда решительно выступал против дворянства и духовенства и помогал чужой власти.

Легко сказать поляку: будем подражать чехам, разовьем ту же самостоятельность и энергию, но не легко это сделать. Во всяком случае потребуется на это много времени и условий, иных, чем были прежде, общественного воспитания и образования. Мы, русские, можем только радоваться таким польским желаниям и должны терпеливо ждать и надеяться, что произведенные с 1864 г. в нашей Польше в пользу сельского населения реформы с одной стороны, а с другой — распространение русского языка и большее знакомство с русской художественной и ученой литературой принесут-таки непременно свои полезные плоды, вольют в польскую литературу и образованность более народных и славянских струй, имеющих смыть с нее исключительность шляхетскую и ограниченность ультрамонтанскую. Нам приятно видеть, что сами поляки начинают теперь признавать значительные успехи, сделанные в последнее время польским крестьянством. Так, г. Еленский говорит в одном месте: «Крестьяне наши во многих местностях значительно под-

нялись в отношении материальном и постоянно еще поднимаются, что и возбуждает в них охоту к увеличению своих земельных участков (с. 140)». В желании же нашем, чтобы польская литература все более и более освобождалась от господства темных и ограниченных ультрамонтанских воззрений и сближалась с более чистыми христианскими понятиями, господствующими, например, в русском народе под влиянием его высшего просветительного начала, не нужно искать какого-либо враждебного и неприязненного чувства к польской народности, а можно видеть одну крепкую надежду и веру в ее добрые качества и здоровые силы. Польша в половине XVI в., до утверждения в ней иезуитов, имела и в светском обществе, и в духовенстве много просвещенных людей, которые прямо высказывали свое недовольство римским католицизмом, желали церковных преобразований в Польше: наше введение славянского языка в богослужении, уничтожение обязательного целибата для белого духовенства, большей или совершенной независимости от Рима (если Рим не изменится), развитие выборного и совещательного начала с привлечением мирян во внешнем управлении церкви, и открыто, как, например, один из величайших поляков и вообще славян, Андрей Фрич Моджевский, выражал свое сочувствие к восточному православию и желание сближения с ним. Мы не думаем, что можно оскорбить современную Польшу предположением, что в ней еще не умерли лучшие, старые, доиезуитские предания, что и теперь есть в ней люди, даже между духовенством, которые не менее нашего чтят память таких достойных деятелей, как архиепископ Уханский или Фрич, что после того как в Англии, Франции, Германии и Италии так заметно усиливается стремление к древней христианской церкви и все громче высказывается сочувствие к православию, в то время как в Чехии глухо и тихо подготовляется выход части населения из католицизма, в это время, повторяю, не может быть ничего обидного для Польши в открытом нашем заявлении пожелания надежды, что и в польском обществе, и в польской литературе начнут, наконец, раздаваться голоса в пользу братского общения и духовного сближения с Россией. От заяв-

ления и распространения таких идей может только выиграть польская образованность, подняться польская литература и окрепнуть польская народность. Соперничество и борьба поляков на поприще экономическом с евреями есть действительно настоятельная внутренняя потребность Польши. Это вместе и вопрос просвещения, и важный вопрос для целого славянского племени. Наша образованность и просвещение христианские; от христианства заимствовали и получают они свою оживляющую силу и благотворное влияние. Всякая местная культура плодотворна для общей образованности, только когда она имеет свой колорит, питается своими соками, развивается и оплодотворяется народом почвы, а не сбродом пришлецов-паразитов и эксплуататоров края, ничем, кроме цели наживы, с ним не связанных. Но для нас, русских, как христиан и славян, считающих себя в истории человечества наследниками и преемниками греко-римской и романо-германской образованности, далеко не все равно, будут ли на чисто польской земле хозяева полупольские, полунемецкие семиты или поляки, славяне и христиане, будет ли польская словесность и образованность представлена поляками Moyzeszowego wyznania или поляками, славянами и христианами. Евреи могут писать по-польски, могут создать целую польскую литературу, и все-таки в ней, кроме языка, ничего не будет польского, славянского и христианского. Г. Еленский слишком, кажется, сам спешит признать за чистых поляков так называемых им евреев среднего класса, то есть евреев интеллигентных, польских евреев литераторов и ученых. Борьба поляков с евреями есть борьба начал идеалов, историко-культурных типов. Видимо, сосредоточиваясь на почве экономических интересов, она, в сущности, простирается дальше, и главнейшее происходит в области мысли и идей, в сфере художества и науки. В этой борьбе идет вопрос о том, славянско-христианский тип Польши сумеет ли подчинить себе, ассимилировать евреев и сделать их орудиями своих задач или же, наоборот, польское еврейство и в области идеальной так спутает поляков, как оно уже связывает их по рукам и ногам на почве материальной, так обесцветит и обезличит

польскую словесность и образованность, так вытянет из нее весь славянский и христианский дух, как шинкарь и фактор выбивают в польском хлопстве и шляхетстве всякую решимость, самодеятельность и предприимчивость. Таким образом, успех этой борьбы зависит не от одних условий материальных, но и духовных. Тут-то и представляется важный вопрос для польской народности, сумеет ли она выбиться из-под угнетающего дух и подавляющего всякую свободу мысли просветительного начала, которое особенно с XVI в. убило в Польше столько прекрасных задатков и ныне выражается в *Силлабусе* и догмате папской непогрешимости. Без прилива новых свежих сил в польское общество и без внешних посторонних влияний трудно, даже невозможно ожидать, что у него хватит решимости и отваги свернуть со старой протоптанной, исключительно польской и шляхетской колеи и вступить на новую, более широкую, дорогу народного и славянского развития. Призванное к новой жизни русской государственной властью польское крестьянство может одно, мне кажется, внести недостающий здоровый элемент силы и движения в совсем почти захудалую и состарившуюся польскую общественную образованность. К самым же благотворным посторонним влияниям следует, мне кажется, относить влияние русской литературы и образованности. Есть полное основание надеяться, что новые выходящие силы из польского крестьянства будут сразу относиться к России, русскому народу и русской мысли без тех предвзятых, ложных и часто диких взглядов, которые глубоко засели в двух исторических классах Польши, дворянстве и духовенстве, единственных по сие время двигателях и выразителях польской идеи и образованности. Нельзя не признать, что и на них нынешняя безусловная обязательность русского языка должна оказывать невидимое и, помимо всякой их воли и часто вопреки их желаниям, благотворное, освободительное влияние. Эта обязательность русского языка несет полякам и другую немаловажную службу. Нимало не лишая их права и возможности распространять и прививать разными общественными способами польский разговорный язык и знакомство с польской сло-

весностью между двумя опаснейшими для польской народности инородческими стихиями, еврейской и немецкой, всеобщая обязательность русского языка в Привислянском крае подчиняет, благодаря ей, евреев и немцев вторичному влиянию новой славянской стихии, более крепкой и могущественной, чем польская. В обязательности русского языка для польских евреев и немцев поляки могут видеть только новое побуждение к его добровольному изучению. Польской интеллигенции, отворачивающейся от русской литературы и образованности, трудно будет соперничать с еврейской и немецкой интеллигенцией, знакомой не только с польской, но и с русской литературой. Устранение русского языка и введение вновь польского языка, как языка преподавания в Варшавском университете и в гимназиях или вообще в среднеучебных заведениях, нельзя было бы не считать мероприятием неуместным и гибельным, которого нельзя советовать в видах и интересах России, польской народности и всего славянства. Напротив, нам казалось бы в высшей степени полезным и справедливым введение изучения польского языка как в гимназиях и в университетах, так и в других средних и высших (буде откроются) заведениях Варшавского учебного округа. Россия бы этим только доказала, что доказать требуется, что, не желая стремиться к ополячению инородцев Привислянского края, она отнюдь не намерена истреблять польскую народность. В то время как всюду в северо- и юго-западных землях славянских растет общее стремление к изучению русского языка и литературы и все громче и громче высказывается в их чистонародной интеллигенции мысль о необходимости одного общего славянского языка и признания за русским языком безусловного права быть таким дипломатическим языком и орудием высшей образованности всего славянского мира, в это время русскому писателю позволительно, кажется, без страха заподозрения в лицемерии открыто заявлять, что обязательность русского языка, как орудия среднего и высшего образования в Привислянском крае, послужит не к ослаблению, а, скорее, к усилению польской народности. Будь даже организмом гораздо более здоровым, чем она есть на са-

мом деле, она слишком малочисленна, чтобы бороться успешно с напирающим на нее ежедневно германизмом одними собственными силами, без опоры и поддержи со стороны всего славянства и особенно русского народа.

С большой искренностью, хотя и не с достаточными подробностями, г. Елевский в своей брошюре раскрывает всю грозящую полякам опасность от усиления немецкого элемента в Польше. Указав вкратце на древнюю и старинную между поляками и немцами вражду и неприязнь, автор справедливо замечает, что и настоящий натиск немцев на поляков с Запада, и нынешнее нерасположение последних к своим западным соседям — не игра воображения, не минутное настроение, как некоторые любят утверждать.

«Издревле глядел германизм на славянщину хищническим взглядом, издревле шла самозащита, а с нею и борьба. Вовсе эти прошедшие времена до настоящего намерения немцев нисколько не изменялись, и ныне эта борьба оказалась столь же неизбежной, сколько твердо в нападаемых желание сохранить свою особность и свой народный быт»... Для доказательства, «как быстро преуспевает германизм в землях еще недавно чисто польских, как энергично он стремится забрать в свой дом все встречное ему на пути», автор приводит несколько данных из этнографической статистики великого княжества Привислянского и, обращаясь к Привислянскому краю, он доказывает столь ее красноречивыми цифрами, что немецкая стихия в вашей Польше, хотя, конечно, не в таком степени, как в прусской, постепенно, однако, усиливается и уже начинает угрожать народности польской. Постоянной эмиграции в нашу Польшу из Германии, к сожалению, скажем от себя, не противопоставляется с нашей стороны никаких преград и даже затруднений, что, может быть, было бы легко достижимо если бы немецкий элемент был послабее представлен в русской бюрократии, особенно в администрации Привислянского края.

Как мало живительно для края действуют немецкие фабрики и заводы в Привислянских губерниях, автор в подтверждение приводит следующее место из своего *Описания*

Калиша и его окрестностей (Варшава, 1875). «Существующая несколько десятков лет суконная фабрика внутри поделена на несколько просторных зал. Войдем, например, в так называемую сортировальню, но войдем не надолго, ибо убийственный воздух задерживает дыхание и производит совершенно одуряющее действие. Зала так низка, что человек среднего роста рукой достает до потолка, и в зале напрасно искать какой-нибудь вентиляции. Видишь лишь несколько бледных женских фигур и двенадцати-, десяти- и восьмилетних детей. Это фабричные рабочие. Эти скелеты смотрят стеклянными глазами, как бы взывая о помощи. Сбоку какая-то отощалая женская фигура дико усмехается, глядя на тебя, счастливый смертный, что, войдя только на минуту, ты затыкаешь себе нос и думаешь о выходе. Она сидит здесь ежедневно, от 6 ч утра до 8 ч вечера, сидит в этой убийственной атмосфере *четырнадцать* часов подряд и зарабатывает... maximum один рубль или при наибольших усилиях (работа в таком случае поштучная) два рубля в *неделю.* Не думайте, впрочем, читатели, чтобы все фабричные получали такую малую плату. О... тут есть исключения, а к ним принадлежат вывезенные прямо из Германии *мастера.* Мастеров на фабрике 15 человек, и все чистокровные немцы»*.

«Таких красноречивых фактов мы могли бы, — говорит автор, — привести очень много. Сколько раз ни случалось нам познакомиться с какой-нибудь фабрикой промышленника-немца, нас всегда поражало то обстоятельство, что рабочие все немцы; если же поляки, то держатся в черном теле. Никто ими не занимается, никто не думает об их будущем, ибо будущее вместе с перспективой некоторого улучшения судьбы и *фабричного авансу* исключительно предоставлено выписываемым из-за границы своим землякам. Словом, про большую часть здешних немецких фабрик и заводов можно сказать, что кто лучше вознагражден, то немец, кто хуже всего, то поляк.

* Само собой разумеется, не для одних немецких, но для всех фабрик и заводов в империи давно пора учредить строгий надзор и издать постановления о maximum часов для рабочих вообще и для женщин и детей в особенности. Для детей необходимо и ограничение лет.

Каждый немец имеет в перспективе стать мастером, туземец же, сверх плохого заработка изо дня в день, ничего перед собой не видит. Таким образом, прибавляет автор, при нынешней администрации промышленных учреждений не может у нас выработаться желаемый класс фабричных рабочих, ибо работающее в них городское население, скорее, употребляется как временный материал для наживы. Большинства фабрикантов немцев не только старается иметь у себя рабочих немцев, пользуясь только в крайнем случае туземцами, но, что еще важнее в экономическом отношении, немногие немцы, заводя у нас какую-нибудь фабрику, стараются (поскольку им это конечно не составляет материальной разницы) и сырье вывозить из Германии. Кто понимает, как для нас важно менее вывозить чужих продуктов и поболее вырабатывать своего сырья, тот согласится, что и в этом отношении немецкая промышленная политика не особенно для нас спасительна. Между тем как немцы фабриканты тянут только своих специалистов, вызывая их со Шпреи либо Эльбы, наши техники принуждены искать себе занятий на чужбине или губить свои специальные дарования на жалких местах в частных конторах. Будем последовательны! Если мы все кричим, что наученная печальным опытом отцов, тысячами остававшихся без хлеба, современная молодежь должна отказаться от *чиномании* и стараться о техническом образовании, то спрашивается, к чему же оно пригодится, коли захвативший почти все отрасли промышленности элемент немецкий не допускает туземцев. Так, например, почти все управляющие сахарными заводами* поставляют в условие их владельцам, что на места химиков и пр. будут принимаемы только *заграничные* специалисты. Наконец, немецкая промышленность, как известно, бьет на то, чтобы всего производить числом побольше, ценой подешевле. И поскольку польские фабриканты отличаются прочностью и вкусом, постольку немецкие лишены этих качеств. Таким образом, едва начинающая развиваться промышленность может только те-

* Кто же неволит польских заводчиков брать себе непременно немцев в управляющие? Зачем не берут, по крайней мере, чехов?

рять свой кредит. Привязанный всеми корнями к родине своей, германизм, как только засядет у нас, не только нимало не заботится о подъеме народных сил, но, напротив, решительно их игнорируя или высасывая их в своих чисто немецких интересах, стремится к образованию в нашем краю отдельных, замкнутых в себе и движимых манией германизации фабричных немецких колоний. Таковы в Польше чисто немецкие промышленные города Лодзь, Озерков и пр. Каждый почти фабрикант немец, заводя у нас фабрику, помышляет о приобретении себе какой-нибудь соседней деревушки. В соседстве наших фабрик всегда имеются и немецкие землевладельцы». И это обстоятельство г. Елевский считает для поляков особенно опасным. «Не говоря уже об Олькуше, где уже двадцать два имения перешли в руки ловких соседей, редкая из внутренних корреспонденций не извещает нас о какой-нибудь новой операции, благодаря которой разбогатевший фабрикант-немец становится землевладельцем. В 1873 г., продолжает автор, уже 633 фабрики и завода находились в руках иностранцев, с ежегодной производительностью свыше чем на 19 724 090 руб., составляющих 27% всей фабричной производительности Привислянского края, простиравшейся в том же 1873 г. на 73 037 000 руб. Это в области промышленности. Относительно же землевладения германизм становится для нас гораздо опаснее. Так, в 1873 г. «колонистов-иностранцев» считалось у нас 28 616 семейств, или 116 102 душ обоего пола. Эти иностранные колонисты имели своей собственной поземельной собственности 361 307 моргов и имели в аренде 131 569 моргов. Крупных поземельных владений было в руках пришлецов 543, занимающих 970 999 моргов. Вообще земли (не считая земель арендованных), находящейся в руках иностранцев было у нас 1 332 306 моргов, или 7,3% всей площади». Эти цифры, как видим, довольно значительные, относятся к 1873 г. Теперь, конечно, они должны быть выразительнее, ибо германская колонизация развивается у нас очень быстро. В Люблинской губернии в 1864 г. немецких колоний еще вовсе не было. В течение последних десяти лет было расколонизовано в губер-

нии с лишком 35 534 морга. Каково же отношение колоний немецких к колониям, заведенным мещанам и крестьянам, показывают следующие данные, относящиеся до Любартовского уезда. В гмине Самколиски из 138 отдельных новоустроенных дворов в 2,631½ моргов 77 приходится на крестьян и мещан, а 61 — на немцев, числом 583 д. обоего пола. В гмине Серники новая колония (в 567 моргов) имеет 22 двора, из них 4 местных крестьян, а 18 немецких (183 д.). В гмине Лудвике явилось новых дворов крестьянских 15, а немецких 206, так что одна эта гмина заключает в себе немцев 1 002 д. Также в гмине Лупава на 5 дворов крестьянских образовалось 40 дворов немецких. Не приводя других подробностей, заметим вообще, что в Любартовском уезде колонисты немецкие к колонистам туземцам относятся, как 5 к 2, в то время как немцы имеют 609 колоний, туземцы только 240, и немецкое население этого уезда в 4 580 д. составляет $^{1}/_{15}$ общего населения уезда. Это сталось в течение 10 лет с 1864 по 1874 г. В следующие три года, от 1874 по конец 1876 г., новых участков не распродавалось и тем не менее немецких колонистов прибыло 1 092 д., так что число их увеличилось на ¼. За три года пред тем один немец приходился на $16^{1}/_{2}$, а в начале 1877 г. один на $13^{1}/_{2}$ д. общего населения уезда. Столь же любопытны данные и относительно других Привислянских губерний. Например, в Полоцкой губернии с 1860 по 1870 гг. прибыло немецких колонистов 1 345 семейств, а с 1870 по 1875 гг. — 785 семейств. Число всех иностранцев в Плоцкой губернии простиралось до 5 889 семейств, в том числе 18 169 д. мужского и 12 085 д. женского пола, итого 26 150 д., или 5,2% общего населения губернии, простирающегося до 497,644 д. Все это исключительно немцы и преимущественно эмигранты прусаки (последних 5 684 сем.). Они всего гуще населяют пограничные уезды. Так, в уезде Рыпинском они уже составляют 10,3%, во Млавском — 9,5%, в Липновском — 6,1%, в Серлецком — 5,7% общего населения. До 7% этих немецких колонистов не знают совершенно польского.

«Прибывающие в нашу Польшу немецкие колонисты стараются разом скупать земли в одних местностях. Где ока-

зывается первый поселок немецкий, туда быстро прибывают десятки и сотни новых дворов. В высшей степени поучителен в этом отношении пример Лодзи, Озеркова и пр. В них господствует немецкий язык, по-немецки издаются газеты («*Lodzer-Zeitung*»), по-немецки ведется все управление банков и других городских учреждений. Тут нет и следа польского элемента, и если он был, то уже вытеснен или поглощен немецким. То же самое происходит и в деревнях, где немецкий элемент успел устроиться. Пусть только прибавится таких Лодзей в нашем краю еще десять, сто или несколько сот; пусть явится таких новых или преображенных деревень тысяча, две-три тысячи и более, и тогда, справедливо спрашивает г. Еленский о поляках: чем же мы будем по отношению к немцам? Будут ли и тогда раздаваться у нас голоса, приказывающие нам благословлять немцев за то, что, подняв нашу промышленность и культуру страны нашей, они обогатили наш край. Как немец-фабрикант, так и немец-землевладелец, не принимая ни малейшего участия в делах наших, но стремясь к онемечению всего окружающего, составляют для нас род болезненного нароста на здоровом человеческом теле. Поскольку нарост этот не перестанет увеличиваться, поскольку организм должен чахнуть, вымирать и отрекаться от своего назначения. Таков, быть может, конечный результат германского у нас влияния и его не воображаемое, а истинное значение».

Против германизма г. Еланский считает необходимым пробуждение во всех классах польского общества духа предприимчивости и экономической солидарности, наконец твердой решимости не продавать немцам ни пяди земли. Вместо того, чтобы продавать немцам крупные имения, автор советует дробить их на мелкие участки и продавать их мелким землевладельцам-крестьянам. В заключение автор говорит: «Ежели жиды во всей своей быстро возрастающей массе не срастутся с нами, а немцы не перестанут нас далее вытеснять в землевладении, то смело можно сказать: недалеко то время, когда не *жиды и немцы будут жить у нас, а мы будем жить у жидов и немцев*».

Этот польский вопль против возрастающего в русской Польше германизма и еврейства мы позволяем себе особенно рекомендовать тем из наших либералов немецкого и еврейского происхождения, которые любят щеголять своими фразами против так называемого *русопетства* и *славянофильства* и своими горячими симпатиями к бедной и угнетенной польской народности. На этом истинно трудном ее положении между евреями и немцами следует поразмыслить и прочим вашим русским либералам, считающим неприличным и противоправным общечеловеческой образованности и науке, которую они так великодушно берутся у нас всецело собой представлять и так искусно охранять от нападок невежественных славянофилов. Наши либералы могут лучше прежнего разглагольствовать о необходимости нашего примирения с поляками, но, не став на столь презираемую ими точку зрения русскую, славянскую, они всеми своими либеральными нежеланиями и проектами в смысле laissez faire laissez aller только ускорят и усилят рост и могущество еврейского и немецкого влияния в русской Польше. Евреи, обессиливая и истощая Польшу, помогают немцам, а немцы, еще бессильные, чтоб одним властвовать в Польше, волей-неволей содействуют усилению евреев. Усиление немцев в русской Польше принадлежит к тем явлениям, которые могут, впрочем, иметь и свою полезную сторону. Оно могло бы установить общую точку зрения для поляков с русскими и привести столь давно и резко несогласные между собою две народности славянские к известному единомыслию и общему образу действий. Общая опасность, угрожая обоим противникам, заставляет их мириться и действовать сообща для ее устранения. Но если для русских и поляков тут опасность общая, то она угрожает тем и другим далеко не в одинаковой степени. Непосредственно грозная и близкая для поляков, она далека от русских и грозна им лишь косвенно. Она грозит полякам и упадком, и гибелью их народности, русским — утратой западной окраины и близкой родственной народности. Но если в русских слабо вообще проявлялось сознание опасности от чрезмерного усиления евреев и немцев насчет поляков и русской Польши, то

значительная доля вины лежит на самих поляках. В недостатке практического смысла и в слабости политического понимания, не полякам, конечно, и не западным славянам вообще обвинять русских. Все доступное общественному пониманию поляков вразумительно, слава Богу, и русским. Не углубляясь во взаимные отношения инородческих элементов в русской Польше, русский смысл в отдельных частностях и подробностях мог иногда быть морочим поляками, и то не надолго и в минуты особых увлечений, да и всегда, впрочем, не в лучшем своем представителе — русском народе, а в его верхних слоях с легким усвоением высшей образованности терявших много и здравого смысла, и других свойств русской народности. Желая нас застращать, поляки скрывали от нас свои жалобные и печальные отношения к евреям и немцам, напротив, хвалились и рисовались своей дружбой к ним и их преданностью польской идее. Вина ли русских, если им часто приходило в голову: есть ли чего дорожить этой западной окраиной и народностью, когда они причиняют России столько неприятностей и замешательств, когда в братском по крови народе мы встречали вражду и ненависть и видели его союзником всех неприятелей России, от французов до турок. Очень понятно, что во множестве русских людей сложилось убеждение, что Россия ничего не потеряет, если Пруссия подберет к себе поляков. Не поляки ли важничали пред нами и кичились своей *западной* образованностью, своей принадлежностью к Западу? Не они ли сами на сотню ладов объясняли миру решительную для них невозможность дружного и мирного сожительства с туранской и схизматической Москвой, грозно заявляя нам, что они всегда предпочтут потонуть в столь близкой и сродной им западной цивилизации? Не столько из нелюбви к полякам, сколько из веры во все эти заявления мы бывали нередко готовы в своем сознании расстаться с ними, отделаться от этого гордого своей западною цивилизацией брата. Не боязнь польского могущества, не желание усиливать Пруссию, а ясное сознание, что между Германией и Россией нет места вполне независимому государству и что таким образом политическая песенка Поль-

ши уже спета — вот что, собственно, внушило русским мысль об уступке нашей Польша по Вислу — Германии. Но русское народное самосознание на этой мысли не остановилось. Ближе и непосредственнее ознакомившись с нашей Польшей мы убедились прежде всего, что эта кичливая и бунтующая, ненавидящая нас и вечно шумящая Польша представлена почти исключительно дворянством и римско-католическим духовенством, что огромнейшее в ней большинство, собственно народ ее, никаких поползновений и притязаний не разделяет, никакой вражды и ненависти к русской власти не питает, напротив, может и готов стать твердой ее опорой. Далее мы разглядели в Польше народности русскую и литовскую, мы уразумели, наконец, истинные отношения поляков к сильным своей численностью, капиталам и предприимчивостью евреям и немцам, ловко, правда, эксплуатирующим так называемую польскую идею, но всего менее ей верящим, нисколько ей не преданным и в глубине души смеющимся над ней. Повязка с глаз наших спала. Давно нам известная в своей немощи государственной Польша, как народность, предстала нам больной, захудалою, но способною к выздоровлению благодаря крестьянскому ядру своему, не менее симпатичному и не менее одаренному, чем другие захудалые и истощенные западные славянские ветви. Что касается особенной близости к западной цивилизации, то она сказалась, если не считать немецких городов и колоний, преимущественно в католицизме, напоминающем всего более некоторые наиболее отсталые провинции отсталой во всех отношениях Испании. В науке, в искусствах и промышленности эти столь гордые и кичливые пред москалями поляки оказались нам, по ближайшем знакомстве с ними, ни мало не опасными и не страшными соперниками, как всякому русскому, привыкшему к жизни в Москве или в Петербурге, знаменитая Варшава, чуть не второй Париж, во мнении поляков, представляется довольно грязным, не особенно богатым удобствами западной цивилизации, полужидовским, полупольским городом. Не только в политическом, но и в культурном отношении Польша для России такая же провинция, как Варшава губерн-

ский город. У России есть провинции и города, с культурой гораздо более западной и европейской, чем польская, например, прибалтийское побережье с его городами: Ригой, Ревелем и Дерптом, с культурой гораздо более древней и знаменитой в истории всемирной, чем старая культура польская, например, Крым его греческий, кавказские земли с их византийской, армянской и грузинской, некоторые среднеазиатские города, как Самарканд, с их древней и средневековой образованностью.

Таким образом, мы убедились что не только в политическом и вещественном, но и в духовном и культурном отношении Польша и Россия — величины несоизмеримые, что настоящей борьбы между ними и быть не может. Бросаясь в борьбу с Россией, польская народность играет только роль небольшого отряда в чужой армии, успехи которой прежде всего повредят польской и всем прочим западнославянским народностям. В колоссальной борьбе собственно Европы и собственно Азии с третьим Средним миром, греко-славянским, интересы всего славянства, равно как и всех народностей, тесно культурно и географически с ним связанных (греков, албанцев, румын, литовцев, различных чудских народностей, армян, грузин, сирийцев и пр.), представлены Россией, и ею одной могут быть защищены и обеспечены.

Понятно, что такое воззрение на Россию не только не требует насильственного обрусения, всех инородческих и инославянских стихий, входящих в состав России или имеющих войти в союз с нею, но, напротив, терпит и даже вызывает их свободное развитие, ибо, отдаваясь вредному и враждебному России направлению, каждая из этих стихий вредит себе еще гораздо более и, занося руку на Россию, поражает прежде всего себя.

Мы не выступаем защитниками всех мер и действий русской администрации в Привислянском крае. Мы очень хорошо знаем, что русские государственные люди, за немногим исключением, не одобряли славяно-русских воззрений на призвание и задачи России по отношению к западному славянству и германизму. Можно по всей справедливости сказать, что в

наших высших кругах поныне, исключительно снабжающих Россию высшими администраторами, и теперь преобладает то бесцветное, якобы общеевропейское воззрение, некогда царствовавшее в литературе и искусстве до вступления их на путь народности. «Меня могут обвинять в чем угодно, — сказал однажды покойному Гильфердингу один из влиятельных наших сановников. — Но, — прибавил он с барской небрежностью, — меня никто, конечно, не упрекнет за так называемое национальное направление»*. Когда такими взглядами руководствуются в чистобюрократической или полицейской сфере, то жалкие последствия практической деятельности не выступают так явственно, не действуют на страну в такой степени гибельно, как если люди с подобными взглядами суются в высшую политическую область и своими неумелыми руками берутся за мировые задачи. Впрочем, пигмеи и бездарности могут лишь на время засорять естественное течение событий. Изменять же исторический процесс развития великой страны не под силу не только что мелким умам и неспособным деятелям, выкидываемым иногда на поверхность каким-то ироническим капризом судьбы, но и сильным характерам и гениальным руководителям враждебных государств.

Как ни печальны всякие недоразумения в государственных сферах, они всегда, однако, объясняются недомыслием и слабостью сознания в самом обществе. Даже преувеличивая ошибки русской администрации и практики относительно Привислянского края, мы не можем же оправдывать и русское общество. Наши радикально-либеральные и консервативные кружки, представленные и в русской литературе, становятся ли на высшую, единственно в данном случае возможную и уместную, чисто национальную, то есть славянскую точку зрения, при рассмотрении польского вопроса во всем его объеме? Не чаще ли, напротив, они бессмысленно глумятся над

* Этому именитому мужу принадлежит и другое историческое изречение: «Вся беда в Москве: Москву надо разрушить до основания и место посыпать солью». Когда подумаешь, что в Европе более всего знакомы с такими русскими экземплярами, то удивляешься только, как она еще мало нас презирает.

славянскими задачами России и с комической важностью невежественной ограниченности даже отрицают возможность и необходимость чисто славянских воззрений на вопросы внутренней и внешней политики. Пробавляясь вычитанными или навеянными разными радикальными, либеральными и консервативными учениями Запада, они не подозревают в них сильной примеси его национальных и религиозных интересов, часто совершенно односторонних и большей частью всегда враждебных русским интересам. Внушенные или окрашенные нужными, а вовсе не общечеловеческий интересами, все подобные учения, при всем своем научном или историческом значении, не могут считаться непреложными и неизменными истинами, обязательными для всех веков и народов. Заметная несвобода и слабость критики в отношениях русской мысли к Западу составляет, кажется, главнейшую причину недостаточно сильного и глубокого влияния русской литературы и образованности на польское общество. В нем, несомненно, таятся и живут зачатки славянских стремлений и вполне искренних и дружественных отношений к России. Но пошлое глумление и грубое, бессодержательное издевательство над славянским призванием России, встречаемое нередко поляками в различных русских литературных изделиях и некоторых органах quasi-передовой печати, заглушают эта слабые зародыши в польском обществе. Все господствующие в нем чужие, антиславянские направления с радостью хватаются за эти русские суждения и приговоры и кидают их в лицо еще слабому, славянскому и чисто народному направлению польскому, которое не питает и не может питать никакой вражды к славянской России. Сколько раз уже бывало и еще сколько раз повторится то забавное явление, что иезуиты и самые отчаянные ретрограды в Европе в своих суждениях о России и ее отношениях к славянству, с видимым сочувствием повторяют мнения и доводы самых что ни на есть радикальных русских либералов. И оно нисколько не мудрено: наши либералы зачастую распевают и насвистывают, что касается России и славянства, самые

устарелые мелодии, нимало не сомневаясь, что все, с чем они носятся и чем они щеголяют, все это самого новомодного и общечеловеческого покроя.

Мы не только предполагаем, но даже знаем, что в польском обществе, не только в России, но и в Пруссии и даже в Австрии, вовсе не вымерли те славянские стремления и идеи, которые в свое время проводил Сташиц, особенно в своем знаменитом рассуждении «*O rownowadze politycznej w Europie*». В настоящее время он бы высказывал их еще смелее и решительнее.

Указав на искусственность так называвшегося политического равновесия в Европе, Сташиц объясняет, что оно настоящим образом будет достигнуто, когда утвердится на природных основаниях. Он указывает на прежнее инстинктивное и ныне все более и более сознательное стремление европейских народов к соединению в великие народные группы. Рассмотрев это движение к единству в племенах романском и германском, Сташиц обращается затем к племени славянскому и отмечает его распространенность, его природные свойства, его выносливость и способность к тяжелым и продолжительным войнам.

«Язык славян первобытный, диалекты взаимно понятны. По большей части правители славян чужеземцы. Большей частью у них одна вера, в значительной части народов славянских власть духовная соединена с властью гражданской. Славяне до XVIII в. еще не задавались мыслью об общем соединении, о единстве. До этих пор они не имели самосознания. Еще братья не знали братьев и часто вместе с иноземцами нападали друг на друга. В славянском племени два народа, польский и русский, были соединены в наибольшие государства. Издревле побуждаемые собственными ссорами или по подущению немцев, она вели между собой продолжительные войны и истребляли друг друга. Верные своим древним отношениям в Европе, служа оплотом европейских земель и охранительной стеной для Германии, поляки отражали нападение северных народов. Покинутые в XVIII в. од-

ними европейскими странами, преданные своими соседями, коих они так долго обороняли своею грудью, поляки стали стеной северных славян против Европы. Часть поляков была особенно угнетаема неблагонадежными соседями, тевтонами. Лишаемая не только политической независимости, но и родного языка и народного достояния, она искала всех способов к соединению с остальными своими братьями.

В таком упорном угнетении поляков немцами, с одной стороны, в непреодолимом стремлении поляков — с другой — к соединению со своими братьями, к слиянию с ними по крайней мере в славянском роде, зародилась впервые в славянах мысль об общем соединении и единении этого огромнейшего в свете племени. Эта мысль есть давнее дополнение стремлений и движений природы, которые издревле разделив род людской на языки, разместила повсюду близко друг к другу народы одного поколения и языка. Эта мысль, зачавшись у рассеянных поляков, уже расходится по всем народам славянского корня. С ней Бог и природа. Погибнет, кто против нее станет.

Соединению и единству народов славянских главные и серьезные препоны были со стороны немцев. Это сопротивление скрывалось в тайных глубинах духа крестоносцев; а в наше время со стороны немецкой воздвигаются всевозможные препятствия на суше и на море... *Великий русский народ!* Поляки ли или русские имеют освободить славянское племя и вывести его на предназначенный путь, только Провидение назначило тебе в жилище земли труднодоступные спереди, с тылу совершенно недосягаемые. Позже в наше время в твою пользу разрешила тот вопрос вся Европа. Твоя история, как и история поляков, полна войн с азиатскими, нападавшими на Европу, народами. Ты понес свое оружие и загнал врага в самые его норы, где гнездилась гроза Европы, где с племенами европейскими сталкивается собственно азиатское племя татар, откуда выходили Чингисханы. Своим мужеством и искусством ты воздвиг неприступные твердыни в цепях гор Кавказских, на том перешейке, откуда переваливали в Европу азиатские полчища. Мы тысячу лет заслоняли Европу от тех же нападений,

нашей грудью оберегали неблагодарных нам немцев, спасая их от всех опасностей, грозивших им с севера и востока. Все это не могло внушить им признательности к нам. Вы, русские, видели, с какой жадностью бросались они на брошенные им куски тела нашего. Когда-нибудь, может быть, и вам (русским) придется испытать их неблагодарность. Они будут завидовать вашей силе и вашей славе и, забыв о своем спасении, коим они вам обязаны, как забыли о данной им нами помощи под Вратиславлем и Веной, пойдут и против вас. Ищите себе союзов естественных, союзов кровных, союзов однородного поколения там, где их поставила издревле сама природа для вас и для нас. Пора начаться у славян тому, что издавна происходит в немецком племени. Это великое предназначенное Провидением дело должно начаться с соединения с Россией народа польского, старшего из братьев русских. Идите (то есть вы, русские) путем сплочения. Он предуказан в предвечной книге судеб народов и поколений. Провидение сохраняет его в грубых племенах, природа дополняет у народов образованных. Не разрывайте же того и не дозволяйте разрывать, что она устроила издавна с таким старанием и так нерушимо сохраняет, то есть непрерывную смежность славянских народов, единство языка и нераздельность жилищ. Помните, что творческая сила объединения уже началась. Будучи в природе вещей, оно легко исполнимо. Ныне все этому благоприятствует. К вам у славян врожденная склонность. С вами у славян один язык, одни дарования, с вами у них по большей части одна вера...»

Указав на степень готовности романцев и немцев к единству, Сташиц замечает о славянах: «Славянскому племени, сверх природных его наклонностей, все облегчает такое единство. Многолюдность, громадность земли, непрерываемой иноземцами, неприступной завоевателям. Сверх того, в славянском племени по большей части уже имеется единство веры и трона. В великом народе русском уже силен этот зачаточный союз. В нем твердость и постоянная систематичность действий, издревле ему данная как бы инстинктом, инстинктом же сохранилась от ошибок…

Соединение славян в Империи Российской поведет за собой укрепление Европы, уничтожит в ней войны и дарует прочный мир целой части света.

Могущественнейший на свете народ! Вот цель твоих направляемых Провидением шагов. Иди смело вперед. Ты следуешь за природой, твои стремления естественные. Твой путь издревле вел народ к окончательной прочной победе. Затем наступит прочный мир в Европе. Всем, кто против севера, кто против тебя подымется, грозит несчастие и погибель. Ты с природой, они же пойдут против естества».

Ближайшему будущему предназначено решить, какое направление возобладает наконец в умах поляков; славянские ли идеи Сташица, распространенные и развитые согласно с современными надеждами, чаяниями и стремлениями славянства, или ее австро-мадьярские фантазии некоторых галицких поляков? В последнем случае верно одно, что при самом неблагоприятном для России исходе дела, галицким полякам не будет ни прибыли, ни радости: говоря *галицкие,* мы разумеем одну западную Галицию с Краковом и само собой выключаем восточную Галицию со Львовом, не порадуются тогда поляки познанские, хотя им-то уж прибыль будет; это верно. Но, кроме евреев и немцев, кому же это в Привислянском крае будет прибыльно?

ЗАЩИТА РУССКОЙ НАРОДНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

Национальная бестактность

Статья «Современника» (1861. Июль) о львовском «Слове»: № 1 и 2.

В начале статьи заявив, что она написана собственно для галицийских малороссов с самым искренним сочувствием к ним, *с самым живейшим желанием блага им,* рецензент продолжает: «Да и как могли бы мы не сочувствовать им? Галицкие малороссы или, как они себя называют, русины, отличаются всеми свойствами, общими целому малорусскому племени. *А если есть племена, могущие к себе привлекать симпатией больше, чем другие племена, то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных (славянских или вообще человеческих?). Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи, — все соединяется в этом народе, чтобы очаровать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии.* (Нельзя не сочувствовать им.)

Если в этих словах и незаметно согласия с известными историческими, эстетическими и философскими взглядами «Современника», то зато слышна смелая уверенность знатока малорусской народности, жившего посреди Малороссии, изу-

чавшего их в сравнении с другими народностями, по крайности хоть с Великорусской. Автор везде называет себя русским, великороссиянином. Мы сами чрезвычайно любим и уважаем малороссиян, но, признаемся, не верим искренности наших земляков, когда они толкуют о большей преданности и симпатии своей к малороссам, нежели к *москалям*. Разумеется, и наоборот. Чтобы слова тех и других были искренни в этом случае, надо, чтобы москаль обратился в малоросса, и наоборот. Своя народность всякому ближе, понятнее, симпатичнее.

Наш рецензент, кажется, решительно мистифицирует читателя. С самоуверенностью знатока изобразив народные особенности малороссиян, замечает он на той же странице: «О языке, которым писана газета, мы не желали бы судить, — *мы слишком плохие знатоки в этом деле».* Если автор в самом деле так нежно любит малороссиян, как уверяет, то как же ему было не выучиться по-малорусски? Русскому, жившему посреди малороссиян, оно не стоило бы большого труда. Или он не живал в Малороссии? Но как же можно, не зная народа и его языка, толковать так смело и резко об его характере, обычаях, нравах? И что тогда значит эта симпатия? Ложь и обман тут очевидны: или автор действительно хорошо знает Малороссию и только прикидывается плохим знатоком малорусского наречия, или же он притворяется страстным любителем малороссиян. В качестве последнего он выдумывает всеобщность таких явлений, которые чисто случайны и ничего не доказывают. «Иноплеменник становится *малорусским патриотом,* если хоть *сколько-нибудь* поживет в Малороссии». Говоря откровенно, мы не понимаем значения слов *малорусский,* а следовательно, и *великорусский патриотизм,* мы еще можем допустить *русский патриотизм;* хотя, признаемся, всячески бы желали избегать употребления слов: *патриот, патриотизм,* не потому что они иностранные, а потому что слишком опошлились и нередко теперь служат подкладкой для самых фальшивых понятий. Но не в том дело. Положим, что иноплеменник действительно, пожив в Малороссии, обращается в малороссиянина. Разве подобные примеру могут служить

свидетельством симпатичности или очаровательности того или другого племени? Инородцы наши русеют вовсе не от того, что питают к нам симпатию. Поляки в Пруссии быстро исчезают и немечатся, а между тем питают к немцам непримиримую вражду. Да и можно ли утверждать всеобщность явлений обрусения иноплеменников в Малороссии? Не упоминая уже об ополячении множества малорусских семейств, укажем только на ближайших их соплеменников — великороссиян и поляков, которые подолгу живут в Малороссии, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы наших раскольников в Черниговской губернии. Так издавна живут в Малороссии не сотни, а тысячи поляков. Они не обращаются в малорусских патриотов, а напротив, желая даже ополячить малороссиян, преследуя любимую мысль о том, что Малороссия по Днепре с Киевом — Польша. Против этих притязаний поляков и восстает огромное большинство малороссиян, как в России, так и в Австрии, где его органом Львовское «Слово».

В этом случае они защищают такое же дело, как, например, и поляки в Пруссии, с таким же жаром, но не с одинаковым уменьем. Впрочем, было бы несправедливо обвинить за то одну польскую народность. При всей своей тяжести, борьба малороссиян с поляками все-таки гораздо легче борьбы поляков с немцами. Хотя и прежде просветительное начало Малороссии всегда было выше просветительного начала Польши, но в былое время она стояла гораздо ниже Польши относительно внешней образованности. В настоящее время, когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык, русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки и богаче и серьезнее польской. Притом же малороссияне значительно многочисленнее поляков, между тем как борьба поляков в Пруссии ведется с могучей национальностью, обладающей такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, каких не имеют не только поляки, но и все славянские народы в совокупности. Сверх того, в борьбе своей с немцами не опираются, не рассчитывают поляки на помощь какого-

нибудь соплеменного им народа. Вот почему борьба поляков с немцами ознаменована тяжелыми неудачами и поражениями. Далеко не такова борьба с ними малороссиян.

Известно ли рецензенту или нет — малорусское наречие, вообще история, современное положение этой народности, и следовательно, все эти странные польские притязания на Малую Русь, как они высказываются в иностранных газетах и в польских изданиях за границей, но верно только, что в том и другом случае он поступил крайне недобросовестно. Драпируясь фразами о своей симпатии к малоросской народности, он позволил себе самые резкие и оскорбительные выходки против редакции львовского «Слова». Наконец он диктаторски восклицает: «Пусть просвещенные русинские патриоты поспешат взять дело из рук, в которых оно только компрометируется». Через несколько страниц после уверений своих в искреннем сочувствии к русинам и в живейшем желании им блага он не затрудняется сказать: «Газета «Слово», очевидно, издается людьми, убежденными, что за ними стоит, по одной с ними дороге пойдет *все русинское племя.* Самая возможность такой мысли их доказывает, что людей, сочувствующих им *между русинами очень много.* Если они и не представители всего племени, во всяком случае — *представители сильной и, вероятно, самой сильной между русинами партии...* Мы желаем думать, что галицийские русины понимают и могут сами защитить свои интересы. Но тактика львовского «Слова» противоречит такому предположению. *Мы желали бы не признавать эту газету представительницей русинского племени.* К сожалению, мы не имеем данных, чтобы опровергнуть эту ее претензию». — Трудно представить себе более полное презрение к народу, которое тем возмутительнее, что автор еще хвалится своим глубоким сочувствием нему. Он не сумел даже сообразить, что если его статья и могла обратить на себя внимание, то только потому, что она напечатана в русском журнале и что в Галиции есть сильная народная партия, которую рецензент осыпает бесцеремонной бранью. И в то же время он не смущается подавать из Петербурга самые решительные со-

веты народу, даже язык которого ему плохо известен, по его же сознанию! Он признает за собою разумение дела и народных нужд гораздо в большей степени, нежели за целым народом за самой сольной его партией. И в то же время он даже не догадывается, что если справедлив его отзыв об этой партии, будто она роняет, *компрометирует* народное дело, то из этого непременно следует, что самый народ лишен всякого здравого смысла. Любопытный пример сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением.

Статья «Национальная бестактность» была переведена и напечатана в Австрии по-польски и по-немецки. Политическим врагам русинов (оставим покуда это название для избежания недоразумений) она доставила большое наслаждение.

Несмотря на все искажения и умалчивания рецензента, приведенные им выписки из «Слова» решительно не позволяют заключать о том духе ненависти и вражды, в которой он обвиняет редакцию самым обидным образом. Напротив, в самих даже выписках рецензента есть места, которые обличают полное беспристрастие редакции по вопросу об отношениях русинов к полякам. Мы считаем неприличным для нашей газеты и оскорбительным для редакции «Слова» опровергать, в частности, все обвинения, взваленные на нее «Современником». Политические враги русинов пользуются его рецензией как доказательством и орудием, обрадовались ей как новому поводу и средству нанести лишний удар этой несчастной, едва поднимающейся народности. Ссылаясь на нее, говорят русинам в Австрии: вы ищите сочувствия в русских, вы надеетесь на поддержку русской литературы. Напрасно, вот вам голос из России: так смотрят на вас все тамошние публицисты, как из малорусов, так и из великорусов». В самом деле, рецензент говорит о «Слове» не только за себя, за нас, великорусов, и за малорусов, например, за покойного Шевченко, который, по уверению автора, *лично его знавшего,* «во львовском «Слове», наверное, не стал бы писать».

К несчастью, нашей публике слишком мало известны истинные отношения народностей в Австрии вообще, в Га-

лиции особенно. Смелый тон рецензента, его умалчивания и искажения, его уверения в нежной любви к русинам легко могли некоторым русским читателям внушить подозрение в чистоте убеждений редакции львовского «Слова». Чтобы рассеять в них всякое сомнение и доказать всем австрийским читателям, сочувствующим этой рецензии, что их поспешная радость была напрасна и неосновательна, чтобы одним словом автора этой рецензии уличить во лжи и обмане, мы принуждены сослаться на одну статью г. Костомарова, которого, надеемся, не станет обвинять наш автор в дикой вражде и ненависти к полякам, в национальной бестактности и т.д. Эта статья г. Костомарова напечатана в февральской книжке «Основы»[1], 1861 г., следовательно, позже первых двух номеров «Слова» и за 4–5 месяцев до появления статьи «Современника». Понятно, кажется, что в такой срок вековые отношения малороссиян и поляков не могли ни на волос измениться. Наш автор, так любящий малорусскую народность, не мог же не знать замечательнейших статей «Основы». В ней Шевченко принимал самое живое участие. В ней не раз были высказаны те самые взгляды и понятия, за которые так нападает «Современник» на редакцию «Слова».

Обращаемся к статье г. Костомарова: «Ответ на выходки газеты «Czas». Между прочим, он приводит в ней в оригинале и переводе стихи «Niema Rusi. Ответы на памфлеты поляков, выставляемые в Львовском университете, 1860 г.». Для краткости приводим только конец этого стихотворения в изящном переводе г. Костомарова: «За оскорбление Руси от смерти Богдана все растравляется рана Польши... А теперь, говорят, в поздние вечера упырь Польши сходится с упырем Руси: первый в кунтуше и с саблей при боку, другой и сермяге и со слезами на глазах. Первый и по смерти сохраняет гордый вид, — равенство и братство гласит перед Европой, а потихоньку говорит русину: «Назад, хам, будь поляком: не то — я дам тебе почувствовать свою руку!», а русской упырь, этот вековой слуга, прикидывается ляхом и голову склоняет, но мысленно — как обыкновенно раб в испуге — шепчет сам себе: брате, не верь ляху!

...Брат, посмотри на это изображение, — оно не для шутки написано; вглядись добросовестно в страницы польской истории и, может быть, ты наконец поймешь, что памфлеты не воскресят уже той Польши, которая некогда, на развалинах Руси, воздвиглась из ничтожества и возросла и оперилась от русских костей и русской крови...

Нет Руси: и даже имя ее страны не осталось между чужими названиями, польские мудрецы пишут, что Львов, Подоль, Волынь, Украина — что все это Польша!

Итак, нет Руси; нет ее в голове польских журналистов и ополяченном Львове... нет и русского языка, ибо даже его буквы граф Голуховский заменяет польскими.

Нет Руси! нет! Вычеркните ее из книг, хоть и есть русских хлопов миллионов с пятнадцать. Нет Руси! нет! хоть есть и должен быть вечный протест Руси против польской власти!» («Основа». Февраль, 1861 г.)

Основные воззрения этого стихотворения те же, что в редакции львовского «Слова». Извлечения «Современника» из первых двух номеров этой газеты затрагивают именно все те же вопросы, которых коснулся и автор стихотворения «Niema Rusi».

Рецензент особенно глумится над одним шутливым, полународным стихотворением о букве «**ъ**». Мы не касаемся его художественных достоинств. Да и вообще нам, русским, нелепо глядеть на все подобные вещи с нашей точки зрения. У нас в политической газете толковать об азбуке было бы бессмыслицей. Но нельзя же забывать о политическом положении различных славянских народностей в Австрии, и особенно малорусской. Еще недавно, по приказанию графа Голуховского[2], львовский наместник образовал особую комиссию во Львове (30 Мая 1858 г.) для того, чтобы запретить русинам кириллицу и ввести у них азбуку латинскую. В 1859 г. запрещено было им употребление нашего гражданского шрифта, нашего литературного языка, велено было печатать книги, газеты церковным шрифтом и по-малорусски. Только очень недавно была закрыта эта дикая комиссия и то благодаря последстви-

ям Виллафранкского мира[3], в особенности энергичным стараниям Львовского митрополита Григория, барона Яхимовича[4], который вообще за свой благородный образ мыслей и прямое гражданское направление пользуется в Червонной Руси общенародной любовью. Рецензент сильно ошибается, обещая одних немцев в замыслах против кириллицы. В одном сатирическом стихотворении, вышедшем по этому случаю во Львове в I860 г. эта дикая и нелепая мера объясняется несколько иначе. Русинским же писателям во Львове это дело, кажется, может быть ближе известно, нежели нашему Петербургскому сочинителю. В этом стихотворении говорится, что русинам хотели запретить писать русской азбукой.

Бо буква Русска — то Москва,
А та Москва, ты должен знати,
То страхопуд, то Татарва.

Там же читаем:

Вражда вам немцы-москали.
Вражда и вам, Славяно вси!
Природа ваша — ложны моры,
Живет лишь Польша и Мадяры!

Прав ли рецензент «Современника», обвиняя одних русинов в отсутствии политического такта?

Мы видим Львовское «Слово» совершенно одного направления со стихотворением «Niema Rusi». Оно было прислано в редакцию «Основы» из Галиции «с просьбой напечатать его, за что будут благодарны 3 млн русинов». Г. Костомаров справедливо заметил, что оно «довольно ясно показывает, что этнографическое и историческое сознание единства Червоно-Русской земли с остальной Русью не исчезло и до настоящего времени, *несмотря на все иноплеменные усилия».* Г. Костомаров и «Основа» разумеют под этими словами не одних немцев. Над самосознанием русинов, над направлением редак-

ции «Слова» не издеваются они, подобно «Современнику», напротив, вполне им сочувствуют. Об этом сочувствии, об этом согласии их взглядов на отношения русинов к польской народности всего лучше свидетельствуют следующие слова той же статьи г. Костомарова. «Польская народность имеет с южнорусской большое сходство; польская поэзия может отозваться родственно душе южноруса, но уж никак не с тех сторон, с каких заходят поляки. Старание представить в светлом виде такие исторические воспоминания, как, например, унии, которые южнорусам ненавистны от предков и вместе с тем прельщают их идеалом отдельного, в соединении с поляками, государства — такие приемы поведут единственно к тому, что древняя несчастная неприязнь наша к полякам будет находить себе пищу, — чего мы отнюдь не хотим и не хотели. Для нас ничего не может быть желаннее изгнания из сердца старинных печальных воспоминаний, утверждений братской любви и духовного согласия с поляками, но пусть же они возлюбят и уразумеют историческую истину: только истина сделает их свободными от всяких искусственных переделок и подделок исторических событий: от оправдания унии, от восхваления былого господства своих начал над нашим народом и от ребяческих замашек забрасывать международную вражду в надежде разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически в междуусобиях земель и князей, не разложилось оно духовно под татарским, литовским и польским владычеством. — Не разложится оно и от выстрелов ультрамонтанских газет и журналов.... история, очевидно, ведет к сближению, к сознательному сродству и соединению всех славянских племен, а никак не к разложению. Кто против истории, против того история».

Правы ли немецкий и польский переводчики статьи «Национальная бестактность», все ее читатели в Австрии, вообразившие, что они слышат о русинах голос всей «либеральной» России?! Мы видели, как смотрит на этот предмет г. Костомаров, бесспорно, теперь, со смертью Шевченко, самый даровитый и замечательный сотрудник «Основы». Мы глубоко

уважаем благородную редакцию этого журнала, чрезвычайно рады его появлению в нашей литературе. Есть, правда, быть может, несколько вопросов, по которым мы не можем вполне согласиться с «Основой», с теми или другими малороссийскими писателями нашими. Что же касается до указанного нами воззрения малороссиян, то, конечно, не найдется ни одного свободно и благомыслящего великоруса, который бы ему вполне не сочувствовал. Всякий из нас, знакомый с историей Малороссии, ее народной поэзией, современными сочувствиями и гражданскими понятиями ее масс, всего малорусского крестьянства, всякий из нас не может не видеть в этом взгляде г. Костомарова совершенное сходство и согласие с народным воззрением Малороссии. Русские «либералы» собственно из великороссиян не могут не сочувствовать всей душой этому воззрению, ибо оно вполне совпадает с основными воззрениями собственного нашего народа. Слава Богу, теперь уже, кажется, миновало то время, когда русские «либералы» не задумывались считать себя вправе располагать судьбой и достоянием русского народа по собственным личным влечениям и по своему произволу, не справляясь с его историческими преданиями, коренными убеждениями, основными воззрениями. Малорусы и великорусы с белорусами при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом образуют один русский народ, единую русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений. Основная сила России, ее ядро и тяга, крестьянство средней и северной России, Сибири и Новороссийского края, под словами: Святая *Русь, земля Святорусская* — всегда разумеет и старый Киев с его областью. Славный Киев живет глубоко в сознании нашего народа, в его поэтических преданиях, на всем Великорусском просторе. Столица Красного солнышка, главное место подвигов народных богатырей, *стоятелей* и *оберегателей земли Русской,* эта мать русских городов, привлекающая к себе тысячи богомольцев со всего великорусского края, Киев с своей областью одинаково дорог как малорусскому, так и великорусскому отделу

нашего народа своими святынями, гробницами Божиих угодников, этих нравственных идеалов русского народа, этих духовных собирателей русской земли! Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению русской народности, к распадению и разделу русской земли. Мы душевно любим и глубоко уважаем народность польскую, не посягаем на польскую землю, желаем ей всего того блага, какого она себе сама желает, — но мы, русские, не заслуживали бы от самих поляков никакого уважения, если б мы готовили России участь Польши XVIII столетия, которая пала от корыстолюбия и наглости знати, от распущенности нравов, неразвитости гражданского смысла, страшного легкомыслия и своеволия шляхты, среднего и мелкого дворянства, от презрения к простому пароду. Повторяем, мы бы заслужили презрение самих поляков, от них же дождались бы себе страшного о них отзыва Фридриха II, если бы отнеслись равнодушно к идее *раздела* России, если бы сдалась на их приманки, признав законность диких польских притязаний на Малороссию по Днепру с Киевом. Но до этого позора не дойдет Россия: в ней все шляхетские мечты разобьются вдребезги перед волей народа, который за свой Киев станет, как один человек. По глубокому нашему убеждению, эти притязания должны возбуждать в каждом славянине страх и опасения за все будущее нашего племени, ибо всякие попытки отторгнуть, например, Киев от России, вызовут такие бедствия и несчастия, последствия которых нельзя и предвидеть. И мало разве зол вытерпело наше многострадальное племя за свои вечные усобицы и распри? Не им ли обязаны все прежние победы и поныне успешные завоевания немцев в славянских землях? Итак, искренно желая народности польской всякого блага и процветания, мы заявляем в то же время наше горячее участие и сочувствие к русинам в Галиции. Мы душевно рады настоящему сближению чехов с поляками в Австрии, но, признаемся, с замиранием сердца глядим вперед, понимая все громадные трудности неминучей борьбы чехов с немцами не одной Австрии, но, быть может, всей Германии. Мы глубоко скорбим об обстоятельствах, заставляющих народных рус-

ских представителей в Вене держать сторону немецких унионистов. Мы почасту и подолгу задумываемся над исчезанием польской народности в Пруссии. Не в одних русских видах, но для блага всего славянства обязаны мы соблюдать целость и единство *Русской земли!*

Незнакомый ни с историей, ни с современным положением русинов рецензент «Современника», очевидно, не понимал всей важности русинского вопроса. Он отнесся к нему по-свойски, как относятся все наши *свистуны* к самым трудным и сложным вопросам жизни и науки. Мы все в России, т. е. весь наш небольшой круг пишущих и читающих, уже привыкли к самостоятельным взглядам всей этой яркой плеяды оригинальных умов «Современника». Никакое новое явление в области свистопляски нас уже особенно не поражает. Но понятно, что малейшая статья каждого из этих отечественных мыслителей должна производить сильное впечатление на людей свежих и посторонних. Мы были бы очень удивлены, если бы услыхали, что такое неожиданное событие, как появление статьи «Современника» в немецком и польском переводе, прошло вовсе не замеченным, даже в Австрии. Но признаемся, мы не могли удержаться от смеха, услыхав, что поляки и немцы прочли статью и заключили: таков взгляд *молодой* России! Впрочем, откровенно говоря, этот вывод поляков нас особенно не поразил. Мы знакомы с большей частью замечательных явлений польской литературы, с польской мыслью и образованностью, доселе повитой в католические пеленки, заботливо удаляемую от немецко-протестантской образованности, знаем наконец папскую веру поляков, особенно вне России, и известное польское же мнение об азиатизме нашего народа, москалей, о дикости наших нравов, об ограниченности нашего ума. Мы не разбираем причин этого мнения, а только на него указываем, чтобы оправдать странное заключение австрийских поляков о статье «Современника». Грубость тона, оскорбительные обвинения, непонимание дела, конечно, служили ее польским читателям самым убедительным доказательством ее национальности!

Но мы решительно недоумеваем, как могли немцы придти к такому же заключению. Правда, мы знаем о страшной умственной отсталости немцев австрийских сравнительно с прочими немцами, особенно прусскими. Мы понимаем влияние конкордатов и всей этой спертой атмосферы гезамтфатерланда. Скажем откровенно, мы даже вовсе не верим в будущее немецкой народности в Австрии, уверены, что славяне с ней справятся и под конец подчинят ее своей образованности, конечно, если только забудут свои домашние распри и утвердятся единодушием общеславянской образованностью. Мы вполне убеждены, что это желанное время, наконец, наступит. Русский народ, мы уверены, первый, отказываясь от несвойственных ему прав, братски протянет всем славянам руку, разумеется, с условием sine qua non не посягать на его прадедину. Итак, признавая вообще отсталость австрийских немцев, мы все-таки, слыша о таком заключении их, не можем ему не удивляться, ибо в литературе своих земляков в Германии они легко бы могли почерпнуть сведения о России, ее литературе и образованности более верные и точные, нежели поляки, у которых русский язык в презрении, немецкая литература очень мало известна, а своя собственная гораздо скуднее немецкой сочинениями о России. Нам казалось, что австрийско-немецкие читатели статьи «Современника» без особенных усилий могли воссоздать по ней систему миросозерцания ее автора и легко избежать ошибочного заключения поляков. Мы думали наконец, что немцы, так много толкующие теперь о чехах, сблизились и по крайности ознакомились с ними. Ни один чех-славянин, прочтя эту статью со вниманием, не мог, конечно, не подивиться ее странности. Ибо ни одни из народов славянских не знаком с Россией лучше чехов. Это знакомство их — одна из уважительных причин нашей радости и удовольствия при каждом шаге отступления, к которому они теперь принуждают немцев.

Если начальные строки статьи «Национальная бестактность» о духовных особенностях малорусов и показались было нам непоследовательностью со стороны «Современника», то

зато общее направление и оригинальность ее мнения скоро убедили нас в нашей ошибке. Спешим прибавить, что статья эта совершенно прилична «Современнику» и во всяком другом журнале была бы неуместна. Она вполне соответствует всем самостоятельным взглядам и открытиям «Современника» в области наук философских, историко-политических и естественных. Благо теперь положено начало, будем терпеливо ожидать появления в Австрии целой уже книги свода мнений «Современника» о разнообразных вопросах русской жизни и человеческого ведения вообще. По бывшему примеру, свод этот должен быть составлен с целью ознакомления не одних уже русинов с *русским воззрением, русской наукой.* В эту любопытную книгу должны войти все мнения «Современника» о метафизике, о мышлении, об исторических явлениях, словом, все новейшие открытия нашего журнала *(najpowazniejsze* rossyjskie pismo zbiorowe, по словам переводчика), в том числе, конечно, и о превращении железа в сталь от действия кислорода. Будут ли и тогда сочувствовать *русскому воззрению* австрийские читатели? Если нет, то поступят несправедливо, в высшей степени непоследовательно.

Этим мы и готовы бы были окончить наши замечания на статью «Современника», но несколько слов ее об языке львовского «Слова» подают нам повод выказать ваше несогласие с некоторыми взглядами «Основы». Видно, что рецензент коечто читал в ней. Так, он особенно вооружается на русинов за то, что они не пишут на языке наших малорусов. Очевидно, он повторяет в этом случае слова «Основы». Это мнение рецензента столь же ошибочно и не верно, как и вышеуказанные, и само по себе серьезного опровержения не заслуживает. Но из уважения к «Основе», мы решаемся представить об этом предмете несколько замечаний, быть может, не лишних в нашей литературе. Наше разногласие в некоторых взглядах с этим журналом никак не может ослабить нашего сочувствия и уважения к нему. Свое мнение о литературном наречии Галицких малороссиян высказал он преимущественно по поводу статьи «Русского Вестника» «Русской язык и свистуны»[5].

Вот в чем наше разногласие с «Основой». И она, и мы одинаково недовольны языком большей части населения Червоной Руси, который есть не что иное, как наш литературный язык с более или менее значительной примесью малорусского наречия. Но она полагает, что малорусы Австрии должны бросить свою литературную речь и начать писать языком Основьяненко, Шевченко и Марко-Вовчка. Мы же убеждены, что они с течением времени, при дальнейшем развитии, придут к ясному сознанию необходимости принятия нашего русского языка языком школы науки и образованности, но вместе с тем не покинут и своего великорусского наречия, напротив, будут его развивать и обрабатывать литературным образом, подобно, например, нашим малорусам или тем немцам и французам, которые заботятся о литературном развитии patois и platt deutsch'a. Наше убеждение основано на двух положениях: 1) наши малороссияне не могут отбросить русского литературного языка; 2) русины не могут оставить своего наречия без литературной обработки.

Русский литературный язык образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым, который его только точнее определил и усовершенствовал. В основе своей великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории, а все-таки бы не успели образовать на своем наречии такой литературы, которая бы им сделала излишней литературу русскую. Отказавшись от русской образованности, они принуждены были примкнуть к польской, с которой тоже словесность малорусская не сравняется. Пока же малорусы не создадут своей образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на русском, или на польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением унии... Иначе все сочувствия Малороссии всегда будут принадлежать русской образованности и литературе, тем более, что она не только единоверна Малороссии, но и отнюдь *не исключительно великорусская.* Общий элемент на-

шего литературного языка — церковнославянский, принятый нами вместе с христианством, утратил у нас большую часть своих болгарских особенностей под влиянием писателей и писцов Южной и Северной Руси, еще до подчинения первой Литве. И в настоящее время наречия малорусское и великорусское не отличаются между собой множеством важных и резких особенностей. До конца же XIV в. и даже позже они были незначительны, если не совершенно ничтожны, разумеется, не в лингвистическом, а в практическом отношении. Так было с живым народным языком. Письменный же язык еще позднее был общеодинаков для Южной и Северной Руси, насколько может быть общ письменный язык юного, малоразвитого народа. С отделением Руси Южной от Северной мало-помалу обнаружилось у них несогласие и в языке письменном. Но и в это время до Ломоносова никогда не происходило между ними полного разрыва, ибо у них был общий элемент: Ц. Славянский. Есть множество южнорусских сочинений XVI, XIII вв., писанных тем же языком, каким писали в то время в Москве, Новгороде, Вологде, Поморских городах. Язык московских грамот относительно силы, богатства, народности, конечно, не может быть и сравниваем с нечистым, безобразным языком южнорусской гражданственности, испытавшей сильное влияние Польши, что отразилось и в языке, исполненном полонизмов. Но и московские грамоты, эти прекрасные образцы русского письменного языка, при всей своей народности, вовсе не чужды элемента Ц. Славянского. В них заметно сильное влияние языка церковных книг, летописей, а следов., и прежних писцов и писателей Южной Руси. Огромное, непосредственное влияние имели на язык наш южнорусские ученые и писатели в конце XVII в. почти до самого Ломоносова. Малорусы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, по-видимому, имели все средства образовать русский литературный язык на малорусской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной новгородец, Ломоносов принял наречие московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента: Ц. Славянского. Для дальнейшего

развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из малороссиян и один гениальный — Гоголь. Итак, наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилиям великомалорусов. Он есть плод исторической жизни *всего* русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшей нелепостью. Эта литература возможна только при условиях самых невообразимых. Так, например, надо убедить всех мыслящих малороссиян в ее необходимости, надо им позабыть употребление русского языка, перестать читать русские книги, надо образовать целые поколения малороссиян в неведении русского языка и литературы. Без этих условий самостоятельная украинская литература не мыслима. По-нашему, одинаково нелепо роптать ли на судьбу и обижаться таким выводом, или гордиться им и видеть в этом обстоятельстве умственное превосходство великорусов над малороссиянами.

Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то воспрещать Червонной и Угорской Руси наш литературный язык — значит посягать на ее народность, убивать в ней сознание ее племенной, исторической связи со всей, следовательно, и с Малой Русью.

Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка наречия малорусского, рядом с общерусским языком, особая *малорусская словесность* рядом с русской литературой, с русской наукой и образованностью. Нелепо сетовать северному немцу и шиабу, шотландцу и малорусу на то, что, например, Кант, Гегель, Вальтер Скотт, Д. Юм, Гоголь и Савич не писали по нижненемецки, по-швабски, шотландски, малорусски, так же, как и англичанину и великорусу на то, что Борис и Шевченко писали на своих местных наречиях. Но было бы столь же нелепо и непоследовательно со стороны наших малороссиян воспрещать своим землякам в Австрии обработку своих местных наречий. Надо заметить, что в Галиции существует три местных наречия, на востоке *волынское,* на юге и западе *гор-*

ское (карпато-русское), в средине *галицкое.* Волынское, употребительное и у нас на Волыни, и Подолии, имеет уже некоторые отличия от литературного наречия наших малороссиян, собственно Полтавского и Киевского. Еще отличнее от него другие два поднаречия: *галицкое* и *карпато-русское.* Каждое из них имеет свои особенности, одинаково чуждые как малорусскому, так и великорусскому наречию. Но зато в каждом из них есть такие особенности, которые существуют в великорусском и не имеются в малорусском наречии. Вся законность нашего литературного малорусского наречия на том и основывается, что оно прямо говорит малорусскому сердцу, живо затрагивает его нежные струны. Как ни близок, ни понятен нашему малорусу литературный наш язык, однако для его понимания он все-таки нуждается хотя в ничтожной предварительной подготовке. Чисто народная речь Шевченко, Марко-Вовчка прямо понятна всякому простолюдину малорусу. Но русину галицкому, угорскому она далеко не *своя,* не часто родная речь. Ему надо привыкнуть, приучиться к ней. Итак, с чего и зачем, на каком основании Червонную и Угорскую Русь лишать того права, которое признается за Малой Русью, права на литературную обработку своей местной речи? Язык же школы (не только университетского, но и гимназического преподавания), науки, образованности для Червонной и Угорской Руси должен быть русский литературный язык, которого никогда не покинет и наша Малая Русь. В противном же случае русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять ее органом языки немецкий, польский и мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собой утрату народности.

Плохой знаток малорусского наречия, но страстный любитель этой народности, рецензент наш, как и следовало ожидать, понимает это дело совершенно навыворот. Он нападает на «Слово» за его попытки писать на русском языке, на котором писали их земляки — Каппист, Основьяненко, Болугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка, Гоголь, — на котором и Шевченко писал свой дневник, постоянно пишут и гг. Кулиш

и Костомаров. «Наши малороссы, — говорит он, — уже выработали себе литературный язык (наречие, ибо литературного чисто великорусского языка нет), гораздо лучший (нежели ломаный язык Львова): зачем отделяться от них? (чтобы не отделяться, Червонная и Угорская Русь и должна принять наш язык). *Разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим языком?* (Непременно!) *Но если так вы уже не малороссы* (хорош вывод! Итак, будто Карпатская Русь виновата, что в ее наречии много своеобразных особенностей!), *вы, как лужичане, отдельное племя* (неправда, тот же русской народ, что и в России, к которой он и питает большое сочувствие, как в том живо убедились русские солдаты, проходившие Австрию в начале нынешнего столетия). Но если так, вас только 3 млн и вы не можете удержать своей народности. (Следует прибавить: если не примете органом образованности русского языка.)

Мы благодарны «Современнику» за его рецензию. Она дала нам повод откровенно высказаться о нашем разногласии с «Основой», ошибочные мнения которой о языке довел он до конца и тем обличил всю их несостоятельность. Продолжая свою деятельность таким образом, «Современник» вообще может оказать большие услуги русской литературе и образованности. В нашем обществе носится множество самых нелепых мнений, в нашем сознании господствует самая безобразная путаница понятий. Пусть же выйдет хоть какой-нибудь порядок из этого хаоса отрывочных представлений, отовсюду повыдерганных мыслей. Да высказывается смело и свободно каждое мнение, каждое подобие мысли! Ложь недолговечна. Формулируясь и определяясь, она обличает себя.

Из благодарности к «Современнику», наконец просто из чувства справедливости, долгом считаем указать на одну очень верную мысль, высказанную в статье «Национальная бестактность». «Кто виноват в том, что выставляют себя руководителями *русинов* люди, которые не умеют ничего понять, не умеют ничего полезного своему народу сказать? Никто не виноват, кроме самих этих людей, — ни Англия, ни Китай,

ни Польша не виноваты в том, виновато в том лишь наивное заблуждение самих этих людей, вообразивших, что одного *патриотического чувства,* без политического образования и такта, довольно ни для того, чтобы стать полезными для народа политическими предводителями. Нет, этого мало, как мало *любви к человеку* для того, чтобы лечить его. И любишь да погубишь его своим лекарством, если не знаешь медицины».

Несправедливая относительно русинов и редакция львовского «Слова», — эта мысль «Современника» очень замечательна и вполне объективна. Мы бы прибавили только, что здесь и не может быть речи о патриотическом чувстве или любви к человеку. Любовь к ближнему учит нас крайней осторожности в выборе врачей и лекарств. Обыкновенно же берутся и любят лечить все болезни те чудаки, которые прочтут два, три жалких лечебника и уже слепо верят в чудесную силу своих панацей.

РАЗДЕЛ VI.
СЛАВЯНО-РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

СЛАВЯНСКИЕ ПЕРВОУЧИТЕЛИ

Кирилло-Мефодиевская идея

Православная Русь чествует тысячелетнюю память и славит великий просветительный подвиг солунских братьев, славянских первоучителей. Церковь нарекла их святыми и равноапостольными. Подобные подвижники у древних назывались благодетелями человечества. На языке современной науки они слывут всемирно-историческими деятелями, которые родятся не веками, а тысячелетиями.

К десяткам миллионов русского народа и к его святому торжеству в России сочувственно присоединяются сотни тысяч различных христианских наших инородцев. И принявшие от греков же, но задолго до славян, христианство, подобно армянам, грузинам или подобно немцам и другим, от Рима или, как большая часть наших инородцев, от русских, все они одинаково благоговеют перед подвигом славянских апостолов, освятившим начало народности в церкви. Целый ряд русских миссионеров от св. Стефана Пермского до Иннокентия Кам-

чатского и Курильского, верных преданиям славянских апостолов, беззаветно трудились над обращением множества инородцев в христианскую веру, над переводом Священного Писания и песнопений церковных на их наречия.

Да и все инородцы наши, даже не христиане, если б могли сознавать, с признательностью бы поминали подвиг славянских апостолов, ибо тем добром, что они от нас приняли и принимают, они главнейше обязаны благотворному влиянию их подвига на русский народ; испытанные же ими от нас зло и обиды проистекают, преимущественно из того, что неумолкаемая наших апостолов проповедь слишком еще мало проникла в наше сознание и в еще мало смягчила наши нравы.

Нельзя ожидать, ибо нет им разумного оправдания, равнодушия и безучастия к нашему торжеству и со стороны иноплеменных единоверцев наших, греков, арабов, румын. Для греков подвиг славянских первоучителей напоминает лучшие времена их империи и образованности, то счастливое и вновь желанное для всего христианского Востока время, когда в греках сильно было чувство братолюбия к их ближайшим соседям и союзникам славянам. Православным арабам-сирийцам, давшим в свое время христианству столько боговдохновенных поэтов и мыслителей, сколь дорога их парадная церковь, столь же сочувственна и славянская. Румынам же может ли быть не священна и не дорога тысячелетняя славянских апостолов память, когда молдаване, валахи до XVI—XVII вв. имели у себя везде славянское богослужение, читали славянские книги, употребляли славянский язык в своем делопроизводстве и после — с переложением Священного Писания и богослужебных книг на свой народный язык — до новейшего времени повсюду пользовались, а часто и поныне еще пользуются кирилловским, а не латинским письмом в своих книгах?

Заодно с нами сливаются в общем благодарном воспоминании и ближайшие, лихой долей от нас отлученные, братья наши, трех с лишком миллионный русский народ в Галичине, Буковине и Угорщине и миллионы других единоверцев, благодарение Богу, большей частью ныне уже свободных, любез-

ных соплеменников наших болгар и сербов от Пешт Будина до устьев Дуная, от Триеста до общей гордости и любимицы всего славянства богатырской, юнацкой Черной Горы, и на всем просторе благословенных своих земель между Черным, Адриатическим и Эгейским морями.

Чтут и ублажают, хотя и не заодно с нами, а совершенно особенно и по-своему, тысячелетнюю память славянских апостолов и все прочие наши соплеменники, горькой судьбой лишенные драгоценнейшего их завета. Одни из них, впрочем, далеко не большинство, искренно сожалеют, что мы, православные славяне, не употребляем латинской азбуки, не молимся в костелах и поминаем теперь славянских апостолов не латинским богослужением в наших храмах. Другие из них истинно скорбят об утрате ими славянского богослужения и приписывают это лишь печальному недоразумению, легко, по их мнению, устраненному посредством нового, еще более блистательного паломничества в Ватикан. Их совесть смущена тем, что еще недавно, признав святыми славянских первоучителей, римский первосвященник не хочет допускать в костелах славянского богослужения. Третьи наконец, глядя глубже, идут дальше в своих мечтаниях — уповают посредством кирилло-мефодиевских празднеств пробудить в своих народностях твердое убеждение в необходимости восстановления самостоятельного Моравского архиепископата с несколькими славянскими же диоценами и вообще возврата латинского христианства к чистым апостольским преданиям и обычаям древней римской, догильдебрандовской церкви. Эта мысль была любимейшей мечтою великого западнославянского деятеля, незабвенного аббата Иосифа Добровского и его многих друзей из чешского духовенства старшего и младшего поколения. Потом, казалось, было совсем умершая, эта мысль долго созревала в тиши и в настоящее время имеет уже горячих приверженцев среди многих достойнейших представителей высшего католического духовенства у чехов, моравов, словаков, словенцев... Нет сомнения, этой мысли принадлежит будущее; все оживления кирилло-мефодиевских воспоминаний в за-

паднославянских массах только подготавливают почву для ее восприятия и развития. В успехе этой мысли начало не фиктивного, а истинного примирения, разрешения *старого спора славян между собой.* В этой мысли приветствуем зарю новой лучшей жизни славянской.

В сознании предков нынешних западноевропейцев все европейские страны, лежавшие между нами и Азией, составляли как бы отдельный, отличный от них мир, который они и обозначили двумя названиями — империя Константинопольская, или Греция, и Славия, или Славония. «Славония, — говорит один средневековый писатель, — заключает в себе Сербию, Венгрию, Далмацию, Исхию, Польшу, Русь и другие подвластные им земли. Все они как бы употребляют один язык и друг друга разумеют». Новейшие ученые, в отличие от Западной Европы или мира романо-германского стали правильно называть Европу Восточную миром греко-славянским. Если романо-германский мир, или Западную Европу, верно называют Европой Карла Великого, то Европу Восточную, или мир греко-славянский, по всей справедливости можно назвать Европой св. Кирилла и Мефодия.

Как вся западноевропейская государственность и культура вышла и развилась из монархии Карла Великого, как с X в. по новейшее время романо-германский мир не знает другого исторического и легендарного имени и деятеля более популярного и общего всем романским и германским народностям, так точно и Восточная Европа не знает и не укажет третьего имени, столь же дорогого, высокозначительного, столь же общего и известного, как имена славянских апостолов св. Кирилла и Мефодия. Проповедники Царствия Божия, служители вселенской идеи и славянского слова, основатели славянского просвещения, провозвестники и поборники прав славянского языка и славянского племени на одно из первоклассных мест в истории человечества, в ряду таких всемирно-исторических народов, каковы были евреи, греки, римляне, славянские первоучители в течение веков были и навсегда останутся незримыми вдохновителями, хранителями и строителями славянского единства.

Дарованное романо-германцам единство Карла Великого было чисто внешнее и искусственное, вскоре после его смерти распалось и никогда более вполне не возобновлялось, если не считать исполинской попытки Наполеона I, сокрушенной по преимуществу энергией и согласием двух громаднейших в истории империй, двух величайших в мире национальностей — англосаксонской и русской. Им обеим довольно места на земле, и в видах собственного интереса каждая из них может и даже должна стремиться ко взаимному соглашению и мирному житию, не роняя своего национального достоинства и не стыдясь взаимных уступок в Азии и Европе, насчет ли горных проходов, или морских проливов. Они одни изо всех новых государств никогда не признавали монархии Карла Великого и не томились бесплодным желанием единства европейского.

Преподанное св. Кириллом и Мефодием единство славянское было совсем иного рода. Они раскрыли славянству вселенскую идею и из славянства же взяли материал и образовали форму для ее воплощения. Они создали славянам орган просвещения, обратив их к познанию и божественного откровения, и сокровищ человеческой мудрости, собранных вековыми усилиями образованнейших народов мира. Они дали славянам и общий орган взаимного разумения. Без общих начал и идей, без грамоты и письменности племена самые близкие по происхождению с течением времени дробятся и раскалываются, расходятся врозь, подпадают чужой враждебной власти и чужим влияниям, лишаются своей целости, теряют даже память об общем своем происхождении и первоначальном единстве, наречия их до того расходятся, что они перестают понимать друг друга. Когда соплеменные народности при взаимных сношениях начинают уже прибегать к чужому иноплеменному языку, то они тем самым показывают свое взаимное отчуждению и большую свою близость к иноплеменникам, чем сородичам.

Кирилло-Мефодиевская идея, неся славянам христианскую проповедь о Царствии Божием, о мире и благоволении в

людях, вызвала в них и стремления к совершенствованию гражданских отношений и форм государственного общежития.

Люди не бесплотные духи, не ангелы и не небожители. Что сделает человек и с самыми высшими дарами духа, когда он совершенно истощен физически и обречен неминуемой смерти? Так и народам для доступного им воплощения принятой ими вселенской идеи, для осуществления высоких человеческих идеалов на земле необходимы известные внешние условия прочной обеспеченности.

Судьбы развития Кирилло-Мефодиевской идеи в тысячелетней жизни славянства тесно связаны с судьбами всех его опытов государственного строения.

Переложение слова Божия на язык славянский вызывало и требовало осуществления христианского общежития в славянском государстве. Независимое государство нуждалось в национальной Церкви, и национальная Церковь нуждалась в самостоятельном государстве.

Задумав избавить свой народ от участия славян балтийских и добыть себе свободу и независимость от монархии Карла Великого, моравский князь Ростислав обратился в Царьград с просьбой о присылке ему славянских духовных учителей. В пребывание св. братьев в Моравии и Паннонии и при покровительстве славянской государственной власти, на юге и севере от Дуная начала устраиваться славянская Церковь, а славянское богослужение и письмо проникло оттуда на Вислу, в Чехию, к хорватам. Когда же воинственный и лукавый, но грубый и недальновидный Святополк, не умея ценить истинного народного блага, сошелся с врагами славянских апостолов и по кончине св. Мефодия силой изгнал из своей страны его учеников, то славянская Церковь погибла в Моравии, славянское письмо и богослужение стало быстро исчезать в соседних славянских землях, оставшись, наконец, только кое-где в глаголических монастырях у хорватов.

Гонимым ученикам св. Кирилла и Мефодия дали приют и оказали свое сильное покровительство умные государи Болгарии, князь Борис и царь Симеон. Расцвет славянской пись-

менности, торжество славянской Церкви на юге совпадает с лучшими временами Болгарского государства при Симеоне и Асенях и Сербского при Неманичах. С падением политической и национальной независимости болгар и сербов в XIV и XV вв., не исчезла уже, как в Моравии и Чехии, в Польше и Хорватии, Церковь славянская, но она никла и падала по мере воцарения грубого невежества, вследствие постепенного исчезновения высшей народной иерархии, от измены вере и народности богатых классов, от огречения и отуречения множества народу, от внешнего насилия грубых притеснений турецкого произвола.

По счастью для человечества и христианства, великая кирилло-мефодиевская идея, в исходе X в., в Руси Владимира св. и мудрого Ярослава нашла себе новую благодарную почву. Все богатство трудов славянских апостолов и их учеников в Македонии, Царьграде, Моравии, Паннонии и Болгарии перешло теперь всецело к многолюднейшему народу славянскому. Дальнейшая судьба славянской Церкви и письменности тесно связаны с историческим ростом русского государства. С распространением Руси на север, восток, юг и запад водружались русские храмы и разносилось слово Божие на славянском языке и в таких краях и углах земного шара, где от сотворения мира не знали христианства и не слыхали славянских звуков. В подражание переложения Священного Писания и богослужебных книг на язык славянский трудами славянских первоучителей создалась на Руси целая обширная библиотека переводов слова Божия на различные, инородческие, большей частью, азиатские языки.

Если утверждению и распространению Кирилло-Мефодиевской идеи много способствовало славянское царство, то еще, быть может, более помогала она его росту и крепости. Она не повинна в насилиях и кровопролитии, без коих, по человеческому несовершенству, никогда не обходилось ни одно государство в мире, тем более созидавшееся столько веков и окруженное таким множеством внешних врагов. Но Кирилло-Мефодиевские завет и предания благословляли, освящали и в

значительной степени воспитывали стремления русского населения к единству государственному.

Еще другой формой нашего национального единства обязаны, мы, русские, Кирилло-Мефодиевскому подвигу. Наш литературный язык возник и развился на основе церковнославянского письменного языка. Как русское государство сложилось и крепло общими совокупными усилиями всех частей обширной Руси южной и северной, восточной и западной, так и наш могучий литературный язык и наша дорогая словесность в течение веков слагалась дружными общими трудами малорусских, белорусских и великорусских писателей, художников и ученых, духовных и светских. Все они незаметно вносили в общую сокровищницу национального языка слова и обороты различные, часто неуловимые тонкости и особенности своих местных наречий, поднаречий и говоров. В новейшее время, в рядах служителей русского слова стали все больше и чаще являться отдельные писатели, ученые, педагоги из других славянских народностей. Русская литература уже может указать на известное число русских писателей из поляков и болгар, из чехов и сербов, из хорватов и словаков, словинцев и сербо-лужичан.

Церковнославянский язык, как язык не живой, не употребляемый никем в разговорной речи, остается наилучшим органом церковного богослужения. Язык старый, отвлеченный от текущих интересов, он наилучше способен для народных молений в храмах, с отложением всяких житейских попечений. Но славянство нуждается и в живом общем языке для взаимного понимания и общения, для рассеяния многочисленных недоразумений, накопившихся в течение вековой разлуки между различными его народностями...

Наши общие торжества и воспоминания о великих славянских апостолах, любовь и единение да пробудят же в нас, во всех разделенных славянах, жажду взаимного согласия и мирного сожития.

СЛАВЯНСТВО И РУССКИЙ ЯЗЫК

Распространение русского языка у западных славян

Еще не так давно в одном из лучших, впрочем, славянских повременных изданий, в хорватском «*Книжевнике*», мы читали горькие упреки тем из русских славистов, которые в противность некоторым южным и западным славянским патриотам не верят в будущее величие и процветание маленьких местных словесностей и наречий и высказывали, или лучше, повторяли старую мысль, впервые высказанную словаком Кузмани о том, что только русский язык может и должен поднять славян на степень всемирно-исторического народа, объединив их в одной общей литературе и образованности. «Русские панслависты, — говорит «*Книжевник*», — с высоты величия своего северного колосса взирают на весь славянский мир, как с какой-нибудь возвышенной башни, и заранее предсказывают день и час, когда все славянство потонет в море греко-славянской и православной образованности русского народа». Тут автор подразумевает, конечно, замечание одного из наших писателей, говорившего в 1863 г., по поводу народного движения словаков, что буде оно пойдет впереди по прежнему, то через какие-нибудь 50 лет или к концу нынешнего столетия русский литературный язык распространится и приобретет право гражданства у пяти с лишком миллионов нынешних австрийских славян, то есть галицких, буковинских и угорских, от границ Галичины через Карпаты по Дунай до Пресбурга и Вацова.

В свое время и чешские органа не преминули (в 1864 г., особенно «*Hlas*», поместившей целый ряд статей против одного из русских славистов) восстать против мысли о русском языке, как об общеславянском дипломатическом и письменном органе, и в пылу спора забыли, что эта мысль уже давно была высказываема даже на чешском языке, например, *Кузмани* (в 1838 г.), *Клацелем* (в 1842 г.) и по-немецки чехами *Иорданом* и *Праусом* неоднократно (в «Slawische Jahrhücher» и «Südslawische Zeitung»).

Но tempora mutantur en nos mutamur in illis... Грозные победы Пруссии и успехи итальянского и особенно германского единства, введение дуализма в Австрии и участие русской журналистики к делу западных и южных славян, наконец, приезд славянских гостей в Москву на этнографическую выставку и торжественный и радушный их прием в России произвели на умы славян глубокое впечатление, которое не останется без важных последствий для всего дальнейшего славянского движения на юге и на западе. Что еще за год или за два перед этим казалось совершенно невозможным, то теперь воочию совершается перед нами. Теперь вышеприведенное замечание русского слависта о судьбе русского языка у пяти с лишком миллионов австрийских славян приходится разве упрекнуть за излишнюю умеренность. Теперь к этим 5 млн русских и словаков надобно, по крайности, прикинуть еще слишком 5 млн чехов и мораван, которые взялись ныне за мысль о русском языке с небывалой дотоле энергией. Наконец, и у других славян возрастает теперь число приверженцев этой мысли, особенно у словинцев в Крайне, Стирии и Истрии. Будем надеяться, что и православные сербы, связанные с Россией такими тесными историческими узами, не отстанут в этом отношении от славян-католиков и что сербы княжества, живя под народным, православным правительством, введут, наконец, у себя в средних и в высших учебных заведениях обязательное преподавание русского языка и литературы и русской истории, чего бы желали, но пока не могут сделать прочие западные и южные славяне, живущие под немецко-мадьярским, католическим правительством.

Нынешней оживленной проповедью об общеславянском значении русского языка открывается новая эпоха в славянской истории. И на этот раз почин нового славянского движения идет от словаков, этого панславистического племени по преимуществу. Еще до отъезда славян на этнографическую выставку в Москву, орган словаков «Пещь-Будинские Ведомости», говоря о важном значении первого славянского съезда в России, настаивали на необходимости всем образованным западным и южным славянам учиться русскому языку для того, чтобы «слово каждого славянина было понятно не одним его ближайшим землякам, а всем 80 млн его соплеменников». В «*Современной летописи*» (№ 21) прибавление к «Московским ведомостям» целиком была переведена статья чешских «*Народных новин*», издаваемых редакцией «*Народных листов*», столь прежде России враждебных; в этой статье энергически проводится та самая мысль, которая легла в основание первой русской политической, общеславянской газеты в Австрии «*Славянская Заря*»[1], скоро имеющей выходить в Вене под редакцией известного редактора «*Страхопуда*»[2] О. Н. Ливчака.

Еще в бытность Славян в Петербурге в чешском журнале «*Posel z Prahy*» (№ 63), 13 (25) мая, помещено было замечательное письмо к редактору, где автор красноречиво защищает пользу и важность признания за русским языком значения не только дипломатического органа, но и общеславянского литературного языка.

Сказав о тяжком положении западных славян, автор продолжает: «К несчастию, все наши усилия напрасны, и мы постоянно обречены опираться лишь на самих себя, все труды наши мы должны употреблять только против враждебных и гибельных нам замыслов. Нам едва хватает на то сил наших, ибо если они прибывают у нас каждый день, то ведь и у противников пребывают средства и притом далеко неравномерно... Очевидно, мы принуждены заботиться об увеличении наших сил для того, чтобы не только победоносно отразить гнет и натиск, но и чтобы в образованности, в духовном развитии и

в материальном благосостоянии идти ровным шагом с народами, которым счастье и судьба более нас благоприятствовали и которые признаются более чем за материал, годный для каких угодно других построек.

Путь к увеличению сил наших мы, наконец, нашли. Это путь, указанный нам первыми воскресителями нашего народа. Это — славянская взаимность, *ближайшее братское общение с прочими славянскими, народами, преимущественно с народом русским.* Вот единый, истинный и спасительный путь. На что нам беспрерывно, ежедневно препираться с немцами и мадьярами, на что нам в поте лица, до истощения сил с бесчисленными и неслыханными жертвами, бороться за свои права, которые нам принадлежат по Божескому и человеческому закону? Оставим это напрасное предприятие, зато как можно теснее примкнем к семье славянской, пробудим в себе сознание, что только в этой семье заключается наше благо и счастье, что тут нам принадлежит первое место.

Посещение славянами московской выставки есть счастливое начало этого движения. С этой минуты пусть народы славянские, и особенно русский, узнают наши чаяния, стремления и силы, а силы наши да будут отныне посвящены семье славянской. Как мы поныне потрудились для науки немецкой, будем трудиться для науки славянской. Ей посвятим свои силы. Поэтому да обратятся взоры наши к славянству, взоры ученого, художника, ремесленника, промышленника и купца. Народы славянские, особенно русский, могут нуждаться в наших силах. Они оценят наши способности и труды. Среди них наше будущее и спасение.

Кто поныне, ради неблагоприятных обстоятельств, не мог обогащать и распространять науки, как бы того желал, тот пусть ищет помощи у русского народа, возделывает и поднимает его литературу. Служа литературе и науке русской, ты служишь и своему народу. Вы, художники, преследуемые тесными обстоятельствами, напрасно искавшие меценатов, во всем и всюду оттираемые иноземцами, найдете меценатов на почве славянской, особенно русской. А какой немецкий фабри-

кант и купец не предчувствует, что их ожидает, когда славянское направление всюду окрепнет и восторжествует, когда мы тесно сомкнемся с миром славянским?

Не стоит долго объяснять; кто себе этого ясно не представляет, что *ныне* мы стояли бы инде и славянство далеко бы ушло вперед, если бы раньше обратились к своим братьям за помощью, которой напрасно искали у себя дома. Что давно должно было случиться, то сталось ныне в Австрии благодаря системе дуализма, и да благословит Бог это начало.

Чтоб иметь славянскую помощь, мы должны как можно теснее примкнуть к нашим братьям, славянам, особенно же к русским, чтобы прежде всего могли с ними говорить, как говорим друг с другом, как доселе говорили мы с немцами. Если поныне мы *должны были* учиться немецкому языку и часто имели от того пользы меньше, чем вреда, ибо мы так отчуждались от своей народности и от славянства, и этим приготовляли только свое унижение — если мы *были должны* учиться по-немецки, то теперь добровольно начнем учиться русскому, сродному нам языку, которому каждый из нас в полгода может научиться, который откроет нам ворота в новый мир юр, проложит путь к будущности, к богатству материальному, к развитию духовному.

Я всегда держался того мнения, что русский язык должен быть звеном всех славянских образованных людей, что только через него славянство может достигнуть своего веса и высоты. И кто же из нас этого не чувствует? Мало найдется таких, которые бы не согласились употребить полугодового труда для того, чтоб открыть новые ворота науке, искусству и материальному благосостоянию.

Для этого прежде всего необходимо, чтобы каждому из нас дана была возможность самым легчайшим способом ознакомиться с русским языком. В Праге это, конечно, удобно, особенно учащейся молодежи, и я ни мало не сомневаюсь, что она ревностно займется этим делом. Но дело иное людям взрослым, и особенно внутри страны. Тут надо подумать об иных средствах». Для того автор предлагает редактору помещать в его

журнале образцы русской речи с чешским переводом. Так бы чешские читатели убедились, как близки между собою чехи и русские и что они не даром называются братьями. «Так бы вы открыли чешским читателям, — продолжает автор письма, — ученую и художественную русскую литературу, богатую русскую журналистику и громадный простор 80-миллионной державы, в которой не заходит солнце». Редакция прибавила от себя, что она вполне сочувствует этой мысли и этому предложению и намерена приступить к его осуществлению.

То же направление усиливается и на Моравии. На днях мы получили из одного моравского местечка (6/18 июня) письмо от лица многих под заглавием: «Открытое письмо из Моравии славным братьям славянским на Руси». «Судьба сохранила ветвь народа славянского между Шумавой и Татрами, — сказано в письме, — и не дала ему погибнуть от западного мира смертью славян балтийских. В уединении, с пожертвованием лучших наших сил защищали мы прежде свою самобытность от натиска западного оружия, и горы наши хранили нас.

Но пришло время, когда сила наша отведена в чужие таборы, а нам оставлена только мысль; но и в области мысли грозит нам гибелью натиск западной образованности.

Должности, училища, общественная жизнь очутились в руках чужой стихии.

С вами, могучий родственный народ на Востоке, получили мы вместе первые начала народной веры и народного просвещения. Память об этих славных для нас временах светится нам поныне в почитании Кирилла и Мефодия. Здесь почиет основание, на котором мы хотим опять утвердить нашу будущность, ибо убеждены, что народная славянская нива найдет в нас, быть может, и способных, но во всяком случай горячих и верных делателей.

Начала народного просвещения хотим мы положить в собственный народ наш, но тяжелые времена отняли у нас и силу и право.

У вас, братьев на Востоке, нашли мы, наконец, народ могущественный, одного рода с нами и идущий к одним целям.

Не откажите нам в духовном своем оружии, чтобы могли мы одолеть врагов и удержаться; это послужит нам ко всеобщей пользе.

Оплотом против духовного оружия наших неприятелей мы хотим воздвигнуть горы могучего языка славянского, ученого и с письмом славянским. Сами мы со своим языком не можем удержаться против сильной Тевтонии и обращаемся к языку нам братскому, единокровному, к языку русскому.

Долгое время старания наших ученых и первых людей нашего народа состояли в том, чтоб опять открыть и возобновить старые народные начала нашей домашней образованности. Письмо славянское и язык ваш изучались у нас. Но неразвитые силы народа мешали дальнейшим успехам. Хотя и ныне большая часть нашего народа дает последнюю гривну на чужое благосостояние, однако усилия наши воссоздать народное просвещение на началах славянских нашли в народе нашем сочувствие, хотя поставленные в тяжелое положение простолюдины не могут теперь успевать в той мере, как бы могли, если бы могли рассчитывать на какой-нибудь капитал.

Братья восточные! на одних началах с вами хотим мы развить знамя нашего будущего просвещения. Вы почтили мужей наших, посетивших московскую выставку, истинно побратски. Помогайте нам в деле взаимности.

Наши братья из Чехии и мы просим вас помогать нам в развитии литературной взаимности, которая должна иметь цели:

I. Образование простого народа языком чешским посредством русского письма.

II. Обращение русского языка в общеславянский литературный язык.

Мы вполне уверены, что эти желания наши будут встречены у вас с полным сочувствием и что вы приложите ваши сильные руки к этому делу, которое должно нас вырвать из душащих нас объятий западничества и поставить нас на собственные наши ноги, открыть мощный союз с вами для целей взаимного славянского просвещения и дать нам при вас и с вами

условия естественного и единственно благого и спасительного развития, чтобы, наконец, осуществились слова поэта:

И скажем миру слово славы, еще неслыханное им».

Таковы голоса, раздающиеся ныне из разных концов Чехии и Моравии. В В. Галичине и Угорщине у русской и славянской молодежи русский язык, в два последние года, особенно изучался с великим усердием и успехом. Изданная в начале мая в Праге русская грамматика г. Микота вышла теперь уже третьим изданием. Ольмуцкий епископ в Моравии для школ своей маленькой епархии один выписал сто экземпляров ее. Уповаем, что на этих начатках дело не остановится. «Не подлежит ни малейшему сомнению, — писал давний ревнитель русского языка, чех Иордан, в 1847 г., — что день, который принесет славянам общий письменный язык, будет отнесен к самым незабвенным, вечно памятным дням и составит эпоху в развитии славянского народа».

Кажется, эта давно желанная эпоха наступает. Может быть, с этим вместе начнется и новая эпоха в истории русской литературы и образованности, когда она начнет проявлять свое всеславянское, всемирно-историческое значение. Говорим *кажется, может быть,* ибо между сознанием исполнимости и пользы известной мысли и между полным ее осуществлением лежит еще целая пропасть. Мы, русские, должны помнить, что от нас самих требуется еще много усилий и энергии, чтобы сделать нашу литературу вполне достойной нового, открывающегося ей ныне славного будущего. В глубоком сознании высоты своей задачи «русские писатели и ученые не могут не чувствовать, что вместе с тем увеличиваются их важные обязанности и растут их внутренние требования. С новым усиленным рвением трудясь над пробуждением в России народного сознания и раскрытием высокого славянского призвания русского народа, они должны заботиться об умножении внутренних и внешних условий скорейшего распространения русского языка на славянском юге и западе. Эти условия заключаются

в развитии строго научного, вполне самобытного характера русской литературы и в образовании наибольшего количества русских читален в различных землях славянских. Нам приятно засвидетельствовать, что в Москве и Петербурге многие наши писатели, ученые и любители просвещения помышляют об образовании постоянных славянских комитетов или обществ, чтоб заняться исключительно этим делом.

Непорешенный вопрос.
Статья 1. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка
И. И. Срезневскому

Из всех живых славянских наречий, познавших письменность, если не в IX—X, то в XVI в., во время Реформации (как в последнем случае сербо-лужицкое), болгарское наречие XVI—XVII вв. отличается поразительной скудостью — чтобы не сказать, полным отсутствием — письменных памятников, из коих можно было бы ознакомиться с тогдашним состоянием и особенностями этого замечательного для лингвиста наречия славянского, с его бедными остатками спряжений, лишенного склонений, не могущего обойтись без члена. В своем внутреннем строе оно так далеко уклонилось от своих братьев, других наречий славянских, что стоит между ними совершенным особняком. Между тем как его братья обилием и разнообразием грамматических форм, нередко эпической стариной оборотов и поговорочных выражений, среди XIX столетия напоминают разве германские наречия XII—XIII вв. или латинский язык времен завоевания Галлии, нынешнее болгарское наречие в некоторых отношениях, быть может, даже опередило иные наречия романские и почти все германские, за исключением австрийского, к которому оно по своей бесформенности наиболее приближается.

Этот недостаток или даже отсутствие письменных памятников чисто болгарского народного языка XVI—XVII вв.,

так как в грамотах Волошско-Молдавских нельзя не примечать более или менее сильного участия стихии русской (малорусской), тем достойнее сожаления, что, имея их, можно было бы проследить историческое развитие этого наречия с XIV—XV вв., с того периода, к которому обыкновенно относят так называемые среднеболгарские памятники, до настоящей минуты. Такой ученый опыт был бы тем желательнее и необходимее, что он мог бы значительно подвинуть уяснение и решение старинного и все еще открытого вопроса о настоящей родине и народности древнеславянского языка. В самом деле, ближайшее знакомство с генетическим развитием болгарского наречия составляет, с одной стороны, непременное требование историко-сравнительной грамматики славянской; с другой — оно важно и необходимо и для тех, кто уже убежден в чисто болгарском происхождении древнеславянского церковного языка, и для тех, кто находит причины несколько сомневаться в этом. Преждевременная уверенность в неосновательности такого рода сомнений, как всякое умалчивание спорных вопросов, едва ли может благотворно действовать на успехи науки. Есть некоторые соображения, указывающие на законность таких сомнений.

Погодинскую Толковую Псалтырь, что ныне в Публичной Библиотеке в Петербурге, по всем палеографическим признакам и Востоков, и Срезневский одинаково относят к памятникам XI и никак не позже начала XII в. В ее правописании и языке находятся значительные уклонения и особенности сравнительно с языком Остромирова Евангелия, за выключением его русизмов. Эти уклонения и особенности часто таковы, что они прежде были считаемы отличительными признаками так называемых среднеболгарских памятников. Вместе с тем они попадаются и в других древнеславянских рукописях XI в., например, в сборнике Супрасльском, изданном Миклошичем и пр. Таким образом, оказывается не совсем верным и делу мало соответствующим название среднеболгарского наречия, ибо его отличительные признаки восходят к XI в. Тут название «*средний*» очень мало уместно. Выходит, что это признаки не

только среднего, но и древнего болгарского наречия. Замечая, что эти особенности восходят к XI в., мы останавливаемся на этом времени только по недостатку древнейших памятников, и есть разумные причины думать, что в нынешней области болгарских славян еще в X и даже в IX в. выделялись более или менее различные поднаречия и говоры с особенностями в фонетике, грамматике и словаре.

Если справедливо, что завоевание азиатами-болгарами славянских задунайских племен в Мезии и Фракии было главнейшей, если не исключительной причиной крутого переворота во внутреннем строе нищего памятниками искусства и науки языка несчастнейших турецких райев, точно так же как завоевание Англии норманнами произвело столь же крутой переворот во внутреннем строе богатейшего по своей словесности истинно мирового языка самого могучего и просвещенного в наше время племени; если справедливо, что насильственное вторжение иноплеменных завоевателей, там норманнов с их французским, здесь болгар с их турецким языком, по преимуществу произвело быструю утрату грамматической формальности и раннее уклонение языка английского и наречия болгарского от родственных им германских и славянских наречий; если это верно и справедливо — а оно едва ли может быть подвержено сомнению, — то нельзя предполагать, чтобы с конца VII по XI в., с утверждения за Дунаем орды Аспаруха до тех неизвестных нам годов XI в., когда была написана Погодинская Толковая Псалтырь, в наречии завоеванных болгарами славян задунайских не произошло никаких более или менее значительных перемен. Если же эти перемены действительно произошли, то они иначе не могли обозначиться, как в том, что в тех углах и краях этой славянской земли, где иноплеменники-завоеватели не поселились плотными массами, целыми родами и семьями, там народ славянский говорил чище, дольше сохранял в своем языке древние формы, чем в тех краях своей родины, где пришельцы-болгары разбили главный свой стан и вследствие вероятной малочисленности своих женщин рано начали смешиваться с побежденными.

Поэтому и сомнительно, и даже невероятно, чтобы наречие славян Солунской области, славян македонских, слабо смешанных, и то разве на окраинах с албанцами, волохамицинцарами и греками, живших почти совершенно свободной общинной жизнью, в слабой зависимости от Византии или Солуня, чтобы, говорю, это наречие ничем важным и особенным не отличалось от наречия завоеванных болгарами славянских племен, живших от своих солунских, македонских братьев по ту сторону Доспата и Балкан, на севере к Дунаю и Черному морю, в окрестностях Софии, Тернова, Видана и Варны, где *ханский,* потом великокняжеский и царский двор, главные города и крепости были переполнены и заняты потомками сподвижников Аспаруха, уже довольно смешавшимися с побежденными славянами. Словом, невероятно, что наречие, которым *чисто беседовали* солуняне, в совершенстве владели св. Кирилл, Мефодий и их деятельный ученик и продолжатель св. Климент, было совершенно тождественно с наречием, господствовавшим при болгарском дворе Бориса и покровителя славянской письменности царя Симеона.

Смеем думать, что различные мнения, в свое время высказанные о македонском, моравском, болгарском, паннонско-словинском и даже искусственном происхождении древнего нашего церковного языка, взятые в совокупности, взаимно умеряемые и ограничиваемые, не так ложны и безосновательны, как это может казаться тем, кто держится одного из этих мнений исключительно. Напротив того, все эти мнения заслуживают уважения и все заключают в себе известную долю истины. Как наречие македонских славян, язык св. Кирилла, Мефодия и Климента в IX—X вв., не могло быть тождественно с наречием задунайских, завоеванных болгарами славян, так еще более должно было быть различия между языком македонских, моравских и паннонских славян, к которым, по приглашению их князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую деятельность изобретатель славянской азбуки, его брат и их ученики, уроженцы Македонии. Частью с намерением, дабы быть понятнее новой среде, отчасти невольно

и бессознательно, под неизбежным и неотразимым влиянием новой среды, македонские проповедники в *вышней* и *нижней* Моравии мало-помалу воспринимали в свою устную и письменную речь новые обороты и выражения, необычные в Македонии и необходимые в жизни славян моравских. Так, в первые же годы появления славянских апостолов с их учениками в Моравии значительно видоизменился в их устах и писаниях их отечественный или, по крайности, тот славянский язык, на котором они поныне проповедовали славянам слово Божие. Оставаясь языком славянским, он переставал быть наречием чисто македонским и в то же время не делался чисто моравским. В создававшийся тогда письменный церковник язык славян особенности наречия моравского должны были быть вносимы во множестве новыми учениками св. Мефодия, природными моравanами. Чтоб яснее себе представить совершавшийся тогда процесс образования этого письменного языка, перенесемся мысленно в Моравию Ростислава и Святополка. Под благотворным влиянием славянских апостолов, под покровительством Ростислава (в первое время), Святополка и многих знатных и богатых моравan, при сильном негодовании и ропоте немецкого духовенства Моравии в ней возникает небывалая прежде среда первых славянских писателей и ученых, сочинителей, переводчиков и писцов. В общих рабочих кельях этих Климентов, Наумов, Гораздов и других неизвестных нам тружеников, нередко происходят живые беседы и прения об употреблении того или другого речения, той или другой формы грамматической, того или другого способа написания известного звука или слова. Пришлые македонские уроженцы упорно отстаивают и защищают чистоту своих македонских форм и оборотов против своих учеников, уроженцев моравских, которые желают вытеснить и заменить эти *македонизмы* своими моравскими формами и выражениями. Очень правдоподобно, что при этом консерватизм македонян нередко одерживал верх над нововведениями моравскими благодаря не только авторитету общего наставника Мефодия, но и той помощи, которую могли оказывать македонянам

некоторые его ученики из паннонских славян, из словинцев княжества Коцела. Часто, конечно, бывало, что македонское выражение или форма, не совсем понятная моравянину или словаку, были ясны и просты для разумения словинца. Так, в недолговременный, но плодотворный период славянской образованности, со времени изобретения славянских письмен св. Кириллом до кончины св. Мефодия и рассеянии его учеников по землям югославянским и на севере (когда же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христианство?), в этот период уже положено было твердое начало образованию письменного церковного языка нашего, разговорного и книжного органа образованных, ученых славян из различных племен и земель. Это было не одно какое-нибудь известное наречие, как оно употреблялось в устах того или другого местного населения великой родины славянской. Это был уже язык книги, орган отвлеченной мысли, тем более удалявшийся от бессознательности и непосредственности народного говора, что он при самом рождении своем начал быть обрабатываем учеными и писателями различных племен славянских. Сверх того, всякий письменный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он образованней и культурнее, тем более удаляется от собственно народного языка, который, в свою очередь, отличается тем большим диалектическим разнообразием, чем народ сильнее и богаче историей, и следовательно, чем разнообразнее его этнографический состав, чем более он поглотил или поглощает чуженародных стихий, чем обширнее его государственная область. В этом смысле всякий письменный язык есть язык искусственный и смешанный из нескольких говоров, поднаречий и наречий. Недостатки такой искусственности исправляются развитием грамотности в народе, быстрыми путями сообщений, гласностью судов, общим государственным значением языка, возрастанием больших городов, средоточий народной образованности и национально-политическим развитием купечества. Стирая таким образом диалектические неровности живой народной речи, письменный национальный язык при-

ближает ее к себе и сам с ней сближается, черпая ее богатства и вдохновляясь ее творческой непосредственностью.

В этом же приблизительно смысле и древнецерковный язык славянский не есть собственно одно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный. Чтоб этими названиями древнеславянского языка не подавать повода к ложным толкованиям, я позволю себе привести некоторые примеры подобной искусственности языка у племени славянского, в среде которого в течение всей его тысячелетней исторической жизни постоянно чувствовалась и более или менее сознательно высказывалась живейшая потребность в языке искусственном, смешанном, в языке более или менее общеславянском. Такую искусственность и смешанность языка в нашем племени можно подметить в частных и официальных сношениях, в изустных и письменных переговорах разных пограничных и смежных славянских племен и на нейтральной почве между представителями отдельных славянских ветвей. Вот явление, которое ежедневно происходит уже, быть может, более тысячи лет с тех пор, по крайней мере, как существуют различные наречия славянские. Сходясь между собой, представители различных племен, в облегчение взаимного понимания, вольно и невольно, сознательно и бессознательно делают каждый друг другу взаимные уступки, принимая в свою речь чуждые обороты и выражения, стараясь приблизиться и в произношении, и в употреблении отдельных слов к диалектическим особенностям речи своего собеседника. Такое явление можно подметить и у племен, уже литературно объединенных, например, у итальянцев и немцев, особенно во взаимных сношениях неграмотных людей из различных областей Италии и Германии. То же приблизительно происходит и у племен сродных, но, подобно славянам, не имеющих общего языка, например, между французами, итальянцами и испанцами. Само собой разумеется, что при изменчивости и случайности этого рода сношений в таком искусственном языке тем менее успевает утвердиться непрерывность предания и условная правильность, чем менее ограничена местность этих взаимных сношени, и чем они не-

постояннее. К указываемой искусственности древнеславянского церковного языка всего ближе, надо думать, подходил тот искусственный славянский язык, который должен был господствовать в течение трехсот лет (XI—XIII вв.) при дворе Угорских королей Арпадовичей, из коих почти каждый был если не мужем, то сыном славянки из королевских и княжеских родов Премысловичей, Пястовичей, Неманичей и Рюриковичей. Так, впоследствии славянки, жены и матери султанов, научили по-славянски магометов, солиманов и селимов. Женщина крепче держится предания, чище сохраняет родную речь и всегда и везде имела великое образовательное влияние на разговорный язык окружающей среды. В Угрии Арпадовичей мы видим, что некоторые чешские, польские, сербские и русские княжны-королевы принимают большое участие в делах государственных, как при жизни мужей, так и при малолетних сыновьях. При дворе Арпадовичей всегда служило множество славян, словаков, хорватов, сербов и русских, еще более, чем при Блистательной Порте, в царствование Солимана, когда сербский язык был в ней языком полупридворным, полудипломатическим. Совсем почти не обработанный, никому в Угрии, кроме мадьяр, непонятный, азиатский язык этих недавних кочевников рано принял в себя великое множество слов славянских, по преимуществу касающихся земледелия, промыслов, гражданского и государственного быта. При Арпадовичах он не мог быть языком придворным. Он не принимался у Угорского двора ни при Анжуйцах, ни при Люксембургах, вообще едва ли и знавших по-мадьярски, даже при Корвине, не природном мадьяре, а собственно румыне, знавшем помадьярски, но отлично говорившем и по-славянски (почешски). Не успел он проникнуть ко двору и при Ягайловичах, обыкновенно объяснявшихся по-чешски или польски. Латинский язык при Арпадовичах, по малочисленности школ, был распространен по преимуществу в духовенстве, как во всех также католических славянских землях этого времени и даже позже. В общежитии во всех классах общества употреблялись наречия местные. И во время наибольшей распространенности

в Угрии языка латинского он собственно употреблялся при начале разговоров или приберегался для торжественных случаев, да и то был так смешан с славянскими и мадьярскими словами, что западный европеец, хорошо владеющий варварской латынью, наполовину не понял бы этой угорской латыни. Итак, при дворе и в высшем обществе в Угрии долго, как мы видим, господствовал язык славянский, и не какое-нибудь одно известное наречие, а язык искусственный, смешанный, равно понятный словаку и сербу, хорвату и русскому, словом, нечто подобное тому языку, который и теперь можно слышать в Будине на славянских сходбищах. Только в последние годы в сношениях словаков и русских стал чаще употребляться наш язык, русский. Мадьярский же язык начал приобретать дипломатическое значение впервые только в XVI—XVII вв., и не собственно в Угрии, а в Седьмиградьи, при воеводах, когда она находилась под зависимостью и покровительством, а часть Угрии и под совершенным господством турок*. Турецкое владычество освежило, обновило и подкрепило в мадьярах их народное азиатское самосознание, начавшее было глохнуть и вянуть от долгого сожительства и общения с европейцами, славянами, румынами и немцами. Тонкие наблюдатели придворной и общественной жизни, старые венецианцы, например, *Соранцо* и др., мало подмечали разницы в образе жизни, самой одежде, между тогдашними мадьярами и турками в Угрии: Poco difterenti nella barbarie dalla maniera de Turchi, come lo sono anco negli habiti. С изгнанием турок из Угрии главнейше, если не исключительно, силами славянскими и с присоединением всех Угорских земель к прочим владениям Габсбургско-Лотарингского дома мадьярский язык вновь утратил всякое дипломатическое значение, и немецкий язык стал все более проникать, особенно при Марии-Терезе в Угорское образованное общество или по крайней мере в дома Угорской

* В продолжении нескольких веков пограничные власти турецкие: санджак Клисский, Герцеговинский, паша Боснийский переписывались с ректорами и капитанами венецианскими в Далмации по-сербски; в дипломатических же сношениях и актах Блистательной Порты с Республикой долгое время употреблялся язык греческий (в XV и XVI вв.).

шляхты, именитейшие представители которой уже успели полюбить блеск и роскошь, забавы и удовольствия Венской столичной и придворной жизни. Но крутыми попытками к германизации и недостаточно решительными мерами в пользу освобождения крестьян император Иосиф II возбудил в Угрии все народности против германизма, а испугавшуюся крестьянской воли Угорскую шляхту объединил, сплотил и ввергнул в объятия мадьярской оппозиции, ибо гордость породою, стремление занимать в стране исключительное положение, помещичье самоуправство и дворянская спесь естественно были крепче развиты в Угорской шляхте из родовитых мадьяр, как победителей и еще азиатов, которые не понимают начала гражданской равноправности с иноплеменниками и умеют быть только повелителями или рабами. И теперь в Угрии с конца XIII в. вровень с развитием самого отчаянного и бешеного мадьяризма пробуждаются и народности славянские. В то время, когда Дугонич в своих повестях с презрением осмеивает словаков, граф Сечени объявляет, что Угрия еще не была и не есть страна мадьярская, но должна быть и будет его (Magyrorszag nem volt, hanem lesz — Мадьярия не была, но будет); когда барон Вешеленьи ропщет и негодует на неразумие старых мадьяр, не успевших до XIX в. поглотить и омадьярить 2 млн с лишком славян, живущих сплошной массой от русских Карпат и верховьев Тисы до Пресбурга при Дунае, и, представив невыгодное положение мадьяр на низменной равнине окруженных со всех сторон иноплеменниками, с ужасом начерчивает картину постепенного роста и усиления России, нависшей, как лапа, над Угрией и грозящей затопить Мадьярскую низменность, если не будут приняты самые решительные и скорые меры для возвеличения и укрепления мадьяризма; в то время, когда Кошут рвался и метался, нередко выставляя самые смешные предложения для скорейшего обучения славян языку мадьярскому, для того чтобы, не медля, воздвигнуть оплот против славянства из великой Мадьярии от Карпат по Адриатику, — в это же самое время трудолюбивый и умный словак *Чаплович* в своих немецких сочинениях с любовью рас-

крывал заслуги словаков в Угрии, их промышленную и торговую деятельность; великий ученый нашего времени, словак же *Шафарик* обнимает все племя славянское в совокупности и критически исследует его древнейшую историю, его наречия и словесности, своими незабвенными трудами производя неизгладимое влияние на все народности славянские; поэт, проповедник, мечтатель и агитатор *Колар* в своей бесспорно талантливой, но подчас странной и скучной поэме «Славы Дцера», не щадя насмешек и проклятий, порывов удивления и восторга, выставляет картины упадка и величия славянизма, его утраты и победы в борьбе с иноплеменниками и с неотразимой силой внутреннего убеждения пророчит ему полное торжество над врагами, прекращение племенных недоразумений и окончательное слияние и единство, тот же *Колар* в небольшом сочинение о литературной взаимности уже начертывает практическую программу для такого объединения, а его земляк *Кузмани,* исправляя ее, указывает на внутреннюю необходимость иметь всем славянам один общелитературный и дипломатический язык и советует с этой целью учиться языку русскому; наконец, *Штур,* тот самый, которого угорский магнат граф *Зай* отговаривал читать славянским студентам Пресбургского лицея даровые курсы славянского языка и истории, стращал его тем, что с пробуждением словаков Россия может в один прекрасный день сказать: il n'y a plus de Carpathes, — этот самый Штур всю свою страдальческую жизнь и все силы своего духа посвятил распространению и утверждению на своей родине тех идей, которые он потом изложил в своем посмертном труде — «Славянство и мир будущего». Это завещание Штура давно стало программой литературной и гражданской деятельности всех мыслящих и пробужденных словаков. Немецкий, он же правительственный, элемент Австрии был поставлен, таким образом, между двух огней, между двух возникавших сил, одинаково ему враждебных — *мадьяризма* и *панславизма.* Он предпочел первый и с конца 20-х годов нынешнего столетия употреблял все старания и усилия для распространения и утверждения мадьярского языка в Угрии. Так, из боязни и

страха перед появлением или возрождением в Угрии языка общеславянского, не только разговорного, но и письменного, германский элемент вступил в союз с азиатским мадьярским и в его пользу должен был отказаться от давнишних германских мечтаний и замыслов пронести немецкую культуру на восток славянский, создать, по выражению Рошера, новую, могучую Германию в угорско-славянских землях по обоим берегам Дуная, еще недавно в немецких географических учебниках величаемого рекой немецкой. К таким страшным уступкам могли побудить Германию, наперекор всем ее преданиям и ее старинной исторической вражде к мадьярам, не какие-нибудь пустые поводы и фантастически мечтания, а искренняя и действительная ее уверенность в возможности утверждения в Угрии языка общеславянского. В подобном же союзе уже всей романо-германской Европы с другим искони противным и враждебным ей азиатским же элементом, турецким, и в твердой решимости поддерживать его на Босфоре до последней крайности выказывается со стороны Европы такое же признание возможности и опасности для нее подобного же распространения и утверждения языка общеславянского и от европейской Турции, где действительно между болгарами и в настоящее время русский язык распространен более, чем у какого-либо из славянских племен, отделенных от России Карпатами или Дунаем. Природные богатства невозделанных и малонаселенных южных земель греко-славянских не утратили своей прелести для романо-германского запада, который, еще не тяготясь избытком населения и капиталов, уже с начала XШ в. постоянно стремился в них господствовать и действительно долго господствовал, пока турок не отбросил и не выгнал *франков,* с которыми не могли совладать разбитые и слабые племена греков, албанцев и славян. Эти народности теперь еще слабее, чем в XIII—XIV вв., и конечно, не внушают никакого страха объединенной Италии, соединяющейся Германии и двум великим морским державам — Франции и Англии, которые, при всем своем взаимном соперничестве, еще бы легче старых венецианцев, генуэзцев, пизанцев, каталонцев, французов могли со-

гласиться относительно этих племен и полюбовно размежевать их земли. Теперь останавливает Европу небывалое прежде явление могущественной державы греко-славянской. Романо-германцев не пугает мысль о завоевании Россией этих земель: это только ослабило бы ее. Их смущает и страшит уверенность, что с легким принятием русского языка за язык дипломатический и общелитературный эти рассыпающиеся, не сплоченные обломки получат возможность кристаллизоваться и из ингредиентов чужих племен станут наконец живой, органической частью нового исторического мира с его особливым призванием. Такая уверенность Европы, принося великую честь ее прозорливости, предлагает замечательное объективное доказательство действительной возможности, внутренней необходимости и громадной важности искусственного, смешанного письменного и культурного общеславянского языка.

Наш древнеславянский церковный язык был первой попыткой славянского народного гения создать самостоятельную образованность с ее особым органом. Это был один из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или всеславянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, цельности и единству, обнаружилось его движение, если не задержать и не остановить, то ослабить частные племенные усобицы, разрывавшие великое племя на части, которые, обособляясь, слабели внешне и внутренне и становились легкой добычей враждебных иноплеменников, особенно романо-германцев, уже достигших в то время церковной, государственной и военной организации. Таким образом, вопрос о древнеславянском языке не есть вопрос чисто-лингвистический или даже филологический. Это один из глубоких и трудных вопросов истории славянской. По великой важности этого предмета нельзя не желать скорейшего обращения со стороны русских и всех вообще славянских ученых самого полного к нему внимания, которого несомненно заслуживает вопрос, занимавший любознательность Добровского, Востокова, Калайдовича, Копитара, Шафарика, Миклошича и, несмотря на это, все еще не

приведенный в желаемую ясность. Да и со времени последних и лучших исследований этого предмета накопилось много новых данных, расширились взгляды, обозначились новые положения и новые стороны, прежде незаметные или мало замечаемые. Сверх уже упомянутой нами ложной уверенности, что этот предмет принадлежит к вопросам законченным и решенным в науке, успеху желаемых и необходимых исследований мешают также некоторые предрассудки и парадоксы, распространенные в России и в славянских землях, имеющие огромное влияние на различные господствующие там литературные, исторические и поэтические теории, принимаемые и повторяемые, как истина, и между тем основанные на самых ложных, не выдерживающих никакой критики, устарелых и негодных филологическо-этнографических выводах и наблюдениях. Ложь никогда не является одиноко: одна ложь влечет за собою другую. Но тесной связи древнеславянского церковного языка с письменным русским языком и по высокой историко-литературной важности вопроса о языке общеславянском, которым несомненно было и отчасти остается наше церковное наречие, по всему этому от ложных и неправильных мнений, господствующих об этом предмете, страшно терпит, с одной стороны, история русского письменного языка и русской литературы, с другой—общая история славянских наречий и народностей. К тому же история русской литературы по преимуществу у нас обрабатывается людьми с весьма малым лингвистическим и филологическим образованием. Не умея сами проверить разных исследований о древнеславянском церковном языке, о наречиях славянских, они принуждены бывают, говоря об этом предмете, все заимствовать из вторых рук, принимать на веру и некритически. Так к старым промахам, неверностям и ошибкам прибавляются новые и всегда преувеличенные. Все это входит в учебники, заучивается наизусть, повторяется с новыми вариациями и искажениями в ежедневной литературе и в общежитии. Положение печальное, и про историков или исследователей русской литературы, поставленных между незнанием, многого

такого, о чем знать надлежит, и отличным знанием учителя Белинского, можно — увы! отчасти повторить старца Гете:

Was man nicht weiss, das eben brauchte man,
Und was man weiss, kann man nicht brauchen.

Еще, быть может, жалче положение истории славянских литератур и народов, которая со времен Шафарика, считается единым предметом. Чем же она ныне представляется, как не неслаженными частными историями без малейшей внутренней связи, как будто одна отрасль славянская не имела ни малейшего влияния на другую, как будто великий 90-миллионный народ не имеет своего особого призвания, лишен малейшего сознания своих задач и никогда в течение тысячи лет не обнаруживал никаких общих потребностей. К чему же тогда роптать на западных историков, и не правы ли они в таком случае, уделяя славянам в своих курсах всеобщей истории меньше места, чем арабам, персам, монголам, мадьярам и туркам? И между тем славянская интеллигенция в своих историко-политических теориях очень любит ссылаться на выводы и законы истории славянских народностей и литератур.

В то же время точные, строгие изыскания этого заброшенного и нерешенного вопроса пролили бы неожиданный, яркий свет и на историю русского литературного языка, и на всю историю славянства, раскрыла бы внутреннюю связь целых эпох, происшествий и явлений его исторической жизни, дали бы нам нить к решению многих сложных вопросов и толчок новым плодотворным изысканиям. Наконец правильное понимание и научное изложение этого вопроса может иметь великое образовательное значение.

Поясним все это несколькими примерами. Говорят, что в IX—X вв. славяне в древнеславянском языке увидали было зарю объединения, но она сияла недолго; история своим бесповоротным ходом порешила иначе, поделив славян на самостоятельные, несоединимые группы, погубив следы и возможное влияние возникавшего было единства. В настоящее время раз-

личные славянские народности являются каждая со своим особенным типом, как национальности отдельные и самобытные. В славянстве единство так же невозможно, как и в романском и германском племени. Там русские, поляки, чехи, сербо-хорваты и пр. — такие же особые самостоятельные народы, как здесь французы, испанцы, итальянцы или у германцев — англичане, скандинавы и собственно немцы. Как не предвидится, да и не желательно, чтоб эти романцы или германцы объединялись литературно, так не мыслимо и не желательно литературное объединение славян: сербо-хорваты, чехи, поляки имеют свои старые, богатые литературы. Они имеют великое преимущество перед русскими в том особенно, что их литературный язык чисто народный, тогда как в русском литературном языке заметна смесь двух и даже трех особенных наречий великорусского, малорусского и древнеславянского.

Эти мысли можно беспрестанно слышать и читать в различных землях и изданиях славянских. Они представляются доводами неопровержимыми. Но так ли это? Говорят: *история решила иначе.* Однако надеемся, история для славян еще не кончилась; чего не было вчера, может быть завтра. Ведь иначе славянам пришлось бы покориться всем таким решениям истории и помириться с настоящим, ибо история решила-де, чтоб одни служил немцам и итальянцам, другие — азиатам, мадьярам и туркам. Как ни жесток такой вывод, но он неизбежен и вызывается строгой последовательностью. Племенной сепаратизм, эта обособленность наречий и литературы, не могли не повести за собой господства иноплеменников.

Что такое значит — свой особый путь у каждого наречия и народа славянского? Разве пьемонтец, тосканец, венецианец и неаполитанец и их наречия не имеют своего особого типа? Шотландец и англичанин, провансалец и бретонец, тверич, курянин, сибиряк, украинец, донской, черноморский, уральский казак, белорус и беломор — все имеют свои особые физиономии, свои говоры или поднаречия. В этом отношении славяне южные и западные не представляют ничего особенного против других племен. Впрочем, как бы ни были различны осо-

бенности их диалектов и физиономий, они настоящих наций не составляют. Прежде всего они слишком малочисленны. Так, самая крупная из этих народностей — польская — едва насчитывает 9 млн и поделена между тремя государствами. Другие не превышают 5,5—6 млн (чехи, сербо-хорваты, болгаре) и находятся в самых неблагоприятных политических и культурных отношениях. Так, чехи, правда, отличаются своей образованностью и словесностью, но далеко выдвинувшиеся на запад, имеют перед собой целый 40-миллионный народ немецкий, перед современной образованностью и литературой которого нынешняя чешская есть величина, надо же признаться, весьма слабая и незначительная. Сербы и хорваты, которых теперь принято в Загребе и Белграде называть одним народом, хотя наречия и история у них разные и типы особенные, избавлены от неприятного положения чехов считать в среде туземного населения до $^1/_3$ немцев, но имеют зато сходство с поляками, ибо их земли поделены между четырьмя государствами — если не считать Черногорию государством — Турцией, Австрией-Цислейтанией (военная граница и Далмация), Угрией, Транслейтанией (Славония, Хорватия и несколько юго-восточных комитатов собственной Угрии, где сербы живут смешанно с румынами, немцами, мадьярами и словаками) — и независимым княжеством Сербским. В отношении культурном и литературном сербо-хорваты стоят ниже и поляков, и чехов. Настоящего литературного языка еще нет, ибо нет самых первых для того условий — нет единства азбуки: католики пишут латиницей, православные кириллицей; нет единства правописания даже в изданиях, печатаемых кириллицей: одни еще не приняли Вуковских нововведений, другие придерживаются их с выбором (так, не употребляют вместо «*ѣ*» — *uje* Герцеговинского, а пишут — *e* или *je* и пр.), третьи (немногие) во всем слепо следуют Буку. В отношении языка и слога, в употреблении известных слов, форм и выражений господствует величайшее разнообразие в изданиях латинского и кирилловского письма. Главная невыгода сербо-хорватов состоит в том, что не только эти два племени никогда в тече-

ние слишком 1 200 лет не были соединены хотя слабыми государственными узами, но и сербы даже при сильнейшем своем государе Душане († 1355 г.) не жили и в течение двадцати лет в одном государстве. Дух обособления, племенной вражды и зависти развит в сербах в высшей степени, как ни в одном из племен славянских. Между сербами православными и хорватами, которые исключительно католики, живет во всех слоях народа глубокая взаимная неприязнь, искусно лишь припрятываемая перед иностранцами, особенно единоверцами сербов, хорошо вышколенных католическими духовенством хорватским, от которого Рим всегда ожидал обращения южных, как от польского — обращения северных схизматиков. В такой же взаимной вражде живут сербы православные, католики и мусульмане. Вся политическая и литературная жизнь сербского или сербо-хорватского народа совершается на окраинах, которые находятся под сильным, преобладающим влиянием итальянской, немецкой и мадьярской стихий. Ядро народа находится еще в рабстве церковном, экономическом и политическом — в Боснии и Герцеговине, где мусульманство и влияние турецкое сильно попортило нравы, народный быт и наречие. Всего самостоятельнее, всего чище сохраняется народность сербская в княжестве, от которого большинство сербохорватского народа чает себе единства и возрождения; впрочем, о будущем государственном устройстве их земель в сербохорватской интеллигенции господствует величайшее разногласие. Во всяком случае, чтоб этому народу устроиться благоприятно, для этого требуется не более, не менее как разрушение и падение Австрии-Цислейтании, Угрии, Транслейтании и Турции, то есть события, во всяком случае, не принадлежащего к очень близкому будущему.

Положение болгар лучше положения сербов только тем, что в них нет такого племенного партикуляризма, зато и в политическом, и в литературном отношении их пробуждение так недавне, что во многих краях болгарской территории масса народа совершенно почти лишена славянского самосознания и до последнего времени, по крайней мере в Македонии, не вспоми-

нала даже о славянском богослужении и преспокойно ходила в церкви с богослужением греческим, ни слова в нем не понимая. Новая болгарская словесность считает свое существование тридцать лет с небольшим и не имела ни В. Караджича, ни Шевченко, ни Прешерна: поэтому письменный болгарский язык еще находится в поре младенчества.

Ко второму разряду славянских племен относятся словаки около 2,5 млн, словинцы в числе 1 200 000 душ, наконец сербы-лужичане — более 150 000, но менее, кажется, 200 000 душ. Эти маленькие племена и сами не называют себя нациями, хотя так же, как поляки, чехи, сербо-хорваты и болгары имеют свои типы, свою отличительную физиономию, свои наречия и свои словесности. Оставляя в стороне сербов-лужичан, заметим, что положение словинцев тем особенно тяжело, что они поделены между шестью коронными землями: Угрией, Стирией, Крайной, Хорутанией (Каринтией), графством Горицким (Görz) и Истрией; таким образом, на всех тех сеймах их представители находятся в огромном меньшинстве (за исключением Крайны) и не имеют возможности провести какие-нибудь полезные меры для своего народа. Зато в отношении культурном они имеют преимущество перед некоторыми из славян первого отдела. У них есть развитая интеллигенция, которая, не заносясь далеко, много успевает делать в пользу пробуждения народа и воспитания в нем славянского самосознания. Простой народ знает, чего хотят его представители — чего, например, вовсе нет у поляков или хорватов — и сочувственно поддерживает литературные и общественные предприятия, уверенный, что его представители ведут свое дело ко благу народности. Положение словаков тем тяжело особенно, что масса народа, особенно католиков, коих 2 млн, следовательно, огромное большинство, вследствие векового помещичьего произвола, гнета евреев, испорченности духовенства, самоуправства и терроризма мадьярских властей и дурного экономического положения, находится еще на крайне низкой степени развития и слишком еще малодоступна учению и пропаганде своих представителей. Гораздо более разви-

та и пробуждена протестантская часть словаков, из которой в последние годы вышли замечательнейшие поборники панславизма: Шафарик, Колар, Кузмани, Гурбан, Штур. Благодаря их трудам и деятельности, особенно трех последних, в текущее двадцатилетие словаки-протестанты сделала большие успехи в своем народном развитии и даже дали сильный толчок своим католическим братьям. Если словак уже пробужден и народно развит, то он, смело можно сказать, всегда бывает самым пламенным панславистом, стоит за дело единства и, считая свой народ за одно целое с Русью Угорской, поставляет его судьбу в зависимость от судьбы восточной Галичины, твердо убежденный, что вопрос его родины, северной Угорщины, тесно, неразрывно связан с важнейшей, быть может, частью, по крайности в ближайшем будущем, вопроса всеславянского или восточного, с вопросом о Карпатах.

Таковы эти народные единицы, малочисленные, слабые культурой, беспомощные политически, окруженные врагами, из коих два принадлежат к двум великим европейским нациям, а остальные четыре — турки, мадьяры, греки и румыны, хотя и не составляют великих сил ни в политическом, ни в культурном отношении, однако все же сильнее своих неприятелей славянских. Так, до последнего еще времени греки и румыны с успехом ассимилировали и поглощали одна болгарскую в Македонии и Фракии, другие сербскую народность в Банате. Азиаты, турки и мадьяры сильны сочувствием всего романо-германского запада и укоренившейся в них привычкой повелевать славянами. Мадьяр с азиатской гордостью и важностью говорит: Totmenember, словак или вообще славянин не человек; дай Бог, чтобы весь мир называл мадьяра господином, или дай Бог, чтоб и славянин, и немец вечно служили мадьяру. Как ни слабы политически и материально, как ни скудны образованностью румыны и греки, однако ни одна из названных народностей славянских, наиболее счастливо поставленных, не находится в таком благоприятном положении относительно условий своего развития, как румыны, считающие в своем независимом княжестве более пяти миллионов душ и имеющие в

Трансильвании и юго-восточной Угрии до двух миллионов соплеменников. О греках, занимающих такое выгодное место в морском и торговом отношении, нечего и говорить. Ни одно из этих племен славянских относительно условий политического и культурного развития не может быть поставлено на одну доску даже с малейшими государствами Европы, например, Португалией, Бельгией, Данией и Голландией, которые имеют свои правительства, свою национальную образованность, свои военные силы, свой флот и колонии, свои капиталы, развитую промышленность и торговлю. Эти условия, вместе взятые, не имеются ни у поляков, ни у чехов, ни у сербо-хорватов; о других славянах и говорить нечего.

И эти-то слабые, раздробленные, подавленные племена нередко сопоставляются с Россией, которую сами враги давно признали мировой державой (Weltmacht); но она в самые свои тяжелые исторические времена, например, в пору татарского владычества, в политическом и национальном отношениях всегда находилась в условиях, несравненно более благоприятных, чем любое из этих племен в настоящее время. Не смешны ли, не ребяческие ли заверения некоторых патриотов славянских и у нас некоторыми не шутя повторяемые о том, что в славянском мире начала единства и разнообразия совершенно так же представлены, как в мире романском (Франция, Испания, Италия) или германском (Англия, Германия, Скандинавия). Между тем на этом сопоставлении построены некоторые теории славянские — польская, чешская, сербо-хорватская. Ложь и тщета польских нами уже сознаны. Чешские пали большей частью сами собой благодаря развитию самосознания умного народа и вследствие новейшего объединения Северной Германии. Относительно югославянских нельзя не пожелать, чтоб у нас, в России, поскорее коснулась их критика, для того чтобы не пришлось губить русские вещественные и нравственные силы на осуществление разных фантастических замыслов вместо того, чтоб обращать их к целям положительным, удободостижимым и необходимым для самих же славян, хотя в лице своих патриотов и слабо это сознающих.

Не более сильны и внутренне крепки доводы, столь часто употребляемые в славянских литературах в защиту невозможности и бесполезности литературного единства в племени славянском. Говорят: «Все подобные попытки заранее осуждены историей, которая отвергла единство и привела к современному разнообразию».

В настоящем случае ссылки на историю тем страннее, что она доказывает совершенно противное. Относительно древнеславянского церковного языка все народности славянские могут быть поделены на три разряда. К первому принадлежали южные славяне в Греции и северо-западные в нынешней северо-восточной Германии, которые погибли, были огречены и онемечены прежде, чем познакомились с этим языком, и следовательно, никогда не имели славянского богослужения. Ко второму принадлежат те западные славяне, которые, как сербы-лужичане, поляки, отчасти хорваты (не нынешние глаголиты), сербы-католики, чехи (в Чехии и Моравии) и словаки имели некоторое время славянскую Церковь и употребляли язык древнеславянский, но ранее или позже, уступая римско-немецкому влиянию, приняли католицизм и променяли древнеславянский язык на латинский. К третьему разряду относятся хорваты-глаголиты, православные сербы, болгары и русские, сохранившие поныне церковное богослужение на славянском языке. В XVIII в. и в начале нынешнего столетия происходит при этом замечательное явление, которое значительно изменяет это деление и оказывает огромное влияние на все последующее развитие славянских письменных наречий и словесностей. Долгое время древний язык славянский был общим достоянием хорватов-глаголитов, сербов, болгар и русских. Пиша на этом языке или переписывая памятники, древнеславянские писатели и писцы сербские, болгарские и русские всегда более или менее видоизменяли это древнее наречие согласно с требованиями своего народного произношения, грамматики и словаря. Так продолжалось до конца XV или половины XVI в., пока, наконец, вследствие турецкого завоевания и воцарения невежества в Болгарии и Сербии и древ-

неславянская письменность не перешла почти исключительно в Россию, где с освобождением от татар, с усилением единодержавия и государства Московского, развитие письменности и образованности получало все более благоприятные условия. Взаимные отношения сербов, болгар и русских совершенно изменилось. Было некогда время, когда мы получали и выписывали книги и рукописи славянские от болгар и сербов; миновало и то, когда мы заодно обрабатывали церковное наречие и его письменность. Теперь сербы и болгары стали нуждаться в церковных богослужебных и учительских книгах. Так малопомалу проник в болгарскую и сербскую церковь, в их школы язык славянский церковный — значительно обруселый. Древнеславянский язык с болгаризмами и сербизмами (сербули) вышел у болгар и сербов почти совершенно из употребления, вытесненный этим церковнославянским обруселым наречием. Русские церковные книги и грамматика Смотрицкого имели, благодаря М. Караману, огромное влияние даже на хорватов-католиков-глаголитов. В то же время у болгар и сербов возникают две литературные школы: одна строго придерживается этого церковного языка и, отдаляясь от народного наречия, приближает язык книги к литературному языку русскому, и другая школа, которая особенно у сербов, с Досифеем Обрадовичем и Вуком Караджичем, разорвала всякую связь с языком древнеславянским и стремится создать свой письменный язык на чисто народной основе, уча писать так, как говорит народ, держась вместе с тем правописания чисто фонетического. Наше малорусское наречие, возделанное Котляревским, Гулаком и особенно Шевченко, со своим новым правописанием, так называемой кулишовкой, должно быть отнесено к одному разряду с этим новым сербским наречием.

Вследствие этих новейших перемен в наречиях болгарском и сербском, русский письменный язык сам по себе образует особый самостоятельный отдел, ибо и после всех новейших преобразований, совершенных в нем Ломоносовым, Карамзиным, Пушкиным, Грибоедовым, Крыловым и пр., он до наших дней остается, и без сомнения, навсегда останется в

столь близкой связи и в столь тесном соприкосновении с языком древне- или церковнославянским, что этой стихии никогда не удастся из него вырвать никаким пуристам и поборникам чистой народности языка, ибо множество церковнославянских оборотов, слов и выражений целиком вошло в живую общерусскую речь. С переходом болгарского и сербского наречия к одному разряду с языками польским, чешским, сербско-лужицким, словенским (словацким) и словинским, развивающимся на одной народной основе, без всякого соотношения к древнеславянскому языку, мы имеем таким образом собственно два разряда письменных языков славянских, ибо третий составляли бы наречия славянские, уже вымершие. Таким образом, раскрываются два явления обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплачивает, объединяет, централизует, другой — раскалывает, дробит, разъединяет: литературная обработка малорусского наречия не свидетельствует о внутренней потребности малорусского племени произвести раскол в русском народе, чтобы ни думали одинокие личности, возделывающие это наречие, — не ведет и никогда не может привести к расколу. При самом почти начале исторической жизни славянства из совокупных усилий лучших его людей возникает письменный язык, готовый стать общим достоянием различных его племен, всеславянским литературным и дипломатическим органом. Но одни славянские ветви гибнут, никогда его не узнавшие и не успевшие принять христианства на родном языке. Другие мало-помалу его утрачивают, бросают и забывают, принимаются за литературную обработку своих местных, народных наречий, сознательно предпочитая идее общего, началу единства диалектическое разнообразие и племенную автономию, идя невольно, бессознательно следуя движению центробежному. Наконец третьи, самые многочисленные племена славянские, между Белым и Черным морями, между Балтикой и отрогами Карпат предпочитают идею общего и начало единства, следуют в своем развитии движению центростремительному. Вследствие особых

исторических обстоятельств и географического положения, благоприятного государственному и этнографическому единству, эти племена успели наконец сложиться в единый великий русский народ и представить единственное в истории славянства явление обширной, могущественной, крепкой, тысячелетней державы. В противоположность слабейшим, малочисленнейшим племенам задунайским, закарпатским и завислянским (ибо Висла была, собственно, до настоящего границей русского и ляшского племени)*, эти сильнейшие восточные племена, настоящее ядро славянства или — что то же — народ русский, приняв в основу своего письменного языка древнецерковный, общеславянский язык, одни сохранили и сберегли эту основу по настоящее время. Действительно, по своим историческим преданиям, по своему внутреннему составу и содержанию из всех письменных наречий славянских русский язык есть наименее местное, племенное наречие, всего менее *диалект*. С его важной составной частью, стихией древне- или церковнославянской, проникли в него все ее разнообразные, составные элементы славянские — македонский, моравский, паннонский, болгарский, сербо-хорватский. В позднейшее время он испытал довольно сильное влияние польского языка, поныне удерживая некоторые следы его, например, в словах *вензель, кролик, Венгрия, венгерец* и, быть может, *завзятый, родовитый*. В XVI в. он подвергался и чешскому влиянию, о чем свидетельствуют разные сохранившиеся до нас рукописи со многими чехизмами (например, повесть о королевиче Брунцвике в Публичной Библиотеке, из Толст. собр., Библия Скорины). Так, в образовании русского литературного языка сказался тот же хозяйственный, скопидомный и расчетливый смысл, тот же зиждительный, объединяющий ум, собиратель русского народа, который раскрывается и в строении Русского государства. И там, и тут одинаково участвовала гибкость и переимчивость народного духа, легкая готовность жертвовать частным и местным для общего и целого. Напротив, та же порывистая, неров-

* См. об этом любопытное сочинение русского ученого г. *Петрушевича:* История Холмской епархии. Львов, 1867.

ная, лихорадочная деятельность, перемежающаяся гениальными вспышками, изумительной энергией и долгим бессилием и утомлением, непомерными восторгами и крайним отчаянием, тот же неугомонный дух личной и племенной непокорности требованиям единства, тот же мятежный дух местной вражды и зависти к общим интересам целого выражаются как в политической жизни южных и западных, меньших ветвей славянских, так и в развитии их письменных наречий.

Итак, вот к чему привела славян тысячелетняя история: с одной стороны, 80-миллионное государство, особый исторический мир, не Европа и не Азия, особая, шестая часть света, государство с одним главным народом и единым господствующим языком, прямым, законным и единственным наследником древнеславянского, первого всеславянского письменного языка; с другой стороны, на юге и западе от этого громаднейшего государства, за Дунаем и Карпатами, живут до 25 млн его соплеменников, из коих 3 млн с лишком по эту и по ту сторону Карпат принадлежат к той же русской народности, говорят тем же русским языком и, несмотря на все искажающее влияние латинства, причисляют себя к сынам православной Церкви, остальные же 22 млн славян подразделены на поляков (сюда принадлежит меньшая часть этой народности, ибо большая ее часть вошла в состав Русского государства), на сербо-лужичан, чехов и словаков и на отдельных от них, словно клиньями, немцами, мадьярами и румынами — словинцев, хорватов, сербов и болгар. Эти семь, если считать сербов и хорватов за один народ, и шесть, если не считать вовсе сербо-лужичан по их крайней малочисленности, эти шесть особых племен в 22 млн душ с шестью особыми наречиями и словесностями живут под самыми неблагоприятными условиями политическими и культурными, обреченные на самую тяжелую вековую борьбу и соперничество с шестью, а если считать албанцев, и в прошлом, и в настоящем стихию вовсе не так маловажную и ничтожную, как многие еще думают, с семью племенами: немцами, итальянцами, греками, албанцами, румынами-волохами, мадьярами и турками. В самый сильный

разгар этой борьбы или соперничества с каким бы то ни было из этих племен славяне всегда могут быть уверены, что сочувствие всей почти романо-германской Европы обеспечено за их противниками. Таково положение славянства.

Какое же тут сходство или подобие с племенами романским и германским? Одинаковое ли тут и там отношение носителей и представителей начала единства и разнообразия сил центробежной и центростремительной? Романское племя было бы похоже на славянство в таком лишь случае, если бы, например, при современной Франции, вместо Италии и Испании, было шесть, семь Португалий или Бельгий, с особыми наречиями и словесностями, с такими же, как и славяне, чуждыми клиньями и с такой же неровной борьбой против шести-семи враждебных и сопернических племен. Точно так же и германское племя только тогда походило бы в этом отношении на славянское, когда бы, например, не было вовсе англосаксов, а были бы одни нынешние немцы, и притом уже объединенные в сильной Германской империи, которая была бы окружена шестью Даниями или Голландиями, развивающимися не при нынешних своих условиях, а при таких, которые походили бы на современные порядки западных и южных славян. Или ложно было бы приравнивать положение германского племени к положению славянского, если бы существовало в нем одно сильное англосаксонское племя, а вместо 35—40 млн нынешних немцев было бы шесть различных племен вроде норвежцев, шведов и датчан, разделенных сильными иноплеменниками.

Таким образом, начала единства и разнообразия, силы центробежная и центростремительная в мире романо-германском находятся совершенно в ином сочетании, чем в нашем мире греко-славянском. Вполне справедливо, что литературное единство невозможно для романцев, так как французская, итальянская и испанская национальности представляют почти равные величины, и что оно немыслимо и для германцев, ибо у них две национальности, два племени, англосаксонское и немецкое, одинаково достигли значения всемирно-исторического. Но из этой невозможности литературного единства у романцев

и германцев никак не следует невозможность его у славян, ибо у последних отношения совершенно иные, чем у первых*.

Россия и малые племена славянские всего более имеют еще аналогии с Древним Римом и Грецией. Россия, как Рим, представляет сильно выработанное начало единства, южные и западные славяне — непомерно развитое начало разнообразия. Но далее сходство опять исчезает. Южные и западные славяне не являются, как Греция в отношении к Риму, одним цельным организмом, самостоятельным историческим типом, со своим особым языком, с богатейшей самобытной образованностью, в иных отношениях далеко превосходящей образованность Рима. При всем неравенстве и несходстве положения, южные и западные славяне принадлежат к одному историческому типу с Русью. Их наречия и народная словесность, семейный и общественный быт представляют поразительные черты общего внутреннего родства, не того, что связывало эллинов с италиками, а родства отдельно взятых эллинов и италиков между собой. Большая часть славян не русских, то есть, из 22 млн более 12, находится во всех отношениях на низшей степени развития, чем народ русский. У остальных же культура или вовсе чужая, или мало национальная. Если же в народном образовании у южных и западных славян и есть некоторые преимущества перед Россией, то они вообще не особенно значительны, легко достижимы для нас и уравновешиваются многими благоприятными условиями национального развития, которые в мире славянском присущи одному русскому народу.

Чтоб аналогия нашего мира греко-славянского с миром древним, классическим, была несколько ближе, надо будет придать к славянам и те чужие племена, которые смешаны со славянами или одной Церкви с нами, так что, не входя в сферу мира романо-германского, они принадлежат к нашему миру или включены в его пределы. Разумеется, греков, албанцев,

* Тут имели огромное влияние и географические условия западной, средней и восточной Европы, которая всего более расчленена на западе, менее в центре и всего компактнее на востоке, где она незаметно сливается с Азией, так что Европа не есть особый материк или особая часть света, а лишь величайший азиатский полуостров.

румын, армян, грузин, различные кавказские племена, курдов, литовцев, латышей, мадьяр, турок, различные финские, татарские и турецкие племена, вошедшие в состав Русской империи или живущие в пределах нынешней Австрии и европейской и азиатской Турции. Но и при этом в греко-славянском мире начало единства все-таки берет перевес над началом разнообразия. Первое преобладает, господствует. В нашем мире нет и не может явиться той двойственности, которая была в Римской империи и выражалась в ней господством греческого языка и образованности на Востоке, латинского — на Западе. В нашем мире нет национальности и образованности, нет языка, которые бы могли оспаривать первенство у русской национальности и образованности, у русского языка. Непобедимое разнообразие романо-германского мира, давнишнее соперничество и стремления четырех главных национальностей — итальянской, французской, немецкой и английской — относительно утверждения своего господства и преобладающего влияния на западных и южных окраинах греко-славянского мира мешают исключительному распространению в нем одного из этих языков, как языка общего, нейтрального и культурного. Таким образом, в целой Европе, ни в романо-германском, ни в греко-славянском мире нет иного языка, кроме русского, который имел бы право сделаться общекультурным и дипломатическим органом всех этих народностей и племен Австрии, европейской и даже, быть может, большей части азиатской Турции. Такое право по справедливости принадлежит языку громаднейшего 80-миллионного государства, языку народа, господствующего в большей половине Европы и в значительной части Азии. Его этнографические, религиозные и исторические связи с большинством народностей Австрии и Турции так близки и крепки, его географические и торговые к ним отношения так тесны, что естественному разливу и величественному распространению русской речи на юге и западе, далеко за пределами Русского государства может собственно мешать и противодействовать одно лишь бессознательное равнодушное отношение русского общества к историческому призванию

своего народа, своего национального языка. Все же внешние преграды, противополагаемые широкому, неудержимому разливу русской разговорной и книжной речи только взаимно себя ослабляют и нейтрализуют. Вместо того, чтоб его задержать или отвести, они только разрывают почву во всех направлениях, проводят новые русла и облегчают этот разлив, готовый настать, лишь только с вешними лучами народного самосознания растает ледяная кора равнодушия и небрежности. Народная раздробленность, местный партикуляризм, племенная вражда и зависть, господство различных иноплеменных стихий у наших единоверцев и соплеменников — все это вызывает и требует распространения у них языка русского, как общего и дипломатического и культурного органа, с усвоением которого они только и могут выйти из положения каких-то метисов, креолов романо-германского запада или ингредиентов чужих племен, получат возможность кристаллизоваться и выступить перед Западом как самобытный исторически тип, вполне ему равноправный. Не бросая литературной обработки своих частных наречий для местных нужд, своих отдельных родин для целей чисто племенных южные и западные славяне с русским языком как общим органом могут себя избавить наконец от подчиненного и служебного отношения к немцам, итальянцам, мадьярам, грекам. Нечего обольщаться по крайней мере нам, русским, и верить заодно с югославянскими патриотами, будто одно внешнее освобождение от турок выдвигает их племена в ряд самобытных исторических деятелей. Без внутреннего переворота, без приобретения нового, недостающего им ныне органа, необходимого для успешной борьбы за существование, южнославянские племена переменят только господ и из раев и вассалов ленивых и невежественных турок попадут в ловкие руки энергических, просвещенных и еще менее турок расположенных к ним *фрягов* и *немцев*. Будет у мелких славянских племен один общий язык славянский, тогда явятся и славянская национальность, правда, разделенная политически, но единая в общей образованности, науке и высшей литературе; и этому славянскому языку будут принуждены и

обязаны учиться все эти франки, которых наплыв в Турцию постоянно усиливается, греки в Македонии, Фракии и Царьграде, итальянцы в Далмации и Истрии, немцы во всех славянских землях Цислейтании и Транслейтании, наконец, румыны и мадьяры. Говорить о культурном значении русского языка с пренебрежением и свысока не решаются теперь и умные, добросовестные немцы, французы, англичане, а прочим иноплеменникам даже и думать так не пристало. Сравнивая состояние русской литературы и науки за несколько последних двадцатилетий, не трудно подглядеть ее рост и успехи. Теперь, имея более прочные залоги и благоприятнейшие условия для дальнейшего развития, она легко может в один или два-три десятка лет ознаменовать себя такими явлениями, которые бы дали русскому языку очевидный для всех характер языка мирового, всемирно-исторического. Таким образом, нынешние одинокие голоса, как Лежера во Франции, Петерманна в Германии и др., о необходимости для полноты высшего, научного образования изучать западным европейцам язык русский, эти одинокие мнения через какие-нибудь двадцать, тридцать лет могут обратиться в общее требование, и обучение нашему языку мало-помалу начнет входить, как необходимый предмет, в общий круг образования у американцев, англичан, французов, немцев и пр. Между тем в эти ближайшие двадцать, тридцать лет ни у южных, ни у западных славян ничего не может произойти такого, что бы из малых слабых племен создало внезапно одну великую могущественную национальность, которая, например, сдвинула бы Россию с ее нынешнего места и приобрела бы вместо нее преобладающее значение в мире грекославянском. Следовательно, южные и западные славяне, если бы даже и желали, ничего не могут поделать против мирового характера, всемирно-исторического значения русского языка. От их желания зависит только в изучении нашего языка или отстать от романо-германцев на несколько лет, или предупредить их в этом несколькими годами и тем лишь ускорить и усилить распространение нашего языка за пределами России. Они много могут помочь поскорее ему сделаться языком общесла-

вянским, но совершенно не в силах помешать ему в этом. Даже, повторяя известный риторический оборот некоторых пылких патриотов славянских, употребляемый иногда, как ultima ratio, против русского языка: «Мы скорее все погибнем, чем сделаемся русскими», повторяя даже эту фразу (хотя говорить и писать по-русски не одно и то же, что быть русским), предположим эту нелепость, что, не желая учиться по-русски, южные и западные славяне погибают добровольно. Но и этот добровольный акт самоуничтожения, самое крайнее и решительное средство славян против распространения у них языка русского, не может его лишить значения всеславянского. По счастью, такая угроза не имеет смысла и вероятности успеха, ибо если некоторые говорят и думают: «Лучше будем греками, итальянцами, немцами, мадьярами и турками, нежели русскими», зато другие — и это огромное большинство — говорят и еще более думают совершенно противное, соглашаясь, например, с Гавличком, отвечавшим одному немцу на упреки его чехам за сочувствие к России: «Ja, ja, lieber russische Leilbeigene, als freie Deutsche». Для принятия славянами русского языка за язык общеславянский добровольное желание и предварительное о том размышление и согласие требуется пока лишь в известной и ограниченной степени. Можно соглашаться с мнением об общеславянском характере русского языка, даже говорить и писать об этом, как о крайней необходимости для славян и вместе с тем не знать и не учиться по-русски, и можно хорошо знать русский язык и быть в то же время упорным противником этого знания, как, например, многие поляки. Но прежде чем славяне окончательно приняли бы русский язык за язык дипломатический, за орган высшей образованности, его изучение и знакомство с ним должно распространиться во всех землях славянских в размерах, гораздо более значительных, чем это видим в настоящее время. Когда вместо нынешних единиц и нескольких десятков людей, свободно владеющих русским языком, число их в каждой земле славянской будет насчитываться многими десятками и даже сотнями, тогда признание нашего языка всеславянским произойдет само собой, без вся-

ких споров и рассуждений. У нас еще недавно всякое замечание об этом предмете многим угодно было называть *пророчествами* и излишними, бесполезными толками. Забавнее всего, что это говорилось еще во имя науки, положительности и практичности направления. Между тем самые названия *пророчества, мечтания,* которые давались этим мыслям о русском языке, ясно свидетельствуют, что, облекаясь в мантию науки, положительности, люди не понимают настоящих выводов науки и, с важностью рассуждая о русском языке и литературе, не имеют ясных, точных сведений об историческом развитии нашего языка и его отношениях к древнеславянскому и прочим славянским наречиям. Этот вывод, что русский язык по прошествии известного числа лет сделается дипломатическим, потом общенаучным и наконец общим письменным языком всех нынешних племен славянских, — этот вывод может казаться смелым лишь насколько смело предположение, что и ближайшие десятки лет Россия и русский народ не сотрутся с лица земли, а будут преуспевать в развитии и образовании. Нам кажется, не только не излишне и бесполезно, но, напротив, необходимо пояснить такое назначение русского языка, ибо чем глубже проникает и шире распространяется в России это убеждение, тем значительнее и сознательнее будет подвигаться вперед изучение русского языка в землях славянских, которое в последнее время принялось довольно успешно в Чехии, Моравии и Северной Угрии. Теперь же действительно мы представляем собой единственный пример нации, которую справедливо упрекают иностранцы и еще более соплеменники в том, что она ничего не делает в пользу распространения своего языка, в облегчение его изучения, которого они желают и требуют. Нет ничего удивительного, что в таком обществе не мало встречается людей, которым предлагаемые мысли о русском языке кажутся *пророчествами* и по меньшей мере излишними и преждевременными. Большинство славянских ученых, писателей, занимаясь преимущественно лингвистической и филологической стороной вопроса о древнеславянском языке, проглядело историко-культурную его сторону и, сравнивая

живые славянские наречия с языком русским, а Россию изучая почти исключительно этнографически, славянские ученые упускали из виду громадную историческую и культурную разницу между Россией и русским языком, с одной стороны, и наречиями и землями южных и западных славян — с другой. Так они, естественно, пришли к одностороннему и неверному заключению, будто славянская история в течение тысячи лет вырабатывала лишь одно начало разнообразия. Подарив немного более внимания России, славянские писатели легко бы заметили, что славянская история не менее поработала и над началом единства, что, сплачивая и объединяя одни племена, дробя и разбивая другие на крайнем юге и западе, она употребила это разнообразие не как конечную цель, а как верное средство для лучшего достижения прочного и более обширного единства.

Такова внутренняя связь, с одной стороны, истории наречий и словесностей с политической историей славянства, с другой — истории России с историей южных и западных земель славянских. Таков внутренний смысл истории славянства как одного органического целого.

Впрочем, и оставаясь в тесном кругу некоторых наречий славянских, развивающихся не на основе древнеславянского языка, славянские ученые могли бы прийти к другим выводам, чем они приходят обыкновенно. Во-первых, они бы сознали неправильность своих упреков языку русскому в его искусственности, в его нечистой народности. Во-вторых, они заметили бы, что и те славянские наречия, которые утратили или отвергли древнеславянскую стихию, зародыш и начало языка общеславянского, стремились или стремятся выйти из тесных пределов своей родины и сделаться общим органом если не всех, то по крайности нескольких родственных племен. Частные и временные успехи этих попыток свидетельствуют о живой внутренней потребности славянских племен освободиться от оков местной разобщенности и племенной отдельности. Окончательная неудача этих попыток неопровержимо доказывает, что славянское племя не нуждается в организации, расчлененной, как у романского племени, на несколько более или менее

равных групп или народных величин, а требует многостороннего разнообразия с крепким, сильным единством.

Упрекают русский литературный язык за его искусственность, за участие в нем стихии древнеславянской, малорусской, за его удаление от чисто народного языка и даже, наконец, за неупотребление фонетического правописания. Но при этом забывают или не хотят признать той простой истины, что любой беднейший письменный язык заключает в себе известную долю искусственности, что писать совершенно так, как говорит народ, есть, строго говоря, требование неисполнимое ни в одной, самой маленькой словесности. Нет ни одного, самого малочисленного народа, у которого не было бы нескольких наречий или поднаречий или говоров. Так, в нашем мире сербо-лужичане, коих около 200 000, имеют три поднаречия; словинцы, коих миллион с небольшим, считают до двадцати различных поднаречий и говоров. Для привычного уха есть довольно заметные разницы в народной речи, употребляемой в различных частях небольшого городка Любляны (до 20 тыс. жителей). Чтобы строго, последовательно держаться Вуковского правила, и сербо-лужичане, и словинцы, и даже люблянцы должны бы были иметь по нескольку письменных наречий. Отказавшись от употребления слов и выражений, в народной речи неупотребительных, а известных прежним писателям, современные писатели поступали бы вопреки всем законам и преданиям литературным, и, так сказать, сами бы подкапывали основу своего бытия, как бы говоря своим преемникам: «Не пишите так, как мы пишем». Такая народная словесность походила бы на работу Пенелопы: каждое новое поколение или новый ряд поколений начинал бы новую словесность. Нечто подобное мы и видим у некоторых народов славянских, чуждых друг другу по вероисповеданию, несколько раз лишавшихся своей независимости и терявших свою историю, разорванных по кускам между равными государствами. Каждое наречие, делаясь письменным, с течением времени непременно уклоняется от своего первоначального вида, живет своей особой жизнью, принимает особенности

других родственных наречий или поднаречий и говоров, откидывает некоторые из своих прежних основных признаков, употребляет иные речения и обороты, в народной речи или уже устарелые, или имеющие не совсем то же значение, — словом, всякое литературное наречие есть в этом отношении искусственный и смешанный язык. И чем он древнее и богаче, тем он и искусственнее, и смешаннее. В этом смысле чисто народных, литературных наречий не существует нигде на белом свете, нет и у нас, славян. Из всех наречий славянских южных и западных чешское и польское принадлежат к самым развитым и богатым, и они наиболее искусственные и смешанные. Каждый простолюдин, чех или поляк, говорит более или менее иначе, чем говорят или пишут образованные чехи и поляки. Надо побывать в школе, научиться грамоте, чтобы привыкнуть к литературной, образованной речи. То же самое явление, еще в большей степени, занижается у всех старых народов Запада. У наших сербских братьев зачастую слышишь, как они хвалятся чистой народностью своей литературной речи, приводя в пример сочинения Вука, его перевод Нового Завета или Даничичев перевод Ветхого Завета. Но как ни почтенны и ни дороги всем славянам, а сербам в особенности, замечательные труды Бука и его ученика Даничича, однако они еще целой литературы не составляют, даже сербской. В других новейших сербских книгах, кирилловских и латинских, мы замечаем более или менее значительные разности против языка Бука и Даничича. В произведениях старых и новых далматинцев, с начала XVI по конец XVIII и начало нынешнего столетия, мы опять встречаем большую разницу против языка Вука и против языка нынешних писателей белградских, новосадских, загребских. И эта разница обусловлена не одной разностью времени, а разностью основных наречий и влияний, там итальянского, здесь турецкого, тут немецкого. Итак, и сербская литературная речь не составляет исключения, и она так же искусственна и смешанна, с той опять разницей, что эта искусственность и смешанность выступает в грубом первоначальном виде, не вылилась в одну стройную форму,

как это видим в других литературных языках, более богатых и обработанных. Но это вовсе не превосходство и не отличие сербов, которым можно похваляться. Это только доказывает, что вследствие своих трудных исторических обстоятельств, сербы не успели еще достигнуть даже того, что имеют их чешские и польские братья.

Вот наше возражение на обвинение русского языка в искусственности и смешанности. Еще недавно отличный ученый славянский, проф. *Гаттала,* в своем разборе Грамматики Буслаева, впал в подобную ошибку.

Теперь обратим внимание на попытки чехов, поляков и наконец сербов или сербо-хорватов распространить свои литературные языки у соседних племен славянских. Вследствие Гуситского движения, так высоко поднявшего чехов, в XV—XVI вв. чешский язык распространился у моравов и словаков, возымел в Польше такое влияние, что современные польские писатели, как *Лукаш Гурницкий,* уже сильно роптали на предпочтение, оказываемое поляками языку чешскому перед польским, наконец стал проникать в Литву, к русским. Одно время, казалось, что чешский язык готов сделаться общеславянским дипломатическим языком.

С половины XVI в. расцветает польская литература и образованность. Вследствие ее быстрых успехов и государственного, потом отчасти и церковного соединения Литвы с Польшей, польский язык быстро распространяется в Малороссии, Литве и Белоруссии, пока наконец с конца XVIII в. и особенно в новейшее время не стал вытесняться языком русским, который, хотя не с такой быстротою, как некогда язык чешский и польский, зато с большей прочностью распространяется ныне у болгар и словаков, словинцев и чехов, поляков и сербов, словом, во всех землях славянских, как южных, так и западных, за Вислой, за Карпатами и за Дунаем. В этом отношении русский язык может быть сравниваем только с языком древнеславянским. Таким образом, не только по своему образованию и составу, но и по своей распространенности в мире славянском он есть второй общеславянский язык.

Мы видим, что ни чешская, ни польская попытка, как литературная, так и государственная, собрать или сгруппировать несколько славянских народностей в одно целое не увенчалась успехом. Вникая в причины этой неудачи, мы заметим, что народность, стремившаяся к игемонии, была слишком для того малочисленна и слаба. Задача, за которую в свое время принимались чехи и поляки, была им — что называется — не под силу, не по плечу. Чешский язык не успел утвердиться в Польше, мало-помалу утратил свое гражданство у словаков и удержался только в Моравии. Ныне и там, где чешский язык совершенно дома, он вынужден выносить неравную борьбу с богатым и высокообработанным языком враждебной всему славянству сильной немецкой национальности. Польский язык пока еще удерживает за собою одну часть Русской земли, восточную Галичину, но и то против воли большинства народа и лишь при сильной помощи государственных мер австрийского правительства. В польских землях Пруссии и России польский язык не в одинаковой, конечно, степени, но все-таки мало-помалу в известных сферах уступает свое место языкам немецкому и русскому.

Подобно чешскому и польскому языкам, в новейшее время сербский язык обнаружил стремление к известной, частной игемонии. На наших, можно сказать, глазах он приобрел право гражданства у хорватов, а ныне сербо-хорватские патриоты более или менее громко заявляют сильное желание распространить его в той же мере у болгар и словинцев. Сообразив культурно-исторические и этнографические отношения южных славян, не трудно заметить, что такая задача столь же не по силам сербо-хорватов, как прежние попытки в этом роде были не по силам чехо-мораван и поляков. Сербам в настоящее время даже трудно рассчитывать на тот временный успех, которым, например, некогда пользовались языки чешский и польский. В самом деле, сербы и хорваты, вместе взятые, малочисленнее болгар и словинцев, как чехо-мораване и поляки были слабее и малочисленнее, первые словаков и поляков, вторые Литовской, Малой и Белой Руси. В среде одного племени,

в котором дарования распределены равномерно, количество душ каждой особой ее отрасли, отдельной народности, есть фактор весьма важный. Можно еще говорить, что в труде и работе один англичанин стоит пяти итальянцев, один американец трех ирландцев; но нельзя сказать, что серб или хорват умнее, даровитее, трудолюбивее болгарина и словинца. Еще можно принимать в уважение трудолюбие, качество приобретаемое, и образованность, капитал исторический. Но в отношении трудолюбия и образования сербы и хорваты стоят не выше, а в некоторых случаях ниже болгар и словинцев. В XV—XVI вв. в эпоху главных завоеваний чешского и польского языков, Чехия и Польша имели самые богатые и цветущие словесности в мире славянском и занимали довольно важное политическое положение в Средней Европе. Дубровнян же и некоторые города Далмации, в которых тогда же процветала латинско-сербская образованность, были слишком малы, слабы и не самостоятельны, чтобы могли достойным образом соперничать с современною Чехией и Польшей. Из лучшего памятника тогдашней сербско-далматинской образованности, из «Османа», этой романтическо-политической поэмы величайшего поэта Дубровника и всей Далмации, *Гундулича,* из «Османа», говорю, можно видеть, с каким чувством ученического почтения относились тогда дубровчане к Польше Владислава, при которой поднялась Малороссия с Хмельницким и уже во множестве раскрылись неизлечимые язвы этой державы. Нынешний же сербо-хорватский язык и его литература, быть может, еще гораздо беднее современных славянских языков чешского и польского, из коих первый весьма распространен у образованных представителей словинцев. Некоторые хорватские патриоты, католические епископы, патеры, иезуиты, францисканцы и разные другие монахи мечтают об обращении болгар в католичество или до крайней мере о приведении в унию. Тогда, предполагают эти патриоты, болгары скорее бы приняли хорвато-сербский язык. Но об окатоличении и обращении в унию болгар стараются Рим, клерикальная партия Австрии и Франции, и употребляют на это дело не одних хор-

ватских, но и польских патриотов, патеров и монахов. Таким образом, сербо-хорватский язык в своем распространении у болгар и словинцев встречает сильное соперничество в языках польском и чешском. Но у него есть еще соперник несравненно могущественнейший: это язык русский, который уже третий десяток лет, если не более, с большим успехом распространяется у болгар, а в недавнее время проник и к словинцам. На увещания сербо-хорватов принять за язык дипломатический и общелитературный язык сербский или сербо-хорватский, умные болгары и словинцы отвечают почти совершенно так же, как возражают русские галичане полякам, или еще более, как словаки чехо-мораванам. На упреки чехов, зачем-де словаки бросают язык чешский и принимаются за обработку своего местного словенского наречия, на их замечание, что с бедным наречием трехмиллионного народа нельзя преуспевать в образовании и науке, что для их малого, слабого племени необходим богатый славянский, развитый и культурный язык, на все это словаки отвечали: «Мы не думаем о создании высшей самобытной образованности на нашем наречии, пиша по-славянски, мы хотим лишь сильнее подействовать на наш спящий народ, пробудить его сознание и остановить мадьяризацию; мы не хуже вас понимаем необходимость для словаков, да и для всех славян, языка богатого, культурного; но таким языком не может быть язык чешский, если бы словаки и продолжали его употреблять, как наречие письменное». — «Такой язык богатый, культурный, настоящий общеславянский, — говорили Кузмани, Гурбан, Штур, — уже дала нам история. Его нечего искать или выдумывать, это — язык русский, по отношению к которому литературные языки чешский, польский, иллирийский (как тогда называли сербский) или нынешний сербо-хорватский представляются такими же слабыми, незначительными диалектами и наречиями, какими чехи, поляки, иллиры (сербо-хорваты то ж) называют наречия словаков, малорусов, словинцев и болгар». Так, по вопросу об общеславянском или русском языке разделилось нерусское славянство на два стана. Значительнейшая часть интеллиген-

ции чешской, польской и сербо-хорватской вооружается против игемонии русского языка, а значительнейшая часть интеллигенции слабейших и меньших западных и южных племен славянских предпочитает игемонию русскую игемонии чешской, польской и сербо-хорватской. Причины такого предпочтения очевидны: с принятием русского языка все эти мелкие, слабые племена приобщаются к одному великому целому, участвуют во всех интересах и выгодах литературы и образованности восьмидесятимиллионной мировой державы, становятся деятельными членами особого исторического мира, приобретают возможность с успехом бороться против иноземных влияний, особенно немецкого и итальянского, как наиболее опасных, и вместе с тем при распространении русского языка в образованных классах для этих меньших наречий славянских сохраняется еще обширное поприще для литературной обработки; тогда как сербо-лужичане, словаки, словинцы, болгары, приняв языки польский, чешский, сербо-хорватский, не приобретают ни одной из этих выгод, а между тем, подобно хорватам (чакавцам и кайкавцам), принуждены будут бросить литературную обработку своих народных наречий. Так, утверждение прочного общего единства необходимо славянству для сохранения его разнообразия. Так, распространение и принятие русского языка, как языка дипломатического и общелитературного между всеми славянскими племенами, лежит в прямых интересах не одной России, но и всех меньших племен славянских. С предположением сербо-хорватских патриотов о принятии болгарами и словинцами сербо-хорватского языка за язык дипломатический и общелитературный, теснейше связано их предположение о политическом объединении всех этих четырех народностей в одно так называемое Югославянское государство. Можно сказать, оба эти предположения составляют две формулы одной и той же программы иллирской или югославянской. В самом деле, без присоединения, например, болгар к сербам, сербский язык едва ли может быть введен в болгарские школы, ибо сербо-хорватская литература слишком бедна и малозначительна, чтобы могла распростра-

няться у болгар proprio motu, как уже распространяется у них язык русский, у нас язык английский, немецкий. Для изучения русского языка болгары не нуждаются ни в каких политических переворотах, всего менее в присоединении к России. К изучению столь близкого и легкого им языка они побуждаются лишь чисто человеческим стремлением к высшему образованию. Таких побуждений болгарам и словинцам не способна внушать весьма необъемистая сербо-хорватская словесность, почти исключительно ограниченная мелкими провинциальными интересами разных сербо-хорватских земель, с которыми болгары и словинцы никогда не составляли одного государства, мало жили общей жизнью. Как литературное единство болгар и словинцев невозможно без политического, так и последнее не только невозможно, но и не нужно без единства литературного. Мы не разумеем известных уз федеративных, а только единство центрального правительства. Как язык сербохорватский, даже если б и был принят болгарами и словинцами, всегда будет слишком слаб для сколько-нибудь достойного соперничества с языками итальянским и немецким, так и проектируемая Югославянская держава всегда будет бессильна и ничтожна для борьбы с Италией и Германией. Наконец, признав даже не невозможным утверждение литературного и политического единства южных славян, надобно же согласиться, что оно необходимо предполагает совершенный разгром и падение двух империй — Турецкой и Австрийской и полнейшее воздержание Германии и Италии от всяких корыстных помыслов и притязаний на некоторые из южнославянских земель, в коих они издавна господствовали, как, например, в Стирии, Крайне, Каринтии, Фриуле, Истрии, Далмации. Признав даже вероятность и правдоподобность таких предположений, согласимся, однако, что для полного их осуществления потребуется довольно продолжительный период времени, во всяком случае не меньший того, который, например, нужен для полного пробуждения русского национального самосознания и для вступления русской литературы и образованности в ее новую, высшую стадию уже чисто ми-

ровой деятельности. Всякому непредубежденному взгляду, привыкшему вникать в прошедшее и настоящее, легко приметить всходы и ростки этой новой русской жизни и трудно отыскать намеки и указания на литературное и политическое объединение южных славян посредством сербо-хорватского языка и государства. «Но отчего бы не могло возникнуть на славянском юге для этих четырех народностей одного искусственного и смешанного языка югославянского? Как русский литературный язык на севере не есть ни малорусское, ни исключительно великорусское наречие, так бы и этот югославянский язык был более или менее общ болгарам, словинцам, сербам и хорватам?» Образованию такого языка на юге всего более препятствует то обстоятельство, что южнославянские литературные наречия уже совершенно отвергли некогда общую им всем древнеславянскую или церковную основу, набрали себе фонетическое правописание и придерживаются большей частью Вуковского правила: «Писать так, как говорит народ»; а эти четыре или три народности — болгары, хорвато-сербы и словинцы говорят настолько различно, что всякому болгарину, сербо-хорвату или словинцу гораздо легче выучиться понимать и говорить по-русски, нежели понимать и говорить на наречиях друг друга. Поэтому, если когда-нибудь у южных славян был бы один общий сейм из представителей трех народностей, то, конечно, им будет удобнее говорить всем по-русски, чем каждому представителю на своем родном наречии. До созвания же такого сейма русский язык имел бы время у них распространиться. Для образования такого искусственного и смешанного языка на юге опять-таки потребовался бы очень продолжительный период времени, в который между тем русский язык может, и надо думать, будет одинаково неудержимо распространяться у болгар, сербов, словинцев и хорватов, как он распространялся и по настоящее время. К чему, например, болгарам и словинцам обучаться языку сербо-хорватскому, когда немного больше времени им потребуется для совершенного изучения столь же родственного и близкого им языка русского, незнание которого всякому

образованному славянину все более и более становится неизвинительным и с изучением которого сами сербы и хорваты все больше и больше будут отказываться от надежды литературного единства южных славян, помимо языка русского.

Сербо-хорватская, югославянская, или иллирская, теория, о которой мы говорим, принадлежит к устарелому, пережитому и несостоятельному воззрению на мир славянский, по которому представлялось необходимым механическое разделение славянства на искусственно-сочлененные группы: иллирскую, или югославянскую (болгары, сербы, хорваты, словинцы), чешско-словенскую (чехи, мораване, словаки) и пр. При таком группировании являлись необходимыми восстановленная в старых границах Польша и раздробленная на множество областей Россия. Приглашая Россию работать в пользу этой югославянской теории о присоединении болгар и словинцев к сербо-хорватской державе, еще, впрочем, не существующей, или даже в пользу искусственного образования из болгар и сербов единого государства, хотят принудить мировую державу и великий исторический народ, известный своим здравым смыслом, браться за невозможное осуществление никогда не исполнимых планов, не заслуживающих названия донкихотовских только потому, что лишены их чистоты и благородства намерений, ибо творцы и поборники этой и ей подобных теорий, постоянно твердящие о своем сочувствии к русской народности (тут не исключаются даже поляки с их известной фразой «За вольность вашу и нашу»), доказывают Западу важность и необходимость исполнения этих программ для образования оплота против русской игемонии в мире славянском, стращают меньшие ветви славянские русской ассимиляцией, а Россию обходят и замаливают, чтоб она помогала сербо-хорватам ассимилировать болгар и словинцев, чехам — словаков, полякам — северо- и юго-западную Русь. Таким образом, во имя общеславянских интересов хотят Россию увлечь в сумасшедшие, не могущие иметь и тени успеха предприятия, которые притом имеют прямой целью остановить законное распространение русского языка в землях славянских и сво-

им необходимым последствием — поглощение окраин греко-славянского мира иноплеменниками.

Мы видим, что без ясного понимания исторического образования древнеславянского и русского языка и их отношений ко всем народным и литературным наречиям славянским нельзя избежать часто весьма опасных и вредных ошибок в образе воззрений и действий относительно так называемого восточного вопроса. В этом заключается важная практическая сторона правильного учения о древнеславянском и русском языке; но оно сверх того имеет важное образовательное и педагогическое значение. Внесенное в учебники и в школу, внедряемое в умы юных поколений, распространенное в обществе и литературе, учение это, строго научно и систематически изложенное (мы представили лишь одни указания и намеки), не может не оказать благодетельного влияния на очищение и подъем гражданских понятий в России. Нельзя отрицать, что у нас патриотизм понимается еще часто слишком вещественно и, в мирное время обыкновенно бездейственный, он воспламеняется в нас только во время внешних угрожающих России опасностей. Для огромного большинства нашего общества как будто вне войны не существует иной борьбы и соперничества племен и народов. Оттого обыкновенный русский патриотизм легко, например, уживается с самым презрительным и равнодушным отношением к достоинству и значению русского языка, с полнейшим пренебрежением к русской литературе. Поэтому так и часты у нас одинаково жалкие крайности — грубое самовосхваление и самодовольство, с одной стороны, а с другой — самоуничижение, полнейшее сомнение в собственных силах и недоверие к России, граничащее с отчаянием. У нас еще не выработалась, как у англичан, французов, немцев и многих других старейших народов, точно определенная национальная программа. Об историческом призвании нашей народности у нас существует такое разногласие, какое невозможно в других обществах.

Это учение о русском языке, которое мы старались обозначить в нескольких чертах, имеет пополнить значитель-

ный пробел и недостаток нашего общественного воспитания. Основанное на твердом изучении прошедшего и современных отношений, оно сообщает не гадательные предположения, а строгие выводы науки о значении и призвании русского языка в славянском, или правильнее, в целом греко-славянском мире. Раскрывая тот высокий идеал, к которому мы должны стремиться, оно указывает нам, как еще мы далеки от его достижения, и вместе учит нас, за что прежде всего надлежит взяться, чтоб исправить упущенное и исполнить желанное. Тут нет места ни грубому самовосхвалению, ни дряблому сомнению, ни дикому отчаянию, всем этим печальным выражениям патриотизма, понимаемого слишком вещественно. Направляя внимание общественное к заботам об отечественном языке, о подъеме его значения в государстве и о распространении его вне пределов России, это учение собирает и сосредотачивает все мыслящие и нравственные силы страны, устремляет их к высочайшим задачам народов и государств — к созданию самобытной образованности и к напряженной деятельности в области науки и искусства, возбуждает в молодых поколениях отвагу духа в искании истины, благородную жажду и настойчивость в завоевании своему народу вечной славы и мирового признания.

Во введении этого правильного и строго научного учения о древнеславянском и русском языке и об их отношениях к прочим наречиям славянским мы особенно нуждаемся в нынешнее время, когда одни из важнейших вопросов русской современной внутренней и внешней политики, можно сказать, заключаются в вопросе о русском языке. Свобода мысли и устного и печатного слова, распространение грамотности в народе и знания русского языка у инородцев, утверждение его государственного значения во всех окраинах России — все это принадлежит к важнейшим задачам русской внутренней политики и вместе составляет различные стороны одного и того же вопроса о важнейших правах и задачах русского языка. А этот грозный, всемирно-исторический вопрос об южных и западных окраинах славянского мира, в случае падения

Турции и неминуемого разложения Австрии (вследствие объединения Германии), этот вопрос восточный не тем ли важен собственно для России, чтобы не погибли для общей будущности греко-славянского мира и не достались Чехия и Моравия — Германии, Фриуль, Истрия и Далмация — Италии, Царьград — Англии и Франции? Все вопросы об устройстве взаимных отношений внутри этих границ имеют уже второстепенную важность, особенно, если не придавать значения так называемым правам историческим, а обращать внимание лишь на права народностей, ибо вся сущность восточного вопроса для России и славянства заключается в сохранении и спасении от поглощения или подчинения романо-германцам южных и западных окраин славянских. С возрастанием политического могущества России и с развитием в ней славянского самосознания и образованности все более падает благодетельная для славян сторона владычества азиатов, турок и мадьяр, правда — грубых и жестоких стражей, но все же оберегавших слабые, разбитые племена славянские от владычества над ним романо-германцев. В той мере, как турок и мадьяр все более или подтачивают славянская силы, или служат проводниками тяжелого влияния и власти над ними романо-германцев, в той же мере растет значение России, как единственной охраны и настоящей опоры слабых и разделенных племен славянских, которые все более ныне приходят в прямое столкновение с сильными, высокообразованными национальностями романо-германскими и принуждены или пасть в неравной борьбе, сделаться ингредиентами этих племен и обратиться в совершенных метисов или креолов или же, для достижения равноправности, выступить с ними на борьбу с новым более приспособленным к делу оружием, с единым, всеславянским дипломатическим и общенаучным языком. Так, одна из важнейших сторон вопроса восточного состоит в вопросе о распространении русского языка вне пределов России, за Карпатами и за Дунаем. Так, вместе с тем оказывается несвоевременным всякое ускорение восточного вопроса без предварительного, благоприятного решения главнейших вопросов внутренней русской политики.

Могут ли чехи, поляки, сербо-хорваты добровольно признать игемонию и первенство русского языка, когда это первенство отрицается в самой России даже в трудах ученого общества, созданного и поддерживаемого русским правительством? Можем ли мы в желанной степени распространить русский язык у словаков, словинцев, болгар, когда мы еще не успели с ним ознакомить наших сограждан, латышей и эстов? Где тут спасать и сохранять окраины славянские, когда еще не вполне обеспечены окраины России?

Так справедливо, что признанию всемирно-исторического значения за русским языком и его распространению вне пределов России главнейше, даже исключительно, препятствуют не какие-нибудь внешние преграды, а бессознательное и равнодушное отношение самих русских к историческому призванию своего отечественного языка. Поэтому-то нельзя не придавать важного образовательного значения возбуждению в русской литературе нерешенного вопроса о древнеславянском языке, его связи с русским и их отношениях к прочим наречиям славянским.

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСТВА И УСПЕХИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете

ЧТЕНИЕ I. ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСТВА И РУССКОЕ НАРОДНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Милостивые государи! Отправляясь в земли мало знакомые, мы предварительно запасаемся о них сведениями из книг или от людей бывалых. Попавши в новую местность, мы прежде всего стараемся опознаться, найти какую-нибудь возвышенную точку, с которой бы легче было окинуть ее взглядом, измерить. Изучение наук есть тоже хождение в незнакомые земли, также дарит нас новыми впечатлениями и понятиями, открывает нам новые, далекие кругозоры.

Приступая к изучению славянской истории, постарайтесь же, мм. гг., встать на такую точку, с которой бы вам всего яснее обличался этот предмет, по крайности в главных очертаниях. Эта искомая точка не вне вас, а в вас самих находится. Это — ваше самосознание. Какое же к нему имеет отношение изучение славянской истории, изучение славянского мира в его прошедшем и настоящем?

Я сказал: ваше самосознание, разумея личное самосознание каждого из вас. Но этим не ограничиваюсь и во всех вас предполагаю, сверх вашего личного, и общерусское народное самосознание. В самом деле, можно ли и следуете ли отделять

самосознание личное от народного? Что же такое личное самосознание, как не постижение собственных сил и способностей, как не понимание собственного положения, своих отношений к людям, своих прав и обязанностей? И достижимо ли сколько-нибудь полное развитие личного самосознания без постижения сил и способностей своего народа, без понимания положения своего отечества, его отношения к соседям, его исторического призвания?

Однажды, во время Пелопонесской войны, афиняне, вследствие разных невзгод и больших семейных утрат, предались было отчаянию и стали громко роптать на Перикла; тогда, по словам Фукидида (II, LIX—LX), этот великий государственный человек собрал вече и убеждал граждан не падать духом. В своей прекрасной речи гениальный эллин выразил, между прочим, ту глубокую и верную мысль, что общее благосостояние отечества более приносит пользы гражданам, чем личное благополучие отдельных граждан при общем упадке страны; человек счастливый сам по себе тем не менее гибнет вместе с погибающей родиной, а несчастный в отечестве цветущем гораздо легче себя сберегает.

Итак, даже личного счастья и благополучия, строго говоря, нельзя отделять от величия и благосостояния народа и отечества. Тем незаконнее и неизвинительнее разрыв личного и народного самосознания: без самосознания ни частные лица, ни целые общества и народы не могут пользоваться истинным счастьем и настоящим благосостоянием.

Величие же и благосостояние России и может, и должно выражаться в широком, свободном развитии ее образованности, народного богатства и политического могущества. Образованность, гражданственность и внешняя политика каждой страны стоят теперь в самой тесной внутренней связи. Страна необразованная не может быть могущественна и уважаема соседями, тем менее — пользоваться внутренним благосостоянием; страна бедная, неблагоустроенная всегда будет бессильна извне и скудна творчеством народного духа; в стране, бессильной извне, дурно защищенной и за слабость

презираемой сильными соседями, граждане не могут долго спокойно, без унижения народной чести и гордости развивать народный труд и подвигать общее благосостояние, а зависимость народа от иностранцев всегда и везде препятствует процветанию наук и искусств.

Поэтому представившийся нам вопрос об отношении изучения славянства в его прошедшем и настоящем к вашему самосознанию совершенно правильно может быть заменен следующим: «Какое имеет отношение изучение славянства к успехам русской образованности, гражданственности и внешней политики?»

Вникнув в современное состояние русской образованности, легко заметим, что самые насущные потребности и важнейшие задачи русского искусства, русской литературы и науки внушают каждому мыслящему русскому гражданину непременное желание поближе узнать, поглубже изучить мир славянский, его прошедшее и настоящее.

Обращаясь к русскому искусству — музыке, поэзии и художествам образовательным, мы прежде всего увидим, что, и не находясь на одинаковой степени развитая, они страдают, однако, более или менее одними недостатками. Наша музыка и поэзия справедливо могут гордиться тремя несомненно великими художниками. Правда, русская поэзия, сверх Пушкина и Гоголя, сияет еще несколькими яркими звездами, блещет именами Державина, Фонвизина, Крылова, Грибоедова, Жуковского, Языкова, Баратынского, Тютчева, Хомякова, С. Аксакова, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Островского и пр.; зато наша музыка, сверх гениального Глинки, очень скудна даровитыми представителями, из коих бесспорно первое место принадлежит Драгомыжскому, и богата лишь надеждами, которые вообще, а у нас особенно, часто вовсе не осуществляются. Русские образовательные художества не представляют ни одного истинного гения. Если числом своих представителей русская живопись гораздо богаче музыки и приближается к поэзии, зато гораздо беднее их самобытностью произведений. Наиболее крупные таланты русской

живописи — Брюллов, Иванов, Федотов, Айвазовский — ни по силе творчества, ни по значению своих произведений в истории искусства, не могут быть поставлены рядом ни с Пушкиным, ни с Глинкой. Русское зодчество и ваяние еще беднее и талантами, и памятниками. Лучшие произведения даровитейших русских ваятелей — Ставассера и Пименова и зодчих — Тона, Кузьмина, Рязанова и др. не займут в истории искусства такого даже места, какое по праву принадлежит лучшим созданиям Брюллова, Иванова и Федотова.

Сравнив русскую поэзию и музыку, русские образовательные искусства, даже русский театр с поэзией и музыкой, с образовательными искусствами и театром не только уже у древних эллинов, но и у народов романо-германских, вы придете к выводам, для нас, русских, далеко неблагоприятным, но значение их надо не умалчивать, а строго обдумать. Прежде всего, вас должна поразить численная скудость русских художников и русских художественных произведений. Далее вы заметите, что разве за исключением Глинки и Пушкина, и то за последнее время их деятельности, даровитейшие русские художники еще не вполне свободны от подражательности, от подчинения чужим идеалам и образцам и от отрицательного отношения к русской жизни. Наконец, весьма немногие наши художники могут совершенно избежать упрека в слабой производительности, в недостатке оконченности и трудолюбия, в несколько небрежном служении своему делу. Между тем не только у древних греков, но и у народов романо-германских, художественные произведения различных школ и эпох, даже не величайших, а обыкновенных талантливых художников, всегда более или менее запечатлены глубоко-национальным характером, соответствуют идеальным народным требованиям. Отсюда-то, из этой народности греческого и римско-немецкого искусства и проистекает такое множество в нем школ, художников и памятников. При той народности просвещения и том крепком развитии народного самосознания, какие замечаем у греков и романо-германцев, искусства и могут только развиваться свободно, а художники отличаться

производительностью, ибо создания их приходятся народу по вкусу и по сердцу: он находит в них все ему близкое и редкое, видит в них свой край, самого себя со всеми достоинствами и недостатками. Можно ли сказать это самое про русское искусство? В такой ли мере оно удовлетворяет всем законным требованиям и необходимым условиям каждого национального художества?

История искусств раскрывает нам глубочайшую внутреннюю связь народного и личного художественного творчества. Чем богаче и разнообразнее у народа его безыскусственная музыка и поэзия, его народная речь и любовь к прекрасному, тем более в нем задатков для широкого развития личного художества, для роскошного в нем процветания поэзии и искусств. Сравнивая народное творчество русское и вообще славянское с романо-германским, мы находим, что оно не только его не беднее, но во многих отношениях даже гораздо богаче. Итак, ни народная художественная неспособность, ни даже недостаток грамотности и образования, хотя он имеет значительную долю влияния, ни скудость в личных дарованиях, — не это все есть главная причина сравнительно низкого положения нашего искусства. Главная причина — не сочувствие наших художников русским народным идеалам и даже часто совершенное о них неведение — объясняется разрывом нашего самосознания с народным, не национальностью того общества, в котором образуются художники. Утраченная цельность и порванные связи могут быть возобновлены не иначе, как возбуждением в нашей образованной среде русского народного самосознания и критического отношения к романо-германской образованности, — строгим трудом мысли и анализа, скромным обращением с русской народной стариной и глубоким ее изучением. Начатое в последнее время с особенной энергией изучение русской народной речи и словесности, древних и старинных памятников русской музыки, живописи и зодчества уже приносит свою пользу и еще более принесет в будущем — доставлением драгоценных материалов для художественной критики. Дело Лессинга в Германии

показывает, какую огромную услугу и нам может оказать критика в наступающий период освобождения русской мысли от оков подражательности. Но изучение русской старины, народной речи, словесности и музыки только тогда пойдет у нас твердым, верным шагом и будет вполне отвечать современным требованиям науки, когда совершенно себе усвоит метод сравнительный и свяжется с изучением параллельных явлений у прочих славянских народов. При ближайшем знакомстве с миром славянским как же расширится кругозор русского художественного созерцания? При общем коренном сходстве и внутреннем единстве славянский мир представляет удивительное богатство и разнообразие самых роскошных поэтических и художественных мотивов и образов, самых дорогих предметов для исторических и нравоописательных романов и драм, для фантастических и исторических опер, для жанра и исторической живописи. Подумайте о великом влиянии природы на человека и особенно об относительной простоте славянского народного быта, о той близости славян к природе, которая так живо выражается в их народной речи и словесности, во всей их бытовой обстановке, и представьте себе все необыкновенное разнообразие природы на всем громадном просторе от Камчатки и берегов Тихого океана до Черной Горы и Адриатического прибрежья, от Архангельска до Солуня и Константинополя или от Белого до Мраморного и Эгейского морей, от Лабы, Вислы, Рудных гор и Стирийских Альпов до Ташкента, Сыр-Дарьи и Тянь-Шаня. Припомните, что на этих землях века уже бьет жизнь далеко не вялая. С первого своего решительного выступа на историческое поприще, с VI в. по настоящую пору, славяне ведут самую упорную борьбу, с одной стороны, с европейским Западом, с другой — с азиатским Востоком: аварами, печенегами, половцами, татарами, турками и мадьярами. Эта тысячетрехсотлетняя борьба имеет великое, всемирно-историческое значение: в ежедневном, непрестанном бою с романо-германцами в Далмации, Истрии, Крайне, Хорутании, Стирии, Чехии, Силезии, Саксонии, сначала в Голштинии, Мекленбуре, потом в Польше, Пскове, Нов-

городе, на берегах Невы, защищая свою свободу и свои земли от напора и захвата итальянцев и немцев, славяне в то же время отбивали и сдерживали вторжения азиатских полчищ в Западную Европу и уже этим одним значительно способствовали развитию ее внешнего и внутреннего благосостояния. Эта борьба славян с азиатами и романо-германцами исполнена высокого драматического интереса: борьба жестокая, кровавая, заслужившая благословения и проклятия, — рядом с ужаснейшими злодеяниями, темными делами коварной измены и дикого, тупого невежества, нередко представляющая светлые подвиги мужества и самоотвержения, высокие примеры чистейшей любви и редкого ясновидения. Впрочем, ни двойственность этой борьбы, ни страшные силы противников, ни даже неоднократные союзы немцев с азиатами против славян еще не исчерпывают всей их исторической жизни и не объясняют их современного положения и всех понесенных ими утрат. Современно с этой борьбой славян с азиатами и немцами шла у них другая борьба, не менее ужасная, еще более печальная, столь же драматическая и так же исторически необходимая. Говорю об усобицах славян, которые церковная рознь не породила, а страшно усилила, об этой борьбе двух неизбежных начал в каждом великом племени — сил центробежной и центростремительной, начал игемонии и автономии. Искусно пользуясь этими раздорами славян и покровительствуя их автономическим стремлениям, итальянцы завладели Далмацией. Немцы на развалинах сокрушенных ими не без помощи азиатов и папского Рима славянских государств, на обломках подавленных ими славянских народностей успели, наконец, образовать из небольших своих восточных марок (украйн) два больших государства — Пруссию и Австрию, — а азиаты, в лице мадьяр, на века утвердились на большой, степной равнине между Тиссой и Дунаем и засели клином в славянском теле, а в лице турок надолго утвердили господство ислама на благословенных землях греческой, болгарской и сербской держав. Вникните, наконец, в особенные судьбы русского народа в мире славянском, единственного

из всех славян, сумевшего сплотить крепкое, громаднейшее в истории государство; разберите огромное его влияние на южных и западных соплеменников, на их недавнее и быстрое возрождение, — и вы согласитесь, что равнодушие русских художников к миру славянскому удовлетворительно объясняет слабые стороны русского искусства и что, напротив того, пробуждение в русском обществе славянского самосознания, развитие взаимного нашего общения с южными и западными братьями и ближайшее с ними знакомство откроют русскому художественному творчеству неисчерпаемый источник вдохновения. С обличением славянского призвания России, великого будущего, ожидающего наше слово, и его далекого, не чаянного самим Пушкиным распространения, русское искусство обретет себе давно искомые положительные идеалы и смело вступит на широкий, царский путь всемирно-исторического развития.

Распространение в России верных сведений о славянском мире, его прошедшем и настоящем, и усиленное его изучение русскими учеными, должно иметь такое же благотворное влияние и на русскую науку. Под этим выражением разумеем: 1) науки, имеющие предметом изучение России во всех отношениях; 2) всю русскую ученую литературу, поскольку она самобытна и выражает русское национальное воззрение. В последнем значении она имеет тот же смысл, в каком немцы разумеют свою Deutsche Wissenschaft, как выражение немецкого национального гения. У нас не так еще давно люди очень почтенные решительно отрицали всякую возможность национального воззрения в науке, которая у каждого великого народа, при всех своих общих и одинаково для всех обязательных законах и требованиях, тем не менее всегда имеет известное национальное направление. Непризнание многими этой простой истины основано, кажется, на странном недоразумении, так как не отвергают же, что между учеными современниками одной национальности и специальности, при совершенно почти одинаковом трудолюбии и начитанности, существует всегда различие, объясняемое осо-

бенностями их личной природы и развития. Это различие выступает еще ярче, если мы сравним ученых современников одной специальности, но разных национальностей, например, французов и немцев, англичан и итальянцев — юристов или математиков, филологов или натуралистов; тут различие потому сильнее, что к особенностям личным присоединяются особенности национальные. Отсюда же проистекают особенности различных национальных школ по различным отраслям ведения. У нас таких русских школ еще мало. Впрочем, резче других уже выделились школа русских ориенталистов, школа русских славистов. По свидетельству знатоков, уже вырабатываются русские школы математиков и химиков, физиологов и юристов, землеведов к богословов.

Из сказанного нами о русском искусстве нетрудно заключить о благотворном влиянии изучения славянства на русскую науку в первом смысле, то есть на науки, имеющие предметом изучение России. Но влияние славистики этим не ограничится и еще более подействует на русскую науку во втором ее значении.

Русская, славянская наука и образованность, славянское, русское просвещение! Не простые ли это слова без определенного смысла, звуки без значения? Образованность, наука, прогресс, просвещение! Этим словам мы издавна привыкли давать эпитет *европейский.* И, конечно, не без основания. Но мы также привыкли и отделять Европу от России. И это не без причины: Россия Европой не ограничивается; хотя и скудно населенные, азиатские ее владения дают ей право на звание мировой державы (Weltmacht) и превосходит более чем в полтора раза всю Европу, которой, впрочем, большая половина принадлежит русскому народу и его соплеменникам. Но это различение Европы и России, не осмысленное и принимаемое без известных ограничений, порождает важные недоразумения. Отличая Европу и Россию, привыкают противополагать их одну другой. Привыкши видеть в Европе свет науки и просвещения, свободу духа и быта, — словом, все прекрасное, многие у нас находили и даже находят в России только мрак

невежества, застой, рабство, — словом, все дурное, и даже, в противность некоторым западным европейцам, посещавшим Россию*, видели в ней одно светлое и отрадное не в самобытных явлениях и коренных основах русской жизни, а лишь в призрачных порождениях русской подражательности. Эти недоразумения производят сильное и неблагоприятное влияние на развитие русской образованности, гражданственности и внешней политики и часто служат источником разнообразных колебаний и уклонений от нашего исторического пути. Но эти заблуждения будут у нас держаться, пока не укоренится в русском общественном сознании то убеждение, что прогрессивное стремление к чистому знанию, к свободе духа и жизни, потребность постоянного самоусовершенствования, настойчивое преследование общих государственных целей, привычка к анализу, любовь к труду и самоуправлению — все эти качества составляют одинаковую, неотъемлемую собственность, как Европы, так и России, которая, как страна христианская и славянская, следовательно, индо-европейская, арийская по происхождению, ни в один, самый тяжелый период своего существования, никогда не изменяла этим отличительным особенностям христианских и арийских племен. Но

* Так, например, *Блазиус* (Reise in Europ. Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig, 1844.) заметил: «Wir suchten die klugen Lente auf, deren es unter deu rasirten Russen anverhältnissmässig weniger gieht, als unter den bärtigen (I, 34). — In dieser Abgeschlossenheit so vieler Gegenden im Norden liegt aber die grösste Sicherung der persönlichen Freiheit und Wohlfahrt. Nicht Alles, was die Cultur in Russland den Bewohnern gebracht, ist so unschädlich, wie ein holländischer Pflug (I, 95). — Verstand und Gelehrigkeit zeigt die ganze Nation in hohem Grade, und beide können sich unter den Soldaten am vielseitigsten ausbilden. Körperliche Aasdauer und eine seltene Bedürfnisslosigkeit ist den Russen durch ein rauhes Klima u. harte historische Verhältnisse zur andern Natur geworden (I, 113). И выше: Es giebt keine Menschen von grösserem praktischen Genie, wie die russischen Soldaten: sie sind zuverlässig, gelehrig und sehr klug; Alles sehen sie vorans, und führen es schou vor d. Befehl aus, man hat für nichts zu sorgen. Petrefacten suchen lernen sie in einigen Minuten, wie alte Geognosten». Про русского купца великоруса: Er ist ursprünglich national u. der gewandteste polnische Jude erscheint neben einem russischen Handelsmann als ein mittelmässiger Stümpler (II, 80). О крестьянах вообще см.: I, 32—34. Блазиус в некоторых отношениях стоит выше Гакстгаузена и представляет в немецкой литературе весьма редкий пример беспристрастного суждения о славянах.

при всем этом общем, коренном сходстве России с Европой, в противность азиатскому Востоку, нельзя и не замечать резких между ними отличий, полагающих особенную печать на западноевропейскую и славяно-русскую образованность.

Действующие народы Западной Европы, кельты и германцы, целыми столетиями раньше славян вступили на историческое поприще или были увлечены в водоворот исторических событий, вошли в непосредственное соприкосновение с Грецией и Римом. В то время, когда о славянах нет и помину в истории, кельты еще в IV, III вв. до Р. Х. громят греков и римлян в Италии, Фракии, Македонии, Греции, М. Азии. В первые полтораста лет нашего летоисчисления Испания, Галлия, даже часть Британии, подчиняются римской образованности, покрываются римскими дорогами, каналами и водопроводами, амфитеатрами и цирками, великолепными дворцами и храмами, многочисленные остатки и следы которых поныне свидетельствуют о прочности римских предприятий и глубине римского влияния. Повсюду в этих странах, просвещавших потом германские племена и земли, заводятся училища римского языка и красноречия, прилежно изучается классическая литература. Наконец, романизованные кельты дают Риму лучших ораторов и знаменитых писателей: испанцы — Лукана, Марциала, Силия Италика; Флора, Мелу, М. и Л. Сенек, Квинтилиана и пр., галлы — П. Теренция Варрона, Корнелия Галла, Трога Помпея, Петрония, Вициэна Монтана, Домиция Афра и многих других грамматиков, правоведов, риторов. Во II в. христианство проникает уже в Испанию, Галлию, Британию (от греков из М. Азии?), отчасти даже в Германию (cisrhenana). В IV—V вв. в Испании, Галлии и Британии христианская церковь уже вполне утвердилась, является развитая, образованная иерархия, со множеством епископов, имеющих важное политическое значение и большое влияние на народ, с многочисленными мужскими и женскими монастырями, в которых занимаются письменностью. В Испании и Галлии часто происходят соборы по делам веры и церковного устройства, нередко с участием африканских, итальянских и британских

епископов*. Гораздо позже кельтов выступив на историческое поприще, германцы все-таки целыми веками предваряют славян. Еще ранее, чем с Цезаря, со II в. до Р. Х. начинаются постоянные непрерывные столкновения и сообщения германцев с Римом. Лет через 50 по утверждению римлян на Рейне у некоторых знатных германцев, вероятно, не без римского влияния, вошло в обычай посылать детей своих на ученье в римские города или в самый Рим. Еще в первые годы нашей эры находим, в борьбе с Римом за независимость, двух германских вождей, Арминия и Маробуда, получивших римское образование, знакомых с военным и государственным искусством Рима. В IV—V вв. оттесненные гуннами и славянами на востоке, увлекаемые буйством сил и молодечеством, страстью к грабежам и легкостью завоеваний в дряхлой Империи, германские племена вторгаются во все ее западные провинции, в самую Италию, утверждают в них свое господство и по свержении Одоакром Ромула Августула (476 г.) поканчивают З. Империю. В VI—VIII вв., когда только некоторые славянские ветви на южных и западных окраинах нашего мира входят в ту пору деятельности, которая началась для большинства германцев еще во II—III вв.**, в это время значительная часть германских племен уже приняла христианство, управляется своими королями и живет в государствах, нередко сильно проникнутых римским духом, имеет свои сборники законов, составленные более или менее под влиянием канонического

* Соборы в Испании: в *Эльвире* 305 г., *Сарагоссе* 380 г., *Толеде* 400 г., в Галлии: в *Арле* 314 г., *Ридсе* (в Провансе) 439 г., в *Оранже* 441 г., *Везоне* 442 г., *Анжере* 454 г., *Арле* 461 г., *Туре* 461 г. и пр.

** Не желая вовсе отождествлять славян VI—VIII вв. с немцами II—III вв., нельзя, однако, во вторжениях и переселении южных славян в Мизию, Фракию, Македонию, Грецию, Иллирик, Далмацию, Истрию и Италию в VI—VIII вв. не находить сходства и аналогии с нападением кимеров и тевторов на римлян во II в. до Р. Х., с движением Ариовиста, Арминия и Маробуда, а также готов на В. Империю. Славянская держава Само (627—662) имела себе предшественников в Маркоманском союзе Маробуда, в готской, немецкой державе Греутунгов и Тервингов. Морские походы Стримонцев, Рунхинов и Лютичей VII—VIII вв. могут быть сравнены с исходами готов и других немцев в М. Азию — в 256—258 гг. и 261—268 гг. (см. *Wietersheim:* Gesch, d. Völkerwanderung. Leipzig, 1860. II. S. 268 и сл. и Excurs b (с. 321 и сл.).

и римского права, и своих летописцев, более или менее подражавших своим предшественникам, римлянам-христианам*. При относительной незначительности романо-германской территории, при сравнительном удобстве морских и сухопутных сообщений открытых и усовершенствованных финикиянами, карфагенцами, греками и римлянами, знания и понятия высшей римской и христианской образованности, всасываемые германскими племенами в романских землях, легко передавались и сообщались другим немецким племенам внутри Германии. Огромная часть романо-германского мира успела уже пережить век Карла В., сплотиться в величественную монархию, распасться на отдельные государства и главные на-

* Различные leges, pacta, *ewa* ведут свое начало с V в. 1) Lex salica (V—VI вв.), 2) Lex Ripuariorum (VII в.), 3) Lex Burgundionum (V—VI вв.), 4) Lex Wisigothorum (VI—VII вв.), 5) Lex Alamannorum (VI—VIII вв.), 6) Lex Bajuvariorum или Pactum Bawarorum (VII в.), 7) Lex Frisionum, 8) Lex Saxonum, 9) Lex Angliorum et Werinorum (Thuringorum) — вероятно, еще времен Меровингов, 10) Leges Longobardorum (VII—VIII вв.); 11) Leges Anglo-Saxonum (VI—IX вв.). За исключением последних, все писаны по-латыни. Сверх того, были и другие памятники права, например, Lex Romana Burgundionam <…>, Breviarium Alaricianum (506 г. у вестготов), Edictum Theodorici regis (500 г.). Edictum Athalarisi regis; далее особые постановления королей (constitutio, decretum, decretio, edictum, pactum, capitula и пр.), различные сборники правил — Formulae (Andegavenses, Arvernenses, formulae Marculphi 653—660 гг.). См. *Eichhorn* — Deutsche Staats- u. Rechtsgeschichte. Göttingen. 1808—1822. 5-te Anf. 1843—1845. 4 Bde. *Wilda* — Das <…> d. Germanen. Halle. 1842. I. B. *Zöpft* — Deutsche Rechtsgeschichte. 3 Aufl. Stuttgart, 1858 (C. 7—81). *Philipps* — Deutsche Reichs- u. Rechtsgeschichte. 4. Aufl. München, 1859; § 60. C. 163—172. — Geschichte d. deutschen Rechts in sechs Bänden. I B. I Abth. Gesch, d. deutsch. Rechtsquellen. von O. Stobbe. Braunschweig, 1864.

Германские летописцы: утраченный о. — готск. летописец *Аблавий,* которым пользовался *Иордан* (660—661), *Фредегар* (VII в.), неизвестный сочинитель Gesta Francorum (VIII в.), продолжатели Фредегара (VIII в.), составители разных монастырских записей и летописей (VIII в.), *Беда Досточтенный* (†735), *Павел Дъякон* († 799). Как чисто немецкие *правды* были составлены не без подражания и влияния германских *правд,* возникших в римской почве, так точно и эти летописцы имели своих предшественников и образцы для подражания в римлинах-христианах: в Григории Турском, Кассиодоре, Исидоре Севильском, Викторе Тунисском, Идация, Проспере и пр. (См. *Bähr* Gesch d. röm. Liter. Supplement-Band: Die christlichen Dichter u. Geschichtsschreiber Roms. Carlsruhe, 1836. 8° и *его же* Gesch. d. röm. Literatur im karoling. Zeitalter, Carlsruhe, 1840. 8°; — *Wattenbach* — Deutschlands Geschichtsqueflen im Mittelalter bis zur Mitte d. 13 Jahrh. Berlin, 1858 и 2 изд. 1865.

циональности, которые, при всем своем несходстве, сохраняли, однако, общие руководящие идеи, целые теории папской и императорской власти, господствовавшие потом в Западной Европе в продолжение столетий. В это время у большинства славян — мораван, болгар, сербов, хорватов, чехов, поляков и русских, едва только полагались первые начатки государственности и совершалось их обращение в христианство.

Таким образом, разность исторических возрастов составляет одно из главнейших различий римско-немецкой и славянской Европы или России. Если история начинается у кельтов с IV—III, а у германцев со II в. до Р. Х. или по крайней мере с первых годов нашей эры, то у части славян южных и западных — собственно только с VI в. по Р. Х. Начало христианской церкви и государственности относится у кельтов ко II, у германцев к IV—V вв., а у славян к половине IX в. Таким образом, можно сказать без преувеличения, что нынешний XIX в. есть для нас собственно то, чем был для романо-германской Европы XIV—XV вв. Если Россия не дала человечеству Шекспира к Сервантеса, Галилея и Кеплера, Ньютона и Лейбница, Лапласа и Канта, то это вовсе не потому, что *не может,* а потому что *еще не могла* иметь их. Всему и на все свое время. Нужно время, чтобы перебродил виноградный сок и дал доброе вино, чтобы брошенное в землю семя принесло плод. Нужно и народам время, чтобы перебродили и устоялись их силы и дали Шекспиров, Галилеев и подобных им великих деятелей. Русский язык по богатству грамматических форм, своеобразию синтаксиса, по старине и эпичности выражений совершенно напоминает собой немецкий язык XIII—XV вв. (Mittelhochdeutsche Sprache). Народ наш поныне поет еще песни, какие уже несколько веков забыты немцами и вообще и своей повседневной жизни хранит такие предания и обычаи, такую глубокую старину, о которой немцы у себя часто узнают только из старых и даже древних рукописей. Не монголизмом и византинизмом Москвы, как угодно некоторым нашим критикам европейцам, а именно этой разностью исторических возрастов объясняются разные темные стороны нашего недавнего прошедшего, все эти черты самодурства, буй-

ства и расточительности, дикого произвола, умственной косности и грубости нравов. Все эти типы Куралесовых, Салтычих, Скотининых и Митрофанов встречаются и на Западе, в Германии, Франции, Англии, не только в начале средних веков, но и в XV в. и даже позже, иногда в виде еще более отвратительном, тем более, что являлись у них еще чаще, так как наше крестьянское сословие, — не говорю о западной, а только о восточной, великой России, — никогда не было так унижено и подавлено, забито и порабощено, как, например, во Франции и Германии. Основание первого Русского университета относится к 1755 г., а все другие основаны уже в нынешнем столетии. В XII—XIV вв. римско-немецкая Европа имела до 30 университетов в Италии, Испании, Португалии, Франции, Австрии, Германии*. Сличая все эти частные различия западноевропейской и русской жизни, немецкие мыслители, историки и публицисты поступают крайне легкомысленно и *ненаучно* (unwissenschaftlich), когда, судя о славяно-русской образованности, выводят отсюда, не обинуясь, скажем, странные заключения о прирожденном духовном, умственном превосходстве германского племени над славянами. Всегда, конечно, будут охотники считать лучшим и превосходнейшим или все новейшее и позднейшее, или все старое и древнейшее. То и другое одинаково неразумно. Ведь из того, что мы вышли на историческое поприще целыми веками позже германцев, еще вовсе не следует, что мы их нравственно ниже и не способнее, что наша образованность может быть только повторением и подражанием романо-германской, что славяно-русское просвещение и наука ничего не могут представить нового и самобытного. На этом основании следовало бы египтян, ассирийцев, индийцев, персов, не говоря уже о греках или римлянах, этих прямых учителях Западной Европы, считать гораздо выше и способнее германцев, потому что первые успели развить блестящую образованность в то время, когда германцы, быть может, едва только отделились от славян и литовцев, жили в лесах «зверинским образом» и своим бытом мало отличались от та-

* О средневековых университетах см.: Savigny: Gesch. d. röm. Rechts im Mittelaiter. Heidelberg. 1834. 2 изд. III B. S. 152—419.

инственных обитателей* открываемых ныне в Европе свайных озерных строений. Впрочем, мы можем утешать себя тем, что столь резкие и жесткие отзывы и приговоры ученых и неученых немцев о прошедшем и будущем России, всего славянства, о мнимой неспособности нашей к высшей самобытной образованности, весьма мало отличаются от презрительных суждений итальянцев XIV—XV вв., например, Петрарки, Поджио, Бруни, Кампано и Эннея Сильвия о современных им немцах**.

Сверх разности возрастов, западноевропейская и славяно-русская образованность отличаются еще разностью своего внутреннего, историко-этнографического содержания и неодинаковостью превзошедших в них стихий. Внутренний состав славяно-русской образованности отличается гораздо большим разнообразием; славяно-русская образованность гораздо более романо-германской подвергалась разным историко-этнографическим влияниям. В самом деле, за исключением, быть может, одних иберов, если не видеть в них соплеменников финнов***, Россия, славянский мир в большей

---

* Нельзя не согласиться с Дезором, что теперь еще преждевременны всякие попытки приурочить их к известному племени. См. немецкий перевод Майера: *Desor* — Die Pfahlbauten d. Neuenburger Sees. Frankfurt a. M., 1866. S. 153—154.

** По единогласному их отзыву, Германия — страна варварская, немцы преданы лишь спанью, обжорству и главное — пьянству. Петрарка пришел в негодование по тому поводу, что немецкие руки императора Карла IV увенчали одного итальянского поэта: *Barbarica* nuper *laurus* ornavit deque *nostris ingeniis,* mirum dictu, *judex censorque Germanicus ferre sententiam non expavit.* «Ужели это люди! — восклицал Поджио о немцах, — о боги! мертвецки пьяные, тупые, никогда не трезвые, Богу и людям противные создания! Живы ли или мертвы они, нельзя отличить, когда они валяются пьяные». Катано писал про Германию: «Это — разбойничье гнездо; благороднейший из дворян — чистейший разбойник. Жизнь для них — это пьянство. Умственное невежество совершенно невероятное: друзья науки весьма редки, любителей изящного нет, к гуманизму нет никакой способности. У этих варваров не живут музы. Все немцы пропитаны дурным запахом; мне гадко, когда слышу имя Германии» (*Voigt* — Die Wiederbeleb. des class. Alterthums od. d. erste lahrh. d. Humanismus. Berlin, 1859. S. 377—392).

*** Как то хотят некоторые доказать, например *Шаранси* (*Charencey* — La langue Basque et les idiomes de 1'Oural. Paris, 1862. Premier fascicule. Structure grammaticale ei déclinaisous. VIII и 56 pages.)

или меньшей степени был в соприкосновении и со всеми историческими и этнографическими элементами, имевшими влияние на романо-германцев, или вошедшими в состав их национальностей, и сверх того состояли в постоянных, издавних сношениях, враждебных и мирных, со всеми романскими и германскими племенами, отчасти подвергались их гнету и давлению, отчасти участвовали в их образованности и имели на них влияние (Дубровник, Польша, Чехия, Угрия, Хорвация), наконец непрерывно сообщались и боролись с различными народностями, финскими и турецкими, Кавказа, Средней Азии, Монголии и Китая*, с которыми большая

* Первые следы знакомства русских с Китаем, как недавно показал наш высокозаслуженный ученый синолог Палладий *(«Дух. Беседа».* 1863. С. 368—370. В статье «Китайские вести из Рима»), относятся к 1330 г. В этой статье приведено весьма любопытное известие из *Юаньши* (история чингисханидов в Китае) о Русском полке в Китае на службе у хана *Тутьмура* или *Джаяду.* На севере от Пекина были заведены русские поселения (в 130 больших китайских десятин). Русским военнопоселенцам даны были земледельческие орудия для возделывания земли, и, кроме того, постановлено было, чтобы в тех местах, где они будут стоять лагерем, в горах, лесах, при реках и озерах, они занимались охотой и всю добычу: птиц, зверей и рыб — доставляли ко двору, причем сказано, что кто из них не будет охотиться, тот подвергается суду. Архимандрит Палладий предполагает, что русское поселение находилось между Великой стеной и Пекинскою равниной. В 1331 г. приписано было к полку 600 новых солдат (неизвестно откуда явившихся). Они были отправлены по домам, чтобы по миновании летних жаров они воротились в лагерь. Под 1332 г. три раза упоминается о доставлении русских пленников в Китай (170 чел., 2 500 чел., 30 чел. с подростками). Архимандрит Палладий замечает, что русский полк разделил судьбу павшей династии (1368? г.) и по удалении из Китая поселился где-нибудь на окраине Монгольской степи или в Маньчжурии. При этом вместе с русскими (по-китайски *олосы, алосы, улосы* и *улусы*) упоминаются и *асы,* также служившие в Пекине и носившие христианские имена. Напомним о походе русских князей в 1277 г. на Ясов и взятии ими города Дедякова в Южном Дагестане. Изяслав Мстиславич (1154 г.) был женат на одной княжне из Абхазии, а сын Андрея Боголюбского, князь Георгий, — на знаменитой грузинской царевне Тамаре (после 1175 г.). О походе русских на Шемаху (1133—1195 гг.) см. у персидского поэта Хакани (†1198) в статье г. Ханыкова (Bullet, hist, phil. de l'Ac. d. sciences de St. Pétersb. T. XIV. № 335—336). В XII—XIII вв. русские купцы являются на среднем Дунае, в Вене, Эмсе, Регенсбурге. В XII в. упоминается о плаваниях русских в Данию. В IX—X вв. русские славяне торговали в Реште и Багдаде (см. ст. Срезневского в «*Вестн. Геогр. общества»* и перевод Ибн-Кхордад-бега в «*Journal Asiatique»* (1865).

часть Европы познакомилась сравнительно недавно, и то через отдельных путешественников.

При таком разнообразии элементов, вошедших в славяно-русскую образованность, и при громадном пространстве России, даже и теперь во многих своих европейских частях менее возделанной и населенной, чем Западная Европа в XIV—XV вв., при суровости климата, неудобстве сообщений и при неимении морских берегов (до XVIII в.), брожение и переработка этих элементов требовала в России несравненно более времени, чем в Западной Европе, которая, при своем умеренном и теплом климате, имела у себя в распоряжении много земель, возделанных и обработанных еще трудолюбием и искусством греков, римлян, арабов, по два моря на юге и севере и Атлантический океан. Ограниченная им с запада романо-германская Европа была защищаема славянами от восточного варварства, и после гуннов и аваров имела дело из азиатов только с мадьярами (и то не более 30 лет) и арабами, которые в IX—XI вв. своей образованностью далеко превосходили современных романо-германцев. Ученики греков и индийцев, они вскоре стали их продолжателями и учителями Западной Европы в математике, астрономии, медицине (фармакологии), химии, естествознании и географии, сперва в Салерно, а потом по всему Западу распространяются арабские медицинские знания. Почти до конца XVII в. Авиценна служит авторитетом в медицинских факультетах Европы. За исключением нескольких переводов Боэтия, сам Аристотель, этот legis naturae maximus doctor et inventor, этот praecursor Christi in naturalibus, был до XV в. поклонявшемуся ему Западу только в латинском переводе арабской переделки Аверроэса (†1217), который называл его высшей истиной, образцом и правилом, высочайшей мудростью, данною миру в доказательство, до чего может дойти человеческое совершенство. Некоторые западные энтузиасты, по свидетельству Петрарки, самого Аверроэса ставили выше апостолов и отцов церкви (utinam tu Averroen, говорил Петрарке один ученый итальянец, pati posses, ut videres quanto ille tuis his nugatoribas major sit). Колкие насмешки Иоанна Са-

лисберийского (†1182), строгие, трезвые требования Рожера Бэкона (†1294)* были бессильны подорвать слепую веру в авторитет не подлинного, не настоящего Аристотеля, и только уже влияние греко-славянского мира, а именно национальное, религиозно-политическое движение гуситов, педагогическая и ученая деятельность греческих эмигрантов, по падении Константинополя (1453 г.), особенно же Мануила Хрисолоры, Ф. Газы, И. Аргиропула, Дм. Хадкондилы и др.**, появление солнечной системы поляка Коперника дали, наконец, совершенно новое направление романо-германской образованности. Эпоха наибольшего арабского влияния на Европу совпадает с самым тяжелым периодом монгольского владычества над Русью. Совершенно справедливо, что арабское влияние было односторонне и, закрепощая и сковывая умы некритическим

* Первый, описывая одну школу, говорил: Poetae, historiographi habebantur infames, et si quis ineumbebat laboribus antiquorum, notabatur, et non modo asello Arcadiae tardior, sed obtusior plumbo vel lapîde omnibus erat in risum. Suis enim aut magistri sui quisque incumbebat inventus. Sed quid docebant novi doctores, et qui plus somniorum quam vigiliarum in scrutinio Philosophiae consumpserant? Ecce nova fiebant omnia: innovabatur Grammatica, immutabatur Dialectica, contemnebator Rhetorica, et novas totius Quadrivii vias, evacuatis priorum regulis, de ipsis Philosophiae adytis proferebant: solam convenientiam sine ratione loquebantur: argumentam sonabat in ore omn<…>, et asinum nominare vel hominem aut aliquid operum naturae instar criminis erat, aut ineptum nimis aut rude et a Philosopho alienum. (См. *Gieseler* — Lehrb. d. Kirchegesch. 2 Aufl. Bonn, 1828. II B. 2 Abth. § 73). Рожер Бэкон замечал: Si haberem potestatem super libros Aristotelis, ego facerem omnes cremari, quia non est nisi temporis amissio studere in illis, et causa erroris et multiplicatio ignorantiae ultraid quod valeat explicari. (Ib. § 74).

** См. *Hodius* (Humphr.) — De Graecis illustribus linguae Graecae literarumque humaniorum instauratoribus, eornm vitis, scriptis et elogiis libri duo. Londini. MDCCXLII. У него приведены свидетельства известнейших итальянских гуманистов о заслугах некоторых греков, особенно, например, М. Хрисолоры. Также Bocrucr (Ghr. Fr.) — De doctis hominibus Graecis litterarum in Italia inst<…>atoribus liber. Lipsiae, 1750. 8. Слабее первого, но содержит и новые, дополнительные известия. *Hecren* (A. H. L.) — Gesch. d. Studiums der classischen Litteratur seit dem Wiederaufleben d. Wissenschaften. Göttingen, 1797. 2 Bde.-*Voigt* — Die Wiederbeleb. d. class. Alterth. Berlin, 1858. Книга хорошая, но автор, кажется, не совсем справедлив к грекам и слабо ценит их заслуги для Италии. Не так судили сами гуманисты итальянцы. Впрочем, влияние греков на западноевропейскую образованность в средние века — предмет еще вовсе не разработанный.

поклонением Аристотелю или Аверроэсу, иногда действовало даже гибельно на просвещение; тем не менее самые эти недостатки схоластики облегчали ее распространение в обществе. Пустота содержания с внешними украшениями, праздность ума с наружной ученостью, повторение чужих слов и мнений, поклонение признанному авторитету, легкость прослыть ученым — эти черты, столь свойственные средневековой схоластике*, всегда и во все времена составляют приманки для толпы, бегущей критики, самомышления и самодеятельности.

Но вместе с тем, привлекая к себе массы учеников, — в Парижском университете бывало до 10 000 студентов, — схоластика развивала в западных поколениях любовь к книжному учению, возбуждала кабинетное трудолюбие, внушала уважение к университетам, поддерживала и сохраняла для лучших времен научные предания и формы для более свежего и питательного содержания. Россия же за счеты и несколько сказок, переданных нам монголами, сколько испытала обид и убийств, сколько грабежей и опустошений! Где возможен и законен постоянный страх неприятельского нашествия, там нет места для развития земледелия, промышленности и наук. Как односторонность схоластики, так и односторонность двух господствовавших на Западе теорий папизма и императорства, если мешали полноте и цельности романо-германской образованности, зато сильно способствовали быстроте ее развития**.

* …Р. Бэкон говорит столетие спустя: «Vulgus studentum cum capitibus suis non habet unde excitetur ad aliquid dignum et ideo languet et asininat circa male translata, et tempus et studium amittit in omnibus et expensas». — «Tanta est perversitas et horribilis difficultas, maxime in libris Aristotelis translatis, quod nullus potest eos intelligere». (Gieseler. 1. c.).

** О папизме нечего, кажется, и говорить, а односторонность и даже вредное действие теории императорской на Италию и Германию сознаются теперь и некоторыми беспристрастными западноевропейскими учеными. См. *Rendu* — L'Empire d'Allemangue an moyen-âge (Séances et Travaux de i'Acad. des Sciences morales et politiques. Compte rendu par *Vergé* et *Mignet*. Paris, 1859. 3-me trimestre. T. XLVII et XLVIII). *Sybel* — Die deutsche Nation u. das Kaiserreich. Düsseldorf. (2 Abdr.) 1862. Резкие, но не убедительные возражения: *Klopp* — Die Gothaische Auffassung d. deutschen Geschichte u. der Nationalverein. Hannover, 1862. *Frantz*., C. — Die Wiederherstcllung Deutschlands. Berlin, 1865. 8°. C. 158 и сл.).

Таков закон для идей и природы человека: полнота и богатство их содержания находится в обратном отношении к скорости их развития.

Все эти различия Запада и России касаются более формальной стороны их образованности. Но они столь же различны и относительно внутреннего содержания, определяемого просветительными началами. Православие и римский католицизм и потом законно и логически вытекшее из него протестантство, это — два глубоко различных воззрения на христианскую истину. Прибавкой filioque без общего соглашения со всей церковью, со всем миром христианским, хранителем переданной и принятой истины, и требованием, чтобы грекова восточный мир ему безусловно повиновался, Запад исказил не только символ веры, теорию учения, но и основной закон христианства, начало братства и любви, и объявил всех своих восточных братьев умственными илотами, в делах веры неспособными подавать свой голос, а только обязанными беспрекословным ему послушанием*. Нарушив закон братства и любви и утратив начало внутреннего единства, невозможного без свободы, в папизме Запад развил внешнее единство до последней крайности. Протестантство восстанием против Рима спасло западное человечество от грубейшего материализма, которому уже предались было высшие классы в Италии, и от близкого к фетишизму духовного отупения, в котором пребывали народные массы на Западе, без того уже забитые и подавленные тяжестью освященных и охраняемых всевластной Римской курией, выгодных для нее феодальных порядков. В протестантстве Запад отвоевал себе похищенную Римом свободу духа, совести, но не обрел утраченного Римом внутреннего единства. Свобода же без единства, как и единство без свободы, предполагает истину условную или сумму частных истин и исключает мысль об единой высшей, безусловной истине. В конце своего развития протестантство привело народы к тому же состоя-

* См. наше Вступительное Чтение. («*День*». 1865). И. Киреевскому и особенно Хомякову принадлежит величайшая заслуга строгого определения отношений нашего просветительного начала в началах латино-протестантского мира.

нию индифферентизма и материализма, в каком их застало при своем рождении. Начало братства и любви, как принцип, как догмат, совершенно затерялось для романо-германского человечества. Вот почему в последнее время на Западе люди, не удовлетворяемые современной философией и видящие в ней лишь дальнейшее, логическое развитие протестантизма, все люди, жаждущие любви, сознающие святость общечеловеческого братства и чувствующие потребность живой, цельной, единой истины, стали все более и более обращать свои взоры к миру греко-славянскому. Для мира православного не мыслимы свободы без единства и единство без свободы. Его высшее требование — сочетание двух необходимых условий для постижения истины: свободы и единства в верховном начале братства и любви, истина только может быть передаваема людям в свободе и сохраняема в единстве братства, любви.

При такой высоте просветительного начала, дарованного России провидением через греков, и при указанных нами тяжелых условиях ее исторического развития, народное ее самосознание и осуществление ее идеала в общественном строе встречало величайшие затруднения, не обходилось без частых от прямого пути уклонений и вообще должно было происходить чрезвычайно медленно.

Последнее отличие западноевропейской и славяно-русской образованности заключается, если можно так выразиться, в разности школьных, дисциплинарных средств или образовательных орудий. Разность эта находится в прямой зависимости от разности просветительных начал. Латинская церковь и образованность, римское право имели огромное влияние не только на государственный и общественный быт народов романо-германских, но и на все их образование, на весь склад их ума. Изучение латинских отцов, особенно Августина, схоластические споры номиналистов и реалистов, обработка римского права школой глоссаторов в течение веков служили романо-германцам главными дисциплинарными предметами, важнейшим образовательным орудием, которым они изощряли и закаляли свои умственные силы, вырабатывали свои первые

научные приемы. Такого рода учение было подготовлено прежней историей и вызывалось практическими нуждами и стремлением западных народов к самосознанию. От средневековой латыни, канонического римского права наука Запада перешла к классической латыни и Риму языческому и потом уже к миру Эллинскому. В первое время Возрождения, да и гораздо после, везде на Западе отношение эллинистов к латинистам было весьма неблагоприятное, и еще долго латинское духовенство, само изучавшее латинских классиков, упорно сопротивлялось преподаванию и изучению не только языка еврейского, но и эллинского, называя всех эллинистов *схизматиками* и обвиняя их в сочувствии к схизме, к греко-восточному православию*. Так постепенно раздвигался круг западноевропейского знания, науки и критики. Это движение романо-германской мысли определяло развитие на Западе всех отраслей ведения без исключения, ибо это новое направление, возникшее в эпоху Возрождения, отразилось не только на философии, филологии, археологии и истории, но и на естествознании. Для нас, русских, и для большинства славян древнеславянский язык и письменность, византийская или греко-христианская образованность, греко-римское право составляют такое же главное образовательное орудие, какое некогда составляли для романо-германских народов латинский язык и римское право. Выше мы сравнили наш Петербургский период с XIV—XV вв. романо-германским. Это мы сделали не для проведения подробных аналогий между ними и не для составления каких-нибудь смелых выводов и предположений, а единственно для уяснения нашего замечания о разности исторических возрастов Европы и России. С этой же целью, а вовсе не в доказательство, что все явления западной жизни повторяются и у нас только через несколько веков спустя, напомним остроумное сравнение Хомяковым нашего не-

* Так было не только в Польше (*Wiszniewski* M. Historya literatury Polskiéy. Krakow,1844. T. VL. C. 76 и сл.), но и во Франции и в Германии. Рейхлин в 1478 г. жаловался: Supercilia tollentes veternosi Sophistae, mirum, ut ridiculi ajebant, litterarum genns a nobis tractari, alienum a Romana pietate; Graecos schismaticos esse; interdictas eorum disciplinas contra Ecclesiae decreta anobis magistris prodi. То же и Эразм. См. *Gieseler* — Lehrb. Bonn, 1835. II B. 4 Abth. § 154).

давнего, некритического отношения к Западу со слепым поклонением средневековой схоластики Аристотелю. В самом деле, наше когда-то сильное и ныне вымирающее западничество часто не лучше понимало и оценяло явления западной жизни, чем схоластика — Аристотеля, ибо оно редко изучало их в самом источнике, а более или менее пробавлялось сведениями из вторых или третьих рук. В России же и к самобытным явлениям русской народной жизни оно относилось с той же тупой непонятливостью и тем же высокомерным презрением, какое средневековые схоластики выказывали к опыту и живой действительности. Точно так же я бы позволил себе сравнить, не со стороны содержания, а в смысле образовательного влияния, споры наших восточников и западников, ведущие свое начало не с Шишкова, а с половины XVII в. (Крижанич, Котошихин и пр.), и даже, может быть, раньше (кирилловцы и иосифляне), со спорами номиналистов и реалистов, а труды наших русских филологов и археологов, начинающиеся не с Калайдовича и Востокова, и даже не с Ломоносова, а с М. Смотрицкого, Памвы, Берынды, Ю. Крижанича и Сильвестра Медведева, еще более представляют сходства с трудами средневековых глоссаторов, толкователей и объяснителей римского права*. Я хочу этими сравнениями яснее показать, что при всей своей относительной юности, славяно-русская образованность и наука далеко не лишены важного смысла, не пустой звук, а имеют свою занимательную историю и свои заслуги перед человечеством. По историческому нашему возрасту мы ровесники романо-германцев XIV—XV вв., а в сущности, по нашей исторической деятельности, мы современники их потомков в двенадцатом, четырнадцатом колене. По всему, что непосредственно, по творчеству народного духа, мы во многом ближе к средневековому, чем к современному нам Западу; но для нас уже никогда невозможны

* Превосходную оценку их значения в науке права и образованности см. в классическом творении Савиньи: Geschichte d. römischen Rechts im Mittelalter. Heidelberg, 1834. III, 537—574, в IV, V, VI Bde. 1850. О глоссаторах, хоть кратко, см. по Русский почтенный труд г. *Стоянова:* «Методы разработки положительного права и общественное значение юристов, от глоссаторов до конца XVIII ст.». Харьков, 1862. 8°.

западноевропейские феодальные порядки и вытекшие из них сословные и общественные, политические и социальные отношения, как невозможны инквизиция, Варфоломеевская ночь и террор со всеми их сопровождавшими и следовавшими за ними явлениями; точно так же у нас не мыслимы алхимия, астрология и старые теории грамотеев о происхождении и сравнении языков. Наш народ, говорящий языком, напоминающим своей грамматикой немецкий язык XIV—XV вв., — свободный землевладелец, пользуется самоуправлением в своих общинах и принимает участие, наравне с высшими сословиями, в хозяйственном управлении уездов и губерний, судится гласным, правым судом с выборными мировыми судьями и присяжными заседателями; мы изучаем небо на Пулковской обсерватории, точнейшим образом измеряем наши огромные пространства, соединяем их электрической проволокой и чугунками, своими анатомическими, физиологическими и химическими исследованиями и работами подвигаем современную науку, наносим на карты и подробно описываем покоряемые русским мечом отдаленные края Востока, исправляем и дополняем труды и мнения Гумбольдта и Риттера о северо-восточной, средней и малой Азии, сообщаем миру более точные и правильные, чем прежние, или совершенно новые сведения о Китае, буддизме и мусульманстве, изучаем языки и нравы многочисленных наших инородцев, наконец, исследованиями в области греко-славянского мира постепенно подготовляем совершенную переработку так называемой средней и новой истории, доныне почти исключительно состоявшей в одной истории романо-германского мира. Труды лучших наших славяно-русских филологов, археологов и исторических исследователей, которых с формальной и образовательной стороны я позволил себе сравнить с западными глоссаторами, по своему внутреннему содержанию в строгой соответственности современным научным требованиям, совершенно однородны с трудами новейших германистов школы Я. Гримма. Значение последних для немецкого народного самосознания совершенно тождественно со значением наших славистов для русского и общеславянского народного развития.

Изучение древнеславянского языка во всех его памятниках, со всеми особенностями его развития в разных землях славянских*, изучение славянских древностей, филологии и истории требует прежде всего глубочайшего внимания к памятникам языка и письменности византийской, имевшей и имеющей на славяно-русскую образованность такое же могущественное влияние, какое имели и отчасти имеют средневековая латынь и папский Рим на большинство народов романо-германских. Превосходные работы и исследования Карамзина, Калайдовича, Востокова, митрополита Евгения, Соловьева, Куника, Калачова, Горского и Невоструева, Прейса, Срезневского, Григоровича, Бодянского, Буслаева и пр. достаточно изобличают всю плодотворность этих занятий. С умножением в России трудов и тружеников по этой части все далее будет раздвигаться круг этих исследований. В него постепенно будут входить самые разнообразные, не тронутые еще наукой, вопросы языкознания, археологии, истории, политики и права. Самостоятельное, всестороннее изучение славянства вырабатывает в нашей литературе и науке строгие и новые научные требования, точные, самобытные критические приемы и в ученой молодежи питает любовь и охоту к критической последовательности, к открытию новых данных, так сказать, по необходимости, — ибо в этом деле с одними пособиями ничего не поделаешь, — учить ее всегда обращаться к источникам. Усиление такого направления в нашей ученой литературе обещает оказать самое благодетельное влияние на самостоятельное развитие и действительные успехи всех отраслей знания в России. Оно, прежде всего, полезно подействует на подъем и оживление у нас философских знаний. Если, с одной стороны, без известной философской подготовки невозможна правильная постановка вопросов о началах и особенностях мира греко-славянского и мира

* Об образовательном значении этого важного предмета см. речь В. И. Григоровича «О значении церковнославянского языка». (Статьи, касающиеся древнеславянского языка. Казань, 1852).

римско-немецкого, об особенных их отношениях к миру дохристианскому, греко-римскому, то с другой стороны, самостоятельная — критическая разработка важнейших вопросов по истории греко-славянского мира, его отношений к миру эллинскому и римскому*, к миру романо-германскому непременно будет содействовать прямо (изучением ересей, богословских школ и т. д.) и посредственно углублению и укреплению русской мысли, подъему философских знаний на желанную степень самобытного развития. Влияние же философии на все области человеческого ведения, между прочим, и естествознания, не подлежит сомнению. Но успехи славянской науки, развитие у нас славянского самосознания и взаимного нашего общенья с южными и западными соплеменниками, могут, должны иметь и прямое, непосредственное влияние на успехи русского естествознания.

В этом отношении я позволю себе сослаться на слова одного из великих естествоиспытателей нашего столетия. В самом деле, нам, русским и вообще славянам, нетрудно извлечь себе поучение из следующего места одной речи знаменитого датского физика Эрстедта, произнесенной им на съезде скандинавских естествоиспытателей в Копенгагене** Вот как этот гениальный ученый, обессмертивший свое имя открытием электромагнетизма, рассуждает о необходимости народности в естествознании и о том влиянии, которое должно иметь на его успехи развитие скандинавской взаимности.

«Поверхностному взгляду легко может казаться, что развал естествознания вовсе не состоит в тесной связи с развитием литературного языка; в науке множество ино-

* Не надлежит забывать, что древнеклассическая образованность и литература в течение столетий была пренебрегаема на Западе, тогда как в Византии греческие классики были с любовью научаемы не только в IV в., в веке Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, но и в позднейшее время, как до завоевания Константинополя латинами, которые своими пожарами и грабежами погубили много сокровищ греческой образованности, так и после, при Палеологах, до падения Царьграда.

** *Oersted H. Chr.:* Der Gelst in der Natur. II. Naturwissenschaft u. Geistesbildung. München, 1851. S. 153 и сл.

странных слов, которых нельзя заменить отечественными, без известных натяжек, без того, чтобы не произвести внешней путаницы. Правда, в науке много пропадет ее общей, европейской употребительности, если она станет слишком облекаться в язык каждого народа. С этим не соглашаться было бы ослеплением, но, с другой стороны, будет великое и вредное заблуждение, если мы забудем о народной стороне естествознания, о необходимости общедоступного изложения (volksthümliche Behandlung) и обработки языка в духе народном. Если в бесчисленных частностях естествознания бесспорно заключается масса познаний, которая навсегда останется недоступной для большинства даже людей образованных и которая выражается словами, понятными специалистам всего мира, то есть в науке важна также доля того, что должно перейти в общую собственность. Некоторые из этих предметов упоминаются почти ежедневно, но при поступательном движении науки является необходимость и новых открытий, и новых поисков в старой сокровищнице языка. Особенно все, имеющие в науке значение общее, требует выражений, наиболее согласных с духом языка, ибо у каждого языка своя философия, которая проникает слова народным духом, поскольку они образованы самостоятельно. Надо избегать переводов иностранных слов и пользоваться выражениями, переведенными только в таком случае, когда они образованы как бы самостоятельно, как будто перед нашими глазами и не было никакого чужого образца. Надо также избегать и образования таких слов, которые выражают слишком много и содержат в себе как бы целые обороты. Такие слова тяжелы, бесполезны и нисколько не помогают пониманию всех нужных признаков. Наконец, весьма важно избегать и слов неблагозвучных и затруднительных для произношения. Естествознание часто ставит нас в такое положение, что мы должны, подобно первому человеку, давать имена вещам, прежде нам совершенно незнакомым. Разумеется, при этом мы можем пользоваться той первоначальной свободой человека над тем произволом, который употребителен в

естественных науках (описательных) и в химии, но лучше еще пользоваться наличным богатством нашего языка.

Все наше право заключается в разумно-свободном употреблении таких выражений. Перед каждой попыткой создать в области науки новые выражения для новой мысли прежде всего следует вполне ей овладеть и представить себе дело так, как будто готовишься ее изложить перед собранием просвещенных соотечественников. Удачное и согласное с духом языка выражение дает уверенность в правильности выбора и верности сочетания нашей мысли с наличным запасом познаний нашего народа. Но такие слова и выражения не создаются с той же скоростью, как названия систематические, составляемые по известным правилам; нет, здесь всякое новое удачное выражение есть счастливое открытие или приятная находка. Такие выражения создаются в течение долгого времени совокупными усилиями многих. Сотрудники этого дела да не пугаются, если иное слово со временем будет брошено. Пусть они помнят, что выражения не столь счастливые исчезнут со временен, без всякого вреда, но они также могут ожидать от благородства своих сограждан, что добро приобретенное не будет забыто за менее удачными стремлениями... Когда великий астроном Кеплер к 1616 г. напечатал по-немецки отрывок из Архимеда, то он почел нужным приложить латинский перевод употребленных им немецких выражений, в облегчение всем тем, кто привык к латинским названиям. В числе этих выражений встречаются слова: *Kreis,* circularis linea (круг), *Umkreis,* circumferentia (окружность), *Bogen,* arcus (дуга), *Winkel,* angulus (уголь) и многие еще более известные, которые тогда появились не в первый раз, только выступили с той определенностью, какая потребна для слов научных*. С тех пор они вошли в большое

* То же было и у нас. В предисловии к переводу физики Вольфа Ломоносов намекает на слова, им придуманные или впервые употребленные. Между тем, читая его перевод, вы не встречаете ни одного слова или выражения, которое бы вам показалось странным, неловким и неупотребительным. Вообще, ни один наш писатель не внес в наш язык такую массу новых слов и выражений, и преимущественно из народного языка, как Ломоносов.

употребление, так как их стали применять при множестве случаев, где до того времени имели доступ только слова латинские. Живо чувствуется, как употребление немецких выражений облегчило понимание математических истин тем тысячам, для которых латинские ученые названия всегда оставались чем-то чуждым. Если бы дело шло только о немногих названиях, например, математических, то оно далеко не имело бы той важности. Но тут вопрос о всеобщем распространении знаний. Мне известно, что того разряда ученые, которые ни за что в мире не соглашаются на положение удобопонятное, такому переводу научных терминов на родной язык слишком мало придают значения; но для тех ученых, которые сами пытались на такое изложение, важность такого дела очевидна. Впрочем, дело не в одних терминах. Это стремление к народным названиям в науке есть только часть широкого стремления к народному способу выражения и к изложению в духе народном. Наше преимущество состоит в том, что один народ может пользоваться богатствами языка своих братьев. Природа норвежская являет множество предметов, не имеющихся в Дании. Но охотно ли мы станем заимствовать из этого языка особые выражения и слова, и уже сколько заимствовали. Точно так же датский язык может заимствовать и из шведского, прибегая только к известным изменениям, коих требуют особенности выговора. Но такие заимствования не ограничиваются одними предметами природы. У всех трех братственных народов творческий дух самостоятельный и непрерывно создает новые мысли, новые чувства, для которых в языках являются новые выражения, но они не будут разделять нас, потому что над языками трех братьев-народов царит один северный дух. Чем лучше мы понимаем друг друга, тем более сближаемся между собой. Но это сближение не должно мешать сохранению нашей самостоятельности. Надо только руководиться духом братства и любви… Каждый из скандинавских народов, естественно, будет развивать свою собственную литературу и свой собственный характер; но их плодотворное взаимодействие от-

личит эти словесности значительными особенностями ото всех других, так что мы, как скандинавы, единодушно выступим перед другими народами. Если наши словесности со своими богатыми сокровищами слишком мало известны за границей, то это только потому, что они словесности, а не словесность. Если язык наш мало известен в других странах, то это потому, что иностранцы думают, что на севере много языков. Все недоразумение в том, что дело представляется не так, как оно есть, именно, что мы имеем один общий язык в двух богатых словесностью наречиях. Дурно понятая национальная гордость разлучила нас и дала иностранцам повод мало ценить наши произведения. Дайте нам соединиться, дайте шести миллионам скандинавов положить свою силу на весы, и конечно, они не покажутся легкими».

Пробуждение в русском обществе славянского самосознания оживит и разовьет, в размерах, едва предугадываемых, общение России с землями славянскими, установит самые разнообразные, тесные сношения и связи русского народа со всеми славянскими племенами. Вместе с этим распространится и утвердится у нас потребность глубокого, всестороннего изучения всех славянских земель, самого подробного их описания, возрастет и число русских путешественников по славянским землям с целями самыми разнообразными, сознается, наконец, и необходимость целых ученых экспедиций в славянские земли, входящие в состав двух дряхлых империй. В самой Австрии некоторые края славянские мало описаны и дурно изучены в отношениях археологическом и этнографическом. Что же касается европейской Турции, то вся она до такой степени мало исследована географически, что до недавнего времени, до появления классического сочинения Ами-Буэ в 1840 г., на всех картах и во всех географиях Турции постоянно обозначалась одна центральная з. в. горная цепь между Адриатикой и Черным морем, на самом деле вовсе не существующая; что в лучших полных сочинениях о европейской Турции А. Буэ находятся большие пробелы, довольно важные ошибки и неточности, отчасти указанные

или исправленные новейшими путешественниками Гризебахом, Мюллером, В. И. Григоровичем, Спенсером, Ганом, Гекаром, Бартом*; что на лучшей и исправнейшей карте европейской Турции Киперта есть большие пробелы и невер-

* *Boué* Ami — La Turquie d'Europe. Paris, 1840. 4 vol. 8°. *Его же:* Recueil d'itinéraires dans la Tarquie d'Europe. Vienne, 1854. 2 vol. 8°: *Grisebach* — Reise durch Rumelien und nach Brussa. Göttingen, 1841. 8°; *Müller* Jus. Dr. — Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrinische Gränze, Mit einer Vorrede von Dr. P. J. Schafarik. Prag, 1844; *В. И. Григоровича* — Очерк ученого путешествия по европейской Турции. (*Учен. Зап. Каз. Унив.* 1848, кн. III); *Spenser* Edm. — Travels in European Turkey in 1850. London, 1851. 2 vo1. 8°; *Hahn* Joh. G. — Albanesische Studien. Jena, 1854. 4°; *Его же:* Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1861. 4°; *Hecquard* Hyac. — Histoire et Description de la Haute Albanie ou Guégarie. Paris, 1860. 8°; *Barth* Heinr. — Reise durch das Innere d. Europ. Türkei im Herbst l862. Berlin, 1864. 8°. Сверх этих важнейших для географии европейской Турции сочинений из прежних важны, особенно в археологическом отношении, сочинения *Пуквиля* (Voyage dans la Grèce. Paris, 1820. 5 vol. 8°); *Лика (Leake)* — Researches in Greece. London, 1814. — Travels in the Morea. London, 1830. 3 vol.; — Travels in Northern Greece. London, 1835. 4 vol. *Consinery* — Voyage dans la Macédoine. Paris, 1831. 2 vol.; в военном и политическом отношении — *Марсильи* (перев. по-русски: «Военное соглашение Оттоманской Империи с ее приращением и упадком», Спб., 1737, в листе) и *Божура* (Beaujour, Fé1.) — Voyage militaire dans l'Empire Ottoman. Paris, 1829, 2 vol. 8°; *Липранди* — Обозрение пространства, служившим театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 г. Спб., 1854, 8° XI и 95 с. Главные туркофильские сочинения: *Уркварта* (Urquhart Dav. — Turkey and its Resources. London, 1833. 8° и The spirit of the East. London, 1839. 2 vol. (очень важно); *Фальмерайера* — Fragmente aus dem Orient. Stuttgart u. Tübingen. 1845. 2 B-de. 16°. *Убичини* — Lettres sur la Turquie. Paris, 1853. 2 vol. (2 изд.); *Collas* — La Turquie en 1864. Paris, 1864. 8°. См. также: *Tchihatchef* P. — Italie et Turquie. Paris, 1859 и Lettres sur la Turquie. 1859 (отличаются большим знанием дела и русской точкой зрения). В историко-политическом отношении лучшие монографии об отдельных частях Турции: *Neugebaue* — Beschreibung d. Moldau u. Walachei. Breslau, 1854. 2 B. 8° (2 изд.); *Ковалевского* и *Попова* (о Черногории); *Гильфердинга* — о Боснии и Герцеговине (*Зап. Географ. общ.* Спб. 1859.); об *Эпире* — <…> и о *Сербии* — *Denton* — Serbien u. die Serben, frei bearbeitet von Gölln, Berlin, 1865. 16°, переведенное также с английского подлинника в «*Русском Вестнике»,* 1863 г.

Недурное, хотя и крайне пристрастное и враждебное нам сочинение, полезное, как верное пособие для ознакомления с дипломатической частью восточного вопроса: *Wurm* — Diplomatische Geschichte d. Orientalischen Frage. Leipzig, 1858, 8°. В специальном, физиологическом и патологическом отношении очень полезен для этнографии замечательный труд *Риглера* (Лор.) —Die Türkey u. deren Bewohner in ihren naturhist., physiolog. u. patholog. Verhältnissen. Wien. 1852. 2 B-de. 8°.

ности, что целые более или менее обширные и во всех отношениях любопытные турецко-славянские края остаются почти совершенно неизвестными, например, так называемая Верхняя Мизия (часть Румынии на юг от княжества Сербского, на север от Македонских гор, с запада ограниченная горой Шар, с востока Доспатскими горами или Родопом, самая центральная часть европейской Турции), сев. Македония, Албания, различные горные местности Доспатских и Балканских гор; что естественные богатства благословенных природой и запущенные и разоряемые дикостью и невежеством азиатского правительства турецко-славянских и албанских земель очень мало описаны, не приведены в должную известность, еще менее разработаны. Все это мир, еще не завоеванный землеведению. Кому же, как не русским путешественникам, землеведам и натуралистам всего пристойнее описать и исследовать эти прекрасные земли, своим климатом, плодородием и красотами природы не уступающие лучшим краям Италии и Испании? Любовь, радушие и почет, с которым встречают русского человека славяне турецкие, единство веры, сходство языков и обычаев доставляют русским путешественникам такие важные удобства и выгодные условия для успешного исследования, которыми caeteris paribus никогда не может располагать никакой западный европеец. И не естественно ли, особенно после классических работ Чихачева, лучшего в Европе знатока Малой Азии, ожидать от русских ученых лучших географических исследований о европейской Турции?

Такова, в главных чертах, тесная внутренняя связь изучения славянства с успехами русской образованности, русского искусства и науки. Легко понять, что столь же благотворное внимание должно оно оказывать и на успехи русской гражданственности. Историческое изучение права несомненно влияет на развитие действующего законодательства и юридической практики, а история русского права, еще слабо разработанная, должна много выиграть от сравнительно-исторического изучения права и законодательства у наших

соплеменников. То же самое надо сказать и относительно историко-сравнительного изучения социального и экономического быта, внутренней и внешней политики России и прежних славянских государств. Так, например, исследования вопросов о международных отношениях Чехии и Польши к Германии, о правах, привилегиях и судьбе немецких колонистов, о развитии дворянства и об его отношениях к народу и к верховной власти, о следах и остатках общинного быта в этих землях славянских, о причинах их падения — все такие исследования могут иметь для нас, русских, и высокую научную занимательность, и великую практическую пользу. Основательное историко-сравнительное изучение русского и славянского нрава и тесно с ним связанного и мало еще разработанного византийского или греко-римского права даст возможность русским правоведам, с одной стороны, обогатить науку права множеством новых данных и исследований, а с другой — выработать для русской жизни твердые, прочные основы вполне самобытного, истинно национального развития русского гражданского общества и государства. Их свободный, правильный рост немало замедляется от господствующего еще у большинства наших теоретиков и практиков жалкого воззрения на Россию, как на tabula rasa, от легкомысленного их понимания и неизвинительного пренебрежения к прошедшему русского народа. Колебания, непоследовательность, невыдержанность наших действий часто у нас объясняются слабостью воли, бесхарактерностью отдельных лиц, но, собственно, происходят от намерения у нас научно выработанных, на знании истории народа и его современного быта и воззрений основанных, самобытных, русских политических, экономических и социальных систем и теорий. Одно ясное уразумение и твердое признание необходимости историко-сравнительного изучения русского и славянского права уже и тем воздействует благодетельно, что уничтожит в нашем обществе слишком дешевую, но не невинную привычку и страсть без толку и критики принимать все новейшие теории юридические, экономические, социальные, лишь бы они

были новейшие и иностранные, и с неразумной ревностью испытывать и применять их в России. Вообще, изучение славянского мира и пробуждение в русском обществе славянского самосознания укрепит и соберет разметавшуюся русскую мысль и дряблую волю, сосредоточит наше рассеянное общественное сознание, приучит нас для излечения наших язв и недостатков обращаться не за море, ожидать спасения не из чужа, искать и находить его не вне нас, а в себе самих, в своем собственном усовершенствовании, во всестороннем развитии наших внутренних сил, в подъеме народного духа, в свободе и оживлении народного труда. Вникнув в настоящее положение русской гражданственности, мы заметим, что все ее светлые явления, составляющие славу внешнего царствования, освобождение крестьян с землею, земские учреждения, гласное судопроизводство с выборными мировыми судьями и присяжными заседателями, некоторая свобода печати — еще слишком свежи и недавни, тогда как, напротив, наши темные явления так крепки и прочны, так застарелы и так глубоко пустили корни, что требуется еще много самоотвержения, настойчивости и упрямства, чтобы доставить решительную победу светлых над темными явлениями русской гражданственности. В самом деле, основная причина всех этих темных явлений лежит в нас самих, в неотчетливости наших мыслей и дел, в невыдержанности замыслов, в непоследовательности исполнения, в слабом уважении человеческого достоинства в себе и других, в грубости нравов, в преданности чувственным удовольствиям и в жалком развитии высших идеальных потребностей, в неприученности к суровому, добросовестному труду, в каком-то внешнем и внутреннем неряшестве. Эти важные недостатки, свойственные более или менее всем классам русского населения. Если уничтожению их в народе могут лишь содействовать умножение первоначальных училищ, распространение в народе массы дешевых и полезных книг, возвышение его материального положения, улучшение путей сообщения, удешевление предметов первой необходимости — соли, железа и пр., то в так называемой ин-

теллигенции или в образованном русском обществе эти недостатки могут быть уничтожены только самовоспитанием. Но оно невозможно без уяснения себе того нравственного закона, тех высших идеалов, во имя которых мы должны начать и вести наше самовоспитание. В русском общественном сознании носятся самые разнообразные и часто совершенно противоречивые учения или отрывки понадерганных нами учений, без разбора перенесенные с Запада на русскую почву. Выросшие там, под особенными историческими и местными условиями, все эти различные теории очень часто находятся в решительном несогласии с основными воззрениями русского народа, с нашим просветительным началом, так что для нас является крайняя необходимость философской и исторической критики просветительных начал греко-славянского и романо-германского мира, строго научного разбора и определения их особенностей и их взаимных отношений.

Развитие в русском обществе славянского самосознания, вступление русской образованности и гражданственности на путь самобытный, чисто славянский, окончательно завоюет России полнейшее сочувствие всех южных и западных ее соплеменников, выносящих теперь тяжелую, неравную борьбу с азиатами (мадьярами и турками) и немцами. Первым и самым видным результатом такого великого и чистонравственного завоевания должно быть распространение русского языка во всех землях славянских. Видя в России, не по имени только, а на деле, державу истинно славянскую, находя в русской поэзии, в русском искусстве, в русской науке родные славянские идеалы, защиту и представительство своих национальных интересов, выражение своих всемирно-исторических задач и идей, все славянская племена почувствуют потребность, сознают обязанность изучать русский язык, знакомиться с русской литературой. И тогда, быть может, осуществится, наконец, мысль, предчувствованная еще Крижаничем и лет 30—20 тому назад положительно высказанная лучшими славянскими умами, — мысль о необходимости всем славянам иметь общий письменный и дипломa-

тически язык и об избрании на это русского языка. Сколько мне известно, мысль эту впервые ясно и определенно выразил один из благороднейших деятелей того несчастного, симпатического и даровитого племени, которое в короткое время подарило славянству столько славных подвижников. Вот что писал земляк Колара, Шафарика, Штура словак *Кузмани,* недавно (в августе 1866 г.) скончавшийся суперинтендантом евангелической словенской церкви в Угорщине: «Из всех погромов, когда-либо постигавших славянское племя, или от неправедной судьбы, или от злых соседей я считаю самым несчастным и гибельным для нас наше раздробление по отношению к письменному языку. Распадение народа на различные исповедания, принадлежность его различным государствам, жительство его в различных землях, существование в нем различных партий не есть особенное благо само по себе, но во многих отношениях бывает весьма полезно, может часто охранять народ от конечной гибели и совершенного уничтожения, иногда даже помогает всестороннему развитию его жизни и его возвеличению. Различие же письменных языков в одном народе непосредственно производит конечное падение литературы и посредственно всего просвещения и образованности, следовательно, силы и славы народа. Подумайте, что бы теперь было (писано в 1837 г.) с немецким народом, еще более нашего разделенным на различные государства, исповедания и наречия, если бы его не соединил один письменный язык, а был бы он разорван на австрийское, саксонское, прусское, швабское, плоско-немецкое, тирольское, швейцарское наречия? Письменный язык есть как бы жила, соединяющая все члены народного тела, хотя бы и разделенного на разные части многими правительствами, исповеданиями и наречиями. Как жила соединяет части известного члена, так один письменный язык соединяет все наречия, поднаречия и говоры одного народа в один язык, в одну речь, все племена в один народ, ибо не правительства и государства, не исповедания определяют народ, а его язык, речь. Один народ может быть под многими и различными

правительствами, и одно правительство может быть над различными народам... Нет сомнения, что во время принятия христианства славяне всех племен и наречий могли бы, если бы судьбой не было решено иначе, общей всеславянской жизнью обрадовать себе один письменный язык*». (См. Шафарика: Gesch. d. slawischen Sprache u. Literatur nach allen Mundarten. Ofen. 1826. § 6. С. 59 и сл.).

Несколько позже Кузмани, бывший до конца своей честной, подвижнической жизни одним из преданнейших России славянских деятелей, пришел уже к той мысли, что духовное, литературное объединение славян возможно в будущем, и написал ровно через год по смерти Пушкина следующие достопамятные строки: «Пора нам, славянам, решительно позаботиться об изучении всех главных наших наречий; но еще лучше было бы, если б мы все, по примеру древних греков, стали предпочтительно изучать одно какое-нибудь наречие. При нашем положении это, конечно, представляет великие неудобства. Знаю, что если мы изучаем русское наречие, читаем русские книги и других к тому уговариваем, то это обозначает в глазах известной партии как бы стремление южных и западных славян к политическому соединению с Россией. Но, не обращая внимания на такие толки, надо строго обдумать, какое из наших наречий к этому наиболее сподручно, имеет за собой наиболее вероятности, прав и возможности быть приняту всеми племенами за объединяющее нас всех орудие. Я же того мнения, что мы должны принять русский язык. Русское племя — самое сильное, литература его — самая богатая и язык его самый наиславянский. Нам, словакам, он гораздо ближе, чем мы вообще думаем. И даже самая азбука, хотя нам не милая, наиболее удобна для нашей речи. Будущее, особенно ныне открывающееся России, подымет русскую литературу и широко распространит русский язык, ибо что есть в ней прекрасного и отборного, то не встретит себе заставы ни на Пруте, ни на Немане. Только введением одного наречия всеславянская взаимность добу-

* Hronkà, Podtatranska Zábavnice. W B. Bystrici. 1837. D. I. C. 9 и сл.

дет себе живую искру для литературы, высших наук и для духовного объединения*».

С тех пор эта мысль неоднократно была высказываема более или менее решительно различными славянскими писателями, например, моравянином *Клацелем,* чехом *Иорданом,* хорватом *Ткалцем,* чехом *Праусом,* сербом *Е. Иованновичем,* словаками *Гурбаном* и *Л. Штуром,* лужичанином *Смоляром,* чехом *Коларжем* и пр.

Вообще говоря, в последнее тридцатилетие знакомство с русским языком и русской литературой довольно сильно распространилось в славянских землях Турции и Австрии, несмотря даже на то, что с нашей стороны ничего не делалось для распространения в них русских книг, для поддержки частного и публичного преподавания русского языка, для заведения с ними правильной книжной торговли, для открытия русских книжных лавок в Праге, Пещи и Вене. Объединятся ли когда литературно все славяне, подобно древним грекам и латинам, племенам итальянским и немецким, — решит будущее. Мы знаем только, что объединить их и сделаться общеславянскими языком может только язык русский; знаем также, что в настоящее время мысль эта наиболее имеет приверженцев у племен самых беспомощных политически и бедных словесностью, у сербов-лужичан, словаков, болгар и словинцев, а наименее у поляков, хорватов, чехов и сербов, у которых церковная рознь, с одной стороны, а с другой — высшее развитие народных литератур, чувство племенной гордости и автономии, некоторая политическая самостоятельность мешают еще осуществлению этой мысли. Зато, впрочем, знание русского языка от большинства поляков требуется гражданским их долгом и для всех их нравственно необходимо, ибо история так нас с ними связала, что теперь ни один поляк не может знать, как следует, своей истории, без отличного знания нашего языка, а у болгар, сербов, чехов и даже хорватов оно заметно распространяется вследствие постепенного в них развития внутреннего убеждения в необходимости его

* Ib. D, III. C. 242—243.

изучения для собственной же их пользы. Во всяком случае, принятию русского языка за общеславянский, письменный и дипломатический язык должно предшествовать укрепление в славянах уважения и сочувствия к России, развитие в них желания и потребности узнать Россию и русскую литературу, а этому преимущественно может способствовать энергическое проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще в качестве единственной державы славянской, имеющей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников.

Господство в современной политике идеи национальности, совершившееся объединение Италии и быстро подготовляемое усилением Пруссии единство Германии вносят вопрос об отношениях России к южным и западным славянам в круг самых кровных интересов и высших задач русской внешней политики. России, и без того много в последнее время потерявшей в силу Парижского трактата, затворившего нам Черное море, и вследствие возникающего сильного немецкого флота на Немецком и Балтийском морях, может быть нанесен страшный и неисправимый удар в случае, если северная Германия, соединившись с южной, успеет, наконец, поглотить и онемечить славян австрийских. Наше бездействие, наша слабая уступчивость немцам, их сила и значение в России — все эти печальные явления русской гражданственности проистекают из ничтожного в нас развития народного, славянского самосознания и весьма много помогают Германии в ее завоевательном напоре на славянский восток. От этого напора (Zug, Drang nach Osten), от этого стремления селиться в славянских землях и немечить их природных обитателей немцы никогда добровольно не откажутся без решительной борьбы и полного поражения. Плотно населенная Германия не в состоянии пропитывать всех своих сынов и принуждена высылать избыток своего населения в страны, менее населенные и более благоприятные для частной предприимчивости. Доныне наибольший поток немецкой колонизации был преимущественно на-

правлен в Америку и Австралию. Но там немецкий элемент, легко поглощаемый англосаксонским, не приносит материродине тех выгод, которые бы он ей непременно доставлял, если бы утверждался не в Новом Свете, а в плотно примыкающих к Германии землях славянских, если бы немецкая колонизация направлялась не через океан, а через Пруссию в Россию, особенно в Польшу и западные губернии*, и через так называемые немецко-славянские земли Австрии, по ту сторону Дейты, в Угорщину, Хорватию, Славонию и через Дунай в Турцию. Все эти земли, по словам немцев (например, Рошера и мн. др.), волею Божьей предопределены в наследие Германии. Таким образом, прибавляют они, можно будет создать новую Германию, которая превзойдет старую пространством, и богатством, и могуществом и которая воздвигнет непреодолимый оплот против России. Стародавность стремления немцев в славянские земли, более или менее успешные начатки немецких в них поселений, постоянное покровительство австрийского правительства немецким переселенцам в Австрии, почет и господство в ней немецкой стихии, онемеченность и мадьяронство славянского крупного дворянства, сильная помощь, которую себе находят австрийские немцы у мадьяр и итальянцев (в Далмации и Истрии) в деле угнетения и притеснения славянских народностей, их раздробленность на мелкие племена и неимение ими общего литературного и ди-

* По мнению многих немецких патриотов, не только Польша, но и западные наши губернии должны стать частью Германии. См. Die Politik der Zukunft vom Preussischen Standpunkte. 1859. 8°. — Франц (К.), известный защитник немецких малых государств и Бунда, полагает полезным и необходимым не только для Германии, но и для России, образование из нашей Польши, Литвы и так называемых Остзейских губерний — трех немецких государств, с государями из немецких принцев, с немецким языком в школах, судах и администрации и с принадлежностью их к Германскому Союзу (Die Wiederherstellung Deutschlands. Berlin, 1865. S. 425—436). Политические же противники Франца считают удобнее и естественнее все эти земли просто присоединить к великой Пруссии. Русские государственные люди при Елизавете Петровне высказывали свои опасения утратить Ливонию в случае чрезмерного усиления Пруссии. См. в *Чтениях Московского Общ. Ист. и Древн.* (1863 г. Кн. I. Смесь. С. 154—164) сообщенный мною документ, хранящийся в государственном архиве.

пломатического языка или — что то же — значение у них немецкого языка, как языка панславистического (panslawistische Sprache), — все эти обстоятельства удивительно облегчают замышляемое Германией поглощение и онемечение славян. В высшей степени желанное для Германии, оно столь же не желательно для нас, русских, ибо противно всем существенным интересам России. Чем чище и крепче сохраняют славяне свою народность, чем они враждебнее относятся к германизации, мадьяризации и итальянизации, тем они расположеннее и преданнее России, тем более ей приносят сознательных и бессознательных услуг, тем сильнейший могут представить отпор, одинаково и им и нам враждебной, Германии. Напротив же того, славяне, совершенно осиленные германизмом и онемеченные, станут под конец такими же непримиримыми врагами русского народа, как, например, пруссаки, у большинства которых в жилах течет славянская кровь. С онемечением славян австрийских будет уже невозможно распространение в их землях русского языка, тогда как, если они устоят в борьбе своей с германизмом, то с развитием у нас славянского самосознания русский язык, по всей вероятности, сделается, наконец, общеславянским, литературным и дипломатическим органом. Распространение же русского языка вне пределов России есть распространение русской мысли, русского влияния. Завоевав своему языку значение общеславянского, Россия приобретет своей образованности и науке великий запас свежих, крепких сил, теряющихся теперь по мелочам или для славянства пропадающих в немецкой образованности, и в то же время доставит южным и западным славянам единственно верное средство обеспечить их народную самостоятельность от напора и посягательства немцев, мадьяр, румын, греков и итальянцев и откроет им путь к невозможному иначе объединению, которое само собой должно быть основано на единственно прочных началах христианского братства и свободы и столь же исторически необходимо славянству для развития его самобытной образованности, сколько оно было нужно итальянским и немецким племенам, отличающимся не менее, а гораздо более

славян, историческим и местным разнообразием народных особенностей, наречий, поднаречий и говоров*.

Вот, милостивые государи, в чем состоит, по моему крайнему разумению, отношение изучения славянства к русскому народному самосознанию или, что то же, к успехам русской образованности, гражданственности и внешней политики. Чем сочувственнее вы относитесь к этим успехам, тем будет восприимчивее и живее ваше внимание и участие к развитию славянской науки в нашем отечестве.

24 декабря 1866 года.

---

* С этим согласны и беспристрастные немцы, знакомые с наречиями славянскими. Так, известный лингвист *Шлейхер* замечает: «Все славянские языки, за исключением, быть может, нового, сильно искаженного болгарского, стоят гораздо ближе друг к другу, чем языки германской семьи: английский, северный, немецкий. Правда, что полного уразумения нет даже между самыми близким племенами и наречиями, например, чешским и польским, что уже зависит от понимания их отличий; но также фактически справедливо, что с одним славянским языком по нужде можно обойтись в целом мире славянском. Даже такие немецкие наречия, которые пользуются общим немецким письменным языком, как, например, плосконемецкое в Голштинии, швейцарско-немецкое, во многих отношениях далее отстоят друг от друга, чем наречия чешское, польское, сербо-лужицкое и т. д. Поэтому очень легко себе представить употребление одного наречия, как общего дипломатического и письменного языка для всех славян, если бы даже и считать почти вовсе невозможным его практическое введение. «Desswegen wäre der Gebrauch eines Dialects als der alleinigen Schrift und höheren Umgangssprache aller Slawen an sich wohl denkbar, wenn man auch die practische Einführung desselben für so gut als unmöglich halten mag» (Schleicher — Linguistische Untersuchungen. Bonn, 1850. II. Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. S. 106—107). См. мои статьи: «Сербия и югославские провинции Австрии». Спб., 1865, и замечания к ней г. Пыпина в «*Современнике*» и в «Истории славянских литератур», «Памяти Ломоносова» в «*Дне*» (1864 г.) и отдельно — Спб., 1866. «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении» (в «*Отечественных Записках*» 1864 г. и отдельно: Спб., 1865). На рецензию «*Русского Слова*», на замечания ее автора против моего мнения о русском языке нет возможности и надобности отвечать. Что же касается возражений г. Пыпина, то он найдет, если захочет, ответ на них, как в настоящем, так и в моем вступительном чтении (в «*Дне*» 1865 г.) и в «*Золотой Грамоте*» (Вена, 1866 г.), и в статьях: «Национальности итал. и слав.» и «Памяти Ломоносова».

ЗАДАЧИ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

О распространении знаний в России

«Не может град укрытием верху горы стоя, ниже вжигают светильника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине». (Еванг. от Матф. Гл. V. Ст. 14—16).

«Ныне время златое знатным наукам век восставит и от презрения избавит возлюбленный Российский род!» (Ломоносов).

«Откиньте лщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте Божьего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого». (Ломоносов).

§ 1. Тесная связь общественной жизни с лично-нравственной не подвержена сомнению. Свои мечты, желания человек старается исполнить, свои мысли осуществить на деле; понятия каждого об истине, о благе и о прекрасном невольно выражаются в его сношениях с окружающей его средой, в отношениях общественных. С другой стороны, каждый человек — сын своего времени, и характер его образа мыслей и деятельности строго определяется характером общества, в котором он живет. Таким образом, явления общественного быта находятся в строгом взаимодействии с явлениями жизни лично-нравственной. Обращаясь к нашему обществу*, откры-

* Простого народа, как живущего жизнь отдельной и самостоятельной, мы нигде здесь не разумеем.

ваем в нем грустные явления — взяточничество, частые случаи нарушения самых священных прав и обязанностей и пр., признаки и неразлучные спутники слабого развития законности. Таковы дурные характеристические черты нашего общества в быте общественном. В быте нравственном параллельно им идут не менее печальные явления — легкость воззрений, отсутствие твердых нравственных и умственных начал, стойких убеждений. Вглядываясь ближе, усматриваем тесную связь между этими двоякого рода явлениями: они взаимно объясняются. В самом деле, воззрение, как бы само по себе оно ни было благотворно, без труда и без борьбы принятое, не проникает до глубины души и, оставаясь на поверхности, при первом удобном случае легко уступает место иному, нередко совершенно противоположному воззрению. При таком порядке не может быть терпимости в делах, совести и убеждениях, нет места благородному беспристрастию и не в обычае уважать противников. При нетерпимости умственной в то же время какая-то возмутительная терпимость нравственная или вошедшее в обычай равнодушие к нравственному достоинству человека, эта терпимость нравственная, одна из крупных свойств нашего общества, поражает и поражала многих; так, князь П. А. Вяземский прекрасно охарактеризовал ее следующими словами: «Наше общественное мнение недовольно щекотливо, мнительно и изыскательно. Оно таково не от расслабления нравов, но именно от излишней осторожности, от боязни огласки. Мы терпим в обществе своем бесчестного человека, принимаем его наравне с другим, достойным, не потому, что совесть общества нашего усыплена или зачерствела, но потому, что не хотим ни с кем ссориться, говоря: «Наше дело сторона...» «Наше дело сторона», — говорим мы, и жмем руку подлецу, и принимаем к себе негодяя». (Фонвизин. 1848. С. 182). Казалось бы, такая терпимость находится в явном противоречии с вышеуказанной нетерпимостью. Но так только может казаться, на деле же эти два противоположные, по-видимому, явления находятся в тесной между собой связи, взаимно поддерживают друг друга. Глубокий знаток человеческой природы, Гоголь прекрасно

отметил это. Творец «Тараса Бульбы» так говорит о приеме новых лиц в Сечу: «Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй; что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший. «И в Троицу Святую веруешь?» — «Верую!» — «И в церковь ходишь?» — «Хожу». — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну хорошо!» — отвечал кошевой: «Ступай же, в который сам знаешь курень». Этим оканчивалась вся церемония». Эти же самые казаки, столь терпимые к своим, столь нетребовательные к пришлецу, лишь бы крестился одним крестом и ходил бы в церковь, а не в костел, эти же самые казаки горели иногда самым ужасным фанатизмом, и горе было ляху и католику! Тут не входили в разбирательство, каков противник, тут уже не было беспристрастия, здесь уже не уважался противник.

Мы не кидаем тени на эту геройскую, хоть и грубую, эпоху, мы и не думаем делать никаких неуместных принаровлений; мы хотим только нагляднее показать возможность совмещения этих, по-видимому, противоположных качеств нетерпимости умственной и терпимости нравственной. Такое совмещение не только возможно, но и неминуемо. «Только стойте под одним с нами знаменем, мы вас всегда защитим, мы покроем грехи ваши, только соглашайтесь с нами во мнениях, только не возмущайте умственного покоя нашего». Так думает, если не говорит, человек, защищающий заведомо неправое дело, или и правое само по себе, но если он не убежден непоколебимо в его правде, как бывает у человека с воззрениями, заимствованными напрокат, с мнениями, принятыми или на веру в чужой авторитет, или по увлечению модой. Иначе и быть не может — отсутствие твердого убеждения в истине дела защищаемого неизбежно заставляет прибегать к набору всякого рода лиц под свое знамя. С одной стороны, страх и опасение за свое дело (твердое и искреннее убеждение чуждо страха); с другой — желание победить беспрерывно ощущаемые сомнения (твердое и искреннее убеждение не сомневается), естественно, нудят такого человека искать себе как можно более единомышленников, несмотря на их личное достоинство. Боязнь

лишиться их все более очищает место нравственной терпимости, уже раз допущенной. Бессилие защитить дело средствами дозволенными и законными — словом, убеждением (бессилие, потому что одно твердое убеждение способно убедить) порождает в душе злобу к противникам, развивает нетерпимость умственную и в борьбе прибегает к оружию недозволенному, к грубой силе и к другим мерам незаконным. Таким образом, тесная связь общественной жизни с лично-нравственной еще раз подтверждается: отсюда незаконность, грубая сила и пр., с отсутствием твердых, умственных и нравственных начал, стойких убеждений.

§ 2. Главнейшая причина таких явлений — недостаток умственного образования. Он ощутителен у нас и в государственном человеке, и в купце, фабриканте и в помещике, в литераторах и художниках; не отсюда ли отсталость мер, нередко при всей добросовестности решительное неумение взяться за дело как следует, всякое почти отсутствие полезных изобретений, тощая мысль при силе дарования и при совершенстве в технике? С одной стороны, притупление ума и чувств, исключительная преданность житейским выгодам, верх стремлений — нажить, во что бы то ни стало, деньгу, и слабое развитие самосознания — отличительные признаки огромного большинства, неизбежные спутники слабого развития образования — открывают полный простор грубой силе и ее спутницам, незаконности и т. д. С другой стороны, едва ли не в самом характере нашем коренящаяся лень и нелюбовь к суровому, трезвому труду вместо того, чтобы найти себе излечение, при таком порядке находит себе только поблажки. Причем даже лучшие свойства характера нашего, сметливость и легкая восприимчивость, не умеряемые строгим, выдержанным трудом, к чему приучить нас может только одна наука, — служат нам нередко во вред, больше чем в пользу. Хватая на лету и украдкой одни отрывочные мысли, правда, мы легко все принимаем, но зато не умеем ни остановиться на чем-нибудь одном, ни осилить чужой мысли и подняться над ней, что необходимо для того, чтобы развить и повести мысль далее. Оттого в нас

так мало внутренней самодеятельности. Оттого самые странные по своей противоположности мысли спокойно укладываются в головах наших, нисколько не удивляясь своей встрече. С недоверием остановившись перед этим противозаконным явлением, внимательный наблюдатель скоро замечает, что закон действительно верен, а ошибается он сам, принимая толки не за слова, слова и слова, а действительно за выражение потребностей. Непривычка мыслить своим умом-разумом велика; с одной стороны, доверчивость ума, с другой — какое-то слабодушие. Много ли у нас сильных умов, великих подвижников мысли? Да и не может быть их много, когда, держась среды в деле мысли, бежим упорного, выдержанного труда, в жизни практической пугаемся малейшего препятствия. Одним словом, вечное колебание воли и неустановившаяся мысль, — ведущие за собой отсутствие стойких убеждений и пр., и пр. (§ 1). Вот ближайшие и непременные следствия недостатка образования в нашем отечестве.

В наше время, конечно, образование далеко не подвергается таким нападкам, как во времена Кантемира. Самые отчаянные бюрократы, строгие блюстители рутины и невежественного коснения, прямо не отвергают пользы образования и охотно отдают детей своих в Лицей или училище Правоведения, особенно, если можно на казенный счет. Но множество самых странных понятий, носящихся в обществе, обличают слабое развитие мысли и образования. Пусть люди злонамеренные или совершенно умалишенные, — они будут всегда, — а то нет, люди умные и добросовестные (вот что жалко!) и по своему положению нередко с большим влиянием, такие люди заражены самыми вредными предрассудками, которые непременно рассеялись бы при большем развитии образования и при большей привычке размышлять. Что многие их вредные предрассудки рассеялись бы, в том убеждают нас опыт и их собственный пример. Они немного боятся науки, ее открытий и изобретений, но уже не всех и за многие стоят теперь горой. Они не боятся теперь железных дорог, как боялись их отцы; не боятся коровьей оспы; они добродушно или сар-

кастически посмеиваются над невежеством простонародья, в первую пору боявшегося употреблять в пищу чертово яблоко; быть может, эти же добродушные люди не преминули тогда прибегнуть для вящего убеждения к мерам отеческим; но они не умеют вполне оценить более старинного, но величайшего изобретения Гуттенбергова и побаиваются его практических приложений так же сильно и не менее ошибочно, чем народ — картофеля, а их отцы — железных дорог. Такие предрассудки, рассеянные в огромном большинстве нашего общества, происходят от слишком еще вещественных понятий о науке и об образовании. Такие понятия могут очиститься только при большем распространении знания, при развитии мысли и чувства, потребности во внутренней самодеятельности, когда привычка хватать одни вершки сменится внимательным и добросовестным изучением науки. От вещественных же понятий наших о науке и об образовании мы не можем чувствовать живой связи отдельных отраслей знания; мы решительно еще уверены, что есть науки очень полезные, например, артиллерия, фортификация и др.; затем идут науки просто полезные и наконец бесполезные — изучение классических языков и др., иные даже убеждены, что есть вредная наука — философия. Такая уверенность руководит нашими действиями, и по вещественности наших понятий мы, конечно, не можем возвыситься до уразумения живого единства и цельности всех наук и убаюкиваем себя надеждами, что, стесняя развитие одних наук, можно споспешествовать развитию других, очень полезных, по вашему мнению.

Так, недостаток образования развил в нас какое-то легкомыслие, имеющее самые вредные последствия и в жизни общественной, и в жизни нравственной. Мы видели вредные предрассудки, отсюда проистекающие, и самую тесную, взаимную связь этого недостатка образования с самыми грустными явлениями нашей общественности.

Легкость воззрений наших поражает и поражала уже многих. Так, один из остроумнейших писателей наших говорил лет двенадцать тому назад: «Одна из существеннейших

сторон русского характера — чрезвычайная легкость принимать и усваивать себе плод чужого труда. И не только легко, но и ловко. В этом состоит одна из гуманнейших сторон нашего характера. Но это достоинство вместе с тем значительный недостаток: мы редко имеем способность выдержанного глубокого труда. Нам понравилось загребать жар чужими руками, нам показалось, что это в порядке вещей, чтоб Европа вырабатывала каждую истину и открытие; ей — все мучения тяжелой беременности, трудных родов, изнурительного кормления грудью, а дитя — нам. Мы проглядели, что ребенок будет у нас — приемыш, что органической связи между нами и им нет...»

Другой писатель, совершенно иного направления, нынешний издатель «Русской беседы» так говорил об этом же самом предмете четыре года тому назад: «Вообще немного наших соотечественников перебывало на выставке (Лондонской), но даже из этих немногих большая часть извлекла из ее осмотра мало пользы; и почему? По тому самому убеждению, которое так чистосердечно высказал нам архитектор. (Он сказал: «Здесь нет ничего нового — все это нам известно».) Да, *нам все известно,* а на деле выходит, что мы знаем очень немного. Мы схватили верхушки европейской образованности и думаем, что просвещение мы себе усвоили. Мы приняли и принимаем манеры, платье, внешний образ жизни Запада и воображаем, что у своих старших братьев по просвещению мы взяли все, что составляет принадлежность образованного человека; а на поверку выходит, что мы взяли то, чего могли бы и не брать; и не взяли именно того, чем нам следовало воспользоваться. На Западе науки, художества, ремесла и многие другие проявления человеческой деятельности достигли значительного развития: они содержат в себе опытность, завещанную человечеству веками, тысячелетиями. Главным производителем во всех отраслях человеческой жизни был и есть труд; его-то более всего мы чуждаемся... Мы, т. е. люди, получившие так называемое европейское образование, мы чужды труда; мы насыщаемся больными плодами видимого западного просвещения, не развивая своего коренного, живительного

начала. Да, *нам все известно,* повторяем на разные лады слова архитектора; а не знаем лишь одного: не сведение о чем-либо составляет знание, но знание заключается главнейше в знании этого знания, т. е. источника, существа и составных частей. Тогда знание плодотворно, а без этого оно есть знание попугая, который повторяет слова, даже целый ряд слов, но эти слова для него без смысла и без результата.

§ 3. Что образование весьма мало распространено в нашем отечестве, что недостаток знания одно из главнейших зол наших и одна из первых причин медленных наших успехов на поприщах гражданской образованности и духовного просвещения — в том глубоко убежден всякий благомыслящий человек, к какой бы партии он ни принадлежал, каковы бы ни были его мнения об отношении России и мира славянского к Западу. Европеисты и панслависты или славянофилы, или, по выражению Гоголя, восточники и западники одинаково скорбят об этом; все усилия их к тому направлены, чтобы просвещение и науки процветали в России. — Органы этих партий — «Русский Вестник» (не говоря уже о других журналах) и «Русская беседа». О том, что первый ратует за науки, странно и говорить, когда наука есть и пароль, и лозунг, и единственное его знамя. Не для всех, быть может, также очевидно, что «Русская беседа» также преследует невежество, ту легкость воззрений и те предрассудки, на которые я указал в § 2; что недостаток знания и умственного образования ей также противен. Уже выше приведены были слова ее издателя. Вот что говорит один из ее сотрудников: «Одного русскому человеку недостает: большего ходу для приобретения большего запаса *положительных понятий и сведений.* Это бы его обеспечило от напрасной траты сил, необходимых для распознавания, и от столь же напрасной траты сил на изобретение того, что давно уже изобретено, как это, например, замечается в наших деревенских механиках-самоучках и тому подобных местных гениальностях. Я знаю, что было много возгласов против так называемой подражательности русского народа и что ставили ее нам в укор, но не забывают ли слишком часто, что *капи-*

тал знания или *образованность* есть общее достояние всего человечества, постоянно переходящее из рук в руки!.. Загляните в историю. Египтяне наследовали его от индейцев, греки от египтян, римляне от греков, от римлян все новые народы. Каждый член этого огромного семейства, называемого человечеством, сперва овладел этим капиталом, потом более или менее приумножил и наконец сдал его потомкам. Мы отсталая единица новейшей образованности, законные наследники этого капитала по прямой линии родства умов человеческих; все *наше, что до нас сделано в науке. Посидим над этим наследством, применим его к собственным нашим потребностями, словом, поучимся, а там придет пора — и приумножим.* Сознательная изобретательность не минует русского человека». — («Р. беседа». I. Смесь. С. 4—8).

Вот также, что говорит ее издатель: «Нет! видно, не глубоко, не сильно еще в нас убеждение, что теперь жить без железных дорог так же невозможно, как после изобретения пороха, нельзя дубинками и копьями побеждать врагов, имеющих ружья и пушки. Нет! видно, *еще велик у нас недостаток в знании, которое одно уясняет цель и средства к достижению оной».* («Р. бес». II. Науки. С. 65). Покойный Киреевский в последнем сочинении своем, в котором он как бы начертал программу деятельности для всех, разделяющих его образ мыслей, выразился точно и определенно, что *«невежество отлучает народы от живого общения умов, которым держится, движется и вырастает истина посреди людей и народов. От невежества разума, при самых правильных убеждениях сердца, рождается ревность не по разуму, из которой, в свою очередь, происходит уклонение разума и сердца от истинных убеждений».*

При разногласии обеих сторон в крайних выводах возможно ли их соединение в некоторых точках? Вопрос этот немаловажен.

Выше мы видели тесную связь недостатка знания и слабого развития образования с некоторыми грустными явлениями нашего внешнего и внутреннего быта: видели также, что благомыслящие люди обоих направлений одинаково скорбят

об этом и призывают на помощь науку; разногласие их состоит в разрешении вопроса о том, какой характер будет иметь будущее русское просвещение. Одни говорят, что характер западной образованности будет характером и нашей образованности, когда она будет. Другие утверждают, что в России образуется своя философия, которая даст другой смысл образованности западной и проникнет ее господством другого начала. Таким образом, разногласие в этом отношении касается более будущего, чем настоящего. Европеисты, во многом сочувствуя славянофилам («Рус. Вестн.» высказал это, кажется, от лица редактора), убеждены, что такие надежды о будущем русском просвещении — суть мечтаний, которые никогда не сбудутся и рассеются при более серьезном воззрении, которое может дать одна наука; славянофилы, в свою очередь, убеждены, что мечтают их противники, каковые мечтания их рассеются, коль скоро они сознают односторонность западной образованности. Так, покойный Киреевский сказал: «Хотя мы и подчиняемся образованности Запада, ибо не имеем еще своей, но только до тех пор можем подчиняться ей, покуда не сознаем ее односторонности». К такому сознанию может привести, по убеждению славянофилов, только строгое и глубокое изучение науки, которая силой своего собственного развития дошла до сознания ограниченности и неудовлетворительности рационального мышления.

Таким образом, обе стороны, равно убежденные в своей победе, по собственному их признанию, надежды на свой успех возлагают на одно оружие — науку; при разности их крайних целей — средства у них те же самые. И та и другая сторона ревностно убеждена, что с развитием науки в отечестве нашем, она все более и более будет приобретать себе сторонников. И те и другие горят любовью к русской земле и исполнены веры в великую будущность, ее ожидающую; вместе с тем обе стороны равно убеждены, что Россия займет почетное место в человечестве и будет в силах начать отплату Западу в занятых у него со времен Петра сокровищах, не прежде, однако, чем перенесет к себе науку Запада и проникнется должным и

сознательным благоговением ко всем его чудесам. Далее уже обе стороны совершенно расходятся: вопрос о том, западная ли образованность подчинится русскому народному началу, как началу высшему, или русское народное начало, как низшее, подчинится западной образованности; вопрос этот разрешается ими совершенно противоположно. Но те и другие свои упования в истинное его разрешение возлагают одинаково на науку и на духовные силы народа русского.

Глубокое уважение к великим народам Запада, убеждение в необходимости их общения с Россией, горячая любовь к ней еще не заключают собой всех общих точек соединения той и другой стороны. Есть еще другое звено между ними. То сознание необходимости взаимного общения между отдельными ветвями славянского племени, крепкая вера в его великие судьбы. В этом отношении в общественном сознании произошел значительный успех. Не так давно еще время, когда некоторые журналы наши любили особенно глумиться над всем, что касалось до прошедшего или настоящего мира славянского. Огромное большинство одобряло те странные остроты и нападки. Но нынче, благодаря успехам времени и науки, можно смело сказать, нет, что называется, западника, который бы в этом отношении не был бы славянофилом, то есть, переводя буквально — *славянолюбцем,* который бы не сказал (говоря словами писателя, имя которого с уважением произносится у всех славян): «Я люблю славян потому, что нет русского человека, который бы их не любил; нет такого, который не сознавал бы своего братства с славянином». Белинский в этом отношении долго ошибался, но и он наконец понял свою ошибку. Так, по поводу Валуевского сборника, он говорил между прочим: «Исторический и Статистический сборник» покойного Валуева по своему направлению, цели и основной мысли есть явление, составляющее эпоху в исторической русской литературе. Если бы нашлись ближайшие продолжатели этого предприятия — что очень сомнительно — оно мало-помалу привело бы наконец к весьма важным результатам; ибо мысль сблизить различные славянские на-

роды и племена, привести их ко взаимному уразумению, к сознанию их национального единства есть, бесспорно, одно из лучших, благороднейших и отраднейших современных явлений; такая мысль не осталась бы без отзыва и у нас; рано или поздно она нашла бы сочувствие».

Мысль о необходимости и великой важности общения и сближения славян между собой одинаково воодушевляет и славянофилов и европеистов. Таким образом, важный вопрос о том, есть ли между ними некоторые точки соединения, может быть решен положительно. *Соглашение об избрании общих и решительных мер для распространения знаний, развития в нашем обществе чувства потребности в самодеятельности и любви к наукам не только возможно, но и крайне необходимо и в видах пользы самого общества, и в видах успехов обеих сторон.*

§ 4. Равномерное распределение знаний и умственного образования в обществе несомненно; иными словами, всякое общество по образованию можно делить на три разряда: разряд просто грамотных людей, разряд образованных и разряд ученых специалистов. Всякая прибыль в одном из этих разрядов отзывается во всяком другом. Так, число специалистов-ученых умножится при умножении класса грамотных, которые будут тогда в состоянии выделить из среды своей несколько человек и отпустить их в класс образованных, которые, со своей стороны, уделят некоторых из среды своей в класс ученых. Эту весьма простую истину нередко забывают и, разумеется, весьма напрасно, например, те, которые толкуют о бесполезности учить грамоте простой народ, солдат и пр. Они не понимают, что, не увеличивая числа грамотных, нельзя ожидать и умножения ученых, служителей наук, против развития которых, особенно некоторых, по их мнению очень полезных, они отнюдь не прочь. Забывают эту простую истину, к несчастью, и те из ученых специалистов, которые думают, что служитель науки должен писать непонятно и как-то особенно для того, чтобы не унизить науки. В простоте душевной они не понимают, что наука тогда только может подвигаться вперед, когда истины, ею добытые, войдут во всеобщее сведение. Есть еще другая, не менее про-

стая истина, которую еще чаще забывают добродушные люди всякого рода. Эта истина — живое единство и тесная связь всех отдельных отраслей знания, всех наук, отчего происходит и то, что они могут развиваться только совокупно, неразрывно и цельно. От забвения этой простой, но важной истины происходят странные возгласы некоторых специалистов: например, химик скорбит о людях, предающихся изучению мертвых языков, языкознанию и т. д. Отсюда же проистекают многие миры добродушных людей, движимых ревностью к просвещению, имеющих целью задержать и остановить развитие одних наук, для того, чтобы скорее пособить развитию других, которые им, почему бы то ни было, особенно нравятся.

Но всякий просвещенный ученый какой бы то ни было специальности твердо убежден в истине двух выше проведенных положений, как о равномерном распределении знаний в обществе, так и о живом единстве и неразрывной связи всех специальных отраслей знания, всех наук. При таком убеждении всякий мыслящий специалист, не теряя из вида главной цели своей — умножения учеников своих, естественно, желает: 1) чтобы истины, добытые по каким бы то ни было специальным отраслям знания, распространялись во всеобщее сведение и 2) чтобы все науки, а не только им исключительно возделываемая, приобретали себе ревностных и достойных служителей. Так желает каждый мыслящий специалист в видах своей же специальности.

При недостатке знания и слабом развитии образования нашего общества (см. выше) в видах общей пользы и в видах всех ученых какой бы то ни было специальности — *крайне необходимо их соглашение об избрании общих и решительных мер для распространения знаний, развития в обществе чувства потребности в самодеятельности и любви к науке.*

§ 5. Таким образом, любовь к науке и просвещению, любовь к русской земле и глубокая уверенность в гибельных последствиях недостатка знания и слабого развития образования у нас на Руси — соединяют в один крепкий союз благомыслящих людей всех специальностей, всех направлений и неизбеж-

но от них требуют общего, взаимного соглашения об избрании общих, решительных мер для распространения знаний.

Для достижения этой цели самыми действительными мерами будут те, которые наиболее способны доставить нужнейшие средства для осуществления предполагаемой мысли.

Итак, нас занимают теперь следующие вопросы: 1) о лучших и действительнейших средствах к исправлению недостатка образования; 2) о возможных общих, решительных мерах для доставления этих средств; 3) о возможности эти меры привести в исполнение, причем надо отстранить все препятствия, могущие встретиться при приведении этих мер в действие.

§ 6. Чтобы отыскать лучшие и действительнейшие средства для исправления недостатка образования, следует ближе рассмотреть главнейшие причины этого недостатка. Такое рассмотрение укажет на двоякого рода обстоятельства, из коих одни, как благоприятствующие этому недостатку, должны быть отстранены, а другие, им противоположные, должны быть усилены и развиты. Лучшими и действительнейшими средствами будут те, которые скорее всего могут отстранить первые и развить последние.

Недостаток знания и слабое развитие образования у нас в России главнейше происходит от недостатка источников и проводников образования. Учебные заведения и литература — единственные у нас проводники; публичных чтений, столь обычных, например, в Англии, Америке, мы не имеем вовсе. Заведения, будучи у нас в исключительном почти заведывании правительства, по тому самому не подлежат рассмотрению частных лиц. Надо, однако ж, заметить, высокий и просвещенный начальник Морского ведомства и здесь первый подал благой пример гласности, пригласив всех мыслящих людей подать свой голос и мнение о лучшем образе воспитания. Как самый вызов, так и многие статьи, уже напечатанные, одинаково свидетельствуют о необходимости изменить и исправить настоящий образ воспитания. Следственно, правительство сознает, что образование у нас еще распространено слабо. Слова отчета Министра народного просвещения за 1855 г. еще силь-

нее выражают это сознание: «Со стороны наших юношей надобно, чтобы они сильнее прилеплялись к труду мысли, строгому и последовательному, почерпая в нем самом и в пользе, ожидаемой от него отечеством, возбуждение и поощрение для себя, не удовлетворяясь одной внешностью образованности; *а нельзя не сознаться, что у нас вообще слишком довольствовались внешней образованностью, считая или даже выказывая ее за настоящую».* Слова эти, заметим кстати, дают еще более твердую уверенность в том, что все усилия частных людей, посвященные распространению знаний, не только не встретят со стороны правительства никакого препятствия, но, напротив, найдут в нем одобрение и помощь.

Другой могучий двигатель и проводник образования — литература подлежит теперь нашему рассмотрению. В том, что вся она почти исключительно сосредоточена в журналах, нельзя сомневаться: отдельных книг, кроме сочинений по русской истории и археологии, магистерских и докторских диссертаций и изданий ученых обществ, — выходит очень мало. Это явление поражает многих: но многие, не трудясь поближе вникнуть в дело, совершенно ошибочно нападают за это на журналы, на их толстые книжки и т. д. Но разве виноваты они в том? Ничуть. Дурно не то, что много журналов (давай Бог их больше! «плодят читателей они»), а то, что мало особых сочинений, отдельных книг. Дурно это потому, что чтение одних журналов недостаточно для умственного образования. Журнал (учено-литературный) только внушает любовь к чтению, раздражает любознательность, но вполне ей удовлетворить не может. Журнал сообщает новости в области науки, искусстве и промышленности. Но эти известия, хоть, например, о новых открытиях и изобретениях, могут быть занимательны и полезны только для того, кто получил уже строгое научное образование. Но разве это большинство читающей публики? Конечно, нет. «Все мы учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Умственное образование большинства состоит в кое-как собранном запасе разных отрывочных сведений, без всякой связи и системы. Наша природная восприимчивость

и лень тут удружают немало. Я встречал многих, которые бойко говорят об ассирийских древностях и не прочли даже Смарагдова; с уважением произносят имена Араго, Фарадея, Либиха и не сумеют объяснить устройства во́рота. Журнал переводит статью Маколея об Адиссоне, большинство читает и восторгается, заучивает разные подробности об Адиссоне (знание которых подчас смутит и просвещенного человека) и не знает, когда жил Шекспир или Данте. Таких случаев всякий знает немало. Но вина ли в этом журналов? Могут ли они на своих страницах излагать популярно и передавать в системе элементарные истины науки? Конечно, нет! Они могут только внушить большинству публики потребность в руководствах элементарным. При том влиянии, какое имеют наши журналы в публике, можно быть вполне уверенным, что убеждения их подействуют тем более, что необходимость в познаниях элементарных и систематических слишком очевидна и в доказательствах недостатка не будет.

Журнал учено-литературный сообщает разборы замечательнейших иностранных сочинений, сообщает из них извлечения или переводит отрывок, один, другой — и совершенно напрасно раздражает любопытство какого-нибудь читателя. Внимание читателя возбуждено, он полюбил уже автора, в нем пробудилось множество вопросов и напрасно — желанной книги он не прочтет, он не знает иностранных языков или, если даже и знает, то читает с трудом, как, например, многие у нас — по-немецки; но, положим, что он читает на двух, на трех языках, но живет в провинции, средств для покупки книги нет — иностранные книги особенно дороги. Возбужденные вопросы остаются неразрешенными, благородная жажда не удовлетворена: у иного бы, по прочтении желанного сочинения, пробудились бы заснувшие силы: разрешение одного, другого вопроса привело бы ко множеству других, развило бы самодеятельность. Но сочинения он не достанет и, наверное, не дождется перевода, что было бы еще лучше — мысль, передаваемая родным словом, действует сильнее, глубже западает в душу. Чем чаще повторяются такие случаи, тем более неудо-

влетворяемая любознательность ослабевает, и читатель бросает вовсе чтение таких статей и в часы скуки прибегает к одним романам или же, не терпя сомнений, сам дает себе разрешение на пробудившиеся вопросы, а впоследствии и позабывает, что это он сам выдумал. Тут, разумеется, более всего действует натура: кто обращается в чиновника и пристращается к картам, кто глядит в Репетиловы.

Но, положим, что с читателем не произойдет ничего такого; он обратит свою любознательность к другим вопросам, разрешение которых ему более доступно, — займется собранием этнографических или статистических материалов, изучением древностей того края, куда послала его судьба, станет замечательным знатоком, но недостаток общего образования ему вредит страшно — из своего богатого запаса он не сумеет сделать ни одного вывода, который бы сделал всякий порядочный студент 3-го курса, а если и сделает, то такой, что удивит нелепостью студента 1-го курса; если же вывод будет и верен, то не будет заключать в себе ничего нового. Во всяком случае, это явление грустное: сколько человек потратит дарования, терпения, и что же — себе не приобретет никакой известности, науке не принесет той пользы, какой бы можно было ожидать, и часто даже вовсе никакой, от неумения поставить вопросы и взяться за дело, как следует. Отчего это происходит? От незнания современных требований науки. Есть ли ему возможность познакомиться с ними из журналов? Конечно, нет — журнальная статья, переводная или оригинальная, или касается слишком специального вопроса или слишком общего содержания. Со строго научным изложением и с главнейшими вопросами науки можно только ознакомиться из иностранных сочинений, так как литература наша еще весьма бедна оригинальными сочинениями. Бог знает, сколько еще пройдет времени, когда они станут возможны. А до тех пор крайне необходимы переводы классических иностранных сочинений по всем наукам. Журналы могут ли удовлетворить этой настоятельной потребности? Конечно, нет. Нужны особые издания. Итак, мы видим теперь, что сосредоточенность нашей литературы в журналах имеет весьма

дурные последствия, которых нельзя достаточно исчерпать; что такая сосредоточенность есть главнейшей причиной недостатка образования или иначе — недостаток образования происходит от бедности или, скорее, от отсутствия средств к приобретению знания и образования, одним словом, от бедности нашей литературы в двоякого рода книгах или сочинениях: 1) в популярных руководствах по всем отраслям знания, 2) в переводах классических иностранных сочинений по всем наукам.

Отчего происходит, что литература наша так бедна особыми сочинениями и книгами и преимущественно столь необходимыми, как популярные руководства и переводы классических иностранных сочинений? Конечно, не от недостатка переводчиков или сочинителей (можно бы было перевести и популярные руководства), а от недостатка издателей, особенно для переводов классических иностранных произведений. Книгопродавец обыкновенно толку в этом понимает мало, боится рисковать и неохотно решается на издание таких переводов, особенно если сочинение велико, с рисунками и чертежами. Не имея в будущем никакой надежды на вознаграждение и даже просто на издание своего перевода, мало кто решается взяться за перевод какого-нибудь обширного сочинения, которое ни в журнал, ни в какой сборник не годится. Но положим даже, что есть много бескорыстных тружеников, которые перевели про себя много замечательных иностранных сочинений. Что предположение такое не безосновательно, стоит только посмотреть в «Журнале Министерства народного просвещения» ежегодно печатаемые отчеты об особенных трудах и занятиях профессоров университетов и особенно учителей гимназии. Там мы увидим, сколько приготовлено переводов весьма важных и полезных, особенно учителями губернских гимназий, — все эти переводы пропадают теперь даром, решительно от недостатка средств для издания. Конечно, в Москве или в Петербурге еще может найтись богатый человек, который даст средства для издания, но в губерниях уже на это рассчитывать плохо. Да и в самих столицах надо, чтобы меценат знал, кто переводит и кто нуждается в деньгах. Обык-

новенно эти труженики бывают народ бедный и часто оскорбительным считают не только обращаться самим к меценату, но даже и принимать его предложения. Тут слишком много требуется условий — и любви к просвещению, и особенной деликатности, и особенного богатства, условия, весьма редко соединимые в одном лице. Явление меценатов — случайность, и притом весьма редкая. Дело же такой крайней необходимости, как издание такого рода книг, предоставлять случайности не позволяет благоразумие; напротив, оно требует, чтобы как можно скорее отстранить те неблагоприятные обстоятельства, которые мешают удовлетворить такой настоятельной потребности, как издание книг, при современном состоянии образованности в высшей степени необходимых. Недостаток денег, капитала для издания таких книг, — можно отстранить не иначе, как образованием особенного, необходимого для того постоянного капитала. Итак, самым лучшим и действительнейшим средством для исправления недостатка образования было бы издание 1) *популярных руководств, переводных или оригинальных по всем отраслями знания* и 2) *переводов классических иностранных сочинений, также по всем отраслям, знаний на счет постоянного капитала.*

§ 7. Некоторые говорят, что у нас вовсе нет такой настоятельной потребности в издании популярных учебников: 1) потому что этим занимаются ведомства учебных заведений, как военных, так и гражданских; они издали уже множество прекрасных руководств и до сих пор продолжают эти издания; 2) так как публика наша слишком мало развита, мало в ней потребности к образованию, то и читателей будет мало, популярные учебники будут расходиться туго. Издание книги окупится тогда уж, когда учебник устареет. Других возражений мы не слыхали, и слава Богу, потому что и эти весьма неосновательны. Опровергнув их, мы только сильнее почувствуем настоятельную потребность в таких учебниках.

Говорят: у нас учебников довольно, — при этом ссылаются на все новейшие, принятые в руководство в гимназиях и корпусах, но! 1) По многим предметам нет вовсе никаких

руководств, ни плохих, ни хороших. Так, ровно ничего нет по истории всеобщей литературы, по истории греческой, римской литературы, по греческим, римским древностям, не говоря уже обо всяком почти отсутствии изданий классиков, приноровленных к потребностям русского юношества; по теории и истории искусств мы буквально ничего не имеем. Жалость берет, глядя на наших художников: скажите, какие у них средства к образованию? Всеобщий голос, что художники наши недостаточно образованы; об этом говорят, пишут, но подумал ли кто решительно взяться за дело? Правда, мы должны исключить превосходное предприятие г. Леонтьева, целью которого, между прочим, как выражено, кажется, в первой части «Пропилеев», было ознакомление наших художников с миром классическим. Не имея вовсе никакого понятия о степени развития московских художников, я не могу сказать, многим ли из них доступны самые легкие по изложению статьи в «Пропилеях»; но ручаюсь, что всякий, хотя несколько знакомый с степенью развития художников петербургских, скажет со мной, что их большинство, из которых много молодых людей с большими дарованиями и с потребностью учиться, большинство их не может и осмелиться приступить к «Пропилеям»: все в них от начала до конца будет им недоступно. И так никто почти не хочет взяться горячо за дело и подумать о доставлении нашим художникам хоть каких-нибудь средств к образованию. Мы предпочитаем только упрекать их в невежестве и коснении. Но разве это не невежество и не коснение — сознавать болезнь и не стараться приискать средств к ее излечению? Разве это не признак невежества и грубости общества, что из него не может выйти двух, трех людей, которые бы решились пожертвовать и капиталом денежным и капиталом знания в пользу того класса людей, от которых Россия преимущественно вправе ожидать себе лучшей и чистейшей славы? Разве это так трудно, разве так невозможно? 2) Если по многим предметам и есть уже руководства, то из рук вон плохи — какая у нас история русской литературы? Какие у нас учебники по русской истории? Какие страшные курсы всеобщей истории, — а так называемая по-

литическая география? Мы слишком привыкли ко всему этому: но постарайтесь отделиться хоть на мгновение, — ведь это Бог знает что такое. Страшно станет за учащихся. Надо еще удивляться их дарованиям, как изворачиваются они с такими средствами. 3) Самые отличные руководства и учебники, писанные для казенных заведений, вовсе непригодны для всех, не получивших хорошего школьного образования. Так, например, учебники Ленца, Талызина и других. 4) Разность условий и требований хорошего учебника для воспитывающегося юношества и для взрослого человека. Всякий дельный учитель, объясняя один и тот же предмет и в классе школьников, и на публичном чтении, конечно, станет употреблять совершенно разные приемы, будет говорить и разным языком. 5) Публика слишком мало образована — потому-то и нужны ей такие учебники, потому-то и станет она их читать. Нападки на общество, на его неразвитость, я знаю, у нас слишком в ходу; меня самого могут упрекнуть в этом и тем уличить в противоречии. Сказать, что масса читающей публики нашей образована мало — будет чистейшая правда; но сказать, что не желает образования — то будет чистейшей ложью, гнусной клеветой. Средств нет, а жажда велика! Если бы было издано несколько хороших руководств — все бы они разошлись мигом, раскупались бы нарасхват; так раскупались астрономия и физическая география Хотинского, физика Писаревского и т. д.; не знаю, как был принят Гонкинс. 6) Такие руководства необходимы не только по всеобщей истории, как говорят одни, не только по естественной истории, как говорят другие; но по всем отраслям знания, без исключения. Издать два, три каких-нибудь учебника и потом почить — не принесет никакой пользы или по крайности весьма мало. Как развитие какой бы то ни было области знания тесно обусловливается развитием других, то и необходимо издать учебники по всем областям знания. В самом деле, литература каждой науки без исключения нуждается у нас в популярных руководствах — стоит взглянуть в каталоги; всякий специалист признается в этом. Итак, только крайнее тупоумие или неблагородная злонамеренность могут

отвергать настоятельную потребность в издании популярных руководств и учебников по всем наукам.

§ 8. Если литературы западных народов, у которых наука достигла такого громадного развития, что у каждого из них всякая отрасль знания имеет гениальных представителей и по любому вопросу известной науки написано более оригинальных сочинений, чем у нас, в литературе, по всем отраслям в совокупности, — если эти богатые литературы так нуждаются в переводах замечательнейших ученых произведений, что в каждой из них, особенно в германской, наиболее богатой литературе, всякое более или менее замечательное иностранное сочинение, тотчас по выходе его в свет, переводится на родной язык; если переводы так необходимы в литературе народов, у коих так сильно развита самостоятельная ученая производительность, то тем более необходимы они в словесности того народа, который, подобно русскому, так еще недавно вступил на поприще европейской цивилизации, в самом языке которого, столь богатом во многих других отношениях, так чувствителен недостаток в выражениях отвлеченных, в самых обыкновенных, научных терминах; переводы в высшей степени необходимы, более чем где-либо в такой литературе, которая не может представить ни одного памятника, который бы имел сильное, потрясающее влияние на науку, ни одного имени, которое могло бы быть сопоставлено с теми сотнями имен, какими с достойной, вполне заслуженной гордостью хвалится Запад. Действительно, при тех огромных успехах, какие сделала западная наука в последнее пятидесятилетие, и при нищете нашей оригинальной ученой производительности, переводы необходимы нам *несказанно.* И в этом отношении действительное современное состояние русской литературы совершенно не отвечает самым насущным, настоятельнейшим потребностям общества. Довольно беглого взгляда, чтобы убедиться в мертвенности нашей литературы. Да! мертвенности, потому что в науке, как и во всем, нужна преемственность, и до тех пор, пока не будут переведены у нас замечательнейшие иностранные произведения по всем отраслям *знания* без исклю-

чения, дотоле все рассуждения о живом благотворном знании, о самостоятельности русских ученых и пр. останутся одними словами и словами, как и большая часть наших рассуждений. Посмотрим же, что по наукам нравственным (по естествознанию наша литература обогатилась в последнее время несколькими замечательными произведениями благодаря, в особенности, благородному, бескорыстному труженику, Фролову, — да будет почтено его честное имя!) наша литература переводная может представить наиболее нового и замечательного.

По философии, логике, психологии и эстетике: 1) «История философии» Рихтера, 1839 (остановилась на 1-й части); 2) «Логика» Кизеветтера, 1831; 3) «Система логики» Бахмана, 1833—1840; 4) «Психическая антропология» Шульце, 1834—1835; 5) «Всеобщее начертание теории искусств» Бахмана, 1832—1833; 6) «Курс эстетики» Гегеля, перевод дурного французского извлечения, 1 ч. 1847 г.

По наукам юридическим: 1) «Дух законов» Монтескьё; 1830. 2) «Юридическая пропэдевтика» Штекгардта, 1843; 3) «Руководство к политической экономии» Бланка, 1838.

По наукам историческим. По всеобщей истории: 1) «Всемирная история» Беккера, 1843—1846 (остановилась на истории средних веков); 2) «Всеобщая историческая Библиотека» (издание М. П. Погодина), 1838—1842; 3) «Всеобщая история. Гимназический курс» Беттигера (изд. М. П. Погодина), 1832; 4) «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории» Фольгера, 1840. 2 изд. 1847; 5) «Изображение переворотов в политической системе европейских государств с исхода XV столетия» Ансильсона, 1838; 6) «Руководство к теории политической системы европейских государств до освобождения Америки», 1832—1834; 7) «Обозрение новой истории» Мишле, 1838; 8) «История государствования Карла V» Робертсона, 1839; 9) «История жизни и путешествий Христофора Колумба» Вашингтона Ирвинга; 10) «Краткая история Франции до Французской Революции» Мишле, 1838; 11) «Римские Папы» Ранке, 1842—1847; 12) «История крестовых походов» Мишо, 1841 (2 издания); 13) «История средних веков де-Мишеля» (изд.

М. П. Погодина); 14) «Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков» Гюллльмана, 1839; 15) «Рассказы о временах Меровингов» Огюстена Тьерри, 1848; 16) «Руководство к познанию древней политической истории» Герена (изд. М. П. Погодина), 1836; 17) «История Древней Греции» Гиллиса, 1830—1831. По классическим древностям: 1) «Римские древности» Шафа, 1839; 2) «Римские древности», перевод Зиновьева, 1834. По истории литературы, искусств: 1) «История древних и новых литератур, наук и изящных искусств» Жарри де-Манси, 1832—1833; 2) «История древней и новой литературы» Шлегеля, 1833 (2 издания); 3) «Руководство к истории литературы» Вахлера, 1836 (1-я часть); 4) «История европейских литератур» Галлама, 1839; 5) «История литературы средних веков» Вильмена. 1830; 6) «Немецкая словесность» Менделя. 1837—1838. По истории классических литератур: 1) «Очерк истории греческой литературы» Гарлесса, 1838; 2) «Очерк истории римской литературы» Гарлесса, 1838.

По истории Византии, Турции, Австрии, Венеции ничего. По истории славянских народов, кроме древностей Шафарика и «Краткой истории Польши» Бандтке — тоже ничего нет.

Кто из образованных русских людей может равнодушно читать этот список, в том, не обинуясь скажу, нет ни капли любви к народу, его литературе и просвещению. При такой нищете литературы переводной, а *следовательно, и оригинальной,* возможно ли нам, русским, иметь порядочное образование? Наши юноши, не получившее хорошего домашнего образования (а это огромное большинство), поступают в университеты с самыми ничтожными познаниями в новейших языках; редкий, редкий случай, кто может читать по-немецки. Большинство из них, наши гениальные люди, Пушкин, Гоголь (последний выучился впоследствии) ни аза не знали по-немецки. Какое же можно получить образование в четыре университетских года? Молодой студент в университете проводит год, два над изучением немецкого языка, наконец он осилит его, чаще всего самоучкой, перед ним открывается богатый новый мир — естественно, чем юноша даровитее, тем разно-

образнее в нем стремления, будь он юрист или филолог, конечно, он кинется на Гете, Шиллера, а не на Савиньи и Гриммов. Прошел университетский курс — он имеет общее образование, но чужд всякого специального; ни одной науки, ни одного предмета не изучит он основательно. Другой его товарищ с умом, более односторонним, одолел языки, налег на один предмет, изучил основательно Грота, Нибура, но не имеет ни малейшего понятия ни о Байроне, ни о Гете. Из него выйдет основательный специалист, но сухой и односторонний, без общего образования и, следовательно, замечательным ученым ему никогда не бывать. Будь же переведены на русский Грот, Нибур, Гриммы — они были бы известны и тем, и другим, потому что чтение иностранной ученой книги в оригинале отнимает вдесятеро больше времени и требует несравненно больше напряжения от читателя, чем чтение ее в переводе на родном языке; всякая мысль, переданная родным словом, яснее представляется уму, глубже западает в душу. Оттого смело можно сказать, что недостаток переводной нашей литературы, если не единственная, то одна из главнейших причин того грустного, но слишком справедливого явления, на которое, кажется, первый указал Валуев в следующих словах: «По какой-то странной судьбе талант и истинное знание, нетерпеливая воля, которая плодотворит всякий дар Божий, редко сочетались у нас в одном и том же лице, хотя были и есть исключения. Даровитость, не привитая к живому и истинному знанию, терялась в пустоцвете, а наука, предоставленная большей частью, одним труженикам ее далеко не оправдывала тех справедливых ожиданий, на которые Россия имела и имеет право». В самом деле, даровитый молодой человек, с хорошим общим образованием, только при особенных благоприятных обстоятельствах, может по выходе своем из университета обратиться к специальному изучению какой-нибудь науки; точно так же и молодой человек с основательными познаниями в одном предмете, только при особенных благоприятных обстоятельствах, по выходе своем из университета может, не бросая своих специальных занятий, подумать об общем образовании, без которого можно быть со-

бирателем материалов, но нельзя подняться до их объяснения и до уразумения фактов, знанием которых располагает наш специалист. А сколько еще у нас на Руси ученейших специалистов, вовсе не знающих иностранных языков! Что им делать при такой нищете переводной литературы нашей? Так, о. Иакинфе не знал их, по крайности по-немецки. Привожу слова Семенова: «Хотя немецкий язык давно уже распространен публичным преподаванием в России, но едва ли классические и вместе с тем специальные произведения германской науки так доступны относительно языка своего, как это может казаться с поверхностного взгляда. Сколько отечественных ученых, сколько путешественников, оказавших несомненные и большие услуги географии Азии, не пользовались и не могли пользоваться классическим творением Риттера».

Таким образом, от недостатка переводов классических иностранных произведений по всем отраслям безразлично происходит у нас совершенная почти невозможность сочетания в одном лице специальных познаний с общим многосторонним образованием. Отсюда же проистекает и бедность научного языка нашего и неустановившаяся шаткая его терминология.

Все просвещенные русские люди, все даровитые специалисты глубоко чувствуют, часто выражают все вредные последствия этой бедности нашей литературы, которых нельзя достаточно исчерпать. Так, на необходимости переводов настаивал у нас Грановский. Редактор «Русского Вестника», по поводу новых о нем воспоминаний, недавно еще заметил: «Его плодотворной мысли мы обязаны, между прочим, идее выбора и перевода на русский язык лучших исторических сочинений; мысль эта встретила живое сочувствие между его друзьями и учениками и, сколько нам известно, уже приводится в исполнение. Не первый раз готовится к изданию перевод «Римской истории» Момсена, едва ли не самого зрелого произведения новой историографии по части классической древности. Этот выбор сделан был еще по указанию покойного профессора». — Таким изданиям посвящал свои силы и средства Фролов, во второй части «Магазина Землеведения» так умно и убедитель-

но настаивавший на их необходимости. С необыкновенным жаром писал еще недавно об этом Семенов, почтенный труд которого, скажем со справедливой гордостью, доставит ему почетную известность в науке. С радостью и полным сочувствием повторю его резкие, но справедливые слова: «До тех пор, пока мы будем довольствоваться ученой литературой чуждых нам языков, наука не может оплодотворить ее ни познаниями сил природы, данных человеку, как орудие его благосостояния, ни пробуждением в ней стремления к высшему. *До тех пор, пока отечественные ученые не будут облекать содержания науки в формы родного языка, они останутся чуждой отечественному развитию кастой египетских жрецов, может быть, с познаниями и стремлениями к высокому, но без благотворного влияния на своих соотечественников. И, с этой точки зрения, перевод поучительного классического творения имеет почти одинаковое значение с оригинальным трудом*». Дай Бог, чтобы эти как нельзя более истинные слова глубоко запали в душу наших молодых людей, готовящихся посвятить себя науке. Пусть выбросят они себе вон из головы ту нелепую мысль, что русскому ученому нечего делать в науке, как только составлять компиляции; что его обязанность какая-то эклектическая — мешать в них германскую ученость с французским остроумием или… уж не знаю чем; пусть твердо помнят они, что изучать источники — дело прекрасное, но, занявшись мелочной критикой каких-нибудь трех фраз Фукидида и пренебрегая изучением новейшей западной литературы, колоссальными трудами наших предшественников, они не принесут тем ровно никакой пользы ни науке, ни отечественной литературе, которая страшно нуждается теперь в переводах. Да приступят теперь они к ним с полным самоотвержением и скромностью. Труды их и для них самих, и для отечества будут вознаграждены сторицей. Самостоятельности, у кого она есть, никогда не потеряют; иногда перевод ценится наравне с оригиналом — пример Гиньо, переводчик Крейцера; Гизо не лишился самостоятельности, переведя Гиббона, ни Бодянский своим переводом Шафарика. Пусть они, к какой бы специальной отрасли ни

прилежали, ревнуют труду молодого отечественного ученого, который начал свой превосходный перевод так славно, что его собственные примечания к переводу Риттера рано или поздно будут переведены на языки иностранные. Ошибки и леность прежних поколений, настоятельные потребности отечества налагают на теперешнее поколение ученых наших обязанность горячо и энергически взяться за переводы, которые только легкий дилетантизм может назвать трудами неблагодарными. Того требуют не только любовь к науке, но и честный патриотизм. Наше поколение должно иметь теперь постоянно в памяти слова Поповского, давно сказанные, но теперь имеющие еще больший смысл, чем в его время. Славный ученик Ломоносова говорит: *«Как иностранных книг на российский язык переведено еще весьма мало, то усердно желаю, чтобы любители наук и истинные патриоты в пользу и* славу *России к сему достохвальнейшему делу труды свои обратили».*

Против переводов могут быть только те террористы наши, которые разделяют замечательное мнение, так открыто высказанное «чиновником важной наружности» в «Разъезде» Гоголя: «Я бы все запретил. Ничего не надо печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не надо». Разумеется, они сильно восстают и против всяких переводов. Другие, более умеренные, одобряют переводы некоторых иностранных сочинений, например, макробиотики, но и слышать не хотят о том, что произведения Гизо, Тьерри, Маколея, Грота, Неандера, Шлоссера, Ранке, Лео, Гервинуса непременно должны быть переведены на русский язык.

Итак, с одной стороны, одно тупое невежество и злая недобросовестность могут отвергать крайнюю необходимость в нашей литературе переводов замечательнейших иностранных произведений, с другой же стороны, заметное исчезание в настоящее время этой породы гасильников и злостных недоброхотов русскому просвещению не позволяет сомневаться в возможности приняться теперь энергически за дело столь настоятельной необходимости.

§ 9. Мы видели необходимость соглашения благомыслящих людей всех направлений и всех специальностей об избрании общих и решительных мер для распространения знаний в отечестве; видели, что самым действительным к тому средством было бы издание особых книг и сочинений, при современном состоянии литературы крайне необходимых, а именно издание: 1) элементарных руководств, популярных учебников, переводных и оригинальных, по всем отраслям знания и 2) переводов замечательных произведений иностранных и ученых литераторов по всем отраслям знания. Теперь нам предстоит вопрос об избрании лучших мер для распространении знаний. Конечно, самою лучшей мерой будет та, которая 1) будет предпринята общими и совокупными усилиями благомыслящих людей всех направлений и всех специальностей и 2) скорее всего способна доставить нужные средства для распространения знаний. Самой лучшей и даже единственной мерой (разумеется, что это одно предположение с нашей стороны) было бы образование особого Общества, в котором примут участие все ученые специалисты и все образованные люди, без различия их направления. Так как целью такого Общества — распространение знаний преимущественно двумя способами: изданием популярных руководств и изданием переводов замечательнейших иностранных сочинений по всем отраслям знания, то Общество это называлось бы Обществом Распространения Знаний и могло бы разделяться на два главных отдела. Один, физико-математический, занимался бы изданием оригинальных сочинений и переводов лучших классических произведений иностранных по части естествознания. Другой отдел, наук нравственных, имел бы предметом своих занятий распространение тем же способом познания: 1) философских, теоретических — о законах духовной и общественной деятельности человека, 2) исторических — о проявлениях той и другой деятельности человеческой сообразно месту и времени. Таким образом, Отдел Наук Нравственных разделялся бы на два разряда: 1) философский, теоретический, под ведением которого состоит издание руководств и переводов замечательнейших

иностранных произведений по логике, психологии, эстетике и по теории права; 2) исторический, который подразделялся бы на четыре класса, имеющие предметом своим распространение познаний: 1) о мире классическом — класс греко-римский, 2) о мире западном — класс западноевропейский, 3) о мире восточноевропейском — класс славяно-русский и 4) класс восточноазиатский. Общество это должно бы быть образовано в Москве, главном центре русского просвещения.

§ 10. Знаю, предложение это будет многими принято с усмешкой, едва ли, впрочем, основательной. Такое Общество бесполезно — разве у нас нет Академии, шести Университетов, Педагогического института, лицеев, училища правоведения, военных и духовных академий и разных ученых обществ — Московских натуралистов, Географического, Минералогического, Московского истории и древностей, Археологического, с его тремя классами, Вольно-Экономического и т. д.? Есть, и давай их Бог еще больше (потому что у нас ученых обществ вообще еще очень мало, необходимо еще образовать много других, как, например: Общество политико-экономистов, Общество любителей искусств и словесности, Общество библиографов и библиофилов и т. д.). Бытие этих учреждений, совершенно самостоятельных, имеющих свои особые начала и свои особые цели вовсе не исключает собой бытия того Общества, образование которого здесь предлагается. Прежде всего заметим, что перечисленные здесь учреждения собственно двоякого рода — одни из них могут быть подведены под разряд университета, другие под разряд Академии наук. Все высшие образовательные заведения, как то — военные и духовные академии, Педагогический институт, училище правоведения, лицеи — по своим началам и целям совершенно однозначительны с университетом, этим высшим Всеучилищем и отличаются от него только своим объемом. Как при университетах существуют еще другие высшие заведения, его же факультеты, так Духовная академия — богословский, училище правоведения — юридический факультет и пр., так же точно при Академии наук, этом высшем ученом Обществе, классами своими обнимающем все специ-

альные отрасли знания, существуют многие ученые Общества, по своим началам и целям совершенно с ней однозначительные и отличающиеся от нее только своим объемом. Греко-Римское отделение Археологического общества находится в том же отношении к Греко-Римскому классу Академии наук, как училище правоведения к юридическому факультету университета. Итак, посмотрим теперь, присутствие университетов и академий исключает ли собой, иными словами, делает ли излишним присутствие нашего Общества распространения знаний. Университет и академия, при многих сходных общих чертах, совершенно различны между собой, как по началам, так и по целям своим, дающим им особые права на самостоятельное существование. Так, университет и академия обнимают все отрасли знания; что в одном факультеты, то в другом отдельные классы. Но университет состоит из двух сословий — учащих и учащихся, профессоров и студентов. Люди ученые передают изустно истины науки в систематическом порядке людям *не ученым,* образующимся. Академия состоит из одного сословия ученых, которые занимаются специальными розысканиями с целью подвинуть науку далее; свои открытия сообщают они миру ученому печатно. У одних цель — распространять знания, возбуждать любовь к науке и передавать истины, ею добытые многочисленным своим слушателям; у других цель — подвигать науку далее, к истинам уже добытым прибавлять новые, еще профессорам неизвестные. Конечно, профессор и сам занимается специальными исследованиями и может подвигать науку далее, но тогда уже он становится академиком; академик, кроме своих специальных изысканий и поставлении новых или пересмотре дурно поставленных старых вопросов может еще заниматься и устной передачей истин науки в полном систематическом объеме, но тогда уж он становится профессором. Таким образом, университет в лице сословия учащих изустно распространяет знания, истины науки в полном систематическом объеме в известной публике — слушателях. Академия же подвигает науку вперед специальными исследованиями и свои открытия сообщает печатно небольшому количеству публики,

специалистам. Есть еще другой способ распространения знаний — когда профессор печатает свои лекции с целью расширить круг своей публики. Он печатает или несколько частей, или более или менее полный курс, т. е. или помещает статьи в литературных журналах, или издает отдельные сочинения. В обоих случаях профессор становится писателем, который от академика отличается так же, как отличается журнальная статья от академического исследования. Итак, писатель печатает или отдельные статьи, отрывки, очерки, или целые сочинения (те и другие могут быть оригинальные или переводные) с целью распространять знания, как профессор, а не подвигать науку вперед, как академик. Конечно, деятельность академика, профессора и писателя весьма часто соединяется в одном лице, но это не мешает им быть совершенно раздельными точно так же, как соединение двух деятельностей — академической и профессорской в одном лице не позволяет же смешивать их между собою. Но как всякий профессор может и не быть академиком, а всякий академик — профессором, так точно и писатель, какой бы то ни было специальности, может не быть ни профессором, ни академиком: академиком потому, что главная его цель не подвигать науку вперед, но распространять во всеобщее сведение истины, уже добытые, профессором потому, что в распространении знаний употребляет не изустный способ, а печатный. Итак, писатель и профессор имеют одну общую цель, которая отличает их обоих от академика. Но писатель отличается от профессора способом своей деятельности, налагающим на него свои особенные условия. Условия хорошего писателя находятся к условиям хорошего профессора в том же отношении, как условия хорошего учебника для воспитывающегося юношества — к условиям хорошего популярного руководства, предназначаемого для самостоятельного употребления без пособия учителя лицам всех возрастов и состояний. Количество людей, на которых действует писатель, неизмеримо превосходит количество людей, на которых действует профессор. Читатели отличаются от слушателей не только количеством, но и большим разнообразием в своем составе. Условия хорошего печатного

изложения совершенно отличны от условий хорошего чтения. Такая разность условий писателя и профессора видоизменяют и начало и цель их деятельности. Отсюда у того и другого — особые права на самостоятельное, независимое существование. Как возможно и вполне законно бытие академий и университетов, т. е. соединение людей в особые общества, 1) с целью подвигать науку вперед открытием в ней новых путей, поднятием новых вопросов, 2) с целью распространить знания изустным способом, так же точно могло бы быть возможно соединение людей в особое общество — с целью распространять знания посредством печати. У нас примеры такого соединения в журналах и сборниках учено-литературных, причем надо заметить, что такие журналы и сборники находятся в том же отношении к специальным журналам и сборникам, к повременным изданиям академий, как писатель — к академику. Итак, если возможно вполне законно и осуществимо сотрудничество писателей в журналах — с целью распространять знания переводными или оригинальными статьями по всем отраслям знаний, отчего же невозможно было бы и не осуществимо сотрудничество писателей с целью распространять знания оригинальными или переводными книгами?

Спросят, на что же Общество Распространения Знания? Какую принесет оно пользу? Какой из него толк? Положим, составить Общество можно, и ученые согласятся, но стоит ли его составлять? Нужно ли оно? Разве всякий образованный человек, по мере своих сил, теперь не распространяет знаний и любви к образованию?

§ 11. Общество нужно, потому что (как сказано в § 4) «усилия людей, имеющих одни и те же цели, но действующих порознь и вразбитную, потребляются не экономически, тратятся на многое излишнее, тогда как при общем соглашении и сотрудничестве эта излишняя трата сил была бы обойдена, и таким образом сбереженные силы могли бы быть употреблены на новые труды, которых предпринять было бы невозможно без этого соглашения и сотрудничества». Это положение наука принимает за истину несомненную и обыкновенно доказыва-

ет ее следующими примерами, взятыми из опыта. На одной булавочной фабрике 10 рабочих производили в день около 48 000 булавок, т. е. на каждого рабочего в день приходилось по 4 800 булавок, тогда как, если бы они не соединились и каждый бы из них работал порознь, без взаимной помощи, без сотрудничества, то и нет сомнения, что ни один из них не изготовил бы в день и 20 булавок, и даже может быть и ни одной. На одной карточной фабрике 30 рабочих в день производили около 15 500 карт, т. е. более 500 карт в день на человека: если бы они не соединились и тем не разделили своего труда, то рабочий не кончил бы и 2 карт в день. Этой простой истине учит не наука только, но и простой здравый смысл. Так доказывает ее народ своими мудрыми пословицами: 1) Одному и у каши не споро. 2) Две головеньки скорее курятся. 3) Веревка крепка с повивкой, а человек с помочью (сотрудничеством)*.

Старые, матерые деды наши, не слыхавшие и слова «наука», удивительно ясно сознавали великую пользу сотрудничества. Следующие слова одной старой грамоты прекрасно свидетельствуют об этом: «А для чего братчина? Для того, что одному хозяину варя пива тяжела, дорога и хлопотлива, а братчиной всякому вмоготу, для того и братчина». Итак, никто, как бы ни был мало образован, не станет сомневаться ни в пользе сотрудничества, ни в приложениях его начала. Кому не хватает науки, оценит здравым смыслом. Следовательно, настаивать перед читателем на пользе и необходимости Общества распространения знаний не позволяет автору самое простое правило приличия и вежливости.

§ 12. Предвижу более дельные возражения на разделы Общества, и особенно на разделение Отделения Наук Нравственных на два разряда: 1) философского и 2) исторического. Необходимость принять четыре его класса заставила прибегнуть к такому делению: между ними существуют строго определенные границы; наконец весьма мало ученых, которые соединяли бы в себе, подобно Лахманну, одинаковое познание классического и мира западноевропейского; не больше, веро-

* Поляк и чех говорят: 1) Zwielu rąk większa pomos; 2) Z mnoha ruk <…> pomoc.

ятно, и ученых, которые бы соединяли одинаковым познания и мира классического, и мира славянского. Следовательно, четыре эти класса принять следует — это разряд исторический. Разряд, называемый мною философским, может быть разделен на два класса, из коих один занимается изучением законов природы человека, как существа нравственного, следовательно, сюда относятся философия, психология, логика и пр.; другой же класс занимается изучением законов общества человеческого, изучением природы человека, как животного общественного, следовательно, сюда принадлежат науки юридические. Конечно, тесных границ между разрядами философским и историческим быть не может — так эстетика прибегает постоянно к истории, так история не может обойтись без философии; но все-таки границы есть, и так как главнейшей задачей членов Общества будет выбор иностранных произведений, достойных перевода, то и разряд философский указывает на те сочинения, в которых преобладает направление философское, а разряд исторический те, в которых преобладает направление историческое. Выбором для перевода курса эстетики занимается первый разряд, а историей искусств — второй, если же то будет история искусств у греков и римлян, то выбором занимается класс греко-римский, если история искусств на Западе, то класс западноевропейский; если история искусств у народов древних и новых, то оба класса.

Издание популярных руководств и переводов замечательнейших произведений науки западной будет главнейшим предметом занятий Общества, но не единственным; особенно по классу восточноевропейскому или славяно-русскому необходимо издание и оригинальных сочинений. Не по всем разрядам и классам или, лучше, не по всем предметам необходимо издавать вместе популярные руководства и переводы замечательнейших иностранных произведений. По одним предметам можно удовольствоваться изданием учебников, по другим — переводом классических иностранных сочинений.

В виде образчика деятельности Общества распространения знаний представляю перечень необходимых, по мое-

му крайнему разумению, изданий по славяно-русскому или восточноевропейскому классу. Как самое его название показывает, предмет его изучения мир греко-славянский, то есть Россия, ее единоверцы и соплеменники, и те иноплеменные государства, которые и по этнографическому составу своему, и по своим историческим судьбам принадлежат более к миру восточноевропейскому, чем к западному, именно Турция, Австрия и прежняя Венеция. Сюда же входят те инородцы и иноверцы, судьбы которых тесно соединены с судьбами России и остального мира славянского, а именно литовцы, албанцы, финны и другие народы азиатские.

Следует перевести:

1) По истории Византии — сочинения Лебо, отдельные исследования Мортреля, Тафеля, Томаса и Фальмерайера. Но несравненно еще важнее было бы приготовить издание византийцев в переводах, с объяснениями и примечаниями.

2) Лучшую общую историю и статистику Австрии.

3) Историю Турции Цинкейзена. Лучшее путешествие по Турции, вполне или в извлечениях, с прибавлениями из других сочинений. Обращать преимущественное внимание на состояние наших единоверцев и соплеменников.

4) Историю Венеции Романина. (Перевод можно издать выпусками.)

5) Историю чехов Палацкого. Историю Венгрии, например, Хорвата.

6) Историю Польши Реппеля. Труды Лукашевича по истории Реформации в Польше.

7) Историю польской литературы Мацеевского. Историю школ в Польше Лукашевича.

8) Историю славянских законодательств Мацеевского (2-е ожидаемое издание).

9) Исследования Лелевеля о польском законодательстве.

10) Статьи Венцеля о статутах далмацких общин; статуты представить в подлиннике и переводе, к ним присоединить уставы Полицы, Сеня, о-ва Крека и пр.

11) Сборники этнографические; где соединить наиболее примечательные этнографические статьи из Варшавской библиотеки, из Часописа чешского музея, из Архива Кукулевича-Сакцинского, извлечения из заметок Вука, из сочинения Илича и пр., и пр.

12) Сборники исторические; где соединить статьи биографические, например, о славянских художниках, сербских и хорватских, чешских и польских (статьи Кукулевича, Мюллера и др.); — статьи по истории славянских литератур из Часописа и др. (некоторые статьи Небеского, Воцеля).

13) Историю Ускоков, Минуция Минуччи, с присоединением грамот и других исторических свидетельств, недавно изданных.

14) Историю и статистику Греции.

15) Извлечение из албанских исследований Гана. Лучшие немецкие исследования о литовцах.

И издать — 16) Славянскую хрестоматию, по крайности по языкам польскому, чешскому и сербскому, причем следует поместить не только отрывки из замечательнейших памятников каждого из этих языков в хронологическом порядке, но и присоединить к ним краткие, сжатые заметки: 1) филологические — об особенностях языка; об его отличиях от церковнославянского и русского; краткую грамматику и объяснительный указатель всех непонятных для русского слов, встречающихся в приведенных отрывках; 2) исторические — о политической судьбе народа; о развитии его просвещения и образованности; биографии замечательных людей и писателей.

На обязанности же славяно-русского класса лежат, кроме того, другие весьма важные задачи, требующие немедленного и отчетливого разрешения, что может быть достигнуто только совокупными усилиями более или менее всех русских ученых и писателей, по предварительному, знатоками дела начертанному плану. Разумею следующие труды:

1) Издание переводов иностранных путешественников по России до царствования Петра Великого. Переводы необходимо издавать с объяснениями и примечаниями — биогра-

фическими, библиографическими, археологическими, историческими и географическими.

2) Издание наиболее замечательных сочинений по русской истории старых наших исследователей, как прошлого, так и начала нынешнего столетия.

3) Обратить самое строжайшее внимание на издание русских авторов и позаботиться о приготовлении хоть одного издания достойного, ибо так называемое Смирдинское издание — весьма неудовлетворительно. Деятельность почтенных наших библиографов найдет достойные себе задачи. Необходимо собрать в одно издание все замечательные, наиболее запечатленные талантом статьи из русских журналов славного Екатерининского времени. Таким образом, водворилось бы в литературе нашей уважение к старым ее деятелям, ибо легкомысленный взгляд на предков есть признак слабого развития образования и просвещения.

4) Полное, систематическое издание славяно-русских рукописей. В таком труде настоит теперь насущнейшая потребность нашей литературы. Его ждут от России — наука, весь мир славянский. Действительно, в настоящее время крайне необходимо решительно взяться за такое издание памятников древней славянской и старинной русской письменности: ибо современное состояние истории русской словесности совершенно однозначительно с состоянием русской истории, политической и юридической, до выхода в свет в высшей степени важных изданий Археографической комиссии. Для большего удостоверения привожу слова одного из первых славянистов в настоящее время (О. М. Бодянского): «Чрезвычайно благодетельно было бы и для издания славяно-русских памятников такое же учреждение, какое имеется уже для памятников русской истории в лице Археографической комиссии. Последствия были бы одни и те же. Но без обнародования как можно большего числа их систематически руководимых знатоками, напрасны все наши усилия достигнуть каких-либо положительных сведений в древнеславянской и русской словесности; отрывочные памятники и ведут к от-

рывочным знаниям, которые всегда почти вполне опровергаются первым же, случайно появившимся в печати, сколько ни есть важным памятником. Пора, давно пора заняться нам и этим, как владельцам самых богатых, единственных собраний церковнославянской литературы, составленных нашими неутомимыми любителями предками, собраний, которым нигде не найдем подобных… Тогда сведения наши о старой литературе и языке получили бы совсем иной вид, стали бы созидаться на твердом и непоколебимом основании, и без того, верьте, из ничего — ничего не будет или мало путного». Цель этих из высшей степени необходимых теперь изданий — не та же ли, что и цель всех отделов и классов Общества распространения знаний. Наконец, Новиков, мысль которого в этом Обществе впервые как бы получает плоть и кровь, не внес ли в круг своей обширной деятельности, имевшей главной целью распространение знаний, — не только издание популярных учебников, детских книг, переводов, но и издание Древней Русской Вавлиофики? Такое издание памятников древней славянской и русской словесности точно так же послужило бы к прославлению нынешнего царствования, как учреждения Археографической комиссии займет одну из славных страниц царствования Николая. С течением времени, когда Общество все более станет приобретать себе популярность в России и тем будет в состоянии увеличить свои средства, тогда при славяно-русском классе образуется то «Центральное хранилище славяно-русских рукописных памятников для средней России», на необходимости которого энергически настаивает тот же известный славянист, слова которого приведены мною выше. «Мне известно, — говорит он, — что такое собрание вскоре умножилось бы патриотическими приношениями многих владельцев рукописей и книжной старины, которые рады бы заблаговременно найти ей приют в будущем от всякого рода случайностей. Уверен, что и для самого помещения, приличного таким сокровищам, *предназначаемым и для всеобщей пользы,* книголюбивая столица Москва не отказала бы в жертве со своей стороны.

Равным образом нашлись бы люди, которые готовы были бы служить безвозмездно при таком общеполезном заведении своими сведениями и трудами». Нанимать Обществу особое для себя помещение — нет нужды (так, ни Археологическое, ни Минералогическое общество его не имеет), ибо на то потребуется большая сумма, — принять же в дар можно: смело говорю, не сегодня, так завтра Общество распространения знаний будет иметь своих Демидовых.

5) Кроме того, Общество должно постоянно иметь в виду: очищение и развитие в России здравого эстетического *вкуса,* поощрение всеми зависящими от себя средствами — критических исследований, переводов классиков древнего мира, греко-римского, и нового западноевропейского мира.

6) Успех и развитие детской и народной литературы, выдавая пособия, назначая премии авторам лучших сочинений для детского и народного чтения. Привожу замечание, сообщенное мне одним известным нашим ученым: «…кроме того, две важных задачи могло бы принять на себя это Общество: издание книг для народного чтения и книг для детей. Первая до сих пор весьма мало обращала на себя внимание ученых, знакомых и с действительным бытом русского простолюдина. Общество откинуло бы ту нелепую мысль, что с необразованными собратьями следует говорить как с детьми; эти дети во многих сторонах жизни более развиты, нежели те, которые считают себе взрослыми. С ними следует беседовать о предметах, им неизвестных, но полезных, а учить должно детей. В отношении к этой литературе мы нарочно употребили слово *учить.* Общество поймет, чего до сих пор не хотят понять издатели сочинений для детей, что цель этих изданий состоит в образовании младшего поколения, а не в забаве. Спекулянты-издатели до сих пор смотрели на детскую книжку как на игрушку и рассчитывали на барыш по внешнему изяществу. Спекулянты-писатели смотрели на детскую книжку, как на забаву и потому совершенно упускали высокую цель учения. Ребенок вообще бывает гораздо серьезнее пустого взрослого человека. Этой истины, конечно,

не понимают ни спекулянты-книгопродавцы, ни спекулянты-писатели. Общество, без сомнения, это поймет и обратит строгое и должное внимание на детскую литературу».

§ 13. Общество распространения знаний должно быть образовано в Москве — истинном средоточии русского просвещения, местопребывании старейшего русского университета, члены которого, как и вообще все московские ученые и писатели, обременены различными служебными занятиями гораздо менее, чем в Петербурге, где и без того много ученых обществ, в занятиях которых здешние писатели и ученые принимают самое живое и деятельное участие. В Москве, первопрестольной столице, хранительнице русской народности и самостоятельности, Общество распространения знаний должно быть для того, чтобы приобрести себе в России ту популярность, от которой главнейше зависят его успехи, как мы сейчас увидим. Кроме этих причин, на мой взгляд, весьма уважительных, есть одно немало значащее обстоятельство, непременно заставляющее желать основания нашего Общества в Москве, у просвещенных жителей которой один из предметов самых пламенных желаний — заведение Общественной Библиотеки, чем чувствуется крайняя потребность и на что готовы излиться весьма значительные пожертвования. Не лучше ли, не удобнее ли всего — Обществу распространения знаний открыть доступ всем и каждому в свою библиотеку, — а при Общественной Библиотеке образовать Общество распространения знаний, — одним словом, эти два славных учреждения слить в одно. Необходимые для того и другого пожертвования частные, это лучшее мерило народной нравственности, не будут развлечены и чрез то не ослабеют, но, напротив, слившись воедино, окрепнут и усилятся.

Наконец, и самая мысль этого Общества внушена Москвой же: в ней трудился благородный Новиков; в деятельности Шварца уже теплился зародыш этого Общества; московским профессорам и ученикам их литература главнейше обязана лучшими изданиями, предвестниками будущих изданий Общества. Здесь работали и подвигали других на ра-

боту — Валуев, Грановский, Киреевский*, Фролов (не говорим о живых); одни члены Московского Университета с такой благородной упрямкой со времен Поповского всегда стремились к живому, плодотворному знанию, к распространению его в отечестве нашем. Если Общество распространения знаний будет основано не в Москве, оно едва ли когда достигнет желаемых результатов. Петербургу остаются Академия и другие ученые общества, главнейшей задачей которых подвигать науку вперед, открывать в ней новые пути и приемы; у Москвы все права на местопребывание Общества распространения знаний, первой обязанностью которого истины, уже добытые, передавать во всеобщее сведение, в обществе русском возбуждать мало в нем развитую самодеятельность и приучать его к труду мысли самостоятельному. Общество распространения знаний не все же стало бы ограничиваться изданием самоучителей, переводов и пр. Пришло бы время, когда ему можно было бы обратить свою деятельность на великое колоссальное предприятие, которое должно бы занять силы всех будущих русских ученых писателей, — на издание полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения.

Членами Общества распространения знаний могут быть все образованные люди, с условием ежегодного известного взноса. Всякий член приписывается к одному или нескольким отделениям или классам. Члены каждого отделения решают, какие сочинения считают достойными перевода, берутся переводить сами или отыскивают переводчиков. Так как, по всей вероятности, члены главнейше будут состоять из профессоров университетов, то они могли бы легко соглашаться между собой и поручать своим слушателям те переводы, которые почтут нужными. Условия платы за труд переводчику или сочинителю руководства определялись бы предварительно особым Советом, который образуется тотчас же по разре-

* Покойный П. В. Киреевский, подобно Грановскому: «имел намерение издавать в переводе историю европейских государств».

шении. Совет состоял бы из просвещенных людей, пользующихся всеобщей любовью и известностью. На обязанностях его лежали бы забота об отыскании средств, потребных на издания Общества, так как вклады членов могут быть достаточны только на жалованье секретарю, письмоводителю и на содержание канцелярии.

§ 14. Мы видели необходимость особого постоянного капитала для издания книг, при современном состоянии общества и русской литературы, крайне необходимых; видели также необходимость особого Общества для такого рода изданий. Откуда же оно достанет себе столь значительные средства для такого огромного предприятия? Одним словом, каким путем добыть ему этот особый, постоянный и значительный капитал?

Для того необходимо образовать, по примеру наших славянских братьев, с разрешения правительства, «Русскую Матицу» или народный капитал из добровольных пожертвований для издания особых книг и сочинений.

Первая мысль Матицы, этого превосходного учреждения, принадлежит сербам, потом оно было принято у чехов, хорватов, лужичан и теперь оказывает у них с каждым годом все более свое благодетельное влияние. К сожалению, не имея при себе никаких подробностей об основании Матицы у сербов, — скажу только, что гениальная мысль эта родилась у Хаджича, писателя сербского, еще в 1823 г., осуществлению же ее всего более способствовал другой серб — г. Павлович. Основание Сербской Матицы положено в 1826 г. В 1830 г. Чешский Народный музей, что наша Академия наук, испросив разрешение правительства, издал следующий циркуляр, в котором ясно обозначены и условия и цель такого учреждения. Для большей ясности сообщаю его перевод.

«Патриотам-любителям нашей народной литературы.

Хотя наша народная литература, в славное царствование императора Франца I, снова начала распускаться и может теперь уже гордиться некоторыми зрелыми плодами: но все еще нельзя не согласиться, скудна и незрела. Все чешские книги,

какие только издаются в настоящее время, берут свое начало в патриотическом рвении некоторых писателей, которые для родины жертвуют не только своим временем, но и капиталом, не ожидая за то ни известности, ни вознаграждения. При всем том слишком часто, к сожалению, случается, что, в то же время, как лучшие писатели наши, не имея средств, ничего не печатают, издается много плохих и ненужных сочинений, более вредных, чем полезных нашей литературе.

Для отстранения этого зла и для успешного хода и развития нашей литературы, уже не раз многие любители отечественного просвещения предлагали образовать из добровольных денежных пожертвований особый капитал для издания хороших детских книг.

Когда же после того Совет Общества Чешского музея, на основании своих Высочайше утвержденных правил 11 января 1830 г., образовал из членов Общества особый Комитет для научного образования чешского языка и литературы, то члены сего Комитета поставили себе непременным долгом обратить все свое внимание на столь важный предмет. Таким образом, были постановлены следующие правила, которые и представляются с полной доверенностью на суд всех горячих патриотов, истинных чехов.

§ 1. Из денежных пожертвований любителей отечественной литературы основывается особенный капитал под именем *Матицы Чешской.*

§ 2. Капитал этот образуется с той целью, чтобы облегчить издание хороших чешских книг, важных или в научном, или в художественном отношениях.

§ 3. Комитет Музея для чешского языка и литературы с капиталом этим состоит под надзором и управлением одного из членов Совета Общества и ежегодно, для большей достоверности, представляет отчеты.

§ 4. Всякий дар, присланный в Комитет, будет сначала положен в общую чешскую Сберегательную кассу, и когда составится достаточный капитал, то ежегодные с него проценты будут употребляемы на дело, означенное в § 2.

§ 5. Всякий дар, с этой патриотической целью пожертвованный, будет принят с благодарностью; каждый же, кто внесет не менее 50 злотых серебром или разом, или в несколько сроков, которые может набрать по своему благоусмотрению, удостаивается звания Основателя Матицы Чешской.

§ 6. Основатели Матицы Чешской получают даром, без всякой платы, по одному экземпляру каждой книги, которая будет напечатана или на счет или с помощью этого капитала.

§ 7. Имена всех жертвователей и основателей Матицы Чешской, с обозначением их вкладов, будут ежегодно доводимы до всеобщего известия.

§ 8. Соображаясь с денежными средствами, Комитет определяет, сколько книг и какие именно издавать ежегодно; но главное свое понимание он обратит на то, чтобы в скорейшем времени издать критический Словарь чешского языка и Реальную Энциклопедию.

§ 9. Вклады принимаются в Праге у нижеподписавшихся членов Общества или у библиотекаря Народного музея; там же, если кто пожелает, можно получить и квитанцию в получении внесенной суммы.

Подписались: Иосиф Юнгман, Ян Святослав Пресль,
Франц Палацкий.
В удостоверение сего:
Князь Рудольф Кинский.
Совет Общества Чешского музея».

Предложение это было принято большинством с величайшей радостью; но нашлись и недовольные, впрочем, немногие. Они напали на многие из этих правил, но пользы самого учреждения никто не отвергал, потому, конечно, что здравый смысл давно высказал великую истину — «с миру по нитке, голому рубаха». Не мешает, однако, познакомиться с нападениями тех недовольных. Им не нравилось, прежде всего 1) неравномерность выгоды, принадлежащей участникам. Кто внесет 50 злотых серебром, тот считается *основателем* Матицы Чешской и даром получает по экземпляру каждого издания:

кто вносит менее 50 золотых, хотя, например, 49, тот простой жертвователь, участник и ничего не получает. Кто не в состоянии дать 50 злотых, тот не даст ничего. Далее, замечали они, люди бедные, по не менее горячие патриоты и *любители* чешской литературы, могут сказать: «Я сегодня внесу деньги в Матицу, а завтра умру, и наследники мои ничего с того не получат. Деньги останутся там». — Богатому это ничего, а человеку бедному оно и не выгодно. 2) Богатым людям идет еще за вклады вознаграждение книгами, бедные же, хотя бы жертвовали с большим рвением, только теряют. 3) Для того, чтобы умножить число участников и из бедных людей, надо, по их мнениям, а) при бесплатной раздаче книг принять во внимание и менее значительные приношения; б) чтобы эти приношения обращались в наследственные акции и т. д. Совет Общества отвечал этим возражателям, что Матица Чешская не есть Общество на акциях. Она основана единственно на добровольных пожертвованиях. Такой способ не только самый благородный и простой, но вместе с тем и самый выгодный. Всякий жертвователь приносит значительную пользу и отечеству, и литературе; если же всякое приношение обращать в акцию, то его должно было бы возвращать назад — откуда же Матица получила бы тогда нужный капитал и развитие? Кто дал бы Матице, например, 10 злотых и приобрел бы от нее книг на 10 злотых, тот не дал бы ей, собственно, ничего, а следовательно, и не помог бы нисколько ее успехам».

«Все истинные патриоты, — продолжает Совет, — вносящие деньги в Матицу, или жертвуют ей добровольно и безусловно, или ждут от нее пользы и выгоды; кто ищет пользы и выгоды, пусть покупает книги, издаваемые Матицею, и таким образом достигает своей цели.

Неравномерность же выгоды людей тех, кто жертвует 50 злотых, и тех, кто жертвует 49 злотых, только кажущаяся. Кто пожертвовал из патриотического рвения 49 злотых, пожертвует 50-й из того же рвения и тогда будет основателем.

То возражение, что богатые получают вознаграждение, а бедные нет, не имеет ровно никакого основания. Если кто

из бедных людей пожертвует Матице, то приносит тем пользу литературе, и самое сознание его будет лучшей его наградой; если же кто принесет пожертвование, сопряженное для него с большими усилиями, в 50 злотых, то и Матице следует его отблагодарить.

У нас найдутся двоякие богатые основатели: одни, искренние любители языка и народной литературы, другие — равнодушные. На первых можно надеяться, что они, ревнуя о просвещении, пожертвуют и более 50 злотых; другие же, равнодушные к литературе, станут жертвовать из любви к добрым делам или из тщеславия, но, приобретая книги, которых бы иначе никогда себе не купили, впервые теперь обратят свое внимание на литературу, и некоторые из них со временем станут сами горячими ее любителями. Впрочем, в обоих случаях выгодно будет не отдельным лицам, но народу, его языку и литературе.

Если бы Матица была основана на продажных или наследственных акциях, то, минуя уже многие другие неудобства, следовало бы иметь особого чиновника. Это же невозможно по многим причинам, которых здесь нельзя перечислить.

Где дело идет о любви к отечеству, о благе народном, там и речи быть не может ни о правах, ни об обязанностях торговых. Долг признательности, которой обязан Совет Общества к основателям Матицы, есть совершенно особенный, но не может быть вечным и простираться на наследников, а также и на учреждения и общества, как на лица не умирающие.

Если же какое-нибудь учреждение, библиотека или общество пожелает вступить в основатели Матицы (в силу обыкновенного правила (?), что вечные проценты, в противоположность пожизненным, требуют двойного капитала), то обязано внести не 50 злотых, а двойную сумму.

В ответ на различные вопросы о рассрочках объявляем, что всякий, кто вносит в Матицу по частям, тот по взносе первой части, письменно обязавшись на остальные части, тотчас же получает от Совета звание основателя и тотчас же пользуется его правами, на основании § 6 (т. е. получает издания

Матицы даром). Но имя его в отчетах будет помещено в ряду имен основателей не прежде, чем внесет всю определенную сумму. Так, кто в продолжение пяти лет (самый большой срок) будет вносить в Матицу ежегодно по десяти злотых серебром, тот, по взносе первых десяти злотых, сейчас и станет получать издания Матицы даром, но имя его не раньше, как через пять лет, попадет в список основателей. Имена этих основателей и по смерти их, в ежегодных отчетах Матицы Чешской, будут печатаемы на Вечные времена. А если же кто в своем обещании вносить по частям не устоит, то Совет Общества перестанет поступать с ним, как с основателем.

В Праге; апреля 1831.

От Совета Общества языка и литературы чешской».

Таким образом была основана нынешняя Матица Чешская, оказавшая и доныне не перестающая оказывать, великие услуги обществу и литературе. Такое же превосходное учреждение существует теперь и у хорватов и лужичан. Почему же нельзя завести его и у нас? Мы не обязаны же рабски следовать всем правилам Чешской Матицы. Не позволяя себе постановлять никаких условий и правил, призываю только всех благомыслящих людей обратить на это предложение свое снисходительное внимание. Без Матицы невозможно Общество распространения знаний, без Общества невозможно приготовить, как следует, столь крайне необходимые нам издания. Без изданий этих нечего толковать о развитии образования и мысли, об умственной самостоятельности в отечестве нашем.

Надеюсь, не оскорблю русских просвещенных людей, если скажу, что мысль, внушенная искренней любовью к просвещению и родной земле, найдет у них сочувствие и не будет отвергнута только потому, что принадлежит лицу темному, ни литературе, ни обществу никаких услуг не оказавшему. Эта мысль настолько дельна и полезна, чтоб быть принятой, и не настолько хороша, чтоб не могла прийти в голову всякому другому. В предлагаемых мерах нуждаются не высшие аристократические кружки (аристократические не только по

званию и состоянию, но и по образованию), а то дурно и малообразованное большинство, которое жаждет знаний и образования, но лишено всяких к тому средств. Не великая честь принадлежать к этой массе; она как бы вызвала из среды своей пишущего эти строки и посылает его выборным своим человеком к передовым деятелям и вождям. Живя в высшей среде, они не могли так сильно чувствовать настоятельных потребностей низших по образованию слоев общества. Знания у нас все еще остаются какой-то аристократической привилегией слабого меньшинства, которое и говорит как-то непонятно для массы, слышащей одни крайние выводы и результаты и тем принужденной или принимать их на веру, или не признавать их вовсе, и отвергать, как пустые слова, лишенные всякого содержания. Масса жаждет знания и не потому только, что слышит себе беспрестанные упреки в невежестве от своих вождей. Она смиренно просит у них средств к учению, к самообразованию. И разве не лучше будет для самих вождей, когда их масса станет понимать сознательно и перестанет бессмысленно повторять их слова. До понимания же их она может возвыситься не иначе только, как тогда, когда знания разольются во всех кругах общества, чего в настоящее время возможно достигнуть только одним средством — изданием 1) хороших популярных учебников, 2) переводов классических произведений западных литератур. Чем потребность настоятельнее, тем нужнее заботиться о скорейшем ее удовлетворении. Скорее и лучше всего можно привести в исполнение это средство образованием особенного Общества, для обширной деятельности которого необходим постоянный, значительный капитал. В таком капитале настоятельная потребность общества и литературы. Создать его можно не иначе, как основанием, по примеру сербов, чехов и др. наших соплеменников, с дозволения правительства, Русской Матицы или капитала для издания книг и сочинений. Ясно, что в Матице настоятельная потребность общества и литературы.

§ 15. Но возможно ли завести у нас Матицу? Станет ли кто у нас жертвовать? Общество наше несовершенно разви-

то. Поймет ли оно пользу такого учреждения? Много ли у нас людей, думающих о литературе?» — Но ведь сербы, особенно 30-х годов, были менее развиты и образованы, чем мы в 70-х годах прошлого века. Однако же они поняли пользу Матицы, и она у них принялась. Чехи 30-х годов, конечно, были менее образованы, чем мы в настоящее время, и у них она принялась и действует теперь с успехом. «Но там особенный патриотизм, боязнь потерять свою народность заставили прибегнуть к такой мере. У нас не те обстоятельства». Но разве нельзя подействовать и на наше общество, задеть все его живые струны, напомнить ему, что литература — его лучшее достояние, не из последних благ, которыми оно должно дорожить. Разве уже само по себе не великое дело заставить всю Россию принять участие в деятельности Общества распространения знаний?

Неужели не найдется у нас людей, которые, раз убедившись в необходимости этого учреждения, не сумели бы горячо взяться за это дело, не стали бы печатать живых, общепонятных статей во всех журналах, ведомостях? Стоит только дружно приняться за дело, кликнуть клич на всю грамотную Россию, и в полном ее сочувствии к столь важному делу нечего и сомневаться.

Остается еще разрешение жизненного вопроса для Общества. Все, что мы говорили об учреждении его с Матицей, есть только предположение, внушенное нам желанием добра нашему отечеству. Осуществить это предположение, сказать в этом деле свое последнее, мощное, благодетельное слово может одно правительство, которое всегда покровительствовало всем добрым, истинно полезным предприятиям.

Типографская библиотека в Москве

Несколько времени тому назад по Москве ходил слух о том, что библиотека Московской синодальной типографии будет уничтожена, т. е. разобрана по частям и отвезена в Петербург. Очень понятно, что такое известие переполошило всех

москвичей страшно, ибо у них еще по сие время нет общественного, всем и каждому доступного книгохранилища, тогда как публичные библиотеки заводятся уже теперь не только в городах губернских, но и в уездных, и даже в некоторых селах. По счастью, слух этот оказался ложным и неосновательным, как то положительно доказано уже М. П. Погодиным[1] (в «Русской газете»). Говорим — по счастью. Действительно, как бы иногда справедливо москвичи не упрекали нас, петербургских жителей, за наши часто уже чересчур бюрократические и централизаторские замашки, однако, верно, они никогда не заподозрят ни одного петербургского литератора или маломальски образованного человека в диком желании оттяпать от них какое-либо из их драгоценных, вполне им принадлежащих книгохранилищ. Но что такое московская типографская библиотека? Почему так дорожат ею москвичи? Почему вопрос о ней стал в Москве вопросом общественным? Несколько кратких о ней известий, может, будут нелишними, так как самое поверхностное знакомство с этим почтенным, не одной стариной, учреждением, само собой вызывает целый ряд мыслей о предмете столь великой важности, как народное образование. Пустой слух оказал в этом случае большую услугу: без него бы общество наше, может, еще долго оставалось в своем прежнем неведении о той громадной готовой силе, которой оно обладает для удовлетворения одной из насущнейших своих потребностей. Такие мысли пробудила в нас статья г. Бессонова[2], напечатанная в V кн. «Русской беседы» и отдельно. Статья эта — живой, дельный очерк московской синодальной библиотеки, ее сокровищ, ее значения, очерк, возбуждающий внимание каждого просвещенного человека. Отсылая читателей к этой в высшей степени занимательной статье, пишущий эти строки позволяет себе только слегка обозначить некоторые главнейшие черты и особенности этого замечательного учреждения, вполне уверенный, что нижеследующие о нем сведения способны убедить каждого, что в нем Россия в деле народного образования имеет могущественный рычаг — стоит только упереть его в почву народных интересов и современных по-

требностей страны. Эти два учреждения — московская, прежде патриаршая, ныне синодальная, типография и имеющаяся при ней библиотека — составляют собственно одно, чрезвычайно-оригинальное учреждение. Не вместе они немыслимы, и уничтожение одного из них было бы однозначительно с разорением целого учреждения. Типография эта получила свое начало при царе Иване Васильевиче Грозном, в 1553 г.; в один год, можно сказать в один день с ней, и ее библиотека, ибо в нее, как в архив типографии, положено было сдавать все подлинные рукописи, все корректурные экземпляры отдельных изданий или перепечаток, выходивших из этой типографии. Так как на ее заботах лежало преимущественно издание текстов Священного Писания и книг богослужебных, где ошибки могут быть положительно вредны, то в типографии и было постановлено непременное правило, вследствие которого справщики или корректоры обязывались не пропускать в издании ни одной ошибки, и при выпуске книги свидетельствовали своей подписью в том, что ошибок нет. Если же опечатки проскальзывали, то книгу вновь перепечатывали, уже на счет корректора. Это правило и поныне строго соблюдается. В библиотеке типографской сохраняются рукописи, которые назначались к изданию, но почему-либо не были напечатаны. Из них есть немало очень замечательных; например, переводы знаменитого князя Курбского, перевод летописей Барония, древние словари и алфавиты, весьма важные памятники для изучения быта и образованности наших предков. Тут же хранится собрание рукописей, отличающихся особенностями или красотой почерка, с узорчатыми заглавными буквами, рисунками. Эти рукописи жертвовались в типографию царями, патриархами и пр., с целью развивать технику, улучшать внешний вид изданий и пр. «С самого начала книгопечатания все заглавия, узорчатые буквы, рисунки и виньеты, долгое время помещавшиеся и отчасти доселе помещаемые в московских и вообще русских изданиях, перешли сюда через московскую патриаршую и синодальную типографии, прошли через искусство и руки ее деятелей: или отчасти заимствованы из первых иностранных изданий, отча-

сти переняты с собственных, славяно-русских, рукописей, отчасти выработаны самобытно. Каково бы ни было их относительное достоинство и изящество, сообразное с младенческой эпохой их искусства, все-таки нужно помнить, что типография занимает здесь одну из важнейших страниц истории русской *металлографии* и *ксилографии* в применении к книгопечатанию. Для всех сих технических целей в типографии существовала (и существует доселе) особая *рисовальная палата.* В библиотеке типографии собраны и все книги церковной печати, изданные в этой типографии или в других местах; — это драгоценный материал для истории церковного нашего богослужения. В старину очень часто при книгах церковных помещались особые предисловия, живо характеризующие время и представляющие любопытный материал для истории русской словесности и образованности. Как богата эта библиотека вообще старопечатными славянскими книгами, изданными вне Москвы, в Белоруссии, в Малороссии, в Молдавии, Валахии, в Черногории, в Венеции и пр., можно судить по следующему примеру. Первое львовское издание грамматики, известной под именем άδελφοτης, составляет теперь такую библиографическую редкость, что его нет даже во Львове и лучших тамошних библиотеках. В типографской же библиотеке оно имеется в таком количестве экземпляров, что, по словам г. Бессонова, «можно бы наградить по экземпляру замечательные книгохранилища у славян». Библиотека также обладает богатым собранием старинных книг славянских, особенно польских и иностранных, напечатанных греческой, латинской и готической азбукой. Из этих книг в библиотеке хранятся такие древнейшие первопечатные издания (editiones principes, vetevrimae, incorruptae, emendatissimae, correctissimae, πρωτοτυποι), «что отвечают за подлинники и ныне покупаются в Европе на вес золота. Москвичи в некоторых случаях могут ими спорить не только с императорской публичной библиотекой, но и с другими заграничными...» Замечательна типографская библиотека и своим собранием русских книг гражданской печати, преимущественно петровского времени. Следует прибавить,

что синодальная типография драгоценна для потомства и как место работ Петра Великого. Здесь, вместе с ее справщиком, *Федором Поликарповым,* впоследствии первым ее директором, заменял он церковный шрифт на гражданский. Памятником трудов государя остались здесь *первый станок,* печатавший указы, печатные пробы новым шрифтам, перемарки, переделки, образцы и первые издания, наконец, целая пачка писем Петра к Поликарпову и к другим его помощникам в этом деле. Наконец, типографская библиотека пополнялась приношениями ее образованных справщиков и посторонними покупками; таким образом, в нее вошли весьма замечательные собрания рукописей и книг почтенных в истории русского просвещения деятелей — Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и знаменитого святителя Димитрия Ростовского.

Вот краткий перечень некоторых из главнейших драгоценностей московской типографской библиотеки.

Нужно ли говорить о той пользе, какую она имеет оказать отечественному просвещению? Значение этого учреждения шире, нежели простого книгохранилища. Уже само по себе, своим трехвековым существованием, внушает оно невольное уважение, как драгоценный памятник развития нашей образованности. Открытое всем, доступное каждому, оно окажет русскому просвещению услуги незабвенные. Пример Императорской публичной библиотеки в этом отношении чрезвычайно поучителен. Благодаря умной и образованной заботливости ее нынешнего начальника залы ее открыты посетителям не только для чтения и письменных занятий, но и для обозрений, под руководством опытных и образованных библиотекарей. Выставки особенных редкостей дают случай всякому любознательному посетителю в короткое время обогатиться разными полезными сведениями, живыми и наглядными. Такую же пользу могли бы принести и обозрения московской типографской библиотеке. В Москве народ гораздо более развит, нежели в Петербурге; всем известно также то великое уважение, которое питает он к книжной старине. К типографии и ее библиотеке его уже и приучать не надо, он к ней привык, ее знает;

устроенные в ней, по примеру нашей публичной библиотеки, выставки старинных наших церковных книг могли бы представлять для наших раскольников убедительные доказательства неправильности их мнения об исправлении церковных книг. Кто возьмется определить то благотворное действие, какое уже произвела на русскую литературу, а следовательно, и на все русское просвещение, публичная библиотека, открыв свои залы чтения для всех без изъятия. Нельзя потому предвидеть и силу того влияния, какое окажет и московская типографская библиотека, став доступной каждому. Во всяком только случае можно решительно утверждать, что и в этом отношении оно будет в высшей степени плодотворно. В том убеждают нас и прежде бывшие примеры работавших в этой библиотеке незабвенных наших деятелей — митрополита Евгения, Калайдовича, Карамзина, и великое историческое значение Москвы, истинного средоточия русского просвещения; в ней всегда было и будет более, чем где-либо, истинных знатоков и любителей русской старины и истории. Воспитанники Московского университета и академии всегда были и, верно, навсегда останутся лучшими и красноречивейшими ее истолкователями. Мы поступили бы очень опрометчиво, если бы ограничились предыдущими замечаниями в нашем показании того влияния, какое и может, и должно иметь на русское просвещение это старинное наше, весьма почетное учреждение. Выше отмеченное действие его на народ и Россию, строго говоря, еще не прямое, а посредственное, или и прямое, то на москвичей только и на бывающих в Москве. Типографская же библиотека не столько музей, не простое книгохранилище и любопытное собрание рукописных и книжных редкостей: по тесной и неразрывной связи своей с типографией она есть в основе своей целая корпорация ученых. Это своеобразное учреждение имело справщиков или корректоров, непохожих на корректоров обыкновенных. Работа их была выше обыкновенной, почти механической работы корректоров. Они не опечатки только исправляли, а и текст. И теперь даже, когда ограничены их права и обязанности, они постоянно, почти ежедневно, обращаются

к библиотеке для разных справок и всяких соображений. Там, даже невольно и незаметно развивается и поддерживается в них чувство образованности. Многие из прежних справщиков типографии в истории русского просвещения занимают более или менее почетное место, например, знаменитый *Епифаний Славинецкий,* переводивший Библию с греческого, автор многих замечательных произведений, *Арсений Грек,* основатель и учитель славяно-греко-латинской школы, *Федор Поликарпов*, составитель славяно-греко-латинского лексикона, славянской грамматики и пр., *Гавриил* (Петров), впоследствии митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, и мн. др. Справщики типографии сами составляли буквари и разные руководства, сочиняли предисловия к ее изданиям, переводили с иностранных языков и т. д. Живя поблизости от типографии, постоянно пользуясь ее библиотекой, они составляли между собою крепкую общину, связанную одними интересами, одушевленную благородной мыслью служения народному образованию. Что мешает ныне этой типографии не только возродиться с новыми, живыми силами, но даже и далеко превзойти и оставить за собой ее прежнее значение. Никто, конечно, не станет утверждать, что ей нельзя все более и более совершенствоваться и наконец стать образцовым типографским заведением, подобным, например, знаменитому венскому. В своем драгоценном собрании Альдов и Эльзевиров, старых славянских венецианских изданий и пр., она обладает богатыми пособиями для улучшения шрифтов и вообще для усовершенствования типографского искусства. Пособия она могла бы еще приумножить, при дальнейшем развитии своих средств и своей деятельности. И тогда, славное своей стариной, образованностью распорядителей и участников, располагая всеми современными пособиями науки и искусства, наше образцовое типографское заведение в Москве, пользуясь всеобщим уважением народа, станет особенным образовательным заведением, сильным своим высоким нравственным духом. Сотни его воспитанников разойдутся по лицу всей русской земли, потребность которой и типографиях, и теперь уже довольно-значительная, с тече-

нием времени должна увеличиваться все более и более. Для возведения московской типографии на высокую степень развития, как на великое всенародное дело, со всей России, конечно, принесутся добровольные пожертвования, наклонность к которым развивается в странах вровень с улучшением в них общественного быта.

Наше трехвековое книгохранилище с своей типографией, составляет, как мы видели, и общество издателей... Чрезвычайно велики те услуги, какие оно уже в этом отношении оказало; необозримо громадны те, которые должно оно оказывать в будущем, проникнутое христианским духом братолюбия, приняв в свое ведение всю науку человеческую, всецело посвятив свою деятельность просвещению страны, распространению в народе истинных, плодотворных знаний, укрепляющих веру человека в истину и торжество добра на земле, несущих ему победу над плотью и внешней природой...

Вопрос о том — народное образование должно ли быть обязательно или добровольно — возник и у нас. Здесь, кажется, не может быть и спора, если только признать, что истина сама по себе уже убедительна и для своего успеха во внешних толчках и поддержках не нуждается, что народ, на какой бы низкой степени развития он ни стоял, не все одно, что дети, которые своей собственной пользы еще понимать не могут. Внимательное изучение внутреннего строения языков и изустной словесности народов самых грубых и необразованных, открывает такое богатство творческой фантазии, столько глубины чувства и столько здравого смысла, до которых никогда неспособно возвыситься никакое дитя любой европейской страны — не разумеем здесь весьма редких гениальных исключений. Наш же народ не эскимосы, не американского, а славянского племени, которое в богатстве творческого духа ничем не уступает родственным ему племенам — германскому и романскому. Свое уважение к образованности и свою способность к науке засвидетельствовал он своим Ломоносовым: другого равного ему по гениальности, кроме Петра, Россия еще не имела. Из крестьянства, этого ядра России, или весьма

близкого к нему состояния вышли Барский, Пансий Величковский, Серафим, Посошков, Кулибин, Голиков и многие другие, весьма почтенные наши деятели. На вопрос «Нужна ли обязательность в деле народного образования?» — отвечаем отрицательно. Если народ понимает пользу грамотности и учения, то и обязывания — смешны. Если же не понимает, то всякие обязательные меры — недостаточны, и по силе вещей они должны будут обратиться в строго принудительные и насильственные. Но всем известны нелепость и безнравственность насильного обращения к добру и истине. В деле народного образования обязательность может быть допущена в том только смысле, если высшие классы народа, более обеспеченные материально и, следовательно, располагая большим досугом, вменят себе в непременный долг — представлять собою живой, ходячий пример пользы образования и изыскивать все благоприятные средства для его распространения в народе. В этом отношении они не только могут, но и должны обязывать и даже принуждать и заставлять, только не народ же, а самих себя. Упразднение крепостного состояния, обеспечение личных и имущественных прав, дешевое, строго отчетное управление, удешевление соли, железа и других предметов первой необходимости, уничтожение всего стесняющего народную производительность — вот те явления, которые наиболее способствовали распространению грамотности и образования в народных массах Европы, пример которой, как далеко нас опередившей на пути цивилизации, для нас всегда должен быть поучителен. Главнейшей затем уже мерой должно быть — *распространение в народе массы дешевых и полезных* книг. Это такая истина, против которой, конечно, ничего нельзя сказать. Никакой частный человек, никакое вновь образованное общество людей самых благонамеренных не может послужить этому делу с такой пользой и с таким успехом, как наше почтенное, трехвековое московское учреждение, своими старыми заслугами стяжавшее уважение нашего народа и своим давним навыком изучившее все привычки и особенности вкуса своих потребителей — обстоятельство, очень важное и в книжной торговле,

тем более в торговле книгами народными. Из любопытной статьи г. Бессонова узнаем, например, что в московской типографии ведутся миллионные обороты — «ее буквари, азбуки, месяцесловы (?), разные книжки для первоначального чтения и т. п. *печатаются до цифры девяноста шести тысяч экземпляров зараз и расходятся нередко в течение нескольких недель».* Какое могущественное орудие в деле народного образования! Не сомневаемся, что московская типография вскоре придет в ближайшее соприкосновение с истинными и современными потребностями народа и, ставши на деле настоящим «обществом распространения знаний», энергически примется за издание для народного чтения, кроме Священного Писания, книг богослужебных, творений св. отцов и житий святых, также и наших летописей*, народных хрестоматий с отрывками из сочинений Ломоносова, Державина, Крылова, Пушкина, Гоголя и других, из Истории Карамзина, из произведений наших лучших духовных писателей, наконец, оригинальных учебников по русской истории, землеведению и естествознанию по примеру английских грошовых народных изданий и пр.

Необъятное, как Россия, поприще самой плодотворной деятельности раскрывается перед старым нашим московским учреждением, крепко соединяющим в себе одном троякого рода обязанности и задачи, как *книгохранилища,* всем равно открытого и доступного для обозрений и занятий, как *образцового типографского заведения,* усовершенствующего шрифты, искусство русского книгопечатания вообще, образующего для провинциальных типографий русских набор-

* Существует распоряжение Императрицы Екатерины II, и поныне еще неисполненное, об издании в московской типографии русских летописей. Наш известный любитель и знаток древностей, князь М. А. Оболенский, возбудил недавно мысль об издании для народа «Русских Летописей». Почтенный редактор «Архива» Н. В. Калачов, передавая эту мысль в своем прекрасном журнале, сообщил и от себя несколько весьма дельных замечаний. Нельзя не указать, как на факт очень отрадный, что эта мысль была принята с живым сочувствием Юрьевским Обществом сельского хозяйства, и президент его отнесся к Н. В. Калачову с вопросом, «какая из летописей может быть признана наиболее удобной для этой цели и о том, как лучше привести ее в исполнение» (см. «Архив»).

щиков, корректоров и пр., и как *Общества распространения знаний*, издающего для народа дешевые книги религиозно-нравственного и ученого содержания.

Особенности вековых, органически выросших на народной почве учреждений именно в том и заключаются, что они временно могут приходить в упадок, но, лишь только восстановится их прежняя связь с народом, тотчас же оживают, с свежестью молодых сил, к новой, обширнейшей деятельности. Грубо и невежественно не чтить таких памятников народной жизни, не заботиться об их соблюдении — и то обстоятельство, что Москва всполошилась при одном нелепом слухе об уничтожении ее славного книгохранилища, красноречиво уже свидетельствует о живом ее понимании истинных народных потребностей и современных задач русского просвещения. Нетрудно разрушить, но легко ли вновь образовать столь необходимое нам Общество распространения знаний, которое бы действовало с той громадной пользой и с тем великим успехом, которых мы, по всей справедливости, можем ожидать от такого триста лет уже существующего в Москве общества, хотя и под другим названием. Обращаемся к нему, в заключение, со словами нашего знаменитого витии, сказанными им московскому университету: «Так теки ж царским путем царская обитель знаний, от твоего *третьего* века в твой *четвертый* век. Озрившись на достигнутые успехи, благодари Бога, и поревнуй достигать больших. Не прикрывай лестью неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в беспристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершениям».

Изложив данные, заимствованные нами из прекрасной статьи г. Бессонова, и наши мысли и соображения, внушенные ее назидательным чтением, позволяем себе пожелать успеха почтенному автору в ныне приготовляемом им к изданию нового труда его: «История Московской Типографии», составляемом по документам библиотеки и архива типографии. Г. Бессонов уже известен в нашей ученой литературе. Вы можете не соглашаться с ним в том или другом его взгляде на предмет, но вы не откажете ему в уважении, внушаемом твердым убежде-

нием и горячей любовью к делу науки и просвещения. Не сомневаемся, что и этот новый труд его будет в высшей степени полезен для истории русской образованности. Прибавим, что г. Бессонов еще недавно порадовал всех любителей русской истории находкой и изданием (еще неоконченным) весьма замечательной латино-славянской рукописи XVII в. «О Московском Государстве...»

11 октября 1859 г.

Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западнославянских землях*

Достойнейшие отцы и архипастыри, милостивые государи и государыни!

От поры до времени Славянское общество нуждается, перед большинством своих членов, перед русской и славянской публикой, в разъяснении важнейших своих, потребностей и задач. Цель Общества одна, но разнообразны запросы и требования, в разные времена ему предлагаемые. Многие из них имеют частный характер, более или менее случайный и, по мере сил и возможности, удовлетворяются немедленно и единовременно. Другие же, немногие, имеют общее значение и требуют постоянных забот, продолжительных и больших затрат.

Из них, в настоящее время и на многие еще годы вперед, не могут у нас не считаться самыми главными и существенными три особенно задачи:

I. Улучшение издания «Известий Славянского общества» и приобретение ими все большего круга читателей и подписчиков. С этим связано приискание новых сотрудников, умножение корреспондентов, обогащение библиотеки Общества различными славянскими изданиями, литературными, политическими и научными. Заботы редакции и малая подписная цена позволяют надеяться, что через год-другой «Известия

* Речь, произнесенная в Общем собрании Славянского общества 15 ноября.

Славянского общества» будут иметь достаточное число подписчиков, и годовое их издание будет покрываться. Смеем уповать, что значительное большинство членов Общества будет не только само состоять в числе подписчиков «Известий», но и распространять подписку на них в среде своих знакомых, не членов Славянского общества. Таким участием и содействием Обществу будет предоставлена возможность приступить к другого рода изданиям, более обширным, чем «Известия», но посвященным той же цели: распространение в России сведений о землях и народностях славянских.

II. Второй гласной задачей нашего Общества должно быть распространение русских книг в заграничных славянских землях. Знакомство западных славян с русской литературой, распространение среди их образованных классов русского языка не раз служило предметом самых разнообразных толков и горячих прений. Его связывали с вопросом, возможно ли когда для славян единство литературного языка и нужен ли для них общий дипломатический орган для взаимного общения и разумения, должен ли им стать какой-нибудь язык иноплеменный, например, французский, немецкий или язык русский, наподобие тому, как язык верхненемецкий или тосканский объединил литературно немцев и итальянцев? И у нас, в России, и в западных славянских землях этот вопрос решается, как известно, различно. Одни, например, полагают, что литературное объединение славян посредством русского языка, с сохранением всех отдельных народных словесностей, есть дело прекрасное, желательное и возможное. Другие же думают, что оно прекрасно и желательно бы, но неосуществимо. Третьи, наконец, говорят, что оно вовсе и не прекрасно, ибо нарушило бы только в самом деле прекрасное и славянам любезное начало народной равноправности, а потому оно и не желательно, да, по счастью, и невозможно.

Понимаемый столь различно и всегда возбуждая горячую борьбу, этот вопрос в практическом смысле есть вопрос более или менее далекого будущего, а в настоящее время теоретически он принадлежит к вопросам еще неразрешенным

и открытым. Но, как ни различны взгляды на будущее значение русского языка в славянском мире, все знакомые с делом согласно вам ответят, что живое и книжное знание русского языка в западных землях славянских сделало в последние десятилетия успехи громадные. Коли лет пятьдесят тому назад надо было считать единицами людей, знающих по-русски среди славян Австро-Венгрии и Балканского полуострова, то лет двадцать назад их уже считали десятками; теперь же их будет не одна тысяча. Не одна сотня их свободно читает и пишет по-русски; другие свободно говорят и читают, третьи легко понимают устную и письменную нашу речь. В литературных и интеллигентных кружках всех западнославянских народностей знакомство с русским языком и литературой считается теперь все более и более делом нравственно и умственно обязательным, хотя оно и не требуется на государственных экзаменах*. Потребность в учебниках русского языка, в русских словарях, в историях русской литературы постоянно и всюду возрастает. Было бы в высшей степени желательно составление полного библиографического указателя всех появившихся в последние два-три десятилетия на различных славянских наречиях русских учебников и напечатанных отдельно в журналах переводов из различных русских авторов. Составился бы очень порядочный и любопытный каталог. Он бы нам наглядно показал, в каких отдаленных углах и захолустьях западного славянского мира, на юге и севере, ныне известно и любимо много русских имен, читаются с увлечением различные русские произведения. Все бывавшие в западнославянских землях или состоящие в сношениях с ними знают по опыту, как нуждаются там в русских книгах. Правда, и теперь бывает, что в одних славянских землях спрос на русские книги иной раз как бы утихает и падает, зато в это же время он усиливается и подымается в других землях. Но вообще этот спрос ни ослабеть, ни упасть уже не может. Что бы

* Было бы в высшей степени желательно иметь из каждой славянской земли отдельно приблизительные сведения о числе в ней людей (мужчин, женщин, учащихся), знающих по-русски, притом по трем указанным категориям.

ни кричали недобросовестные софисты, продажные писаки и те недоброхоты русского просвещения, коим прежде всего нужно поскорее заместить опустелые кафедры Петербургской Академии наук разными пришлыми и остзейскими немцами или евреями, что бы у нас ни кричали о современном упадке русской науки и русских университетов, а истинная правда заключается в том, что русская наука и русские университеты, хотя и не стоят еще на желанной высоте, все же никогда еще не стояли так высоко, как стоят теперь*. Русская наука начнет истинно процветать в нашем отечестве, когда русское государственное казначейство будет в состоянии отпускать хотя половину тех сумм, которые отпускаются во Франции или Германии на ученые экспедиции, на научные издания, на устройство лабораторий, кабинетов и клиник, когда сильные, влиятельные и богатые люди наши перестанут относиться к русским ученым с подозрительным недоверием и с оскорбительного свысока и возымеют к ним хотя частичку того уважения, с которым относятся в Европе и к своим, и к нашим ученым, к задачам отечественной науки. Но, несмотря на все неблагоприятные для роста науки и высокого образования в России условия, русская наука, двигаемая и распространяемая русскими университетами и другими высшими нашими заведениями, все же постоянно развивается и делает несомненные успехи. Следовательно, спрос на русскую книгу, и в Европе, и в западных землях славянских, должен постепенно увеличиваться и возрастать, а никак не уменьшаться и не

* Безо всякого преувеличения можно сказать, что теперь один хоть Петербургский университет в течение года выпустит в свет более ученых трудов, чем бывало в 40-х и 50-х годах выходило их в целой России в продолжение 5 и более лет. Справедливость, впрочем, требует прибавить, что в то время гораздо более работали некоторые официальные учреждения. Например, Археографическая комиссия как много делала в то время и как упала в последние годы! В этом отношении Русское государство делает невероятно мало для отечественной истории. Сравните, что делают Германия, Италия, Англия. Даже Мадьярская и Краковская академии издают теперь более источников и материалов, чем наша Археографическая комиссия со своими недостаточными денежными средствами. Но тут уже русские университеты виноваты. Беда в том, что нет у нас сильных деятелей-организаторов, одушевленных просвещенной любовью к России и знанием ее интересов.

падать. Время от времени, под влиянием чрезвычайных событий и особенных обстоятельств, изучение русского языка и литературы у западных славян получает новые и сильные толчки. После того у славян вдруг прибывает на то и энергии и охоты. Так было после славянского съезда в Москве в 1867 г. Так было во время герцеговинского восстания, сербской и болгарской войны. Не нужно ни дара пророчества, ни особенной проницательности, дабы предвидеть два-три таких новых толчка, ожидаемых в наступающем, 85-м году.

В апреле имеет совершиться торжественное празднование памяти славянских первоучителей. Воспоминаниям о великих стародавних событиях обыкновенно свойственно возбуждать в народном сознании целый ряд вопросов современной важности. Единство церковного и книжного языка, данное было славянскими первоучителями всему славянству и впоследствии различными славянскими ветвями утраченное — вот общая тема, которая послужит везде и всюду у славян предметом различных припоминаний и размышлений и непременно приведет к возбуждению вновь вопроса о возможности в будущем литературного славянского единства. Так вновь возникнут горячие споры, выскажутся новые доводы, как в защиту единства, так и в защиту раздробления на мелкие партии и словесности. При этом опять, конечно, должен всплыть наружу вопрос о русском языке. Защитники литературного единства станут на него указывать, как на готовое, выработанное исторической жизнью орудие. Противники же будут доказывать неспособность и неготовность русского языка стать таким объединяющим органом, начнут раскрывать тот вред, который бы, по их мнению, произошел для славянства от такого литературного объединения. Тем и другим, защитникам и противникам, придется немало тогда говорить о русском языке и литературе, понадобится размышлять и писать об этих предметах. Те и другие постараются освежить свои знания, запастись новыми сведениями, переработать и проверить свои прежние понятия и знания о России и русском языке. Весь такой неизбежно вызываемый ход мыслей и занятий будет в высшей степени благоприятен

для новейших успехов изучения русского языка и литературы в западных землях славянских.

Нельзя не ожидать нового толчка и оживления этим русским занятиям у западных славян еще от другого обстоятельства, совершенно иного свойства. В весьма скором времени должен выйти в свет под редакцией проф. Миклошича задуманный и предпринятый по мысли и почину покойного принца Ольденбургского словарь русского языка[1], составленный по образцу четырехязычного словаря Рейфа. Русский язык взят тут в основание: на первом столбце являются русские слова в алфавитном порядке, а на других столбцах следуют однозначительные слова: 1) болгарские, 2) сербские, 3) чешские и 4) польские. Многозаслуженный славист, пятидесятилетний юбилей которого недавно праздновал весь ученый мир и все славянские народы, этим трудом достойно венчает свою плодотворную деятельность, посвященную всем славянским наречиям. В этом словаре не представлены только хорваты и словенцы, словаки и сербо-лужичане, но для первых годится сербская часть, а для последних — чешская и польская. В заключение своих многолетних трудов и дум над разнообразным прошлым и настоящим славянских народностей великий западнославянский ученый предлагает всему западному славянству прекрасное пособие для чтения русских книг, для изучения русской литературы. Какое знаменательное явление, какое пророческое преобразование в этом случае! В год тысячелетнего торжества памяти славянских первоучителей величайший в настоящее время деятель западного славянства завещает всем его разрозненным ветвям изготовленный им словарь русского языка, как бы говоря: да будет он настольной книгой каждого образованного западного славянина. Лебединая песнь великого западнославянского труженика как бы оканчивается словами: In hoc signo vinces. Этот словарь Миклошича будет вторым сильным толчком в ожидаемом оживлении изучения русского языка у западных славян.

Третьим неслабым толчком должно считать появление в том же году на немецком языке весьма добросовестно и об-

стоятельно, судя по началу, составленной почтенным соотечественником нашим Александром ф. Рейнгольдтом «Истории Русской литературы»[2]. У германских и австро-венгерских славян, в образованных кругах, эта книга, без сомнения, будет встречена с великим сочувствием. При всеобщем у этих славян распространении немецкого языка (чего, увы, еще нельзя сказать про русский) эта немецкая «История Русской литературы» найдет себе в западном славянстве еще более, быть может, ревностных читателей, чем в самой Германии. Из этого труда огромнейшее большинство западнославянской интеллигенции впервые ознакомится с общим ходом развития нашей литературы и с массой совершенно новых сведений; на западнославянских наречиях еще не было сколько-нибудь полного курса истории нашей литературы. Русский отдел писанной, впрочем, по-немецки «Истории славянских литератур» Шафарика очень недостаточен, совершенно устарел, как устарел труд Греча, по которому он составлен. Честь и слава нашему соотечественнику, искреннее ему спасибо за прекрасный его труд. Это не первая и не последняя, конечно, услуга, оказываемая немецким языком и немецкой культурой в пользу распространения русского языка среди немецких или поднемецких славян. Знакомству австрийских славян с Россией много также помогут замечательное Берлинское издание роскошного: «Russland. Land und Leute» и немецкий перевод прекрасного труда Леруа-Волье о России. Про славян нам единоверных, болгар и сербов, наименее образованных, культурных, можно сказать, что они знают и понимают Россию инстинктивно, непосредственно лучше славян иноверных, более образованных, т. е. поляков, чехов, хорватов, словенцев, у коих только малая и незначительная часть интеллигенции, «не мудрствующая лукаво», приближается несколько к инстинктивному пониманию России — славян православных. Огромное же большинство, так сказать, высшей польской (преимущественно прусско- и австрийско-польской), чешской, хорватской интеллигенции, особенно желающей *не отставать от Европы* знает и понимает нашу Россию и нашу литературу гораздо менее фран-

цузов, англичан, немцев. Эти западные славяне стали восхищаться Тургеневым, когда его уже прославили в Европе. Льва Толстого немцы мало знают, и славяне его дарования еще не подозревают; Пушкина так и до сих пор не разобрали: настоящей его оценки у немцев еще не появлялось. Посмотрим, как справится с ней Рейнгольдт. Тем не менее западные славяне на нашего брата сердятся, когда им в простоте сердечной скажешь, что оригинальности и самостоятельности в них не замечается. В знакомстве с Россией, с русским языком, с литературой чехи, поляки, хорваты, строго говоря, куда как еще отстали от немцев, англичан и французов. Этого бы, конечно, не было, если бы их интеллигенция была меньше римской и австрийской, чем славянской. Но останется ли она вечно в хвосте Германии католической по преимуществу или станет больше славянской, и в том и другом случае, тянясь ли за немцами или увлекаемая народным чувством, она будет впредь все больше и больше изучать Россию, русский язык и литературу.

Наше Славянское общество и вообще мы, русские, не можем и не должны относиться равнодушно к этим предвидимым и назреваемым движениям и порывам к изучению России и русского языка. Наше живое участие всего бы, кажется, лучше могло выразиться следующим образом.

Желательно бы было предстоящий день тысячелетней памяти славянских первоучителей, наших просветителей и создателей первого общелитературного славянского языка, почтить с нашей стороны назначением единовременной *Кирилло-Мефодиевской* премии, ценой в 2000 рублей, за лучшее сочинение или сочинения, написанные на известную тему. Срок представления сочинений, рукописей или печатных книг, должен быть трехлетний. Тему я бы предложил следующую: «Представить исторические очерки образования общих литературных языков у древних греков, италиков, у новых народов оманских (итальянского, французского, румынского) и германских (английского и немецкого). Изложить судьбы церковнославянского языка у различных народов славянских до новейшего времени. Проследить распространение чешского

языка у словаков, у поляков, — польского в Западной Руси: у малорусов, и белорусов, — сербского у хорватов; проследить, по возможности со времен Петра Великого или Ломоносова до наших дней, успехи русского языка у болгар, сербов, хорватов, словенцев, словаков, чехов, сербов-лужичан, поляков. Изложить в хронологическом порядке и в известной системе разнообразные, появлявшиеся, начиная с Крижанича до последнего времени, среди славянских писателей, мнения по вопросу о взаимном литературном общении, об общем дипломатическом славянском органе и о литературном славянском единстве. В заключение, опираясь на результаты предыдущих исследований и исторические аналогии древних и новых образованных стран и народов, автор должен сам поставить и рассмотреть вопросы, возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянских? При этом автор не должен упускать из виду существования в Италии, Испании, Франции, Англии, Германии литературной местной обработки отдельных наречий и поднаречий, даже говоров, не исчезнувшей и не прервавшейся с утверждением в этих странах общих литературных языков». Если представленные сочинения не заслужат полной премии, то она может быть разделена на части. За лучшее будет присуждено полторы тысячи, за второе по достоинству пятьсот рублей. Сочинение может быть написано по-русски и на любом из славянских наречий или же на одном из известнейших западноевропейских языков. Если Общество признает нужным, по соглашению с автором, издать в свет (буде сочинение рукопись, а не печатная книга) лучшее сочинение, то оно его печатает только на русском языке, хотя бы оригинал был и не русский. При присуждении премии имеются главнейше в виду следующие качества: точность, полнота и обработка сообщенных фактов, ясность доводов и достоинство изложения.

В славянстве вообще нет не только внутреннего мира и согласия, но и общения и соглашения. Каждая народность занята исключительно помыслами о своем самосохранении, своими частными задачами. Этот исключительный партикуляризм славизма составляет главную его слабость. Он же главная при-

чина успехов над ним германизма. Нельзя славянам и прийти к известным соглашениям, пока их сознанию не будет преподноситься несколько общих, ясно определенных вопросов. Вопрос, предлагаемый на эту премию, принадлежит к одним из самых важных и вместе первоначальных вопросов, касающихся всего славянства вообще и каждой его народности в частности. Без общих начал и идей ни одному народу и племени не занять самостоятельного, независимого положения в истории. Одними вздохами и толками о равноправности народов ничего не достигнуть. Да и эта равноправность добывается с бою, дается энергическому труду, готовому на некоторые жертвы и способному к известным лишениям. Чем борьба труднее, тем совершеннее нужно орудие. Чем неприятель многочисленнее и сильнее, тем необходимее общее соглашение и дисциплина. Можно быть добрым славянином, любить свое племя и понимать ясно, что самым даже образованным ветвям никоим образом не совладать и не достичь равноправности с немцами, пока они выступают против них как чехи и поляки, малые народы с малыми языками и с провинциального характера словесностями. Никакие крики негодования против бессердечия немцев тут не помогут. Для успеха над славянами теперь немцы ни в какой жестокости и суровости не нуждаются, а если и прибегают к ней по старой дурной привычке, то совершенно напрасно для своего дела, и разве только на пользу славянам. Славянин, не будучи врагом славянства, может сознавать, что славяне те же человеки, и как в своем прошлом не обходились, так, конечно, и в будущем не обойдутся *без крови и железа.* И следовательно, сентиментально, но вовсе неумно попрекать постоянно немцев этим железом и кровью. Сентиментально, но неумно предполагать, что славяне, как *народ голубиный,* придут в любовь и согласие, достигнут духовного единства, без всяких взаимных переговоров и уступок, без общего органа взаимного разумения и понимания. Сентиментально, но неумно воображать, что славяне могут получить и литературное единство, но не готовясь к нему и не размышляя о нем предварительно, а просто *так,* разом, как бы по вдохновению и по наитию Св. Духа.

Еще в 1838 г. достойнейший славянский деятель К. Кузмани (словак) убедительно доказывал, что литературное славянское единство не должно быть смешиваемо с единством политическим. Действительно, с самой строгой государственной точки зрения ни в России, ни в Австро-Венгрии не считается вовсе предосудительным то, что немцы, как русские, так и австро-венгерские подданные, говорят и пишут общелитературным языком немецким, объединены литературно с немцами германскими. Как России этот литературный пангерманизм не представляет ни малейшей опасности, так точно и господствующие в Австро-Венгрии элементы немецкий и мадьярский, боясь и пугаясь панславизма политического, не чувствуют уже, слава Богу, ни малейшего страха перед панславизмом литературным. Еще недавно по поводу отменно длинной и столь же неудачной речи Ригера об отношениях чехов к мадьярам один официозный орган нынешнего кабинета Таафе в таком же, кажется, смысле выразился о литературном панславизме: «…с политической же точки зрения он еще менее опасен, чем литературные сношения австрийских итальянцев с итальянцами королевства» и, прибавить бы следовало, чем даже литературное общение австрийских немцев с германскими. Der politische Panslawismus allein ist gefärlich — только-де политический панславизм опасен»*.

Австрийские славянские газеты зачастую выходят в свет с белыми столбцами, что свидетельствует о большой строгости предварительной цензуры, хотя бы она и называлась прокурорским надзором. Но и эта строгая цензура не запрещает различным органам славянской печати толковать о пользе изучения русского языка. Так еще недавно хорватская газета «Pozor», в своей передовой статье, по поводу обеда, данного в Петербурге президенту Югославянской Академии наук, канонику Рачкому, г. Спасовичем и его приятелями, напечатаны между прочим следующие строки. Похвалив г. Спасовича за то, что он, будучи поляком, говорил на обеде по-русски, газета прибавила: «Что поляки, сверх родного языка, учатся и по-

* «Presse». 1884. 13 Dec.

русски, то оно служит славянству только на пользу. Немецкие журналы отмечали, что Русский царь, бывши в Варшаве, похвалил учащихся польских детей за то, что они хорошо говорят по-русски, как будто это было какое для них несчастье. Мы бы сказали, что и хорватские дети скорее выучатся по-русски, чем по-мадьярски. И для этого не нужно предполагать никаких политических мотивов, довольно одних педагогических: русский язык сроднее нашему. Однажды мы читали вслух перед одним хорватским вельможей какой-то русский журнал, так он не поверил, что это по-русски: «Да я понимаю почти все, что вы читали, а никогда я не видал русской книги». Хорвату не велика трудность выучиться по-русски, а между тем так открывается ему обширное поле русской литературы. На это еще у нас слишком мало обращают внимания, ибо до сих пор русская литература была мало нам доступна и мы не догадывались, как она теперь богата во всех отношениях. И прославил ее не один Тургенев, о котором у нас теперь каждый знает, и ни одни русские журналисты, на коих теперь часто ссылаются фанатические мадьяры и немцы, но и строго научные русские сочинения Менделеева, Пржевальского, Мартенса, Соловьева, Веселовского и т. д., которые теперь внимательно изучаются во всей образованной Европе».

Орган другой хорватской, радикальной, партии, газета «Sloboda» гораздо больше «Pozor'a» преследуется предварительной цензурой, или прокурорским надзором, и выходит почти постоянно с белыми столбцами (на коих крупным шрифтом бывает напечатано: «конфисковано»). В этой «*Слободе*», органе г. Старчевича, уже в продолжение нескольких лет печатаются статьи гораздо более умные и откровенные о всеславянском значении русского литературного языка. Вот еще новое доказательство, что против так называемого литературного панславизма австро-венгерские начальства действительно ничего не имеют. Оно, впрочем, и неудивительно: австрийской монархии тут ничего нет опасного. Само австрийское военное ведомство усиленно заботиться об обучении русскому языку австрийских офицеров, а между мадьярами в последние двадцать лет значи-

тельно возросло число людей, прилежно изучающих русский язык и литературу. Таким образом, прежних внешних препятствий распространению русского языка между славянами Австро-Венгрии ныне уже быть не может. Всякие искусственные и нынешние меры против русского литературного языка только бы помогали его распространению. Теперь в Австро-Венгрии все чаще и чаще делаются попытки к установлению правильной в ней торговли русскими книгами; но, пока это устроится, не может и не должно Славянское петербургское общество, да и вообще говоря вся образованная Россия, относиться равнодушно и отрицательно к многочисленным и постоянно поступающим из разных концов западного славянского мира как в Общество, так и к частным лицам, просьбам о присылке к ним русских газет и журналов, полных собраний русских поэтов, русских романов, повестей, ученых трудов и изданий...

Признаюсь, я мало знаю, по отношению к нашим соплеменникам и к самой России, других, столь же настоятельных и обязательных для всех образованных русских людей, задач, как забота об устройстве на известное время правильной и постоянной доставки и рассылки массы русских книг литературного и научного содержания в различные западнославянские земли, преимущественно в те местности и города, куда наши общества и отдельные писатели и ученые своих изданий обыкновенно не посылают, где не имеется больших, старых или новых, хороших библиотек, подобных библиотекам в Праге, Загребе, Белграде, Софии и Филиппополе. Так, особенно, например, филиппопольская библиотека имеет очень большой русский отдел и постоянно покупает много русских книг, выписывая их прямо из Одессы и там же заказывая им переплеты. В Софийской публичной библиотеке также не беден русский отдел, но, к сожалению, до последнего почти времени эта библиотека находилась в жалком помещении и не в лучшем порядке. В других городах Болгарии немало также находится русских книг, и вообще едва ли в другой земле славянской найдется столько людей, отлично знающих по-русски и так любящих русскую литературу. Затем знакомство с нашим языком и

литературой всего больше распространено в Сербии, Черногории, Чехии, Галичине, у словаков, словинцев, в Хорватии, Славонии и Далмации, в Боснии и Герцеговине. Австрийские и прусские поляки сами, правда, об этом не любят сознаваться, но конечно в изучении русского языка и в знакомстве с русской литературой в последние два десятилетия сравнительно сделали точно так же большие успехи. О русских поляках нечего и говорить: для них оно внешне обязательно. Таким образом, надо прежде всего позаботиться о снабжении русскими книгами таких славянских земель, где их еще мало и где в них наиболее нуждаются. Первые посылки надо направить в такие углы и центры, где имеются матицы, так называемые народные дома, ученические или студенческие кружки и читальни. Кое-что уже и прежде делалось в этом отношении, но все еще довольно слабо. Следовало бы также устроить выдачу постоянного, известного вознаграждения и пособия тем туземным преподавателям добровольцам, которые бы занимались обучением молодежи русскому языку, как в главных центрах, так и в различных захолустьях западнославянского мира.

Составление такого рода библиотечек, рассылаемых в разные края, пособия преподавателям русского языка само собой потребовали бы от нас довольно значительных издержек, немало времени и трудов, не только со стороны наших славянских обществ, но и русских писателей, ученых, журналистов, книгопродавцев и ученых обществ. «Возня, пожертвования! Как, — скажут, — все это скучно и несносно». Но оставим точку зрения благотворительную: это дело личной совести каждого. Взглянем на это со стороны чисто материальной. Посмотрим на все эти затраты и пожертвования, как на временный добровольный налог, коим бы себя обложила русская литература и наука, русская книжная торговля и вообще Россия, ввиду несомненных выгод и прибылей, ожидаемых от таких предварительных затрат. Взглянем на русскую книгу просто как на товар, которому требуется найти новые постоянные рынки. Поступим так, как делают в подобных случаях купцы всего мира и всех времен. Дабы приобрести новых покупателей и открыть

новые рынки, они нередко, на первых порах, продают свой товар за бесценок, что называется себе в убыток. Нужно, прежде всего, приохотить будущих покупателей к своему товару, развить в них вкус и привычку к нему. Посылайте повсюду в славянские земли массы русских книг, развивайте к ним охоту в публике, создавайте и умножайте им читателей. Придет время — и тем скорее, чем с большей энергией будете теперь действовать, — когда все эти старания и затраты станут излишними и более ненужными, когда они станут окупаться, приносить плод сторицей: явятся везде и всюду, в западной славянщине, целые группы людей (теперь их только единицы или десятки), которые будут уже не в состоянии отказывать себе в подписке на русские повременные издания, в покупке русских книг. За сильным спросом явятся многие предложения. В различных городах Австро-Венгрии Балканского полуострова неминуемо откроются русские книжные лавки, — заведут ли их немцы или евреи, русские или туземцы, это все равно; заведут вероятно и те и другие. Успехи М. А. Балакирева в постановке опер Глинки в Праге, концертов г. Славянского на славянском юго-западе, заметное распространение среди западных славян различных песен, романсов и музыкальных пьес показывает, что с русскими книжными магазинами устроятся и нотные, что за русским языком и русской книгой войдут в общее употребление и создания русской музыки, и русские театральные представления.

Эти возрастающие в западнославянских землях привычка и вкус, влечения и сочувствия к русскому искусству, литературе и науке не останутся без воздействия на русскую жизнь и образованность. Станет расти и множиться число русских туристов и путешественников в этих прекрасных странах славянского юго- и северо-запада. Величавые и прелестные картины природы карпатских, балканских и родопских стран, Чехии, Моравии, Стирии, Крайны, Хорватии, Далмации, Боснии, Герцеговины, Черной Горы и Македонии, разнообразнейшие народные костюмы, орнаменты, типы, напевы, различные явления прошлого и современного быта всех юго- и северо-западных славянских народов послужат сюжетами, темами

и мотивами будущих картин, опер и других музыкальных созданий, поэм, драм и романов, сделаются предметом разнообразнейших и глубоких розысканий последующих русских антропологов, языковедов, археологов и историков. И тогда духовные наши связи со всеми западнославянскими землями еще более укрепятся. Вместе с тем навяжутся и утвердятся и связи экономические и торговые.

Все это, скажут, мечты и гадания о будущем. Но ведь о будущем не помышляют и не задумываются только дикари да разве еще общества совершенно изжившие, самодовольные, впредь ничего себе не ожидающие. Люди же общества и народы, желающие жить и развиваться, не пренебрегают… прошедшим, но всегда заняты и мыслью о будущем. В этих мечтах и гаданиях нет ничего преувеличенного, невероятного и невозможного. Если бы кто у нас через год после Парижского мира сказал, что не пройдет и тридцати лет, как вся почти Болгария от Дуная до Балкан, и от Балкан до Филипполя и Бургаса будет свободна, русский язык на Балканском полуострове и в Австро-Венгрии распространится до нынешних размеров и на Черном море снова будет русский флот, то ведь и все благоразумные, и даже просто пошлые люди единогласно бы воскликнули: такие-де мечты и гадания — просто бред сумасшедшего. Еще в моей молодости, в первое мое с лишком двухлетнее путешествие по славянским землям я поражен был влечением разной славянской молодежи к нашей литературе и тогда же пришел к убеждению в великом будущем русского языка за пределами России. Следя постоянно за славянскими текущими новостями, заглядывая вновь время от времени в славянские земли и никогда совершенно не прерывая письменных с ними сношений, я только радовался последующим успехам русского языка в землях славянских. Но нынешним летом я побывал у сербов и проехал на долгих по Болгарии и Румелии с лишком шестьсот верст, и, должен откровенно сознаться, я был истинно изумлен и поражен тем распространением русского языка, которое я сам видел и осязал. Ни разу в моей молодости, когда мы все не любим видеть больших преград нашей любимой мечте, я не

смел помышлять, что лет через двадцать я где-нибудь в славянских землях увижу нечто подобное тому, что видел нынешним летом у сербов и особенно в Болгарии. Действительность превзошла все мои ожидания. Мы, русские интеллигенты, любим вообще как-то раскисать, предаваться довольно, впрочем, спокойному отчаянию, преувеличивать всякие трудности дела, особенно когда в нем требуется наше деятельное участие. Мы охотно в таких случаях хватаемся за кого-нибудь третьего, накидываемся на него с упреками, что он все дело нам испортил и что теперь уже ничего не поправишь и ничего не поделаешь. Приходится, говорим мы себе, сложить руки и ожидать лишь новых неудач или ударов. Но дело в том, что какие бы ошибки ни были наделаны и ни делаются нами относительно славянства, нет тут ничего такого, что бы оправдывало часто ныне слышимые речи: «там-де у нас все потеряно». Пусть были ошибки, но ведь ошибок было много и на стороне наших противников. Постараемся же чужие понять и ими воспользоваться, дабы поправить свои. И время не ушло, и обстоятельства не неблагоприятны. Некоторые ошибки наши были, впрочем, неизбежными, и они исправлены или исправляются действиями наших противников. Это замечание наше особенно относится к Сербии. Как в области механики, так и в исторической жизни нельзя ничего выиграть, чего-нибудь не потерявши. Но смешно слышать, что теперь-де у нас, после Берлинского трактата, все потеряно. Как он для нас ни неприятен, все же странно его сравнивать с Парижским и не замечать, что и после Берлинского *там* не только все не потеряно, но, напротив, очень много выиграно. Нужно только ясно смотреть на вещи, не преувеличивать сил противников и не умалять своих сил ни в своем, ни в чужом мнении. Точно так же смешно и напрасно предаваться унынию и отчаянию и по отношению к русской литературе. Она не должна и не может уходить в одну публицистику. Да и стеснение и понижение последней может быть только временным. Словесность и наука всегда могут проложить себе новые пути, привлечь к себе свежие и сильные дарования. Человеческий дух и мысль, только сами предварительно павши и пони-

зившись, могут быть стесняемы и уродуемы извне. Привычка известных обществ все жаловаться и плакаться на умственное бессилье и на отсутствие систематических планов в одном месте, на апатию и недостаток энергии — в другом есть дурная привычка. Практические и распорядительные силы никогда с неба не падают, а берутся из тех же стран и обществ и всегда служат их же отражением. Взятая Гоголем в эпиграф «Ревизора» старинная наша пословица «На зеркало неча пенять...» справедлива и поныне. Идеи и система, бодрость и энергия являются в обществах, не ждя приказаний и разрешений. Но идеи и система не выходят готовыми и совершенными, как Паллада во всеоружии из головы Зевсовой, добываются не нахрапом, а медленным трудом и созревают постепенно, органически. Надо воспитывать в себе привычки самодеятельности, не бояться траты времени и усилий, не пренебрегать падающим на руки делом, как бы оно мало ни казалось. Всякая добрая и дельная мысль, приводимая в осуществление даже малой кучкой людей, уже разгоняет в окружающих сонливость и апатию, возбуждает в них энергию мысли и воли. Задача снабжения славянских земель русскими книгами не касается одних только членов петербургского и других славянских обществ, но относится до всех русских людей, кому только дороги интересы русской литературы и образованности. Смею думать, что как петербургское, так и другие славянские общества оказали бы большую услугу России, если б решились заняться этим делом, подобно тому, как несколько лет тому назад, по почину покойного И. И. Петрова, петербургское наше общество занималось сбором и посылкой русских книг в Болгарию и Румелию.

III. Третья важная задача нашего Общества заключается, по моему мнению, в возможной помощи и содействии единоверным нам болгарам и сербам, в их благородных усилиях к развитию высшего образования в их народном духовенстве. Освобождение Болгарии и еще не окончательное и состоявшееся пока только de facto присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии открыло Балканский полуостров самому широкому влиянию Европейского Запада и с тем вместе самой

усиленной пропаганде римско-католической и протестантской. Довольно грязная волна австро-венгерской культуры самой низшей пробы разливается теперь беспрепятственно по Сербии и по Болгарии главнейше через Белград и через Рущук. Мы, русские, на себе испытали, в прошлом особенно столетии, что значит это умственное подчинение восточного славянства Западной Европе. Но какая громадная разница между Россией Петра Великого и его ближайших преемников и между Сербией короля Милана Обреновича или Болгарией князя Александра Батенберга! Великая же разница и между Европой тогдашней и нынешней. Тогда Европа не имела и сотой доли современных свободных капиталов, не имела понятия о нынешней системе кредита, не страдала ни излишествами индустриализма, ни избытком населения, не знала железных дорог, пароходов и телеграфов, не располагала и малостью нынешних наступательных средств культурного… порабощения стран малых и неразвитых. С громом Полтавской победы вошла Россия в политическую систему тогдашней Европы, не спрашивая ее соизволения, не ища ее покровительства. У России тот же час старые великие державы стали заискивать, домогаться ее союза и помощи. Таково ли отношение современных европейских держав к слабой и малой Сербии Обреновича или к малой и слабой Болгарии Батенберга? Вытесненная из Италии, выгнанная из союза германского, Габсбурская монархия в короткое время без особых усилий и мудрости обратила Сербию, только что официально провозглашенную независимой и королевством, в вассальное к себе отношение, в экономическую и политическую от себя зависимость. Та же судьба неминуемо угрожала бы только что освобожденной от турок Болгарии, если бы Батенбергу удалось подольше насладиться устроенным им *превратом.*

Сближение наше с Европой с начала XVIII в. породило дух подражательности со всеми его крайностями. Но она охватила не всю Россию и не весь народ русский. Все ограничивалось Петербургом, Москвой и одним служилым сословием, дворянством, одними только верхними слоями общества. Но и в них, благодаря непрерывному течению прежней самобытной

истории и целому ряду новейших побед русского оружия над лучшими армиями Европы, шведской, турецкой, прусской, французской, жила и развивалась национальная гордость, всегда мешавшая полнейшему торжеству неразборчивой подражательности. Громадность русских расстояний, неудовлетворительность путей сообщения, крепкий быт многочисленного крестьянства, веками сложившаяся своебычность духовного и купеческого сословия, чисто народный характер русской армии были всегда несомненными преградами всяким страстным попыткам, попыткам объевропеизования или онемечения России. У сербов, у болгар самостоятельная народная история совершенно оборвалась за три, за четыре столетия назад. У первых она началась собственно только в XII в., у вторых, начавшись в половине IX в., она прерывалась затем почти на два века (XI—XII вв.). В продолжение четырех с лишком веков турецкого владычества (с конца с XIV — начала XV в.) сербы и болгары не имели ни своего государства, ни своей национальной династии, ни войска, ни администрации. Богатые независимые классы бояр и крупных землевладельцев обратились в мусульманство и стали турками; сколько-нибудь сильное и независимое купечество и высшее духовенство турчилось и гречилось; прекратилось и пошло даже назад, на целые столетия, всякое умственное движение в народе, редели и исчезали школы. Есть у нас, правда, охотники сравнивать и отождествлять турецкое иго над юго-западными славянами с татарским владычеством над северной и восточной Русью. Но тут гораздо меньше сходства, чем различия. В самую тяжелую пору зависимости нашей от орды, от Калкинской (1224 г.) до Куликовской битвы (1380 г.), северная и восточная Русь сохраняла своих князей, свое войско, свою администрацию. Нельзя сказать, по крайней мере, про север, что тогда падала грамотность, остановилось развитие образования, словесности, искусств. Русская гражданственность и образованность уже, видимо, развиваются и успевают в XV в. Еще несомненнее поступательное их движение в XVI и XVII вв., когда уже состоялось воссоединение части южной и западной

Руси с северо-восточной. К началу XVIII в., ко времени открытого наступления на нас Европы, Россия уже не находилась относительно ее в таком младенческом и беспомощном состоянии, в каком находится теперь славянское население Боснии, Герцеговины, Македонии и даже отчасти нынешней Болгарии, Румелии и самой Сербии. Хотя положение Сербии, Болгарии и Румелии неоспоримо выше положения несчастных австрийско-турецких земель: Боснии, Герцеговины, Македонии, но и первые для разумной и успешной борьбы с наступающим и подчиняющим их европейским влиянием также вовсе не готовы. В значительной части их интеллигенции нет еще сознания всей опасности их положения. Для этого нужно обширное образование и привычка к критике разнообразных явлений высшего порядка. Эти же силы духовные развиваются только общественно. В строгом же смысле у болгар и сербов, хотя немало, особенно у последних, образованных людей, настоящее общество еще не успело сложиться. Правда, и в этом отношении сербы подвинулись уже гораздо дальше болгар.

Но, повторяю, и у них, как и у болгар, настоящего общества не имеется, потому что средний уровень женского образования у тех и у других довольно еще низок, почти нет независимого класса людей зажиточных и состоятельных, с хорошим образованием, с литературными и художественными вкусами, вся текущая периодическая литература состоит почти исключительно из одних большей частью дрянных или тощих газет. Правда, сербская литература в этом отношении гораздо богаче и выше болгарской, но и она очень еще бедна книгами для общего чтения людей образованных. Есть у сербов несколько отдельных ученых и несколько научных крупных трудов (Караджича, Даничича) и несколько более или менее основательных ученых исследований, в десятках томов Гласника, сборника Чупича, Отачбины, Летописи сербской Матицы, но все это довольно случайно, частно и мелочно, и науки настоящей еще не составляет. Такой недостаток ученой литературы объясняется отсутствием в Сербии настоящего высшего учебного заведения. Такой недостаток, в свою очередь, извиняет и оправдыва-

ет это самое отсутствие. В самом деле, главная школа белградская никоим образом не может быть приравниваема к университету. По нынешней специализации наук и по громадности требуемых расходов на заведение и содержание всех необходимых при университете научных учреждений, как то: библиотеки, кабинетов, лабораторий, клиник, обсерваторий — Сербия со своим экономическим положением еще долго будет не в состоянии подумать об устройстве настоящего университета. Вместе с тем потребовалось бы и преобразование гимназий, дабы поднять и приблизить их к университетскому преподаванию. Для всего этого понадобится столько денежных и умственных сил, что о близком их появлении в Сербии рано еще мечтать. Нет ничего удивительного, что у болгар среднее, высшее и специальное образование стоит еще гораздо ниже, чем у сербов. Между тем и у сербов, и у болгар все сильнее дает себя чувствовать потребность в людях высшего и специального образования. Это же образование молодежь обречена получать только за границей. Проживая подолгу, например, в Западной Европе или Америке, молодые сербы и болгары незаметно для себя приобретают не мало общих воззрений и частных пристрастий австрийских, германских, швейцарских, французских, североамериканских и, возвратившись на родину, чаще невольно и бессознательно, а иногда заведомо и умышленно, помогают завоевательному напору западной культуры, которая с каждым теперь годом все сильнее обхватывает со всех сторон сербов и болгар. Большая часть этой сербской и болгарской интеллигенции представляет из себя удивительную и несогласимую смесь самых разнообразных понятий и воззрений, привычек, вкусов и влечений. Все это служит не к образованию и скреплению общества, а к преждевременному разложению его начатков, к разделению и дроблению интеллигенции на разные противоположные толки и партии, источники и начала коих находятся вне родины. Все это проценты с чужого капитала. Если очень немногие из этих сербов и болгар возвращаются на родину убежденными католиками и протестантами, то большинство их всячески привозят домой пол-

нейшее равнодушие, а иногда и презрение к Церкви, к православию, словом, западноевропейские воззрения на него, возникшие и созревшие на почве католической и протестантской. Но православие у болгар и сербов вместе со своеобразным крепким бытом их сельского люда составляет единственную силу, опираясь на которую, они могут успешно бороться с наступающим на них австро-венгерским влиянием, с германизмом, с католической и протестантской пропагандой. Вследствие грубого индифферентизма к вопросам веры и нравственности, к духовным идеалам и под влиянием не опознанных, обыкновенно принимаемых за общечеловеческие, местных и национальных, западноевропейских, католических или протестантских воззрений или учений, выросших на католической и протестантской почве, в сербской интеллигенции, а часто уже и в болгарской, начинает укореняться убеждение, что о просвещении духовенства нечего заботиться. Для народов-де нужны теперь реальные, положительные знания, а заботы о церквах, о духовном образовании — это-де *биготерия,* как мне сказал нынешним летом в Белграде один из сербских сановников. Так же, конечно, думает и известный своим цинизмом молодой король Милан, столь отличившийся и в деле митрополита Михаила, и в знаменитом усмирении Найчарского мятежа. Так же начинают уже думать и разные горожане сербы, лавочники, купцы, просветившие себя в торговых поездках в Пешт и в Вену. Через несколько дней после беседы с министром в Белграде мне случилось разговаривать с одним сербом, содержателем гостиницы в одном из придунайских городов Болгарии. Говоря о новой большой церкви и о новой гимназии, построенных в этом городе после освобождения, серб трактирщик заметил мне: «Постройку гимназии я одобряю, это дело полезное, но на церковь я бы не дал ни гроша, это совершенно бесполезная трата денег. На построение церквей прошло уже время: «то су, господине, поповски дућани» («это, сударь, поповские лавочники и больше ничего»). Разлейся и утвердись в целой Сербии *эта образованность, свободная от предрассудков,* столь ревностно распространяемая в Сербии теперешним

правительством и массой заезжих и запруженных Балканский полуостров австрийских и прочих культуртрегеров и барышников, и вопрос об обращении югославянских земель полуострова в южногерманские Мекленбурги, Бранденбурги, Померании и Силезии будет вопросом только времени. Распространите и утвердите тоже гнилое направление и в туземной интеллигенции болгарской, и болгарам ничто не помешает разделить участь, уготовляемую Австро-Венгрией и ее вассалами в Белграде для сербов. Но по счастью для славянства, в народах сербском и болгарском и в лучших из их образованных представителей уже явилось и растет сознание опасности положения и необходимости и правильной борьбы с этим напирающим на них с запада завоевательным движением. Уже довольно давно известная часть сербов и значительная часть болгар привыкла получать высшее свое образование не в Западной Европе, а в России. Положим, во время нашего Sturm- и Drang-Periode немало было печальных и мрачных явлений в нашей школе и образованности, но и тогда не вся же наша молодежь, а только меньшая часть ее окончательно надламывалась и погибала. За это время немало, может быть, свихнулось и между учащейся в России болгарской и сербской молодежью. Но и тут был известный только процент. Быть может, не меньший процент пропадал и среди югославянской молодежи, учившейся в это время в Европе. Зато большинство болгарской и сербской, воспитанной в России, молодежи никогда почти не проникалось горделивым презрением европейского Запада к своему народу, к своей бедной, некультурной родине и к ее наивным, по форме, но глубоким, по содержанию, идеалам. Как про сербскую, так и про болгарскую интеллигенцию, получившую образование в России, можно с уверенностью сказать, что, если она иногда отличается меньшим лоском и ловкостью, чем так называемые парижлии, швабы, или у болгар англизованные и американизованные протестанты (воспитанники Константинопольского Robert-College или воспитанные в Америке), зато она всегда почти ближе к своему народу, глубже понимает насущные потребности и задачи своих отечеств,

серьезнее глядят на трудности, сопроникновенных народной жизни с европейской. Пример знакомой им России с ее недостатками и достоинствами, с трудным прогрессом ее нового развития, научил эту часть сербской и болгарской интеллигенции понимать все опасности этого необходимого, однако, сближения их народов с Европой. Хотя и внутри этой русско-болгарской и русско-сербской интеллигенции есть разногласия и партии, но все же в ней больше единства согласия, чем между европейско-болгарской и европейско-сербской интеллигенцией. Оно и понятно, ибо первая всегда и решительно народнее, чем последняя. Есть одна специальность высшего образования, для изучения которой болгарская и сербская молодежь исключительно теперь (прежде первая еще ездила в Афины) должна ездить в Россию. Разумею богословское образование. Потребность в нем для Болгарии и Сербии все сильнее теперь возрастает с современным усилением средств всевозрастающей ныне на Балканском полуострове католической и протестантской пропаганды. В нынешнем устройстве дела духовного образования сербов и болгар в России есть немалые неудобства. Средняя школа в Болгарии и в Сербии стоит гораздо ниже нашей. Если болгары и сербы приезжают в Россию для богословского образования еще мальчиками, то они успевают вступать в Академию совершенно приготовленными к слушанию высших курсов; если же они приезжают уже взрослыми юношами, то из уважительного снисхождения к их иностранному происхождению и к тому обстоятельству, что они не остаются в России, а уезжают на родину по окончании курса, им даются разные льготы, скорее, впрочем, в ущерб, чем на пользу их высшему образованию. Этих взрослых славянских молодых людей принимают нередко в духовные наши академии, хотя они не в состоянии выдержать окончательного испытания в семинарии. Они обыкновенно бывают незнакомы ни с еврейским, ни с греческим, ни часто даже и с латинским языком, не знают и философских, и богословских предметов в объеме наших семинарских требований. Второй случай, само собой, имеет некоторые удобства перед первым. Десяти-

двенадцатилетний мальчик ни сам себе еще не может уяснить, ни другим не позволяет определить и предугадать, способен ли он к высшему и именно — духовному образованию. Далее болгарин и серб, проживши лет 8—10 в России, отвыкает от своей родины, разучивается своему языку, между тем как близость к народу и отличное знание своего родного языка — необходимые условия успешного действия проповеди и вообще благотворного влияния на народ духовных его пастырей. Второй же случай, когда приезжают для поступления в академии взрослые болгары и сербы, неудобен тем, что по неподготовленности своей они никогда почти не могут получить у нас настоящего высшего богословского образования.

Есть одно только средство для исправления указанных неудобств и недостатков нынешнего духовного образования болгар и сербов в России. Средство это такого рода, что, удайся его осуществление, оно может иметь громадное и в высшей степени благотворное значение не для одной Сербии или Болгарии, но и для России и даже для всех стран и народов нашего православного Востока. Это такого рода предприятие, которое превосходит и средства, и круг действия нашего Общества. Но мы, члены его, как русские люди, как граждане русского государства и как сыны Церкви, можем и, кажется, имеем священную обязанность действовать словом и убеждением в пользу успеха этой мысли. Она состоит в том, чтоб исходатайствовать ко дню празднования тысячелетия блаженной памяти славянских первоучителей разрешение открыть в народе по Империи подписку и общий по всей России церковный кружечный сбор в продолжение нескольких лет, на образование капитала для устройства и заведения поблизости от сооружаемого на Шипке в Балканах православного русского храма, примерно в г. Габрове* (городе с крепким народным духом, с самой старой и лучшей в Болгарии гимназией) — *Кирилло-Мефодиевской*

* У нас, в России, немцы имеют, как, например, в Петербурге немецкие Петер- и Анненшуле с правами русских гимназий. В Болгарии протестанты свободно заводят протестантские школы для болгарских детей. Не сомневаемся, что габровцы не только не встретят препятствий, но, напротив, примут эту мысль с сочувствием и не откажутся помогать ее осуществлению.

богословской семинарии высших курсов с еврейским, греческим и латинским языком, с отделениями, в коих бы преподавались для желающих, по выбору, болгарский, сербский, новогреческий, румынский языки. Должно бы тут образовать отделение с арабским и турецким языком для приготовления миссионеров среди мусульман болгарского и сербского происхождения; наконец в М. Азии, в населении под Синопом и Трапезундом сохраняются еще предания христианские и тайное расположение к вере предков.

В эту Кирилло-Мефодиевскую семинарию с русскими профессорами и местными преподавателями (болгарского, сербского, румынского языков, литературы и истории) могли бы поступать не только болгарские юноши из Болгарии, Румелии и Македонии для приготовления в духовные наши академии или для прямого вступления на служение церкви. Сюда бы могли приезжать и юноши сербские из Сербии, Боснии, Герцеговины, Старой Сербии, Черной Горы, Далмации и из Венгрии. Сюда бы могли поступать и юноши румыны из Добруджи и Валахии. Здесь бы, наконец, могли пребывать по два, по три года русские молодые богословы-академики, заявившие свою любовь и интерес к истории восточных церквей. Они бы специально могли заниматься, живя в Габрове и разъезжая в летнее время по разным краям Болгарии и соседних стран, изучением местных наречий, церковных древностей, истории, современного положения различных поместных православных церквей. Таким бы образом воспитывалось и приготовлялось среди болгар, сербов, румын прекрасно образованное национальное духовенство, готовое для полемики и борьбы с католиками и протестантами, для миссии среди мусульманских единоплеменников: невероятно и неестественно полагать, что сербы и болгары потурченяки и помаки навечно уже оторваны от духовного общения и единства со своими единокровными братьями-христианами и что эти арийцы по крови и давние некогда христиане так навсегда и останутся мусульманами. В такой семинарии среди местного населения могла бы выработаться и закалиться целая школа русских ду-

ховных деятелей, глубоких и живых знатоков не русского православного мира. Ныне в целом православном мире все живее и живее ощущается потребность выйти наконец из той разрозненности, отчужденности и взаимного неведения, в которых, к немалому своему несчастью, пребывают и томятся поместные православные церкви. Русская Церковь должна же наконец иметь постоянных представителей при каждой из иностранных поместных православных церквей. Она должна иметь в среде своей иерархов, пастырей, ученых богословов, преподавателей, писателей и специалистов практиков, которые бы во всякое время владели самыми современными и точными сведениями обо всех текущих явлениях и происшествиях внутренней и внешней жизни каждой из поместных церквей, дабы наше церковное правление и государственные власти никогда не были застигаемы врасплох и не приходили в недоумение при каждом новом особенном случае, требующем участия и голоса России в духовных делах Востока, всегда были готовы немедленно принять наилучшие меры для отражения ударов противника, силен ли он внешнею своей организацией и дисциплиной или наукой и личной инициативой и энергией. Только обладая целой группой таких людей, высокообразованных ученых и вместе живых знатоков Востока во всем его разнообразии, Церковь наша воспримет и осуществит в возможной полноте присущий духу и преданиям православия характер и организм вселенской и соборной церкви.

Говоря о важнейших потребностях и задачах Славянского общества в настоящее время, я невольно перешел к общерусским задачам по отношению к западному славянству и странам нам единоверным. Столь же невольно соединились оба предложения мои с наступающим празднованием тысячелетия памяти славянских первоучителей.

Уже несколько лет назад было задумано двумя, даже тремя нашими учеными обществами одно важное предприятие — ученая экспедиция на Балканский полуостров. По некоторым ее отделам была выработана в Императорском Географическом обществе особой комиссией при пособии многих ученых целая

программа вопросов. По важности и обширности своих задач эта экспедиция, хорошо снабженная учеными и материальными силами и пособиями, продлилась бы года четыре и потребовала бы крупной суммы денег. Было бы в высшей степени уместно и целесообразно двинуть и это прекрасное и великое дело ко дню празднования тысячелетия славянских первоучителей, бывших со своими учениками уроженцами и просветителями разных краев полуострова.

Как целый ряд ученых русских экспедиций в Азию обогатил мир знания массой новых открытий и сведений, навсегда прославивших русское имя в науке, так точно и давно задуманная ученая экспедиция на Балканский полуостров могла бы составить эпоху в летописях просвещения и приобрела бы России новое право на благодарность всего образованного мира.

Каждое новое замечательное царствование преемников Петра Великого ознаменовывало себя рядом славных научных предприятий, совершенных под ближайшим покровительством и с могучей непосредственной помощью венценосных вождей русского народа, этих прирожденных охранителей и покровителей православного Востока, христианского населения Балканского полуострова. Внуку и Сыну двух Царей, совершивших военные экспедиции на Балканский полуостров для освобождения наших единоверцев и соплеменников, не суждено ли судьбой прославить свое царствование, между прочим, и снаряжением мирной ученой экспедиции в страны, прославленные подвигами и памятниками древних греков и римлян, связанные издревле с нашим отечеством самыми торжественными и трогательными преданиями и воспоминаниями, усеянные костями и политые кровью наших славянских и русских братьев со времен Олега и Святослава до новейших дней, наконец, освобожденные и призванные к новой жизни целым рядом изумительных жертв и подвигов русского народа?..

ЛОМОНОСОВ И БОРЬБА ЗА РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ

Столетняя память М. В. Ломоносову

4 апреля 1865 г.

(Письмо в редакцию «*Дня*»).

Около пяти лет тому назад я начал заниматься историей Петербургской академии наук и биографией Ломоносова. В государственном и академическом архивах я нашел много новых материалов, которыми отчасти и воспользовался в статье о Петербургской академии (II т. «Энциклопедического слов.») и в публичных чтениях о Ломоносове весной 1862 г. В начале мая того же года я отправился в путешествие за границу, где, вероятно, пробуду еще около полугода. Перед отъездом из России я успел обработать к печати только начало моих лекций в виде первых четырех глав жизнеописания Ломоносова. Они были напечатаны в «Отечественных Записках» 1863 г. Уезжая из Петербурга, я послал О. М. Бодянскому для помещения в издаваемых под его редакцией «*Чтениях* М. Общества Истории и Древностей» различные материалы, дополняющие старые сведения и предлагающие новые данные о жизни, ученых трудах и служебной деятельности гениального русского академика. Почтенный редактор надеется их напечатать к весне 1865 г.

Последние два с половиной года я был лишен всякой возможности продолжать мой труд и даже просто следить за движением русской литературы, ибо при настоящем отсутствии правильных почтовых конвенций России с европейскими государствами надо иметь большое состояние, чтобы получать за границею два-три русских журнала. Таким образом, только недавно, и то из частного письма, я узнал, что наконец и Петербургская академия наук приступила к изданию материалов для биографии Ломоносова. Нельзя с радостью не приветствовать этого шага академии.

Какие бы ни были намерения и мысли, внушившие ей это предприятие, во всяком случае оно послужит к чести и славе Ломоносова, в пользу русскому просвещению и в ущерб нынешнему ненормальному состоянию Петербургской академии, совершенно не соответствующему идеям и планам Ломоносова. Полное издание материалов для его биографии, конечно, относится к числу важнейших обстоятельств, имеющих ослабить исключительно немецкий характер Петербургской академии. Это издание раскроет многочисленные интриги, неблагонамеренные виды, различные нечистые средства, которыми так часто руководствовалась немецкая партия для утверждения своего господства в академии, в других ученых ведомствах и в различных отраслях русского управления. В истории немецкого влияния в России жизнь Ломоносова представляет один из самых занимательных и драматических эпизодов.

Всякий русский имеет право, а кому дорого русское просвещение, тот и обязан желать, чтобы учреждение, основанное Петром Великим для русского народа и существующее на русские деньги, перестало состоять из одних иностранцев и прекратило наконец свои издания на немецком языке. Защитники нынешнего ненормального состояния академии обыкновенно противопоставляют своим противникам не разумные возражения, а обвинения: перед одной частью общества в анархических и демагогических стремлениях, а перед другой — в квасном патриотизме, в «славянофильской» вражде к науке, просвещению, к Германии... До известной степени эти обвинения уда-

вались и достигали своей цели. Вместо всякого оправдания перед той или другой частью общества просим покорно наших противников, защитников нынешней академии — прямо, категорически ответить на следующие вопросы. Если со стороны России разумно тратить большие деньги на содержание и обеспечение немецких ученых, на издание немецких книг и на обогащение немецкой литературы, — если это разумно, то почему же неразумно вмешательство России в политические дела Германии, употребление русских армий на защиту чисто германских интересов?.. Если бы теперешний немецких характер Петербургской академии не был делом партии, то зачем она выписывает в Россию только ученых немцев, а не приглашает и ученых французов, англичан, бельгийцев, шведов, итальянцев, австрийских славян, например, чехов и пр.? Если бы в самом деле было справедливо, что академия в своей деятельности руководствуется одной чисто любовью к науке, то для чего она не печатает своих изданий на французском и английском языках, которые распространены в Старом и Новом Свете, в самой России гораздо сильнее немецкого языка?

На возражение же, что в академии не все немцы из Германии, — есть и русские, балтийские немцы, заметим, что балтийские немцы — граждане России и должны хорошо знать по-русски, особенно, если желают служить в Академии наук, учрежденной для всей России, а не для трех Остзейских губерний, в коих притом только слабое меньшинство населения — немцы, а значительное большинство чуждается немецкой стихии. Если Белая Русь и Литва — не Польша, не польские земли, в чем у нас все согласны, не исключая и немцев, то ведь и три наши Остзейские губернии — не Германия, не чисто немецкие земли... Вообразить, что Петербургская академия имеет членов поляков и печатает свои издания не на немецком, а на польском языке. Мы уверены, что в таком случае академия подвергалась бы общим нападкам и порицаниям, между прочим, разумеется, и со стороны немцев. Эти нападки в порицания были бы справедливы. Но почему не столь же справедливо порицать исключительное немецкое направление нынешней академии?

Конечно, немцы никогда не восставали против России. Русский славянин с удовольствием может засвидетельствовать, что немцы — усердные слуги. Тем не менее русскому человеку не безызвестно, что германизация в землях славянских действовала так же пагубно, как и полонизация в западной России. Создание русского народа, русское государство обязано защищать и оберегать русскую народность... Русские люди, желающие пользы и блага России, не имеют никаких основательных побуждений противиться преобразованию Петербургской академии... в чисто русское учреждение. Да не думают они, что наша академия приносит честь и славу России. Напротив, все иностранцы, — немцы давно, а теперь и французы (недавно еще журнал «Le Temps») ссылаются постоянно на немецкий состав, на немецкие издания Петербургской академии — выводят из того обидные и ложные заключения о тупости и неспособности русских людей. Говорят: «Русских ученых мало, русская литература бедна». Но потому-то и нужно, чтобы Петербургская академия была непременно русской, заботилась об обогащении не немецкой, а русской литературы. За возможность и необходимость печатать все академические издания только на русском языке всего лучше свидетельствует постоянное обогащение нашей литературы переводами замечательнейших ученых иностранных произведений и не редкое появление в европейской литературе переводов с русского языка. Его распространение вне пределов России, разумеется, не так сильно, как бы можно было желать и как оно со временем непременно будет, но и не так уже слабо, как у нас обыкновенно думают. Не говоря уже об юго-востоке Европы, о румынских княжествах, Сербии, Турции, между валахами, славянами и греками, или в Австрии, между славянами и мадьярами, — даже и в Западной Европе знание русского языка и литературы сделало значительные успехи в последнее двадцатилетие. Могу засвидетельствовать личным опытом, что в европейской Турции и свободной Греции для практической жизни и частных дел гораздо выгоднее и полезнее знание русского, нежели немецкого языка. Можно теперь предвидеть то не слишком отдаленное от

нас время, когда знание русского языка будет значительно распространено в настоящей Австрийской империи, а академические издания на русском языке будут пользоваться не меньшей, чем немецкие, известностью, ибо всегда могут и будут находить переводчиков, как в самой Европе, так и в России, например, между нашими же немцами, которых прямая обязанность знакомить германский народ с русским. Со временем знание русского языка станет обязательным для каждого образованного европейца, как теперь знание французского, английского и немецкого языков. Русская академия наук, как и все учебные учреждения в России, должна быть одушевлена этим благородным и высоким стремлением русского общества и народа к мирному и свободному (не насильственному) распространению русского языка вне пределов России. Между тем нынешняя Петербургская академия наук своими немецкими изданиями едва ли не служит препятствием развитию строгой ученой деятельности в России и распространению нашего языка вне русских пределов. Если теперь, когда академия издает свои труды на немецком языке, есть немало русских ученых не членов академии, которые, желая ознакомить европейских собратий со своими работами, посылают свои статьи не в немецкие издания Петербургской академии, а в различные европейские журналы, то и с прекращением академических изданий на немецком языке как эти ученые, так и нынешние члены академии могут таким же образом знакомить Европу со своими трудами.

Если бы известная часть нашего общества, из которой преимущественно выходят наши деятели, поболее знала Россию, русский язык и литературу, то можно бы было очень скоро прекратить непроизводительную трату русских денег на обогащение германской литературы, богатой и без вашей помощи, и в нынешней нашей академии образовать чисто русское учреждение, в высшей степени благотворное для России. Поучимся у Англии, Франции, Германии, Италии, как надо любить, уважать отечественную литературу, дорожить ее каждым успехом, заботиться об ее свободном развитии и процветании. Возьмем себе в пример голландцев, шведов, датчан, эти маленькие на-

роды, коих языки распространены гораздо менее русского и которые все-таки издают труды своих ученых обществ на языках отечественных. Поглядим на Мадьярскую академию в Пеште. В числе ее членов есть не только австрийские, но и германские немцы, однако она ничего не печатает на немецком, а все на одном мадьярском языке. Эти немцы в Пеште не только всегда пишут, но, несмотря на свое дурное произношение, и всегда говорят по-мадьярски в заседаниях академии, в частных обществах и даже на улицах, хотя образованные мадьяры часто знают по-немецки лучше многих русских немцев. Забавно, что пештские ученые немцы носят не цилиндры и фраки, а мадьярские шапочки и аттиллы. Мы вовсе не имеем намерения наряжать наших ученых немцев в зипуны и поддевки, которые им также не пристали, как и пештским мадьярские аттиллы... Мы только того желаем, чтобы наши немцы, желающие быть русскими академиками, хорошо выучивалась русскому языку, который для немцев гораздо легче азиатского мадьярского, принадлежит с языком немецким к одной арийской семье и уже теперь распространен в живом употреблении не меньше немецкого языка. Мы желаем не невозможного, заявляя мысль, чтобы Петербургская академия как можно скорее перестала тратить русские деньги на обогащение германской литературы.

Не столько, кажется, с намерением принести пользу русской литературе, сколько из желания отсрочить неминуемо предстоящее ей преобразование в чисто русскую, наша Петербургская академия вновь предприняла издание Ученых записок на русском языке... Но по-прежнему она еще очень мало удовлетворила справедливым от нее требованиям русского общества...

После того как она сама начала очень дорогое издание Державина, а писатель, ей посторонний, стал собирать в академических архивах материалы для жизнеописания Ломоносова; после того как он публично (впрочем, присутствовали два-три академика) настаивал на необходимости нового полного собрания сочинений Ломоносова, — после этого Петербургская академия должна была преступить к изданию хранящихся в ее

архивах материалов для жизнеописания Ломоносова и полного собрания его сочинений. В этом отношении честь почина принадлежит не академии, а незабвенному Вадиму Пассеку[1], который изданием «Портфеля служебной деятельности Ломоносова» положил начало правильному пониманию значения Ломоносова в истории русского просвещения. Мы не решаемся воздавать академии чести, ей не принадлежащей. Но пишущий эти строки с радостью приветствует это новое предприятие ее II русского отделения... Издание материалов для биографии Ломоносова и полное собрание его сочинений будет много способствовать предстоящему ей преобразованию в чисто русское учреждение на честь и славу России, на пользу русской литературы и русского просвещения. Тогда только будет исполнено завещание первого русского академика...

Мой внезапный отъезд из России не дозволил мне изготовить к печати более предлагаемых четырех глав. Грустно и больно, что не успел окончить моего труда к задуманному сроку, к весне 1865 г. На этот труд я глядел как на исполнение священного долга признательности памяти Ломоносова, которому так много обязаны мы все, русские, и особенно писатели. Мысль, что не выплатил моего долга не по нерадению, что время провел за границей не бездельно, внушает мне смелость обратиться прежде всего к товарищам, старшим и младшим русским писателям, а потом и ко всем соотечественникам — с напоминанием об общих наших обязанностях, об общем нашем долге относительно Ломоносова и о представляющемся случае всенародно почтить его честную память в день 4 апреля 1860 г., когда исполнится ровно сто лет, как скончался отец русского письменного, поэтического и прозаического языка, родоначальник, образователь русской литературы, великий подвижник русского просвещения, бесспорно гениальнейший и заслуженнейший русский человек после Петра Великого. При многочисленных и разнообразных ученых занятиях Михаил Васильевич в последние годы жизни особенно много помышлял и заботился о преобразовании Петербургской академии, о торжественном открытии Петербургского университета, об основании нового

университета в Киеве и гимназий во всех губернских городах. Все его благородные предприятия встречали упорное противодействие в равнодушии и неблагонамеренности его начальников и товарищей, помощь и содействие которых были ему необходимы для осуществления благих намерений. Со всей своей железной упрямкой и глубокой верой в великое призвание русского народа он нередко впадал в отчаяние. Только одна мысль постоянно его утешала: «Дети отечества меня помянут».

Как упомянули его следующие русские поколения, наши деды и отцы? Посмертные его бумаги, целые статьи и записки, небрежно растеряны. Русская литература поныне не имеет сколько-нибудь сносной его биографии и полной критической оценки всех его трудов, ни одного полного порядочного собрания его сочинений. И некоторые из сохранившихся почти вовсе неизвестны огромному большинству русских образованных людей, даже писателей. Сооружен ему памятник плохой и без всякой основательной причины — в Архангельске, где он иногда бывал, еще молодым парнем, по торговым и промышленным делам своего отца.

Смело можно сказать, что не только ни одна большая, но и ни одна маленькая европейская словесность не представляет другого примера подобного равнодушия и невнимания, столь грешного пренебрежения к памяти своего родоначальника и образователя. Ныне действующим поколениям представляется прекрасный случай смыть наконец это пятно с русской литературы, с русского общества. Или нам не тяжело и не больно видеть это тупое невнимание, это грубое равнодушие? Подумаем, с каким презрением и негодованием заговорят о нас ваши дети и внуки, как они посмеются над нашими горячими толками о просвещении, свободе, любви к народу, над нашим восторженным участием в празднествах — в честь и память Шиллера, Шекспира?

Теперь уже не поспеть изданием биографии Ломоносова и полного собрания его сочинений или сооружением ему памятника в Петербурге, где он провел большую часть своей достославной жизни. Торжественное открытие памятника Ломоносову

в Петербурге, именно на площади между университетом и академией, всего бы, кажется, лучше было соединить с празднованием пятидесятилетнего юбилея Петербургского университета.

Но мы теперь можем, мы должны торжественно, всенародно, целой Россией почтить столетнюю память Михаила Васильевича Ломоносова. Все наши учебные заведения и ученые общества прежде всего, кажется, обязаны принять участие в торжестве в память человека, который был образователем русского литературного языка, отличным филологом и необыкновенно даровитым естествоиспытателем, основателем Московского университета и только по чужой вине не называется теперь таким же основателем Петербургского и Киевского университетов, большей части русских гимназий. С нашими средними классами, уже слава Богу неравнодушными к успехам русской литературы, могли и должны бы были соединиться на этом поминке и те классы, которые не по одинаковым причинам почти одинаково ее чуждаются. Нашей знати можно напомнить, что история вменяет в величайшую заслугу Воронцовым, Шуваловым, Орловым перед Россией — их помощь, внимание и участие к Ломоносову. Их уважение к его гениальной личности навсегда записало их имена в летописях народного просвещения: великая честь для нашей знати, в которой иные семейства живут и умирают, едва зная по-русски, почти не подозревая о существовании русской литературы. Нашему крестьянству, простому русскому люду, следует объяснить, что русская литература в своих начатках и лучших явлениях не есть произведение чисто господской деятельности, что, напротив, мы с гордостью можем указывать на величайшего поныне деятеля русской литературы — крестьянина Ломоносова. Крестьянское происхождение и первоначальное воспитание Ломоносова, имевшее огромное влияние на всю его деятельность, всего резче опровергает те неверные, большей частью иностранные суждения о русской литературе и образованности, будто бы возникшей решительно без всякого участия русского народа и только искусственно и насильственно пересаженной к нам немцами.

Таким образом на этом торжестве, в честь и память Ломоносова, слились бы в единую духовную семью все классы, все сословия России. Такое единение русских людей во имя просвещения, в честь и память одного из лучших его русских подвижников наглядно показало бы европейскому миру, что у России на уме не одно государственное величие, что она себе за честь и славу полагает и в непременный долг вменяет развивать и обогащать свою литературу, распространять свой язык вне пределов государства. Проистекая из чистого источника благодарности и любви, народные торжества в честь народных гениев пробуждают в обществах высокие чувства восторга и энтузиазма ко всему великому и прекрасному, питают великие, смелые замыслы, вызывают к жизни новые, дотоле спящие силы народа.

Не смею предустанавливать форм и подробностей этого русского торжества, которое, без сомнения, вызовет в свет несколько сочинений о трудах и заслугах Ломоносова, об успехах и неуспехах различных отраслей знания в России по его смерти и пр. Позволю себе лишь указать на необходимость вещественного выражения нашей признательности заслугам Ломоносова. Следовало бы, кажется, открыть в России общую подписку для составления *Ломоносовского капитала* с тем, чтобы не проценты его, а самый капитал употребить на русскую литературу по тем ее отраслям, которые наиболее теперь нуждаются в денежных пособиях и поощрение которым наиболее бы соответствовало намерениям и направлению Ломоносова.

Отличительная черта общего направления и деятельности Ломоносова состоит в том, что во всех своих трудах и выводах великий русский ученый и писатель является исследователем и мыслителем самостоятельным, в двойной своей деятельности филолога и естествоиспытателя всегда опирается на прямое изучение источников, на опыты живые, непосредственные наблюдения природы. Главнейший же недостаток современной русской образованности и литературы заключается в слабом у нас развитии духа пытливости и самостоятельности. Наука в России слабо подвигается вперед не от отсутствия в нас любознательности или людей, посвящающих себя ученым занятиям,

а от дурного способа наших занятий. В естествознании мы не столько сами наблюдаем природу и производим самостоятельные работы и разыскания, сколько соображаем и принимаем к сведению чужие, иностранные исследования. В науках исторических мы не столько обращаемся к непосредственному изучению источников, сколько довольствуемся знакомством с пособиями. Таким образом, собранный Ломоносовский капитал должен быть разбит на известные части и употреблен на поощрение в России самостоятельных изысканий в области естествознания и филологии.

В таких трудах русская литература наиболее теперь нуждается. Каждая самая обширная литература всегда состоит из двух отделов, литературы художественной и литературы поучительной, из поэзии и прозы. Успехи поэзии, литературы художественной не зависят от прямых поощрений, вещественных пособий и наград. Напротив того, проза, литература поучительная, для своих успехов, для своего развития иногда в них крайне нуждается, — не может без них обойтись. Прозаический отдел каждой самой обширной литературы всегда состоит из двух отделений: произведений популярных, предназначенных для масс или для огромного большинства читателей и имеющих главной целью распространять знания, и произведений строго ученых, предназначаемых для более или менее ограниченного круга читателей и имеющих главной целью подвигать науку вперед. То и другое отделение бывает переводное и оригинальное. Русская переводная литература по обоим этим отделениям сделала в последние годы огромные успехи и в особенных поощрительных мерах не нуждается. Гораздо слабее успехи оригинальной русской популярной литературы (включая сюда и журналистику). Появление в последнее время разных новых журналов и коммерческих товариществ для издания популярных книг и учебников, выгоды, от них получаемые издателями и учредителями, всего лучше свидетельствуют о бесполезности чрезвычайных, поощрительных со стороны общества мер для оригинальной русской популярной литературы. Притом же она никогда не может достигнуть известного совершенства, пока слабо развита

самостоятельная, строго ученая литература, ибо успехи первой тесно зависят от успехов последней, т. е. от пробуждения в обществе любви и привычки к самостоятельным взысканиям.

Итак, чем лучше и достойнее можем мы почтить память Ломоносова, как не составлением, по общей подписке, Ломоносовского капитала для обогащения нашей литературы такими трудами, в которых она теперь наиболее нуждается, следовательно, для поощрения и для вызова в свет *самостоятельных ученых изысканий в области филологии и естествознания,* и непременно в той и другой области, ибо Ломоносов в обеих ознаменовал себя незабвенными заслугами, а крепость и прочность развития всякой литературы и образованности зависит от успешного, совместного развития обоих направлений, естествоиспытательного и филологического.

Одна часть предполагаемого Ломоносовского капитала должна быть определена на поощрение и развитие в России духа пытливости и изыскательности в области естествознания, особенно по тем его отраслям, которым Ломоносов преимущественно посвящал свои силы, именно химии, физике и землеведению. Смотря по средствам, это поощрение может состоять в наградах за лучшие *ученые самостоятельные* изыскания по этим предметам в пособиях таким бедным молодым людям, которые по выходе из университета желали бы идти по ученой части и приготовить самостоятельное исследование для получения знания магистра, но за неимением средств часто бывают принуждены отдаться спешной срочной работе в журналах и тем навсегда отвлекаются от строгих занятий наукою.

Другая, равная часть этого Ломоносовского капитала должна быть определена на поощрение и развитие в России духа пытливости и изыскательности в области филологии, и именно древнеклассической.

Под направлением филологическим в обширном смысле надо разуметь изучение азиатского Востока, мира древнеклассического — греко-римского, ново-христианского — латино-германского мира и европейского Востока, или мира греко-славянского. Как ни важны все эти отрасли историко-

филологического ведения, однако у нас в России, особенно в настоящее время, в особых поощрительных мерах нуждается одна из них по преимуществу, и именно древнеклассическая филология. В самом деле, при всей великой важности самостоятельного изучения Азии знание ее языков и литератур не имеет и никогда не будет иметь (за исключением одного еврейского языка) такого великого значения и такого благотворного, образовательного влияния в наших новых европейских обществах, как знание языков и литератур древних греков и римлян. Ни у нас, да и нигде в Европе изучение азиатского Востока не может подвигаться вперед без освоенного покровительства правительств. Наше правительство уже давно обратило свое внимание на эту часть. Пожелаем лишь, чтобы это внимание постоянно усиливалось, а не ослабевало, и заметим мимоходом, что отсутствие в Петербургском университете особой кафедры финских наречий составляет важный, непонятный пробел. Знание новых европейских языков и литератур очень успешно распространяется в русском обществе, к сожалению, часто даже в ущерб отечественному языку и народной литературе. Но, несмотря на то, а именно вследствие такого неразумного и слишком раннего изучения иностранных языков, наша литература не представляет почти никаких самостоятельных, трудов по этой части. Нам кажется, однако, что прежде всего мы должны обратить самое строгое внимание на изучение древне-классических языков и древне-классического мира. Мы, русские, можем дойти только двумя путями до самостоятельного, очень для нас важного изучения новохристианского романо-германского мира, именно подходя к тому, во-первых, со стороны древнеклассического мира и его образованности, имевшей такое глубокое влияние на своего ближайшего преемника, на мир романо-германский, а во-вторых, со стороны греко-славянского мира, внешняя и внутренняя история которого находится в самой тесной связи с историей Западной Европы, так что самостоятельные изыскания в области греко-славянского мира непременно нас приведут к таким же изысканиям в области западноевропейской истории и филологии.

Хотя русская литература по истории России, славянских земель и Византии еще далеко не достигла желанной высоты, однако, если русская наука может представить что-нибудь самостоятельное и важное, то это именно по этой части. Историко-филологические труды о мире греко-славянском находят легкий сбыт в русском обществе, сознающем в них потребность и получившем к ним вкус и любовь. Притом же у нас существуют для них поощрительные Уваровские награды. Вот почему древнеклассическая филология по преимуществу нуждается в особых поощрительных мерах. Итак, вторая, равная часть Ломоносовского капитала могла бы быть определена на выдачу поощрительных наград и пособий или за лучшие оригинальные сочинения о греко-римском мире или на издание переводов древних классиков, особенно эллинских и т. д. Но для успехов древнеклассической филологии в России всего этого еще недостаточно. Следует исправить главнейший недостаток наших занятий этим предметом. Самостоятельных трудов по этой части русская литература никогда не дождется, пока наши молодые ученые не перестанут изучать Древнюю Элладу и Рим по одним немецким сочинениям или в одних немецких аудиториях, пока они не обратятся к прямому, непосредственному изучению Древней Эллады и Древнего Рима на самой классической почве Эллады и Италии. Поэтому всего бы, кажется, лучше было определить всю филологическую часть Ломоносовского капитала на отправление на несколько лет лучших молодых университетских ученых, доказавших свои дарования и познания в древнеклассической филологии, в ученое путешествие по Турции, Греции и Италии для изучения современного народного быта и наречий нынешних греков и итальянцев, представляющих много объяснений стародавней древности, для личного, наглядного знакомства с топографией изучаемых стран, с многочисленными и великолепными остатками древности, с памятниками эллинской и римской образованности. Без французской археологической школы в Афинах и немецкого археологического института в Риме, без многочисленных путешествий молодых филологов англичан,

немцев и французов по Турции, Греции и Италии английская, немецкая и французская литературы никогда бы не имели того множества превосходных трудов о древнеклассическом мире, которыми теперь они по справедливости могут гордиться. Постоянная отправка в течение нескольких лет молодых даровитых ученых в Турцию, Грецию и Италию произвела бы в этом отношении совершенный переворот в русской литературе, подарила бы ее не одним прекрасным самостоятельным трудом по истории греко-римского мира и не осталась бы без благотворных последствий на наши историко-филологические занятия новой Европой, как ее восточной, греко-славянской, так и западной, романо-германской, половиной.

Главная цель и прямое назначение Ломоносовского капитала — укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности. Пробавляться нам компиляциями и переводами* несообразно с достоинством и призванием русского народа, который по своему происхождению, по своим дарованиям и судьбам принадлежит к народам всемирно-историческим. Возникающая в России потребность творчества и самодеятельности в науке однозначна с намерением и притязаниями русского народа распространять русский язык вне пределов русского государства, т. е. так обогатить русскую литературу, чтобы чужие народы сознали необходимость изучения русского языка.

Распространится ли когда русский язык за пределами своего государства, подобно языкам древнегреческому, латинскому, итальянскому, французскому, немецкому и английскому?

В настоящее время он все более и более распространяется на юго-востоке Европы и славянском западе, не только между австрийскими и турецкими славянами, но и между мадьярами, волохами и греками. Теперь нельзя найти ни в Австрии, ни в Турции немного сколько-нибудь развитого славянина,

* Автор не восстает против нынешней богатой нашей переводной литературы, напротив, даже радуется тому, ибо сам писал о необходимости переводов (О распространении знаний в России. «Современник». 1857), но убежден, что одними переводами русская литература не должна довольствоваться.

который бы стал отвергать пользу и необходимость знания русского языка. Если еще в землях славянских преподавание русского языка не сделалось обязательным, то этому виной не нежелание славянских обществ, а отчасти недостаток материальных средств, отчасти внешние препятствия, поставляемые турецким и австрийским правительствами. Лет 30 тому назад у австрийских славян возникла мысль о необходимости единого общего литературного органа для всех народов славянских. Тогда же было указано на язык, образованный Ломоносовым, усовершенствованный Карамзиным, Крыловым, Грибоедовым, Пушкиным, как на такое славянское наречие, которое должно быть принято славянами южными и западными за общий дипломатический язык, за орган науки и высшей образованности. Мысль эта встретила отчаянных сопротивников у всех славянских племен и, по-видимому, была совершенно брошена. Между тем она невидимо, медленно созревала в сознании отдельных лиц, так что в настоящее время, без всяких агитаций, она обратилась в ясное, глубокое убеждение уже не немногих славян. Теперь, за исключением разве поляков, нет ни одного славянского народа, в котором бы не было защитников и поборников этой мысли. Теперь даже самые горячие автономисты славянские, к числу коих бесспорно принадлежал покойный Вук Стефанович Караджич, признают за русским языком право быть общим разговорным языком между славянами южными и западными, каким пока остается у них язык немецкий, — иронически названный за то Палацким die panslawistische Sprache. Однажды в разговоре со мной Вук Стефанович заметил: «С меня, или вообще серба, нельзя требовать, чтобы мы говорили на всех славянских наречиях: будет с нас, если мы знаем по-сербски и по-русски и можем объясняться с сербом-лужичанином, поляком, чехом, словаком на русском языке, который для них столько же необходим, сколько и для нас». Один венгерский славянин говорил мне: «теперь мадьяры и немцы не признают равноправности за славянскими народностями, за славянскими языками. В самом деле, нельзя требовать от мадьяр и от немцев, чтобы они хорошо знали по-словенски, словински, сербски, чешски,

польски и малорусски. Но, прими мы русский язык за общий дипломатический язык — в Венгрии и Австрии славяне в значительном большинстве, собравшись на Венгерский сейм в Пеште или в рейхерат в Вене, славянские представители могли бы говорить по-русски. Тогда мадьяры и немцы были бы принуждены признать права славянских народностей и должны бы были учиться русскому языку». Быть может, нам возразят, что австрийское правительство никогда не изволит этого. Правда, правительство может мешать распространению русского языка в Австрии, и то пока сами славяне довольно равнодушны к этому, но остановить или запретить этого оно не в состоянии. Не может Россия запретить остзейским немцам употреблять языка Лютера, Лессинга, Гете, не может и Австрия запретить славянам употребление языка Ломоносова, Грибоедова, Пушкина. Недавно в Праге студенты и молодые профессора медицинского факультета собрали подписи к ходатайству о преподавании наук на чешском языке. Один из знаменитейших старых представителей чешской медицинской науки отказал в своей подписи с замечанием, что он тогда будет хлопотать об уничтожении университетского преподавания на немецком языке, когда чехи примут русский язык за орган науки и высшей образованности. Разумеется, за это почтенный ученый подвергся таким же нападкам и нареканиям со стороны большинства чешской молодежи, какими она преследовала и знаменитого Палацкого за его откровенные статьи о польском вопросе. Между словаками трудно отыскать человека (если он только не мадьярон), который бы крепко не держался этой мысли. Русские же в Венгрии (опять-таки если не мадьяроны) приходят в негодование, читая глупые выходки галицких журналов «Слова» и «Меты»[2] о московском языке и т. д. Да и в Галиче число так называемых *москалей* вовсе не так малочисленно, как у нас думают, только они теперь не имеют средств высказываться и принуждены к довременному молчанию. Итак, мысль об общелитературном языке для всех славян и об избрании для сего языка русского не только не исчезала в славянском сознании, но, напротив, сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного

торжества ее нужно рассеять различные недоумения, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *анексациях*. К этому вопросу, не нами *впервые* поставленному, мы, русские, не можем, не должны относиться равнодушно. Вопрос заключается в том, будет ли подвиг Ломоносова — образование русского литературная языка — иметь одинаковую судьбу с подвигом Данте и Лютера, отцов нынешних итальянского и немецкого языков? Прошло 150—200 лет по смерти Данте, и были еще итальянские земли, например, Пьемонт и королевство Неаполитанское, которые еще употребляли не язык Данте, а свои местные наречия в судах, администрации, при дворе и в литературе. Почти через 200 лет после Лютера один из величайших людей Германии — Фридрих II еще вполне был уверен в невозможности литературного единства германских племен. Итак, настоящая неготовность славян к принятию русского языка за их общий литературный и дипломатический орган никоим образом не может служить доказательством невозможности этого явления в будущем. Мы, русские, должны теперь же решить себе вопрос: откуда проистекает, от каких причин постоянных, действительных или случайных и кажущихся, происходит эта неготовность славян? Что мешает подвигу Ломоносова иметь судьбу подвигов Данте и Лютера?

Почему предлагаю из проектируемого Ломоносовского капитала определить известную сумму, приблизительно 1 000 рублей, на установление Ломоносовской награды за лучшее, обстоятельнейшее решение задачи, программу которой следует разослать во все славянские земли и изложить примерно следующее: «Нуждаются ли народы славянские в общей славянской образованности и в общем необходимом ей органе, едином литературном языке? Или все они, за исключением русского народа, лишенные всякой политической самостоятельности со своими 8 наречиями и 8 отдельными словесностями, могут успешно соперничать с народами немецким, итальянским, греческим, воложским и мадьярским, наконец выйти из этой борьбы победителями, т. е. из нынешних ингре-

диентов чужих племен обратиться в самостоятельных, исторических, духовных деятелей человечества? Почему славянские племена, подобно итальянским и германским племенам, не могут, не должны, рядом с особенными местными словесностями, иметь одну общую литературу с одним общим языком? Этим искомым языком может и должен ли быть язык мертвый, древне- или церковнославянский, или же искусственный, составленный учеными из живых славянских наречий, или же наконец один из нынешних литературных славянских языков? Подробно рассмотреть и доказать — почему русский язык (как уже неоднократно указывали некоторые славянские писатели) может или не может стать общим литературным органом для всех народов славянских? С точностью определить все действительные, наличные и предполагаемые возможными препятствия распространению русского языка в землях славянских вообще и в каждом славянском племени порознь?»

...Восточный вопрос или, лучше, вопрос о несвободной части греко-славянского мира мирным образом никогда решен быть не может. Так как к решению его огнем и мечом греко-славянский мир в настоящее время совершенно не готов, то, смеем утверждать, теперь *иного важнейшего общего вопроса, как указанный о едином литературном славянском языке, в славянском мире не существует.* Без его предварительного рассмотрения и решения все проекты о будущности славянских земель навсегда останутся пустой, праздной болтовней, а все попытки к их осуществлению должны оканчиваться полнейшими неудачами и страшно вредить как России, так и всему австрийскому и турецкому славянству. Нельзя забывать, что все славяне, как австрийские, так и турецкие, ведут борьбу не только материальную, но и духовную. Вся энергия, все усилия славянских племен обращены в настоящее время на борьбу с чужими племенами или с чужими языками; одно славянское наречие хочет вытеснить язык итальянский, другие — язык немецкий, третьи — мадьярский, четвертые — греческий или румынский. Никакой материальной помощью, ни оружием, ни деньгами, ни вольными людьми Россия в этом деле славянам пособить не мо-

жет. Потребна помощь духовная; а для ее принятия потребно добровольное согласие славян. В этом отношении мы, русские, можем соболезновать беде наших соплеменников, горевать об их жалкой доле. Но в этой беде ничем иным помочь им не можем, как предложением, старым славянским же предложением, принять наш русский язык за общелитературный славянский язык, за общий орган славянской образованности. Что не удается и не удастся отдельным славянским силам, действующим порознь… то удастся общим совокупным усилиям и трудом русского народа и всех племен славянских, т. е. доставить победу славянской стихии над итальянской в Далмации и Петрии, — в Стирии, Крайне, Карпатии, Чехии, Хорватии. Военной границе над немецкой, в Венгрии над мадьярской и румынской, на Забалканском полуострове над греческой и пр. Иначе же никакие наши сочувствия и соболезнования беде славян, никакие наши пожелания не принесут им ровно никакой пользы. Человеку вольно пользоваться для своих целей знанием не им установленных законов, но невольно нарушать или останавливать их действие. В человечестве же есть закон, по которому племена, не отказавшиеся от узких племенных притязаний, по коим *каждый род живет и владеет особо,* всегда подчиняются племенам (особенно если они арийского семейства), разорвавшим оковы племенного патриотизма, сознавшим потребность одного общего литературного языка и избравшим в основание для него одно из своих местных наречий. Португальцы, не желающие отказаться от племенного эгоизма и соединиться с испанцами политически и литературно, принуждены составлять полуанглийскую провинцию. Сообразно этому закону, при всей своей энергии, Дания не смогла данизировать и поглотить немецкую народность Шлезвига и Голштинии, а славяне своими собственными средствами едва ли могут выйти победителями из стародавней, многовековой борьбы со своими противниками и соперниками. Не говоря уже о немцах, итальянцах и греках, богатых своей новой и древней образованностью, даже румыны и мадьяры имеют перед славянами разделенными большие преимущества. Русское сердце может желать им успеха, верить

в их надежды. Русский ум не может ожидать великой будущности для восьми маленьких славянских словесностей, которым, в веке железных дорог, телеграфов и *беспрерывно* возрастающей специализации наук, почти все приходится начинать сызнова. Обольщать славян надеждами, которым не верим, и скрывать свои сомнения в полном успехе всех современных стремлений нам, русским, не годиться, не благородно. Поэтому, предлагая вниманию славян вопрос об общем литературном языке, мы не должны смущаться упреками, которые, без сомнения, посыплются на нас с разных сторон — за стремление наше к «супремации и игемонии» в мире славянском. Эти упреки существовали еще, когда в России почти никто о славянах не думал. По размышлении зрелом славяне убедятся, что без известной игемонии не обходится ни один великий народ, ни одно историческое племя, что *на деле,* de facto, предводительство в мире славянском уже давно принадлежит России, что принять русский язык за общелитературный и дипломатический орган чехам, сербам, болгарам точно так же мало унизительно, как было ломбардцам, пьемонтцам, сицилийцам и неаполитанцам признать тосканский общеитальянским языком*.

* По рассмотрении этого вопроса об общем литературном языке вниманию славянского мира должен бы быть предложен другой, столь же важный вопрос: «Славянские земли в нынешней Турции должны ли вступить в известное сближение, и в какое именно, со славянскими народностями нынешней Австрии? Если должны на том основании, что Сербия, Черная Гора, Герцеговина, Босния населены тем же сербским народом, что и соседние южные провинции Австрии, то можно ли исключать русский народ из этого будущего союза нынешних турецких и австрийских славян, так как соседние нам восточный Галич со Львовом и Буковина населены 2,5 млн русских, коих сверх того с лишком 600 тыс. в Северной Венгрии. Угорскую же Русь нельзя отделять от словаков, в свою очередь плотно примыкающих к моравам и чехам. Если русский народ из этого союза выключен быть не может, то его будущие отношения к нынешним турецким и австрийским славянам должны ли быть определены с каждым племенем порознь или со всеми вместе? Важный для историка, как требующий глубоких изысканий, этот вопрос в высшей степени важен и вообще для всех русских. Здесь заключается окончательная развязка польскому вопросу. Не имея непрестанно в виду этих двух общих вопросов славянских об едином литературном органе и об отношениях славян турецких к австрийским, и тех и других к России, русская политика вообще и относительно Турции, Австрии и даже Германии в особенности всегда будет шаткой…

Для сочинения программы общего в России торжества в память Ломоносова и для составления из частных добровольных пожертвований особого Ломоносовского капитала, следовало бы образовать особые капиталы в обеих столицах и в важнейших губернских городах.

Мне уже издалеча слышатся различные возражения в замечания на мое предложение. Что касается читателей, которым не нравится ни его основная мысль, ни его подробности, то мне остается лишь сожалеть о коренном несогласии наших общих воззрений и прямо перейти к замечаниям тех, которые в сущности предложение одобряют, но считают невозможным составление нужного капитала: «так как при нынешнем экономическом расстройстве русское общество без того уже много жертвует на духовенство, церкви, братства, народные школы в западной России; предлагаемые же тут меры могли бы быть приведены в действие нашей Академией наук или вообще правительством».

Во внимание к нынешнему экономическому кризису нашего отечества, мы предлагаем, для вышеуказанных целей, затратить весь имеющий быть собранным капитал, а не издерживать одни лишь проценты с него. Известная сумма, разумно затраченная в течение 12—15 лет, могла бы оказать огромную пользу русской литературе и настолько подвинуть вперед самостоятельные изыскания в области естествознания и филологии, что по прошествии этого времени русская литература не так бы крайне, как теперь, нуждалась в чрезвычайных поощрительных мерах.

Правда, много требуется пожертвований для поднятия и укрепления православно-русской стихии в западной России, столь странно забытой нами, нашими отцами и дедами. В последнее время русское общество много жертвовало для этой цели. Но едва ли, положа руку на сердце, можно сказать, что в этом отношении Россия делает все, что может. Несколько лет кряду св. гора Афонская почти ежегодно получает из России до 100 тыс. рублей добровольных вкладов и даже во время Крымской войны получала до 50 тыс. в год. Не полезнее и не нужнее ли, разумея пользу и нужду чисто христианскую, собирать

и жертвовать деньги на западнорусские братства, церкви и на бедное семейное духовенство? Отчего бы, кажется, некоторые из наших монастырей не могли бы уделять часть своих богатств для развития православно-русского просвещения в западной, полуополяченной России? Таким образом, ничуть не ослабляя пожертвование в пользу западнорусского края, но даже усилив их изменением назначения прежних вкладов и открытием сбора в некоторых из русских монастырей, Россия могла бы, кажется, собрать и то же время и достаточный Ломоносовский капитал. Справедливо, что мы переживаем теперь экономический кризис. Но будто справедливо, что в целой России не найдется теперь несколько десятков тысяч людей, которые бы уделили для русской литературы, в память Ломоносова, по три, по два рубли, по рублю и даже менее? Несколько же десятков тысяч рублей было бы достаточно для поднятия русской литературы на высшую степень развития. Не средств, а доброй воли, крепкого общественного духа недостает нам, русским!.. Мадьяры, нынешние греки — маленькие, бедные народцы в сравнении с русскими, но поглядите в Пеште, Афинах, что совершено у них для народной литературы и отечественного просвещения частными людьми, общественными пожертвованиями! Здесь, в Царьграде, не надивишься, не налюбуешься, что сделано в какие-нибудь последние 15 лет бедными турецкими райями-болгарами для их общественного и народного дела. Я жил в Австрии, в Венгрии, когда была разрешена правительством и торжественно открыта Словенская Матица. На моих глазах производилась народная агитация в ее пользу. Дружеские связи со многими словаками-вождями позволили мне довольно близко следить за этим делом. Боже мой! Какими бы огромными капиталами ворочало теперь наше общество, если бы его одушевляли та же любовь к народности, та же вера в нее и та же добрая твердая воля, как у словаков. Бедный двухмиллионный народец, находящийся под двойным гнетом немецкого и мадьярского правительства, оставленный совершенно своим испорченный дворянством, — с помощью одних католических и лютеранских священников, нескольких малых

торговцев, адвокатов, врачей и студентов, собрал на Матицу в течение года до 150 тыс. гульденов. Правда, в этих бедных, маленьких обществах не царит дух официальности или вражда поколений старших и младших. Там *отцы* не отчаиваются в своих *детях,* но с надеждой и любовью глядят на них и вверяют им довершение своих замыслов. Так, *дети* стараются не безоглядно ломать и разрушать, а исправлять и продолжать дело *отцов.* Явление глубоко печальное, это разделение русского общества на взаимно непонимающих себя *отцов* и *детей,* в высшей степени гибельно для развития просвещения, — на что требуется дружная, общая деятельность всех наличных поколений, связанных взаимной любовью и уважением. И у нас есть общественные цели и задачи, одинаково дорогие всем честным русским *детям* и *отцам.* Имя Ломоносова тем и другим равно почтенно. Его великое историческое дело есть такой столб на Руси, за который одинаково крепко держатся и русские *отцы* и русские *дети.* В самом деле, молодое поколение России, поклонники и поклонницы *новых учений,* быть может, не одобрят назначения части предполагаемого Ломоносовского капитала на развитие филологии в России, хотя им должно быть известно, что их новые учения были не чужды Древней Элладе и Древнему Риму; но, во всяком случае, оставаясь последовательными, они не могут осуждать назначения части Ломоносовского капитала на развитие естествознания в России. Положим: многочисленны, глубокомысленны, гениальны наши мыслители новой натуралистической школы. Однако ни одно русское *дитя* не решится доказывать, что у нас в России не мало скромных тружеников, занимающихся самостоятельными работами и исследованиями в науках естественных, что в таких работах и исследованиях нет никакой надобности, хотя бы для новых подтверждений общих теорий наших мыслителей, посвящающих свои драгоценные труды рассеянию старых общественных предрассудков и разрешению высших вопросов человечества! Русские *отцы*, конечно, очень хорошо понимают, что *детей* не убедишь в бытии свободного духа наложением печати молчания на их уста, что дурное влияние раз-

ных *книжек* может быть уничтожено только высшим, самостоятельнейшим развитием литературы, укреплением в молодежи духа пытливости и взыскательности... Пусть они припомнят, что пороки *детей* — забвение преданий, неуважение к заслугам предков — не исключительно *детские*, что, например, наши отцы и деды были в высшей степени непочтительны к заслугам и памяти Ломоносова. Их равнодушию к завещанию великого академика обязаны теперь русская литература и русское просвещение тем, что мы поныне принуждены содержать на свой счет ученое учреждение, состоящее из *европейцев* и печатающее свои издания на *европейских языках,* как будто русский народ и его язык не европейские. Еще Ломоносов говорил про *«застарелое, закоренелое зло* академии». Итак, россияне, лучше прямо, откровенно откажите в одномдругом рубле на Ломоносовский капитал, чем ссылаться на Петербургскую академию. Для преобразования академии в чисто русское учреждение, русское общество должно теперь предпринять особые, чрезвычайные действия на пользу русской литературы. Мы бы могли себя назвать счастливыми, если бы, по истечении 12—15 лет, в которые бы действовал Ломоносовский капитал, мы наконец увидели Петербургскую академию вполне преобразованной… Что сказать читателям, отсылающим нас к правительству за помощью русской литературе по тем частям, в которых она наиболее теперь нуждается? То, что пора же наконец понять, как неразумно и недобросовестно толковать и вольнодумничать об общественном самоуправлении, восставать против чиновничества и его злоупотреблений — и в то же время, вместо отклика на призыв к полезному общественному делу, указывать на правительство. Мы жалуемся и ропщем на неизобретательность и необразованность русских ремесленников, на непредприимчивость и неразвитость русских купцов, на недостаток всякого рода специалистов в России. Никакое правительство в мире одними собственными средствами такому злу пособить не может, нигде промышленность и торговля не стоят высоко без высших знаний, без теории и науки, а они не делают успехов в странах, где общество

слабо проникнуто уважением к самостоятельным, строго ученым трудам или мало заботится о процветании отечественной литературы и распространении родного языка. Не жалобами приобретет русское общество уважение правительства, которое не дает большей свободы русской печати, конечно, по той единственной причине, что не уверено в силах русского общества. Доказать правительству свою способность и крайнюю пользу такой свободы для блага России мы можем только деятельной любовью к русской литературе, горячим участием всех классов обществ к ее успехам, к чести и достоинству русского слова... Будем любить наше родное слово, дадим ему подобающее, почетное место в наших семьях и общественных собраниях. Будем уважать русскую литературу, дорожить ее каждым успехом, тщательно отстранять все препятствия к ее развитию, проникнемся чувствами почтения и признательности к заслугам ее деятелей и прежде всего к ее великому отцу и родоначальнику. Если справедливо, что дух официальности мертвит все наше общественное движение, что разрыв и разладица старших и младших поколений, сея в семьях недоумения и несогласия, колеблют и шатают все общество, а его равнодушие и неуважение к родному слову воспитывает дряблые поколения без твердых основных убеждений, без всякого чувства народности и народного самосознания, без всякой мысли о великом призвании русского народа, — если это справедливо, то конечно в настоящую пору нет желаннее, настоятельнее никакого другого общественного дела, как торжественное по целой России поминовение заслуг Ломоносова в 4-й день апреля 1865 г. и составление Ломоносовского капитала для поощрения и развития в русской литературе самостоятельных изысканий в области естествознания и филологии, для распространения русского языка вне пределов России. Это русское общественное дело может и должно воедино собрать русских, не как чиновников различных ведомств, а просто как русских людей, любящих и уважающих родную речь и литературу, представителей всех наличных поколений и направлений, и русских отцов и русских детей. Да распространяется повсюду в России, да

проникает во все слои общества, да укореняется в них то убеждение, что сверх знати родовой и чиновной есть знать талантов и гениев, что она-то и есть настоящее украшение, истинная гордость и слава народов, — что есть у них у всех чудная, могущая сила, которая посмеивается самому гордому, земному материальному величию, сила чисто духовная и часто тем сильнейшая, что она слабее и ничтожнее официально — сила творческая и зиждущая, сила мысли и слова. Торжество в память Ломоносова, организатора и уставщика этой силы на Руси, было бы торжеством и празднеством этой силы в современной России. Основатель Московского университета, помышляя о лучшем устройстве академической гимназии и о торжественном открытии Петербургского университета, заметил однажды: «Мое единственное желание, чтобы произошли многочисленные Ломоносовы». С Божьим благословением, с доброй волей, простые пахари, мы все много можем сделать для приготовления народной и общественной почвы к принятию семян этих великих народных сеятелей, этих Божьих избранников, открывающих новые эпохи народного развития, оставляющих по себе неизгладимые следы в истории. Со вступлением русского народа в новую гражданскую жизнь и русская литература должна начать новый период развития. Будем же признательны великому историческому подвигу отца нашей литературы, образователя нашего языка, — даровитый Русский народ не замедлит нам выслать новых Ломоносовых.

Низкие и знатные, богатые и бедные, русские люди, почтим же память Михаила Васильевича не словами лишь, но и делом. Да возрадуется его дух, да успокоится и утешится его тень, что наконец его *дети отечества поминают.*

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ

От редактора. Посвящается памяти дорогого товарища И. П. Минаева

I. Таковы зачатки, средства, цель и программа нашего журнала. С помощью своих сотрудников «Живая Старина» надеется найти сочувствие и поддержку в русском обществе. Есть несомненная нужда в подобных периодических изданиях. С успехами русской гражданственности, с появлением новых общественных групп народились новые потребности и интересы, усложнились и возвысились задачи русской литературы и науки. Прежнее исключительное господство и поныне замечаемое на русском книжном рынке преобладание более или менее толстых ежемесячных литературно-научных журналов начинает, кажется, отживать свой век. Эта форма литературного изделия долго была особенно излюбленной у книжных предпринимателей, литературных рабочих и читателей-потребителей. По-видимому, и тут, как во всякой промышленности, на какой товар наиболее спрос, тот больше и предлагается. Но книга, журнал не как любой товар или произведение фабричной и заводской промышленности: только предмет спроса и предложения. Как театр, концерты, художественные выставки, как амвон, трибуна и кафедра, книги приносят художественное наслаждение, увлекают к подвигам, дают уроки и поучения, распространяют идеи и знания. Книжным предпринимателям и

работникам потребители ничего собственно не заказывают, а только от них принимают, что дадут, как слушатели от проповедника, как зрители от содержателя театра и актеров, как ученики от школы. Читающая публика воспитывается и образуется книгой, журналом. Если в литературном деле возобладает известная рутина, то потребители сами бессильны исправить замечаемые недостатки и ввести желанные преобразования. Для того нужно явиться новым предпринимателям или новому направлению и решимости в старых.

Наши литературные журналы имеют свою почтенную историю. В летописях русской образованности они занимают весьма важное место, начиная если не с «Телескопа», «Телеграфа», «Наблюдателя», то хотя бы с «Отечественных Записок» Краевского, «Библиотеки для Чтения» Сенковского, «Современника» Пушкина и Плетнева, «Москвитянина» Погодина и кончая семью современными, пятью петербургскими и двумя московскими ежемесячными журналами. Их заслуги, их значение в русской литературе окажутся нам сразу, если припомнить, что в них впервые явились многие произведения Лермонтова, все почти замечательнейшие стихотворения Языкова, Баратынского, Тютчева, почти все большие и малые пьесы Кольцова, Некрасова, А. Толстого, Огарева, Ознобишина, Фета, Майкова, Полонского, кн. Кутузова, точно так же, как и все почти произведения Льва Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова, С. Аксакова, Островского, Салтыкова, Писемского, Мельникова, Григоровича, Крестовского, словом, всех наших лучших новейших писателей, полные собрания сочинений которых составляют принадлежность каждой порядочной русской частной библиотеки наравне с произведениями старых наших писателей от Ломоносова до Пушкина и Гоголя включительно. В этих же ежемесячных журналах почти исключительно являлись все почти важнейшие произведения русской критики и многие статьи разных видных представителей русской науки, по философии, естествознанию, наукам историко-нравственным, в особенности по русской истории, по истории русской литера-

туры. Справедливость, однако, требует заметить, что далеко не все журналы за последнее пятидесятилетие одинаково отличались крупными достоинствами. Многие из них бывали вообще даже очень слабы, и даже ни один из них никогда почти не бывал вполне свободен от более или менее крупных недостатков и вовсе не по одним так называемым независящими от редакции обстоятельствам. Всячески надо признать, что главная сила и особенно ценная в глазах читателя сторона лучших наших старых и новых журналов всегда почти заключалась в отделах русской изящной словесности и литературной критики и библиографии. Эти отделы всегда были и поныне остаются наиболее читаемыми частями наших журналов. Правда, отдел критики как прежде, так и теперь, меньше отдела изящной словесности русской и иностранной привлекал и привлекает большинство обычных читателей. Этот отдел изящной словесности иногда с какою-нибудь юмористическою или увеселительной смесью, хроникой составлял и поныне зачастую составляет едва ли не добрую треть, если не половину ежемесячной книжки любого из наших журналов. Большая часть русских повестей и романов слабых или начинающих, и потому дешевых, сочинителей и переводы иностранных романов, этот своего рода балласт и эта непритязательная, приманиваемая им публика издавна доставляют издателям главнейшие прибыли, как товарный груз и пассажиры 3-го и 4-го класса обществам железных дорог.

Что же касается так называемых серьезных или научных статей, особенно если они принадлежат более или менее именитым ученым, то обыкновенно они обходятся дорого издателям, хотя ценой и не равняются с дорогими повестями и романами знаменитых авторов, но зато они мало и окупаются. Стоя больших денег, статьи известных ученых не подлежат урезкам и исправлениям со стороны редакции. В качестве невесомых величин они придают лишь отвлеченной важности журналу, не прибавляя ему новых подписчиков и даже внушая некий страх огромному большинству читателей. В большей части случаев они остаются даже неразрезанными или

во всяком случае непрочитанными: в иных местностях они так и называются «нечитательными».

Издание журнала ни одно литературное, но и экономическое предприятие. Издатель тот же капиталист-предприниматель. Рискуя своим капиталом, жертвуя своим временем и заботами, он, естественно, ищет вознаграждения, прибылей. Сотрудники журнала — те же рабочие. Чем известнее писатели-художники и ученые, тем естественно выше их задельная плата. Разорение предпринимателя неизбежно, если он будет помещать на страницах журнала только и даже преимущественно статьи знаменитостей. Потому издавна стало главной заботою издателей отпустить товар получше и себе дороже в ноябре, декабре, январе и феврале и поплоше и подешевле в остальные месяцы. Особенно крупные таланты и большие знаменитости вообще редко принадлежат всецело известным партиям, на которые обыкновенно распадаются наши журналы, часто безо всяких особенных внутренних оснований. Они легко меняют журналы, особенно если не они сами основали то или другое издание. Чаще всего они смотрят на книжки журналов, как на общественные кареты или вагоны: взял билет и сижу с кем Бог послал. Как ни ограничен круг наших ученых, все же многие из них вообще довольно далеки от наших журналов, редко даже их читают, чаще лишь их пробегают или просматривают, еще реже помышляют о помещении в них статей.

Изготовление так называемых серьезных статей для отдела наук издавна в большей части наших журналов выпадает обыкновенно на долю или молодым начинающим ученым, или старым опытным сотрудникам, иногда действительно даровитым, сведущим и просвещенным, а иногда лишь бойким, набившим руку и изучившим вкусы публики, литераторам с известным в русском смысле энциклопедическим образованием. Срочность работы, которой завалены постоянные сотрудники журналов, полистная плата, известное требование редакторов и издателей — избегать излишней сухости и учености давно создали и утвердили в нашей журналистике

известный пошиб статей отменно длинных, многословных и малосодержательных. При давнем преобладании на нашем книжном рынке формы ежемесячных сборников в 30—40 листов каждый самого разнообразного и по возможности общезанимательного содержания эти недостатки надолго укоренились в нашей литературе, так что краткость и ясность, сжатость и дельность, столь обычные качества в литературах английской, французской и новейшей немецкой, у нас составляют вообще большую редкость.

II. Если припомним, что все почти лучшие произведения нашей изящной словесности, в течение 50 лет украшавшие наши ежемесячные журналы, вошли в полные собрания сочинений их авторов, что многие и многие, лучшие и в свое время прославленные критические и научные статьи вышли также впоследствии отдельными книгами, то понятно станет, отчего самые лучшие наши журналы, а тем более все вместе взятые, составляя теперь громадную серию нескольких сотен толстых томов, для всех частных и многих общественных библиотек (например, ученых обществ, стесненных в своих посещениях) являются положительной тягостью и, по миновании в них надобности, через год, другой, обыкновенно сбываются за ничто, как старые афиши и газеты. Любители старой литературы и разные ученые перебирают на рынках старые журналы для вырезки из них некоторых нужных им статей. Исключение составляют журналы за некоторые годы, когда они подвергались позднейшим запретам и изъятиям. Такие книжки старых журналов неожиданно приобретают на рынке высокую цену, усердно разыскиваются и охотно покупаются любителями редкостей и запретного чтения.

Как в течение последнего полувека бывали годы, когда литературно-научных журналов выходило не более трех, четырех, то предположим, что средним числом в первое двадцатипятилетие ежегодное издание журналов брало с издателей и подписчиков (одни долговечные журналы приносили значительные доходы, другие только окупались, третьи недолго-

вечные издавались в убыток) не менее 100—150 тыс. руб., а во второе двадцатипятилетие, когда число журналов значительно возросло и подписка на них увеличилась, не менее 200—250 тыс. руб. Следует припомнить, что на некоторые из наших журналов («Русское Слово» гр. Кушелева, «Светочъ» и пр.) бывали зря бросаемы бешеные деньги. Если же иные предприниматели за это время начиняли свои издания без достаточного капитала и скоро прогорали, не получив достаточного числа подписчиков, то все же расходы на эти непроизводительные предприятия ложились в известной степени на страну и выражались в неоплаченных долгах издателей бумажным фабрикам, типографиям и всякого рода сотрудникам и служащим. Но не немногие журналы доставляли и доставили издателям немалые доходы, и потому можно считать, что Россия за эти полвека истратила на ежемесячные литературно-научные журналы никак не менее 6—8 млн рублей.

Как бы мы не возвышали и не преувеличивали заслуги и значение наших журналов, все же нельзя отрицать, что затраченный на них в последние 50 лет капитал слишком не соразмерен с принесенной ими пользой русской литературе и образованности. Пусть хоть не половина этой суммы, как мы думаем, то, конечно, добрая ее треть, разумно употребленная на другие, более нужные и доброкачественные издания и книги, принесла бы предпринимателям не только уже более чести и славы, но и материальной прибыли, а потребителям не доставила бы, разумеется, такого несметного количества листов и по большей части совсем теперь почти никому не нужной печатной бумаги, зато подарила бы русской литературе несколько десятков хороших, полезных книг, в коих бы долго нуждались отцы, матери и дети каждой небогатой, но любознательной, русской семьи. Отделив если не три или четыре, то хотя бы два миллиона с лишком и расходуя их ежегодно в течение 50 лет на издание, например, энциклопедического словаря, целой серии хороших основных книг по разным отраслями знаний, дельных иллюстрированных изданий, посвященных описанию различных краев России и пр., наши издатели литературно-научных

журналов получили бы больше выгод и оставили бы по себе добрую, заслуженную память в истории русского просвещения. Сравнивая в этом отношении вторую половину нашего со второй половиной прошлого столетия, приходится признать, что в издательской деятельности Новикова и некоторых его современников было больше разумения нужд русского общества и более просвещенного отношения к своему делу. Откровенно говоря, нами всегда овладевает грустное чувство, когда читаем объявление о каком-нибудь новом ежемесячном литературно-научном журнале с подписной платой от 10 до 12 руб. и более, или о переходе старого прогоревшего журнала с его долгами к новому издателю. Мы верим благородным намерениям издателей, редакторов и ютящихся около них сотрудников, но жалеем непроизводительной траты денег и умственных, все же сил, видя в таких предприятиях лишь рутинное отношение к делу и непонимание современных нужд русской литературы и образованности. Они же прежде всего требуют освобождения значительной части капитала, поглощаемого теперь изданием ежемесячных литературно-научных журналов, на другие более нужные и желательные издания. Все наличные журналы только выиграют во внутренней ценности, с значительным уменьшением их объема и подписной на них платы. От этого утончения и удешевления наших литературно-научных журналов должна также много выиграть русская образованность и литература. Лучшая часть сотрудников получит возможность работать более производительно, с большей для себя и для читателей пользой за ту же, если не большую впоследствии, плату, а читатели сберегут деньги и внимание на покупку и потребление более добротного и нужного книжного товара. У предпринимателей освободится часть оборотного капитала, которую они могут употребить на иные издания с не меньшей для себя и с гораздо большей пользой для литературы.

Рассматривая любую книжку наших журналов, не только летних, но и зимних месяцев, вы найдете в ней немало лишнего. Так, вместо двух, трех повестей русских можно бы было ограничиться одной листа в два, три, а переводы иностранных

романов и вовсе исключить. Затем, кажется, без ущерба делу, можно бы было значительно сократить статьи постоянных сотрудников, имеющие своей задачей развивать читателей и воспитывать их в соответственном направлении консервативном, либеральном, смотря по журналу. Постоянным читателям общие воззрения и идеи этих авторов обыкновенно давно уже знакомы, так что, при повторении нужных истин, они бы могли быть гораздо менее пространны в их изложении. От сжатости все эти истины только бы лучше запечатлевались в памяти ревностных читателей, что, кажется, и требуется. Само собой разумеется, из-за того, что статьи могут выиграть в достоинстве, гонорар за них не должен бы быть уменьшаем. В этом отношении особенно выступает несправедливость полистной платы. Во всяком случае каждая книжка любого более или менее толстого журнала уменьшилась бы таким образом наполовину; понизилась бы соответственно и подписная цена на каждый журнал.

Таким образом, наши литературно-научные журналы своим объемом и составом, а затем и характером и интересом изложения, стали бы более походить на этого рода европейские журналы. Во Франции, в Англии, в Германии книжки журналов вообще гораздо тоньше, а между тем там образованных писателей и умеющих писать популярно ученых гораздо больше, чем у нас. При бедности наших сил у нас положительно невозможно ежемесячно выпускать семь хороших довольно толстых книг. Во всех наших журналах попадаются иногда сами по себе очень ценные статьи хороших ученых, но по своему содержанию и изложению часто неуместные для литературно-научного журнала, хотя и сам автор, и редакция, с его согласия, уже многое в ней сократили, выпустили, иное прибавили, не без ущерба для избранного вопроса и его решения, приноравливаясь единственно к характеру энциклопедического журнала и к требованиям обычных его читателей. Будь у нас больше журналов не столь общего и энциклопедического характера, многие прекрасные статьи, пропадая теперь в ежемесячных литературных журналах, нашли бы себе

подходящее место и явились бы, в лучшем, исправленном виде, в журналах специальных, вполне, впрочем, доступных для образованных читателей. Смеем думать, что книжное дело в Германии, Франции и Англии поставлено гораздо правильнее, чем у нас, главнейшее же потому, что там издается и читается много книг и периодических изданий, посвященных известным отраслям знания, гораздо больше, чем журналов энциклопедических, да и таких больших, как наши, и вовсе почти не имеется. У нас же эти ежемесячные сборники, обыкновенно наскоро составленные, поглощают слишком много денег, труда и времени у капиталистов-предпринимателей и у публики и труда и времени у многих иначе полезных литературных работников и положительно мешают печатанию и распространению многих необходимых книг и периодических изданий не энциклопедического характера.

Все это заставляет желать и ожидать новой *эволюции* от наших ежемесячных литературно-научных журналов. Было же время, когда в них бывал отдел мод с картинками, отдел сельскохозяйственный и театральной хроники. От всего этого они уже отступились. Стала также понижаться и их подписная цена; журналы стали выходить потоньше. Будем надеяться, что наши предприниматели на нынешнем объеме и подписной цене их не остановятся и изыщут лучшие способы удовлетворения спроса большой публики на русские повести и романы (хотя бы очень слабые) и на переводы романов иностранных. Из нынешних же издателей журналов могли бы найтись охотники, что на освобожденную часть капитала стали бы издавать особые библиотеки или серии русских и иностранных повестей и романов, продавая их по подписке или отдельно. Теперь зачастую один и тот же иностранный роман единовременно, заведомо переводится двумя, тремя лицами и печатается в двух-трех журналах, нередко наспех, с пропусками и искажениями. Поручив это дело особым редакторам, ничем другим не развлеченным, известные фирмы, по известному предварительному между собой соглашению, могли бы устроить это дело гораздо лучше нынешнего.

III. Ожидание такой именно *эволюции* от наших ежемесячных литературно-научных журналов оправдывается еще двумя обстоятельствами. В последние полвека всегда были журналы, издаваемые себе в убыток. Нередко будущий редактор с кружком приятелей литераторов находит себе какого-нибудь великодушного богатого друга: искренне желая послужить родному просвещению и литературе, но не зная их насущных нужд, он жертвует в течение года, двух, трех, пока хватит сил и охоты, на издание ежемесячного журнала, в необходимости которого успели его убедить приятели. В течение последних десятилетий мы видим, постоянно прогорает несколько таких журналов, иные же, меняя издателей, держатся довольно долго без нужного числа подписчиков. В этом журнальном производстве постоянно было меньше спроса, чем предложения. Этот отдел нашей книжной промышленности уже давно страдает перепроизводством. В то же время замечается, что каждый новый журнал всегда находит себе подписчиков. Не новые являются, а подписчики старые или входят в новый расход и, значит, еще более сокращают свои расходы на приобретение других изданий или книг или бросают прежний журнал, очевидно, им не вполне довольные, в ожидании, не будет ли новый получше. В русском обществе уже как будто начинает сказываться недовольство таким преобладанием журналов энциклопедического характера, а все сильнее слышится запрос на нетолстые, недорогие, ежемесячные, полугодовые и третные журналы не энциклопедического характера, а посвященные частным родам искусства или отдельным отраслям чистого и прикладного знания. Таковы «Вестник изящных искусств», «Артист», «Пантеон литературы», журналы по психологии, философии, юридические, по русской филологии, по русской истории, по этнографии, археологии, по физике, химии, геологии и пр., и пр. Не станем утверждать, что все эти журналы одинаково успешно выполняют свою задачу, не отвергаем и пользы и необходимости литературно-научных журналов, в уменьшенном против нынешнего объеме и с пониженной

подписной платой. Мы только настаиваем на крайней необходимости для русского просвещения возможно большего размножения изданий, служащих не столько для развлечения и рассеяния или развития и укрепления известных направлений (в этом отношении едва ли не пригоднее ежедневные или еженедельные газеты), сколько для целей самообучения и самообразования.

У нас в литературе, к сожалению, давно принято обращать внимание при оценке общественных явлений и деятелей не столько на их характер, способности и знания, сколько на так называемое их направление. При этом обыкновенно забывается, что господствующие в нашем журнальном мире направления и партии выражают по преимуществу интересы и настроения журнальных кружков и литераторов, более или менее к ним примыкающих. В столицах же и в различных краях России имеются целые многочисленные группы людей просвещенных, иногда отличных ученых и вообще образованных людей, что больше читают иностранные, нежели русские журналы, обыкновенно пробегая последние или останавливаясь лишь на некоторых статьях в каком бы журнале они ни были, себя не причисляют ни к одной из господствующих в журналистике партий, ни один из наших журналов не считают в особенности своим, имеют свой образ мыслей и свое направление и к каждой из наших литературных партий и ее органам относятся вполне критически и свободно. По всей же России находится множество таких почтенных, скромных деятелей изо всех слоев общества, что любят науку и просвещенье, читают книги и некоторые специальные периодические издания, а с литературно-научными журналами или вовсе почти не знакомы, или очень мало. Эти деятели и труженики сами вырабатывают себе свой образ мыслей, свое направление. Оно опять-таки имеет мало общего с направлениями наших литературных журналов и их партий. В образе мыслей и в направлении этих почтенных деятелей бывает много разнообразия, смотря по местным условиям их родины или того края, где они живут, по их средствам, образу жиз-

ни и занятиям. Наконец в мире постоянных читателей наших журналов едва ли не большинство читающей их публики опять-таки относится ко всем журнальным партиям безразлично и читает в них почти исключительно оригинальные и переводные повести и романы.

При этой же довольно общепринятой у нас критики мало придается значения воспитательному характеру науки и могучему ее влиянию на жизнь личную, общественную и государственную. Как прежние русские барышни, по выходе замуж, навсегда бросали музыку, чтение стихов и романов, так и поныне многие и многие из кончающей у нас средние и высшие училища молодежи, по вступлении на службу частную, земскую или государственную, навсегда бросают ученье и науку. Каждый из пожилых университетских профессоров не раз на своем веку слыхал от студентов на дружеский упрек человеку, зачем-де он того или другого не знает: я ведь буду служить или я буду учителем, я наукой никогда не рассчитывал заниматься, я ведь не буду ученым. Так у нас зачастую даже люди с высшим образованием думают, что наука нужна лишь ученым. У нас теперь еще в каждом ведомстве найдутся канцелярии и департаменты, где на служащих, занимающихся сверх службы не картами, например, а наукой, и начальники и товарищи глядят с некоторым нерасположением и в лучшем еще случае с сожаленьем и улыбкой, как на людей со странностями. В таких богатых древностью и стариной городах, как Псков и Новгород, где издавна немало, а в последнее время и подавно, живет учителей и других служащих с высшим образованием, много ли в эти двадцать лет было преемников митрополиту Евгению, арх. Макарию, Красову, Куприянону, Отто?.. Я слыхал от одного приятеля, имевшего случай по делам службы ознакомиться со всеми чинами судебного ведомства на Кавказе, что большинство русских молодых людей с высшим образованием, живя в глухих, отдаленных местах, обыкновенно изнывало от скуки, от неумения чем-нибудь заняться в свободное от службы время, падало и опускалось умственно и нравственно. Это было

давно и, конечно, надо думать, теперь все это изменилось к лучшему — и в то же время молодые чиновники из немцев, бодрые и деятельные, по способностям не выше своих русских товарищей, умели найти себе интересы в занятиях кто кавказской флорой, кто древностями, кто этнографией и любопытными наречиями горцев. Такое скучание русских образованных людей от неумения найти себе дело и труд в самых занимательных для любознательного, несонливого ума краях, к несчастью, дело довольно у нас заурядное.

Виной этому отчасти наша школа, а еще более наша литература. Упомянутые немцы на Кавказе были по преимуществу воспитанники русских же заведений, а не Дерптских; но родственная им по языку немецкая литература воспитывала и развивала в них уважение к науке, дух пытливости и любовь к ученым исследованиям.

Мы не спорили, что в нашей молодежи последних поколений было много горячей преданности идеалам и готовности служить общественному благу. Но, при фанатической часто страсти к обличению и искоренению окружающего нас и далекого от нас зла, в ней мало было скромности, самоповерки и самоосуждения, мало критики в отрицании всего старого и, по ее мнению, отжившего, и слишком много веры во все, казавшееся ей новым, благим и истинным. Все крупные грехи известной части последних поколений имели вообще своим источником два великих недостатка русского общества, нашего домашнего воспитания, нашей школы и литературы.

Эти недостатки заключаются, с одной стороны, в отсутствии или слабости у нас преданий, традиций, в неуважении к живому народному обычаю, к свободе и разнообразию жизни, к живой старине, в легкомысленном непонимании, что жизнь общественная и народная бывает здорова и правильна только при непрерывности внутреннего развития, без внешних ломок и насильственного нарушения народного обычая, в малом наконец знании России, ее прошлого и настоящего. С другой стороны, и общественная жизнь, и школа, и литература слабо в нас развивали искреннюю любовь и

уважение к знанию и науке. Второй недостаток естественное последствие первого, ибо человеческое знание начинается с самоизучения, самосознания.

Зародыши знания, зачатки интереса к различным его отраслям, как прекрасно раскрыл великий наш соплеменник Амос Коменский, западают и развиваются в душе человека еще с самого раннего младенческого возраста*. Всякой здоровый, умный и неиспорченный человек, какого бы состояния он не был, имеет расположение и наклонность как к известному физическому труду, и в часы досуга к известной физической забаве и потехе, так и к известному искусству или отделу знания. Любой умный, трезвый, добропорядочный крестьянин-пахарь, рыбак, плотник, пчеловод, ремесленник-кустарь, фабричный или заводской мастеровой, много живший и поработавший на своем веку, обладает большим запасом унаследованных от отцов и дедов и самолично нажитых наблюдений, сведений и приемов, всегда любопытных для науки чистой или прикладной. При грамотности, известном обеспечении и досуге эти люди нередко выдаются своей любознательностью и наклонностью к той или другой отрасли знаний. В странах со старой образованностью такие кряжовитые, ядреные, умные и благочестивые крестьянские и ремесленнические семьи зачастую высиживали и выводили великолепные головы гениальных ученых, техников, художников. Примеры Ломоносова и Кулибина дают право надеяться, что с распространением образования такие явления будут и у нас все чаще повторяться. Нельзя одобрить мнения, будто надо исключать всякого рода научные книги из народных библиотек. Можно сказать, что наша литература еще очень бедна по этой части, что у нас не выработаны ни приемы, ни язык для такого рода самоучителей или дешевых, кратких, но толково, ясно изложенных, с богатством фактов, пособий по различным отраслям чистого и прикладного знания. В этом отношении мы могли бы многому поучиться у братьев наших западных славян, особенно у чехов, словаков, словенцев... Их вышедшая из народа интел-

* Informatorium školy mateřské.

лигенция дала народу мною прекрасных народных календарей, всякого рода книжек и разных периодических изданий. Там многие сельские священники, католики, протестанты и православные (у сербов австро-венгерских), народные учителя и люди других профессий уже достойно себя прославили на этом поприще. Нет у нас толковых, дешевых журналов для народа, столь любимых и с такой пользой издаваемых у западных славян и отчасти у наших латышей и эстов. Вообще эта дешевая народная литература, религиозно-нравственная, изящная, чисто научного и прикладного характера, отдельные книжки, сборники (календари), журнальчики и главные хранительницы и распространительницы этой словесности — народно-городские и сельские читальни вместе с выставками и всеми открытыми музеями в маленьких, по-нашему, уездных городах составляют необходимое дополнение к народной школе. Народные театральные представления, как светского, так и духовного содержания (вроде средневековых мистерий), могли бы также, кажется, доставлять народу много высокого и поучительного интереса. В Тироле, например, Ober-und Unter-Ammergau, ежегодно даваемые представления религиозного содержания, с участием крестьян, приносят в иные годы свыше 300 000 марок валового и свыше 150 000 марок чистого доходу, который обыкновенно идет частью на вознаграждение участникам, частью на благотворительные цели. Само собой разумеется, ни из народного театра, ни из народной литературы, ни устной проповеди и словесного обучения не следует безусловно выключать наш литературный язык; но необходимо давать жить и развиваться и местным языкам. При такой свободе и терпимости наш общелитературный язык будет изучаться инородцами и иноплеменниками в Империи и вне ее, во всех наконец западных славянских землях, тем с большей готовностью и охотой. От развития маленьких народных, инородческих и иноплеменных, словесностей государственный язык обширной Империи, язык преподавания в средней и высшей ее школе, язык богатой литературы, единственно общепонятный и уже потому, не только внешне, но и внутрен-

не, обязательный для всех инородческих племен европейской и азиатской России и для всех разновидностей нерусского славянства, никогда ничего не потеряет в своем значении и не потеряет ни малейшей утраты от того, что мы в уважение к допущенному Провидением различию племен и наречий признаем их божеские, естественные права. Напротив, русская литература, искусство, наука, особенно же языкознание и народоведение тогда только бы выиграли в многосторонности и разнообразии. Русская образованность могла бы тогда обогатиться множеством разнообразнейших иноплеменных тонов, мелодий, оттенков, чувств и мыслей, которые иначе, пожалуй, замрут и погибнут бесследно. Надо помнить, что природно-русский проповедник, учитель, художник, ученый никогда не сумеет и не сможет так тесно сблизиться с инородцами, так полюбить и распознать их душу, как это возможно и легко всякому образованному и развитому инородцу, не вынесшему из русской школы ни презрения к своим родичам, ни ненависти к русскому языку и русским, как безжалостным победителям*. Мы, русские, многое в этом случае опустили и дали более нас образованным немцам, преимущественно нашим же согражданам, протянуть через наши головы руку нашим инородцам. Почти вполне немецкая по своим преданиям, почти исключительно работая для немецкой ученой литературы, первое наше ученое государственное учреждение, Петербургская Академия наук, через своих членов — немцев давно вошла в непосредственные связи с инородцами нашими, не только с латышами, но и литовцами, не только с эстами, но и с другими — финскими, а также и с турко-татарскими и монгольскими инородцами, и стала издавать на немецком языке и с немецкими объяснениями грамматики и словари этих наречий и памятники их народной словесности на основании материалов, записанных и собранных любознательными инородцами, обыкновенно хорошо знавшими по-русски и ничего, за исключением эстов и латышей, не знавшими по-немецки. Так в образованных наших инородцах уже начало слагаться воззрение

* См. у нас любопытную статью г. Трусмана «О полуверцах». С. 45 и сл.

на русских, как исключительно на военных, чиновников, полицейских, на русский язык, как лишь на язык власти, а на немцев, как на ученых, просветителей и покровителей их народности, а на язык немецкий в России, как язык свободы, образованности и науки. Мы не упрекаем немцев, если они даже сознательно старались прививать такие взгляды инородцам России, и уважаем их за научную любознательность, ученую деятельность и энергию; но печатание по-немецки этнографических и лингвистических трудов касательно азиатских и европейских инородцев на счет государственный, как и вообще все немецкие издания нашей Академии наук, считаем крупной государственной ошибкой. Отказываемся верить и скорому преобразованию нашей академии в русскую, ибо признаем силу привычек, традиций и известных кровных сочувствий. Мы полагаем, что оно всячески не совершится, пока Москва, в сознании своего призвания, не объединит известным образом различные, состоящие при Московском университете ученые общества и не создаст у себя вольной, без жалованья, без чинов и орденов, без казенных квартир, но одаренной большими средствами для издания всякого рода ученых предприятий, академии. Для этого же, кроме многого другого, необходимо прежде всего образование при Московском университете недостающего ему факультета восточных языков, причем, Бог даст, не забудут о кафедре финских языков, как забывают о ней, и совершенно напрасно, в университете Петербургском. Новый, хорошо обставленный, восточный факультет в Москве не повредил бы, а только бы помогал процветанию факультета Петербургского, соревнованием, контролем. Открываемый постепенно, по отделениям, в течение нескольких лет, Московский факультет не потребовал бы сразу слишком больших расходов от государства, а между тем принес бы огромную пользу и русской науке, и торговле нашей с Азией. Щедрое на пожертвования в пользу родного просвещения, московское купечество не преминуло бы, нет сомнения, со своей стороны обставить этот столь важный для него факультет нужнейшими, материальными и учеными пособиями.

Только созданием общественными силами вольного, а не казенного, чисто национального высшего учебного учреждения, хотя бы и не под названием академии, и именно в Москве — в ней одной оно и возможно, — где уже действуют различные ученые общества, за исключением восточного, можно будет наконец хотя бы нашим внукам с полным успехом и уже навсегда преобразовать нашу академию в желательном для России смысле. До тех же пор многостороннее и основательное изучение всех наших инородцев, постановка их элементарных школ, равно как и дело всего народного образования в России, а вместе и удовлетворение многих иных насущнейших потребностей русской науки будут сильно страдать от разных ложных господствующих воззрений и приемов и встречать в своем развитии и применении неодолимые препятствия.

IV. Всегда и везде есть тесное взаимодействие народной школы со школой средней и высшей и всех трех с национальной литературой и наукой. Как жалка там элементарная школа, где обучавшиеся в ней два, три года забывают впоследствии и письмо и грамоту, так не завидна и средняя и высшая школа, когда окончившие в них свое образование юноши и молодые люди не выносят из нее и не сохраняют на всю жизнь уважения к знанию, любви к тому или другому его отделу, охоты и привычки к известному научному или техническому труду. Из этого не следует, что все образованные люди должны быть учеными по профессии. Чем образованнее общество, тем значительнее в нем масса развитых, просвещенных людей, кои, не причисляя себя ни к художникам, ни к ученым и посвятив себя службе государственной или трудам хозяйственным, промышленным и торговым, не перестают, однако, отдавать часть досуга своего на самообучение и самообразование и услаждать свою жизнь занятиями или работами по любимому искусству или наблюдениями и изысканиями в области излюбленной науки. Иногда такие просвещенные любители знания дарят родной литературе превосходные

труды, как, например, банкир Грот «Историю Греции» или знаменитые английские же государственные люди Гладстон и Люис, первый — исследования о Гомере, второй — о древней римской истории. Что же касается художников слова, то они всегда тем более выигрывали, чем менее бывали только литераторами и чем ближе познавали жизнь общественную и глубже вникали в насущные и разнообразные интересы своего народа и отечества.

Человек, получивший известное образование, не может безнаказанно отворачиваться от науки, иначе он пошлеет, опускается, падает. Одно постоянное чтение, особенно разнообразное и энциклопедическое, как и постоянное слушание публичных лекций о самых разнородных вопросах, хотя бы даже самых блестящих и ученых лекторов, под конец только раздражает и утомляет ум, рассеивает, разметывает мысль. Ум крепнет лишь при известном сосредоточении, при самостоятельной работе над строго разграниченными вопросами. За такими излюбленными неспешными трудами уравновешиваются духовные силы человека, очищается его миросозерцание, закаляется характер и с твердостью убеждений развивается исполненная благоволения к людям терпимость.

Таким просвещенным любителям науки, искусства, принадлежит важное место в истории образованности каждой страны. Их не надо смешивать с так называемыми дилетантами. Дилетантизм давно и справедливо подвергается осмеянию и нападкам. Дилетанты бесплодны и даже вредны: их интересы к искусству и науке руководятся тщеславием и самообожанием. Кичась знатностью, богатством или своей якобы гениальной всесторонностью, они взаправду думают, что, перебрасываясь с одного предмета на другой, ничем не занимаясь с искренней любовью, только балуясь искусством и наукой, они приносят им даже честь, придают им благородства, жизни и разнообразия, на что-де неспособны скованные своими правилами и приемами цеховые художники и ученые. Не таковы искренние, просвещенные любители искусства и науки, к каким бы общественным слоям они ни принадлежа-

ли. Это лучшие друзья и главная опора художников и ученых, разумнейшая и высшая часть публики, ее истинная аристократия в противоположность черни, profanum vulgus, из каких бы классов она не состояла.

V. Если в мире искусства художеству слова во всех странах всегда почти принадлежало первое место, то в области науки отдельные отрасли знания только по временам завоевывают себе исключительное господство у народов образованных. Впрочем, можно сказать, богословие с философией, медицина и правоведение издавна привлекают к себе в Европе, отчасти по причинам житейским, наиболее учеников, преподавателей и ученых. Но в наш век, по тем же причинам, физико-математический факультет, политехника, агрономические и коммерческие академии имеют всюду такое же множество последователей и приверженцев. Те же практические потребности, вызываемые гуманистическим строем гимназий и духовных семинарий, определяют прилив молодежи в историко-филологические факультеты. Различные отрасли историко-филологического знания разрабатываются также богословами и юристами по своему образованию. Нередко натуралисты (геологи, зоологи, ботаники, анатомы, медики), как например, А. Гумбольдт, К. Берг, Уалдас, Вирхов и мн. др., увлекшись путешествиями в малоизвестных странах или исследованиями по антропологии и доисторическим древностям человека, углубляются попутно и в историко-этнологические, историко-географические, археологические и этнографические изыскания. Но сверх потребностей практических, ко всем факультетам и высшим техническим школам влекутся умы поколений и внутренними наклонностями к тем или другим отраслям знания. За исключением некоторых эпох, когда является решительное увлечение, род моды на иные науки, вообще можно отметить известную равномерность и правильность в распределении занимающихся ими. Всегда и всюду ум человеческий наиболее останавливался на самоизучении и самодознании и томился над разрешением вопросов и за-

гадок о происхождении мира и своем появлении на земле, о своих отношениях к первопричине, Виновнику бытия, к внешней природе, о своей жизни, ее сохранении и обеспечении в потомстве, о лучшем устройстве своего быта. И ныне, когда научное знание достигло в части человечества, у народов европейских и вообще христианских, наивысшего своего развития и распалось на множество частных дисциплин, самоизучение и самопознание составляет повсюду главную заботу человечества. Необычайное развитие естествознания и интереса к нему в настоящем столетии нимало не говорит против этого. Оно лишь доказывает, что кругозор человечества неизмеримо расширился против прежнего и его воззрения на свое место и значение во вселенной стали иными, чем были в древности и в средние века. Механика, физика, химия и прочие опытные науки дали новейшему человечеству громадный запас сил для борьбы с природой и ее подчинения себе, для сохранения и продления человеческой жизни, для усовершенствования всех ее условий. И в этом увлечении умов естествознанием странно было бы видеть какое-либо уклонение человечества от самоизучения и самопознания. Наконец науки историко-нравственные, психология, этнография и этнология, археология доисторическая и историческая, всеобщая история, но получили ли уж множество указаний и поучений от анатомии и физиологии, геологии, палеонтологии, ботаники, зоологии, астрономии, математической и физической географии? Сильное движение, произведенное в последние тридцать лет в научном мире и в обществах всех образованных стран учением Дарвина, объясняется главнейше тем, что оно есть учение о происхождении всех организмов, до человека включительно, что оно столько же принадлежит естествознанию, сколько и истории религиозно-философских попыток объяснить вечно волнующие и вечно загадочные вопросы человечества.

При всем глубоком интересе и увлечении современного общества к наукам опытным, к естествознанию, все же и ныне вопросы религиозные (решаются ли они положительно или отрицательно с точки зрения христианской), философские,

нравственные, эстетические, социальные, экономические, политические и ныне всюду составляют злобу дня. Изящная словесность, разряд богословско-философский и вообще наук историко-нравственных представляет богатейший отдел в литературе любого из европейских народов, да и разряд наук физико-математических и естественных едва ли не на добрую половину заключает в себе сочинения и издания более или менее практического и прикладного характера. Вникая далее во внутренний состав и содержание новейших литератур великих народов, мы увидим, что самый обильный по числу и самый важный по содержанию отдел ее посвящен описаниям, исследованиям, художественным изображениям родной страны и ее населения, словом, изучению отечества в самом обширном и многостороннем смысле, исследованию всей государственной и национальной территории, со всеми близкими к ней частями неба, морей и океанов, со всеми ее колониями, словом, изучению земли и людей в пределах данного государства и за его пределами, если данная национальность или племя далеко не покрывается этим государством. Понятно, что в великих странах и у великих народов этот отдел отчизноведения гораздо богаче и разнообразнее, чем в странах и у народов малых, у англичан, у немцев, у французов богаче и разнообразнее, чем у шведов, чехов или датчан. Этот отдел каждой национальной литературы находится в теснейшей связи с поэзией и вообще с искусством страны, с ее высшими и дорогими национальными идеалами, преданиями и привязанностями, ими постоянно вдохновляясь и их в свою очередь воспитывая и укрепляя. Эта отрасль литературы, возделываемая национальными учеными и писателями всех родов и специальностей, всегда запечатленная народным гением и характером, сама в свою очередь кладет сильную печать и на всю научную производительность страны. На изучении родной природы, истории, родного быта, церкви, верований и государственных учреждений писатели и ученые данной страны воспитываются и научаются понимать и изучать чужие, дальние и прежде незнакомые явления внешней природы и жизни человеческой. Отсюда не только

вся художественная, но и научная производительность народов великих и образованных всегда носит печать их национальности. Против народности в науке многие у нас думают обойтись возражением: наука-де общечеловеческое достояние, имеет свои законы, методы, приемы, она познает истину, единую для всех времен и народов, и потому наука никогда не народна, не национальна, а общечеловечна. Как будто поэзия, художество слова и прочие искусства не общечеловеческое тоже достояние, не имеют также своих законов, методов, приемов, не служат истине и не познают ее, а между тем поэзия и все искусства, по крайности в высших и оригинальных своих представителях, всегда были и будут национальны. Конечно, в ученых трудах и изданиях, состоящих из одних таблиц астрономических, метеорологических, статистических или вообще требующих одной точности, внимательности и исполнительности, нельзя искать и трудно находить печать национального гения, но во всех научных произведениях, где выступают умственное творчество и вообще высшие способности ума, особенно синтез, неизбежно проявляется с высоким талантом или гением ученого и его народность. Общий план, руководящая мысль, по которым исполняются все вышеупомянутые труды и издания, всегда, впрочем, зависят от обстоятельств, времени и места, от свойств ума, где они зародились. И нельзя отрицать, что даже работы и издания астрономических и физических обсерваторий, генеральных штабов, статистических комитетов, археографических и археологических комиссий в различных странах Европы и Америки имеют все несомненно свой национальный отпечаток. Нигде, как в России, не отвергается с таким ожесточением народный элемент в науке. Оно не случайно и вообще понятно. Ярко, всем воочию проявляется национальный гений только в гениальных ученых и в их истинно-монументальных трудах, завершаемых и дополняемых основанными ими школами, целым рядом более или менее даровитых их последователей. К сожалению, как ни много талантов в русском народе, справедливость не позволяет нам не сознавать, что великих гениев русская наука еще не имела

и, представив несколько крупных и немало более или менее даровитых деятелей, все же не достигла высоты и оригинальности нашей художественной литературы. В области науки мы еще не имели ни Пушкина, ни Гоголя, ни Глинки.

VI. Обращаясь к нашей научной литературе по так называемому отечествоведению или всестороннему изучению России, мы должны отметить два обстоятельства, которые замолчаны и вычеркнуты быть не могут. Значительная масса работ и трудов по исследованию России задумана и совершена у нас не учеными русскими, а иностранными, преимущественно приглашенными в Россию, а также остзейскими, петербургскими и вообще русскими, немцами. Все почти их труды о России изданы по-немецки и принадлежат не русской, а немецкой литературе. Далеко не все эти издания имеют русские переводы. Этот порядок вещей продолжается отчасти и теперь. Он также несколько объясняет господство в русском литературно-научном мире воззрения о ненародности в науке. Это воззрение служит, пожалуй, некоторым оправданием обидного для нашего национального самолюбия положения. Действительно, значительная часть крупных трудов по исследованию России принадлежат не русской, а немецкой литературе. Сверх отдельных сочинений, немецкая литература имела и имеет специальные юридические издания, журналы и сборники, посвященные исключительно России, таковы: Bulletin, Mélanges и Mémoires нашей академии, у коих заглавие только французское, а текст почти всегда немецкий, Archiv Эрдмана, Beiträge zur Kenntniss d. russischen Reichs Бера и пр., Гельмерсена Russische Revue, записки минералогического общества в Петербурге и общества естествоиспытателей в Москве до недавнего времени. Эти труды и издания, посвященные России, составляют справедливую гордость Германии и действительно приносят великую честь немецкому гению, который, завоевав и покорив себе западное славянство, перенес в начале XVIII в. свои культурные завоевания в Россию и действовал в ней так же успешно в дни последнего столетия, как в

XIII—XIV вв. в Чехии и Польше. Если западным славянам эти политические и культурные завоевания немцев не приносят особой чести и славы, то, полагаю, что и для нас, русских, в них нет ничего лестного и утешительного. Конечно, в извинение этого явления может быть указано, особенно для прошлого столетия, что у нас слишком мало было людей с высшим научным образованием, по недостатку университетов. Но в последние десятилетия возросло число университетов и число слушателей в них, увеличилось с тем вместе и количество научных деятелей. Только все же нужно согласиться, что оно увеличивается далеко не в той степени, как бы можно было желать и ожидать. Но и теперь все же нельзя мириться, как с чем-то нормальным, с немецким языком казенных изданий, посвященных исследованиям России.

Второе обстоятельство, на которое мы желали бы указать, состоит в том, что в массе работ и изысканий по изучению нашего отечества в различных отношениях весьма часто недостает общего плана и системы, не всегда верно намечены главные цели и не соразмерены с ними средства, вообще заметны слабость организации, сонливость и вялость в ведении дела.

Для выхода из такого застоя нужны бы были пересмотр прежних и составление новых программ и лучшая организация целого ряда систематических работ по изучению России во всех отношениях. Для правильнейшей организации работ, как и для лучшего составления программ, необходимо взаимное соглашение и распределение труда между столичными учреждениями и учеными силами и местными провинциальными центрами. Сверх трех отделов Императорского Русского географического общества, в университетских городах имеются при всех университетах различные ученые общества, а в некоторых губернских городах, где уже довольно хорошо организованы и успешно действуют статистические комитеты, устроились уже и музеи, наконец, начинают, слава Богу, заводиться музеи и собираться коллекции и в кое-каких уездных городах (Ростов, Елисаветград, Уральск, Минусинск). Это

последнее дело имеет, кажется, особенную важность. Наши губернские города никогда почти не составляют настоящего живого центра губернии. Огромному большинству ее населения губернский город, за исключением его уезда, обыкновенно далек, мало знаком и часто мало дорог. Совершенно иное представляет собой уездный город по крайней мере в северной, средней, восточной России и в тех частях Малой и Белой Руси, где городское население состоит, чуть не поголовно, из одного еврейского населения. Уездный же город есть обыкновенно настоящий центр уезда. Уезд действительно тянет к своему городу. Всем в уезде свой город знаком и более или менее мил и дорог. Да и как ни велики некоторые уезды, все же они составляют живую величину, своего рода органическое целое со своим городом во главе. Да и жители уездного города любят свой уезд, обыкновенно знают его и живо им интересуются. Не можем не радоваться устройству музеев и ученых обществ при нем из образованных и любознательных людей в городах губернских, но мы не можем желать сосредоточения в губернском городе всех замечательных находок, делаемых в уездах. Было бы несомненно лучше, полезнее для науки и важнее для внутренней жизни нашей провинции, если б из столицы и губернских городов не исходило никакого давления на уездные города, а, напротив, шло бы ласковое одобрение и поощрение всем, например, могущим возникать в них, попыткам для образования музеев, коллекций (минералогической, агрономической, археологической, этнографической, промышленной), хотя бы на первое время при земских библиотеках в уездных городах. Музеи в уездных городах не так невозможны, как может казаться со столичной точки зрения. У нас труден только почин и первоначальное обзаведение, а затем успех их несомненен: открытые народу в базарные и ярмарочные дни, эти музеи приобрели бы скоро в населении большую популярность и стали бы обогащаться приношениями из разных краев уезда: свой уезд все живо знают и любят. И придет время, когда сельское население уезда полюбит эти музеи, как любит собор и монастырь своего города, крестные

ходы вокруг него, его ярмарки, его пока одни грубые забавы и часто лишь развращающие увеселения. В каждом уездном городе есть или наберется хоть небольшой кружок людей из местных и пришлых жителей, что вместе с умными, любознательными сельскими священниками, коих не так уж мало, с лучшими земскими деятелями и с прибывающей в уезды на лето из столиц учащейся молодежью радостно бы взялись за дружную работу изучения и вместе просвещения своего уезда. От столичных сил, от столичной печати, от съездов натуралистов, географов и археологов мог бы раздаться голос поощрения и одобрения мысли о музеях в уездных наших городах. Много виданных мной примеров подобных маленьких музеев и обществ у разных западных славян доказывает, что оно осуществимо и у нас. Наш народ, слава Богу, не глупее других славян, и интеллигенции теперь у нас довольно, лишь бы только побольше она занималась делом близким и наиболее нужным, а литература и печать, благо она их слушает, почаще ей о том напоминала.

VII. Мы, русские, не можем не приходить в сильное смущение, когда нам приводится слышать и читать, как англичане, французы, немцы нередко выражаются про себя, что они еще мало знают свою страну и свой народ. Не приходится ли тогда нам сознаваться, что мы и того меньше знаем нашу Россию? Не говоря уже о множестве предстоящих работ и исследований разных краев России и разных сторон ее жизни и природы, мы страдаем еще в особенности большим неведением того, что уже сделано в России по некоторым чисто русским предметам. Так у нас чуть не большая еще часть литераторов и художников совсем почти не интересуется или очень мало трудами по русской филологии. У многих ли из наших писателей-художников имеются всегда под рукой русские словари, академический, Далевский, областные? Кто из них вчитывался в глубокие, высокодаровитые розыскания Потебни по русскому синтаксису? Многие ли наши писатели вникали в старинные памятники русской словесности и письменности?

Пушкин, Языков, Гоголь высоко ценили важность их изучения, из новейших разве Л. Толстой, Майков, А. Толстой, Мельников, Островский, Чаев, Лесков и многие ли еще?

Вообще многие ученые труды и исследования о России в разных отношениях остаются совершенно неведомыми русскому обществу, и важные результаты их не входят в общее сознание, не усваиваются нами. Они подолгу не собираются и не сводятся в одно целое, не излагаются в общедоступных сочинениях и изданиях. Тут особенно невыгодно сказывается преобладание в нашей литературе толстых ежемесячных, по старой рутине и по известным шаблонам издаваемых журналов, и бедность нашей литературы как в разных специальных журналах, так и в хороших книгах, посвященных изучению России в том или другом отношении, и в целых сериях известных монографий или в больших изданиях энциклопедического характера, составленных под руководством нескольких редакторов и целым обществом специальных сотрудников.

У нас зачастую выражается общее сожаление, и совершенно справедливо, о неимении поныне хорошего русского энциклопедического словаря, ибо все новейшие попытки этого рода отличались полной неудачей и удивительным легкомыслием. Не в оправдание и не в извинение последних издателей и редакторов наших энциклопедических словарей надо заметить, что русская их часть, бесспорно, самая важная в русской энциклопедии, представляет у нас огромные трудности, коих почти не ведают ни немцы, ни французы, ни англичане. У нас еще слишком мало предварительных работ и исследований по изучению России в разных отношениях и еще менее хороших, основательных, дельных, систематических и справочных трудов по всякой части. Каждый русский ученый любой специальности согласится, что ему гораздо легче и удобнее получить более или менее удовлетворительное указание или сведение о чем бы то ни было касательно Франции, Англии и Германии, несмотря на нередкий у нас недостаток по этой части первоисточников, чем сделать верную, удовлетворительную справку о каком-нибудь факте или подробности

относительно России в каком бы то ни было отношении. Тут человеку приходится прерывать и свою настоящую работу, и работы своих приятелей и знакомых и отымать свое и чужое время на целые иногда поиски и розыскания о какой-нибудь случайной, но нужной частности. Прекрасный во многих отношениях Географический словарь, изданный Императорским Русским географическим обществом под редакцией нынешнего его вице-председателя П. П. Семенова, в настоящее время уже становится редкостью, да и в значительной степени требует разных поправок и обширных дополнений. Есть надежда, что Географическое общество снова примется не столько за второе его издание, сколько за совершенно новую его переработку. Уповаем, что на такое предприятие Общества с великим сочувствием отзовется вся Россия, и необходимые на предварительные приготовления и совершение столь необходимого труда большие материальные средства будут найдены в более или менее крупных пожертвованиях Обществу. Потребность в подобных цельных, полных и систематических трудах о нашем отечестве в разных отношениях чувствуется многими, и с разных сторон уже обнаруживаются стремления к ее удовлетворению. Так, Русское историческое общество приготовляет издание биографического словаря русских замечательных людей. Общества археологические и отдельные археологи уже возбуждали мысль о разных систематических трудах по археологии России, и даже были сделаны и делаются отдельные, более или менее удачные попытки в этом роде. Общество Палестинское издало вновь целый ряд древних и старинных наших путешествий в Святую Землю. Будем надеяться, что II Отделение Академии наук или Общество древней письменности приступит к изданию всех замечательных памятников древней и старинной русской словесности и письменности с краткими учеными предисловиями, с краткими примечаниями и словарями и станет издавать эти памятники, каждый отдельно, без соблюдения хронологического порядка и соображаясь лишь с нахождением подходящего редактора. Как ни почтенна хрестоматия Буслаева, но она

во многих отношениях неудовлетворительна для основательного изучения древней и старинной нашей словесности. Не знаем, от кого ожидать, а не желать нельзя, переиздания или нового издания всех почти источников древнейшей русской истории до половины или конца XV в., особенно же грамот, ныне рассеянных по разным изданиям и далеко не всегда хорошо изданных? Нельзя не желать и гораздо больших средств и большей энергии и нового плана для издания источников русской истории XVI и XVII вв.

Есть великая потребность и во многих других подобных изданиях, посвященных цельным описаниям и расследованиям России и возможных лишь при более или менее значительных, готовых материальных средствах, при хорошей организации редакции в наилучшем выборе нужных сотрудников. У нас нет достойного России и соответственного современным требованиям науки полного обстоятельного русского землеведения и народоведения. Есть некоторые почтенные труды по известным лишь частям, например, этнографическая карта России Кеппена, но она требует и поправок, и в особенности значительных дополнений. Мы не имеем еще полной основательной русской диалектологии с текстами образцов и карты русских наречий, поднаречий и говоров; нет у нас сколько-нибудь полного собрания великорусских лирических, бытовых песен, как уже есть более или менее цельные собрания былин и исторических песен, духовных стихов и заговоров или песен малорусских и белорусских. Все такого рода предприятия принадлежат к великим насущным нуждам русской науки, литературы и образованности. Все это потребности общенародные. Без успехов в самоизучении и самопознании нельзя двигаться вперед ни одной стране, никакому народу. По сложности этих задач, при громадности России и при необходимости еще многих и многих долголетних предварительных работ и розысканий, иные из этих предприятий, непосильные отдельным лицам, возможны и осуществимы по взаимному соглашению и при совместной работе многих и многих лучших научных деятелей России, и то лишь в течение целого ряда годов.

Такие обширные научные предприятия у нас еще дело небывалое. Обычные при издании ежемесячных литературно-научных журналов способы и приемы тут решительно не годятся. Более еще подходят способы и приемы, употребительные при издании энциклопедических словарей: но полнейшая их неудача у нас убеждает лишь, что мы доселе оказывались неспособными к должной организации издательской и редакционной части больших научных изданий. Приготовление же полного обстоятельного землеведения и народоведения России представляет неизмеримо более трудностей.

И не возлагая даже исполнения этих трудов на нынешнее поколение, можно и следует ныне же подумать о составлении отдельных программ для собирания недостающих материалов и для пополнения пробелов в тех и других частях. Для составления подобных программ нужен обмен мыслей и соглашенный труд многих специалистов, как оно недавно еще было устроено в Германии по ее землеведению и народоведению. Исследование России по этим программам может быть ведено единовременно из разных центров, от отделов Географического общества, от университетов и академий и состоящих при них ученых обществ, довольно успешно трудящихся и часто уже довольно много сделавших для изучения своего края в разных отношениях.

Относительно потребных на это денежных средств, сверх известной помощи от государства, нужно обращение от имени известного юридического лица, того или другого ученого общества, стоящего во главе предприятия, к общей добровольной подписке по всей России. Дело общенародное требует и общенародной помощи. При таких подписках определяется, конечно, известный minimum для дарового получения известного числа выпусков или частей предположенного издания и, конечно, не полагается maximum, может быть лишь указываема приблизительно сумма, после взноса которой каждый вкладчик получает право на даровое получение всего издания, как бы оно обширно и дорого не было. Определенный minimum может быть разлагаем на несколько лет. Без народной подписки

никакие крупные предприятия ни в одной стране не обходятся. И в этом нет ничего странного или неодобрительного. Это самое чистое и нравственное явление, обычное всем здоровым обществам. Обычное в нашем народе — не так ли воздвигаются на святой Руси Божьи храмы? — это явление не совсем, слава Богу, чуждо и русскому обществу — так был недавно поставлен памятник Пушкину, так будут поставлены памятники Гоголю и Пржевальскому, Бог даст, Грибоедову и другим*.

VIII. Одним из способов успешного приготовления к подобным предприятиям могут быть и специальные периодические издания. Не надеясь дожить до того счастливого года, когда лучшие русские ученые, собравшись и сговорившись, решатся приступить к изданию полной обстоятельной этнографии России, первый редактор «Живой Старины», Бог

* В последней книжке «Этнографического Обозрения» мы прочли след. по поводу нашего разосланного членам Общества заявления об издании «Живой Старины»: «Приветствуя радушно новое издание, не можем не выразить сожаления, что Обществу приходится делать такого рода заявление, что «средств на подобное издание Геогр. общество не имеет и иметь не будет...» (отч. с. 77) и что оно принуждено обращаться к частным пожертвованиям и складчинам. (Не понимаем, что тут худого, неправильного или неприятного!) Если даже такое богатое, как Географическое, истрачивающее десятки тысяч (да ведь не ежегодно же) на всякого рода отдаленные экспедиции в чужие края (а по России точно не бывает ежегодных экспедиций?), не находит возможным уделить какие-нибудь I,5—2 тыс. на издание, посвященное отечественной этнографии, то это служит лучшим показателем того, в каком положении вообще у нас находится этнографическое изучение России, признаваемой иностранцами истинным кладом для науки, этнографии». Сердечно благодаря за сочувствие к нашему изданию, не умолчим о вкравшемся тут недоразумении. Географическое общество не так уже богато средствами, как кажется. Частных крупных пожертвований оно давно не получало. Ежегодно, сообразуясь со своей сметой, оно располагает известной суммой на экспедиции и известной суммой на ученые издания. Экспедиции снаряжаются по России и по соседним краям Азии, всестороннее исследование коих составляет прямую обязанность России: в этом ее призвание и ее слава. Отдельные Общества имеют свои Записки, и Этнографическое, предпринимая «Живую Старину», от Записок своих отказываться не желало и не думало. Следовательно, на новый расход потребовались и новые средства. Важность этнографического изучения России не должна заслонять важности ее изучения и в других отношениях. Это понятно и нам, и иностранцам.

даст не последний, вменит себе, однако, за честь и за счастье, если ему удастся с помощью Божьей, при пособии товарищей и сотрудников, так поставить наш журнал, чтобы он заодно со своим несколько старшим московским товарищем, «Этнографическим Обозрением», мог успешно распространять в России любовь и охоту к этнографическим наблюдениям и исследованиям, освещать разные темные участки русской этнографии, новыми изысканиями выяснять старые, ставить и разрешать новые вопросы в нашей науке и тем содействовать желанной постройке будущего величавого здания. Как ни далеко от нас время появления первого выпуска или части будущей русской этнографии, она должна быть идеалом и далекой, но постоянной, светлой мечтой и нашего журнала, и всех настоящих тружеников нашей науки.

Составление полного обстоятельного народоведения России потребует много совместного труда антропологов, языковедов, историков, археологов, этнологов и этнографов, знатоков финских, монгольских, турко-татарских, различных кавказских языков и народностей, затем филологов русских, славистов и литвоведов, германистов и романистов, наконец классиков и арабистов.

В будущем громадном систематическом труде, посвященном полному этнографическому описанию России, необходимо должны найти место антропологические, археологические и историко-этнологические, лингвистические, этнографические изыскания как о некогда обитавших, так и о всех ныне обитающих в пределах нынешней России народностях, с географическим описанием их областей, территорий, с историческим обзором их новейших судеб, их отношений к прочим инородцам и к русскому племени, с подробными изложением и характеристикой их внешних и внутренних свойств и особенностей, религиозных, бытовых и пр., и пр. с приложением результатов антропометрических измерений, изображений типов, костюмов, жилищ, утвари и пр., и пр.

В этой этнографии России не могут быть опущены и антропологические, археологические, исторические и этнографи-

ческие сведения, изыскание о таких исчезнувших или поныне живущих в Азии и Европе, но вне России, племенах и народах, большие или меньшие части коих входили или входят в состав нынешней России. Таким образом, в известной степени к более или менее подробному обзору должны быть привлечены разные народности Средней, Малой Азии, Китая, Персии, Турции азиатской, а в Европе все племя славянское, разные ветви и отрасли германского (готы, варяги, скандинавы, шведы, немцы, по поводу шведов Финляндии и островков балтийских, новейших немецких колонистов и стародавних и новейших отношений немцев к полякам и другим западным славянам), древние пруссы, фракийцы и иллиры, румыны и албанцы.

Конечно, многое и многое в этом отношении должно быть сделано совершенно вновь, но очень многие сюда входящие предметы и вопросы уже издавна привлекают к себе пытливость исследователей, и не немногое из этого многого имеет обширную литературу европейскую и русскую. Ни та, ни другая не может быть пренебрегаема.

Нельзя в этом случае не приветствовать весьма важного и полезного труда нашего сотрудника в «Живой Старине» А. Н. Пыпина. Труд им давно задуманный и по частям напечатанный ныне приводится к окончанию. Разумеем «Историю русской этнографии» в четырех томах с обширным библиографическим приложением.

Этот достопочтенный труд послужит необходимым пособием для всех дальнейших работ и исследований по русскому народоведению.

По выходе этого труда, сверх необходимых пополнений неизбежных в первом труде такого рода пробелов, весьма желательно появление историко-критических обзоров литературы по каждому инородческому племени и по разным отделам русской этнографии. Такие обзоры, впрочем, уже начаты. Довольно указать на два почтенных труда проф. Казанского университета И. Н. Смирнова о черемисах и вотяках. Позволим себе также обратить внимание библиотекарей и заведующих библиотеками уездных городов, большей частью библиотек

земских, что, при выписывании книг литературного и научного содержания, следовало бы им заботиться о приобретении и для своих библиотек наилучших карт своего уезда и по возможности всех книг и статей, посвященных целиком или отчасти исследованиям и описаниям уезда. В этом отношении библиография Пыпина могла бы давать полезные указания. Раз ставши на такую точку зрения, и земские деятели уезда, и грамотные и образованные обыватели уездного города последовательно придут сами собой к мысли об образовании при библиотеке и уездного музея.

IX. В новейшее время после трудов Бастиана, Тейлора, Лэббока, Ланга, Поста, Гедоза и других столь же видных и менее известных ученых и писателей стал сильно распространяться в европейских литературах и в нашей новый род исследований, как будто этнологических и этнографических. Но, собственно говоря, они только исходят из фактов или наблюдений этнографических и затем прямо вступают в область психологии, с одной, и в область истории культуры человечества, с другой стороны. Эти будущие психология и история культуры без сомнения могут со временем оказать великие услуги этнологии и этнографии. Эти две последние занимаются прошлым и настоящим рас, племен и народностей, определением и характеристикой их внешних и внутренних особенностей, их взаимными отношениями и пр., всегда строго держась в пределах историко-географических. Мы постараемся представить в нашем журнале ряд критических статей о важнейших трудах вышеупомянутых и других близких с ним ученых и писателей. Призывы критики к строгости анализа в пользовании источниками и в точности приемов проведения сравнений и аналогий тем необходимее, что в этих новых трудах приводятся аналогии и производятся сравнения верований и мифов, понятий, обрядов и обычаев самых разнообразных племен и народов земного шара, древних и новых, причем авторы полной рукой черпают свои данные и известия из разнообразнейших источников и пособий. Всего легче про-

веряемы приемы тех историков культуры, что занимаются сравнением вещественных памятников (орудий, утвари и пр.) самых разнообразных, вымерших и ныне живущих, племен и народов всего земного шара. Следует прибавить, что сравнительное изучение народной устной и письменной словесности разных европейских и некоторых азиатских народов, древних и новых, разные находки и данные доисторической археологии и свидетельства древних и средневековых источников установили уже то несомненное положение, что не только в ранние эпохи исторической жизни различных народов, но и в доисторическое время в Европе, в части Азии и в северной по крайней мере Африке между различными племенами и народами бывали дружественные и враждебные отношения и связи, что при мирном соседстве, при переселениях, взаимных столкновениях племен и завоеваниях одних другими происходили в течение длинного ряда веков скрещивания и смешения, а с ними и взаимный обмен верований, мифов, понятий, обрядов и обычаев. Так издавна и непрерывно совершался, надо полагать, и во всех других частях земного шара, процесс общения, скрещивания и смешения рас и племен, а с ним и неизбежный процесс взаимного обмена внешних и внутренних свойств разных рас и племен и их разнообразных заимствований друг от друга. Есть и другое столь же несомненное положенье. Оно тесно связано с сейчас отмеченным первым и служит ему оправданием. Это второе положение заключается в том, что, не глядя на все внешнее и внутреннее разнообразие человеческих рас и племен, во всех разновидностях семьи человеческой имеется много общего, родственного и сходного по существу, а не по одной наружности. Это общечеловеческое сродство и сходство, между прочим, было полно и ясно раскрыто в большом, хотя уже старом, но существенно устарелом строго говоря разве лишь в первой своей части, превосходном труде строгого мыслителя, человека тонкого чутья, глубокой учености и обширного образования, всегда с большой критикой пользовавшегося знакомой ему из первых рук громадной литературой путешествий. Говорим о

капитальном труде Вайца «Anthropologie der Naturvölker» с продолжением Герланда. Этот основный вывод блистательно раскрыт и освещен у Вайца—Герланда массой критически проверенных данных из жизни и быта разнообразных дикарей и низко стоящих народов, никакими произвольными соображениями и позднейшими трудами за последние 20 лет не был да и не может быть опровергнут; напротив, только подтверждался. Отвергать всякие заимствования в духовной и внешней жизни народов так же неправильно и ошибочно, как и отрицать их основное общечеловеческое сходство, несмотря на все их внешнее и внутреннее разнообразие. На этих двух несомненных положениях, на этих фактах, как на двух краеугольных камнях, опирается законность сравнительного метода в изучении параллельных и аналогических явлений внешней и внутренней жизни всех племен и народов земного шара.

Но сходства бывают более кажущиеся, чем действительные, наружные, а не внутренние, случайные, а не существенные, бывают сходства от действительного заимствования, усвоения путем общения, смешений разных племен и народов, и сходства коренные, обязанные основному общечеловеческому их сродству и единству. Строгое, точное определение, к какой из этих категорий действительно относится находимое наблюдателем и исследователем то или другое сходство, составляет обыкновенный камень преткновения большей части собирателей аналогий и исследователей сравнений и заимствований.

Сравнительный метод как в языкознании, так и в народоведении требует основательной специальной подготовки, большой осторожности и постоянного над собой контроля, соединенного с известным скепсисом, даже уверенностью в легкой возможности беспрестанных ошибок, как при сведении разных данных изо всех веков и со всех углов земли, так и при различных комбинациях по приисканию настоящей ячейки, протоплазмы того или другого мифа, обычая и по объяснению новых, дальнейших, развитых его форм. Как не стесняемое известным знанием и приемами, сравнительное объяснение

сходных звуков в различных языках, их форм, слов и речений легко и часто переходило в пустое баловство и вздорную забаву, в дебри нелепейших словопроизводств, так и сравнение мифов и обычаев и возведение разных survivals, «переживаний» к простейшей, якобы первоначальной, форме впадает нередко в отчаянную игру самых смелых социологических и революционных догадок и выводов.

Так называемый фольклор, фольклористика с ее представителями, фольклористами, получили и у нас полное право гражданства вслед за такими же новыми науками или лучше за новыми названиями старых дисциплин — за социологией и учением эволюций. Собственно же фольклор, хотя и обращается с этнографическим материалом, имеет своей задачей создать новую опытную психологию, новое учение о душе не личной, а общечеловеческой, всенародной, вселюдской, если можно так выразиться, и новую историю человеческой культуры с самых первых ее зачатков. Этнография, этнология разлагает, различает, определяет свойства и особенности рас, племен и народов. Фольклор соединяет, сопоставляет разные черты и данные различных степеней развития человечества, без обличения рас и племен. Наша цель, наша главная задача гораздо скромнее. Мы желаем по силам помочь и без того трудному сооружению колоссального здания — этнологического и этнографического описания и расследования России. Наша цель и задача конечно гораздо подручнее, ограниченнее беспредельной, неуловимой цели и задачи фольклористов. Не отказываясь совершенно от помещения статей сравнительного направления, если они идут от настоящих ученых со строгими приемами и обширными знаниями, мы смеем считать жалкой потерей времени, когда местные любители этнографии, вместо живых наблюдений и исследований окружающей действительности, отворачиваются от нее или, вырвав из нее отдельные курьезы, спешат свалить и высыпать для сравнения и аналогии кучи всякого рода примеров, кое-как набранных из первопопавшихся русских и иностранных книжек и статей по фольклору. От такой погони за новым методом, новыми прие-

мами и новой наукой мы бы рады были всегда отклонять местных деятелей, от души благожелая им самого бесхитростного и лукаво не мудрствующего проникновения в окружающую их народную жизнь, твердо уверенные, что этим собственно путем они принесут великую пользу и себе, и отечественной науке, и самому народу.

X. С великим удовольствием прочли мы в начале нынешнего года статью заслуженного германиста, профессора Берлинского университета Вейнгольда о фольклоре и считаем нелишним познакомить с ней наших читателей*. «Народоведение» (die Volkskunde), или как англичане и американцы, а за ними голландцы, скандинавы, романцы и славяне называют фольклор, теперь стало любительским занятием. Собрать можно все, собирание занимательно и нередко полезно. Любитель может смотреть ученым, если он собирает со рвением, охотой и в известном порядке. Фольклористы, так называют себя эти люди, уже составляют международный цех, собираются на конгрессы, как было в Париже с 29 июля по 3 августа (1889 г.). Образовались общества для собирания народных преданий, появился целый ряд журналов на различных языках по модному спорту, выдаваемому за науку. Если разобрать эти журналы, то в них редко встретишься с серьезным трудом, с методическим исследованием на научной почве. По большей части это довольно бедное собрание материалов и ужасно много мусору и соломы, брошенной на ветер. Еще хуже статьи с критическими замашками, с опровержением твердых научных основ. Статьи эти лишь доказывают, что их авторы ничего основательно не изучали из того, что они осмеивают с противным высокомерьем.

«Народоведению нужно более, чем господа фольклористы предполагают. Нужно знакомство с историей и языкознанием, с антропологией и психологией, с историей права и народного хозяйства, с техникой и естествознанием, с литературой и искусством, и прежде всего нужен простой, здравый смысл.

* Zeitschr. f. Völkerpsychologie. 1890. 1.

Задача народоведенья — исследование народа, т. е. определенная, исторически и географически ограниченного, человеческого союза в тысячи, миллионы душ. Таким разграничением народоведение отличается от антропологии, или науки о человеке, которая изучает человека, независимо от расы, времени и места. Правда, антропология обращает внимание на историю, всего более на доисторическую древность. Но она для антропологии только средство для возможно точного познания человека самого по себе во всех его проявлениях.

Народоведенье верно понятое есть наука национальная и историческая. Прежде всего она изучает определенный народ, и только по изучении его может и должна приступать к сравнительным наблюдениям и выводам, которые в последней точке сойдутся с антропологией, ибо народоведение и антропология в конце концов служит той же цели»…

«Народоведение, дабы быть наукой, должно опираться на другие устои, чем так называемые фольклористские журналы».

Достойно внимания, что лучший французский журнал по так называемому фольклору, или сравнительному народоведению, «Mélusine» в лице своего ученого редактора Гедоза счел нужным привести у себя резкие нападки Вейнгольда на фольклористов, из коих-де многие роняют фольклор, и выразить свое согласие со взглядом Вейнгольда, за одним лишь исключением. «Вейнгольд, — говорит Гедоз, — хочет ограничить народоведение, или фольклор, изучением одного народа, а мы, мы хотим распространить его на все человечество; ибо один народ, если взойти к его началу, можно сказать, — только ветвь другого народа, а, восходя еще выше, можем прибавить, что эти народы — только различные отрасли одного и того же человечества».

Опровергается ли таким образом мысль о народоведении как науке национальной и исторической? От того, что Россия еще не весь земной шар, а русские — еще не все человечество, следует ли им, например, не заниматься по преимуществу самостоятельно русским землеведением, русским народоведе-

ньем, русской историей? Если мы равномерно будем изучать весь земной шар, всю всеобщую историю и науку о человечестве и все его языки без различия, то мы, никогда не узнав хорошо дальние от нас страны, все чуждые языки и народы, будем еще менее, чем теперь, знать Россию, ее народности, нашу историю и наш язык. И так можно бы было сказать про все народы. Общечеловеческое познание и значение доступно и достижимо народам преимущественно в самоизучении и самопознании.

Еще важнее, хотя несколько неожиданно, другое замечание Гедоза насчет так называемого фольклора: «Впрочем, фольклор есть ли еще наука, как провозглашают многие фольклористы? Не есть ли это, скорее, новая область, доселе презираемая и только что открытая историческим исследованиям? Не скорее ли он еще просто метод исследования? Для нас фольклор есть метод, состоящий в том, что при изучении религии, мифологии, учреждения, верования, обычая предмет рассматривается не в его полной и окончательной кристаллизации, но берется с первых зачатков, с самого зародыша (с самой, если возможно, образовавшей его клеточки), затем он прослеживается по всем ступеням своего развития, причем принимаются во внимание все влияния, коим он мог подвергаться, и в то же время приводятся к сравнению, в объяснение дела, все аналогические формы, которые могли произойти у других народов или в другие времена, дабы определить, и способом экспериментальным, психологическую точку отправления данной религии, данной мифологии, известного учреждения, верования и обычая. Мы полагаем в то же время, что эти исследования, труды психологические по народной психологии (démopsychologie, Völkerpsycliologie) основываются вообще на наблюдениях над народом и на народных памятниках. Тут для нас самопознание человечества, тут познается его душа лучше, чем в памятниках литературных. Таким образом, следует брать в расчет проявления народной души и подаваемые ею указания, идет ли дело о переживаниях в наших образованных обществах или о параллелях,

доставляемых народами низших ступеней развития. Так надо искать часто в различных странах и у различных народов рассеянные звенья цепи, подлежащей восстановлению. Натуралист поступает точно таким же образом, когда, желая восстановить вымер ли вид, какое-нибудь доисторическое животное, он разыскивает его рассеянные по всему материку кости. За неимением сохранившегося образца, необходимо сопоставлять рядом эти обломки для открытия плана исчезнувшего существа. Вот каков, по нашему мнению, метод фольклористских исследований. Но он применяется к области, где масса материалов громадна: ибо дело идет о человеке, обо всем человеке!» (т. е. всем человечестве).

«Но, — замечает Гедоз, — между нашими фольклористами многие ли имеют достаточно критики и эрудиции — или настолько терпения, чтобы попытаться усвоить себе трудом то и другое — для применения этого метода к предмету фольклора. (Назвав фольклор не наукой, а методом, Гедоз опять обзывает его наукой!) Увы! к ним можно применить слова Масильона: «Великий Боже! где избранники ваши и что остается вам в удел?» Пользуясь тем, что немногие ученые, особенно во Франции, занимаются этими разысканиями, фольклористы набросились на них, как трапперы на необитаемую область американского запада. Для придания важности добыче или находкам в своих экспедициях они поспешили заводить общества, обозрения... но это Gründerthum — эта горячка компаний — не могла не окончиться крахом, крахом литературным».

«Среди фольклористов в различных странах материка есть много лиц, которые подрывают кредит фольклора перед ученой публикой. Мы видим перед собой картину пустой и бесплодной агитации, что по-немецки можно назвать die Verflachung der Volkskunde — опошливанием народоведения…

Мы с сожалением глядим на писателей, когда они, бывши доныне добросовестными собирателями нашего фольклора (здесь опять фольклор уже не метод, а материал, предмет исследования и изучения), покидают твердую почву своих изысканий для великих вопросов, к разрешению коих они во-

все не подготовлены. Собирать и сводить — одно дело, и дело полезное, когда оно производится старательно, но иное дело и несравненно более трудное — исследовать историю или предлагать синтез (rechercher l'histoire ou essayer la synthèse)».

Таков отзыв одного из лучших и ученейших истолкователей фольклора об его литературе и о большей части ее представителей. Для самого Гедоза фольклор трудно поддается точному определению. Он и метод науки, и самая наука, и предмет этой же науки. Но, кажется, по убеждению Гедоза, фольклор не наука, а только метод тоже новой науки, народной психологии, новоявленной лет тридцать назад, и, следовательно, все же более старой, чем совсем уже новейший фольклор. Прибавим, что описанный Гедозом новый метод далеко еще не выработанный и не достигший желаемого совершенства метод. Каждая наука должна иметь свой метод и свои приемы. Желание же перенести кое-какие приемы и термины естествознания (ячейка, клеточка, протоплазма) в науку историко-нравственную едва ли еще может создать метод этой науке. Во всяком случае, по утверждению одного из крупных его представителей, фольклор есть метод народной психологии. Следовательно, слово фольклор, употребляемое Гедозом, и как название самой науки, фольклор как наука есть уже то же, что народная психология. По словам других представителей фольклора, его можно отожествлять и с историей человеческой культуры.

Всячески, новейший ли это метод новой науки — народной психологии, и гораздо более старой науки — истории человеческой образованности, или этот фольклор — самоновейшая наука есть то же, что и народная психология и история культуры, всячески, в журнале, посвященном этнологическому и этнографическому изучению России и народов, ей близких по культуре и происхождению, так называемому фольклору, — как бы его не принимать за метод или за науку, — не может быть отводимо первостепенное место. Иное дело осторожный и критически обставленный, уже довольно давно выработанный сравнительный метод в языкознании, в изучении народной словесности и близкой к ней письменности, наконец

в археологии. Как уже сказано, мы признаем законность и надобность такого метода, с известной мерой, без невозвратных полетов в совершенно недосягаемые для трезвой мысли области воображаемой или, по выражению Вирхова, ипотетической этнографии, без пылких порываний к непременному восстановлению и открытию всегда таинственного начала всех вещей, к узрению незримой и к представлению неощутимой, а лишь воображаемой каждым исследователем по-своему протоплазмы, клеточки, ячейки, чуть не последнего, окончательно неделимого, атома любого мифа, верования, предания и обычая. Нам и ближайшим поколениям так еще много дела у себя в России, в соседней Азии и в родной нам части Европы, что мы можем, кажется, со спокойной совестью предоставить далеким потомкам требуемые идеальными, беспредельными задачами фольклора и для нас, одному Богу известно, к несчастью или счастью, совершенно невыполнимые подвиги.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Срезневский В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. Пг., 1916. С. 64.

[2] Ламанский В. О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556.

[3] Ламанский В. Речь, произнесенная в Санкт-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Вып. 1. С. 136.

[4] См.: Вестник Императорского Русского Географического общества. 1854. Кн. 12. С. 13—40.

[5] Грот К. Владимир Иванович Ламанский // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 208—229.

[6] Ныне Российская Национальная библиотека.

[7] Ламанский В. Речь, произнесенная в Санкт-Петербургском университете 31 января 1860 г. … С. 139.

[8] Об этом инциденте достаточно подробно рассказано учеником В. И. Ламанского — Н. В. Ястребовым. См.: Ястребов Н. В. Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги. Пг., 1916. С. 49—53.

[9] См.: Лаптева Л. П., Рябов А. К. «Ламанский В. И.» // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 283—285.

[10] Ламанский В. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. № 1. С. 145.

[11] См.: Заря. 1870. № 1, 2, 5, 12; Отд. изд. СПб., 1871.

[12] Ламанский Владимир. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. 1. История (средняя и новая) // Заря. 1870. № 1. С. 55.

[13] Там же. С. 56.

[14] См.: Распространение русского языка у западных славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 6. С. 441—447; Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И. И. Срезневскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122—163; Об общеславянском значении русского литературного языка // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1887. № 9. С. 451—454.е

[15] Ламанский Владимир. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. 1. История (средняя и новая) // Заря. 1870. № 1. С. 58—62.

[16] Там же. С. 63.

[17] Цитируется по изданию: Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Посмертное (второе) издание учеников автора с портретом его, под редакцией и с предисловием г. М. Князева. Пг., 1916. С. 3.

[18] Ламанский В. Россия уже тем полезна славянам, что она существует. (Посвящается И. С. Аксакову) // Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С. 10—33.

[19] Там же. С. 10—11.

[20] См.: Отечественные записки. 1864. № 2. С. 649—702; № 5. С. 353—380.

[21] См.: Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. 6. Кн. 1. Приложение 1. С. 1—167.

[22] См.: Отечественные записки. 1864. № 11. С. 96—188; № 12. С. 548—616.

[23] Грот К. Владимир Иванович Ламанский // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 218—219.

[24] См.: Переписка двух славянофилов. И. С. Аксаков и В. И. Ламанский. Сообщила О. В. Покровская-Ламанская // Русская мысль. 1916. № 9. С. 1—32; № 12. С. 85—114; 1917. № 2. С. 82—89; № 3—4. С. 56—70.

[25] Ламанский В. О распространении знаний в России // Современник. 1857. № 5. С. 1—46.

[26] Ламанский В. Типографская библиотека в Москве // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 24 октября. С. 1015—1016.

[27] Ламанский В. И. Послесловие // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 10. С. 252—261.

[28] Там же. С. 260—261.

[29] Национальная бестактность // Современник. 1861. № 7. С. 1—18.

[30] Там же. С. 11.

[31] Ламанский В. Национальная бестактность (статья «Современника») // День. 1861. № 2. С. 14—19.

[32] Отечественные записки. 1863. № 1. С. 244—295; № 2. С. 460—509.

[33] День. 1864. № 37. С. 2—6; № 38. С. 4—7.

[34] Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. № 1. С. 37—192.

[35] Там же. № 2. С. 69—70.

[36] День. 1864. № 37. С. 4.

[37] От редактора. Посвящается памяти дорогого товарища И. П. Минаева // Живая старина. 1890. № 1. С. XI—XLVI.

[38] Грот К. Владимир Иванович Ламанский // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 219, 223.

[39] Цитируется по: Досталь М. Ю. Славянский съезд 1867 г. в Санкт-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX—XX вв.: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 96.

[40] Там же. С. 98.

[41] Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура. Перевод неизданной немецкой рукописи, с примечаниями Д. Члена Владимира Ламанского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских Московского университета. 1867. Кн. 1. С. 1—191.

[42] Там же. Предисловие. С. 1—11.

[43] Ламанский В. Открытое письмо г. Баклунду // Новое время. 1880. 23 ноября. С. 2 и др.

[44] Коялович А. Владимир Иванович Ламанский // Варшавский дневник. 1914. 27 ноября. С. 2.

[45] См.: Живая Старина. 1890. № 1. С. XLVII—LII.

[46] См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 4. С. 345—385; № 5. С. 136—161; № 6. С. 350—388; № 13. С. 370—405; 1904. № 1. С. 137—173; № 4. С. 215—239; № 5. С. 131—168.

[47] Предположительно, серьезное заболевание сосудов головного мозга.

[48] Линниченко И. А. Патриарх русского славяноведения / Владимир Иванович Ламанский // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 252—253.

[49] Гаммаро. По поводу юбилея В. И. Ламанского // Оттиск из «Славянских Известий». СПб., 1905. С. 2—3.

[50] Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. XI—LVIII.

РАЗДЕЛ I.
ДВА МИРА: РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И ГРЕКО-СЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»

Текст речи впервые опубликован: «Русская беседа». 1860. Кн. 19. Вып. 1. С. 135—148. Подпись: «В. Ламанский».

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894) — известный немецкий экономист, профессор, один из родоначальников исторической школы в политической экономии.

Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе

Данная работа — докторская диссертация В. И. Ламанского, успешно защищенная в 1871 г. Впервые опубликовано: «Заря». 1870. № 1, 2, 5, 12; отд. изд. СПб., 1871. Подпись: «Владимир Ламанский». Ввиду большого объема текста в сборнике публикуются только первый и третий разделы диссертации, печатавшиеся: «Заря». 1870. № 1. С. 8—67; № 5. С. 1—74.

Печатается по тексту публикации.

I. История (средняя и новая).

III. Критический разбор господствующего европейского, преимущественно немецкого воззрения на славян. Сравнение славян с неграми, женщинами, кельтами и туранцами. Новейшая теория о туранском происхождении Великой Руси.

[1] Сноски на иностранных языках здесь и далее приведены в сокращении.

[2] Дитцель Карл (1829—1884) — профессор Гейдельбергского и Марбургского университетов.

[3] Гаген Карл (1810—1864) — немецкий историк.

Три мира Азийско-Европейского материка

Впервые опубликовано: «Славянское обозрение». 1892. № 1. С. 19—41; № 2. С. 145—172; № 3. С. 297—328; № 4. С. 461—510. Подпись: «В. Ламанский». Отд. изд. СПб., 1892; 2-е изд. Пг., 1916.

Печатается по 2-му изданию. Пг., 1916.

[1] Добровский Йосеф (1753—1829) — знаменитый чешский ученый-просветитель, один из основателей славяноведения, заложивший основы сравнительного изучения славянских языков, славянской культуры и истории, аббат.

Копитар Варфоломей (1780—1844) — словенский филолог, ученик Й. Добровского.

Шафарик Павел Йосеф (1795—1861) — словацкий и чешский славист, деятель чешского и словацкого национально-освободительного движения.

Юнгман Йосеф (1773—1847) — чешский филолог, поэт, переводчик, библиограф. Отстаивал идеи чешско-русских связей.

Палацкий Франтишек (1798—1876) — историк, философ. Знаменитый деятель чешского национального движения.

Линде Самуил Богумил (1771—1847) — польский ученый, автор словаря польского языка.

Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк, родоначальник доминировавшей почти полвека школы в польской историографии.

Караджич Вук Стефанович (1787—1864) — сербский филолог, историк, фольклорист.

Миклошич Франц (1813—1891) — австрийский и словенский языковед, член Петерб. АН и других академий.

[2] Болеслав I Храбрый (967—1025) — князь, а потом и король. При нем закончилось объединение польских земель.

[3] Васильев Василий Павлович (1818—1900) — русский китаевед, академик.

[4] Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, филолог, статистик.

[5] Водник Валентин (1758—1819) — словенский поэт.

[6] Лингарт Антон (1758—1795) — словенский писатель.

[7] Коллар Ян (1793—1852) — выдающийся чешский и словацкий мыслитель, поэт. Автор трактата «О литературной взаимности славян» (1836).

[8] Гавличек-Боровский Карл (1821—1856) — чешский политический деятель, поэт, публицист. Защищал принцип национального равноправия народов.

[9] Шмерлинг Антон (1805—1893) — австрийский политический деятель.

Этвеш Йожев (1813—1871) — барон, венгерский писатель и политический деятель.

[10] Штроссмайер Йосип Юрай (1815—1905), хорватский религиозный и политический деятель, доктор философии и теологии, епископ в Джяково. Выступил с австро-славистской программой федерализации Габсбургской империи. Основную надежду на освобождение южных славян и защиту их от германской экспансии возлагал на Россию.

Таафе Эдуард (1833—1895), граф, австрийский государственный деятель. Один из инициаторов создания Тройственного Союза (1882).

[11] Павлов Алексей Степанович (1832—1898) — профессор, историк, автор работ по церковному праву, церковной археологии.

[12] Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800—1891) — фельдмаршал, выдающийся германский стратег. Один из главных организаторов военного разгрома Франции во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. и других побед Пруссии.

РАЗДЕЛ II.
ГРЕКИ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Несколько слов об отношениях русских к грекам

Впервые опубликовано: «Русская беседа». 1858. Т. 4. Кн. 12. С. 103—140. Подпись: «В. Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Василий Киевский, Плаки-Альбов, Григорович-Барский (1701—1747) — знаменитый русский паломник-пешеходец. Впервые его записки изданы при содействии Г. А. Потемкина в 1788 г. под заглавием: «Пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Альбова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к Святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, им самим писанное, и пр.». С тех пор неоднократно переиздавались.

РАЗДЕЛ III.
МУСУЛЬМАНСТВО И ВОСТОЧНЫЕ ХРИСТИАНЕ

Могущество турок-османов в Европе

Впервые опубликовано: «Исторический вестник». 1880. № 5. С. 5—23. Подпись: «В. Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Кольбер Жан-Батист (1619—1683) — маркиз, знаменитый французский государственный деятель. Много сделал для приобретения Францией обширных колониальных владений.

РАЗДЕЛ IV.
НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Г. Безбардис и немцы

Впервые опубликовано: «День». 1865. № 49. С. 1167—1173. Подпись: «Владимир Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Вольдемар Христиан Мартынович (1825—1891) — латышско-русский общественный деятель, писатель, издатель-редактор еженедельной газеты в Риге. Регулярно выступал против немецкого влияния в Прибалтике.

[2] Шульц Георг-Юлий (1808—1875) — писатель, переводчик, собиратель произведений эстонского народного творчества.

[3] Конради Евгения Ивановна (1838—1898) — писательница и переводчица.

[4] Здесь В. И. Ламанский имеет в виду следующие публикации: Донесение о волнении ливонских крестьян 1841 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 2. С. 92—98; Очерки Ливонии // Там же. С. 99—104; Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 г. // Там же. Кн. 3. С. 109—143; Справка по делу о присоединении к православию крестьян Прибалтийских губерний // Там же. С. 144—172.

[5] Сиверс Егор Петрович (1823—1879) — остзейский поэт, публицист, профессор.

[6] Скарятин Владимир Дмитриевич — публицист, с 1863 г. редактировал консервативную газету «Весть».

О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может

Впервые опубликовано: «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1884. № 4. С. 6—18. В разделе: «Славянское обозрение». За подписью: «В. Ламанский».

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Владимир Иванович имеет в виду публикацию на русском языке его предисловия к книге «Государственные тайны Венеции» (СПб., 1884, на фр. яз.). В. И. Ламанский напечатал свое предисловие в газете «Русь» (см.: № 22 за 1883 г. С. 23—41).

[2] Карлейль Томас (1795—1881) — английский публицист, историк, философ.

Фримен Эдуард (1823—1892) — английский историк.

[3] Бух Христиан-Леопольд (1774—1853) — барон, один из знаменитейших немецких геологов.

Блазиус Иоганн-Генрих (1809—1870) — зоолог, немец, профессор.

Гакстгаузен Август (1792—1866) — немецкий экономист.

[4] Бэр Карл Эрнст (1792—1876) — академик, естествоиспытатель, основатель эмбриологии.

[5] Попов Александр Николаевич (1821—1877) — историк, славянофил, славист. Речь здесь идет о появившихся в разделе «Библиографическая хроника» журнала «Отечественные Записки» в № 5 за 1847 г. двух развернутых рецензий: № 164 — на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» (М., 1847) см. с. 1—13 и № 167 — на книгу А. Н. Попова «Путешествие в Черногорию» (СПб., 1847) см. с. 20—32.

РАЗДЕЛ V.
РОССИЯ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

Славянская взаимность

Россия уже тем полезна славянам, что она существует (посвящается И. С. Аксакову)

Впервые опубликовано: Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С. 10—33. Подпись: «Владимир Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Крижанич Юрий (ок. 1618—1683) — богослов, философ, историк, экономист. Хорват. Один из первых проповедников идеи панславизма. Здесь идет речь о его прибытии в 1659 г. в Москву для пропаганды идей славянского единства.

[2] Самборский Андрей Афанасьевич (1732—1815) — протоиерей, законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей. В начале XIX в. сопровождал в Венгрию великую княжну Александру Павловну, где ему пришлось выдержать натиск противников православной веры.

[3] Броневский Владимир Богданович (1784—1835) — военный писатель. В данном случае говорится о его книге «Записки морского офицера…», вышедшей в 4-х частях. СПб., 1818—1819 гг. Второе издание. СПб., 1836—1837.

Славянские противоречия

О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта

Впервые опубликовано: «Новое время». 1886. 24 ноября. С. 1—2. Под заглавием: «Речь В. И. Ламанского в Славянском обществе». Публикация представляет собой речь ученого-слависта, произнесенную на собрании Славянского общества в зале Городской Думы в СПб. 23 ноября 1886 г.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале: «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1886. № 12. С. 556—564.

[1] Речь идет об обострившемся положении на Балканах в связи с усилением национального движения болгарских патриотов в 1885—1886 гг. за объединение турецкой провинции — Восточной Румелии с Северной Болгарией.

Сила и слабость внешней политики России

Речь в Славянском обществе

Впервые опубликовано: «Новое время». 1894. 12 ноября. С. 2—3. За подписью: «Владимир Ламанский».

Речь В. И. Ламанского была произнесена на заседании Славянского благотворительного общества 10 ноября 1894 г., посвященном памяти почившего императора Александра III. Она сразу же вызвала отклик А. С. Суворина, назвавшего в своих «Маленьких письмах» выступление В. И. Ламанского речью, «подобно которой, по своему значению и искренности, не только в стенах этого общества никогда не раздавалось, но которая и вообще у нас явление очень редкое». (См.: «Новое время». 1894. 25 ноября. С. 2). Более сдержанно, однако, и в целом критически отнесся к речи В. И. Ламанского русский консервативный публицист П. А. Гейсман (см.: Гейсман П. А. Несколько мыслей по вопросу об отношениях стратегии к политике. По поводу речи В. И. Ламанского… СПб., 1895.

Текст печатается по первой публикации.

[1] Раден Эдита Федоровна (1825—1885) — баронесса, общественная деятельница, вела обширную переписку со многими выдающимися государственными и культурными деятелями.

[2] Зуттнер Берта (1843—?) — немецкая писательница. Ее роман об ужасах войны «Долой оружие» (Дрезден, 1889) был широко известен.

[3] Предположительно, Владимир Иванович упоминает здесь Де-Воллана Григория Александровича (1847—1916), высокопоставленного чиновника Министерства иностранных дел, прозаика и публициста. В. И. Ламанский много лет был с ним знаком по совместной работе в С.-Петербургском Славянском благотворительном обществе. В годы русско-турецкой войны Г. А. Де-Воллан выполнял поручения Ламанского, находясь на службе за границей. С ним Владимир Иванович неоднократно встречался, выезжая в зарубежные поездки.

Россия и славянские народы

Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского

Впервые опубликовано: «День». 1865. № 50—51. С. 1199—1203; № 52. С. 1239—1242.

Печатается по первой публикации.

[1] Прейс Петр Иванович (1810—1846) — филолог, историк и журналист.

[2] Добровский Й. — см. ссылку на с. 906.

Суровецкий Лаврентий (1769—1827) — польский писатель, деятель Просвещения.

Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — русский филолог-славист, поэт.

Калайдович Константин Федорович (1792—1832) — русский археограф-историк, сыгравший большую роль в выработке научных приемов издания источников.

Шафарик Павел Йосеф — см. ссылку на с. 906.

Палацкий Франтишек — см. ссылку на с. 907.

Мацеевский Вацлав Александр (1793—1883) — знаменитый польский историк, идеолог общеславянского единения.

Копитар Варфоломей — см. ссылку на с. 906.

Миклошич Франц — см. ссылку на с. 907.

Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — профессор, историк и филолог.

Григорович Виктор Иванович (1815—1876) — русский славист.

Горский Александр Васильевич (1812—1875) — русский церковный историк и археограф, профессор Московской Духовной академии.

[3] Новиков Евгений Петрович (1826—1903) — ученик О. М. Бодянского, славист, писатель и государственный деятель.

Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, редактор, этнограф.

Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — филолог, славянофил, собиратель и исследователь русского фольклора.

Лавровский Петр Алексеевич (1827—1886) — исследователь-славист.

[4] Болтин Иван Никитич (1735—1792) — русский историк-славяновед.

[5] Имеется в виду главное художественное произведение Яна Колара поэма «Дочь Славы» (1824), в которой прославляется многовековая борьба славян против иноземных угнетателей.

[6] Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — критик, публицист, этнограф, профессор. Занимался славистикой. Ламанский имеет в виду его статью «Об этнографическом изучении народности русской». (См.: «Записки Русского Географического общества». 1847. Кн. 11. С. 61—115). В ней был дан подробный анализ этнографических, психологических, лингвистических особенностей русских, проживающих за границей, особенно — венгерских русинов.

[7] Гай Людевит (1809—1872) — хорватский писатель, создатель иллирийского движения в литературе. В основе идей Гая — мечта о «Великой Иллирии», которая объединит южные славянские народы.

Епископ Штроссмайер — см. ссылку на с. 907.

Рачкий Франц (1828—1894) — каноник Загребский, выдающийся славянский ученый и общественный деятель.

Кватерник Евгений (1825—1871) — хорватский политический деятель и писатель. Основной идеей Кватерника была защита исторических прав хорватов.

[8] Галликанизм — церковно-политическое движение среди французских католиков за автономию французской церкви от папы римского. Янсенизм — течение в католицизме, воспринявшее некоторые черты кальвинизма (в догмате о предопределении). Осуждено Ватиканом.

Приезд славян в Россию

Впервые опубликовано: «Санкт-Петербургские Ведомости». 1867. 8 апреля. С. 1. Без подписи.

Печатается по первой публикации.

[1] Голуховский Агенор (1812—1876) — австрийский государственный деятель, наместник Галиции. Усердно стремился к ослаблению галицких русинов.

[2] Сечени Стефан (1792—1860) — венгерский общественный деятель. Содействовал венгерскому просвещению.

[3] Духинский Франциск (1817—1880) — польский националист, этнограф. Утверждал, что русские не принадлежат к славянам.

Восточный вопрос

Восточный славянский вопрос

Впервые опубликовано: «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1887. № 9. С. 433—440. Подпись: «Владимир Ламанский». В конце дата: 6 августа 1887 г.

Печатается по тексту первой публикации.

[1] См. примечание на с. 911.

[2] Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — князь, редактор-издатель, публицист, писатель. В. П. Мещерский занимал очень осторожную позицию в Балканском вопросе, считая, что Россию не должны использовать и втягивать в военное решение национальных сербских и других славянских дел.

Западный славянский вопрос

Западнославянские вопросы занимательны для нас и в мирное время

Впервые опубликовано: «Новое время». 1884. 23 февраля. С. 1; 24 февраля. С. 1—2; 25 февраля. С. 2. Подпись: «В. Ламанский». Напечатано в «Новом времени» под заглавием: «Западнославянские вопросы, занимательные для нас и в мирное время». Публикация — речь В. И. Ламанского, произнесенная 14 февраля 1884 г. на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества в день памяти первоучителя славян св. Кирилла.

Печатается по изданию: «Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1884. № 3. С. 6—13.

[1] Хельчицкий Петр (1390—1460) — чешский мыслитель, писатель.

[2] Крашевский Юзеф Игнацы (1812—1887) — польский писатель, деятель польского национального движения.

[3] Мартынов Иван Михайлович (умер в 1894 г.) — русский археолог, публицист, в 1860-х гг. эмигрировал во Францию и вступил в орден иезуитов.

Россия и польский вопрос

Евреи и немцы в Привислянском крае

Впервые опубликовано: «Русский Вестник». 1879. № 3. С. 371—421. За подписью: «В. Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Утин Евгений Исаакович (1843—1894) — русский либеральный публицист и адвокат.

[2] Сташиц Станислав (1755—1826) — польский государственный деятель, священник, ученый и писатель. Был сторонником сближения поляков и других славян с Россией.

[3] Моджевский (Фрыч-Моджевский) Анджей (1503—1572) — польский гуманист, общественный деятель.

Защита русской народности за рубежом

Национальная бестактность

Впервые опубликовано: «День». 1861. № 2. С. 14—19. Подпись: «Владимир Ламанский».

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Имеется в виду статья Н. И. Костомарова «Ответ на выходки газеты Краковской «Время» (см.: «Основа». 1861. № 2. С. 121—138).

[2] Голуховский Агенор — см. ссылку на с. 914.

[3] Сепаратное соглашение было заключено в Вилла-Франке (Северная Италия) 11 июля 1859 г. между Францией и Австрией.

[4] Григорий Яхимович (1792—1863) — митрополит Галицкой Руси, выдающийся церковный иерарх, покровитель русской народности.

[5] То есть статья М. Н. Каткова «Наш язык и что такое свистуны», опубликованная в журнале «Русский Вестник». 1861. № 3. С. 1—38.

РАЗДЕЛ VI.
СЛАВЯНО-РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

Славянские первоучители

Кирилло-Мефодиевская идея

Впервые опубликовано: «Новое время». 1885. 13 апреля. С. 2. Подпись: «В. Ламанский».

Речь В. И. Ламанского, произнесенная на торжественном собрании Славянского благотворительного общества 7 апреля 1885 г. в СПб. по случаю 1000-летия со дня кончины св. Мефодия. На юбилей приехали в Россию многочисленные делегации зарубежных славян.

Печатается по тексту первой публикации.

Славянство и русский язык

Распространение русского языка у западных славян

Впервые опубликовано: Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 6. С. 441—447. В разделе «Современная летопись». Подпись: «В. Л.».

Печатается по тексту первой публикации.

[1] «Славянская Заря» — журнал, посвященный общеславянским интересам. Выходил в Вене в 1867—1868 гг. Редактировался и издавался галицко-русскими литераторами: И. Н. Ливчаком и Ксенофонтом Климковичем (1835—1881).

[2] «Страхопуд» — журнал. Выходил во Львове с 1862 по 1897 г.

Непорешенный вопрос. Статья 1. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И. И. Срезневскому)

Впервые опубликовано: «Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122—163. Подпись: «Вл. Ламанский».

Печатается по первой публикации.

Изучение славянства и успехи русской образованности

Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете

Чтение 1. Изучение славянства и русское народное самосознание

Впервые опубликовано: «Журнал Министерства народного просвещения». 1867. № 1. С. 116—153. За подписью: «Владимир Ламанский».

Печатается по первой публикации.

Задачи славяно-русского просвещения

О распространении знаний в России

Впервые опубликовано: «Современник». 1857. № 5. С. 1—46. Подпись: «В. Ламанский».

Печатается по тексту первой публикации.

Типографская библиотека в Москве

Впервые опубликовано: «Санкт-Петербургские ведомости». 1859. 24 октября. С. 1015—1016. Подпись: «Владимир Ламанский». В конце дата: 14 октября 1859 г.

Печатается по первой публикации.

[1] См.: Погодин М. 2-е письмо к редактору // «Русская газета». 1859. № 38. С. 235.

[2] Речь идет о статье П. А. Бессонова «Типографская библиотека в Москве, исторический очерк», опубликованной в «Русской беседе» (1859. № 5. С. 39—104) в разделе «Смесь».

Бессонов Петр Алексеевич (1827—1898) — филолог-славянофил, этнограф.

Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западнославянских землях?

Впервые опубликовано: «Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1884. № 12. С. 4—18. Подпись: «В. Ламанский». Отд. изд. СПб., 1884.

Речь, произнесенная в общем собрании С.-Петербургского Славянского благотворительного общества 15 ноября 1884 г.

Печатается по первой публикации.

[1] В данном случае имеется в виду «Словарь шести славянских языков (русского и церковно-славянского, болгарского, сербского, чешского и польского)», вышедший в 1885 г. в СПб.

[2] Рейнгольдт Александр Александрович (1856—1902) — историк русской литературы. Упоминаемая В. И. Ламанским «История русской литературы» вышла на немецком языке в Лейпциге, в 1883—1885 гг. В Германии из нее долго черпали сведения о русской литературе.

Ломоносов и борьба за русское просвещение и отечественную науку

Столетняя память М.В. Ломоносову

Впервые опубликовано: «День». 1864. № 37. С. 2—6; № 38. С. 4—7. Подпись: «В. Ламанский».

Печатается по первой публикации.

[1] Пассек Вадим Васильевич (1807—1842) — этнограф, археолог, журналист, основной автор знаменитых сборников «Очерки России» (1838—1842).

[2] «Слово» — политическая газета, издававшаяся во Львове с 1861 по 1887 гг. В разное время ее редакторами были Богдан Дедицкий и Венедикт Площанский — общественные деятели и литераторы.

«Мета» — газета, издававшаяся в 1863—1865 гг. Ксенофонтом Климковичем, сыном священника, галицийским писателем и переводчиком. Чтобы понять позицию этих изданий, надо иметь представление об острой борьбе в галицко-русском просвеще-

нии двух направлений: «москвофилов» и «украинофилов». В 60-е годы не только орган украинских сепаратистов «Мета», но и газета «Слово», в целом обычно симпатизировавшая «москалям», допускала недружественные выпады по отношению к России.

Вопросы этнографического изучения России

От редактора. Посвящается памяти дорогого товарища И. П. Минаева

Впервые опубликовано: «Живая Старина». 1890. № 1. С. XI—XLVI. Без упоминания фамилии автора.

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Минаев Иван Павлович (1840—1890) — известный исследователь буддизма, этнограф.

Комментарии Ю. В. Климакова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

РАЗДЕЛ I. ДВА МИРА: РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И ГРЕКО-СЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» 28
Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 42
Три мира Азийско-Европейского материка..... 183

РАЗДЕЛ II. ГРЕКИ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Несколько слов об отношениях русских к грекам..... 324

РАЗДЕЛ III. МУСУЛЬМАНСТВО И ВОСТОЧНЫЕ ХРИСТИАНЕ

Могущество турок-османов в Европе..... 363

РАЗДЕЛ IV. НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Г. Безбардис и немцы 389
О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может 408

РАЗДЕЛ V. РОССИЯ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ 432
Россия уже тем полезна славянам, что она существует (посвящается И. С. Аксакову) 432
СЛАВЯНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ 463
О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта 463
СИЛА И СЛАБОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 480
Речь в Славянском обществе 480
РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ 491
Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского 491
Приезд славян в Россию 515
ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС 525
Восточный славянский вопрос 525
ЗАПАДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС 539
Западнославянские вопросы занимательны для нас и в мирное время 539
РОССИЯ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС 561
Евреи и немцы в Привислянском крае 561
ЗАЩИТА РУССКОЙ НАРОДНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ 615
Национальная бестактность 615

РАЗДЕЛ VI. СЛАВЯНО-РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

СЛАВЯНСКИЕ ПЕРВОУЧИТЕЛИ 635
Кирилло-Мефодиевская идея 635
СЛАВЯНСТВО И РУССКИЙ ЯЗЫК 643
Распространение русского языка у западных славян 643
Непорешенный вопрос. Статья 1. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И. И. Срезневскому) 651

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСТВА И УСПЕХИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ 699

Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете 699

ЗАДАЧИ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 742

О распространении знаний в России 742
Типографская библиотека в Москве 791
Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западнославянских землях 802

ЛОМОНОСОВ И БОРЬБА ЗА РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ 831

Столетняя память М. В. Ломоносову 831

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ 858

От редактора. Посвящается памяти дорогого товарища И. П. Минаева 858

КОММЕНТАРИИ 902

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 17.12.2009 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 47,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)